

Сергей Вахрин

ТАЙНЫ КАМЧАТСКИХ ИМЁН

Том I

История происхождения камчатских фамилий

Камчатские родовые фамилии

История камчатских фамилий

(А-С)

Петропавловск-Камчатский

Холдинговая компания

«Новая книга»

2014

УДК 882
ББК 84(2Рос–рус)6
В22

Вахрин С. И.

В22 Тайны камчатских имён : в 2-х томах, том I / С. И. Вахрин. – Петропавловск-Камчатский, 2014. 1008 стр.

Книга Сергея Вахрина открывает многовековые тайны происхождения фамилий, которые носят коренные жители Камчатки и Командорских островов. В первом томе дается история происхождения этих фамилий, приводится алфавитный список фамилий и начинается рассказ о каждой фамилии от А до С, продолжается он от Т до Я во втором томе книги, которая уникальна громадностью и качеством собранного материала.

ISBN 987–5–87750–267–3

© С. И. Вахрин, 2014
© Холдинговая компания
«Новая книга», 2014

Описание имён Камчатки

*«...Не забудь их, моя Россия,
добрым именем помянуть!..»*

П. Комаров

Эта книга, по праву сказать, писалась Сергеем Ивановичем Вахриным целую жизнь: идея родилась в 1960-х гг., еще в детстве, а в 1980-х появился первый цикл публикаций в газете «Камчатская правда», который назывался «Камчатские фамилии», а затем – уже в 1990-х – пошли книги: «Покорители Великого океана», «Потомки остроклювого бога (камчадалы)», «Встречь солнцу», объединенные одной общей идеей раскрытия тайны истории камчатской земли и ее жителей – аборигенов, казаков-первопроходцев, зверопромышленников, народных воинов, защищавших свою землю от англо-французов и японцев, будущих создателей той Камчатки, которой по праву сегодня гордимся мы, нынешние ее жители.

Первым заметил и отметил очерки «Камчатские фамилии» Георгий Германович Поротов, который 26 декабря 1984 г. написал рецензию на эти публикации.

«Благороден труд человека, взявшего на себя работу поднять из заметы имена землепроходцев, которые дали начало русской Камчатке. Один из потомков первооткрывателей – Миронов Георгий Николаевич, так об этом сказал:

...Только товарищи знамениты:
Ермак, Дежнев, Атласов...
Водили они нас, голытьбу хмельную,
На волю – казачью родину!
Мы же – казаки Мироновы,
Записаны были однажды
В казачьи бунтовщики,
И больше ни разу не упомянуты.
Так все камчатские казаки –
Русские землепроходцы...

Певец Дальнего Востока Петр Комаров в своем стихотворении «На краю России» эту же мысль доводит до высокого звучания:

...Землепроходцы пришли босые,
Топором прорубая путь.
Не забудь их, моя Россия,
Добрый именем помянуть!..

Так что автор взял нужную для Камчатки тему. В своих исторических очерках он пробует протянуть родословную землепроходца до наших дней. Трудная миссия. Если судить по очерку «Бутины», то автор вполне справился со своей задачей. Поездка в Большерецкий и Соболевский районы (совместно с Г. Г. Поротовым и В. И. Семеновым в 1982 г. – Ред.) дала свежий, еще не перелопаченный исследователями материал. Устами Бутиных говорит сама история Камчатки, и все это подкреплено документами, фактами. Свежо.

...Желаю автору хорошо закончить благородную работу».

И вот перед нами двухтомник, как итог огромной работы, в которой по крупицам собран материал об истории одной огромной семьи народов Камчатки, породнившихся за два столетия совместного проживания и выживания на этой земле с момента ее географического открытия и до Великого Октябрьского потрясения.

Этот исторический материал, как никогда, необходим сегодня всем, в том числе и нам, законодателям, чтобы с фактами в руках определиться со статусом коренных малочисленных народов Камчатки и размытом в современном понимании исконном значении для полуострова слова «камчадал», которым в исторической литературе и в архивных документах обозначали в 18-м – начале 20-го столетий аборигенов Камчатки – самый древнейший из коренных малочисленных народов полуострова, названных в XX веке ительменами для выделения небольшой северо-западной группы аборигенов, не утративших в 20-х годах прошлого столетия свой родной язык. Камчадалы же, в большинстве своем утратившие по разным причинам родной язык, как известно, в эти же самые 1920-е гг. были записаны в документы «русскими» и восстановили свое исконное этническое происхождение только в конце прошлого века, что и породило в конечном итоге множе-

ство современных проблем по восстановлению этнических прав аборигенов и появлению на Камчатке нового современного «этноса» – «лжеКМНС», связанного с реализацией прав коренных малочисленных народов Камчатки на рыболовство, как обеспечение традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности. Поэтому по поручению Комитета по рыболовству Законодательного Собрания Камчатского края прошлого созыва Сергей Иванович Вахрин, помимо своей писательской работы, проделал еще одну – он собрал исторические сведения практически обо всех камчатских фамилиях, которые существовали на полуострове до 1893 года, и сегодня, благодаря этим исследованиям, с уверенностью можно сказать о том, что потомки камчадалов и русских старожилов Камчатки, родившихся до 1893 года (а точнее до 1908 года – до начала реализации столыпинских реформ о свободном заселении Камчатки выходцами из центральных российских губерний), являются представителями одной семьи народов Камчатки камчадалами-аборигенами и камчадалами «русской крови» (как писалось в старинных документах). И, таким образом, создается реальная основа для разработки законодательного статуса камчадалов, как коренных малочисленных народов Камчатки, позволяющих восстановить свое исконное право на этническое происхождение для природных камчадалов (в том числе и «русской крови») и исключить из этого списка коренного народа Камчатки всех к нему «примкнувших». Это очень серьезная и важная задача, решение которой позволит в значительной степени освободить великие лососевые реки Камчатки от браконьеров, скрывающихся сегодня под личной «лжеКМНС».

Но это все же не главная, а второстепенная (попутная) задача. Главное заключается в том, что эта книга привлекает самое пристальное внимание к истории камчатских фамилий. Точнее, каждая камчатская старинная фамилия – это кладезь для истории Камчатки в целом. Никто еще не задумывался над этим и ни в одном исследовании столь глобально не отражена история камчатских фамилий и роль представителей этих фамилий в тех исторических процессах и событиях, которыми жила Камчатка на протяжении целого ряда столетий.

Но и это еще не конец – это только начало для продолжения работы по истории камчатских фамилий. Вы обратите, конечно, внимание, что огромный пласт материалов этой книги собран

самими потомками старинных камчадальских фамилий – Спешневыми, Селивановыми, Аббакумовыми, Григорьевыми, Келтякиными, Логиновыми-Лонгиновыми... – всех и не перечислить. И потому я уверен, что Сергею Ивановичу Вахрину в скором времени нужно будет готовиться к переизданию основной части этого двухтомника – «Истории камчатских имён», которую обязательно дополнят потомки тех камчадальских фамилий, которым есть что рассказать об истории своей семьи, но которые (по разным причинам) не успели или не смогли этого сделать раньше.

А мы, со своей стороны, обязательно поможем автору, чтобы эти исторические материалы, сведения, факты, воспоминания, фотографии были увековечены в камчатской истории.

*Роман Георгиевич Гранатов,
Заместитель Председателя Законодательного Собрания
Камчатского края, председатель Комитета
по природопользованию, аграрной
политике и экологической безопасности*

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга – плод труда многочисленных исследователей истории Камчатки и потомков тех, кто родился и вырос на полуострове. Трудно перечислить всех, кто прямо или косвенно участвовал в создании этой книги, начиная с отчетов первых землепроходцев, в которых названы имена тех, кто навсегда оставил свою фамилию в истории нашей земли – Владимир Атласов, Иван Козыревский, Афанасий Шестаков...

Степан Петрович Крашенинников, Карл фон Дитмар, академик Владимир Леонтьевич Комаров собрали в своих научных описаниях полуострова не только сведения о животном и растительном мире Камчатки, но и целую россыпь сведений о представителях родовых фамилий полуострова – аборигенах и русских старожилах, об истории камчатских династий.

Но самый большой вклад по сбору материалов о камчатских фамилиях внесли, безусловно, камчатские краеведы и потомки камчадалов (и аборигенов, и породнившихся с ними русских казаков, крестьян, церковно- и священнослужителей, а также мещан – горожан).

Всех их невозможно перечислить, так как материал собирался в буквальном смысле по крупицам. Но не могу не назвать Елену Павловну Абрамову (архивариуса и представителя семьи камчадалов Чуркиных), Ирину Васильевну Витер (камчатского историка), Викторию Зиновьевну Михайлову (руководителя краеведческого клуба «Камчадал» в с. Мильково из династии камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых), Виктора Ивановича Борисова (издавшего несколько книг воспоминаний камчадалов о своих родовых корнях), Владимира Ивановича Самборко (потомка крутогорских камчадалов Килтякиных – Кинтякиных-Колтякиных-Келтякиных – и украинца из Каменец-Подольска Саввы Макаровича Самборко), дочь известного краеведа из Соболевского района, заслу-

женной учительницы России Елизаветы Федоровны Радьковой (в девичестве Спешневой) – Надежду Лысогор, журналиста и краеведа Нину Толман, библиотекарей Соболевской библиотеки, участников форума сайта «Камчадалы.ру».

И, конечно, не могу я не назвать представителей славного рода камчадалов Аббакумовых – Абакумовых. Нина Николаевна Аббакумова (сейчас Зеленкова) преподает в средней школе села Коряки и успешно занимается краеведением. Благодаря ей собран великолепный материал для очерка «Просветительница из Малок», посвященный ее матери, представителю известной в России (особенно в Сибири) фамилии Болдыревых, породнившейся с малкинским родом камчадалов Аббакумовых.

Но особенная благодарность ее братьям Андрею и Владимиру, благодаря помощи которых на форуме сайта «Камчадалы.ру» (www.kamchadaly.ru) появились разделы, посвященные истории камчатских фамилий, которыми сегодня может пользоваться каждый желающий, имеющий доступ в Интернет. И не только пользоваться, но и активно пополнять разделы собственными материалами из семейных архивов – фотографиями, воспоминаниями, легендами...

История камчатских династий – это наша общая история, проходящая через судьбы отдельных родов, семей и конкретных людей. История камчатских династий – это детализированная история Камчатки, имеющая не только общие крупные корни, но и отдельные небольшие ветви и даже маленькие листочки. Тем она и ценна. Впрочем, судить об этом будут те, кто прочтет эту книгу – плод коллективного многовекового труда.

*Сергей Вахрин,
член Союза писателей России*

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАМЧАТСКИХ ФАМИЛИЙ

История происхождения камчатских фамилий отражает один из важнейших этапов сближения коренных жителей полуострова и русских колонистов. Колонизация Камчатки, как известно, процесс весьма не простой – это и бунты камчадалов, это и эпидемии заразных болезней, опустошающие камчадальские и русские остроги и острожки, это и насильственные переселения аборигенов с западного побережья на восточное, а также в центральную часть Камчатки, для сохранения транспортной связи (называемой в народе «каюрной гоньбой») между населенными пунктами и резиденциями камчатской администрации в Большерецком, Верхне- и Нижнекамчатских острогах или в Петропавловском порту.

Великая Октябрьская социалистическая революция внесла в жизнь коренного населения Камчатки целый ряд весьма значительных перемен – им было разрешено свободное расселение (а до этого аборигены не имели права свободного переселения, так как платили ясак и были приписаны к конкретному населенному пункту), а в 1926 году коренных жителей южной Камчатки (около тридцати поселков в современных Соболевском, Усть-Большерецком, Мильковском, Елизовском, Усть-Камчатском районах) объявили русскими, так как они утратили свой собственный язык и переняли обычаи, традиции и культуру русских людей.

И только фамилии этих камчатских жителей позволяют достоверно установить, кто они по своему историческому происхождению – природные камчадалы или русские старожилы (потомки казаков, матросов и солдат, промышленников – зверобоев, крестьян, мещан, ссыльнопоселенцев или церковно- и священнослужителей).

Сегодня эти данные о своем происхождении потребовались многим коренным жителям Камчатки, которые хотели бы восстановить свою национальность: ведь в 2000 году камчадалы добились официального признания названия своего народа, которое известно еще со времен похода Владимира Атласова, присоединившего в 1697 году Камчатку к России, но которое не было официально признано в советское время и заменено на другое название народа – «ительмены», существующее и по сей день на северо-западе полуострова в Корякском автономном округе, где в 1926 году местные аборигены продолжали еще говорить на своем национальном языке.

Согласно исследованиям С. П. Крашенинникова, камчадалскими (ительменскими) или курильскими (по названию жителей южной Камчатки – куру (айну) или курильских камчадалов) были следующие села, многие из которых существовали еще в первые десятилетия Советской власти вплоть до времен лососевой экологической катастрофы в связи с крупномасштабным японским дрейфтерным промыслом в 1950–1970-х гг. и «борьбы с неперспективными селами», когда пошел процесс укрупнения и разрушения мелких поселений, как это было по всему Советскому Союзу в 1960-х годах: Апачин (Каликин), Начикин (Мышху), Утка (Усаул), Кихчик (Чаапынгак, Кыгынумт, Чачамжу), Кол, Воровское, Паратунка (Камарчин), Ганалы (Чаничев), Машура (Кунупочич), Шапин (Шепен), Толбачик (Тулуачь), Козыревск (Накшин, Колю), Колпаковский (Шкуажчь), Крутогоровский (Тахлютаынуум, Тахлаатынуум), Оглукоминский (Такаут), Ичинский (Оаут), Сопочный (Сичикан), Морошечный (Адагут), Белоголовый (Мильхия, Мильх), Хариузовский (Гунтын – Макайлон), Брюмкин (Ковранский), Камаки (Пеучев, Шванолом), Харчинский (Усть-Еловский), Еловка (Верхнееловский, Колилюнуч), Напана, Аманино, Утхолокский, Кахтана. У Крашенинникова не указаны только села Шаромы, Кирганик, Ушки, Явино, Голыгино, Малка, Седанка и Коряки.

Всеполярная перепись 1926 года бесстрастно зафиксировала, что жители всех этих сел называют себя камчадалами. Но этнографы с этим не посчитались.

К счастью, сохранились фамилии, которые смогли многое рассказать о коренных камчатских династиях (аборигенов и русских старожилов) и с их помощью многие камчадалы смогли восстановить историческую справедливость.

Фамилии свои камчатские аборигены получили, как правило, в XVIII (реже в XIX) веке при крещении. Крестными отцами выступали (не только очно, но и заочно) русские казаки, матросы, промышленники, крестьяне, ссыльные и сами священники.

Камчатка в тот период была разделена на три присуда-района. В Большерецкий (где ясак взимали казаки из Большерецкого острога, и которые, соответственно, участвовали в крещении аборигенов этого присуда) входили острожки Апача, Начика, Утка, Кихчик, Немтик, Кол, Воровской. Для этого присуда характерны следующие фамилии казаков: Елисеев, Шадрин, Борисов, Соболев, Укусников, Слободчиков, Кривогорницын, Сторожев, Лукашевский, Новограбленный, Антонов.

К Верхнекамчатскому присуду относились села Ганалы, Машура, Щапино, Толбачик, Козыревск, Колпаково, Крутогорово, Облуковина, Ича, Сопочная, Белоголовое, Хариузово, Ковран. Фамилии казаков (и других участников этих «крестовых» походов), выступавших в роли крестных отцов, – Краснояроров, Борисов, Слободчиков, Дьяконов, Заев, Садовников, Баранников, Наянов, Бекеров, Вагин, Пермяков, Машихин, Беляев, Дурынин.

К Нижнекамчатскому присуду относились села Камаки, Еловка, Харчино, Ушки, Тигиль, Напана, Аманино, Утхолок. Характерные фамилии казаков – Кузнецов, Расторгуев, Шишкин, Арефьев, Саламатов, Панов, Осьминин, Черных, Колегов.

Помимо казаков участие в крещении принимали камчатские мореходы – Бутин, Сметанин, Петров, Неводчиков, Ключев, Турнаев, купцы Трапезников и Красильников, ссыльный Запороцкий.

Но самый большой вклад в камчатские фамилии внесли, конечно же, камчатские священники: представители династии Лазаревых, Волковых, Черных, Верещагиных, Чуркиных, Никифоровых, Логиновых-Лонгиновых, Сновидовых, Колле-

говых, миссионеры Ласточкин, Притчин, Хотунцевский, Климовский, Неводчиков, Шишкин, Софрыгин, Правозеров, Шергин и др.

Интересно проследить динамику продвижения по Камчатке фамилий священнослужителей, которые позже, в период появления Камчатской епархии, служили на огромной территории Дальнего Востока и Русской Америки (материал взят из моего очерка «Предыстория Камчатской епархии», Краеведческие записки, 1993 г. и книги А. И. Белашова «Очерк истории Петропавловской и Камчатской епархии», книга вторая, 2006 г.):

1716 год

«В июле 1716 г. для исполнения духовных треб в Якутск и камчатские остроги из Тобольского Знаменского монастыря был послан иеромонах Иосиф Лазарев с сыном. Ему был положен очень значительный по тем временам оклад в 40 руб., 96 пудов хлеба и 5 пудов соли». Умер 8 мая 1736 года. Сын Андрей, выполняющий при отце обязанности причетника (дьячка и пономаря), женился на камчадалке и погиб в Нижнекамчатске во время Харчинского бунта 1731 года.

1741 год

4 июня 1741 года освящена первая камчатская церковь – Успения Пресвятой Богородицы в Нижнекамчатском остроге. Священник Ермолай Иванов (умер в 1749 г.), дьячок Михаил Ермолаев Иванов.

1743 год

Иркутским епископом Иннокентием присланы священники в церковь Успения Пресвятой Богородицы в Большерецком остроге Михаил Сивцов (дьячок камчадал Шарыпов) и в подаренную Витусом Берингом бывшую походную церковь Рождества Пресвятой Богородицы – Филиппа Волкова (умер в 1750 г.), дьячок Михаил Волков, родной брат священника.

При Верхнекамчатской часовне служил дьячком казачий сын Василий Чуркин.

1745 год

Священником Верхнекамчатской церкви определен Симеон Васильев (умер в 1750 г.), дьячком его сын Евсевий, пономарем – якутский казачий сын Кореев.

Пополнен притч Большерецкой церкви из миссионерской свиты архимандрита Камчатского: архидиаконом Авксентием, дьячком из якутских казачьих детей Петром Даниловым и «пономарем, вскормленником находившейся на устье р. Камчатки заимки Якутского Спасского монастыря Стефаном Софрыгиным».

1756 год

Иркутским епископом Софронием Кристалевским был рукоположен в священники сын Симеона Васильева Евсевий (на место умершего отца) и Стефан Софрыгин (направленный в Тигильскую Христорождественскую церковь).

1758 год

Епископ Софроний рукоположил в священники Стефана Никифорова (Нижнекамчатская Успенская церковь, жена – дочь священника Ермолая Иванова – Ирина), Максима Лазарева (Ключевская Троицкая церковь, умер в 1768 г.), Иоанна Уваровского (Ичинская Вознесенская церковь, умер также в 1768 г. от оспы).

1761 год

Епископ Софроний рукоположил в священники Петра Логинова (Большерецкая Успенская церковь, умер в 1771 г.).

1762 год

На место Филиппа Волкова в Петропавловскую Богородско-Рождественскую церковь рукоположен епископом Софронием Василий Кореев.

1767 год

14 ноября рукоположен в священники Роман Васильевич Верещагин и определен в Нижнекамчатскую Николаевскую церковь.

1776 год

24 ноября в Иркутске на место умершего Петра Михайловича Логинова определен и рукоположен в Иркутске сын отставного казачьего пятидесятника Леонтия Черных – Георгий (умер 18 мая 1786 г.).

Вместе с ним был рукоположен и назначен священником Ичинской Вознесенской церкви «вскомленник» ссыльного лейб-гвардии Измайловского полка сержанта Ивана Кириаковича Сновидова – Иоанн.

1777 год

7 января рукоположен и определен в Ключевскую Троицкую церковь сын ключевского тойона Лыкоча (Никиты Евдокимовича Коллегова) Григорий (умер 27 февраля 1797 г.).

1779 год

Тигильская Христорождественская церковь, священник Петр Попов.

1797 год

На место умершего священника Григория Никитовича Коллегова определен его сын Михаил (скончался в сентябре 1852 г.), рукоположенный в сан священника Иркутским епископом Вениамином 21 апреля.

1808 год

Нижнекамчатск, церкви Успения Божьей Матери и Святителя и Чудотворца Николая, духовные:

протопоп Никифор Стефанов Никифоров;

священник Иоанн Романов Верещагин;

священник Алексей Петров Логгинов (так записал эту фамилию иеромонах Гедеон, проводивший ревизию камчатских церквей в 1803–1808 гг.);

диакон Михаил Стефанов Никифоров;

дьячок Стефан Михайлов Никифоров;

пономарь Петр Михайлов Никифоров.

Парохиальные (приходские клирики):

дьячок Василей Васильев Шишкин;

пономарь Андриан Михайлов Никифоров;
диакон Михаил Стефанов Никифоров;
дьячок Стефан Михайлов Никифоров;
пономарь Петр Михайлов Никифоров.

Большерецкая церковь Успения Пресвятой Богородицы.
священник Алексей Георгиев Черных;
дьячок Иоанн Петров Логгинов;
пономарь Петр Николаев Логгинов.

Верхнекамчатская церковь Богоявления Господня.
священник Федор Романов Верещагин;
священник Георгий Максимов Лазарев;
дьячок Никита Георгиев Черных;
пономарь Иоанн Георгиев Лазарев.

Гаванская (Петропавловская) церковь Рождества Пресвя-
ты Богородицы.
священник Александр Георгиев Черных;
дьячок Федор Федорович Верещагин;
пономарь Алексей Николаев Логгинов.

Тигильской крепости церковь Рождества Христова.
священник Леонтий Георгиев Черных;
дьячок Афанасей Романов Верещагин;
пономарь Михаил Алексеев Логгинов.

Ключевская церковь Живоначальной Троицы.
священник Михаил Григорьев Колегов;
дьячок Игнатий Георгиев Колегов;
пономарь Алексей Васильев Шишкин.

Ичинская церковь Вознесения Господня.
священник Иоанн Иоаннов Сновидов;
священник Петр Иоаннов Сновидов;
дьячок Александр Иоаннов Сновидов;
пономарь Никифор Романов Верещагин.

1823 год

В Мильково 13 января освящена перенесенная сюда из Верхнекамчатского острога церковь Богоявления Господня.

1826 год

26 ноября в Петропавловске освящен собор во имя святых апостол Петра и Павла. Протоиерей Никифор Никифоров.

1834 год

Прибыли «два священника – Стефан Вениаминов и Игнатий Правоверов, назначенные к предположенным дранкинской и лесновской церквям».

1837 год

27 ноября в Нижнекамчатске «...умер и приложился к праху своего родителя Камчатский протоиерей Никифор Никифоров».

1838 год

Построена новая церковь в Гижиге – Спасская. Священник-миссионер Стефан Вениаминов.

1843 год

Перенесена из Лесной церковь в Палану – Лесновско-Паланская Николаевская церковь. Священник Стефан Вениаминов, брат епископа Камчатского.

Камчатский архиерей Иннокентий (Иннокентий Вениаминов, митрополит Московский и всея Руси, апостол Сибири и Америки) 12 января в Тигильской Христорождественской церкви произвел первое рукоположение священника. Им был выпускник Камчатского духовного училища Алексей Логинов (с новой династической линией – Лонгинов).

1844 год

На базе Гижигинской церкви стала действовать Анадырская миссия, или Гижигинская Благовещенская церковь.

Священник Роман Иоаннов Верещагин, пономарь Иннокентий Иоаннов Трифонов.

1848 год

Священником Гижигинской церкви назначен Никифор Петрович Никифоров (служил в ней до 1882 года). Дьячок – Иоанн Андреевич Сновидов.

1864 год

Рукоположен в священники Иоанн Андреевич Сновидов, который прослужил в Гижигинской церкви до 1893 г.

1872 год

Ичинская Вознесенская церковь перенесена в село Облуквино.

1886 год

Градо-Петропавловский собор.

Благочинный камчатских церквей и приходов протоиерей настоятель собора Петр Апполинариев Донской.

Священник Владимир Петров Донской, диакон Григорий Михайлович Коллегов, исправляющие должность псаломщика Зинов Иоаннов Иванов, Трифон Хабаров.

Мильковская Богоявленская церковь.

Священник Иоанн Александров Титов, исправляющие должность псаломщика Симеон Сипаев, Александр Андреев Благовидов.

Ключевская Троицкая церковь.

Священник Иаков Васильев Крохмалев, исправляющие должность псаломщика Ксенофонт Иванов Михайлов, Петр Ксенофонов Михайлов.

Нижнекамчатская Успенская церковь.

Священник Геронтий Коллегов, заштатный священник Иона Петров Никифоров, исправляющие должность псаломщика Петр Ионов Никифоров, Георгий Симеонов Сновидов.

Дранкинская Иннокентьевская церковь.

Миссионер священник Илия Иоаннов Пляскин, исправля-

ющий должность псаломщика Анфим Иоаннов Шергин, пономарь Игнатий Николаев Ощепков.

Паланская Николаевская церковь.

Священник Алексей Лонгинов, исправляющие должность псаломщика Василий Алексеев Лонгинов, Сергей Петров Донской.

Тигильская Христорожественская церковь.

Священник Иннокентий Ильин Коллегов, исправляющие должность псаломщиков Василий Геронтиев Коллегов, Николай Алексеев Лонгинов.

Облуковинская Вознесенская церковь.

Священник Андрей Владимиров Серебренников, исправляющие должность псаломщиков Владимир Серебренников, Алексей Владимиров Серебренников.

Большереецкая Успенская церковь.

Священник Иван Иосифов Попов, исправляющие должность псаломщиков Осип (Иосиф) Сторожевский, Константин Петров Лонгинов, заштатный дьячок Иоаким Федоров Верещанин.

Гижига, округ (стан) Корякской миссии.

Миссионер-священник Петр Лонгинов.

1889 год

Священником в Гижигинскую церковь определен потомок первого Тауйского священника Петр Алексеевич Черных (служил до 1907 г.).

Конечно, перечисленные фамилии крестных отцов (казачков, купцов, мореходов) и священников не исчерпывают весь список, более того, пока мы в основном ограничились только фамилиями, полученными аборигенами Камчатки. Да и из этой группы мы взяли только наиболее характерные, чтобы выде-

лить общую закономерность формирования и распространения камчатских фамилий. Время, естественно, внесло свои коррективы: так, например, фамилия курильцев (курильских камчадалов, айну) Лукашевских оказалась (в связи с переселением курильцев на Камчатку) в с. Ганалы, а затем и в селе Начики; фамилия машуринских камчадалов Мерлиных из долины реки Камчатка – в с. Голыгино на западном побережье полуострова; ряд западнокамчатских фамилий, наоборот, появляется в долине реки Камчатка в связи с переселением сюда жителей северных поселков, которых обошла стороной эпидемия оспы.

Чтобы представить себе масштабы обрушившейся на Камчатку катастрофы, мы приведем пример с одним из крупнейших острогов долины реки Камчатки (устье современной реки Хапиды) – Капичурер, или Капитовский (Капитовка): К. Дитмар пишет: «...мы прошли мимо остатков... острога Капитовского, находящихся на правом берегу реки, и этот острог в доброе старое время был очень оживлен и имел зажиточное население, теперь же он совершенно опустел». Во времена С. П. Крашенинникова здесь числилось 32 ясачных плательщика (взрослых мужчин, глав семейств). Все население вымерло в зиму 1799/1800 гг. во время эпидемии «гнилой горячки», завезенной вместе с полком генерала Сомова. В 1812 году этого поселения, судя по архивным материалам, уже не существовало.

То же самое случилось и с острожками Каменный и Щековский в долине реки Камчатка, которые уже никогда более не были восстановлены, а оставшиеся в живых жители расселены по окрестным селам, более нуждающихся в «каюрах».

Восстанавливали только те обезлюдившие населенные пункты долины, которые были необходимы для поддержания «каюрной гоньбы» – зимнего камчатского «тракта», движение по которому, связывающему Нижнекамчатский и Верхнекамчатский остроги с Петропавловским портом и Большерецким острогом, поддерживалось с помощью нартовых упряжек и, соответственно, – камчадалов-ездовых.

Каждое такое переселение строго фиксировалось в документах, и при желании их можно было бы разыскать и просле-

дить историю практически любой камчатской фамилии, тем более что в дореволюционное время «инородцев» строго учитывали и каждые 10 лет составлялись так называемые «ревизские сказки» – перепись «ясакоплательщиков». Но, к сожалению, от этих архивных документов мало что осталось.

К началу XX века в камчадальских (то есть аборигенных) селах доминировали две-три основные фамилии на село, и на основе того, что нам удалось собрать, мы можем их сейчас назвать:

Село Аманино – Няяновы;

Апача – Антоновы, Загайновы, Пановы, Тезкины, Уваровские, Черных;

Белоголовое – Заевы, Слободчиковы;

Воровское – Спешневы, Трапезниковы;

Воямполка – Баранниковы, Лазуковы, Панкарины;

Ганалы – Дурынины, Лукашевские, Осьминины;

Голыгино – Астафьевы, Бутины, Коневы, Мерлины, Притчины;

Еловка – Турнаевы, Чурины;

Ича – Петровы, Сновидовы, Тескины, Уваровские;

Камаки – Кузнецовы, Расторгуевы;

Кахтана – Баранниковы, Бекеровы, Жилияковы, Жуковы, Мохнаткины;

Кинкиль – Няяновы, Шмагины;

Кирганик – Мерлины, Пермяковы, Чуркины;

Кихчик – Кривогорницыны, Укусниковы;

Ковран – Притчины, Слободчиковы;

Козыревск – Кречетовы, Рыковы, Сысоевы, Чуркины;

Кол – Костинские;

Колпаково – Волковы, Наседкины, Слободчиковы, Толстихины;

Крутогородо – Борисовы, Ворошиловы, Кинтякины (Колтакины), Поповы;

Лесная – Белоусовы, Нестеровы, Суздаловы, Ягановы;

Малка – Аббакумовы, Волковы, Пановы, Пермяковы;

Машура – Докучаевы, Красильниковы, Пермяковы, Потоповы;

Морошечное – Дьяконовы, Запороцкие, Садовниковы;
Напана – Наседкины, Протунцевские, Ягановы;
Начики – Бурнашевы, Уваровские;
Облуковина – Климовские, Кузьмины, Петровы, Сновидо-
вы, Соболевы;
Палана – Мохнаткины, Никифоровы, Шамагины;
Седанка – Бекеровы, Запороцкие, Пономаревы, Федотовы;
Сопочное – Волковы, Жирковы, Павлущики, Слободчи-
ковы;
Толбачик – Метевские, Слободчиковы;
Утка – Николаевы, Сторожевы, Яцкие;
Утхолок – Заевы, Ласточкины, Слободчиковы, Суздаловы;
Ушки – Жировиковы, Ключевы, Ощепковы, Тюменцевы;
Хайрюзово – Бобровские, Даниловы, Краснояровы, Тра-
пезниковы, Шадрины;
Харчино – Ключевы, Сновидовы;
Щапино – Беляевы, Краснояровы, Мерлины;
Явино – Бутины, Дехтеревы, Игнатьевы.

В Центральном государственном архиве ДВ РСФСР в г. Томске (ф. 1044, оп. 1, д. 129) мне в свое время посчастливилось обнаружить практически полный список народных ополченцев Камчатки, принявших участие в обороне нашего полуострова от японцев в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Полностью он опубликован в очерке «Хроника неоконченной войны» (см. том II), чтобы, во-первых, увековечить имена героев, благодаря героическому подвигу которых Камчатка осталась за Россией (в 1930-х годах большинство из ополченцев, в том числе и за то, что они состояли «в жандармских дружинах», были объявлены японскими шпионами по «Тигильскому делу» и делу «Автономная Камчатка» и репрессированы), а во-вторых, восстановить фамильное ядро многих современных камчатских родов, ведь в народное ополчение, как правило, записывались зрелые мужчины – многодетные отцы камчатских семейств того времени, деды и прадеды наших современников-камчадалов.

До 1917 года практически в первозданном (как в XVIII–

XIX веках) виде сохранялись и русские остроги, и села Камчатки с их населением – казаками (Нижекамчатск, Верхнекамчатск, Большерецк, Усть-Камчатск, Сероглазка и Тигиль) и крестьянами (Мильково, Ключи, Николаевка, Паратунка), мещанами (г. Петропавловск-Камчатский с «выселками» – Старый Острог, Халактырка).

В 1838 году в Нижекамчатске (исключая династии казаков, которые были переведены в Усть-Приморск) проживали крестьяне и мещане: Иван Абросимов, Кузнецов, Выходцев, Портнягин, Шевырин, Шишкин, Попов, Греченин, Мальцов, Никитин, Казаринов, Сновидов, Соснин.

В Верхнекамчатске казаки были переведены в крестьянское сословие в связи с расформированием казачьей команды. Это Зимины, Дурынины, Машихины.

Большерецкий острог после расформирования казачьей команды и перевода ее в Усть-Приморск населяли крестьяне (Кравченко, Бречаловы, Игнатьевы) и отставные казаки (Селивановы).

Усть-Камчатск, Тигиль и Петропавловск с выселками (Сероглазка, Халактырка) были казачьими населенными центрами вплоть до 1917 года.

По данным архива за 1832 г. в Мильково, основу которого составляли крестьяне-переселенцы из Усть-Илимского края, прибывшие на Камчатку в первой половине XVIII века, проживали представители следующих фамилий: Коксаров (Кошкарев), Бобряков, Соснин, Михайлов, Подкорытов, Потапов, Попов, Пинигин, Краснояров, Петров, Плотников (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, 12).

Формирование населения села Ключи происходило как за счет крестьян-переселенцев из Сибири в первой половине XVIII века (Голых), так и из жителей Нижекамчатского острога, которые по разным причинам переходили в крестьянское сословие (Удачин) и переселялись в Ключи.

Население Старого Острога (Завойко, Елизово) формировалось из разных сословий: мещан (из потомков отставных казаков и солдат) – Машихины, Винокуровы, и крестьян – Заочные, Бибиковы.

Население села Авача было представлено представителями различных сословий и групп: крестьян и мещан, а также служащих по казачьему или морскому ведомству.

Население Николаевки и Паратунского куста (Паратунские ключи, Озерновский) – из отставных солдат Камчатского гарнизонного батальона (мещан и крестьян) и крестьян, прибывших на Камчатку при губернаторе В. С. Завойко.

Практически все население русских казачьих, крестьянских и мещанских сословий находилось в тесном родстве с коренным населением полуострова и фактически все русские старожилы Камчатки, проживавшие на данной территории до 1908 года, являются камчадалами (аборигенами) «русской крови», как и писалось в свое время в официальных бумагах XVIII–XIX веков (Белашов А. И., «Очерк истории Камчатской и Петропавловской епархии», 2006 г., стр. 25).

В 1908–1912 годах в связи с началом массового переселения жителей центральной России в Сибирь и на Дальний Восток и началом развития рыбной промышленности в области появляются новые села и поселки на Камчатке – Запорожье, Тарья, вторая Николаевка (в шести верстах от Усть-Камчатска), Перфильевка (с. Жупаново), Утербергерово (п. Озерновский), Опала (Отрадное) и другие.

В 1930-х годах в связи с мощным развитием прибрежного рыболовства на Камчатке возникают десятки новых поселков – рыболовецких колхозов и рыбоперерабатывающих комбинатов. Население Камчатки стремительно разрасталось, и маленький островок из коренного населения полуострова (камчадалов и породнившихся с ними русских старожилов) потерялся среди моря приезжих, которые, прожив на полуострове не один десяток лет и став старожилками Камчатки, тоже стали гордо называть себя камчадалами.

Династий коренных старожилов на полуострове сегодня уже даже не десятки, а многие сотни, и каждая из них также заслуживает особого внимания и изучения, так как составляет часть нашего общего исторического наследия.

В настоящее время «исконно» коренное (выделенное советскими этнографами) население полуострова Камчатка – итель-

мены – проживает только на территории Тигильского района: в Тигиле, Ковране и Хайрюзове. Несколько семей осталось в с. Усть-Хайрюзове, Седанке, Палане. Сравните: по первой Всероссийской переписи населения 1897 г. аборигены-ительмены (записанные в переписных листах как камчадалы) проживали в 35 населенных пунктах. Это Пущино, Шаромы, Кирганик, Машура, Щапино, Толбачик, Козыревск, Ушки, Харчино, Еловка, Камаки, Коряки, Явино, Гольгино, Начики, Апача, Ганалы, Малка, Утка, Кихчик, Кол, Воровское, Колпаково, Крутогорovo, Облуковина, Ича, Сопочное, Морошечное, Белоголовое, Хайрюзово, Ковран, Утхолок, Напана, Седанка, Аманино.

Но так как на ительменском языке говорили только жители последних восьми сел, то только их и признают ительменами, что же касается остальных сел, то там, как отмечали этнографы, «жили так называемые камчадалы, которые очень близки по быту, материальной культуре и даже внешнему облику с изучаемой нами народностью (ительменами. – С. В.)».

Но кто же такие камчадалы и к какой нации или народности они должны относиться?

Известно два толкования слова «камчадалы»: во-первых, так называли коренных жителей Камчатки – будущих после 1926 года «официальных» ительменов – казаки в XVIII–XX вв.; во-вторых, так называли потомков русских жителей Камчатки (казаков, крестьян, торговцев, священников), рожденных от смешанных браков с местным коренным населением.

В таком случае камчадалы – это либо ительмены, либо русские с ительменской, курильской, корякской, чуванской или чукотской кровью (поэтому в Магаданской области также проживают современные камчадалы).

Каким же образом можно установить, кто на самом деле проживал в этих селах (ительмены или русские), если для исследователей это не представлялось возможным из-за общего сходства быта, материальной культуры, внешнего облика жителей Камчатки? За основу для объективной оценки в этом случае был взят язык, на котором говорили жители того или иного населенного пункта: на родном, ительменском, говори-

ли, таким образом, ительмены, на русском – русские. Дешево – и сродно. Поэтому жители всех неительменоязычных камчадалских сел полуострова были записаны русскими.

На наш взгляд, дифференциация камчадалов на русских и ительменов по одному только языковому признаку была достаточно категоричной, тем более что на полуострове за 200 лет со времени прихода первых русских землепроходцев по весьма специфическим и объективным условиям сложился особый разговорный язык – камчатское наречие русского языка.

Но не это главное. Давайте, прежде всего, ответим на вопрос о том, какие причины могли побудить ительменов забыть родной язык и повсеместно, за исключением небольшой труднодоступной, практически изолированной территории, вмещающей восемь сел, перейти в своем повсеместном общении на русский язык.

Вспомним, например, что в период массового крещения ительменов на Камчатке была создана целая сеть школ, преподавание в которых велось только на русском языке и «новокрещенные инородцы» обучались русской грамоте, чтобы читать церковные книги.

Уже в 1745 году были открыты первые школы на Камчатке. «Камчатка в середине XVIII в. в отношении сети школ выглядела самым культурным, самым образованным уголком Российской империи» (Браславец К. М. «Диалектологический очерк Камчатки», с. 58). Правда, это был все-таки не очень продолжительный период в истории камчатского просвещения, но, тем не менее, он сыграл свою, безусловно, очень важную роль в ассимиляции языков и выработке общекамчатского наречия русского языка. Но это не главная причина – в основном переход на камчатское наречие произошел после 1768 и 1800 годов, когда обрушившиеся на полуостров эпидемии различных болезней унесли тысячи жизней, в результате чего обезлюдели десятки поселков, расположенных в зоне так называемой «каюрной гоньбы» – вдоль главной транспортной линии полуострова, связывающих самые густонаселенные районы полуострова. Чтобы восстановить транспортную связь между камчатскими административными центрами, эти «мертвые»

поселки заселялись людьми из отдаленных, незатронутых эпидемией мест с юго-западной, северо-западной и юго-восточной части полуострова, где местные аборигены разговаривали на особых локальных диалектах и плохо понимали друг друга. И, естественно, аборигены для общения не имели никакого выбора, кроме камчатского наречия русского языка.

То есть с языком не все так просто, чтобы исключать из списка коренных малочисленных народов Севера аборигенов Камчатки – камчадалов и камчадальских курильцев (айну, курильских камчадалов – жителей Курильской землицы, о которой писал еще С. П. Крашенинников), а также породнившихся с ними русских старожил.

В таком случае, если быть справедливым в отношении ко всему камчадальскому народу, за основу определения национальных признаков необходимо брать не тот язык, который был зафиксирован в отдельных северо-западных селах этнографами в 20-х годах прошлого столетия, являющегося, по мнению современных лингвистов, камчадальским наречием корякского языка, а тот, что исконно принадлежал его жителям в начальный период заселения Камчатки русскими. Но такого языка уже не существует!

С. П. Крашенинников называет нам существовавшие еще в его бытность на Камчатке аналоги русских названий поселений аборигенов на их собственном языке. Если поднять все последующие перечни камчадальских поселений, то мы легко отыщем эти названия в списке именно «инородческих острожков», мужское население которых платило ясак русскому царю до 1917 года.

Что же изменилось за последующие годы и почему после Полярной экспедиции 1926–1927 гг. коренные жители этих исконно «инородческих» поселений, записавшись в «камчадалы», превратились в «русских»?

Не изменилось ровным счетом ничего.

У И. Огрызко приводятся данные о соотношении коренного и русского населения в этих селах за 1887 и 1897 годы:

Малки (62 к 6; 103 к 6)

Ганалы (87 к 0; 84 к 0)

Пушино (14 к 5; 24 к 0)
Шаромы (39 к 2; 40 к 9)
Кирганик (36 к 1; 62 к 0)
Машура (85 к 1; 99 к 0)
Щапино (39 к 1; 49 к 3)
Толбачик (29 к 0; 57 к 18)
Козыревск (78 к 0; 59 к 0)
Ушки (40 к 0; 48 к 9)
Камаки (16 к 6; нет сведений)
Харчино (38 к 14; 53 к 3)
Еловка (47 к 0; 58 к 0)
Аманино (59 к 4; 77 к 9)
Седанка (87 к 0; 109 к 0)
Напана (48 к 0; 66 к 0)
Утхолок (66 к 0; 91 к 0)
Ковран (84 к 0; 113 к 0)
Хайрюзово (199 к 0; 268 к 0)
Белоголовое (40 к 0; 47 к 0)
Морошечное (87 к 0; 117 к 5)
Сопочное (81 к 0; 90 к 0)
Ича (54 к 16; 76 к 0)
Облуковина (98 к 23; 94 к 31)
Крутогорово (41 к 5; 85 к 0)
Колпаково (84 к 5; 98 к 14)
Воровское (98 к 1; 129 к 3)
Коловское (49 к 1; 67 к 1)
Кихчик (60 к 1; 70 к 0)
Утка (40 к 1; 53 к 0)
Апача (99 к 9; 122 к 9)
Начики (43 к 3; 41 к 0)
Явино (40 к 8; 33 к 3)
Гольгино (31 к 8; 57 к 1)
Коряки (41 к 28; нет сведений)

Эти данные свидетельствуют о том, что роль русского населения в ительменских селах, как правило, незначительна. Статистика в данном случае отражает появление здесь времен-

ных людей – учителей, священников, торговцев, отставных казаков. Что же касается местного коренного населения, то Камчатка до 1912 г. была закрыта для свободного заселения и люди жили в строго определенных местах. Переселение производилось только по разрешению властей. Русское население в середине XVIII в. состояло примерно из 700, в 1897 г. – из 2 584 человек. Все эти меры ограничения притока русского населения применялись именно в целях пресечения или замедления процесса ассимиляции, для того, чтобы в казну исправно поступал камчатский ясак, который платили только «иностранцы».

То есть поселения камчадалов существовали в соответствии со своими традициями и обычаями. Это происходило в условиях естественной ассимиляции в результате смешанных межэтнических браков с русскими старожилыми. Но и здесь ситуация в пользу коренных – аборигенов, особенно в первой половине XVIII века, когда шло активное заселение Камчатки казаками и крестьянами, было значительно больше (в «разы»), чем русских, и, таким образом, шло не обрусение аборигенов, а окамчадаливание русских первопоселенцев. А потом в течение двух столетий, до известных Столыпинских реформ 1907–1912 гг. по освоению Сибири и Дальнего Востока, активный приток новых русских поселенцев на Камчатку (после расформирования Камчатского гарнизонного батальона – бывшего Сомовского полка) практически прекратился. Поэтому и русских старожилов Камчатки смело можно относить к исконным, то есть коренным, камчадалам, хотя не все (даже они сами) с этим согласны.

Но с этим была полностью согласна бывшая царская администрация Камчатки – точнее Приморское областное правление, куда Камчатка входила как округ, когда в соответствии с указами этого Правления представители как коренного, так и местного населения могли быть переселены на новое место проживания, независимо от того переселялись ли русские старожилы в места проживания коренных или коренные из одного поселения в другое, переходя из коряков в камчадалы и наоборот.

В 1880 году (указ 3159) из селения Козыревского в селение Толбачикское были переселены семьи Андриана Страннолюбс-

кого и Степана Терентьевича Семенова. Филипп Иванович Семенов (указ 2694) был переселен из селения Козыревского в селение Машуринское. В том же году Василий Федорович Чечулин с женой Устинией и дочерью Матреной указом № 3163 переселены из селения Дранкинское в Озерновское (восточное). В 1882 году указом № 6042 были переселены в селение Карагинское Дмитрий Иванович Никифоров (из селения Вывенское) и Георгий Иванович ПравOVERов (из Олюторского) с семьями. В 1883 году указом за № 273 был переселен из Мильковского селения русский крестьянин Ананий Иванович Краснояров в селение Щапино, которое считалось традиционным местом поселения аборигенов – камчадалов (ительменов). В 1884 году (указ № 6583) сюда же переселены из селения Николаевское русские крестьяне Степан Кириакович Татаринов и Харитон Иванович Коркин с семьями. Евгений Осипович Слободчиков с женою в 1882 г. переселен из селения Корякского в селение Начикинское. Александр Кузьмич Марков, наоборот, переселен из селения Начикинского в селение Корякское. Переселенцы могли остаться жить на новом месте, а могли быть и возвращены назад: например, в 1884 году Клим Васильевич Мерлин был возвращен из Начикинского селения в Гольгинское. Василий Софронович Рыков с женою Марией и дочерью Соломонией (указ № 3076) «исключен из наличных душ Козыревского селения», так как таковой не был записан в прошлой 12-й ревизии камчадалом Козыревского селения, «а значится крестьянином Ключевского селения» (см. ЦГА ДВ, ф. 87, оп. 1, дд. 146, 154, 155, 160, 165). Последняя запись на самом деле ключевая – она объясняет, почему в долине реки Камчатки так много дублирующих фамилий среди русского старожильческого населения и той части населения, которая официально значится в числе аборигенов – камчадалов: Рыковы, Докучаевы, Краснояровы и др. Поэтому, когда в 1880 году Гавриил Никонович Рыков с семейством указом № 2698 переселен из Козыревска в селение Ушковское и записан «камчадалом», то это вовсе не значит, что он перестал оставаться русским крестьянином и не мог быть возвращен на свою малую родину – в селения Ключевское или Крестовское, но в

официальных документах, проживая в Козыревске и Ушках, он и его дети значились «камчадалами», хотя и он сам, и его дети были потомками ключевских крестьян Рыковых.

И потому, возвращаясь к основной нашей теме, сделаем вывод о том, что самым главным доказательством национальной принадлежности жителей вышеперечисленных сел к аборигенам – камчадалам (или ительменам) – все равно являются их собственные фамилии и места постоянного проживания до установления на Камчатке Советской власти.

До появления на Камчатке русских местное население не имело фамилий – собственных родовых имен, передаваемых по отцовской линии из поколения в поколение, от родоначальника династии до его прямых потомков, живущих уже в наше время. Поэтому изучение истории происхождения камчатских фамилий может помочь нам более детально разобраться в вопросе о действительной национальной принадлежности камчадалов 27 селений, некогда располагавшихся на территории современных Усть-Камчатского, Елизовского, Усть-Большереецкого, Мильковского и Соболевского районов, а теперь проживающих на всей территории Российской Федерации (а не только Камчатки) и за рубежом, по тем или иным причинам покинув свою малую родину.

На Камчатке первые фамилии у местных жителей появились уже в начале XVIII в., и связано это было с крещением «инородцев». Первоначально процесс образования этих фамилий шел от имен самих крещеных – например, сын вождя Тарьи стал новокрещеным по фамилии Тареин, дети тойона Харлуча – Харчиными. Затем фамилии новокрещенные камчадалы стали получать от своих восприемников – крестных отцов: священников, казаков, и других русских людей, по той или иной причине принимавших участие в миссионерской деятельности или сопровождавшие отряды миссионеров для обеспечения собственной деятельности среди туземцев – посадские люди, купцы, промышленники, матросы, осуществлявшие доставку партии миссионеров в отдаленные места на камчатском побережье и Курильских островах.

Крещение местных жителей проходило в несколько этапов, каждый из которых имеет свои особенности появления тех или иных фамилий у коренного населения Камчатки...

Первый этап (1705–1745 гг.) характеризуется тем, что крещением местных жителей занимались как специально присланные для этого священнослужители (Мартиниан – Нижнекамчатск, 1705; Иосиф Лазарев – Нижнекамчатск, 1716; Ермолай Иванов – Верхнекамчатск, 1732; Михаил Сивцов – Большерецк, 1743; Филипп и Михаил Волковы – Петропавловская гавань, 1743; Максим Лазарев, Михаил Иванов – Нижнекамчатск, 1743; Василий Чуркин – Верхнекамчатск, 1743), так и казаки (Пермяков – Верхнекамчатск; Новограбленный – Курильские острова, Кузнецов – Нижнекамчатск и др.).

Но основную роль на первом этапе крещения инородцев сыграли камчатские казаки, которым крещение камчалалов вменялось в служебную обязанность, поэтому именно казачьи фамилии представлены в общем списке родовых фамилий камчадалов наиболее широко и повсеместно.

Казаки давали камчадалам как собственные фамилии, так и фамилии тех, кого уже не было в их рядах, в память об этих людях (в «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова мы встречаем немало таких примеров: так тойон (вождь) Оглукоминского (Такаут) острожка получил фамилию Атласов, тойон из Апачинского острожка – Чириков (по фамилии приказчика, убитого казаками в одно время с В. Атласовым).

Именно казаки подарили камчадалам известные сегодня всей Камчатке фамилии Слободчиковых, Гуторовых, Заевых, Пермяковых, Дьяконовых, Краснояроровых, Пановых, Антоновых, курильцев Новограбленновых, Лукашевых, Сторожевых и др.

Второй этап крещения камчадалов связан с деятельностью на полуострове специальной партии миссионеров, которую возглавил архимандрит Камчатский – Иоасаф Хотунцевский (с 1745 г.).

У нас есть, благодаря обнаруженному мною в Центральном Государственном архиве Дальнего Востока РСФСР документу, возможность проследить определенные закономерности закрепления камчатских фамилий за инородцами в тот пери-

од. Так, например, на р. Озерной в 1747 г. курильцы получили следующие фамилии: Новгородов (тойон), Заев, Новограбленный, Осламов, Андреев, Дьяконов, Томин, Красильников, Бутин, Дяконов, Шпанберхов, Трапезников, Шелковников, Сторожев, Волков, Дехтерев, Краснояров, Никифоров.

Расклад примерно таков: миссионеры (Волков, Никифоров) прибыли в Озерную по пути на Курильские острова на казенном судне (поэтому среди «новокрещенных» появляется фамилия морехода Бутина) вместе со сборщиками ясака из Большерецка (Новограбленным, Новгородовым, Заевым, Осламовым, Андреевым, Дьяконовым, Томиным, Дяконовым, Сторожевым, Дехтеревым, Краснояровым) и торговыми людьми (Шелковниковым, Трапезниковым, Красильниковым). Правда, не совсем понятна причина появления среди «новокрещенных» фамилии члена Второй Камчатской экспедиции М. Шпанберга, которого в это время уже не было на Камчатке после завершения Второй Камчатской экспедиции, – видимо, она дана в честь морского офицера, в недавнем прошлом – командира казенного морского судна (по некоторым данным Шпанберг в свое время и сам участвовал в крещении курильцев и дал свою фамилию одному из курильских тойонов).

Показательно в этом отношении и крещение курильцев на о. Шумшу в том же 1747 г. Опять же, как и в Озерной, часть курильцев получила фамилии сборщиков ясака казаков Сторожева, Слободчикова, Паранчина, Антонова, Дяконова, Заева, Попова, Новограбленного, морехода Бутина, матросов Сметанина, Леонтьева, Петрова, Емельянова, купцов и промышленников Басова, Соловьева, Трапезникова, Красильникова, миссионеров Никифорова и Волкова. Неизвестно только, к какому сословию принадлежали Шергин (возможно, имя получено в память о бывшем камчатском приказчике Андрее Шергине) и Филиппов (возможно, тоже из казаков), фамилии которых также были даны при крещении курильцам о. Шумшу.

На следующем Курильском острове – Парамушире – курильцы получили фамилии большерецких казаков Паранчина, Антонова, Новограбленного, Слободчикова, Сторожева, Антонова, миссионеров Никифорова, Притчина (который, судя

по другим данным, не мог быть в это время на этом острове, так как он давно уже вернулся в Якутск, в монастырь), Неводчикова, мореходов и промышленников Петрова, Бутина, Соловьева, Сметанина.

А вот как шло образование камчадальских родовых фамилий в других районах Камчатки в этот же период при архимандрите Камчатском Иоасафе Хотунцевском:

1745 год

Западное побережье Камчатки. Крутогурово – Волков (священник), Краснояров (действующий казак), Атласов (покойный атаман); Облуковина – Атласов, Борисов (действующий казак), Диakoнов (тоже), Слободчиков (Большерецкий церковный староста из казаков): Ича – Диakoнов; Сопочная – Притчин (диакон), Слободчиков; Морошечная – Атласов; Белоголовая – Дьяконов, Притчин, Слободчиков; Хайрюзово – Заев (казак), Краснояров; Ковран – Волков, Притчин, Слободчиков, Трапезников (купец).

Долина р. Камчатки. Хапица – Шишкин (казак); Камаки – Арефьев, Саламатов (казаки); Каменный – Ушаков (возможно, крестьянин из с. Ключи); Харчино – Неводчиков (возможно, мореход, возможно, из миссионерской свиты – было два Неводчиковых в этот период), Петров (матрос); Козыревск – Шадрин (казак); Машура – Панов (казак); Кирганик – Осминин, Черных (казаки).

1747 год

Западное побережье Камчатки. Колпаково – Борисов, Краснояров (казаки); Сопочная – Павлуцкий (погибший в этот год на Чукотке офицер, проводивший на Камчатке следствие по Харчинскому бунту после 1731 года, то есть имя дано в память о человеке), Чириков (покойный приказчик или бывший заместитель В. Беринга, но в обоих случаях фамилия дана в память о ком-то из них); Морошечная – Запороцкий (ссылный), Садовников (казак); Хайрюзово – Баранников (казак), Слободчиков; Ковран – Заев; Напана – Заев, Наянов (казак), Попов (казак); Тигиль – Баранников, Бекеров (представитель

миссионерской свиты), Борисов, Бречалов (из посадских Большерецкого острога), Верещагин (казак), Калинин (?), Наянов, Притчин, Соснин (купец).

Восточное побережье Камчатки. Кроноки – Карандашев (казак), Михайлов (казак), Панов (казак), Рюмин (казак); Семлячик – Панов, Чоглонов (?).

1748 год

Западное побережье Камчатки. Тигиль – Борисов, Бречалов, Заев; Ича – Минюхин (казак), Мошков (мореход), Павлуцкий, Панов, Притчин, Трапезников, Уксусников (казак), Федоров (возможно, в память о подштурмане Иване Федорове, первооткрывателе с Гвоздевым Аляски), Краснояр; Оглукомина – Атласов, Климовский (священник), Слободчиков, Соболев (казак), Трапезников, Уксусников; Колпаково – Вагин (казак), Верещагин, Борисов, Заев, Уксусников, Федоров, Шибанов (казак); Крутогорovo – Путилов (казак); Облуковина – Красильников (купец); Морошечная – Заев, Павлов (казак), Садовников, Слободчиков, Сметанин (матрос), Трапезников; Хайрюзово – Заев, Шадрин; Напана – Арефьев, Бекеров (представитель миссионерской свиты), Мохнаткин (казак), Притчин; Верхнее Хайрюзово – Притчин; Тигиль (р. Пирожникова) – Панов; Воямполка – Прокопьев (?); Хайрюзово (Нижний острог) – Притчин, Слободчиков; Седанка – Баранников, Еганов (солдат из партии миссионеров), Пройдошин (казак).

Долина р. Камчатки. Толбачик – Чуркин (казак); Машура – Дурынин (казак), Осьминин, Панов, Попов, Пермьяков, Ракигин (?), Хметевский (в честь морского офицера); Кирганик – Осьминин, Чуркин, Шелковников (промышленник); Щапино – Иванов (священник).

1749 год

Западное побережье Камчатки. Кол – Новограбленный (казак), Маслучев (?); Воровская – Елисеев (?), Притчин, Шадрин; Колпаково – Борисов, Шибанов (казак), Пирожников (?); Крутогорovo – Атласов, Верещагин, Павлуцкий, Слобод-

чиков; Облуковина – Дехтярев (казак), Крашенинников (в память о студенте С. П. Крашенинникове), Соболев (казак), Трапезников, Уксусников; Ича – Атласов, Карымов (казак), Наседкин (казак), Притчин, Трапезников, Шабалин (Шебалин, казак); Сопочная – Притчин, Слободчиков; Белоголовая – Заев, Запороцкий, Слободчиков, Шадрин; Хайрюзово – Заев, Запороцкий, Наседкин, Притчин, Слободчиков, Уксусников; Брюмка – Запороцкий, Лапин (купец), Притчин.

Долина р. Камчатки. Еловка – Ермолаев, Колегов (казак), Могилев (?); Харчино – Теребякин (Теребяков, казак), Холщевников; Камаки – Теребякин.

1750 год

Долина р. Камчатки. Камаки – Арефьев, Иконников (казак), Колегов, Чудинов (казак); Козыревск – Холщевников; Толбачик – Попов; Еловка – Колегов, Колокольников (казак, судостроитель), Турнаев (матрос); Горбуновский – Пономарев (казак), Санников (казак-мореход).

Западное побережье Камчатки. Апача – Верещагин; Кихчик – Карымов; Ича – Карымов, Хмылев (Хмылевский, казак); Воровская – Волков, Елесов (?).

1754 год

Западное побережье Камчатки. Хайрюзово – Притчин; Колпаково – Наянов; Воровская – Волков, Гиляшев (казак Гилев?), Мирамыгин (казак), Слободчиков, Спешнев (в память о судовом подмастерье Иване Спешневе), Шадрин, Шелковников; Кол – Волков, Горлов (толмач), Сивцев (священник); Утка – Слободчиков; Утхолок – Чириков; Ковран – Новограбленный; Брюмка – Хметевский; Белоголовая – Хметевский; Морошечная – Петров (матрос), Хметевский; Сопочная – Баранников, Бутин (мореход), Перевалов (казак); Кихчик – Елагин (в память о морском офицере, строителе Петропавловска-Камчатского или в память о бывшем камчатском приказчике), Наумов (казак).

Благодаря этому документу, мы можем выделить основные группы фамилий, исторически закрепленные за теми или ины-

ми географическими точками или районами. Время, естественно, внесло свои коррективы: так, например, фамилия курильцев Лукашевских оказалась в связи с переселением в сс. Начики и Ганалы; фамилия машуринских камчадалов Мерлиных – в с. Голыгино на Западной Камчатке; ряд западно-камчатских фамилий появляется в долине р. Камчатки (например, Атласовы) в связи с активным переселением жителей северо- и юго-западных сел, которых обошли стороной эпидемии (1768 и 1800 гг.), унесшие тысячи жизней жителей центральной Камчатки. Но каждое такое переселение обязательно фиксировалось в документах, и при желании их можно было разыскать и проследить историю любой камчатской фамилии, тем более что в прошлом веке каждые 10 лет составлялись так называемые «ревизские сказки» – переписи инородцев-ясакоплательщиков. В ЦГА ДВ РСФСР (ф. 87, оп. 1) хранятся «ревизские сказки» за 1890 г., в которых перечисляются все фамилии жителей, как правило, всего 2–3 на все село. Там же хранятся списки жителей Камчатки, принявших участие в народном ополчении в период русско-японской войны 1904–1905 гг., – это было практически все взрослое мужское население полуострова, в том числе и представители коренного народа. Собственно, с перечислений этих фамилий и распределением их по местам постоянного проживания камчадалов в XVIII – начале XX веков мы и начинали свой экскурс в историю камчатских фамилий.

Не все понятно и с русскими старожильческими фамилиями, особенно с их сословной и национальной принадлежностью, которые могли изменяться в зависимости от каких-то административных решений: казаки при сокращении штата казачьей команды, дети священнослужителей, оставшиеся «за штатом», дети отставных военных могли быть причислены к сословию крестьян или мещан, а при переселении семей русских старожил в селения аборигенов русские очень часто записывались администрацией в камчадалы, то есть им менялся не только социальный, но и национальный статус.

Благодаря исследованиям А. С. Зуева («Восполняя белые пятна», Вопросы истории Камчатки, вып. 3, 2007 г., стр. 171–

172) мы имеем теперь полный список камчатских казаков, привлеченных к ответственности за их злоупотребления, ставшие причиной знаменитого Харчинского бунта 1731 года. В основе этого списка лежат фамилии многих патриархов старейших родовых камчатских фамилий, существующих на Камчатке и поныне. Как мы понимаем сегодня этот список – перечень камчатской казачьей знати начала XVIII века, облаченной высшей административной властью, злоупотребление которой и привело к Харчинскому бунту 1731 года, а затем и к бунту 1746 года, который возглавили Камчуга (сын камчадала и чукчанки) Алексей Лазуков и корякские тойоны Умьевушка (Дранка) и Ивашка.

В этом списке мы найдем и фамилии патриархов действующих камчатских родов камчадалов «русской крови», а также фамилии существующих по сей день династий аборигенов, у которых эти казаки были крестными родителями при крещении.

В Нижнекамчатском остроге повешен комиссар Иван Новгородов, бит батогами подъячий Федор Сухов, кнутом – комиссары Михаил Шехурдин и Михаил Петров, управитель Михаил Борисов, подъячий Еким Мухоплев, ясачные сборщики из числа казаков – Матвей Новгородов, Петр Чижевский, Гаврила Чудинов, Иван Каташевцов, Василий Конев, Петр Гурторов, Иван Калашников, Евдоким Колегов, Алексей Воробьев, толмачи и казаки Спиридон Перебякин, Федор Кырасов, Алексей Колмогоров, Петр Сургуцкий, Яков Лазарев, Семен Минюхин, Константин Веретнов, Алексей Ярыгин, Федот Спиридонов, Степан Власов, монастырский служба Нижегородов, наказан шпицрутенами солдат Александр Змиев.

В Верхнекамчатском остроге был повешен ясачный сборщик Михайло Сапожников, биты кнутом казачий сотник Осип Верхотуров, ясачные сборщики Артемий Скрябин, Андреян Рюмин, батогами – Семен Путилов, Василей Новограбленой.

В Большерецком остроге повесили иркутского казачьего пятидесятника Андрея Штинникова, били кнутом казаков Осипа Соловьева, Матвея Новограбленого, Михаила Лепихина, Федора Лобанова, Андрея Марамыгина, Андрея Рубцова, Петра Евлатьева, Андрея Воронина, Григория Томилова, Онофрия Черкашенина, Луку Трескина, Лариона Волынкина, Григория

Келтякина, Петра Волынкина, Степана Вахрушева, Михаила Коткова, Федора Асламова, Ивана Лукашевского, Савву Усова, Василия Посникова, Василия Щеголева, Семена Вагина, Михаила Лепихина меньшого, Петра Матвеева, Семена Шарапова, Афанасия Попова, Михаила Лукашевского, Семена Сургуцкого, Петра Чупрова, Антона Хмылевского.

Казаки Верхнекамчатского острога после упразднения местной казачьей команды были записаны в крестьяне.

Большерецкие казаки были переведены в начале XIX века в селение Усть-Приморское (нынешний Усть-Камчатск). Позже туда же переведут и часть нижнекамчатских казаков, а другую их часть запишут в крестьяне.

Крестьяне Мильковского, Ключевского, Крестовского, Николаевского селений при переселении в Козыревск, Ушки, Толбачик, Щапино и другие селения аборигенов в долине реки Камчатка получали национальный статус аборигенов-камчадалов (так образовались «параллельные» фамилии «камчадалов» Рыковых, Кречетовых, Красноярковых, Демидовых, Подкорытовых и др., которые в действительности были русскими старожилками).

Дети камчатских казаков и даже священнослужителей, поверстанных в солдаты Камчатского гарнизонного батальона, становились солдатскими детьми. Например, обратим внимание на состав Камчатской экипажной роты за 1847 г.

Барабанщик – Яков Федорович Никифоров, уроженец Камчатской области (из династии камчатских священнослужителей Никифоровых). Матрос-рулевой Роман Лукич Слободчиков – из камчатских казаков. В 1836 г. он служил на военном боте «Алеут», ходил на нем в Охотск, Нижнекамчатск, Тигиль. С 1844 г. – на боте «Камчадал». В 1843 г. за дерзкие слова, сказанные командиру бота «Алеут» прапорщику Секедину (потомок камчатских ссыльных), разжалован из квартирмейстеров в матросы.

Миныхин, Помаскин – из камчатских солдатских детей.

Марсовый – Михаил Васильевич Расторгуев (из камчатских детей, из казаков).

В 1834 г. на бриге «Камчатка» ходил на остров Гуагом Па-

вел Васильевич Усов – из солдатских детей, уроженец Камчатской области, с 1843 г. на боте «Алеут» (из бывшего казачьего сословия).

Василий Гаврилович Мутовин, Иван Гаврилович Мутовин – из казачьих детей. Григорий Иванович Винокуров – из солдатских детей, уроженец Камчатской области.

Варфоломей Осипович Копылов – из солдатских детей, уроженец Камчатки. Алексей Петрович Корякин – из солдатских детей, уроженец Камчатки (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 299).

После расформирования Камчатского гарнизонного батальона (бывшего Сомовского полка) солдаты, пожелавшие остаться на Камчатке, были переведены частью в Камчатскую экипажную роту, а частью записаны либо в крестьяне, либо в мещане и поселены либо в Петропавловске, либо в его окрестностях – Старом Остроге, Халактырке, Сероглазке, Аваче, Хуторе, Николаевке.

Прошло немало лет с той поры, как в 1926 г. была совершена грубая ошибка, и коренные жители центральной и южной части полуострова утратили свою национальность. Теперь эта ошибка частично исправлена, и большинство камчадалов-аборигенов вернули свои исконные права коренных жителей этой земли.

Но на этом процесс не закончился – ведь бок о бок с камчадалами-аборигенами вот уже более трех столетий живут и трудятся потомки русских землепроходцев-казаков и крестьян, которые за эти три столетия образовали вместе с аборигенами единую большую камчатскую семью, имеющую общую духовную и материальную основу. Но у русских старожилов Камчатки до сих пор нет тех прав, которые имеют их родники, хотя и в тех, и в других течет одна и та же – породненная за столетия – кровь.

Поэтому, дай Бог, чтобы эта книга помогла и тем, и другим отыскать и защитить друг друга.

Отдельной самостоятельной группой являются фамилии переселившихся на Камчатку в XIX веке эвенов и алеутов.

О происхождении фамилий камчатских эвенов писал в свое время К. Г. Кузаков, в статье «Заметки об эвенах-быстринцах» («Краеведческие записки», вып. 1, Петропавловск-Камчатский, 1963 г.):

«Эвены Камчатской области проживают в Корякском национальном округе (520 человек) и Быстринском районе (590 человек). На территории Корякского национального округа они сосредоточены в основном в селах Аянка и Оклан Пенжинского района, Хаилино – Олюторского, Палане и Седанке Тигильского района. Первые сведения об эвенах нашего полуострова встречаются в дневнике исследователя Камчатки Карла Дитмара. Е. П. Орлова установила, что все эвены Быстринского района делятся на две, почти равные количественно, родовые группы: уяганскую и долганскую. Она констатировала 16 фамилий, которые носят быстринские эвены: Адукан, Амган, Банакан, Боркаут, Гилкан, Гимкан, Догдыч, Индан, Ичанга, Коерко, Колумский, Мандят, Пронч, Солодик, Тылкан, Черкан. Прежние эвенские имена, из которых образовались эти фамилии, указывают на тяжелое прошлое. Вот что, например, означают в переводе на русский язык их фамилии: Боркаут – кривоногий, Гимкан – голод, Гилкан – босой, голый, Банакан – ленивый, Диканов от Гимкан – голод. Встретилась эвенская семья с фамилией Неревля. Это слово обозначает людей, которые дают только разного рода указания, а сами не делают ничего».

Что же касается фамилии алеутов, то мы обнаруживаем также две параллельные группы фамилий, одна из которых принадлежит русским старожилам, породнившимся с алеутами, – креолам (отмеченные в исповедальных росписях Никольско-Иннокентьевской (о. Беринга) и Преображенской (о. Медный) церквях за 1893 год), а другая – алеутам, получившим эту фамилию от своих крестных отцов – русских зверопромышленников и креолов – Артамоновых, Бадаевых, Бурдуковских, Волокитиновых, Дурышиных, Кичиных, Корсаковских, Ладыгиных, Ламберт, Паньковых, Поповых, Прошевых, Селезневых, Старцевых, Степновых, Сушковых, Хабаровых, Шипицыных, Юрьевых, Яковлевых.

КАМЧАТСКИЕ РОДОВЫЕ ФАМИЛИИ

А

Аббакумовы (Абакумовы) – камчадалы, с. Малка
Адукановы – эвены
Аксеновы – креолы, о. Медный
Александровы – камчадалы, с. Белоголовое
Алексеевские – крестьяне, с. Николаевка
Артамоновы – креолы, о. Медный
Артамоновы – алеуты, о. Медный
Астафьевы – курильские камчадалы (айну), Голыгино
Атласовы – камчадалы, с. Шаромы
Атласовы – казаки (мещане), с. Сероглазка
Атласовы – крестьяне, с. Николаевка

Б

Баганцевы – крестьяне, с. Николаевка, с. Паратунка
Бадаевы – креолы, о. Беринга, о. Медный
Бадаевы – алеуты, о. Медный
Баженовы – казаки, Тигиль
Баженовы – камчадалы, с. Харчино
Банакановы – эвены
Баранниковы – камчадалы, коряки, с. Кахтана, Воямполка
Барановы – камчадалы, с. Белоголовое
Басины – камчадалы, Камаковский острожек
Бастоевы – алеуты
Батарины – крестьяне, с. Николаевка
Бахтины – крестьяне, с. Паратунка
Бекеревы (Бекеровы) – камчадалы, коряки, с. Дранка, Седанка, Кахтана, Ивашка
Беккерев (Беккерев) – камчадалы, с. Седанка
Белокопытовы – мещане, г. Петропавловск

Беломоевы – казаки, с. Тигиль
Белоноговы – казаки, с. Усть-Камчатск
Белюсовы – коряки, с. Лесная
Беляевы – камчадалы, с. Шаромы, Шапино
Березины – алеуты, о. Беринга
Бибиковы – крестьяне, с. Старый Острог
Благовидовы – священнослужители, с. Мильково
Бобриковы – крестьяне, с. Мильково
Бобровские – камчадалы, с. Хайрюзово
Бобряковы – крестьяне, с. Мильково, Ключи
Бобряковы – камчадалы, с. Машура, Толбачик
Большаковы – казаки, г. Петропавловск
Борисевичи – крестьяне, с. Толбачик
Борисовы – камчадалы, с. Крутогороро
Брагины – крестьяне, с. Ключи, Тигиль
Брекаловские – крестьяне, с. Николаевка
Бреховы – коряки (1771 г.)
Бречаловы (Брячаловы) – крестьяне, с. Большерецк
Бречаловы – камчадалы, с. Аманино
Будаковы – алеуты, о. Беринга
Бурдуковские – креолы, о. Беринга
Бурдуковские – алеуты, о. Беринга, о. Медный
Бурнашевы – камчадалы, с. Начики
Бутины – курильские камчадалы (айну), с. Явино, Голыгино
Бушуевы – мещане, г. Петропавловск
Быковы – мещане, г. Петропавловск

В

Вагины – камчадалы, с. Колпаково, Облуковина, Кихчик, Кол
Вальнкины (Волынкины) – казаки, г. Петропавловск
Варгановы – камчадалы, с. Ушки
Варрен – мещане, г. Петропавловск
Верещагины – казаки, крестьяне, священнослужители, с.
Верхнекамчатск, Облуковино
Винокуровы – мещане, с. Старый Острог
Волковы – камчадалы, с. Сопочное, Апача, Малка, Колпаково
Волокитины – креолы, о. Беринга

Волынкины – казаки, г. Петропавловск
Воробьевы – мещане, г. Петропавловск
Вороновы – крестьяне, с. Авача
Ворошиловы – мещане, г. Петропавловск, с. Большерецк,
Воровское

Г

Галкины – алеуты, о. Беринга, о. Медный
Гарднер – мещане, священнослужители, г. Петропавловск
Гешкины (Тезкины) – камчадалы, с. Ича
Гиляшевы – камчадалы, Воровской острожек (1747)
Глозовы – камчадалы, Щековский острожек (1812)
Голодовы – алеуты, о. Беринга, о. Медный
Голых – крестьяне, с. Ключи
Голых – камчадалы, с. Камаки
Горбуновы – по морскому ведомству, г. Петропавловск
Горловы – камчадалы, с. Коль (1754 г.)
Греченины – крестьяне, с. Нижнекамчатск
Григорьевы – священнослужители, с. Ключи
Григорьевы – алеуты, о. Беринга, о. Медный
Григорьевы – камчадалы, с. Толбачик
Григорьевы – мещане, г. Петропавловск
Гусевы – крестьяне, с. Нижнекамчатск
Гуторовы – коряки, с. Дранка, Карага, Холюля
Гуторовы – камчадалы, с. Ганалы

Д

Даниловы – камчадалы, с. Хайрюзово
Даниловы – крестьяне, с. Авача
Демидовы – крестьяне, с. Мильково
Десяткины – камчадалы, с. Коряки
Десяткины – крестьяне, с. Авача
Дехтеревы – курильские камчадалы (айну), с. Явино
Дехтеревы – камчадалы, с. Коряки.
Докучаевы – камчадалы, с. Машура, Ушки
Докучаевы – крестьяне, с. Ключи, Кресты
Дурынины – камчадалы, с. Ганалы, Малка, Коряки

Дурышины – креолы, о. Медный
Дурышины – алеуты, о. Медный
Дьяконовы – камчадалы, с. Сопочное, Морошечное, Коряки

Е

Евойловские (Ивойловские) – крестьяне, с. Паратунка
Евстафьевы – курильские камчадалы (айну), с. Явино, Голыгино

Евстафьевы – матросы, Петропавловский порт
Елагины – камчадалы, с. Пушино, Коряки, Ганалы
Еланцевы – камчадалы, с. Толбачик
Еланцевы – крестьяне, с. Мильково
Елесовы – камчадалы (1750, с. Воровское)
Елисеевы – камчадалы (1749, с. Воровское)
Еранские – алеуты, о. Беринга
Ермолаевы – камчадалы (1749, с. Воровское)
Ерофеевы – крестьяне, с. Николаевка
Ершовы – по морскому ведомству, г. Петропавловск

Ж

Жиляковы – камчадалы, с. Кахтана
Жирковы – камчадалы, с. Сопочное
Жировиковы – камчадалы, с. Ушки
Жуковы – камчадалы, с. Кахтана

З

Загайновы – г. Петропавловск
Загайновы – камчадалы, с. Апача
Заевы – камчадалы, с. Голыгино, Морошечное, Белоголовое, Утхолок, Воровское, Лесная, Ковран, Хайрюзово, Кол, Явино, Кихчик

Зайковы – алеуты, о. Медный
Занины – крестьяне, с. Авача
Заочные – мещане, с. Старый Острог
Заочные – крестьяне, с. Авача,
Запороцкие – камчадалы, с. Морошечная, Седанка
Зимины – камчадалы, с. Шаромы

Зимины – крестьяне, с. Верхнекамчатск
Зиновьевы – казаки, Сероглазка (1853 г.)
Зыряновы – казаки

И

Ивановы – священнослужители, мещане, г. Петропавловск
Ивановы – камчадалы (1748 г., Щапино)
Ивановы – крестьяне, с. Мильково (1885 г.)
Ивановы – алеуты, о. Медный
Игнатьевы – крестьяне, с. Большерецк, Явино
Игнатьевы – военные, г. Петропавловск
Игнатьевы – курильские камчадалы (айну), с. Явино
Иконниковы – камчадалы
Индановы – эвены
Ичанга – эвены

К

Кадины – алеуты, о. Медный
Калинда – мещане, г. Петропавловск
Калинины – камчадалы (1747 г., Тигиль)
Калтякины (Колтякины, Келтякина, Кильтякины) – камчадалы, с. Крутогорово
Карандашевы – казаки, с. Авача
Карандашевы – камчадалы, с. Толбачик
Карелины (Корелины) – мещане, г. Петропавловск, крестьяне, с. Мильково
Карлсоны – камчадалы, с. Явино, Мономахово
Карповы – крестьяне, с. Мильково
Карповы – крестьяне, с. Нижнекамчатск
Карымовы – камчадалы (1749 – Ича, 1750 – Ича, Кихчик)
Карякины (Корякины) – мещане, г. Петропавловск
Кауровы – алеуты, о. Беринга
Кашинда (Кишинда) – мещане, г. Петропавловск
Кильтякины (Калтякины, Кельтякины, Колтякины) – камчадалы, с. Крутогорово
Киренские – казаки, г. Петропавловск
Киселевы – казаки, г. Петропавловск, с. Тигиль

Кичины – креолы, о. Медный
Климовы – алеуты, о. Беринга
Климовы – крестьяне, с. Авача
Климовские – камчадалы, с. Облуковино
Ключевы – камчадалы, с. Ушки, Харчино
Коерковы – эвены
Козленко – мещане, г. Петропавловск
Колачевы – мещане, с. Старый острог
Колеговы, Коллеговы – камчадалы, коряки, с. Карага, Дранка, Еловка, Ключи, Харчино, Большерецк, Нижнекамчатск, Тигиль, Петропавловск
Колесовы – мещане, г. Петропавловск, с. Мильково
Колинда – мещане, г. Петропавловск
Колмаковы – мещане, г. Петропавловск, с. Нижнекамчатск
Колмогоровы – казаки, г. Петропавловск
Колокольниковы – камчадалы (1750 г., с. Еловка)
Колтакины (см. выше)
Колумские – эвены
Колычевы – казаки, ссыльные
Командорский – камчадал, с. Начики
Коневы – казаки, г. Петропавловск, с. Голыгино
Коневы – курильские камчадалы (айну), с. Явино, Голыгино
Копыловы – казаки, с. Тигиль, г. Петропавловск
Корелины – мещане, крестьяне, с. Нижнекамчатск, г. Петропавловск, с. Мильково
Кореневы – казаки, с. Сероглазка
Коркины – крестьяне (камчадалы), с. Николаевка, Щапино
Корниловы – мещане, г. Петропавловск, с. Паратунка
Корсаковские – креолы, о. Беринга
Корсаковские – алеуты, о. Беринга
Коршуновы – мещане, священнослужители, г. Петропавловск, с. Мильково, Верхнекамчатск
Корюкин (Корякин)
Корякины (Карякины, Корюкины) – мещане, г. Петропавловск, священнослужители, с. Облуковино
Костинские – камчадалы, с. Коль
Костинские – г. Петропавловск

Косыгины – казаки, г. Петропавловск, с. Тигиль, Сероглазка
Косыгины – мещане, г. Петропавловск, с. Усть-Камчатск,
Облуковино, Палана, Ключи
Котельниковы – казаки, г. Петропавловск
Котловы – коряки, с. Карага
Кошкаревы – казаки, г. Петропавловск, с. Сероглазка
Кошкаревы – крестьяне, с. Мильково
Кравченко – крестьяне, с. Большерецк
Красильниковы – камчадалы, с. Машура
Краснояровы – камчадалы, с. Хайрюзово
Краснояровы – крестьяне, с. Мильково, Щапино
Краснояровы – мещане, Петропавловск
Красовцевы – мещане, Петропавловск
Крашенинниковы – камчадалы (1749 г., с. Облуковино)
Креницыны – камчадалы (1812 г., Щековский острожек)
Кречетовы – крестьяне, с. Ключи, Кресты
Кречетовы – камчадалы, с. Козыревск
Кривогорницыны – камчадалы, с. Кихчик, Утка
Крупенины – казаки, с. Сероглазка
Крыжановские – казаки, с. Тигиль
Ксенофонтовы – камчадалы, с. Белоголовое
Кудрины – камчадалы (1773 г., Щековский острожек)
Кузнецовы – камчадалы, с. Камаки
Кузнецовы – мещане, г. Петропавловск
Кузнецовы – крестьяне, с. Нижнекамчатск
Кузьмины – камчадалы, с. Облуковино
Кузьмины – г. Петропавловск
Куликаловы – алеуты, о. Медный
Куликовы – алеуты, о. Медный
Курдюмские – крестьяне, с. Мильково
Куряковы – крестьяне, с. Паратунка

Л

Ладыгины – алеуты, о. Беринга, о. Медный
Ладыгины – креолы, о. Беринга
Лазаревы – камчадалы, коряки, с. Холюля, Еловка, Кичи-
га, Карага

Лазуковы – коряки, с. Воямполка
Ламберт – креолы, о. Медный
Лапины – камчадалы (1749 г., Брюмка)
Ласточкины – коряки, камчадалы, с. Хайрюзово, Утхолок,
Ука, Озерновское (вост. Камчатка)
Логиновы – Лонгиновы – священнослужители, с. Больше-
рецк, Палана, Тигиль, г. Петропавловск
Лосевы – алеуты, о. Медный
Лосеньковы – алеуты, о. Медный
Лукашевские – курильские камчадалы, с. Ганалы
Львовы – казаки, г. Петропавловск

М

Максимовы – крестьяне, с. Николаевка
Малаховы – священнослужители, с. Мильково
Мальцевы – крестьяне, с. Мильково, Нижнекамчатск
Мальцевы – алеуты, о. Беринга
Манаковы – казаки, г. Петропавловск
Мандятовы – эвены
Марковы – камчадалы, с. Гольгино, Начики, Кол, Сопоч-
ное, Малка
Масленниковы – казаки, с. Нижнекамчатск
Маслучевы – камчадалы (1749 г., Кол)
Машихины – крестьяне, с. Верхнекамчатск
Машихины – мещане, с. Старый Острог
Машихины – камчадалы, с. Шаромы
Меер (возможно первоначально Мейдер) – камчадалы,
с. Камаки (1812 г.)
Мерлины – камчадалы, с. Машура, Гольгино, Шаромы,
Щапино, Кирганик, Малка
Мершенины – алеуты, о. Беринга
Метевские (первоначально Хметевские) – камчадалы,
с. Толбачик
Мешковы – камчадалы (Щековский острожек, 1812 г.)
Миныхины – казаки, г. Петропавловск, с. Халактырка, Усть-
Камчатск
Мирамыгины – камчадалы (1754 г., с. Воровское)

Мироновы – казаки, с. Тигиль, Усть-Камчатск, г. Петропавловск

Михайловы – крестьяне, с. Мильково, Верхнекамчатск

Михайловы – священнослужители, с. Ключи

Михайловы – камчадалы, острожек Капичурер, 1740-е г., с. Кроноки (1747 г.), с. Белоголовое (1893 г.)

Михины – крестьяне, с. Паратунка

Мишлановы – г. Петропавловск, с. Малка

Могилевы – камчадалы, с. Еловка (1749, 1836 г.)

Монаковы – казаки, г. Петропавловск

Мохнаткины – коряки, камчадалы, с. Палана, Кахтана, Ука

Мошковы – камчадалы, 1748 г. (западное побережье Камчатки)

Мурашевы (Мурашovy) – крестьяне, с. Озерновское (вост., 1893 г.), Старый Острог, Николаевка

Мутовины – мещане, г. Петропавловск, с. Нижнекамчатск, Усть-Камчатск

Мутовины – камчадалы (с. Верхнекамчатск, 1773 г.)

Мухины – казаки, с. Тигиль

Мухоплевы – казаки, с. Нижнекамчатск

Мякишевы – алеуты, о. Беринга, о. Медный

Н

Накамура – айну (р. Асача)

Наседкины – камчадалы, с. Колпаково, Напана

Наумовы – камчадалы (1754 г, Кихчик), коряки (1740-е гг.)

Наяновы – крестьяне, с. Авача

Наяновы – морского ведомства, с. Авача

Наяновы – камчадалы, коряки, с. Кинкиль, Аманино, Лесная

Невзоровы – алеуты, о. Беринга

Неводчиковы – камчадалы, с. Харчино (1745 г.)

Неворотовы – казаки, с. Сероглазка

Непомнящие – г. Петропавловск

Нератовы (Неротovy) – камчадалы, с. Озерновское (вост.)

Нератовы (Неротovy) – мещане, г. Петропавловск

Неревля – эвены

Нестеровы – коряки, с. Лесная

Неустроевы – крестьяне, с. Гижига
Нечаевы – крестьяне, с. Верхнекамчатск
Низовцевы – казаки, с. Нижнекамчатск
Никитины – мещане, крестьяне, отставные военные, с. Нижнекамчатск, г. Петропавловск
Никифоровы – священнослужители, с. Нижнекамчатск, г. Петропавловск
Никифоровы – коряки, с. Палана, Карага, Кичига
Николаевы – камчадалы, с. Утка
Николаевы – священнослужители, с. Наяхан
Николаевы – алеуты, о. Медный
Нифантьевы – мещане, с. Гижига
Новгородовы – крестьяне, с. Авача, с. Николаевка
Новиковы – камчадалы, с. Камаки (1812 г.)
Новограбленновы (Новограбленные) – мещане, г. Петропавловск
Новограбленные – мещане, с. Начики
Новограбленные – камчадалы, с. Кол (1749 – Кол, 1754 – Ковран)
Новожиловы – из казаков, с. Коряки
Новожиловы – камчадалы, с. Начики
Нозиковы – алеуты, о. Беринга, о. Медный

О

Обуховы – коряки, с. Карага
Оглоблины – мещане, г. Петропавловск
Оноховы – казаки, с. Усть-Камчатск
Ордины – казаки, г. Петропавловск
Осмнины (Осьминины) – камчадалы, с. Коряки, с. Ганалы
Ощепковы – камчадалы, коряки, с. Камаки, Ушки, Ивашка, Дранка
Ощепковы – священнослужители, Дранка

П

Павловы – казаки, г. Петропавловск
Павловы – камчадалы, с. Белоголовое
Павлуцкие – камчадалы, с. Ича, Сопочное

Падерины – казаки, с. Гижига
Панкарины – коряки, камчадалы, с. Воямполка, с. Аманино
Панкариновы – коряки, с. Ивашка
Пановы – камчадалы, с. Апача, Шаромы, Щапино, Голыгино, Малка
Паньковы – креолы, о. Беринга, о. Медный
Паньковы – алеуты, о. Беринга, о. Медный
Паранчины – камчадалы, Большерецкий острог (1771 г.)
Паранчины – казаки, Петропавловский порт (1847 г.)
Пахомовы – алеуты, о. Беринга
Пашук (Шаньгины) – креолы, о. Беринга
Пермяковы – камчадалы, с. Кирганик, Машура, Начики, Малка, Пуцино, Щапино
Песеньковы – алеуты, о. Медный
Петровы – камчадалы, с. Облуковино, Ича
Петровы – крестьяне, с. Мильково
Петровы – казаки, Усть-Камчатск
Петровы – крестьяне, с. Нижнекамчатск
Петуховы – крестьяне, с. Авача
Пинезины (Пинизины, Пинижины) – казаки, г. Петропавловск, с. Тигиль
Пинигины – крестьяне, с. Мильково
Пирожниковы – камчадалы (Щековский острог, 1812 г.), Колпаково (1749 г.)
Плотниковы – крестьяне, с. Мильково
Плотниковы – камчадалы, с. Машура, Кинкиль (1865 г.)
Подкорытовы – крестьяне, с. Мильково
Подкорытовы – камчадалы, с. Пуцино
Подпругины – крестьяне, с. Николаевка, Паратунка
Поляковы – казаки, с. Нижнекамчатск, Усть-Камчатск
Помазкины (Помаскины) – казаки, Нижнекамчатск, Усть-Камчатск
Пономаревы – камчадалы, с. Седанка
Пономаревы – крестьяне, с. Авача
Поповы – креолы, о. Медный
Поповы – алеуты, о. Медный

Поповы – священнослужители, с. Тауйск
Поповы – казаки, с. Нижнекамчатск, Усть-Камчатск, Тигиль, Сероглазка
Поповы – по морскому ведомству, г. Петропавловск
Поповы – мещане, г. Петропавловск
Поповы – крестьяне, с. Мильково, Ключи
Поповы – камчадалы, Апача, Крутогорово, Еловка, Напана
Поротовы – крестьяне, с. Николаевка
Портнягины – мещане, с. Нижнекамчатск, Ключи (1885 г.)
Потаповы – камчадалы, с. Машура
Потаповы – крестьяне, с. Мильково
Правоверовы – коряки, с. Карага,
Привалихины – камчадалы, с. Харчино
Притчины (Причины) – камчадалы, коряки с. Ковран, Явино, Гольгино, Коряки, Хайрюзово, Кичига
Пройдошины (Пройдошевы) – камчадалы, Седанка (1748 г. и 1773 г.), Аманино
Прокопьевы – камчадалы, с. Белоголовое
Прончевы – эвены
Протунцевские – камчадалы, с. Напана
Прошевы – креолы, о. Беринга
Путиловы – камчадалы, с. Крутогорово (1748 г.)
Пшенинниковы – казаки, Петропавловск, с. Коряки

Р

Ракитины – камчадалы, с. Машура (1748 г.)
Расторгуевы – казаки, Усть-Камчатск
Расторгуевы – мещане, Петропавловск
Расторгуевы – камчадалы, с. Камаки
Ребровы – камчадалы, с. Харчино (1745 г.)
Решетниковы – якуты, с. Мильково
Румины (Руманы, Рюмины) – камчадалы, с. Машура, Кроноки (1747 г.)
Русановы – купцы, Петропавловск
Рыковы – крестьяне, с. Ключи, с. Кресты
Рыковы – камчадалы, с. Козыревск, Ушки
Рязанцевы – крестьяне, с. Авача

С

Савинские – казаки, с. Усть-Камчатск, Нижнекамчатск,
г. Петропавловск

Садовниковы – камчадалы, с. Морошечная

Саламатовы – камчадалы, с. Камаки (1812 г.)

Санниковы – камчадалы, Горбуновский острог (1750 г.)

Сахаровы – мещане, с. Халактырка

Секерины (Сикерины) – казаки, с. Нижнекамчатск, Петропавловский порт (1855 г.)

Селезневы – креолы, о. Медный

Селезневы – алеуты, о. Медный

Селивановы (Силивановы) – казаки, с. Большерецк, г. Петропавловск, с. Сероглазка, Халактырка

Сенапальниковы (Санопальниковы) – казаки, с. Тигиль

Серебренниковы – священнослужители, с. Облуковино

Сивцевы (Сивцовы) – камчадалы, с. Коловское (1754 г.)

Силины – мещане, с. Сероглазка

Синаевы – священнослужители, с. Мильково

Синицыны – алеуты, о. Беринга

Скребыкины – казаки, с. Усть-Камчатск

Слободчиковы – казаки, Петропавловский порт (1855 г.)

Слободчиковы – священнослужители, с. Тиличики

Слободчиковы – камчадалы, с. Седанка, Толбачик, Колпаково, Коряки, Утхолок, Начики, Белоголовое, Сопочное, Кихчик, Ковран, Еловка, Апача

Сметанины – мещане, г. Петропавловск, с. Халактырка, Хутор, Старый острог

Смирновы – камчадалы, с. Хайрюзово

Смирных – камчадалы, с. Белоголовое

Снафидовы – камчадалы, с. Облуковино

Снафидовы – крестьяне, с. Нижнекамчатск

Снегиревы – алеуты, о. Беринга

Снигиревы – алеуты, о. Медный

Сновидовы – крестьяне, с. Нижнекамчатск

Сновидовы – священнослужители, с. Ича, Нижнекамчатск, Облуковино, Палана, Гижига

Сновидовы – мещане, с. Нижнекамчатск

- Сновидовы – камчадалы, с. Харчино, с. Коловское
Соболевы – камчадалы, с. Камаки (1865 г.), Облуковино
Соленые – военные, Петропавловский порт (1855 г.)
Соловьевы – казаки, г. Петропавловск
Солодиковы – эвены
Солодниковы – камчадалы, с. Белоголовое
Солодяковы – эвены
Соргучевы (Сургучевы, Сургуцкие) – казаки, с. Усть-Камчатск
Соснины – камчадалы, с. Тигиль (1747 г.)
Софригины (Сафрыгины, Софрыгины) – камчадалы,
с. Шаромы
Спешневы – камчадалы, с. Воровское.
Спиридоновы – крестьяне, с. Кресты
Старцевы – алеуты, о. Беринга
Старцевы – креолы, о. Медный
Степановы – алеуты, о. Медный
Степновы – алеуты, о. Беринга
Степновы – креолы, о. Беринга, о. Медный
Сторожевы – камчадалы, с. Крутогородо, Утка, курильские
камчадалы (айну), Голыгино
Сторожевские – священнослужители, с. Большерецк
Страннолюбские – камчадалы, с. Толбачик.
Стрелковы – камчадалы, с. Ича, Ковран, Хайрюзово
Суздаловы – камчадалы, коряки, с. Лесная, Утхолок, Ки-
чига
Сушковы – креолы, о. Медный
Сушковы – алеуты, о. Медный
Сысоевы – казаки, с. Тигиль, Нижнекамчатск, Усть-Кам-
чатск, г. Петропавловск
Сысоевы – камчадалы, с. Козыревск, Камаки (1812 г.),
с. Озерновское (вост.)

Т

- Табарины – камчадалы, с. Коряки
Тарабыкин (Тарибикин, Тарабукин, Тарабунин) – крестья-
не, с. Нижнекамчатск
Тареины – камчадалы, с. Тарья (1740-е гг.)

Татариновы – крестьяне, с. Николаевка, с. Шапино
Тезкины (Тескины) – камчадалы, с. Апача, Ича
Теребякины – камчадалы, с. Камаки (1749 г.), Харчино (1749 г.)
Терентьевы – алеуты, о. Медный
Титовы – священнослужители, с. Мильково
Толман – мещане, г. Петропавловск, с. Тигиль
Толман – крестьяне, с. Мильково
Толстихины – казаки, с. Тигиль, г. Петропавловск, с. Кол-
паково
Томские – казаки, г. Петропавловск, с. Халактырка, Се-
роглазка
Трапезниковы – камчадалы, с. Воровское, Коловское, Хай-
рюзово, Крутогорово
Третьяковы – казаки, с. Сероглазка
Третьяковы – камчадалы, с. Толбачик
Третьяковы – коряки, с. Кичига
Тувалины – казаки, с. Сероглазка
Турнаевы – камчадалы, с. Еловка
Тылкановы – эвены
Тюменцевы – коряки, с. Кичига
Тюменцевы – камчадалы, с. Ушки
Тюменцевы – крестьяне, с. Ключи
Тюменцевы – крестьяне, с. Паратунка
Тюменцевы – крестьяне, с. Озерновское (Паратунка)
Тюриковы (Тюркуковы, Тюруковы, Тюрюновы, Тюрюковы) –
мещане, г. Петропавловск, с. Сероглазка

У

Уваровские – камчадалы, с. Начики, Ича, Апача
Уваровские – коряки, с. Карага
Удачины – крестьяне, с. Ключи
Укусниковы – камчадалы, с. Утхолок, Кихчик, Белоголовое
Улановы – мещане, г. Петропавловск
Усовы – казаки, военные, г. Петропавловск
Уховы – камчадалы, с. Начики
Ушаковы – крестьяне, с. Ключи, Кресты
Ушаковы – камчадалы, с. Машура, Шапино

Ф

Федоровы – камчадалы, с. Колпаково (1748 г.)

Федотовы – камчадалы, с. Седанка

Филипповы – крестьяне, с. Авача

Филипповы – камчадалы, с. Белоголовое

Флетчер – мещане, г. Петропавловск, Тигиль

Х

Хабаровы – креолы, о. Медный

Хабаровы – алеуты, о. Медный

Хабаровы – священнослужители, г. Петропавловск, Командорские острова

Харитоновы – казаки (XVIII в.)

Харчины – камчадалы, с. Харчино (1730-е гг.)

Хлыновские – камчадалы (1901 г.)

Хмылевы – камчадалы, Утхолок, Ича (1750 г.)

Холщевниковы – крестьяне, с. Нижнекамчатск (1812)

Холщевниковы – казаки, с. Усть-Камчатск

Холщевниковы – камчадалы, с. Харчино (1749 г.), Козыревск (1750 г.)

Хорошевы – алеуты, о. Медный

Хотунцевские – камчадалы, с. Напана

Хохловы – военные по морскому ведомству, г. Петропавловск

Худяковы – алеуты, о. Беринга, о. Медный

Ч

Чабаевы – камчадалы, с. Харчино

Чеботнягины – казаки, г. Петропавловск

Чебыкины – камчадалы, Щековский острожек (1812 г.)

Чегликовы – камчадалы, с. Малка

Челпановы – крестьяне, с. Паратунка

Челпановы – крестьяне, с. Озерновское (Паратунка)

Черепановы – камчадалы, коряки (1746 г.)

Черкановы – эвены

Черкашенины – крестьяне, с. Николаевка

Черкашины – крестьяне, с. Николаевка, Паратунка

Черных – казаки, с. Тигиль, с. Николаевка, Сероглазка, Палана, Халактырка

Черных – мещане, г. Петропавловск, с. Нижнекамчатск

Черных – священнослужители, г. Петропавловск, с. Тауйск, Гижига

Черных – камчадалы, с. Седанка, Козыревск, Апача

Чертовские – казаки, с. Тигиль

Чечулины (Чучулины) – коряки, с. Ивашка, Кичига, Карага, Дранка, Ука, с. Озерновское (вост.)

Чириковы – камчадалы, с. Сопочное (1747 г.), Утхолок (1754 г.)

Чоглоновы – камчадалы, острожек Семлячик (1747 г.)

Чудиновы – казаки, Петропавловск

Чудиновы – крестьяне, с. Ключи, Кресты

Чупровы – казаки (XVIII в.)

Чурины – камчадалы, с. Еловка

Чуркины – камчадалы, с. Козыревск, Кирганик, Шаромы, Еловка

Ш

Шабалины – камчадалы, Ича (1749 г.)

Шадрины – камчадалы, с. Хайрюзово

Шадровы – алеуты, о. Беринга

Шевырины (Шувырины)

Шамаевы (Шемаевы) – казаки, г. Петропавловск, с. Тигиль

Шахурдины (Шехурдины) – камчадалы, Кихчик

Шелковниковы – крестьяне, с. Николаевка, Авача

Шелковниковы – камчадалы, с. Кирганик (1748 г.), с. Воровское (1754 г.)

Шемаевы (Шамаевы) – казаки, г. Петропавловск, с. Тигиль

Шергины – священнослужители, с. Дранка, Ключи

Шестаковы – мещане, г. Петропавловск

Шибановы – камчадалы, с. Колпаково (1749, 1750 гг.)

Шипицыны – священнослужители, г. Петропавловск, Командорские острова, Анадырь

Шипицыны – креолы, о. Беринга

Шишкины – священнослужители, Мильково
Шишкины – камчадалы, острожек Хапичурер (1745 г.),
Щековский острожек (1812 г.)
Шмагины – камчадалы, коряки, с. Кинкиль, с. Палана
Шпанберхов – камчадал острожка на реке Озерной (зап.,
1747 г.)
Штильниковы – крестьяне, с. Ключи
Шувырины (Шевырины) – камчадалы, с. Кахтана

Ю

Юрьевы – алеуты, о. Беринга
Юрьевы – креолы, о. Медный
Юрьевы – крестьяне, с. Ключи
Юшины – казаки, с. Тигиль, г. Петропавловск

Я

Яблоковы – военные, г. Петропавловск
Ягановы – коряки, камчадалы, с. Седанка (1747 г.), с. Лес-
ная, Напана, Холюля
Яковлевы – крестьяне, с. Николаевка, Паратунка, Озернов-
ское (Паратунка)
Яковлевы – камчадалы, с. Белоголовое
Яковлевы – алеуты, о. Беринга, о. Медный
Яковлевы – креолы, о. Беринга
Яцкие (Ятские) – камчадалы, с. Утка

ИСТОРИЯ КАМЧАТСКИХ ФАМИЛИЙ

АББАКУМОВЫ – АБАКУМОВЫ

Эта фамилия камчадалов из селения Малка (закрытое в 1960-х годах и возрожденное детьми Николая Ивановича Аббакумова и Вероники Вячеславовны Болдыревой) нигде более на Камчатке в XVIII–XIX веках не встречалась, поэтому о происхождении этой фамилии можно говорить только предположительно. Да и сами камчадалы Аббакумовы отличались и по сей день отличаются от местных аборигенов своим ростом, – как правило, мужчины в этой семье всегда были крупными и сильными.

Собственно, и о происхождении названия села Малка (именно так оно называлось) также можно говорить только предположительно, так как на месте расположения этого села до начала XIX века не существовало поселения с таким именем – острожка, как говорили в то время. Вероятно, первоначально это было Аханичево жилище (названное по имени местного вождя – тойона: «От Аханичева жилища до Ганалина жилища – 33 версты. От Опачина острожка до верхнего брода – 33 версты, от верхнего брода до Аханичева жилища – 22 версты (Крашениников С. П. «Описание земли Камчатки»)). Укрепилось это «жилище» как некий населенный пункт в 1765 году по приказу Ф. Плениснера для поддержания так называемой «каюрной гоньбы» – своеобразного дорожного тракта от Верхнекамчатского острога до Петропавловской гавани и Большерецкого острога, на котором привычную для России роль лошадей и ямщиков выполняли нартовые собаки и каюры. Судя по фамилиям, исключая Аббакумовых, жителями этого острожка стали жители окрестных сел, переселенные сюда для поддержания «каюрной гоньбы», вероятно, после опустошительной эпидемии («горячки») 1768 года, обрушившейся именно на те камчатские

селения и их жителей, которые и располагались на этом «тракте».

Название Малка появляется значительно позднее и связано оно, как мне кажется, с горячими лечебными источниками, которые обнаружены здесь гораздо позже, чем описанные еще во времена, тогда еще студента, будущего академика С. П. Крашенинникова другие горячие источники Камчатки, но именно с которыми и была связана идея создания на Камчатке собственной лечебницы на ключах (или Ключах, с большой буквы, как первоначально они и назывались).

Откуда же появилось новое название – Малка?

По моей версии – это прямой аналог других Малок. Давайте заглянем в энциклопедию: Малка – горная река, одна из немногих кавказских рек. Река протекает в диком и труднодоступном ущелье, иногда переходящем в каньон. В районе Джыла-Су имеются горячие источники. Истоки Малки несут свои воды с северных склонов г. Эльбрус.

Но каким образом название горячих источников с Кавказа перекочевало на далекую Камчатку, о существовании которой мало кто знал в то время в России?

Как мне показалось, ответ на этот вопрос довольно прост: в начале XIX века комендантом Камчатки и командиром Камчатского гарнизонного батальона (прежде печально известного на полуострове Сомовского полка, о котором мы будем часто вспоминать в этой книге) был генерал-майор Павел Иванович Кошелев, который прежде служил на юге России адъютантом будущего фельдмаршала и героя Отечественной войны 1812 года Михаила Илларионовича Кутузова. (Кошелев Павел Иванович, генерал-майор. Родился в 1764 г., умер после 1831 г. Награды: орден Св. Владимира 3-й ст., Св. Анны 2-й ст.; крест за Измаил. Из дворян Орловской губернии. На военную службу записан в 1774 г. фурыером в лейб-гвардии Преображенский полк, действительное ее прохождение началось в 1789 г. в лейб-гвардии Конном полку в чине вахмистра. В 1790 г. ротмистром Ямбургского карабинерного полка принял участие в боевых действиях с турками. За отличие при штурме Измаила произведен в секунд-майоры и переведен в Бугский

егерский корпус. В 1791 году в Константинополе при подписании знаменитого Ясского договора, завершившего русско-турецкую войну 1787–1791 гг., служил адъютантом графа М. И. Кутузова. 11 апреля 1800 г. назначен командиром Московского гарнизонного полка. С 15 сентября 1800 г. по 17 апреля 1801 г. – комендант Ахтиарской (Севастопольской) крепости и шеф сводного гарнизонного своего имени полка, затем с 21 ноября 1801 г. служил в Белевском мушкетерском полку.)

В те годы очень модным был летний отдых на горячих водах Северного Кавказа, куда съезжались титулованные особы и военные. Вполне возможно, что там побывал и Кошелев. Вполне возможно, что именно он и перенес название кавказской реки Малка на Ключи, где в 1806 году по его приказу на Малкинских (у Сгибнева ошибочно – Мильковских) водах построена была больница для венерических больных, и Кошелев просил Иркутского губернатора прислать сюда для работы специалиста-медика.

А вот теперь мы расскажем о семейной легенде Абакумовых, объясняющих появление их фамилии в этом селении и некоторых особенностях и традициях рода, которые разительно отличались от других малкинских семей, почему и остались в памяти последующих поколений.

«Первые Абакумовы были привезены в Малку с восточного берега Камчатки. На Камчатку они были привезены за какие-то провинности, вернее всего, как последователи протопопа Аввакума, и как миссионеры: у нашего дедушки Петра Петровича было много старинных книг религиозного содержания, которые были сожжены в период коллективизации во избежание возможных катаклизмов. Кроме того, и оказание жителям медпомощи, когда не было в Малках медработников и медпунктов. Породившись с местными жителями, Абакумовы стали все очень умелыми охотниками и занимались этим из поколения в поколение.

Наш прадедушка Петр Петрович Абакумов родился в Малках. В основном занимался охотой и рыбной ловлей. Умер в 1937 году. Имел шестерых сыновей. Один из них, Иван Петрович, родился в 1901 году – наш дедушка.

Они все жили одной семьей, имели коров, лошадей, необходимых для охоты. И их раскулачили, т. к. во время коллективизации допускались перегибы, доходящие до смешного. Потом Ивану Петровичу это надоело и он переехал в Ганалы, где его выбрали председателем колхоза им. Крупской. Он не любил руководить, а его любимым увлечением была охота. Когда все успокоилось, он вернулся в Малку и стал выполнять план колхоза им. 1 мая по пушнине.

Поскольку еще и до революции сёла Ганалы, Малки, Начики относились к Большерецкому приходу, то все малкинские трудоспособные мужчины обязаны были в Большерецке исполнять своеобразную трудовую повинность и зачастую привозили оттуда себе жен. Так Иван Петрович женился на Анне Петровне Бречаловой, родившейся в 1898 году в Большерецке. В 1961 году Иван Петрович умер и похоронен в Малках. Анна Петровна умерла в 1977 году.

Наш отец, Николай Иванович, родился в 1923 году в Малках и прожил там всю свою жизнь за исключением пребывания в армии с 1942 по 1947 год. Воевал на Курилах. Был колхозником, работал в РМС рыбвода, сопровождающим почту, охотником в госпромхозе, на Малкинских минеральных водах. Умер он в 1982 году.

Мы его дети:

Абакумов Андрей Николаевич – 1949 г.

Абакумов Владимир Николаевич – 1956 г.

Абакумов Валерий Николаевич – 1959 г.

Зеленкова Галина Николаевна – 1951 г.

Иванова Тамара Николаевна – 1953 г.

Зеленкова Нина Николаевна – 1961 г.» (более подробно об этой уникальной семье рассказано в очерке «Просветительница из Малок», который подготовлен на основе писем Вероники Вячеславовны Болдыревой-Аббакумовой, свято хранящихся у ее дочери – Нины Николаевны Зеленковой).

В этом документе отсутствует одна очень важная подробность об Аббакумовых – из поколения в поколения они в силу исторических событий становились, как и многие другие камчадалы, защитниками Отечества. Трое из этого рода – Алек-

сандр, Деомид и Яков приняли участие в отражении японских «хищников» в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (более подробно об этих событиях написано в очерке «Хроника неоконченной войны»).

Николай Иванович Аббакумов был участником Курильского десанта. Ему посвятил эти вот строки его родной внук Федор Зеленков:

Светлой памяти моего деда посвящается

*И помнит мир спасённый.
Вечен ваш подвиг в сердцах поколений грядущих.*
(Надпись у подножия памятника на острове Шумшу)

«Шумшу... Кто на Камчатке не слышал об этом острове?

Шумшу... Каменистая земля острова обильно полита солдатской кровью и перемешана с зазубренными осколками снарядов, ржавыми патронными гильзами. Остовы танков там и тут, поникшие стволы орудийных пушек, кажется, и сейчас несут смерть.

Радовалась и ликовала в мае 1945 года Советская страна. Гремели салюты в столице нашей Родины – Москве и городах-героях. Победителей встречала вся русская земля. По Красной площади проходили парадным строем колонны. Поверженные фашистские штандарты, брошенные на землю, бесславно закончили свой позорный путь.

Но советские люди знали: на востоке затаился злобный и коварный враг – империалистическая Япония, верная союзница фашистской Германии.

На предложение о безоговорочной капитуляции японское правительство ответило категорическим отказом. Страны-союзницы обратились с просьбой включиться в войну против Японии.

Грядой Курильских островов, открытых и освоенных русскими землепроходцами в конце прошлого столетия, завладели японские империалисты. Укреплению гряды, особенно северных ее островов – Шумшу и Парамушир, – японцы придавали исключительно важное значение. На этих островах было

сосредоточено до двадцати трех тысяч солдат и офицеров, созданы хорошо оборудованные огневые точки.

Ночью пятнадцатого августа главнокомандующий Советской армии на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Василевский отдал приказ о начале немедленной операции по овладению Курильскими островами.

Срок для подготовки операции был немислимо минимальным – менее двух суток.

Участником Курильского десанта был и мой дед Аббакумов Николай Иванович. К сожалению, я никогда не видел деда, его нет с нами уже двадцать три года. Но со слов своих близких, из рассказов мамы я знаю, что он родился в 1923 году в селе Малка, что это был замечательный человек, труженик, хороший отец, муж. Они с бабушкой вырастили семерых детей, всем дали образование. Дети продолжают достойно нести фамилию Абакумовых. Дед никогда не рассказывал о войне. Да и дети, близкие люди, видимо, не спрашивали его. Так часто случается, что мы редко интересуемся прошлым с нами рядом живущих: кажется, успеет еще, мы уверены, что они будут жить вечно. И вдруг жизнь человека оборвалась и спросить о нем некого.

Пытаясь восстановить события тех дней, я перечитал очень много книг о Курильском десанте. Очень хотелось среди имен и фамилий участников боев за Курилы встретить фамилию своего деда. Этого не случилось. Но в Книге памяти я встретил фамилию Аббакумова Савелия Александровича 1919 года рождения, погибшего 02.03.43 года, похороненного в Курской области, и фамилию Аббакумова Бориса Павловича 1928 года рождения, погибшего 24.08.1945 года.

Кто они моему деду? Родственники или однофамильцы? И на эти вопросы нет у меня ответа.

Но, перелистав много страниц, посвященных Курильскому десанту, я узнал, как это было.

На формирование десанта и его подготовку к погрузке отводилось два дня. В ночь на шестнадцатое августа 1945 года началась погрузка. Стояла тихая безветренная погода. Небо в серой дымке. В океан вышли на рассвете. Суда построились в

кильватерную колонну – 64 судна. Впереди шли боевые корабли во главе с крейсером “Дзержинский”.

На рассвете следующего дня суда подошли к острову. Японцы молчат. Томительно тянутся минуты. И вдруг воздух прорезал свист снаряда. Вслед за ним – второй. Почти одновременно в разных местах острова огнем и дымом вздыбилась земля. Это по нашему радиосигналу ударили с боевых кораблей и с мыса Лопатки. Бой начался. До берега оставалось не более полукилометра, когда загорелись один за другим несколько судов. Наступил момент, когда с высадкой было медлить нельзя.

Поступил приказ прыгать всем в воду и добираться вплавь. “Мы несли большие потери и в плавсредствах, и, что особенно тяжело переживать, в личном составе”, – вспоминал генерал-майор А. Р. Гнечко, командующий в 1945 году камчатским оборонительным районом.

Мой дядя, Аббакумов Андрей Николаевич, тоже вспоминал, что дед рассказывал, что во время десанта погибло очень много солдат, так как плавать многие не умели. Из-за отлогого дна, песчаных отмелей и из-за перегруза не все десантные корабли смогли подойти близко к берегу.

Первым из десантников бросились в воду морские пехотинцы майора Г. А. Потарева. Моряки на себе, по горло в ледяной воде, переносили на берег минометные орудия, боеприпасы. Враг обрушил на смельчаков боевые удары, сосредоточил огонь артиллерии. Но десантников уже ничего не могло остановить. Самураи не ожидали такого прорыва. Первыми двумя траншеями моряки овладели с ходу. Оставалась еще одна, последняя...

Впереди была высота сто семьдесят один метр. Кряжистый кустарник, стлавшийся по земле, связывал движение, а карликовая растительность острова не смогла скрыть от глаз японцев наших десантников.

До очередных глазниц дотов оставалось метров сто. Но сколько мужества и отваги нужно, чтобы подняться навстречу шквалу огня и преодолеть это небольшое расстояние!

Моряки пошли в атаку. Завязалась ожесточенная схватка за высоту. Из каждого японского дота хлестали пулеметные очереди, скашивая цепи атакующих.

Николай Вилков, а за ним Петр Ильичев, повторив подвиг

Александра Матросова, закрыли своими телами вражеские доты, спасли жизнь многим товарищам, обеспечили успешное выполнение боевой задачи.

Боевое Красное знамя, которое нес на груди под бушлатом Николай Вилков, было водружено на высоте ста семидесяти одного метра.

Тридцать первого августа 1945 года Курильские острова были полностью освобождены от японских захватчиков.

Вот так о событиях тех лет пишет А. Н. Волчанский, бывший представитель морского командования в Курильской операции: “Штурмовали морскую крепость Шумшу многие тысячи воинов, конечно, описать действия каждого невозможно. Но есть основное, характерное для всех участников операции, это – беспредельная преданность Родине, непреклонная воля к победе, самоотверженность и героизм”.

Среди многих “тысяч”, о которых пишет Волчанский, был и мой дед.

Сохранился военный билет деда. 10 апреля 1942 года он был призван на действительную службу. 1 мая 1942 года принял присягу при пятом стрелковом батальоне. С 18 августа 1945 года по 3 сентября принял участие в боях с Японией в составе 302 стрелкового полка. Рядовой. Стрелок. Награжден медалью “За победу над Японией”.

И когда слышишь, что японцы претендуют на некоторые Курильские острова, то сердце сжимается от боли за тех, кто положил жизнь в битве за исконно русские земли. А те политики, которые частенько заявляют о возможности передачи островов, вызывают у меня ненависть. Они не открывали эти острова, они не защищали их в Великую Отечественную войну, они не знают цены каждой пяди нашей земли. Разве мы, живущие в России, не обязаны сберечь то, что такими невероятными усилиями до сегодняшнего дня сохраняли наши соотечественники в тяжелые дни испытаний, которые выпали на долю нашего великого многострадального народа?»

АБРОСИМОВЫ (ОБРОСИМОВЫ)

В документах мы находим сведения об Обросимове (Абросимове) Василии Ивановиче. Мещанин в Нижнекамчатске, 1812 г.,

47 лет. Жена Агрипина Игнатьевна (35 лет). Сын Иван (13). Девица Ефимия Ивановна Обросимова. (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

В документах, датированных 1838 годом, мы находим имя его сына Ивана в списке крестьян и мещан, проживающих в Нижнекамчатске.

И вот еще одна более поздняя и в нашей картотеке последняя запись: Обросимов (Абросимов) Михаил Кузьмич, государственный крестьянин в с. Нижнекамчатске, 40 лет. Жена Евдокия Васильевна (38). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Других сведений о том, как пришла на Камчатку и куда ушла эта фамилия с полуострова, у нас нет.

АЛЕКСАНДРОВЫ

И в этом случае информация у нас более чем скудная: Александровы, камчадалы, с. Белоголовое, 1893 г. Вполне возможно, что их крестным, который оставил свою фамилию, был казак Алексей Александровых, служивший в эти годы на Камчатке. Других версий у нас пока нет.

АЛЕКСЕЕВСКИЕ

По материалам Исповедальных росписей камчатских церквей за 1893 год мы имеем следующую информацию: Алексеевский Федот Афанасьевич – крестьянин селения Николаевского, 29 лет. Жена Ольга Дмитриевна (25). Дети: Ксения (5), Николай (4), Василий (1). Двоюродные его сестра и брат Алексеевские: Ирина (23), Улита (19), Устин Ильич (13).

Алексеевские, вероятно, новопоселенцы из той группы крестьян с. Николаевского, которые прибыли на Камчатку при губернаторе В. Завойко.

АНИСИМОВЫ

Тигильские казаки.

В «Исповедальной росписи Тигильской Христорожествен-

ской церкви за 1893 г.», хранящейся в Государственном архиве Камчатского края, записаны: Анисимова Неонила Павловна, вдова казака, 38 лет. Сыновья: Григорий (15), Иван (12).

А также Анисимов Григорий, 76 лет. Жил в семье отставного казака Косыгина Луки Ивановича (жена Дарья Григорьевна), вероятно, это тесть Луки Ивановича.

В том же году в Тигиле жил Михаил (отчество не указано) Анисимов, кантонист, 18 лет.

Других сведений пока нет.

АНКУДИНОВЫ

Исходя из тех материалов, которые удалось отыскать, первые служилые Анкудиновы появляются на Камчатке в 1706 году. Это был приказчик Верхнекамчатского острога Федор Анкудинов. Вполне возможно, что он происходил из того же казачьего рода якутских казаков, что и Герасим Анкудинов (или Анкидинов), спутник Семена Дежнева в 1648 году по знаменитому плаванию, позволившему открыть путь из Северного Ледовитого океана в Тихий, или Великий океан. Недалеко от Чукотского носа коч Анкудинова разбило, и бывшие на нем люди перебрались на судно другого спутника Дежнева – Федота Попова. В проливе (который совершенно, на мой взгляд, несправедливо будет назван Беринговым) во время бури кочи Дежнева и Попова разъединились, и о дальнейшей судьбе Анкудинова и его спутников точных сведений нет. Если же верна гипотеза историка Бориса Петровича Полевого о том, что кочи Попова зимовали в бассейне реки, впоследствии получившей название Камчатка, то первым «камчадалом» из рода Анкудиновых был все-таки не приказчик Федор, а Герасим. Поэтому нам интересны и некие подробности об этом человеке, которые сообщают историки: «по словам И. и В. Магидовичей, соперник С. Дежнёва, подавшего повторную просьбу (после неудачного плавания в 1647) о назначении его ответственным за сбор ясака, Анкудинов обещал (как и Дежнёв) сдать в казну те же 280 соболей и вдобавок подняться на государеву службу своим животом [средствами], судном и оружием, порохом и всякими заводы». Взбешённый Дежнёв предложил тогда сдать 290 со-

болея и обвинял Анкудинова, будто тот «прибрал к себе воровских людей человек с тридцать, и хотят они торговых и промышленных людей побивать, которые со мною идут на ту новую реку, и животы их грабить, иноземцев хотят побивать же...» Власти Колымы утвердили Дежнёва, но, вероятно, не чинили препятствий и Анкудинову, который со своими «воровскими людьми» и кочем присоединился к экспедиции во главе с купцом Ф. А. Поповым. 20 июня 1648 года из Колымы вышли в море и повернули на восток 7 кочей (7-й принадлежал Анкудинову), на которых было 90 чел. Дежнёв и Попов находились на разных судах. В проливе (Лонга), возможно, у м. Биллингса во время бури разбились о льды 2 коча. Люди с них высадились на берег; часть была убита коряками, остальные, вероятно, погибли от голода. На 5 оставшихся судах Попов, Дежнёв и Анкудинов продолжили плавание на восток. Вероятно, в августе мореходы оказались уже в проливе (Беринговом), отделяющем Азию от Сев. Америки. В проливе коч Анкудинова разбился, все люди спаслись и перешли на оставшиеся 4 судна. 20 сент. у м. Чукотский или уже в районе залива Креста, по показаниям Дежнёва, «на пристанище [в гавани] чукочьи люди» ранили в стычке Попова, а через несколько дней (ок. 1 окт.) «того Федота со мною, Семейкою, на море разнесло без вести». Следовательно, 4 коча, обогнув сев.-вост. выступ Азии (м. Дежнёва), впервые в истории прошли из Северного Ледовитого в Тихий океан. В одной из своих челобитных Дежнёв сообщал об этом выступе следующее: «...а тот Нос вышел в море гораздо далеко, а живут на нем люди чухчи добре много. Против того же Носу на островах живут люди, называют их зубатыми [эскимосы], потому что понимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных... А тот Большой Нос мы, Семейка с товарищами, знаем, потому что разбило у того Носу судно служилого человека Ярасима Онкудинова с товарищами. И мы, Семейка с товарищи, тех разбойных [потерпевших крушение] людей имали на свои суды». Видимо, к следующей экспедиции Дежнёва (1655) относятся его слова о судьбе пропавших в 1648 «кочевщиков»: «А в прошлом 1662 году ходил я, Семейка, возле моря в поход. И отгромил... у

коряков якутскую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что-де Федот и служилый человек Герасим [Анкудинов] померли цингою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди, и побежали с одною душою, не знаю-де куда...» Разновременные показания подтверждают, что Попов и Анкудинов со своими спутниками были заброшены бурей в своём коче на Камчатку, провели там, по крайней мере, зиму, и что, следовательно, открыли Камчатку они, а не позднейшие землепроходцы, пришедшие на полуостров в конце XVII в. (Владимир Богуславский. Материал из кн.: «Славянская энциклопедия. XVII век». М., ОЛМА-ПРЕСС. 2004.)

В конце XVIII века флотский лейтенант Г. А. Сарычев писал: «Среднеколымск расположен на левом берегу Колымы. Он огорожен деревянным забором, внутри его церковь, а около оной несколько домов. Сей острог назывался прежде “Ярмонга”. Эту крепость позже в народе стали называть “Башня казака Анкудинова”. В 1647 году в Среднеколымском ясачном остроге оказался казак Герасим Анкудинов. Он прибыл сюда без разрешения якутского воеводы из Усть-Янского зимовья, услышав о здешних богатствах. В описании товарищей Анкудинов предстает “кудлатым”, с черной курчавой бородой и огромными ручищами. По характеру буйный, привыкший жить разгульно, не желая над собой контроля и отказавшись подчиняться Среднеколымскому приказчику, стал соперником Дежнева по сбору ясака. Герасим Анкудинов по собственной инициативе предпринял морской поход вдоль всего северного берега Чукотки. Знаменитый морской поход на Анадырь с Семеновым Дежневым начался с 20 июня 1648 года. К Берингову проливу из семи кочей дошли только два коча Дежнева. Остальные исчезли в пучине моря у Большого Каменного Носа, в том числе и коч Герасима Анкудинова. Речка Анкудинка, которая впадает в Колыму, делит Среднеколымск на две части. Правая сторона города называлась “Анкудинской” в память о казаке Герасиме Анкудинове».

Приказчик Федор Анкудинов правил на Камчатке в 1706 году.

На границе XIX и XX веков мы находим представителей старинной казачьей фамилии Анкудиновых в Анадыре, запи-

санных уже в мещанское сословие (эта участь коснется и многих камчатских родов, записанных в связи с сокращением числа служилых в мещане или в крестьяне). В 1893 году зарегистрированы две семьи мещан Анкудиновых в Анадыре:

Анкудинов Иннокентий Данилович, мещанин Анадыря, 63 года. Сыновья Андрей (34), Иван (28). И Анкудинов Михаил Семенович, мещанин Анадырска, 22 года. (Исповедальная роспись Анадырской Николаевской церкви за 1893 г., ГАКК.)

АННЕНКОВЫ

Случай появления этой фамилии на Камчатке единичный, но, на наш взгляд, также заслуживает внимания.

Анненков (Тимирязев) Юрий Павлович (Борис) (1889–1974)

Художник, писатель.

Родился в Петропавловске-на-Камчатке, куда его отец был сослан за революционную деятельность.

Юрий Павлович Анненков (лит. псевд. Б. Темиряев) родился 11 (23) июля 1889 года в Петропавловске-на-Камчатке. Он сын Павла Семеновича Анненкова (? – 1920), народовольца и друга Веры Фигнер.

В 1893 году с семьей переезжает в Петербург, где кончает гимназию и юридический факультет университета. С детства увлекался живописью, учился в художественных школах Штигилица и Зейденберга. Один из виднейших художников русского авангарда 20-х годов. Знаменит портретами, кино и театральными декорациями. По поручению правительства создает серию рисованных портретов революционных лидеров, в том числе Ленина и Троцкого. В 1924 году выезжает в Италию на международную художественную выставку и остается на западе. Живет в Париже. Мемуары Анненкова, изданные в Нью-Йорке в 1966 году, ходили в самиздате. (Юрий Анненков, Дневник моих встреч, Цикл трагедий, Москва, 1992.)

В 1905–1906 годах рисовал политические карикатуры для нелегального гимназического журнала, за что был исключен из казенной гимназии и перешел в частную гимназию Столбцова.

В 1907 году познакомился с Репиным (1844–1930), который стал для него самым почитаемым мастером. В 1908 году поступил на юридический факультет Петербургского университета и одновременно вместе с М. З. Шагалом (1887–1985) стал заниматься в мастерской художника С. М. Зейденберга (1862–1942). В 1909 году, провалив экзамен в Академию Художеств, поступил в мастерскую Я. Ф. Ционглинского (1858–1912), у которого учился до 1911 года. В 1911 году по совету Ционглинского поехал в Париж, занимался в частных мастерских Ф. Валлотона и М. Дени, испытал сильное влияние кубизма и футуризма. В 1913 году дебютировал в салоне «Независимых» с картинами «Вечер» и «Пейзаж», в которых определились черты, присущие его зрелому творчеству. Лето 1912 года провел в Бретани, исполнил для ученых зарисовки морских рыб и растений, часть которых была опубликована в диссертации зоолога З. Бей-Нафильяна в Сорбонне.

В 1913 году вернулся в Петербург. В последующие 5 лет создал много станковых произведений. В этом же году дебютировал в качестве декоратора, оформив спектакль «Nomo sariens» Н. Н. Евреинова для театра «Кривое зеркало». В дальнейшем сотрудничал во многих театрах Петрограда и Москвы. В 1916–1923 годах прославился как выдающийся портретист. Создал обширную галерею живописных и графических портретов многих деятелей русской культуры: Ахматовой, Замятина, В. Ф. Ходасевича, Бенуа, Горького, М. А. Кузмина, А. М. Ремизова, З. И. Гржебина, Ф. К. Сологуба, Н. Н. Евреинова, Пастернака и др. В 1920 году написал портреты Троцкого, Зиновьева и Луначарского. В 1924 году получил первую премию за портрет Ленина на всесоюзном конкурсе.

В советские годы много занимался графикой. Рисовал для сатирических журналов «Мухомор» (1922) и «Дрезина» (1923–1924); оформил приказ Реввоенсовета по случаю 5-летия Красной Армии (от 05.11.1923; единственный случай издания военного приказа при участии художника); в 1921 году исполнил обложки и иллюстрации к книгам «Зверушки» Н. Венгерова и «Искусственная жизнь» А. Беленсона, в 1923 году к «Мойдодыру» К. Чуковского (выдержала более 30 переизданий) и

др. Самая известная работа в этом жанре – иллюстрации к поэме Блока «Двенадцать» (1918).

В 1921–1924 годах исполнил декорации к спектаклям «Самое главное» и «В кулисах души» Н. Евреинова, «Бунт машин» А. Н. Толстого для БДТ и др. В спектакле «Скверный анекдот» по Достоевскому для Эрмитажного театра выступил как декоратор и режиссер. В 1920 году вместе с Добужинским (1875–1957) и В. А. Шуко (1878–1939) оформил мистерию «Гимн освобожденному труду» на площади перед фондовой биржей в Петрограде; в 1921 году поставил и оформил массовое театрализованное зрелище «Взятие Зимнего дворца» на Дворцовой площади. В 1919–1921 годах опубликовал ряд обширных критических статей о театре в газете «Жизнь искусства».

В 1924 году выехал в Венецию для участия в XIV Международной художественной выставке. Затем поселился в Париже вместе с женой Е. Гальпери, балериной и актрисой театра Н. Ф. Балиева «Летучая мышь». В последующие годы оформил для французских театров в общей сложности более 60 пьес, балетов и опер. После 1934 года много занимался кинематографом, оформил декорации и костюмы более чем для 50 кинофильмов. Получил премию Американской академии искусств «Оскар» за костюмы к фильму «Мадам де***» (реж. М. Офюльс, 1954). В 1945–1955 годах был президентом «Синдиката техников французской кинематографии». Публиковал статьи о театре и искусстве в «Русской мысли» и «Современных записках» (под псевдонимом Б. Темирязов). Выпустил несколько книг воспоминаний.

За рубежом не оставлял занятий станковой живописью и графикой. Во французских журналах часто воспроизводились его пейзажи парижских предместий, женские портреты, интерьеры. Для большинства работ характерна свободная игра цветовых пятен и контуров, декоративно-плоскостная манера.

Участвовал в Международной выставке художественно-декоративного искусства в Париже (1925), выставках «Искусство книги» в Лейпциге (1927), группы «Мир искусства» в Париже (1927), «Современного русского искусства» в Филадельфии (1932) и «Современного французского искусства» в

Москве (1928). Провел персональные выставки в парижских галереях Биллер (1927), Катр Шмэн (1928), Бинг (1929 и 1930), Бешер и Криллон (обе 1934) и др.

Юрий Павлович Анненков умер в 1974 году в Париже.

АНТИПИНЫ

Самые ранние сведения о фамилии – Антипин Алексей, крещеный камчадал Карымча Черной, а также – Антипов Яков, крещеный коряк, участник восстания 1740-х годов («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.», Л. 1935 г., стр. 119, далее «Колониальная политика...»)

Свою фамилию они, вероятно, получили от казака Антипина Василия, служившего в те годы на полуострове.

Возможный его потомок – Антипин Иван Михайлович был воспитателем отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона в Нижнекамчатске. Ему в 1812 году было 48 лет. Дети: Георгий (2), дочь Агафья (4), падчерицы Матрена (18), Евгения (9). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Фамилия до нашего времени не дошла.

АНТОНОВЫ

В дореволюционных поселках камчадалов эта фамилия встречалась только в селе Апаче, которое некоторые исследователи называют северной окраиной Курильской земли (правда, есть упоминание об Антонове ??? (так как имя и отчество написаны очень неразборчиво) – жителе с. Ича в 1838 г.), но других данных больше нет (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 145).

Фамилия досталась камчадалам при крещении, вероятно, от большеерецких казаков Антоновых, так как Апачинский (Опачинский) острожек относился к Большеерецкому присуду (но подтверждений для этой версии у нас нет).

Камчадалы Антоновы представляли собой довольно большой род, только в обороне Камчатки в русско-японскую войну Антоновы выставили нескольких дружинников – Аверкия, Алексея, Василия, Данилу, Федора.

О том, как воевал Василий Антонов, сохранились архивные материалы, которые мне удалось разыскать в Центральном государственном архиве Дальнего Востока РСФСР (они опубликованы в очерке «Хроника неоконченной войны»).

Когда мы попытались найти родословные героев обороны Камчатки, то столкнулись с такими вот трудностями: в Апаче, откуда родом камчадалы Антоновы, в 1893 году проживали Алексей 1-й (36) и Алексей 2-й (30), братья Трифона Федоровича Антонова. У Алексея 2-го Федоровича были сыновья Аверкий (14) и Федор (10). У Антонова Иосифа Даниловича был сын Василий (12), у его брата Матвея Даниловича сын Даниил (10). Это, по всей видимости, и есть герои обороны Камчатки, потомки которых и по сей день живут на полуострове.

Сохранились в истории сведения еще об одном интересном представителе этого рода – Антонове Дормидонте Иннокентьевиче, который был в 1905 г. награжден серебряной медалью «За заботы об Апачинской школе и за прекрасное ее состояние» (ЦГА ДФ РФ, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

Сохранились сведения о детях Дормидонта Иннокентьевича: в 1893 году у него были Петр (18 лет), Иннокентий (7), Николай (2), Мария (5), 4 мая 1894 года родился Исай Дормидонтович.

В Книге памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны, мы также находим фамилии Антоновых:

Антонов Алексей Васильевич, гвардии младший сержант, 1919 г. р., служил в Нежинской механизированной бригаде, погиб 1 сентября 1943 года, захоронен в д. Светово Курской области.

Антонов Андрей Тимофеевич, курсант, 1923 г. р., погиб 13 апреля 1943 г., захоронен на х. Дубровка Снежнинского района Волгоградской области.

Антонов Григорий Алексеевич, 1909 г. р., погиб 18 августа 1945 года на острове Шумшу, где и захоронен.

АРЕФЬЕВЫ (ОРЕФЬЕВЫ)

Эта фамилия появляется среди коренного населения Камчатки примерно в одно и то же время, но совершенно в разных

местах – в центральной части полуострова и на северо-западе: в 1745 г. она зафиксирована в Камаковском острожке, в 1748 г. в Напанском, в 1750 г. опять в Камаковском.

В 1893 году, по данным Исповедальных росписей, эта фамилия встречается в с. Напана и Еловка.

А причина появления этой фамилии у аборигенов очень проста – в проповеднической свите архимандрита камчатского Иоасафа Хотунцевского был драгун Арефьев (Орефьев), который и оставил камчадалам и корякам свое имя.

АСЛАМОВЫ (АСЛАНОВЫ)

Асланов Осип Иванович, камчадал Большерецкого ведомства острога Озерновского в 1773 г., был в составе артели зверопромышленников на боте «Св. Евпл», направлявшемся в Русскую Америку (Макарова Р. В. «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века», М., 1968 г.).

Фамилией своей он, скорее всего, обязан Асламову Федору, казаку, имя которого осталось в истории Камчатки за то, что казак был бит кнутом в Большерецком остроге как один из виновников Харчинского бунта.

До нашего времени эта камчатская фамилия не дошла.

АСТАФЬЕВЫ (ЕВСТАФЬЕВЫ)

Впервые мы встретились с этой фамилией в списках участников народного ополчения Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.: Иван Астафьев (Большерецкая дружина), с. Голыгино. Только на самом деле это был не Астафьев, а Евстафьев (см. Евстафьевы).

АТЛАСОВЫ

Информация о Камчатском Ермаке, фамилия которого и по сей день сохраняется на Камчатке, самая противоречивая. На форуме сайта «Камчадалы.ру» мы отобрали эту статью, которая, на наш взгляд, наиболее соответствует нашему представлению об Атласове (хотя лучше всего обратиться к двухтомнику Б. П. Полевого – «Новое об открытии Камчатки», ч. 2, Петропавловск-Камчатский, 1997 г.): «Он происходил из ус-

тужской крестьянской семьи, которую нужда заставила переселиться за Урал. Выросший на Дальнем Востоке, прошедший молодые годы в скитаниях по диким сибирским тундрам в обществе казаков-землепроходцев, Атласов был типичнейшим представителем тех людей, которые всю жизнь проводили в борьбе с сибирской природой и дикими инородцами. Железная энергия, предприимчивость, беззаветная удаль, необыкновенная выносливость с одной стороны, страсть к наживе, жестокость и отсутствие каких бы то ни было нравственных принципов с другой – вот черты, из которых складывался характер Атласова. Кроме того, он обладал недюжинным природным умом и был грамотен, что в те времена, да еще на сибирской окраине, было редкостью.

В 1672 году он был поверстан на государеву службу в Якутске и затем более 20 лет провел “в дальних заморских службах”, которые исполнял, по его собственным словам, “со всяким чистосердечием”. Вероятно, во время этих дальних служб он и ознакомился с краем, лежащим к северу от Камчатки и бывшим тогда уже в русских руках; тогда же узнал он про существование самого полуострова, и у него зародилась мысль завладеть этой землей.

В 1695 году Атласов был уже казачьим пятидесятником, и якутский воевода Мих. Аф. Арсеньев назначил его приказчиком в Анадырский острог как человека бывалого и знающего край. Атласов, еще не выезжая из Якутска, стал готовиться к камчатскому походу. Он занял у подьячего Ивана Харитоновна 160 рублей, купил на эти деньги порох, свинец и другие необходимые запасы и роздал их своим людям безденежно. Затем он занял еще пороху и свинцу у торгового человека Михаила Остафьева “в кабалу на 120 лисиц красных”, и это тоже роздал служилым людям, которые впоследствии платили ему за эти запасы “собольми своего промыслу”. Таким образом, в камчатском походе Атласову принадлежала не только самая идея, но и затраты по предприятию и весь риск.

Приехав в Анадырск в последних числах августа, Атласов немедленно приступил к выполнению своего плана: в 1696 году он послал казака Морозка с 16 товарищами собрать ясак с

коряков, живущих по р. Апуке, и вместе с тем разведать про пути в Камчатку. Морозко проник далеко на юг, погромил один камчадалский острог на реке Тигиле, собрал достоверные сведения о Камчатке и узнал, что за ней есть еще целая гряда островов.

Тогда Атласов, собрав в 1696 году ясак с Анадырских юкагиров и отослав его в Якутск, двинулся осенью на Камчатку “на службу великого государя для прииску новых земель и для призыву под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясачных людей, которые под царскою высокосамодержавною рукою в ясачном платеже не бывали”. Атласов взял с собой 60 служилых и промышленных людей да 60 анадырских ясачных юкагиров для соболиного промыслу. Через 2 недели отряд дошел до Пенжинской губы и “ласково и приветом” взял ясак с живших тут коряков, затем двинулся “в камчатцкой нос” и, обложив ясаком встретившиеся на пути олюторские юрты, разделил свой отряд на две равные части: сам Атласов пошел по западному берегу Камчатки, а Луке Морозку приказал идти по восточному. В это время произошло возмущение юкагиров, которые осадили Анадырский острог, но неудачно. Шедшие с Атласовым юкагиры тоже взбунтовались на реке Палане, 3 казаков убили и 15 ранили, в том числе и самого Атласова (“во три местех”). Тогда Атласов велел Морозку вернуться к себе, и общими силами они усмирили юкагиров. Обложив ясаком, отчасти ласкою, отчасти насилем, все встречные корячки и камчадалские острожки, Атласов, по челобитью своих подчиненных, двинулся на реку Камчатку и нашел тут большие инородческие поселения. Здешние камчадалы распались на несколько враждебных друг другу родов, и Атласов умело воспользовался этим: обещанием помощи привлек на свою сторону некоторые поселения и при их поддержке завладел и остальными.

Двинувшись с реки Камчатки далее на юг, Атласов был опять задержан: оленные коряки хотели украсть его оленей “для того, чтоб им, Володимеру с товарищи, великому государю служить было не на чем”. Атласов погнался за ними и настиг их у Пенжинского моря. “Бились день и ночь, и Бо-

жиею милостию и государевым счастием их коряк человек ста с полтора избили и олени отбили”. Двинувшись далее, Атласов нашел у камчадалов на Нане узакинского (т. е. японского) пленника, собрал у него некоторые сведения об Японии и взял его с собой. Налагая ясак на коряков, камчадалов и курильцев, Атласов достиг реки Каланской (теперь Гольгина), т. е. не дошел до Лопатки всего 5 дней на пути. Оттуда он вернулся назад. На реке Иче пали у него все олени, ехать в Анадырск было не на чем, и Атласов принужден был тут перезимовать.

Тогда же на реке Камчатке был поставлен Верхнекамчатский острог, в который Атласов отрядил Потапа Серюкова с 15 казаками и 13 юкагирами. Повинуясь челобитью остальных своих подчиненных, Атласов повел их в Анадырский острог, поставив перед уходом при впадении Канучи (Крестовая) в Камчатку крест с надписью: “205 году, июля 13 дня, поставил сей крест пятидесятник Владимир Атласов с товарищи, 55 человек”. Этот крест видел еще Крашенинников. Из Анадырска Атласов с ясачною казною, служилыми людьми и узакинским пленником пошел на лыжах в Якутск. Но пленник по дороге “ногами заскорбел” и вернулся в Анадырск, а Атласов с ясаком благополучно прибыл в Якутск в середине 1700 года и подал там “скаску” о камчатском походе и о собранном ясаке, который был не особенно велик, так как инородцы “в ясаке упрашиваютца до осени”, говоря, что у них лишних мехов не запасено.

Якутский воевода Дорофей Афан. Траурнихт послал покорителя Камчатки с собранным ясаком в Москву, куда Атласов поспел к началу февраля 1701 года; 10 числа того же месяца он подал в Сибирский Приказ “скаску” о своих подвигах, а 15 – собственноручно челобитную Петру I с просьбой назначить его “в Якуцком у казаков казачьим головою”. 19 февраля Атласов послал вторую челобитную. В ней он просил возратить ему 11 сороков соболей, которые собраны были им со своих подчиненных за припасы, а в Москве взяты в казну, так как в 1697 году вышло запрещение частным лицам приобретать в Сибири рухлядь для продажи.

Обе просьбы были уважены: Атласов назначен казацким

головою с жалованьем по 10 рублей в год деньгами да по 7 четвертей ржи и овса и по 3 пуда соли, а за соболей велено дать ему 100 рублей да товаров на столько же, так как запретительный указ вышел уже после выступления Атласова на Камчатку. 22 февраля он подает третью челобитную, в которой просит государя пожаловать его за службы и за новоприсланные земли, “как тебе обо мне Бог известит”.

Петр приказывает дать ему еще 100 рублей и на столько же товаров за то, что приискал вновь многих неясчных людей и собрал с них ясак, да и для того, чтобы он и впредь в той камчатской земле о прииску вновь иных иноземцев наипаче прежнего постарался. В ответ на это увещание, Атласов предложил свой план второго камчатского похода с целью окончательного покорения страны. По его мнению, надо было дать ему 100 казачьих детей: 50 из Тобольска да 50 из Енисейска и Якутска; если не хватит казачьих детей, то брать и промышленных людей – охотников и в неволю; затем надо дать 100 пищалей, 4 малые пушки, пороху 10 пудов и свинцу на пули столько же, 500 железных ядер, 5 пудов фитиля, знамя полковое, барабанщика и сиповщика, да на подарки инородцам пуд бисеру лазоревого да 100 ножей. Со всеми этими предложениями Атласова в Москве согласились и послали в Сибирь воеводам соответствующие приказы. Атласов поехал в Якутск, но по дороге, на реке Тунгуске, ограбил дощаник с китайскими товарами, принадлежавшими гостю Логину Добрынину. Приказчик этого гостя в Якутске бил челом на Атласова, и его с 10 главными сообщниками посадили в тюрьму, где он и просидел до 1706 года.

Между тем на Камчатке и возле Анадырского острога происходили постоянные бунты инородцев и, по-видимому, началось волнение среди казаков. Тогда вспомнили про Атласова и отправили его на Камчатку приказчиком, предоставив ему полную власть над служилыми людьми, и виновных, смотря по делу, батогами и кнутом наказывать; а велено ему прежнюю свою вину, что учинил разбой, заслужить и в приискании вновь земель и неясных людей оказать крайнюю ревность, обид и налогов никому не чинить и против иноземцев не употреблять строгости, когда можно будет обойтись ласкою; в про-

тивном случае ему грозили смертной казнью. Атласов злоупотребил своей властью: еще не доехав до Анадырска, он своей жестокостью вооружил против себя всех казаков, и те послали на него в Якутск челобитные. Однако он благополучно доехал до Камчатки в 1707 году и в августе того же года отправил на восточный берег полуострова Ивана Таратина с 70 казаками для усмирения инородцев, избивших ясачных сборщиков.

Таратин успешно исполнил поручение и 27 ноября вернулся в Верхнекамчатский острог. Между тем недовольство казаков на Атласова все росло. Раздражаемые его жестокостью и поджигаемые Анцыферовым и Козыревским, которые замыслили устроить на Камчатке вольную казачью шайку, служилые люди в декабре 1707 года лишили Атласова команды и посадили его в тюрьму, а в Якутск дали знать, что к такому поступку они вынуждены были жестокостью Атласова, его грабежами, тем, что он камчадалов к бунту подговаривал и государев ясак себе брал. Из Якутска прислали тогда приказчиком Чирикова и велели ему разобрать дело Атласова, который тем временем успел бежать из тюрьмы в Нижнекамчатский острог.

Чириков не успел еще справиться со всеми предстоявшими ему на Камчатке делами, как уже на смену ему послан был Миронов, так что в краю очутилось сразу 3 приказчика (Атласов формально не был лишен власти). Смутное брожение среди казаков скоро прорвалось в виде бунта против приказчиков: Миронова зарезали, Чирикова утопили, а 31 человек поехали в Нижнекамчатский острог покончить с Атласовым. Не доезжая 1/2 версты до острога, они остановились и в острог послали трех человек с письмом к Атласову, приказав им убить его, когда он станет читать это письмо; но посланные застали его спящего и зарезали 1 февраля 1711 года. Следствие, произведенное по поводу этих убийств, обнаружило, что причиной их было желание служилых стать вольными казаками, с одной стороны, и поживиться на счет своих приказчиков – с другой. В бунте оказались замешаны и духовные лица: так, архимандрит Мартиан при дележе добычи получил шубу из собольих лапок да дворовую девку Атласова – Настасью».

Не менее противоречива и история происхождения этой камчатской фамилии, так как многие из ее носителей считают себя прямыми потомками Владимира Владимировича Атласова, сына Отласа.

Семейная легенда камчадалов Атласовых из с. Шаромы

Атласов Иван Каллистович. Камчадал из села Шаромы. Участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Облуковинская дружина). 22 октября 1903 года сочетался первым браком в возрасте 23 лет с дочерью крестьянина Верхнекамчатского селения Верещагина Филарета девицей Акилиной 16 лет.

«Наш дедушка Иван Каллистович Атласов был потомком Владимира Атласова, осваивавшего во главе казаков из Якутска нашу Камчатку. Отец его – Иван Каллистович – еще участвовал в обороне Петропавловска в 1854 году в рядах народного ополчения. Сам же Иван Каллистович был ополченцем против японцев в 1904 году. В мирное время они, как и всякие камчадалы, охотились и рыбачили. В 1922 году Иван Каллистович был проводником в партизанском отряде Трошина, организованном Илларионом Рябиковым. А в начале тридцатых годов Иван Каллистович стал первым председателем колхоза “Новая деревня” в Шаромах. Умер он уже в Ганалах в 1946 году. Его жена Акулина Филаретовна Нечаева. Тоже камчадалка. У них было десять детей. Один из них – Иннокентий Иванович Атласов – наш отец. Год рождения: 1925. Служил на действительной военной службе. После демобилизации работал в колхозе им. Крупской сопровождающим почты, в колхозе им. 1 мая, т. к. он женился на Елене Ивановне Абакумовой – дочери И. П. Абакумова, жившей в Малках и работавшей в колхозе. Умер И. И. Атласов в 1958 году. Елена Ивановна Атласова жива и активно трудится, восстанавливая Малки. Мы их дети: Атласов Иван Иннокентьевич – 1952 г. Атласов Михаил Иннокентьевич – 1956 г. Атласов Петр Инно-

кентьевич – 1958 г. 28.12.1993 г.». (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1903 г., ГАКК.)

Но вот генеалогия рода казаков Атласовых, которую представил в своей книге известный историк Борис Петрович Полевой («Новое об открытии Камчатки», ч. 2, Петропавловск-Камчатский, 1997 г.). Кстати, он еще в 1990 году сообщил об этих исследованиях представителей династии Атласова: «Сын Владимира Владимировича Атласова Иван собирал ясак на Камчатке».

«Обширный род Атласовых ведет свое начало от якутского казака Володимера Тимофеева, получившего еще в середине XVII в. за свою шелковую одежду прозвище Отлас. Уже его сыновья стали называться “Отласовыми”, или “Атласовыми”. Своей известностью эта семья обязана среднему сыну Владимира Отласова Володимеру Володимеровичу Атласову, названному А. С. Пушкиным “Камчатским Ермаком”, поскольку именно он сыграл главную роль в присоединении Камчатки к России.

Уже в конце XVII в. род Атласовых стал разрастаться. К тому же появились якуты, юкагиры и ительмены из числа лиц, крещенных казаками Атласовыми.

Русско-якутский род Атласовых теперь живет не только в Якутии, но и по существу во всей стране. Поселившаяся в московском интернате для персональных пенсионеров Капитолина Николаевна Юхневич-Атласова проделала огромную работу по составлению генеалогии Атласовых. Несмотря на свой преклонный возраст и потерю зрения, она и сейчас продолжает заниматься Атласовыми, чтобы пополнить составленный ею список. Ее адрес: 109386, Москва, Ставропольская, 27-а, корпус 1, 2-й этаж, комната № 150.

К сожалению, генеалогия Атласовых XVIII в. изучена явно недостаточно».

(Племянник К. Н. Юхневич-Атласовой Арнольд Иванович Атласов. Он долгие годы работал геологом на восточносибирском Севере – на Вилюе, Анабаре, Яне. Его адрес: 190008, Ленинград, Дровяной переулок, 20, кв. 18.)

Б. Полевой, «Замысел Арнольда Атласова», «Камчатская правда», 6 октября 1990 г.

На 28.12.1993 г. Атласовы казаки

Род камчадалов-казаков, патриархом которого был казак-землепроходец Владимир Владимирович Атласов.
(Материалы по генеалогии рода атласовых)

Основоположник дома Атласовых ВЛАДИМИР ТИМОФЕЕВ по прозвищу ОТЛАС по названию матери его рубашки. Родился в 1630-х гг. Начал службу в начале 1650-х гг. Умер в Якутске 3 июля 1682 г. Имел трех сыновей по фамилии АТЛАСОВЫ (ОТЛАСОВЫ).

*Старший сын Иван Владимирович умер на Вилюе в 1698 г.
Сын Василий.*

Средний сын Владимир Владимирович. Убит в Нижнекамчатском остроге в январе 1711 г.

*Сын Иван родился в 1686 г. Дата смерти пока не установлена.
По сведениям Кохрена, внук Вл. Атласова в начале XIX в. служил на Индигирке.*

Младший сын Владимира Тимофевича – Григорий Владимирович.

Даты рождения братьев не установлены (родились, скорее всего, в начале 1660-х гг.).

Сведения по XVII в. собраны Б. П. Полевым по архивным данным.

По первой половине XIX в. древо пока не уточнено.

Катюлина Николаевна Юхневич-Атласова в начале 1990-х гг. собрала следующие данные о двух ветвях якутских Атласовых (дополнено Арнольдом Атласовым).

Первая ветвь от Петра и его сына Ксенофонта, с которым встречался И. А. Гончаров: дети (Ксенофонтовичи):

Кузьма, Георгий, Паисий (1865, Охотск – 1919), Николай, дочь Анна, жена Елиз. Фед. Амосова (1890–1979).

Кузьминишны: Павла, Надежда, Мария.

Георгиевичи: Вера Отрадных (дочери Эмилия Литвинова, Людмила Ацкина (1937), Маргарита) и Федор (сын Сергей и др.).

Паисиевичи: Ксенофонт (1870–1943).

Афанасий (1898–1919).

Иван (1901–1977).

Иосиф (1908–1968).

Иннокентий (1914–1979).

Дочери (Паусиевны): Анна Тельнова, Павла, Александра, Людмила Нагорнова, Агния (1890–1979) (1896–1973) (1902–1976) (1904–1992), (1906–...).

У Анны Атласовой-Тельновой дочери Павла и Татьяна.

Николаевичи: Константин (1896–1975) и Капиталина Атласова-Юхневич (1897).

У Константина сын Валерий.

У Капиталины сыновья Леонид (1924) и Ярослав (1929) Болеславици.

Ивановичи: Арнольд (1934–...) и дочь Ирина (1966–...), Иван, сын Евгений (1962).

Иосифовичи: Елизавета (Пономарева), Владимир, Юрий, Евгений, Александр, Иннокентий, Ольга.

Пономаревы Ивановичи: Павел, Екатерина, Петр.

Владимировичи: Светлана, Елена, Владимир, Алексей, Ольга, Александра.

Сведения, полученные от Агнии Паусиевны Атласовой:

От Иосифа Паусиевича (1908–1968) дети:

Владимир Иосифович (1940–...), старший прораб по нулевому центру стройуправления Якутской ГРЭ Сети.

Дети: Светлана, Елена, Владимир, Алексей, Ольга Рудых, Александра; Георгий (1947–...) работал в угрозыске. Дочери Оксана (1964–...) и Елена (1976–...), имеющая дочь Анастасию.

Евгений (1949–...) – экспедитор Якутптицеторга. Дочь Софья (1975–...), Александр (1952–...) – мастер по ремонту вычислительной техники. Дети: Ольга, Иван, Лидия, Александр, Михаил.

У Ольги дочь Татьяна.

Иннокентий (1953–1989) – плотник-бетонщик. Дети: Иосиф и Анна; Ольга (1957–...) – техник-строитель, у нее дети: Валентина, Даниил.

У Владимира Иосифовича дети: Алексей Владимирович (1977–...), Владимир Владимирович (1981–...), Александр (1983–...).

У Александра Иосифовича сын Иван (1981–...), Виктор (1982–...), Ольга, Иван, Лидия, Александр и Михаил.

Дети Евгения Ивановича: Елена (1983–...), Екатерина (1988–...), Дарья (1990–...).

Дети Ивана Ивановича: дочь Татьяна Сидоровна и ее дочери Ольга и Юлия Леонидовны.

Дочь Людмилы Паисиевны Виктория Нагорнова (1933–...) и ее дочь Виктория (1933), внуки: Марина Владимировна и Владимир Владимирович Кравцовы. Дочери: Людмила, Вероника Федоровна.

Дети Павлы Паисиевны Николаевой (1896–1973): Валентина Викторовна Серебрякова (1927–...), ее дети: Людмила Полещук, Виктор Владимирович Серебряков (1950–...) и дочь Ольга. У Людмилы сын Виктор (1980–...).

К сожалению, это генеалогическое древо никак нельзя считать полным. Поэтому необходимо еще получить дополнительные сведения по генеалогии Атласовых. Несомненно, в якутском архиве еще можно будет получить дополнительные сведения. В частности, нас всех не может не интересовать самый для нас неясный период – вторая половина XVIII первая половина XIX века.

В начале XIX в. жил Петр Атласов и его сын Филарет Петрович с сыном Георгием и дочерью Анной Филаретовной.

Кузьма Ксенофонтович (умер в 1939 г.) имел дочерей Павлу, Надежду и Марию.

Эти генеалогические данные, безусловно, еще нуждаются в документальном подтверждении.

Как видим, камчатским Атласовым в этой генеалогии места нет. С камчадалами Атласовыми более или менее все понятно: они получили свою фамилию в честь Владимира Владимировича Атласова или их крестным отцом был его сын Иван Владимирович Атласов, который служил в то время на Камчатке (как, например, тойон Купха – после крещения Иван Атласов). В основном фамилия эта была распространена на западном побережье (история появления: в 1745 г. – в Крутогорово, Облуковиной, Морошечной, в 1748 г. – в Оглукоминой (Облуковиной), в 1749 г. – в Крутогоро-

во, Иче), возможно, что в долине реки Камчатка (в с. Шаромы) она появилась в связи с переселением сюда западнокамчатских камчадалов после опустошительных эпидемий в во второй половине XVIII – начале XIX веков.

Кстати, камчадалы Атласовы продолжили землепроходческий подвиг Владимира Владимировича: Атласов (Отласов) Василий, камчадал, был участником зверобойного промысла на Алеутских островах на судне купцов Кульковых и событий на о. Уналашка 1765 года, когда из 170 промышленников с четырех судов в живых осталось 13 человек – семь русских и шесть камчадалов. Василий, как раз был в числе оставшихся и был принят впоследствии на судно Степана Глотова (вместе с камчадалами Петром Коростелевым и Федором Усовым), и вернулся на родину.

То есть с камчадальской фамилией Атласовых все более или менее ясно и Каллистовичи – это крестные дети и внуки казаков Атласовых.

Не ясно, как быть с другими Атласовыми, которые, может быть, никогда Камчатку и не покидали, а верно несли службу России в тех местах, где им определено было служить Родине. И не являются ли они потомками Ивана Владимировича Атласова?

В 1893 г. мы находим несколько русских семей Атласовых на Камчатке.

Атласов Спиридон Васильевич – с. Сероглазка, мещанин, 1893 г., 28 лет. Жена Мелания Дмитриевна (26). Дети: Василий (4), Анна (1). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Атласов Михаил Васильевич – с. Николаевское, крестьянин, 1893 г., 33 года. Жена Евфимия Митрофановна. Дочь его от 1-го брака Фекла (9). Ее дети от первого брака: Евдокия (12) и Кирилл Кириллович (2). Пасынок ее Поротов Иван Кириллович (16). Дамиан Васильевич Атласов (32 года). Жена его Евдокия Григорьевна (24). Дочь их Елена (4). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Вряд ли является совпадением, что оба они Атласовы, оба Васильевичи и примерно одного и того же года. Скорее всего, это родные братья.

В 1812 году в Нижнекамчатске служил унтер-офицер, писарь Семен Никитич Атласов, 30 лет. Вполне возможно, что с переносом столичной канцелярии из Нижнекамчатска в Петропавловский порт Семен Никитич с семьей (если она у него впоследствии была) переехал туда же с переходом в мещанское сословие. А родом Семен Никитич мог быть из казачьих детей, как многие из петропавловских мещан.

У нас имеются факты, когда бывшие военные из Камчатского гарнизонного батальона, желая остаться после службы на Камчатке, были записаны либо в мещане, либо в крестьяне с определением места жительства по собственному усмотрению.

У Спиридона Васильевича Атласова тоже были дети – сын Василий Спиридонович, 1890 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка; русский; образование: 6 отд. Петропавловского городского училища; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Усть-Камчатский р-н, с. Камаки. Арест: 19.06.1934. Осужд. 02.01.1936. Особое совещание при НКВД СССР. Обв. по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: 5 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 27.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

То есть в истории фамилии камчатских старожилов Атласовых еще очень много белых пятен.

БАБАРЫКИНЫ

Очень интересный случай – история свела вместе крестного родителя и его крестников. А для нас этот случай интересен еще и тем, что крестьяне, оказывается (хотя этот случай может быть и единичный), также принимали участие в крещении камчадалов, как и представители всех других камчатских сословий: Бабарькин Данило Федорович, Верхнего острогу подушный плательщик, то есть крестьянин, и камчадалы Бабарькин Кирило (Щегловского (Щековского?) острога) и Бабарькин Семен (Щековский острожек) – участники промысловой экспедиции на боте «Св. Евпл» в 1773 г. (Макарова Р. В. «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века», М., 1968 г.)

До нашего времени фамилия не дошла.

БАГАНЦЕВЫ

Баганцева Мария Ивановна – с. Николаевское, вдова крестьянина, 1893 г. р., 64 года. Дети: сын от первого брака Диомид Максимович Плотников (37 лет). Жена Серафима Ермолаевна (34). Племянник по мужу Харитон Степанович Баганцев (25). Жена Евдокия Васильевна (21).

Баганцев Митрофан Степанович – крестьянин селения на Паратунских ключах, 1893 г., 26 лет. Жена Ксения Афанасьевна (24). Дети: Степан (5), Василий (3), Павел (1). (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.)

Это, как мы видим, одна, но уже расселившаяся семья, осевшая в Николаевке, по всей видимости, при губернаторе В. С. Завойко.

БАЖЕНОВЫ

Камчатские казаки.

Баженов Василий, кантонист. Участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Тигильская дружина), с. Тигиль.

А это, по-видимому, его отец: Баженов Иван Дмитриевич, отставной казак, 62 года, сын – кантонист (имя в документе не разобрать), 28 лет, и внук Сергей (1 год). (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК.)

В начале XVIII века на Камчатке служили чиновники Баженовы – Иван (подканцелярист) и Кузьма (секретарь), возможно, выходцы из казаков Баженовых, которые служили на Камчатке еще в сороковых годах 18-го столетия и участвовали в крещении аборигенов. Имеются и крестники Баженовых среди камчадалов и поныне, по крайней мере, в 1893 году камчадалы Баженовы отмечались в селении Харчинском (Харчино).

БАЙКАЛОВЫ (БАЙКОВЫ)

Байкалов Василий Иванович, 1888 г., Петропавловск, отставной матрос (вероятно, он же: Байков Василий, матрос. В 1882 году внесен в «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года

при нападении англо-французской эскадры». Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, стр. 105).

В 1893 году в возрасте 76 лет мы его находим по документам в селении Ключевском (с. Ключи) среди духовных сирот Ключевской церкви. Вероятно, там, в Ключах, герой обороны Петропавловского порта Василий Иванович Байкалов умер и похоронен. Но в 1892 году он жил еще в Петропавловском порту и участвовал даже в крещении:

Евойловская (Ивойловская) Татьяна Георгиевна. Родилась 12 января 1892 года. Родители – отец крестьянин Паратунского селения Георгий Яковлевич Евойловский и жена его Елена Романовна. Восприемники – отставной матрос Василий Иванович Байков и жена Петропавловской казачьей команды казака Петра Полякова – Дария Дмитриевна. Священник Павел Донской и и. д. псаломщика Никита Бобряков. (Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1892 г., ГАКК.)

Наследников фамилии матрос Байкалов-Байков, по-видимому, не оставил.

БАРАННИКОВЫ

Это фамилия камчатских казаков, и мы знаем имя патриарха этого рода: Баранников Иван – казак, приговорен к битью кнутом по следствию о Харчинском бунте. История появления фамилии среди аборигенов: 1747 г. – Хайрюзово, Тигиль; 1748 г. – Седанка; 1754 г. – Сопочная.

Именно камчадалам Баранниковым выпала честь защищать Камчатку в период ее обороны от японского вторжения: среди участников обороны в составе Паланской дружины были Иннокентий (с. Кахтана), Петр и Трофим (с. Воямполка) Баранниковы.

Трагичной была судьба детей Иннокентия Баранникова.

Баранников Федор Иннокентьевич. Родился в 1898 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Кахтана; коряк; образование низшее; б/п; был секретарем Кахтанского сельсовета. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Кахтана. Арестован 26 декабря 1942 г. Приговорен: Корякский окрсуд 19 июля 1942 г., обв.: по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР. Приговор: 10 лет.

Реабилитирован 8 февраля 1993 г. Реабилитирован заключением помощника генпрокурора РФ.

Баранников Фома Иннокентьевич. Родился в 1901 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Кахтана; коряк; малограмотный; б/п. Занимался охотой. Проживал: Тигильский р-н, с. Палана. Арестован 28 июля 1938 г. Приговорен: Корякский окрсуд 26 ноября 1940 г., обв.: по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговорен к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 6 июня 1990 г. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

В историю Камчатки как собиратель фольклора и классик корякской литературы вошел Иван Тимофеевич Баранников (Тымлаткэн). Он родился в 1921 г., а в 1941 г. погиб на фронте, защищая Ленинград. Родился в стойбище Пахтыткуваям близ села Анапка в Корякии. В 1931 г. пошел в Кичигинскую школу. В 1940 г. направлен в Ленинград, в Институт народов Севера. На первом курсе под влиянием своего преподавателя С. Н. Стебницкого переложил на бумагу бабушкины сказки, которые впоследствии составили книгу «Сказки об Эмэмкуте».

БАРАНОВЫ

Имеется только одна информация: Барановы, камчадалы, с. Белоголовое, 1893 г.

БАРНАШЕВЫ (БУРНАШЕВЫ)

В 1812 году в Нижнекамчатске проживало две семьи мещан Барнашевых – Захара Семеновича (49) и Ивана Николаевича (27), но ни в одной из них не было сыновей – продолжателей фамилии.

На этом можно было бы и поставить точку в наших исследованиях, если бы не оказалось, что фамилия Барнашев пишется и как Бурнашев.

И тогда оказывается, что у нижнекамчатского мещанина Захара Семеновича все-таки был сын, только он был поздним (родился в 1820 г., когда Захару Николаевичу было уже 57 лет): Бурнашев (Бурнасев) Иван Захарович, мещанин селения Нижнекамчатск, 32 года. Жена Марфа Ивановна. Дети: Захар (7), Андриан (4), Параскева (10), Анна (2). (Испове-

дальняя роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 г. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Идем дальше: Бурнашев (Бурнашов) Александр Иванович, камчадал селения Начики, 1893 г., 66 лет. Сын его Григорий (32). Жена Григория Евдокия Прокопьевна (29). Сын Павел (4). Племянник его Федор Иванович Бурнашев. (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.)

Нет, Иван Захарович не мог быть отцом Александру Ивановичу, так как они оба были почти ровесниками – один с 1820, другой с 1827 года. Да и этническое происхождение разное – один русский мещанин, а другой камчадал.

И мы находим новый ответ на этот вопрос в архивах – в 1847 году Иван Барнашев из Якутска просит поселиться в с. Авача (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 306). Видимо, просьбу Ивана решили удовлетворить, но местом поселения избрали село Начики (так образовалась якутская ветвь камчадалов Бурнашевых (Барнашевых) из Начик).

И нужно признать, что начикинские Бурнашевы не посрамили своей фамилии.

Бурнашев Федор Иванович и Григорий Александрович были участниками обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. в составе Большерецкой дружины.

Сохранились документы о продолжении династической ветви Григория Александровича Бурнашева:

Бурнашев Александр Петрович. Дата рождения – 24 марта 1909 г. Родители – камчадал селения Начики Петр Григорьевич Бурнашев и законная жена его Екатерина Николаевна. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1909 год, ГАКК.)

БАСИНЫ

Первоначально Басин – посадский, живший в Нижнекамчатске в 1746 г. Известен в истории, так как вошел в «компанию Басова» для промысловых экспедиций на Командорские острова (см. очерк «Емельян Басов»).

Явно помогал миссионерской партии архимандрита Камчатского и сам участвовал в крещении камчадалов, так как еще в 1812 г. эта фамилия сохраняется в Щековском и Камаковском

селениях камчадалов: Басин Яков Максимович, камчадал Щековского селения, 1812 г., 27 лет. Жена Анна Ивановна (25). Дочь Агафья (4). Басин Прокопий, умерший камчадал в селении Камаковском. Дочь Сигклитикия (13). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Фамилии ушли из современной жизни, но сохранили для нас таинственную связь времен.

БАСТОЕВЫ

Пока мы обладаем только этой вот информацией: Бастоев Игнатий, алеут. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени за отличие и заслуги по обороне Командорских островов в русско-японскую войну 1904–1905 гг.

БАТАРИНЫ

Фамилия, вероятно, появилась при заселении Николаевки во времена губернатора В. С. Завойко и постепенно угасла: Батарин Георгий Анисимович, с. Николаевское, крестьянин, 1893 г., 33 года. Жена Анна Иннокентьевна (21). Дети: от первого брака его Александра (4), Ирина (1). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

БАХТИНЫ

Вероятно, это тоже фамилия крестьян-переселенцев, обосновавшихся рядом с Петропавловским портом при губернаторе В. С. Завойко: Бахтин Иван Ильич. Род. 17 февраля 1915 года. Родители – крестьянин селения Паратунки Илья Александрович Бахтин и законная жена его Екатерина Матвеевна. Восприемники – крестьянин Казанской губернии Тетюшинского уезда Холунецкой волости деревни Красное Поле Петр Давидович Евсеев. Протоиерей Даниил Шерстенников. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1915 год, ГАКК.)

БЕКЕРЕВЫ (БЕККЕРЕВЫ)

В числе камчатских служилых в начале XVIII века мы находим Кирилла и Лазаря Бекеревых, которым, вероятно, обязаны своими фамилиями и коряки Бекеревы и камчадалы Бек-

керевы. В свите архимандрита Камчатского Иоасафа Хотунцевского для охраны миссии состоял солдат Бекерев (Бекеров), который также оставил свою фамилию в память о крещении, потому, наверное, эта фамилия и является одной из самых многочисленных на полуострове (история появления фамилии: 1747 г. – Тигиль, 1748 г. – Напана).

В начале XX века эта фамилия известна была во многих северных поселках Камчатки: Дранке, Ивашке, Седанке, Кахтане.

Камчадалы **Бекиревы** были известными мореходами в период промыслового освоения Русской Америки: на судне купцов Пановых «Петр и Павел» в 1767 г. у морехода Вторухина была потеря зрения, за мореходов были И. Дружинин, И. Попов, И. Коковин, камчадал Бекирев. А вот информация о другом мореходе-промышленнике: Бекирев Максим Андреев – «Тигильской крепости Седанкина острошка камчадал», член экипажа промыслового судна «Евпл» «по согласию вступили в компанию построенного во обществе судно именуемы Святаго мученика архидиякона Евпл сего вышеозначенного 773-го году компанейщиками по силе даннаго нам от Большерецкой канцелярии указа по обязательной между нами подписке которой значит в Нижне-камчатской избе, тако ж и в Большерецкой канцелярии под делом на то судно именуемы “Святой Евпл”, а кто какого звания вышеозначенного судна действительны, в том заведении компанейщики те имена выше сего всем валовом контракте внесены, а которыми и посторонним купцам или крестьянам уступлены будут во означенном судне, те имеют поданным контрактам в содержании паев кто сколько иметь будут после нам подписатца и данныя им на то от компани нашей контракты в тех паях в каковых силах оные содержать имеют им изъяснено будет, а кто какого звания и чина на оном судне имеет паев и о именах их и работников их же значит ниже сего при конце контракта сим валовым контрактом между собою со общаго согласия определили быть в начале призвав всемогущаго бога в помощь отпустить означенное судно всеми принадлежащими материалы без излишества, как единственно для себя самим в тот вояж следовать будет до доволь-

ствия. А во оном судне имеет быть полны комплект пятьдесят пять паев в силу заключенной во обществе вышеоглавленных компанийщиков в подписке в протчем». (http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XVIII/17601780/Kontrakt_Serebrennikov/text.phtml?id=4400)

Бекеровы Михаил и Феофан – участники обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Тигильская дружина), с. Седанка.

Бекеров Прокопий, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Паланская дружина), с. Кахтана.

А вот и дальнейшее продолжение их судьбы, как и судьбы многих народных ополченцев, состоящих в «жандармских дружинах», как окрестили ополчение большевистские комиссары в лихие на расправу 1930-е годы (см. очерк «Хроника неоконченной войны»).

Бекерев Михаил Федорович. Родился в 1881 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Седанка; коряк; малограмотный; б/п. Работал в своем хозяйстве. Проживал: Тигильский р-н, с. Воямполка. Арестован 29 июля 1938 г. Приговорен: УНКВД по Камчатской обл. 8 августа 1939 г., обв.: по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: по ст. 204-б дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 28 ноября 1989 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

И еще один выходец из Седанки, скорее всего, родной брат: **Беккеров Полуэкт Федорович**. Родился в 1880 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Седанка; русский; малограмотный; б/п; был членом оленеводческого колхоза. Проживал: Тигильский р-н, с. Воямполка. Арестован 16 апреля 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговорен к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Но были и счастливые судьбы.

И в этом случае речь, вероятно, идет о сыне другого ополченца – Феофана: **Беккеров Петр Феофанович**. Учитель с

1933 г. В 1922 г. секретарь сельсовета в Ковране, в 1927 г. участвовал в работе окружного съезда Совета, выступал как делегат. После съезда поехал в Хабаровск в техникум, где было педагогическое отделение народов Севера. Окончил и начал работать в с. Найхин Нанайского района. Затем вернулся в Тигиль, работал в школе. С 1948 г. работал учителем начальных классов в с. Елизово. Его ученики – В. Ф. Панкарин, преподавал в пединституте, братья Краснояровы, учительствовали в Тигильском районе. В школе работал с 1933 г. И в 60 лет продолжал работать. Дочь – учительница, сын Владимир – инженер, преподавал в строительном ГПТУ. Сын Валерий закончил МГУ, геофизик. Он награжден медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», почетный работник Министерства просвещения РСФСР, «Отличник народного просвещения» («Камчатская правда», 1965 г., 3 октября).

БЕЛОКОПЫТОВЫ

Военная династия Камчатки. На основании истории этой фамилии мы наглядно можем убедиться в том, как камчатские военные (или их потомки) переходили в мещанское сословие.

Вполне возможно, что Белокопытовы прибыли на Камчатку в составе Сомовского полка (Камчатского гарнизонного батальона).

Белокопытов Гавриил Иванович, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 9 лет, 1812 г.

Воспитанниками могли быть дети военнослужащих и камчатских казаков. В данном случае родители Белокопытова могли служить либо в Петропавловском порту, либо в Верхнекамчатске, где размещались другие роты гарнизонного батальона. После расформирования батальона какая-то его часть влилась в Камчатскую экипажную роту Охотского флотского экипажа, реорганизованного впоследствии при образовании Камчатской губернии в 46 (потом в 47-й) флотский экипаж.

Белокопытов Петр. Корпуса морской артиллерии кондуктор 2-го класса, отличившийся при обороне Петропавловского порта в 1854 г. «Корпуса морской артиллерии кондуктор 2-го

класса Петр Белокопытов в то время как неприятельская бомба, упав вблизи порохового погреба, готова была разорваться, отважно схватил бомбу в руки и сбросил ее в ров, где и последовал взрыв. Сей смелый и доблестный поступок Белокопытова отвратил многие несчастья, могущия произойти от взрыва порохового погреба». (Сильницкий А. П. «Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлеченные из дел Владивостокского портового архива», «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009 г., стр. 52–53.)

Вполне возможно, что семья Петра Белокопытова могла переехать вместе с ним в Николаевск-на-Амуре, куда вывели все камчатские войска.

Но военная династия Белокопытовых сохранялась на Камчатке, по крайней мере, до 1893 г., и мы находим следующую информацию: Белокопытова Пелагея Николаевна, по морскому ведомству вдова, 1893 г., 58 лет. И, вероятно, ее сын – Белокопытов Феокист, кантонист морского ведомства, 1893 г., 20 лет.

В это же время в Петропавловске живут мещане Белокопытовы:

Белокопытов Иван Николаевич. Петропавловский мещанин, 1893 г., 35 лет. Жена Таисия Николаевна (28). Дети: Пелагея (3), Василий (10 мес.). Братья его: Николай (31), Иван (28).

Белокопытов Николай Николаевич. Петропавловский мещанин, 1893 г., 31 год, брат Ивана Николаевича. Жена Домника Павловна (25). Дети: Пелагия (3), Павел (7 мес.). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Белокопытова Мария Николаевна. Дата рождения – 15 июля 1899 года. Родители – петропавловский мещанин Николай Николаевич Белокопытов и законная жена его Домника Павловна. Восприемники – жена крестьянина Иннокентия Митрофановича Бибикова – Ирина Георгиевна. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1889 год, ГАКК.)

Белокопытов Федор Николаевич (еще один брат?), мещанин г. Петропавловска. За участие в боевых действиях в период русско-японской войны на Камчатке награжден серебряной медалью. (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Белокопытов Василий Павлович, 1918 г. р. (внук Николая Николаевича), старшина 103 батальона связи, погиб при штурме острова Шумшу 18 августа 1945 г. и похоронен здесь в братской могиле.

БЕЛОМОЕВЫ

Нам известен пока один представитель этой фамилии: Беломоев Иона – участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (всадник конной дружины М. Нагорного), с. Тигиль.

БЕЛОНОГОВЫ

Усть-камчатские казаки.

Белоногов Николай Иванович. Казак в с. Усть-Приморском, 38 лет. Жена Марфа Егоровна (29). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Белоногов Николай, 38 лет, казак Усть-Приморска (Усть-Камчатска) по состоянию на 1893 г.

Белоногов Феодосий, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг., казак (Усть-Камчатская дружина).

Белоногов Петр Герасимович (1918 г. р.), старший сержант, погиб 3 августа 1943 г., захоронен в юго-вост. д. Добрын Орловской области.

БЕЛОУСОВЫ

Коряки, жители села Лесная. Происхождение фамилии пока не выяснено, но очевидно, что оно было получено при крещении и, скорее всего, от казаков.

Белусов Николай, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Паланская дружина), с. Лесная.

Белусов Анисим Николаевич. Родился в 1908 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; образование 3 класса сельской школы; б/п. Работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Лесная. Арестован 20 июля

1938 г. Приговорен облпрокурором 1 декабря 1939 г., обв.: по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 19 декабря 1989 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

Белоусов Петр Игнатьевич. Родился в 1892 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; образование 3 группы сельской школы; б/п. Работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Лесная. Арестован 20 июля 1938 г. Приговорен облпрокурором 1 декабря 1939 г., обв.: по ст. 58-2-7-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 19 декабря 1989 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

БЕЛЯЕВЫ

Известная в истории Северной Пацифики камчатская казачья фамилия, которую прославил казак-мореход Алексей Беляев (по другим сведениям, в составе первых компаний был и крестьянин, посадский Беляев): 5 февраля 1745 года образовалась вторая (после компании Емельяна Басова – см. очерк «Емельян Басов») зверопромышленная компания, которую возглавили купцы: лальский – Афанасий Чебаевский и иркутский – Никифор Трапезников (компаньон Басова), бобыли Яков и Павел Чупровы, крестьяне Зотов, Сидоров, Холщевников, Беляев, Коробейников. 25 февраля новая компания получила от Большерецкой канцелярии разрешение на «вояж». Кроме того, Большерецкая канцелярия выделила компании казака Большерецкого острога Силу Шевырина. Пошел мореходом на «Евдокии». Передовщик – Яков Чупров. И Чупров, и Алексей Беляев вели себя очень жестоко на Алеутских островах.

...В 1750 г. в свое последнее, пятое, плавание отправился шитик «Св. Петр», принадлежавший компании Е. Басова и Н. Трапезникова под командой морехода Д. Наквасина и передовщика Беляева. Шитик побывал у о-ва Атту и, возможно, Агатту из группы Ближних Алеутских о-вов. Местным жителям были вручены подарки, отпущенные казной «для придания им охоты

в платеже ясака» (медные котлы и суконные камзолы). Затем, когда шитик вновь вернулся к о-ву Атту, он разбился о прибрежные скалы. Команде, правда, удалось спастись и спустя два года, в 1752 г., вернуться на Камчатку на судне Н. Трапезникова «Св. Борис и Св. Глеб».

На Камчатке во времена С. П. Крашенинникова служил казак Данило Беляев. «Осколочек» прежней казачьей фамилии, скорее всего, сохранился только в Анадыре, где проживал в 1893 г. мещанин Иван Васильевич Беляев (39 лет).

Беляевы (возможно, казаки, возможно, посадские, то есть торговые, разъезжающие по всей Камчатке, люди) оставили свою фамилию камчадалам:

Беляев Исидор Георгиевич. Камчадал Шаромского селения, 34 лет, сочетался третьим браком 15 апреля 1901 года. Невеста – дочь камчадала Кирганского селения Феодора Чуркина Александра, 18 лет. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1901 год, ГАКК.)

Беляева Соломония Исидоровна, дочь камчадала Щапинского селения Исидора Георгиевича Беляева, 21 апреля 1913 г. вышла замуж за Мальцева Александра Мартиниановича, крестьянина Мильковского селения.

Беляев Поликарп Егорович, камчадал селения Щапинского, 1892 г.

Беляев Федор, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Ичинская дружина), с. Шапино.

Правда, один из Беляевых – староста села Шапино Ф. Е. Беляев – рассказывал исследователю Камчатки В. Л. Комарову («Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.») иную историю своей династии, которая возвращает фамилию к ее казачьим истокам, к русским старожилам: «...старое коренное население Щапиной вообще вымерло, кроме одного только, теперь уже сильно больного старика Попова. Остальные щапинцы – новоселы: два дома Краснояровых переселены из Мильково, два дома Беляевых – из Верхнекамчатска, Мерлин – из Машуры, Садовников – из Толбачика; вот и все семь домов Щапиной».

А Верхнекамчатск, как известно, первая казачья вотчина на Камчатке, столица этого края в период присоединения Камчатки к России, построенная руками соратников В. В. Атласова по его первому камчатскому походу.

БЕРЕЗИНЫ

Эта фамилия представлена в Охотско-Камчатском крае несколькими династиями: казаками Березиными (служилый человек Харитон Березин в «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова), крестьянами Березиными (Березин Георгий Андреевич, крестьянин с. Анадырь, 1893 г., 58 лет, его брат Гавриил – 54 года) и алеутами Березиными (Березин Петр, алеут, награжден Георгиевским крестом 4-й степени за отличие и заслуги по обороне Командорских островов в русско-японскую войну 1904–1905 г.).

Вполне вероятно, что это три самостоятельные ветви. Возможно, имеется связь между камчатскими казаками и анадырскими крестьянами Березиными (как с анадырскими мещанами Анкудиновыми).

БЕРЕСКИНЫ

Эта фамилия на Камчатке не сохранилась, но она интересна для нас как показатель того, что воспитанниками отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, о воспитанниках которых мы будем часто вспоминать в этой книге, были вовсе не сироты, а дети военнослужащих:

Берескин Афанасий Яковлевич, штата правьянского вахтер, 28 лет.

Берескин Федор Афанасьевич, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 12 лет.

Берескин Григорий Афанасьевич, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 9 лет.

(Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

БИБИКОВЫ

Фамилия камчатских крестьян из селения Старый Острог (с. Завойко, г. Елизово). Вероятно, Бибиковы из той группы крестьян-переселенцев, которые прибыли на Камчатку при губернаторе В. С. Завойко.

Патриархом этого камчатского рода, по всей видимости, был крестьянин Василий Бибилов. Его дети, внуки и правнуки:

Бибилов Митрофан Васильевич. Крестьянин селения Старый Острог, 1893 г., 41 год. Дети его: Фекла (21), Иннокентий (18), Георгий (14). Брат его Яков Бибилов (39). Жена Якова Мария Ивановна (36). Дети их: Александра (8), Марина (4), Григорий (4), Константин (2), Дарья (4 мес.). И сын его от 1-го брака – Алексей (16). (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.)

Бибилов Митрофан Васильевич, с. Старый острог. За участие в боевых действиях в период русско-японской войны на Камчатке награжден серебряной медалью. (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Бибилова Евпраксия Матвеевна. Род. 12 декабря 1895 г. Родители: Староострожного селения Матвей Васильевич Бибилов и законная жена его Мария Ивановна. Восприемники: Камчатского Петропавловского собора псаломщик Иван Иванович Иванов и Петропавловская мещанская вдова Агрипина Григорьевна Машихина. Протоиерей Петр Донской. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1895 год, ГАКК.)

Бибилова Екатерина Георгиевна. Род. 25 марта 1908 г. Родители: крестьянин селения Завойко Георгий Митрофанович Бибилов и законная жена его Стефанида Петровна. Крестные: крестьянин того же селения Иннокентий Митрофанович Бибилов и мещанская девица Евпраксия Петровна Сметанина. Свящ. Александр Покровский. (Метрическая книга Петропавловской церкви за 1908 г., ГАКК.)

Бибилова Александра Георгиевна. Дата рождения: 16 декабря 1910 г. Родители: крестьянин села Завойко Георгий Митрофанович Бибилов и законная жена его Стефанида Восприемники: мещанин г. Петропавловска Николай Николаевич Бе-

локопытов и дочь крестьянина села Завойко Митрофана Бибикова – девица Фекла. Свящ. Николай Комаров. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1910 год, ГАКК.)

В вышеприведенных документах хорошо прослеживается прямая связь между крестными и родственниками, что было очень характерно для Камчатки.

Бибиков Николай Иннокентьевич. Родился в 1901 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово; русский; образование среднее; б/п. Работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово.

Арестован 8 августа 1937 г. Приговорен: Камчатский облсуд 16 сентября 1937 г., обв.: по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР. Приговор: 5 лет. Реабилитирован 27 декабря 1989 г. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

Бибиков Владимир Григорьевич, рядовой, 1923 г. р., участник Великой Отечественной войны, погиб в феврале 1942 г.

БЛАГОВИДОВЫ

Благовидов Александр Андреевич, псаломщик Мильковской церкви в 1887 г. Жена – Матрена Антиповна.

Благовидов Николай Александрович, личный почетный гражданин с. Мильково, 1910 г.

Пока это все сведения о фамилии.

БОБРОВСКИЕ

Казачья фамилия: Бобровский Степан, приказчик Камчатки. «В 1720 г. назначен новый приказчик боярский сын Степан Бобровский и пробыл в Камчатке до октября 1722 г. В 1722 г. определён новым приказчиком дворянин Никита Лосев, который принял от Бобровского Верхнекамчатский острог (41 казак и 2 промышленника)». («Правители Камчатки», <http://www.kamlib.ru/resources/praviteli.htm>; С. П. Крашенинников, «Описание земли Камчатки», М-Л, 1949 г., стр. 448, 760.)

Фамилия сохранилась только среди камчадалов-аборигенов, проживавших в с. Хайрюзово:

Бобровский Лев, участник обороны Камчатки в период рус-

ско-японской войны 1904–1905 гг. (Морошечная дружина), с. Хайрюзово.

Бобровский Николай Николаевич, камчадал с. Харьюзовского, 49 лет. Дети: Иван (11), Мелания (16), Петр (6). (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК.)

БОБРЯКОВЫ (БОБРИКОВЫ)

По алфавиту первыми следуют Бобриковы (хотя это одна и та же фамилия), поэтому и о них первая, тем более почетная, информация: Бобриков Мартиан Петрович и Бобриков Николай Федорович, с. Мильково, за участие в боевых действиях в период русско-японской войны на Камчатке награждены серебряной медалью. (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Бобряковы – старинная мильковская фамилия, вероятно, из первых крестьян-переселенцев, прибывших на Камчатку еще в 1730-х годах, по крайней мере, через сто лет эта фамилия попала в список главных мильковских фамилий: 1832 г. – крестьяне, проживающие в с. Мильково: Коксаров, Бобряков, Соснин, Михайлов, Подкорытов, Потапов, Попов, Пинигин, Краснояров, Петров, Плотников (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, 12).

Среди Бобряковых (Анастасий Мартемьянович) и Бобриковых (Иван Иванович) были и церковнослужители – псаломщики, лишённые избирательных прав в 1926–1928 гг.

Бобряковы жили не только в Мильково, но и в Ключах (мы знаем двух ключевских Бобряковых – участников боевых действий против японцев во время войны 1904–1905 гг. – Ивана и Андрея), но ответа на вопрос были ли это общие или самостоятельные фамильные ветви мы пока не нашли. Валентин Павлович Бобряков, уроженец с. Ключи, пишет о своих фамильных корнях следующее: «Мой дед, Бобряков Андрей Мартелевич, родился где-то в 1850-х годах. Бабушка, Александра Михайловна Михайлова, 1869 года рождения». И все. Но возможны случаи, и мы находим такие факты в Исповедальных росписях, когда совместно с теми или иными семьями проживали их родственники-сироты из других населенных пунктов

Камчатки (племянники, воспитанники), которые впоследствии, возможно, оставались (или им позволялось) жить на новом месте. Не верится в совпадение крестьянских фамилий Бобряковых в Мильково и Ключах, похоже, что фамильный корень у них общий.

Бобрякова (Поротова) Надежда Андреевна, из рода мильковских крестьян Бобряковых, мать известного камчатского писателя и поэта Георгия Германовича Поротова.

Фамилия Бобряковых встречается и среди камчадалов.

Объяснений может быть два.

Первое – Бобряковы были в числе камчатских крестьян-первопоселенцев в 1730-х гг. и участвовали в крещении камчадалов.

И второе объяснение, которое, несмотря на некоторую его категоричность, тоже имеет право на существование – крестьян Бобряковых переводили с налога на ясак и записывали камчадалами. Таких фактов мы уже обнаружили несколько и в отношении мильковских, и в отношении ключевских крестьян.

Вполне возможно, что в связи с какими-то причинами (прежде всего повышенной смертностью камчадалов-аборигенов) потребовалась такая «замена»: ведь по сути – по образу жизни, деятельности и подобию камчадалы и камчатские старожилы ничем не отличались друг от друга – разве что русской спесью, да и то не все, да и то только поначалу, пока не слились в единую камчатскую семью.

Бобряков Феокист Максимович. Дата рождения: 5 ноября 1913 г. Родители: камчадал Толбачинского селения Максим Евстафьевич Бобряков и законная жена его Матрена Михайловна.

Восприемники: камчадал Толбачинского селения Никифор Илларионович Борисевич и жена Петропавловского мещанина Владимира Петровича Корякина – Евдокия Николаевна. Священник Иван Монаев. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1913 год, ГАКК.)

Бобрякова Иулиания Евлампиевна. Дата рождения: 21 апреля 1910 года. Родители: камчадал Толбачинского селения Евлампий Георгиевич Бобряков и законная жена его Феодора Феофановна.

Восприемники: жена Петропавловского мещанина Иннокентия Полуэктовича Бушуева Екатерина Семеоновна. Таинство крещения совершал священник Павел Ворошилов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1910 год, ГАКК.)

Толбачинские Бобряковы были в родстве с камчадалами (а может быть, с авачинскими потомками казаков) Карандашевыми: Егор Евстафьевич Бобряков – 33 года Жена его Ульяна Ивановна – 30 лет Дети их: Марина – 7 лет, Евлампий – 4 года, София – 1 год. Вдова (вероятно, теща) Евдокия Стефановна Карандашева – 80 лет. (Выписка из исповедальной росписи Мильковской церкви за 1893 г., ГАКК.)

Бобряков Василий Львович, 1891 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Машура; русский; образование: малограмотный; б/п; работал в личном хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Машура. Арест: 16.04.1932. Осужд. 1932 тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Этапирован в Дальлаг. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 01.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл. Остались дети – Николай, Константин, Ксения.

Бобряков Феофан Евлампович (вероятно, уроженец с. Толбачик), гвардии лейтенант, призван Усть-Камчатским райвоенкоматом, служил в 161-м стрелковом полку 19-й гвардейской дивизии. Погиб в бою 20 октября 1944 г., захоронен в д. Каршек, Восточная Пруссия.

Бобряков Упман Васильевич, 1914 г. р., призван Мильковским РВК, служил в 73-й стрелковой дивизии. Умер от ран 16 июля 1943 г., захоронен в с. В. Троицкое Курской области.

БОЙКОВЫ

У нас есть только одна информация об этой фамилии: Бойков – Петропавловская дружина (1904–1905 гг.).

БОЛОГОВЫ

Камчатские казаки: Бологов Дмитрий, служилый, 1731 г. Других сведений о фамилии у нас нет.

БОЛЬШАКОВЫ

Фамилия камчатских казаков.

В 1812 г. в составе Камчатского гарнизонного батальона служил семейный солдат, рядовой Большаков Дмитрий Иванович, 38 лет. Жена Матрена Ивановна (30), дочь Агриппина (7). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церковью города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.) Вполне возможно, что это продолжение камчатской казачьей династии Большаковых, переведенных на военную службу, а затем вернувшихся в прежнее сословие.

Смотрим: Большаков Михаил Леонтьевич, казак, принимавший участие в обороне Петропавловского порта в 1854 г. Из Гижигинской сотни. (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 2, д. 128.) Обращает на себя внимание тот факт, что Большаков, как и казаки Савинские (см.), Крупенины (см.) из Гижигинской запасной сотни, куда, возможно, и были набраны солдаты из расформированного Камчатского гарнизонного батальона.

В 1882 г. фамилия Большакова внесена в «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры». (Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105.)

БОРИСОВЫ

Возможно, кто-то из камчадалов Борисовых получил свою фамилию от миссионера Борисова, камчатского священника, который служил на полуострове в 1828 г. (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 9). Но основная часть камчадалов Борисовых – это духовные дети, крестники казаков Борисовых.

Фамилия камчадалов Борисовых сохранилась к концу XIX века только в селении Крутогорово (за исключением – Борисов Ксенофонт Иванович, камчадал с. Аманинского, 1893 г., 29 лет), хотя у нас есть данные о том, что эта фамилия в период массового крещения камчадалов появлялась и в других селениях (история появления фамилии: 1745 г. – Облуко-

вина, 1747 г. – Колпаково, Тигиль; 1748 г. – Тигиль, Колпаково; 1749 г. – Воровская).

Прежними владельцами этой фамилии были на Камчатке приказчик, якутский сын боярский Петр Борисов, о котором есть много упоминаний у С. П. Крашенинникова, и служилый Михаил Борисов (скорее всего, что было очень характерно для первого периода освоения полуострова, ближние родственники), будущий управитель Нижнекамчатского острога, битый кнутом по итогам следствия по Харчинскому бунту.

Но ареал распространения этой фамилии не ограничивается только Камчаткой. История этой якутской фамилии Борисовых имеет интереснейшее продолжение: в географических открытиях русских землепроходцев на Северо-Востоке Азии и в Северной Америке участвовали и представители северных народностей. В XVIII веке среди них особенно выделился чукча Николай Иванович Дауркин. Он не только помогал русским правительственным экспедициям, но и сам совершал путешествия, ставшие важным этапом в географическом изучении Крайнего Северо-Востока Азии, Северной Америки и северной части Тихого океана. Во время одного из походов Дмитрия Ивановича Павлуцкого по Чукотской земле в 1774 г. в плен была захвачена семья: отец, мать и десятилетний сын. Отец, коряк по имени Омшат, сумел бежать. Мать, родственница главного чукотского тойона Тентиона, была «по распросам на огне зжена и убита». Их десятилетнего сына Тангитана майор Павлуцкий оставил у себя в услужении и отправил в Анадырский острог. Находясь постоянно среди русских, Тангитан хорошо усвоил русский язык, после чего Павлуцкий направил его в Якутск к жене своей Анне Филипповне. Там мальчика крестили. Крестным отцом стал якутский подьячий, будущий тесть Тимофея Шмалева Иван Андреевич Борисов, по прозвищу Дауркин. Поэтому и чукча Тангитан стал Николаем Ивановичем Дауркиным. (<http://bigis.ru/>. «Русские колумбы».)

Василий Борисов из Крутогорово был в числе участников обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

В Исповедальной росписи Облуковинской церкви за 1893 г. мы нашли сведения о нем: семилетний сын вдовы Марии Васи-

льевны Борисовой (27 лет), у него была старшая сестра Дарья (9) и младший брат Лев (6). Мы нашли и другие документы и о брате участника обороны Камчатки Василия Саввича Борисова (правда, обращает на себя внимание несоответствие дат Метрической книги, Исповедальной росписи и приговора:

Борисов Лев Савич. Родился 19 февраля 1890 г. Родители: отец камчадал Крутогоровского села Савва Федорович Борисов и жена его Мария Васильевна.

Восприемники: камчадал Крутогоровского села Иосиф Корнилович Кильтякин. (Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1890 г., ГАКК.)

Борисов Лев Савич. Родился в 1886 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Крутогорово; русский; малограмотный; б/п; был членом охото-рыболовецкого колхоза. Проживал: Соболевский р-н, с. Соболево.

Арестован 29 ноября 1939 г. Приговорен: военный прокурор войск НКВД по Камчатской обл. 4 октября 1941 г., обв.: по ст. 58-1а-2-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 2 января 1990 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

Но Лев Саввич не был младшим братом в этой семье – последним был Георгий Саввич, у которого судьба была более трагичной:

Родился в 1898 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Крутогорово; русский; образование низшее; б/п; являлся председателем Крутогоровского сельсовета. Проживал: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Крутогорово. Арестован 8 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД 10 августа 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Имущество конфисковано. Расстрелян 22 августа 1938 г. Реабилитирован 22 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Усть-Большерецким райвоенкоматом были призваны на службу в годы Великой Отечественной войны несколько однофамильцев Борисовых: красноармеец Анатолий Степанович Борисов погиб в декабре 1944 г.; в Брестской крепости погиб

Василий Николаевич Борисов; гвардии сержант Федор Арсентьевич Борисов погиб на Украине 21 декабря 1943 г.; погиб в боях Борисов Василий Николаевич...

БОРИСЕВИЧИ

Очень странная запись в Метрической книге Ключевской церкви за 1913 г. (ГАКК): Борисевич Никифор Илларионович, крестьянин селения Толбачинского, 30 лет, женат первым браком 15.05.1913 г. на вдове умершего камчадала селения Козыревского Павла Михайловича Чуркина Дарье Евстафьевне. Поручители: по жениху – крестьяне селения Ключевского Алексей Николаев Ушаков и Иоанн Алексиев Штильников; по невесте – крестьяне селения Ключевского Иннокентий Иоаннов Ушаков и камчадал селения Козыревского Гордей Иоаннов Черных. Свящ. Михаил Ерохин с псаломщиками Ксенофонтом Михайловым и Григорием Губа.

Если было бы записано «камчадал Толбачинского селения», то все было бы ясно – переселили крестьянина из какого-то старорусского села и записали в камчадалы. Таких примеров множество. Но вот чтобы в местах традиционного проживания аборигенов появлялись русские поселенцы – это исключение из правил. Обычно пришлые русские основывали новые самостоятельные поселения – села Мильково и Ключи в XVIII веке, Николаевку и Старый Острог – в XIX, Запорожье, Русь, Тарью и целый ряд новых сел – в XX.

Странной выглядит эта запись и по другим соображениям. Если Борисевич – крестьянин, то крестьянин какого селения? Мильковского, Ключевского, Николаевского, если говорить о Камчатской губернии? Или какой-то другой, тем более что в это время Камчатка была уже открыта для свободного заселения, но прежняя привязка к той местности, откуда были родом переселенцы, сохранялась вплоть до 1918 г., когда представители всех сословий Российской империи стали просто гражданами?

Ответов на все эти вопросы мы пока не нашли.

БОЧКАРЕВЫ

Эта фамилия не сохранилась на Камчатке, но ее камчатская история очень любопытна для нашего исследования.

Первый в списке – Бочкарев Егор Семенович, казак Нижнекамчатской казачьей команды, 72 года. Обратите внимание на тот факт, что это не отставной казак, а продолжающий нести службу (кстати, в начале XVIII века на Камчатке служил казак Семен Бочкарь и Егор Семенович, скорее всего, его родной сын, 1740 г. р.).

Далее:

Бочкарев Василий Ксенофонович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 21 год.

Бочкарев Михаил Ксенофонович, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 18 лет.

Недостающее звено – Бочкарев Ксенофонт Егорович, скорее всего, тоже казак Камчатской казачьей команды, дети которого были призваны на армейскую службу, один из которых (недоросль) был воспитанником военно-сиротского дома, где обучались отнюдь не сироты, а дети камчатских военных.

Этого недостающего звена у нас пока нет.

БРАГИНЫ

Это был камчатский торговый семейный клан, подобный торговому семейному клану братьев Косыгиных. Географические границы распространения фамилии – практически весь Северо-Восток России (Охотск, Гижига, Анадырь, Камчатка).

Происхождение этой фамилии, возможно, связано еще с освоением Русской Америки (как, например, фамилия Корелиных, Удачных или Кузнецовых).

Вот один из интереснейших представителей этой фамилии на Камчатке: по меньшей мере, в трех плаваниях в течение 20 лет принимал участие тотемский крестьянин Дмитрий Брагин. В 1758–1762 гг. – он рядовой компанейщик на судне «Св. Иулиан», в плавании на судне «Захарий и Елизавета» он уже передовщик. Должность передовщика он исполняет и в компании тотемского купца Алексея Холодилова, снарядившей на промысел судно «Св. Михаил», компанейщики с которого вели промысел на островах Кадьяк, Лисьих и других островах Алеутского архипелага в 1772–1778 гг.

Владимир Васильевич Брагин из села Ключи писал о происхождении своей фамилии: «Был раньше один купец по фамилии Брагин, который вел торговлю по долине реки Камчатки, от него, наверно, и пошел весь род Брагиных. Мой дед – Василий Кирьякович Брагин, он родился в 1886 г. Жена его Косыгина Валентина Алексеевна». («Воспоминания камчадалов и старожилов Камчатки», Петропавловск-Камчатский, 2007 г., стр. 7.)

В обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. в составе Усть-Камчатской дружины принимали участие: Брагин Алексей (отчество пока не выяснено) и Брагин Дмитрий (вероятно, Кирьянович, см. список репрессированных Брагиных, помещенный ниже).

География распространения этой некогда знатной купеческой фамилии лучше всего иллюстрирует нам материалы сталинских репрессий, которые четко и ясно показывают, что уничтожалась именно элита, самые лучшие, самые известные, самые богатые.

Брагин Василий Кирьянович. 1886 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; русский; образование: низшее; б/п; был рыбаком, охотником; место проживания: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арест: 25.03.1932. Осужд. 08.07.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 21.02.1990. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Брагин Владимир Петрович. 1888 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: незаконченное высшее; б/п; был зубным врачом; место проживания: Усть-Камчатский р-н, с. Усть-Камчатск. Арест: 26.04.1933. Осужд. 05.06.1933. Усть-Камчатское РО ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено по ст. 4 п. 1 УПК (покончил жизнь самоубийством под арестом). Реаб. 25.04.1958. Реабилитирован постановлением УКГБ по Камчатской области.

Брагин Влас Ильич. 1881 г. р. Место рождения: ДВК; кам-

чадал; место проживания: ДВК. Арест: 1938. Осужд. 21.04.1938, тройка при УНКВД по ДС. Обв. покушение на шпионаж Расстр. 08.07.1938. Реаб. 11.05.1989.

Брагин Дмитрий Кириянович. 1879 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; русский; образование: малограмотный; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арест: 06.03.1937. Осужд. 10.08.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 22.08.1938. Реаб. 29.12.1960. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Брагин Емельян Иннокентьевич. 1881 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; камчадал; образование: неграмотный; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 02.07.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Брагин Иннокентий Николаевич. 1897 г. р. Место рождения: ДВК; камчадал; место проживания: ДВК. Арест: 1938. Осужд. 11.05.1938, тройка при УНКВД по ДС. Обв. покушение на шпионаж. Расстр. 05.06.1938. Реабилитирован в мае 1989.

Некоторые подробности об одном из репрессированных и членах его семьи мы получили на форуме сайта «Камчадалы.ру» от Людмилы: «Моя бабушка – дочь репрессированного Брагина Матвея Прокопьевича, камчадала из Гижиги.

Для начала я стала изучать историю самой Гижиги, пообщалась с некоторыми жителями через социальные сети, кое-кто, оказалось, знал моего двоюродного прадеда Данилова Семена Ивановича. Выяснила, что мои предки по бабушке все из Гижиги, камчадалы. Это Нифантьевы, Даниловы и Брагины. Насколько я знаю в книге “Камчадалы Магаданской области” упоминаются Брагины, но почему-то там мой прадед М. П. Брагин числится как из мещан, а также меня там

заинтересовало имя Брагина Прокопия Прокопьевича, купца 1-й гильдии из Гижиги. Кто знает, может и он мой предок. Знаю, что М. П. Брагин был репрессирован в 1938 г. и расстрелян, его имя есть в КП. Пока я только получила архивную справку из ФСБ, т. к. еще не могу доказать с ним родство и посмотреть его личное дело. Он проходил по делу Дальстроя, арестовали его ночью, а при обыске искали в доме даже золото (это со слов бабушки). Женат мой дед был на камчадалке Даниловой Анне Ивановне, которая уже после войны переехала в п. Ола. Вот имена их детей – Брагина Анна Матвеевна (моя бабушка), Брагин Май Матвеевич, Брагин Эдуард Матвеевич. У Мая и Эдуарда семей не было. В Гижиге много однофамильцев Брагиных, пока ни с кем из них родственных связей я не вижу. Но если мои предположения на счет купца П. П. Брагина верны, то я с удовольствием послушаю ваши комментарии и советы. А еще знаю, что М. П. Брагин бы одним из первых коммунистов, но пока это еще не подтверждено документально. Выше было сказано по поводу репрессий, я согласна, что действительно уничтожались лучшие. Например, из моих Нифантьевых были репрессированы четверо, а среди них были и купцы (Осип Федорович Нифантьев) и зажиточные оленеводы. У меня сохранилась статья из Магаданской газеты, где мой дед прадед С. И. Данилов, много лет работавший в областном краеведческом музее Магадана, писал как раз о репрессиях в Гижиге и всему району».

Небольшой наш комментарий о мещанах: купцы, торговые люди тоже относились к мещанству, то есть попросту были горожанами (либо нижнекамчатскими, либо петропавловскими, либо анадырскими: например, Брагин Павел Матвеевич, мещанин с. Анадырь, 72 года, его сын Иосиф Павлович (32 года) и внук Андрей Иосифович, 3 года). (Исповедальная роспись Анадырской Николаевской церкви за 1893 г., ГАКК.)

«Боль души, потерянная родина», – такими воспоминаниями о судьбе членов своей семьи поделился Владимир Васильевич Брагин (1930 г. р.), очерк печатается в сокращении, рукопись хранится в Камчатском краевом государственном архиве.

«В излуцине реки Камчатки, где впадает река Белая, стоит крест, поставленный Атласовым – российским первопроходцем.

Здесь река поворачивает с запада на восток. Ниже в 1,5 км стояло селение Кресты – теперь его нет. Здесь родилась моя мать – Кречетова Ирина Владимировна, 1910 года рождения.

В Крестах тогда жили Артеменко, Бобылев, Коллеговы, Чудиновы, Кречетовы, Тетерин, Власовы, Удачин, Баженов, Ключев, Третьяковы, Рыковы.

А ниже в 35 км стояло знаменитое селение Ключи, которое получило свое название от природы: по всему периметру Ключей бьют ключи. Река в этом районе круглый год не замерзает.

Фамилии камчадалов в Ключах – Ушаковы, Удачины, Коллеговы, Брагины (5 семей), Бобряковы, Юрьевы, Столяровы, Сновидовы, Кречетовы, Васильевы, Михайловы, Селивановы, Портнягины, Тюменцевы, Ясневые, Григорьевы, Богомолы, Пузаковы, Жиганицыны, Курдюмские, Поповы, Греченины, Буяковы, Толстихины, Грузных, Галямовы, Москвитины, Чудиновы.

Дома здесь были построенные в начале XX века из лиственницы, покрыты железом или корой лиственницы. Камчадалы были очень приветливыми и гостеприимными людьми. Воровства, мошенничества вообще не было. Ни в селениях, ни в тайге. Вели коллективный образ жизни.

Рассказывают, в 1929 г. была создана геологическая партия по поиску нефти и газа. Так как лучше Брагина Василия Кирьяковича никто не знал западный и восточный берег Камчатки, его взяли проводником.

Все местные камчадалы до 1930 г. занимались охотой и рыбалкой, больше никакой работы не было. Когда привезли рабочих Ключевской ДОК строить, оказалось, что кормить нечем, тогда попросили камчадалов Селиванова В. Г., Грузных и Брагина Василия Васильевича заготовить для них мяса. Они втроем за октябрь месяц убили 90 медведей. Верхом на лошадях вывезли. Охотились в Маимле (приток реки Озерной-восточной). Там на мысу они сделали баню, теперь это

место называется “У бани”. Об этом мне рассказал дед – Селиванов Василий Григорьевич.

Сейчас бы этих стариков поднять, посмотреть, что сделали с их родиной за 70 лет леспромхозы. Без леса обмелела река Камчатка, не стало проток, речушек, заболоченных мест. Это трагедия для Камчатки и для всей дикой природы. Это надо увидеть и понять.

Ключи – место красивое. На юге гряда с Ключевским вулканом – по местному сопкой. Но севере – Шивелуч. Природа наградила край богатством. Леса с деревьями разных пород, озера, речушки, протоки, тундра, горы.

Вода в реках еще в 1950-х гг. кипела от рыбы. Уже в марте начинала рыба метать икру. Зимовало много уток, лебедей. В лесу было много глухарей, водилась куропатка. Охотники били соболей, лисиц, зайцев, горнокоз, росомх, выдр, оленей, баранов, медведей. Так природа наградила камчадалов для жизни.

Ключевские Брагины:

Брагин Василий Кириакович, 1886 г. р. Жена Валентина Алексеевна Косыгина, детей семь человек:

Брагин Василий Васильевич, 1910 г. р.

Брагин Мей Васильевич, 1915 г. р.

Брагин Кирьяк Васильевич, 1918 г. р.

Брагина Александра Васильевна, 1920 г. р.

Брагина Евдокия Васильевна, 1927 г. р.

Брагина Лидия Васильевна, 1929 г. р.

Брагин Николай Васильевич, 1932 г. р.

Дед Василий Кирьякович и сын Василий Васильевич имели крупное хозяйство: лошади, 2 нарты собак, крупный рогатый скот, свой капитальный дом 9 на 15, покрытый оцинкованным железом, скотный двор, амбар, копилку, баню, рабочий кунгас, два бата, рыболовные сети, сепаратор.

Но ничего, кроме унижения в будущем, не удалось увидеть тем, для кого все это хозяйство наживалось.

Как все это перенести человеку, который все это создавал своим трудом?

22 марта 1932 г. деда посадят и увезут на материк раз и навсегда. Как все это душевно перенести знал только он, наш

дед. Он ведь раньше не только вел свое хозяйство, но и преподавал в свое время в школе, на севере, в Вывенке, а потом некоторое время в Ключах. В 1915 г. представлял Камчатку на съезде в Маньчжурии, в Харбине.

Он и на охоте отличался, добывая до 35 соболей на р. Чажме против 3–5 соболей у тех, кто охотился вблизи дома.

У него дочь Шура училась только на пятерки и стала учительницей. Она приехала к деду в Красноярск в конце тридцатых годов, здесь же, у деда, она и скончалась. А дед дожил до дня Победы – умер 9 мая 1945 г., так и не узнав больше о том, как живут его потомки.

А они не уронили семейную честь. Жили мы в дедовой бане – сначала 12 человек, а потом родилось еще четверо, в том числе мои братья Николай (34 г. р.), Анатолий (35 г. р.) и сестра Людмила (38 г. р.).

Дед написал, что виновным себя ни в чем не признает. Отсидел три года и был отправлен на вечное поселение в Красноярск.

Его сын, Брагин Василий Васильевич, работал старшим рабочим на Ключевской вулканстанции с Софьей Ивановной Набоко и вместе с ней в числе самых первых поднялся на Ключевской вулкан. Именно Василия Васильевича Брагина опускали в кратер вулкана для взятия проб. Об этом рассказал мне мой отец в 1963 г., когда мы впервые встретились после 26 лет разлуки. Отец потерял семью, отсидел 10 лет, но остался человеком. После тюрьмы он был сослан в Краснодарский край на вечное поселение с ежемесячной отметкой в милиции. Эту процедуру я наблюдал собственными глазами, когда в дом к отцу пришел лейтенант милиции и спрашивал о нас, что это за люди.

– Мои дети, – ответил отец, – приехали специально с Камчатки, чтобы встретиться со мной через 26 лет.

...Сентябрь 1937 г., когда отца забирали, был пасмурным. Так началась и наша новая жизнь – пасмурная и тяжелая. Его забрали в пять утра. Я проснулся, а сестра Анна спрашивает, где папа. Я заплакал: опять меня не разбудили сетку проверять. У нас с отцом стояла сетка у Коноplenки, и

мы ее по утрам проверяли. Вот я и думал, что отец ушел без меня.

Утром пошли с мамой к милиции. Тогда еще не было рыбокооповских складов, а был стадион военных – они обучали там коней. Лошади ходили по квадрату и исполняли команды тренера, которые он давал: лечь или встать.

Тюрьма была за стадионом. В ней было небольшое отверстие вверху, оббитое обручным железом, выше человеческого роста, так что заключенный, подтянувшись на руках, мог нас видеть и разговаривать.

Отец поднялся, плачет. Мы тоже заплакали, а долго разговаривать нельзя. Народу собралось много, нас потеснили. Потом заключенных вывели на прогулку, человек пятьдесят, у всех руки назад. Начальником тюрьмы был Морозов, часовым – Юрьев. Морозов курил трубку, трубка была красная, изогнутая, на конце чертик с бородой.

Сказали после развода, что завтра, в 8 утра, их отправляют. Утром пришли на пирс, а их увезли ночью. Народ стоял и плакал. Эту картину я запомнил на всю жизнь.

Но и у Морозова была своя трагичная судьба, да и Юрьев прожил недолго.

Отец до ареста начал строительство дома. Поставил сруб, приготовил стропила, пиломатериалы и задолжал три тысячи рублей. Была нарта собак, телки. Мамаша все распродала, чтобы расплатиться. Остались мы ни с чем, и вот тогда нам мамаша сказала: “С голоду подыхайте, но чужого не троньте!”

Думаю, мы достойно прожили свою жизнь.

Из трех братьев Брагиных никто не курил.

Когда с долгами рассчитались, встал вопрос о работе, но не было паспорта. Мамаша пошла в милицию, а там ей сказали: измени фамилию на девичью, тогда паспорт выдадим. Она отвечала: а если придет муж, тогда что?

– Ваш муж, – сказали ей, – никогда уже не придет. – И ей полтора года не выдавали паспорт, но матушка не изменила фамилию, за что мы ей все благодарны.

Жили случайными заработками у людей: матушка уходила

ла из дома в 5 утра, возвращалась в 12 или в час ночи. Уйдет – мы спим, придет – мы спим. Зарабатывала до 5 рублей. Неделями не виделась.

Когда дали паспорт, поступила в больницу в родильное отделение санитаркой. Оклад 165 рублей старыми деньгами. Проработала там 15 лет на одном месте. Из-за маленького оклада отпуск никогда не брала. За троих платила в яслях 75 рублей, остальные несла домой. Северных надбавок не платили, так как она местная.

Так мы и росли – голодные, полураздетые, в бане.

К 43-м годам своей жизни матушка вся выработалась.

Сестра Анна, покойная, была старшей среди нас. Все домашние дела легли на ее плечи. Сварить, убрать, посуду помыть, в бане прибрать. Училась в школе, закончила школу, семь классов, семь почетных грамот, кроме «отлично» никаких оценок не было. По мужу Анна Васильевна – Сокоренко. Работала метеорологом в Ключах, Усть-Камчатске, Петропавловске. Умерла в 1975 г.

...Фамилию Брагиных лучше было не вспоминать. В 1938 г. первым руку дружбы протянул дед Волков, Иван Артемьевич. Я сдружился с его сыновьями – Александром, Василием, Артемием, Николаем. Волковы – сибиряки, мы, камчадалы, жили с ними дружно, благодаря им стали людьми во всех отношениях. Никто в жизни так не помог, как они, совершенно чужие люди, сибиряки.

В 1939 г. встретились и познакомились с Аликом Толстихиным (1926 г. р.), сыном учителя Толстихина (тигельского камчадала), который преподавал литературу в Ключевской школе.

Где-то в 1940 г. к нам пришел милиционер, посмотрел, как мы живем, сказал матушке написать заявление, чтобы отобранный дом вернуть, мама не стала ничего писать. Так в этой бане я прожил до 1958 г.

В 1945 г. я пошел в школу ФЗУ. На меня обратил внимание Георгий Игнатьевич Попов, который знал мою маму (она принимала роды у его жены). Благодаря ему я попал в группу электриков. Это и определило всю мою дальнейшую жизнь.

Был и шофером, и трактористом, слесарем, лебедчиком – на сплаве Ключевского ДОК.

В 1958 г. 26 октября поженились с Фреей Васильевной Коллеговой (1932 г. р.). Какую мы с ней жизнь прожили! Всем на зависть.

В 1963 г. в первый раз в жизни поехал в отпуск. Отцу ничего не сообщал. В общем, прибыли мы в Камышеватку Ейского района. Не доехали до дома отца, я говорю шоферу: остановись. Он остановился, я вышел, подхожу к дому отца. Стоит жена отца, я говорю: “Василий Васильевич здесь живет?” Она на меня посмотрела и говорит: “Ведь ты Володька – копия батьки”. Я спрашиваю, где батька? “Он, – говорит, – пошел на море нервы успокаивать”. Я спросил, в чем дело. Оказывается, он только что проводил своего брата Мея Васильевича.

...Брагин Мей Васильевич, жена Чуркина. Жил в Козыревске, 10 человек детей. Работал в рыбнадзоре, затем начальником Заготпушнины. Погиб трагически.

Брагин Кирьяк Васильевич, жена Катя Боровик, детей не было. Его призвали в армию перед войной. Учился на курсах младших командиров под Комсомольском-на-Амуре. Началась война. Их перебросили на фронт под московский город Серпухов. Там принял первый бой. Были очень тяжелые бои на Курской дуге. Освобождал Киев, освобождал Белоруссию. Брал Варшаву. Участвовал в битве за Берлин, был сфотографирован у Брандербургских ворот, освобождал Прагу. Участвовал в уничтожении “лесных братьев” на Украине.

Награжден боевыми орденами. Вернулся на Камчатку. До 1960 г. работал в Усть-Камчатске районным инспектором связи, пока кто-то не сообщил, что он сын врага народа. С работы снят, из партии исключен. Вернулся в Ключи, работал на сплаве. После войны у него родилось двое сыновей.

Брагина Александра Васильевна. С отличными оценками закончила школу и была назначена учителем начальных классов. Но она прожила недолгую жизнь.

Брагина Евдокия Васильевна, стала финансистом. Муж –

полковник госбезопасности, сын работал в лаборатории по исследованию причин авиакатастроф.

Брагина Лидия Васильевна – без экзаменов была принята в Киевский политехнический институт со стипендией. Но пришло сообщение из Козыревска, что она дочь врага народа. Стипендию отобрали. Благодаря брату Кирьяку закончила институт и работала ведущим конструктором на Кутаисском автозаводе. Имела сына и дочь. Тоже рано ушла из жизни.

Последний раз встретились с ней в Камышеватке у отца. Спросил: “Почему не приезжаешь на родину?” “Не хочу, – ответила, – больше слышать унижения и упреков”.

Брагин Николай Васильевич. Жил в Козыревске, сейчас его уже нет в живых. Остались двое детей: Ольга и Игорь. Оля после института работала на телевидении. Игорь закончил школу с золотой медалью, а затем институт радио-электроники.

...Родовую фамилию Брагиных не опозорили!»

БРЕКАЛОВСКИЕ

Крестьяне из селения Николаевского (Николаевки). Прибыли на Камчатку, вероятно, при губернаторе В. С. Завойко в середине XIX века.

Патриархом этого рода был Михаил Брекаловский, создавший большую камчатскую семью. По Исповедальной росписи Петропавловского собора числятся: Брекаловский Афанасий Михайлович, с. Николаевское, крестьянин, 53 года. Жена Агафья Яковлевна (50). Брат Григорий Брекаловский (47). Жена его Агафья Алексеевна (31). Сын его от 1-го брака Степан (20). Брат Иван Брекаловский (43). Жена его Мария Степановна (29). Дети: Петр (7), Алексей (3), Александр (2).

Брекаловский Алексей Иванович. Род. 18 марта 1890 г. Родители: крестьянин Николаевского селения Иван Михайлович Брекаловский и законная жена его Мария Степановна. Восприемники: Паратунских горячих ключей крестьянин Гавриил Тимофеевич Подпругин и жена Петропавловского мещанина Николая Степановича Машихина – Мария Иннокентьевна. Свящ. Павел Донской. (Метрическая книга Петропавловской церкви за 1890 год, ГАКК.)

Брекаловский Аристарх Иванович. Дата рождения 14 апреля 1903 г. Родители: крестьянин Николаевского селения Иван Михайлович Брекаловский и законная жена его Параскева Алексеевна. Восприемники: Петропавловский мещанин Алексей Михайлович Расторгуев и вдова Надежда Андрианова Зимирова. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1903 год, ГАКК.)

При сопоставлении этих двух материалов мы поняли, что речь в них идет об одном и том же человеке – Иване Михайловиче, родном брате Афанасия Михайловича Брекаловского.

БРЕХОВЫ

Представитель этой камчатской фамилии – коряк Егор Брехов вошел в мировую историю, будучи членом экипажа мятежного галиота «Святой Петр» и участником Большерецкого бунта 1771 г., который возглавил польский ссыльный конфедерат Август Мориц Бенъевский.

А фамилию им дал камчатский служивый (казак) Тимофей Брехов, которого упоминает в своей книге С. П. Крашенинников. Это был «ясашный сборщик», то есть один из руководителей экспедиции по сбору податей (ясака) с камчадалов и коряков. На реке Палане, как сообщает Степан Петрович, Тимофей Брехов был ранен коряками и «будет де обиду свою отмщать. Как эти вести до Паллана и Кинкили дошли, то кинкильские коряки собрались на Паллан и дожидались зборщика, чтоб его убить со служивыми. И хотя не сам Брехов за збором поехал, то однакож они намерение исполнить хотели, и исполнили б, ежели бы не разговорил тойон Паллана реки, а служивые между тем всегда караул имели, и так едва спаслися».

Фамилия на Камчатке не сохранилась. Вернувшийся из Франции в Россию коряк Егор Брехов был определен на жительство в Охотск.

БРЕЧАЛОВЫ (БРЯЧАЛОВЫ)

Сегодня потомки камчатских крестьян Бречаловых уже не помнят о своем купеческом происхождении и о том, что их фамилия входит в золотой список первопоселенцев Камчатки,

которые начали обживать и осваивать полуостров еще в начале XVIII столетия.

По нашим сведениям, эта фамилия начинает распространяться по Камчатке в период действия миссионерской партии архимандрита Камчатского Иоасафа Хотунцевского. В 1747 и в 1748 г. эту фамилию получают камчадалы в Тигиле (а сохраняется она до XX века в селении Аманино: в Исповедальной росписи Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г. упоминается житель Аманино Бречалов Степан Иванович, 39 лет).

Постоянное местопребывание представителей исконной фамилии Бречаловых на Камчатке – Большерецкий острог, селение Большерецк, позже Кавалерское, куда переселились старики Большерецка.

Бречаловы были посадскими людьми, то есть торговцами. Об одном из них сохранились следующие сведения: Бречалов Моисей, камчатский посадский. Жил в Большерецке в 1771 г., был разоружен участниками Большерецкого бунта, когда попытался оказать сопротивление бунтовщикам. Вероятно, был в числе 27 арестованных «за неисполнение долга», которые были доставлены по делу о бунте в Иркутск и два года провели в тюрьме. По итогу расследования «не соблюдив долга своего вменить в наказание двухлетнее их заключение и снова привести к присяге» (Сгибнев А. С. «Очерк главнейших событий в Камчатке»).

Позже большерецкие Бречаловы (Брячаловы) известны нам как крестьяне.

В русско-японскую войну 1904–1905 гг. Бречаловы приняли активное участие в обороне Камчатки: Бречалов Петр Алексеевич, Бречалов Ларион, Бречалов Егор.

Особенно отличился в тех боях большерецкий староста Бречалов Алексей Петрович, он представлен к награждению Георгиевским крестом 4-й ст. за участие в боевых действиях в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (но награду почему-то не получил).

Крестьянин с. Большерецка Алексей Бречалов – ранен в левую руку при отражении десанта на р. Озерной «служил примером своей неустрашимости и отваги. Серьезно ранен в

левую руку и левую ногу пулями». (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 82.)

Но полный тезка Алексея Петровича известен нам по материалам совсем другого дела:

Бречалов Алексей Петрович. 1900 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Усть-Большерецк; камчадал; образование: низшее; б/п; был членом рыболовецкого колхоза им. Сталина; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Ленино. Арест: 10.10.1937. Осужд. 14.02.1940, Усть-Большерецким РО НКВД. Обв. по ст. 58-2-7-10-11 УК РСФСР. Приговор: из-под стражи освобожден. Постановлением УКГБ по Камчатской обл. от 5 февраля 1957 г. дело прекращено на основании ст. 4 п. 5 УПК. Реаб. 28.11.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

В списках пострадавших от политических репрессий и два его брата:

Бречалов Иван Петрович. 1901 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Усть-Большерецк; камчадал; образование: малограмотный; б/п; был продавцом АКОснабторга; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Апача. Арест: 09.01.1938. Осужд. 14.02.1940, Усть-Большерецким РО НКВД. Обв. по ст. 58-2-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 22.12.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской области.

Бречалов Илья Петрович. 1910 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Большерецк; русский; образование: начальное; б/п; был военнослужащим (красноармеец); место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Большерецк. Арест: 02.10.1942. Осужд. 16.10.1942. Военный трибунал в/ч п/я № 50. Обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 8 годам лишения свободы с поражением в правах на 3 года. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 14.03.1990. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

По исповедальной росписи Большерецкой Успенской церкви за 1893 г. мы обнаруживаем в Большерецке три семьи крестьян Бречаловых (Брячаловых):

Брячалов (Бречалов) Николай Тарасиевич, крестьянин, Большерецк, 29 лет.

Брат Александр (17). Мать их вдова Ираида Никитична Брячалова (54). Дочь ее Елизавета (12).

Брячалов (Бречалов) Илларион Иванович, крестьянин, с. Большерецк, 35 лет.

Жена Мария Дмитриевна (30). Дети: Иоанн (5), Анна (1). Братья его: Андрей (27), Георгий (20), Петр (24). Жена Петра (?), Матрена Александровна (22), сын Николай (1). Мать их вдова Агриппина Ивановна Брячалова (60). Дети ее: Анна (33), Елена (30).

Бречалов (Брячалов) Петр Алексеевич, крестьянин, с. Большерецк, 18 лет.

Мать вдова Агриппина Николаевна (58). Сестра Екатерина (30).

Некоторые подробности:

Брячалов Николай Петрович. Дата рождения – 30 ноября 1892 г. Дата крещения – 30 ноября 1892 г. Родители: Большерецкого селения крестьянин Петр Иванович Брячалов и законная жена его Матрена Александровна.

Восприемники: того же селения крестьянин Василий Иванович Брячалов и жена отставного казака Николая Ильича Селиванова Асинефа Ивановна. Таинство крещения совершал священник Григорий Коллегов. (Выписка из метрической книги Большерецкой церкви за 1892 год, ГАКК.)

Брячалов Иван Петрович. Дата рождения – 25 декабря 1901 г. Дата крещения – 26 декабря 1901 г. Родители: крестьянин Большерецкого селения Петр Иванович Брячалов и законная жена его Матрона Александровна.

Восприемники: Петропавловский мещанин Александр Павлович Ворошилов. Таинство крещения совершал священник Агофопод Шипицын.

Корни камчатских посадских Бречаловых связаны с Иркутском (откуда, в частности, был выходцем и иркутский посадский, а впоследствии камчатский купец Никифор Трапезников, заимка которого располагалась возле Большерецкого острова).

ЗОЛОТОЙ ВЕК ИРКУТСКИХ ОЛИГАРХОВ

В весьма удачном месте енисейские казаки во главе с Яковом Похабовым основали Иркутск. Поначалу это было «место самое лучшее, угоднее для пашен, и скотный выпуск, и сенные покосы и рыбные ловли – все близко». Затем дело дошло и до торговли: Иркутск оказался на пересечении торговых путей. Тогда в местности «против Иркутта-реки» и появилось новое сословие – купеческое, которому наш город многим обязан.

Позже, имея огромные деньги, сибирские купцы могли позволить себе выделять немалые суммы на обустройство жизни в родном городе. Большинство церквей, которыми славился Иркутск, гимназии, школы, больницы, приюты, библиотеки, магазины, самые красивые здания были построены и содержались купцами. Так что фраза «Иркутск – город купеческий» имеет вполне конкретный смысл.

Сегодня в нашей исторической рубрике первая половина XVIII века. Этот период историки называют «золотым веком» иркутского купечества. Очень долго сибирские купцы в глазах русского правительства не пользовались авторитетом: в указе от 27 октября 1699 г. сибирские купцы назывались «людьми скудными». Но уже через 20–30 лет, благодаря развитию кяхтинской торговли с Китаем и выгодной внутренней обстановке в Сибири многие из этих «скудных людей» настолько обогатились, что стали именитыми гражданами, властвовавшими во многих городах Сибири.

Наиболее ярким примером в этом отношении являлся Иркутск, где изобилие дорогой пушнины и соседство с Поднебесной империей привело к расцвету меновой торговли с китайцами. Из крупного купечества в Иркутске сложилась олигархия, которая процветала и властвовала над общественным управлением. Особенную славу и могущество приобрел коммерции советник Мыльников, занимавшийся сбытом пушнины в Кяхту и вывозивший оттуда в большом количестве китайские товары.

ПУТЬ В КЯХТУ

В XVIII веке своим указом правительство уничтожило казенную монополию в кяхтинской торговле и разрешило купцам свободно торговать с китайцами всеми видами мягкой рухляди (пушнины).

С этого времени для многих иркутских купцов наступил «золотой век». Они устремились в деревни, села и улусы, лежащие не только близ города, но и на далеких северных окраинах. Во всех этих местах купечество скупало пушнину, мерлушку, продукты скотоводства и земледелия, одновременно продавая промышленные товары, привезенные из европейской России и Китая.

Поначалу ведущую роль в торговле с Китаем играл Нерчинск, но в 1703 г. из Китая в Сибирь был проложен другой путь. Все последующие караваны комплектовались уже в Иркутске, а наши купцы стали напрямую ездить в Кяхту и привозить оттуда китайские товары.

Основным путем сообщения Иркутска с Кяхтой была дорога через Байкал. Товары везли по Ангаре, переправлялись через Байкал между Голоустным и Посольским, поднимались Селенгою до Петропавловской крепости, оттуда уже сухопутной дорогой на телегах добирались до Кяхты.

МЯГКАЯ РУХЛЯДЬ

Из пушных товаров, продаваемых в Иркутске, главное место принадлежало белке. Здесь можно было найти ленскую чернохвостку, якутскую серую, ангарскую, илимскую, тункинскую, нерченскую, чикойскую, селенгинскую и баргузинскую белку. Цены на нее были самые различные – от 60 до 150 рублей за тысячу. В некоторые годы в Китай сбывалось до семи миллионов штук шкурок этого зверька.

Славился иркутский рынок также обилием лисиц разных родов, среди которых особенно ценились камчатские белодушки (продавалось от шести до 20 тысяч в год) и охотские сиводушки (от двух до четырех тысяч). Вслед за лисицами шли камчатские и якутские соболи (от шести до 16 тысяч в год), затем песцы, камчатские бобры, горностаи, рыси и выдры.

МОДА НА ВСЕ КИТАЙСКОЕ

Из Кяхты в большом количестве привозили разнообразные китайские товары. В Иркутске из китайского можно было найти бархат, шелк-сырец, китайку (хлопчатобумажная ткань), шелк,

чай байховый и кирпичный, бадьян, румяна, белила, фарфоровую и глиняную посуду, сахар-леденец и песочный, разные сорта фруктов, орехи, конфеты, табак «шар», тушь и некоторую мелочь.

Незначительная часть этих товаров расходилась в Иркутске среди горожан и вывозилась купцами, торгующими в розницу, в ближайшие села и деревни. Большая часть отправлялась по эстафете через сибирские города в Москву.

В самом Иркутске и его окрестностях потребность на китайские изделия была чуть ли не всеобщей. Сибирский историк Словцов говорит, что здесь «семьи городские и деревенские носили рубашки из фанзы и дабы». У многих купцов мебель, посуда и другие домашние вещи были китайскими.

Интересно, что даже некоторые обычаи купцы заимствовали у китайцев. Путешествовавший по Сибири в 70-х годах XVIII века академик Георги рассказывает, что ему приходилось наблюдать в отдельных купеческих семьях Иркутска один из моментов застольного этикета, перенятого у китайцев, когда не только пили чай, но подавали десерт на множестве китайских тарелок из китайских фруктов и конфет.

Во внутренней обстановке жилищ богатых иркутян чувствовался «китайский вкус», выразившийся в изобилии китайских украшений: картин, ваз, статуэток. Георги замечает, что в Иркутске почти у каждого дома был огород, в котором обычно сеялись китайские цветы. До 1777 года иркутяне не употребляли чернил, а писали тушью, привозимой из Китая.

ДОВОЛЬНО, ЕЖЕЛИ И ПОВЕШЕН БУДЕТ

В XVIII веке торговая деятельность Иркутска развивалась бы еще шире, если бы ей не мешал ряд «произошедших отягощений и разорений». К числу «отягощений» иркутские купцы относили частые перерывы в торговле на русско-китайской границе, а также взимания больших пошлин на Кяхтинском форпосте.

Причины для таких перерывов были разные. Например, в 1742 г. случился следующий прискорбный факт. Два пьяных русских – солдат Уфимцев и дьячок Сажин, находясь в Маймачене (китайский торговый городок по соседству с Кяхтой), давали одному китайцу две копейки на покупку водки. Китаец

отказался. Завязалась драка, в результате которой двое китайцев были тяжело ранены и в ту же ночь умерли. Дело тянулось два года.

Наконец, в июле 1744 года китайский трибунал прислал на имя Сената требование наказать виновных и в нем изложил волю китайского императора – бодыхана, «что хотя смертоубийцев и должно смертью казнить, однако же за излишнее он, бодыхан, рассуждает, ежели человекоубийце отсечь голову, но довольно ежели и повешен будет». Но русское правительство не приняло никаких мер. Китайцы закрыли торг и разрешили его только тогда, когда был назначен суд над Уфимцевым и Сажиным.

Кяхтинская торговля была настолько выгодна, что некоторые купцы Иркутска вкладывали в нее весь свой капитал. Так крупную коммерцию вел в Кяхте первостатейный иркутский купец Иван Бичевин. Его приказчики проникли на Курильские и даже Алеутские острова и привозили оттуда драгоценную пушнину. В большом количестве сбывал мягкую рухлядь китайцам через кяхтинский рынок иркутский купец и соляной промышленник Федор Ворошилов. Несколько позже такие же операции проводили купцы Мыльников, Мичурин и Сухов.

КРЫЛОВСКИЙ ПОГРОМ

Такое успешное ведение дел было прервано в 1758 г., когда иркутское купечество пережило поистине черные времена. Случилось бедствие – так называемый «крыловский погром», принесший купечеству убыток на триста тысяч рублей и разоривший много первостатейных купеческих фамилий.

В 1758 г. генерал-прокурор Сената Глебов решил поправить свои пошатнувшиеся финансовые дела и взять на откуп винокуренные заведения в Иркутске. Иркутские купцы отказались. Озлобленный отказом, Глебов послал в Иркутск коллежского асессора Крылова, которому поручил задание с пристрастием разобраться с купцами.

Ослушники вместе с бургомистром Бречаловым по приказу Крылова были арестованы и закованы в кандалы. Пытками и истязаниями из них выбили нужные показания, а их имущество Крылов конфисковал в свою пользу.

Более всех пострадал купец Иван Бичевин, считавшийся в то время первым в городе богачом. О его богатстве сохранилось предание, что золотые и серебряные деньги он хранил в бочонках, а медные – в бочках, прикованных к стенам его кладовых. Замученный пытками Бичевин умер 13 декабря 1759 г.

Своей развратной и не знавшей удержу разгульной жизнью Крылов наводил страх не только на купцов, но и на все городское население. Женщины боялись ему на глаза попадаться, детей пугали его именем, и еще долго иркутяне, по словам летописца, вспоминали о «гибельных крыловских временах».

Иркутское начальство бездействовало. Даже самого вице-губернатора Вульфа Крылов умудрился некоторое время продержать под арестом, а жителей тем временем заставил подписать челобитную о назначении на место Вульфа его – Крылова.

Но тут за город вступился преосвященный Софроний*. Ему удалось тайно со своим гонцом отправить в Петербург императрице Екатерине II донесение. Ходатайство увенчалось успехом. Из столицы последовало распоряжение арестовать Крылова и скованным отправить в тайную канцелярию, что и было исполнено 20 ноября 1761 г.

Дальнейшая судьба Крылова неизвестна: по одним источникам он был наказан кнутом и сослан на каторгу, а по другим – избег всякого наказания, благодаря покровительству обер-прокурора Глебова. Существовал также рассказ, что деньги, отобранные Крыловым у купцов, были многим возвращены.

В благодарность преосвященному Софронию за заступничество иркутские купцы построили на свои средства в городе каменную Благовещенскую церковь.

Благовещенская церковь была выстроена в 1783–1785 гг. Интересный факт: во время большого пожара 24 июня 1879 г. большой колокол церкви растопился и стек на землю. Образовалась глыба меди весом около тысячи пудов. Снесли церковь уже в советские времена – в 20-х гг. XX века.

*Павел Мигалев,
«Капиталист», иркутский журнал
для предпринимателей, № 2 (2). Август-сентябрь 2004 г.*

---

*Епископ Софроний (Стефан Кристаллевский). С 1753 по 1771 г. – иркутский архипастырь.

В 1722 г. в Иркутске была открыта городовая ратуша, подчиненная тобольскому магистрату. Первыми иркутскими бургомистрами были Михаил Сухой и Семен Гранин. Через год вместо ратуши в Иркутске был учрежден магистрат. Бургомистры остались те же, а ратманами выбраны купцы Прокопий Верховцев, Иван Толмачев и Савва Котов. В 1728 г. магистрат в Иркутске был закрыт, а вместо него учреждена ратуша во главе с бургомистром купцом Трифоном Бречаловым. Ратуша находилась в ведении Иркутской провинциальной канцелярии (<http://new.hist.asu.ru/biblio/razgon/68-111.html>).

Происхождение от переселившихся в XVIII в. в Сибирь государственных крестьян поморских губерний вели также иркутские купцы Бречаловы, Стрекаловские, томские Зеленцовы и др.

Что касается купеческих жен, то они, как правило, были моложе своих мужей, а особенно большая разница в возрасте (20–30 лет) наблюдалась при повторных браках, так как в таких случаях пожилые купцы зачастую брали в жены молодых девушек из некупеческих сословий. В целом межсословные браки у купцов имели преимущественное распространение по сравнению с внутрисословными. В конце XVIII в. в Томске и Тюмени внутрисословными были лишь 16 % купеческих браков, жены остальных купцов имели в основном крестьянское и мещанское происхождение. В первой половине XIX в. по-прежнему самыми распространенными у купцов оставались межсословные браки (с той лишь разницей, что теперь купцы чаще женились на дочерях мещан, чем крестьян), однако количество внутрисословных браков существенно возросло: у томских купцов в 1840–1850-е гг. на их долю приходилось 22–25 % заключаемых браков, а у тюменских, – по данным за 1819–1822 гг., 29–31 %. Тюменские купцы Прасоловы состояли в родственных отношениях с шестью местными купеческими семьями (Башарины, Барашковы, Казанцевы, Щетинины, Колмогоровы, Масловы), так же как и купцы Башарины (с Поспеловыми, Масловыми, Прасоловыми, Парфеновыми, Ала-сиными, Барашковыми). В родственных отношениях были тобольские купеческие роды Корнильевых и Медведевых, Се-

ливановых и Русаковых, Ершевых и Назаровых, НевOLIИных и Захаровых, Никановых и Струниных, Дьяконовых и Серебренниковых, Сумкиных и Протасовых, а Ширковы были связаны родственными узами с Матвеевыми, Есиповыми, Мелковыми, Крупенниковыми. В Томске породнились за счет брачных связей Губинские и Шумиловы, Мыльниковы с Шумиловыми, Закревскими, Серебренниковыми, Неупокоевыми, в Туринске – Панаевы с Тетюцких, Гуляевыми, Ворсиными, Пономаревыми, в Омске – Сенцовы и Ростовцевы, в Кургане – Обрядовы и Смирных, в Красноярске – Пороховщикоы и Матвеевы, Токаревы и Поповы, Ростовцевы и Юшковы, Худоговы и Кулаковы, Коростелевы с Усовыми и ИльИных, в Енисейске – Кобычевы и Дементьевы, в Иркутске – Сибиряковы с Мыльниковыми, Трапезниковыми, Сизых, Саватеевыми, Мясниковы – с Елезовыми, Ворошиловыми, Бречаловыми, Тиунцовыми, Трапезниковы – с Сибиряковыми, Саватеевыми, Прянишниковыми, Куклиными, Сумкиными, БалакшИными, Тиунцовыми, Опрелковыми, ВекшИными, Глазуновы – с Дудоровскими и т. д.

БУТИНЫ

Эту фамилию оставил на Камчатке известный мореход Иван Бутин (см. очерк «Бутины»).

Фамилия Бутиных, вероятно, сохранилась только на островах Шумшу и Парамушир среди курильских камчадалов (айну), которые были переселены на Камчатку в 1878 г. после того, как Курильские острова по договору с Россией отданы Японии (хотя эта фамилия еще сохранялась на полуострове: 1754 г. – с. Сопочное; 1768 г. – «Пленеснер запретил большевецкой канцелярии жаловать инородцев в тоены, предоставив это право тоену Бутину, записав его в сибирские дворяне» (Сгибнев А. С. «Очерк...»).

Более подробно вопрос о курильских камчадалах изложен в «Диалектологическом очерке Камчатки» (Южно-Сахалинск, 1968 г.), автор которого К. М. Браславец:

«Большевецкие камчадалы. В отличие от елизовских старожилов большевецкие, или курильские, камчадалы – это об-

русевшие ительмены, предки которых еще до прихода русских сильно смешались с курильцами. Большеерецкие и авачинские камчадалы, считает В. О. Долгих, были по происхождению айнами, воспринявшими камчадальский язык и культуру. Айнами (курилами) считал авачинских (в частности, с р. Налычевой) и большеерецких камчадалов первый камчатский приказчик Тимофей Кобелев и как курилов записал их в 1702 г. в ясачную книгу. Ительменский язык на юге Камчатки должен был измениться от влияния айнцев, о чем мы находим указания у Шренка, говорящего словами Стеллера следующее: “Ительмены острова Шумшу и южной оконечности Камчатки не устояли против смешивания с айнами отдаленных островов; с давних пор они вступали с ними в брачные союзы, и так как, с одной стороны, сами часто переходили с материка на ближайший остров или, наоборот, а, с другой стороны, и айны, “бродившие, как говорит Стеллер, по морю так же, как татары посуху”, постоянно приезжали в Камчатку, то на всем юге полуострова образовалось смешанное племя ительменов и айнов, которое по внешности и языку отличалось от живших севернее камчадалов”.

Карта расселения ительменов, коряков и курильцев на полуострове Камчатке в XVII в. показывает, что на юге Камчатки и острове Шумшу в то время было 20 курильских острожков (соответственно 16 и 4). О сильном айнском влиянии на ительменов, живших в XVII в., южнее рек Большой и Паратунки, говорит И. И. Огрызко, обращая при этом внимание на то, что Атласов первые курильские поселения встретил еще “за три дни”, не доходя “до Бобровой реки”, т. е. где-то в районе р. Голыгиной, а С. П. Крашенинников, подтверждая и уточняя сказанное, писал, что камчадалы живут и “в южной части Камчатского мыса, от устья Уки до Курильской лопатки, и на первом, и на первом Курильском острове, называемом Шоумчу”, курильцы же “происходят от камчадалов” и отличаются “в языке... обрядах и в телесном виде... от соседства, обхождения и взаимного супружества с прямыми курилами”. И позднее южные курилы (айны) вступали в браки с северными, а последние – с камчадалами. Муж-

ские имена в поименном списке жителей 1-го курильского острова, составленном русскими миссионерами в 1747–1748 гг., как заметил И. И. Огрызко, имели ительменское звучание. На юге Камчатки “ительмены смешались с айнами”. Изучая расселение ительменов в первой половине XVIII в. В. Антропова обращает внимание на то, что “совсем иную картину представляли поселения на юге полуострова и на первом Курильском острове (Шумшу). Курильцы – обособленная группа ительменов, обитавшая на юге полуострова до р. Опалы и на первом острове Курильской гряды. Благодаря соседству с курильскими айнами, они отличались от основного населения полуострова”. О том, что на Шумшу “айнский элемент стерся и слился с пришельцами Камчатки”, сообщается в “Кратких сведениях об айнах”, предпосланных “Словарю айнского наречия” врача Дыбовского. Языковые контакты большемерских камчадалов с айнами продолжались до сравнительно недавнего времени. После захвата Японией в 1875 г. Курильских островов часть курильцев пожелала переселиться на русскую территорию. 18 сентября 1877 г. клипер “Абрек” доставил в Петропавловск 83 чел. На Командорские острова курильцы переезжать не пожелали и избрали для своего поселения с. Явино, находящееся недалеко от родины. В это селение ежегодно весной приезжали курильчане, привозя с собой лисьи шкуры для обмена на порох, дробь, топоры, ножи и т. п. В марте 1881 г. группа курильцев оставила Петропавловск и в июле прибыла в Явино. Жители Явино, по свидетельству А. Сильницкого, разводили много скота. В 1902 г. в Явино насчитывалось 16 дворов, около 100 голов рогатого скота, до 300 собак, два десятка лошадей. Явинцы тем самым отличались от камчадалов, которые скотоводством занимались неохотно. Замечание о том, что “жители Явино живут зажиточно, как зажиточно живут русские по всей Камчатке”, казалось бы, еще более определенно указывает на некамчадальский состав населения этого села. Но это не согласуется с тем, что писал В. И. Иохельсон: “Тип жителей южных селений – Явино и Голыгино – ничем не отличается от типа жителей других камчадальских селений, хотя можно было бы

ожидать влияния курильцев, т. е. курильский айнов, имевших раньше сношения с южными камчадалами и даже живших на южной оконечности Камчатского полуострова”. Явино находилось в стороне от камчатских трактов и поэтому редко посещалось чинами окружной администрации во время зимних поездок по округу. Но зато Явино посещали ежегодно почти в течение трех десятилетий (на рубеже XIX–XX вв.) команды, перед которыми ставилась задача не допустить иностранных хищников к бобровым лежбищам на мысе Лопатка. Эти команды формировались Петропавловским полицейским управлением из мещан, казаков и камчадалов-охотников Петропавловского пригорода. В настоящее время самых южных селений западного побережья Камчатского полуострова Явино и Голыгино не существует; жители этих селений постепенно расселились среди большеерецких камчадалов и камчатских русских, проживающих в предместьях Большеерецка и Петропавловска. Переселения из Явино начались в середине XIX в. В 1841 г. приказом начальника Камчатки было предписано “исъ остроковъ съ Голыгинскаго и Явинскаго въ остроки въ Начику и в ганалы по три челоузка для отбивания там каюрной Гоньби... с Явиной в Начику 3 челоуека, а именно: василей дехтерев, Петръ Лукошевский и василей Лукошевский (отец нашего диктора Е. В. Лукашевскаго – К. Б.), съ Голыгинскаго селѣнья в Ганалы 3 челоуѣка: Степан Заевъ, Прокопей Марковъ, Илья Сторозевъ”.

В 1843 г., как сообщил Апачинский удельный старшина, “съ Явино камчадалы Петръ и Федоръ с синомъ Николаемъ Лукошевския переведены въ Ганалы... на постоянное жительство”. Несколько семей предписывалось переселить из Ичи в Апачинское селение. Е. В. Лукашевский, 98-летний уроженец Ганал, сообщил, что его мать была якуткой, рос он в “круглых широтах” и в жены взял “мэшнуу туд жы в одном шылени”. Уроженец с. Малки П. Е. Панов точно так же, как и Е. В. Лукашевский и др. большеерецкие камчадалы (речь которых специально изучалась), не может быть отнесен к камчатским русским. Большеерецкие камчадалы – это обрусевшие ительмены, которые в течение длительного времени смешивались с айна-

ми, а также с русскими и частично с якутами. Иноязычное влияние на русские говоры здесь, несомненно, было иным, чем, например, в долине р. Камчатки. Большеерецкие камчадалы находились в более тесной связи с населением Петропавловска и особенно его пригорода, чем, например, отдаленные потомки русских крестьян долины р. Камчатки. Население Петропавловского пригорода пополнялось за счет большеерецких камчадалов. Жители с. Начики были переселенцами с западного берега полуострова. Довольно много большеерецких камчадалов проживало в 1962 г. в с. Северные Коряки (по течению р. Авачи), куда переселились они совсем недавно».

В 1904–1905 гг. в районе айнского селения Явино (в устье реки Озерной) был высажен японский десант, население айнских селений Явино и Голыгино приняло самое активное участие в военных действиях против японцев, в том числе и Бутины: Петр, Максим, Михаил, Василий Бутины из Явино и Иван Бутин из Голыгино.

Староста с. Голыгино Бутин Иван Ефремович был награжден серебряной медалью за участие в боевых действиях в период русско-японской войны 1904–1905 гг. «За усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берегов» (ЦГА ДВ ф. 1044, оп. 1, д. 11).

Как мы позже выяснили, большинство явинских Бутиных, героев обороны Камчатки (в том числе и голыгинский староста), являлись представителями одной семьи: Бутина Анна Ивановна, вдова камчадала с. Явино Ефрема Бутина, 1893 г., 50 лет. Дети: Михаил (22), Иван (19), Максим (17), Петр (13). (Исповедальная книга Большеерецкой церкви, 1893 г., ГАКК.)

А Василий Бутин происходит, по-видимому, из семьи Бутина Луки Михайловича, камчадала из с. Явино, 1893 г., 43 года. Жена Агафья Андриановна (36). Дети: Василий (15), Ольга (17), Мария (8). (Исповедальная книга Большеерецкой церкви, 1893 г., ГАКК.)

Другой Василий (вероятно, сын Ивана Ефремовича), 1901 г. р., стал жертвой политических репрессий:

Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большеерецкий р-н,

с. Голыгино; камчадал; образование: 3 класса сельской школы; б/п; был членом охото-рыболовецкого колхоза; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Голыгино. Арест: 03.03.1938. Осужд. 10.08.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 22.08.1938. Реаб. 28.05.1960. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

В Книге памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны, есть сообщение (но очень неполное) об участии в этих событиях представителей курильских камчадалов Бутиных: Бутин Н. Г. Призван Усть-Большерецким РВК. Погиб. Мне кажется, что он погиб 18 августа 1945 г. при штурме родного ему острова Шумшу, где сложили голову многие камчадалы-участники Курильского десанта.

БУШУЕВЫ

Сначала фамилия Бушуевых появляется в Охотске – здесь торговал купец Алексей Федорович Бушуев. В ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 1, д. 532 мы находим такую запись: «Охотский 2-й гильдии купец Алексей Федоров Бушуев, проживает в г. Охотске, из купеческих детей – в 1863–64 гг. староста Охотской церкви».

Первые Бушуевы прибыли на Камчатку, вероятно, при губернаторе Завойко, по крайней мере, есть сведения об их участии в обороне Петропавловского порта: «Бушуев Полуэкт Иванович, мещанин г. Петропавловска, 68 лет, под огнем неприятеля снабжал батареи провизией и разными товарами».

«Так в именной список ветеранов Петропавловского боя, происходившего 17–24 августа 1854 г., составленный в 1902 г., было внесено 9 человек, которым назначена ежемесячная пожизненная пенсия». (Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 106.)

В 1865 году на Камчатке проживал Петропавловский 3-й гильдии купец Бушуев Алексей Иванович (ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1).

А вот сведения о новом поколении камчатских Бушуевых: Бушуев Георгий Иннокентьевич. Родился 22 апреля 1896 г. Родители: Петропавловский мещанин Иннокентий Полиевктович Бушуев и жена его Екатерина Семеновна.

Восприемники: Петропавловский мещанин Полиевкт Иванович Бушуев.

Священник Иринарх Малахов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1896 г., ГАКК.)

Недавно мы получили письмо из Курска от Старосельцева Александра Павловича – внука Бушуевой (в девичестве) Феоктисты Иннокентьевны (брата Георгия Иннокентьевича) (п. Толбачик Мильковского р-на, 16.12.1886–16.01.1945), которая была замужем за Ушаковым Алексеем Николаевичем (1875–1932 гг.).

Политические репрессии 1930-х годов коснулись только одной семьи камчатского купеческого рода Бушуевых – Стефана Анисифоровича Бушуева, 1882 г. р., человека грамотного, имеющего среднее образование и работавшего инструктором-бухгалтером Мильковской МТС.

Арестован 25 ноября 1940 г. Приговорен: Военный трибунал 101 горно-стрелковой дивизии 25 ноября 1940 г., обв.: по ст. 58-1а-2-7 УК РСФСР. Приговор: 10 лет с поражением в правах на 5 лет. Имущество конфисковано. Реабилитирован 12 октября 1989 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда. (Источник: база данных о жертвах репрессий Камчатской области.)

В церковных книгах мы находим запись о первом браке Степана Анисифоровича: «Камчадал Толбачинского селения, женился 25 апреля 1914 г. на дочери крестьянина Крестовского селения Василия Софроновича Рыкова Феодосии». О судьбе ее неизвестно.

Вторая жена – Потапова Наталья Захаровна. У него было пять детей от первого брака (Анисифор, Михаил, Иван, Юрий, Вера) и дочь Тамара от второго брака.

В церковных и следственных материалах мы видим явное разночтение в отношении национальности С. А. Бушуева. Возможно ли, чтобы петропавловские мещане и толбачинские кам-

чадалы принадлежали к одной и той же династии камчатских купцов?

Эти сомнения развеиваются, когда мы знакомимся с воспоминаниями Людмилы Ивановны Солейчук (Записано В. И. Борисовым 1 ноября 2002 г., г. Петропавловск-Камчатский), которая рассказывает о том, что представители петропавловского мещанства были в прямом родстве со многими жителями камчатской глубинки.

«Мать Евдокия Корякина родилась 9 ноября 1898 г., крещена 13 ноября 1898 г. Ее родители – петропавловские мещане Владимир Петрович Корякин, Евдокия Николаевна. Восприемниками были тоже петропавловские мещане Николай Владимирович Григорьев и Мария Константиновна Варрен.

Мать первый раз вышла замуж за Егора Бушуева и жила в Толбачике.

Моя бабушка в девичестве – Гарднер Евдокия Николаевна.

...Отец с матерью встретились на “вечерке”. Мать раньше жила в Толбачике и оттуда убежала от мужа Бушуева. Он ее сильно избивал. Она была на 20 лет его младше. У них были дети – Екатерина, она потом вышла замуж за Атласова, они жили в Мильковском районе. Дети ее живут в Начиках.

Елизавета жила в Долиновке, Вера вышла замуж и уехала на Сахалин. Ася вышла замуж за Сновидова Алексея, они жили в Средне-Камчатске, на Базе, потом в Макарке, Соня вышла замуж за Ключева Василия, жила в Харчино, потом переехали в Ключи, одно время жили в Макарке. Валентина вышла замуж за Ивана Джулая.

После того как мать убежала, все дети остались у Бушуева, он потом женился на удмуртке.

Потом дети приезжали к матери в гости, они поддерживали отношения, мама сама ездила к Вере на Сахалин.

Когда отец с мамой познакомились, он вскоре сделал ей предложение, она сомневалась и сказала, что у нее в Толбачике есть дети.

Он ей говорит: “Смотри, чтобы потом не пожалела”.

Мать жила в Ключах и умерла в июне 1985 г.

Когда мать жила в Толбачике, у нее была очень злая свекровь Софья, мать Бушуева Егора.

...Я помню Егора Бушуева. В 1953 г. мы приезжали на камчатскую Базу, где жила Ася, за переулком жил этот дед.

Он был в годах, здоровый мужичище, ходил в распущенных штанах, босиком, лохматый, борода была седоватая. Рубаха с выпуском наверх и повязана веревкой.

Когда он и потом гонялся за матерью с дрыном, я пряталась в картофельную ботву. Но третью свою жену он не бил».

Родственная связь с Бушуевыми и Корякиными позволила нам поднять некоторые документы и понять, что толбачинские Бушуевы в действительности напрямую связаны с петропавловскими.

Обратите внимание на эту запись в церковной книге:

Корякина Анна Владимировна. Дата рождения – 28 марта 1913 г. Родители: мещанин города Петропавловска Владимир Петрович Корякин и законная жена его Евдокия Николаевна.

Восприемники: камчадал Толбачинского селения Иван Викторович Метевский и жена мещанина города Петропавловска Иннокентия Полуевктовича Бушуева – Екатерина Семеновна. Таинство крещения совершал благочинный камчатских церквей протоиерей Даниил Шерстенников. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1913 год, ГАКК.)

Обратим внимание на последнюю запись: восприемниками Анны Владимировны Корякиной были камчадал Толбачинского селения Иван Викторович Метевский и жена мещанина города Петропавловска Иннокентия Полуевктовича Бушуева – Екатерина Семеновна.

Теперь многое проясняется.

В селении Толбачик жили родственники петропавловских торговцев Бушуевых, почему восприемником младшей дочери Владимира Петровича была жена мещанина города Петропавловска Иннокентия Полуевктовича Бушуева – Екатерина Семеновна.

Судя по всему, у Бушуевых в Толбачике была своя торго-

вая точка (лавка), почему часть их семьи и переселилась в Толбачик. Это объясняет и тот факт, что у Степана Анисифоровича было достаточно высокое по тем временам образование и должность.

Возможно, что к этой династии имеет отношение и фамилия Бушаев: Бушаев Иван Иванович, с. Николаевское, крестьянин, 1893 г., 73 года. Внучка его Агриппина Ивановна Брекаловская (16). Невестка его Ульяна Андреевна Бушаева (58). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.) Это, конечно, предположение, но возраст, отчество и место проживания позволяют провести некоторую параллель с купцом 3-й гильдии, впоследствии петропавловским мещанином Алексеем Ивановичем Бушуевым и правом петропавловского мещанства жить не только на петропавловских «выселках», но и в камчатской глубинке, как это случилось с толбачинскими Бушуевыми. То есть версия имеет право на существование. Хотя это могут быть и совершенно самостоятельные фамилии.

БЫКОВЫ

На Камчатке служили казаки Быковы, вероятно, это их потомки – мещане Быковы – жили в начале XX века в Петропавловске (Быков Иван Григорьевич, Петропавловский мещанин, 1907 г.).

ВАГИНЫ

...Кто-то из предков этой семьи по легендам был прозван Вагой (жerdью) за долговязость или по другим каким-то причинам, откуда и пошла новая фамилия. Другая, более достоверная версия возникновения фамилии – предок с берегов реки Ваги. Это приток Северной Двины, который протекает в Вологодской и Архангельской областях. На нем стоят города Вельск и Шенкурск. В древности земли вдоль Ваги принадлежали новгородцам.

Некий Родка (Родион) Вагин, например, числился землевладельцем в Вологодском уезде в 1657 г. Вагины этих севернорусских корней жили и на Вятке в XV–XVII веках. В 1646 г. в

Хлынове, как тогда называлась Вятка, проживал на посаде Иван Данилович Вага с пятилетним сыном Якимом. А в 1678 г. в том же городе жил Киприан Еремеевич Вага с 4-летним сыном Павлом.

В переписной книге архиерейских и монастырских вотчин Хлыновского уезда Казанской губернии за 1724 г. (Первая ревизия) в домово́й архиерейской Касинской Верхошижемской вотчине, в починке Бакулинском значится крестьянин Фрол Алексеев сын Вагин (1699) с сыновьями Агафоном (1715) и Иваном (1719).

В некоторых документах вятские Вагины значатся как бежавшие в неизвестном направлении. Так, по сведениям Переписной книги города Хлынова 1724 г., некий Федор Кондратьев сын Вагин, 25 лет, бежал в 1723 г. из Свейской команды – то есть из группы русских служащих шведской торговой миссии на Вятке. Как правило, с Вятки люди удирали на восток и юг. Не исключено, что предок Вагиных как раз и «добежал» оттуда до Бугуруслана, который как раз и появился на государственных картах в 1748 г.

Фамилия не относится к редким. На Вятке Вагины живут и сейчас...

...В истории было несколько известных Вагиных. Сибирский казак Меркурий Вагин был одним из первооткрывателей новых земель. Убит в 1712 г. при открытии острова Ляховского. Историей Сибири занимался иркутский ученый Всеволод Иванович Вагин (1823–1900)» (<http://wagin.ru/post/326>).

Криминальное начало

В. Л. Иванов, «Архипелаг двух морей», 1978 г.
(<http://geoman.ru/books/item/f00/s00/z0000029/st003.shtml>).

В своей «Сказке» казак Яков Пермяков писал, что, проходя на коче (плоскодонные суда с палубой, длиной двенадцать сажен – около двадцати пяти метров, – ходили под парусами и на веслах) мимо Святого Носа, видел в море остров или земли-

цу, а есть ли на ней люди, про то-де он, Яков, подлинно не веда-ет. Сообщением заинтересовались. 28 января 1711 г. сам си-бирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин писал якутскому воеводе Д. А. Траурнихту: «Изволь ни мало медля посылать на тот остров». Осенью 1711 г. отряд в количестве одиннадцати казаков под предводительством приказчика Меркурия Вагина вышел из Якутска с заданием «проведывать мор-ских жилых островов против устья Яны». Яков Пермяков был назначен в отряд «вожем», то есть проводником, штурманом. В мае 1712 г. отряд покинул Усть-Янск – последнюю базу на материке, предварительно взяв у «ясачных иноземцев» (мест-ных жителей) большое количество собак и продовольствия. Три года спустя другой казак, Алексей Марков, сообщал, что в Усть-Янском зимовье у жителей собак, нарт и корму взять невозможно, ибо «преж сего Меркурей Вагин проходил...»

А осенью 1712 г. уже семеро казаков, без Вагина и Пермяко-ва, появились в Усть-Янске и рассказали, что на льду к северу от Святого Носа отряд был застигнут пургой, в которой чет-веро казаков без вести пропали, а остальные, пролежав неделю в торосах, возвратились назад. А острова-де не видали...

Объяснение показалось властям неправдоподобным, казаки под конвоем были доставлены в Якутск и предстали перед воеводой полковником Елчиным и дьяком Татариновым. До нас дошел уникальный документ – «Розыскное дело», своего рода стенограмма судебного процесса по обвинению семи ка-заков в убийстве приказчика Меркурия Вагина, его сына Михаила и его товарищей Якова Пермякова и Григория Кос-тромина.

Судебное разбирательство проходило в четыре стадии. Сначала – «роспрос без воздействий». Потом, 11 мая, казаки были по указу великого государя «в застенке у пытки рос-рашиваны порознь и пытаны... На пытке кому было 12 уда-ров, а кому – и 30». Затем обвиняемых пытали «вдруги» и «втретьи». Следствие установило, что в мае 1712 г. казаки по льду на собаках перешли на остров (впоследствии назван-ный Большим Ляховским) и обошли его вокруг за девять (по другим показаниям – за двенадцать) дней.

Казак Гаврило Ферапонтов рассказал: «А тот остров пустой, жилых людей и лесу нет, а зверей видели на нем одних оленей. И с того острова виден остров же не мал, и на том острове лес значит...» Алексей Дементьев дополнил: «И на том острове олени, и песцы, и волки есть, а иного зверя никакого нет. И с того-де острова видать была земля...»

Казаки видели, несомненно, остров Малый Ляховский, лежащий севернее, через неширокий (двенадцать-пятнадцать километров) пролив Этерикан. Только при чем здесь лес? Впрочем, остров был виден не слишком ясно, даже Я. Пермяков якобы пытался ту землю «потайть», говорил, что это не земля, а «пар морской». Здесь начались первые разногласия. Казаки хотели идти на новый остров, где был, как им показалось, лес. Но Меркурий Вагин, опасаясь, что пролив вскрыется (был уже конец мая или июнь) и отрежет путь назад, распорядился вернуться на материк. Он хотел перелетовать на реке Хроме, запасть там рыбой и на следующую зиму продолжить обследование островов. Однако, «ходя многие дни, Хромы-реки не сыскали, и корму не промыслили и ели собак, как собак не стало, ели мышей и всякую гадину...» Идти в начале июня было тяжело: тундра представляла собой сплошную трясицу, низины заполнены снежной кашей. Ориентиров – почти никаких: восточнее Святого Носа простирается плоская низменность с множеством озер и речек, русла которых причудливо извиваются. (Года два назад экипаж вертолета Ми-4 сумел найти наш отряд, работавший у Хромской губы, только со второго захода, хотя местоположение лагеря было точкой нанесено на штурманской карте.)

Вернувшись ни с чем к морю, казаки «вознегодовали» на Вагина и, когда он с сыном и с двумя верными товарищами ушел вперед, чтобы наловить рыбы, сговорились их убить. «И нашли Меркурья на речке, и Алексей Дементьев да Василий Кисикеев Меркурья убили, а он-де, Ларион, Меркурьева сына лежащего сколол копьем, а Якова-де Пермякова убил новокрецен Борис...»

Казаки-убийцы считали свои действия справедливыми. По их показаниям, Меркурий Вагин – деспот и неумелый руково-

датель, доведший отряд до бедствия и голода. Трудно оценивать сегодняшними нравственными мерками событие двухсотпятидесятилетней давности. Однако есть критерий, действовавший во все времена. Это отношение человека к долгу перед Отечеством. Вагин и Пермяков исполнили свой долг до конца.

31 июля 1713 г. двое казаков были повешены «при многих людях». Одного несовершеннолетнего казачонка помиловали, а остальных решено было для искупления вины направить без жалованья искать морской путь через Ламское море на Камчатку, предварительно избив кнутом нещадно, и при условии собрать «Поручную запись» не менее чем двадцати якутских жителей, «А буде они впредь в бунтовых или в воровских делах и в смертных убийствах объявятся, и за то учинена будет вместо них поручникам смертная казнь...» Такой конкретный подход к взятию на поруки, естественно, повышал чувство ответственности у поручителей. «Дело» эпически сообщает, что «вышеписанные служилые, ходя по городу, поруки себе не сыскали».

Спустя три года после гибели Вагина казак Алексей Марков докладывал тому же полковнику Елчину, что судами идти на острова невозможно, ибо Святое море (Ледовитый океан) покрыто льдом и зимой, и летом, и что он, Марков, в марте 1715 г. вышел с отрядом на собаках от устья Яны прямо на север. Шли в одну сторону семеро суток. «Горосы великие, льды давние стамые, холмы великие», но даже с тех холмов никакой земли не видели. Если Марков действительно шел строго на север от устья Яны, то остров Большой Ляховский остался далеко на востоке от маршрута. Прямо по его курсу лежал небольшой остров Столбовой, но до него от берега около трехсот километров, при такой серьезной ледовой обстановке отряд мог не дойти до Столбового или проскочить мимо...

Этим и заканчивается «казачий» этап истории открытия и освоения Новосибирских островов. Его реальный итог – открытие ближайшего к матерiku острова, впоследствии названного Большим Ляховским. Впрочем, известный историограф и

знаток Сибири академик Г. Ф. Миллер в своем трактате о морских полярных путешествиях, изданном в 1758 г., отдает предпочтение докладу А. Маркова, полагая, что казаки М. Вагина придумали про остров в надежде заслужить себе прощение.

Родоначальником камчатских Вагиных был, вероятно, казак Семен Вагин, который участвовал в сборе ясака на Камчатке и за злоупотребления, вызвавшие (в числе других причин) знаменитый Харчинский бунт, был бит кнутом в Больше-рецком остроге (по месту службы), поэтому и фамилия Вагиных появляется у крещеных камчадалов именно на западной Камчатке и сохраняется в селах Облуковино, Колпаково (с 1748 г.), Кихчик, Коль.

Есть и другая информация – в свите архимандрита Камчатского Иоасафа Хотунцевского состоял солдат Вагин, который также принимал участие в крещении камчадалов.

Скорее всего, судя по географии ее распространения, свою фамилию камчадалам оставили и казак, и солдат Вагины.

С соболевчанкой Татьяной Вагиной, которая живет сейчас в Москве, мы начали собирать родословную ее семьи на форуме сайта «Камчадалы.ру». Татьяна помнила очень мало, да и то, что помнила, было очень разрозненное и путанное.

Татьяна Вагина: *«Меня интересуют предки моей мамы: ВАГИНОЙ Ирины Васильевны. Ее мать Бричалова Елизавета Тарасьевна. Ее привезли четырех лет в Больше-рецкий острог. А отец у мамы швед или финн. Здесь все ниточки обрываются. Еще Бабушку Бричалову-Спешневу раскулачили, а маму (Ирину Васильевну) выгнали жить к дедушке Ли Тен Фу.*

Бричалова-Спешнева – моя бабушка. Девичья фамилия – Бричалова. Моя мама Вагина (Спешнева) 1911 г. р.

Бабушка Бричалова (Бричалова) Елизавета Тарасьевна – Спешнева – год рождения не знаю. Мама моя Вагина Ирина Васильевна родилась 1911 г. Были еще старшие братья. Умерла до 1945–1946 гг. (не точно).

Я – Вагина Татьяна Кондратьевна, г. р. 1952, 4 июля, в с. Соболево.

Братья и сестры:

Валентина Кондратьевна

Алла Кондратьевна

Евгения Кондратьевна

Галина Кондратьевна

Владимир Кондратьевич

Валентина – 1937 года рождения;

Алевтина – 1940 года рождения;

Евгения – 1942 года рождения;

Галина – 1947 года рождения;

Владимир – 1949 года рождения;

Татьяна – 1952 года рождения».

«По моим предкам: мама говорила, что ее отца (моего деда) убили на ее глазах. Она была маленькой девочкой, сидела под столом.

Папа родом из Колпакова. Имел старшего брата д. Федю. Мама у них умерла, когда отцу было 4 года».

Поиск родных Татьяны нам был интересен еще и потому, что примерно такими же обрывочными сведениями о своих корнях обладает большинство уроженцев Камчатки – прошлое тщательно скрывалось, особенно если в родне были «враги народа», а потом старшие умирали, унося с собой в могилу память о семейных корнях.

Мы сообщили Татьяне сведения о Феодосии Вагине из Колпаково:

Вагин Феодосий Георгиевич. Родился 30 марта 1907 г. Родители: камчадал Колпаковского селения Георгий Васильевич Вагин и жена его Александра Георгиевна.

Восприемники: того же селения камчадал Кирилл Афанасьевич Вагин. Священник Григорий Коллегов (Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1907 г., ГАКК.)

А вот как дальше развивались события.

Татьяна Вагина – *«Папа Кондрат, отец его Георгий. Коллеговы приходились ему какими-то родственниками. Папа 1905 г. р. Старший брат Федор жил в Соболево».*

Татьяна Вагина: *«Добрый день! Я, кажется, нашла своих Вагиных из Колпакова: Георгий Васильевич и Александра*

Георгиевна. Но там указан один сын: Феодосий. У них был еще сын – 1905 г., Кондрат».

В поиск включился В. И. Самборко, краевед: «Согласно переписи населения 1893 года в селении Колтаково проживали Вагин Иоан Васильевич 1844 года рождения, жена его Анна (неразборчиво) Ильинична 1855 года рождения, дети их Георгий 1883 года рождения, Дарья 17 лет, Елена. Скорей всего, это предки Татьяны Кондратьевны Вагиной – отец-то твой Кондратий Георгиевич».

Позже выяснилось, что Феодосий – это, действительно, Федя, но не дядя Федор.

Татьяна Вагина: «Спасибо всем, кто мне помог! Хамзова Любовь Феодосовна – дочь дяди Феди, младшего брата моего папы Вагина Кондратия Георгиевича. Теперь ищу Хамзову Л. Ф.

Володя! Спасибо большое! Благодаря тебе я нашла ниточку по папиной линии до своего прадеда. Очень тебе за это благодарна!!!

По линии мамы нет никаких зацепок. Вагина Ирина Васильевна (Спешнева – девицья). Ее мама (Бричалова, Бречалова) раскулачена в Соболево. Репрессированы ее два сына.

Позвонила на Камчатку. Сведений очень мало. Сыновья репрессированные: Спешнев Петр и Василий. Был еще брат Николай. Братья старше моей мамы Ирины Васильевны. Мама 1911 года 5 мая рождения.

Большое спасибо за участие!

С уважением, Татьяна».

Соболевские краеведы разыскали ответ на запрос Хамзовой Любви Феодосовны в областной архив: Вагин Феодосий Георгиевич, родился 30 марта 1907 г. Родители: камчадал Колпаковского селения Георгий Васильевич Вагин и жена его Александра Георгиевна. Восприемники: того же селения камчадал Кирилл Афанасьевич Вагин. Священник Григорий Коллегов. (Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1907 г., ГАКК.)

Оставалось найти линию Георгия Васильевича. В Исповедальных росписях Облуковинской церкви В. И. Самборко нашел следующие сведения:

Василий Иванович Вагин (49), жена Анисия Ильинична, дети: Георгий (10), Дарья (17), Елена (?).

А вот и обнаруженная краеведами информация о бабушке – Елизавете Тарасьевне Брячаловой за 1893 г.:

Николай Тарасиевич Брячалов (29). Брат его Александр (17). Мать их: вдова Ираида Никитична Брячалова (54), дочь ее Елизавета (12).

Теперь, что касается линии Василия Спешнева, мужа Елизаветы Тарасьевны. Возможно это, судя по возрасту, Василий Ильич Спешнев, сирота, 15 лет или погибший на реке Унушке в схватке с японцами Василий Петрович Спешнев, тоже сирота, 26 лет (почему, возможно, в семье и сохраняется память о его трагической гибели).

В книге о жертвах политических репрессий на Камчатке нет сведений ни о Петре, ни о Василии Васильевичах Спешневых, есть сведения только о Михаиле Васильевиче (но учитывая тот факт, что большинство жителей села Соболево носили фамилию Спешнев, так по данным 1893 г. проходят три Василия, это может быть совсем другой Спешнев – см. очерк «Спешневы»). Поэтому вопрос о Спешневых пока остается открытым.

Но все равно, благодаря совместным усилиям, используя возможности форума сайта «Камчадалы.ру», мы отыскали родственников Татьяны Вагиной, которых она искала всю свою жизнь!

Вагины – очень распространенная и достаточно известная камчатская фамилия:

Вагин Дмитрий Герасимович, староста с. Колпакова, был награжден серебряной медалью за участие в боевых действиях против японцев в период русско-японской войны 1904–1905 гг.: «За усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берегов» (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

Награждены были и две его дочери.

«Камчатская правда», 1965 г., 7 сентября Евдокия и Матрена Вагины, 17 и 18 лет, были награждены медалями «За усердную и образцовую сторожевую службу в общем наряде Колпаковской дружины» в 1905 г.

«Считаю долгом сообщить Вашему Высокоблагородию, что две дочери старосты селения Колпаково во время моей высадки к этому селению несли сторожевую службу и когда увидели меня с японцами, то дали о нашей высадке знать мильковской дружине. Таким образом, если бы это были хищники, то только благодаря этим двум камчадалкам, несшим так усердно и внимательно сторожевую службу, мильковская дружина не была бы застигнута врасплох...» Прапорщик флота В. Потапов, 11 октября 1905 г. (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129, л. 18).

Вагины жили также в с. Облуковино:

Вагин Алексей Васильевич, камчадал Облуковинского селения, 1893 г., 35 лет. Жена Александра Герасимовна – 32 г. Их дети: Николай – 7 лет, Василий – 4 года, Игрижида – 11 лет. (Выписка из исповедальной росписи Облуковинской церкви за 1893 год, ГАКК.)

В с. Кихчик:

Вагин Григорий Романович, Кихчинского селения камчадал, 1915 г. Жена его законная – Мария Николаевна. Имя родившейся – Татьяна. Дата рождения – 4 апреля 1915 г. Дата крещения – 8 июля 1915 г. (Выписка из метрической книги Большерецкой церкви за 1915 год, ГАКК.)

В селении Коловском (Коль):

Вагин Петр Тарасович, камчадал селения Коловского, 1893 г., 27 лет. Жена Александра Александровна (16). Братья его Евгений (24), Нил (21), Кирилл (37). Жена Кирилла Дарья Петровна (35). Дети их: Василий (6), Даниил (2), Синтликия (13). (Исповедальная книга Большерецкой церкви, 1893 г., ГАКК.)

Вагины были участниками и Второй мировой войны:

Рядовой Владимир Николаевич Вагин был призван Усть-Большерецким РВК. Убит 17 июня 1944 г. Захоронен: 1 км зап. д. Б. Курган Любятинского района Волынской области.

Красноармеец Влас Кириллович Вагин, 1921 г. р., призван Усть-Большерецким РВК. Погиб в феврале 1942 г.

Погибли на фронтах Великой Отечественной войны (вполне возможно, что при штурме острова Шумшу) Георгий Андреевич и Григорий Афанасьевич Вагины.

ВАЛЫНКИНЫ (ВОЛЫНКИНЫ)

Старинная камчатская казачья фамилия.

Валынкины (Волынкины, вероятно, братья) Ларион и Петр – казаки, публично поротые на площади Большерецкого острога, как одни из виновников Харчинского бунта.

Возможно, отзыв именно этой фамилии доносится нам через века: Валынкин (Волынкин) Николай (17 лет), пасынок крестьянина Константина Дмитриевича Евойловского (36), живущего в селении на Паратунских ключах. (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

А это сведения о его тезке – прямом потомке старинного камчатского казачьего рода – Волынкин Николай, казак, награжден Георгиевским крестом 4 ст. за охрану бобровых лежбищ на мысе Лопатка в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Урядник Камчатской казачьей команды Петр Толстихин, казаки Павел Крупенин, Николай Селиванов, Николай Пинизин, Николай Волынкин, Чудинов, Помазкин – отразили попытки высадки японцев на бобровые лежбища, м. Лопатка. (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Мы знаем еще одного Волынкина – Волынкин Григорий, матрос Охотского порта (вполне возможно, что тоже из казаков). Участник Большерецкого бунта. «Умер в Макао 30 октября 1771 г.» (см. роман-исследование «Встречь солнцу»).

ВАРГАНОВЫ

Эту фамилию носили камчадалы в селении Ушковском (Ушки). Но судя по существованию селения Варгановка (Усть-Камчатск) эта (прежде казачья) фамилия какое-то время существовала в Усть-Камчатске.

Варганов Макарий Захарович, камчадал селения Ушковского, 1907 г.

Его дочь Устиния Макариевна в тот же год вышла замуж за камчадала Толбачинского селения Александра Федоровича Слободчикова.

Есть и такая информация: Воргонов (Варганов) Трифон Александрович. Он из «оленнокочующих аlyторцев», то есть крещеный коряк, получивший свою фамилию от некого Варганова, о котором мы пока не имеем никаких сведений.

ВАРРЕН

Эта фамилия появляется на Камчатке в 30-х гг. XIX века. Сохранился документ:

«Август 1836 год. Сказки.

На основании Указа Святейшего Правительственного Синода 1834 года марта 4 дня отправил в Камчатском Духовном Правлении при департаменте с Гражданской стороны, Г. Коллежским Секретарю – в духовности Исправника – Ильи Шипицына и при переводчике Камчатском Мещанин Иосиф Гарднер – от иноземцев Вилиаме Флетчере и Девиде Варрен, по случаю объявления ими желания принять Греко-Российское исповедание».

Потомки Девиде Варрена:

Варрен Афанасий Давидович, петропавловский мещанин, 1893 г., 43 года. Жена Августа Игнатъевна (23). Дети: Игнатий (2), Елизар (1). Брат Василий Варрен (38).

Варрен Василий Давидович, петропавловский мещанин, 1893 г., 38 лет. Брат Афанасия Давидовича Варрен. Жена: Мария Константиновна. Дети: Иннокентий (13), Даниил (9), Александра (возраст не указан). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Более подробно сообщают о братьях Варрен материалы политических репрессий:

Варрен Елизар Афанасьевич.

Репрессирован. 1892 г. р., камчадал, уроженец и житель г. Петропавловска-Камчатского, из семьи крестьян – середняков, образование – 2 кл. высшего начального училища, б/п, был рыбаком.

Арестован 26 мая 1934 г. Тройкой при ПП ОГПУ ДВК 11 июля 1934 г. по ст. 58-2 УК РСФСР приговорен к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реабилитирован прокуратурой Камчатской обл. 19 февраля 1990 г.

(Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской области.)

А Игнатий Афанасьевич (учитель, один из первых выпускников Петропавловского городского училища в 1913 г.) дважды подвергался репрессиям:

Варрен Игнат (Игнатий) Афанасьевич.

Репрессирован (дважды). Родился в 1891 г., г. Петропавловск; русский; учитель школы. Проживал: Николаевский окр., с. Оха.

Приговорен: ПП ОГПУ по ДВК 28 февраля 1931 г., обв.: ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: уголовное дело прекращено за недоказанностью обвинения. Реабилитирован 27 апреля 1999 г. по заключению прокуратуры Омской области по закону РФ от 18.10.1991 г. Арестован в 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по Дальстрою 17 марта 1938 г., обв.: контрреволюционная троцкистская агитация. Расстрелян 27 марта 1938 г. Реабилитирован в марте 1965 г.

(Источник: Книга памяти Хабаровского края, Книга памяти Магаданской обл.)

Более подробную информацию о деятельности педагога Игнатия Афанасьевича Варрена мы находим в публикациях магаданских краеведов, например, в статье:

«Образовательное попечительство на Колыме в исторической ретроспективе»

«Заслуживает внимание организация контроля со стороны органов власти над развитием и содержанием школ нашего края.

Например, Камчатским губернским отделом народного образования всем ревкомам и волревкомам камчатской губернии (в которую в то время входила территория современной Магаданской области) был разослан циркуляр от 23.06.1925 г. № 1449, где предписывалось “для наибольшего вовлечения Волревкомов к участию в проводимой Губоно (Губернским отделом народного образования. – А. Э.) работе по народному образованию в селениях Камчатки с получением сего надлежит приступить к организации института волостных уполномоченных по народному образованию из числа членов Волревкомов...” [2].

При этом циркуляре прилагалось положение о волостных уполномоченных по народному образованию, основными задачами которых являлись: “1. Забота о сохранении, укреплении, существующей сети просветительских учреждений. 2. Забота о всемерном материальном обеспечении существующей сети просветительских учреждений, как-то: а) заключение договоров с населением от имени Губоно на хозяйствен-

ное содержание школ, изб-читален и др. учреждений ОНО; б) изыскание средств на улучшение постановки дела народного образования волости, на постройку и ремонт школьных зданий, изб-читален и т. д.; изыскание средств на снабжение школ учебниками, учебными пособиями, письменными принадлежностями и мебелью” [3].

Нельзя не упомянуть о плодотворной деятельности в середине 1920-х гг. Ольского школьного совета, которым проводилась большая работа по организации денежных сборов на содержание местных школ, содержанию их в более или менее приличном санитарном состоянии, хозяйственному обслуживанию школьных помещений, их ремонту и т. п. Лидером и организатором этого Совета был известный педагог Колымы: заведующий школой, первой избой-читальней и ликпунктом в п. Ола И. А. Варрен.

Таким образом, в 1920-е гг. государство в лице уполномоченных на то органов широко привлекало общественность к участию в попечении над учебными заведениями, особенно в российской глубинке, в добрых традициях российского образовательного попечительства. Правда, порой методы привлечения носили принудительный, директивный и обязательный характер, однако между государством и обществом полностью так и не оборвалась связь в сфере образовательного попечительства.

В дальнейшем, по мере упрочения советской системы, образовательное попечительство выражалось в своеобразных формах: в деятельности базовых предприятий, организации шефства различных организаций, предприятий, общественных объединений и творческих союзов над учреждениями образования.

Архивные документы свидетельствуют об организации широкой шефской помощи крупных предприятий города Магадана образовательным учреждениям.

Например, крупнейшее градообразующее предприятие производственное объединение “Северовостокзолото” долгие годы являлось шефом средней школы № 17 г. Магадана. Шефство выражалось в финансовой помощи, в непосредственном проведении

тех или иных хозяйственных работ, в решении других насущных вопросов школы – вплоть до содействия в разрешении социально-бытовых проблем сотрудников. Учащиеся школы, в свою очередь, помогали шефам, организуя концерты для сотрудников предприятия, шефствуя над ветеранами войны и труда.

Таким образом, попечительская деятельность в сфере образования как форма самоуправления образовательного учреждения на территории Магаданской области имеет свою историю, определенные традиции и опыт, который, в связи с возрождением сегодня попечительских советов в учреждениях образования, необходимо использовать в полной мере».

1. Севильгаев Г. Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России XVIII в. – 30-е годы XX в. Барнаул, 2002. – С. 266–267.

2. ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

3. ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 21. Л. 12.

*А. В. Эйчис, старший научный сотрудник
государственного архива Магаданской области*

А вот еще интересный материал из Интернета.

Из истории северного села Ола

В 1896 г. население Олы составляло немногим более сотни человек. Тогда в Оле насчитывалось 20 юрт и 21 дом.

До революции в Оле был только один фельдшерский пункт, единственный на 200–300 километров вокруг. Первый акушер К. В. Игнатьева «лечила от всех болезней». В 1913 г. выстроили начальную школу. Первым учителем был камчадал Игнатий Афанасьевич Варрен.

Вот некоторые подробности: Игнатий Афанасьевич Варрен (1891–27.03.1938) – камчадал, организатор педагогической и просветительской деятельности среди детей и взрослых Олы. Он был воистину народным учителем, общественным деятелем, активным участником формирования нового образа жизни коренных колымчан. Вместе с женой Капитолиной Васильевной Игнатьевой, фельдшером по профессии, И.

А. Варрен сыграл значительную роль в культурных преобразованиях на Охотском побережье. Писатель Исаак Гехтман, работавший в Магадане в 1930-х гг., написал о Варрене очерк, в котором привел следующие данные: «Он родился в Петропавловске-Камчатском. По отцовской линии происходил от индейцев Аляски. Дедушку – англичанина – звали Варрен, а точнее Уоррен. По материнской линии у него поместь оймьконских эвенов с казаками из Ямска». Окончил Петропавловское городское училище и двухгодичные педагогические курсы. Приказом камчатского губернатора от 14 июля 1913 г. Игнатий Афанасьевич назначен учителем Ольского туземного приходского начального 3-классного училища. Преподавал детям оленеводов чтение, арифметику, письмо, географию, историю. Много времени уделял обучению русскому языку, литературе. Был отмечен серебряной медалью «За усердие». После революции был секретарем первого Ольского ревкома, членом отдела наробраза, членом комиссии по выработке тунгусского (эвенского) словаря, председателем ликбеза, редактировал газету «Ольская жизнь», входил в состав редколлегии «живой» газеты «Голос тайги», даже был казначеем, председателем школьного совета и членом санкомиссии. Заложил основы для введения в населённых пунктах и среди кочевого коренного населения всеобщего начального образования (всеобуча). В 1925 г. он выступил на первом съезде эвенов Ольской волости с предложением расширять школьное дело и создать интернат для эвенских ребятишек. Значительное место в работе Игнатия Афанасьевича занимала изба-читальня, которой он заведовал. Здесь устраивались громкие читки газет, проводились лекции и беседы, ставились спектакли. По инициативе учителя в 1925 г. в Оле был построен клуб – Народный дом, где продолжилась активная просветительская работа. Игнатий Афанасьевич был дважды арестован: в 1930 и 1938 гг. В первый раз содержался в Доме заключённых в Хабаровске с 7 октября 1930 по 12 марта 1931 г. Его освободили за недоказанностью предъявленных обвинений в антисоветской агитации. После этого несколько месяцев работал в горно Хабаровс-

ка, в 1931–1933 гг. – по договору на Чукотке, с 1934 г. заведовал школой в селе Бараборка недалеко от Олы. В 1937 г. Дальневосточный крайисполком ходатайствовал перед крайоно и Наркомпросом о представлении И. А. Варрена – первым среди колымских учителей – к званию заслуженного учителя республики. А 10 января 1938 г. он был вновь арестован. Осуждён Тройкой УНКВД по Дальстрою 17 марта 1938 г. к высшей мере по обвинению в «контрреволюционной троцкистской агитации», якобы выразившейся в былых связях с эсерами, участии в попытках отторжения Камчатки под протекторат Японии, в выполнении заданий японской разведки, оказании активной помощи белобандитам, антисоветской работе среди населения, в т. ч. школьной молодежи. 27 марта 1938 г. расстрелян. Реабилитирован 29 марта 1965 г. Его имя присвоено Ольской центральной библиотеке – бывшей избе-читальне.

См.: Гехтман И. Учитель Варрен // Гехтман И. Золотая Колыма: очерки о прошлом / И. Гехтман. – Магадан, 1958. – С. 29–40; Сизова З. И. Молодость отцов // Время. События. Люди, 1917–1927. – Магадан, 1967. – С.142–175; Козлов А. Память о Варрене // Рассвет Севера [Ола]. – 1988. – 5 июля; Райзман Д. Свидетели двух эпох // Колым. тракт [Магадан]. – 2004. – 21, 28 янв.; 4, 11, 18 февр.; 3, 17, 24 марта; Райзман Д. И. Портрет на рубеже веков: док. повесть / Д. И. Райзман. – Магадан: [б. и.], 2008. – 97 с., [12] л. ил.: табл.

(<http://mounb.maglan.ru>)

О нем писала и газета «Магаданская правда»,
№ 86 (20354) от 22 июля 2011 г.

Просветитель

В жизни каждого человека есть первый учитель. И от того, каков он как личность и гражданин, зависит подготовка его воспитанников. В начале XX века педагог на селе, особенно в районах Крайнего Севера, каким являлось Охотское побережье, был одним из самых уважаемых граждан, с его мнением

считались местная администрация и односельчане. До советской власти дело образования и воспитания молодежи на Колыме было поручено священнослужителям и учителям светских школ. Тот, кто не ограничивался учебными программами, а вел большую общественную работу, направленную на расширение кругозора коренных жителей, их культурного и политического уровня, социальной значимости, естественно, пользовался любовью, уважением и доверием всех поколений северян, с которыми ему приходилось общаться.

Таков был Игнатий Афанасьевич ВАРРЕН, легендарный ольский педагог, приступивший к работе учителя Ольского туземного приходского начального 3-классного училища 1 июня 1913 г.

Ола к тому времени была отдаленным волостным центром Охотского уезда Камчатской губернии, где школа, по словам бывшего ее выпускника А. А. Кочерова, «отдельного помещения не имела, ютилась в доме приезжего начальства».

«В 1914 г. мы занимались в доме, где сейчас сельсовет, а в 1915 г. построили школу, там уже занималось 20 детей. Там уже я мог бегло читать книги русского текста, Ветхого и Нового Завета, Псалтырь и Часослов, – вспоминал в 1968 г. бывший ученик Варрена и будущий почетный гражданин Магадана А. А. Кочеров. – Казенного, государственного содержания не хватало, и учебники, канцелярские принадлежности зарабатывали сами ученики – пушиной, добытой на охоте, либо Варрен получал материальную помощь от сочувствующих учителю купцов, коих на Оле было довольно много в начале века. Чаще всего это был бывший казак, ставший доверенным Приамурского товарищества, первооткрыватель торгового пути Ола – Сеймчан П., Н. Калинин.

Дети охотников, рыбаков и оленеводов Олы учились чтению, арифметике, письму, географии, истории, большое внимание уделяли русскому языку. Игнатий Афанасьевич приучал своих воспитанников читать классиков русской литературы и с удовольствием участвовал в народных гуляньях, распевая частушки, отплясывая камаринскую и эвенский национальный танец хэде. Совместные праздники придавали учи-

телю повсеместный авторитет как среди взрослых, так и среди детей.

Летом 1918 г. в Петропавловске-Камчатском мука стоила 2–3 рубля за килограмм, картофель – от 50 копеек до 1 рубля, чавыча – 10 рублей за пуд. В волостном же центре продукты были еще дороже. Родители школьников за свой счет содержали сторожей, а те, в свою очередь, обеспечивали хозяйственные нужды школы: заготавливали дрова, ремонтировали здание, хозяйственный инвентарь. Помимо этого, родители оплачивали дорогу учителю в оба конца в уездный или губернский центр за учебниками, наглядными пособиями. Но И. А. Варрен и его коллега в Гижиге А. А. Курилов предпочитали сами и с помощью своих учеников мастерить муляжи, макеты, чучела...

В результате контрреволюционного выступления в сентябре 1918 г. в Охотском уезде ликвидировали молодую советскую власть, установив власть уездного комитета общественной безопасности – органа Временного революционного правительства. В 1919 г. власть вновь сменилась – деятельность населения контролировалась белогвардейскими офицерскими группировками, но недолго. 14 декабря провозгласил свою власть в уезде военный революционный ревком, через две недели, в январе 1920 г., организовали Ольский волостной ревком, в котором на должность секретаря назначили И. А. Варрена.

Ревком провел национализацию рыбалок, товаров и продовольствия у промышленников и купцов, в частности, ольчане установили нормы распределения дефицитных товаров – сахара, муки, чая. У богачей изъяли промтовары, продукты, охотничьи принадлежности и передали все в народную лавку. Пушкину стали принимать от кочевников по установленным и повышенным ценам. Ведущую роль в этих социально-экономических преобразованиях играл И. А. Варрен. Именно такую власть, защищавшую интересы коренного населения и бедноту в первую очередь, местные жители, коряки, эвены, камчадалы и русское старожильческое население одобряли и поддерживали.

Однако в 1921 г. вновь белогвардейский десант двумя отрядами генерала А. Пепеляева и полковника В. Бочкарева сверг

советскую власть и на два года, поддерживаемый японскими и американскими монополистами, на Охотском побережье восстановил былые монархические порядки. Ревкомы разогнали, на 30-летнего Варрена не обратили внимания: «Пусть себе учительствует».

Между тем при отсутствии постоянной связи с Охотском, Петропавловском-Камчатским и Владивостоком вести культурно-просветительскую работу было сложно, тем более что в сферу внимания учителя входили дети кочевников-оленьеводов, взрослые односельчане. Только с апреля 1923 г., после восстановления в уезде советской власти красноармейцами-дальневосточниками С. Вострецова, М. Вольского, эта работа стала налаживаться. И. А. Варрен организует деятельность Ольской избы-читальни, живого журнала «Голос тайги», курсов ликвидации безграмотности и малограмотности – ликбезов. С детьми выпускает стенную газету «Ольская жизнь», ставит спектакли по сценариям советских авторов, участвует в составлении эвенского словаря. Вместе с женой, первой акушеркой Олы К. В. Игнатъевой, проводит большую санитарно-гигиеническую работу среди местных жителей.

Со сцены избы-читальни звучала новая частушка: «Революция потрянула пролетарским зипуном, всю старинку ковырнула, мы по-новому живем!»

Архивные документы сообщают о его активности в период с 11 июня по 31 декабря 1923 г.: «Силами избы-читальни провели 6 докладов, 16 лекций-бесед, занятия посетили 106 взрослых и 86 детей. С 25 ноября по 31 декабря 1924 г. провели 8 лекций, посетило культурное учреждение 147 взрослых и 113 детей, поставили силами самодеятельности 5 спектаклей...»

К 1928 г. Игнатий Варрен стал знаковой фигурой на Оле. Его избирали заведующим избы-читальней, членом районного отдела народного образования, редактором стенных газет, казначеем комитета крестьянских обществ взаимопомощи, заседателем народного суда... Словом, он был агитатором, пропагандистом, а по большому счету – просветителем! Не

случайно еще до 1917 г. он был удостоен серебряной медали «За усердие».

Но в 1930 г. грянула беда. Органы ОГПУ арестовали его якобы за антисоветскую агитацию. Содержали его в Хабаровске в доме заключенных с 7 октября 1930 г. по 12 марта 1931-го. Пять месяцев тюрьмы для человека, привыкшего к свободе, искренне преданного советской власти, могли окончиться трагически. Но он выдержал. Как и его жена Капиталина Васильевна, уволенная с работы и вышедшая в поле с другими колхозниками. Работу фельдшера ей не доверили, пока Игнатия Афанасьевича не освободили из-за недоказанности преступлений, в доме оставались трое детей. Надо было думать, как им помочь. Вот и поехал Варрен на Чукотку по договору трудиться в начальной школе поселка Лорино. В 1934 г. он вернулся в Ольский район и устроился учителем Маяканской начальной эвенской школы в пос. Бараборка. Именно в этот период с Варреном познакомился известный писатель И. Гехтман, создавший о нем очерк «Учитель Варрен», опубликованный в 1937 г. Возможно, это было задание директора Дальстроя Э. П. Берзина написать о замечательном колымском педагоге. Потому что 28 июня 1937 г. он, как уполномоченный ДКИ, подписал постановление Дальневосточного крайисполкома об утверждении И. А. Варрена в звании заслуженного учителя школы и направил Игнатия Афанасьевича в командировку в Москву и Ленинград в целях обмена опытом работы в национальных северных школах.

13 декабря 1937 г. Варрен вернулся домой окрыленный вниманием и доверием властей, но уже 9 января 1938-го был выдан ордер на его арест работниками 61-го Нагаево-Магаданского морпогранотряда. Новое обвинение в контрреволюционной деятельности, связях с эсерами и японской разведкой, антисоветской работе, как выяснилось впоследствии, было чудовищной ложью. Через три месяца следствия, под физическим и психологическим воздействием, он признался во всех грехах. 13 марта 1938 г. «тройка» НКВД по Дальстрою вынесла ему смертный приговор, и 27 марта он был приведен в исполнение. Только в 1955 г. магаданский областной проку-

рор отменил несправедливый приговор, но лишь спустя десять лет об этом узнала семья И. А. Варрена.

Дело Игнатия Афанасьевича продолжили его дочери Зоя и Муза, работая педагогами. Сын Ростислав воспитывался в интеллигентной семье ольчан как человек равнодушный к судьбе страны и родного края. И потому пошел служить Отчизне в суровые годы Великой Отечественной войны, будучи учеником Ольской школы, призванным в ряды Красной армии Ольским райвоенкоматом 28 августа 1943 г. Служил в Приморье в 29-м мотополку. На фронте стал снайпером 757-го стрелкового полка 222-й стрелковой дивизии. Погиб в бою 28 февраля 1944 г. на территории Белоруссии, в Витебской области, северо-западнее деревни Мяклово. Его имя ныне на мемориальных плитах сквера Победы в центре Магадана.

Зоя Игнатьевна Варрен-Сизова много лет работала учителем русского языка и литературы в школах Магадана, заслужив звание заслуженного учителя школы РСФСР.

А ее дочь Наталья Соловьева тоже работала учителем, только в Тальском детском доме, стала отличником просвещения, но увлеклась журналистикой и много лет работала на Магаданской студии телевидения, став профессиональным телережиссером. Ее постоянная рубрика на страницах «Магаданской правды» неизменно вызывает интерес читателей.

В этом году исполняется 120 лет со дня рождения Игнатия Афанасьевича Варрена, в память о нем названа районная библиотека в поселке Ола. Вероятно, он думал о будущем своих детей и внуков, своих учеников, закладывая основы культурно-просветительной работы в Ольском районе. Такие труды на благо общества не пропадают даром.

О И. А. Варрене и его времени мной написана документальная повесть «Портрет на рубеже веков», опубликованная в альманахе «На Севере Дальнем» в Магадане (№ 1, 2008 г.).

Жизнь подтверждает, что культурные знания не исчезают, они лишь совершенствуются новыми поколениями, чему семья И. А. Варрена яркое подтверждение.

Давид Райзман

(<http://site03.magpravda.ru/news.php?extend.3079>)

ВАСИЛЬЕВЫ

Камчатские миссионеры.

Васильев Симеон. Камчатский священник, был в составе миссии архимандрита Камчатского. Определен в Верхнекамчатскую церковь. Умер в 1750 г. Вступил в миссию в 1745 г. в Тобольске вместе с сыном Евсеем.

Васильев Евсеев, сын священника Симеона Васильева из Тобольска. Определен дьячком в Верхнекамчатскую церковь. Рукоположен в сан священника в 1756 г. епископом Стефанием Кристалевским (на место умершего отца).

В 1914 г. службу в Петропавловском соборе нес священник Петр Васильев. Но установить родственную связь между этими фамилиями нам не удалось.

ВЕНИАМИНОВЫ

Вениаминов Степан (Стефан) Евсевич, брат Иннокентия Вениаминова, святителя Иннокентия, епископа Камчатского и Алеутского, митрополита Московского и Коломенского. Встречается информация, что Вениаминовы породнились с камчатскими крестьянами Подпругиными.

«Для строительства Лесновской церкви в Камчатке вызвался священник из Качугского селения Стефан Вениаминов, родной брат священника о. Иоанна Вениаминова, находившегося в Америке. Стефан и сам был в Америке с братом в звании дьячка; там женился на туземке и в 1833 г. возвратился в Иркутск, где и принял от архиепископа Мелетия рукоположение в священника в Качугской церкви. Но когда последовал вызов в Камчатку, он изъявил желание опять подышать морским воздухом». Стефан отправлялся на Камчатку с женой и малолетним сыном. В 1840-х гг. был священником Лесновской, Паланской и Гижигинской церквей. Первые две построены под его непосредственным руководством. Паланская церковь освящена в 1845 г., ее принял у Вениаминова его ученик, бывший дьячок Лесновской церкви священник Алексей Лонгинов». (Творения Иннокентия, митрополита Московского, книга вторая, М, 1887 г. Путешествие по Камчатке (с 19 августа 1842 г. по 9 февраля 1843 г., 174 дня), стр. 73).

«23 августа я духовно был порадован полученным в сей день от лесновского священника Стефана Вениаминова, что 18 апреля сего 1842 года окрещен им один чукча именем Чинник, не признающий подданства России, и известный камчадалам своею дерзостью и буйством, и который даже в самой Тигильской крепости беспокоил жителей; сей тот самый дикарь, страшный для северных жителей Камчатки, добровольно, сам собою, пришел к священнику и просил (и принял) святое крещение. Через несколько времени он привел еще четверых своих товарищей, которые также окрещены». (П. Громов «Домашняя беседа», 1869, вып. 27, стр. 1165. http://www.kolyuma.ru/magadan/history/ortodox_h.shtml.)

ВЕРЕЩАГИНЫ

Верещага – «резкий болтун, говорун, таранта, трещетка; брюзга, воркотун, бранчивый, сварливый человек»; перм. «выпускная яичница, глазунья»; сиб. «яичница с поджаренным хлебом»; смол. «свинина с приправой, с мучной подливой; яичница со свиной»; астрах. «жареная рыба, судак» (Даль); «плакса (обычно о ребенке)»; «хлопотливый человек, хлопотун, хлопотунья» (СРНГ).

Старинный казачий род на Камчатке.

Большерецкий казак Верещагин Дмитрий Федоровича – родоначальник династии камчатских священников Верещагиных, отец Василия и Романа Верещагиных. Архимандрит Хотунцевский приблизил к себе сына Дмитрия Федоровича – Василия, который в 1750 г. был принят в духовное звание. Роману новый руководитель проповеднической миссии Пахомий исходатайствовал увольнение с казачьей службы и лично в 1758 г. 13 мая представил в Иркутске к рукоположению в диаконы. Прослужив в этом сане при большерецкой церкви около 10 лет, Роман Верещагин, вторично посланный в Иркутск 14 ноября 1767 г., рукоположен в священники и был первоначально определен к Нижнекамчатской Николаевской церкви, а потом переведен в проповедническую свиту. Временно служил и при паратунской церкви. Умер в Нижнекамчатске 11 апреля 1801 г. (Прокопий Громов. «Историко-статистическое описание камчатских церквей».)

О Романа Дмитриевиче есть добрые воспоминания членов экспедиции мореплавателя Джеймса Кука.

Верещагин Роман Федорович (1735–1801).

«Священник Роман Федорович Верещагин имеет от роду 44 года и родился в Большерецке. Отец его был русским, мать – камчадалкой. У него было пятеро или шестеро детей и их, и жену он достойно содержал, получая 80 рублей в год. Ежегодно летом он в открытой лодке совершал переход на ближайший из Курильских островов, чтобы наставлять его обитателей в христианской вере. Первый раз он там побывал в 1777 году. Он обратил в христианство жителей 14 Курильских островов. У камчадалов он пользовался большим уважением и говорил на языках Верхней и Нижней Камчатки, Пенжинской [Пенжинского берега] и Курильских островов. Это был умный, щедрый и мыслящий человек, хотя его так и нельзя было убедить, что Лютер и Кальвин были достойными особами. Поведение его было очень общительным, и к людям он хорошо был расположен, и эти качества создали ему доброе имя и известность у многих обитателей Камчатки». Роман Федорович Верещагин (1735–1782) – «священник в Паратунке, личность весьма примечательная. С его отцом «служилым» человеком, летом 1738 г. встречался С. П. Крашенинников. Два сына этого служилого человека, по словам И. Ф. Крузенштерна, «сделали величайшую честь своему состоянию». Старший, Роман, сыграл большую роль в распространении русской культуры на Камчатке и Курильских островах, на которых он неоднократно бывал. Р. Ф. Верещагин в совершенстве владел камчадальским и корякским языками и пользовался у коренных жителей Камчатки огромным авторитетом». (Джеймс Кук. Плавание в Тихом океане в 1776–1780 гг., стр. 511.)

Не у всех священно- и церковнослужителей Верещагиных была такая же счастливая историческая судьба, как у братьев Василия и Романа Дмитриевичей Верещагиных.

Один из них – мильковский священник Иоанн Верещагин был лишен священства епископом Иннокентием Вениаминовым. «...утверждаю мнение правления о лишении священства за прелюбодеяние бывшего мильковского священника Иоанна Верещагина». (Творения Иннокентия, митрополита Московс-

кого, книга вторая, М, 1887 г. Путешествие по Камчатке (с 19 августа 1842 г. по 9 февраля 1843 г., 174 дня), стр. 72.)

Примерно в это же время пострадал и другой Верещагин – гижигинский священник Роман Иоаннович (не сын ли?): на базе Гижигинской церкви с 1844 г. стала действовать Анадырская миссия, или Гижигинская походная Благовещенская церковь. Возглавлял миссию гижигинский священник Р. И. Верещагин. В 1855 г. он понижен в должности до дьячка, а в 1859 г. «запрещен» и отбывал послушание в Якутском монастыре. (http://www.kolyma.ru/magadan/history/ortodox_h.shtml.)

Но более трагическая судьба выпала сыну облуквинского псаломщика Кириаку (Кириану) Верещагину.

Первые сведения о нем мы находим в документах по русско-японской войне: сын псаломщика, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг., принимал участие в отражении японцев на р. Ича и Колпаковой 8 июня и 27 июля 1904 г. (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129). А последние сведения связаны уже с репрессиями советского периода:

Верещагин Кириан Васильевич. 1877 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино; русский; образование: церковно-приходская школа; б/п; был членом рыболовецкого колхоза «Ударник»; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Крутогорovo. Арест: 03.03.1938. Осужд. 10.08.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 22.08.1938. Реаб. 25.12.1958. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Род верхнекамчатских Верещагиных также имел казачьи корни (даже если своим происхождением он обязан «низложенному» мильковскому священнику Иоанну – тот тоже, хоть уже и дальний, но потомок служилого человека Федора Верещагина, о котором упоминает еще С. П. Крашенинников).

Модест Иннокентьевич Верещагин разделил судьбу своего облуквинского «родника»:

Верещагин Модест Иннокентьевич, 1884 г. р. Место рождения: Камчатская обл., с. Верхне-Камчатск; русский; образование: неграмотный; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., с. Верхне-Камчатск. Арест:

03.05.1932. Обв. по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: умер под стражей во время следствия 6 июня 1932 г. Сведений о прекращении дела по ст. 4 п 1 УПК в деле нет. Реаб. 20.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Сохранилась и ветвь гижигинских Верещагиных (вероятно, потомков другого «низложенного» священника – Романа Иоанновича):

Верещагин Федор Макариевич. Родился 17 января 1918 г. Родители – Гижигинский гражданин Макарий Феодорович Верещагин и жена его Любовь Николаевна.

Восприемники – Гижигинский гражданин Василий Николаевич Брагин и жена Гижигинского гражданина Иоанна Неустроева – Иулитта Владимировна. Священник иеромонах Нифонт с псаломщиком Петром Куркутским. (Выписка из метрической книги Паланской церкви за 1918 г., ГАКК.)

На сайте «Камчадалы.ру» опубликованы воспоминания о мильковском учителе Константине Модестовиче Верещагине, записанные членами краеведческого клуба «Камчадалы» из села Мильково.

Фамилию Верещагиных мы находим и в Книге памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны:

Верещагин Иринарх Андреевич, 1924 г. р., призван Усть-Камчатским РВК в 1942 г., погиб.

Верещагин Николай Кирякович, красноармеец, 1917 г. р., призван Усть-Большерецким РВК. Служил в 109 мотострелковом полку 109 танковой дивизии. Погиб 30 августа 1941 г. Захоронен: д. Брянцевка Якимовского района Смоленской области.

Николай Кирякович (Кириакович), судя по отчеству, сын Кириака Верещагина, сына псаломщика, участника отражения японцев на р. Ича и Колпаковой 8 июня и 27 июля 1904 г. в период русско-японской войны (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129), который был репрессирован как «служитель религиозного культа». Вот как, например, было представлено в первом обвинительном заключении его участие в обороне Камчатки: Верещагин Кириак (Кирыак, Кириан) Васильевич, псаломщик Облуковинской церкви, 1914 г.

Родился в 1875 г. в с. Облуковино. Доброволец в Больше-

рецкой жандармской дружине во время русско-японской войны. Псаломщик с 1893 по 1929 г. В Облуковинской церкви замещал должность попа. С 1924 г. занимался сельским хозяйством и рыбной ловлей. Лишенец. До 1930 г. состоял в группе верующих. Окончил Тигильскую церковно-приходскую школу в 1890 г. С 1 июня 1927 г. проживал в с. Крутогорово. Сын псаломщика. Камчадал. Арестован 3 марта 1932 г. 2 июля 1932 г. освобожден из-под ареста по протесту прокурора Дальневосточного края. А в 1938 года «дело доведут до конца»...

Нужно добавить, что на Камчатке был не только род русских старожилов Верещагиных, но и род Верещагиных – аборигенов, камчадалов. По крайней мере, в 1773 г. упоминается житель селения Крутогоровского камчадал Федор Яковлевич Верещагин, который участвовал в промысловой экспедиции на судне «Св. Евпл» на Алеутские острова и Аляску. Но, к сожалению, в дальнейшем среди камчадалов эта фамилия не прижилась (хотя она была отмечена в 1747 г. – в Тигиле, в 1748 г. – в Колпаково, в 1749 г. – в Крутогорово, в 1750 г. – в Апаче и была, вероятно, связана с деятельностью казака Федора Верещагина и его сыновей).

Но и потомки камчатских казаков и священнослужителей Верещагиных тоже роднились с аборигенами: так, например, дочь крестьянина Верхнекамчатского селения Филарета Верещагина Акилина 22 октября 1903 г. сочеталась браком с камчадалом Шеромского селения Иваном Калистовичем Атласовым, многочисленные потомки которого сегодня живут во многих населенных пунктах Камчатки.

ВЕРХОТУРОВЫ

Эта фамилия камчатских казаков сохранилась сегодня на полуострове только в названии одного из необитаемых островов Берингова моря – острова Верхотурова.

На Камчатке служили в начале XVIII века многочисленные казаки Верхотуровы – Федор, Андрей, Дмитрий, Осип и Петр.

Федор был приказчиком и погиб в стычке с коряками вместе с отцом Ивана Петровича Козыревского.

Осип, казачий сотник, известен тем, что бит кнутом в Верхне-

камчатском остроге, как один из виновников Харчинского бунта.

Верхотуров Петр, камчатский служилый – казак, участник 2-й Камчатской экспедиции Витуса Беринга на пакетботе «Святой Петр». Участник промысловой экспедиции Емельяна Басова (1743 г.) и других промысловых экспедиций (например, участник плавания на судне «Св. Иоанн Предтеча» компании купца А. Чебаевского: отправившись на промысел в 1758 г., судно достигло о-ва Атту в 1760 г. Местному тойону алеутов был вручен указ Большерецкой канцелярии об утверждении его в этом звании и российском подданстве. Отношения с алеутами были, тем не менее, далеки от идиллических: так, за бесчинства, учиненные в отношении алеутов, мореход Верхотуров поплатился жизнью. На его место промышленники избрали другого казака – Родиона Дурнева, друга алеутов, который к тому же знал алеутский язык. После нескольких лет промысла в 1763 г. «Св. Иоанн Предтеча» возвратился на Камчатку с большим грузом мехов на 104 218 руб. (Алексеев А. И. «Судьба Русской Америки», Магадан, 1975 г.)

ВИГИРКИНЫ (ВИЧИРКИНЫ)

Эта новая для Камчатки фамилия зафиксирована в 1905 г.: Вигиркин Тимофей, крестьянин, г. Петропавловск-Камчатский, жена крестьянина Тимофея Вигиркина – Анастасия Яковлевна. (Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1905 г., ГАКК.)

Вполне вероятно, что именно он был участником обороны Камчатки: Вичиркин (так в документе), Петропавловская дружина (1904–1905 гг.).

Других сведений об этой фамилии у нас нет.

ВИНОКУРОВЫ

Первые сведения об этой фамилии связаны с Камчатской экипажной ротой, в которой служил Винокуров Григорий Иванович. Вот архивная запись.

Камчатская экипажная рота. 1847 г.

Из солдатских детей, уроженец Камчатской области. (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 1, д. 299.)

В 1850 году издан приказ начальника Главного морского штаба о создании на Камчатке флотского экипажа. «По случаю упразднения Охотского порта и образования Камчатской области – Охотский флотский экипаж, Охотскую мастеровую роту и Петропавловскую флотскую роту соединить в один общий состав под названием 46 флотского экипажа». В июне 1854 г. экипаж получил новый номер – 47. Личный состав экипажа активно участвовал в сооружении укреплений Петропавловского порта, в отражении нападения англо-французской эскадры в августе 1854 г. Геройски сражались офицеры, матросы экипажа, продемонстрировав отличную боевую вырубку, смелость и были удостоены высоких наград. Во время эвакуации Петропавловского порта в 1855 г. 47-й флотский экипаж направился на новое место дислокации в Николаевский-на-Амуре порт, где он получил новое наименование – Амурский флотский экипаж.

Судя по этой архивной записи, отец Григория Ивановича, солдат Иван Винокуров служил в Сомовском полку (Камчатский гарнизонный батальон) и остался жить на Камчатке. Кроме Григория Ивановича в Камчатском флотском экипаже в 1841 г. служил также Яков Винокуров (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 257). Кто-то из них двоих остался на Камчатке.

Архивные материалы (Исповедальная роспись Петропавловского собора) говорят нам о том, что Винокуровы из Сероглазки и Старого острога – это одна линия.

Вот какие данные на 1893 год.

Винокуров Николай Григорьевич. Сероглазка, мещанин, 1893 г., 45 лет. Жена Евдокия Степановна (43). Дети: Ипатий (20), Григорий (18). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Винокуров Михаил Григорьевич. Мещанин селения Старый Острог, 1893 г., 42 года.

Жена Юлия Георгиевна (37). Дети: Геннадий (18), Агафья (15), Анна (13), Федор (14), Ирина (9), Иван (4), Евгений (1). (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.)

Вполне вероятно, что это родные братья.

Следующая информация датирована 1922 г. Она содержится в очерке В. Пустовита «Восполняя белые пятна» («Вопро-

сы истории Камчатки», выпуск 1): «Тогдашний председатель сельского комитета В. Г. Крупенин рассказывал: *«Мы организовали ночную охрану для самозащиты, в которой участвовал я, Попов Григорий, Алексей Черных, Александр Черных, Крупенин Павел, Томский Гавриил, Третьяков Федор, Петр Третьяков, Винокуров Петр, Илья Черных, Третьяков Егор, Попов Константин... Охрана продолжалась шесть-семь дней и только в ночное время. Мы поставили караул, который помещался в доме Анны Алексеевой. Цель нашей охраны была предупреждение наступления красных на деревню Сероглазку, и мы были в полной боевой готовности».*

А потом последовали репрессии.

Винокуров Поликарп Михайлович. Родился в 1905 г., Камчатская обл., с. Елизово; русский; образование низшее; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Петропавловский р-н, с. Коряки. Арестован 6 мая 1929 г. Приговорен: Особое совещание судебной Коллегии ОГПУ 16 августа 1929 г., обв.: по ст. 58–10 УК РСФСР. Приговор: к 4 годам лишения свободы. Реабилитирован 13 сентября 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Винокуров Яков Михайлович. Родился в 1899 г., Камчатская обл., с. Елизово; русский; образование низшее; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., с. Елизово. Арестован 7 января 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 17 марта 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Имущество конфисковано. Расстрелян 25 мая 1938 г. Реабилитирован 22 июня 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Потомком солдат Винокуровых является Анатолий Федорович Винокуров (15 апреля 1933 – 26 августа 1982 гг.) – первый из коренных камчадалов профессиональный художник, член Союза художников СССР. Он родился в Елизово. В 1958 г. окончил Владивостокское художественное училище, в 1964 г. – графический факультет Московского государственного художественного института им. В. И. Сурикова.

Подробнее о нем можно прочитать в популярном историко-краеведческом справочнике «Камчатка: от открытия до наших

дней» (см. также форум «Камчатские имена» на сайте «Камчадалы.ру»).

18 августа 1945 г. при высадке курильского десанта погибли и похоронены на острове Шумшу Леонид Иванович (1923 г. р.) и Прокопий Федорович (1912 г. р.) Винокуровы.

ВОЛКОВЫ

Чтобы сменить престарелого камчатского священника Ермолая (Иванова) иркутский епископ Иннокентий «в среде Экспедиции (Беринга. – *Ред.*) обратил внимание на возвращавшихся из Камчатки церковников, двух родных братьев Филиппа и Михаила Волковых, и первого рукоположил в священники к Богородско-Рождественской церкви, устроенной Экспедицией близ Авачинской губы, а последнего определил к нему дьячком; для Большерецкой же церкви произвел из казачьего звания Михаила Сивцова, и все они трое тогда же были отправлены в Камчатку» (Иркутские епархиальные ведомости, 1868, № 47, стр. 533).

Отец Филипп, первый священник в Богородско-Рождественской церкви при Петропавловской гавани, служил в ней с 1743 г., умер в 1750 г.

Братья Волковы активно участвовали в миссионерской деятельности и потому фамилия камчадалов Волковых разбросана по всей Камчатке.

Волков (Волчков) Василий. Староста с. Сопчное, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Отражение японцев на р. Ича и Колпаковой 8 июня и 27 июля 1904 г. (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

Волковы Федор и Захар, участники обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Облуковинская дружина), с. Малка.

Волков Петр. Участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Большерецкая дружина), с. Колпаково.

ВОРОБЬЕВЫ

Старинная казачья фамилия.

Воробьев Алексей, служилый человек, сборщик ясака, бит

кнутом в Нижнекамчатске как один из виновников Харчинского бунта.

Но через 30 лет история повторяется:

Воробьев Алексей. Казак, мореход на судне «Прокопий и Иоанн» лальского купца Терентия Чебаевского. «Мореходом и передовщиком на судне состоял казак Алексей Воробьев, плававший не раз вдоль Алеутской гряды. Правой рукой у него был Соловьев, получивший впоследствии печальную известность, как “истребитель алеутов” под кличкой “Соловей”. Вышли в море в 1760 г. Зверствовали на о. Кыска. Впоследствии отданы под суд. Следствие и суд длились до 1774 г. Все подсудимые были приговорены к “наказанию” – оставлены на поселение на Камчатке, т. е. фактически оправданы».

Служили они и в Сомовском полку (Камчатский гарнизонный батальон) в 1812 г.

Воробьев Василий Ефимович. Рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 33 года. Позже переведены в мещанское сословие: Воробьев Алексей, петропавловский мещанин, 1893, 28 лет. 1907 год: Воробьев Иосиф Иванович – гижигинский мещанский староста. Воробьев Николай Иннокентьевич – гижигинский мещанин.

ВОРОНОВЫ

Воронов Петр Иванович, с. Авача, крестьянин, 1893 г., 37 лет. Брат его Егор Иванович (35). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Возможно, это ветвь казачьего корня Вороновых, которые перешли в крестьянское сословие. Казаки Вороновы оставили свой след в камчатских фамилиях аборигенов, например, был такой Воронов Мартын, камчадал, участник Большерецкого бунта, который умер в Макао 27 ноября 1771 г., не выдержав местного климата.

ВОРОШИЛОВЫ

О времени появления Ворошиловых на Камчатке пока можно только догадываться. Отправной точкой для нашего исследования стало письмо дочери известного камчатского краеведа

Елизаветы Федоровны Радьковой – Надежды Лысогор. Она писала:

«Когда шло освоение земель, прибыло 7 братьев Ворошиловых на Камчатку. И разъехались они, чтобы узнать где кто живет, где что растет... Через определенное время должны были встретиться в Петропавловске. (Из рассказа Нечаевой Анастасии Константиновны – ее дед Ворошилов Константин Иосифович.)

В 2000 г. я составила довольно-таки подробное древо Ворошиловых по данным из церковной книги прихода 1893 г., по записям Радьковой Елизаветы Федоровны и Спешнева Ливерия Федоровича. Согласно древу основателем нашей ветки является Ворошилов Александр Павлович (1841 г. р.) и его жена Александра Стефановна (1874 г. р.). У них было 7 детей, об одном из них Вы, Сергей Вахрин, подробно писали. Это Ворошилов Македон Александрович (1879 г. р.). Также Вы упоминали еще одного их сына Ворошилова Николая Александровича (1880 г. р.), он был репрессирован. Это мой прадед. У них было 9 детей. Один из них Ворошилов Пантелей Николаевич (1916 г. р.) погиб под Псковом в Великую Отечественную войну. Моя бабушка Спешнева (дев. Ворошилова) Александра Николаевна и моя мама Радькова (дев. Спешнева) Елизавета Федоровна постоянно поддерживали связь с родственниками Бречаловыми, Дивеевыми, Ворошиловыми».

В итоге наше исследование о первых Ворошиловых дало следующие результаты: судя по тому, что милюковскими краеведами из клуба «Камчадал» обнаружена линия Ворошиловых от Михаила Павловича (1838 г. р.), а соболевская ветвь Ворошиловых начинается с Александра Павловича (1841 г. р.), то основоположником камчатского рода Ворошиловых является их отец – Павел Ворошилов.

Вероятно, Ворошилов Афанасий Павлович, петропавловский мещанин, проживающий в с. Хутор в 1893 г., 46 лет от роду (т. е. г. р. 1847), их третий брат. Жена у него была Лариса Гавриловна. Дети: Гавриил (22), Павел (21), Мария (15), Семен (13), Михаил (9), Евдокия (5), Ирина (2).

А из этого документа уже трудно понять, кто кому и кем приходится – то ли кумом, то ли дедом: Ворошилова Анна

Петровна. Дата рождения – 9 сентября 1909 г. Родители – мещанин г. Петропавловска Петр Павлович Ворошилов и законная жена его Екатерина Нестеровна. Восприемники – мещанин г. Петропавловска Павел Афанасьевич Ворошилов и жена крестьянина с. Завойко Иннокентия Егоровича Машихина – Екатерина Давыдовна. (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г. и Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1909 год, ГАКК.)

Вот еще интересная информация:

Ворошилова Варвара Феофановна, вдова петропавловского мещанина Николая Ворошилова, 1893 г., 58 лет. Ее дети: Иннокентий (31), Павел (26), Иван (20), Александр (15), Евдокия (11). Жена Иннокентия – Агафья Григорьевна. Племянник по мужу Афанасий Константинович Ворошилов (29). Жена его – Агрипина Иоакимовна (25). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Возможно, что отчества Николая и Константина Ворошиловых тоже Павловичи, судя по возрасту вдовы Варвары Феофановны Ворошиловой (1835 г. р.), тогда это тоже братья Михаила, Александра и Афанасия Ворошиловых.

Новую информацию о братьях Ворошиловых мы находим в Исповедальной росписи Большерецкой Успенской церкви за 1893 г.:

Мещанин Александр Павлович Ворошилов (52 года, то есть 1840 г. р.). Жена его Александра Стефановна (46 лет). Дети: Македоний (14), Николай (13), Александр (5), Мария (6), Иоанн (25) (жена его Марфа Филипповна 21 года), Павел (23 года, жена Фекла Иосифовна 23 лет).

В Исповедальной росписи Облуковинской церкви за 1893 г. мы находим следующую запись по селу Крутогорово: мещанин (то есть также бывший житель Петропавловска) Константин Иосифович Ворошилов 33 лет. Жена его Александра Андреевна (32). Дети: Сергей (5), Мартиниан (6), Харламбий (2), Евдокия (18). Вдова Александра Васильевна Ворошилова (52 года), Дети ее Ирина (27) и Анна (21).

Таким образом, выясняется, что в Крутогорово, вероятно, осела семья Иосифа Павловича Ворошилова.

Далее, в 1924 году в списке верующих села Усть-Камчатск мы находим 50-летнего Изота Алексеевича Ворошилова и его 18-летнего сына Якова Изотовича.

Возможно, еще один из семи братьев (если в семейной легенде эти цифры соответствуют действительности) – Алексей Павлович – поселился в свое время в Усть-Приморском (нынешнем Усть-Камчатске).

Прикинем: если Изот Алексеевич 1874 года рождения, то Алексей Павлович (примерно 1854 г. р.) действительно мог быть одним из братьев в этой большой семье Ворошиловых, осваивающих камчатскую землю.

И, наверное, самый последний след мы обнаруживаем в селении Халактырка:

Ворошилов Зотик, Халактырка, мещанин, 1893 г., 20 лет (то есть примерно одного возраста с Изотом Алексеевичем).

К сожалению, отчество не указано, но явно, что Зотик Ворошилов соответствует возрасту своих двоюродных братьев и сестер. Позже мы находим еще один важный документ о Зотике Ворошилове, но и в нем почему-то отсутствует отчество:

Ворошилова Ирина Зотиковна. Дата рождения – 3 апреля 1898 года. Родители – Петропавловский мещанин Зотик Ворошилов и законная жена его Агафья Николаевна. Крестные – Петропавловский мещанин Иннокентий Георгиевич Машихин и жена мещанина Михаила Виноградова Юлия Георгиевна и дочь вдовы канцелярского служителя Ирины Константиновны Черных девица Мария Алексеевна. Таинство крещения совершал священник Павел Донской. (Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1898 год, ГАКК.)

В истории Камчатки представители этого рода оставили о себе добрую память.

В русско-японскую войну на Камчатке участвовали практически все представители этого рода: Ворошилов Павел Афанасьевич, староста с. Хутор. За участие в боевых действиях в период русско-японской войны на Камчатке награжден серебряной медалью. (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Ворошилов Николай (Александрович – ?), мещанин. При-

нимал участие в боевых действиях на реке Большой 18 мая 1904 г. (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Ворошилов Мартимьян (Константинович – ?), Большещерецкая дружина, с. Крутогурово.

Его отец, Ворошилов Константин (Иосифович – ?), мещанин, принимал участие в отражении японцев на р. Ича и Колпаковой 8 июня и 27 июля 1904 г. (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129). Обнаружены и некоторые подробности о Константине Иосифовиче: в конце 1920-х гг. он был лишен избирательных прав, как «служитель религиозного культа». 30 июня 1896 г. сочетался законным браком с Трапезниковой Матроной Петровной вторым браком, возраст – 36 лет. Невеста – камчадала Крутогуровского селения Петра Трапезникова дочь девица Матрона Петровна, первым браком, 21 год. Поручители: по жениху – звонарский сын Гавриил Васильевич Сновидов, по невесте – камчадалы Крутогуровского селения Михаил Корнилович Кильтякин и Симеон Петрович Трапезников.

Их сын – Ворошилов Павел Константинович, родился 14 марта 1909 г. Родители – Петропавловский мещанин Константин Иосифов Ворошилов и жена его Матрона Петровна. Восприемники – мещанин города Петропавловска Константин Ворошилов и камчадала Крутогуровского селения Демитрия Сторожева жена Мария Иосифовна. Священник Николай Корякин с псаломщиком Александром Серебренниковым.

Их дочь: Ворошилова Агафия Константинова. Дата рождения – 10 февраля 1901 г. Родители – Петропавловский мещанин Константин Иосифович Ворошилов и законная жена его Матрена Петровна. Восприемники – дочь умершего Петропавловского мещанина девица Анна Иосифовна Ворошилова (тетя?). Таинство крещения совершал священник Григорий Коллегов.

Их внучки: Ворошилова Анна Сергеевна. Дата рождения – 6 декабря 1916 г. Родители – мещанин города Петропавловска Сергей Константинович Ворошилов и законная жена его Мария Михайловна. Таинство крещения совершал священник Феодор Воронцов.

Ворошилова Клавдия Мартимьяновна. Дата рождения – 27 декабря 1913 г. Родители – мещанин города Петропавловска Марти-

мян Константинович Ворошилов и законная жена его Феоктиста Николаевна. Таинство крещения совершал священник Николай Карякин. (Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1896, 1901, 1909, 1914 и 1916 гг., ГАКК, Глинчикова Е. В. «Православие и Советское государство на Камчатке», «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр.197.)

Следующий участник обороны Камчатки из династии Ворошиловых – Ворошилов Иван Михайлович (Ичинская дружина), с. Мильково.

Ворошилов Иван Николаевич. Мещанин г. Петропавловска.

Сохранились подробности об участии в боевых действиях Ивана Николаевича Ворошилова, за что он был награжден серебряной медалью (см. очерк «Хроника неоконченной войны», события на р. Опале, ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 82): *«Протокол. 1904 г. июня 28-го дня. 10 час. 30 мин. По полудни. Устье р. Аналы. Я заведывающий обороной западного берега Камчатки от вторжения японских хищников старший унтер-офицер Сотников в присутствии нижеподписавшихся лиц составил настоящий протокол в подтверждение в силу следующих обстоятельств. В 9 час. утра подойдя к табору хищников, японцев, расположившихся на устье р. Аналы, на берегу увидели: около табора сложено в 2-х кучах до 300 кул. соли, растянут для просушки один невод и у берега в реке стоят 2 японских кунгаса, в одном из них собран невод, только что выбран из реки. Во время подхода к табору мною команде отдан приказ без надобности никто не должен употреблять в дело оружия. И вообще в команде должна быть тишина и спокойствие. Таким образом атаковав табор хищников, по команде “вперед ребята!”, японцы выбежали из табора, которые тотчас задержаны, в то время японцы закричали: “Тито! Тито! Хае”, обнажив кинжалы, которые были у каждого японца и пустились бежать от табора в сторону, видя такой поступок японцев, полагая, что они где нибудь имеют тайно сложенное оружие, а также голос их услышат со шхуны, где неизвестно нам, сколько там находится еще японцев, откуда может быть подана им помощь. Вследствие чего мною по убегающим хищникам тотчас же открыт огонь, а с готовым оружием в руках мы, 6*

человек, я, Александр Максимов Селиванов, его сын Александр Селиванов, мещане Иван Ворошилов и Македон Ворошилов и камчадал Иван Панов отправились на шлюпке на шхуну, вооруженных людей, под командою кантониста Ивана Максимова Селиванова разместил в более закрытой местности, по берегу против шхуны и на случай выстрелов со шхуны во время нашего подхода к шхуне Селиванову приказал открыть огонь по шхуне, дабы мы под выстрелами могли вернуться на берег. Входя на шхуну, увидели четырех укryвшихcя с саблями японцев, которые тотчас же убиты... Таким образом завладев шхуной, причем оказалось 20 японцев убито. Упромышлено в реке и погружено в шхуну до 12-ти тысяч рыбы "хайка" и "кеты"». Шхуну «Сие-Мару» сожгли. Участники: большеерецкий староста Андр. Бречалов, Павел Логинов, камч. Власий Панов. (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

В составе Петропавловской дружины был Ворошилов Алексей (отец Александра Алексеевича Ворошилова, репрессированного в 1933 г. по делу «Автономная Камчатка»).

Большую память о себе оставил Ворошилов Македон Александрович (с. Большеерецк), верный помощник руководителя обороны западной Камчатки М. И. Сотникова, один из первых инспекторов рыбнадзора Камчатки, погибший вместе с М. М. Сотниковым и жителями с. Воровское в схватке с японскими хищниками в 1906 г. в устье реки Унушки, о котором мы более подробно расскажем в очерке «Хроника неоконченной войны».

Славную жизнь прожил и героически погиб в борьбе с фашистскими оккупантами старший лейтенант Пантелей Николаевич Ворошилов (1916 г. р.), умерший от ран 22 июля 1944 г. под Псковом, очерк о котором для нашей книги подготовил коллектив Соболевской районной библиотеки.

«Ворошилов Пантелей Николаевич родился 1 января 1916 г. в Соболево Камчатской области. Трудовая деятельность началась после окончания начальной школы. Выполнял различную работу. Был жизнерадостным, энергичным, трудолюбивым. Жизнь ставила новые большие задачи. Требовалось много

знать. Учился Пантелей всему упорно. Выучился на моториста и работал на катере во время путины. А когда на 21-м году жизни его избрали председателем колхоза «Пионер Запада», то, конечно, при содействии жены Екатерины Сысоевны, он стал настойчиво одолевать программу за 5–7 классы. Весной 1939 г. сдал экзамены за 7-й класс, а в 1940 г. за 8-й. Главной чертой характера и стиля работы председателя была забота о людях. Ему был отпущен талант руководителя. Всегда обращался за советом и помощью к пожилым колхозникам, к товарищам, прислушивался к их голосу. В это нелегкое время увеличилась оплата за трудодень. Все радовало колхозников, жить стали зажиточнее.

В состав первой комсомольско-молодежной агитбригады си-неблужников Усть-Большерецкого района входили наши комсомольцы: П. Ворошилов, Спешнева Катя. Ныне Екатерина Дмитриевна Григорьева, живет в с. Соболево. П. Ворошилов, не имея специального музыкального образования, играл почти на всех струнных инструментах, неплохо рисовал, пел. Был активным комсомольцем.

Там, далеко, в грохоте тяжелой войны, в минуты затишья он вспоминал своих дорогих друзей, родное село, колхоз. Подробно перечислял фамилии, кому передать привет, наказывал лучше работать.

Из письма к матери М. В. Ворошиловой: «Мама, передай предколхозу Сырикову или Виктору Бенкису, пусть своим колхозом весной выловит рыбу сверх плана – пусть дадут фронтовой центнер. Наверное, колхоз стал неузнаваем – богат. Я очень соскучился. Вот закончится война, приеду и опять буду работать... Мама, передай привет всем знакомым и пусть примут мой наказ: «Работать честно и здорово, не считаясь ни с чем, чтобы колхоз был передовым. Этим вы поможете фронту». А я постараюсь здесь, на фронте...» (от 19.02.1942 г.).

Во всех своих письмах с фронта он выражал горячую веру в победу над врагом. Он многое мог бы сделать. Но пришло извещение – похоронка, сообщавшая о том, что старший лейтенант П. Н. Ворошилов в бою за социалистическую Родину,

верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, умер от ран 22.07.1944 г., похоронен восточнее д. Трошево, 1 км, Псковский район, Ленинградская область.

Полночные наши беседы
Опять о далеком, о том,
Как будет нам житься потом,
Когда мы добьемся победы.
И, может, тогда в тишине,
Святая наступит минута...
Пусть это счастье – не мне,
Но все-таки будет кому-то.

*(Из стихотворения
Евгения Долматовского)*

И эта святая минута, это счастье, завоеванное большой ценою, наступило 9 мая 1945 г. Оно досталось не ему, его сыну, внукам, нам, Вам.

*№ 909. Кому: Ворошиловой Екатерине Сысоевне.
24/У111-44г. Адрес: Приморский край, Уссурийская обл.,
ст. Мучная, с. Черниговка, Партизанская, 110.*

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж, Ворошилов Пантелей Николаевич, ст. лейтенант, уроженец Камчатской обл. Усть-Большерецкого района, д. Соболево, в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, умер от ран 22.07.1944 г.

Похоронен: Ленинградская область, Псковский район, восточнее д. Трошево 1 км.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о назначении пенсии в порядке приказа НКО СССР за № 220 от 1942 г.

*Начальник фин. отд. Приморского КВК майор и / сл. подпись
ст. пом. нач. ФО КВК
ст. лейтенант и / сл. подпись
гербовая печать*

В боях за Родину в годы Великой Отечественной войны отдали свою жизнь Агафангел Павлович Ворошилов, 1899 г. р., погиб в июне 1942 г.; Иван Михайлович Ворошилов, 1914 г. р., погиб в 1943 г., Николай Константинович Ворошилов, сержант, 1924 г. р., погиб 21 июля 1944 г. в районе м. Пинтижи, Латвия.

Но мы должны помнить и тех из Ворошиловых, кто безвинно сложил свою голову или пострадал в годы политических репрессий:

Ворошилов Александр Александрович. Родился в 1890 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Большерецк; камчадал; образование низшее; б/п; являлся председателем рыболовецкого колхоза. Проживал: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Большерецк. Арестован 17 апреля 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»).

Приговор: 10 лет. Имущество репрессированного (дом, скот, ездовые собаки) конфисковано. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Ворошилов Александр Алексеевич. Родился в 1882 г., г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование низшее; б/п; был бухгалтером (место работы не указано). Проживал: г. Петропавловск-Камчатский. Арестован 19 марта 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-6-7-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: ВМН. Расстрелян в январе 1934 г. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Ворошилов Гавриил Афанасьевич. Родился в 1871 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Хутор.; русский; образование низшее; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Хутор (был учителем, псаломщиком, лишен избирательных прав в 1926–1928 гг.). Арестован 31 августа 1931 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 14 января 1932 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: 5 лет. Реабилитирован 19 февраля 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Ворошилов Иннокентий Павлович. Родился в 1897 г., Кам-

чатская обл., с. Мильково; русский; образование 6 классов и пед. курсы; б/п; был школьным учителем. Проживал: Камчатская обл., с. Мильково. Арестован 24 августа 1931 г. (лишен избирательных прав в 1927 г., до 1923 г. был псаломщиком). Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 14 января 1932 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Реабилитирован 15 июля 1964 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Ворошилов Николай Александрович. Родился в 1878 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Апача; камчадал; малограмотный; б/п; был псаломщиком церкви. Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Соболево. Арестован 15 июня 1934 г. Приговорен: спецколлегия Дальневосточного крайсуда по Камчатской обл. 23 ноября 1935 г., обв.: по ст. 58-2-10 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Имущество конфисковано. Реабилитирован 14 февраля 1990 г. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

Ворошилов Матвей Иннокентьевич. Родился в 1892 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Малки; русский; образование низшее; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Апача. Арестован 8 января 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 26 марта 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Имущество конфисковано. Расстрелян 25 мая 1938 г. Реабилитирован 20 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Ворошилов Павел Михайлович. Родился в 1873 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково; русский; образование сельская школа; б/п; был рыбаком, охотником. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково. Арестован 24 августа 1931 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 14 января 1932 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Реабилитирован 15 июля 1964 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда. Павел Михайлович был известным на Камчатке служителем церкви – священником Мильковской церкви, а затем дьяконом Петропавловского собора (был лишен избирательных прав в 1926–1928 гг.).

Ворошилов Федор Павлович. Родился в 1887 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово; русский; неграмотный; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово. Арестован 15 сентября 1931 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 14 января 1932 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: 5 лет. Реабилитирован 21 февраля 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

Мы нашли некоторые подробности о семье Павла Михайловича Ворошилова, который был священнослужителем и репрессирован именно как представитель «культы». Вот его дальнейшая ветвь: Ворошилов Агафангел Павлович, родился 4 июля 1907 г. Родители – Диакон Градо-Петропавловского собора Павел Михайлович Ворошилов и жена его Зинаида Ивановна. Восприемники – Петропавловский мещанин Феодор Михайлович Коршунов и жена запасного офицера Феодора Червова Мария Александровна. Священник Иоанн Гуляев. (Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1907 г., ГАКК.)

Ворошилова (Гавриш) Нина Агафангеловна – дочь Агафангела Павловича Ворошилова, внучка Ворошилова Павла Михайловича и племянница Ворошилова Иннокентия Павловича, репрессированных в августе 1931 г.

А эта информация о его брате: Ворошилов Александр Михайлович, петропавловский мещанин, 22 года, 22 января 1892 г. сочетался первым браком. Невеста – дочь Мильковского крестьянина Акиндина Бобрякова девица Мавра, 16 лет. Поручители: по жениху – отставной почтальон Федор Спиридонович Шишкин и Мильковский крестьянин Николай Иванович Плотников; по невесте – крестьяне Николай Иванович Плотников и Петр Порфирьевич Бобряков. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1892 г., ГАКК.)

Облуковинская (крутогоровская) ветвь Ворошиловых: Ворошилов Алексей Зиновьевич, петропавловский мещанин, 26 лет, сочетался браком 15 июля 1907 г. с дочерью умершего камчадала Облуковинского селения Евтихия Андреевича Климовского Параскевой (21 год).

Ворошилова Зинаида Александровна из Мильково стала учи-

телем. Из воспоминаний Ларисы Павловны Ворошиловой: «Это первая учительница, которая родилась и выросла на Мильковской земле. Окончила семилетнюю школу, поступила в Камчатское педучилище им. Кирова. Через три года пришла в родную школу учить детей. Потом она работала в других селах района, награждена знаком “Отличник народного образования”» (Т. В. Введенская. «Учительство Мильковского района в годы Великой Отечественной войны», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 13).

ВСЕВИДОВЫ

Патриархом этого камчатского рода был купец Петр (по другим данным Андрей) Всевидов, занимавшийся на Камчатке организацией промысловых экспедиций в 1740–1750-х годах (см. роман-исследование «Встречь солнцу»).

Последнее упоминание об этой фамилии на Камчатке:

Всевидова Мавра Михайловна.

Вдова мещанина в Нижнекамчатске, 1812 г., 60 лет.

ВЫХОДЦЕВЫ

Рыльский купец, комиссионер РАК, Нижнекамчатск, 1806 г.

Вот какую оценку патриарху этого рода дал комендант Камчатки генерал-майор Кошелев: «...был много раз за мошенничество и злоупотребления под судом, приговорен к лишению купеческого звания и исключению из числа добрых людей, к тюремному заключению и неоднократно приговорен к публичному бесчестному наказанию, дурного поведения и подлого характера, всегда уклоняющийся к мошенничеству, делал в торговле всегда злоупотребления».

А это, вероятно, он и есть:

Выходцев (Выходцов) Федор Алексеевич. Купец в Нижнекамчатске, 1812 г., 44 года. Жена Мария Семеновна (44). Дети: близнецы Петр и Степан (15), Ирина (11). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

А это, по всей видимости, информация об одном из близнецов, его сыне и внуке:

Выходцев (Выходцов) Федор Петрович, умершего Нижнекамчатского мещанина Петра Выходцева сын, 14 лет. Сестры: Анна (10), Юлия (7). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Выходцев (Выходцов) Павел Федорович. Государственный крестьянин в с. Нижнекамчатске, 23 года. Жена Пелагея Семеновна (22). Брат Алексей (19). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Была еще одна ветвь Выходцевых: **Вихотцова (Выходцева) Анна Гавриловна**, вдова государственного крестьянина в с. Нижнекамчатске. Внук Петр (15). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Но фамилия эта на Камчатке не сохранилась, хотя есть слабая надежда: некий Выходцев (из этой ли династии?) Арсений женился в 1920-х гг. (в 22 года) на мильковчанке Елене Мальцевой (17 лет).

ГАРДНЕР

История появления фамилии Гарднер на Камчатке пока не ясна, но, вероятно, она типична для середины XIX века, когда Россия забыла о своих окраинах и здесь очень активно начала развиваться торговля с американцами и другими иноземными купцами в обмен на камчатскую пушнину.

Так появились Толманы, так появились Флетчеры, так, вероятно, появились и Гарднеры.

И так же, как и все вышеперечисленные, «окамчадались» – женились на местных, обрусели и остались навсегда.

Архивариус Елена Павловна Абрамова получила из Америки интересный документ (см. очерк «Варрены»), который уточняет нам дату появления этой фамилии на Камчатке, – Гарднеры появились здесь, как минимум, до 1836 г.

Вероятно, и сам Иосиф Гарднер был в то время уже православным: «Духовное училище в Петропавловском порту, введенное надзору начальника Камчатки Рикорда с самого начала не получило полного характера духовного заведения. В 1844 г.

Духовное училище в Камчатке было упразднено (в связи с образованием новой Камчатской, Курильской и Алеутской епархий) и слилось с Новоархангельской вновь открытой семинарией, куда были перечислены училищные деньги и переведены ученики. 23 года существовало училище. Старший учитель Иоанн Бурдуков назывался инспектором с подчинением начальнику Камчатки (уехал с Камчатки в 1839 г., умер в Якутске в 1839–1840 гг.). Достойные ученики по усмотрению инспектора и попечителя высылались для дальнейшего образования в Иркутскую семинарию. За 23 года в училище было 122 воспитанника, 7 детей – заезжего духовенства, 49 – разночинцев и 66 – духовного камчатского ведомства. Двое (Георгий Логинов и Иоанн Верещагин), окончив курс иркутской семинарии, и двое (Михаил и Илья Коллеговы), не окончив курса в семинарии, заняли на Камчатке священнические места. Трое из них из разночинцев (один был Гарднер) стали священниками на основании удовлетворительных познаний, приобретенных в Камчатском училище».

В 1930-х годах им припомнили и английскую фамилию, и служение в церкви – все они стали врагами народа, как и русские священнослужители – Логиновы-Лонгиновы, Ворошиловы, Коршуновы.

Вся семья петропавловского дьякона Константина Константиновича Гарднера была репрессирована.

«К. К. Гарднер (1875 г. р.) служил диаконом до 1928 г., лишенец (то есть лишен избирательных прав как социально чуждый элемент), образование низшее. Арестован 29 февраля 1932 г. Выслан в Западно-Сибирский край на три года по ст. 58, п. 10 (антисоветская пропаганда и агитация).

Иннокентий Константинович Гарднер (1880 г. р.). Арестован 27 апреля 1933 г., проходил по делу «Автономная Камчатка», по которому привлекалось значительное число камчатцев. Обвинялся по ст. 58, п. 2, 6, 11. Приговорен к ВМН, расстрелян в январе 1934 г.

Павел Константинович Гарднер (1906 г. р.), сын диакона, образование низшее. В 1925–1927 гг. состоял в комсомоле, исключен. Был безработным, получил два года принудитель-

ных работ. Признал себя виновным в шпионаже в пользу Японии по делу «Автономная Камчатка». Обвинен по ст. 58, п. 2, 6, 11. Приговорен к ВМН.

Петр Константинович Гарднер (1905 г. р.). Холост, камчадал, образование низшее. «Без определенных занятий, два раза судим за хулиганство», 1 марта 1933 г. арестован по подозрению в желании поджечь здание погранотряда «по заданию японского резидента». Тройка полномочного представительства ОГПУ ДВК судила его 1 января 1934 г. по ст. 58, п. 2, 6, 8, 9, 11. Приговорен к ВМН (Глинчикова Е. Б. «Православие и советское государство на Камчатке в 1920-х – начале 1930-х гг.», «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009 г.).

Но этот список на самом деле неполный:

Гарднер Виктор Константинович. 1911 г. р. Место рождения: Петропавловск-Камчатский, русский. Арест: 1938. Осужд. 21.04.1938, тройка при УНКВД по ДС. Обв. покушение на шпионаж. Расстр. 08.07.1938. Реаб. в июне 1989.

Женой Константина Константиновича Гарднера (дьякона Петропавловского собора) была Анна Николаевна Архангельская.

В это же время на Камчатке служил священник Александр Андреевич Архангельский (вероятно, племянник Анны Николаевны), о котором сохранились некоторые сведения: родился 1 сентября 1884 г. в с. Меловое Камышинского района Саратовской губернии. До 1914 г. учитель в г. Саратове. В 1916–1921 гг. священник и учитель в с. Карага и Паратунка, потом на разных работах. Сложил сан. Делопроизводитель Водст-роя, учитель. Окончил три класса духовного училища. Проживал в Петропавловске. Сын попа. Русский. Арестован 25 февраля 1932 г. Осужден с заключением в концлагерь на три года по приговору от 19 мая 1932 г. Сведений о дальнейшей судьбе нет.

Так что эту семью вырезали практически под самый корень. А оставшиеся в живых и на свободе дети «врагов народа» тщательно скрывали свое прошлое. И потому мы сегодня хотели бы найти хоть какие-то корешки от этого династического древа. Может, кто и откликнется.

И вот первое открытие. В Интернете, по адресу http://www.krotov.info/libr_min/worship/sluzhebник/05_iakova.htm, мы находим сведения, посвященные **«литургисающу священноигумену Филиппу (Гарднеру) в царственном граде королевства Югославии Белграде, в русском православном храме святыя живоначальная Троицы, еже и бысть ианнуария в 18 день, в память иже во святых отец наших Афанасия и Кирилла, патриархов Александрийских, в лето Господне 1938 года»**.

ИЗВЕСТИЕ

«о божественней литургии святого славнаго апостола Иакова брата божия и перваго иерарха иерусалимскаго

Сию божественную литургию святого славнаго апостола Иакова брата божия и перваго архиереа иерусалимскаго от святыя православныя церкви иерусалимския прияхом. В сей бо церкви единожды в лето, в день памяти святого апостола Иакова, октовриа в 23 день, сия божественная литургия совершается. В сей же день совершается такожде и в Александрии, и на острове Закинфе: от древейших бо лет сию литургию тамо совершати обыкоша. Глаголют, яко от дний святых апостол предание сие соблюдается. Древле убо даже до девятого века от рождества Христова литургия сия бысть обычейша в Палестине, в Закинфе, на Кипре, в Александрии, на святей синайстей горе и в южной Италии, сиречь Велицей Греции, обаче златоустовой и василиевой, яко царствующаго града Константинополя обычными литургиями по малу заменися, и тако угашашеся предание сея божественныя службы, яко да токмо единожды в лето ныне совершают.

Святой Иоанн златоустый егда бе пресвитер во Антиохии, всяко совершаше сию литургию, таже пришед в царствующий град, изрече своими словесы молитвы, иже суть в чине его литургии. Прежде Златоуста, Василий Великий, Кесарии Каппадокийския архиепископ, своими боговдохновенными словесы службу божию изрече, юже сократи немощи человеческия ради святой Иоанн златоустый. Темже златоус-

товы, наипаче же василиевы литургии основание едино, еже есть литургия святаго Иакова брата божия.

Ведомо буди, яко изменися мало чин сей от дней апостольских. Святыя отцы наша установиша, да поются песни некия, ихже не бысть во дни святых апостол, Сиречь: Единородныйи сыне, Трисвятое, таже символ православныя веры, и иныя. Сие богоносныя отцы наша учиниша научения христиан вере ради.

Сице достиже предание службы сея даже до сего дне, и мы прияхом его во святем граде Иерусалиме, и преложихом службу сию с греческаго языка на словенской. Не знаше бо сея службы церковь российская, ниже прочыя церкви народов словенских: от царскаго бо града Константинополя прияша богослужбный чин. В царском же граде сию службу не обыкоша тогда совершати: точию златоустову, василиеву и преждеосвященных даров литургии. Сего ради отцы наша прияша точию три сии литургии, ихже и преложиша на словенский язык.

Ревнуя преданием апостольским, предстоятель русския церкви в разсеянии сущей, высокопреосвященнейший Анастасий, митрополит кишиневский и хотинский даде благословение да совершится сия божественная литургия святаго апостола Иакова на словенском языке в царственном граде королевства Югославии Белграде, в русском православном храме святыя живоначальная Троицы, еже и бысть ианнуария в 18 день, в память иже во святых отец наших Афанасия и Кирилла, патриархов Александрийских, в лето Господне 1938, присутствующим преосвященным: Анастасию митрополиту кишиневскому и хотинскому, Нестору архиепископу камчатскому и петропавловскому, Алексию епископу алеутскому и аляскинскому, и Иоанну епископу шанхайскому, литургисающую священноигумену Филиппу (Гарднеру), имже и преложися литургия сия с греческаго языка на словенский, при протодиаконе Алексие Годяеве.

Мним, яко в скорбныя дние наши, егда церковь русская в гонении и разсеянии обретается, литургия сия зело приличествует: многажды бо молимся в ней о еже в гонении, в заточении, в тяжких работах и в многоразличных скорбех сущих, вельми умилительны и пространны суть молитвы сии, ихже

изрекоша древние христиань, егда за веру гонения и скорби терпеша».

Мы продолжили поиски.

Ответ на наш запрос на форуме сайта «Камчадалы.ру» пришел из Хабаровска от **Валерия Гарднера**:

«Про свою фамилию я мало чего знаю. От отца я знаю, что моего деда Гарднера Иннокентия расстреляли. Я делал запрос в ФСБ по Камчатке, мне ответили, что мой дед Гарднер Иннокентий Константинович, 1880 г. р., русский, был расстрелян в 1930 г. в Петропавловске-Камчатском, в 1957 г. реабилитирован. Братья его сосланы в Сибирь. Больше я ничего не знаю. Дочка моя находила в Интернете, что англичанин Гарднер в XVIII веке приехал в Подмосковь, основал там фарфоровый завод, и от него фамилия дошла до Камчатки».

Напомним, что патриарха камчатского рода Гарднеров звали Иосифом.

Патриархом российского рода Гарднеров был Франц Яковлевич Гарднер. Родом англичанин. Основал в 1766 г. знаменитую фабрику по производству фарфора при селе Вербилки Дмитровского уезда Московской губернии. В конце 1770-х годов Гарднером были открыты первые лавки в Твери и Москве. В 1776–1777 гг. в русском переводе вышла книга Иоанна Георги: «Описание всех в Российском государстве обитающихся народов» с многочисленными иллюстрациями в красках, и по этим иллюстрациям стали выделывать, сперва на императорском, а затем и на других заводах, фарфоровых кукол, изображающих народные типы. Из частных заводов, усвоивших себе эту новую отрасль фарфорового производства, первым был гарднеровский. Произведения гарднеровской фабрики, не уступавшие в XVIII и в начале XIX в. изделиям иностранных фабрик, ценились очень высоко. С основания до 1891 г. фабрика принадлежала потомкам Гарднера; в 1891 г. поступила в собственность М. С. Кузнецова.

Вполне вероятно, что камчатская ветвь рода Гарднеров является отростком от этого древа, по крайней мере, в воспоминаниях камчадалки **Л. И. Сновидовой (Солейчук)** есть очень любопытная для нас информация: *«Отец с матерью мало нам расска-*

зывали о жизни. Мать Евдокия Корякина родилась 9 ноября 1898 г., крещена 13 ноября 1898 г. Ее родители – петропавловские мещане Владимир Петрович Корякин, Евдокия Николаевна. Восприемниками были тоже петропавловские мещане Николай Владимирович Григорьев и Мария Константиновна Варрен. ...Моя бабушка в девичестве – Гарднер Евдокия Николаевна. У деда Гарднера были друзья – Толман, Кандер и Варрен. Фирма Гарднер до сих пор существует, и Андрей матери на 65-летие купил столовый сервиз фирмы Гарднер и сказал: “Гарднеровские еще живы!” У мамы с отцом были дети – Владимир, 1933 г. р., Полина, 1935 г. р., Борис, 1936 г. р., и я, 1943 г. р.».

А вот фрагмент из воспоминаний жительницы Нижнекамчатска Радионовой (Портнягиной) Екатерины Константиновны:

«Гарднера забрало НКВД в Нижнекамчатске. Его жена потом вышла замуж за Фомина, так, по-моему, была его фамилия, и они уехали в Мильково».

Валерий Гарднер из Хабаровска:

«Мой отец Гарднер Иван Иннокентьевич родился в Усть-Камчатске в 1924 г. На Камчатке кончил педучилище и в конце 1940-х годов поступил в Хабаровский пединститут по специальности русский и литература. В институте познакомился с моей матерью, так как мать не захотела ехать на Камчатку, остался в Хабаровском крае, потом вызвал с Камчатки свою мать Агнию Васильевну. Про своего отца он рассказывал, что в 30-х годах его забрали и больше ничего о нём неизвестно. Я на пенсии, но ещё работаю в охране, трое детей, один внук. Сын и младшая дочь ещё студенты».

Позже Валерий Иванович рассказал о том, что на самом деле Иннокентий Иванович Гарднер усыновил его отца:

«Мой отец Мutowин Иван Петрович родился в Усть-Камчатске в многодетной бедной семье. И его усыновили Гарднер Иннокентий Константинович и Агния Васильевна. Оттуда он и стал Гарднер Иван Иннокентьевичем. Про Гарднера Иннокентия вы знаете. А вот Мutowиных у отца сестёр и братьев очень много. В конце 1950-х годов отец ездил на Камчатку и встречался с братьями и сестрами Мutowиными.

Потом отец как-то растерял связь с братьями и сестра-

ми. В Хабаровск ко мне приезжал какой-то брат отца, но меня не было дома. По мутовинской линии у меня очень много двоюродных братьев и сестёр. Я нашёл одну только в Палане и в Усть-Камчатске двух двоюродных сестёр и брата, про остальных ничего не знаю».

Но помимо нижекамчатской (мутовинской) есть еще и малкинская (аббакумовская) ветвь камчатской династии Гарднер.

Из Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 год мы узнаем следующее:

Гарднер Петр Осипович (Иосифович (?), младший брат Константина Иосифовича – первого священника из рода Гарднер (?), петропавловский мещанин, 1893 г., 58 лет (то есть 1835, камчатского уже, г. р.).

С ним жили также племянник его Николай Константинович Гарднер (52 года, то есть 1841 г. р., в период существования духовного училища, которое, вероятно, как раз и успешно закончил его отец Константин Иосифович). Жена его Юлия Петровна (47). Дочь Евдокия (17 лет, будущая жена Владимира Петровича Корякина, дочь которых Евдокия Владимировна была впоследствии замужем за Егором Бушуевым, а потом за Иваном Федоровичем Сновидовым).

С Петром Осиповичем (Иосифовичем) проживает и другой его племянник – Иннокентий (30 лет, то есть 1863 г. р.), отчество которого не указано.

В «Исторических тетрадах» Ирины Васильевны Витер обнаруживаем следующую запись: «Гарднер Николай Константинович, 1893 г., Петропавловский мещанин, 53 года.

Умер 6 ноября от чахотки. (ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 10)».

В 1893 г. петропавловский мещанин Иннокентий Константинович Гарднер (1880 г. р.), брат дьякона Константина Константиновича, стал крестным отцом Фотия Петровича Аббакумова (ГАКО, ф. 220, оп. 1, д. 20, л. 331). В 1904–1905 гг. Иннокентий совместно с другими жителями с. Малка принял участие в обороне Камчатки. В 1911 г. у Фотия Петровича родилась дочь Ульяна, которая после замужества стала Ульяной Фотиевной Гарднер, внуки и правнуки которой живут сегодня в с. Коряки.

Мы не имеем пока никаких сведений о дочери дьякона К. К. Гарднера – Елене Константиновне – и еще об одном из его сыновей (наверное, самом старшем) – Василии Константиновиче, которые в 20-х годах были лишены прав из-за своего духовного происхождения. Долгие годы, с 1893 г., с 18-летнего возраста, в Петропавловском соборе служил псаломщиком Константин Васильевич Гарднер, но о его дальнейшей судьбе также нет никаких сведений. Не ясно пока ничего и о судьбе племянника Константина Константиновича и Иннокентия Константиновича Гарднера – Иннокентия, 1863 г. р. (судя по спискам дружинников, он также принимал участие в Петропавловском ополчении, в то время как Иннокентий Константинович (1880 г. р.) действовал в малкинском отряде в конной дружине). Возможно, это был старший сын Василия Константиновича, брат Константина Васильевича. Но фактов у нас пока нет. Подождем. Поищем.

ГЕШКИНЫ

В Исповедальной росписи Облуковинской церкви в селе Ича указано несколько семей камчадалов Гешкиных, по крайней мере, так прочитали неразборчивые записи архивариусы. В другом месте мы встретили фамилию Четкины. Вполне возможно, что это искаженные записи одной из самых распространенных фамилий в с. Ича и Апача камчадалов Тескиных (см.), а может быть, и самостоятельные фамилии, по которым мы сегодня не имеем никакой информации.

ГИЛЯШЕВЫ

Новокрещенные камчадалы. История появления фамилии: 1754 г. – острожек на р. Воровская.

ГЛОТОВЫ

Это фамилия знаменитого камчатского морехода Степана Гавриловича Глотова (см. очерк «Степан Глотов»), которая перешла в духовное наследство к камчадалам, но, к сожалению, не сохранилась по причинам вполне типичным для того времени: поселения, в которых они жили, перестали существо-

вать. Глотовы – камчадалы-аборигены – были жителями Щековского острожка. В исповедальных росписях Нижнекамчатской Успенской церкви за 1812 г. в Щековском острожке значатся «камчадалы и домашние их – 15 душ обоего пола, в том числе всего шесть мужчин». Православные аборигены носили фамилии Мешковых, Гловых, Креницыных, Поповых. Но уже в середине XIX в. К. Дитмар, дважды проезжавший здесь, записал: «На северном берегу находятся остатки Щековского острога, теперь совершенно оставленного, но в пору процветания Нижнекамчатска он представлял богатое и очень людное место».

Не сохранились и фамилии жителей этого острожка, переселенных в Ушки.

ГОЛЫХ

Самые первые сведения об этой камчатской фамилии, которые мы обнаружили, относятся к 1773 году, когда был сформирован отряд зверопромышленников для плавания на боте «Святой Евпл» на Алеутские острова, в составе которого был Кирило Петров Голых – Нижнего уезда деревни Ключевской крестьянин.

Последующие данные только подтверждают тот факт, что Голых – русские старожилы, крестьяне селения Ключевского.

Но в начале XX века вышел в свет еще один документ, обнаруженный в Камчатском архиве:

Голых Августа Петровна. Род. 17 ноября 1914 г. Родители – камчадал Камаковского селения Петр Васильевич Голых и законная жена его Соломония Петровна. Восприемники – камчадал Камаковского селения Иван Автономович Расторгуев, жена крестьянина Василия Петрова – Серафима Иннокентьевна Петрова. Свящ. Гер. Коллегов. (Выписка из метрической книги Нижнекамчатской церкви за 1909 год, ГАКК.) Судя по всему, крестьян Голых постигла та же участь, что и многих крестьян из сел Ключи и Мильково, которые были переселены на новые места, где прежде проживали аборигены и где они были записаны в камчадалы. По крайней мере, нам не приходилось прежде (просматривая церковные документы

1812, 1852 гг.) встречаться с фамилией камчадалов Голых в селении Камаки.

Соответственно к природным ключевским крестьянам относится и ее брат: Голых Ксенофонт Петрович, род. 17 октября 1917 г. Родители – Камаковского селения гражданин Петр Васильевич Голых и законная жена его Соломония Петровна. Восприемники – Нижнекамчатской Успенской церкви вр. и. д. псаломщика Василий Алексеевич Петров, внука священника Геронтия Коллегова девица Александра Павловна Коллегова. Свящ. Гер. Коллегов. (Выписка из метрической книги Нижнекамчатской церкви за 1917 год, ГАКК.)

Эти наши выводы отчасти подтверждают и исследования Владимира Ксенофоновича Голых, президента Усть-Камчатской районной Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Голых Владимир Ксенофонович, отец Голых Ксенофонт Петрович – 1918 г. р., Камаки, дед – Голых Петр Васильевич («по рассказам отца, приехал осваивать Камчатку», т. е. В. К. Голых подтверждает, что его дед Голых Петр Васильевич не является уроженцем села Камаки. – С. В.), г. р. 1858. Женился на камчадалке, бабушка – Голых Саломонида (по другой версии Соломония) Петровна (г. р. 1863 – Ключи, г. с. – 1943, Камаки). Дядя – Голых Петр Петрович, 1910 г. р. Тетя – Снофидова Анна Петровна, 1916 г. р.

В эти же годы в Ключах благополучно проживали их родственники: Голых Петр Андроникович, Ключевского селения крестьянин, 1893 г., 49 лет. Жена его Матрона Михайловна – 49 лет. Дети их: Соломония – 8 лет, Параскева – 4 года, Анна – 8 месяцев. (Выписка из исповедальной росписи Ключевской церкви за 1893 г., ГАКК.)

ГОРБУНОВЫ

Потомкам этого рода есть кем гордиться – Горбунов Николай, матрос, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг., командир Петропавловской дружины в 1905 г. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. за участие в боевых действиях в период русско-японской войны 1904–

1905 г. «Был старшим в экспедиции, отправленной для охраны восточного побережья Камчатки от Петропавловского маяка до р. Жупановой, разбил японских хищников и уничтожил их шхуну». (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Правда, из Горбуновых мы впоследствии обнаружили по документам только Горбунова Панкратия Никаноровича, кантониста морского ведомства, 18 лет, проживавшего в селении Коряки в доме отставного казака Ивана Григорьевича Пшеникова (вероятно, родственника).

ГОРЛОВЫ

Новокрещенные камчадалы. История появления фамилии: 1754 г. – Коль, известен в этот период служивый, толмач Алексей Горлов. Фамилия не сохранилась.

ГРЕЙ

Грей Николай Николаевич, 1888 г., Петропавловский порт, гражданин Североамериканских Соединенных Штатов. Православного вероисповедания, бракосочетание с дочерью умершего в Петропавловске гражданина САСШ Эдуарда Хунтера (по матери Алексеева), девицей Александрой. (ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 10; Исторические тетради Ирины Васильевны Витер.) Дальнейшая судьба неизвестна.

ГРЕЧЕНИНЫ

Фамилия Гречениных появляется в Нижнекамчатске после 1812 г. Впервые упоминается по нашим данным во второй половине 1830-х гг. Происхождение фамилии пока неизвестно. По архивным данным в 1838 г. в Нижнекамчатске проживали крестьяне и мещане: Иван Абросимов, Кузнецов, Выходцев, Портнягин, Шевырин, Шишкин, Попов, Греченин, Мальцов, Никитин, Казаринов, Сновидов, Соснин.

Судя по всему, патриархом камчатского рода Гречениных был Греченин Иван, отец Захара Ивановича Греченина, 1818 г. р., государственного крестьянина, проживавшего в с. Нижнекамчатск. Жена Екатерина Степановна (32). Дети: Иван (18), Николай

(7), Андрей (4). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Для справки: статус государственных крестьян.

Государственные крестьяне – особое сословие в XVIII–XIX века в России, численность которого в отдельные периоды доходила до половины земледельческого населения страны. В отличие от помещичьих крестьян они считались лично свободными, хотя и прикрепленными к земле.

Государственные крестьяне были оформлены указами Петра I из остатков незакрепощённого земледельческого населения: черносозных крестьян, сибирских пашенных крестьян, однодворцев (служилых людей на чернозёмном пограничье с Дикой степью), нерусских народностей Поволжья и Приуралья.

Государственные крестьяне жили на государственных землях и платили подати в казну. По данным 1-й ревизии (1719), их насчитывалось в европейской России и Сибири 1,049 млн душ мужского пола (то есть 19 % всего земледельческого населения страны), по 10-й ревизии (1858) – 9,345 млн (45,2 % земледельческого населения). Предположительно, образцом для юридического определения положения государственных крестьян в государстве послужили коронные крестьяне в Швеции. По закону государственные крестьяне рассматривались как «свободные сельские обыватели». Государственные крестьяне, в отличие от владельческих, рассматривались как лица, обладающие юридическими правами – они могли выступать в суде, заключать сделки, владеть собственностью. Государственным крестьянам было разрешено вести розничную и оптовую торговлю, открывать фабрики и заводы. Земля, на которой работали такие крестьяне, считалась государственным владением, но за крестьянами признавалось право пользования – на практике крестьяне совершали сделки как владельцы земли. Однако помимо того с 1801 г. государственные крестьяне могли покупать и владеть на правах частной собственности «ненаселёнными» землями (то есть без крепостных крестьян). Государственные крестьяне имели право пользоваться наделом в размере 8 десятин на душу в малоземельных губерниях и 15 десятин – в многоземельных. Фактические наделы были значительно меньше: к концу 1830-х годов – до 5 деся-

тин в 30 губерниях и 1–3 десятин в 13 губерниях; в начале 1840-х годов 325 тыс. душ не имели надела.

Основная масса государственных крестьян вносила в казну денежный оброк. В первой половине XIX века оброк колебался от 7 руб. 50 коп. до 10 руб. с души в год. По мере увеличения повинностей удельных и помещичьих крестьян денежная рента государственных крестьян становилась относительно меньше, чем повинности других категорий крестьян. Государственные крестьяне были также обязаны вносить деньги на земские нужды; они платили подушную подать и отбывали натуральные повинности (дорожную, подводную, постоянную и др.). За исправное несение повинностей государственные крестьяне отвечали круговой порукой.

Развитие торговли и промышленности в XVIII – первой половине XIX вв. повлекло расширение прав государственных крестьян: им было разрешено вести торговлю, открывать фабрики и заводы, владеть «ненаселенными» землями (т. е. без крепостных крестьян) и т. д.

Из воспоминаний Соболевой Зои Афиногеновны

«Я, мои братья, сестры, наши родители, деды и прадеды – уроженцы Камчатки. Наш род ведет начало от Сновидовых и Савинских. Сержант лейб-гвардии Измайловского полка Иван Сновидов за неодобрительные речи по поводу восшествия на престол Елизаветы Петровны в 1740 г. был жестоко наказан и сослан на Камчатку. Мой прадед Давид Федорович Савинский участвовал в обороне Петропавловска в 1854 г., а с 1862 г. до своей смерти в 1893 г. был управляющим Петропавловской казачьей командой.

Я и двое из моих братьев родились в Нижне-Камчатске. Мои родители и сейчас живут на Камчатке – Греченин Афиноген Васильевич и Греченина (Савинская) Екатерина Федоровна.

Живут здесь же и двое из моих братьев, родившихся в Нижне-Камчатске – Греченин Леонард Афиногенович и Греченин Федор Афиногенович».

Письмо написано 12 июля 1993 г. – к этому времени сама

Зоя Афиногеновна проработала более 30 лет на ПО «Ангарск-нефтеоргсинтез» в г. Ангарске Иркутской области.

По сообщению Гречениных:

Греченин Петр Захарович, 1842 г. р., жена – Аглария, 1845 г. р., дети: Агрипина, 1879 г. р., Надежда, 1882 г. р.; Греченин Андрей Захарович, 1848 г. р., жена – Акулина, 1850 г. р., дети: Николай, 1875 г. р., Василий, 1882 г. р., Агрипина, 1885 г. р.; Греченин Захарий Петрович, 1869 г. р., жена – Акулина, 1869 г. р.; Греченин Иоанн Петрович, 1874 г. р.; Греченин Георгий Захарович, 1914 г. р., Греченина (Никифорова) Глафира Львовна, 1916 г. р.

Некоторые подробности:

Греченин Захарий Петрович, крестьянин Нижнекамчатского селения, 38 лет, 27 июля 1908 г. бракосочетался (третьим браком). Невеста – умершего камчадала селения Еловского Ивана Захариевича Чурина вдова Агафоклия Васильевна, 32 года, третий брак. Поручители: по жениху – крестьяне селения Ключевского Христофор Семенович Ушаков и Василий Кириакович Брагин; по невесте – крестьянин Витебской губернии Григорий Петрович Фирсов и крестьянин селения Ключевского Петр Мартинианович Ушаков. (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1908 г., ГАКК.)

Греченин Павел Захариевич.

Дата рождения: 11 марта 1911 г. Родители – крестьянин Нижнекамчатского селения Захарий Петрович Греченин и законная жена его Агафоклия Васильевна.

Восприемники – того же селения крестьянин Яков Иванович Портнягин и крестьянская вдова Акилина Платоновна Греченина. Св. Гер. Коллегов. (Выписка из метрической книги Нижнекамчатской церкви за 1911 год, ГАКК.)

А это продолжение фамильной биографии из районной газеты Усть-Камчатска «Ленинский путь»: «Греченин Павел Захарович знал свою жену Агриппину Петровну Мутовину с детства – жили в Нижнекамчатске. В семье Павла было шестеро детей. Рано умер отец. Павел Захарович награжден меда-

лью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.». Дочь Лидия Павловна Терехова – много лет проработала в районном узле связи телефонисткой. В ее трудовой книжке была только одна запись. Муж Виктор Кузьмич – капитан буксирного катера. Сыновья – Павел, Олег, Юрий. Дочь Диана Павловна Панюшкина, кондитер. Муж Сергей Гаврилович. Дети – Елена и Алексей. Дочь Ирина Павловна Проняева, закончила Камчатский пединститут, работала в районной библиотеке. Муж – Валерий Васильевич – механик морпорта. Сын – Василий. Сын Вячеслав Павлович Греченин».

Греченин Георгий Захариевич.

Родился 7 апреля 1913 г. Родители – крестьянин Нижнекамчатского селения Захарий Петрович Греченин и законная жена его Агафоклия Васильевна.

Восприемники – того же селения крестьянин Василий Глебович Сновидов и крестьянская вдова Акилина Платоновна Греченина. Св. Гер. Коллегов. (Выписка из метрической книги Нижнекамчатской церкви за 1913 год, ГАКК.)

И еще подробности:

Греченин Афиноген Васильевич. Родился 2 января 1906 г. Родители – крестьянин Нижнекамчатского селения Василий Андреевич Греченин и законная жена его Анна Александровна.

Восприемники – крестьянин того же селения Василий Глебович Сновидов, крестьянская жена Екатерина Моисеевна Портнягина. Свящ. Гер. Коллегов. (Выписка из метрической книги Нижнекамчатской церкви за 1906 год, ГАКК.)

Греченин Леонард Афиногенович, г. Ключи.

Забывтые страницы военных лет... Все дальше от нас уходит военное лихолетье, стираются в памяти старожилы эпизоды жизни Ключей того периода, уходят из жизни люди старшего поколения, а с ними – и бесценные свидетельства военного уклада жизни тех лет. Поэтому каждое слово и воспоминание на эту тему очевидцев и участников событий периода Великой Отечественной войны очень важны для истории нашего поселка, необходимы для будущих поколений. Имя

Леонарда Афиногеновича Греченина хорошо известно в Ключах. Коренной житель, здесь он родился и прожил многие годы. Его повесть-воспоминание содержит уникальные воспоминания о людях, быте, облике Ключей в прежние годы. Большая глава посвящена впечатлениям, связанным с периодом войны, когда Леонард Афиногенович был еще подростком. С разрешения автора предлагаем читателям малоизвестные факты из жизни Ключей того времени.

«Уже в первые месяцы войны из Ключей отправились на фронт до сотни односельчан, в основном молодых ребят. В числе первых ушли Володя Столяров, Василий Коллегов, Владимир Пузаков, Владимир Михайлов, Витя Киянченко, Иван Суренков, Мира Толстихин, Николай Селиванов. Не всем суждено было вернуться живыми домой. В Ключи все чаще стали приходить скорбные вести с фронта. В селе все знали, что нет уже в живых И. Н. Ушакова – старшего, который, уходя на фронт, похвалялся: “Попадет пуля в лоб – отскочит, попадет в рот – проглочу”. Но так получилось, что не уберез он себя от вражеской пули. Да и как уберечься, если ключевские ребята, будучи охотниками и большими знатоками природы, как правило, попадали в разведку, где больше всего требовались смелость и отвага, где было труднее всего остаться в живых».

Тридцать восемь наших земляков не вернулись с фронта. Их имена выбиты на обелиске Славы на центральной площади Ключей. Среди них и упомянутые выше В. Д. Михайлов, И. А. Суренков, М. В. Толстихин. Война трагически сказывалась на судьбе оставшихся в живых.

«С западного фронта вернулся Вася Коллегов, очень красивый, смуглолицый парень из местных. Все мы обратили внимание, что он редко появляется на людях, а кто его видел, отмечали его замкнутость и печаль. И вдруг Вася неожиданно для всех ушел из жизни. Безжалостная война отняла у него право быть мужчиной, оставив неизгладимую печаль родителям...»

Село жило по законам военного времени. На Усть-Камчатском рейде неожиданно появились японские военные корабли, курсируя вдоль берега в наших территориальных водах. С

этого момента во всех селах и в Ключах была вменена и строго контролировалась светомаскировка. При зажженном свете окна в домах завешивали плотной тканью или закрывали ставнями. Привычными стали длинные ночи у костра в ожидании привоза в магазин продуктов, которые отпускались по карточкам. Дети тогда получали на день по 400 граммов хлеба, служащие – 700, рабочие – 800 граммов.

«Война еще не достигла переломного периода, когда в школах было введено военное дело. Учили по-настоящему, на случай затяжной войны. Подростки изучали уставы внутренней и гарнизонной службы. Каждый мальчик имел свою винтовку, гранаты, лопатку, выполненные из дерева по шаблону. На полигоне периодически проводились стрельбы из боевого оружия. На эти стрельбы, как правило, приезжал военком Белослудцев. Много о войне ребята узнали от Михаила Петровича Тюлькина, раньше других вернувшегося с фронта после тяжелого ранения в голову и преподававшего в школе военное дело».

Все взрослое население работало для фронта, для победы. Ведущим предприятием в поселке в то время был деревообрабатывающий комбинат, в составе которого работал лесопильный цех, оснащенный пилорамами. Комбинат полностью обеспечивал пиломатериалами судостроение, которая выпускала баржи, кунгасы и корпуса катеров для рыбной отрасли Камчатки. Бондарный цех работал в две смены и обеспечивал бочкотарой рыбозаводы западного и восточного побережья. С 1941 г. комбинат освоил выпуск лыж для нужд обороны, и за период войны их было изготовлено более 20 тысяч пар. В совхозе «Вперед» выращивали не только овощные культуры, но и зерновые – овес и ячмень для нужд животноводства. Жители комплектовали теплые вещи и продукты, дети собирали по дворам стеклопосуду для консервирования продуктов на фронт. Кроме того, для сельсовета был определен план по заготовке шерсти после линьки крупного рогатого скота, собачьей шерсти, кишок КРС и свиней. Дети активно помогали взрослым на заготовке мяса диких уток для фронта. В период линьки рыбокооп собирал до 100 лодок с их вла-

дельцами и детворой, и все отправлялись на Харчинское или Каменское озеро. Руководил всем, как правило, опытный рыбак и охотник Александр Иванович Волков. Лодки выстраивались широким фронтом на одной стороне озера и затем начинали движение, соблюдая равнение. На противоположном берегу предварительно выстраивались невода на тальниковых кольях, которые переходили в загон. Из этого загона на берег вела сетчатая галерея, которая заканчивалась «алтарем». Плыть приходилось целый день, соблюдая дистанцию и шумя чем попало, но в итоге огромные стаи уток удавалось постепенно подогнать к загону, где они попадали в громадную сетчатую ловушку. Таким способом добывали до 20 тысяч уток без единого выстрела и поставляли на производство тушенки для фронта. Воспоминания свидетелей тех событий, в частности, нашего замечательного земляка Л. А. Греченина – документальное подтверждение тому, что жители Ключей на фронте и в тылу внесли посильный вклад в общую победу, оставив о себе добрую память для потомков».

(Материал подготовил Юрий Рыбин. http://www.rybak.com.ru/17-06/_2_.htm)

ГРИГОРЬЕВЫ

На Камчатке проживают представители разных самостоятельных ветвей фамилии Григорьевых.

Григорьев Елисей, алеут. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени за отличие и заслуги по обороне Командорских островов в русско-японскую войну 1904–1905 гг.

Григорьев Николай Гаврилович, петропавловский мещанин, 1893 г., 34 года. Жена: Августа Петровна (21). Дети: его от первого брака Ирина (10), Иннокентий (7); от второго брака: Вера (3), Надежда (1). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Григорьев Георгий Михайлович, лекарский ученик, с. Ключи, 1893 г., 38 лет. Сыновья – Михаил (13) и Александр (12), две дочери.

Григорьев Николай Зиновьевич, крестьянин, с. Ключи, 1893 г., 45 лет. Жена Параскева Ивановна (45). Дети: Иннокентий

(15), Семен (6), Марфа (17), Надежда (10), Мария (2). (Исповедальная книга Ключевской церкви, 1893 г., ГАКК.)

Петропавловские мещане Григорьевы – это, скорее всего, потомки служилых людей, военных. Еще в 1812 г. в Нижнекамчатске был Петр Григорьевич Григорьев – блюдитель отделения императорского военно-сиротского дома, в возрасте 43 лет. Это было во времена размещения на полуострове Камчатского гарнизонного батальона (или полка Сомова). Многие нижнекамчатцев потом перевели в Петропавловский порт, в Камчатскую экипажную роту. Кое-кто был записан и в крестьяне. Так в Ключах могли тоже оказаться Григорьевы, крестьяне, а в Петропавловске – Григорьевы, мещане. Хотя, более вероятно, что это две самостоятельные ветви однофамильцев Григорьевых.

Все камчатские Григорьевы тоже принимали участие в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. – Иван, Семен и два Иннокентия.

Об Иннокентиях особый разговор.

Григорьев Иннокентий Николаевич. Дата бракосочетания 7 января 1915 г. Жених – крестьянин селения Ключевского, 36 лет, первым браком, невеста – дочь камчадала селения Ушковского Георгия Иоанновича Жировикова девица Ирина, 17 лет. Поручители: по жениху – Московский дворянин Всеволод Федорович Налетов и крестьянин селения Ключевского Христофор Семионович Ушаков; по невесте – крестьяне селения Ключевского Василий Кириакович Брагин и Григорий Иосифович Ушаков. Свящ. Михаил Ерохин с псаломщиком Ксенофонтом Михайловым. (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1915 г., ГАКК.)

Его сын: Григорьев Георгий Иннокентьевич, 1910 г. р., уроженец с. Ключи. Репрессирован. Работал бухгалтером и проживал в с. Средне-Камчатск Мильковского района. 23 января 1949 г. в возрасте 39 лет тройкой Пограничного поста объединенного государственного политического управления по Дальневосточному краю приговорен по ст. 58 параграф 10, ч. 1 и 121 к 7 годам лишения свободы. Приговор изменен на 3 года по ст. 121. Реабилитирован 23 сентября 1955 г. определением

военного трибунала Дальневосточного округа (КК «Камчадалы», с. Мильково).

Что удивительно (а, впрочем, на Камчатке это не такая уж и редкость), ключевской Иннокентий Григорьев – полный тезка петропавловского Григорьева: Григорьев Иннокентий Николаевич, мещанин г. Петропавловска, 24 года, сочетался браком 2 февраля 1911 г. Невеста – дочь мещанской вдовы г. Петропавловска Евдокии Киприановны Мутовиной девица Агрипина, 20 лет. Поручители: по жениху – крестьянин Тульской губернии Чернского уезда Никольско-Вяземской волости села Богородицкого Василий Тимофеевич Азарнов и Пермской губернии Силикамского уезда Пожевской волости Михаил Григорьевич Сукорглов; по невесте – Петропавловский мещанин Иван Трифионович Новограбленов и Александр Константинович Косыгин. Священник Иоанн Пось с дьяконом Архимом Соломон. (Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1911 г., ГАКК.)

Но есть и третий Иннокентий Григорьев, его имя мы обнаружили в поисках родственников репрессированного в 1930-х годах Григорьева Михаила Иннокентьевича, который родился 20 февраля 1901 г. в с. Мильково. Родители – младший фельдшер Иннокентий Егорович Григорьев (вероятно, старший сын лекарского ученика из с. Ключи Георгия Михайловича Григорьева, который к 1893 г. уже жил самостоятельно в с. Мильково) и законная жена его Евдокия Захаровна. Восприемники – крестьянин Мильковского селения Мартиниан Петрович Бобряков и жена священника Владимира Корякина Евдокия Николаевна. Таинство крещения совершал священник Иринарх Малахов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1901 год, ГАКК.)

Григорьев Михаил Иннокентьевич Родился в 1901 г., Камчатская обл., Мильковский р-н, с. Мильково; русский; образование 2 класса церковно-приходской школы; б/п; был объездчиком лесосеки «Лазо». Проживал: Мильковский р-н, с. Средне-Камчатск. Арестован 18 сентября 1937 г. Приговорен: Камчатский облсуд 6 февраля 1938 г., обв.: по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Умер в заключении 25 сентября

1938 г. Реабилитирован 16 июня 1961 г. Реабилитирован определением Судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР.

Вполне возможно, что это брат Михаила Иннокентьевича: Григорьев Захар Иннокентьевич, 1904 г. р., уроженец с. Толбачик. Репрессирован. Работал в личном хозяйстве и проживал в с. Средне-Камчатск. Арестован в с. Крутоберегово Усть-Камчатского района. Осужден 19 февраля 1938 г. Камчатским областным судом по ст. 58, параграф 7 УК РСФСР (вредительство). Приговор – 12 лет лишения свободы. 31 октября 1938 г. обвинение переквалифицировано на ст. 109 УК РСФСР (злоупотребление служебным положением), срок наказания снижен до 2-х лет лишения свободы. Сведений о реабилитации в деле не имеется. Дело хранится в УФСБ по Омской области, архивный номер 136381. Материал о судьбе Захара Иннокентьевича, подготовленный краеведческим клубом «Камчадалы» из села Мильково на форуме сайта «Камчадалы.ру». Обратите внимание на его «должность» – работник личного хозяйства, и переквалифицированное обвинение – «злоупотребление служебным положением». То есть обвинительные формулировки никого, по сути, не смущали – на них просто не обращали внимания.

Репрессирован и другой внук лекарского ученика Георгия Михайловича Григорьева: Григорьев Владимир Александрович. Родился в 1902 г., Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; русский; образование среднее специальное; б/п; являлся помощником начальника судоверфи Ключевского лесокombината. Проживал: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арестован 10 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 10 августа 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Расстрелян 22 августа 1938 г. Реабилитирован 1 июля 1958 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Сын Михаила Иннокентьевича Григорьева – Александр Михайлович, 1923 г. р., погиб в 1943 г. на Курской дуге, другой сын – Михаил Михайлович – участвовал в войне с Японией в 1945 г.

Долгое время мы ничего не знали о родственниках Захара

Иннокентьевича Григорьева, родившегося в с. Толбачик. Но на форум сайта «Камчадалы.ру» поступила очень интересная информация (с фотографиями) от его внучки:

«Я, Елена Матвеевна Григорьева, единственная дочь Григорьева Матвея Захаровича, старшего сына Григорьева Захара Иннокентьевича, среднего сына Григорьева Иннокентия Егоровича.

Мой дед – единственный из трех репрессированных братьев, который так и не был никогда реабилитирован. Более того, после его ареста семья так и никогда не узнала его судьбу. Я могу только полагать, что он, так же как и его старший брат Михаил, умер в тюрьме.

Мой отец был даже не призван на войну 1941 г. как сын врага народа.

Но в нашей семье есть еще одна загадка. У отца был еще один брат – Иннокентий Захарович Григорьев (1930–1934 г. р.), который пропал без вести в 1954 г., последнее жительство – г. Игарка и Кадиявка Красноярского края. Странно, что его имя даже не указано в списке детей Захара Григорьева. Сохранился ответ из Игарки, 1975–1978 гг., что мой дядя там никогда не был зарегистрирован. Если есть у кого-нибудь сведения – сообщите.

Жена Захара Григорьева – Мария Георгиевна (моя бабушка) – имеет ительменские корни, поэтому все их отпрыски, и я в том числе, имеем характерные ительменские черты, в девичестве Бобрякова (семейство, также очень сильно пострадавшее от репрессий 1938–1950 гг.).

У меня есть фото Георгия Иннокентьевича Григорьева (единственный из братьев, который вернулся из заключения), датированное 1969 г., с дарственной подписью моему отцу – его племяннику. Если кто-то имеет в своем архиве фото моего деда или бабушки, пожалуйста, выставите на сайт.

Мой прадед был врачом и поэтому был обязан участвовать в военных действиях по профессии (не думаю, что на Камчатке было много врачей в то время):

Григорьев Михаил Иннокентьевич. Дата рождения: 20 февраля 1901 г. Родители – младший фельдшер Иннокен-

тий Егорович Григорьев и законная жена его Евдокия Захаровна.

Отцом младшего фельдшера Иннокентия Егоровича (Георгиевича) Григорьева, возможно, является Григорьев Георгий Михайлович (1855 г. р.). Лекарский ученик, с. Ключи, 1893 г., 38 лет.

Сыновья – Михаил (13 лет, 1880 г. р.) и Александр (12 лет, 1881 г. р.), две дочери.

Год рождения младшего фельдшера Иннокентия Егоровича должен быть не позже 1882 г., т. к. его первый сын уже родился в 1901 г. и тогда бы ему было бы 19 лет. Также как моему деду Захару (1904 г.) было 19 лет, когда родился первенец – мой отец Матвей (1923 г.).

Значит, на 1893 г. у Григорьева Георгия (Егора) Михайловича было две дочери и три сына. Либо Михаил или Александр и есть тот самый Иннокентий, так как при крещении давалось еще и церковное имя в добавление к обиходному. Скорее всего, это Михаил, так как есть еще Владимир Александрович (потомок Александра), но ничего нет о потомках Михаила, зато есть аж три Иннокентьевича, т. е. был Иннокентий-Михаил (1880 г.), у которого потом были сыновья Михаил (1901 г. р.), Захар (1904 г. р.) и Георгий (1910 г. р.).

Григорьев Матвей Захарович (мой родной отец, родной сын Григорьева Захара Иннокентьевича) 23 июня 1923 г. р., уроженец с. Толбачик. Умер 6 июля 1996 г. в г. Петропавловске-Камчатском (запись 1268 от 8 июля 1996 г. в книге регистрации актов о смерти). Работал слесарем-сантехником-строителем в Камчатморгидрострое (лично строил дома между 6 и 9 км г. Петропавловска-Камчатского). Прожил совместно на Камчатке 49 лет и 7 месяцев с Григорьевой Анной Никитичной (девичья фамилия Залукаева). Родилась 12 декабря 1927 г. в г. Тамбове, работала бухгалтером, умерла 24 декабря 1998 г. в г. Петропавловске-Камчатском (запись 1815 от 25 декабря 1998 г. в книге регистрации актов о смерти).

Когда Захар Григорьев был арестован, моему отцу было всего 15 лет, на его попечении как старшего в семье остались

мать Мария Георгиевна, вдовая бабушка Евдокия Захаровна, младшие Ульяна, Евгений, Георгий, Иннокентий (6–7 лет)».

Сама Елена Григорьева проживает сейчас в Канаде, в Торонто. Вот ее последнее письмо на форуме сайта «Камчадалы.ру»: *«Потратила не один день на создание камчатского фамильного дерева. Выкладываю для всеобщего просмотра. В базе более 150 человек, включая камчатские фамилии Бобряковы, Григорьевы, Карелины (Корелины), Коркины, Толман, Трофимовы, Ушакевич и др. База создана на основании моего семейного архива и этого уважаемого сайта. Некоторые данные возможно неточны (год и место рождения). www.legri2402.myheritage.com».*

ГУСЕВЫ (ГУСОВЫ)

В 1903 г. в архивных документах появляется фамилия Гусова: Гусов Василий Иоаннович, крестьянин Нижнекамчатского селения, 1903 г. Вероятно, это опечатка или ошибка в написании фамилии, так как в течение XIX века мы встречаем в архивных материалах несколько записей о фамилии нижнекамчатских крестьян Гусевых: Гусев Василий Павлович. Крестьянин в Нижнекамчатске, 1812 г., 29 лет. Жена Василиса (21). Сын Афанасий (2). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Гусев Василий Васильевич. Государственный крестьянин в с. Нижнекамчатске, 36 лет. Жена Татьяна Петровна (35). Дочь Евдокия (13).

Гусев Иван Васильевич. Государственный крестьянин в с. Нижнекамчатске, 23 года.

Гусева Васса Григорьевна. Вдова государственного крестьянина в с. Нижнекамчатске, 54 года. (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Дальнейших сведений об этой фамилии у нас нет.

ГУСЕЛЬНИКОВЫ

На Камчатке, по сообщению С. П. Крашенинникова, был служилый человек Тимофей Гусельников. Фамилия в даль-

нейшем здесь не сохранилась. Но любопытная история происхождения фамилии сибирских землепроходцев Гусельниковых.

В числе сибирских землепроходцев был двинянин Василий Гусельников. На другой стороне Северной Двины, вблизи Телегова, находится бывшая Юрьев-Наволоцкая волость. Здесь деревня Омельяновская – родина братьев Гусельниковых. Выходцы из крестьян, братья Гусельниковы из Юрьева Наволока в середине XVII века были известны в Московском государстве в числе северян, осваивающих Сибирь, хотя и не полностью порвавших связь с деревней. Василий Федотович Гусельников, известный под прозвищем Скорая запись, впервые отправился в Сибирь в 1628 году и с тех пор много путешествовал по Ямалу, Нижней Тунгуске, Пасине, Мангазее, заготавливая соборы, строил кочи в устьях сибирских рек. В 1654 году был таможенным головою в Архангельске. А началось все с того, что Василий Гусельников – (по прозвищу «Скорая запись») – нанялся в приказчики к богатому московскому купцу Афанасию Левашеву. Его деятельность была настолько заметной, что уже в 1630 году он был включен в состав гостиной сотни и среди торговых людей на Мангазее занимал одно из первых мест. Одновременно он состоял и на государственной службе – был казачьим десятником. Братья Василия – Афанасий и Гурий – также преуспевали в торговых делах Сибири. Племянники – Михаил Стадухин и Михаил Стахеев – землепроходцы. Михаил Стадухин в 1643 году поставил зимовье на Колыме, Нижне-Колымский острог (это примерно в 20 км от современного Нижне-Колымска). Интересно, что Семен Дежнев во время своего исторического похода шел на коче Гусельникова. ...Еще в 30-х годах Семен Дежнев должен был встречаться в Сибири и со своим земляком – Василием Федотовым Гусельниковым, по прозвищу Скорая запись. В то время Василий Скорая запись не был таким богачем, каким он прослыл впоследствии, когда помогал деньгами и людьми мореходам, снаряжавшим плаванья на Северо-Восток. Скорая запись происходил из устюжских мужиков и родился он в деревне Омельяновской, что на Юрьевом наволоке. В 1629 году разбойники разграбили и сожгли родовое гнездо

до Гусельниковых, и Скорая запись пошел на заработки в Сибирь, приказчиком московского купца Афанасия Левашева. Василий Федотов Гусельников появляется в соболиных краях, и вскоре его хорошо знает вся Мангазея как опытного торгового человека. О Василии Скорой записи много сказано в статье профессора С. В. Бахрушина «Торговые крестьяне в XVII веке» (РАНИОН, Институт истории, «Ученые записки», т. V, 1929, с. 246 и др.). С. В. Бахрушин установил год смерти Василия Федотова Гусельникова (1654). Скорая запись умер «у государевых дел», купчиной торговой сотни. Перед смертью Гусельников принял имя Вассиана, постригшись в монахи. Афанасий и Гурий, братья Скорой записи, тоже бывали в Сибири, возили в Мангазею хлебные запасы, скупали соболей. У них были свои морские кочи. Гусельниковы должны были знать Дежнева, Хабарова, Стадухина и других устюжан, своих земляков, еще с 30-х годов. В 1649 году, через год после Дежнева, Михаил Стадухин и Василий Бугор сделали попытку повторить его поход, но в сентябре вернулись на Колыму, не сумев пройти на Анадырь морем. Даже короткое знакомство с родом Гусельниковых позволяет сказать, что они внесли заметный вклад в освоение Сибири, хотя и преследовали при этом свою цель – обогащение. Несмотря на крупные доходы, получаемые с сибирских торгов, Гусельниковы продолжали жить в своей деревне. И только Афанасий Федотович под конец приобрел дом в Великом Устюге, в районе покотины и кирпичных сараев, и тратил свои огромные средства на постройку и украшение собора Прокопия Праведного. Кроме того, он приобрел деревню Ивашево, что за рекой Сухоней, против Устюга. Доходы от деревни тоже шли в кассу Прокопьевского собора. Такова краткая история о Гусельниковых, простых крестьянах, ставших купцами и видными людьми государства Московского. Семену Дежневу не удалось морское плавание 1647 года. Торговые люди Нижнеколымска подали таможенному целовальнику Петру Новоселову челобитную, просили отпустить Федота Алексея Попова и иных на «новую Анадырскую реку». Проглядев челобитную своим единственным глазом, Новоселов узнал, что при-

казчики хотят, чтобы с ними пошел Семен Дежнев для «государевых всяких дел». Дежневу дали «наказную память». Четыре коча вышли в море. Каких мест они достигали, неизвестно, но вскоре Дежнев и Федот Попов вернулись на Стадухинскую протоку, горюя о том, что путь на заветный Анадырь был закрыт великими льдами. Но добытчики «рыбьего зуба» не унывали и ждали времени, когда морская дорога освободится от крепких торосов. И время это наступило. В 1648 году на Колыму морем пришел боярский сын Василий Власьев, один из главных разоблачителей преступлений воеводы Головина. С ним прибыл таможенный целовальник Кирилл Коткин, сменивший Новоселова-Кривого. Подготовка морского анадырского похода перешла в их руки. Устюжские богачи Федотовы Гусельниковы принимали большое участие в поисках новых земель. Удивительно, что в 1648 году, после того, когда в Устюге Великом раздался колокольный сполох и посадские люди вместе с судовыми ярыжками кинулись разбивать дворы купцов, Гурий Федотов Гусельников был привлечен к следствию как подстрекатель мятежа. Но это никак не отразилось на его брате. Василий Скорая запись, находясь при архангельском корабельном пристанище и при других торгах, менял соболей на фряжские вина, продавал «рыбий зуб» за «аранские» золотые. Когда нижнеколымцы стали готовиться к плаванию на Анадырь, гусельниковские приказчики немедленно примкнули к Федоту Алексееву Попову и Дежневу. Тут откуда-то появились беглые молодцы из ватаги Василия Бугра – служилые Иван Пуляев и Павел Кокоулин. Иван Пуляев до службы в Якутске и побега оттуда жил на устье Куты, где приторговывал бревнами. У него брали строевой лес для казны. При постройке кочей для анадырского похода Пуляев был очень полезным человеком. Прост на вид коч, но построить его было не легко. Деревянный кит собирался из досок. Жилами его были ивовые корни, суставами – большие деревянные гвозди. Серебряным тундровым мхом конопатили щели меж досок, покрывали их смолой-живицей. На кочах под парусами ходили только при попутном ветре. Если не было доброго ветра, мореходам приходилось натруживать

ладони громоздкими веслами. И вот шесть новых кочей стоят на Колыме, и обитатели острога готовятся к проводам смелых мореходов. В челобитной Семена Дежнева от 1662 года сказано ясно, что на шести кочах с ним вместе отправились девяносто служилых, промышленных и торговых людей. Торговыми делами в походе ведал Федот Алексеев Попов. Дежнев должен был смотреть за сбором ясака, искать новых «неясачных людей», а со своих спутников брать десятую долю добычи в государеву казну. Считают, что Герасим Анкудинов был помощником Дежнева, и это, пожалуй, похоже на правду. Дежнев потом писал о Герасиме как о служилом человеке, но не о своем начальнике. А сам Дежнев считал, что он служит уже, по крайней мере, со времени своих колымских подвигов «приказным человеком вместо атамана». Федот Попов со своей ясырной якутской женой плыл отдельно от Дежнева, Герасим Анкудинов тоже находился сам по себе на одном из кочей. С Дежневым же было двадцать пять человек. Подняты каменные якоря, скрипят тяжелые весла, и 20 июня 1648 года все шесть деревянных китов медленно идут вниз по Колыме до моря. Там они, качаясь, зарываясь в океанские волны, поднимаясь на синие хребты океана, начинают свой путь к Аниану...

(<http://www.v-ustug.ru/books/PP/14.html>; <http://lib.rus.ec/b/94796/read>)

ГУТОРОВЫ

Это достаточно известная фамилия в истории освоения Северо-Востока России. Походы из Якутска на Камчатку в начале XVIII века были уже обычными, однако сухопутный путь вдоль побережья Охотского моря в обход Пенжинского залива был труден и длителен, а путь с севера, через Анадырский острог, еще и очень опасен. Открытие морского пути на Камчатку становилось для России жизненно необходимым. Отсюда открывалась возможность плаваний по Тихому океану в поисках новых земель и приведения в подданство России новых народов, платящих ясак в российскую казну. 17 марта 1710 г. сибирский губернатор М. П. Гагарин предписал якут-

скому воеводе Д. А. Траурнихту: «С Ламы проведывать чрез море путь на Камчатку» («Памятники Сибирской истории XVIII в.». СПб, 1885, кн. 2, с. 522). В 1711 г. охотский приказчик П. Гуторов, посланный Траурнихтом, добравшись до Тауйского острога, пытался достичь Камчатки морем. На ботах-однодеревках, совершенно не приспособленных к дальним морским плаваниям, путешественники дошли, преодолев 500 верст, до устья р. Иглигак (ныне р. Сиглош), где и закончилось неудавшееся плавание, которое повторят уже архангелогородские мореходы, проторив морскую дорогу на Камчатку.

Казачья линия камчатской фамилии Гуторовых, возможно, прервалась в 1746 г., когда служилый Зосим Гуторов был убит восставшими коряками («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.», Л., 1935 г., стр. 100).

Но сохранились многочисленные ветви этой фамилии, пушенные уже крестными сыновьями казаков Гуторовых.

По Исповедальным росписям 1893 г. мы находим:

Гуторов Иоанн Павлович, камчадал с. Карагинского, 41 год.

Гуторов Пантелеймон Федорович, камчадал с. Дранка, 29 лет.

Гуторов Роман Данилович, камчадал с. Холюлинского, 42 года.

Гуторов Фотий Афанасьевич, камчадал Ганальского селения.

Гуторова Ульяна Моисеевна, селение Коряки, вдова камчадала, 53 года.

ДАНИЛОВЫ

Происхождение этой фамилии более чем прозрачно: Данилов Петр, из якутских казачьих детей, дьячок Большерецкой церкви, в 1745 г. прибыл на Камчатку в составе Камчатской духовной миссии архимандрита Камчатского.

Эта фамилия прижилась в Хайрюзово.

Данилов Александр.

В 1902 г. в Хайрюзово на средства местного населения была выстроена школа. Первым учителем в ней стал ительмен-самоучка Александр Данилов, который выучился грамоте по церковно-славянской азбуке.

Даниловы Алексей, Илья, Степан – участники обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Данилов Максим. Камчадал с. Харьюзовского, 42 года. Дети: Николай (20), Александр (16), Стефания (14), Мария (11).

Данилов Петр Федорович. Камчадал с. Харьюзовского, 47 лет. Дети: Федор (27), Иван (18), Георгий (15), Макей (12), Прокопий (4), Иван (8), Анна (21). (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК.)

Данилов Федор Иванович. Родился в 1900 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Хайрюзово; ительмен; неграмотный; б/п; был членом охото-рыболовецкого колхоза. Проживал: Тигильский р-н, с. Утхолок. Арестован 14 сентября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 17 марта 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Расстрелян 20 мая 1938 г. Реабилитирован 24 июня 1959 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Данилов Сергей Петрович. Родился в 1906 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Хайрюзово; ительмен; образование 2 класса сельской школы; б/п; был членом охото-рыболовецкого колхоза «Красный партизан». Проживал: Тигильский р-н, с. Напана. Арестован 22 марта 1952 г. Приговорен: Корякский окротдел МГБ 11 марта 1953 г., обв.: по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР. Приговор: 25 лет с поражением в правах на 5 лет. Определением Судебной коллегии по уголовным делам ВС СССР от 19 июня 1953 г. мера снижена до 10 лет. Освобожден 22 октября 1954 г. Реабилитирован 2 сентября 1992 г. Реабилитирован заключением помощника Генпрокурора РФ.

Но на Камчатке была отмечена и русская старожильческая фамилия Даниловых, проживающих в селении Авача:

Данилов Кирилл Кириллович. Авача, крестьянин, 1893 г., 33 года. Брат Федор Данилов (37). Жена брата Татьяна Степановна. Дети: Петр (5), Ксения (2 года – Ксения Федоровна Данилова (Занина) 5 октября 1908 г. вступила в брак с крестьянином Авачинского селения Заниным Венедиктом Андреевичем). Племянник Павел Николаевич Новгородов (17). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Появление этой фамилии в селении Авача, возможно, связано с расформированием Камчатского гарнизонного батальона (Сомовского полка) в 1812 г., когда желающие остаться на Камчатке были переведены в крестьянское (или мещанское) сословие: Данилов Петр Васильевич, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 25 лет.

Из рода Даниловых: Данилов Михаил Степанович. Родился в с. Хайрюзово. Известный на Камчатке капитан МРС колхоза XX партсъезда (с. Апука). Закончил Петропавловск-Камчатское мореходное училище, работал на различных судах. С 1981 г. в Апуке.

ДЕХТЕРЕВЫ (ДЕКТЕРЕВЫ, ДЕГТЕРЕВЫ)

Первое упоминание этой камчатской фамилии мы находим у С. П. Крашенинникова: «Из Верхнего Камчатского острога поехали генваря 2 дня 1739 года часах в 10 поутру... Билькугу речка (рядом с Верхнекамчатским острогом. – С. В.) от устья Шачалмынки речки в версте, вышла верстах в 25 из болот и от переезду верстах в 2 в протоку, Кильчюнгучичь (Комаристая) называемую впала. Мы вниз по ней почти до устья ехали, в полуверсте ниже устья ее над Комаристою протокою есть летовье служивого Дехтерева, строения в нем 4 балагана да 3 сарая разных служивых, в том числе и его Дехтерева 1 балаган да сарай» («Описание земли Камчатки», М, Л, 1949 г., стр. 655).

Служили Дехтеревы и в Большерецком остроге, почему и появилась эта фамилия на западе (1749 г. – Облуковина), юго-западе Камчатки и Курильских островах. В 1773 г. еще существовало селение Озерновское (Большерецкого ведомства острога Озерновского), в котором жил камчадал Сидор Борисович Дехтерев, ставший нам известным как член промысловой артели на судне «Св. Евпл», которое отправлялось на зверобойный промысел к берегам Северной Америки.

Дехтеревы, как и Бутины, – потомки курильских камчадалов, переселившихся на Камчатку в 1878 г. и основавших села Явино и Гольгино. Правда, в селении Коряки также проживали Дехтяревы, но, как выясняется, корякские Дехтеревы –

это, скорее всего, выходцы с юго-западного побережья Камчатки: «В 1841 г. приказом начальника Камчатки было предписано “съ остроковъ съ Гольгинскаго и Явинскаго въ остроки въ Начику и в ганалы по три человѣка для отбивания там каюрной Гоньби... с Явиной в Начику 3 человека, а именно: василей дехтерев, Петръ Лукошевский и василей Лукошевский ... съ Гольгинскаго селѣнья в Ганалы 3 человѣка: Степан Заевъ, Прокопей Марковъ, Илья Сторозевъ”. В 1843 г., как сообщил Апачинский удельный старшина, “съ Явино Камчадалы Петръ и Федоръ с синомъ Николаемъ Лукошевския переведѣны въ Ганалы... на постоянное жительство” (Браславец К. В., «Диалектологический очерк Камчатки»).

Дехтярев (Дехтерев) Владимир Алексеевич, камчадал селения Коряки, 1893 г., 41 год. Жена Дарья Александровна (39). Дети: Евдокия (15), Екатерина (13), Лев (10), Евдокия (7), Нина (5), Михаил (4), Вера (2). С ними проживал Гавриил Варфоломеевич Елагин (59 лет, вероятно, родственник). (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.)

Самое активное участие приняли курильские камчадалы в обороне Камчатки от японских оккупантов. В архивах мы нашли документы о награждении одного из явинских Дехтеревых: Дехтерев Иван награжден Георгиевским крестом 4-й ст. за участие в боевых действиях в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Возможно, произошла ошибка с именем, и это не Иван, а Дехтярев Василий, который при отражении японцев 10 июля 1905 г. на р. Апале (Опале) получил 11 ножевых ран (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129)...

ДЕМИДОВЫ

Обратимся сначала к одной записи в официальном документе: Демидов Исаия Яковлевич, камчадал Толбачинского селения, женился 12 января 1915 г. на дочери камчадала села Козыревского Афанасия Черных Евдокии.

Но эта информация, скорее всего, не точна.

Вот другая запись: Демидов Исай Яковлевич. Род. 15 мая

1885 г. Родители – Мильковский крестьянин Яков Петрович Демидов и законная жена его Макрина Андриановна. Восприемники – Мильковский крестьянин Иван Александрович Иванов. Свящ Иван Титов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1885 год, ГАКК.)

Но есть и другие документальные записи, в которых Исай Яковлевич снова определен камчадалом.

Ушакевич Викентий Максимович, крестьянин Вилинской губернии, 19 лет, сочетался законным первым браком 25 января 1912 г. Невеста – дочь крестьянина Мильковского селения Максима Евстафьевича Бобрякова – девица Екатерина Максимовна, 26 лет. Поручители: по жениху – крестьянин Толбачинского селения Стефан Онисифорович Бушуев и камчадал Толбачинского селения Исай Яковлевич Демидов; по невесте – крестьянин Енисейской губернии Захарий Павлович Шопшин и крестьянин Томской губернии Иван Иванович Бурков. Свящ. протоиерей Даниил Шерстенников. (Метрическая книга Мильковской церкви за 1912 год, ГАКК.)

А в списке участников обороны Камчатки Демидов Исай, всадник конной дружины, числится жителем с. Мильково.

То есть на самом деле толбачинский камчадал Демидов – это мильковский крестьянин Демидов, который по какой-то причине был переселен в село Толбачик. Именно переселен – самостоятельно в то время переселяться никто на Камчатке не смел и не мог. Одна из версий: Толбачик – малая родина его матери, которая в девичестве носила фамилию Слободчикова и, скорее всего, родом из толбачинских Слободчиковых.

А вот и дальнейшие подробности этой мильковской фамилии:

Демидов Яков Петрович. Мильковского селения крестьянин, 1893 г., 35 лет. Жена его Макрина Андриановна (Слободчикова) – 33 года. Дети их: Исаак – 7 лет, Иван – 6 лет, Агрипина – 1 год. (Выписка из исповедальной росписи Мильковской церкви за 1893 г., ГАКК.)

Демидов Василий Яковлевич. Родился 29 декабря 1910 г. Родители – крестьянин Мильковского селения Яков Петрович Демидов и жена его Ирина Михайловна (Бобрякова).

Восприемники – личный гражданин Николай Александро-

вич Благовидов. Священник Павел Ворошилов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1910 г., ГАКК.)

Патриарх рода камчатских Демидовы – Яков Петрович – был женат дважды и имел десять детей (по сообщению представителя этой династии Ольги Толочко).

Информация от Ольги Толочко:

«От первого брака Иакова Петровича, кроме Исаия, Ивана и Агрипины, родились еще Амвросий, 1895 г. р., и Илларион, 1898 г. р.

От второго брака Демидова Иакова Петровича и Бобряковой Ирины Михайловны родились дети:

1. Антон, 1904 г. р.
2. Иван, 1907 г. р.
3. Василий, 1910 г. р.
4. Серапион, 1914 г. р.
5. Варвара, 1916 г. р.

Все дети родились в с. Мильково.

Дети Антона Яковлевича Демидова:

1. Агрипина (02.02.1927–01.03.2003).
2. Екатерина (20.09.1930–?).
3. Михаил (6.10.1932–?).
4. Ирина (29.06.1935–?).
5. Владимир (20.08.38–?).
6. Анна (20.08.1940–?).
7. Анатолий (1942–09.05.1970–1972 (?)).

Как и когда появились Демидовы на Камчатке, до сих пор остается неизвестным.

На форуме сайта «Камчадалы.ру» есть информация к размышлению о происхождении этой камчатской фамилии от Ольги Толочко:

«Есть непроверенная информация, что первый Демидов на Камчатку прибыл с ученым Адольфом Эрманом. От Демидова и камчадалки родилось два брата-близнеца, крещенные Демидовыми (информация от Эльзы Сергеевны Дяченко, краеведа, что живет в настоящее время в Краснодаре).

Каким образом ее проверить? Есть ли перевод отчета Эрмана о его пребывании на Камчатке? Насколько мне известно,

он написан на старогерманском языке. Каковы перспективы перевода? Есть большая надежда, что в этом материале есть информация о первом Демидове, если он действительно при- был на Камчатку с этим ученым.

В 1905 г. на Камчатке был потомок Демидовых Елим Деми- дов, который вместе с женой на лошадях прошел путь от Ко- ряк, через Тимоновские источники, через перевал мимо озера Авачинское до озера Дальнего. Мне удалось в свое время по- знакомиться с картой, в которой озеро Дальнее называлось озе- ром Демидова. Надо полагать, что озеро Демидова было пере- именовано в озеро Дальнее в советское время. Как оно называ- лось до того, как было названо озером Демидова, мне неизвес- тно. Есть книга-отчет Елима Демидова о путешествии по Кам- чатке, изданная на английском языке. В настоящее время осу- ществляется перевод этой книги в Москве. Автору этих строк удалось пройти этим маршрутом в 1991 г., побывав на озере Демидова. Поход сопровождался невероятными событиями».

То есть история появления фамилии Демидовых на Камчат- ке так и не раскрыта и еще ждет своего исследователя.

ДЕСЯТКИНЫ

У нас очень мало информации по этой фамилии: Десяткин Хрисанф Кузьмич, камчадал селения Коряки, 1893 г., 35 лет. Жена Елена Владимировна (25). (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.)

Косвенно на вопрос о происхождении этой фамилии может ответить существование такой же фамилии в селении Авача, где проживали (в том числе) и потомки камчатских казаков, приписанных к крестьянскому сословию. Но подтверждения этой версии у нас пока нет.

Десяткин Андриан Иванович, Авача, крестьянин, 1893 г., 26 лет.

ДЖОНСОНЫ

Эту камчатскую фамилию мы обнаружили в Базе данных о жертвах репрессий Камчатской области: Джонсон Георгий Иванович. Родился в 1912 г., г. Петропавловск-Камчатский;

швед; образование 5 классов средней школы; б/п; был пионервожатым школы. Проживал: Большерецкий р-н, с. Соболево. Арестован 9 июля 1938 г. Приговорен: Камчатский облсуд, 4 августа 1939 г., обв.: по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: 8 лет с поражением в правах на 3 года. Реабилитирован 15 июня 1956 г. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

Больше никаких сведений о представителях этой фамилии на Камчатке у нас нет.

ДИВЕЕВЫ

История этой камчатской фамилии начинается с 1915 г.: Дивеев Сионий Андреевич.

Родился 21 января 1915 г. Родители – отец гражданин Андрей Иванович Дивеев и жена его Мария Александровна. Восприемники – селения Гольгино камчадал Дмитрий Дмитриев Игнатьев и жена камчадала Алексия Конева – Татьяна Иннокентьевна. Священник Михаил Нежинцев. (Выписка из метрической книги Большерецкой церкви за 1915 г., ГАКК.)

Для 1915 года слово «гражданин» – значило «почетный гражданин» и, как правило, указывало на то, что носитель этого звания происходил из семьи священнослужителей.

ДОКУЧАЕВЫ

Информация из архива: Докучаев, 1838 г., житель с. Ключи (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 145).

Фамилию крестьян Докучаевых, проживающих в с. Ключи, затем и в селении Кресты (по сути, выселки с. Ключи) мы находим и в Исповедальной книге Ключевской церкви за 1893 г.

То есть это русская старожильческая фамилия крестьян Докучаевых.

В то же время мы встречаем в Исповедальных росписях и других архивных документах фамилии камчадалов (аборигенов) Докучаевых:

Докучаев Григорий Лаврентьевич, Машурского селения камчадал, 1893 г., 35 лет. Жена его Марфа Егоровна – 30 лет. Сын Савва – 8 лет (Выписка из исповедальной росписи Мильковской церкви за 1893 г., ГАКК). Савва Докучаев – участник

обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Ичинская дружина), с. Машура. Есть подробности о его семье: Докучаева (Чуркина, Галямова) Марфа Саввична. Род. 22 ноября 1912 г. Родители – камчадал Машурского селения Савва Григорьевич Докучаев и жена его Екатерина Васильевна. Восприемники – жена Мильковского крестьянина Василия Иоанновича Толмана – Иулита Семеновна. Свящ. Павел Ворошилов с псаломщиком Федором Шишкиным. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1912 г., ГАКК.)

У Григория Лаврентьевича были дети и после 1893 г.: Докучаев Николай Григорьевич. Дата рождения 2 марта 1908 г. Родители – камчадал Машурского селения Григорий Лаврентьевич Докучаев и законная жена его Мелания Андриановна. Восприемники – камчадал Машурского селения Иннокентий Стефанович Мерлин. Таинство крещения совершал священник Иринарх Малахов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1908 год, ГАКК.)

Докучаев Иоанн Ефериевич. Камчадал Ушковского селения, 1907 г. (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1907 г., ГАКК.)

Мы уже неоднократно сталкивались с фактами переселения ключевских и мильковских крестьян в аборигенные селения с записью их в камчадалы. Скорее всего, мы снова сталкиваемся с подобным явлением, и все камчатские Докучаевы происходят из единой ключевской семьи русских крестьян Докучаевых. Но окончательно подтвердить эту версию должны архивные документы.

Обратим внимание, например, вот на это сообщение: Докучаева Мавра Ивановна. Родилась 30 апреля 1911 г. Родители: отец – камчадал селения Ушковского Иван Ефериевич Докучаев и жена его Евфимия Феодоровна.

Восприемники – крестьянин селения Ушковского Афанасий Зионович Кречетов и вдова камчадала того же селения Гликерия Матвеевна Варганова. Священник Павел Ворошилов. (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1911 г., ГАКК.)

Чем интересно это сообщение? Тем, что жителем Ушков

является ключевской крестьянин Кречетов, которого в Ушках еще не переписали из крестьян в камчадалы, как это сделали уже в Козыревске и с Кречетовыми, и с Рыковыми (см. «Рыковы»), и с Докучаевыми.

ДОЛООКОЛОВЫ

Эту фамилию мы встречаем в списках участников обороны Камчатки 1904–1905 гг. в Петропавловской дружине: Долооколов Ф. Более ни об этой фамилии, ни об этом человеке мы пока не обнаружили никакой информации.

ДОНСКИЕ

Патриархом камчатского рода священнослужителей Донских был Донской Петр Апполинариевич – протоиерей Петропавловского собора. Родился в Ярославле 21 декабря 1830 г., скончался в Петропавловске 16 июня 1902 г., в священническом сане был 49 лет, прослужил из них 26 лет на Камчатке в должности настоятеля Петропавловского собора и благочинного камчатских церквей.

Данные из Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 г.:

Донской Петр Апполинариевич, протоиерей Петропавловской церкви, жена – Любовь Федоровна. Сын Сергей (женат вторым браком). Жена – Мария Алексеевна. Дети Александра (9), Николай (5), Петр (3). Второй сын – Павел (28 лет, вдов.). Старший сын – Донской Владимир, 1885–1887 гг., священник на острове Беринга (регистрация по Петропавловскому собору).

Донской Сергей Петрович, 1887 г., Петропавловский порт, потомственный почетный гражданин.

Донская (Осьминина) Любовь Сергеевна (Осьминин Яков Филиппович, житель с. Коряки, 30 лет. Зарегистрировал свой брак 4 мая 1923 г. с Любовью Сергеевной Донской (15 лет, 11 мес.).

В Петропавловске в 1893 г. проживал крестник семьи Донских – Донской Николай Павлович, кореец. Петропавловский мещанин, 1893 г., 30 лет. Жена Антонида Иннокентьевна (19). Дочь Мария (4 мес.). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Крестным отцом, судя по отчеству, Николая Павловича был Павел Петрович Донской, второй сын протоиерея, живший с отцом.

ДУРЫНИНЫ

Фамилия старинная, казачья. Были Дурынины и мореходами: Дурынин Никита, квартирмейстер, казак, участник экспедиции Креницына-Левашева к берегам Америки в 1768 г. (Алексеев А. И. «Судьба Русской Америки», Магадан, 1975 г.).

Патриарх рода камчатских казаков Дурыниных – Дурынин Никита, служилый человек, из числа русских первопоселенцев.

«Впервые ительменский острожек, стоявший на берегу реки Купки, был разгромлен еще в 1707 г. отрядом И. Таратина, подавившим выступление “авачинских изменников” против русских. В 1713 г. по приказу Ивана Енисейского отряд из 120 служивых и 150 камчадалов под командой Никиты Дурынина вышел в поход на авачинских изменников, убивших годом ранее Данилу Анциферова и 25 его спутников. В ходе этого вояжа был осажден и разрушен и этот новый Паратун-острожек... Изменники сидели в осаде в таком крепком остроге, что казаки недели с две стоять под ним принуждены были, и два раза приступали безо всякого успеха, наконец огнем сожгли, и всех камчадалов, которые выбегали во время пожара, побили, оставив токмо тех, которые до зажжения к ним вышли, и ясак платить обещались. То же учинили они и с жителями Паратуна острожка, который приступом взяли. С того времени Авачинские камчадалы начали ясак платить погодно, а прежде служивые довольны бывали тем, что камчадалы им давали, и то не повсягодно, ибо они по большей части были в измене» (С. П. Крашенинников, стр. 842).

Казаки Дурынины участвовали в подавлении Харчинского бунта в 1731 году: *«На р. Воровскую и далее посланы были служилые для усмирения. Одних примирили и ясак взяли, других на бою побили; а иные сами кололись и давились. Но на р. Харюзовой построен был крепкий острог, которого русские не могли взять и воротились, не усмиривши камчадалов. После того из Большерецка послан был туда пятидесятник*

Штинников с служилыми Соловьевым, Герасимовым и Дурьинным; а всех в походе было русских 50, да иноземцев 30 человек. Поход начался с Воровской, потом по Облукоминской и кончился на Белоголовой. Во время этого похода перебито и переколото иноземцев без всякой причины человек 170; в плен взято жен и детей их 220; да в живых осталось человек до 100. Сопrotивление показали только на р. Воровской. Здесь убито с оружием в руках человек 15, а прочих невооруженных связывали и из рук кололи, хотя они не показывали русским никакого сопротивления» (Сгибнев, «Очерк...»).

Ненароком попал один из казаков Дурьинных в эпицентр Большерецкого бунта 1771 г.: *«Испуганный стуком в дверь сын Нилова бросился в объятия отца, как бы предчувствуя с ним вечную разлуку, а потом спрятался в отхожем месте. Выломав двери, бунтовщики с криком: “Режь, лови, вяжи!” бросились на находившихся в нем. Нилов три раза прокричал: “Караул!” и затем пал мертвым под ударами преступников. Найдшиеся в доме Нилова казаки и камчадалы были связаны и отправлены на гауптвахту, за исключением спрятавшегося сына Нилова и казака Дурьинина, сидевшего незамеченным под столом. Потом бунтовщики завладели казенными деньгами, пушками и другими военными запасами и в четвертом часу утра подошли к дому сотника Черных, где выломали дверь; но услышав внутри дома выстрел, пустили в окна его до 40 пуль из ружей и пистолетов и поставили к дверям пушку. Когда же все жившие в доме выбежали на двор, Беньевский приказал взять Черных и отвести его под стражу. Найдшиеся в том же доме лавку купца Казаринова с ружьями, свинцом, разными железными изделиями и продовольственными припасами разграбили, а самого Казаринова отправили под караул. Казаринов видел по дороге еще две пушки, поставленные между его лавкою и канцеляриею. На гауптвахте он нашел арестованных: штурманского ученика Софьина, купца Казаринова (однофамилец первому), сержанта Лямзикова, пятидесятника Потапова и потом были еще введены казак Черных и купец Шапкин. На часах стояли, как на гауптвахте, так и в канцелярии работники Холодилова.*

С рассветом сотника Черных приковали к стене». (Штейн. «Самозванец Мадагаскарский»).

То же событие, но в новой редакции: *«Нилов три раза успел крикнуть, призывая вестовых, и замолк – ему изрезали ножом левую руку, лицо под ухом пробили насквозь и нанесли глубокую рану в ногу. Мертвое тело, покрытое кровоподтеками и кровью, выволокли в сени и там бросили. Сержанта и прочих людей перевязали и стащили на гауптвахту, кроме казака Дурынина, притаившегося под столом. Отсюда заговорщики, овладев казною, двумя пушками и военными припасами, направилась в третьем часу ночи к дому сотника Черных, где натолкнулись на сопротивление: сын сотника, казак Никита Черных, долго сдерживал толпу, а когда двери были выломаны, стрелял по ним из ружья. В ответ посыпалось более 40 пуль чрез дверь и окна из ружей и пистолетов. Черных был взят и посажен под стражу, жена с детьми и престарелый отец подверглись поруганию. Затем Беньовский водворился в присутствии большеиерецкой канцелярии, распорядился действиями мятежников на правах полного начальника, велел священнику Семенову похоронить капитана Нилова, а народ привести к присяге на верность подданства государю Павлу Петровичу, что и было исполнено».*

(<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XVIII/1760-1780/Stein/text1.phtml...>)

В 1812 г. мы видим потомков камчатских казаков в числе воспитанников отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона: Дурынин (Дурынин) Иван Наумович, 9 лет, Дурынин Пантелей Петрович, 13 лет.

Есть сведения о погибшем во время обороны Петропавловского порта в 1854 г. камчадале Дурынине (Дурындине), но неизвестны подробности. О нем пишет в своих воспоминаниях Юлия Завойко, жена губернатора. Дурынин помогал ей с детьми перебраться из порта в Хутор.

Юлия Завойко «Воспоминания о Камчатке и Амуре»: *«Наших было 35 человек, между ними были и волонтеры, и мой старик Дурынин сложил свою старую голову за батюшку царя, послав перед тем не одну меткую пулю во вражескую*

силу. Перед сражением он говорил мужу: “Теперь я пойду с другими бить супостатов, а потом ты, старик, пошли меня к своей хозяйке, я скорее всех бегаяю”. Камчадалы называют начальника стариком».

Жители города составляли отряд из 18 волонтеров. Как отмечалось в воспоминаниях участников последнего боя, 16 камчадалов-охотников, расположившись на гребне Никольской сопки, метко поражали своими выстрелами отступавшего противника. Известно, что в бою погибли купец Калмаков, сын купца Сахарова, камчадал Дурынин.

Потомки казаков Дурыниных проживали в Верхнекамчатске.

Но у них было много крестников и среди камчадалов-аборигенов.

В 1748 г. эта фамилия была зафиксирована в Машуре при крещении, но сохранилась она в Ганалах, Малках и Коряках.

Дурынин (Дурынин) Диомид Иннокентьевич, Ганальского селения камчадал, 1893 г., 46 лет. (Выписка из исповедальной росписи Мильковской церкви за 1893 год, ГАКК.)

Дурындин Спиридон, староста с. Малка, 1807 г. (Головнин В. М., «Путешествие в 1807 г.»).

Дурынин Петр Константинович, камчадал селения Коряки, 1893 г., 51 год. Дети его: Андрей (26), Гавриил (21), Прокопий (18), Евдокия (14), Параскева (12), Парфентий (5). Андрея жена Харитония Иннокентьевна (20). Сын их Василий (9 мес.). (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.)

Дурынин (Дурынин) Диомид Иннокентьевич, Ганальского селения камчадал, 1893 г., 46 лет. (Выписка из исповедальной росписи Мильковской церкви за 1893 год, ГАКК.)

Камчадалы Дурынины участвовали в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 г.: Дурынины Игнатий (Большереецкая дружина, с. Ганалы) и Прокопий.

ДЫМОВЫ

Пока мы встретили только одно упоминание об этой фамилии:

Дымов Исидор Васильевич, с. Николаевское, крестьянин, 1893 г., 41 год.

Жена Евдокия Васильевна (37). Дети: от первого брака его Ольга (23), Иннокентий (17), Мавра (15). Мать его вдова Пелагея Кузьминична Дымова. Внучка ее Харитина Николаевна Новгородова. (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

ДЪЯКОНОВЫ

История появления фамилии среди аборигенов в период массового крещения: 1745 г. – Облуковина, Ича, Белоголовая.

Фамилия Дьяконов, вероятно, принадлежала казачьему роду, но пока у нас нет подтверждений этому факту. Сохранилась фамилия Дьяконовы среди камчадалов в селениях Сопочная, Морошечная, Коряки.

Дьяконов Прокопий Терентьевич. Камчадал селения Коряки, 1893 г., 39 лет.

Жена Агафья Павловна. Дети: Екатерина (10), Семен (5), Петр (3). Сын его от первого брака Василий (13). (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.) Прокопий Терентьевич – староста с. Коряки, был командирован как представитель сельских старшин Камчатки на коронацию царя Николая Второго в Москву в 1896 г. (Комаров В. Л. «Избранные сочинения», изд. АН СССР, М., Л., 1950, т. 6, часть 1. «Путешествие 1908 г.», стр. 96).

Дьяконов Григорий, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Морошечная дружина), с. Морошечное (В исповедальной росписи Облуковинской церкви в 1893 г. записано: умершего камчадала Ивана Дьяконова сын Григорий, 26 лет).

В селе Морошечная в 1893 г. проживала еще одна семья Дьяконовых (Диаконовых): Тарасий Михайлович (31). Его жена Мария Ивановна (25). Сын Захарий (2).

В архиве мы обнаружили такую информацию: Дьяконов, житель с. Сопочное, 1865 г. (ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1).

А это уже информации из Базы данных политических репрессий по Камчатской области: Дьяконова Агафья Егоровна. Родилась в 1904 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Морошечное; ительменка; малограмотная; 6/п; была домохозяйкой.

Проживала: Тигильский р-н, с. Утхолок. Арестована 14 сентября 1937 г. Приговорена: тройка при УНКВД по ДВК 3 декабря 1937 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Расстреляна 28 января 1938 г. Реабилитирована 24 июня 1959 г. определением Военного трибунала ДВО.

Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.

ДЯГИЛЕВЫ

Дягилев Дмитрий Алексеевич. Крестьянин в Нижнекамчатске, 1812 г., 50 лет.

Жена Анна Григорьевна (34). Дети: Параскева (11), Ефимия (9), Евдокия (7). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церковей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Дягилев Афанасий Дмитриевич. Крестьянин в Нижнекамчатске, 1812 г., 27 лет.

Жена Елена Григорьевна (27). Дети: Мария (7), Михаил (4). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церковей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Возможно, вели свою родословную от Дягилева Ивана, казачьего пятидесятника. Фамилия на Камчатке не сохранилась.

ЕВСТАФЬЕВЫ (АСТАФЬЕВЫ)

Впервые мы встретились с этой фамилией в списках участников народного ополчения Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.: Иван Астафьев, Большерецкая дружина, с. Голыгино.

Известно, что села Голыгино и Явино были образованы после 1878 г., когда в эти места переселились коренные жители островов Шумшу и Парамушир – айну или курильские камчадалы, так как Курильские острова по договору между Россией и Японией с 1875 г. полностью отходили к Японии. И в русско-японскую войну (см. очерк «Хроника неоконченной войны») главный удар японского десанта, высадившегося на камчатском побережье в устье реки Озерной, был направлен именно против сел Голыгино и Явино, где жили бывшие подданные микадо.

В архивных документах мы отыскивали сведения за 1893 г. об

участнике обороны Камчатки: камчадал Евстафьев Иван Михайлович, 27 лет, жена Ксения Родионовна, сын Гавриил (2).

В с. Голыгино в тот год проживали также другие семьи камчадалов Евстафьевых:

Арсений Захарович Евстафьев (44), жена Анисия Дмитриевна, дети: Василий (12), Епраксия (5), Гликерия (2). Пахом Захарович Евстафьев (49).

Корни же этой фамилии идут от камчатских служилых Евстафьевых, которые, по всей видимости, были переселены в Николаевск-на-Амуре в составе бывшего Камчатского флотского экипажа, преобразованного в Амурский флотский экипаж. Один из Евстафьевых навсегда оставил о себе память как герой обороны Петропавловского порта: Евстафьев Григорий, «47-го флотского экипажа квартирмейстер Григорий Евстафьев был командиром орудия на батарее № 7-й. Когда его орудие было подбито, он отошел к следующему и действовал в качестве прислуги, также с беззаветною отвагой». (Сильницкий А. П., «Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлеченные из дел Владивостокского портового архива». «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009 г, стр. 54).

ЕЛАГИНЫ

Существует две версии происхождения этой фамилии аборигенов на Камчатке, обе эти версии основываются на том, что фамилия при крещении дана в память о Елагине. Вопрос только о каком из двух Елагиных – казачьем приказчике Елагине или морском офицере, заложившем на берегу Петропавловской (Ниакиной) гавани поселение, которому суждено будет стать столицей Камчатки? Но ответить на этот вопрос трудно – давали фамилии новокрещеным камчадалам как в память о первых приказчиках Камчатки – Атласовым, Уваровским, Лукашевским, так и в честь офицеров и других участников Второй Камчатской экспедиции – Шпанберга, Крашенинникова.

Фамилия эта встречается (правда, нечасто) в разных населенных пунктах полуострова – в 1754 г. в период массового крещения камчадалов она отмечалась в селении Кихчик; в 1865 г. ее

зафиксировали в селении Ганалы, в 1904 г. народным ополченцем вызвался стать Андрей Елагин из селения Пущино (Облуковинская дружина), в 1893 г. Гавриил Варфоломеевич Елагин, камчадал селения Коряки, 59 лет, проживал в семье Владимира Алексеевича Дехтярева (вероятно, как родственник). Фамилия Елагиных влилась во многие другие камчатские фамилии: Елагина (Чуркина) Иулитта Тимофеевна, дочь камчадала Ганальского селения, 33 года, сочеталась первым браком с камчадалом Шеромского селения Иваном Артамоновичем Чуркиным 18 октября 1892 г.; Слободчиков Иннокентий Семенович, камчадал Толбачинского селения, женился 1 апреля 1912 г. на дочери умершего камчадала Ганальского селения Митрофана Елагина девице Хеонии; Попов Николай Иванович, камчадал Машурского селения, женился 12 апреля 1915 г. на дочери умершего камчадала селения Ганальского Митрофана Иосиповича Елагина Софье.

О камчатском приказчике Елагине в истории осталась только одна фамилия: она единожды мелькнула и пропала.

А вот Елагина Ивана Фомича (1708 или 1709–1766) на Камчатке будут помнить всегда.

«За свою недолгую жизнь великий русский мореплаватель и патриот Алексей Ильич Чириков сделал очень много. По отзывам современников, это был человек необычайной энергии, рассудительный, осторожный и в то же время решительный. Его справедливость, честность и мужество вызывали уважение у всех. После похода к берегам Северной Америки в отряде Чирикова из пяти офицеров, кроме самого командира, остался лишь Иван Фомич Елагин. Поскольку в Морскую академию он поступил в 1721 г., то, следовательно, был моложе Чирикова, Чихачева и Плаутина лет на пять-шесть. В 1726–1733 гг. Елагин служил на Балтике и Каспии штурманом. Во Вторую Камчатскую экспедицию Иван Фомич был принят по личной просьбе и находился в распоряжении Беринга, выполняя его поручения по описи рек и проводке судов от реки Урак до Охотска. В 1739–1740 гг. Елагин описал берег южной части Камчатки, три северных Курильских острова и Авачинскую губу. В 1740 г. в Петропавловске “по баллотированию”

он получил звание мичмана и перешел штурманом к Чирикову. О его роли в плаваниях 1741–1742 гг. мы уже знаем. Чириков высоко ценил заслуги Елагина и писал президенту Адмиралтейств-коллегии Н. Ф. Головину: “Оного Елагина за такие в неизвестных местах дальние вояжи, в которых он как в пользу высокой е. и. в. службы, також и к спасению всего судна с людьми от чаемой гибели оказал ревностнейшие труды, к тому жив искусстве по ево достоинству аттестован, что всего того судна правление на нем лежало..., почитая оную службу и труды за чрезвычайные, произвестъ ево без баллотирования по вышеписанному достоинству прямо в лейтенанты морские”.

Адмиралтейств-коллегия прислушалась к мнению мореплавателя и 19 января 1743 г. постановила со старшинством с 3 декабря 1741 г. присвоить Елагину звание лейтенанта, “дабы не то что он впредь, но и другие, смотря на такие ревностные труды, по достоинству... вящею охотою к службе е. и. в. простираться могли”. Но здоровье Ивана Фомича к этому времени резко ухудшилось. В своем прошении от 11 ноября 1742 г. он писал: “Будучи во оной экспедиции, от многотрудных сухопутных, по рекам и нартою и морских походов, також от много сыростного, нездорового воздуха и от недовольного пропитания пришел в бессилие... к тому же и одержим головою болезнию и ныне в тамошних местах экспедиционную службу несус с великою тягостию”.

Далее Елагин напоминал, что служит он уже двадцать лет, а в отпуске ни разу еще не был. Между тем его отцу уже около 90 лет, если только он жив, других же родственников у него нет. Деревушка его из восьми дворов “может без управителя разоритца до основания, нежели в престарелых ево летах в службе е. и. в. будет отставлен, то уже ему в помянутую ево деревню приехать будет некуда и пропитания иметь будет нечего”. Когда в январе 1743 г. И. Ф. Елагин явился в Петербург, его просьба об отпуске была удовлетворена. Позднее Иван Фомич служил на Балтике и в Архангельске; в конце 1753 г. был переведен в Саратов, где занимался перевозками соли. Здесь Елагин провел более трех лет. В начале 1757 г. он обратился к начальству с просьбой откомандировать его в Петербург “к искусным лекарям”.

Вскоре на его место был назначен другой офицер, и Елагин вернулся в столицу. В 1762 г. он стал капитаном I ранга и командиром Рижского порта. О его дальнейшей судьбе нам ничего не известно. Известно только, что после него остались большие долги. Оказавшись в отчаянном положении, наследники подали челобитную с просьбой о невзыскании с них долгов “за службу отца их”, который потерял здоровье в дальних и длительных экспедициях и скончался “по крайней слабости здоровья своего, расстроенного чахоткою и цинготною болезнью”. Неизвестно, как поступили власти, но друзья Алексея Ильича частично погасили его долги.

По другим сведениям умер Иван Фомич Елагин в 1766 г. в Риге. Именем первостроителя Петропавловска названа одна из улиц города – это улица Штурмана Елагина». (И. В. Глушаков, «Славные навигаторы российские», Хабаровское книжное издательство, 1986 г.).

«Елагины дворяне (доньне существующий род). Герб Высочайше утвержден 1 января 1798 года. Он представляет: в щите, имеющем голубое поле, каменную стену красного цвета, из-за которой выходит до половины золотой лев. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою золотою короною. В нашламнике представлена основная эмблема герба – золотой возникающий лев между двумя рогами, тоже золотыми. Намет на щите лазуревый с подложкою золотом. Щитодержцы – два льва. Герб этот был – по сказаниям членов фамилии – в ней исстари; самая же фамилия – по преданию, имеющему вполне легендарный характер, хотя и занесенному в “Гербовник” – будто бы обязана своим происхождением одному из крестоносцев, явившемуся – по анналам Сигисберта – в Пруссию из Италии; но скорее из Вестфалии – по случаю упоминания в сказании реки Рейна, откуда большинство было меченосцев, прибывших для кровавого обращения Литвы в веру Христову не путем убеждения в святость ее истин, а мечом, решителем в то темное время всяких споров. Этот легендарный прародитель фамилии Елагиных-Винцентий с Елагони – кажется простым лицом, вымышленным по созвучию фамилии, как и его мнимые сотоварищи по оружию: Вейнерус из

Гонимберга, Адольф из Тиммеля и Тидрих с Эльмера. Все эти имена кажутся нам плодом фантазии книжного составителя генеалогии рода, существовавшего уже в XVI веке в польских владениях или в Литве, может быть, иностранного происхождения, но настолько темного, что в нем члены фамилии имели только смутные догадки. В руках мастера, составителя родословной, несколько случайных, сохранившихся в памяти имен, стали фигурировать, как действительные преемственные родоначальники, и он смело поставил начало рода в половине XIV века, не рассчитав, что меченосная братия не могла иметь наследников, пребывая в безбрачии по обету. Не говоря уже о том, что восьми поколений на триста лет или пяти поколений на 240 лет слишком мало – как оказывается по родословному древу Елагина от Викентия, будто бы пришедшего в Пруссию в 1340 году и оставившего сына Якова, у которого в свою очередь являются два сына: Александр и Воин, внук которого, Гаврило Кузьмич, уже воевода Грозного в последние годы жизни этого государя (1579–1582 г.).

Нам кажется основательнее начало рода Елагиных считать не с XIV, а с XV века (и то со второй половины), да принимая происхождение не из польской Пруссии, а из Литвы или лифляндских погостов за Двиною. От того-то и оказывается фамилия Елагиных распространенною в Псковской области, откуда переходит в Вятскую пятину и оттуда уже, вследствие служебного испомещения, в прочие места Московского царства, в волости и уезды: Калужские, Тульские, Московские, Нижегородские. Мы находим дворян Елагиных больше всего в губерниях Псковской, С.-Петербургской и Калужской с Тульской да по Московской и Нижегородской губерниям. Разветвление фамилии довольно обширное. Еще легендарные сказания приписывают Елагиным поселение в Водской пятине, припутывая бесцельно рассказ о Полемоне, как известно, внесенный в легендарную историю о происхождении боярина Андрея Ивановича Кобылы из Пруссии. Нам кажется вероятнее переход Елагиных не с Наровы, а с Великой или Шелони к Гдову и далее на север и восток к Неве и Луге. Инфлянты играют между тем известную роль в сказочном повествовании о пер-

вом времени фамилии, и сочинение генеалогии, несомненно носящей труд польского герольда, не оставляет сомнения в источнике и месте сложения легенды, чему не противоречит и характер герба – лев из-за каменной стены с поднятою кверху шерстью хвоста (хоботом) – несомненно внесен за какое-нибудь отбитие приступа или за охрану укрепления, по системе польских герольдов. К кому именно относится этот славный подвиг – мы не беремся решить, но полагаем, что предок Елагиных в России был взят в плен не раньше Иоанна III, но не получил надела от этого государя в Вятской пятине, хотя в древнейшей переписной книге ее – 1500 года – фамилия помещиков Елагиных уже встречается. А это уже прямо указывает, что в Пскове положение их раньше, потому что в родословной псковской ветви встречали мы представителей этой фамилии за четыре поколения до смерти Грозного, т. е. находим служивых людей в конце еще XV века. Поэтому, принимая псковские пригородные волости за места первого поселения Елагиных на Руси, псковской ветви и дадим предпочтение, с нее начиная повествование о фамилии. Конечно, служб мнимого крестоносца и действительного родоначальника фамилии Елагиных Викентия мы не можем указать за неполнотой сведений о жителях XIV века и более его известных. Тоже придется оговориться о детях, внуках и правнуках его: Иване, Козьме и Юрии. Из последних Иван был сын Александра Яковлевича. А Козьма (Константин) и Юрий – дети Воина Яковлевича. От обоих братьев Воиновичей и пошли ветви в развитии дальнейшем фамилии. У Козьмы (Константина) дети были: Игнатий, Иван и Гавриил; у Юрия – Яков, отец Григория и (кажется) Даниила. От среднего сына Кузьмы Воиновича – Ивана Кузьмича пошла псковская ветвь в лице сыновей Ивана, внуков Салтана и Ивана Ивановичей, правнуков Кирилла да Парфентия Салтановичей и праправнука Степана Парфентьевича (лица, по родословию приходившегося уже в IX колене от родоначальника), на котором будто бы и прекратилась самая ветвь. Что касается до самой старшей ветви, тоже псковской – от Игнатия Кузьмича, то родословие представляет от него по порядку непрерывных шесть поколений, а именно: двух сыновей

(Бориса и Данилу Игнатъевичей), сына Борисова Захара, двух сыновей Захаровых – Богдана и Григория, из которых у каждого в свою очередь было по три сына: Аггей, Иван и Федор Богдановичи да Герасим Второй и Русин Григорьевичи, на которых, впрочем, как и на Степане Парфентьевиче, род показан прекратившимся. Тогда как род Богданов еще продолжался: у Аггея Богдановича показаны сыновья Иван и Моисей; у Федора (младшего) Богдановича сын Мелентий, а у (среднего) Ивана Богдановича сын Конон и внук Назар. Конон, Степан, Семен Никитич, Иван Аггеевич, Семен, Василий и Илья (за себя и за Терентия) подписали родословную сказку, поданную Ильею Елагиным в разряд в конце XVII века. Самым замечательным лицом из первой ветви Елагиных был Степан Парфентьевич. Он в 1644 году был приставом у датского королевича при проезде от рубежа Водской пятины до Новгорода; пять раз был воеводою: на Вычегде, в Сомерском остроге, в Гдове, Невеле, Пусторжеве и строил город Олонец при царе Алексее Михайловиче. Ездил на сход под Псковом с боярином князем Иваном Никитичем Хованским. К псковской ветви не принадлежал уже род Богдана. Сын его Аггей был складчиком по Водской системе и писался по московскому списку; а Мелентий Федорович, племянник его, был стряпчим Петра I (1686 года). Потомство младшего сына Кузьмы Воиновича – Гаврилы Кузьмича – составляли три сына: Русин, Леонтий и Михаил Гавриловичи. Русин был воеводою Ивана IV в Падце (1579 г.) и Коловери (1582 г.), в товарищах был в Ладогe с князем Семеном Лобановым-Ростовским (1582 г.) и во Гдове наместником при царе Федоре (1589 г.). У среднего брата этого лица (Леонтия) был тоже сын, храбрый воевода Осталец Леонтьевич в Ржеве-Пустой. У него было два сына Ивана (большой и меньшей), из которых от старшего известно потомство в числе следующих поколений, а именно: сын Матвей, внуки Прокофий и Трофим, правнук Терентий Прокофьевич, ладожский воевода, да сын его Богдан Терентьевич. У Богдана был сын Василий, отец Михаила, дед Петра, прадед Герасима и Ивана. Праправнук же Василия Богдановича (по родословию в XVII колене) был Филипп Герасимович. Млад-

шая ветвь известного нам родословия Елагиных, хотя крайне сбивчивого, главнейшим образом еще делится на два колена, начиная от младших из пяти сыновей его (из них второй – Петр был бездетен совсем; старший Андрей имел только от одного сына двух внучат, а именно: Григория и Никиту Яковлевичей). Род Григория – наиболее многочисленный – продолжался при бездетстве второго сына Данилы только от старшего – Степана. Этот Степан Григорьевич был отцом четырех сыновей: Ивана Теплового, Бориса, Афанасия и Федора. У Ивана Теплового сын Филипп, внук Фома и правнук Тимофей (далее мы покуда не знаем; так же как и детей Бориса Степановича). У Афанасия Степановича был сын Михаил, убитый в смутное время, но оставивший потомство в лице сыновей Ивана и Павла, из которых у старшего было три сына: Киприан, Лев и Родион; но потомства всех их мы не нашли покуда. От Павла же Михайловича родились сыновья: Степан, Афанасий и Иван. У второго из них был сын Василий, а у третьего два сына: Василий и Трифон (Ларион). У Василия Афанасьевича в свою очередь было четыре сына: Федор, Иван, Василий и Григорий (бездетный). У Ивана был сын Иван и внук Николай; у Василия же – сыновья: Иван, Петр и Лев. Что касается потомства Федора Степановича (лица VIII колена), то потомство его по родословию представляется в следующих семи поколениях: сын Замятия Федорович и внук Афанасий Замятич по книге городов Пскова и Ржевы-Пустой 1620 года показан стрелецким сотником во Пскове с окладом в 750 десятин земли и 15 рублей деньгами. У Афанасия был сын Семен, в 1641 году показанный из городовых дворян на службе в Москве с окладом в 19 рублей. Сын этого лица Петр Семенович показан в 1685 году по г. Ржеве-Пустой с окладом в 450 четьи и деньгами 13 рублей. У него был сын Степан и внук Петр Степанович, воевода в Кромах. Младший брат Петра Семеновича Елагина – Иван Семенович служил с 1671 года в “гусарах по выбору”, получая 650 четьи и 31 рубль деньгами. У него было три сына: Зиновий, Порфирий (Перфилей), родившийся в 1674 году, и Иван. У Ивана Ивановича, младшего сына Ивана Семеновича, был сын Никифор и внучата Александр и Василий. У

Порфирия, или Перфилия Ивановича, один только сын Иван Перфильевич, статс-секретарь и обер-гофмейстер Екатерины II, писатель и историк, масон. Как видно, отец его женился, воротясь в поместья свои, уже отслужив службу государю, потому что при рождении Ивана Перфильевича (1725 г.) отцу уже было 51 год. Вероятно, старый служака скоро и умер, потому что в 13 лет Иван Перфильевич был принят в шляхетский кадетский корпус, как сирота (1738 года). Учился он хорошо и через 5 лет выпущен прапорщиком. В 1750-х годах за приверженность к великому князю Петру Федоровичу и его супруге удален в ссылку в Казань, но со вступлением Петра III на престол вызван был и произведен в бригадиры, а Екатериною II – в действительные статские советники, назначен членом кабинета и дворцовой канцелярии, находясь в качестве статс-секретаря у принятия прошений. Постоянно пользуясь благосклонностью государыни, И. П. Елагин сделался сенатором (1767 года), гофмейстером (1775 года) и обер-гофмейстером (1788 года). В последней должности оставался он до 1793 года, а умер за полтора месяца до Екатерины II (22 сентября 1796 года). По времени он был замечательным стилистом и пуристом в языке. Мы распространились об этом лице, самом знаменитом в XVIII веке изо всей фамилии, о которой остается лишь рассказать самую младшую ветвь, принимая ее за потомство Якова же (если признать сыном его Данилу и внуком Федора Даниловича), отца Иосифа Федоровича и деда Мартина Осиповича – шуйского подьячего при царе Михаиле (1727 года). У него было три сына: Григорий, Василий и Алексей. У Алексея дети: Артемий и Тимофей, подпрапорщик (1716 г.); сын его Федор Тимофеевич был секунд-майором в 1752 году. У Артемия известны нам тоже три сына: Максим, Павел и Иван. Сведения наши – мы знаем – очень неполны, но все же представляют стройный ряд колен общего древа родословного сравнительно со статьею: “Елагины” в “Родословной книге” князя Долгорукова. До настоящего времени довести нам было не по чем; так как родословие, служившее нам источником, выдано в 1789 году статскому советнику Льву Васильевичу Елагину. Просим дворян Елагиных живых снабдить нас ука-

заниями о себе и ближайших разветвлениях фамилии вместо претензий на оговоренную и нами самими недостаточность сведений. Мы сделали, что могли, помещая герб. Несомненно, что род этот существовал в начале XVI века в Новгородской области. Русин Гаврилович Елагин был наместником в Копорье и Гдове (1579–1586). Двое Елагиных убиты при осаде Смоленска в 1634 году. Многие Елагины в XVII веке были воеводами, стольниками и стряпчими. Перфилий Иванович Елагин (умерший в 1745 году) был сотником Вотчинной коллегии. Его сын Иван Перфильевич Елагин – историк и поэт, был статс-секретарём при императрице Екатерине II, состоял в масонской ложе. Род Елагиных внесён в VI, III и II части родословной книги Казанской, Калужской, Курской, Московской, Нижегородской, Псковской, Рязанской, Санкт-Петербургской, Тульской, Тамбовской, Владимирской и Костромской губерний (Гербовник I, 46)».

ЕЛАНЦЕВЫ

Когда я только-только приступил еще к изучению истории камчатских фамилий великий камчадалский историк, поэт, писатель, музыкант, этнограф Георгий Германович Поротов в одной из использованных мной цитат, где кто-то писал об учителе-камчадале Еланском, упрекнул меня в том, что фамилия его земляка-фронтовика написана неправильно. И это я запомнил на всю жизнь.

А сейчас нам всем предстоит исправить еще одну ошибку, которую намеренно сделала камчатская администрация в XIX веке, решая демографическую проблему расселения камчадалов-аборигенов в долине реки Камчатки – самом густонаселенном в свое время районе Камчатки, обезлюдевшем по вине этой самой администрации от заразных болезней, обрушившихся в одночасье на жителей солнечной долины.

Мы полагаем (хотя и не имеем еще достаточных фактов), что милюковские крестьяне Еланцевы и толбачинские камчадалы Еланцевы – это одни и те же русские старожилы (как козыревские и ключевские Рыковы, как крестьяне и камчадалы Краснояровы).

Еланцев Фаддей Георгиевич. Родился 1 мая 1910 г. Родители – отец крестьянин Мильковского селения Георгий Григорьевич Еланцев и жена его Параскева Митрофановна. Восприемники – крестьянин Мильковского селения Максим Евстафьевич Бобряков. Священник Павел Ворошилов и псаломщик Феодор Шишкин. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1911 г., ГАКК.)

Но в другом документе о рождении брата Фаддея Георгиевича, еще не сопоставляя эти документы, мы прочитали следующее: Еланцев Григорий Георгиевич. Родился 1 марта 1896 г. Родители – крестьянин Мильковского селения Георгий Иванов Еланцев и законная жена его Параскева Митрофановна. Восприемники: крестьянин Мильковского селения Иларий Иванов Плотников. (Из метрической книги Мильковской церкви за 1896 г., ГАКК.)

И попытались провести прямую аналогию между мильковскими и толбачинскими Еланцевыми: Григорий Иванович был примерно одного возраста со своим толбачинским однофамильцем Еланцевым Карпом Ивановичем, у которого примерно в это же время на свет появляется дочь: Еланцева Олимпиада Карповна. Родилась 3 апреля 1908 г. Родители – камчадал Толбачинского селения Карп Иванович Еланцев и жена его Екатерина Павловна. Восприемники – мещанка Екатерина Семеновна Бушуева. Священник Иринарх Малахов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1908 г., ГАКК.)

Двумя годами спустя он уже женит старшего сына: Еланцев Александр Карпович, камчадал селения Толбачинского, 18 лет, вступил в брак 5 апреля 1909 г. Невеста – дочь умершего камчадала селения Козыревского Евлампия Флегонтова Чуркина девица Феоктиста, 28 лет. Поручители: по жениху – крестьяне селения Ключевского Алексей Николаев Ушаков и Алексей Николаев Брагин; по невесте – крестьяне селения Ключевского Петр Ефериев Ушаков и Николай Георгиев Ушаков. Свящ. Михаил Ерохин. (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1909 год, ГАКК.)

И мы предположили, что мильковский Георгий Иванович и толбачинский Карп Иванович Еланцевы – родные братья.

И это было ошибкой. Чуть позже мы обнаружили еще один документ, подтверждавший, что мильковский крестьянин Георгий Еланцев был Григорьевичем, а не Ивановичем.

Плотников Григорий Иванович. Крестьянин Мильковского селения, совершил 13 апреля 1898 г. бракосочетание с вдовой умершего камчадала Машурского селения Афанасия Румина Параскевой Егоровной. Поручители: по жениху – крестьяне Николай Иванович Плотников и Георгий Григорьевич Еланцев, по невесте – крестьяне Иоанн Петрович Бобряков и Полиевкт Иванович Потапов. Священник Иринарх Малахов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1898 г., ГАКК.)

Поэтому версия о мильковском происхождении толбачинских Еланцевых еще нуждается в подтверждении.

В Книге памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны, мы находим сведения о Серафиме Георгиевиче Еланцеве, красноармейце, 1904 г. р., призванным Петропавловск-Камчатским ГВК, который умер в госпитале от ран 31 июля 1943 г. и захоронен на Всесвятском кладбище (могила 741) в г. Туле.

Другому фронтовику-разведчику Фаддею Георгиевичу Еланцеву мильковский поэт Георгий Германович Поротов посвятил свое стихотворение «Кочевой учитель».

КОЧЕВОЙ УЧИТЕЛЬ

Мы в школе учили немецкий язык.
На встрече пришел к нам земляк-фронтовик.
В разведке служил он. Дошел до Берлина.
Награды надеты по пояс картинно.
Мгновенно утих переполненный класс,
И гость издалека повел свой рассказ:
– В тридцатых годах при товарище Отке
Работал учителем я на Чукотке.
А школа тогда кочевой была,
Не клеились спервоначалу дела:
Во-первых, не знал я чукотский язык,
Еще, во-вторых, кочевать не привык.
И некому в тундре парнишке помочь
Из стойбища гнал злой шаман меня прочь.

– Все брошу! –
Кольнула мыслишка на миг...
Но все же я выучил этот язык!
Потом все смеялись от стара до мала:
– Ты помнишь, как плохо учил нас сначала?
И стала Чукотка мне близкой, родной.
Да вот появился к нам Гитлер с войной...
– Вы знали немецкий? –
Спросил мой сосед.
Разведчик подумал и вымолвил:
– Нет.
По-ихнему знал лишь одно – хенде хох! –
По классу пронесся завистливый вздох, –
Но знать языки мы, ребята, должны,
Они нам для мира сегодня нужны!

ЕЛЕСОВЫ (ЕЛИСЕЕВЫ)

В 1750 г. в селении Воровском у новокрещеных камчадалов появляется фамилия Елесовы. Возможно, она произошла от казачьей фамилии Елесин (Крашенинников С. П. «Описание земли Камчатки», М.-Л., 1949 г., стр. 116) или Елисеев (такая фамилия появляется в этом же селении в 1749 г.). Но ни та, ни другая фамилия не прижились на камчатской земле.

ЕНИСЕЙСКИЕ

Точнее, был он один – Иван Енисейский, который не оставил свою фамилию на Камчатке, но он сам навсегда остался в камчатской истории.

«Иван Енисейский – это полуполюгендарная фигура одного из исключительно удачливых, смелых и жестоких героев первоначального накопления в Восточной Сибири. Он служил в Анадырском остроге, а оттуда в 1696 г. с Лукою Морозкой отправился проводить Камчатку. Участвуя в походах Владимира Атласова в течение трех лет, он неоднократно сражался и много раз собирал и доставлял в казну огромный ясак. Однажды он был изранен копьями и ножами. С 1708 г. он был сделан приказчиком на Колыме и там собирал огромный ясак. В 1711 г. по представлению якутского воеводы от 18 декабря 1710 г., казначий десятник Иван Енисейский был возведен в дворянское

достоинство. В 1714 г., после новых походов на Камчатку и сборов сказочно богатого ясака, камчатский приказчик дворянин Иван Егисейский был тяжело изранен, а затем сожжен заживо в юрте восставшими юкагирами Акланского острожка». (Крашенинников С. П. «Описание земли Камчатки», М.-Л., 1949 г., стр. 98, 487, 488, 690, 741, 744, 756, 757, 783, 784).

ЕРМОЛАЕВЫ

В 1749 г. эта фамилия появляется у новокрещеных камчадалов из селения Еловка. Причина происхождения пока не известна и фамилия на Камчатке не сохранилась.

ЕРОФЕЕВЫ

Моисей Ерофеев, вероятно, был одним из тех крестьян, которые переселились со своими семьями на Камчатку по призыву губернатора В. С. Завойко в начале 1850-х гг.

Ерофеев Митрофан Моисеевич, с. Николаевское, крестьянин, 46 лет. Жена Анна Александровна (41). Дети: Андрей (21), Алексей (16), Мартиниан (11), Елена (?), Михаил (2). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

ЕРШОВЫ

К сожалению, вся информация, которой мы обладаем об этом герое обороны Петропавловского порта, заключена в нескольких строках: Ершов Ефим, матрос. В 1882 г. внесен в «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры». (Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105).

ЕФРЕМОВЫ

А об этом человеке у нас информации еще меньше: Ефремов В. – участник обороны Камчатки в 1904–1905 гг., Петропавловская дружина.

ЖИЛЯКОВЫ

Жиляков Самуил, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Паланская дружина), с. Кахтана. Происхождение фамилии неизвестно.

ЖИРКОВЫ

В основе происхождения этой фамилии лежит ранняя история русской Камчатки, когда здесь ежегодно сменялись приказчики: *«1 июля 1723 года Лосев и Бобровский отправились в Охотск, вместо уехавшего приказчика назначили сына боярского Фёдора Шелковникова, который с ясаком выехал с Камчатки летом 1724 года. Следующим приказчиком назначен Андрей Жирков, а после его смерти сын боярский Афанасий Жирков, который в 1725 году выехал с Камчатки»* (С. П. Крашенинников, «Описание земли Камчатки», М-Л, 1949 г., стр. 748, 760, 761).

Все перечисленные фамилии камчатских приказчиков будут использованы в период массового крещения камчадалов-аборигенов и останутся на Камчатке, в том числе и фамилия Жирковых.

Вполне возможно, что потомки камчатских казаков Жирковых еще служили на Камчатке в 1812 г.: Жирков Василий Данилович, блюдитель отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 33 года. Сын Иоанн (5). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Но потом русская ветвь этой фамилии исчезла.

Жирков Корнил Сафронович. 1891 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Сопочное; ительмен; образование: малограмотный; б/п; был членом рыболовецкого колхоза; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Сопочное. Арест: 05.04.1938. Осужд. 10.08.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. по обвинению в «систематической вредительской деятельности» (без ссылки на закон). Расстр. 14.09.1938. Реаб. 22.06.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО. Его брат, Дмитрий Сафронович

Жирков, умер во время следствия по «Тигильскому делу» в 1932 г.

ЖИРОВИКОВЫ

В истории Камчатки встречаются имена промышленников Василия и Михайлы Жировиковых. Первая же фамилия камчадалов Жировиковых, которую они получили от своих крестных отцов, зафиксирована в 1731 г.: в числе участников Харчинского бунта 1731 г. был новокрещеный камчадал Жировиков Фетька («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр. 64, 66). Эта фамилия и сохранилась только в долине реки Камчатки – в древнем селении Ушки на берегу знаменитого Ушковского озера, рядом с которым обнаружена археологами самая древняя на Северо-Востоке Россия стоянка древнего человека – палеокамчадала.

Ушковские Жировиковы принимали участие в обороне Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. – Степан и Егор.

В период Великой Отечественной войны отличился на трудовом фронте сын Егора Жировикова: Жировиков Владимир Егорович, с. Ушки, колхоз «Заветы Ильича», колхозник, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

«Колхозник с 1932 г. Принимает в колхозе активное участие, дисциплинирован, является лучшим косцом, работает всегда за двоих-троих. За период войны не сделал ни одного прогугла...» (ГАКК, ф. 129, оп. 1, д. 21, л. 60).

Есть некоторые подробности об этой семье: Жировикова Параскева Алексеевна. Род. 6 марта 1907 г. Родители – камчадал селения Ушковского Алексей Иоаннович Жировиков и жена его Дарья Павловна. Восприемники – камчадал селения Ушковского Иоанн Ефериевич Докучаев и жена камчадала того же селения Георгий Иоанновича Жировикова Соломония Васильевна. (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1907 г., ГАКК.)

Вероятно, Георгий Иванович и Алексей Иванович Жировиковы были родными братьями.

А следующая информация об их сестре:

Тюменцев Алексей Григорьевич. Гражданин Ключевского селения. Дата бракосочетания – 23 мая 1922 г., 26 лет, первым браком. Невеста – дочь умершего камчадала селения Ушковского Алексея Ивановича Жировикова девица Параскева (16 лет). Поручители: по жениху – граждане с. Ключевского Ефрем Спиридонович Ушаков и Павел Андреевич Бобряков; по невесте – гражданин села Козыревского Всеволод Феодорович Налетов и гражданин селения Ключевского Александр Иоаннович Зайцев. Священник Николай Каргопольцев с псаломщиком Ксенофонтом Михайловым. (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1922 г., ГАКК.)

ЖУКОВЫ

На Камчатке это родовая фамилия бывших уроженцев селения Кахтана. Скорее всего, в прошлом это казачья камчатская фамилия, но прямых подтверждений этому мы пока не нашли, хотя косвенный след был обнаружен в Нижнекамчатке среди военнослужащих (возможных выходцев из камчатских казаков): Жуков Василий Петрович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 38 лет. Жена Наталья Федоровна (47). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.) Но это может быть и простым совпадением.

Самое первое упоминание о камчадалах Жуковых нам удалось обнаружить в материалах по организации промысловой экспедиции к берегам Русской Америки на боте «Святой Евпл»: среди зверобоев, нанятых купцами, был Жуков (Жюков) Павел, камчадал Седанкинского острожка.

Все последующие упоминания этой фамилии в истории полуострова связаны с селением Кахтана.

Среди народных ополченцев, отражавших нападение японцев на камчатские лососевые реки, были двое Жуковых из Кахтаны – Никифор и Иван.

О дальнейшей судьбе одного из них мы находим информацию в базе данных о жертвах политических репрессий в Камчатской области: Жуков Никифор Федорович. Родился в 1890 г., Кам-

чатская губ., Тигильский р-н, с. Кахтана; коряк; неграмотный; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Кахтана. Арестован 25 февраля 1938 г. Приговорен: Корякский окрсуд 27 ноября 1940 г., обв.: по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 25 июля 1990 г. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

Еще более сурово карательные советские органы обошлись с его односельчанином и однофамильцем (если не родственником):

Жуков Филипп Терентьевич. Родился в 1898 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Кахтана; коряк; малограмотный; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Тигильский р-н, с. Палана. Арестован 24 сентября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 17 марта 1938 г., обв.: по ст. 58-6 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Реабилитирован в 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

ЗАГАЙНОВЫ (ЗАГАИНОВЫ)

Эта фамилия в начале XX века встречается дважды – в селе Апача был Алексей Загаин, участник обороны Камчатки в 1904–1905 гг. в составе Большеерецкой дружины и Загайнов (без инициалов) в составе Петропавловской дружины, вероятно, потомок камчатских казаков, оставивших след от своей фамилии в Апаче.

Мы только предполагаем, что до крещения камчадалов эта фамилия принадлежала казакам Загайновым, но документального подтверждения не нашли. Как не знаем, сохранилась ли эта фамилия на Камчатке, дошла ли она до наших дней?

Правда, мы нашли интересный материал о происхождении самой фамилии: оказывается Загайнов – старинная русская фамилия. Впервые в письменных источниках она встречается в конце XIV века. В окладных книгах Тверской земли за 1499 г. упомянут Сенька Загайнов, староста в Торопце. В писцовых книгах города Владимира за 1500 г. отмечен Семён Загайнов, крестьянин. В 20-е годы XVII века фамилия зафиксирована в Великом Устюге и Соли Вычегодской. В 1623 г. было выполнено подробное описание Устюга с указанием всех жителей. В

писцовых книгах среди прочих устюжан отмечен один Загайнов: «на посаде у реки Сухоны старые кузницы: кузнеца Мишки Фёдорова Загайнова, длиной 2 сажени». В писцовых книгах Соли Вычегодской за 1624 г. значатся посадские «Павлик Козьмин сын Загайнов с детьми с Ивашком да с Гришкою да с Гаврилком да Алешка Козьмин сын Загайнов». В «Переписной книге посадских дворов и людей по городу Котельничу и Котельническому стану (1710 г.) упоминается «Фома Фофанов сын Загайнов, 35 лет», житель деревни Поздейка.

Вряд ли все эти люди были связаны между собой родством. Скорее всего, в России есть несколько династий Загайновых, и у каждой из них своё родовое гнездо, свой родоначальник. Несколько человек в разных областях России носили одинаковое прозвище Загайный. Смысл этого прозвища объясняется простыми житейскими обстоятельствами: родоначальник Загайновых жил в отдалении от своих односельчан, его дом отделяла от соседей естественная легко преодолимая преграда – «гай». В прошлом это слово широко употреблялось в народной речи и в разных губерниях России имело своё особое значение. «Гаем» назывались дубрава, осинник, поросшее камышом болотце, заливной луг. Природный объект служил ориентиром, по которому можно было отыскать дом, стоящий вдалеке от села. Неудивительно, что живущего за гаем земляка соседи прозвали Загайным. Домочадцы Загайного в своём близком окружении были известны как «Загайнова жена», «Загайнов сын», «Загайновы внуки». Постепенно отпали термины, обозначающие родство, и за династией закрепилась фамилия Загайновы.

В прошлом фамилия встречалась в разных губерниях Российской империи, в больших и малых городах. Например, в адресно-справочной книге «Вся Москва» за 1901 г. отмечен надворный советник Николай Сергеевич Загайнов. В справочнике по Санкт-Петербургу за тот же год упоминаются трое Загайновых: Иван Евграфович, коллежский ассессор, служащий Департамента таможенных сборов, Александра Евграфовна, владелица «бумажной мастерской», и Анна Евграфовна, дочь коллежского советника. В московской адресной книге за 1917 г. Николай Сергеевич Загайнов значится уже как «по-

томственный почётный гражданин». В семье его петербургских однофамильцев тоже произошли изменения: Ивана Евграфовича уже нет в справочнике, но по адресу Малый проезд, 53, живут три его сестры: Елена Евграфовна, Ольга Евграфовна, Пелагея Евграфовна.

В настоящее время фамилия Загайновых считается редкой, но среди её обладателей много достойных людей, известных в России и за её пределами. Один из них – Виктор Александрович Загайнов (1953–2002), сын военного лётчика, астроном по специальности, конструктор и пилот воздушного шара. В 1990 г. он впервые поднялся в воздух на созданном им самим воздушном шаре «Альтаир», через год стал чемпионом СССР, а впоследствии – призёром российских и международных соревнований по воздухоплаванию.

ЗАЕВЫ

Одна из наиболее распространенных камчатских фамилий. Камчадалы и коряки Заевы в 1893 г. проживали в большинстве сел Западной Камчатки – Гольгино, Морошечное, Белоголовое, Утхолок, Воровское, Лесная, Ковран, Хайрюзово, Кол, Явино, Кихчик. Своей фамилией и камчадалы, и коряки Заевы обязаны служилым людям Заевым – камчатским казакам, служившим на полуострове в начале восемнадцатого столетия. В первую очередь крестили «воровских», то есть непокорных инородцев, почему и первое упоминание этой фамилии среди новокрещёных аборигенов относится к корякским восстаниям в 1740-х гг., и мы узнаем имя одного из его участников – крещёного коряка Никиты Заева («Колониальная политика», стр. 103).

Многие из Заевых были участниками обороны Камчатки от японцев в 1904–1905 гг.

Заев Герасим (Морошечная дружина), с. Белоголовое.

Заев Григорий. Участвовал в боевых действиях на реках Колпаковой и Воровской.

Заев Евстроп (Морошечная дружина), с. Утхолок.

Заев Илья (Морошечная дружина), с. Хайрюзово.

А в 1930-х гг. многие Заевы стали жертвами известного «Тигильского дела», согласно которому их сажали и расстрелива-

ли за связь именно с японцами, которым и царская, и советская власти разрешили ловить камчатский лосось, но отвечать за все пришлось аборигенам.

Заев Василий Митрофанович. 1886 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Морошечное; камчадал; образование: малограмотный; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Морошечное. Арест: 12.05.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: на срок предварительного заключения. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО

Заев Николай Федорович. 1892 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Утхолок; образование: самоучка; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Утхолок. Арест: 15.07.1932. Осужд. 31.10.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-6-7 УК РСФСР. Расстр.: ноябрь 1932. Реаб. 30.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Заев Парфентий Митрофанович. 1892 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Морошечное; камчадал; образование: неграмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Морошечное. Арест: 12.05.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: на срок предварительного заключения. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Заева-Ласточкина Мария Ивановна. 1892 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Утхолок; ительменка; образование: неграмотная; б/п; была домохозяйкой; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Утхолок. Арест: 14.09.1937. Осужд. 03.12.1937, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 28.01.1938. Реаб. 24.06.1959. Реабилитирована определением Военного трибунала ДВО.

Не знаем мы пока откуда был родом Заев Алексей Егорович, который умер в тюрьме в период следствия все по тому же «Тигильскому делу» в 1932 г.

Западнокамчатские Заевы появлялись и в центральной Камчатке:

«В 1841 г. приказом начальника Камчатки было предписано “исъ остроковъ съ Голыгинскаго и Явинскаго въ остроки въ Начику и в ганалы по три человѣка для отбивания там каюрной Гоньби... с Явиной в Начику 3 человека, а именно: василей дехтерев, Петръ Лукошевский и василей Лукошевский, съ Голыгинскаго селѣнья в Ганалы 3 человѣка: Степан Заевъ, Прокопей Марковъ, Илья Сторозевъ”». (Браславец К., «Диалектологический очерк Камчатки».)

Но фамилия эта здесь не прижилась. Только во втором потоке западнокамчатского переселения камчадалов, связанным с массовым закрытием их поселков после лососевой дрейфтерной катастрофы 1950–1970-х гг., эта фамилия камчадалов снова появляется в центральной и восточной частях полуострова.

ЗАНИНЫ

Фамилия весьма распространена в России.

(См. <http://www.terinerxc.ru/307433/1/Mesta-zhitelstva-ZANININ.>)

Но не на Камчатке. Здесь она встречается до 1893 г. только в селении Авача, где проживало несколько (скорее всего, родственных) семей Заниных.

Занин Андрей Ильич. Авача, крестьянин, 1893 г., 50 лет. Жена Параскева Ивановна (35). Дети: Ксения (17), Гавриил (12), Анна (8), Ксения (5), Венедикт (3), Стефанида (1). Братья его Василий, Антоний. (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

О семье Василия Ильича известно совсем немного: крестьянин, 52 года, жена Мария Афанасьевна (78 лет).

Вот сведения об Антоне Ильиче: крестьянин, 39 лет. Жена Дарья Спиридоновна (33). Дети: Петр (6), Ирина (1).

Помимо них в Аваче проживала еще одна семья Заниных:

Занин Петр Алексеевич. Авача, крестьянин, 1893 г., 39 лет.

Жена Агриппина Николаевна (37). Дети: Ананий (16), Мария (10). Мать его вдова Агафья Тимофеевна Уланова (70). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Информация для размышления о социальном статусе этой семьи:

Занин Венедикт Андреевич. Крестьянин Авачинского селения, 19 лет, вступил в брак 5 октября 1908 г. Невеста – дочь крестьянина Авачинского селения Федора Данилова девица Ксения, 16 лет. Поручители: по жениху – Петропавловский мещанин Михаил Петрович Корякин и льготный казак Иоанн Федорович Попов; по невесте – крестьянин Суваловской губернии Мариампольского уезда Герман Альбертович Кукук и Петропавловский мещанин Гавриил Афанасьевич Ворошилов. (Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1908 г., ГАКК.)

О чем эта информация – о том, что связи семьи Заниных (которые Ильичи) были престижными – и Ворошиловы, и, тем более, Корякины были весьма уважаемыми людьми на Камчатке. А в свидетели на свадьбу абы кого не приглашают – только из ближнего круга.

Михаил Петрович Корякин был исполняющим делами Петропавловского городского старосты. Гавриил Афанасьевич Ворошилов был псаломщиком и учителем.

ЗАОЧНЫЕ

Заочный Александр Ермольевич, Авача, крестьянин, 1893 г., 34 года. Жена Харитина Алексеевна (34) Сын Александр (4). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

В селении Старый Острог в это же время проживала еще одна семья камчатских Заочных: Заочный Павел Степанович, мещанин (а не крестьянин), 56 лет. Жена Матрена Васильевна (48). Дети: Клеоник (19), Григорий (14), Александра (10), Даниил (8), Семен (4). (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.) Камчатские мещане, как мы знаем, – это в основном потомки служилого и купеческого родов. Потомки служилых могли быть записаны как в мещане,

так и в крестьяне, вероятно, по их собственному выбору, поэтому возможно предположить, что Заочные (как, например, Винокуровы) – потомки военных, которые служили в Камчатском гарнизонном батальоне, Камчатском флотском экипаже и остались на Камчатке. Но пока это только версия.

А мы пока вернемся к авачинской ветви фамилии.

Заочный Александр Александрович (младший). Дата рождения – 12 января 1913 г. Дата крещения – 16 января 1913 г. Родители – крестьянин Авачинского селения Александр Александрович Заочный и законная жена его Мария Спиридоновна (в девичестве Пермякова); оба православного вероисповедания. Крестные – дворянин города Тифлис Александр Порфирьевич Лумидзе. Таинство крещения совершал священник Павел Ворошилов.

Следующую информацию нам представил краеведческий клуб «Камчадалы» из села Мильково (руководитель В. З. Михайлова) она касается мильковской ветви семьи Заочных, родителей и детей (их было тринадцать!!!) Марии Спиридоновны Пермяковой:

Пермяков Спиридон Кирович, 1864 г., жена Пермякова Ольга Васильевна. Дети:

1. Василий, 1886 г. р.
2. Мария, 27.03.1889 г. р.
3. Иван, 1895 г. р.

Пермякова Мария Спиридоновна, 27.03.1888–1889 гг. Муж – Заочный Александр Александрович, 1889 г.

Дети:

1. Клеоник, 1905 г. р.
2. Афанасий, 1908 г. р.
3. Эрисей.
4. Анисья, 1913 г. р.
5. Лукерья, 1913 г. р.
6. Василий, 11.03.1915 г. р.
7. Александр.
8. Спиридон, 25.09.1920 г. р.
9. Кирьяк, 1922 г. р.
10. Кирилл, 24.12.1924 г. р.

11. Харитина, 28.12.1925 г. р.

12. Павел, 1926 г. р.

13. Наталья, 18.08.1929 г. р.

Больше, благодаря краеведу Нине Толман, мы знаем о представителе четвертого поколения Заочных – Владимире Александровиче Заочном, камчатском художнике, преподавателе, уроженце села Сероглазка.

Заочный Владимир Александрович. Владимир Александрович работал в Петропавловск-Камчатском педучилище. Во время нашей беседы в мастерской занимались студенты экспериментальной группы, профессиональные учителя, изъявившие желание получить еще одну специальность – быть учителями изобразительного искусства. Сейчас этой группы нет. Владимир Заочный оставил педучилище. Но он продолжает работать с детьми. Дело свое он не оставил. Хотелось бы, чтобы его опыт и знания были по-настоящему востребованы.

Владимир Александрович: «Я родился и вырос в Сероглазке. Это старинное поселение, я его очень люблю. Здесь до сих пор сохранены старые постройки, имеются даже амбарчики с 1901 года. Тьян Заочная – моя двоюродная сестра. Но мы как-то с ней очень редко встречаемся, она бывает на Камчатке, приезжает к матери в Мильковский район из Германии. В детстве рисовал, как и все дети рисуют. У нас в Сероглазке как-то неудачно было – не было никаких кружков. Мы и художников живых не видели. Учил нас в 5 классе по рисованию заведующий клубом. В старших классах рисовал в школе разные газеты, уже у нас работал учителем черчения и рисования Александр Васильевич Бацаев. Он научил всяким оформительским работам. Тогда была масса работы оформительского характера для проведения различных вечеров и других культурных мероприятий. По крайней мере, с красками я тогда много общался. И уже довольно взрослым пошел в художественную школу. Это было в 1966 году, мне было 18 лет. К этому времени пытался самостоятельно писать этюды, бегал в лес, к вулканам ходил, рисовал красками, читал литературу. Ходил я к Ларину Анатолию Николаевичу, он меня взял, не оттолкнул. А в это время я уже учился на физмате в нашем

пединституте. А потом занимался творчеством серьезно, как я это тогда понимал. Получил диплом физика, поработал в школе, а после армии, где тогда тоже занимали оформительством, пришло решение оставить физику и продолжить образование в плане искусства. Пришлось поступить на работу в педучилище, меня взяли преподавателем изобразительного искусства – жизнь требовала свое. От педучилища отправили учиться в г. Орел на худграф курсы для повышения квалификации. Там очень много приобрел и нравилось работать по 14–16 часов. Просыпался, бежал на этюды и засыпал с рисунком. Три раза я ездил в Орел и в то время очень много занимался творческой работой. С 1979 года начал выставляться на наших выставках. В 1980 году попал на зональную выставку. Тогда молодежи уделяли много внимания Союз художников, управление культуры. Три зональных выставки у меня было: в 1980, 1985 и 1990 годах (Чите, Владивостоке, Якутске). Везде проходил как график. Потом стал заниматься офортом, освоил технику самостоятельно. Продолжал творческую дружбу с Лариным, советовался с ним. Много общался с Сергеем Александровичем Степановым, консультировался как с мастером. Занимался экспериментальной работой. В Петропавловске был принят общим собранием в Союз художников, но в Москву надо было ехать самому, а мне там не пришлось побывать из-за работы в училище, и без моего присутствия Москва мою кандидатуру не утвердила. В результате документа я не имею, впрочем, особо не страдаю, хотя это влечет за собой многое, например, мог бы иметь свою мастерскую. Влез в педагогику, стал разбираться, Бог ты мой – темный лес! И то не так, и другое, и третье! Как мы готовим специалистов! Стал экспериментировать со студентами, пробивался, доказывал, фильмы всякие создавали. И сколько крови было пролито! Под сомнение ставилось все, в первую очередь – реализм. В педагогике – как преподавать и что преподавать; что такое рисунок, что такое живопись и вообще, что такое изобразительное искусство. Во мне играет упертость камчатская, я много читаю, смотрю, изучаю, и философские труды тоже, Лосева, например. А в искусстве буквально через строчку читаю Малевича, Кан-

динского – основоположников формализма, абстракционизма. У них очень серьезная теория. Ищу пути как наиболее рационально, правильнее заниматься детским творчеством. Я ставлю под сомнение принцип подражания: правильно-неправильно, похоже-непохоже. И как с педагогической точки зрения рационально, грамотно дать тропинку ребенку в искусство. Через правильность, через реалистический рисунок, я думаю такая тропиночка более долго протягивается. И это требует большого изучения. Изучения педагогических теорий по психологии восприятия. У меня это в голове как-то стало обобщаться. К сожалению, сталкиваюсь, студенты приходят из школ – они и ликбеза не проходили по изобразительному искусству. Это общая беда у нас в стране, в области. К нам приходят все более и более неподготовленные дети. Разница настолько велика, что уже трагично почти. И просто время тратить жалко на занятия, ведь основой должны заниматься в детском саду, в школе. Там не формируют основы понимания культуры, искусства как культуры. Можно знать сто имен художников и быть равнодушным к самим произведениям. Нужно формировать эстетическое восприятие, это сложная вещь, которая формируется с годами. Без искусства не может быть нравственности в обществе. Поэтому для меня все в купе замешано – педагогика и искусство. Мне говорят, будто я оторвался от проблем школы. На самом деле это не так. Есть опыт с бывшими студентами, которые понимают и разделяют мои позиции. Мне с ними интересно, с ними хочется идти дальше, у нас еще много-много-много впереди. Все наработанные технологии необходимо сразу апробировать на детях. Это нормальная, совершенно строгая научная работа. В медицине, например, теория, потом практика, обратная реакция. Нужна прямая и обратная связь. Прописал препарат, нужно проверить. Замкнутый круг. Нужно работать с этим постоянно, неизбежны новые и новые наработки. Но нам работать негде. В школе невозможно проводить эксперименты, там нет специальных кабинетов и время уходит на то, чтоб доказать необходимость задуманного. Мне помогли рериховцы, у меня сложилось впечатление, что они импонируют мне, попросили поработать с их

детьми. А дети, вообще, интересный материал. У них постоянные заботы, проблемы, вопросы, расслабиться не дают и не дают поживать на лаврах (ах, я какой!). Они все время как бы проверяют, все время ты на виду. Чуть-чуть зазнался, они тебя быстро на место поставят, потому что ты тоже живой материал. Это нормально. Сейчас там сформировалась группа детей, родители которых мне верят. Отчитываюсь перед родителями и совестью своей, перед детьми и больше не перед кем. Я вижу результат, с меня не требуют никаких отчетов, планов, конспектов. Я строго сам к себе отношусь и анализирую – что получается, что не получается. Мне кажется, в будущем будет взаимопонимание между родителем и педагогом (заказчиком – исполнителем). Сейчас я открытым текстом говорю родителям, какие качества собираюсь получить у их детей, что я ставлю целью: либо нарисовать горшок или яблоко, либо сформировать определенное отношение к искусству, определенную позицию, определенное эстетическое восприятие изобразительного искусства. Единственное, и это очень плохо, в бытовой комнате для занятий с этими детьми, совсем нет условий. Кафель, холодно. Но я провожу родительские собрания, отвечаю на вопросы, провожу выставки, обсуждения. Но сам результат не тороплю и не тороплюсь получить его в виде каких-то произведений, законченной картины. Я слежу за развитием у детей восприятия цвета, графических тонкостей. И рассчитываю на долгий путь. Говорю родителям, что не планирую завтра из ребенка сделать Репина. Как в геологии – золотой песочек надо намыть тщательно, но не спускать этот шлик с лотка, а нужно кропотливо-кропотливо мыть. Художественная культура “намывается” именно таким способом, т. е. это вещь, намытая долгим, с терпением, трудом. Он может сказаться через много лет, может быть даже к концу жизни. Но это будет результат воздействия сегодня. Если бы я работал на выставки, тогда работал бы по-другому. Но я пропагандирую трудоемкий труд над формированием личности ребенка».

Ольга Лозенко рассказывает: «Меня привело сюда любопытство, я узнала, что существует такая группа, которая разрабатывает новые методики в преподавании изобразительного искусства. Раньше я не проявляла интерес к рисованию, склон-

ности были к гуманитарным предметам. После училища немного поработала в детском саду. В 1991 году была официально оформлена экспериментальная группа. С тех пор я здесь работаю. Наши работы выставлялись только в контексте экспериментальной группы, персональных не было. С ними знакомились в областной библиотеке, в Краеведческом музее. Краски, кисти, все пока покупаем сами, нас никто не поддерживает, даже училище. Бывают разовые спонсорские поддержки, но особо рассчитывать на эти вещи не приходится. Готовясь к выставкам, сами обличаем рисунки в бумажные рамочки, а это тоже занимает немалое время и средства. С первого набора из экспериментальной группы выпустилось 9 человек. Из них Светлана Николаевна Праведных, работает ныне в 33 школе и в дошкольной гимназии. Татьяна Владимировна Юдинова тоже работала в 33 школе, сейчас она в отпуске по уходу за ребенком. Евгения Глудунова работала с детьми, у которых нарушено психическое развитие. Она пыталась максимально использовать в работе средства изобразительного искусства. Оксана Аксиненко работала в эстетическом центре при Музыкальном училище и вела изобразительное искусство. Сейчас она тоже по уходу за ребенком. Мне очень много дало обучение в экспериментальной группе. Совершенно изменился взгляд не только на изобразительное искусство, но и на подход к обучению детей. Все взаимосвязано. Здесь я начала понимать каким способом, многообразием форм и способов можно подходить к творческому процессу педагогики. Тот стандарт, который нам предлагает педагогическая наука, условен. Он изжил себя. А здесь нас приучают не мыслить стандартным образом. Это интересно. Ведь мы все разные. У нас есть уже свой миниколлектив, он может расширяться, уменьшаться в зависимости от ситуаций и условий. Кто работает в детских садах, где-то еще, все равно все приходят сюда скоординировать свои действия, посоветоваться. Получается, что работа со всеми продолжается. Владимир Александрович никого не упустит, со всеми побеседует на методические и общепедагогические темы. И наши ученики приходят сюда как в центр, чтобы работать творчески. Чтобы работать с детьми, нужно не терять форму

как художнику. Поэтому они приходят к нам, пишут, рисуют. У нас два класса, но один уже занят работами прошлых лет. Получается, что класс для занятий у нас один. Выпускники в нем занимаются, первый курс, и второй. Я веду часть предметов, веду на первом курсе рисунок, живопись, декоративное искусство. Владимир Александрович занимается со вторым курсом. Учебный рисунок, в нем есть определенные правила. Но у нас введен еще так называемый “вечерний рисунок”. Это условное название, он предполагает творческую работу в рисунке – каждый может творить что хочет».

Татьяна Терещенко: «Мы в одно время с Ольгой пришли. Я хотела бы отметить, что у Владимира Александровича ко всем нам найден индивидуальный подход. Он поправляет совсем незаметно, создается ощущение, что работаешь самостоятельно, он совсем не мешает, не диктует ничего своего. Развитие происходит совершенно свободно, Владимир Александрович только чуть-чуть направляет. С другой стороны, мы знаем, зачем сюда пришли и чего мы хотим. Поэтому обстановка у нас очень доброжелательная. Студентов у нас мало, все на виду. Кто пришел совершенно случайно, просто приходить посидеть, тот уходит безболезненно. Остались те, кто проявляет неподдельный интерес к предмету с открытой позицией научиться, чего-то добиться».

Владимир Александрович: «Сейчас эти девочки пишут другому. Это небольшая часть их работ, там еще несколько ящичков. Но в принципе по этим рисункам, акварели можно судить об их характере. Это первых три довольно ярких художника, которые имеют уже свое лицо. Таня, мне кажется, больше график. Вот такие незаметные зарисовки, рисунки от муравьев, листиков до сюжетных набросков, которые перерастают в хороший, великолепный, до сложной композиции, рисунок. У нее очень обостренное ощущение чувства какой-то боли, во всем, абсолютно во всем. Ни одного штриха, ни одного наброска она не делает просто так, во всем темперамент и какая-то боль. Я это так ощущаю и вижу. Ее не надо учить правильному рисованию, у нее не идет академический рисунок, она все равно изуродует черепки, горшки, она их доведет

до гротескной формы, получается что-то болезненное, напряженное внутри, что очень больно смотреть. В то же время огромная, тончайшая любовь к деталям – эти цветочки, грибочки, ягодки, былиночки. Мох нарисует до каждой мелочевки. Причем берет самое обыкновенное, вот тут есть натюрморт ее, предметы на первый взгляд могли бы не привлечь художника – болты, двигатели, бытовые сцены на кухне. Сколько ездили в лес, Татьяна ни минуты не сидит без дела. Она с нами разговаривает, но сидит, рисует, рисует, рисует. И из этой тысячи есть, конечно, что нужно выбросить. Но мастерство ее с годами растет, она вкладывается в хорошую художественную пластичную форму. Есть композиции очень интересные, комментировать их сложно. Она пишет по прочитанному, по надуманному, по каким-то историческим моментам. Например, вот есть “Расстрел царской семьи”. Татьяна обращается вниманием к самым различным темам нашей жизни. Я очень ценю этого художника. От цветочка-листочка до расстрела царской семьи... Она созрела как график со своим лицом, со своим видением, со своей позицией в искусстве. Любит акварель, она у нее специфичная. А графика уже идет – и линия, и пятно, и тональность, т. е. мы видим совершенно законченные практические работы. Татьяна имеет выставочный опыт. Я думаю, что это очень перспективный художник, ее надо лелеять, лелеять и, конечно, растить. Оля. Вот с чего начинала Оля на первом курсе, у нее великолепное ощущение материала. Акварель. По-моему, она родилась с акварелью, с ощущением акварели. Она пришла, не умела ничего. Но она взяла сразу акварель. Я смотрел на первые ее работы и думал: “Где же она уже училась, она знает материал”. Обычно с другими долго ведешь беседы, упражнения. А здесь никакого насилия, здесь материал сразу начал работать на образ. Причем, Оля очень лирична. Тонкость ощущений и принятие материала, создает что-то одухотворенное. Вот осень, это потому что мы осенью выезжаем. Вообще-то у всех девочек нет нарочитых вулканов, искусство, это все-таки, не география, вот у нее озеро, осень. Есть ощущение, позиция. Пейзажи у нее замечательные. И графика замечательная. Акварель. Перышко. У нее

много полуабстрактных работ. В последнее время Оля работает с обнаженной. Вот у одной (Тани) такая личность, а здесь вот такая (у Оли). Один и тот же объект они рисуют по-разному. В последнее время Оля много читает, работает, наблюдает, растет в искусстве. Особенно это заметно в работе с обнаженной. Большая форма, большая масса, мощная тектоника холста (она ее чувствует). А вот последние работы я очень высоко оцениваю. Художник знает, как довести от простого этюда до формата ватманного листа. Это невероятно сложный труд, очень сложно удержать такой размер. Последние работы – это попытка работать с маслом. Оля много работает с академическим рисунком, и это дает свои плоды. Вот этот рисунок, здесь мощная композиция, мощный удар. Я эту работу оценил очень высоко, даже поздравил, у нас вечер целый был. Дай Бог, Оля разрабатается на огромном холсте. Созрела уже. Вот это маленькие этюды для больших, огромных, мощных, крепких работ. Мне кажется, это только старт. Третий художник, я называю ее Ксюшей. Совершенно неповторимый человек. Я знаю Ксюшу с возраста детсада. Посещала кружок в Доме пионеров. Медленно, долго шла к искусству, но верно. Ко мне пришла сразу на второй курс. Сейчас у нее творчество в том проявлении, которое я вообще понимаю за творчество. Она не срисовывает форму. Она видит одно, а в душе ее что-то творится. Материалом делает совершенно не идентичные натуры, но это продиктовано ощущением натуры, великолепным ощущением с большим личностным “Я”. Ксюша для меня как методической пособие – я смотрю, как она развивается, как становится художником. Иногда нет слов, нельзя объяснить, нельзя понять даже учительской логикой последовательность ее развития – Ксюша смотрит, что-то делает, очень молчаливо так, тихонечко, но делает что-то совершенно невероятное, хотя сидит, с нами общается, слушает, говорит. Очень работоспособный человек. Этюдов вот куча, мраченькие такие, вот это – все сидят в палатке, у костра, мерзнут, мокнут, жмутся – Ксюша надевает фуфайку, рюкзачок на себя, сапоги, такой вот маленький зонтик, идет, где-нибудь сядет, зонтик в одной руке держит, этюдик на коленочки пристроет и пишет, и пишет в любую погоду, ей хоть кирпичи с неба... Все пока туда-сюда, раскачи-

ваются, Ксюша обязательно принесет этюд до обеда и так потихонечку, потихонечку крапает, крапает, крапает. Очень содержательный человек. В искусство она очень крепко входит. Она настолько серьезно вошла в него, по-моему, она искусство уже не бросит. Вот это – наш золотой фонд. Это трансформация по прочитанному. Андрей Белый. Ассоциированный выход темы. “Метаморфоза” называется, триптих. И с натуры неплохо работает. Натюрмортик вот этот, с флакушечками. Причем у нее есть всего две краски, она ими работает, и даже лучше, чем со всеми красками. Красная краска и желтая, получилось совершенно живописное произведение. Мы его назвали “Красное вино”. В общем, она не страдает, из чего угодно сделает. Непредсказуема совершенно. У нее идет рост все крепче, сильнее, выразительней и великолепное ощущение бытия, скажем так. Все, начиная от природы, взаимоотношений человеческих, литературных произведений, трансформации прочитанного, у нее свое изложение в материале, который она берет, т. е. работает любым доступным материалом – карандаш есть, значит, карандаш, и акварелью, и гуашью... Ксюша, что бы ни случилось, она в своем мире существует. Другого человека могут сбить жизненные потрясения, а она может говорить об одном, соглашаться с другим, и все равно сделать по-своему. Будто ничего не случается рядом с ней. Вот, все эти три художницы, Таня Терещенко, Оля Лозенко, Ксюша – это Оксана Аксиненко, они крепко идут в искусство. Им надо давать поле, чтобы они творили, им не надо педагогией заниматься. Пока им по двадцать с небольшим лет – у них путь впереди. Я считаю, это – явление. С мэтрами, правда, трудно сравнить, но у каждого свой путь. У наших камчатских мэтров свой путь был, они его проходили по-своему. А молодую поросль сейчас сложно растить. Их, во-первых, нужно откопать, во-вторых, довести до состояния творца, до активной творческой личности. Микроклимат им создать вроде парникового эффекта до какого-то времени. А им приходится зарабатывать уроками, к сожалению. Это ненормально. В то время я с удовольствием общалась с девушками: милыми, привлекательными, хрупкими, очень чуткими, жадными к информации – а что творится в “малом зарубежье” и в других местах. Я им показывала малую скульптуру ковранского художника; ак-

варель усть-хайрюзовской Ларисы Самусь; рассказывала о поездке в Америку, о посещении там музеев, о художниках Аляски. Сейчас меня волнует их дальнейшая судьба».

Нина Толман (запись 20 февраля 1997 г. и переписка 2001 г.).

Владимир Заочный родился в 1948 г. в петропавловском поселке Сероглазка. С 1955 по 1966 г. работал художником-оформителем на различных предприятиях города. В 1973 г. окончил физико-математический факультет Камчатского государственного педагогического института (Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга). С 1974 по 2000 г. преподавал в Камчатском педагогическом училище. В 1974 г. окончил курсы повышения квалификации педагогов изобразительного искусства в педагогическом в Орловском педагогическом институте.

В 1993 г. ему было присвоено звание «Заслуженный учитель РФ» за разработку и внедрение авторской программы и методики преподавания изобразительного искусства. В 1996 г. Владимир Заочный открыл авторскую школу, которая в 2000 г. была преобразована в независимую творческую группу молодых педагогов-художников «Студия Z». В ней он продолжает работу со своими воспитанниками и учениками. В 2001 г. работает преподавателем живописи и рисунка в Камчатском государственном колледже на отделении дизайна. В этом же году Владимир Заочный становится членом Творческого Союза художников России. Все эти годы, с 1979 по 2008, художник принимает участие в многочисленных выставках областного и зонального значения.

(<http://severdv.ru/news/show/?id=12760&p=&sec=1>)

О другом представителе этой фамилии – Татьяне (Тьян) Заочной мы узнаем из материалов по истории Московской Хельсинской группы.

Московская Хельсинская группа.

ИСТОРИЯ

Документы МХГ (1976–1982)

1979

114. Заявление по поводу казни Степана Затикиана и двух других неназванных лиц:

Документ № 81 (1)

Приведен в исполнение смертный приговор трем молодым людям, вынесенный в неизвестном месте в неизвестный день в обстановке полной тайны и секретности Судебной коллегией [по уголовным делам] Верховного Суда СССР. Случай беспрецедентный в судебной практике, но указана фамилия лишь одного из приговоренных к смерти, фамилии двух других даже не названы (2).

Все трое приговорены к смерти по обвинению во взрыве в московском метро с человеческими жертвами в январе 1977 года. Невозможно понять, почему процесс по такому обвинению понадобилось проводить в полной тайне, не известив даже самых близких родственников обвиняемых. Ведь взрыв в метро вызвал всеобщее возмущение, и убедительное доказательство вины обвиняемых, если только обвинение располагало такими доказательствами, содействовало бы всеобщему осуждению преступников.

Отсутствие гласности и вся обстановка секретности дают основания сомневаться в обоснованности обвинения, в объективности и беспристрастности суда. Ряд лиц, например, утверждает, что С. Затикиан вообще не был в Москве в момент взрыва.

Является ли такой суд судом в общепринятом значении этого слова?

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР: Софья Каллистратова, Мальва Ланда, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Юрий Ярым-Агаев.

Присоединяемся: Татьяна Великанова, Евгений Николаев, Тьян Заочная, Виктор Елистратов, Леонид Щаранский, Юлия Закс, Александр Лавут, Ирина Орлова, Ирина Жолковская (Гинзбург), Александр Орлов, Римма Якир, Мария Петренко-Подъяпольская.

1 февраля 1979 г.

(1) В АС №3544 – документ № 80. – Сост.

(2) См. прим. LIX.

<http://www.mhg.ru/history/15D6785>.

В настоящее время Тьян Заочная проживает в Мюнхене (Германия).

ЗАПОРОЦКИЕ

Происхождение этой фамилии достаточно ясное – о ссыльном Антоне Запороцком, проживающем на заимке камчатского купца Никифора Трапезникова, сообщал в «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинников. Судя по всему, Запороцкий тоже занимался купеческими делами, потому что появление его фамилии в период деятельности крестьянских миссионеров, которых сопровождали казаки, купцы, зверопромышленники, отмечено во многих селениях западного побережья Камчатки. Дальнейшая судьба Антона Запороцкого неизвестна.

История появления фамилии: 1747 г. – Морошечная; 1749 г. – Белоголовая, Хайрюзово, Брюмка.

Участниками обороны Камчатки в 1904–1905 гг. были Запороцкие из сел Морошечная – Афанасий, Иннокентий, Проконий, Тимофей, и Седанка – Гавриил.

Так же, как и Заевы, Запороцкие проходили по знаменитому «Тигильскому делу»:

Запороцкий Григорий Егорович. 1901 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Морошечное; камчадал; образование: малограмотный; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Морошечное. Арест: 12.05.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ по ДВК. Обв. по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР. Расстрел. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован постановлением Военного трибунала ДВО.

Запороцкий Константин Иванович также был арестован по «Тигильскому делу» в 1931 г., сошел с ума, был выпущен из-под ареста и через несколько дней умер.

ЗИМИНЫ

Связь между фамилиями русских старожилов и коренных камчадалов Зиминых прослеживается даже и географически – верхнекамчатские казаки Зимины крестили коренных камчадалов из близлежащего селения Шаромы и «наделяли» их своей фамилией, которая как никакая другая соответствует самой типичной для Камчатки погоды – Зимины.

Род верхнекамчатских Зиминых был довольно многочислен

ный, ибо в дружине ополченцев, оборонявших Камчатку, присутствовало сразу несколько представителей этого рода – Николай, Михаил и Парфентий.

О том, что Зимины были служилыми, то есть военными, людьми и впоследствии, подтверждают архивы. В 1812 г. в Камчатском гарнизонном батальоне (Сомовском полку) мы находим сразу четверых братьев Зиминых: двое воспитанников и двое рядовых – Зимин Василий Ильич (14) и Зимин Иван Ильич (17), а также Григорий Ильич (22) и Илья Ильич (24). Это, конечно, не иркутские рекруты (где формировался Сомовский полк), а местные (судя по возрасту) новобранцы.

Жители камчадальского селения Шаромы и русского казачьего острога (а потом тоже села) Верхнекамчатск роднились из века в век – Зимины верхнекамчатские оставили здесь свою фамилию, став крестными отцами новокрещенных соседей, а шаромские Зимины приходили к своим верхнекамчатским родникам за невестами.

Шаромец Емельян Иванович Зимин также выбрал себе невесту в Верхнекамчатске – Таисию Филаретьевну Верещагину, которая подарила ему девятерых детей. Только вот судьба у этой семьи была горькая... (см. форум сайта «Камчадалы. ру») – отца-кормильца за «расхищение социалистической собственности» приговорили к 10 годам лишения свободы.

Мы уже писали (см. очерк «Аббакумовы (Абакумовы)») о том, что Аббакумова Александра Фотиевна, дочь малкинского камчадала Фотия Петровича Аббакумова вышла замуж за Зимина, только неизвестно за какого – верхнекамчатского или шаромского. Но в истории ее имя сохранилось еще и потому, что Александра Фотиевна Зимина была одной из лучших охотников Елизовского госпромхоза, много лет, до старости, занимавшаяся промысловой охотой на пушного зверя. О ней в свое время не раз писала главная газета Камчатки – «Камчатская правда».

ЗИНОВЬЕВЫ

Эту фамилию в последний раз мы встречаем при переселении гижигинских казаков на Камчатку, где они основали новое се-

ление на берегу бухты Сероглазки. Позже эта фамилия исчезла.

Зиновьев Григорий, казак, 1853 г.

«Как заметил Дитмар, несладко пришлось казакам в том плавании на тендере “Камчадал”. Суденьшико было маленьким, к тому же геолог Дитмар погрузил на него полторы тысячи пудов бурого угля для пробного сжигания в Петропавловске. Всего уезжали 63 человека из казаков, казачек и казачат. Их разместили в тесном, холодном трюме прямо на угле. К тому же команда тендера занималась повальным пьянством вплоть до капитана, поэтому судьба пассажиров их не волновала. 14 июля 1853 г. казаки покинули Гижигу. Казак Григорий Зиновьев сошел на берег вместе с Дитмаром в Тигиле и сопровождал путешественника повсюду до Петропавловска, а его семья вместе с другими казачьими семьями продолжала путь на тендере. Как ни странно, до Петропавловска благополучно добрались все. 10 октября пришли в Авачу, а затем в Сероглазку и Дитмар с казаком Зиновьевым. Все казачьи семьи уже проживали в новых домах-казармах своего нового селения» (Смышляев А. А., «Участие казаков в Петропавловской обороне 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010 г., стр. 204).

Патриархом рода камчатских казаков Зиновьевых мог быть камчатский приказчик Михаил Зиновьев, который более был известен в истории под другими своими именами Многогрешный, или Черкашенин.

И мало кто знает, что все эти его имена имеют самое прямое отношение к дяде Михаила Зиновьева – Демьяну Игнатьевичу Многогрешному, гетману Украины с 1669 по 1672 гг., преемнику гетмана Брюховецкого, сосланный в Сибирь вместе с племянником Михаилом Зиновьевым-Многогрешным-Черкашениным.

Но ссыльный гетман прославился и в Сибири, как и его племянник.

«Участник казацкого восстания 1648. С 1649 войсковой есаул. Заключил с царем Алексеем Михайловичем Глуховские статьи, единственный документ, который после смерти Богдана Хмельницкого обеспечивал реальную автономию Левобережной Украины в составе Российского государства. Пытал-

ся не вступать в открытую конфронтацию с гетманом Правобережной Украины Петром Дорошенко, принявшим турецкий вассалитет. По не вполне обоснованным подозрениям в связях с Турцией низложен и сослан в Сибирь, где отбывал заключение в Иркутской тюрьме. В 1688 освобождён. Участвовал в подписании Нерчинского договора в 1689. В 1696 постригся в монахи. Многогрешный Демьян Игнатьевич – гетман малороссийский, человек, очевидно, незнатного происхождения: современники называли его “мужичьим сыном”. В реестрах запорожского войска, составленных в 1649 г. после зборовского договора, Многогрешный записан войсковым есаулом. В 1668 г. он был черниговским полковником. Сначала Многогрешный был на стороне гетмана Брюховецкого, но изменил ему и перешел на сторону Дорошенко, который, уезжая с левого берега Днепра, оставил Многогрешного своим заместителем – наказным гетманом. Многогрешный вошел в соглашение с князем Ромодановским и перешел на сторону Москвы. После андрусовского договора, когда правобережная Украина была уступлена Польше, Многогрешный на раде в Глухове 3 марта 1669 г. был избран гетманом. При его избрании были повторены статьи Богдана Хмельницкого, с некоторыми ограничениями местного самоуправления. Многогрешного не сразу признали гетманом; только в 1670 г. ему удалось овладеть всей левобережной Украиной. Население и после этого относилось к Многогрешному крайне недружелюбно. Дорошенко исхлопотал у константинопольского патриарха проклятие Многогрешному, снятое только по ходатайству московского царя. Для подавления своих соперников Многогрешный пользовался доносами. Тем же оружием боролись с Многогрешным и его противники; повод к тому давали злоупотребления Многогрешного в области суда над старшинами и частой их смены. Постоянные доносы возбудили, наконец, подозрения в Москве против Многогрешного. Его приказано было доставить в Москву. В ночь с 12 на 13 марта 1672 г. Многогрешный был схвачен в его гетманской резиденции Батурине и отправлен в Москву. Его противники упростили царя судить Многогрешного в Москве, под предлогом

возможности народных волнений. Под пыткой Многогрешный сознался в сношениях с Дорошенко. Гетмана и его брата приговорили к смертной казни, но она была заменена вечной ссылкой в Сибирь вместе с семьями и другими подсудимыми. Многогрешный был сослан в Селенгинск и приписан в дети боярские. В 1688 г., вместе с сыном Петром, он принимал участие в усмирении восстания восточных бурят; в 1692 г. вел переговоры с бодайскими людьми о мунганах. Год смерти Многогрешного неизвестен».

См. профессор В. Б. Антонович и профессор В. А. Бец, «Исторические деятели юго-западной России» (Киев, 1883); Н. И. Костомаров, «Сочинения» (изд. Литературного фонда, кн. VI, гл. 15); Максимов, «Сибирь и каторга» (Санкт-Петербург, 1871, ч. III); Гоздаво-Голомбиевский, «Три документа о пребывании Многогрешного в Сибири», «Чтения в Обществе Истории и живописи» (1888, кн. I). <http://www.rulex.ru/01130689.htm>

<http://www.egregor.ru/pravoslavie/getman.html>

А вот еще одна замечательная публикация **«Селенгинская “украина” гетмана Многогрешного»**, принадлежащая перу Э. В. Дёмина.

А за славным было Байкал-морем,
А и вверх по матке Селенге,
Из верхнева острогу Селенгинского...
Из селенгинской казачьей песни XVII в.

Старый город

Уже более двухсот лет стоит на правом берегу реки Селенги, пониже устья Чикоя, удивительное строение. Сегодня это одинокий символ некогда довольно крупного, по сибирским масштабам, города, сыгравшего, быть может, решающую роль при становлении государственности в Забайкалье, территория которого называлась в некоторых древних письменных актах «даурской украиной», т. е. краем российского государства.

Спасский Собор Старого Селенгинска...

С левого берега реки его особенно хорошо видно от мемориала декабристов и от утёса «Англичанка». А с воды, на фоне песчаных увалов и голубого неба, он кажется невесомым, как бы парящим в воздухе. Возникает удивительная гармония природы и строения.

Но собор не только символ сыгравшего свою роль города, это и горький упрек новому времени. Свидетель богатой истории забайкальского края, хранитель многих исторических тайн, пережив пожары, наводнения и землетрясения, он не в силах сопротивляться обычному равнодушию и активным покушениям наших современников на его сохранность. Не помогает ему сегодня и статус памятника архитектуры.

Вот только одна чуть приоткрытая тайна собора и старого города. Наводит на неё отрывок из воспоминаний о Селенгинске одного из сосланных сюда декабристов – Михаила Александровича Бестужева, который, как и его брат Николай, живо интересовался местными народными легендами и преданиями. Он пишет: «Гетман Демьян Многогрешный, живший очень долго в Селенгинске, участвовавший с гражданами в побоище Монгол на горе, носящей до сих дней название Убиенной, – об его пребывании не сохранилось здесь никаких преданий, даже место, где он похоронен, неизвестно, потому что плита с его могилы снята при постройке каменного собора в Селенгинске и заложена в каменный пол нижней церкви, в числе других плит».

В истории Старого Селенгинска известен только один собор и притом каменный, имевший верхнюю и нижнюю церкви. Это и есть Спасский собор. Строить его начали ещё в 1784 году взамен сгоревшей одноименной деревянной церкви. Пол нижней церкви, о котором говорит Михаил Бестужев, находится сегодня под более чем метровым слоем навоза, что, к сожалению, делает пока невозможным проверку сведений декабриста. Тем не менее нельзя удержаться от мысли о том, что братья Бестужевы, поселённые в Селенгинске с 1839 года, знали лучшие времена этого замечательного сооружения. Наверное, они, не раз бывая внутри собора, хорошо изучили его и знали место, где уложена надгробная плита с могилы опаль-

ного гетмана. Упоминания о ней в связи со Старым городом и собором обнаруживаются и через сто лет – в черновых записях селенгинского краеведа С. И. Глазунова (Таежного), относящимся к 1950–1960 гг., который в 1959 г. запрашивал у Ростовского областного музея краеведения сведения о гетмане Многогрешном. В ответе музея, в частности, сообщалось, что Д. И. Многогрешный «впервые встречается в документах под 1609 годом» и что «он умер после 1696 года». В одной из последующих публикаций краевед упомянет о Многогрешном, отметив: «Упраздня вольную Запорожскую Сечь, Пётр I усилал храброе воинство в Сибирь нести караульную службу; часть запорожских казаков попала в Селенгинский острог».

Почему же так важно было бы увидеть сегодня эту плиту и найти, если это ещё возможно, само место захоронения?

Демьян Игнатьевич Многогрешный – это незаслуженно забытая тема забайкальского и бурятского, в частности, краеведения. Из глубины трёх веков смутно и противоречиво возникает образ этого необычайной судьбы человека, ровесника и активного участника важнейших государственных преобразований в Забайкалье и на Украине. В памяти своих забайкальских современников, а затем и в практически угасших сегодня местных народных преданиях он предстаёт личностью легендарной.

Тайна смерти

Сибирский образ Многогрешного окутывает тайна. Читаем весьма скудные строки о Многогрешном в двух изданиях Большой советской и Украинской советской энциклопедиях, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона. Они рождают больше вопросов, чем дают ответов. Ведь все энциклопедии не знают даже дат и мест его рождения и смерти. По поводу года смерти стоит лаконичное «неизвестен». И только в третьем издании БСЭ мы находим более определённое: «Ум. не ранее 1696», «в 1696 постригся в монахи». И всё.

Даже в фундаментальном академическом издании материалов и документов по истории русско-китайских отношений в XVII в., в котором содержатся описания многих конкретных дел Многогрешного по защите Забайкалья и участию в станов-

лении здесь государственности, сообщается только о пострижении его в монахи в 1696 г..

И всё-таки нам удалось найти документ, точно указывающий год смерти Многогрешного и ставящий под сомнение указанный в БСЭ и других источниках год, когда он постригся в монахи, а потом и воссоздать из небытия, сколько возможно, его забайкальские деяния.

В сборнике «Первое столетие Иркутска», выпущенном в Санкт-Петербурге в 1902 году, содержится «Книга именная денежная расходная, служилым людям 1704 г. (кн. № 1401)», где на странице 28 находим: «...девять рублей. Иркутского сына боярского Фёдора Никифоровича сына Черниговского, которому в 207 г. по указу великого государя и по грамоте из сибирского приказу, и по разбору прежнего воеводы стольника Ивана Николева по указу великого государя денежного жалованья давать не велено, потому что он вёрстан в выбылой оклад умершего сына боярского Петра Демьянова сына Многогрешного без указа великого государя и без грамоты.

По 20 руб. Нежинский протопоп Симеон Адамов в 195 г. умре. Казачий голова Афанасий Бейтон в 209 г. умре. Дети боярские: Демьян Игнатов сын Многогрешный в 209 г. постригся в монахи и в 1703 г. умре. Окладу его Демьянова остаточного от верстания Дмитрия Таракановского 11 руб...

По 7 руб. Сидор Шестаков в 205 г. в Аргунском от баргузинских казаков убит... Василий Фомин умре. Яков Многогрешный...».

Таким образом, из этого документа следует, что в 1701 (209) году Многогрешный постригся в монахи, а в 1703 году умер. Надгробная плита с его могилы позволила бы узнать многое остальное и проверить уже известное о рождении и смерти гетмана. Но это может быть только ключом к раскрытию многих тайн почти тридцатилетнего пребывания опального запорожского гетмана в Сибири, из которых большая часть оказалась связанной с Селенгинском.

Генеральный есаул – гетман

Как попал гетман в Сибирь? Вышеназванные энциклопедии сообщают, что Многогрешный был активным участником

освободительной войны украинского народа 1648–1651 гг. В 1649 г. он в чине генерального есаула подписал Зборовский договор, заключённый между Богданом Хмельницким и польским королём Казимиром. В 1668 г. Многогрешный избран гетманом Левобережной Украины и был им до 1672 г., когда, обвинённый казацкой старшиной в связях с Турцией, был арестован и доставлен в Москву.

На заключительный акт трагедии запорожского гетмана проливает свет повествование историка России С. М. Соловьёва. Он даёт описание сложных и опасных перипетий в отношениях гетмана с казацкой старшиной, Правобережной Украиной и русским правительством, развивающихся на фоне постоянной угрозы украинским землям со стороны панской Польши. Читаешь эти строки и понимаешь, каким горячим было гетманское место для Многогрешного. Чего стоит, например, для верующего гетмана проклятие его патриархом константинопольским, которого добился ориентировавшийся на Турцию гетман Правобережной Украины Пётр Дорошенко.

И хотя, благодаря заступничеству московского патриарха Иосифа, это проклятие было снято, враждебные действия против гетмана продолжались. На этот раз был пущен слух о якобы намечаемой Москвой замене Многогрешного на посту гетмана полковником Константином Солониною. Эта молва была явно направлена на то, чтобы поссорить Многогрешного с московским правительством и сблизить его с Дорошенко. Вот что пишет М. С. Соловьёв в «Истории России с древнейших времён» по этому поводу: «Молва о смене Многогрешного Солониною, неведомо откуда, шла по Украине; но мы знаем, с какой лёгкостью верили на Украине всякой молве; приверженцы Демьяна встревожились не меньше его самого». Указание на источник этого, скорее всего, провокационного слуха, даёт сам гетман: «Дал мне знать об этом Дорошенко, а Дорошенко сказывал польский посол».

С той же целью была пущена в ход и «старая сказка об уступке Киева и всей Малороссии королю польскому». Реакция Многогрешного была бурной, ведь он всерьёз верил этим слухам: «Я, говорит он, нынешнего своего чина не желаю,

потому что очень болен, желаю прежде смерти сдать гетманство. Если мне смерть приключится, то у казаков такой обычай – гетманские пожитки все разнесут, жену, детей и родственников моих нищими сделают; да и то у казаков бывает, что гетманы своею смертию не умирают; когда я лежал болен, то казаки сбирались все пожитки мои разнести по себе».

Из повествования С. М. Соловьёва явствует, что не перспектива лишиться гетманского места, прежде всего, волновала Многогрешного. Главным вопросом, из-за которого он, поверив молве, пошёл на резкое обострение отношений с Москвой, была угроза захвата украинских земель поляками, что, якобы, санкционировалось московским правительством.

Мечущийся гетман давал все больше поводов для недовольства со стороны старшины и московских воевод. Как сообщает тот же С. М. Соловьёв, он «призвав старшину, объявил, что государь к нему пишет всю старшину прислать в Москву, а из Москвы разослать их в сибирские города на вечное житьё». Как резкий упрёк звучат следующие его слова: «Государь пишет, что список с договорных статей пришлёт с полковником Солониною: но я и всё войско этим спискам не верим, чего глаза наши не видали и уши не слыхали. И так много ко мне писем из Москвы присылают, будто бумагою да ласковыми словами успокаивают, а подлинного ничего не объявляют, много с Поляками договоров чинят, а границы не учинят...»

Обвинение – ссылка

Грозовые тучи над Многогрешным так и не рассеялись, они разрешились уже упоминавшимся заговором казацкой старшины во главе с генеральным писарем Карпом Мокриевичем.

Позиция Многогрешного, как гетмана, в отношении государственного устройства украинских земель представляется сложной и противоречивой. Но нельзя отрицать, что, ошибаясь и страдая, он тяжело переживал тогдашнюю раздробленность Украины и неопределённость её будущего. Противоречия его гетманского правления объективно отражали специфику того драматического периода истории Украины, в который он жил. Выше этих противоречий он подняться не смог.

А вот одна из последних страниц повествования С. М. Соловьёва о Многогрешном: «28 мая на болоте за кузницами поставили плаху – будут казнить гетмана Демку Многогрешного и его брата Ваську. Привезли преступников и начали читать им вины, т. е. все поданные на них обвинения: “Ты, Демка, про всё распрашиван и пытан; и во всех своих изменных словах винился и 20 мая старшины со всем народом малороссийским прислали челобитье, чтобы тебя казнить смертью в Москве, а для подлинного обличенья прислали батурина сотника Григория Карпова, который от тебя Дорошенку образ возил и присягал, что вам служить турецкому султану. Бояре и думные дьяки, слушав ваших расспросных речей, приговорили вас Демку и Ваську, казнить смертью, отсечь головы”.

Демку и Ваську положили на плаху; но бежит гонец и объявляет, что великий государь, по упрощенью детей своих, пожаловал, казнить Демку и Ваську не велел, а указал сослать в дальние сибирские города на вечное житьё; бояре приговорили – сослать к ним жён их и детей (...). На другой день великий государь пожаловал, велел дать им на милостыню Демке 15 рублей, Ваське 10 рублей (...). Многогрешным была отдана и вся их рухлядь, с которою привезены в Москву, несколько очень не дорогих вещей. Семейство Многогрешного состояло из его жены Настасьи, двоих сыновей – Петра и Ивана, дочери Елены и племянника Михаила Зиновьева; с ними поехали две работницы. (...). В Тобольске велено держать ссыльных за крепким караулом скованных, а из Тобольска разослать по разным острогам в пешую козачью службу. Участь ссыльных была отягчена вследствие бегства Грибовича. Тогда Многогрешного с товарищами, вместо того, чтобы послать по острогам в козачью службу, велено держать скованных в тюрьмах «для того, говорилось в указе, что они забыли страх божий и нашу государеву милость».

В истории с гетманством Многогрешного известные факты наводят на мысль, что недовольная казацкая старшина, представляющая зажиточные слои казачества, расправилась с царским ставленником руками самого царя.

По иронии судьбы преемник Многогрешного на посту гет-

мана, бывший активным участником заговора против него, Иван Самойлович (а не Солонина) впоследствии сам оказывается сосланным и окончит свои дни, по сибирским масштабам, совсем недалеко от Многогрешного – в Якутске.

В веках печатные следы...

Из того, что удалось разыскать печатного о сибирском взлётах и падениях судьбы Многогрешного, нелегко создать достаточно полную картину этого периода его жизни. Да и то, что обнаруживается, выражаясь словами Н. Оглоблина – одного из первых исследователей сибирской службы ссыльного гетмана, сказанными более ста лет назад, касается «главным образом внешней судьбы ссыльного гетмана в Сибири».

Эта тема всегда заслуживала внимания исследователей, а сегодня, когда пришло время беспристрастно вспоминать и собирать отечества героев, она представляется тем более востребованной и предпочтительной. Нам ещё предстоит год за годом проследить заключительную половину долгой, полной лихих невзгод и смертельных опасностей жизни Многогрешного, выяснить подробности службы и судьбы его близких в Сибири, а главное – по возможности полнее оценить роль и значение, которые принадлежат Многогрешному в ранней истории Забайкальского края.

Среди обнаруженных печатных источников сведений о ссыльной жизни опального гетмана наиболее документально содержательными представляются, прежде всего: публикация 1888 г. А. А. Гоздаво-Голомбиевского «Из сибирских актов о Демьяне Многогрешном»; большая специальная статья 1892 г. Н. Оглоблина «Служба в Сибири Демьяна Многогрешного»; описания, приводимые историком Забайкалья А. П. Васильевым в монографии 1916 г. «Забайкальские казаки» и современного издания «Статейный список» Ф. А. Головина с соответствующими комментариями к нему. Единственные в своём роде сведения о Многогрешном в Селенгинске сообщил в 1861 г. исследователь ссылки в Сибирь И. С. Сельский.

Одно из самых ранних публичных печатных признаний государственных заслуг и невиновности Многогрешного обна-

руживается в весьма солидном Санкт-Петербургском издании 1840 г. – «Биографии российских генералов» – в статье, посвященной генерал-фельдмаршалу, графу Ф. А. Головину, полномочному послу в Забайкалье, заключившему в 1689 г. очень трудный для России Нерчинский мирный договор с Китаем, отмечается: «В этих успешных подвигах содействовал Головину Демьян Многогрешный, бывший гетман малороссийский (с 1668 и 1672 г.), который водворил спокойствие в подвластной ему стране и невинно сослан в Сибирь, по оговору некоторых Старшин». В 1850 г. в «Панораме Иркутской губернии» местный летописец П. И. Пежемский напишет: «В 1682 году была новая попытка отнять у России Забайкал: монгольский князь Батур-Очирой-хан с двадцатитысячным корпусом вступил в наши пределы; но посланный против него сын боярский Демьян Многогрешный быстро рассеял ватаги Очироя и с тех пор Байкал навсегда остался в руках России».

О заслугах перед Забайкальем опального гетмана и его сына напомнит в 1853 г. в своей книге «Путешествие в Китай» и востоковед О. М. Ковалевский: «Если мы упомянули о славных людях Пояркове и Хабарове, то не должны умолчать о двух других, не менее прославленных этою эпохой и, подобно первым, живущих ещё в памяти забайкальских жителей: это о Демьяне и сыне его Петре Многогрешном, из которых первый был гетманом в Малороссии и, сосланный в Сибирь, поселился в Селенгинске».

В 1869 г. сибирский историк С. В. Максимов напишет: «Тот же Демьян Многогрешный, на долю которого выпала такая многострадальная жизнь и первые удары дальнего заточения, сумел отстоять забайкальские пределы (...). Под тем же Селенгинском, где он нашел конец своим мучениям, до сих пор сохраняется в памяти народной гора Убиенная, названная так потому, что здесь на свиту посла Ф. А. Головина, ехавшего в 1689 году в Нерчинск для переговоров с китайцами, напали буряты [монгольские войска – Э. Д.], били его людей, теснили войска; самому послу грозили великою опасностью, но из селенгинской крепости вышел тамошний гарнизан под начальством Многогрешного. Умелый гетман разбил бурят [монгол –

Э. Д.] на голову; отразил впоследствии набеги монголов и табангутских сойотов».

А вот что писали в XIX в. о ссыльном гетмане сибирские историки в последующих печатных изданиях.

В «Историческом обозрении Сибири» П. А. Словцова события рассматриваемого времени в Забайкалье описываются довольно подробно. Относительно службы Многогрешного указывается, что он выступает в качестве «селенгинского сына боярского» и предпочтительно употребляется послом «в конных сшибках против монголов».

У Н. Бантыш-Каменского в «Дипломатическом собрании дел между Российским и китайским государствами с 1619 по 1792-й год» тоже отмечаются немалые заслуги «боярских детей Демьяна и сына его Петра» Многогрешных в умиротворении табангутских родов, подчеркивается и большая роль бывшего гетмана «в усмирении монголов».

В «Хронологическом перечне важнейших данных из истории Сибири» И. В. Щеглов под 1671 г. отметит ссылку в Сибирь «малороссийского гетмана Демьяна Игнатовича Многогрешного», указав, что сначала он содержался в Тобольске, потом в Якутске и оттуда переведен в Селенгинский острог.

Как селенгинские казаки называются Демьян и Пётр Многогрешные в «Истории Сибири» В. К. Андриевича и особо отмечается году сослан в Сибирь бывший гетман запорожский Демьян Игнатов Многогрешный, за то, что он, войдя в соглашение с гетманом казаков на правом берегу Днепра Петром Дорошенко, хотел отделиться от России и отдаться в подданство Турции.

В другой своей работе В. К. Андриевич приводит выдержку из грамоты на имя Туринского воеводы Ивана Суздальцева: «В прошлом 180 и 181 годах, по нашему Государеву указу, посланы из Москвы в Сибирь в ссылку изменники и клятвopеступники войска Запорожского сее стороны Днепра (...) бывший гетман Демка Игнатов (...) [идёт перечисление лиц – Э. Д.] до Тобольска, с сибирскими служилыми людьми и с провожатыми, а в Тобольске велено их держать за крепкими караулы скованных, а из Тобольска велено послать их, Дёмку

Енисейского уезда в Селенгинский острог, Ваську в Красноярский». Описывая же подготовку к заключению Нерчинского договора, историк пишет: «Головин выступил к Нерчинску, получив уведомление о прибытии туда китайских послов. Для посольских съездов были разбиты наметы в поле и разбивал их бывший гетман запорожский Демьян Многогрешный».

Названные выше заслуги ссыльного гетмана отмечены и в специальных общественно-политических изданиях конца XIX в., посвященных Забайкалью, таких, как «Забайкалье. Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области» (1891) и «Забайкалье. Значение его для государства» М. П. Хорошхина (1893). О ссылке в Забайкалье гетмана Д. И. Многогрешного упомянуто в книге «Забайкалье, свод материалов, высочайше учреждённой комиссии для исследования местного землевладения и землепользования, под председательством статс-секретаря Куломзина» за авторством Н. И. Разумова.

В то же время факт ссылки в Сибирь столь видного украинского деятеля, каким всегда считался запорожский гетман Д. И. Многогрешный, был упомянут и в нескольких хронологических перечнях событий из истории Сибири и касающихся Забайкалья, в частности, помещавшихся в изданиях общего характера. Таковы, например, «Памятные книжки Забайкальской области» на 1891 и 1900 гг., «Сибирский торгово-промышленный календарь» на 1900 г.. Факт пребывания ссыльного гетмана в Тобольске был даже отмечен в 1897 г. в весьма привилегированном издании – «Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890–1891)» за авторством князя Э. Э. Ухтомского.

Отголоски селенгинских деяний Многогрешного обнаруживаются также в работах литераторов и краеведов прошлого. О нём и событиях с ним связанных упоминают: летописец Селенгинска А. И. Седов (1874); долго живший в Кяхте, литератор и этнограф В. В. Птицын (1896), политический ссыльный в Селенгинск, забайкальский этнограф М. А. Кроль (1896) и другие. В советское же время о Многогрешном напишет забайкальский краевед А. В. Харчевников (1924). Приведём только

одну выдержку из этих авторов. Она интересна своеобразным народным видением прошлой вины Многогрешного. Долго живший в Кяхте, этнограф В. В. Птицын пишет: «Тогда среди общей паники, посла и город спас сосланный туда за любовь к свободе и Малороссии Запорожский гетман Демьян Многогрешный, которому правители города догадались вручить главное начальство над гарнизоном и стрельцами (...). За эту заслугу гетмана, сына его Сергея [? – Э. Д.] пожаловали в сыны боярские».

Тюремный «сиделец» – помощник посла

Длительное время Многогрешный содержался в иркутской и селенгинской тюрьмах. В уже упоминавшемся словаре Брокгауза и Эфрона по этому поводу сказано: «Назначенный сначала в Селенгинск, Многогрешный был поселён в Иркутске (1674), где и содержался в тюрьме до 1682 г., когда ему позволено было “быть в детях боярских”, “исправлять городовую и уездную службу”. В 1684 г. его опять, по просьбе Самойловича, заключили в селенгинскую тюрьму “за крепкими караулами”, но уже в 1692 г. состоял в Селенгинске каким-то “седоком” и вёл переговоры с богдойскими людьми о “мунгалах”».

Как явствует из специально посвящённой этому вопросу работы Н. Оглоблина, слово «седок» следует понимать как «старшее, начальное лицо, сидевшее на известном месте». И далее Н. Оглоблин пишет: «Следовательно, Д. Многогрешный в 1694 г. сидел “на приказе” в селенгинском остроге, т. е. был там – по служебной терминологии XVII в. – “приказным” (человеком)... Обыкновенно служилые люди (высших уездных рангов – боярские дети, казачьи головы, атаманы, сотники и т. п.) посылались “на приказ” на годичный срок, но в отдельных острогах сидели и по два года и более. Возможно, что и Многогрешный был “приказным” Селенгинска с 1691 г. по 1694 г. Очевидно, он привязался к этому пункту, так как именно здесь получил свободу после долгих лет тюремного заключения. Да и положение “приказного” в отдалённом Селенгинске было довольно самостоятельное и более свободное, чем служба боярского сына в этом уездном городе – Иркутске

на глазах у воеводы. “Приказный” в своём остроге и в окрестном районе ясачных волостей был таким же воеводою, но только меньших размеров... А Многогрешному, стоявшему некогда у такой обширной власти, не могли не нравиться и самые “слабые отблески былого могущества”».

В современных комментариях к «Статейному списку Ф. А. Головина» сведения о том же обобщены следующим образом:

«Первоначально находился в иркутской тюрьме. По требованию гетмана Самойловича в 1684 г. был сослан в Селенгинск, где условия его содержания значительно ухудшились. В грамоте местным воеводам предписывалось “посадить ево сковано в тюрьму и держать с великим бережением. И ис тюрьмы ево выпускать никуда не велено”. Положение Многогрешного и его семьи резко изменилось в 1687 г. после смещения с гетманства его врага Самойловича. По распоряжению Ф. А. Головина он был освобожден из тюрьмы и поверстан в селенгинские дети боярские. Сам Многогрешный в своей челобитной писал, что при этом ему было назначено жалованье в размере 18 руб. денег, хлебное же – вдвое против денежного. На первых порах своей службы он был включен в состав посольских дворян, сопровождавших Ф. А. Головина, и сыграл видную роль в переговорах с монгольскими тайшами.

После заключения Нерчинского договора подал челобитную Ф. А. Головину, в которой писал, что “ныне стар и от ран болен” и просил пожаловать его с сыновьями Петром и Яковом “за службу и за раны велети их из Селенгинска и з детьми свободить куда к хлебному месту”. По челобитью его было решено перевести из Селенгинска в Томск. Но он, узнавши об этом, писал Головину, что “за конечною скудностью и дальностью перейти ему в Томской никакими меры невозможно”. Поэтому в 1690 г. Головин решил его в Томск не посылать, а перевести из Селенгинска “к хлебному месту в Ыркуцкой”. При этом от службы он отставлен не был, а был записан в службу по Иркутску в том же окладе. В 1690–1691 гг. был в должности приказчика Селенгинского острога, откуда смещен по обвинению в злоупотреблениях».

Как уже отмечено, особенно интересными и значимыми стра-

ницами забайкальской биографии опального гетмана является его служба под началом известного русского дипломата, царского посла в Забайкалье Ф. А. Головина. В соответствии со стратегическими задачами, решаемыми здесь послом, и огромной территорией, служившей местом его разносторонней деятельности, география самоотверженной ратной и в заметной степени дипломатической работы Многогрешного включала все основные в то время русские поселения края, прежде всего, Селенгинск, Удинск и Нерчинск.

Именно здесь оказались максимально востребованными уникальней для отдаленной, с неурегулированными государственными границами и потому весьма беспокойной русской окраины воинский и переговорный опыт Многогрешного. Для понимания его немалой роли в умиротворении военно-политической обстановки в Забайкалье того времени, приводимая далее по «Статейному списку Ф. А. Головина», хронологическая сводка некоторых конкретных поручений посла лично Многогрешному весьма показательна.

6 октября 1687 г. Многогрешный посылается Головиным из Удинска вдогон отбившим отсюда монгольским послам, чтобы «выговорить» им о вновь узнанных кражах из-под Удинска лошадей и скота «мунгальскими воровскими людьми», что и было выполнено.

7 октября он снова в посылке из Удинска за Селенгу в погоню за угонщиками скота, «а с ним пятидесятник Павлова полку Грабова Ивашко Широкой да стрельцов того ж полку 30 человек». 17 октября они возвратились, рассказав, «что наехали они воровских людей от Удинского вверх по Удереке верстах в 10-ти (а в одгоне де они чают по смете лошадей с 50) и гнались де они по той сакме верст с 20 и поворотили в Удинский острог, для того что почали у служилых людей приставать лошади».

«Октября в 20 день послан в Селенгинский острог сын боярской Демьян Многогрешный да с ним селенгинских казаков 5 человек. А велено ему, Демьяну, приказать жильцу Степану Коровину, которой в то время был в Селенгинском остроге, чтобы жил с великим опасством и караулы б были крепкие».

21 октября в Удинск пришло известие, что «на Большом Хилке напали мунгальские воровские люди на сына боярского Демьяна Многогрешного человек с 11 и отбили у него, Демьяна, лошадь, которую он, купя вел с собою в Селенгинский острог». Об этом нападении, в котором «как бы де он, Демьян, и сам от них не ушел, и они б де, мунгальские воровские люди, ево, Демьяна, убили до смерти», посол строго высказывал потом на нескольких встречах с официальными монгольскими посланцами.

О предыдущих посылках Многогрешного для разведывания того, кому отогнаны ворованные кони и скот, установления, что «та сакма пошло в табулицкие улусы», посол накажет сказать своему посланцу Ивану Качанову, направленному им к «мунгальскому геген-кутухте».

11 января 1687 г. находившийся в Селенгинске посол направит Многогрешного, «а с ним служилых людей человек с 20» до урочища Кривого Плеса для скрытого и осторожного поиска «воровских людей»: «И буде осмотрит, что тех воровских людей малое число, и ему, Демьяну, прося у всемогущего бога милости, чинить над ними промысел, сколько милосердный бог помощи подаст. А буде те воровские люди уехали в дальние места, и ему, Демьяну, велено осмотреть сакму: в которую сторону они поехали и сколько их было».

17 января: «В ночи послан в подъезд для проводывания вестей и про воинских людей из Селенгинска сын боярской Демьян Многогрешной, а с ним служилых людей 30 человек. И велено ему ехать до устья реки Хилкай, и буде где наедет воровских мунгальских людей, а стоят оплошно, прося у всемогущего бога милости, чинить промысел, чтоб добитка языка. Да с ним же посланы селенгинских служилых людей 5 человек с указными памятьми в Удинской, чтоб жили опасно полковники в острогах, против прежняго отпуску. А велено тех служилых людей, есть ли будет возможно, пропустить ему, Демьяну, при себе мимо Хилки в Удинский острог».

Вернувшись «того ж числа ко свету», Многогрешный доложил послу: «И как отъехал от Селенгинска верст з 12 в урочище нежего конца Криваго Плеса, и увидели в бору от камня и

на островах огни многие, а знатно, что стоят в том месте мунгальские многие воинские люди. И хотя он, Демьян, что высмотреть явственно, много ль тех мунгальских людей стоит в том месте и мочно ль пропустить в Удинской острог служилых людей с опасными памятьми, оставя служилых людей, которые с ним, Демьяном, посланы, в прикрытом месте, подъезжал близко огней. И как де они, поехав, почали высматривать, и наехал на них мунгальской караул, и почали окликать, и окликав побежали в таборы, в таборах почали треожитца. И он де, Демьян, виде, что мунгальские люди збиратца стали, побежали назад к Селенгинскому острогу, а служилых людей, которые с ним были посланы, чтоб пропустить их в Удинской острог с указными памятьми, отпустить не посмел, для того что стоят те мунгалы в великом собрании и караулисто».

6 февраля 1687 г. Многогрешный вместе с капитаном Мартыном Камалем, «а с ними служилых людей 200 человек» посланы на выручку окруженной монголами группе русских: «И нашли тех служилых людей, осажены в кустах от Селенгинска с полтары версты. И с теми мунгалы у служилых людей был бой. И милостию великого бога и зчастием великих государей тех мунгалов побили и русских людей взяв привели в Селенгинской».

Может быть, и нижеследующий эпизод тоже из селенгинской ратной службы бывшего гетмана послужил основой для последующих местных преданий и топонимов: «Февраля в 21 день посланы были для разведыванья мунгальских людей селенгинской сын боярской Дементьян Многогрешной да с ним же служилых людей 15 человек. И как выехал из Селенгинского, и напали на него ис камней мунгальских воинских людей человек с 500. И в то число высланы из Селенгинского для выручки ево, Демьяна, подполковник московских стрельцов Сидор Богатырев, да которые при послех были в Селенгинском дворяне и подьячие, да капитан Мартын Мартынов сын Камаль, да служилых людей человек со ста. И был бой до вечера. И милостию божиею и счастием великих государей тех мунгальских воинских людей с того места збили, а ратные люди великих государей пришли в Селенгинской в целости».

20 марта 1687 г.: «В 5-ом часу дни, пришед от надолб, караульщик извещал словестно, что де слышать на низу реки Селенги пушечная стрельба. И того ж часу послан для проводы-ванья вниз по реке Селенге сын боярской Демьян Многогрешной, а с ним служилых людей человек з 20. А велено ему ехать с великим опасением, чтоб мунгальские люди обманом над ними, Демьяном, какова дурна не учинили. И того ж числа, приехав в Селенгинской, сын боярской Демьян Многогрешной с служилыми людьми сказал, что ездил он вниз по реке Селенге до урочища Табунуцкой пади, и слышал де на низу реки Селенги стрельбу ис пушек и из мелкого ружья, а людей никаких не видал, а дале де того ехать ему, Демьяну, с небольшими людьми было опасно».

22 июля 1687 г. «посланы под мунгальские улусы для языков (чтоб добитца для подлинных ведомостей) Демьян Многогрешной, а с ним Павлова полку Грабова стрельцов 25 человек да брацких людей 5 человек, которых прислали шуленги, а с ним велено в прибавку послать из Селенгинска 20 же человек».

А вот поручение дипломатического характера, которое исполняли отец и сын Многогрешные: «Июля в 30 день писал из Селенгинска [в Удинск – Э. Д.] к великим и полномочным послом тоболенин Иван Качанов. В нынешнем де 196 [1688 – Э. Д.] году июля в 27 день приехали к Селенгинску на усть Чикоя-реки богдыханова величества от послов гонцы. И стали у Чикоя-реки таборами, всех человек 100. И того ж числа посылал я из Селенгинска толмача да подъячего и служилых людей и велел тех гонцов в Селенгинск звать (...). И того ж числа послана в Селенгинской к Ивану Качанову указная память, а велено ему, буде китайские гонцы из Селенгинска до сего указу к великому и полномочному послу не отпущены, говорить, чтоб они для подлинной ведомости ехали наспех к великому и полномочному послу в Удинской, а в Удинском им отповедь о всем учинена будет и отпуск будет вскоре. А в приставех у тех посланных велено быть из Селенгинска в дороге сыну боярскому Демьяну Многогрешному да в провожа-тых 25 человек стрельцов, которые посланы наперед сего до

Селенгинска // и за Чикой для языков мунгальские под улусы. И августа в 1 день приехали из Селенгинска служилые люди Сенька Краснояр с товарищи. И великому и полномочному послу сказали, что послал их с ведомостью з дороги з Большого лугу, от Удинска верст з 20, сын боярской Демьян Многогрешной, что послан де он, Демьян, из Селенгинска с китайские гонцы в Удинской к великому и полномочному послу. И того ж числа послал навстречю к нему, Демьяну, сына ево сына боярского Петра Многогрешного, а с ним служилых людей 20 человек. А велено ему тех гонцов от великого и полномочного посла спросить о здоровье и привести их к Удинску и поставить на той стороне реки Уды подле Селенгинского устья [у впадения р. Уды в Селенгу – Э. Д.]. Августа в 2 день приехал в Удинской сын боярской Петр Многогрешной и великому и полномочному послу объявил, что он, Петр, доехав в дороге китайских гонцов, спрашивал о здоровье, а начевали де те гонцы от Удинска в 12 верстах. И того ж числа те вышепомянутые гонцы к Удинску приведены и поставлены за рекою Удою».

6 августа 1687 г.: «Отпущены те гонцы чрез мунгальские улусы. А с ними посланы в провожатых за Селенгинск сын боярской Демьян Многогрешной да с ним Павлова полку Грабова стрельцов 100 человек. И велено ему, Демьяну, проводя гонцов, учинить промысел над мунгальскими улусы, чтоб для подлинное ведомости добитца языка».

Важные для понимания последующей заметной роли Многогрешного сведения в дальнейших действиях посла описываются так: «Августа в 28 день, собрався в Удинску с ратными великих государей людьми, пошел в Нерчинск по албазинским вестям. И стояли, отшед от Удинска, 3 версты, А в Удинску для всякой опасности оставлен капитан московских стрельцов Сава Володимеров, а с ним разных полков стрельцов 82 человека, да иркуцких и верхоленских 38 человек (...). А замешкание учинилось походу в Удинску, для того что хлебными запасы в стрелецких полках зело скудно и служилым людям давать было нечего. (...). И лошади были подводные гораздо плохи, которые збираны з брацких людей, и многие,

отбився из под пушек и ис телег, у стрельцов за неученьем в телегах ушли в степи. (...). И чтоб не терпеть прежде времени голоду служилым людям в Нерчинску, и видя то, что договариваться также и поступать воинским способом и промыслу чинить не над кем, и чтоб мунгальские владельцы, собрався с войски, не учинили какова разорения байкаловским острогам и ясачным иноземцом брацкого и тунгуского родов, великие послы с своими при них будущими ратными людьми, поворотясь, пошли в Удинской. А хлебные многие запасы посланы в Яравнинской острог впредь нерчинского походу. И пришед в Удинск сентября в 7 день [1688 г. – Э. Д.] и собрав брацких людей и взяв достальных служилых людей, которые были оставлены в Удинску для опасности приходу мунгальского, пошли для воинского промыслу на мунгальские табуноких тайшей улусы войною. (...). И пошед из Удинска, шли вверх по реке // Уде 2 дни. И поворотясь направо, шли по речке Бряни 3 дни. И перешед речку Темлюй, шли к Хилку прикрытыми местами. А в вожях были выходцов доруга Окин с товарищем своим Тендеком. Сентября в 30 день приехав ис подъезду, которые были посланы ис полку для подсматривания мунгальских улусов, селенгинской сын боярской, бывший гетман Демьян Многогрешной, а с ним служилых людей было в той посылке 30 человек разных полков, да новых мунгал выходец вож Окин-даруга, сказали, что подсмотрели они мунгальские улусы: стоят во многолюдстве за рекою Хилком, не доходя реки Чикоя. (...). И с теми мунгалы был бой превеликий. И милостию божиею и счастием великих государей побили мунгальских людей (...). Октября в 1 день [1688 г. – Э. Д.] к обозу приехав мунгальских людей 2 человека Тархан Батурзайсан табуноцкого Заб Ирденя-тайши. И били челом великим государем, а послу говорили словестно, чтоб их великие государи пожаловали, велели принять их, многих мунгальских зайсанов и даруг и шуленг, со всеми их улусными людьми в вечное поддданство под державу царского величества в ясачный платеж, а ратным бы людем улусом их никакова разорения чинить не велели. И великий и полномочный посол, окольничий и наместник брянской Федор Алексеевич Головин с

товарыщи, обнадежа их, зайсанов, милостию великих государей, велел им со всеми своими улусы идти без опасности, к обозу и кочевать к Селенгинску, а разорения им никакова, естли они станут служить верно великим государем, от ратных людей не будет».

Проведение активной воинской разведки на местности входило в круг постоянных обязанностей ссыльного гетмана: «И октября в 11 день, приехав ис подъезду, сын боярской Демьян Многогрешной с служилыми людьми сказали, что они ездили для подсматриванья мунгальских улусов на урочище Карясы и наехали сакмы великие, знатно, что кочевали мунгальские люди с великою скоростию, и по дороге метаны тяжелые юрты и войлоки, также усталой скот и лошади. Да они ж де, Демьян с товарыщи, нашли стан, а знатно, что стояли в том месте караульщики мунгальских людей и, подсмотря их, побежали».

«Октября в 23 день послан из Удинска от великих и полномочных послов для призыву к мунгальским тайшам под державу царского величества из новых выходцов Тархан-ласулама-Зайсан. И для верности (...) дан ему, ламе, лист за печатью. (...). Того ж числа послана память в Селенгинской к жильцу Федору Ушакову. А велено ему послать из Селенгинска для проводывания заречных мунгалов сына боярского Демьяна Многогрешного, а с ним служилых людей, сколько человек пригож. А буде где усмотрят мунгальские улусы, прося у всемогущаго бога милости, чинить промысел, чтоб побрать языков и о мунгальских замыслех уведать подлинно. (...). Ноября в 6 день писал к великому и полномочному послу из Селенгинска Федор Ушаков (...): посыланы де были из Селенгинска селенгинские дети боярские Демьян Многогрешной и сын ево Петр, а с ними служилых людей 80 человек за Селенгу-реку до Кемника и к Гусиным озерам для подсмотру мунгальских людей. И ноября в 3 день, приехав в Селенгинской, явились перед ним он, Демьян, с сыном своим Петром и с служилыми людьми, которые посылаемы были с ним, Демьяном. А сказали: по указу де великих государей посланы они были за реку Селенгу для подсмотру мунгальских людей, и будучи де они, Демьян,

за рекою Селенгою за озерами подсмотрели мунгальских людей 22 юрты; и де они, Демьян и сын ево Петр с служилыми людьми, прося у всмогущаго бога помощи, на те юрты били, и тех мунгальских людей на том бою побили (...). Ноября в 11 день приехали в Удинской к великому и полномочному послу от мунгальских владельцев от Ачирдар-кутухты и от тайшей посланцы (...).

А вот сведения об участии бывшего запорожского гетмана в обустройстве и воинском охранении русско-китайских посольских съездов близ Нерчинска, завершившихся заключением первого мирного договора с Китаем – Нерчинского: «Того ж числа [11 августа 1689 г. – Э. Д.] посланы от великого и полномочного посла из дворян Василей Елисеев сын Луговинов да Демьян Многогрешной, а с ними капитан да 40 человек стрельцов на уреченное место, где быти посольскому съезду, да 3 намета. И как наметы розбили, и подле посольских наметов розбили и китайских великих послов 2 намета. И поставлены около наметов с обеих сторон по 40-у человек караульщиков. А съезжее место было от Нерчинска сажен з 200-е на берегу Нерчи-реки».

И далее: «Того ж числа, пришед перед великих и полномочных послов сын боярской Демьян Многогрешной, который посылан был разбивать наметы на посольском съезжем месте, и говорил, что приехал из китайского обозу от великих послов дзаргучей Раши и говорил ему, Демьяну, чтоб донести им, великим и полномочным послом,, что приказали с ним, дзаргучеем, великие послы, чтоб поставить во время посольских съездов с обеих сторон, на высоких местех, караульщиков по 10 человек для верности; и как будут великие послы съезжати-ся на посольские съезды в поставенные их наметы и будут говорить о посольских делах, и в то время объезжати б с обеих сторон дворяном и осматривати на обеих старанах людей, чтоб прибавочных близ наметов не было, а з дворянами быти только с обеих сторон по 10 человек служилых людей; а на которых бусах придут великие их китайские послы, и тем бы бусам стоять против наметов. Да он же, дзаргучей, упоминался, чтоб при посольских съездах у служилых людей, кроме сулеб или

сабель, иного оружия не было. И великие и полномочные послы посылали того ж вышеписанного сына боярского, а велели ему, дзаргучею, говорить: с обеих сторон для осматриванья на обеих сторонах людей дворян посылать великие и полномочные послы будут; а на высокие места служилых людей для караулов пошлют вскоре по 10 человек; а при посольских съездах у служилых людей никакого огненного оружия, кроме сабель и сулеб и бердышей и копей, не будет; а чтоб бусами стоять против съезжего места, и тому быти непристойно, а стояли б бусы их китайские от съезжего места в 300-х сажнях против прежнего договору».

12 августа, «приехав сын боярской Демьян Многогрешной, которой для осматривания служилых людей китайских послов х караулу с служилыми людьми, где будут посольские бусы, и великим и полномочным послом извещал, что китайских великих послов люди перешли к съезжему месту во многом числе людей, человек будет с 700, кроме роботных людей, а сошед с бус, сидят в тальниках близ наметов».

И далее: «Послали с ними для верного свидетельства постановки людей из дворян Василья Лутовикова да Демьяна Многогрешного. И того ж числа приехав Демьян Многогрешной, и извещал, что китайские великие послы едут к съезжему месту из обозу своего на 3 бусах. И в то ж время послан он, Демьян, а с ним служилых людей 10 человек. А велено ему быть и разведывать меж китайскими людьми для осмотра во время посольского съезду прибавочных людей».

В сведениях от 20 августа и последующих говорится и об усилиях Многогрешного по возвращению в русское подданство перебежавших к китайцам местных родов «онкоцких и брацких людей»: «Послан на перевоз для проводыванья, что в китайских таборах делаецца, подьячей Иван Логинов да сын боярской Демьян Многогрешной». И того ж числа ввечеру, приехав Иван Логинов и Демьян Многогрешной, и извещали, что они (...) ездили на перевоз реки Шилки. И видели, что де китайские послы сидят, знатно, в одном намете для того, что круг намету (видеть с перевозу) стоит людей много. А на бусах де на всех делают людей с топорами многое число, а что

делают, того совершенно высмотреть немочно (...). Того ж числа приехал и с станицы нерчинской казак Фетька Васильев и извещал словестно, что де были они в проезжей станице вниз по Шилке-реке от Нерчинска в четырех верстах. И наехали в тальнике близ Шилки-реки богдойских 3 человек, стоят с лоткою. Да у той же лотки привязаны 5 лошадей, а знатно де, что те лошади онкоцких и брацких изменников. И того ж числа посланы для проведывания подлинного к тому месту Демьян Многогрешной, да с ним казаков 30 человек. А велено ему, Демьяну, приехав на то место, и стеречь, чтоб тех изменников, которые поедут ис китайских табор, переловить (...). Того ж числа в ночи, приехав, Демьян Многогрешной, а сказал, что он на сакмы ездил и, где были привязаны лошади в тайнике, по извету нерчинскаго казака Фетьки Васильева осматривал. И в том де месте, знатно, что плавились небольшие люди и с лошадьми х китайским табором. А он де, Демьян, в том месте никою онкоцких и брацких людей не застал, а только де при них в том месте стоят в лотке с ружьем человек з 10 китайцов. И как их увидели, и от берегу погребли к своим табором на другую сторону реки Шилки».

22 августа: «Послан по другую сторону Нерчи-реки к перевозу, где плаваются изменники, сын боярской Демьян Многогрешной да с ним порутчик Василей Волошанин да служилых людей 100 человек. И велено им, доехав до того перевозу, и есть ли уведомятся совершенно, что плаваются те изменники, и им говорить, чтоб они, памятуя к себе милость великих государей и шertz свою, пришли по-прежнему под самодержавную великих государей высокую руку в вечное подданство, а прежние их вины воспомянуты никогда не будут. И ... те изменники, памятуя к себе великих государей милость и разговоры с ним, Демьяном, пойдут, и им говорить, чтоб они для лутчего уверения послали с ним, Демьяном, к великим послом 2 или 3 человека из своих родов лутчих людей, а те их люди услышат всякую к себе доброту от великих и полномочных царского величества послов сами и отпущены будут к ним без задержания. А буде те изменники переговаревать с ним, Демьяном, не будут, и ему, прося у всемогущаго бога милости и осмотра,

чинити воинский промысел, чтоб их за Нерчу не пропустить и добитца для подлинной ведомости языков».

И далее: «Того ж числа приехав сын боярской Демьян Многогрешной да порутчик Василей Волошенин с служилыми людьми (...), извещал словестно, что приехал он, Демьян, к перевозу от Нерчинска в 2 верстах у урочища Сажикова Яру, и в том месте перевозятца через Нерчу онкоцкие и брацкие люди, которые великим государем изменили. И он де, Демьян, почал с ними, изменниками, перекликатца из крепких мест и звать под державу царского величества по-прежнему. И те де онкоцкие и брацкие люди переговаревать с ним через толмача не стали и по нем, Демьяне, и по служилым людех стреляли. И он де, Демьян, видя их упрямство и совершенную измену, с ними бился, и изымал 5 человек языков. А большего де поиска ему, Демьяну, над теми изменники учинить было за малолюдством немочно».

26 августа: «Посланы на отъезжей караул за Нерчу-реку Демьян Многогрешный, а с ним порутчик Василей Волошанин да 100 человек служилых людей. А велено им смотреть накрепко, куда пойдут изменники онкоцкие и брацкие люди, и не будут ли тое ночи переплавливатца чрез Нерчу-реку».

31 августа: «Послан за изменники онкоцкими и братцкими людьми сын боярской Демьян Многогрешной, а с ним служилых людей разных полков 600 человек. А велено ему тех онкоцких и братцких людей, которые остались на сей стороне от изменников же онкоцких и братцких людей, призывать по-прежнему в подданство и обнадеживать милостию великих государей. А буде те изменники в разговор не дадутца и будут с ним, Демьяном, битца, и ему над теми изменниками чинить воинский промысел, сколько бог помощи подаст».

О воинском завершении этой истории с изменой сообщается в сведениях от 1 сентября 1690 г.: «Приехал Демьян Многогрешной и великим и полномочным послом извещал, что послан был он для призыву онкоцких и брацких людей, которые изменили великим государем и пошли в мунгальские степи. И он де, Демьян, тех изменников съехал на урочище Нижних Ключах от Нерчинска в 7 верстах, и по-прежнему в поддан-

ство к великим государем их приказывал, и милостию великих государей обнадеживал. И те де изменники в розговор не дались, и учили по нем, Демьяне, и по служилых людех стрелять. И он де, Демьян, видя их измену и задор, прося у всемогущаго бога милости, с ними чинили бой, и многих изменников побил (...). Изменники юрт с 200, пришли по-прежнему под державу царского величества и кочуют к Нерчинску».

Об еще одном подобном же поручении сообщается в сведениях от 29 декабря: «Послана в Селенгинской память, велено послать из Селенгинска к нему Ирки Контазию, сына боярского Демьяна Многогрешного да с ним служилых людей, сколько пристойно будет не безопасно. И велено ему, Ирки Контазию, говорить, чтоб он, памятуючи к себе милость великих государей, также и шерть свою, возвратился в сторону царского величества и со всеми своими улусными людьми по-прежнему, а та вина воспомянута никогда не будет».

Селенгинский воевода

Селенгинск, как верно подметил еще Н. Оглоблин, занимал совершенно особое место в многотрудной забайкальской жизни ссыльного гетмана. Это возникшее за два десятилетия до того поселение стало его второй родиной, хотя бы потому, что обрел он здесь свободу, всеобщее признание и власть. И защищал он древний город отчаянно, не щадя живота своего, как бы предчувствуя, что суждено ему будет здесь упокоиться...

Одной из главных заслуг Многогрешного в период селенгинской службы было активное участие в обороне Селенгинска и его окрестностей от набегов и грабежей некоторых монгольских племён, провоцируемых китайцами. Именно его воинская доблесть и искусство снискали ему здесь народную славу и послужили основой для местных преданий и легенд. В этом отношении однозначны и общие оценки вышеназванных сибирских историков.

П. А. Словцов пишет: «Батур Очирой хан открыл наступательную войну против Забайкальских водворений без всякого от нас оскорбления, без всякого с его стороны права, по причинам донныне тёмным, только он поскользнулся на этом шагу,

стоя нетвёрдо и дома (...). Без причины начались дерзости со стороны монголов против отводных казачьих притонов, а затем и сшибки. Потом, подступив под Селенгинск, они пускали из луков зажигательные стрелы с медными трубками и в город бросали зажжённые пуки из тростника, но 200 казаков и жителей Удинских, подкреплённые ротою стрельцов, ниспровергли назойливого неприятеля. Посол приказал своему войску, по низовья Селенги стоящему, стянуться к Удинску. Нападение было и на Удинск, также без последствий (...). Сумятица кончилась около 20 марта, неприятель исчез со всех точек, потому вероятно, что брат Галдана действительно вступил в дело с Халхою. Посол не велел следить отступающего неприятеля, потому что конница была так плоха, что не могла поймать языков, при всех усилиях селенгинского сына боярского Дамьяна Многогрешного, предпочтительно послом употребляемого в конных посылках».

Н. Бантыш-Каменский, описывая вынужденные действия посла в районе Селенгинска, отмечает их важный результат – «табулицкие, один тайша, шесть зайсанов, тридцать человек шуленг и тысяча двести юрт в первый день октября явились к Головину с прошением о принятии их в Российское подданство». И далее: «Учинив им перепись, назначив на поселение меж Селенгинска и Удинска места (...), отправился Головин в Енисейск, куда и пришёл в октябре». Тут же приводится особенно важное для нашего изложения замечание: «В сём случае и во многих других подобных сему, отличили себя наиболее боярские дети Демьян и сын его Петр Многогрешные».

О тех же событиях в районе Селенгинска, ссылаясь и на П. А. Словцова, пишет В. К. Андриевич: «В начале 1688 года большие толпы монголов подступили к Селенгинску (...). но были отбиты казаками, которыми начальствовал бывший запорожский гетман Демьян Многогрешный». Как видим, здесь сделан явный акцент на заслуги Многогрешного как военного руководителя обороны Селенгинска. По поводу другой «сшибки» тот же В. К. Андриевич замечает: «В этом бое отличился Демьян Многогрешный, бывший малороссийский гетман, и сын его Петр, состоявшие в селенгинских казаках».

Многое в описываемых событиях становится ещё более понятным в изложении А. П. Васильева: «Монголы осадили Селенгинск и распространились до Верхнеудинска. Сообщение было прервано. Но когда разнёсся слух о нападении на Селенгинск, расквартированные по деревням стрельцы и казаки двинулись на помощь осажденному городу. Во время осады в Селенгинске была одна рота стрельцов (98 человек). 137 селенгинских казаков, 49 мещан и купцов, 10 подъячих, всего 294 человек (...). В конце осады горсть русских храбрецов сделала вылазку и вступила в решительное сражение в долине недалеко от Селенгинска. Предводительствовал отрядом бывший гетман малороссийский Демьян Многогрешный (...). Монголы были разбиты. По множеству убитых долина, где было сражение, названа Падью убиенных».

Из следующей записи в «Статейном списке Ф. А. Головина» видно, что приказной Селенгинска находился в самом центре непростых и после заключения Нерчинского договора забайкальских приграничных дел: «Марта в 28 день [1690 г. – Э. Д.] послана из в-Ыркуцка память в Селенгинской к Демьяну Многогрешному. А велено ему послать в улусы подданных царского величества мунгальских тайшей и к ясачным ко всем иноземцом кого служилых людей и толмачей добрых. А велел им объявить, что был в приезде в-Ыркуцку у великих и полномочных послов калмыцкого Бушукту-хана посланец Дарханзйсан. А в листу с ним к великим и полномочным послом писал калмыцкий Бушухту-хан, и в разговорах будучи, тот вышепомянутой посланец объявил, чтоб имети соединение войскам царского за многие их неправды на остальных мунгальских тайшей и на их улусы; а которые учинились в подданстве у великих государей, их царского величества, мунгальские тайши и зайсаны, и чтоб никакова себе и улусным своим людям розорения от калмык не опасались; также бы и их, калмыцких людей, ни в чем не задирали, где лучитца скочеватце в ближних местах; и о том тайши и зайсаны ведали, и приходу бы на себя калмыцкого не опасались, и служили б верно великим государем по обещанию своему. Да в Селенгинску ж велено о всяких ведомостях и о калмыках проведывать накрепко, и на[д] под-

данными царского величества и над ясачными иноземцы смотреть во всяких их поступках осторожно. А что уведано будет, и о том велено ему, Демьяну, писать в-Ыркуцкой».

А вот что писал в связи с этим же посол Ф. А. Головин в Москву: «Во 198 [1690 – Э. Д.] году марта в 11 день писал к нам, холопям вашим, из Селенгиска Демьян Многогрешный. А в отписке ево написано, что в нынешнем де во 198 году марта в 1 день явился ему в Селенгинску подданного вашего царского величества мунгальского тайши Бинтухая улусный ево мужик Эскилай Цолон, а собою объявил мунгалетина ж Дарма Катазия, который выезжал к нему, Бинтухая-тайше, из степи февраля в 28 день. И тот де вышеписанный Дармо перед ним в Селенгинску спрашиван (...)». Из этих полученных селенгинским приказным Многогрешным сведений следовало, что вышеназванный калмыцкий Бушухту-хан разбил изменившего русскому царю Ирки Контазия-тайшу и что из-за намерения монгольского тайши Катан Батура «итти на подданных вашего царского величества табуницких тайшей» возникала опасность для российских пределов.

Поэтому сообщалось далее: «Мы, холопи ваши, послали к нему, Демьяну, память, а велели ему в Селенгинску быть во всякой осторожности и о всяких замыслех разведывать накрепко. И если у кого по проведыванию явитца на ясачных ваших царского величества людей какие воинские приходы, и над теми неприятели, смотря по делу и прося у всемогущаго бога милости, воинский промысел чинить, совещаясь с удинским стрелецким головою. А из Удинска, государи, велели к нему послать для всякой осторожности 100 служилых людей, а подданных вашего царского величества мунгальских тайшей и ясачных иноземцов обнадежить вашею великих государей милостию, чтоб они были на вашу великих государей премногую милость надежны и ни на какие шатости не склонялись».

Всё те же разбирательства по поводу приграничного воровства коней вёл Многогрешный в 1690 г. и в качестве приказного Селенгиска. В посольстве к табанутскому Батур Окин зайсану по поводу отгона коней из-под Селенгиска «воровскими людьми мехачинами», скрывающимися в его улусах, отмеча-

лось, что «селенгинский приказной Демьян Многогрешный хотел за воровство учинить наказание, а он, Окин, об нем воре бил челом и хотел у себя держать в улусех и караулить накрепко. А ныне де тот вор Дзетки Начин батур с товарищи в 20 человеках от них откочевал и стоит в дале в крепких местех и крадут беспрестанно».

А вот еще один эпизод из последнего года его управления Селенгинском. Его описывает Н. Оглоблин: «В январе 1692 г. Сибирский приказ получил “отписку” Иркутского воеводы Л. К. Кислярского, посланную им осенью (вероятно в октябре) 1691 г. и сообщающую вести о мунгальских движениях около Селенгинска. Кислярский делает обзор этих движений с февраля 1691 г., пользуясь “отписками” в Иркутск “приказного” Селенгинского острога Демьяна Многогрешного. Первая отписка Д. И-ча послана Кислярскому в первых числах февраля. Многогрешный сообщал в ней о набеге под острог “воровских мунгальских людей” 2 февраля. Дело было так: “мунгалы “тайно” подъехали под Селенгинск и “отогнали” государев скот (...). Многогрешный сообщает, что табуны захвачены мунгалами “без остатку”».

Далее Н. Оглоблин продолжает: «Вина Многогрешного здесь очевидна: острог и его окрестности, так небрежно охранялись, что мунгалы могли незаметно подойти и захватить весь городской скот! Желая поправить свою оплошность, Многогрешный бросился с служилыми людьми в погоню за мунгалами, отряд которых не превышал 460 человек. Русские успели догнать мунгалов, завязался горячий бой. Демьян Игнатович не щадил себя, его “ранили многие раны”, как “переранили” и других многих служилых людей. Но и личная отвага Д. И-ча не поправила дела: мунгалы успели уйти от русского отряда и увести весь скот. Может быть, именно раны Многогрешного, заставившие его покинуть отряд, и помешали успеху преследования». Затем следует интересная деталь, ещё раз свидетельствующая о совместных оборонных усилиях русских и бурят: «Мунгалов пробовали затем остановить кочевавшие под Селенгинском “ясачные тайшичи” (Чюван и Аюшка, дети Чик-Ирденья и др.), но и над ними мунгалы одержали верх: многих

“улусных людей” побили, других ранили, взяли в полон и захватили их скот».

Трагична судьба старшего сына Многогрешного – Петра, активно участвовавшего в селенгинских ратных делах отца. Он погиб в 1691 году в Монголии, возглавляя военный отряд русских и бурят, осуществлявший подготовленную старым гетманом акцию, задуманную как ответ на постоянные грабительские набеги монголов. Сведения об этом неудачном походе приводят Н. Оглоблин и А. П. Васильев. Его активное участие в умиротворении Забайкалья подтверждает текст «Договора, заключенного полномочным послом, окольниковым Федором Алексеевичем Головиным с табанутскими сойтами о принятии ими русского подданства», в котором, в преамбуле, указывается, что, в том числе, «перед сыном боярским перед Петром Многогрешным» (...) мы табунуцкие сайты (...) с детьми своими и с улусными людьми служить обещаемся верно и даём шерть на сих нижеименованных статьях (...).

Старый гетман отдал всего себя служению забайкальской и селенгинской, в частности, «украине», становлению здесь российской государственности. Созданный при непосредственном и активном участии Многогрешного военный авторитет русских в районе Забайкалья дал возможность, в том числе, бурятам-табунутам окончательно поверить в надёжность русской защиты и решить вопрос о добровольном вхождении в состав Российского государства.

Фольклорные отголоски

Уже отмечалось, что путешествовавший через Забайкалье в Китай О. М. Ковалевский ещё застал живой память забайкальских жителей о делах ссыльного гетмана и его сына. Некоторые важные подробности похода Петра Многогрешного точно повторяются в старинной селенгинской казачьей песне, из которой взят наш эпиграф, на что в 1960 г. обращал внимание этнограф Б. О. Долгих. Песня эта приводится в издании «Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым».

В этом иронически-насмешливом произведении неудачный

поход казаков изображается без тени сочувствия. Тонкая ирония особенно проступает в заключительных словах песни:

А за славным было бабюшком за Байкалом-морем,
А и вверх было по матке Селенге по реке,
Из верхнева острогу Селендинскова,
Только высылка была удалым молодцам,
Была высылка добрым молодцам,
Удалым молодцам, селенденским казакам,
А вторая высылка – посольским стрельцам,
На подачу им даны были табуночки мужики,
Воевода походил Федор молодой Дементьянович,
Есаулом походил у него брат родной,
А по имени Прокопей Козеев молодец.
Переправились казаки за Селенгу за реку,
Напускались на улусы на мунгальския.
По грехам над улусами учинилося,
А мунгалов в домах не годилося:
Они ездили за зверями обловами.
Оне тута, казаки, усмеваются,
Разорили все улусы мунгальские,
Он (е) жен-детей мунгалов в полон взяли,
Шкарб и живот у них обрали весь.
Оне стали, казаки, переправлятися
На другу сторону за Селенгу-реку,
Опилися кумысу, кобыльева молока.
Из-за тово было белова камня
Как бы черные вороны налетывали,
Набегали тут мунгалы из чиста поля,
Учинилася бой-драка тут великая:
Оне жен-детей мунгалок и отбили назад,
И прибили много казаков до смерти,
Вдвое-втрое казаков переранили,
Тобуночки мужики на побег пошли,
Достальных казаков своих выдали.
И придут казаки в Селенденской острог,
По базарам казаки оне похаживают,

А и хвастают казаки селендинский молодцы,
А своими ведь дырами широкими.

Весьма вероятно, что упоминаемый в песне руководитель похода Фёдор Дементьянович и есть сын Многогрешного Пётр, хотя по другому предположению здесь подразумевался Фёдор Дементьев Воейков – нерчинский воевода.

Наличие в собрании Кирши Данилова и нотной записи этой песни позволило автору этих строк предложить её для исполнения ансамблю «Казачий Спас» при Союзе казаков Бурятии.

Еще недавно жила весьма необычная фольклорная запись «Аввакум и Демьян Многогрешный», сделанная Л. Е. Элиасовым в 1938 году в селе Ганзурино Селенгинского аймака Бурятии от Н. В. Фёдорова. Она рассказывает о дружбе и совместной жизни на Байкале у Прорвы недалеко от Посольского монастыря двух царских каторжников – Аввакума и Демьяна. И хотя исторически возможность такой встречи не подтверждается, особенно важно здесь то, что народ возводит Многогрешного до уровня значительно более известного российского страдальца – нестигаемого Аввакума и глубоко сочувствует обоим.

Сибирские Многогрешные

Белым пятном сибирского краеведения является вопрос о ближайшем окружении опального гетмана во время ссылки. Родные и близкие Многогрешного, разделившие с ним его суровую долю, затерялись в массе сибирского населения, и нужны упорные поиски, чтобы отыскать их следы.

Интересные открытия и предположения можно, например, сделать, начав с более тщательного анализа старинной именной денежной расходной книги 1704 года, отрывок из которой приводился выше в связи с выяснением года пострижения и смерти Многогрешного. В этом удивительно информативном для нас документе упоминается сразу три Многогрешных – Демьян, Петр и Яков и три Бейтона – Афанасий, Андрей и Яков (в цитируемый отрывок Андрей и Яков Бейтоны не вошли).

Неожиданная находка состоит в том, что при совместном анализе содержания этого и ещё трёх исторических документов обнаруживается, что все шестеро – родственники, причём стали ими в Сибири, благодаря женитьбе ещё двух отпрысков этих, ставших довольно известными, фамилий. Но сначала необходимо доказать, что все перечисленные Многогрешные и Бейтоны родственники в отдельности.

О том, что Петр – сын Демьяна Многогрешного, уже говорилось, а вот то, что и Яков его сын, мы узнаём из отписки воеводы Николева о неправильно повёрстанных в служивые люди. Здесь записано: «Яков Демьянов сын Многогрешный. И в прошлом в 199 (т. е. 1691 г.) году умре...» И ещё, тут же: «Петр Демьянов сын Многогрешный. Да в прошлом в 199 г. под Селенгинском убит».

Две тяжких потери в один год! Как неожиданно всплыла ещё одна, которая на счету личная трагедия старого гетмана, на которую пока никто не обращал внимания. И потянется, наверное, ниточка к причинам последовавшего через 10 лет пострижения в монахи. Каким мужественным должен был быть этот уже старый человек, который после этого еще продолжал оставаться «приказным» в Селенгинске и беззаветно служить нелёгкому своему делу.

Загадкой пока остаётся вопрос, куда исчез сосланный вместе с гетманом второй его сын Иван. В связи с этим Н. Оглоблин, говоря об Якове, пишет: «Или это был Иван, носивший почему-либо и имя Якова? или же историки ошибались, называя второго сына гетманова Иваном?» Кстати говоря, у двух авторов без ссылки на источники есть упоминание ещё об одном сыне Многогрешного – Сергее, якобы родившемся уже в Сибири и пожалованном за заслуги отца в сыны боярские. Одно упоминание об этом содержится в данном выше отрывке о Многогрешном из работы В. В. Птицына, другое, более раннее, – в цитировании из статьи С. В. Максимова.

Женская половина семьи Многогрешного, как уже говорилось выше, в начале ссылки была представлена женой Настасьей и дочерью Еленой. Елена Многогрешная и станет, так сказать, виновницей породнения с семейством Бейтонов. Ви-

димо, по ошибке эта дочь гетмана названа в цитируемой выше работе В. К. Андриевича Ольгой.

На вопрос о том, было ли прибавление женского состава семьи гетмана в Сибири, проливает свет черновая «отписка» в Сибирский приказ Иркутского воеводы Ивана Власова, посланная в 1681 году. Отрывок из неё даёт Н. Оглоблин, а вот интересующий нас фрагмент отрывка: «Сослан-де он в Сибирь, в Селенгинск, з женою и з детьми, а чем-де ему з женою и з детьми питатца – того в указе... не написано, и он-де з женою и за двумя сынами и з тремя дочерьми скитается меж двор и помирает голодною смертию... А в Селенгинском, государь, хлеб купить весчей пуд муки ржаной по 6 алтын, по 4 деньги и больши. А впредь, государь, ему, Демьяну, з женою и з детьми твое, великого государя, хлебное и денежное жалованье и по шти-ли денег на день давать ли, о том, что ты, великий государь, мне, холопу твоему, укажешь». По этому поводу Н. Оглоблин предполагает, что, может быть, две из трёх упоминаемых в документе дочерей гетмана родились в Сибири. Имена их пока неизвестны.

И несколько слов о сибирской судьбе других опальных родственников гетмана

Сосланный по тому же делу в Красноярский город, родной брат гетмана, черниговский полковник Василий Многогрешный в 1679 г. будет освобожден из здешней тюрьмы казаками в минуту смертельной опасности для города, осажденного тогда джунгарами и енисейскими киргизами. Он бился за город, руководя стенной артиллерией, так храбро и умело, «не щадя головы своей», что красноярцы направят потом в Москву челобитную с описанием его заслуг в обороне города и просьбой о поверстании бывшего полковника в «красноярское казачье войско». В качестве красноярского «сына боярского» он будет самоотверженно и долго нести здесь тяжелую и опасную ратную службу. Известно, что у него было двое сыновей, Прон и Дмитрий, о поверстании которых в «дети боярские» он просил в 1694 году, достигнув своей старости. Имеются сведения, что один из потомков Василия Многогрешного, Яков, в середине XVIII в.

состоял священником в Красноярске, а сыновья его, Егор и Василий, пребывали в городских крестьянах. Егор потом станет дьяконом городской соборной церкви, а затем уже в Тобольске будет рукоположен в священники села Арейского.

В составе сосланной в Сибирь семьи гетмана находился и его племянник Михаил Зиновьев. Местом его ссылки был определен Якутск. В 1688–1690 годах он состоял приказчиком на Колыме, а в 1697–1699 годах – в Анадыре. Михаил примет фамилию своего дяди, под которой и упоминается в 1702 г. в связи с длительной поездкой на Камчатку. Его роль и деяния на Камчатке коротко отметил выдающийся русский ученый-путешественник XVIII в. С. П. Крашенинников в своем знаменитом труде «Описание земли Камчатки». Рассказывая о первопроходце Камчатки казачьем пятидесятнике Владимире Атласове, он сообщит, что в 1702 г. на Камчатку вместо арестованного за злоупотребления Атласова был отправлен «служивый Михайло Зиновьев, который, как сообщили в Москву из Якутска, бывал на Камчатке ещё до Атласова (возможно, с Лукой Морозко)».

И продолжая перечень первых камчатских правителей, ученый пишет: «Кобелева сменил вышеуказанный Михайло Зиновьев, который управлял камчатскими острогами с 1703 по 1704 год до прибытия казачьего пятидесятника Василия Колесова. Зиновьев впервые ввёл на Камчатке ясашные книги, куда вписывались поименно подлежащие обложению ясаком камчадалы. Нижние камчатские зимовья, вследствие неудобно выбранного для них места, он перенес к ключам, а на Большой реке построил новый острог. Он же перевел анадырских служивых людей по их собственной просьбе из Укинских зимовий на Камчатку. Приведя, таким образом, состояние дел на Камчатке в некоторый порядок, он благополучно вернулся в Якутск с ясашной казной».

Даже из этих кратких сведений можно представить, какой тоже очень нелёгкой, полной постоянных опасностей была сибирская жизнь Василия Многогрешного и Михаила Зиновьева-Многогрешного. Но великого мужества и стойкости были эти люди, оказавшиеся достойными той немалой исторической роли в защите и обустройстве далёких неустроенных еще ок-

раин России, какая выпала на их многострадальную долю. И как поразительно похожими оказались сибирские судьбы ссыльных мужчин рода Многогрешных! Их страницы в истории Сибири достойны подробного изучения и описания, они не должны забываться.

Бейтоны

Афанасий Иванович Бейтон был человеком под стать Демьяну Игнатовичу Многогрешному. Сибирская ссылка свела и породнила в их лице двух крупных военачальников того времени. Если опальный запорожский гетман стал героем обороны Селенгинска, то обрусевший, пленённый русскими во время польской службы, прусский дворянин Афанасий Бейтон в то же самое время прославился как героический защитник другого русского форпоста на Востоке – знаменитой крепости Албазин, осаждаемой маньчжуро-китайцами.

В работе о первых русских поселениях на Сибирском Востоке исследователь прошлого века П. Шумахер пишет о походе дружины Бейтона через Восточную Сибирь к Амуру на помощь Албазину: «В 1685 году маньчжуры двинулись к Албазину... Подкрепления ждали со дня на день. Известно было, что много оружия и всякого военного запаса отправлено из Енисейска с Афанасием Бейтоном, набравшем в Тобольске дружину в 600 человек (...). Бейтон с трудом довел эту вольницу до Удинского острога (...). Бейтон должен был свернуть на Селенгинский острог. Из Селенгинска он настиг монголов на равнине у Гусиного озера, отнял своих лошадей, а хищников прогнал в Монгольские пределы. Придя он сутками двумя ранее, Албазин еще, может быть, подержался бы». Как видим из этого отрывка, вынужденная остановка в районе Селенгинска не дала Бейтону возможности в этот раз спасти Албазин, в котором было «все сожжено, кроме хлеба на пашнях»».

Далее мы читаем: «Селенгинский дворянин и голова ратных людей Бейтон вернулся в крепость, приведённую в оборонительное положение». Тамошний воевода Толбузин «приказал сжечь дома, стоявшие вне крепости, обыватели их перешли в город и выкопали себе для жилья землянки».

А вот дальнейший ход обороны Албазина. «В июле 1686 г. Маньчжуры в числе 8 000 чел. при 40 пушках подвигались водою и сухим путём к Албазину (...). 1-го сентября Маньчжуры решились взять город приступом, но были отбиты с жестокою потерею (...). Несчастные албазинцы претерпевали всевозможные лишения, голод и болезни (...). В ноябре, в одной из вылазок, русские оставили на месте 150 человек; Толбузин был ранен ядром в ногу и умер в больнице. Бейтон принял после него начальство. Это было в начале 1687 года (...). С ноября 1686 по май 1687 маньчжуры держали Албазин в осаде, а потом отступили от города на 4 версты. Албазинский острог был завален трупами до того, что некому было зарывать их. Узнав о свирепствовавшей в городе цынге, маньчжуры предложили своих врачей, но Бейтон отвечал, что не нуждается в их помощи, и для доказательства избытка в съестных припасах послал маньчжурскому полководцу в подарок пирог весом в пуд. Израненный и больной, он выходил на костылях командовать оставшимися в живых 82 человеками (...). В августе маньчжуры окончательно отступили от Албазина, а русские опять принялись строить дома».

Теперь о детях Бейтона. В том, что названные без отчеств Андрей и Яков Бейтоны безусловно являются сыновьями героя Албазина Афанасия Бейтона, мы убеждаемся, познакомившись с извлечением из «Книги хлебного и соляного жалования 1704 г. (Кн. № 1488)», где сказано: «Дворяне московские. По указу и пр. оклад хлебного и соляного жалования 20 четв. ржи, овса тоже, соли 4 п: полковник Андрей Афанасьев Бейтон, Яков Афанасьев Бейтон». Этот же факт фиксирует и «Книга (...) именная иркутским ружникам и оброчникам, голове казачью московского списку и дворянам и детям боярским и всяких чинов служилым людям (...). (Кн. № 1260)»¹⁰⁹. Кстати, этот документ, по-видимому, и лёг в основу вышеприведённых сведений третьего издания БСЭ о времени пострижения Многогрешного в 204 (1696) году, а не 207 (1701) году, как это указано в другом приведённом нами и не известном составителям статьи БСЭ о Многогрешном документе.

Вот интересующие нас строки: «Дворяне московского списку. Московский оклад 20 р., а давать велено по указу великого государя и по грамоте 12 р., хлеба 12 четей, овса то же, 2 п. соли: Андрей Афанасьев сын Бейтон, Яков Афанасьев сын Бейтон (8 р. 8 четей пудов ржи, 2 п. соли).

Дети боярские... Демьян Игнатов сын Многогрешный (18 р., 17 четей ржи и овса, 4 п. соли) прошлом 204 г. постригся.

...Фёдор Никифоров сын Черниговский, верстан после Петрушки Иванова в выбылой оклад Петра Многогрешного...»

Породнение

И, наконец, самое главное в породнении семейств Многогрешных и Бейтонов. Предоставим слово П. А. Словцову: «Бейтон продолжал после службы по Иркутскому воеводству в Верхоленском и Балаганском острогах. Сын его женат на дочери Селенгинского боярского сына Демьяна Многогрешного и от сего брака идут две линии, пользующиеся в Иркутске хорошим именем по учебной и гражданской службе».

А на вопрос, который из сыновей Бейтона женился на дочери гетмана Елене, отвечает Н. Оглоблин: «О дочери Елене мы знаем, что она вышла замуж за сибирского дворянина Ивана Бейтона. Это сын известного полковника Афанасия Ивановича Бейтона, знаменитого защитника (после смерти воеводы А. Л. Толбузина) Албазина против китайцев в 1686–1689 гг.».

Таким образом, если в цитируемых источниках нет путаницы, то у А. И. Бейтона было, по крайней мере, три сына: Андрей, Яков и Иван.

Где нашли друг друга дети двух героев прошлого Забайкалья – точно сказать пока трудно. Это мог быть Тобольск, Иркутск, Удинск и, конечно, Селенгинск. Будем надеяться, что следы этого родства не растворились в трёх прошедших веках и ещё могут быть обнаружены внимательным исследователем.

Нельзя удержаться и не высказать, на наш взгляд, интересную гипотезу, позволяющую считать год 1701 пострижения старого гетмана в монахи более достоверным, чем год 1696. В связи с этим, обратим ещё раз внимание на книгу именную денежную расходную 1704 года, где отмечено, что «казачий

голова Афанасий Бейтон в 209 г. (т. е. в 1701) умре». А ведь ещё в 1698 году Бейтон должен был быть совсем близко от Многогрешного – в Удинске [Верхнеудинске – Улан-Удэ. – Э. Д.]. Об этом мы узнаём из «Обозрения столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.)», составленного Н. Н. Оглоблиным, который, описывая «наказы» и «наказные памяти» начальным людям, замечает: «Довольно исключительный случай представляет наказ 206 (т. е. 1698) года Афанасию Ивановичу и его сыну Андрею Бейтонам, назначенным в Удинский острог – отец казачьим головою, а сын «в товарищах» отцу «для старости его и многих служб». Из чего следует, что героический защитник Албазина мог какое-то время жить тогда в Удинске, а сменил его на посту казачьего головы названного острога Андрей Бейтон, его сын.

Сразу же возникает мысль о том, что в совпадении года смерти Бейтона и пострижения Многогрешного есть определённый смысл. Если этот факт не случайный, то его объяснение следует искать, скорее всего, в характере взаимоотношений между этими много страдавшими людьми. Вполне могло быть так, что помимо возникшего через детей родства, их связывало и духовное породнение, основанное, прежде всего, на схожести судеб и характеров.

К 1701 году Многогрешный был уже очень старым человеком, ведь только со времени подписания им в 1649 году в чине генерального есаула Зборовского договора прошло 52 года. Трудно сказать, сколько было ему лет до времени этого события, но, судя по тому высокому служебному положению, которое он уже тогда занимал, это был далеко не юноша, а человек, имевший за плечами как минимум 30 лет жизни. Вот и получается, что постригся престарелый гетман в возрасте за 80 лет и через два года умер. Ко времени пострижения Многогрешный потерял уже двух сыновей и, скорее всего, жену. Поэтому смерть друга могла быть последней каплей, заставившей его на закате жизни добровольно отрешиться от мирских забот...

Искупление

Подходит к концу рассказ о человеке необыкновенной судьбы. Перед глазами израненный и одинокий, как состарившийся гетман, Спасский собор и силуэты ушедшего в прошлое древнего города...

Опальный гетман – это частица неповторимого прошлого Забайкальского края, своей тяжёлой ратной работой он внёс свою лепту в его настоящее. Этот человек не был сломлен несостоявшейся казнью, сибирскими тюрьмами и физическими ранами, обретя себя вновь на забайкальской, селенгинской «украине». Искуплением его возможных прошлых грехов была защита Селенгинска и активное участие в становлении государственности в Забайкалье.

Как удивительно скажет С. В. Максимов: «Для этих ссыльных Сибирь предлагала те же тюрьмы, по подобию монастырских и городских русских тюрем. Демьян Многогрешный, при таких льготах, показал наилучший пример незлобивых отношений к стране собственных несчастий и является едва ли не единственным лицом, которому удалось принести свою долю участия там, где этого требовали» страницы истории Забайкалья. Они ещё могут ожить, ведь сумел же этнограф И. С. Сельский через полтора века после смерти Многогрешного обнаружить интересные, казалось бы, навсегда утраченные, сведения о селенгинской жизни гетмана. В забытом сегодня исследовании этого автора «Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц (1645–1762 гг.)», среди других сведений о Многогрешном, сообщается: «Старожилы доселе рассказывают переданное их отцами о гетмане, в особенности остались в памяти (...) (враги) его необыкновенно боялись и не решались вступить в бой, если видели впереди гетмана. Довольно долго существовал его небольшой домик на берегу р. Селенги; мутная река в один их своих разливов оторвала землю и унесла его жилище. Но воды Селенги не смыли памяти о гетмане, имя его до сих пор живет между селенгинскими жителями».

Явным сочувствием и симпатией к первому выдающемуся ссыльному Селенгинска проникнуто и следующее замечание Сельского: «Нельзя не заметить, отчего впоследствии не по-

миловали его, хотя очень хорошо было известно, что эта личность была только жертвою интриг казацких партий».

Спасский собор старого города...

Плита с могилы Многогрешного в полу собора...

Вот несколько строчек из изданной в 1830 году «Истории Малой России»: «Многогрешный (...) дочь его Марина (по Н. Оглоблину, Елена. – Э. Д.) была в замужестве за сибирским дворянином Иваном Бейтоном, еще находилась в живых в 1726 году, а внучка вышла замуж за священника Селенгинской Спасской церкви Игнатия Боршевского».

Выходит, жила в старом городе и внучка Многогрешного, а это значит, что было кому какое-то время ухаживать за могилой и старым домиком гетмана. И вполне могла могильная плита сохраниться до закладки в 1784 году каменного Спасского собора, возведённого вместо одноимённой деревянной церкви... Этим ещё раз подтверждается достоверность сведений, сообщаемых декабристом М. А. Бестужевым. А о том, как может выглядеть надгробие с могилы гетмана дают представление чудом сохранившиеся на месте древнего некрополя Старого Селенгинска могильные плиты участника тех же событий, казака-дипломата Василия Фирсова-Хлуденева (ум. 1726) и его жены (ум. 1736).

Остаётся надеяться, что к 2003 г., уникальной памятной дате – 300-летней годовщине со дня смерти в Селенгинске легендарного запорожского гетмана, мы всё же обнаружим эту плиту-реликвию после расчистки пола собора. Обнаружим, если только она не была увезена в 1930-х гг. на другой берег реки и заложена в стены одного из новоселенгинских домов после взрыва и попытки разборки собора на строительные материалы для «светлого будущего»...

А это уже из области исторических парадоксов – всякое случается в истории – Зиновьев считается первым приказчиком Камчатки (хотя это и оспаривается – официально Тимофей Кобелев), а Бейтон – был назначен первым официальным «командиром Камчатки», хотя, кажется, здесь и не был ни разу.

У А. С. Сгибнева в «Историческом очерке...»: *Первым постоянным командиром в Камчатку был назначен в 1732 г. иркутский дворянин Бейтон и в помощь ему капитан Княжинкин. Но Бейтон вскоре отказался от этой должности, и вместо него в октябре 1733 г. прибыл в Камчатку иркутский дворянин Добрынский, который и принял управление от Эверстова. Добрынскому от собиравшего ясашные переписи в иркутской провинции полковника Кошелева поручено было немедленно составить и прислать в Иркутске окладную перепись камчадалам. Но Добрынский составил эту перепись по старым ясашным книгам, заведенным вскоре после покорения Камчатки, в которые вписывались ежегодно новые плательщики ясака, а умершие не исключались».*

И еще. Александр Бушков в книге «Русская Америка: слава и позор» пишет: «Федор Бейтон (сын того самого Афанасия Бейтона, уже совершенно русский человек) составил “Карту мест от реки Енисея до Камчатки лежащих”. На ней – наверняка впервые в русской картографии – уже значилась напротив Чукотки некая “Землица”. В комментариях к чертежам Бейтон писал: по сообщениям чукчей, на той “Землице” обитают племена по имени “кыкыкмеи”. “И бой у них лучной, а звери соболи и лисицы есть. Деревя на них сосняк и березняк”.

Аляска легла на русские карты! Между прочим, забегая вперед, стоит уточнить, что это название произошло от искаженного эскимосского “Аль-ак-шак”, как они называли свой “большой остров”.

Событие примечательное: русские увидели вполне реальную цель. Из полусказочной земли Аляска стала доподлинной реальностью. И то, что на ней во множестве обитал пушной зверь, должно было неминуемо настроить людей на привычные действия. Тем более что в Сибири к тому времени количество “мягкой рухляди” стало катастрофически падать: в те времена ни русские, ни местные племена представления не имели об экологических цепочках и пушного зверя колошматили, не думая, что ему нужно время на восстановление поголовья...» (<http://lib.rus.ec/b/129848/read>).

Еще одну замечательную статью о династии Многогрешных – Бейтонов опубликовал известный историк А. С. Зуев. Статья называется **«Забывтый герой: штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона»** (и ее легко отыскать в Интернете по адресу: http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/n_e_sib_2/zuevw.htm, поэтому мы позволим себе убрать все авторские ссылки и источники).

В военной истории России немало военачальников и полководцев, принесших славу российскому оружию. Одни из них возведены в ранг национальных героев и широко известны, другие в силу разных причин почти забыты, и даже профессиональные историки мало что о них знают. К числу таких «забытых героев» принадлежит и Афанасий Иванович Бейтон. Иностранец на русской службе, он, возможно, остался бы безвестным профессиональным наемником, каких в России XVII в. было немало, если бы волею судеб не оказался руководителем обороны Албазина от маньчжуров в 1686–1687 гг. – события, сыгравшего чрезвычайно важную роль во взаимоотношениях России с Цинским Китаем.

Почти все историки, так или иначе изучавшие «албазинское сидение», упоминали Афанасия Бейтона. Однако никто из них не счел нужным проследить биографию этого человека и по заслугам оценить его вклад в дело защиты российских владений в Приамурье. Конечно, задача эта не из простых, поскольку полной и подробной автобиографии Бейтон не оставил, а имеющиеся о нем сведения буквально по крупицам рассыпаны в многочисленных архивных делах, хранящихся в фондах Российского государственного архива древних актов. По этой же причине и в настоящей статье не ставится задача восстановить в деталях биографию Бейтона. Цель гораздо скромнее – собрать все имеющиеся в опубликованных источниках и литературе данные о Бейтоне, дополнить их архивными находками, на основе чего дать представление о важных вехах его жизненного пути и роли в обороне Приамурья.

По поводу происхождения, национальности и обстоятельств появления Бейтона на русской службе в литературе высказывались и существуют до сих пор разные версии. Одни историки

(Е. Равенштейн, П. Шумахер, Э. Демин) считали его прусским дворянином, другие (К. Цепелин, П. Словоцков, Л. Ситников) – выходцем с Британских островов, шотландцем или англичанином. По мнению тех и других, он служил одно время в польской армии, попал в русский плен и был сослан в Сибирь. При этом П. А. Словоцков утверждал, что Бейтон на момент пленения имел чин подполковника польской армии, а К. Цепелин «разжаловал» его в лейтенанты, отнеся пленение к 1667 г.

И. В. Щеглов называл Бейтона служилым немцем, присланным в Сибирь для устройства регулярного войска. Наконец, некоторые историки (Ю. Бартенев, Д. Резун) предпочитали не конкретизировать национальность Бейтона, относя его к категории так называемых «немцев», т. е. использовали термин, которым в XVII в. в России обозначали всех выходцев из Западной Европы вообще.

Бросается в глаза то обстоятельство, что в подтверждение своих версий никто из упомянутых исследователей не смог привести ссылки на источники, заслуживающие доверия. Зачастую вообще непонятно, на основании чего они строили свои предположения. И если данное обстоятельство историкам XIX в. еще можно простить, то историкам XX в., безусловно, нет, поскольку в начале этого столетия из архивных дел Сибирского приказа уже были извлечены сведения, проливающие свет на биографию Бейтона.

Речь идет о находке известного архивиста Н. Н. Оглоблина, который среди дел посольства Ф. А. Головина обнаружил челобитную Бейтона с кратким изложением обстоятельств его появления и службы в России. Эту челобитную Оглоблин аннотировал в 3-й части своего «Обозрения столбцов и книг Сибирского приказа». Позднее о ней упоминал А. И. Андреев, а ее содержание было изложено в комментариях ко 2-му тому «Русско-китайских отношений в XVII веке» и использовано В. А. Александровым в краткой биографической справке о Бейтоне в монографии, посвященной международным отношениям на Дальнем Востоке.

Из этой челобитной следует, что Бейтон выехал на русскую службу «во 162 году» «из Прузского государства» «в чину

капитанском и порутчиком» и послан был «ис под Смоленска служить в полк боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого». Эти сведения полностью подтверждаются и дополняются двумя другими архивными находками.

Первая из них – это выявленный мной в делах Сибирского приказа перевод письма Бейтона, отправленного им 23 июля 1697 г. из Иркутска в Москву на имя думного дьяка А. А. Виниуса. Оригинал был написан по-немецки, но обнаружить его не удалось. Да и перевод на русский язык дошел лишь частично – только первый и два последних листа. Сколько текста оказалось утеряно, непонятно. Но и то, что сохранилось, дает дополнительные сведения к биографии нашего героя. В частности, он поведал следующее: «Я его царскому величеству больши сорока лет служил, даже со штидесят втораго, как его царского величества под Смоленском был со многими бояры и вельможи многи полками, и во многих осадах сидел».

Вторая находка – это обнаруженная М. О. Акишиным в следственном деле 1719 г. сына А. И. Бейтона Якова краткая информация, составленная им о службе отца. Яков между прочим сообщил, что «отец ево был родом Прусского государства, был чином порутчик и ис того государства вышел он к Москве своею волею во 162 году и служил во всех в Литву походах».

Таким образом, все три документа утверждают, что Афанасий Бейтон был родом из Пруссии. Его вербовка на русскую службу произошла в 1662 г. При переводе на современное летоисчисление остановиться, скорее всего, следует на 1654 г., поскольку именно в это время начались русско-польская война и вместе с этим массовый наем иностранных военных.

Из упомянутой челобитной видно, что русская служба Бейтона началась под Смоленском, затем он участвовал в боях под Шкловом, Быховом, Слуцком, Ригой, Мстиславлем, сидел в осаде в Могилеве.

Участие Бейтона в русско-польской войне 1654–1667 гг. чрезвычайно важно для понимания его последующей роли в обороне Албазина, поскольку несомненно, что, будучи офицером, он приобрел немалый боевой опыт в этой войне. К тому же можно предположить, что и до поступления в русскую служ-

бу Бейтон был знаком с премудростями ратного строя. Несомненно, он уже имел какой-то офицерский чин (иначе его бы в России не «поверстали» сразу в «чин капитанский и порутчиком»). А раз он был офицером и служил где-то в Европе, то, значит, ему неизбежно пришлось принимать участие в Тридцатилетней войне. Вероятно, после ее окончания Бейтон, как и многие другие профессиональные наемники, остался не у дел и двинулся на службу к московскому царю, лишь только на востоке Европы запылало пламя новой войны.

Гораздо сложнее установить настоящую фамилию нашего героя. В русских источниках, современных Бейтону, встречается несколько ее вариантов: Бойтон, Байтон, Фанбейтон (фон Бейтон), Бейдон, Байдон, Бойдон. Позднее, в XVIII–XIX вв., в документах и исторических исследованиях утвердилось написание «Бейтон», которое принято и в современной литературе. Однако оно не бесспорно. Дело в том, что сам Бейтон, уже будучи на русской службе, подписывался следующим образом: «Afonasse Beithon». Если предположить, что он писал свою фамилию по-немецки, то в переводе на русский она будет звучат как Байтон. Если же считать, что он писал русский текст латинскими буквами, тогда – Бейтон. Первый вариант кажется предпочтительнее, ибо сомнительно, чтобы Бейтон не знал, как по-немецки пишется его собственная фамилия. Но нельзя исключить и то обстоятельство, что в XVII в. и по-немецки звучание и написание фамилии «Бейтон» могло быть неустойчивым. В пользу этого, в частности, свидетельствует разноречивость в переводах фамилии на русский язык: писцы фиксировали ее так, как слышали. В любом случае проблема есть, и окончательное решить ее могут только специалисты по антропонимике – знатоки немецких фамилий. Существенную помощь им, конечно, оказали бы связанные с Бейтоном документы из архивов бывшей Пруссии. Возможно, удалось бы установить и первое (немецкое) имя Бейтона, которое в русских источниках пока не обнаружено (вряд ли при рождении ему дали русское имя Афанасий).

Несомненно только то, что к началу XVIII в. русская транскрипция твердо остановилась на варианте «Бейтон». Этого

варианта буду придерживаться и я, по крайней мере, до внесения полной ясности с немецким звучанием и написанием этой фамилии.

Еще до окончания русско-польской войны Бейтона перевели в Томск. Это было время, когда центральные и сибирские власти предпринимали усилия по созданию в Сибири полков нового строя и с этой целью командировали туда несколько десятков офицеров из числа иностранных наемников. В Томске Бейтон оказался в первой половине 1660-х гг., как сам писал, «при бывшем воеводе Иване Васильевиче Бутурлине», который воеводствовал там в 1659/60 – 1664/65 гг. В городском сметном списке Томска за 7173 г. (1664/65) он значился поручиком. Наряду с другими иностранными офицерами, посланными в Томск (Л. Бондодом, А. Дабином, О. фон Менкиным, Х. Рыхтером, Я. ван дер Гейденом, Я. Шнеером, И. Людерсоном и др.), он должен был обучать местных служилых людей солдатскому строю.

В Томске Бейтон женился (это произошло до 1665 г.). Кто была его избранница, не известно. Но именно женитьба коренным образом изменила судьбу Бейтона, поскольку, согласно тогдашним российским законам, он должен был перейти в православие и принять русское подданство. Вероятно, в связи с этим его «по указу великих государей» «со всем домишком взяли к Москве». Но в столице Бейтон по какой-то причине не усидел и по собственной просьбе был отправлен в Енисейск с поверстанием в дети боярские. В результате этого служебный статус Бейтона изменился: из иностранного наемника, связанного с Россией контрактом о службе, он превратился в обычного русского служилого человека, обязанного отныне пожизненной службой новому отечеству.

Дата повторного прибытия Бейтона в Сибирь неизвестна, но в окладной книге Енисейска 1680/81 г. он записан сыном боярским с годовым окладом жалованья в 12 руб., 12 четвертей ржи, 10 четвертей овса и 3 пуда соли.

В Томске и Енисейске Бейтону пришлось участвовать в обороне русских владений от многочисленных набегов джунгар и енисейских киргизов. Большой боевой опыт, бывший за плеча-

ми Бейтона, видимо, predeterminedил его назначение на должность командира полка, отправленного на Амур для защиты русских владений от маньчжуров, которые, захватив Китай, в начале 1680-х гг. резко активизировали враждебные действия против России, стремясь вытеснить русских из Приамурья.

Шестисотенный полк, которым предстояло командовать Бейтону, был сформирован в Тобольске к весне 1684 г. из сибирских казаков, их родственников, а также представителей посадских и крестьянских низов и гулящих людей из городов Тобольского разряда (Тобольска, Туринска, Верхотурья, Тюмени)²⁶. Эти новоприборные казаки «прославились» тем, что по дороге от Тобольска до Енисейска, недовольные плохим казенным снабжением, вышли из-под контроля воеводской администрации и своих начальных людей, завели «воровские» казачьи круги и занялись грабежами (захватывали имущество воевод, торговых людей, избивали приказчиков). Подойдя к Енисейску в конце августа 1684 г., они вступили в конфликт с местным воеводой К. Щербатовым, который чуть было не закончился вооруженным столкновением между новоприборными и енисейцами. В конце концов, воевода удовлетворил требование казаков: выдал им хлебное жалованье, дощаники и судовые припасы для дальнейшего следования, а в начальные люди к ним (казачьим головой) назначил енисейского сына боярского Афанасия Бейтона.

Приняв командование бунтующими казаками, Бейтон, судя по всему, не вводил никаких решительных мер для пресечения казачьего своевольства. Выступив из Енисейска в начале сентября 1684 г., казаки по пути в Иркутск продолжали заниматься грабежами. Афанасий Бейтон «оборони на них и никакой расправы» дать не мог, потому что новоприборные ему «были непослужны». Попытка навести порядок неизбежно закончилась бы для Бейтона расправой со стороны казаков.

Своевольство казаков и плохая организация их переброски на восток сильно замедлили движение полка. Только ранней весной 1685 г. ему удалось выйти в Забайкалье, причем из-за проблем с транспортировкой по дороге пришлось оставить (на р. Ангаре) артиллерию и значительную часть боеприпасов и

другого снаряжения. Серьезная задержка произошла под Удинским острогом, куда прибыли на «страстную неделю» (между 13 и 18 апреля). Здесь монголы угнали быков и лошадей, предназначенных для перевозки военного снаряжения. Казаки бросились в погоню. Бейтон пытался было их остановить, поскольку надо было быстрее двигаться дальше, но безуспешно. Поход в степь оказался удачным: казаки вернули часть лошадей, прихватив заодно у монголов полторы сотни голов рогатого скота и тысячную отару овец. Однако из-за этого полк задержался под Удинском на целый месяц. В результате к пункту своего назначения – Албазину – он не успел подойти до того, как началась первая осада маньчжурами этой крепости (10 июня 1685 г.), закончившаяся ее капитуляцией.

9 июля 1685 г. полк Бейтона явился в Нерчинск, несколько позднее туда подвезли оставленные на р. Ангаре пушки и боеприпасы. 10 июля в Нерчинск пришли оставшиеся в живых албазинцы во главе со своим командиром тобольским сыном боярским Алексеем Ларионовичем Толбузиным. Вслед за этим нерчинский воевода И. Е. Власов, получив известие об уходе маньчжуров из-под Албазина, принял решение вновь занять Албазин, чтобы «не потерять... Даурской земли». Повторное занятие Даурской земли (Верхнего Амура) закончилось новым вооруженным столкновением с маньчжурами и второй, на этот раз пятимесячной, обороной Албазина.

Останавливаться на этих событиях подробно нет смысла, поскольку они обстоятельно описаны в исторической литературе. Но в соответствии с замыслом статьи выделю ту роль, которую сыграл в обороне Приамурья Афанасий Бейтон. А роль его оказалась самой решающей. Нерчинский воевода определил его помощником Толбузина и первым во главе отряда из 198 человек 1 августа 1685 г. выслал на место сожженного Албазина. Согласно указаниям воеводы Бейтон должен был «оберегать» хлебные поля под Албазином и начать восстановление крепости. Прибыв на место 10 августа, казаки под руководством Бейтона проделали большую работу по заготовке продовольствия. 27 августа (по другим сведениям 1 сентября) подошел Толбузин с основными силами (316 чел.).

К лету 1686 г. почти полностью была возведена новая крепость. По наблюдениям археолога А. Р. Артемьева, она была построена с учетом достижений европейского фортификационного искусства, ориентированного на укрепления бастионного типа. Бастионные укрепления по четырем сторонам крепости хорошо видны и на рисунке, изображающем осаду Албазина в книге Н. Витсена «Северная и Восточная Татария». Данное обстоятельство наталкивает на мысль, что немалую роль в планировании и строительстве крепости сыграл Бейтон, бывший в гарнизоне Албазина единственным человеком, не понаслышке знакомым с западно-европейской фортификацией. Известный писатель С. В. Максимов, бывший на Амуре в 1850-х гг., прямо приписывал Бейтону строительство последних албазинских укреплений. Вероятно, его утверждение основывалось на преданиях, услышанных от амурских казаков.

Осенью 1685 и весной 1686 г. Толбузин поручал Бейтону ответственные задания: вести разведку и отражать нападения маньчжуров. Всякий раз, когда «отъезжие караулы» сообщали о появлении неприятеля, ему навстречу высылались под командой казачьего головы кавалерийские отряды. Как позднее вспоминал сам Бейтон, «хотели богдойцы воинские люди ко Албазину подъезжать, а я... с ратными людьми поиски над ними чинил и бои с ними были непрестанно». Не всегда удавалось нагнать маньчжурскую конницу, но когда врага все же настигали, победа доставалась русским. Под командованием Бейтона казаки побили маньчжуров в ноябре 1685 г. у Монастырской заимки и в марте 1686 г. на р. Кумаре.

Наиболее полно талант Бейтона как военачальника раскрылся во время обороны Албазина с 7 июля 1686 г. по 30 августа 1687 г. от 5-тысячной, а затем 10-тысячной маньчжурской армии, которой противостояло всего 826 защитников. Уже в первые часы осады он продемонстрировал свое умение вести бой против превосходящих сил противника, когда по приказу Толбузина во главе части защитников атаковал неприятеля в момент его высадки с судов на берег. Атака была столь напористой, что среди маньчжуров началась паника, и их командующему Лантаню пришлось лично наводить порядок в своих вой-

сках. 9–12 июля русские вновь пытались сбросить противника в Амур. На пятый день боев (11 июля) Толбузин был тяжело ранен вражеским ядром («отшибло правую ногу по колено») и через четыре дня скончался. Командование крепостью и гарнизоном принял Бейтон.

Ситуация складывалась критическая. Было ясно, что собственными силами отбить маньчжуров не удастся. Бейтон неоднократно обращался к нерчинскому воеводе Власову и полномочному послу на переговорах с маньчжурским Китаем Ф. А. Головину с просьбой о подкреплении: «Дай, государь, помощи и прибавочных людей, буде возможно». Но военные силы России в Забайкалье были крайне малочисленны. Как писал Власов Головину, «за конечным малолюдством не токмо на выручку Албазина, и от мунгальских людей оборонитца неким». Оставалось надеяться на Бога да на собственное мужество и ратное мастерство.

В июле, сентябре и октябре маньчжуры пытались взять крепость штурмом. Но умелое командование Бейтона и отчаянная храбрость защитников срывали все эти попытки. Более того, до октября 1686 г. гарнизон сам пять раз делал вылазки в стан врага. «И против воинских неприятельских вымыслах и жестокого приступа за помощью Божию вашим, великих государей, счастием с теми ратными людми стояли и бились не щедя голов своих подкопами и всякими боями и часто на выласку и на приступ к ним к роскату ходили и языков имали и нужу и всякой голод и холод терпели и на их ласковые слова и прелестные листы не здавались». По некоторым сведениям, только в октябрьских боях цинская армия потеряла до 1 500 солдат. Таяли и ряды оборонявшихся, причем гибли не столько в боях, сколько от начавшейся цинги.

К концу 1686 г. стал ощущаться недостаток в воде, топливе и противоцинготных средствах. К декабрю в живых осталось всего 150 «осадных сидельцев», да и «те все оцынжали», так что караулы в крепости могли держать не более 30 ратных людей и около 15 «подросков». Заболел и сам Бейтон. Израненный и больной, он выходил на костылях командовать остатками гарнизона. Побывавший в январе 1687 г. в Албазине маньчжурс-

кий офицер сообщил своему начальству, что «старшина русских» Бейтон «опасно болен, а прочие, которых осталось [всего] 20 с лишним человек, также нездоровы». «Сколько побито и померло... – с болью писал сам Бейтон нерчинскому воеводе. – Странное время было: друг друга не видали, и кто поздоровеет раненные и кто умрет, не знали, потому что скудость во всем стала... Пили мы с покойным одну кровавую чашу, с Алексеем Ларионовичем, и он выбрал себе радость небесную, а нас оставил в печали, и видим себе всегда час гробный...»

Положение на самом деле было просто отчаянное. Несколько десятков полубольных защитников не смогли бы при очередном штурме остановить несколько тысяч маньчжуров. Но тут в первых числах декабря 1686 г. пришло известие о заключении перемирия между Россией и Цинским Китаем, в связи с чем боевые действия приостанавливались. Албазинцы могли вздохнуть свободно. Вряд ли они догадывались, что именно их самоотверженность вынудила цинский двор во время переговоров с российскими представителями Н. Венюковым и И. Фаворовым дать согласие на отвод своих войск из-под Албазина до устья Зеи. Затянувшаяся осада поставила маньчжурскую армию, не готовую к длительным боевым действиям и понесшую большие потери, в крайне тяжелое положение.

В результате заключенного перемирия осада была снята, однако маньчжуры продолжали держать крепость в блокаде. И в том, и в другом лагере положение оставалось крайне сложным. В Албазине царила цинга, а в маньчжурском стане – голод. От «хлебной скудости» среди осаждающих начался даже мор. По преданию, в начале мая 1687 г. маньчжурские военачальники предложили Бейтону услуги своих врачей и лекарства, но он отказался от помощи и, в свою очередь, послал во вражеский стан пирог весом в пуд. По мнению В. А. Александрова, это предание, возможно, отражало реальный факт, так как хлебных запасов в крепости к снятию осады оставалось до тысячи пудов. А если так, то можно признать Бейтона человеком, обладавшим и достоинством, и хитростью. Такой поступок позволял ему скрыть бедственное состояние гарнизона.

6 мая неприятельская армия отступила от города на 4 вер-

сты, а 30 августа 1687 г. ушла из-под Албазина, оставив, однако, около крепости свои посты и разъезды, которые продолжали держать ее фактически в блокаде, пропуская только «малых людей» с продовольствием. Периодически маньчжуры угоняли скот, убивали отдалявшихся от крепости казаков, дважды, 11 июля 1688 г. и 21 августа 1689 г., сожгли весь посеянный албазинцами хлеб.

Бейтону все время приходилось быть начеку, чтобы, с одной стороны, вовремя организовать оборону, а с другой – не допустить нового вооруженного столкновения. Посланная ему от нерчинского воеводы память от 11 августа 1688 г. гласила: «в Олбазине жить от неприятельских людей со всякою осторожностью. И посылать бы тебе служилых людей в подъезды почасту, и проведывать вниз по Амур-реке неприятельских богдойских воинских людей, и в ыных причинных местех мунгальских людей и иных воровских иноземцов потому ж проведывать всякими мерами, и над городом и над служилыми людьми смотреть накрепко, чтоб над городом и над служилыми людьми, пришед тайно, какова дурна не учинили». Принимая во внимание, что в то время в гарнизоне насчитывалось всего около 100 казаков да примерно столько же было в крепости и окрестностях промышленных людей и крестьян, можно понять, в каком сложном положении находился Бейтон, опасаясь в любой момент нападения маньчжуров.

Видимо, в это время среди албазинцев стали проявляться панические настроения, вызванные непониманием политики властей: и подкрепления не посылают, и уйти не позволяют. У них вполне могло появиться опасение, что их бросили на произвол судьбы. В августе 1688 г. Бейтон, в частности, писал в Нерчинск Власову: «Наперво, нас Бог помиловал, что мы только живы остались. Разорены до основания и голодны и володны стали... А ныне живем в Албазине с великим опасением. Голодны и володны, пить, есть нечего, казну великих государей оберегать неведомо как. Просится всяк и мучаетца, чтоб отпустил в Нерчинск... Казакам зело трудно и мнительно, что указу к нам от окольного и воеводы Федора Алексеевича не бывало. И я их розговариваю государьским милостивым словом».

Бейтон удерживал казаков от бегства в Нерчинск, хотя сам, судя по его донесениям, пришел уже в полное отчаяние: «Служу вам, великим государям, холоп ваш, в дальней вашей заочной Даурской Украине, в Албазине, в томной, голодной, смертной осаде сидел, и от прежних ран и осадного многотерпения холоп ваш захворал, и устарел, и помираю томною, голодную смертью, питаться нечем. Цари государи, смилуйтесь». Даже если принять во внимание традиционное для челобитных XVII в. преувеличение тягот службы и страданий, вряд ли можно сомневаться, что Бейтон желал поскорее вырваться из Албазина. Слишком уж много он там претерпел.

Желание вскоре сбылось. 29 августа 1689 г. был подписан Нерчинский договор, согласно которому Россия уступала Амур Цинскому Китаю. Буквально через два дня, 31 августа, Ф. А. Головин направил Бейтону в Албазин указную память (получена 8 сентября) с предписанием, «собрав всех служилых людей, сказав им о том указ великих государей, и город Албазин разорить, и вал раскопать без остатку, и всякие воинские припасы (пушки, и зелье, и свинец, и мелкое ружье, и гранатную пушку, и гранатные ядра), и хлебные всякие припасы, и печать албазинскую взяв с собою, и служилых людей з женами и з детьми и со всеми их животы вывести в Нерчинской. А строение деревянное, которое есть в Албазине, велеть зжечь, чтоб никакова прибежища не осталось... И разоря Албазин, со всеми воинскими припасы и хлебными запасы в Нерчинск вытти нынешним водяным путем».

5 сентября к Албазину прибыло возвращавшееся с переговоров маньчжурское посольство. Под его бдительным присмотром казаки, начиная с 9 сентября 1689 г., стали разрушать крепость, и сломали и сожгли все за три дня. Маньчжуры были настолько обрадованы этим, что щедро одарили Бейтона подарками. Сжигая крепость, казаки так постарались, что уже в наши дни археологи с большим трудом обнаружили ее остатки.

8 октября 1689 г. Бейтон сообщил вышестоящему начальству, что Албазин разрушен, и отправился в Нерчинск. На этом закончился самый героический период его жизни.

Оборона Албазина по праву занимает почетное место в ис-

тории русской военной славы и принадлежит к числу выдающихся и значимых событий, определявших ход российской истории. Если бы албазинцы в 1686–1687 гг. не выдержали осаду и сдали крепость, результаты русско-маньчжурских переговоров могли бы быть гораздо хуже для России. Мужество и героизм восьми сотен безвестных казаков, крестьян и промышленных людей, насмерть стоявших на защите российских рубежей, позволили Ф. А. Головину существенно умерить территориальные притязания маньчжуров, которые, как известно, претендовали чуть ли не на всю Восточную Сибирь. А успех обороны Албазина во многом был обеспечен Афанасием Бейтоном. Конечно, приписывать исключительно ему все лавры умелого командования неверно. Памятуя о том, что в Сибири XVII в. были очень сильны традиции казачьего самоуправления, можно смело утверждать, что и в Албазине, имевшем с момента основания собственный опыт «казачьей республики», во время осады все принципиальные вопросы обсуждались и решались на казачьем круге. Однако это не умаляет роли Бейтона: профессиональный военный, имевший за плечами большой боевой опыт и не лишенный личного мужества, он оказался хорошим военачальником, сумевшим в достаточно сложной обстановке грамотно и умело руководить обороной крепости.

Прибыв в Нерчинск, Бейтон подал челобитную, отметив, как полагалось, свои «страдания» («а ныне я, холоп ваш, увечен и ранен, живу в Нерчинску, помираю голодной смертью»), он попросил прикомандировать его к Ф. А. Головину: «пожалуйте меня, холопа вашего, велите, государи, меня, холопа вашего, за мою службишку, и за раны, и за увечья, и за осадное сидение отпустить в полк к окольному». Одновременно он ходатайствовал о своем производстве в полковники и просил «отпустить к Москве». На этом ходатайстве стоит остановиться особо, так как оно интересно для уточнения соотношения чинов, званий и должностей в тогдашней России.

Бейтон еще с 1685 г. являлся казачьим головой – был назначен командиром полка. Как казачий голова он фигурировал в документах после 1685 г.. А голова (стрелецкий, казачий) в служилой иерархии XVII в. соответствовал чину пол-

ковника, хотя это и не чин собственно, а должность. На должности голов (командиров полков и крупных гарнизонов) назначались служилые люди по отечеству (столичные и провинциальные дворяне и дети боярские). Так что Бейтон, будучи казачьим головой, занимал полковничью должность. Чин же у него оставался прежний – сын боярский. При этом находящийся под его командой воинский контингент, несмотря на значительное сокращение своего состава, и после осады продолжал именоваться полком. Бейтон же в своей челобитной указывал на то, что при отправке из Енисейска был назначен «в место полковника, а чином их не поверстан и против их чину не пожалован», и просил именно чин полковника. Однако таковой имелся только в полках нового строя (солдатских, драгунских, рейтарских) и реформируемых на их манер московских стрелецких полках и, соответственно, присваивался офицерам этих полков. Чин полковника сохраняли за собой и иностранные офицеры, если они имели его на момент поступления на русскую службу.

Бейтон, вероятно, не разобрался в российской служилой иерархии и, командуя полком, считал себя вправе требовать соответствующий чин. Однако, являясь служилым человеком «старых служб», претендовать на чин полковника он никак не мог. И в ходатайстве ему, судя по всему, было отказано, так как в последующие годы ни в одном известном мне официальном документе он не упоминается как полковник.

Тем не менее, к Ф. А. Головину его прикомандировали, и он вместе с посольством в мае 1690 г. отбыл из Иркутска на запад. В сентябре 1690 г. Головин отправил Бейтона из Тобольска с отписками в Москву.

Скорее всего, с этим путешествием связано появление на свет одной из ранних карт Амура. Эта карта наличествует в «Хорографической чертежной книге» С. У. Ремезова под заглавием: «Свидетельство даурского полковника Афонасья Иванова сына Байдона». Исследователи по-разному датируют ее. Л. С. Багров называл сначала 1690 г., затем 1687 г., М. И. Белов указывал на 1690 г. А. И. Андреев, отказавшись от точной датировки, считал, что чертеж составлен после 1689 г. Как пред-

ставляется, можно уверенно остановиться на 1690 г., поскольку именно тогда Бейтон посетил Тобольск, где наверняка встретился с Ремезовым. Последний, будучи человеком любознательным, никогда не пропускал мимо себя людей, которые могли сообщить что-то интересное. Бейтон – герой Албазинской обороны – являл для Ремезова, несомненно, очень ценный источник информации, на основании которой Ремезов и составил карту, озаглавив ее совершенно правильно: «свидетельство», т. е. сведения, полученные от «свидетеля».

Отсутствие необходимых источников не позволяет говорить о том, что делал Бейтон в Москве и какие проблемы пытался там решать. Но вскоре его вновь отправили в Сибирь, вероятно, в Иркутск. Сын Яков по этому поводу позднее вспоминал, что отец его «служил в Иркутску казачьим же головою по наряду из разряда Московского в 200 (1691/92) году».

В 1695 г. мы встречаем его по-прежнему в должности казачьего головы, служащим в Иркутском уезде. В памяти иркутского воеводы А. Т. Савелова приказчику Идинского острога казачьему пятидесятнику Ф. Н. Черниговскому сообщалось о том, что в мае 1695 г. из Иркутска в Идинск за хлебными запасами отправлен А. И. Бейтон с отрядом служилых людей. При этом воевода указывал, чтобы Афанасию по его челобитной разрешили пожить в Идинске: «и как к тебе ся память придет – Афонасей Бейтон в Ыдинской острог приплывет, и тебе ему, Афанасью, в Ыдинску жить велеть и отвесть ему постоялой двор, где пригоже... а что ему, Афонасю, доведетца взять долгов на русских всяких чинов на людях и на пашенных крестьянах и на иноземцах кабалных и бескабалных, и тебе б ево челобитья на тех людей не запиратца, править и отдавать ему, Афонасю, с роспискою». Замечание весьма любопытно, ибо показывает, что Бейтон уже вполне освоился с нормами российской жизни и не гнушался, как и многие другие служилые люди, приторговывать и заниматься ростовщичеством.

То, что Бейтон усвоил привычки сибирских управителей, подтверждается и другим документом того же 1695 г. – челобитной П. Арсеньева. Этот селенгинский сын боярский жаловался иркутскому воеводе, обвиняя Бейтона в вымогательстве:

он якобы взял у Арсеньева «подстав» камки, 100 пудов муки ржаной, четыре «дести» бумаги, поварню, чаны и «всякий поваренный завод». Оправдываясь, Бейтон в ответной челобитной писал воеводе: «И я у него толко взял подстав камки мерою 13 аршин, да он же, Петр, дал мне в честь, а не в заем и не в цену и не в отдачу полста пуд муки ржаной, а не сто пуд, а бумаги у него толко взято в казну листов пять-шесть... и поварнею он, Петр, мне поступился ж, а на поварне толко одно малое чанишко да малая кадочка, а болши того никаково повареного заводу не было. И то он, Петр, бил челом великим государям на меня ложно...».

Сейчас уже не выяснить, насколько верны были обвинения против казачьего головы. Но, в принципе, дело для XVII в. обычное: подчиненный дает «почесть», начальник вымогает еще больше, в результате возникает конфликт и взаимные обвинения растут, как снежный ком.

В 1696 г. Бейтон в Иркутске становится не только свидетелем, но и участником событий, связанных с восстанием забайкальских казаков. Когда в июле этого года восставшие «приступили» к Иркутску, воевода Савелов посылал его к ним для переговоров. Сей факт может свидетельствовать в пользу того, что Бейтон после Албазина пользовался большим авторитетом в казачьей среде, и воевода рассчитывал, что ему удастся уговорить забайкальцев прекратить бунт. По словам одного из руководителей восстания, Антона Березовского, Бейтон якобы говорил казакам, «чтобы они от города шли прочь, а если не пойдут, и на них де в городе затравлена пушка». Выполнить «миротворческую» миссию Бейтону не удалось, так как казаки не поддались на его уговоры и угрозы.

После ухода забайкальцев из-под Иркутска Бейтон был отправлен приказчиком в Верхоленский острог, куда явился 3 сентября 1696 г. В следующем году, в июле 1697-го, казачий голова, судя по его письму к начальнику Сибирского приказа А. Виниусу, крепко повздорил с Савеловым. Если верить Бейтону, дело дошло до рукоприкладства со стороны воеводы: «насилу жив остался, ибо он меня руками и ногами мало не до смерти убил». Причину конфликта Бейтон не разъяснил, ого-

ворившись только, что сказал воеводе «правду». Все письмо, если опустить пышное и весьма витиеватое «нижайшее» обращение к Винусу, посвящено обвинению иркутского воеводы в казнокрадстве и разорении народа: «казну его царского величества разоряют и весь народ во упадение приводят, милость никакову к ним не явят, токмо выдумывают брать, грабит всяк в свою мошну, как сей знатный господин стольник Афонасей Савелов». Отсутствие дополнительных документов, проливающих свет на конфликт, не позволяет даже предположить, в чем же заключалась «правда» Бейтона. Однако, учитывая упоминавшиеся выше факты «стяжательства» Бейтона и царившие в среде сибирских администраторов нравы, можно подумать, что он был скорее не борцом за справедливость, который не побоялся усостыжить воеводу, а соучастником воеводских лихоимств, повздорившим с воеводой из-за дележа добычи.

Конфликт не получил продолжения, так как Бейтона по распоряжению Сибирского приказа отбыл в Забайкалье казачьим головой в Удинский острог. Когда это случилось? Н. Н. Оглоблин ссылался на наказ 206 (1697/98) г., Г. А. Леонтьева называла 1697 г., а П. В. Шумахер – 1698 г. Обнаруженный мной черновик наказной памяти Сибирского приказа (без начала и конца) по поводу назначения Бейтона датирован 1696 г.

Учитывая преклонный возраст Бейтона, в помощники к нему («в товарищи») «для старости его и многих служб» определили его сына Андрея. Данный факт Оглоблин считал исключительным для административной практики тех лет. На самом деле оно, конечно, не так. К концу XVII в. уже вполне была апробирована практика назначения в один и тот же город близких родственников: старшего – начальником, младшего – товарищем. Не правы были и В. А. Александров, и Н. Н. Покровский, которые на основании грамоты о назначении Бейтона казачьим головой в Удинск сочли, что он должен был одновременно и «ведать» этот острог, т. е. исполнять обязанности приказчика. Приказчиком Удинска к 1696 г. уже являлся как раз Андрей Афанасьевич Бейтон. Определение его «товарищем» к отцу означало, что он становился помощником казачьего головы – командира удинского гарнизона.

Вероятно, с назначением в Удинский острог связано и повышение Бейтона в 1697 г. в чине – его произвели в дворяне московского списка, тем самым формально он был причислен к элите российского общества. Но насладиться преимуществами своего нового статуса Бейтон не успел, ибо вскоре скончался. Известия о дате его смерти противоречивы. Согласно официальным документам – «Хлебной и соляной расходной книге» по Иркутску за 1701 г. и окладной книге жалованья по Иркутску за 1708 г., – «казачий голова и московского списка дворянин» Бейтон «умре в 209-м году», т. е. в 1701/02 гг. Однако сын его Яков в 1719 г. сообщил, что отец умер в 207-м (1698/99) г.. Неизвестны, к сожалению, ни место захоронения Бейтона, ни его возраст. В. А. Александров предположил, что лет под 60 ему было к началу албазинской обороны, а значит, прожил он чуть более семидесяти.

Отметим парадокс: Бейтона после его отбытия на даурскую службу продолжали фиксировать в окладных книгах жалованья по Енисейску в списке детей боярских, причем даже тогда, когда он уже давно умер. Последняя такая запись обнаружена мной в окладной книге за 1711 г. В книгах исправно отмечали положенное Бейтону жалованье (в начале XVIII в. 12 руб., 6 четей ржи, 5 четей овса, 3 пуда соли), правда, с припиской: «в прошлых годах умре». Одновременно Бейтона некоторое время после его смерти исправно вносили в окладные книги по Иркутску, но уже как казачьего голову и дворянина московского списка. С чем связана такая «двойная бухгалтерия», трудно сказать. Вряд ли Бейтона, выражаясь современным языком, за его заслуги «навечно зачислили в списки части». Скорее всего, это результат приказной неразберихи.

Уйдя из жизни, Бейтон оставил в Сибири четырех сыновей, которые заняли достаточно видные места в служилой иерархии и аппарате управления Восточной Сибири. Андрей и Яков достигли чина московского дворянина. Первый в конце XVII–начале XVIII в. исполнял обязанности приказчика Удинского острога и казачьего головы, второй в первой четверти XVIII в. был приказчиком в острогах Балаганском, Бельском, Селенгинском, воеводой в Иркутске и Нерчинске. Два других сына,

Иван и Федор, смогли выслужить чин сибирского дворянина (по иркутскому списку). Федор в 1720-х гг. служил удинским и селенгинским комиссаром, занимался картографией (сочинил «Карту мест от реки Енисея до Камчатки лежащих» и ландкарту пограничных мест Селенгинского дистрикта). Иван известен тем, что был женат на дочери сосланного в Забайкалье бывшего украинского гетмана Демьяна Многогрешного, которую звали то ли Еленой, то ли Марией. Все четыре сына принимали активное участие в подготовке и обеспечении переговоров С. Л. Владиславича-Рагузинского с китайцами в середине 1720-х гг.

От этих сыновей Афанасия и потянулись ветви рода Бейтона. В документах XVIII – начала XIX в. можно встретить многих представителей династии. Одни из них по-прежнему оставались в рядах служилых людей и чиновников, другие оказались в составе разночинцев и посадских. Память о Бейтонах запечатлелась в названиях ряда географических объектов. Еще в первой половине XIX в. в Прибайкалье и Забайкалье встречались деревня Тимофея Бейтона (в 22 верстах от Балаганского острога), заимка Бейтонова, Бейтонова деревня (на берегу Ангары), Бейтонова речка (левый приток Ангары), Бейтонов луг (недалеко от Верхнеудинска).

Однако в дальнейшем династия Бейтонов сходит со сцены активной административной жизни и растворяется в массе сибирских фамилий. Равным образом и герой албазинской обороны Афанасий Бейтон становится неприметной фигурой сибирской истории. Возьмите в руки энциклопедии, изданные в XX в., и вы не найдете о нем ни одной строчки. Даже в новейших «Очерках по истории Приморья» на страницах, описывающих проникновение русских в Приамурье и их борьбу с маньчжурами, о Бейтоне нет ни слова. Он оказался подобен метеориту, который вспыхнув яркой звездой, быстро погас. Ни до, ни после Албазина он не играл никакой заметной роли. Но уже одного его умелого руководства героической албазинской обороной, спутавшей все карты цинских стратегов, достаточно, чтобы быть вписанным в скрижали российской истории и занять достойное место среди тех, кто принес славу русскому

оружию. Хотелось бы надеяться, что эта статья привлечет внимание исследователей к поиску новых материалов о Бейтоне. Он этого достоин!

ЗЫРЯНОВЫ

Камчатская фамилия Зыряновы не сохранилась, хотя прослеживаются ее многочисленные следы и среди военнослужащих, и среди священников. Нас же сейчас интересует эта фамилия, прежде всего, по ее возможным историческим связям с различными фамилиями, которые имеют к истории Камчатки самое непосредственное отношение – Чукичевы, Корякины, Киселевы...

Вот какую уникальную историческую информацию дает нам для размышления А. Л. Биркенгоф в своей книге «Потомки землепроходцев» (изд. «Мысль», Москва, 1972 г., стр. 90–92), в которой он анализирует коренные русские фамилии поселян Русского Устья на реке Индигирке.

«Список русскоустыинских коренных фамилий, не встречающихся среди ожогинцев, оказывается лишь немногим короче списка коренных, досельных, фамилий ожогинцев. Но этим фамилиям принадлежит больше семейств (за исключением фамилии Шелоховских и Корякиных), чем большинству коренных фамилий ожогинцев. Это подчеркивает большую устойчивость коренных фамилий русскоустыинцев и наряду с тем обстоятельством, что большинство этих фамилий за пределами тундры и Аллаиховского района смешанного населения не встречается, заставляет признать, что по крайней мере часть русскоустыинцев, населяющих дельту Индигирки, точнее, их предков, заселивших дельту, попала туда иным путем, отличным от пути предков ожогинцев, и оказалась более устойчивой в сравнении с последними. Однако коренные фамилии русскоустыинцев не вызывают сомнения в том, что родоначальники их, как и родоначальники ожогинцев, были мореходы и землепроходцы XVII в., покорители “Юкагирской земли”, и их сподвижники, засельщики Северо-Востока. В конечном счете остается признать, что предки русскоустыинцев, принадлежащих коренным фамилиям, переместились сюда, в дельту Ин-

дигирки, из других местностей Северо-Востока. У “края леса” они вошли в непосредственное соприкосновение и хозяйственное взаимодействие с прибывшими раньше “на низ” лесными индигирщиками – ожогинцами. Иначе сказать, русскоустынцы и ожогинцы – потомки двух различных групп русских поречан низовьев Индигирки. Это подтверждается и некоторыми различиями в типе ожогинцев и русскоустынцев. И все же сказание о прибытии предков русскоустынцев на Индигирку “прямо из России” в сочетании с другими неясными рассказами русскоустынцев о своем прошлом и при сопоставлении их с известными историческими фактами приобретает реальную окраску. В рассказах русскоустынцев своеобразно переплетаются правдивые исторические сведения – сказание о плавании Ивана Реброва и другие – и воспоминания об известных событиях 1647 г.: о восстании якутских служилых людей и бегстве их (“от ратной службы”, в передаче индигирщиков) вниз по Лене “на море” (в тундру?) и далее на Анадырь, “в Заносье”. При этом события в Якутске, который для русскоустынцев еще в недавнем прошлом был столь же далек, как и легендарный “Российск”, предание переносит в “Россию”. (*Может быть, и поводом для утверждения о “боярском” происхождении русскоустынцев послужило то реальное обстоятельство, что среди землепроходцев были и “сыны боярские”.) Другое сказание русскоустынцев говорило, что предками их были выходцы с Анадыря. И от этой версии не стоит отмахиваться. Кстати сказать, среди индигирщиков были фамилии, общие с фамилиями казаков, служивших на Анадыре, например, Киселевы, предки русскоустынцев. (**С фамилией Киселева связана версия об исчезнувшей так называемой Новгородской колонии на Аляске – селении Казилове у устья реки Казиловой (или река Киселева) в районе Кенайского залива, где в 1957 г. были обнаружены остатки древнего, вероятно, русского, поселения 300-летней давности (см. П. Л. Биркенгоф. К вопросу о древней “Новгородской колонии” на Аляске. – “Известия Всесоюзного Географического общества”, 1967, № 4)

Далее, среди индигирщиков бытовали предания о былых военных столкновениях их предков с чукчами, рассказы о “сен-

душных”, “носовых” чукчах. В рассказах о “носовых” чукчах, несомненно, сохранились воспоминания о походах предков индигирщиков на Анадырь. Но едва ли далекие “носовые” чукчи оставались столь устрашающими, что еще в недавнем прошлом их боялись (подобно тому как колымчане боялись загадочных “шелагов”) женщины и дети, опасались встречи с ними мелкие промышленники-мужчины. Вероятно, в этих легендах смешались повествования участников походов на Анадырь о схватках с “носовыми” чукчами и воспоминания о постоянной опасности и столкновениях с соседями – “сендушными” чукчами. Но где соседствовали предки русскоустынцев с “сендушными” чукчами? Таким ближайшим к Индигирке районом непосредственного соседства русских и чукчей был бассейн (или долина) реки Алазеи. Именно на Алазее русские землепроходцы под начальством Зыряна впервые встретились с “алазейскими людьми”, а “с ними были с тундры чукчи-мужики со своими улусными людьми”, которые и оставались в дальнейшем непосредственными соседями русских засельщиков берегов Алазеи. В связи с этим особый интерес приобретает семейное предание Чихачевых (Чукичевых), безусловно, “корневой” и наиболее многочисленной фамилии русскоустынцев. Предание это утверждает, что Чихачевы имеют происхождение “из зырян”, причем Чихачевы особенно упорно и ревниво настаивали на этом. Конечно, ничего невероятного в том, что родоначальником индигирских Чихачевых был зырянин, нет. Но, скорее всего, это утверждение о происхождении Чихачевых “из зырян” следует понимать иначе. Стоит вспомнить, что одним из сподвижников Д. Зыряна в его конном походе на Яну и Индигирку и в плавании на Алазею был Ф. Чукичев, стоит вспомнить его последующие плавания и многолетнюю деятельность (приказным и приказчиком на Алазее), как предание о происхождении Чихачевых “из зырян” приобретает исторический смысл. Так, вероятно, и следует понимать утверждение Чихачевых: они действительно “из зырян”, то есть предки (или предок) их были из партии или отряда Д. Зыряна, были сподвижниками Д. Зыряна, основавшего “на краю тундры”, на Алазее, зимовье “с косым острожком”».

Фамилия Зыряев достаточно распространенная и для этого есть свои причины (см. «Словарь уральских фамилий».

http://www.okorneva.ru/print.php?main=dictionary_of.

Автор статьи Оксана Корнева, историк-генеалог.

Зырянов. Зырян (зырянин) – этноним; зыряне (коми-зыряне) – старое название народа коми (в I Софийской летописи под 1396 г. – сирнане); вероятно, из языка манси saḡan «зырянин, коми, зырянский», ханты saḡan «зырянский, saḡanjaḡ, зырянин» (Фасмер). См. также: Грушко, Медведев. С. 189; Полякова. С. 91; Житников. С. 10. По мнению А. И. Попова, имя зырян (сырьян) «заведомо не относится к коми, так как те волости (по-видимому, их было две), которые носили названия Сырьянских, были заселены удмуртами (в Вятском крае) или какой-то группой тюркского происхождения (в Башкирии)»; «весьма возможно, – полагает автор, – что название зыряне возникло из имени одного из коми воевод конца XV в. – Зырян» (Попов А. И. «Названия народов СССР. Введение в этнонимику». Л., 1973. С. 109). Составители «Словаря фамилий крестьян Покровской волости XVII–XX вв.» А. И. Брылин и М. Ю. Елькин считают, что «фамилия означает только то, что родоначальник приехал из Пермской земли, «зырянами» в Зауралье называли жителей Яренского уезда независимо от национальности» (Брылин, Елькин. С. 13). Последнее утверждение нуждается как минимум в дополнительном обосновании, поскольку выходцы из Перми Великой и Яренского у. известны под другими именованиями (см.: Пермитин, Еренских). Под влиянием этнонима могли возникнуть говорные значения слова зырян – «лентяй» (Даль); «человек, слоняющийся без дела, лентяй» (записано в Сарапульском у. Вятской губ. – СРНГ), а также зырянить – «лодырничать» (возможно, от этнонима из-за созвучия с зырить – Фасмер). Ср.: зырить – волог. «пить хмельное, пьянствовать»; яросл. «пить жадно, много»; арх.«кричать, шуметь, горланить»; зыря – «пьяница, питух, зюзя» (Даль). В Приуралье прозвище и фамилия фиксируются с XVI – первой половины XVII в.: «Беспашенный крестьянин д. Вотцкая на роднике Сенька Зырян, 1579; жи-

тель с. Слудка на р. Каме Савка Гаврилов сын Зырянов, 1647»; ср. также: «Крестьянин пог. Покча на р. Колве Якушко Гаврилов сын Зырянинов, 1623» (Полякова). В начале XIX в. фамилия была распространена во многих уездах Вятской губ. – в частности, ее носили грамотные крестьяне в Слободском (особенно много) и Глазовском у. Ср.: в Кировской обл. есть д. Зыряново (Зуевский р-н), Зырьята I (Котельничский р-н) и Зыренцы (Белохолуницкий р-н). Широкое бытование фамилии на Среднем Урале и в Зауралье свидетельствует об активном участии в освоении региона народа коми, в том числе этнических коми Зюздинской вол. Кайгородского у. Первые сведения о прозвище и фамилии в пределах Верхотурского у. содержатся в переписной книге 1624 г.: в одной из деревень на р. Туре жил Семен (Семейка) Тимофеевич Зырян, на р. Тагиле – Василий Прокопьевич Зырян, деревня Василия Зыряна была на р. Пие, в д. Гаевой на Тагиле был двор Саввы (Савки) Васильевича Зырянова, а в деревне на устье Мугая – Василия Алексеевича Зырянова. Переписью 1680 г. учтены: крестьяне с прозвищем Зырян – в д. Жолобовой на р. Туре, в д. Яланской и Маслыковой (Невьянская сл.), в д. Жуковой в Арамашевской сл. (уроженец д. Карагаева в Обвинской вол. Соликамского у.), в д. Девятковской (Ницынская сл.), в д. Зайковой в Ирбитской сл. (уроженец Яренского у.), в д. Килачевской в Белослудской сл. (родился «на Мезене»); беломестный казак Зырян – в Арамашевской сл. (родом из д. Калиновской в Сысолской вол. Кайгородского у.); фамилию Зырянов носили крестьяне в Меркушинском погосте (уроженец Яренского у.), в Белослудской сл. (родился «в уезде Соли Вычегодцкой луские пермцы») и в Аятской сл. (родился «на Кунгуре в подгородной Куманаевской деревне»; см. также: Любимов. С. 13, 15 и др.). В д. Зыряновой на р. Туре фамилия этой переписью не зафиксирована; рядом с деревней протекала речка Зырянка, приток Туры (см.: Смирнов. С. 268). К Верхотурскому у. относится и единственное упоминание фамилии в словаре Н. М. Тупикова: «Степан Зырянов, верхотурский крестьянин, 1677» (Тупиков). В конце XVII в. прозвище Зырян и фамилия Зырянов встречаются среди вкладчи-

ков Далматовского монастыря (см.: Манькова. С. 46, 48, 69, 129). На территории Камышловского у. к концу XVII – началу XVIII в. сложилось несколько очагов зарождения фамилии, сгруппировав которые, можно выделить два пространственных «куста» – западный и восточный. В западном комплексе центральное место занимают Колчеданский и Катайский остроги с деревнями (по данным переписи 1695 г.). В Колчеданском остроге в 1677/78 г. поселился беломестный казак Василий Степанович Зырян, бывший крестьянин, «родом вычегженин, Еренского городка, с Усть Выми» («за скорбь от службы отставлен»); возможно, его сыном был упоминаемый в переписи 1719 г. драгун Илья Васильевич Зырянов, живший в д. Соколовой (4:4). В д. Горбуновой (4:8) обосновался крестьянин Конон Иванович Зырян с братом Иваном, переселившийся ок. 1675 г. из Кунгура «от скудости». С 1674/75 г. в д. Катайке (6:1) жили крестьяне, носившие прозвище Зырян: братья Матвей, Тимофей, Иван и Евстафий (Остафий) Борисовичи, а также Никита и Яков Григорьевичи, все – уроженцы Зюздинской вол. (перепись 1695 г.); ко времени составления именных списков 1709 г. Матвей и Евстафий Борисовичи умерли, но живы были их братья Иван и Тимофей, а также Никита Григорьевич («Зырянин») и его брат Яков. Переписью 1719 г. в с. Троицком (бывшая Катайка) упоминаются крестьяне Никита Григорьевич Зырян с сыном Гавриилом (у него были сыновья Никита и Герасим) и Гурий Яковлевич Зырянов с сыном Григорием. Та же перепись называет Тимофея Борисовича Зыряна и его сына Никифора с сыновьями Алексеем, Петром, Игнатием, Федором и Егором среди крестьян д. Зырянской (8:1), по-видимому, ими и основанной между 1709 и 1719 гг. Брат Тимофея, Иван Борисович Зырянов, жил в д. Касаргульской (сейчас с. Бол. Касаргульское в Катайском р-не Курганской обл.) с сыновьями Мартыном, у которого были сыновья Федор и Козма, и Зотиком/Зотеем (перепись 1719 г.). В д. Крайчиковой (9:4) проживал бобыль Гавриил Афанасьевич Зырян (перепись 1719 г.). В д. Махаевой (Белоярская сл.) жил бобыль Василий Иванович Зырянов, в д. Курьинской (36:1) на подворье – бобыль Егор Максимович Зырянов

с сыновьями Яковом и Михаилом (перепись 1719 г.). На востоке уезда также был целый ряд центров, давших родоначальников Зыряновых из нескольких приходов. В Беляковской сл. (23:1) в 1690/91 г. жили крестьяне Михаил Афанасьевич Зырян (он упоминается и в переписи 1710 г.), Никита Павлович Зырян (возможно, его сыном был Иван Никитич Зырянов, зафиксированный переписью 1710 г. в д. Мохиревой – 23:21), а также «Филка Зырян с братом Ганкою». Особенно много Зыряновых проживало в пределах Балаирского погоста: в самом селении (24:1) – Иван и Алексей Тихоновичи, Исак Саввич с сыновьями Пименом и Иваном, в д. Суяцкой (24:3) – Иван Карпович Зырянов (1708 г.); возможно, кому-то из них или их потомков обязана своим названием д. Зырянская в Балаирском приходе (24:4, сейчас д. Зырянка в Талицком р-не). Крестьянином д. Куровской (28:1) был Авраам Тимофеевич Зырянов (перепись 1710 г.). В топонимике Среднего Урала, кроме названных выше деревень, известны д. Зырянка в Пригородном (Нижнетагильском) р-не, д. Зырянская в Байкаловском р-не, пос. Зыряновский под Алапаевском. В 1822 г. в Каменском заводе фамилию носили отставной солдат и военный, в Зырянской и Куровской сл. – крестьяне, отставные солдаты и солдатки, в Новопышминской, Знаменской сл. и с. Курьинском – солдатки, в других местах – крестьяне. Фамилия распространена повсеместно, особенно широко – в Далматовском (Память – 64 чел.), Каменском (Память – 52 чел.), Камышловском (Память – 24 чел.), Пышминском (Память – 29 чел.), Талицком (Память – 12 чел.) р-нах, в Екатеринбурге (Память; Т 1974). Больше всего людей ушло из Коми края в Сибирь. Как лучшие знатоки ведущих туда путей, коми (40 человек) стали проводниками в отряде Ермака, со знаменитого похода которого началось присоединение Сибири. Коми были в числе первых жителей многих сибирских городов, возникших в конце XVI–XVII вв. В 1586 г. возникла Тюмень, со строительства которой началось прочное освоение Сибири. В числе обитателей города в I четверти XVII в. были стрелец Семейка Зырян, посадские люди Федоска Иванов Вычегжанин и Якунька Сысолич, крестьяне Васька Иванов Зырянин,

Прошка Елистратов Вымич и выходцы из Коми края. В 1587 г. был основан Тобольск, ставший на долгое время столицей Сибирского края. Летопись рассказывает: «Лета 7095 (1587 г.) князь великий Феодор повелел взята в новый городок Тобольск из вычегодские и вымские пермяки в служилые люди пять десят и с жоны и с детми». В начале XVII в. одна из улиц Тобольска носила название «Зырянская». На ней располагались дворы казаков Ивашки Вычегжанина, Томилки Вычегжанина и других. Во второй половине XVII в. в Тобольске жили стрелецкий пятидесятник Васька Зырян и десятки служилых и посадских людей из Коми края. Затем появились города на путях, связывавших Сибирь с Европейской частью страны. В 1590 г. был построен Лозьвинский городок, куда отправили по царскому указу шесть «судоделавцев» строить суда для плаваний по сибирским рекам. В 1593 г. возникли Пелым и Березов: «Лета 7101 (1593 г.) повеле князь великий Феодор послати пермяки вычегжаны и вымичи на Пельнь и Березов городки строить», – рассказывает летопись. «Пермичи и вымичи» упомянуты в царском наказе князю П. Горчакову, посланному строить Пелым, среди участников его похода. В 1595 г. в низовьях Оби был основан город Обдорск, само название которого (как и реки Обь) имеет коми происхождение. В 1597 г. была открыта новая дорога в Сибирь, ведшая с Камы на верховья р. Туры. В 1598 г. там построили г. Верхотурье. В 1635–1636 гг. среди «гулящих людей» Верхотурского уезда было 242 коми – с Вычегды, Выми, Лузы, Сысо-лы... После закрепления на ведущих «за Камень» дорогах началось продвижение переселенцев в глубь Сибири. На рубеже XVI–XVII вв. на р. Таз, впадающей в Северный Ледовитый океан восточнее Оби, появился г. Мангазея, основанный «служилыми людьми... и зырянами». Царь специально указал отправленным туда воеводам: «Взять... в вожи зырян торговых людей и вымич на все суда, сколько человек пригоже, которые б Мангазейский ход знали и толмачить (переводить) умели». Продвижение вверх по Оби от устья Иртыша началось со строительства в 1594 г. г. Сургута. В числе его первых жителей был Нефед Савельев из погоста Вездынь (Вездино). Через два года был основан

Нарымский острог, где в 1620-х гг. жили два вымича и сысолец, а около 1602 г. упоминаются жившие там коми: «Я со служивыми людьми и зыряны хоромы перенес». Для защиты южных границ на Иртыше в 1594 г. построили г. Тару. Среди тех, кто оборонял его от набегов татар, были пеший казак Петрушка Васильев Зырян и конный казак Спиридон Зырян. В 1604 г. царь Борис Годунов отправил воевод строить г. Томск и дал им наказ: «В новом Томском городе... пашню устроить, ...а пашенные люди прибрати из зырян». В 1680 г. в Томске находились 83 служилых человека, которые (или родители которых) пришли туда из Коми края, среди них 27 вычегжан, 16 вымичей, 16 сысольцев, 3 лузянина. В 1610 г. был основан Енисейский острог. Спустя 10 лет в Енисейском уезде находилось 249 промышленных людей («промышлявших» пушного зверя), пришедших с Сысолы и Вычегды, Ватки и Мезени. Выми и Лузы. В Иркутске во второй половине XVII – начале XVIII вв. жили С. Кириллов из Усть-Выми, А. Чупров из Усть-Цильмы, И. Кушманов, Е. Зырян, Л. П. Лузин, вычегжане А. Зотов, И. В. Кочюров, М. Лукьянов. В Нерчинском остроге в конце XVII в. находились С. Чукмасов, В. И. Чупров, Н. Чупров, И. Г. Пермьяк, в Селенгинске – С. Сысолетин и П. Зырян. Много выходцев из Коми края было в 1671 г. среди жителей Красноярска – казаков, стрельцов, посадских людей и крестьян. Многие возникшие в Сибири деревни носили коми названия: Зырянка, Зырянская, Гутова, Таскаева, Полева, Гилева и др. В 1632 г. был основан Ленский острог (Якутск), ставший опорным пунктом дальнейшего продвижения на северо-восток. В середине и второй половине XVII в. среди служилых людей Якутска были Е. С. Вычегжанин, М. С. Сысолятин, Н. Л. Колегов, Н. Габышев, И. Тарабукин, несколько казаков носили фамилии Зырянов и Пермьяков. Среди многих сотен участников освоения Дальнего Востока документы сохранили и имена выходцев из Коми края. Особо следует сказать о двух коми, ставших известными землепроходцами, первоисследователями сибирских и дальневосточных «дебрей непроходимых»: Дмитрие Михайловиче Зыряне по прозвищу Ярило и Федоре Алексеевиче Чукичеве (он был родом из Шежама). С их именами непосредствен-

но связано включение в состав России бассейнов рек Яны, Индигирки. Алазеи, Колымы и Пенжины. Оба они начинали службу на Енисее, потом их перевели в Якутск. В 1638–1641 гг. Ф. А. Чукичев и Д. М. Зырян участвовали в открытии и освоении земель на Яне и Индигирке. В 1642 г. Д. М. Зырян во главе небольшого отряда (в его составе был и Чукичев) отправился на восток, где открыл р. Алазею, заложил там первое поселение. В 1643 г. Ф. А. Чукичев отправился с собранным ясаком (данью) в долгий и трудный путь в Якутск (морем, а затем вверх по Лене), а Д. М. Зырян поплыл вдоль побережья материка дальше к востоку и добрался до устья неведомой еще р. Колымы, обложив ясаком местное население и приведя его «под высокую государеву руку». Воевода назначил его официальным главой колымских казаков и велел «новые реки приискивать». В 1646 г. или чуть позже Д. М. Зырян погиб. В середине 50-х годов XVII в. освоение Колымы было продолжено под руководством Ф. А. Чукичева (служившего после возвращения из совместной с Зыряном экспедиции в Якутске, на Индигирке и Алазее – там он возглавлял местную администрацию). Чукичев с отрядом поднялся по Колыме до ее притока Омолона, обследовал его. Зимой 1657 г. он выступил в поход с Омолона, через горы вышел к р. Чендон (Пенжина), впадающей в Охотское море. Там Ф. А. Чукичева ждала редкая удача – он обнаружил жемчуг. До своей гибели в 1661 г. Чукичев руководил служилыми людьми Омолона и Пенжины. Одним из самых выдающихся достижений землепроходцев стало путешествие из Северного Ледовитого океана в Тихий вокруг Чукотки, предпринятое в 1648 г. группой казаков и промышленных людей под руководством Ф. А. Попова и С. И. Дежнева, в результате которого был открыт пролив между Азией и Америкой. В этом походе принимали участие выходцы из Коми края. Сколько всего их было, не выяснено. Известны два имени: Фома Семенов Пермь с Мезени и Иван Зырянин. Экспедиция выступила из Нижнеколымского острога на семи кочах (судах, приспособленных для плавания во льдах). Ф. С. Пермь и И. Зырянин плыли на коче С. И. Дежнева. 1 сентября 1648 г. экспедиция подошла к самой восточной оконечности Азиатского материка – мысу, который Семен Дежнев в своем сообщении воеводе назвал «Большим

каменным носом» (теперь это мыс Дежнева). В 80 км восточнее, за проливом, лежал другой материк – Америка. История Республики Коми. Сыктывкар, 1996 г. dating sites camscam Л. Н. Жеребцов в книге «Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами», выпущенной издательством «Наука» в 1982 г., пишет: «Кроме руководителей отрядов – Федора Чукичева, Дмитрия Зыряна и Богдана Зырянова, которые, вне всякого сомнения, были выходцами из края коми, в составе отрядов встречаются Д. Падерин, Лыткин, С. Аврамов, В. Пермяков, Ф. Чуркин, Ф. Пермяк, Д. Гуляев, Гилев, К. Юдин, М. Коновалов, К. Королев, С. Протопопов, Ф. Ветошкин, Вижемцев, Т. Боголюбов, И. Катаев, М. Колесов и десятки других. Какая-то часть носителей этих фамилий тоже могла быть коми, тем более те из них, которые носили весьма характерные прозвища: Сысолетин, Вычугжанин, Пермяков, Зырянов. В отряде Е. Хабарова участвовали Тренька Зыренин и Калинка Зырянин... В выдающемся морском походе С. Дежнёва вокруг Чукотки – Иван Зырянин и Фома Пермяк... В. Пермяков участвовал в походе на Новосибирские острова.

ИВАНОВЫ

Самая распространенная в России фамилия, конечно же, тоже была представлена в камчатских фамилиях.

Мы знаем священника Ермолая Иванова, дочь которого – Ирина – вышла замуж за протоиерея Никифорова. Священник Иванов *«был направлен на Камчатку Тобольским митрополитом Антонием Стаховским. Он прибыл на полуостров 20 июля 1732 года. Нижнекамчатская Николаевская церковь была сожжена камчадалами в 1731 году, а священник Андрей Лазарев убит. Заложил в 1732 году на новом месте нижнекамчатскую Успенскую церковь. В 1739 году построил Большерецкую Успенскую церковь. “Успенская двупрестольная (церковь. – Ред.) освящена в 1741 г. единственным на Камчатке священником Ермолаем Ивановым при сослужении иеродиакона Гавриила Притчина, который привез все для церквей этих потребностей”»*. (Иркутские епархиальные ведомости, 1868, № 47, стр. 532). Умер отец Ермолай 28 марта 1749 г.

Иванов Михаил, сын священника Ермолая Иванова. В 1743 г. определен дьячком при Нижнекамчатской Успенской церкви.

Иванов Зинов – 1887 г., Петропавловский порт, псаломщик, 1891 г. – диакон Беринговской Никольско-Иннокентьевской церкви. (ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 10. Исторические тетради Ирины Васильевны Витер.)

Иванов Иоанн Иоаннович, исправляющий должность псаломщика Ключевской Троицкой церкви, 1903 г.

Иванов Иван Александрович, мельковский крестьянин, 1885 г. (вполне возможно, что на самом деле он был петропавловским мещанином, потому что более эта фамилия в Мильково ни до, ни после 1885 г. нами не прослеживается. Мильковские крестьяне Корелины тоже, как выяснилось, на самом деле были петропавловскими мещанами, так что такие ошибки имеют место быть на Камчатке. Позже мы увидим, что Иван Александрович мог быть главой, по крайней мере, одной из двух семей петропавловских Ивановичей Ивановых.

Ивановы Иван, Михаил, Николай, Яков – участники обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904– 1905 гг. (Петропавловская дружина). Ниже мы подчеркнем имена тех, кто из петропавловских Ивановых, по нашему мнению, принимал участие в обороне Камчатки.

Иванов Николай Иванович, петропавловский мещанин, 1893 г. р., 51 год. Жена – Анастасия Ивановна (31). Дети – Аникия (8), Николай (6), Ирина (2), Христина (5 м.). Сын его в первом браке Иван – 22 г.

Брат его Яков Иванович (45). Жена брата – Ирина Михайловна. Их дети: Елена (17), Мария (7), Иван (5), Параскева (1).

Другая семья (?) – Иванов Александр Иванович, петропавловский мещанин, 1893 г. р., 20 лет. Его братья и сестры: Елена (18), Михаил (14), Иероним (13), Павел (11). (Была еще Иванова Августа, дочь петропавловского мещанина (18 лет), вышедшая замуж 12 ноября 1896 г. за капитана, финна, уроженца г. Улеборга Иоганна Николааса Рингваля (лютеранин, 31 год). Поручители по жениху: матрос корабля «Беринг» Павел Гордев и петропавловский купец Герман Михайлович Чупятов, по

невесте – петропавловские мещане Филарет Пр. Коршунов и Александр Иванов (почему мы полагаем, что это, скорее всего, еще одна сестра Александра Ивановича). (ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 10. Исторические тетради Ирины Васильевны Витер.)

И третья семья – Иванова Дарья Петровна, вдова петропавловского мещанина Якова (Ивановича?) Иванова, 1893 г. р., 49 лет. Дети – Петр (28), Наталья (20), Варвара (17), Параскева (13), Мариамна (8). Жена Петра – Анна Степановна (22), сын Яков (1). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Среди новокрещеных камчадалов в 1748 г. в Шапино также была зафиксирована эта фамилия, которая изначально могла принадлежать как отцу Ермолаю, так и его сыну Михаилу, которые участвовали в массовом крещении камчадалов, так и казакам Ивановым, возможными потомками которых были мещане Ивановы (как, например, петропавловские мещане Новограбленновы (изначально Новограбленные), происходившие из казачьего рода сына боярского, «ясашного сборщика» на Курильских островах Матвея Новограбленного или служилого Василия Новограбленного).

ИВОЙЛОВСКИЕ (ЕВОЙЛОВСКИЕ, ЕВОЛЕЛОВСКИЕ)

В истории Камчатки навсегда остался Егор Яковлевич Ивойловский, крестьянин Паратунского селения, участник обороны Камчатки в русско-японскую войну 1904–1905 гг. До войны он убил своего земляка и, чтобы искупить вину, добровольно пошел на разведку к японцам, расположившимся в устье реки Озерной, собрав данные, которые очень пригодились потом ополченцам (см. очерк «Хроника неоконченной войны»).

Крестьяне Ивойловские (Евойловские), вероятно, прибыли на Камчатку по призыву камчатского губернатора В. С. Завойко в начале 1850-х гг. Патриархом этого камчатского рода был Дмитрий Ивойловский, сыновья которого – Константин и Яков – пустили на Камчатке свои корни.

Евойловский Егор Яковлевич, крестьянин селения на Паратунских ключах, 1893 г., 25 лет. Жена Елена Романовна

(36). Дети: дочь Татьяна (2). Дочь ее от первого брака Евдокия Игнатъевна Красноярова (10).

Братья его единокровные: Николай (19), Иннокентий (17).

Дядя их Константин Дмитриевич Евойловский (36). Жена его Александра (27). Дети их: Мария (5), Сергей (4), Ульян (1). Пасынок его Николай Вальинкин (17). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Евойловская (Ивойловская) Татьяна Георгиевна. Родилась 12 января 1892 г. Родители – отец крестьянин Паратунского селения Георгий Яковлевич Евойловский и жена его Елена Романовна. Восприемники – отставной матрос Василий Иванович Байков и жена Петропавловской казачьей команды казака Петра Полякова – Дария Дмитриевна. Священник Павел Донской и и. д. псаломщика Никита Бобряков. (Выписка из метрической книги Петропавловского Собора за 1892 г., ГАКК.)

ИГНАТЬЕВЫ

Мир тесен. Даже на таком, казалось бы, бескрайнем пространстве, как Якутское воеводство, где сосредоточилось якутское казачество, осваивая и обживая земли на самой окраине государства Российского. И в этой истории, которую нам рассказали, тесно переплелись имена людей, которые знакомы нам со школьной скамьи.

«Летом 1642 г., построив кочи, Стадухин, Зырян и Дежнев через протоку, где стоит Русское Устье, вышли в море. Казак Федор Чукичев, товарищ Дежнева по службе, писал: “По морю шли две недели. А с усть Индигирки реки к востоку бежали парусом до усть Алазейки реки, а вверх парусом и собою до юкагирского князца Ноочичана полтретья дни... до лесу. И у того лесу зимовье поставили”.

Не задерживаясь на реке Алазее, казаки – они знали, что Алазея не главная река, – на следующий год снова вышли в море и через две недели были на Колыме. “А река Колыма, – писал в Якутск Стадухин, – велика, есть с Лену реку, идет в море, так же как и Лена, под тот же ветер, под восток и под север”.

Казаки плыли до большой реки Анюя, где срубили зимовье. Не прошло и года, как это зимовье превратилось в один из

опорных пунктов продвижения землепроходцев на восток. Отсюда, из Нижнеколымского острога, снаряжались экспедиции на реки Анадырь и Пенжину и даже на Камчатский полуостров.

В первые годы существования Нижнеколымска – вслед за ним выросли на реке Среднеколымск и Верхнеколымск – казаки обследовали почти все течение громадной реки. Они стали первыми жителями отстроенных деревянных поселений, включили в орбиту государственных интересов местное население. Они были не просто сборщиками дани, наложенной на племена, но и носителями новых форм торговли, распространителями новых методов промысла. Одним словом, это были первые люди, положившие начало освоению огромного края.

Сегодня этим первым служилым людям воздвигнуты памятники. В Верхнеколымске в 1957 г. в честь 325-летия вхождения Якутии в состав Российского государства установлен трехметровый обелиск, на гранитном постаменте которого выгравированы имена руководителей казачьих отрядов, открывавших и осваивавших Колыму: Семена Дежнева, Михаила Стадухина, Дмитрия Зыряна, Ивана Ерастова, Федота Попова, Герасима Анкудинова, Исая Игнатьева, Семена Моторы и др.

Выше по реке в Зырянке сооружен другой памятник землепроходцам и мореходам – гранитный столб, увенчанный моделью коча XVII в.

С открытием Колымы число походов на восток увеличилось. В 1644–1645 гг. один из деятельных казаков, если не сказать самый деятельный, Михаил Стадухин организовал поход в сторону моря на тундровую реку Чукочьа, где обитал оторвавшийся от основного племени чукотский род. Подробности этого похода неизвестны, но в Нижнеколымск Стадухин привез показавшуюся ему смышленной и знающей чукотскую женщину Калибу. Калиба сообщила ему, что к северу от колымского устья расположен большой морской остров. Казаки и промышленные люди, населявшие Нижнеколымский острог, не один день судили и рядили об этом острове. Наконец решили, что большой морской остров – это та самая Новая Земля, на которую ходят поморы с Мезени, Таза, Енисея, Лены и

Индибирки, и что эта Новая Земля составляет громадный горный массив – “в мори Камень-пояс”, на котором “горы снежные и пади, и ручьи знатны все”. Такое представление о Новой Земле – единой островной суше, тянущейся вдоль всего побережья Азиатского материка, как считают современные исследователи, у землепроходцев той поры вполне естественно. Ведь тогда еще никто из них не бывал на островах, расположенных к северу от морского берега. Более того, в XVII в. была распространена теория о соединении Новой Земли с Северной Америкой, хотя Стадухин и Дежнев, вероятнее всего, не были знакомы с ней. Сообщение чукотской женщины о большом морском острове подтверждало собственные наблюдения мореходов и несколько озадачивало. Эта Новая Земля, простираясь восточнее Колымы, могла преградить путь в Теплое море, т. е. в Тихий океан.

Так неожиданно перед теми, кто собирался идти на восток, стала гигантской важности географическая проблема. Решить ее сразу было нельзя. Потребовались усилия многих людей. Одними из первых пошли на штурм Чукотки Михаил Стадухин и Семен Дежнев. Первый в 1645 г. отправился на коче из Нижнеколымска в Якутск в расчете собрать единомышленников, получить разрешение воеводы и двинуться в поход “встреч солнцу”.

Кроме того и в Нижнеколымске организовалась артель торговых и промышленных людей, решивших идти на восток, на реку Потычу, за которую принимали Анадырь. Артель возглавили Исай Игнатьев Мезенец и Семен Алексеев Пустозерец. И, конечно, не случайно, что она пошла под водительством русских поморов – мезенцев и пустозерцев, для которых далекие походы на Новую Землю считались рядовым событием.

Летом 1646 г. на одном коче Исай Игнатьев и Семен Алексеев отправились в море, но у Чаунской губы льды преградили дорогу. В навигацию следующего года на восток во главе с Семеном Дежневым отправилось 62 человека на 4 кочах. Льды снова преградили дорогу судам. Вернувшись на Колыму, Семен Дежнев и торговый человек приказчик гостя Алексея Усова Федот Алексеев Холмогорец решили подготовиться еще ос-

новательнее. Дежнев отправился на Индигирку, где участвовал в соболинном промысле. На вырученные деньги он купил судно.

Перед приказным Нижнеколымска Вторым Гавриловым, товарищем Дежнева по походу на Оймякон, Индигирку, Алазею и Колыму, решив перехватить инициативу Дежнева, выступил беглый казак Герасим Анкудинов с просьбой выдать на его имя наказную память, официальный документ, дающий право представлять власть царя на Анадыре. Второй Гаврилов отказал Анкудинову. Наказную память он выдал Семену Дежневу, приняв к сведению, его обещание за право быть старшим на Анадырской земле заплатить царю 290 соболей.

О наказной памяти Дежнев никогда впоследствии не упоминал, и ее даже оспаривали враги его, но то, что она существовала, подтвердил сам Второй Гаврилов. В наказной памяти упомянут помощник Дежнева Федот Алексеев Холмогорец. По существовавшему тогда правилу, торговец, назначавшийся в поход, являлся целовальником, т.е. таможенным чиновником, в ведении которого находился сбор пошлины с упромышленных соболей и другие денежные операции.

В путь 20 июня 1648 г. вышло шесть кочей. Седьмой коч присоединился сверх оговоренных условий. Герасим Анкудинов снарядил его на реку Анадырь на свой страх и риск. В походе участвовало 90 человек. Дежнев разделил их на три отряда. Люди Федота Алексеева Холмогорца – 29 человек – составили первый отряд. Люди Афанасия Андреева и Бессона Астафьева, приказчиков московского гостя Кирилла Босова, – известны фамилии девяти человек – составили второй отряд. Люди Дежнева – известны фамилии только 18 человек – входили в третий отряд.

Это был последний шаг на торном пути через Северную Азию. О Дежневе и существовании его похода все еще не утихают споры. И дело не в том, что не обнаружены положенные в таких случаях дневники Дежнева или корабельные журналы. Их не могло быть.

Исследователей смущает другое: мог ли Дежнев совершить выдающееся морское плавание в тяжелейших природных ус-

ловиях на маленьком деревянном парусном судне? В последние годы установлено, что русские кочи – это суда, строившиеся для ледового плавания, они ходили под двумя парусами, по компасу. Имелись компасы и на кораблях Дежнева. Известно, что только у Афанасия Андреева и Бессона Астафьева было “13 маток в кости”, т. е. компасов в костяной оправе. Компасы такого типа найдены на городище Мангазеи.

Это небольшие овальной формы изделия с углублением в центре. В овале помещалась стрелка, отбрасывающая тень на циферблат, разбитый на 12 делений. Компас работал по принципу солнечных часов».

На Камчатке служил в свое время приказчиком Василий Игнатьев, вероятный потомок Исаия, так как в те времена казачьи чины передавались по наследству «на выбывшее место». В истории полуострова фамилия военнослужащих Игнатьевых сохранялась долгие годы. В 1812 г. в Нижнекамчатске в печально известном полку Сомова служил Осип Иванович Игнатьев. А в 1888 г. в Петропавловске умирает от водянки отставной баталер Николай Федорович Игнатьев. А. А. Горчаков в статье «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.» (27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105) пишет о том, что некий баталер Николай Ипатьев «...в 1882 году внесен в “Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры”». Судя по всему, это был именно отставной баталер Николай Федорович Игнатьев (хотя в Камчатском гарнизонном батальоне служил в 1812 г. Ипатьев Осип Иванович, рядовой, 31 год, фамилия которого могла сохраниться на Камчатке в период обороны Петропавловского порта).

Мы знаем, что при расформировании Камчатского гарнизонного батальона (Сомовского полка) часть солдат пожелала остаться на Камчатке, они были записаны в крестьянское или мещанское сословия. Вполне возможно, что такая история произошла и с крестьянами Игнатьевыми, которые осели в Большерецке.

В истории полуострова известен староста села Явино Дмитрий Игнатьев, отличившийся во время обороны Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. Считается, что Явино – это поселение

переселенцев с Курильских островов – курилов или айну. Но по архивным документам выясняется, что Дмитрий Игнатъев – крестьянин, то есть русский старожил этих мест, переселился он в Явино, вероятно, из Большерецка. Причина пока неизвестна, но фамилия большерецких крестьян Игнатъевых известна, по крайней мере, с 1803 г. (ЦГА ДВ, ф. 1001, оп. 1, д. 77.)

Явинский староста Дмитрий Дмитриевич Игнатъев был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за то, что взял вместе с Северином Карлсоном (Карльсоном) в плен командира японского десанта Сечу Гундзи (см. очерк «Хроника неоконченной войны»).

Кроме Дмитрия Дмитриевича в обороне Камчатки от японцев принимали участие большерецкий Иван Игнатъев и явинский Сергей Игнатъев.

Архивные материалы за 1893 г. позволяют нам узнать некоторые подробности о семье явинского старосты: Дмитрий Дмитриевич, крестьянин с. Явино, 1893 г., 20 лет. Жена его – Евфимия Петровна (34 г.). Детей нет. С ним живет мать (вдова) Феодосия Николаевна Игнатъева, 40 лет. Ее дети: Иоанн – 15 л., Сергей – 10 л., Захарий – 2 г., Мавра – 20 л., Елизавета – 12 л.

Очень любопытно (и очень, как выясняется, типично), что явинские Игнатъевы, будучи русскими крестьянами, могли быть записаны в документах, камчадалами, например: 24 октября 1914 г. родилась Анна Васильевна Игнатъева, в ее метрике записано: родители – селения Явино камчадал Василий Арсентьевич Игнатъев и законная жена его Ольга Алексеевна.

О большерецких Игнатъевых известно меньше, но, тем не менее, кое-что есть: Петр Игнатъев был временно исполняющим делами псаломщика Большерецкой церкви в 1915 г.

А 12 декабря 1919 г. родился Павел Иванович Игнатъев, вероятно, его внук, так как родителями его были Большерецкого селения гражданин Иоанн Петрович Игнатъев и жена его Мария Павловна.

В настоящее время потомки Дмитрия Дмитриевича Игнатъева проживают в Елизовском районе Камчатки. Мы знаем, например, внука Дмитрия Дмитриевича Игнатъева – Николая Федоровича Ткаченко.

ИКОННИКОВЫ

Это фамилия камчатских (нижнекамчатских) казаков, которая перешла по духовному наследству к новокрещенным камчадалам. Мы встречаем эту фамилию среди участников камчатских бунтов – по событиям 1731 и 1746 гг. был известен камчадал Чегач (Чагач, Чегич, Чегоч) – Кирилл Иконников. В противоположном стане, на стороне русских, действовал Иконников Варлам, также новокрещенный камчадал, убитый восставшими коряками в 1746 г. («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.». Л. 1935 г., стр. 63–64, 67, 71, 99, 100).

В исторической литературе в период первой половины XVIII века встречаются имена их крестных – казаков Ивана, Петра, Алексея и толмача Егора Иконниковых.

В 1750 г. фамилия камчадалов Иконниковых зафиксирована в острожках Камаки и Каменном (бассейн реки Камчатки).

КАЗАРИНОВЫ

В 1838 г. в Нижнекамчатске проживали крестьяне и мещане: Иван Абросимов, Кузнецов, Выходцев, Портнягин, Шевырин, Шишкин, Попов, Греченин, Мальцов, Никитин, Казаринов, Сновидов, Соснин. На примере этой фамилии любопытно отметить, как легко осуществлялся на Камчатке переход из одного сословия в другое.

Казаринов Степан Егорович. Государственный крестьянин в с. Нижнекамчатске, 25 лет.

Казаринов Егор Петрович. Мещанин в Нижнекамчатске, 1812 г., 46 лет. Жена Агафья Васильевна. Дети: Инна (7), Софья (5). Девушка Настасья Петровна Казаринова (46 лет). Дети ее: Елена (10), Федосья (8), Николай (6).

Казаринов Михаил Петрович. Мещанин в Нижнекамчатске, 1812 г., 45 лет. Жена Гликерия Афиногеновна (26 лет). Дети: Марфа (29), Евдокия (6), Параскева (1). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

В 1771 году купец Казаринов жил в Большерецком остроге. Фамилия на Камчатке не сохранилась.

КАЛАШНИКОВЫ

Калашников Иван – служилый человек, сборщик ясака, бит кнутом в Нижнекамчатске как один из виновников Харчинского бунта.

Прошло восемьдесят лет: Калашников Иван, солдат, Нижнекамчатск, 1806 г.

Возможно, это простое совпадение, но возможен и другой вариант – призывали на службу и местных служилых, готовили к службе в первую очередь их детей – они почти поголовно проходили подготовку в военно-сиротском воспитательном учреждении Камчатского гарнизонного батальона.

КАЛИНДА (КОЛИНДА, КАШИНДА, КИШИНДА)

Эта фамилия проходила по морскому ведомству Петропавловского порта, но параллельно в Петропавловске жили и их прямые родственники – мещане Колинда, отцом которых был ветеран обороны Петропавловского порта в 1854 г. Федор (Иванович?) Колинда («В 1882 году внесен в “Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры”». Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105).

А это сведения о представителях фамилии из Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 г.: Калинда Федор Иванович, отставной морского ведомства, 64 года; Калинда Федор Федорович, кантонист морского ведомства, 26 лет; Калинда Алексей Федорович, кантонист морского ведомства, 20 лет, жена – Акилина Андреевна (20); Колинда Николай Федорович, петропавловский мещанин, 30 лет, жена Александра Януарьевна, сын Михаил (1).

Алексей и Федор были в списках участников обороны Камчатки 1904–1905 гг. в составе Петропавловской дружины были записаны под фамилией Кашинда, а Николай – под Кишинда.

В Исповедальной росписи Преображенской церкви на острове Медном среди местных служащих указан кантонист Алек-

сей Федорович Калинда (20), переведенный туда на службу из Петропавловского порта.

КАЛИНИНЫ

Об этой фамилии мы имеем только эту вот информацию: Калинины – камчадалы (ительмены). История появления фамилии: 1747 г. – Тигиль.

КАМЕНСКИЕ

Пока имеется только такая информация: Каменская Ольга Иннокентьевна. Дата рождения – 5 октября 1885 г. Родители – Шаромского селения камчадал Иннокентий Васильевич Каменский и законная жена его Параскева Ивановна. Восприемники – дочь Шаромского селения камчадалка Агафья Васильевна Попова. Таинство крещения совершал священник Иван Титов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1885 год, ГАКК.)

КАМШИГИНЫ

Вполне возможно, что эти фамилии не имеют друг к другу никакого отношения. Но кто его знает – в истории Камчатки столько намешано!

Камшигин Дмитрий. Из проповеднической свиты архимандрита Камчатского. Студент школы философии Московской Славяно-Греко-Латинской академии, определенный в свиту архимандрита Камчатского Иоасафа Хотунцевского для обучения крещеных катехизису.

Камшигин (Камшыгин) Дмитрий Иванович – рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 25 лет, 1812 г.

И самое главное, у него на Камчатке был юный брат (а, следовательно, и камчатские родители, потому что детей солдат, вряд ли, везли на Камчатку для военно-сиротского отделения – их здесь набирали из местных): Камшигин Константин Иванович, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 14 лет.

КАРАНДАШЕВЫ

С именем пятидесятника Карандашева, а еще больше с именем его жены связана легенда, а, может быть, и была, касающаяся событий Петропавловской обороны в 1854 г.

Сначала была.

Карандашев Алексей Степанович. Казачий пятидесятник. Участник обороны Петропавловского порта в 1854 г., удостоен знака отличия военного ордена 4-й степени. Умер 17 декабря 1885 г. в возрасте 77 лет от воспаления легких.

«В воскресенье, 13 марта 1855 года, контр-адмирал В. С. Завойко, камчатский военный губернатор, лично возлагал кресты знака отличия военного ордена св. Георгия на нижних чинов, отличившихся в боях за Петропавловский порт в августе 1854 года. Получил крест и пятидесятник Камчатской казачьей команды Алексей Степанович Карандашев. К награде его представил сам Завойко, который в своем приказе № 97 от 5 марта 1855 года писал: “Пятидесятник Карандашев. Будучи ранен тяжело, все же выстрелил метко в кучу неприятеля, уже готового напасть на горсть людей, оставшихся у погребца, и затем не оставил пушки пока я не приказал ему отправляться в госпиталь”. Карандашев родился в 1810 году. Отец его был казаком Якутского городского полка. По законам того времени якутским казачьим детям полагалось по достижении совершеннолетия поступать на службу в какую-либо из команд полка. Правда, на Камчатке закон не всегда соблюдался в точности; иногда казачьих детей определяли не в казаки, а в матросы, иногда зачисляли на службу задолго до совершеннолетия. Все же попасть в матросы было выгоднее: после двадцатилетней службы матросов увольняли в отставку, а казаки служили “до полной неспособности”. В отношении Алешки Карандашева отклонений не допущено – его сделали казаком, и с 25 апреля 1828 года он значится в списках Камчатской казачьей команды (ЦГВИА, ф. 330, оп. 22, д. 105, к. 706, лл. 3–4 – формулярный список Карандашева). ...Однако служебную карьеру Карандашева не назовешь блестящей. Лишь через тринадцать лет, в 1841 году, он произведен в урядники. Впрочем, многие оставались рядовыми, прослужив двадцать, а то и все сорок лет.

[31 декабря 1853 года его произвели в пятидесятники] ...Карандашев в свое время женился и овдовел. К 1854 году он женился вторично. По данным на начало 1855 года детей у него и его жены Агафьи Ивановны не было. Жили они в Аваче (воспоминания Агафьи ничем не подтверждаются. Во время боев в городе не было ни детей, ни женщин, ни вообще гражданских лиц, исключая тех мужчин, которые изъявили желание участвовать в защите порта как волонтеры. Всех жителей порта вывезли в близлежащие селения. А Агафью Ивановну и вывезти не требовалось – она жила в Аваче. В боях погибли два казака, их фамилии – Селиванов и Котельников. В боях участвовали два Карандашевых – Алексей, ее муж... и Антон, оба ранены, но остались в живых (ЦГА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 128, л. 1–2). Во время подготовки порта к обороне Алексея Карандашева назначили в расчет 3-фунтовой полевой пушки, являвшейся единственным подвижным огневым средством. Предполагалось, что пушка будет прибывать к местам высадки десанта и обстреливать его картечью. Так оно и случилось впоследствии. Командование пушкой было поручено чиновнику П. И. Юдицкому, расчет ее состоял из девятнадцати казаков и писарей. ...Что делал Карандашев 20 августа, неизвестно. 24 августа расчет их уменьшился на полдюжины человек, получивших другие назначения, ушел на другой пост и Юдицкий. Карандашев оставался при пушке и вступил в командование ею. К полудню на северном фланге обороны сложилось критическое положение. Неприятельские фрегаты разбили батареи номер 3 и 7, после чего у северного подножия Никольской сопки был высажен десант. Часть его пошла к перешейку, чтобы оттуда подняться на вершину сопки, остальные намеревались атаковать батарею номер 6 и пороховой погреб. Когда замороженные лошаденки притащили полевую пушку к озеру и расчет развернул ее неподалеку от батареи номер 6, глазам Карандашева представилась картина, наводящая на мрачные мысли: десантники строились в колонну для атаки батареи номер 6 и порохового погреба». [Было сделано три картечных выстрела, зарядили четвертый – их обстреляли, расчет погиб, одну лошадь убили, вторая была ранена в глаз, она порвала упряжь и убежала.

Заряженная пушка была опрокинута в ров у батареи. Он сам вытащил медную старую пушку весом до 15 пудов. Когда заряжал пушку, был ранен в руку. Выстрелил – заряд попал в самый центр колонны, и ряды десанта разметело, а тут ударил по неприятелю боцман Спылихин.] [В первом донесении Завойко ходатайствовал о производстве в офицерские чины корпуса кондукторов морской артиллерии Белокопытова и Дементьева, и боцманов Новограбленного и Суровцова, ходатайствовал он позже об этом и по поводу Карандашева, но тот уже был награжден орденом. 29 сентября 1855 года Карандашев уволен в отставку.]

«Из числа героев можно выделить пятидесятника Камчатской казачьей команды Алексея Степановича Карандашева. В фондах архива отложилось его прошение, поданное в том же году (1882. – С. В.) военному губернатору Приморской области с ходатайством о пенсии. Алексей Карандашев, находясь в рядах защитников Петропавловска при полевом орудии, был тяжело ранен в руку. Его жена Агафья Ивановна Карандашева во время боев находилась рядом с мужем. После боев Карандашев был уволен в отставку и удостоен знака отличия военного ордена 4-й степени».

«Лишь спустя 20 лет (после 1882 года. – С. В.), в период подготовки к празднованию 50-летия окончания Крымской войны, благодаря ходатайствам и рапортам чиновника особых поручений Клименова, Петропавловского уездного начальника Сильницкого вновь обратили внимание на бедственное положение оставшихся в живых героев обороны Петропавловска. “...Отставной 50-десятник Карандашев, например, 72 лет от роду, почти не владея левой рукой, ездит на шлюпке за 15 верст из с. Авачинского в Петропавловск вдвоем с женой, чтобы продать ведро ягод за 1 руб...”. В. С. Завойко: “Пятидесятник Карандашев, будучи тяжело ранен, все же выстрелил метко в кучу неприятеля, уже готового напасть на горсть людей, оставшихся у погреба, и затем не оставил пушки, пока я не приказал ему отправиться в госпиталь”. Юлия Звойко: “Он, бывало, кулаком камни разбивал и вколачивал рукою гвозди в дерево и т. п. штуки”. Юлия Завойко епископу Иннокентию: “После трех

удачных выстрелов пушка свалилась в ров, и вся прислуга возле нее, казаки и писари, были перебиты неприятельскими пулями”. “Мы стояли, – говорит г-н губернатор, – в крови, с ружьями в руках, дорого продавали нашу жизнь”. “Это был опытный тренированный воин, поэтому руководитель обороны Петропавловска В. С. Завойко доверил ему полевую (по другим источникам горную) пушку и поставил ее на Озерновской кошке вместе с батареей № 7. Именно эта батарея, как бельмо на глазу, мешала противнику высадиться в обход битве и попытаться занять город со стороны Култучного озера. 24 августа суда неприятеля сосредоточили огонь своей артиллерии против этой батареи. А затем, подбив почти все стационарные орудия русских, высадили на кошку десант. Казаки при единственной полевой пушке ловко успевали перевозить ее с места на место, стреляя по неприятелю, пока обе лошади, запряженные в пушку, не были убиты. Взрывы были все ближе и ближе, и, чтобы сохранить орудие, Карандашов, напрягшись, свалил его в ров, там поставил на колеса, выровнял и, прицелившись, сумел еще раз выстрелить по десанту, нанеся ему существенные потери. Но он тут же был ранен, а его казаки убиты. Только личный приказ губернатора Завойко заставил Карандашова отправиться в госпиталь”. “Казачьей сотни пятидесятник Карандашев, будучи командиром единственного в Петропавловске полевого орудия, во время сражения 24 августа, когда находившаяся при его орудии лошадь, получив пулю рану в левый глаз, утащила орудие в ров, находившийся у батареи № 7-й, то Карандашев, несмотря на град пуль, осыпавших ту местность, где находилось орудие, где уже было убито и ранено 13 человек, не теряя присутствия духа, удержал лошадь и орудие, навел его на приятеля и только что хотел приложить фитиль, как был ранен в руку, но, несмотря на это, он сделал выстрел, и так удачно, что неприятель после выстрела немедленно ретировался”». (А. П. Сильницкий, «Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлеченные из дел Владивостокского портового архива». Вопросы истории Камчатки, вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009 г, стр.52; В. П. Кусков, «Пятидесятник Алексей Карандашев».

Горчаков А. А., «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105. Смышляев А. А., «Участие казаков в Петропавловской обороне 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010 г., стр. 204–205. ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 8 (Исторические тетради Ирины Васильевны Витер).

А вот это уже, скорее всего, легенда: Карандашева (Карандаш) Агафья Ивановна. Авача, 1893 г. вдова казачьего пятидесятника, 63 года, «камчатская сестра милосердия» в период обороны Петропавловска в 1854 г.

ВРАЧИ И МЕДИЦИНСКИЕ СЕСТРЫ В КРЫМСКУЮ ВОЙНУ

Сестринский уход в апреле 1854 г. К началу Крымской войны сестринское дело в России существовало уже на профессиональной основе. За плечами сердобольных вдов и сестер милосердия был многолетний опыт по уходу за больными в гражданских госпиталях. «Но посылать особ женского пола туда, где идет война, – такого еще нигде и никогда не было», – писал Пирогов. Начало военного сестринского дела отмечено конкретной датой – 10 апреля 1854 г. В этот день англо-французский флот начал бомбить Одессу, делая вид, что хочет высадить свои войска в тылу Дунайской армии. В эти дни на арену событий выходит Одесская община сердобольных сестер. «С началом Крымской войны комитет Одесской общины сердобольных сестер, несмотря на скудность средств, считал своей нравственной обязанностью предоставить 12 коек в больнице общины для раненых и увечных офицеров и нижних чинов. Так, 10 апреля 1854 г. в больницу общины были доставлены 8 рядовых, раненых в ходе бомбардировки Одессы. А в сентябре 1854 г. Одесская община принимает в своей больнице раненых в сражении на реке Альма». Около 200 сердобольных сестер Одесской общины оказывали помощь раненым, работая в различных госпиталях на протяжении Крымской войны. Сохранились имена тех, кто был одними из первых – это Екатерина Хитрово, Екатерина

Алферова и Александра Линская. Кстати, Александра Линская была не только одной из первых военных сестер. Она является старейшей сестрой Одесской общины, ибо начала работать в больнице общины со дня ее открытия 30 марта 1849 г.

Агафья Карандаш. В августе 1854 г. на другом конце России, почти в 10 000 км от Крымского полуострова, разворачивалась другая линия фронта Крымской войны. Ее центром стал город Петропавловск-на-Камчатке, который имел большое значение для России как главная военно-морская база Тихоокеанского российского флота. 17 августа 1854 г. англо-французский флот подошел к берегам Камчатки и начал осаду Петропавловска. Петропавловскому гарнизону, состоящему всего из 921 солдата и офицера, пришлось обороняться против 2,5 тысячной армии англичан и французов. Три дня – 17, 20 и 24 августа – англо-французский флот бомбардировал город.

«От времени до времени появлялись окровавленные носилки, все творили знамение креста, несли храброго воина, верно исполнившего свой долг».

Даже дети принимали участие в этом драматическом сражении. Вот как описывает события тех дней военный историк Е. Гарле: «Кантонисты-мальчики, от 12 до 14 лет, служившие картузниками, чтобы убить время, спускали кораблики. И это делалось под бомбами, осколками которых было засыпано все побережье. Одному из этих мальчиков-воинов оторвало руку; когда его принесли на перевязочное место и начали обрезать обрывки мяса, он немного сморщился, но на вопрос доктора: “Что, очень больно?” – Ответил сквозь слезы: “Нет, это за царя”. На самой опасной батарее, среди солдат и матросов, была замечена женщина. Это – Агафья Ивановна Карандаш. В дни осады Петропавловска она прославилась своим усердием в заботе о раненых. Воины называли ее “камчатской сестрой милосердия”. История Агафьи такова. Неграмотная казачка до начала военных действий выполняла поденную работу в семье губернатора Камчатки генерал-майора В. Завойко. С началом боевых действий в Петропавловске муж Агафьи – урядник Василий Карандаш – в составе Петропавловского гарнизона был назначен на самую опасную батарею. Агафья не

пожелала вместе с другими женщинами спастись в горах, а пришла на батарею вместе с мужем. Все дни военных действий – 17, 20 и 24 августа 1854 г. – она оставалась вместе с солдатами на батарее. Поначалу она подавала снаряды, управляла лопатой разрушенные земляные закрытия батареи. Когда появились раненые, в их числе так же был и муж Агафьи, она занялась промыванием и перевязкой ран. Тут же на батарее, за земляным закрытием, лежал ее грудной младенец Иван, который был контужен. А тем временем события, происходящие вокруг нее, представляли собой кровавое месиво. “Окончательное действие сражения по всему протяжению горы было дело на штыках... Всякому военному покажется невероятным, что маленькие отряды Петропавловского гарнизона в 30 и 40 человек, поднимаясь на высоты под самым жестоким ружейным огнем, осыпаясь ручными гранатами, успели сбить, сбросить и окончательно поразить тех англичан и французов, которые славились своим умением делать высадки”. “Бегство врагов – самое беспорядочное, и гонимые каким-то особенным паническим страхом, везде преследуемые штыками наших лихих матросов, они бросались с обрывов сажень 60 или 70, бросались целыми толпами, так что изуродованные трупы их едва поспевали уносить в шлюпки”. Вечером 27 августа сводная эскадра англо-французского флота покинула камчатские воды. “Страшное зрелище было перед глазами: по грудь, по подбородок в воде французы и англичане спешили к своим катерам и баркасам, таща на плечах раненых и убитых; пули свистали градом, означая свои следы новыми жертвами, так что мы видели английский баркас, сначала битком набитый народом, а отваливший с 8 гребцами; все остальное переранено, перебито и лежало грудками, издавая страшные, раздирающие душу стоны. Французский 14-весельный катер был еще несчастнее и погреб назад всего при 5 гребцах...” Надо заметить, что в английской, германской и французской исторической литературе никогда не было разногласий по вопросу о нападении союзников на Петропавловск и считается признанным факт, что все шансы на победу были на стороне союзников. Но победу одержали русские. Русский гарнизон потерял в той осаде убиты-

ми и ранеными 115 человек. Союзная армия потеряла 830. Оставшиеся в живых российские воины получили благодарности от губернатора города, а самые храбрые были награждены медалями. Агафья Карандаш тоже была награждена медалью “За усердие” на аннинской ленте. В ее наградных документах указывалось, что “вдова урядника Камчатской команды Агафья Карандаш принимала непосредственное участие в обороне Петропавловска... Ее муж, раненый осколком снаряда, за неимением перевозочного пункта лежал тут же, в тылу батареи, и Агафья Иванова исполняла роль сестры милосердия, спасая жизнь своего мужа и других воинов”. В 1902 г. исследователь Камчатки А. П. Сильницкий побывал в доме Агафьи в поселке Двача. Он отмечал, что после смерти мужа Агафья жила в крайней бедности» («Камчатская правда», 28 марта 1987 г. Д. Дьяченко).

«Хорошо исследовал (уже в наше время) медицинскую обстановку во время Петропавловской обороны винницкий врач Б. Н. Щупак. Ему удалось отыскать наградной лист А. И. Карандаш, который свидетельствует о том, что она была награждена медалью “За усердие”. В 1902 г. – вдова казачьего пятидесятника Алексея Степановича Карандашева, 80 лет, “участвовала в исправлении земляных закрытий батареи, на которой сражался ее муж”. Так в именной “Список ветеранов Петропавловского боя, происходившего 17–24 августа 1854 г., составленный в 1902 г., было внесено 9 человек, которым назначена ежемесячная пожизненная пенсия”». (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК, <http://pakhimov.boom.ru/medic.html>, Горчаков А. А., «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 106).

Обратите внимание на то, что отставной пятидесятник с женой проживали в селе Авача – в «выселках» города Петропавловска. И в этом не было ничего необычного – здесь жили не только отставные и действующие казаки, но и представители морского ведомства, и крестьяне, а также ссыльные.

Патриархом рода камчатских Карандашевых был, вероятно, казак Степан Карандашев, служивший в 1731 г. в Верхнекамчатском остроге.

Кто-то из Карандашевых (имя его пока неизвестно) был в составе Петропавловской обороны в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Были и камчадалы Карандашевы – в Исповедальной росписи за 1893 г. отмечен Карандашев Архип Алексеевич – камчадал Толбачинского селения. Вероятно, потомок одного из крестников Степана Карандашева или его казачьей родни. Были и другие крестники, о которых история больше не упоминает: например, в 1747 г. эта фамилия была зафиксирована среди новокрещеных камчадалов селения (острожка) Кроноки.

С другой стороны, возможно и другой путь появления Карандашевых в Толбачике – в долину реки Камчатки переселяли камчадалов после опустошительных эпидемий не только с западного, но и с восточного побережья – и, может быть, это те самые Карандашевы из Кронок, избежавшие эпидемии оспы и поплатившиеся за это потерей своей малой родины.

Любопытно (это подтверждает рассказ Юлии Завойко о необычайной силе пятидесятника Карандашева), что в свое время известный камчатский краевед П. Т. Новограбленов записал легенду «Сильная трава» о старике Карандашеве, которую ему рассказал Петр Петрович Абакумов: *«Как-то старые люди нашли гнездо дятла с птенцами. Они взяли клинья и крепко заклинили отверстие в гнезде. Оставив так гнездо, старики спрятались и стали наблюдать, что будет делать дятел.*

Дятел прилетел, стал беспокойно бегать вокруг клиньев, беспомощно стуча по ним клювом. Потом он куда-то улетел и вскоре вернулся, держа в клюве какую-то травку. Эту травку дятел положил на клинья, и те сразу же вылетели из отверстия гнезда.

– Ага, вот это и есть “сильная” трава, – решили старики.

Теперь, чтобы найти эту траву, надо разыскать гнездо дятла, закрыть плотно отверстие, а под гнездо положить какую-нибудь материю, на которую “сильная” трава и упадет. Затем эту траву надо испытать: снести ее на реку и на быстром течении бросить в воду. Простую траву течение унесет вниз, а “сильная” трава отделится и сама поплывет вверх по реке.

Так вот, был на Камчатке старик Карандашев. Он в селе-

нии Авача жил. Раз Карандашев нашел “сильную” траву и врезал ее себе в руку. Все знали, что он с тех пор стал очень сильным человеком.

Карандашев ездил с почтой на север к чукчам, уплачивал каюрную плату, согласно обычаю, табаком. Вот случилось ему ехать с почтой среди чукотских кочевий. Табак весь вышел. Чукчи, увидевши, что он перестал им платить табаком, отказались везти его дальше, требуя плату. Карандашев через переводчика сказал им, что табаку нет. Те ответили ему, что он врет, что табак у него лежит в суммах. В суммах же Карандашев вез разную рухлядь, которую он выменивал в пути.

– Мы будем резать эти сумы, – сказали ему чукчи.

– Пусть они сначала убьют меня, – велел старик передать чукчам, – а потом режут сумы.

Чукчи поговорили между собой и затем сказали переводчику, что они решили зарезать старика.

– Пусть они предупредят меня, – сказал Карандашев.

Чукчи пообещали исполнить это.

На другой день в ту юрту, в которой ночевал Карандашев, собралось много чукчей. Они уселись у стен. Скоро в юрту спустился почти голый чукча могучего телосложения.

– Вот этот будет тебя резать, – сказал переводчик старику. – Он обойдет юрту три раза и затем заколет тебя ножом.

Действительно, дюжий чукча стал с воинственным видом делать круги по юрте, похлопывая рукой по огромному ножу, который висел на ремне у его бедра. Когда он сделал два круга и пошел в третий раз, Карандашев, варивший на очаге чай, вскочил и стукнул кулаком чукчу по затылку. Тот беззвучно повалился, ударился головой о стену и мертвым упал к ногам зрителей, которые в ужасе уставились на Карандашева. А Карандашев схватил два камня с очага и, держа их в руках, раздавил их перед онемевшими чукчами.

– Если кто попробует меня тронуть, – велел он передать им, – то я перекрошу всех до одного, как эти камни!

Чукчи в испуге разбежались.

Через короткое время старик с “сильной” травой в руке уже ехал на быстрых оленях дальше без задержек.

Если бы у него не было “сильной” травы, то чукчи зарезали бы его. Вот что делали в старину».

(http://www.fishkamchatka.ru?key=,kamchad&con=kpub&linkid=8&id_cont=68&t_name=ka...)

Супруги Карандашевы – немногие из жителей Камчатки, местных уроженцев, героев обороны Петропавловского порта, память о которых не угасла со временем, превратившись в народную легенду, воспетую уже не одним поколением камчатцев.

КАРЛССОН

Или Карлсон, Карльссон. Северин Карлович. Швед, был коммерсантом, скупщиком мехов и продавцом товаров на западном побережье Камчатки.

Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. за участие в боевых действиях в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

«Примерно в 1914 году приехал из Явино (в Мономахово. – С. В.) торговец Северин Карлович Карлсон. Через год пришел американский пароход с продуктами и мануфактурой. С тех пор в его лавке можно было купить чай, сахар, муку, оружие, капканы» (газета «Рассвет», 1981 г., 24 февраля).

«Северин Карлссон – одна из легенд Камчатки конца XIX – начала XX веков. На старом кладбище села Запорожья, прямо на краю отвесной террасы, возвышающейся над устьем реки Озерной и Охотским морем, находится его могила. Она относительно ухоженная, а металлическая табличка с надписью, сделанная из нержавеющей стали, практически новая. На ней значится: «Северин Карлович Карлсон. 4.06.1869–X.1932 г.» (Смышляев А. А., «Запорожье камчатское, славное...»).

Из книги «По дикой Камчатке» шведского путешественника Стена Бергмана:

«Мы посетили корякскую юрту, которая располагалась почти на нашем пути. Это была одна из самых больших юрт из тех, в которых мы побывали, и в ней было много коряков. Я спросил хозяина, знаком ли он с Карлссоном. Он ответил, что

Карлссон – его хороший приятель, и для себя всегда берет оленину у него. Когда, в свою очередь, что-нибудь нужно коряку, то он всегда покупает нужное у Карлссона, который никогда не обманывает, как это обычно делают другие коммерсанты. “Карлссон – человек чести”, – добавил коряк. Он рассказал также, что Карлссон сейчас в поездке, но он говорил, что весной его посетят несколько земляков.

Это было весной 1922 года. Шведская экспедиция уже третий год изучала Камчатку, политическая обстановка в которой было крайне беспокойной. К лету 1922 года экспедиция шла по западному побережью полуострова. Свен Бергман много слышал от камчадалов о знаменитом шведе “Карлссоне с западного побережья”, и стремился его застать. В это время Карлссон жил в селе Воровском (тогда – Мономахово, сейчас – Соболево).

Чем ближе мы оказывались к деревне Карлссона, тем большее расстояние проезжали за день... После полудня 28 марта наконец послышался собачий лай в деревне Карлссона – Мономахово. Через полчаса мы въехали в эту деревню. Мы спросили первого увиденного нами местного жителя, как найти дом Карлссона, и он показал нам красивый дом с верандой и флагштоком. Несколько оживленных детишек, которые увидели, куда мы направляемся, побежали нам навстречу с криком: “Вы едете к Карлссону? Это наш папа”. Из дома вышли двое молодых мужчин. Один из них был сыном Карлссона, а другой его зятем. Нас давно ждали.

Оба сердечно поздоровались с нами и гостеприимно позвали в дом. Мы узнали, что Карлссона и Янсона нет дома, но они могут вернуться со дня на день. Несколько дней назад они поехали в деревню Явино, которая является одной из самых южных деревень на полуострове. В ней Карлссон жил раньше и у него там есть разные дела, о которых он должен позаботиться. Для нас было большим огорчением не встретить их, но нам следует дать отдохнуть собакам в течение двух дней, и мы надеялись, что оба шведа за это время вернуться. Тут же стали готовить кофе и бутерброды. Я прочитал письма от Карлссона, Янсона и наших Петропавловских то-

варищей. Письмо Карлссона было несколько коротким, настолько же гостеприимным. Вот его текст: “Дорогие земляки! Добро пожаловать в мою деревню! Если вам что-нибудь понадобится, то только скажите моему сыну. У вас не будет никаких затруднений с кормом для собак. С дружеским приветом Северин-Карлссон”.

Карлссону была хорошо знакома эта большая проблема. Он знал, что самым трудным во время зимних поездок является приобретение корма для собак. Поэтому он хотел избавить нас от этой заботы.

Дом Карлссона не был похож на другие дома на Камчатке. Одна его комната была такой же, как в шведском деревенском домике. Посередине стоял круглый стол, накрытый скатертью с узором, представляющим собой цветы. Над столом висела домашняя керосиновая лампа с абажуром, которая была единственной виденной мной на Камчатке. На подоконниках цвели фуксии и пеларгонии, а у стены стоял книжный шкаф. Он, конечно, был единственным в своем роде на всем западном побережье Камчатки. В этом книжном шкафу мы нашли много шведских книг, среди которых были “Сказание о Фричьофе” и “Легенды о знаменщике Стоуле”. “Сказание о Фричьофе” Карлссон знал наизусть... Кроме книг в шкафу был ряд шведских журналов, которые скорей всего попали к Карлссону из дома нашей экспедиции в Петропавловске.

Карлссон был три раза женат на камчадалках, и у него было много детей. Умерла и его последняя жена, и многие из детей. Но восемь его детей были живы, и пять из них дома. Из них трое были малолетними, а двое – сын и дочь – взрослыми. Эти двое выглядели настолько по-шведски, насколько можно себе представить; ничто не напоминало об азиатской крови.

В доме Карлссона мы оставались два дня. Но так как от него не было вестей, мы не могли больше ждать – тем более потому, что из-за теплой погоды реки начали взламывать свой ледяной покров, а нам предстояло пересекать многие реки.

На третий день мы попрощались с этим гостеприимным шведско-камчадалским домом и вышли в путь к морю, что-

бы затем следовать вдоль него в течение многих дней. Вразброс по берегу располагались японские рыббазы. В некоторых из них жили сторожа, приглядывающие за ними в течение зимы. Через 20 верст мы подъехали к домику такого сторожа. Около домика была привязана собачья упряжка. Когда собаки залаяли, дверь открылась, и вышел высокого роста мужчина. Мы одновременно узнали друг друга и со взрывным энтузиазмом побежали навстречу. Это был Янсон. После того, как мы поздоровались, я сначала спросил: “А где Карлссон?”

“Карлссон остался в последней деревне, где у него есть кое-какие коммерческие дела с соболями, а я поехал вперед. Я слышал, что вы в Мономахово и попытался вас там застать. Теперь войдем и пока попьем чаю, а Карлссон, конечно, подъедет”, – сказал этот выходец из шведской губернии Гнеста.

Итак, мы вошли в сторожку – бедному русскому, который сидел там всю зиму без какой-либо задачи, кроме как смотреть, что все похоже само на себя... Мы просидели несколько часов, разговаривая с Янсоном, но Карлссон не появлялся. Янсон настаивал на том, чтобы мы поехали обратно и провели следующий день все четверо вместе. Наконец мы согласились с его предложением...

Итак, мы повернули нарты и поехали обратно, но не к деревне, а к устью реки, к морю, где у Карлссона был небольшой домик и склад, так как он теперь был большим коммерсантом-меховщиком...

Через два часа мы доехали. Домик был хорошеньким и нам понравился. Рядом находился большой склад из гофрированной жести. Море было на расстоянии нескольких бросков камня. Весь этот вечер мы ждали, а на следующий день беспрерывно разглядывали даль тундры в подзорную трубу, но никакой Карлссон не появлялся. Только в сумерках на горизонте показалась точка. Она росла, и когда от нас до нее осталось несколько километров, Янсон в подзорную трубу рассмотрел, что это собаки Карлссона. Через некоторое время Карлссон въехал во двор, и мы вышли к нему. Он выглядел совсем по-шведски, несмотря на штормовую куртку и лохматую корякскую шапку из оленьего меха. “Добро пожа-

ловать к нам”, – сказал он. Привязав собак, Карлссон вошел, сбросил верхнюю одежду, и мы, наконец, ближе познакомились с ним. Янсон уже приготовил кофе, и после того, как мы попили его, Карлссон взял ключи от своего склада и пошел, чтобы подобрать подходящие консервы, чтобы устроить пир на этой тундре. Никогда прежде тут не собирались четыре шведа. Янсон, который, между прочим, был поваром на судне, владел искусством приготовления пищи, и он взял на себя эту задачу.

Карлссон рассказал немного о своей судьбе. Он родился в городе Хальстадт, ушел в мир моряком и 34 года назад вышел на берег на западном побережье Камчатки в компании с Отто Куорикоски, доктором философии из Финляндии, который по политическим мотивам покинул родину. Они вдвоем вышли на берег у деревни Явино, которая расположена недалеко от южной оконечности Камчатки. Так как оба, особенно Карлссон, интересовались охотой, то они поселились среди камчадалов этой деревни и так же, как они, жили за счет охоты и рыбной ловли.

Через пятнадцать лет Отто Куорикоски умер. Еще несколько лет Карлссон продолжать охотиться, но мало-помалу перешел на меховую коммерцию. За свою жизнь он отстрелял более тысячи медведей. Раньше медведи были несравненно более многочисленными, чем теперь... Он рассказал, что в прежние времена охотиться на медведей он обычно ходил вверх по реке Черной к Курильскому озеру. Там он каждый год отстреливал большое количество медведей...

Пока Карлссон рассказывал, Янсон устроил самый помпезный ужин, которого я не встречал многие годы. Ужин закончился виноградным конфитюром со сливками; все это было американским. Но на следующее утро мы должны были в любом случае уехать. Мы встали в 5 часов. На завтрак Янсон угостил нас тонкими оладьями и кофе. Прежде чем уехать от этих двух достойных людей, мы получили от них обещание, что Пасху они будут праздновать у нас в Петропавловске. Мы на прощанье помахали друг другу руками, и скоро наши нарты превратились для них в точку вдалеке».

Судьба его детей сложилась трагически, такие уж были времена.

Карлсон (Карлссон) Александр Северинович. Репрессирован. Родился в 1900 г., Камчатская обл., Соболевский р-н, с. Явино; швед; образование 2-классное городское училище; б/п; был членом рыболовецкого колхоза. Проживал: Усть-Больше-рецкий р-н, с. Соболево. Арестован 11 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД ДВК 10 августа 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Имущество конфисковано. Расстрелян 22 августа 1938 г. Реабилитирован 25 декабря 1958 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Карлссон (Лазебная) Ксения Севериновна, с. Запорожье, выслана в 1930-х гг. с Камчатки. Из письма Михаила Алексеевича Шараева краеведу Виктору Григорьевичу Спичаку: *«Как было по всей стране в 1930-е годы, так и у нас на Камчатке были обвинены и репрессированы те жители села, которые закладывали его фундамент. Я уже писал выше, что в марте 1932 года вызвали в Усть-Больше-рецкий район моего отца Шараева Алексея Иосифовича, Потужного Ивана Алексеевича, Потужного Емельяна Лукьяновича, Денисенко Тимофея Алексеевича, Манаева Ивана Филипповича и там арестовали. Предъявили обвинение “японские шпионы, враги народа”. Формулировка одинаковая в то время по всей стране, на востоке – “японские шпионы”, а на западе – “немецкие шпионы”. Все они находились в лагерях г. Хабаровска и строили город Комсомольск, хотя у нас по истории все время писали, говорили, что Комсомольск построили комсомольцы. Да, и комсомольцы строили, но в основном заключенные. Потужный Иван Алексеевич и Манаев Иван Филиппович в лагерях погибли. А отец, Потужный Емельян Лукьянович, и Денисенко Тимофей в 1936 году освободились. Как я уже описал выше, отец и Потужный Емельян работали в колхозе, в 1937 году в октябре их снова арестовали. А весной 1938 года отца освободили. Его хорошо знали и в области, и в районе, все начальство и НКВД, где работали люди, которые понимали, что все это делается не правильно. В начале 1938 года были аресто-*

ваны еще Лазебный Ульян Яковлевич, Лазебный Михаил, Потужный Алексей Лукьянович, Догадин Михаил Васильевич, Могильный Андрей Васильевич, Денисенко Василий Тимофеевич, все они погибли в лагерях... (Старожилы села слышали, что М. В. Догадина, например, утопили в Авачинской губе, что вполне может соответствовать истине, такие методы расправы с приговоренными к высшей мере наказания документально подтверждены, лично я привожу такой случай в одной из своих книг. – Александр Смышляев.) В ноябре 1938 года НКВД предложило выехать за пределы Камчатки и Дальнего Востока моему отцу с семьей, Денисенко Семену Тимофеевичу, Потужному Петру Алексеевичу, Лазебному Константину Ульяновичу, Потужному Григорию Емельяновичу, Манаевой с семьей, Догадиной Клавдии Алексеевне, Лазебной Ксении с семьей (дочери С. Карлссона. – Александр Смышляев). Очень глупо и даже смешно, какую женщины Манаева и Догадина с малыми детьми могли представлять угрозу для государства. Правда, выезд и проживание разрешалось на всей территории страны кроме Дальнего Востока. Все имущество и дома разрешалось продать. Манаева с семьей поселилась где-то на Урале, и с ней Лазебная Ксения и Денисенко Семен. Отец с семьей, в том числе и я, уехали на Украину в город Николаев. Лазебный Константин, Потужный Петр, Потужный Григорий уехали в село Бургунка Херсонской области. Догадина Клавдия с малыми детьми тоже уехала на Урал. И вот, когда было трудное время для нашей страны, эти люди как их тогда называли “враги народа и японские шпионы”, все честно защищали свою Родину, и никто не стал предателем».

(А. Смышляев, «Запорожье камчатское, славное...»)

КАРПОВЫ

Фамилия принадлежит нескольким самостоятельным камчатским родам.

Старейший из них, вероятно, – казачий род. Служилых Филиппа Карпова мы обнаруживаем на Камчатке в 1731 г., а Петра Карпова – в 1746 г.

И впоследствии эта фамилия сохраняется в поселениях казаков – в Нижнекамчатске и в Петропавловске: Василий Карпов – участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Усть-Камчатская дружина), с. Нижнекамчатск, и А. Карпов (Петропавловская дружина).

Но в это же время в обороне Камчатки в составе Ичинской дружины принимает участие мильковский крестьянин Алексей Карпов.

КАРЫМОВЫ

Эта исконно казачья фамилия встречается среди новокрещеных камчадалов: 1749 г. – Ича; 1750 г. – Кихчик, Ича, но она не сохранилась до нашего времени.

КАРЯКИНЫ (КОРЯКИНЫ)

В истории нашего государства эта фамилия достаточно знаменита.

Карякины (Корякины) – русские дворянские роды. Родоначальник одного, Владимир Афанасьевич Карякин, за отличие во время московского осадного сиденья пожалован вотчиной (1624). Потомство его внесено в VI часть родословной книги Владимирской губернии. Другой род, испомещенный в 1629 г., внесен в VI часть родословных книг Тверской и Ярославской губерний. Остальные роды Карякиных, числом восемь, позднейшего происхождения.

Значение фамилии Карякин (Корякин):

1. Коряка – тот, кто корячится; так родители могли ласково назвать младенца по его манере растопыривать ножки, корячиться.

2. В некоторых говорах коряка – упрямый, несговорчивый; от глагола «корячиться» в значении «упрямиться, упорствовать». Каряка означает в разных говорах либо кривляку, либо упрянца.

С этой фамилией связана одна любопытная легенда:

«В 1944 г., во время Второй мировой войны, в период советско-американского сближения, вызванного борьбой против общего врага, в США вышла в свет сенсационная статья исто-

рика Теодора С. Фаррелли об обнаружении на северо-западном берегу Америки на Кенайском п-ве следов русской постройки будто бы... 300-летней давности. Обратив внимание на появившуюся в самом конце XVIII в. у русских миссионеров в Русской Америке легенду о проникновении в Америку группы новгородцев, будто бы бежавших в 1571 г. от преследований Ивана Грозного, Теодор Фаррелли поспешил объявить, что найденное на Аляске строение якобы принадлежало беглым новгородцам.

...Версия же о новгородцах, поплывших на восток, родилась впервые в индигирском селении Русское устье. Именно тут появилась курьезная легенда о том, что местные Корякины будто бы являются потомками “новгородских” (Б. П.) Куракиных. Легенда о новгородцах, однако, была поддержана некоторыми миссионерами в Русской Америке еще в самом конце XVIII в. Приверженцы этой версии не учитывали главного: в XVI–XVII вв. на пути у русских мореходов в Ледовитом океане были многие непреодолимые препятствия, и в первую очередь паковые льды в нескольких труднопроходимых зонах. Безусловно, самой трудной зоной был район Таймыра. Ни в XVI, ни в XVII вв. эту зону никто по морю преодолеть не смог. находка следов русских мореходов в заливе Симса у о-вов Фаддея дала повод кое-кому утверждать, что русские мореходы еще в начале XVII в. смогли обогнуть Таймыр. Но гораздо правдоподобнее точка зрения знатока Таймыра В. А. Троицкого, считавшего, что русские смогли проникнуть в этот район со стороны р. Хатанги и р. Пясины. Вторая труднопроходимая зона находилась между реками Хатанга и Оленек. На Оленек же русские впервые вышли в 30-е гг. XVII в. со стороны Лены. Поэтому наивно думать, что кто-либо из новгородцев в середине XVI в. мог бы при тогдашних примитивных судах пройти весь Северный морской путь и достичь берегов Аляски. Но, к сожалению, эта фантастическая версия продолжает и теперь нередко повторяться в научно-популярной литературе и кинофильмах» («История Русской Америки», т. 1, М., 1997, стр. 19–21).

Обратим внимание читателя на то, что в Русском устье одна из рек (проток) носила название Камчадалка и кроме Коряки-

ных второй распространенной фамилией была фамилия Чукичев, которая известна нам по походу Ивана Камчатого в долину реки Уйкоаль (см. очерк «Зыряновы»).

А если взглянуть на все вышеизложенное с точки зрения Новой Хронологии, то утверждение новгородских (то есть ярославских) боярских родов в Русском устье после завершения гражданской войны, в результате которого на русском престоле оказались бояре Захарьины-Романовы, вполне реально. Сибирь была частью Великой Тартарии, как называли Российскую империю до Романовых, и она не случайно называлась Сибирским царством, разгромленным войсками Романовых. Поэтому осколок великой империи мог сохраниться в Русском устье – в заполярной недостижимости от мести, в северной глуши (староверы ведь тоже последователи той православной веры, которая была официальной в Тартарии и так же мыкались и скрывались от царского преследования в таежной глуши). Поэтому не стоит отбрасывать эту версию о старинных боярских корнях рода Карякиных (Корякиных).

А вот самые первые сведения об этой, уже камчатской, фамилии: сын боярский Петр Корякин («На место Афонася Жиркова 1725 приехал из Якуцка прикащиком якуцкой дворянин Степан Трифонов, а с ним приехал подчиненным прикащиком сын боярской Петр Корякин в Верхней острог» (С. П. Крашенинников), камчатский служивый Андрей Корякин (вероятно, он же – Корякин Андрей, «якуцкий служилый», 1751 г., Анадырская крепость).

В экспедиции Креницына-Левашева (1768–1770 гг.) на боте «Святой Гавриил» Дудина было три представителя камчатских фамилий – квартирмейстер казак Никита Дурынин, за матроса казак Василий Тарабыкин и Иван Корякин (Алексеев А. И. «Судьба Русской Америки», Магадан, 1975 г.).

В 1812 г. мы находим эту фамилию в списках солдат Камчатского гарнизонного батальона (Сомовского полка), в котором служили и выходцы из камчатских казаков.

Корякин Петр Иванович. Рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 38 лет. Жена Татьяна Андреевна (33). Дочь Ирина (2). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Нико-

лаевской церковей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Их сын Корякин Федор Петрович, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 8 лет.

Следующая информация касается периода обороны Петропавловского порта в 1854 г.: казак Корюкин (Корякин?) Петр (Петрович?) в 1882 г. внесен в «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры» (Горчаков А. А., «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105).

Почему мы можем предположить, что у него было отчество Петрович? Потому что мы находим информацию за 1847 г. о матросе Корякине Алексее Петровиче, который служил в Камчатской экипажной роте: из солдатских детей, уроженец Камчатской области (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 1, д. 299).

После мы обнаруживаем новые подробности об Алексее Петровиче Корякине, отставном матросе, который, вероятно, в составе Камчатского (позже Амурского) флотского экипажа был в 1855 г. переведен на новое место службы в Николаевска-Амуре, а выйдя в отставку, вернулся на родину и поселился в селении Голыгино. Запись об этом мы находим в Исповедальной росписи Большерецкой церкви: Корякин Алексей Петрович, отставной матрос, с. Голыгино, 1893 г., 74 г. (с ним жил матросский сын Степан Конев, вероятно, внук).

Матросскую ветвь Корякиных мы обнаруживаем и в Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 г.: Корякин Косма Васильевич, кантонист морского ведомства, 20 лет.

В традициях того времени многие выходцы из военных, морских и казачьих ведомств Камчатки, осев в Петропавловске и «выселках» города, оставшись вне казенной службы, становились петропавловскими мещанами.

Вот представители мещан Корякиных в 1893 г.:

Корякин Иннокентий Васильевич (не старший ли брат Космы Васильевича?), петропавловский мещанин, 43 года.

Но более всех Корякиных был известен в истории Камчатки петропавловский мещанин Петр Михайлович Карякин (Корякин). Вот, что писал о нем в книге «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.» В. Л. Комаров: *«Уезжая с кошки в город, мы натолкнулись на следующую интересную страничку из местной жизни. Я разговаривал с привезшими нас завойкинцами, которые все были кто родством, кто свойством связаны с родом Машигиных. Мимо проезжал В. П. Карякин, который и раскланялся со мной. Собеседникам это не понравилось, и они рассказали мне, что между ними и Карякиными существует серьезная вражда. Дело в том, что Н. Е. Машигин, хороший и отважный промышленник, уходил иногда за соболем один-одинешенек сразу на несколько месяцев. Говорят, что в своих скитаниях он нарушил запретную грань Кроноцкого района и именно оттуда-то и приносил особенно много соболей. П. Карякин (теперь уже умерший) с двумя другими петропавловцами несколько раз обращались к начальнику Камчатки Ошуркову с жалобой на это и просьбой принять меры к защите запретного района и наказанию Машигина. Начальник как-то сказал им: “Делайте с нарушителем, что хотите”. По словам Машигиных, П. Карякин с товарищами подкараулили Н. Е. Машигина чуть ли не на Кроноцкой реке, когда он выходил из своей юрты, и всадили в него залп из винтовок. Вернувшись, они доложили начальнику, что Машигин исчез, всего вероятнее, уехал на каком-либо корабле в Америку, и принесли 40 соболей, как бы брошенных им в юрте. Хотя Карякин и его сподвижники уже умерли, но Машигины не забыли этого и теперь перенесли свой гнев на детей покойного».*

В убийстве Николая Егоровича Машихина, как мы выяснили, помимо Петра Корякина, принимали участие крестьянин Георгий Поротов, камчадал Иннокентий Слободчиков и казак Максим Киренский (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 104, л. 5 об).

Вот некоторые подробности о Петре Михайловиче Корякине, петропавловском мещанине за 1893 г.: 43 года (то есть 1850 г. р.), жена Парасева Федоровна (40), дети: Владимир (17), Михаил (14), Параскева (8), Василий (5), Николай (3). С ним жила и

его мать – Анастасия Дмитриевна Непомнящая (63) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

В связи с 200-летием присоединения Камчатки к России петропавловскому мещанину Петру Корякину вручена в 1897 г. медаль «За усердие». Умер Петр Михайлович 24 октября 1904 г. на Лопатке при охране бобровых лежбищ и был похоронен 29 октября напротив Трех Сестер (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 11; ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Его сын, Корякин Михаил Петрович, был участником обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Петропавловская дружина), исполнял дела Петропавловского городского старосты в 1907 г.

О другом его сыне – Корякине Николае Петровиче, 1890 г. р., мы нашли сведения в «Книге памяти жертв политических репрессий». Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: 3 класса; б/п; был кладовщиком АКО; место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 19.03.1933. Осужд. 01.01.1934, тройкой при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Расстрелян в январе 1934. Имущество (дом, скот) конфисковано. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Судя по запросам в государственный архив Камчатской области, на Камчатке и по сей день живут потомки Петра Михайловича. Вот какие выписки из метрических книг Петропавловского собора были получены о носителях этой фамилии: Корякина Евдокия Владимировна. Род. 9 ноября 1898 г. Родители – Петропавловский мещанин Владимир Петрович Корякин и законная жена его Евдокия Николаевна. Восприемники – Петропавловский мещанин Николай Гаврилович Григорьев и жена Петропавловского мещанина Василия Давидовича Варрен – Мария Константиновна.

Корякина Ольга Михайловна. Дата рождения – 21 сентября 1901 г. Родители – Петропавловский мещанин Михаил Петрович Корякин и законная жена его Александра Григорьевна. Восприемники – начальник Петропавловской округи статский советник Петр Александрович Ошурков и жена Петропавлов-

ского мещанина Петра Михайловича Корякина – Параскева Феодоровна.

Корякина Анна Владимировна. Дата рождения – 28 марта 1913 г. Родители – мещанин города Петропавловска Владимир Петрович Корякин и законная жена его Евдокия Николаевна. Восприемники – камчадал Толбачинского селения Иван Викторович Метевский и жена мещанина города Петропавловска Иннокентия Полуевктовича Бушуева – Екатерина Семеновна. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1913 год, ГАКК.)

Опубликованы интересные воспоминания правнучки Петра Михайловича – Солейчук (Сновидовой) Людмилы Ивановны о родословных связях их фамилии (см. очерки «Бушуевы», «Гарднеры»).

Встречается и другое (вероятно, ошибочное) написание этой фамилии: Корюкин Алексей. Участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Петропавловская дружина).

В годы Второй мировой войны Петропавловским военкоматом был призван на действительную службу ефрейтор Валерий Николаевич Корякин, 1924 г. р. Он погиб 18 января 1945 г., захоронен на Киверском кладбище ст. Киверцы Ровенской области, Украина.

КЕЛТЯКИНЫ (КОЛТЯКИНЫ, КИНТЯКИНЫ)

Такого разнообразия вариантов, сколько родила фамилия камчатского казака Гавриила Келтяки, покорившего вместе с Иваном Козыревским в 1711 г. Курильские острова – Шумшу и Парамушир («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л., 1935 г., стр. 35), мне еще не приходилось встречать, хотя все эти варианты географически привязаны к одному географическому месту – селению Крутогоровскому.

Судите сами (все варианты мы даем на основе архивных документов): Келтякин Григорий (Гаврилович?) – казак, бит кнутом в Большерецком остроге как один из виновников Харчинского бунта.

Калтякин Федор, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (всадник конной дружины), с. Крутогорovo (он же – Калтяков Ф., он же Кинтякин Федор).

Кальтакин Федот, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Облуковинская дружина), с. Крутогорovo (он же – Колтакин Феодосий).

Кильтакина Лидия Феодотовна. Родилась 19 марта 1919 г. Родители – гражданин селения Крутогорovo Феодот Михайлов Кильтакин и жена его Анна Саввовна. Восприемники – гражданка селения Крутогорovo Феоктиста Николаева Ворошилова. Священник Тимофей Бучинский с псаломщиком Кириаком Верецагиным. (Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1919 г., ГАКК.)

Колтакина (Серебренникова) Александра Ивановна. Дочь камчадала Крутогоровского селения Ивана Корниловича Колтакина сочеталась первым браком 26 января 1914 года с личным почетным гражданином Владимиром Алексеевичем Серебренниковым. (Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1914 г., ГАКК.)

Колтакина (Сметанина) Зинаида Амвросиевна. Из рода камчадалов Колтакиных (с. Крутогорovo). Родилась в с. Соболево 12 февраля 1928 г. Мать – Колтакина Екатерина Михайловна – родилась 16 октября 1895 г. в Крутогорovo. Родители матери – камчадал Крутогоровского селения Михаил Корнилович Колтакин и его жена Агриппина Самсоновна. Отец – Сметанин Амвросий Кузьмич – родился в 1882 г. в селении Халактырка (г. Петропавловск-Камчатский). Арестован в 1932 г. и посажен в тюрьму на три года, в 1938 г. умер в поселке Ольга Приморского края, куда был сослан. Опубликовала свои воспоминания (см. очерк «Сметанины»).

Кильтякин Никифор Иосифович. Дата рождения – 7 февраля 1916 г. Дата крещения – 20 февраля 1916 г. Назван Никифором в честь муч. Никифора, празднуемого Св. церковью 9 февраля. Восприемники – мещанин города Петропавловска Камчатской области Николай Мануилович Косыгин и Духовного звания Таисия Петровна Сновидова. Таинство крещения

совершал священник Николай Карякин. (Выписка из метрической книги, данной из Владивостокской Духовной консистории для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1916 год.)

Кильтякина Фекла Федотовна. Дата рождения – 19 ноября 1916 г. Родители – камчадал Крутогоровского селения Федот Михайлович Кильтякин и законная жена его Анна Саввична. Восприемники – крестьянская жена города Петропавловска Екатерина Михайловна Сметанина. Таинство крещения совершал священник Федор Воронцов. (Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1916 год, ГАКК.)

Кильтякина Анна Михайловна, жена Саввы Макаровича Самборко. Более подробно об этой ветви духовных потомков Гавриила Келтяки рассказывает известный соболевский краевед Владимир Иванович Самборко: *«Жена Саввы Макаровича Самборко – Кильтякина Анна Михайловна. В метрической книге Облуковинской церкви за 1888 год записано: Имя родившейся – Анна, дата рождения – 25 июля 1888 года, дата крещения – 15 августа 1888 года. Родители – камчадал Крутогоровского села Михаил Корнилович Кильтякин и законная жена его Агриппина Семеновна (Селивановна, в некоторых записях Самсоновна), оба православного вероисповедания. Восприемники – камчадалская вдова Морошечного села Екатерина Дмитриевна Тешкина (скорее всего, Тескина). Таинство крещения совершал священник Андрей Серебренников. Согласно переписи населения от 1893 года в исповедной росписи записано: Михаил Корнилович Кинтякин (в дальнейшем видоизменилась на Кильтякин, Колтакин), Агриппина Селивановна (Семеновна – где-то опечатка). Их дети: Лидия – 19 лет, Надежда – 18 лет (будущая жена Василия Спешнева, прабабушка Нади Радьковой), Ираида – 9 лет, Федот – 7 лет, Анна (Самборко) – 5 лет. В 1895 году у них родилась дочь Екатерина, которая впоследствии вышла замуж за Амвросия Сметанина. Самая младшая – Мария – данных нет. Надежда Кильтякина (Кинтякина, Колтакина) вышла замуж за Василия Спешнева (не знаю отчества). У них родились дети Федор, Харлампий, Петр и Михаил. Федор Васильевич*

Спешнев – отец известных в Соболево Елизаветы Федоровны Радьковой, ветерана войны Спешнева Ливерия Федоровича, а также Геннадия, Николая, Натальи, Ольги, Анатолия Спешневых. Жена Федора – Ворошилова Александра Николаевна из Крутогоровских. У Харлампия Васильевича и его жены Марии (первый муж Марии был Деревянченко, у них была дочь Зоя) родились Пантелей, Ливерий. У Петра Васильевича Спешнева и его жены Екатерины дети Анатолий, Лина (Басенко), Юрий, Иван, Майя (Артемьева) и Владимир. Михаил Васильевич и Пелагея Спешневы – родители Владимира Михайловича (бывшего начальника Соболевского ЛТЦ-3), Лидии Михайловны (по первому мужу Корчагина, сегодня Трофимчик в Мильково), Надежды Михайловны Хаустовой и Вениамина Михайловича Спешнева. Анна Кильтякина вышла замуж за Самборко Савву Макаровича. Их дети Алексей, Екатерина Борисевич, Таисия Рыбалко, Клавдия Борисова, Александра Спешнева, Татьяна Трапезникова, Надежда Кабанова, Варвара Толстихина, Иван. Екатерина Кильтякина вышла замуж за Сметанина Амвросия. Их дети Борис Сметанин, Валентин Сметанин, Николай Сметанин, Галина (Груня) Заколутина, Зинаида Сметанина, Александра Иванова».

Сам Самборко Савва Макарович (1880–1934) родился в с. Косаново Каменец-Подольской губернии. Савва Макарович Самборко приехал на Камчатку с братом Устином в 1905 г. с Каменец-Подольской губернии, проживал в селе Соболево. Был женат на Анне Михайловне Кильтякиной, имел десять детей. Арестован и раскулачен в 1931 г., в 1934 г. расстрелян.

«После установления Советской власти в Соболево организовали кооперацию. Инициатор – Савва Макарович Самборко. В 1923 году пай 25 рублей. Члены правления: Владимир Семенович Спешнев, Диомид Васильевич Трапезников, Петр Васильевич Спешнев, Савва Макарович Самборко и Георгий Каллистович Трапезников. Председатель – В. С. Спешнев, заместитель – Г. К. Трапезников, руководитель торговым отделом – С. М. Самборко. Купили под магазинчик небольшой домик. Скупали у населения пушнину, мясо и обменивали первые годы на продукты и мануфактуру, которую привози-

ли американцы. Когда в Петропавловске организовался “Интегралсоюз”, то стали работать с ним. В. С. Спешнев умер и Г. К. Трапезников пять лет руководил кооперацией. В расчетах помогал секретарь парторганизации Александр Гаврилович Носырев. Потом появился счетовод и бухгалтер. Открыли отделение в Иче и Пымте. Позднее на побережье была создана рыболовецкая артель, подчиняющаяся “Интегралсоюзу”. В ней состояли села Соболево, Русь, Брюмка. У артели было правление из семи человек. Петр Иванович Панчу заведовал рыбным отделом – был уполномоченным по отправке рыбной продукции, сдавал рыбу в город, закупал продукты и мануфактуру. Мастер по приготовлению икры – Лупандин Алексей Васильевич. Секретарь – Александр Петрович Колов. Рядовые члены правления: С. М. Самборко, П. В. Спешнев, К. В. Трапезников, Г. К. Трапезников. Артель имела морской невод, лебедку, один катер, моторную лодку, два больших грузовых кунгаса, поднимающие до 100 центнеров рыбы, три больших барака и три столовые. Во всем обходились своими силами. Сдавали 25–30 тысяч центнеров рыбы. В путину работали семьями. Позже вышестоящая организация ДИОС (Владивосток) дала распоряжение открыть рыбный промысел кооперации, ей сдала все артели, а через год кооперация передала промысла АКО. Старый С. М. Самбоко сам выращивал овощи в парниках, помог наладить это дело в колхозе. В 1935 г. с га собрали 12 тонн картофеля» (1981 г., 24 февраля, газета «Рассвет»).

«Кто же были эти и десятки других людей, арестованные на западном побережье Камчатки весной и летом 1931 г. и сведенные... в “контрреволюционную, шпионско-вредительскую и повстанческую организацию”? Главным образом, рыбаки-охотники (вот откуда оружие!). Многие – если следовать классовой “разбивке” – середняки, несколько бедняков и кулаков. К последним причислили бывших купцов и торговцев. В эту группу попали житель Хайрюзово Семен Васильевич Моисеенко и соболевчанин Савва Макарович Самборко (из бедняцкой, кстати, семьи), расстрелянные в 34-м по иному делу – “Автономная Камчатка”. Но объединяло их не только

социальное положение и участь: оба они имели по две коровы. Падеж им, надо думать, не грозил...» (В. П. Пустовит).

Лишен избирательных прав как «служитель культа». Из материалов по реабилитации: Родился в 1879 г., Украина, Каменец-Подольская губ., Гайсинский уезд, с. Косаново; украинец; малограмотный; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Соболево. Арестован 13 августа 1931 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 7 сентября 1932 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 4. п. 5 УПК из-под стражи освобожден. Арестован повторно 23 февраля 1933 г. Привлекался по т. н. делу «Автономная Камчатка». Тройкой ПП ОГПУ ДВК 01.01.1934 г. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР приговорен к ВМН. Дата расстрела неизвестна. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО от 27 апреля 1957 г. Реабилитирован 3 августа 1959 г. Реабилитирован по этому делу определением Военного трибунала ДВО. Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.

Македон Федорович Колтакин, участник Великой Отечественной войны, призванный Усть-Большерецким райвоенкоматом, защищал город-герой Ленинград и погиб при прорыве его блокады.

КИРЕНСКИЕ

В 1893 г. в Петропавловске служили в казачьем ведомстве братья (вероятно, сводные) Киренские: Илья Петрович (24) и Максим Иванович (31), жена – Ирина Федоровна, дети – Николай (4), Евгения (2). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Максим Иванович участвовал в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. в составе Петропавловской дружины.

КИСЕЛЕВЫ

Мы уже касались этой весьма любопытной для историков фамилии в очерке «Зыряновы». Это старая казачья фамилия, которая, возможно, как и фамилия Корякиных (Карякиных) связана своим происхождением с легендами и мифами рус-

ских старожилов, нашедших некогда свой приют во время Великой Смуты в маленьком северном поселке Русское Устье на берегу Северного Ледовитого океана, а затем проторивших дорогу на Камчатку и в Русскую Америку, то ли спасаясь от царской немилости Романовых, то ли, наоборот, расширяя и укрепляя Российскую империю на ее восточных окраинах.

Мы напомним предположения А. Л. Биркенгофа («Потомки землепроходцев», изд. «Мысль», Москва, 1972 г., стр. 90–92) об американских связях этой фамилии:

«В рассказах русскоустыинцев своеобразно переплетаются правдивые исторические сведения – сказание о плавании Ивана Реброва и другие – и воспоминания об известных событиях 1647 г.: о восстании якутских служилых людей и бегстве их (“от ратной службы”, в передаче индигирщиков) вниз по Лене “на море” (в тундру?) и далее на Анадырь, “в Заносье”. При этом события в Якутске, который для русскоустыинцев еще в недавнем прошлом был столь же далек, как и легендарный “Российск”, предание переносит в “Россию”. (*Может быть, и поводом для утверждения о “боярском” происхождении русскоустыинцев послужило то реальное обстоятельство, что среди землепроходцев были и “сыны боярские”.) Другое сказание русскоустыинцев говорило, что предками их были выходцы с Анадыря. И от этой версии не стоит отмахиваться. Кстати сказать, среди индигирщиков были фамилии, общие с фамилиями казаков, служивших на Анадыре, например, Киселевы, предки русскоустыинцев. (**С фамилией Киселева связана версия об исчезнувшей так называемой Новгородской колонии на Аляске – селении Казилове у устья реки Казиловой (или река Киселева), в районе Кенайского залива, где в 1957 г. были обнаружены остатки древнего, вероятно, русского, поселения 300-летней давности (см. П. Л. Биркенгоф. “К вопросу о древней “Новгородской колонии” на Аляске. – “Известия Всесоюзного Географического общества”, 1967, № 4)».

Газета «Якутия» напомнила о том, что в чукотском походе Федора Чукичева в 1641 году с ним был и казак Киселев: «К сей челобитной вместо служилого человека Федора Чукичева по его велению Ерофейко Киселев руку приложил»

(www.gazetayakutia.ru/archive/print.asp?id=29770-4&dates=9/1/2003).

Напоминаю, что Борис Петрович Полевой напрямую связывал фамилию Федора Чукичева с фамилией Ивана Камчатого, именем которого, по мнению известного историка, назван наш полуостров.

А вот и продолжение этой «американской» легенды:

«В 1944 г., во время Второй мировой войны, в период советско-американского сближения, вызванного борьбой против общего врага, в США вышла в свет сенсационная статья историка Теодора С. Фаррелли об обнаружении на северо-западном берегу Америки на Кенайском п-ве следов русской постройки будто бы... 300-летней давности. Обратив внимание на появившуюся в самом конце XVIII в. у русских миссионеров в Русской Америке легенду о проникновении в Америку группы новгородцев, будто бы бежавших в 1571 г. от преследований Ивана Грозного, Теодор Фаррелли поспешил объявить, что найденное на Аляске строение якобы принадлежало беглым новгородцам.

...Версия же о новгородцах, поплывших на восток, родилась впервые в индигирском селении Русское устье. Именно тут появилась курьезная легенда о том, что местные Корякины будто бы являются потомками «новгородских» (Б. П.) Куракиных. Легенда о новгородцах, однако, была поддержана некоторыми миссионерами в Русской Америке еще в самом конце XVIII в. Приверженцы этой версии не учитывали главного: в XVI–XVII вв. на пути у русских мореходов в Ледовитом океане были многие непреодолимые препятствия, и в первую очередь паковые льды в нескольких труднопроходимых зонах. Безусловно, самой трудной зоной был район Таймыра. Ни в XVI, ни в XVII в. эту зону никто по морю преодолеть не смог. находка следов русских мореходов в заливе Симса у о-вов Фаддея дала повод кое-кому утверждать, что русские мореходы еще в начале XVII в. смогли обогнуть Таймыр. Но гораздо правдоподобнее точка зрения знатока Таймыра В. А. Троицкого, считавшего, что русские смогли проникнуть в этот район со стороны р. Хатанги и р. Пясины. Вторая труднопроходимая зона находилась между реками Ха-

танга и Оленек. На Оленек же русские впервые вышли в 30-е гг. XVII в. со стороны Лены. Поэтому наивно думать, что кто-либо из новгородцев в середине XVI в. мог бы при тогдашних примитивных судах пройти весь Северный морской путь и достичь берегов Аляски. Но, к сожалению, эта фантастическая версия продолжает и теперь нередко повторяться в научно-популярной литературе и кинофильмах» («История Русской Америки», т. 1, М., 1997, стр. 19–21).

Но вернемся к Киселевым. Эта фамилия на Камчатке не сохранилась. В 1812 г. мы обнаруживаем Киселевых в Камчатском гарнизонном батальоне (вполне вероятно, что это потомки камчатских казаков): рядовые Камчатского гарнизонного батальона Киселев Степан Кириллович (27 лет) и Киселев Василий Пантелеевич (35), а также Киселев Егор Вавилович, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 15 лет. (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церковей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.) В 1844 г. фамилия Киселев зафиксирована в с. Тигиль (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 1, д. 268). За 1865 г. имеется архивная запись о петропавловском казаке Киселеве Софонии Петровиче (ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1). Последнее обнаруженное нами упоминание об этой камчатской фамилии относится к 1893 г. – вместе с семьей казака Степана Федоровича Попова проживал его брат Иван Федорович с женой Евдокией Степановной (в девичестве Киселевой). С ними жила и сестра Евдокии Стефанида Степановна Киселева (21). Возможно, это дочери или внучки молодого кузена (брата жены) боцмана Василия Усова, известного нам по событиям обороны Петропавловского порта, когда англо-французы захватили русский бот, груженный кирпичом, на котором находилась семья боцмана Усова (см. очерки «Усовы» и «Ополченцы») и несколько матросов (в том числе и знаменитый матрос Семен Удалов, и юный матрос, племянник жены Усова, Киселев). Позже Камчатский флотский экипаж был переведен в Николаевк-на-Амуре, и, вполне возможно, что там эта фамильная ветвь сохранилась. На Камчатке род-

ственная связь Киселевых-Усовых сохраняется по линии русинцев (жителей с. Русь) Копьевых, потомков Анны Васильевны Усовой, бабушка или прабабушка которой, жена боцмана Василия Усова, была из рода Киселевых – камчатских казаков, солдат, матросов и проживала в селе Озерновском (расположенном на реке Озерная-восточная).

КЛИМОВСКИЕ

В 1748 г. эта фамилия появляется при крещении камчадалов-аборигенов в селении Оглукомина (Оглукоминском, Облуковино).

Возможно, новокрещенные получили ее от фамилии священника (по крайней мере, известен по делу Ивана Козыревского Климовский Семен, священник Якутской Троицкой церкви, но нет никаких сведений, что представители этой семьи священнослужителей были в тот период на Камчатке), более вероятно другой вариант – фамилию эту им дали в память о приказчике Камчатки боярском сыне Иване Климовском, который правил полуостровом в 1720 г.

В период русско-японской войны 1904–1905 гг. были высоко оценены действия по обороне Камчатки Степана Климовского, старосты с. Облуковино, он был награжден Георгиевским крестом 4-й ст. за участие в боевых действиях на р. Ича и Колпакова 8 июня и 27 июля 1904 г. (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Участие в боях с японскими хищниками принимали также Поликарп и Иван Климовские.

По Исповедальной росписи Облуковинской церкви за 1893 г. мы попытались найти героев обороны Камчатки.

В семье Андрея Семеновича (Софроновича? – неразборчиво) было несколько сыновей: Захарий (18), Иоанн (14), Поликарп (10), Капитон (6).

Сведения о самом старосте: Климовский Степан Евстратович (28 лет), жена Анастасия Ивановна (22). Детей еще нет. В 1896 г. родится Леонтий Степанович, информацию о котором мы получили по базе данных о жертвах политических репрессий в Камчатской области.

Климовский Леонтий Степанович. Родился в 1896 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино; русский; образование низшее; б/п; был членом охото-рыболовецкого колхоза им. «17-й Партконференции». Проживал: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино. Арестован 24 января 1940 г. Приговорен: военный прокурор войск НКВД по Камчатской обл. 4 октября 1941 г., обв.: по ст. 58-1а-2-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 2 января 1990 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Здесь же сведения и о его земляке (вероятно, из рода Тарасия Петровича Климовского):

Климовский Афанасий Федорович. Родился в 1897 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино; камчадал; образование 3 класса высшего начального училища; был рыбаком-охотником (с 1921 г. – псаломщик сельской церкви, был в 1927–1928 гг. лишен избирательных прав как «духовный служитель»). Проживал: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино. Арестован 10 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 10 марта 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Имущество конфисковано. Расстрелян 22 августа 1938 г. Реабилитирован 25 декабря 1958 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда («Православие и Советское государство на Камчатке», «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр.197, 200).

И вновь знакомые имена: Климовский Анатолий Леонтьевич, Климовский Алексей Поликарпович, призваны Усть-Большерецким РВК, погибли (вероятно, 18 августа 1945 г. при штурме острова Шумшу).

Климовский Анатолий Михайлович, рядовой, 1921 г. р., призван Усть-Большерецким РВК, погиб в мае 1945 г.

КЛИМОВЫ

На примере фамилии Климовых мы можем проследить цепочку переходов носителей этой фамилии из одного сословия в другое: служилые – военные – крестьяне (или мещане).

О том, что служилый Климов обжился на Камчатской земле, сообщает нам С. П. Крашенинников: «Из *Верхнего Камчатского острога* поехали *генваря 2 дня 1739 года* часах в 10 поутру (рядом с *Верхнекамчатским острогом*. – *Ред.*). ...*Шачалмынки* речки, от речки *Жупанки* в 1 версте, вышла из болот и впала в *Камчатку* реку от вершины верстах в 3 по течению с левой стороны, она течет подле *Камчатки*. Приехав к ее вершине, ехали вниз по ней до ее устья; немного пониже вершины между нею и между *Камчаткою* над протокой есть иноземческий острожек, *Уэролатын* называемой, строения в нем одна юрта, 6 балаганов, да два балагана и сарай служивых *Климова* да *Чюдинова*, ясаиных пять человек, в том числе *собольников* двое, *луччей* мужик *Ниничь*» (Крашенинников С. П., «Описание земли Камчатки», М-Л, 1949 г., стр. 655).

О Климовых-военных мы находим сообщение в Камчатских росписях 1812 года Успенской и Николаевской церковей города Нижнекамчатска (РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4): Климов Иван Иванович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 23 г.

А Климовы – авачинские крестьяне – и по возрасту, и по отчеству вполне могли быть прямыми родственниками Ивана Ивановича, переселившегося из города Нижнекамчатска в село Авача после расформирования Камчатского гарнизонного батальона:

Климов Роман Иванович, Авача, крестьянин, 1893 г., 64 г. Жена Параскева Алексеевна (65). Дети: Евфимий (40), Дарья (29), Елизавета (24) (дочь ее незаконнорожд. Ксения – 8 мес.). Климов Евфимий Романович, Авача, крестьянин, 40 лет. Жена Феодосия Александровна (31). Дети: Николай (13), Иннокентий (10), Ольга (7), Иван (5), Мелания (3).

Климов Дмитрий Иванович, Авача, крестьянин, 56 лет. Жена Наталья Ивановна (49). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

КЛОЧЕВЫ (см. также КОЛЫЧЕВЫ)

Эта фамилия камчадалов-аборигенов из сел Харчино и Ушки в долине реки Камчатка, которая была получена ими при крещении. Возможно, первоначально: Колачевы? В архиве мы

нашли вот такую запись, которая могла бы помочь нам воссоздать историю появления этой фамилии: Колачев Василий, 1836 г., отставной казак, проживающий в с. Старый острог (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 27). Или, может быть, Колычевы (но это отдельная история)?

Среди участников обороны Камчатки в период русско-японской войны мы находим в Усть-Камчатской дружине, защищавшей от японских «хищников» восточнокамчатские лососевые реки, двух Клочевых – Семена (из Харчино) и Александра (из Ушков).

По метрическим записям о рождении мы установили отчества героев обороны Камчатки: Клочев Василий Семеонович. Род. 5 августа 1909 г. Родители – камчадал селения Харчинского Семеон Васильевич Клочев и законная жена его Евдокия Нифонтова. Восприемники – крестьянин селения Ключевского Дмитрий Кириакович Брагин и жена крестьянина того же селения Михаила Иоанновича Ушакова Екатерина Александровна. Свящ. Михаил Ерохин. (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1909 год, ГАКК.)

Клочев Николай Александрович. Род. 21 апреля 1916 г. Родители – камчадал селения Ушковского Александр Спиридонович Клочев и законная жена его Ирина Васильевна. Восприемники – крестьянин селения Крестовского Матвей Васильевич Рыков и дочь умершего камчадала селения Ушковского девица Аграпина Феофилактовна Тюменцева. Свящ. Николай Каргопольцев. (Выписка из метрической книги Нижнекамчатской церкви за 1916 год, ГАКК.)

КОЗЛОВЫ

Казачий род, который, вероятно, угас. Сведений о нем у нас совсем немного. Нижнекамчатские казаки.

Козлов Родион Кириллович. Казак Нижнекамчатской казачьей команды, 58 лет. Жена Анна Марковна (39). Воспитанник их Лев (2). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Его сын: Козлов Андрей Родионович. Сотник Нижнекамчат-

ской казачьей команды, 27 лет. Жена Агафья Саввична (24). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

КОЛЕСОВЫ

Род камчатских служилых.

Камчатского приказчика Кобелева сменил Михаил Зиновьев (Многогрешный, Черкашенин) и правил Камчаткою с 1703 до 1704.

А далее читаем в «Заметках при чтении “Описания земли Камчатки” Степана Петровича Крашенинникова» Александра Сергеевича Пушкина, собиравшего материал по камчатским событиям, результатом которых стал знаменитый Харчинский бунт.

«§ 20

Осенью 1704 года приехал его сменить пятидесятник Василий Колесов. Он сидел на приказе по апрель 1706 года. При нем был первый поход в Курильскую землицу, и человек 20 курильцев объясачено, прочие разбежались.

§ 21

На смену ему послан был еще в 1704 якутский сын боярский Василий Протопопов да казак Василий Шелковников; но они не доехали и от олюторов убиты на пути с 10 человеками служивых.

§ 22

В конце августа 1706-го года сидячие коряки Косухина острожка (около реки Пенжины), близ Усть-Таловки, умышляли нападение на Колесова. Но он о том был уведомлен от сидячих коряков другого (Акланского) острожка, им соседнего. И он прибыл в Якутск благополучно.

§ 23

На Акланском острожке жил он 15 недель, ожидая зимнего пути. Здесь застал он 7 казаков, оставшихся после Шелковникова с подарочной и пороховою казною, посланной в Камчатские остроги. Колесов отправил их туда, дав им 21 человека из своего отряда и назнача им в начальники Семена Ломаева, которому поручил он и сбор ясака во всех трех острогах.

§ 51

10 сентября 1712-го прибыл на Камчатку Василий Колесов, уже бывший там приказчиком и из казацких пятидесятников пожалованный дворянином по московскому 342 списку. Он из Якутска отправлен был на смену Севастьянову в 1711 и дорогою получил указ о розыске над убийцами трех приказчиков. По прибытии своем он казнил двух человек смертию, других торговою казнию. Иван Козыревский, по смерти Анцыфорова бывший в Большерецком остроге приказчиком, высечен плетью; но Кыргызов не пошел под суд к Колесову, острога своего ему не сдал и с 30 человеками, при пушках, приехал к Нижнему острогу, грозясь его разорить; в это самое время большевецкие казаки приехали туда с повинною.

§ 52

Колесов, опасаясь, чтоб обе сии стороны не соединились, запретил было ехать всем им в острог. Но Кыргызов не послушался, въехал со всеми своими людьми, стал содержать крепкий караул днем и ночью. Он требовал от Колесова, чтоб сей дал ему указ идти на проведование острова Карагинского, а между тем подговаривал нижнешантальских казаков. Не успев ни в том, ни в другом, возвратился он в Верхний острог. Казаки его разделились на две стороны, не видя надежды сделать суда и мимо Нижнего проплыть в море. Кыргызова посадили в казенку. Колесов (в 1713) принял Верхний острог, Кыргызова с главными сообщниками казнил смертию, других кнутом; послушные служивые пожалованы в конные казаки, а заказчики в дети боярские. Козыревского с 55 казаками и 2 пушками послал Колесов на Большую реку строить суда и заслуживать свои вины, проведывая новых островов и Японского царства.

§ 53

Козыревский исполнил сие поручение. Он привел в ясак жителей Курильской лопатки, покорил первые два Курильских острова и привез Колесову известие о торговле сих островов с купцами города Матмая (IV – 214).

§ 54

Колесова в 1713 сменил дворянин Иван Енисейский».

Позже на Камчатке служили сыны боярские Назар и Петр Колесовы, казак Иван Колесов. А якутские казачьи корни этой фамилии были еще более древними: «Якутский казачий десятник Михаил Колесов был сборщиком ясака. В 1652 году он находился в Уяндинском зимовье на Индигирке. В 1654 году Колесов ходил совместно с Андреем Горелиным из Зашиверского острога на ламутов, причем в бою с ними был ранен. В 1659 году Колесов был послан из Якутска в Мегинскую волость для сбора ясака. В 1660–1662 годах Михаил Колесов находился в Нижнеколымском остроге, откуда совершил походы на юкагиров и чукчей; в 1662 году ходил из Верхнеколымского острога на ламутов. В 1665 году Колесов был послан из Якутска сухим путем на Индигирку, Алазею и Колыму. В 1670 году он должен был совершить плавание из Колымы в Лену, чтобы отвезти в Якутск соболиную казну. Однако на пути кочи “взял замороз”. Колесов, покинув кочи, с трудом доставил казну на нартах в Янское зимовье. Здесь он оставался до 1671 года, причем сильно голодал (“ел сосну и траву”). Весной 1671 года нанял оленей и с их помощью доставил казну в Якутск».

Поэтому петропавловские мещане Колесовы вполне могли происходить от потомков камчатских казаков.

Но, как выяснилось, происходят они из купцов: «...Ефим Федотов Колесов записался в 1852 г. в Петропавловский порт и по округу онаго местным купцом; начал он торговать в округе; но, не обладая наибольшим капиталом, ни связями в Европейской России для выписки непосредственно оттуда товаров, он забирал таковые у крупных Петропавловских фирм» (Прозоров А. А., «Экономический обзор Охотско-Камчатского края», стр. 63).

Интересные сведения об этой фамилии приводит в своих воспоминаниях Феодосий Македонович Бобряков («Воспоминания камчадалов и старожилов Камчатки», Петропавловск-Камчатский, 2007 г.): «Купец Колесов приехал примерно в 1873 году из Якутии, у него детей не было. Он привез работника Решетникова и усыновил его детей Иннокентия и Матвея. Фамилию Колесова носили Никита, Константин, который бо-

лел лепрой. Он хорошо пел, девки часто ходили его слушать. Иннокентий учился в Иркутске, а Матвей в Японии 2 года, вернулся в 1920-х годах. У Иннокентия первый сын работал зав. клубом. Потом уехал в Петропавловск-Камчатский. Служил в армии, был полковником, командиром дивизии».

Следовательно, петропавловский мещанин Колесов Иннокентий Иванович, проживавший в с. Мильково (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1910 г., ГАКК) – это на самом деле Иннокентий Решетников.

Из этого же рода Колесовых, вероятно, происходит Колесов Георгий Александрович, имя которого мы обнаружили в базе данных о жертвах политических репрессий на Камчатке. Родился в 1894 г., г. Петропавловск-Камчатский; русский; малограмотный; б/п; был кузнецом Ключевского лесокombината. Проживал: Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арестован 7 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 10 августа 1938 г., обв.: по обвинению в «контрреволюционной агитации» (без ссылки на закон). Приговор: ВМН. Расстрелян 22 августа 1938 г. Реабилитирован 10 ноября 1960 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

А это, вероятно, сестра Георгия Александровича: Ситникова Ольга Васильевна. Мать – Игай Лидия Михайловна, родилась 24 октября 1919 г. Удочерена Игай Михаилом в п. Ключи, до замужества – Колесова Анна Александровна (с. Мильково) («Воспоминания камчадалов....»).

Но, вполне возможно, что на Камчатке существовала и другая самостоятельная ветвь фамилии Колесовых (возможно, потомков казаков): в 1885 г. псаломщиком в Петропавловском порту служит некто Федот Колесов, о котором больше мы ничего не знаем. (ГАКО, ф. 220, оп. 1, д. 8.)

КОЛЛЕГОВЫ (КОЛЕГОВЫ)

Духовным патриархом рода камчатских Коллеговых был нижнекамчатский казак Евдоким Колегов (Колыгов), который оставил свое имя при крещении камчадалов. Сам казачий род Колеговых (Колыговых) угас, а Евдоким известен тем, что за свои действия и поступки, приведшие камчадалов к Харчинс-

кому бунту 1731 г., был публично порот вместе с другими своими «коллегами» на площади Нижнекамчатского острога. Но еще больше он прославился в веках своей фамилией.

Одним из восприемником Евдокима Колегова был, например, тойон Умьевушка, или Дранка, который вместе с тойоном Ивашкой и толмачом с пакетбота «Святой Петр» Алексеем Лазуковым возглавили бунт против камчатских казаков и священников (подробнее об этом в очерке «Толмач со «Святаго Петра») – Степан Евдокимович Колегов (в память о нем носит свое название река Дранка). Другим восприемником Колегова был тойон Начика (в честь которого назван мыс на восточном побережье Камчатки) – Иван Колегов. Вместе с Умьевушкой и Начикой участвовали в бунте против камчатских казаков и миссионеров крещеные коряки Даниил и Семен Колеговы, камчадал Ломач (Колегов Потап) и другие.

В 1749–1750 гг. фамилия Коллеговых появляется в камчадальских острожках Еловском и Камаковском. В 1893–1894 гг. эта фамилия отмечена среди камчадалов сс. Харчино и Еловка.

Коллегов Никандр Феофилактович. Родился 29 октября 1894 г. Родители – камчадал Еловского селения Феофилакт Иоаннович Коллегов и жена его Дарья Афанасьевна. Восприемники – камчадал того же селения Димитрий Иоаннович Чурин. Свящ. Никандр Шергин. (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1894 г., ГАКК.) Возможно, это потомки Сидора Васильевича Колегова, еловского камчадала, который в 1773 г. в составе промышленников на боте «Святой Евпл» ходил осваивать будущую Русскую Америку (Макарова Р. В., «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века», М., 1968 г.).

Но главным крестным сыном Евдокима Колегова был, конечно, тойон Лыкоч.

«После первого Ключевского священника Максима, внука иеромонаха Иосифа Лазарева, вторым священником был Григорий Коллегов. Отец его природный камчадал, тойон Ключевского острожка Лыкоч, в крещении наименованный Никитой Евдокимовым Коллеговым, сделался за смьшленость свою любимцем архимандрита Хотунцевского, и был первым цер-

ковным старостой, при начальной Ключевской церкви. Григорий поступил в 1760 году пономарем к сей же церкви, а в 1777 году 7 января рукоположен иркутским епископом Михаилом I во священника. Скончался 27 февраля 1797 года. Место умершего занял сын его Михаил, рукоположенный в священника 21 апреля 1799 года иркутским епископом Вениамином. За пастырские труды Михаил был впоследствии украшен наперсным крестом. А в 1842 году преосвященным камчатским Иннокентием, совершавшим первое служение в Ключевской церкви 15 декабря, – как в воздаяние заслуг, так и в ознаменование дня открытия камчатской епархии, Михаил почтен саном протоиерея. Скончался в сентябре 1852 года. Место его занял сын его Илья (Коллегов Илья Михайлович, священник, 46 лет. Жена Мария Егоровна (44). Дети: Илларию (7), Иннокентий (5). Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год) сын последнего – Коллегов Иннокентий Ильич, священник Тигильской Христорождественской церкви (в 1893 г. дети – Македоний (21), обучался в Благовещенской духовной семинарии), Мария (19), Надежда (16), Людмила (3). Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК. – С. В.). И уже один из внуков его Михаил священствуем в Камчатке. Только род Коллеговых чисто камчадалский упрочился на служении церкви». (Труды Киевской духовной академии. Киев, 1861 г. Прокопий Громов. «Историко-статистическое описание камчатских церквей»).

А вот и другие подробности о деятельности священнослужителя Михаила Григорьевича Коллегова на Камчатке: «Петропавловские священники Георгий Логинов, Александр Логинов, Михаил Коллегов, будучи неоднократно призываемы к служению молебствий о даровании победы над врагами, совершали их во время действий неприятельской эскадры с очевидной опасностью для жизни. Под сильнейшим огнем эскадры они являлись сами на батарее, именем Бога Живого ободряя защитников» (А. П. Сильницкий, «Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлеченные из дел Владивостокского портового архи-

ва». «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009 г., стр. 53).

В 1854 г. за участие в обороне Петропавловского порта был награжден и дьячок Петропавловского собора Коллегов Моисей (Горчаков А. А., «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105).

Через полвека аборигены Коллеговы и Колеговы примут участие в обороне Камчатки от японцев. Вот имена героев.

Колегов Иван, староста с. Карага. Награжден серебряной медалью за участие в боевых действиях в период русско-японской войны 1904–1905 гг.: «За усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берегов» (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

Коллегов Иван (Усть-Камчатская дружина), с. Нижнекамчатск. Вероятно, это Коллегов Иван Михайлович, который был награжден серебрянной медалью на станицлавской ленте. (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Коллегов Алексей (Усть-Камчатская дружина), с. Ключи.

Коллегов Михаил (Большереецкая дружина), с. Большереецк.

Коллегов Геронтий Васильевич, потомок тойона Лыкоча, был последним священником Нижнекамчатской Успенской церкви, в 1920-х годах, как «служитель религиозного культа» он был лишен избирательных прав, как и его коллега из Большереецка священник Коллегов Геронтий Кириллович (Глинчикова Е. В., «Православие и Советское государство на Камчатке». «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр. 196–197).

Коллегов Александр Васильевич. Родился в 1890 г., Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; русский; образование: церковно-приходская школа; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арестован 4 июля 1938 г. Приговорен: Камчатский облсуд 17 мая 1939 г., обв.: по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет с поражением в правах на 5 лет. Имущество конфисковано. В ходе доследования обвинение не подтверди-

лось. Постановлением КОУ НКВД от 30 июня 1942 г. на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 27 сентября 1988 г. Реабилитирован постановлением прокуратуры Камчатской обл.

Коллегов Яков Васильевич. Родился в 1894 г., Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; русский; малограмотный; б/п; был членом охото-рыболовецкого колхоза «Труженик». Проживал: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арестован 6 октября 1938 г. Приговорен: Камчатский облсуд 17 мая 1939 г., обв.: по ст. 58-2-7-10-11 УК РСФСР. Приговор: 15 лет. Определением Судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР от 28 августа 1939 г. срок снижен до 10 лет. Умер в заключении 27 февраля 1941 г. Реабилитирован 27 сентября 1988 г. Реабилитирован постановлением прокуратуры Камчатской обл.

В нашем архиве есть сообщение о внучке Геронтия Коллегова – Александре Павловне. Возможно, призванный Усть-Камчатским райвоенкоматом Коллегов Петр Павлович (1923 г. р.), ее брат. Он погиб на фронте 23 апреля 1943 г.

Михаил Григорьевич Коллегов был последним дьяконом Большерецкой церкви и отцом большого семейства.

Коллегов Михаил Григорьевич сочетался браком 5 февраля 1903 г.

Жених – потомственный почетный гражданин, 19 лет. Невеста – Воровского селения дочь умершего камчадала Григория Петровича Спешнева девица Иульяния, 21 год, первым браком. Поручители: по жениху – Петропавловский мещанин Николай Александрович Ворошилов и и. д. псаломщика Кириак Верещагин; по невесте – Воровского селения камчадалы Александр Григорьевич Спешнев и Акиндин Михайлович Спешнев. Священник Григорий Коллегов. (Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1903 г., ГАКК.) Его отец: Коллегов Григорий Михайлович, священник Большерецкой Успенской церкви в 1893 г., 37 лет. Жена Евдокия Алексеевна (36). Дети: Михаил (11), Алексей (9), Анатолий (6), Вера (3), Ксения (14). (Исповедальная роспись Большерецкой Успенской церкви за 1893 г., ГАКК.)

Его сын – Колегов Григорий Михайлович. Родился 19 марта 1905 г. в с. Большерецк. Сельский разъездной псаломщик, в 1922–1923 гг. – секретарь религиозного общества в селе Старый Большерецк. До 1920 г. жил в с. Кихчик. Вместе с попом Бучинским ездил в с. Озерное. Затем проживал в с. Кавалерское. Окончил сельскую школу. Из крестьян. Дед священник, отец середняк, в прошлом псаломщик. Камчадал. Арестован 20 декабря 1934 г. Приговор – три года исправительно-трудовых лагерей – вынесен 5 сентября 1935 г. (Глинчикова Е. В. «Православие и Советское государство на Камчатке». «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр. 200).

Другой его сын – Георгий Михайлович – был женат на Людмиле Николаевне Селивановой. У них было семь детей. Первенец – Глафира Георгиевна, уехала учиться в Хабаровск. Педиатр, но работать приходилось по всем специальностям. Начинала в 1951 г. работать в с. Майское (Козыревский совхоз), затем – в Усть-Большерецке, затем в п. Моховая г. Петропавловска-Камчатского (наша семья особенно благодарна ей – мои сыновья Алеша и Андрей, когда мы жили на Моховой, были под ее неустанным вниманием. – С. В.). Сестры – Люба, Надя, Таня (Татьяна Георгиевна Куркан, первая заведующая областной научной библиотекой имени С. П. Крашенинникова). Надя училась заочно в Хабаровском техникуме, работала заведующей сберкассой в Зазеркальном. Муж – тралмастер на «Селенуре» (1983 г.). Люба – синоптик, мать двоих детей. Дочь Глафиры – Ирина Коллегова, училась в Хабаровском институте культуры (сейчас она заведует отделом краеведения в краевой научной библиотеке им. С. П. Крашенинникова). Вместе с двоюродным братом Борисом Иннокентьевичем Селивановым поехал учиться в Москву в рыбвтуз Вадим Георгиевич Коллегов. Борис Иннокентьевич работал секретарем Корякского окружкома партии, начальником Камчатрыбвода. Вадим Георгиевич долгие годы был заместителем председателя областного комитета народного контроля.

Николай Иннокентьевич Коллегов – еще один внук дьякона Михаила. Во время Великой Отечественной войны мать

Николая Иннокентьевича – Матрена Кирилловна Коллегова (в девичестве Костенко) была бригадиром рыболовецкой бригады, награждена медалью. Здесь же в Опале рыбачил и отец, тоже награжденный медалью. У Иннокентия Михайловича и Матрены Кирилловны было девять детей. Николай закончил в 1964 г. мореходку, ушел в океан – работал с Рязановым на знаменитом «Амгу», впоследствии переименованом в «Николая Островского», с П. И. Яроцким на «Пахачах» осваивал промысел нототении, и первыми в экспедиции дали годовой за неполные шесть месяцев. Антарктида и Гавайи, остров Кергелен и полуостров Аляска, юго-восток Тихого океана и Японское море – вот его путь от матроса до капитан-директора. В последние годы работал капитан-наставником в Океанрыбфлоте. Его ученики – В. Ерастов, В. Рыков, В. Гарин – известные в прошлом капитан-директора. Внук Михаила – Вадим Георгиевич Коллегов был летчиком-наблюдателем, с 1960-х гг. он был постоянно на промысле олюторской сельди на северо-востоке Камчатки, потом – на сельди-иваси в районе Южных Курил.

Судьба самого Георгия Михайловича: родился в 1905 г., Камчатская обл., с. Большерецк; камчадал; образование среднее; б/п; был псаломщиком церкви. Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Кавалерское. Арестован 20 декабря 1934 г. Приговорен: особое совещание при НКВД СССР 4 сентября 1935 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 19 февраля 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

В 1906 г. – исполняющим делами псаломщика Дранкинской Иннокентьевской церкви служил Коллегов Михаил Клеоникович, представитель еще одной из ветвей рода Лыкоча. (Выписка из метрической книги Дранкинской церкви за 1906 г., ГАКК.)

12 сентября 2007 г. в Коктебеле в Доме-музее М. А. Волошина были объявлены итоги 5-го Международного литературного Волошинского конкурса. Специальными дипломами председателя жюри была награждены Надежда Коллегова (Обнинск) за рассказ «Мое счастливое детство». Родилась на Кам-

чатке, закончила Московский Государственный Институт Культуры. Работает в Обнинской городской библиотеке. Пишет рассказы с 2004 г. Дебют состоялся в 2006 г. в сборнике «Обнинск литературный». Это издание вызвало в городе оживленную полемику, которая представлена на страницах регионального еженедельника «Московские ворота», журнала «Колокол» и других изданий.

МОЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО

КУКЛА

У моей мамы было трудное, полное лишений детство. И до войны-то жили бедно, а уж после... Бабушка овдовела, мама осталась без отца. Жили с огорода, а летом часть дома сдавали московским дачникам. Место было замечательное – березовая роща, рядом речка. И, видя со стороны благополучных столичных детей, мама представляла, каким оно должно быть, счастливое детство. Устав от бедности, подогретая партийными призывами, мама поехала на Камчатку за своей мечтой – мотоциклом. Но вместо мотоцикла, у неё появилась я.

Мама забросила мотоклуб, её любимым магазином стал «Детский мир». Помню свою немецкую куклу, такой не было ни у одной из моих подружек. Это была белокурая красавица в голубом бархатном платье. У нее закрывались глазки и расчесывались волосы. Мама шила ей роскошные наряды. Сделала ей белую шляпку, тонюсеньким крючочком из цветных ниток мулине связала фрукты – яблоко, банан, грушу и украсила ими тулью. У моей куклы было все. Полный набор мебели, кухонная посуда, фарфоровый сервиз. А еще мама сшила ей одеяло, узорно выстрочила его. Кружевной пододеяльник белой рамой окаймлял темно зеленый атлас. Я спрашивала: «А бывают такие одеяла для детей, а не для кукол»? В общем, я, со своими вечно побитыми коленками, была золушкой-замарашкой рядом со своей принцессой куклой. Я мечтала только об одном, – о волшебной палочке, которой можно было бы чуть-чуть увеличить все это миниатюрное богатство. Ведь это гораздо проще, чем превратить тыкву в карету, считала я.

Мой кукольный мир приводил детей в восторг. У соседского мальчика Гены приближался день рожденья, и он сам выбрал себе подарок – кукольную шляпу с фруктами и уже рваную коробку от медицинского набора. Родители даже не восприняли эту просьбу всерьез и отправили меня с заранее заготовленной книгой. Это было шикарное подарочное издание «Конька-горбунка». Гена разрыдался, гости были в смятении, а мне пришлось идти за заказанной коробкой и шляпой.

Кукольное изобилие постепенно редело, пропадало то зеркальце, то блюдечко – детям трудно расстаться с понравившейся вещицей. Ко мне приходили играть девочки уже из других, более дальних домов, подружки из детского сада. И все с придыханием спрашивали:

– Откуда все это?

А я отвечала:

– С материка.

Значения этого слова я не понимала. Материк для меня был удивительной страной, где всегда тепло. Там цветут сады, на деревьях красуются яблоки, а в домике живет моя бабушка. И еще все цветы, которые нарисованы на моем детском домино и в книжке. А в магазинах там есть все-все, что захочешь. Там есть мороженое в золотинках.

Мама покупает мне много всего разного, а главное – капроновое платье с пышной юбкой. Я похожа на свою принцессу-куклу. Я ставлю ноги в третью позицию, слегка наклоняю голову с огромным бантом, чтобы полюбоваться своими туфельками с золотыми пряжками. Бабушка меня зовет не Надюха, а Наденька. Но все это вдруг заканчивается, и мы опять в холодном краю. Это проделки злой волшебницы, потому что капроновое платье отдано другой девочке, туфли тоже. Мама что-то перешивает, надставляет, извиняющимся тоном всем объясняет – «раннее развитие».

Из принцессы я превращаюсь в золушку. В нашем магазине мне покупают все тусклое и такое же, как у всех. И я опять ношусь с ребятней, не боясь испортить свои наряды, и даже показываю язык некоторым забиякам.

СВЕТ ПОГАС

Добрая фея не забывает обо мне. На улице морозная тьма, пурга воет, а на моем окне расцветают хрустальные сады. В основном это пальмы, я внедряюсь туда, растапливаю иней пальчиком и пишу: «мама». Меня отвлекают от художеств – холодно, закрывают окно темным солдатским одеялом с белой полосой по краю. Комната становится похожей на коробку. Таким же одеялом занавешена дверь, несколько штук лежит на полу, и мне кажется, что эти одеяла размножаются в нашей квартире.

Ура! Свет погас! В такие долгие темные вечера родители принадлежат мне безраздельно. Мама затевает пельмени, и я сажусь лепить их со всеми на равных. На столе горит свеча, воск дрожит и стекает прозрачной светящейся струйкой. Доска постепенно заполняется пельменями. Мамины – ровные пузатенькие, красивые, а мои худосочные, косые, измазанные мясом.

– Смотри, Надюха, твои пельмени, как бичи, а мамини, как сеньоры, – все смеются, а я надуваю губки. Родители начинают успокаивать и хвалить меня. В кухне пахнет лавровым листом, мама колдует у плиты. Отец сажает меня на колени и играет как на баяне на моих боках. То бурно берет аккорды, то трепетно проходит трелями по моим ребрам. Я закатываюсь от смеха. Потом он кладет голову мне на плечо, точно так же, как на свой баян, и его упругие волнистые волосы щекочут мне ухо и шею. Как я люблю тебя, папка!

Мы ужинаем, пьем, обжигаясь, чай из эмалированных кружек. Моя – самая красивая, на ней цветет розовый тюльпан, такой же, как в бабушкином саду на материке. Розовый – мой любимый цвет. Я звонко втягиваю чай, складывая губы трубочкой, я спешу.

– Папка, поиграем?

Отец берет меня на руки, накрывает одеялом с головой, кружит и опускает в каком-то месте комнаты. Я должна сказать, где я нахожусь. Я все время угадываю, потому что в топке трещат дрова и я «пляшу от печки». И даже мама, стучащая посудой не в кухне, а в комнате не может сбить меня с толку. Отец кружит меня, кружит, и я постепенно засыпаю. Он укачивает меня, и я вижу кораблик, который выпал мне сегодня на гада-

нии. Это гадание на карточках, я срисовала его у Нинки Синегубовой. Там роза означает любовь, письмо – свидание, а выпадет кораблик – будет тебе безбрежное счастье.

МАМА И КАЛМАЗАН

Моя мама была самая лучшая. Она так вкусно готовила, что более смачно, чем дома, я не ела нигде. Они с отцом вставали в семь утра и вместе возились на кухне. Отец растапливал печь: клал два полена, потом перекладинку, сверху лучинки, потом дрова. В образовавшуюся пещерку под перекладинкой засовывал бумагу и поджигал. Треск горящих дров будил меня, в доме становилось тепло, разносились аппетитные запахи, и я вставала. Из-за этих лакомых завтраков и обедов мама каждый день опаздывала на работу. Она бежала туда бегом. Я часто провожала ее взглядом, и мне было немного жалко маму, мне казалось, что бегом должны бегать только дети. Она скрывалась за домами, а я ждала, когда покажется ее фигура на горбатом мостике, под которым был транспортер, он тянул бревна из реки на пило-раму. Мама работала на пристани, где начальником был Зиновий Калмазан. Мама говорила ему: «Я специально опоздала на пять минут, чтобы вечером вы отпустили меня на пять минут пораньше». Каждый вечер мама ходила в кино, ровно в шесть часов начинался сеанс. Калмазан отпускал ее на десять минут раньше, потому что он не хотел, чтобы мама опять бежала бегом. Он любил маму. Ведь она хорошо работала и могла придумать все, что угодно: всякие поздравления, стенгазеты, разыгрыши. С ней всегда было очень весело. Когда мама рассказывала про работу и своего Калмазана, у нее загорались глаза, она смеялась, а я с тупым упорством спрашивала: «А как мне этого Калмазана звать? Дядя Зина?» Мама была такая хорошая, и мне было удивительно, что ей не дали ордена. Я ее спрашивала:

– Почему ордена дали тете Лене?

– Потому, что она дружит с начальством.

Я ничего не поняла, мне казалось, мама тоже дружит с начальством и даже ходит в гости к нему и его жене Калмазанихе, у которой нет вкуса. Мама объяснила, что ордена, это которые на войне давали, а эти, так себе... Я поняла примерно

так, что их дают подлизам. Да еще нужно быть рабочим и желательнее не пить.

УЖАСЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Двор нашего дома был совершенно голым: ни деревца, ни кустика, не говоря уже о детской площадке. Как будто, отвоевав у лесной чащи место под солнцем, люди относились к растительности как к сорнякам в огороде. Не за что было зацепиться глазу, все на виду. Жутким монстром в глубине двора стояла уборная с буквами «Ж» и «М». Она была густо засыпана дустом, от запаха которого я почти теряла сознание, страх провалиться в огромную дыру преследовал меня все раннее детство. Безысходный, покорный ужас охватывал меня при одной мысли, что мне придется посетить это цепенящее заведение. Редко удавалось приблизиться к нему незамеченной. Доставалось не только девочкам, но и взрослым.

– Тетя Галя срать пошла, – гоготали мальчишки и разбежались врассыпную.

– Не срать, а какать, – говорила спокойно тетя Галя, и я восхищалась ее невозмутимостью.

(Полностью весь рассказ <http://clibs.obninsk.ru/fac/06.htm>.)

Коллеговы были первыми священниками не только на Камчатке. Вот, что пишут хабаровчане на своем сайте о православии (<http://www.pravostok.ru/ru/journal/jhistory/?id=292>):

«Кто же были первые хабаровские священнослужители? В одном из своих писем конца 1858 – начала 1859 г. святой равноапостольный Иннокентий пишет, что в Хабаровке уже есть священник, временно командированный туда из Николаевска – отец К. Коллегов, “который может там остаться и на будущую зиму”» (1, с. 114). (К слову, «Коллегов» – фамилия весьма распространённая среди дореволюционного духовенства Камчатки и Приамурья.)

Возможно, именно потомки Лыкоча (если это только не однофамильцы) продолжают службу и сегодня во Владимирской области:

http://www.sudogda.ru/news2006/new_0081.htm.

Архиерейская служба под престольный праздник св. блг. кн. Александра Невского.

«Немного неожиданно, но от этого еще более радостно, было прибытие 11 сентября в Судогду на всенощное бдение под престольный праздник Александра Невского Управляющего Владимирской Епархией архиепископа Евлогия. В этот день одиннадцать священников сослужили правящему архиерею. Святительская молитва, назидание священникам и проникновенная проповедь владыки затронула многие души.

По окончании богослужения, за братской беседой вспомнили и отчасти подвели некоторые итоги семилетнего служения в храме благоверного князя Александра, наметили некоторые планы к улучшению дальнейшего служения. Владыко поблагодарил священника Павла Коллегова за проповедь и преподал архипастырское благословение на дальнейшие труды настоятелю, клиру и прихожанам святого храма.

Архиепископ Евлогий в храме Александра Невского
Архиепископ Евлогий в храме Александра Невского
Архиепископ Евлогий в храме Александра Невского

На следующее утро, в день памяти блгв. кн. Александра Невского в Судогодском храме, носящем его святое имя, была торжественно соборно отслужена божественная литургия. Хотя прихожан было не так уж и много, однако все обратили внимание на некую благодатную молитвенную тишину, царившую на богослужении. Настоятель храма в своей проповеди обратил внимание прихожан на богатый примерами опыт для жизни современного человека, находящийся в житии благоверного князя».

КОЛМАКОВЫ

Когда Колмаковы появились на Камчатке мне пока неизвестно, но уже в 1840-х гг. купец Колмаков был городским старостой Петропавловска. Был он и участником Петропавловской обороны: «Жители города составляли отряд из 18 волонтеров. Как отмечалось в воспоминаниях участников последнего боя, 16 камчадалов-охотников, расположившись

на гребне Никольской сопки, метко поражали своими выстрелами отступавшего противника. Известно, что в бою погибли купец Калмаков, сын купца Сахарова, камчадал Дурынин».

В 1893 г. петропавловский мещанин Федор Александрович Колмаков (Калмаков) проживал в Нижнекамчатске.

Более всех известен на полуострове Елизар (Иллиозор) Колмаков, который был городским старостой Петропавловска в самое смутное революционное время, за что и пострадал (материал из базы данных о жертвах политических репрессий на Камчатке): родился в 1870 г., Забайкальская губ. (ныне Читинская обл.), г. Нерчинск; русский; образование самоучка; б/п; являлся городским головой. Проживал: г. Петропавловск-Камчатский. Арестован 22 ноября 1922 г. Приговорен: выездная сессия Приморского губсуда 23 июля 1923 г., обв.: по ст. 58-2 УК РСФСР (по т. н. «Думскому делу»). Приговор: к 5 годам условно. В связи с амнистией ВЦИК по случаю 5-й годовщины Октябрьской революции, срок сокращен наполовину. Имущество (1/4 часть) конфисковано. До 1932 г. был фотографом-кустарем, работал по заказам АКО. Арестован повторно 26 марта 1932 г. Тройкой ПП ОГПУ ДВК 19 мая 1932 г. по ст. 58-10 УК РСФСР лишен права проживания в 12 населенных пунктах ДВК и ВСК. Имущество (два дома в Благовещенске и Петропавловске-Камчатском) конфисковано. Реабилитирован по этому делу заключением УВД Камчатского облисполкома от 3 июня 1993 г. В деле 1932 г. есть упоминания об аресте Е. А. Калмыкова в 1930 г. Обвинялся по ст. 59-12 УК РСФСР и был осужден на 3 года условно. Дело не сохранилось. В примечаниях: арестован в третий раз 13 июня 1933 г. Привлекался по т. н. «Автономная Камчатка». Тройкой ПП ОГПУ ДВК 01.01.1934 г. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР приговорен к ВМН. Расстрелян в январе 1934 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО от 27 апреля 1957 г. Реабилитирован 24 сентября 1992 г. Реабилитирован по этому делу заключением прокурора Камчатской обл.

КОЛМОГОРОВЫ

Пока мы нашли только два упоминания о камчатских Колмогоровых: Колмогоров Алексей, служилый человек, бит кнутом в Нижнекамчатске как один из виновников Харчинского бунта.

Колмогоров Василий Кирикович, казак, принимавший участие в обороне Петропавловского порта в 1854 г., из Охотской сотни. (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 2, д. 128.)

КОЛОКОЛЬНИКОВЫ

В 1750 г. эта фамилия появляется у камчадалов селения Еловка. Мы нашли человека, которому первоначально принадлежала эта камчатская фамилия: казак Петр Колокольников – мастер из Нижнекамчатска, согласившийся построить в 1742 г. для компании Басова шитик «Святой Петр» в долг. Именно этому судно суждено было открыть для россиян путь в Русскую Америку.

Фамилия на Камчатке не сохранилась.

КОЛЫЧЕВЫ

На Камчатке было несколько ветвей Колычевых – казаков, новокрещеных камчадалов и ссыльных.

Первое найденное нами упоминание о казаках, относятся к первой половине XVIII века:

Колычев Алексей, приказчик, 1719 г.

Колычев Осип, служилый, 1731 г., убит в устье реки Еловки участниками Харчинского бунта.

Колычевы, казачьи дети, 1731 г., убиты участниками Харчинского бунта («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр. 64, 71).

Последнее упоминание о казаках Колычевых (Колачевых): Колачев Василий, 1836 г., отставной казак, проживающий в с. Старый острог. (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 27.)

КОЛЫЧЕВЫ – ССЫЛЬНЫЕ

Колычев Василий. Сослан на Камчатку по делу царевича Алексея Петровича. По сообщению историков: был сыном кормилицы «мамки» Колычевой (Колычева Мавра Григорьевна – ур. кн. Долгорукова, дочь князя Гр. Ив. Д., с 1668 г. жена Ив. Мих. К-ва, мамка царев (потом импер.) Петра I Алексеевича. Она после 1700 г. Прибавление: Колычева, Мавра Григорьевна, ур. Долгорукова, мама царевича Петра Алексеевича (имп. Петра I), жена чашника царя Алексея М., воеводы в Вологде Ивана Мих. Кол.; овдовев в 1713 г., она пошла в монастырь.

Колычевы по материнской линии идут от князей Лыковых, Андрей Курака (колено XX):

Юрий Чапля (кол. XX).

Никита Слепой (кол. XXI).

Федор Плющица (?–1628) (кол. XXI).

Иван Иванович Дуда (кол. XXI).

Михаил Юрьевич (?–1579) (кол. XXI) женат на Евфимии (?–09.06.1604).

Алексей Федорович (?–1656) (кол. XXII).

Борис Михайлович (?–08.06.1646) (кол. XXII), женат на Настасье Никитичне Романовой (?–09.10.1655), родной тети царя Михаила Федоровича.

Марья Алексеевна (кол. XXIII), замужем за боярином Семеном Лукьяновичем Стрешневым, братом царицы Евдокии Лукьяновны.

Михаил Иванович (13.07.1640–14.02.1701) (кол. XXIII), женат на Анне Григорьевне Вердеревской (?–01.06.1678).

Иван Борисович (?–1624) (кол. XXIII).

Ульяна Борисовна (?–1607) (кол. XXIII).

Прасковья Алексеевна (кол. XXIV), замужем первый раз за Иваном Кирилловичем Нарышкиным, второй раз за Колычевым. Мамка царевича Алексея Петровича.

Марья (1662–1752) (кол. XXIV), замужем за кн. Василием Юрьевичем Одоевским.

Прасковья Михайловна (?–07.10.1685) (кол. XXIV), замужем за кн. Анкитой Ивановичем Репневым.

Род Лыковых-Оболенских пересекался в 1701 г.

Лыковы-Оболенские князья (угасший род).

Князей Лыковых до 1701 г. в шести коленах (XVIII–XXIV) было без родоначальника тридцать шесть лиц мужского пола. У родоначальника было пять сыновей: Василий Иванович, Михаил Иванович, Федор Иванович, Иван Жила и Иван Белоглазой (XVIII кол.). Белоглазой имел сына Ивана (11), а Жила – Иосифа (10), бездетного. У (2-го) Михаила Ивановича Лыкова (XVIII колена) был сын (бездетный) Роман (9), а от сына Белоглазова, князя (XXI кол.) Ивана (11) Ивановича, пошла ветвь Белоглазовых-Лыковых в лице трех его сыновей (XXI кол.): Федора (17), Бориса (18) и Семена (19). У Бориса Ивановича были сыновья (XXII кол.): Петр (30) и Григорий (31) (стольник 1636 г.), имевший сына Ивана Григорьевича (35), стольника в 1673 г., да дочь Марью (XXIII кол.). Старшая ветвь рода князей Лыковых пошла от князя Василия Ивановича, у которого было три сына (князья XX колена): Иван Васильевич (6), бездетный Андрей Васильевич Курака (7) и Юрий Васильевич Чапля (8), боярин князя Владимира Андреевича Старицкого. У Ивана Васильевича было три сына (князья XXI кол.): Никита Иванович Слепой (12) – отец князей (XXII колена): Никиты (20), Федора (21) и Григория (22) Никитичей, не оставивших потомства; 2) окольничий 1622 г. (1628 года) Федор Иванович Площица – отец двух сыновей (князей XXII кол.): стольника Алексея Федоровича (23) (1656 г.) и стольника же Ивана (24) Федоровича. 3) Третий сын Ивана Васильевича – Иван Иванович Дуда (14) – имел только двух бездетных сыновей (князей XXII кол.): Федора (25) и Григория (26) Ивановичей Дудиных-Лыковых.

А Юрий Васильевич Чапля (8) имел бездетного сына Ивана (15) и воеводу Михаила Юрьевича (16), убитого в Ливонии на штурме Сокола 1579 года. От брака с Евфимиею, в схеме Евфросиниею (9 июня 1604 г.), Михаил Юрьевич оставил двух сыновей (князей XXII колена): боярина Бориса Михайловича (27), женатого на сестре патриарха Филарета, тетке царя Михаила Федоровича, Настасье Никитичне Романовой (9 октября 1655 г.). Супруг ее умер уже 8 июня 1646 г., не

оставив потомства, потому что сын Иван (1624) и дочь Ульяна (1607) умерли в младенчестве. Не оставил потомства и его брат Федор Михайлович (28).

Род князей Лыковых продолжался до XXIV колена детьми Федора Площицы в лице стольника Алексея Алексеевича (31) – сына Алексея Федоровича (23), и боярина Михаила Ивановича (32) – сына Ивана Федоровича (24). У Алексея Алексеевича была сестра Марья Алексеевна, вышедшая за брата царицы Евдокии Лукьяновны, боярина Семена Лукьяновича Стрешнева, и три дочери (XXIV кол.): Прасковья, бывшая за Иваном Кирилловичем Нарышкиным, Марья (1662 г., 1752 г.) – за князем Василием Юрьевичем Одоевским – и Настасья Алексеевна. А у боярина князя Михаила Ивановича Лыкова (род. 13 июля 1640 года, 14 февраля 1701 года) от брака с Анною Григорьевною Вердеревскою (1 июня 1678 г.) был сын Иван, в младенчестве, и дочь Прасковья Михайловна (7 октября 1685 г.) в браке с князем Аникитой Ивановичем Репниным. Княжна Прасковья Алексеевна, дочь князя Алексея Алексеевича, в первом супружестве Нарышкина, а во втором Колычева, была мамкою царевича Алексея Петровича и пережила его и Петра I. Во время процесса царевича ее, однако, не трогали, взяв письмо его».

Колычевы были в прямом родстве с боярами Кобылиными, из которых происходили русские цари Романовы.

Кобыла Андрей Иванович – московский боярин середины XIV века, предок царя Михаила Романова. О нём есть лишь одно летописное известие: в 1347 г. великий князь Симеон Гордый посылал его в Тверь за невестой. В XIV веке, когда многие московские бояре ссылались на западное происхождение своих родоначальников, появилось предположение о приезде Кобылы на службу к Калите из Пруссии; позднейшие генеалогии составили пышные родословия Кобылы, обратив его в сына знатного владетеля прусского Гланда-Камбила Дивоновича, в крещении Ивана, который приехал в Россию в последней четверти XIII века из Литвы или «из Прусс». В начале XX века ряд исследователей с большей или меньшей определённою высказывается за происхождение Кобылы из Нов-

города, из прусского конца (Н. П. Петров, Н. П. Павлов-Сильванский, Г. С. Ш. и П. Г. Васенко). А. А. Зимин (1970-е гг.) относит происхождение Андрея Кобылы к коренным московским (и переяславским) землевладельцам.

Так или иначе, у Кобылы по родословцам было пять сыновей, родоначальников многих боярских и дворянских фамилий (если быть точными, то 17-ти дворянских домов):

– Семён Жеребцов, родоначальник Лодыгиных (внесены в VI часть родословной книги Тамбовской и Тверской губерний), Коновницыных (позже графов) и угасших Кокоревых и Образцовых.

– Александр Елка, родоначальник Неплюевых и Колычевых.

– Василий Вантей или Ивантей – по родословцам бездетен.

– Гавриил Гавша – родоначальник Боборыкиных.

– Фёдор Кошка, родоначальник Романовых, Захарьиных, Шереметевых, Епанчиных и угасших Голтыевых, Яковлевых, Лятских, Беззубцевых.

От братьев Андрея Кобылы происходят Трусовы и Мотовиловы.

В первом колене Андрей Иванович и его сыновья прозывались Кобылиными, Федор Андреевич и его сын Иван – Кошкиными, сын последнего Захарий – Кошкиным-Захарьиным. Потомки его отбросили прозвище Кошкиных и усвоили себе только фамилию Захарьиных. С VI колена (Юрия Захарьевича) их начали называть Захарьиными-Юрьевыми. Дети Петра Яковлевича и брата его Василия в VI, VII и VIII коленах прозывались Яковлевыми, с Романа Юрьевича – Захарьиными-Романовыми и, наконец, потомки последнего – просто Романовы.

См. Селифонтов, «Сборник материалов по истории предков царя Михаила» (части I и II); П. Г. Васенко, «Бояре Романовы и воцарение Михаила Фёдоровича на царство» (СПб, 1913).

Кобылины внесены в VI часть родословной книги Новгородской и Тверской губерний, а также в VI часть родословной книги Московской губернии.

Захарьины внесены во II и VI части родословной книги Московской, Пензенской и Саратовской губерний.

Епанчины – русский дворянский род, одного происхождения с Романовыми, Шереметевыми, Колычевыми и др. Родоначальник их, Семен Константинович Епанча, правнук боярина Андрея Ивановича Кобылы, жил во второй половине XV века. Иван Епанчин отличился при отражении поляков от Волоколамска. Род Епанчиных внесен в VI часть родословной книги Тульской и Новгородской губерний.

Колычевы – русский дворянский род, происходящий от боярина Андрея Ивановича Кобылы. Иван Андреевич в 1499–1502 гг. был наместником в Новгороде. Иван Васильевич Колычѳв в 1517 г. одержал победу над литовцами под Коломной. Фѳдор Степанович (умер в 1570 г.) был митрополитом московским с именем Филиппа. Степан Андреевич, стольник и первый герольдмейстер, в 1722 г. составил записку о выезде Андрея Ивановича Кобылы в Россию. Степан Алексеевич (1746–1805) был посланником в Вене и Париже. В 1875 г., за смертью последнего представителя рода Колычевых, гофмейстеру барону М. Л. Боде дозволено принять фамилию и герб Колычевых и именоваться бароном Боде-Колычѳвым. (См. барон М. Л. Боде-Колычѳв, «Боярский род Колычѳвых», М., 1886). mirslovarei.com, www.russianfamily.ru, lib.rus.ec

О камчатской судьбе ссыльного ее сына Василия Колычева нам пока ничего неизвестно, но есть факты, что ссыльные призывались на государеву службу, как, например, ссыльный Секерин (Сикерин), или доживали свой век на Камчатке (как Сновидов или Ивашкин – см. очерк «Камчатские ссыльные»).

КОМАНДОРСКИЕ

Командорский Александр Ксенофонович, камчадал селения Начики, 1893 г., 45 лет. Жена Доминика Андреевна (42). Дети: Василий (24), Иван (17). Василия жена Анна (25). Дети их: Александра (4), Константин (5 м.). (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.)

Можно предполагать, что свою фамилию камчадалы Командорские получили в память о капитан-командоре Витусе Берин-

ге (вполне возможно, если их крестили священно- и церковнослужители Волковы, участники Второй Камчатской экспедиции, – на Курильских островах в то время появилась у тойона фамилия Шпанберхов, примерно в это же время на Камчатке появляются фамилии Чириков и Елагин, происхождение которых также можно связать с именами морских офицеров).

Но это пока только предположения.

КОНЕВЫ

Это одна из старейших сохранившихся до нашего времени казачьих фамилий на Камчатке. Патриарх этого рода Василий Конев был сборщиком ясака и бит кнутом в Нижнекамчатске как один из виновников Харчинского бунта 1731 г.

Казак Николай Конев, член Петропавловской дружины народного ополчения, награжден Георгиевским крестом 4-й степени за боевые действия в период русско-японской войны 1904–1905 гг. – под огнем японцев вынес из Петропавловского управления казенную пушнину (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

Судя по всему, это Конев Николай Никитич, служащий казачьего ведомства, 35 лет. (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Участвовал в боях с японцами в составе Большерецкой дружины и другой Конев – Степан Степанович, матросский сын (27 лет в 1893 г.), который жил в с. Гольгино.

В рапорте М. И. Сотникова, который командовал Большерецкой дружиной, упоминается и Ф. Конев – камчадал Федор Конев – из селения Явино.

Но, исследуя материалы метрических записей Большерецкой Успенской церкви, мы установили, что камчадал Федор Конев, как и матросский сын Степан Конев, проживал в селении Гольгино: Конева Екатерина Ивановна. Вдова камчадала селения Гольгинского Поликарпа Конева, 1893 г., 30 лет. Дети: Ксения (8), Федор (6), Алексей (2). (Исповедальная книга Большерецкой церкви, 1893 г., ГАКК.)

В 1905 г. Федору Поликарповичу было уже восемнадцать лет, так что он вполне мог быть дружинником.

Мы знаем, что коренные жители сел Явино и Гольгино – это курильские камчадалы (айну), переселившиеся на Камчатку в 1878 г. с Курильских островов Шумшу и Парамушир. Вполне вероятно, что при крещении курильские камчадалы могли получить казачью фамилию Коневых. Но возможен и другой вариант – камчадалы Коневы, как камчадалы Игнатьевы, на самом деле являются русскими старожилами, поселенными в Гольгино и записанными в камчадалы. Не случайно ведь поселился в Гольгино матросский сын Степан Степанович Конев – скорее всего, перебрался поближе к своей родине.

КОНСТАНТИНОВЫ

С этой фамилией мы встречаемся всего два раза, но нам кажется, что они связаны между собой.

Константинов Григорий Данилович, рядовой городской команды, 41 г. Жена Екатерина Ивановна (41). Дети: Дарья (9), Агриппина (8), Елизавета (4), Анна (1). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Константинов Иов, отставной казак, 1888 г. (ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 10; Исторические тетради Ирины Васильевны Витер).

Фамилия на Камчатке не сохранилась.

КОПЫЛОВЫ

Копыловы – нетитулованный российский дворянский род, герб рода находится в III части «Общего гербовника дворянских родов Российской империи». «История фамилии заложена казаком Копыловым, посланным царицей Екатериной на освоении Сибири и Дальнего Востока в XVIII веке. Основатель рода Дмитрий Елифанов сын Копылов, как свидетельствует его внук, родом был из Москвы и пришел в Томск до 1626 г. и первоначально служил десятником конных казаков, в 1630 г. он стал пятидесятником, а в 1635 атаманом. В 1636 г. он во главе отряда томских казаков отправился на восток для поиска новых земель. На р. Алдан им был основан Бутальский острог, из которого весной 1639 г. вышел отряд под началом Ивана Москвитина для «проведывания» моря, о котором рас-

сказывали эвенки. В том же году томскими землепроходцами было основано первое русское поселение на побережье Тихого океана – в устье реки Ульи, впадающей в Охотское море. После разведки окрестных земель отряд Москвитина соединился с отрядом Копылова в Якутске, откуда они вместе вернулись в Томск (1641). За заслуги в этом походе в 1643 г. он получил чин сына боярского. Во время томского восстания 1648–1649 гг. вместе с сыном Григорием поддерживал воеводу Осипа Щербатого и пострадал от восставших. В 1657 г. вместе с сыном боярским Юрием Едловским ему было поручено построить Сосновский острог южнее Томска. Сыновья Дмитрия основали д. Копылово, где до сих пор проживают потомки знаменитого сибирского первопроходца.

Копыл – это: стояк, стоень, надолба, торцом вставленная во что деревяшка; в санные полозья вдолблены копылы, копылья, связанные поперек саней вязками, а впродоль нахлестками, арх. дровни называют копылом. Лапотная колодка, южн. сапожная и башмачная; новг. палица (пральный валец) с долгою рукоятью, кичига; палица для пранья летом, копыл для зимы. Костр. донце, в которое пряжи вставляют гребень; влгд. топорище. Кривое долото для обделки внутри бортей и улейных колод. Вообще, Копыловы – потомки мастеров по дереву, изготовлявших копылы».

Камчатские Копыловы – это также казачий род, хотя есть и другие свидетельства: Варфоломей Осипович Копылов – «из солдатских детей, уроженец Камчатки». (Камчатская экипажная рота, 1847 год, ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 299.)

Действительно, Копыловы служили в Камчатском гарнизонном батальоне и воспитывались в военно-сиротском доме этого батальона (и для этого вовсе не обязательно было быть сиротами): воспитанники Копылов Алексей Иванович, 16 лет, братья Семен и Роман Гавриловичи 9 и 14 лет соответственно. А рядовым в Камчатском гарнизонном батальоне служил тридцатидвухлетний Иван Дмитриевич (вероятно, отец Алексея Ивановича) Копылов.

Но параллельно мы находим на Камчатке и казаков Копыловых – Копылов, Тигиль, 1844 г. Возможно, это как раз и

есть дальнейшая линия Гавриила или Ивана Копыловых, дети которых после расформирования гарнизанного батальона могли быть поверстаны в казаки.

Далее в истории Камчатки мы прослеживаем две родственные линии казаков Копыловых – тигильскую и петропавловскую.

Копылов Александр Тимофеевич, казак, 23 г. Сын Гурий (2). (Исповедальная роспись Тигильской Христорожественской церкви за 1893 г., ГАКК.) Другой его сын родился после переписи: Копылов Артамон Александрович, 1897 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; камчадал; образование: 3 класса сельской школы; б/п; был рыбаком-охотником.; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 04.05.1934. Осужд. 14.05.1936, КОУ НКВД. Обв. по ст. 58-2-6-7-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-6 УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 13.05.1958. Реабилитирован по этому делу постановлением УКГБ по Камчатской обл. Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.

Копылов Стахий Иванович, отставной казак, 52 года. Дети: Евстафий (21), Михаил (18), Вениамин (10), Улетиния (12). Позже его сыновья примут участие в обороне Камчатки в 1904–1905 гг. в составе и Тигильской, и Петропавловской дружин народного ополчения (Исповедальная роспись Тигильской Христорожественской церкви за 1893 г., ГАКК): Копылов Вениамин Стахеевич (Петропавловская дружина), Копылов Евстафий Стахеевич (Тигильская дружина), Копылов Михаил Стахеевич, 1879 г. р. (Тигильская дружина), позже был репрессирован. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: малограмотный; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 24.09.1937. Осужд. 17.03.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. по обвинению в «проведении контрреволюционной агитации» (без ссылки на закон). Расстр. 20.05.1938. Реаб. 20.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

В Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 г. также отмечена еще одна семья Копыловых: Копылова Мария

Николаевна, вдова казака, 49 лет. Дети ее: законнорожденный Николай (18), незакон. Савва (11), Иннокентий (7).

В составе Петропавловской дружины, помимо Вениамина Стахеевича, из Копыловых были также Иннокентий, С. И. (вероятно, брат Иннокентия – Савва), Прокопий и Прохор – последний был награжден Георгиевским крестом 4-ст. за участие в боевых действиях на р. Жупанова (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

А вот какая версия происхождения этой фамилии на Камчатке существовала в одной из семей Копыловых.

«Прочитав статью Сергея Вахрина “Камчатские просветители Логиновы – Лонгиновы”, посвященную 250-летию Логиновым, хочу сообщить, что мы – Копыловы – тесно связаны родством с ними.

Живу всегда рядом с ними и никогда не видела ни слез, ни паники, какое бы ни было горе, а всегда было желание помочь, успокоить, смириться со своей судьбой, не охать и не ахать, а действовать, жить.

Моя родословная: Копыловы, Бречаловы, Беломоевы.

Мой прадед – Копылов Стахий Иванович (1840–1924 гг.). Когда и как сюда прибыл? По рассказам моей тетушки Копыловой Варвары Михайловны – с Дона. Думаю, что в составе войска Донского в звании казака-кантониста. Жена у него была Наталья Семеновна, вероятно, местная.

Мой дед Копылов Евстафий Стахиевич, 1874 г. р., – льготный казак-кантонист Тигильского казачьего отряда. Его жена, моя бабушка, Бречалова Наталья Константиновна, 1888 г. р., из камчадальской семьи. Мой дед Евстафий, по рассказам моей мамы, был запорот до смерти казаками за высказанное недовольство или бунт где-то в 1917 г. Документов не сохранилось.

У них было пятеро детей, но осталось только двое (остальные умерли младенцами): моя мама Александра, 1909 г. р., и Анна, 1911 г. р. После смерти деда и бабушки еще были Павел, 1919 г. р., и Борис, 1922 г. р.

У моего деда Евстафия были братья: Захарий, Михаил, Вениамин и сестра Устинья. Братья были казаки-кантонисты. Устинья служила в Тигильской церкви просвирней.

Захарий умер в 22 года от паралича сердца. Михаил был женат на Поповой Виктории Федоровне, и было у них 8 детей.

Тетушка Варвара, дочь Михаила, была замужем за Лонгиновым Африканом Петровичем. Но в 1937 г. его и Копылова Михаила забрали и расстреляли в 1938 г.

Много горя пережила моя бедная тетушка, скитаясь с 4 детьми по всей Камчатке, скрывая свои слезы, обиды, но всегда бодрая и деятельная. Она вырастила своих детей, перенячилась со всеми внуками и правнуками. От слез она потеряла зрение и слух. В прошлом году у нее был юбилей 85 лет.

Устинья, сестра моего деда, вышла замуж в 19 лет в 1900 г. за вдовца Логинова Александра Константиновича – псаломщика Тигильской церкви с 3-мя детьми: Алексеем, Ульяной и Прасковьей. Да еще родила 6 детей.

Это была большая дружная семья. Сама Устинья у нас в роду Копыловых и Логиновых является исторической личностью: она была избрана делегатом от Камчатки на съезд в связи с Октябрьской революцией. Насколько она была активной, работоспособной, доброй, отзывчивой – осталась навсегда в памяти всех тигильчан.

Баба Таня Брагина рассказывает, что Устинья, помимо воспитания своих детей, выхаживала всех сирот при церкви, уж не считая того, что она присутствовала при обрядах, а сколько у нее крестников было – не счесть!

“А какие у нее были ласковые, добрые руки! От них исходила какая-то невидимая внутренняя энергия”, – вспоминает Елена Алексеевна Логинова, ее внучка-крестница, которая как бы взбодряла и окрыляла.

Тетя Даша Сивакова рассказывает, что баба Устинья все умела, спокойно передавала все свои житейские навыки. А как она пекла! И тетя Даша была ее ученицей и стала лучшим пекарем и поваром в Тигиле, а ее дети – лучшие кулинары, поробуешь – пальчики оближешь!

Мне посчастливилось в раннем детстве: баба Устинья и меня нянчила. Никогда не забуду ее мягкого голоса, ее сказки. Я не сходила с ее рук и с любовью разглаживала ее тонкие бархатные морщины на больших руках. Впоследствии меня с сес-

трой Розой возили в детясли и детсад, но дорогу к бабе Устинье я отлично знала и часто забегала к ней, а дед Александр Логинов учил меня вязать рыболовные сети.

У деда моего Евставия был младший брат Копылов Вниамин Стахиевич. Знаю по рассказам тетушки Варвары, что накануне реколюции он служил в царской армии в Усть-Камчатске, но никому он не писал, и как сложилась его судьба – неизвестно. Может, кто-то знает?

Моя мама Копылова Александра Евстафьевна воспитывала своих братьев-сирот Павла с 11 лет и Бориса с 9 лет. Она была сильная, энергичная дивчина, несмотря на жизненные невзгоды, совмещала в себе все: и мужские, и женские достоинства. Искусно владела и маневрировала ботом на быстрой реке Тигиль до яров и устья и обратно против течения (у мужчин даже колени дрожали сидя в бату), возила грузы, рыбачила, запасалась ягодами, грибами, а дома пекла пышные пироги, обшивала всю родню и в Тигиле славилась искусством шитья и рукоделия.

Она вырастила братьев. Павел стал учителем, работал в школе, в окружке партии, в нарсуде. Но произошел какой-то моральный надлом в его душе: он стал пить. Борис же был на Дальневосточном фронте и стал офицером ПВО.

Но личная жизнь моей мамы была очень сложная и трудная, нелегко ей было быть и сестрой (за отца и мать) и женой, и матерью своих детей. Я часто вспоминаю, будучи ребенком, с ее любимой сестрой Копыловой Варварой Михайловной или с подругой детства тетей Настенькой Глазуновой (Толстихиной) их затяжные печальные беседы украдкой и плакала над ними. Видать, много горя они испытали.

К сожалению, в 1947 г. я тяжело заболела, и вся наша семья переехала из Тигиля в город Петропавловск, а в 1953 г. наша мама оставила нас – 6 детей – в результате автомобильной катастрофы. Мне, старшей, было 17 лет (из них 4 года в больнице, санатории), а младшему Александру было 9 лет.

Мы барахтались в жизни, как могли, но все получили образование и профессии строителя, учителя, продавца, рыбмастера, врача.

Моим наставником была Елена Алексеевна Логинова – зас-

луженная учительница, мой лучший друг, моя моральная поддержка во всех моих жизненных проблемах. Я очень благодарна ей.

В ответ на письмо Синюковой (Копыловой) Варвары Артамоновны (см. очерк “Лонгиновы-Логиновы”) хочу сообщить следующее: согласно записям в церковных книгах Тигильской церкви у двоюродного брата моего прадеда Копылова Тимофея Васильевича были сын Александр и дочь Александра 1869 г. р. Александр был женат на Беломоевой Манефе Григорьевне. У них были дети: Гурий, 1891 г. р., Афанасий, 1894 г. р., и Артемон, 1895 г. р. Манефа умерла в 1897 г. от чахотки, а Александр умер в 1900 г. от воспаления почек.

В те времена сирот содержали при церкви. В 1900–1901 гг. при Тигильской церкви служили священник Марк Попов и псаломщик Николай Алексеевич Лонгинов. В связи с тем, что у Копыловых умерли Копылов Тимофей Васильевич (1891 г.), его сын Александр (1900 г.), его дочь Александра (1901 г.), его дочь Дарья (1901 г.), легко догадаться, что псаломщик Лонгинов Николай Алексеевич, впоследствии священник, забрал Артемона и воспитал. Так что Варвара Артамоновна, Ваш отец, Артемон Александрович, я уверена, нашел тепло и заботу в семье Лонгиновых.

Трагически сложилась судьба моих предков. За что они страдали? Болели, умирали, их били, их стреляли и много осталось невинных сирот. Я, мои сестры и братья остались без матери. Но спасибо Вам всем, добрые люди! Я с детства всегда страдала, сожалела, что у меня нет старшей сестры, которая родилась и умерла до меня, что нет своего дедушки, которого убили еще до рождения меня, что нет своей бабушки, которая умерла от всех этих стрессов до моего рождения, что вообще всех Копыловых... Где они? Откликнитесь! Ведь меня и всех нас выращивали чужие добрые люди.

Спасибо Вам, тетя Люся и дядя Леня Перемышленниковы, дядя Костя и тетя Надя Ушаковы, дядя Проша и тетя Клава Кантаевы, тетя Капа Шкодина, тетя Феня Юнкина! Дорогие мои, низкий поклон Вам – старожилам и вечный покой, кого уже нет в живых.

Я уверена, что мы оправдали все Ваши надежды и так же, как Варвара Артамоновна Копылова, будем всегда и везде прославлять Ваши добрые сердца и добрые дела в таком суровом краю и в таких условиях нашей родной Камчатки.

*С уважением Нонна Викторовна Подкорытова.
10 февраля 1994 г».*

КАРЕЛИНЫ (КОРЕЛИНЫ)

На Карелиных у нас всего одна запись в нашем архиве: Карелин Павел Игнатьевич. Репрессирован. Родился в 1886 г., Камчатская обл., с. Мильково; русский; малограмотный; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., с. Мильково. Арестован 3 мая 1932 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 26 августа 1932 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: 5 лет. Реабилитирован 20 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Что касается Корелиных (понятно, что это одна и та же мильковская фамилия), то принадлежит она петропавловским мещанам Корелиным – Корелин Павел Игнатьевич. Петропавловский мещанин, с. Мильково, 1907 г.

Потапова Елизавета Захаровна. Родилась 22 июня 1907 г. Родители – крестьянка Мильковского селения (жена) злоумышленно застрелившегося Захара Ивановича Потапова 4 марта 1907 г., вдова Мария Васильевна. Восприемники – жена Петропавловского мещанина Павла Игнатьевича Корелина – Мария Михайловна. Священник Иринарх Малахов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1907 г., ГАКК.)

Хотя в документах можно обнаружить и то, что Корелины – мильковские крестьяне: Корелин Павел Семенович. Род. 15 декабря 1913 г. Родители – крестьянин Мильковского селения Семен Игнатьевич Корелин и законная жена его Мария Онисимовна. Восприемники – крестьянин Мильковского селения Василий Федорович Плотников. Свящ. Павел Ворошилов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1913 год, ГАКК.)

В Мильковской дружине, оборонявшей Западную Камчатку

от японцев в 1904–1905 гг., среди конных всадников был Павел Корелин, вероятно, это как раз и был Павел Игнатьевич Карелин.

В этом есть, конечно, какая-то несообразность, но мы попытаемся найти всему этому объяснение.

Следы крестьян Корелиных мы обнаруживаем в Нижнекамчатске в документах за 1812 г. Именно нижнекамчатские Корелины могли стать петропавловскими мещанами (так как мещане – это городские жители, а в 1812 г. Нижнекамчатск считался еще городом).

И вот результат – в 1812 г. в Нижнекамчатске мы находим Григория Степановича Корелина, мещанина, которому тогда было 17 лет, а через сорок лет обнаруживается еще одна запись о нем: ему уже 58 лет, он по-прежнему мещанин и у него есть восьмилетний сын Игнат (8). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4; Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

В таком случае открывается большая тема для последующего исследования этой фамилии – ведь мещане Корелины происходят от торговцев, купцов-промышленников Корелиных, которые участвовали в освоении Русской Америки (см. роман-исследование «Встречь солнцу», очерк «Тайный умысел Федота»). Патриархом этого камчатского рода был знаменитый зверопромышленник, мореход Степан Корелин.

И тогда Григорий Степанович Корелин – это его сын, нижнекамчатский мещанин, который родился в 1795 г. после возвращения отца из очередного вояжа. Вот, что сообщают историки о Степане Корелине:

«Среди удачливых мореходов из числа вологжан следует отметить уже известных по плаванию с мореходами Степаном Готовым и Иваном Коровиным в качестве рядовых компанейщиков тотмичей Дмитрия Брагина и Степана Корелина. Последний более 15 лет находился в морских вояжах и на промыслах. В 1762 году он отправляется компанейщиком на судне “Захарий и Елизавета” и в течение четырех пол-

ных невзгод и лишений лет участвует в ведении промысла на острове Уналашка. В 1777 году Степан Корелин снова отправляется к островам, уже в качестве морехода. В 1782 году, через год после возвращения с Андреяновских островов, он вновь уходит в плавание на Лисьи острова мореходом на этом же судне и находится на промысле до 1791 года».

«В XVIII веке в трех продолжительных плаваниях по Тихому океану участвовал выходец из верховажских крестьян Иван Иванович Коровин. Заслуги этого морехода высоко оценены потомками. Именем Коровина названы остров в заливе Аляска, пролив между островами Коровина и Попова, бухта у острова Атха в Беринговом море.

В первое плавание Иван Коровин отправился на судне “Св. Живоначальная Троица”, построенном и снаряженном компанией иркутского купца Н. Трапезникова. Из устья реки Камчатки вышли 15 сентября 1762 года и через девять дней плавания прибыли на остров Медный. Там вместе с компанейщиками судна “Захарий и Елизавета” вологодских купцов Кульковых коровинцы вели промысел до следующего лета.

1 августа 1763 года оба судна мореходы повели к Алеутским островам и через 15 дней плавания достигли острова Уналашки. На нем уже промыслили компанейщики с судов мореходов С. Глотова, П. Дружинина и Л. Наседкина. Но вновь прибывшим компанейщикам развернуть промысел не удалось. Разыгралась страшная трагедия. Суда “Захарий и Елизавета”, “Св. Иоанн”, “Св. Николай” и “Св. Живоначальная Троица” были уничтожены островитянами. Из 175 промышленников, прибывших на этих судах, в живых осталось только 11 человек. Среди них мореход Иван Коровин и тотъмичи Степан Корелин и Дмитрий Брагин.

Поплатились за свое вероломство и алеуты. Мореход Иван Соловьев, прибывший на остров на судне “Св. Петр и Павел”, жестоко расправился с островитянами. Он силой заставил их собрать часть имущества, растащенного с судов, добытую компанейщиками пушнину. Взято более 30 человек заложников, среди которых находились и сыновья вождей. Только после этого, сообщал после плавания И. Соловьев, алеуты стали об-

ходиться с русскими дружески. Когда же промышленники стали готовиться к возвращению, заложников отпустили.

Ивана Коровина и оставшихся в живых компанейщиков на Камчатку вывезли мореходы Иван Соловьев на судне “Св. Петр и Павел” и Степан Глотов на судне “Андреян и Наталья”. Прибыли 5 июля 1766 года, а через 20 дней после возвращения И. Коровин подал прапорщику Т. И. Шмалеву подробный рапорт. В нем отважный мореход сообщал о результатах плавания, давал описание исследованных им островов Умнак и Уналашка, сообщал интересные сведения этнографического характера.

Через год после первого вояжа Иван Коровин вновь отправляется в путь мореходом на судне “Св. Петр и Павел”, снаряженном братьями Пановыми. В 1767 году компанейщики прибыли на остров Беринга, где и зазимовали. В июле 1768 года отправились в дальнейший путь на Лисьи острова. Зашли на остров Атту за толмачом (переводчиком) и 3 августа прибыли на остров Аях, который и стал базой экспедиции. Отсюда партии промышленников направлялись на другие острова для охоты на зверей и сбора ясака.

На этот раз Иван Коровин с компаньонами вернулся на Камчатку в августе 1770 года. Добыча “мягкой рухляди” была очень богатой. Одних только морских бобров вывезли 4 524 шкуры, а общая стоимость пушнины привезенной и принадлежавшей компанейщикам составила 284 878 рублей. Из всех предшествовавших экспедиций, а их было более сорока, только одна, направленная тотемским купцом Федором Холодиловым на судне “Андреян и Наталья” (1756–1759 гг.), вернулась с большой добычей. В Большерецкую канцелярию были доставлены интересные географические и этнографические сведения об Андреяновских островах, являвшихся средней группой островов Алеутского архипелага.

О третьей и последней экспедиции Ивана Коровина на судне “Св. Петр и Павел”, принадлежавшем компании тотемских купцов Пановых, известно очень мало. Есть данные о том, что перед выходом в плавание мореходу в Большерецкой канцелярии была дана подробная из 14 пунктов инструкция и ряд ве-

щей для обмена на меха у островитян. Плавание началось в 1772 году. В августе 1773 года Иван Коровин прибыл на остров Атту, а дальше промысел вели на Андреяновских островах. Вернувшись в 1776 году на Камчатку, “мягкой рухляди” привезли всего на 6 915 рублей».

«1762. Вышеупомянутая складственная компания, отправлявшая в 1759 году судно “Захария и Елисавет”, с присоединившимися к оной новыми товарищами иркутским Никифором Трапезниковым (который имел большое число паев в двух судах), лальским Василием Поповым, тотемским Яковом Протасовым, соликамским Иваном Лапиным и проч. отправила четыре судна с тем, чтобы они, осмотрев все острова Алеутской гряды и подле матерого берега Америки лежащие, избрали удобное место для промысла. План сей экспедиции был весьма обширен; но, по несчастному стечению обстоятельств, три судна погибли со всеми бывшими на оных людьми, а последнее, хотя и возвратилось, но не вознаградило даже издержек.

Суда сии именовались: 1) “Захария и Елисавета”, находившиеся под командою курского купца Алексея Дружинина; 2) “Св. Троицы”, под командою Ивана Коровина; 3) неизвестного имени, под командою штурманского ученика Медведева. Но как называлось четвертое судно, и кто оным командовал, того не мог я найти во всех помянутых записках, а известился только, что принадлежало Трапезникову.

Дружинин вышел из Охотского порта 6 сентября 1761 года с экипажем из 34 человек россиян и камчадалов. Октября 11 прибыл он в Петропавловскую гавань и остался там зимовать. Июня 24 числа 1762 года пошел Дружинин опять в море и по десятидневном плавании достиг до ближних Алеутских островов. В сентябре подошел он к Умнаку, виделся там с Готовым и решился идти зимовать на Уналашку. Когда он туда прибыл, дали ему тойоны или старшины аманатов и оказывали всевозможные ласки. Сие приятное расположение диких побудило Дружинина для успешнейшего промысла зверей разделить экипаж свой на три артели и послать оные в разные места.

Дружинин, предполагая найти более выгод на малом остро-

ве Иналаке, перебрался туда с своим отделом, и хотя от живших там тридцати алеут и не приметил никаких неприятностей, однако же построил из предосторожности крепостцу и содержал в ней непрерывный караул. В один день отправил Дружинин пять человек осмотреть расставленные клепцы и по уходе их разсудил с остальными, Степаном Корелиным, Дмитрием Брагиным, Григорием Шавыриным, Иваном Коковиным и еще одним промышленным, коего имя неизвестно, посетить жилища островитян. Побыв там несколько времени, начали уже они собираться домой; вдруг один алеут ударил Дружинина дубиною по голове, а остальные, кинувшись на него, зарезали его ножами. После сего напали они на Шавырина; но он, имея при себе топор, оборонялся оным и бежал в свое зимовье. Коковин, находившийся в сие время вне шалаша, был также окружен, повергнут на землю, и уже островитяне начали колоть его костяными ножами своими, как вдруг прибежал к нему на помощь Корелин и, разогнав сих неистовых алеутов, спас своего товарища. Дикае обитатели острова Уналашки действовали заодно, по обдуманному плану; ибо около сего же времени напали они на остальные две артели и убили всех без исключения. Ни одному из несчастных россиян сих не удалось избежать смерти.

Давыдов говорит в записках своих слышанное им, вероятно, во время пребывания на острове Кадьяке: что когда сии алеуты условились напасть на россиян в разных местах в одно время, то разделили между собою по некоторому количеству лучинок. Лучинки сии условились они кидать ежедневно в огонь по одной, с тем, что когда последняя повержена будет в оный, напасть на русских и лишить их жизни.

Вскоре после сего островитяне напали на зимовье покойного Дружинина, и хотя промышленники, в оном засевшие, стреляли в них из ружей; но, видя, что они продолжают свое нападение, решились по четырехдневной осаде сделать вылазку. Отважные россияне Шавырин и Коковин кинулись первые на диких и, преследуемые товарищами своими, положили на месте троих, ранили многих, а остальных разогнали. Во время осады показывали им дикие с торжеством одежду и оружие

тех промышленников, кои, быв посланы осматривать клещцы, учинились их жертвою.

Сохраня отважностью и смелостью жизнь свою, спустили россияне немедленно байдару и решились плыть к селению Калактак, где находилась вторая артель. Достигши до места сего, удостоверились они скоро, что и сии товарищи их более не существуют, а посему и положили плыть в гавань, где стояло их судно. Зрелище, которое им здесь представилось, поразило их еще более. Судно нашли они разломанным, а взморье покрытым трупами их товарищей. Несчастные промышленники сии, претерпев еще множество разных нападений и бедствий, достигли уже в марте следующего года до корабля Ивана Коровина в таком изнурении сил, что Шавырин испустил вскоре дух свой, а остальные, изнуренные болезнями, вывезены были впоследствии на корабле Соловьева в Камчатку».

И, таким образом, мильковские Корелины – потомки тотемца-морехода Степана Корелина, прижившиеся на Камчатке – нижнекамчатских, а впоследствии петропавловских мещан.

КОРЕНЕВЫ

Камчатский казачий род из Сероглазки. Фамилия, вероятно, не сохранилась на полуострове.

Самый известный из этого рода – Коренев Дмитрий Иванович, служащий казачьего ведомства в Сероглазке, 1893 г., 38 лет. 1901 г. – урядник, начальник Камчатской казачьей команды. Жена Александра Степановна (35). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 10; Исторические тетради Ирины Васильевны Витер.)

В обороне Камчатки (1904–1905 гг.) в составе Петропавловской дружины принимал участие Коренев Петр Иванович, льготный казак в Сероглазке, 1893 г., 35 лет. Жена Анна Васильевна. Дети: Ирина (11), Варвара (9), Александра (5) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

КОРКИНЫ

Одна из самых любопытных фамилий на Камчатке – дело в том, что Коркиным за относительно короткий период своего

пребывания на Камчатке удалось побыть и якутами, и русскими крестьянами, и камчадалами.

В газете «Абориген Камчатки» (27 июня 2007 г.) краевед В. И. Борисов в статье «Был такой художник – Иннокентий Харитонович Коркин» пишет о том, что в 1825 г. «для развития в долине реки Паратунки животноводства по инициативе начальника Камчатки Голенищева переселяется группа ссыльных якутов для заведения “в широком размере скотоводства”. Из этой затеи ничего не вышло, якуты завезли проказу и практически все вымерли. Но сведения о Коркиных остались: Камчатский чиновник в одном из документов указывал – “посетив заведение на Паратунских ключах, я нашел, что дочь якута Коркина Авдотья от проказы очистилась”».

Потом следы Коркиных теряются.

Но мы находим этому объяснение в Ревизской сказке о 13-й народной переписи камчадалов Щапинского селения Петропавловского округа Приморской области 1890 г. февраля 4 дня (ЦГА ДВ, ф. 87, оп. 5, д. 169): Степан Кириаков Татарин и Харитон Иванов Коркин с семействами причислены в Щапинское селение из Николаевского указом Приморского областного правления от 17 августа 1884 г. за № 6583.

В 1893 г. семья Харитона Ивановича Коркина; жена, Агафья Романовна, дети: Михаил (23), Илья (19), Лукиян (15), Петр (5), Ефим (3), Елена (18); считается временно проживающей как крестьяне села Щапино, где рождается 16 ноября 1895 г. и будущий художник Иннокентий Харитонович Коркин (но российский принцип, что в жизни нет ничего более постоянного, чем временное, действовал и в те времена: по выписке из метрической книги Мильковской церкви за 1886 г. Коркины уже числятся камчадалами селения Толбачик, и не случайно, брат Иннокентия Канон Харитонович, взяв в 1917 г. в жены вдову крестьянина Мильковского селения Елизавету Васильевну Плотникову, сам фигурирует в метрической записи как камчадал Толбачинского селения, а не русский крестьянин или тем более якут.

Вот такие превратности национальной судьбы были у предстателей этой камчатской фамилии.

Как пишет В. И. Борисов, Иннокентий Харитонович Кор-

кин был участником гражданской войны, пулеметчиком, «воевал с отрядами Дутова и Каледина», затем он стал самодеятельным художником, работы которого сегодня хранятся в музеях Петропавловска-Камчатского, Хабаровска, Москвы.

КОРНИЛОВЫ

Петропавловские мещане, жившие вдали от Петропавловска – в селении (как оно тогда называлось) на Паратунских ключах: Корнилов Николай Алексеевич, мещанин из селения на Паратунских ключах, 1893 г., 42 года. Жена Александра Ивановна (31). Дети: Николай (10), Харитон (4), Улита (3 м.). Племянник его Алексей Евграфович Корнилов (23). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Эту фамилию мы находим в числе военнослужащих Камчатского гарнизонного батальона: Корнилов Петр Александрович, рядовой, 22 г. (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.) Вполне возможно, что родовая ветвь петропавловских Корниловых напрямую связана с нижнекамчатской ветвью, то есть с потомками военнослужащих, «солдатскими детьми», как, например, фамилия Винокуровых...

Правда, в документах встречаются и крестьяне Корниловы: «Курякова Варвара Иларионовна. Род. 4 декабря 1914 г. Родители – крестьянин селения Паратунки Иларион Пименович Куряков и жена его Иулитта Николаевна. Восприемники – крестьянин селения Паратунки Николай Николаевич Корнилов и дочь мещанина Стефанида Николаевна Корнилова. Священник Петр Васильев. (Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1915 г, ГАКК.) Но крестьянин Николай Николаевич – это ведь родной сын мещанина Николая Алексеевича и родной брат дочери мещанина Стефаниды Николаевны.

В базе данных о жертвах политических репрессий на Камчатке мы нашли дальнейшие сведения о Николае Николаевиче Корнилове: родился в 1880 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Паратунка; камчадал; неграмотный; б/п; был членом охото-рыболовецкого колхоза «Красная звезда». Прожи-

вал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Паратунка. Арестован 19 апреля 1934 г. Приговорен: Особое совещание при НКВД СССР 21 декабря 1935 г., обв.: по ст. 58-7-10 УК РСФСР. Приговор: к одному году под гласный контроль по месту жительства. Реабилитирован 21 февраля 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Сохранились сведения о его брате Харитоне и сесте Улите.

Корнилов Харитон Николаевич. Род. 4 сентября 1889 г. Родители – Петропавловский мещанин Николай Алексеевич Корнилов и законная жена его Александра Ивановна. Восприемники – Николаевского селения крестьянин Георгий Иванович Тюменцев и дочь отставного матроса Василия Петровича Корякина девица Ирина. Свящ. Павел Донской. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1889 год, ГАКК.)

Корнилов Харитон Николаевич, мещанин, г. Петропавловска, 1909, 19 лет, сочетался первым браком. Невеста – крестьянская девица селения Паратунского Петропавловского уезда Приморской области Василия Челпанова дочь Анна, 18 лет. Поручители: по жениху – крестьянин Пермской губернии Федор Сосунов и мещанин г. Петропавловска Николай Корякин; по невесте – крестьянин Тамбовской губернии Иван Васильевич Копонев и казак Терской области Владикавказского округа Х. И. Сальский. Свящ. Иван Пось. (Метрическая книга Петропавловской церкви за 1909 г., ГАКК.)

Корнилова Улита Николаевна. Родилась 15 июля 1893 г. Родители – Петропавловский мещанин Николай Алексеевич Корнилов и жена его Александра Ивановна. Восприемники – Петропавловский мещанин Николай Федорович Калинда и жена Петропавловского мещанина Николая Мутовина Александра Матвеевна. Священник Павел Донской. (Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Судя по многочисленным запросам в архив, продолжатели этого рода живут и сегодня на Камчатке.

КОРШУНОВЫ

Коршуновы – это известная фамилия в селе Мильково, но, как выяснилось, не коренная. Коршуновы на самом деле –

петропавловские мещане. Например, Коршунов Федор Михайлович, мещанин г. Петропавловска: за участие в боевых действиях в период русско-японской войны на Камчатке награжден серебряной медалью. (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Коршунов Николай Михайлович, мещанин г. Петропавловска, 1910 г.

А это сведения о родном сыне Николая Михайловича: Коршунов Михаил Николаевич, 1891 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: малограмотный; б/п; был рыбаком; место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 19.03.1933. Осужд. 01.01.1934 г., тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Расстр.: январь 1934. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Коршуновы были, скорее всего, торговыми людьми, приказчиками торговых компаний, лавочниками, поэтому в документах есть упоминание о том, что среди дружинников, оборонявших Камчатку от японцев в 1904–1905 гг., были Михаил и Алек. (Алексей, Александр?) Коршуновы из Верхнекамчатска (хотя каждый из них тоже мог числиться петропавловским мещанином, как и, например, малкинские Гарднеры).

Встречаются в документах и Коршуновы – уроженцы с. Коряки: Коршунов Василий Иннокентьевич, 1889 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Коряки; русский; образование: малограмотный; б/п; был рыбаком-охотником; место проживания: Петропавловский р-н, с. Мильково. Арест: 24.08.1931. Осужд. 14.01.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 15.07.1964. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Но сохранились сведения о человеке, который, вероятнее всего, приходится братом Василию Иннокентьевичу и был участником обороны Камчатки в составе Мильковской дружины: петропавловский мещанин Михаил Иннокентьевич Коршунов, который сочетался браком в Мильковской Богоявленской церкви (то есть по месту своего жительства) 7 января 1907 г.

Невеста – дочь камчадала Шеромского селения Калиста Ивановича Атласова девица Серафима, 17 лет. Поручители по жениху – мильковские крестьяне Гавриил Михайлович Мальцев, Максим Евстафьевич Бобряков; по невесте – мильковские крестьяне Арсений Феофанович Потапов и Иннокентий Бобряков. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1907 г., ГАКК.) Мильковские краеведы составили подробное генеалогическое древо этой семьи (опубликовано на форуме сайта «Камчадалы.ру»).

В Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 г. мы находим следующие сведения о петропавловской ветви этой семьи: Николай Михайлович Коршунов (24 года), жена его Пелагея Иннокентьевна (23), сын их Михаил (2). Братья и сестры Николая Михайловича: Михаил (22), Прокопий (17), Мария (14), Ольга (11), Иван (7). С ними жил Филарет Прокопьевич Коршунов (29). (Сведения о его отце и сестре: Коршунов Прокопий Николаевич, петропавловский мещанин, умер до 1893 г. На его дочери Агафии (17 лет) женился псаломщик Преображенской церкви Трифон Хабаров в 1893 г. А Коршунов Николай Прокопьевич служил в это время священником этой же церкви.)

Нет в этом списке Федора Михайловича, Иннокентия и Алексея (Александра) Коршуновых, которые, судя по их постоянному месту жительства, исповедывались в Мильковской Богоявленской церкви.

Младший сержант Коршунов Калистрат Михайлович (сын Михаила Иннокентьевича, названный в честь деда Калистрата Ивановича Атласова), 1922 г. р., был призван на войну Мильковским райвоенкоматом и погиб, как и многие его земляки, о которых мы вспоминаем в этой книге, 18 августа 1945 г. при высадке на остров Шумшу, где он и захоронен в братской могиле.

КОСТИНСКИЕ

В числе участников обороны Камчатки в 1904–1905 гг. в составе Петропавловской дружины мы встречаем фамилию Костинский (к сожалению, без имени и отчества).

Из другого документа мы узнаем, что в составе Большерец-

кой дружины оборонял Камчатку житель селения Коловского Петр Костинский.

Но мы пока не нашли никаких следов этой фамилии в других архивных документах.

КОСЫГИНЫ

Камчатские Косыгины – это, как правило, два, вероятно, независимых рода – казаки Косыгины (Тигиль, Сероглазка, Петропавловск-Камчатский) и торговцы (мещане) Косыгины (проживавшие в самых разных населенных пунктах полуострова).

Из числа казаков нам известны в первую очередь участники обороны Камчатки в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Это тигильчане – Александр, Емельян и Михаил Косыгины.

В Исповедальной росписи Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г. мы находим дополнительные сведения о казаках Косыгиных (в том числе и об ополченцах): Косыгин Лука Иванович, отставной казак, 45 л. Дети: Лев (8), Геннадий (5), Наталия (2).

Косыгин Феодосий Иванович, отставной казак (43). Дети: Александр (16), Доминика (13), Фирс (10), Самсон (6), Давид (3), Клавдия (2).

Косыгин Кирилл Иванович, казак, 39 лет. Дети: Матрена (3), Викентий (1). От первого брака: Михаил (16), Мария (13).

Косыгин Аполлинарий Иванович, служащий казачьего ведомства, 1893 г., 35 лет живет в доме Александра Васильевича Юшина. (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Среди участников обороны Камчатки в Петропавловской дружине был Косыгин Иван (вероятно, из мещан). Участвовал в экспедициях Н. Горбунова по защите от японских браконьеров реки Жупановой. (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

Возможно, это был Косыгин Иван Николаевич. Сведения из метрической записи: родился 25 марта 1887 г. Родители – Петропавловский мещанин Николай Николаев Косыгин и законная жена его Александра Петровна. Восприемники – Петропавловский мещанин Иоанн Николаев Косыгин и мещанская вдова

Вера Петровна Красовцова. Священник: протоиерей Петр Донской с диаконом Григорием Коллеговым. (Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1887 г., ГАКК.) Или Косыгин Иван Иннокентьевич, 1878 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: низшее; б/п; был рыбаком-охотником; место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 06.09.1931. Осужд. 28.10.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 30.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл. Торговец, в 1930 г. привлекался судом за участие в лжекооперативе, член церковного совета с 1927 г. Проживал по адресу: г. Петропавловск-Камчатский, ул. Партизанская, 53. Происходил из семьи торговца (имел лавку в с. Хайрюзово). Русский. Арестован 16 сентября 1931 г. Приговорот 28 ноября 1932 г.: заключение в концлагерь сроком на три года (База данных о жертвах репрессий Камчатской обл. Глинчикова Е. В., «Православие и Советское государство на Камчатке», «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр. 201).

Об основателе камчатского торгового рода Косыгиных известно следующее: Косыгин Николай – патриарх рода Косыгиных на Камчатке, киренский мещанин, в 1820-х г. переселился в Охотск, потом на Камчатку. На Камчатке он женился и в 1830-х годах переселился в Гижигу. Имел четырех сыновей – старший Петр Николаевич (1834 г. р.) обосновался в Петропавловске, другие братья занимались торговлей на севере (один в Тигиле и двое в бухте барона Корфа) («Вопросы истории Камчатки», выпуск 3, 2007 г., стр. 441).

Петр Николаевич Косыгин, будучи в период обороны Петропавловского порта в 1854 г. петропавловским купцом 2-й гильдии, «охранял собор и церковное имущество, под огнем неприятеля снабжал сражающихся разными припасами». Он был в числе девяти человек, фамилии которых были внесены в именной «Список ветеранов Петропавловского боя, происходившего 17–24 августа 1854 г., составленный в 1902 г.», для назначения ежемесячной пожизненной пенсии (Горчаков А. А., «Из истории обо-

роны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 106).

Подробные сведения о Косыгиных мы находим в Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 г.: **Косыгин Петр Николаевич**, петропавловский мещанин, 57 лет. Жена (судя по всему, вторая) – Вера Осиповна (19 лет). Дети – Николай (1), Матрона (3 мес.). С ним проживали его племянники: Иван Иннокентьевич (14), Петр Васильевич (10). С ним же жил в Петропавловске его брат Николай Косыгин (42) с женой Александрой Петровной, у которых было семь детей: Николай (18), Петр (16), Харламий (14), Митрофан (11), Марфа (8), Иван (6), Александра (1).

В 1907 г. Петр Николаевич Косыгин был городским старостой Петропавловска, а в 1908 г. в возрасте 74 лет был женат третьим браком на сестре казака Юшина из Тигиля, летом он жил на солеварнях, где у него было хозяйство, а зимой жил в городе («Вопросы истории Камчатки», выпуск 3, 2007 г., стр. 441).

Политические репрессии 1930-х гг. очень жестоко ударили и по казакам, и по торговцам Косыгиным.

Косыгин Варнавий Иванович, 1897 г. р., уроженец с. Тигиль Тигильского района Камчатской обл., малограмотный, б/п. Проживал в с. Усть-Камчатск Усть-Камчатского района, был потомственным рыбаком-охотником.

Арестован 8 июня 1834 г. Особым совещанием при НКВД СССР 28 января 1935 г. по ст. 58-2 УК РСФСР приговорен к 5 годам лишения свободы.

Сведений о дальнейшей судьбе нет.

Реабилитирован прокуратурой Камчатской обл. 27 июня 1989 г.

Косыгин Иннокентий Васильевич, 1897 г. р. Место рождения: Камчатская обл., с. Тигиль; русский; образование: малограмотный, из семьи торговцев, б/п; работал в личном хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., с. Тигиль. Арест: 31.07.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Косыгин Василий Иннокентьевич, 1912 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: 5 классов сельской школы, из семьи торговцев, б/п; был рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 12.04.1933. Осужд. 16.06.1933, камчатский погранотряд. Обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 4 п. 5 УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Косыгин Конон Филатович, 1898 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский, из казаков, образование: малограмотный; б/п; заведовал складом АКО; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 11.10.1937. Осужд. 01.02.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Приговор: 10 лет. Умер в заключении. Дата смерти неизвестна. Реаб. 28.11.1958. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Косыгин Николай Васильевич, 1891 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский (из семьи торговцев), образование: малограмотный; б/п; был рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 02.07.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11-6 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован по этому делу определением Военного трибунала ДВО.

Косыгин Виктор Иннокентьевич, 1911 г. р. Место рождения: Камчатская обл., с. Палана Тигильского района; камчадал; образование: малограмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Карагинский р-н, с. Ивашка. Арест: 06.05.1934. Осужд. 28.01.1935, Особое совещание при НКВД СССР. Обв. по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Освобожден 16 июля 1937 г. Реаб. 19.02.1990. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Косыгин Владимир Иннокентьевич, 1908 г. р. Место рождения: Камчатская обл., с. Палана Тигильского района; кам-

чадал; образование: низшее; б/п; был членом рыболовецкого колхоза им. «13-й годовщины Октября»; место проживания: Карагинский р-н, с. Ивашка. Арест: 15.03.1938. Осужд. 02.09.1939. Обв. по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 01.02.1990. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Косыгин Иван Иннокентьевич, 1878 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: низшее; б/п; был рыбаком-охотником, из семьи торговцев, место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 06.09.1931. Осужд. 28.10.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 30.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Косыгин Василий Иннокентьевич, 1897 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана; камчадал; образование: 3 класса сельской школы; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана. Арест: 07.07.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: 10 лет. Арестован повторно в заключении. Привлекался по т. н. делу «Автономная Камчатская». Тройкой ПП ОГПУ ДВК от 1 января 1934 г. оставлен в силе приговор от 7 июля 1931 г. Освобожден из лагеря в 1952 г. После реабилитации вернулся на Камчатку, с 1960 г. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Косыгин Николай Мануилович (Эмануилович), 1891 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большеречский р-н, с. Облуковино; камчадал; образование: 4 класса сельской школы; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большеречский р-н, с. Облуковино. Арест: 05.10.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: на срок предварительного заключения. После освобождения из-под стражи проживал в с. Облуковино, был председателем сель-

совета. Арестован повторно 10 марта 1938 г. В тот же день без предъявления обвинения тройкой УНКВД по ДВК приговорен к ВМН. Имущество конфисковано. Расстрелян 22 августа 1938 г. Реаб. 03.08.1959 (по другим данным – 25 декабря 1958 г. Камчатским облсудом) определением Военного трибунала ДВО.

Его сын – Косыгин Михаил Николаевич, уроженец с. Облуковино. Мать – Агафья Константиновна Ворошилова. После окончания высшей партийной школы – инструктор обкома КПСС, председатель Алеутского райисполкома. Братья – Валентин, Павел, Константин (все участники Великой Отечественной войны), Виталий (был заместителем прокурора Корякского автономного округа). Опубликовал свои воспоминания – «Край мой – Камчатка» (Петропавловск-Камчатский, 2011 г.).

Косыгин Иннокентий Эммануилович, 1895 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино; камчадал; образование: малограмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино. Арест: 25.04.1933. Осужд. 01.01.1934, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: 10 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Его сын – Косыгин Пантелей Иннокетьевич – в свое время первый секретарь Соболевского райкома комсомола, учился в Хабаровской высшей партийной школе, работал в партийных и советских органах Усть-Камчатского и Елизовского районов.

Косыгин Митрофан Эммануилович, 1899 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино; русский; из крестьян; образование: низшее; б/п; был членом охото-рыболовецкого колхоза им. «17-й Партконференции»; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино. Арест: 09.02.1940. Осужд. 04.10.1941, военный прокурор войск НКВД по Камчатской обл. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 02.01.1990. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Косыгин Василий Васильевич, 1889 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино; камчадал; образование: низшее; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 29.07.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Расстрел. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Косыгин Михаил Харлампиевич, 1906 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; из крестьян; образование: 4 класса; б/п; был возчиком базы АКО; место проживания: Мильковский р-н, с. Средне-Камчатск. Арест: 28.09.1938. Осужд. 10.06.1939, Камчатский облсуд. Обв. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: 6 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 14.03.1990. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

Косыгин Константин Константинович (вероятно, сын Косыгина Константина Никоновича, петропавловского мещанина, который, по нашим данным, жил в с. Ключи еще в 1894 г., брат Косыгиной Фелицы Никоновны), 1905 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; камчадал; образование: неграмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Карагинский р-н, с. Ивашка. Арест: 06.05.1934. Осужд. 28.01.1935. Особое совещание при НКВД по ДВК. Обв. по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 19.02.1990. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

В с. Ключи отмечался еще один род потомков Косыгиных: Косыгина (Брагина) Валентина Алексеевна, жена Брагина Василия Кирьяковича, дети: Василий, Мей (с 1916 г.), Кирьяк, Шура, Дуся, Лида, Николай («Воспоминания камчадалов и старожилов Камчатки», Петропавловск-Камчатский, 2007, стр. 7). Но, вероятно, Валентина Алексеевна была дочерью Алексея Константиновича Косыгина, который жил в Усть-Камчатске. Вот что пишет по этому поводу устькамчатский потомок рода Косыгиных М. А. Кириченко: «Косыгина (Киричен-

ко) Феокиста Алексеевна. Дочь Алексея Константиновича Косыгина, с. Усть-Камчатск: «Отец приехал на Камчатку в 1904 г. Он сначала в Тигиле жил. Потом переехал в Усть-Камчатск, здесь женился на Феокисте Алексеевне, старшей дочери Косыгина Алексея Константиновича. У Косыгиных была большая семья. У деда был один сын Константин Алексеевич, остальные были девочки. Одна сестра матери вышла за Селиванова и жила в Петропавловске. Константин Алексеевич рассказывал, что Косыгины за много лет пришли на Камчатку через Север. Отец мой был доверенным в магазине “Чурин и компания”. У нас тоже была большая семья, старшая сестра Нина была 1910 г. р., потом Иван, Гавриил был 1915 г. р., я с 1918 г. Мать умерла рано на двадцать седьмом году жизни» («Воспоминания камчадалов и старожилов Камчатки», Петропавловск-Камчатский, 2007, с. 55).

Еще одна ветвь облуквинских Косыгиных: «Косыгина Екатерина Павловна. Родилась в 1900 г. в Большерецке. Отец пришел с русско-японской войны с Георгиевским крестом. Через год отец умер. В 11 лет полная сирота. В 1912–1913 гг. стали проводить телеграфную линию, оживился Большерецк. В 1919 г. вышла замуж, переехала в Облуковино. Здесь была начальная школа, приемный пункт пушнины и церковный приход. В 1931 г. семья осталась без отца, Иннокентия, отличного охотника. В семье – семь детей, последнего назвала в честь мужа Иннокентием. Старшая дочь Анна. Было тяжело. В 1932 г. вступила в колхоз им 17-й партконференции. В 1940–1941 гг. избирали заместителем председателя. Работала дояркой, овощеводом. В 1956 г. получили первый трактор. Во время войны сами рыбачили и охотились. Выходили на медведя. Имела в 1981 г. 17 внуков и 18 правнуков» (газета «Рассвет», 1981 г., 1 января).

Но более подробно об облуквинской династии Косыгиных, которая оставила очень большую память о себе в истории Камчатки XX века, вы можете прочитать в воспоминаниях Михаила Николаевича Косыгина, отца известного камчатского барда Сергея Михайловича Косыгина.

В годы Великой Отечественной войны на полях сражений погибли Косыгин Иван Константинович (рядовой, в августе

1945 г.), Косыгин Николай Иванович (1920 г. р., красноармеец, в феврале 1945 г.), Косыгин Иван Харлампьевич, Косыгин Петр Николаевич (1919 г. р., погиб под Москвой в 1941 г. на Каширском направлении).

А теперь нам хотелось бы познакомить читателя еще с одними воспоминаниями – воспоминания об известном камчатском капитане дальнего плавания Иннокентии Николаевиче Косыгине («Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки», 2007 г., № 10, Н. М. Кривоногов, «Люди и судьбы»):

«Среди курсантов группы штурманов малого плавания обращал на себя внимание невысокого роста черноглазый подвижный человек – Иннокентий Николаевич Косыгин. Уроженец рыбацкой Сероглазки, он рано связал свою жизнь с морем: в 1928 г. уже трудился матросом теплохода “Охотск”.

С 1929 г. АКОфлот начал пополняться судами, сначала типа “Ительмен”, а позднее – типа “Лейк”. В 1932 г. Иннокентию Николаевичу посчастливилось принимать участие в перегоне из Италии траулера “Гага” в должности матроса первого класса. В этой же команде кочегаром шел будущий начальник Управления тралового флота Петр Илларионович Анода. Погрузившись на поезд, экипаж через заснеженную Сибирь прибыл в Ленинград. На пассажирском теплоходе их доставили в немецкий порт Киль, откуда надо было добраться до Венеции, где их ожидала “Гага”. Поезд пересек всю Германию с севера на юг, через Ганновер, Нюрнберг, Мюнхен. В Куфштейне ждали поезда на Венецию. Прибыв на место, от представителя агентства узнали, что “Гага” находится в Триесте на ходовых испытаниях. Через два дня она пришла в Венецию.

Надо ли говорить, что впечатления, полученные в поездке провинциальным пареньком, оказались незабываемы. А переход Суэцким каналом и заходы в крупнейшие порты мира! Следует отметить, что итальянские корабли построили отличное судно. Оно имело паровую машину и котел, работавший на угле. Каюты были отделаны ценными породами дерева. По приходу “Гагу” приписали к Владивостокскому порту. Она вошла в состав Тралтреста, имевшего в 1932 г. несколько паровых траулеров. Промышляли они недалеко от Владивостока

на знаменитой банке у острова Аскольд. Когда рыбные запасы в этом районе были подорваны, часть траулеров в 1934 г. перенесли в Мурманск через тропики под командованием капитана дальнего плавания Карла Павловича Эгги.

На “Гаге” Иннокентий Николаевич после организации в 1936 г. камчатского Тралфлота (вначале он назывался БАО-Лом, а потом Морловом) прибыл в Петропавловск. До 1945 г. работал в Морлове на паровых траулерах боцманом и тралмастером. Перед назначением на курсы был штурманом, но без диплома.

Легко сказать – учись. А у Иннокентия Николаевича в это время семья насчитывала девять малышей! Время было голодное, действовала карточная система. Выручал огородный участок и хозяйство. Жил он в Сероглазке в частном доме. Зимой после пурги ходил на занятия по пояс в снегу. Никакой снегоочистительной техники в то время не было и в помине.

Наконец в 1947 г. сдан последний экзамен, и Иннокентий Николаевич с новеньким дипломом штурмана малого плавания вернулся в Морлов. В 1949 г. Камчатрыбфлот стал пополняться парусно-моторными шхунами финской постройки. Часть плавсостава из Морлова перевели в Камчатрыбфлот.

Иннокентий Николаевич получил в командование шхуну “Актиния”. Этому судну не повезло с самого начала. Перегнал его с Балтики капитан Петр Илларионович Анода. При переходе в районе Командорских островов налетевший шквал сломал фок-, грот- и бизань-мачту. Судно нести паруса уже не могло. Восстанавливать мачты не стали, и шхуна ходила только под машиной. Иннокентий Николаевич командовал ею несколько лет. Поскольку он уже был опытным моряком, то дела у него шли хорошо. Судно ежегодно успешно справлялось с государственным планом грузоперевозок. Каждый год “Актинию” отмечали в управленческом приказе и, как правило, капитану и экипажу присуждали премию. Шхуна всегда имела опрятный вид, в надлежащем порядке содержались служебные, жилые помещения и грузовые трюмы. Потом Иннокентий Николаевич командовал шхуной “Энергия”. У нее, в отличие от “Актинии”, все паруса были целы.

В 1955 г. в Камчатрыбфлот из Финляндии поступил лихтер “Повенец” – четырехтрюмное судно с грузовыми паровыми лебедками, бравшее на борт около трех тысяч тонн. На него возлагали большие надежды. В работающую сельдяную экспедицию как в Магадан, так и на восточный берег Камчатки надо было доставлять много бочкотары. Ее, как правило, грузили в одном из сахалинских портов, Находке или Николаевске-на-Амуре. Потом ее везли на “Повенце” в экспедицию.

К “Повенцу” один за другим подходили СРТ. На них отгружали бочки, соль, обручное железо и доски для сепарации. Экипаж “Повенца” работал, не считаясь со временем. Да к тому же еще надо было обеспечить действие судовых лебедок. Зачастую стоять на лебедках приходилось и самому Иннокентию Николаевичу. Ребят к себе в экипаж он подбирал работающих. Много лет работал на “Повенце” боцман Дима Птицын – здоровяк-парень, пользовавшийся среди экипажа заслуженным авторитетом.

Хоть “Повенец” и был грузовым, а не промысловым судном, зарабатывали на нем хорошо. Это достигалось за счет грузовых и лебедочных работ. Привлекала работа на “Повенце” ребят семейных, домовитых. Они обычно имели свои частные дома и огороды. Судно к закрытию навигации становилось в порт на зимний перестой. К началу навигации свежеекрашенный “Повенец” был готов к приему груза. Так шел год за годом.

Дети росли, пришлось Иннокентию Николаевичу перестраивать родительский дом. В Усть-Камчатске он купил добротные длинномерные бревна. Доставляли их в Сероглазку на том же “Повенце”. Когда все подготовили, разобрали старый дом и построили новый, на бетонном фундаменте. Дело это оказалось трудоемким, ушло на него все лето. В помощь пришлось нанимать нескольких плотников.

Время неумолимо шло вперед. В 1965 г. Иннокентия Николаевича тепло проводили на пенсию. К этому времени он уже овдовел. Поехал к дочери в Вильнюс. Оттуда переписывался с друзьями, вспоминал старое, подводил жизненные итоги. Жизнь прожита не зря. Поднята на ноги большая дружная семья. Все дети получили образование, уважительно относились к родителям и друг к другу. Как видно, на ноги помог

встать учебно-курсовой комбинат. Как не вспомнить своих преподавателей, дирекцию...

Стали судовыми механиками два сына. Хорошими у Иннокентия Николаевича оказались и зятья. Один из них, Михаил Иванович Дегтярев, после окончания Астраханского рыбного техникума связал жизнь с нашим полуостровом. В 1955 г. он окончил первые курсы штурманов дальнего плавания в том же учебно-курсовом комбинате. Командовал судами типа БМРТ в базе Океанического рыболовства, а сейчас уже находится на заслуженном отдыхе. Второй зять, старший механик Анатолий Лисов, долгие годы работал на судах Камчатрыбфлота. Сейчас также на пенсии.

Что отличало таких людей, как Иннокентий Николаевич Косыгин? То, что были они бесхитростные, честные и порядочные. Как стало не доставать этих качеств современным людям!

...В апреле 1978 г. газета "Рыбак Камчатки" сообщила, что старейший рыбак полуострова капитан Косыгин Иннокентий Николаевич ушел из жизни. Он похоронен на Вильнюсском кладбище. Мир праху твоему, труженик моря!»

КОТЕЛЬНИКОВЫ

Камчатская казачья фамилия. Один из казаков Котельниковых геройски погиб во время обороны Петропавловского порта в 1854 г. (ЦГА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 128, л. 1–2). Возможно, это был Котельников Николай Васильевич (из унтер-офицерских детей, с 1830 г. в Гижигинской сотне, с 1852 г. переведен в Камчатскую казачью команду, с 1842 по 1846 г. находился при Гижигинском рейде лоцманом для привода и вывода судов, по приказу Ком. Петрп. порта от 1 марта 1853 г. № 34 за незнание порядка службы и дисциплины разжалован из пятидесятников в рядовые казаки) (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 2, д. 128).

Патриархом этого казачьего рода, возможно, был пятидесятник Ефрем Котельников, который в 1746 г. служил в Анадырской крепости («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр. 171, 173–175).

Фамилия не сохранилась.

КОТКОВЫ

Фамилия камчатских казаков: Котков Михаил, казак, бит кнутом в Большерецком остроге как один из виновников Харчинского бунта.

В 1812 г. мы встречаем, наверное, последнее упоминание об этой камчатской казачьей фамилии: Коткова Меланья, вдова казака Нижнекамчатской казачьей команды, 60 лет.

КОТЛОВЫ

Имя камчатского казака Антона Котлова упомянуто в документах о корякском восстании 1746 г. Бунтовали, в том числе, и его крестники, которые и сохранили эту фамилию до наших дней в селении Карага.

КОШКАРЕВЫ (КОКСАРОВЫ)

В исторических документах мы находим имя мельковского пашенного крестьянина Федора Васильевича Кошкарева в 1773 г., когда он принял участие в промысловом вояже в Русскую Америку на судне «Святой Евпл».

Позже, уже в 1832 г., мы находим эту фамилию и в общем списке крестьян, проживающих в с. Мильково: Коксаров, Бобряков, Соснин, Михайлов, Подкорытов, Потапов, Попов, Пинигин, Краснояров, Петров, Плотников (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, 12).

То есть это одна из старейших русских крестьянских фамилий на Камчатке.

Но у нас есть информация и о камчатских казаках Кошкаревых, которые принимали участие в обороне Петропавловского порта от англо-французского десанта в августе 1854 г. – Кошкарев Дмитрий Варфоломеевич и Петр Варфоломеевич (из казачьих детей, казаки с 1854 г.) (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 2, д. 128).

Братья Кошкаревы жили в Сероглазке: Кошкарова (Кошкарева) Екатерина Трифионовна, Сероглазка, вдова казака Петра Кошкарова, 1893 г., 58 лет. Дети: Наталья (16), Иннокентий (14) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

Имеются сведения и о мельковской крестьянской ветви Кош-

каревых: Кошкарева Ирина Титовна, родилась 16 апреля 1888 г. Родители – мильковский крестьянин Тит Андреевич Кошкарев и жена его Параскева Филипповна. Восприемники – жена крестьянина того же селения Давида Бобрякова – Иулита Аврамовна. Священник Иринарх Малахов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1888 г., ГАКК.)

Афиноген Ивович Кошкарев, 1924 г. р., был призван на службу Усть-Камчатским РВК. Погиб 17 декабря 1944 г. Захоронен в г. Сечень, Венгрия.

КРАВЧЕНКО

Большеречские крестьяне (вполне возможно, что из бывших казаков).

Принимали участие в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. Алексей, Власий, Петр Кравченко.

Интересное сообщение в свое время сделал Дмитрий Павлович Логинов, автор книги «Большеречские беглецы»:

«Моя мать дочь казаков Кравченковых. Похожа была на курилов. Предки матери славились пышными чубами, что передалось и всем нам, кроме Михаила».

Кравченко Неонила Ивановна, 1880–1934 гг.

Дети: Николай (1904–1980 гг.), Дмитрий (1910 г.), Михаил (1913 г.), Павел (1915–1981 гг.), Марфа (1906–1985 гг.).

Кравченко Иван Петрович, родился в 1904 г., Камчатская обл., Усть-Большеречский р-н, с. Большеречк; русский; образование высшее начальное училище; б/п; был бухгалтером АКОторга. Проживал: Камчатская обл., Усть-Большеречский р-н, с. Большеречк. Арестован 29 июля 1938 г. Приговорен: Усть-Большеречского РО НКВД 14 февраля 1940 г.; обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 26 ноября 1989 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

По архивным материалам за 1893 год в с. Большеречк проживали:

Кравченко Ольга Петровна, вдова крестьянина Ивана Кравченко, 50 лет, и ее дети: Петр (28), Пахом (26), Гавриил (23), Иннокентий (12), Алесандра (14).

Власий Еремеевич Кравченко (26) с братом Алексеем (19) и сестрами Марфой (22) и Неонилой (15 лет). Подчеркнуты имена народных ополченцев Кравченко.

КРАСИЛЬНИКОВЫ

По одной из версий фамилия Красильниковых в долине реки Камчатка (в частности, в селении Машура) досталась камчадалам при крещении от Семена Красильникова, тульского купца, зверопромышленника, организатора промысловых экспедиций в Русскую Америку, точно так же, как она досталась камчадалам Трапезниковым и Чабаевым от иркутского купца Никифора Трапезникова и лальского купца Афанасия Чабаевского.

Но не стоит забывать и о классической версии происхождения большинства камчадалских фамилий от фамилий камчатских казаков: в 1731 г. восставшими камчадалами на Шантальском (Азабачьем) озере убит казачий сын Филипп Красильников, следовательно, его отец также мог участвовать в крещении камчадалов в долине реки Камчатка, где и шли основные бои с восставшими камчадалами.

Скорее всего, обе версии имели место быть: купцы-зверопромышленники нередко нанимали на промыслы камчадалов, поэтому не удивительно, что они также могли участвовать в крещении, посещая поселения камчадалов для найма дешевых работников, в первую очередь своих собственных крестников (то есть первых должников).

В истории Камчатки наиболее известен как раз зверопромышленник Сидор Красильников, камчадал, промышленник компании тотемского купца Федора Холодилова. При этом Сидор обвинялся в убийстве своего хозяина и потому стал участник знаменитого Большерецкого бунта 1771 г.

Если начать поиск «Сидор Красильников» в Интернете (хотя бы по адресу <http://yandex.ru/yandsearch?text=Сидор+Красильников&lr=78>), то вы найдете много интересной информации о том бунте.

Иркутский историк (тогда еще студентка) Марина Василенко опубликовала в первом номере журнала «Северная Па-

цифика» за 1996 г. очень любопытный материал, где, в частности, говорится и о судьбе Сидора Красильникова, «Бунт от сосланных злодеев...».

Но далеко не все те, кто ушел из Макао, остались живы. В береговом госпитале на Маврикии «за болезнью» в ожидании своего последнего часа оставлены еще четверо. Среди них был человек, благодаря которому к бунту примкнули промышленные работники купца Холодилова. О нем практически нет сведений в литературе. И, тем не менее, он оказался вовлечен в описываемые события еще за два года до прибытия на Камчатку секретных арестантов. В следственных документах о нем говорится так: «находящийся под караулом по делу холодиловскому камчидал Сидор Красильников».

Но начнем по порядку. По мнению С. Вахрина, причиной бунта стал конфликт промышленников со своим хозяином тодемским купцом Федосом Холодиловым, который, чего-то выгадывая, три года (!) не отправлял их на промысел. А во время жестоких штормов приказал выходить в море. Судно разбилось. Промышленники вернулись в Большерецк, где и хорошенько припугнули хозяина, после чего купчину хватил удар, а они примкнули к заговору ссыльных.

На первый взгляд, все предельно просто и ясно. Но стоило углубиться в источники, как появились вопросы. Почему в материалах следствия не упоминается о подобном инциденте накануне бунта? Как могло случиться, что подштурман Софьин, проводивший «предварительное» следствие и скрупулезно занесший в реестры каждую мелочь, вплоть до ветхой сабли и железной кружки, «забыл» о купце, пострадавшем от рук злодеев? Все эти вопросы так и остались бы без ответов, если бы не уголовное дело, датированное 1768-м г. (то самое, «холодиловское»), опись которого хранится в Государственном архиве Иркутской области. Где само дело, да и сохранилось ли оно до наших дней – неизвестно. Но и опись документов, сделанная в Иркутской уголовной палате, позволяет прийти к некоторым выводам.

С. Вахрин совершенно прав относительно трех лет, проведенных промышленниками в Большерецке, только отнюдь не

по прихоти хозяина, потому что к моменту большеецкого бунта он уже три года, как был мертв. Причем в описи вполне определенно говорится об умышленном убийстве, в котором обвинялись четверо: камчадалы Максим Чуркин, Михаил Новограбленный, Сидор Красильников и казак большеецкой команды Иван Васитинский. Но были ли причины и обстоятельства убийства именно такими, как описал их Сергей Вахрин? Возможно. Отсутствие самого «холодиловского дела» не позволяет ответить более определенно. (После смерти Федоса все имущество формально перешло к его племяннику Алексею Холодилову, за отсутствием которого бывший тогда камчатским командиром капитан-лейтенант Извеков передал выброшенный на берег промысловый бот и, очевидно, его команду в полное управление холодиловскому приказчику Михаиле Чулошникову.)

Арестованные Васитинский и Красильников были оставлены в Большерецке, а Чуркин и Новограбленный отправлены в Охотск, возможно, для дальнейших допросов. Но следствие затягивалось и, чтобы охотским подушным плательщикам не приходилось на свои средства содержать арестантов, местное начальство решило отослать их назад, что и было сделано с первым же отправляющимся на Камчатку казенным кораблем. К месту назначения судно не прибыло: очевидно, потерпело крушение. Даже если кто-то из его команды и пассажиров и остался жив, установить это не предоставляется возможным. Примерно в то же время в Большерецке умирает третий арестованный – казак Васитинский. А Сидор Красильников в ожидании правосудия, которое почему-то совсем не спешило свершиться, содержится в Большерецке под караулом вплоть до апреля 1771 года, когда он примыкает к бунту и покидает Камчатку в составе команды «Святого Петра».

В описи сказано, что сделал он это «по наущению канцеляриста Портнягина». Кто этот человек? Какова его роль в судьбе Красильникова и в событиях бунта? В материалах следствия его имя встречается лишь несколько раз и никак не связывается ни с Беневским, ни с Красильниковым. Почему? Ответа нет.

Но и на Маврикии история Сидора Красильникова не кон-

чается. Польский исследователь Эдвард Кайданьский утверждает, что он вернулся на Камчатку, долгое время благополучно здравствовал и в 1794-м (спустя 23 года после бунта) рассказывал о своих приключениях с Беневским польскому ссыльному. Возможно, существуют какие-либо документы, подтверждающие его возвращение. Но о них ничего не известно, а значит, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть версию Кайданьского.

С отсутствием документов связана и другая проблема. Как известно, Иркутск был административным центром губернии, в состав которой входила и Камчатка. Поэтому иркутский генерал-губернатор А. И. Бриль по долгу службы был в курсе всех камчатских событий. Но не одно это связывает Иркутск с бунтом Беневского. Из семнадцати человек, получивших прощение императрицы и вернувшихся на родину, девятерым местом жительства был назначен Иркутск. Здесь теряются следы восьмерых промышленников, товарищей Красильникова, бывших свидетелями убийства Федоса Холодилова и участниками убийства Григория Нилова. Эти люди могли многое рассказать, а возможно, и рассказывали иркутянам о своей жизни в Большерецке, о тяготах промысла и опасностях морского пути, о предательстве Беневского, о далекой неведомой Франции, о том, как один за другим умирали люди из экипажа «Святого Петра», и как оставшиеся в живых со страхом ожидали, кто будет следующим. Они многое могли рассказать. К сожалению, мы не знаем что и как, мы даже ничего не знаем об их дальнейших судьбах. И может случиться, что никогда не узнаем: иркутский пожар 1879 г. уничтожил ценнейшие документальные свидетельства. Из материалов дела известно лишь то, что бывшие холодиловские промышленники были определены в иркутское купечество. Но для этого необходим значительный имущественный ценз, а при отправлении из Петербурга они получили только самое необходимое: рубашки, валенки, тулупы, шапки.

Мы не знаем, откуда родом был камчадал Сидор Красильников, но известно, что в конце 19-го столетия эта фамилия сохранилась только в селении Машура.

Красильников Яков Васильевич, Машурского селения кам-

чадал, 1893 г., 40 лет. Жена его Анна Николаевна – 40 лет. Сын Максим – 3 года. (Выписка из исповедальной росписи Мильковской церкви за 1893 год, ГАКК.)

Красильников Василий (с. Машура) – участник обороны Камчатки в русско-японскую войну 1904–1905 гг.

Красильников Феофил Иванович, родился в 1881 г., Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Машура; русский; малограмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником. Проживал: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Машура.

Арестован 16 апреля 1932 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 1 августа 1932 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 1 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Красильников Аким Иннокентьевич, родился в 1886 г., Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Машура; камчадал; малограмотный; б/п; являлся председателем колхоза «Труженник». Проживал: Усть-Камчатский р-н, с. Харчино. Арестован в ноябре 1938 г. Приговорен: Камчатский облсуд 17 июня 1939 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: 25 лет. Имущество конфисковано. Умер в заключении 27 августа 1949 г. (Севвостлаг). Реабилитирован 27 сентября 1988 г. Реабилитирован прокуратурой Камчатской обл.

Члены краеведческого клуба «Камчадалы» из села Мильково разработали генеалогическое древо современных Красильниковых, происходящих из рода Якова Васильевича Красильникова, у которого помимо Максима, оказывается, были еще сыновья Измаил (1888 г. р.), Мануил (1882 г. р.) и дочь Агриппина (Верещагина в замужестве) – это родословное древо опубликовано на сайте «Камчадалы.ру».

Что же касается Максима Яковлевича, то у него был сын Красильников Георгий Максимович (1921 г. р.), учитель начальных классов. По комсомольской путевке окончил краевую школу вожатых в г. Благовещенске. До призыва на фронт – пионервожатый Мильковской школы. Погиб в сентябре 1945 г. (Введенская Т. В., «Учительство Мильковского района в годы Великой Отечественной войны», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 13).

КРАСНОЯРОВЫ

Существует две версии происхождения фамилии камчадалов Краснояровых. И обе они имеют полное право на существование, так как отражают два исторических процесса, происходящих на Камчатке: крещение коренного населения в XVIII веке и переселение русских старожилов в поселки аборигенов в XIX веке.

Вот, например, как представлена эта фамилия в списках дружинников, участвовавших в обороне Камчатки в 1904–1905 гг.:

Краснояров Егор, с. Хайрюзово. Краснояров Тарас, с. Хайрюзово.

Краснояров Николай (Ичинская дружина), с. Мильково.

Краснояров Федот (Ичинская дружина), с. Шапино.

В середине XVIII века фамилию казаков Краснояровых получили жители западного побережья Камчатки (Крутогорovo, Хайрюзово. Колпаково, Ича), но сохранилась она только в селении Хайрюзово. Как, вероятно, не сохранилась на Камчатке и фамилия военнoслужаших Краснояровых, от которых, собственно, были и получены эти фамилии при крещении аборигенов Камчатки. Последнее упоминание о них мы находим в списках камчатских ветеранов обороны Петропавловского порта в 1854 г.: Краснояров Константин Онуфриевич, отставной казак, 73 г., «участвовал в сражении, находился при полевой пушке, стоявшей на Кошке, где ныне сооружен памятник “Слава”, и Краснояров Игнатий Герасимович, матрос (умер 4 августа. 1885 г.). В 1882 г. оба они внесены в “Список отставным нижним чином, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры”» (Горчаков А. А., «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105–106). В 1893 г. отставной казак Константин Онуфриевич Краснояров (68 лет) проживал со своей женой Ксенией Матвеевной (58 лет) в селении Колпаковом. В том же году в Петропавловске проживал сын Игнатия Герасимовича – Краснояров Дмитрий Игнатьевич, петропавловский мещанин, 31 год, сводный брат Черных Николай Осипович (38) (Исповедальная роспись Петропавловского собора

за 1893 г., ГАКК), но сведений о продолжении этого рода Краснояровых у нас пока нет.

Что же касается Краснояровых, проживающих в долине реки Камчатка, есть две разные истории одной, по сути дела, и той же фамилии.

Если говорить о мельковских крестьянах, то, например, об Иване Красноярове имеются следующие сведения: в 1831 г. его нанял агроном Егор Егорович Ридер для производства сельскохозяйственных опытов (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 12).

В 1832 г. эта фамилия в списке крестьян, постоянно проживавших в с. Мильково: Коксаров, Бобряков, Соснин, Михайлов, Подкорытов, Потапов, Попов, Пинигин, Краснояров, Петров, Плотников (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, 12). Поэтому в случае с Краснояровыми мы не можем говорить, как в случае с Корелиными, о том, что мельковские крестьяне – выходцы из петропавловских мещан – это два самостоятельных рода.

Интересно происхождение камчадалов Краснояровых из Шапино. Мы выяснили следующую историю: согласно записи в «Ревизской сказке» о 13-й народной переписи камчадалов Шапинского селения Петропавловского округа Приморской области 1890 г. февраля 4 дня (ЦГА ДВ, ф. 87, оп. 5, д. 169) Ананий Иванов Краснояров с женою и сыном причислен из Мильковского селения в Шапинское указом Приморского областного правления от 19 января 1883 г. за № 273, то есть Ананий Иванович по своему происхождению – именно мельковский крестьянин, русский старожил.

Об этом пишет и В. Л. Комаров в книге «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.»: «...старое коренное население Шапиной вообще вымерло, кроме одного только, теперь уже сильно больного старика Попова. Остальные шапинцы – новоселы; два дома Краснояровых переселены из Мильково, два дома Беляевых – из Верхнекамчатска, Мерлин – из Машуры, Садовников – из Толбачика; вот и все семь домов Шапиной» (по сообщению старосты села Шапино Ф. Е. Беляева).

Иван Федотович Краснояров (1921 г. р., сын участника обороны Камчатки 1904–1905 гг. Федота Красильникова из Шапино), призванный Усть-Камчатским РВК, погиб на фронте.

Трагическая судьба выпала на долю и его хайрюзовскому однофамильцу: Красноярров Илья Иванович, родился в 1891 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Хайрюзово; ительмен; образование – ликбез; б/п; был членом рыболовецкого колхоза. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Хайрюзово.

Арестован 12 сентября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 7 декабря 1937 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: 10 лет. Умер в заключении 21 июня 1939 г. Реабилитирован 2 января 1960 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

КРАСОВЦЕВЫ

В первый раз мы эту камчатскую фамилию встречаем в 1731 г. – Красовцев Сергей, служилый, участник подавления Харчинского бунта.

И, возможно, в последний раз – в Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 г.: Красовцева Вера Петровна, вдова Петропавловского мещанина, 52 года. О детях ничего не говорится.

КРАШЕНИННИКОВЫ

В 1749 г. при крещении камчадалов фамилия Крашенинниковых зафиксирована в селении Облуковино. До нашего времени эта фамилия не дошла.

Но, скорее всего, она дана была в память о студенте Степане Петровиче Крашенинникове, будущем авторе бессмертного «Описания земли Камчатки», действительного члена Российской Академии наук, который незадолго до этого крещения в 1737–1741 гг. изучал наш полуостров.

А вот история семьи (очень типичная, кстати, для многих, кто посвятил Камчатке многие годы своей жизни) самого Степана Петровича: *«Крашенинников Степан Петрович (1711–1755), исследователь Камчатки и Сибири, “будучи в Якутске, женился, взяв за себя родную племянницу жены майора и якутского воеводы господина Павлуцкого, а дочь тобольского дворянина Ивана Цибульского, именов Степаниду”, отец большого семейства, по этому поводу есть даже исторический*

анекдот: известный драматург Александр Петрович Сумароков первый ввел разговоры актеров со сцены на темы дня. Он узнал, что дети профессора Крашенинникова, известного описателя Камчатки, остались после смерти отца в бедности. Он заставил одного из героев своей комедии сказать с подмостков сцены следующее: “Отец ездил в Камчатное и Китайчатное государство, а дети ходят в крашенине, и потому Крашенинниковыми называются”. Монолог актера попал в цель, и кто-то из вельмож исходатайствовал пенсию для несчастных детей у императрицы.

Картина типичная для России – подачки от правителя вымаливали за подвиги своих отцов и дети командора Витуса Беринга и его заместителя Алексея Чирикова, которые также оставили свои имена и звания в камчатских фамилиях аборигенов.

В этой книге мы будем говорить и о других студентах Славяно-греко-латинской академии, оставивших свой след в истории Камчатки (Логонове, Никифорове, Ласточкине), поэтому остановимся подробнее на самой академии, из которой вышли многие великие люди России.

В 1724 г. Крашенинников поступил в Славяно-греко-латинскую академию в Москве. Изложением этого факта и начинается дошедшая до нас краткая биография ученого. «Я... обучался в Московской иконоспасской школе с 1724 по 1732 год, в которых последних двух годах получал по сороку алтын на месяц, а до того по тридцать алтын», – пишет Крашенинников. Славяно-греко-латинская академия явилась первым общеобразовательным высшим учебным заведением в России. Основана она была в 80-х годах XVII в. и сыграла несомненно важную роль в развитии просвещения в России в конце XVII и в первой половине XVIII в. В это время она была единственным высшим учебным заведением общеобразовательного типа в России. (Основание Славяно-греко-латинской академии связано с приездом ученых греков – братьев Лихудов, а они приехали в Москву из Константинополя 6 марта 1685 г. Автор единственной специальной монографии об академии С. Смирнов («История Московской Славяно-греко-латинской академии». М., 1855) именно с 1685 г. начинает историю академии,

выделяя время с 1685 по 1700 г. как первый период в ее истории.) В задачи академии входила подготовка образованных людей для государства и церкви. Средства на содержание академии отпускались главным образом государством. В программу академии входили науки как гражданские, так и духовные, «наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословия». В академию принимались люди «всякого чина, сана и возраста». Преобладали дети духовенства. Уже в конце XVII в. из Славяно-греко-латинской академии вышел ряд выдающихся деятелей науки и просвещения. Так, питомцем академии был первый русский доктор философии и медицины Петр Васильевич Постников. Он обучался в академии с 1685 по 1692 г., затем ездил за границу, в Италию, где в Падуанском университете закончил образование и получил ученую степень. Воспитанником академии был и автор первого русского руководства по арифметике Леонтий Федорович Магницкий. Преобразования Петра I в начале XVIII в. сказываются и на Академии. В связи с усилением влияния западноевропейской науки основной дисциплиной становится латинский язык – ученый язык средневековой и новой Европы. Преподавание греческого языка прекращается. Не случайно в официальных бумагах этого времени Славяно-греко-латинская академия большей частью называется «Латинскими школами», или «Славяно-латинскими школами». Большое внимание «Славяно-латинским школам» уделял Петр I, заставлявший служить ее целям, зачастую весьма далеким от интересов церкви. К руководству академии были поставлены такие дальновидные деятели русской церкви, как Гавриил Бужинский, Иосиф Турбойский и Феофилакт Лопатинский, безоговорочно поддерживавшие реформы Петра и выступавшие как публицисты по многим общественно-политическим вопросам того времени. Замечательной чертой «Славяно-латинских школ» в конце XVII и первой четверти XVIII в. являлось то, что они были сравнительно легко доступными подросткам различных классов и состояний. Ведомость состава учеников академии на 1729 г., составленная в Синоде, дает такие данные: всего было 259 учеников,

из коих дворянских детей только 3, детей духовенства – 95, солдатских детей – 79, детей мастеровых – 25, подьяческих детей – 21, детей посадских людей – 11, детей различных служителей – 9, детей приказных сторожей – 4, лекарских детей – 2, матросских детей – 1 и т. д. За другие годы в ведомостях отмечены дети типографских рабочих, ново-крещенных татар, даже «богаделенных нищих». Во второй четверти XVIII в. вводятся некоторые ограничения для поступления в академию. 7 июня 1728 г. последовал указ Синода, в ведении которого находилась академия, согласно которому велено было «обре-тающихся в московской Славено-греко-латинской академии в школах солдатских детей, обуча, отослать в полки в службу и впредь для обучения принимать таковых, о которых тех полков, в которых отцы их служат, от командиров прислано будет письменное уведомление, что они ныне и впредь в полки не надобны; а помещиковых людей и крестьянских детей, также непонятных и злонравных от помянутой школы отрешить и впредь таковых не принимать». Указ свидетельствует о том, что в академии до 1728 г. учились не только солдатские дети, но и крестьянские, и даже дети крепостных крестьян («помещиковых людей»); последние, очевидно, из числа беглых, так как трудно себе представить, чтобы помещик отпускал добровольно своих крестьян учиться в академию. Запрещение касалось детей как помещичьих, так и государственных крестьян. Через 3 года, в 1731 г., юноше Ломоносову удалось поступить в академию, только скрыв свое крестьянское происхождение. Указ 1728 г. больно ударил по «Славяно-латинским школам». Данные на 1729 г., приводившиеся выше, со значительным процентом солдатских детей и детей из других групп простонародья, отражают, очевидно, еще переходный период, но уже в следующем 1730 г. ректор академии Герман Копцевич жаловался в Синод, что духовенство не отдает своих детей в академию, а из других сословий запрещено принимать по указу 1728 г. и вследствие этого «число учеников во всей академии зело умалилось, и учения распространение пресекается». Указ 1728 г. не коснулся Крашенинникова, поступившего в академию в 1724 г. Его не отослали обратно в полк. В это время он учился уже в

средних классах. В 1732 г. он был в предпоследнем классе, классе философии, пройдя за 7 лет 7 классов, что могло быть результатом только успешного и непрерывного обучения. Правда, в низших классах можно было переходить из класса в класс в зависимости от успехов через полгода и даже через треть, но зато классы пиитики, риторики и философии охватывали каждый по два года обучения. Крашенинников не закончил курса обучения в «Славяно-латинских школах», из класса философии его направили в Академию наук. Такие события были нередки в училище. Петр I заявил в свое время патриарху Адриану, что училище – школа царская, а не патриаршая, и из нее надо посылать учеников «во всякие потребности – в церковную службу и в гражданскую, воинствовать, знати строеные и докторское врачевское искусство». А «потребы» государства в грамотных людях были очень велики. Воспитанники академии становились не только священниками, но и учителями, деятелями Пекинской миссии, дипломатами и т. д. В 1715 г. Петр вытребовал в Петербург 213 учеников академии и сам определил им назначения: одних перевел в Морскую академию, других – в гвардию, многих отправил за границу для изучения наук и языков. Степан Петрович Крашенинников был не единственным крупным деятелем русской культуры, который получил первоначальное обучение в стенах Славяно-греко-латинской академии. Воспитанниками «Спасских школ» в XVIII в. явились великий Ломоносов, гениальный зодчий В. И. Баженов, поэт и просветитель кн. А. Д. Кантемир, профессора Московского университета А. А. Барсов, А. М. Брянцев, С. Г. Зыбелин, Н. Н. Поповский, Н. И. Попов, поэты Е. И. Костров и В. П. Петров и др. Конечно, в «Славяно-латинских школах» только начинался жизненный путь этих замечательных деятелей русской культуры XVIII в., и не только обучение в этом учебном заведении определило их путь. Но «Славяно-латинские школы» сообщили им первые научные знания, приобщили их к русской культуре. Вот как оценивает А. Морозов роль Славяно-греко-латинской академии в жизни великого русского ученого: «Значение Московской академии для умственного развития Ломоносова заключалось не только в том, что он ос-

новательно изучил латынь, которая в то время была преддверием всех наук; не менее важно, что для него не пропал культурно-исторический опыт, накопленный к тому времени в России».

Таковую же роль сыграла Славяно-греко-латинская академия и в жизни Степана Петровича Крашенинникова. Его первый биограф Г.-Ф. Миллер не без основания полагал, что Крашенинников именно в «Законоспасском училищном монастыре... положил... в латинском языке, в красноречии и в философии доброе основание». Не закончив курса обучения в классе философии, Крашенинников был вызван в Петербург в Академию наук указом Сената «в исходе 1732 года» в связи с организацией экспедиции В. Беринга. 17 апреля 1732 г. состоялся указ об организации этой экспедиции, а 19 июня 1732 г. последовал новый указ – об участии в ней Академии наук. Академия наук должна была послать в экспедицию одного профессора и с ним двух «из российских студентов, которые б могли по Юпитеровым спутникам в разных местех долготу обсервовать и после, яко будучие в практике, сами в профессора вступить». На профессора и студентов возлагалось «также географическое порядочное описание и осмотр или примечание о плодах земных и минералах и металлах и ботаническое, ежели найдутся, учинить». В ответ на это предложение Академия наук представила свои соображения и высказалась за целесообразность посылки двух профессоров; один должен был производить «обсервации, или наблюдения астрономические, физические, анатомические и что до истории натуральной, или естественной, принадлежит», а другой должен был изучать все, что касается «до уставов веры и обычаев (тамошних) людей, до языков же древностей и письмен». С предложением послать с ними двух студентов Академия наук согласилась, подчеркнув, что должны быть посланы такие, «которые естественную историю чтоб нарочито знали». В связи с такой договоренностью Сената и Академии наук о посылке в составе экспедиции Беринга учеников Сенат затребовал в Славяно-греко-латинской академии 12 студентов. Затребовано было больше, чем было нужно, с тем чтобы, как писал позже Мил-

лер в своей «Истории Академии наук», «лучших направить в путешествие, а остальных употребить на другие дела». В декабре 1732 г. «Степан Крашенинников с товарищи» прибыли из Москвы в Петербург. Месяцем позже вызванные были подвергнуты испытанию в Академии наук. Экзаменовал их акад. Байер. 10 человек подверглись испытаниям по разделам: поэзия, синтаксис и грамматика, двое (Крашенинников и Попов) экзаменовались по логике и физике. В своем рапорте акад. Байер сообщал: «Экзаменуя их в логике Аристотеля, я нашел, что они хорошо владеют ею; но в физике их понятия так стары и так спутаны и в терминах так смешны, что я сам в этом не разобрался». Вызванные студенты получили дополнительные уроки, по естественной истории они проходили обучение в Кунсткамере, по географии их должен был обучать Миллер. 22 марта и 16 апреля 1733 г. состоялись новые именные указы, окончательно определившие состав академического отряда экспедиции Беринга. Во главе отряда были поставлены профессор астрономии Л. Делиль де ла Кроейер и профессор истории Г.-Ф. Миллер. При них состояли живописец Беркан, шрайб-мейстер Люрсениус, 5 «учеников»: Степан Крашенинников, Федор Попов, Лука Иванов, Василий Третьяков и Алексей Горланов – и академический инструментальный ученик Гаврила Кобылин. Указом 11 июня 1733 г. к Л. Делиль де ла Кроейеру и Г.-Ф. Миллеру был присоединен профессор И. Г. Гмелин, намечавшийся и ранее в состав экспедиции, но замененный вследствие болезни Г.-Ф. Миллером. Таким образом, в состав экспедиции были включены не 2 ученика Славяно-греко-латинской академии, как предполагалось первоначально, а 5. Одним из них и был будущий академик Степан Петрович Крашенинников. В августе 1733 г. академический отряд экспедиции Беринга покинул Петербург. «КП», 21 ноября 1987 г. Н. Киселева «Первые шаги». «12 июня Степан Петрович покидает Камчатку. В «Якуцке произошло знаменательное событие в жизни Степана Петровича: он женился, взяв в жены родную племянницу господина Павлуцкого – Степаниду Ивановну Цибульскую, дворянку» («Певец целомудрия», В. Васильев, «КП», 14 мая 1988 г.). Николай Алесандрович Краше-

нинников – праправнук исследователя полуострова. Он родился в 1878 г. в селе Петровское Оренбургской губернии. Окончил юридический факультет Московского университета. Русский советский писатель. Его книга этнографических очерков и рассказов «Угасающая Башкирия» (1907 г.) получила широкий отклик в еще дореволюционной России. В годы, когда декадентская литература пропагандировала аморализм, Н. А. Крашенинников в романах «Барышни», «Девственность» и других произведениях воспевал чистую любовь и целомудрие. А в дальнейшем, уже после революции, до самой своей смерти в 1941 г. в Уфе, он отдал немало сил инсценировкам классических произведений советской и русской литературы, в том числе «Капитанской дочки» А. С. Пушкина (1937 г.).

...Любопытно, что его литературные опыты вызывали интерес у А. П. Чехова и А. М. Горького.

Н. Н. Степанов

(<http://www.kunstkamera.ru:8081/siberia/AboutFull/Krashennnikov.pdf>)

КРЕНИЦЫНЫ

Фамилия камчадалов Щековского острога в долине реки Камчатка, расположенного недалеко от Нижнекамчатска. В этом острожке обычными были фамилии камчатских купцов и мореходов. Но ни селение, ни фамилии не сохранилась. Только осталась память.

А фамилию оставил камчадалам *Креницын Петр Кузьмич* (1728 – *утонувший в реке Камчатка 4 июля 1770 г.*), капитан 1-го ранга, исследователь Камчатки и Алеутских островов. Родился в 1728 г. В 1742 г. поступил в Морской кадетский корпус, в следующем году произведён в гардемарины, в 1748 г. в мичманы. В 1760 г., командуя бомбардирским кораблем «Юпитер», участвовал в Кольбергской экспедиции и заслужил самую лестную аттестацию контр-адмирала С. И. Мордвинова. Когда до сведения императрицы Екатерины II дошло, что русскими промышленниками открыты несколько островов в Беринговом море, государыня повелела Адмиралтейств-коллегии отправить «немедленно, по своему рассуждению сколько

надобно, офицеров и штурманов, поруча над оными команду старшему, которого бы знание в морской науке и прилежание к оной известно было». Выбор пал на капитан-лейтенанта Креницына, который при этом получил от императрицы Екатерины чин капитана 2-го ранга и золотые часы; он был назначен в 1764 г. начальником «секретной» экспедиции, снаряжённой для исследования новооткрытых островов. Помощником его был назначен М. Д. Левашов, которому в значительной степени была дана самостоятельность. Штурманами экспедиции были М. Ф. Крашенинников и Я. И. Шабанов. Сухим путем он отправился в Охотск, куда прибыл в конце 1765 г., а 10 октября 1766 г., командуя бригантиной «Св. Екатерина» с отрядом из четырёх мелких судов, отправился из Охотска; но суда его были разлучены сильным штормом и потерпели крушение 25 октября у берегов Камчатки, близ Большерецка: стоя на одном оставшемся якоре на двух дреках, Креницын переправил команду на берег и сам последним оставил судно. В 1767 г. на построенном им самим боте «Св. Гавриил» Креницын, обогнув мыс Лопатка, перешёл из Большерецка в Нижнекамчатск; в 1768 г., командуя галиотом «Св. Екатерина», вышел из реки Камчатки в Берингово море и дошёл до острова Уналашка. Дождавшись там М. Д. Левашова, который занимался описью Командорских островов, Креницын двинулся к острову Унимак, на котором обустроил свою промежуточную базу. Затем Креницын с Левашёвым обследовали северный берег полуострова Аляска, который приняли за остров. В конце 1768 г. Креницын вернулся на остров Унимак и зазимовал на нём; во время зимовки от цинги там погибла большая часть отряда. Летом 1769 года Креницын осмотрел группу небольших островов между Унимаком и Уналашкой, впоследствии названных островами Креницына (англ.). В 1769 г. произведён в капитаны 1-го ранга и, командуя тем же галиотом и начальствуя экспедицией, перешёл в Камчатку. Вследствие дурной и поспешной постройки судов, недостатка провианта и враждебного отношения туземцев экспедиция эта окончилась через четыре года без видимого результата; во время этой экспедиции Креницын и утонул 4 июля 1770 г. в реке

Камчатке, после чего суда экспедиции вернулись в Охотск под начальством капитан-лейтенанта М. Д. Левашёва, который, забрав людей, отправился в Санкт-Петербург. На основе собранных Креницыным и Левашёвым материалов была составлена первая карта Алеутских островов. Из открытий Креницына известна очень удобная гавань на острове Уналашке, названная гаванью Св. Павла (Датч-Харбор). Кроме группы островов в Алеутском архипелаге имя Креницына носят: пролив между островами Онекотан и Харимкотан (Курильские острова), мыс и вулкан на острове Харимкотан и мыс в Бристольском заливе Берингова моря. (Источники: Лурье В. М., «Морской биографический словарь». XVIII век. СПб, 2005; Магидович И. П., Магидович И. В., «Очерки по истории географических открытий». Т. III. «Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII–XVIII в.)». М., 1984; «Русский биографический словарь»: В 25 т. / под наблюдением А. А. Половцова. 1896–1918).

КРЕЧЕТОВЫ

Это фамилия равно относится к крестьянам и камчадалам, живших в трех камчатских поселениях – Ключах, Крестах (или Крестовском) и Козыревске.

Ключи – старинное поселение русских крестьян на месте древнего ительменского острога, жители которого за участие в Харчинском бунте и уничтожение Нижнекамчатского острога, первоначально расположенного на ключах, были переселены на реку Козыревку (один из руководителей бунта – дядя Федора Харчина Голгоч был у них тойоном – вождем), а новый острог был назван Козыревским острогом.

Что касается селения Кресты, то первоначально это тоже было поселение аборигенов-камчадалов. Вот, что пишет по этому поводу краевед В. И. Борисов: «Сегодня мало, кто знает, что на Камчатке было такое селение, и не может сказать, почему оно так называлось. Селение Кресты, или Крестовское, располагалось рядом с устьем реки Крестовки, где русские казаки в конце XVII в. поставили православный крест

– знак присоединения полуострова к Российскому государству. Традиционными жителями этих мест были ительмены. Затем, после эпидемии «гнилой горячки» в 1799–1800 гг., когда большая часть населения погибла, сюда в начале XIX в. переселили несколько семей крестьян из большой русской деревни Ключи. Они несли каюрную повинность, обеспечивая удобство проезда чиновников и других “государевых” людей, предоставляя им ночлег и стол. Точная дата образования Крестов неизвестна. Еще до прихода на Камчатку русских в этих местах находилось ительменское поселение. Об этом свидетельствует С. П. Крашенинников, располагавший его в 43 верстах от Харчино и в 61 версте от Голкова острожка. Лессепс, проезжавший по этим местам в 1788 г., пишет: “Первая деревня была на дороге (от Ушков. – В. Б.) Крестова, она мне показалась немного лучше прежней, но мало отличалась от прочих”. К. Дитмар сообщал, что Кресты основаны в 1820 г., но В. Головнин уже в 1810 г. отмечал, что острожек Крестовский находился на расстоянии 31 версты от Ключей. П. Громов указывает: “Креста ныне нет; но от него река Кчанутчш получила название Крестовой, а от ней и самое селение, состоящее из нескольких семей пашенных крестьян, давних переселенцев с Лены, названо Крестовским”. С Дитмаром согласен А. Кириллов, автор “Географическо-статистического словаря”, вышедшего из печати в 1894 г. Он пишет: “Крестовское селение на Камчатке... основано в 1821 году крестьянами, выселившимися из села Ключевского”».

Теперь понятно, почему фамилия Кречетовых оказалась в Крестах – село Кресты образовано как выселки села Ключи (Ключевского) в 1821 г.

Нечто подобное, на наш взгляд, произошло и в Козыревске – в связи с гибелью многих его жителей в результате эпидемий в Козыревск начали подселять жителей Ключей, не изменяя статуса поселения – как поселения аборигенов, поэтому переселенцев записывали в камчадалы (и потом могли снова переписать в крестьян, как мы будем наблюдать это в случае с козыревскими – крестовскими – ключевскими Рыковыми).

Были свои Кречетовы и в Ушках: Докучаева Мавра Ивановна. Родилась 30 апреля 1911 г. Родители: отец – камчадал

селения Ушковского Иван Ефериевич Докучаев и жена его Евфимия Феодоровна. Восприемники – крестьянин селения Ушковского Афанасий Зионович Кречетов и вдова камчадала того же селения Гликерия Матвеевна Варганова. Священник Павел Ворошилов. (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1911 г., ГАКК.) Но это, судя по всему, тоже одна из ветвей ключевских крестьян Кречетовых.

Представители всех основных родов Кречетовых приняли участие в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг.: Гавриил (Козыревск), Григорий и Тимофей (Кресты), Христорфор (Ключи).

В годы политических репрессий погиб Кречетов Максим Спиридонович.

Родился в 1900 г., Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Козыревск; русский; малограмотный; б/п; был кассиром почтового отделения. Проживал: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Козыревск. Арестован 1 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 10 августа 1938 г., обв.: по ст. 58-10-8 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 22 августа 1938 г. Реабилитирован 1 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

КРИВОГОРНИЦЫНЫ

В древнем камчадалском селении Кихчик это была основная родовая фамилия для всех его жителей, хотя Кривогорницыны состояли в родстве практически со всеми родами Камчатки.

В период обороны Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. в столкновениях с японскими хищниками принимали участие Илья и Илларион Кривогорницыны.

Позже в устье реки был построен один из крупнейших рыбоконсервных заводов на полуострове. Но в 1950-х гг. в связи с крупномасштабным дрейфтерным японским промыслом запасы лососей были катастрофически подорваны, и один из крупнейших на Камчатке Кихчинский рыбокомбинат был закрыт. Неперспективным было признано и дальнейшее развитие села Кихчик.

И Кривогорницыны разъехались, кто куда смог и захотел.

Вот какое письмо получили мы от одного из Кривогорницыных – Александра: *«Я один из потомков рода Кривогорницыных. Спасибо вам, что вы начали (на форуме сайта www.katchadaly.ru. – С. В.) эту интересную для меня тему. Сегодня большая часть Кихчинского рода Кривогорницыных живет в п. Раздольный, кто-то в других районах Камчатки. О тех, кто живет за пределами Камчатки, мне ничего не известно. Я встречал в “Одноклассниках” много людей с фамилией Кривогорницыных из разных регионов и городов России, но о родственных связях с этими людьми трудно что-либо сказать. Вообще я никогда не встречал в печатных изданиях исторические описания жизни нашего рода. Есть ли вообще такое? В 90-х годах на волне организации общин стали поднимать архивные записи и почти всем Кривогорницыным выдавали справки о рождении наших предков, датированные концом XIX века. Есть ли какая более поздняя информация, я не знаю. Если у вас есть какая-то информация, где можно что-то найти из жизнеописания или какие-то архивные данные, сообщите. Я помню, что в 90-х была попытка воссоздания родословного дерева работниками архива. Нам говорили, что над этим работают, но результатов этой работы я лично не увидел, хотя, возможно, что-то есть».*

Фамилия эта досталась камчадалам при крещении от казака Кривогорницына, который потом служил на Чукотке (Кривогорницын Семен, сотник, 1746 г., Анадырский острог), поэтому очень трудно было найти историческую параллель русской фамилии Кривогорницыных на самой Камчатке.

В архиве мы отыскивали сведения о семьях героев обороны Камчатки.

Илларион Кривогорницын:

Кривогорницына (Кривогорницына) Ксения Афанасьевна. Вдова камчадала с. Кихчик Иллариона Кривогорницына, 1893 г., 60 лет. Дети: Мефодий (21), Николай (18), Илларион (25), Алексей (41). Жена Иллариона Вера Викторовна (26). Жена Алексея Дарья Онуфриевна (34). Дети их: Илларион (8), Христина (22), Павел (20). Жена Павла Ксения Филипповна (16). Дочь их Стефанида (3).

Илья Кривогорницын:

Кривогорницын (Крывогорницын) Иона Венедиктович. Камчадал с. Кихчик, 1893 г., 42 года. Жена Агриппина Ивановна (42). Дети: Илья (18), Павел (11), Прокопий (2), Александра (5), Соломония (13), Екатерина (8). Брат его Василий (52). (Исповедальная роспись Большерецкой церкви, 1893 г., ГАКК.)

Николай Николаевич Кривогорницын, красноармеец, 1918 г. р., был призван на фронт Усть-Большерецким РВК. Погиб в феврале 1944 г.

КРУПЕНИНЫ

Об одном из Крупениных – камчатском Дерсу Узала – есть очерк Михаила Яковлевича Жилина.

Заповедник у Тихого океана

Постоянным спутником в походах исследователей по заповедной территории был каюр и проводник, камчадал Анисифор Павлович Крупенин. О нем Татьяна Ивановна вспоминала с необыкновенной теплотой:

«Когда мы встретились, ему шел 28-й год. Это был камчатский Дерсу Узала, помните такого следопыта и проводника в книгах исследователя Дальнего Востока Владимира Арсеньева? Так вот, он напоминал его. На редкость выносливый, неприхотливый, мужественный человек, незаменимый в походах. Что ни попросишь – сделает, из самой сложной обстановки найдет выход. Нет еды – потерпит. Случалось, по неделе одним чаем питался. И это при язве желудка, которой он страдал. Как помощник в научных делах, он был безупречен. Научился отменно препарировать коллекционный материал для Юрия Викторовича Аверина (он орнитологом был). Путевые записи Крупенина отличались четкостью, были верны и аккуратны. Он все помнил, ничего не забывал. Все умел. Словом, был идеальным спутником и верным товарищем в походах. Я ему обязана жизнью не раз».

Когда Крупенин в 1937 г. пришел работать в заповедник, у него уже был солидный опыт работы каюром. Он родился в

Сероглазке – поселке рыбаков и охотников, рядом с Петропавловском. С детства приспособился каюрить на собачьей упряжке. Он учился в Петропавловске на столяра и плотника в фабрично-заводском училище и одновременно окончил курсы киномехаников. Ему предложили кинопередвижку, транспорт – собачья упряжка. Маршрут от Начик до Средне-Камчатска и Толбачика. 14 населенных пунктов, 400 километров расстояния! Зимой на собачьей упряжке, летом – на бату по реке Камчатке. Два года проработал киномехаником. Ну, а потом, как поется в песне, «на почте служил ямщиком». На собачьей упряжке развозил почту из Начик. А в 35-м перешел работать в АКО (Акционерное камчатское общество). И знаете, кем? Каюром, в гараж. Не смейтесь. В те годы собачьи упряжки ох как выручали. Занесет пурга дорогу, машина не проходит, а собачья упряжка везде пройдет.

Анисифор Крупенин, 1983 г.

А в 37-м стал работать в заповеднике в Кроноках. Вот что он вспоминает: «В те годы селение это было маленькое. Пограничная застава, метеостанция... В заповеднике был всего один дом. Мы стали строить дома и на усадьбе заповедника, и на кордонах. Заготовливали лес, собирали выброшенные морем бревна, возили на лошадях и собачьих упряжках. С научными сотрудниками регулярно ходили в походы. Обследовали территорию заповедника, наблюдали за жизнью птиц и зверей, охраняли территорию от браконьеров. Нам помогали пограничники, и мы им тоже помогали. Пограничники говорили: «Увидите что-то необычное: следы или выброшенные лодки – сообщайте на заставу».

Иногда случалось быть в походах вместе с пограничниками. Помню, в самом конце февраля 1938 г. на заставу поступил приказ: организовать поиски самолета, летевшего из Усть-Камчатска в Петропавловск и пропавшего где-то в горах Кроноцкого полуострова. Начальник заставы Скобелев обратился в заповедник за помощью. Мы быстро собрались в поход до Чажмы. Директор заповедника Петров и я – на одной упряжке собак, на другой – пограничники: начальник заставы Скобелев, каюр краснофлотец Третьяков и радист, фамилии не по-

мню. С реки Тюшевки перешли на Оленью, которая вывела на перевал, а с него – на реку Ракитинскую. Доехали, куда было возможно на собаках, поставили две палатки. А сами на лыжах уходили на поиски самолета.

Кроноцкий горный узел – это толчея гор, распадков, ледники... Трудно разобраться, где что. Вышли на хребты на лыжах. Вокруг белым-бело. Мороз, тишина. Никаких следов не видно. Если упал самолет в распадок – обнаружить его очень сложно. Через несколько дней слышим звуки самолета. Над нами появился, как говорили тогда, «кукурузник». Заметил нас, покружился. Сбросил нам продукты: гречку, галеты, мясные консервы, сгущенку. С неделю ходили мы в горы на поиски экипажа самолета. В поход одевались легко, с собой брали только шоколад. Первое время пить хотелось после шоколада. Потом я оставался с упряжками собак, готовил пищу. А остальные продолжали поиск. По рации в конце дня связывались с базой. «Если ничего не обнаружили, возвращайтесь», – последовал приказ. Пограничники уехали, а мы остались обследовать территорию, по следам вели учет зверей и птиц до самой Чажмы. Вернулись в Кроноки только в апреле.

Позже стало известно: разбился самолет пограничников, командиром экипажа был опытный летчик капитан П. Мухачев. К домику Шубертовского рыбокомбината вышел едва державшийся на ногах человек. Увидев бегущих к нему людей, он проговорил: «Помогите, там ранены летчики, скорее...» На поиски вышло несколько групп. Самолет попал в сплошную облачность, зацепился за каменный выступ сопки и сорвался в ущелье. Единственный оставшийся в живых радист Иванов смог добраться к людям и рассказать, что произошло. К сожалению, помощь опоздала. Командир экипажа Мухачев, летнаб Лаврусюк и техник Баленко были смертельно ранены и погибли.

Работники заповедника и пограничники всегда сообщали друг другу о нарушениях. Однажды мы обнаружили в районе Чажмы землянку, а в ней – медвежью шкуру, двустволку 20-го калибра, патроны. Сообщили на заставу. «Это с Шубертова охоти-

лись, – через несколько дней сообщил нам начальник заставы. – Мы установили имена нарушителей. А оружие и патроны конфискуем, чтобы больше не охотились в заповеднике».

Мы слетали с Анисифором Павловичем в Долину гейзеров и в бывшее селение Кроноки на берегу Тихого океана. Он вспоминал походы по заповеднику вместе со своими постоянными спутниками – Татьяной Устиновой и Юрием Авериним. В 1946 г. Устинова и Аверин вынуждены были уехать с Камчатки из-за болезни дочери. Они работали в Крыму, в филиале Академии наук. Но с материалами, собранными на Камчатке, не расставались. Татьяна Ивановна написала книгу «Камчатские гейзеры» (1955 г.). Ей присвоена ученая степень кандидата географических наук. А Юрий Викторович Аверин стал доктором биологических наук, защитив диссертацию «Птицы Камчатского полуострова». Устинову и Аверина затем перевели в Академию наук Молдавии.

– Как же удалось сделать так много? – спрашиваю Анисифора Павловича.

– Молодость, энтузиазм. Было нам тогда по 28–30 лет. Татьяна Ивановна и Юрий Викторович заряжали своей энергией. Мы часто уходили в походы. Было тяжело. И даже очень.

Исчезнувший поселок Кроноки

Много времени уходило на поиски путей, прокладку троп. Иногда приходилось прорубать топором просеки в кедрачах, чтобы пройти. С медведями встречались порой носом к носу. Но вот что любопытно: тяжесть походов с годами улетучилась, а радость от увиденного, пережитого осталась на всю жизнь.

В 1987 г., после смерти мужа, Татьяна Ивановна Устинова уехала в Канаду к дочери, где и жила до последних дней жизни (она умерла 4 сентября 2009 г., немного не дожив до 96 лет).

А как сложилась судьба Крупенина? В ноябре 1952 г. волна цунами, обрушившаяся на Курильские острова и восточное побережье Камчатки, смыла поселок Кроноки. Крупенин остался жив благодаря тому, что во всем был дотошным человеком.

Ночью случилось землетрясение. В домах не стало слышно шума океанского прибоя. Крупенин уловил в этом необычность.

Оделся, вышел на берег и не увидел моря – вода ушла далеко от берега, оголив дно. От ученых экспедиций он слышал, что такая картина предшествует разрушительной волне цунами. Разбудил семью, соседей, захватил теплые вещи. С женой и двумя маленькими детишками успели подняться на береговую террасу. Нахлынувшая на берег волна, а за ней еще две слизали дома со всем имуществом! Когда рассвело, стали считать, кто цел, кого нет. Девяти человек недосчитались. Унесло волной в море жену начальника заставы старшего лейтенанта Выпрягайло и его шестилетнего сына. Летом пограничники дом построили. Когда большая волна нахлынула, окно выбило, семья оказалась в воде. «Папа, спасай!» – закричал из темноты сын начальника заставы. Он как был в застегнутом пальтишке, так его и вынесло в море. Стоял в воде, ручонки протягивал. Бросились пограничники друг за другом, вытащили парнишку... И жену спасли. А жена младшего лейтенанта погибла.

«Начальник заставы пригласил в обед наши семьи в казарму (она уцелела): “Обогреетесь, поедите”. Стали еду готовить. Вдруг завхоз прибегает: “Только что передали по радио, нужно уходить на террасу, может быть еще цунами”.

Ночь с 6 на 7 ноября провели на террасе. Нашли небольшое углубление в земле. Палатку поставили, кто-то дал ватный спальник. А утром проснулись – снег засыпал палатку. Первый снег наступавшей зимы. Несколько дней продержались, пока не подоспела помощь. В беде люди друг к другу тянулись. Вместе легче было пережить беду».

В 1953 г. по настоянию жены Крупенин переехал на ее родину, в станицу под Пятигорском. Ко времени встречи с Анисифором Павловичем Крупениным у меня в блокноте была фамилия Крупенина Василия Ивановича, жителя села Сероглазка, отличившегося во время обороны Петропавловска в 1854 г. от англо-французской эскадры. Добровольцем вступил он в отряд ополченцев, храбро сражался и был награжден медалью за оборону Петропавловска. Не родственник ли Анисифору Павловичу, ведь он тоже уроженец Сероглазки? Я показал Крупенину репродукцию фотографии, находившейся в экспозиции областного краеведческого музея.

– Нужно уточнить у сестры, Марии Павловны, она живет на улице Партизанской. Она старше меня и должна знать...

Через час он позвонил по телефону:

– Сестра сказала, что это наш дедушка.

Мы съездили в краеведческий музей, где была экспозиция, посвященная обороне Петропавловска. На пожелтевшей от времени фотографии – старик с седой бородой, в длинной рубахе. На груди – медаль. Рядом с ним – женщина и трое детей: два мальчика и девочка.

– Это наши дедушка и бабушка и их дети – Иван, Александр и Калиста, наши дяди и тетя, – сказала Мария Павловна.

Василий Иванович Крупенин – казак. В 1853 г. вместе с казачьими семьями (всего 63 человека) был переселен по указанию губернатора В. С. Завойко из упраздненной крепости в Гижиге. Они и основали на берегу Авачинской бухты поселение Сероглазка.

– Наша бабушка прожила 115 лет, при этом 90 лет была слепой, – говорит Анисифор Павлович. – Но вырастила пятерых сыновей и дочь. Отец служил в Верхне-Камчатске, основанном еще Владимиром Атласовым. Там и женился на Феоктисте Иннокентьевне Верещагиной, камчадалке.

При упоминании фамилии Верещагиных сердце у меня дрогнуло. Ведь это же известнейшая в истории Камчатки фамилия. С Верещагиным, «служилым человеком», встречался С. П. Крашенинников. Сыновья Верещагина сыграли огромную роль в распространении православной культуры на Камчатке и Курильских островах. О старшем сыне, Романе, с теплотой вспоминали участники экспедиции Д. Кука. От этого семейства Верещагиных, несомненно, тянется ветвь матери Крупенина.

– Без родителей я остался рано, – говорил Анисифор Павлович. – Отец умер, когда мне было три года. В 1916 г. он сопровождал охотоведческую экспедицию, которая на юге Камчатки обследовала соболиные угодья. По рассказам, отец заболел оспой и похоронен где-то в бухте Асача. А через год умерла мать. Нас, пятерых детей, взяли к себе родственники. Я воспитывался в семье Поповых – Варвары Ивановны, родственницы матери, и Ивана Степановича. У них было пятеро своих детей...

Род Крупениных прослеживается на Камчатке на протяжении полутора веков. Его представители осваивали полуостров, несли православную культуру, исследовали природные богатства, защищали родную землю от англо-французской агрессии в 1854 г., а в 1904 г. – от японцев (казак Павел Крупенин – не отец ли Анисифора Павловича? – был в составе группы, не допустившей в июле 1904 г. высадки японцев на мыс Лопатка и получил Георгия 4-й степени).

Вполне возможно, что камчатские Крупенины – потомки военных, прибывших на полуостров в составе Сомовского полка (Камчатского гарнизонного батальона). По крайней мере, мы имеем информацию из архивов о том, что в 1812 г. в Нижнекамчатске жил 16-летний воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Крупенин Иван Трофимович (но у нас есть информация и о том, что в этом учреждении воспитывались и дети (отнюдь не сироты) камчатских казаков) (РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4).

Казаки Крупенины (или бывшие военные, записанные в казачье сословие) состояли на службе в Гижигинской запасной казачьей сотне, откуда в 1853 г. они были откомандированы на Камчатку в село Сероглазка на берегу Авачинской бухты, где и приняли самое непосредственное участие в обороне Петропавловского порта.

Мы знаем имена двоих из ветеранов обороны нашего города: Крупенин Федор Трофимович, казак, из казачьих детей (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 2, д. 128), и Крупенин Василий Иванович, казак из Сероглазки, урядник (Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105).

Участвовали казаки Крупенины и в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг.: это Александр, Егор, И. В. (? – так в документах), Петр.

Особо был отмечен по итогам этой войны казак Павел Крупенин: награжден Георгиевским крестом 4 ст. за охрану бобровых лежбищ на мысе Лопатка. «Урядник Камчатской казачьей команды Петр Толстихин, казаки Павел Крупенин, Николай

Селиванов, Николай Пинизин, Николай Волынкин, Чудинов, Помазкин – отразили попытки высадки японцев на бобровые лежбища м. Лопатка» (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

По Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 г. мы собрали информацию о семьях казаков Крупениных – героев обороны Камчатки в 1904–1905 гг.:

Василий Иванович Крупенин, отставной казак, герой обороны Петропавловского порта 1854 г. (73 года, вероятно, глава большого семейства казаков Крупениных – Васильевичей, которые жили уже самостоятельными семьями и отдельными домами), жена Ирина Илларионовна (61), дети: Павел (22), Каллиста (18).

Егор Васильевич Крупенин (21), жена Матрена Иннокентьевна (21), брат Петр Васильевич (24).

Иван Васильевич Крупенин, льготный казак (33), жена Наталья Егоровна (32), дети: Ксения (6), Ираида (3), Евдокия (2 м). Брат Александр Васильевич Крупенин (30), жена его Ирина Матвеевна (26), дети: Василий (5), Елена (4), Варвара (2).

Трофим Васильевич Крупенин, кантонист (33), мать его – вдова Татьяна Степановна Крупенина. Жена – Прасковья Григорьевна. Дети: Наталья (112), Анна (8), Федор (4), Григорий (2).

Но и в книге «Памяти жертв политических репрессий» этой фамилии также уделено немало места:

Крупенин Василий Иванович, 1901 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка; русский; образование: педагогические курсы; б/п; был ответственным делопроизводителем АКО; место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 06.06.1938. Осужд. 15.08.1938. Особое совещание при НКВД СССР. Обв. по ст. 58-6 УК РСФСР. Расстр. 26.08.1938. Реаб. 06.11.1957. Реабилитирован определением Главного военного прокурора ДВО.

Крупенин Василий Егорович, 1893 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка; русский; образование: грамотный; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка. Арест: 29.03.1933. Осужд. 01.01.1934, тройка при

ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Расстр.: январь 1934. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Крупенин Павел Александрович, 1898 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка; русский; образование: малограмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка. Арест: 04.05.1933. Осужд. 01.01.1934, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Расстр.: январь 1934. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Крупенин Петр Александрович, 1893 г. р. Место рождения: Петропавловск-Камчатский кр., с. Сероглазовка; русский; образование: начальное; б/п; работал рулевым парохода «Интернационал» треста «Байкалзолото»; место проживания: Иркутская обл., Слюдянский р-н, с. Лиственничное. Арест: 25.02.1938. Осужд. 05.09.1938. Комиссия НКВД СССР и Прокурора СССР. Обв. по ст. ст. 58-1 «а», 58-8, 58-11 УК РСФСР. Расстр. 11.10.1938. Место расстрела: г. Иркутск. Реаб. 20.09.1957, реабилитирован определением Военного трибунала Воронежского военного округа.

Крупенин Петр Александрович, 1893 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка; русский; образование: городское училище; б/п; был рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка. Арест: 02.03.1932. Осужд. 04.08.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: лишен права проживания на Камчатке и в 100 км пограничной зоны. Срок запрета не указан. Реаб. 19.02.1990. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Это не ошибка – в списках двое полных тезок – два Петра Александровича Крупенина, одинаково рожденных в 1893 г. в Сероглазке, судьба которых так трагически совпала.

Но фамилия пускала все новые и новые корни, обрастая, как водится, новыми свежими ветками.

Крупенина Ираида Ивановна. Дата рождения – 23 сентября 1890 г. Родители – казачьего ведомства кантонист Иван Васильевич Крупенин и законная жена его Наталья Георгиевна. Таинство крещения совершал протоиерей Петр Донской.

Только от одной этой фамилии пошли на Камчатке новые многочисленные отросточки – Щукины, Кузнецовы, Волесевич.

Крупенина Евстолия Павловна. Родилась 14 мая 1910 г. Родители – отставной казак Петропавловской казачьей команды Павел Васильевич Крупенин и жена его Феокиста Иннокентьевна. Восприемники – жена мещанина г. Петропавловска Николая Михайловича Коршунова – Екатерина. Священник Иоанн Пось. Новая ветвь этого рода – Каниськины.

Крупенина Елена Георгиевна. Родилась 20 мая 1913 г. Родители – отставной казак Камчатской казачьей команды, проживающий в селении Скрожут, Георгий Васильевич Крупенин и жена его Матрона Иннокентьевна. Восприемники – хорунжий Гижигинской казачьей команды Стефан Георгиевич Падерин и вдова Петропавловского купца Параскева Петровна Брагина. Священник Петр Васильев.

Здесь родилась еще одна из веточек большого крупенинского дерева – Лактионовы.

А мужская часть рода все редела и редела – ведь началась Великая Отечественная война: гвардии красноармеец Нарцис Васильевич Крупенин, 1924 г. р., служил в 35-й гвардейской стрелковой дивизии. Убит 26 марта 1943 г. Захоронен в с. Красная Гусаровка Савинского района Харьковской области, Украина.

КРЫЖАНОВСКИЕ

Тигильские казаки.

Крыжановский Гавриил Николаевич (командир Тигильской дружины в период обороны Камчатки от японцев в 1904–1905 гг.), 1893 г., казак, 44 г. Дети: Николай (21), Евгения (17), Матрена (13) (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК).

В Тигильской дружине состоял также Маркел Крыжановский, сын отставного казака Прокопия Николаевича Крыжа-

новского, вероятно, младшего брата Гавриила Николаевича (39 лет в 1893 г.), также участвовавшего в обороне Камчатки в составе Тигильской дружины.

Информацию о сыне Гавриила Николаевича мы обнаружили в базе данных о жертвах политических репрессий на Камчатке: Крыжановский Николай Гаврилович, 1879 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: сельская школа; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 24.09.1937. Осужд. 01.02.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. в «антисоветской агитации и продаже пушнины иностранным фирмам» (без ссылки на закон). Расстр. 01.04.1938. Реаб. 20.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

И совершенно неожиданно для себя совершенно в другом документе мы нашли информацию о псаломщике Крыжановском: Ласточкина Параскева Алексеевна, род. 13 августа 1909 г. Родители – камчадал селения Укинского Алексей Федотович Ласточкин и законная жена его Олимпиада Петровна. Восприемники – псаломщик Дранкинской Иннокентьевской церкви Михаил Николаевич Крыжановский и жена камчадала селения Дранкинского Анна Алексеевна Бекерева. Таинство крещения совершал Дранкинской церкви иеромонах Варфоломей. (Метрическая книга Дранкинской церкви за 1910 год, ГАКК.)

КРЫКОВЫ

В нашей картотеке обнаружено всего две записи о представителях этой камчатской фамилии, но они интересны для нас тем, что показывают связь между поколениями на протяжении длительного времени:

Крыков Иван, заказчик Нижнекамчатского острога (С. П. Крашенинников, «Описание земли Камчатки», М-Л, 1949 г., стр. 761, 762; «Колониальная политика царизма...», стр. 50, 51, 53, 54, 57, 60, 73), руководивший подавлением Харчинского бунта в 1731 г.

Крыков Дмитрий Семенович, казак Нижнекамчатской казачьей команды, 17 лет. (Камчатские росписи 1812 года Успенс-

кой и Николаевской церковей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

КСЕНОФОНТОВЫ

Упоминается в Исповедальной росписи Облуковинской церкви – Ксенофонтовы, камчадалы, с. Белоголовое. Русских носителей этой фамилии на Камчатке, которую при крещении получили Ксенофонтовы, пока не обнаружено.

КУЗНЕЦОВЫ

7 января 1984 г. в газете «Камчатская правда» появился первый материал исторического цикла «Камчатские фамилии», который открывался очерком «Кузнецовы».

Дело в том, что и для меня самого это была первая камчатская фамилия, которую я для себя открыл еще в детстве. Просто моим другом был Витя Кузнецов, годом старше меня, с которым мы жили в соседних домах на одной улице, Артиллерийской, в старом Усть-Камчатске. Отец Виктора – Кузнецов Гавриил Константинович был родом из села Камаки, потомственным камчадалом, а Виктор стеснялся своего национального происхождения (кстати, в бывшем казачьем Усть-Камчатске еще в нашем детстве сохранялись следы былого русского превосходства над аборигенами, и даже мой отец, помню, отговаривал меня дружить с двоюродной сестрой Виктора, только потому, что она камчадалка, хотя и признавал, что она настоящая красавица. Правда, мой отец так никогда и не узнал, что его любимая невестка, моя жена Татьяна, тоже потомственная камчадалка, так как выяснили мы это уже после его смерти, когда я вплотную занялся историей камчатских фамилий и вплотную подошел к казакам Усовым). Вот это Викторovo стеснение и желание каким-то образом защитить и Виктора, и его родных, и двоюродных сестер подспудно двигали мною многие годы и, в конечном итоге, привели к изучению истории своей земли и народов ее населяющих в древности и сейчас, то есть благодаря именно им, потомкам камчадалов Кузнецовых, начал я еще в детстве увлекаться краеведением.

И камчатские фамилии стали открытием в этот большой мир человеческих судеб и исторических событий, участниками которых были жители Камчатки.

Патриархом рода Кузнецовых был Камак – тойон (вождь) Пеучева острожка или Шваннолом, который впоследствии получил по имени вождя свое новое название Камаки, под которым известен был многие годы, пока село не было закрыто и упразднено в годы Советской власти.

Камак был крупной фигурой в долине реки Камчатка. Он не примкнул к Харчинскому бунту в 1731 г., но его подозревали в причастности к бунту, организованному в 1746 г. камчюкой Алексеем Лазуковым и коряками Умьевушкой (Дранкой) и Ивашкой. Кстати, А. С. Пушкин, собирая материал по Харчинскому бунту, особо отмечал значение Камаковского острожка: «§ 81. Камчадалы Камакова острожка готовы были пристать к Харчину (всего сто человек); к счастью, партия не дала им на то времени. Малолюдные острожки непременно последовали бы их примеру» (А. С. Пушкин, «Материалы для заметок о книге С. П. Крашенинникова “Описание земли Камчатки”»).

После крещения Камак стал Степаном Алексеевичем Кузнецовым.

Последними покинули осиротевшее село Камаки супруги Медведевы – Василий Терентьевич и Галина Константиновна (Кузнецова в девичестве, родная сестра дяди Гани, Гавриила Константиновича). Василий Терентьевич в тридцатые годы строил линию телефонной связи Усть-Камчатск – Козыревск и остался жить и работать в Камаках линейным объездчиком. Как оказалось, практически на всю жизнь. И не случайно, еще в восьмидесятые годы речники-катерники называли мыс, открывающий некогда вид на это село, мысом Медведева.

Двое из Гавриилов Кузнецовых приняли участие в боевых действиях против японцев – Гавриил Константинович в 1945 г., а его родник Гаврила Кузнецов из Камак был в составе Усть-Камчатской дружины и оборонял восточное побережье в 1904–1905 гг.

Но вернемся к истории происхождения этой камчатской фамилии.

Еще в 1676 г. казачий пятидесятник Федор Яковлевич Кузнец доносил в Якутск о морских бобрах-каланах, то есть был в числе первых, кто уже знал или только еще узнал о существовании нашего полуострова. Казаки Кузнецовы были и в первых рядах покорителей Камчатки, за что и поплатились: в 1731 г. казачий сын Иван Кузнецов был убит восставшими камчадалами. Вот после этих событий и накануне событий 1746 г. и стал нижнекамчатский казак Алексей Кузнецов крестным отцом камчадала Степана Алексеевича Кузнецова, бывшего тойона Камака. В Указателе личных имен в «Описании земли Камчатки» С. П. Крашениникова указано: «Алексеев Степан (Камак) – камчад. тойон новокрещен.». Но это только часть имени – полное имя тойона Камака после крещения – Степан Алексеевич Кузнецов, стр. 664–665. «Шваннолом (Камаков) острожек, от верхнего устья протоки Швалонотам в полуверсте стоит на правом ее берегу, строения в нем зимовье, где живут тойон того острожка, 5 юрт иноземческих, 58 балаганов, ясашных иноземцев при острожке живут 80 человек, в том числе 15 собольников, а всех присудных здешнему острожку камчадалов... человек. Тойон новокрещен Степан Алексеев, иноземческим званием Камак» (С. П. Крашениников, «Описание земли Камчатки», М-Л, 1949 г., стр. 190, 665, 831; «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр. 63, 68, 97, 101, 107).

В 1754 г. эта фамилия вновь отмечена в Камаках при крещении, но на этот раз, скорее всего, крестным выступает один из купеческих приказчиков Кузнецовых, которые прибыли на Камчатку для организации промысловых экспедиций в Русскую Америку и вербовали местных охотников совершить вояж на Алеутские острова, богатые морскими бобрами. Особенно известен был Арсений Кузнецов (см. роман-исследование «Встречь солнцу»).

Кузнецовы, ставшие государственными крестьянами, прижились в Нижнекамчатске: Кузнецов Иван Васильевич, староста села Нижнекамчатска, государственный крестьянин, 68 лет. Жена Анисья Михайловна (64). Дети: Василий (23), Анисья (37). Внуки: Георгий (16), Феодосий (15), Иоанн (9), Иосиф (5),

Параскева (12). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.) А по этому документу мы видим, что Кузнецовы жили в Нижнекамчатске и в 1904 г.: Портнягина Анна Георгиевна. Род. 18 декабря 1904 г. Родители – крестьянин Нижнекамчатского села Георгий Петрович Портнягин и жена его Акулина Стефановна. Восприемники – крестьянин того же села Никифор Георгиевич Кузнецов и крестьянская дочь девица Ирина Михайловна Никифорова Нижнекамчатского села. Свящ. Геронтий Коллегов с и. д. псаломщика Николаем Сновидовым (Выписка из метрической книги Нижнекамчатской Успенской церкви за 1904 г., ГАКК). Никифор Георгиевич – правнук старосты Ивана Васильевича Кузнецова, о котором в свое время с большой теплотой и почтением писал Карл фон Дитмар.

«Старый городничий Кузнецов угостил меня к ужину отлично зажаренными утками и рыбами, в ответ на что я пригласил его на чай. Когда в заключение на столе появился еще и грог, старик стал слоохотлив и рассказал мне некоторые очень интересные события из своей жизни. Хронологические данные рассказчик, при ослабевшей памяти, мог, конечно, как он и сам признавался, приводить лишь в круглых числах. Тем не менее, сообщения, полученные непосредственно от очевидца, не лишены ценности. Здесь я хоть вкратце привожу главные факты, оставляя за собой право в главе, специально посвященной истории Камчатки, еще раз воспользоваться сообщениями Кузнецова и сравнить их с рассказами других здешних старожилов. Кузнецов, сын очень зажиточных родителей, живших в Нижнекамчатске, родился около 1770 г. И, подобно своему отцу, занимался торговлей. Еще молодым человеком он отправился к родственникам в Вологду, чтобы там научиться торговому делу. В 1804 г. Кузнецов вернулся в Нижнекамчатск и с того времени безвыездно жил на Камчатке. Составив себе большое состояние, он затем, вследствие нескольких кораблекрушений, опять потерял его. Теперь ему было более 80 лет и приходилось жить в самых стесненных обстоятельствах, совершенно так же бедно, как камчадалам и здешним русским; но по всей стране он пользовался глубоким уважением. Стар и

млад одинаково относились к нему с величайшим почтением».

В Петропавловске жили мещане (возможные потомки как торговых, так и служилых людей, вполне вероятно, родственники нижекамчатских Кузнецовых): Кузнецов Автоном Андреевич, 1903 г., петропавловский мещанин (ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 10; Исторические тетради Ирины Васильевны Витер).

Хорошо прослеживаются и следы камчадалов Кузнецовых:

Кузнецов Тимофей Степанович, камчадал Камаковского селения, 1812 г., 37 лет. Жена Матрена Ивановна (36) (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4).

Кузнецов Тимофей Степанович, камчадал в селении Камаковском, 68 лет. Жена Марина Петровна (44). Дети: Михаил (16), Герасим (13), Дарья (14). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Очень яркую память о себе оставил участник Большерецкого бунта 1771 г. камчадал Яков Кузнецов (см. роман-исследование «Встречь солнцу»).

Фамилия Кузнецовых была и среди крещеных алеутов, особенно известен крестник Арсения Кузнецова Кузнецов Осип Арсентьевич – переводчик в экспедициях по освоению Русской Америки, награжденный Екатериной Великой персональной медалью «За полезные обществу труды».

Описание Лиц. ст. Профильное, поясное, вправо обращенное изображение Екатерины II, с ниспадающими на плечи локонами, с вплетенной в них ниткой жемчуга, в короне и мантии и с Андреевской лентой через правое плечо. Вокруг портрета надпись: «Б. М. Екатерина. II. Императ., и самодерж. Всеросс.»; внизу, у предплечья императрицы, видна подпись мастера – «Ивановъ». Об. ст. В изящном орнаменте с цепью ордена св. Андрея Первозванного размещена горизонтальная четырехстрочная надпись: «За полезные обществу труды 1762. Году. Августа. 31. Дня». Золото, диам. 42 мм, достоинством в 10 червонцев. Портретную сторону штемпелей резал Г. Иванов, оборотную – С. Юдин.

Медалью была награждена целая компания купцов-пайщи-

ков численностью 12 человек: «Тобольский (купец) Илья Снегирев, вологодские Иван Буренин и Иван Кульков, яренские Иван Томилов и Афанасий Суханов, тотемские Андрей Титов и Григорий и Петр Пановы, московский Егор Сабинин, тульские Семен Красильников и Афанасий Орехов и лальский купец Афанасий Чабаевский “за предпринятую экспедицию на дальние Алеутские острова на судне “Св. Иулиан” для сыскания новых земель и для приво́ду тамошнего... народа в (российское) подданство”».

Это было долгое и трудное плавание в северной части Тихого океана. 2 сентября 1758 г. «Св. Иулиан» с экипажем в 42 человека вышел из устья реки Камчатка и сразу же попал в сильный шторм, во время которого было сорвано два якоря. Зиму путешественникам пришлось провести на острове Медном, где из остатков железа берингового пакетбота «через немалый труд» отковали новые якоря. С весной, запасшись сушеным мясом морских коров, мореходы направились вдоль Алеутской гряды и через месяц достигли острова Умнак. За ним «в пятидесяти верстах» открыли большой остров Уналашку, где туземцы встретили русских стрелами с наконечниками из кости и камня. Но затем постепенно наладились дружественные отношения, так что «...в доказательство своей дружбы местный тойон (вождь) отдал капитану Глотову в аманаты (заложником) своего тринадцатилетнего племянника». В своем отчете сибирскому губернатору Чичерину Глотов впоследствии доносил, что алеуты «...желание возыметь и впредь быть в подданстве и чтоб к ним русские люди всегда на судах ходили и что они будут ясак платить». Обратный путь «Св. Иулиана», после долгих скитаний по островам, был еще трудней. Плавание затянулось из-за встречных штормовых ветров, люди «...имели великие недостатки в воде и пище, так что и последнюю с ног обувь варили и в пищу употребляли». Четырехлетнее плавание «Св. Иулиана» имело большое значение для России. Оно обогатило науку коллекциями редких минералов, интересными этнографическими материалами, новыми сведениями об островах и картой, составленной участником экспедиции

Петром Шишкиным. По медали «За полезные обществу труды», введенной сразу же при вступлении Екатерины II на престол, можно судить, какое большое внимание в то время уделяла новая императрица вопросу развития мореплавания и изысканию новых земель в Тихом океане. Наступала новая эпоха возрождения традиций Великого Петра, и эта медаль была первой ласточкой в последующей великой серии наград Екатерины II. На рассматриваемой купеческой медали указана дата возвращения «Св. Иулиана» из экспедиции. Носили ее на широкой шейной ленте ордена св. Андрея Первозванного. Позднее подобной медалью были награждены купцы – Иван Никифоров и Василий Шапкин, а также мореходы Гаврила Пушкарев, Андреян Толстых и участвовавшие в плавании – Петр Васютинский и Максим Лазарев. Золото, диам. 42 мм, достоинством в 10 червонцев. Медаль идентична предыдущей, с разницей лишь в дате, указанной на оборотной стороне – «1767. Году. Апреля. 20. Дня». Штемпели резали те же мастера – Т. Иванов и С. Юдин. Награждены этой медалью были купцы-промышленники: великоустюжский – Василий Шилов и соликамский – Иван Лапин за четырехлетний вояж к дальним Алеутским островам для изыскания сведений и открытия новых земель. Шилов начертил новую карту Алеутской гряды, затем через всю Сибирь доставил в Петербург «алеута в одежде из птичьих шкур» и там лично давал сведения Адмиралтейств-коллегиям о новых землях. Он настаивал на заселении полуострова Аляска, мотивируя тем, что «...там можно найти много выгод. Ходить туда следует на больших кораблях...» Он рассказывал членам коллегии любопытные истории о свойствах жителей тех земель: «нет у них никакого богослужения, брачных и праздничных собраний... О собственности они тоже ничего не знают... живут в общих многосемейных юртах...» и пребывают на белом свете «до ста и даже более лет». Там же в Петербурге Шилов получил свою золотую награду. С ним на Камчатку была отправлена и медаль для Ивана Лапина. Носили медаль на шейной ленте первого ордена. На год позднее, в 1768 г., такой же медалью был награжден вологодский купец

Федор Буренин за организацию вояжа на самый дальний остров Алеутской гряды – Унимак, отделенный от полуострова Аляска лишь нешироким Исаноцким проливом. Золото, диам. 42 мм, достоинством в 10 червонцев. Медаль, идентичная предыдущим, с разницей лишь в дате, указанной на оборотной стороне – «1770. Году. Июля 15 дня». Штемпели для ее чеканки резали те же мастера – Т. Иванов и С. Юдин. Этой медалью был награжден, впервые в истории России, туземец – крещеный алеут, нареченный Осипом Арсентьевичем Кузнецовым. Он был привезен на Камчатку в качестве аманата с острова Атту, выучил русский язык и стал прекрасным переводчиком. В дальних экспедициях он активно проводил переговоры, успешно налаживал контакты русских промышленников с туземным населением островов, и, как писал губернатор Сибири Д. И. Чичерин в своей реляции Екатерине II – «те суда, на которых он (Кузнецов) был во время бытности на Алеутских островах... безвредно, с хорошей добычей возвращались на Камчатку». После того, по желанию императрицы, этот толмач-алеут был доставлен в Петербург и представлен лично императрице, после чего последовал указ о его награждении. Медаль была ему выдана без ушка и ленты «...с тем, однако ж, чтоб он ее на себе не носил». Он не мог быть приравнен к купеческому сословию, хотя и был заслужен таковой почетной наградой. Золото, диам. 42 мм, достоинством в 10 червонцев. Медаль, идентичная предыдущим, выполнена теми же мастерами – Т. Ивановым и С. Юдиным. Награжден ею был в 1779 г. якутский купец Лебедев-Ласточкин за предпринятый секретный вояж к Южным Курильским островам с целью налаживания торговых связей с Японией. Все попытки России в то время пробить стену самоизоляции Страны восходящего солнца не достигали цели, и только Лебедеву-Ласточкину во время трехлетней экспедиции удалось впервые осуществить контакт с промышленниками и купцами японского судна «Танги-Мару» 19 июня 1778 г. Этот вояж имел политическую основу и был снабжен специальной инструкцией: «...следовать под видом звериных промыслов на Курильские дальние острова и до последнего ныне нам извест-

тного двадцать второго, Аткинса называемого... и между тем важная услуга принята будет, если с японцами увидясь и учиня знакомство, завести с ними торг». Дорого обошлось якутскому купцу это путешествие, в котором было потеряно два судна – «Св. Николай» и бригантина «Наталья». Но несмотря на это, экспедиция Лебедева-Ласточкина проторила дорогу в Японию Адаму Кирилловичу Лаксману, которому удалось в 1792 г. добиться официального разрешения на посещение один раз в год порта Нагасаки. По ходатайству генерал-прокурора Сената А. А. Вяземского и по личному указанию Екатерины II, за то, что названный купец «...имел случай первый свести знакомство с японцами и положить начало к заведению с ними торга...» и была вручена ему медаль на шейной Андреевской ленте. Это была последняя медаль с надписью «За полезные обществу труды», отчеканенная «...в десять червонных по примеру тому, како в 1764 и 1767 годах... даны, но с датой 1779, апреля, 18 дня». (Источник: <http://www.trio.ru>.)

КУЗЬМИНЫ

В составе Петропавловской дружины обороняли Камчатку в 1904–1905 гг. Кузьмины Василий и Леонтий Павлович (младший унтер-офицер, награжден Георгиевским крестом 4-й степени, участвовал при отражении японцев на р. Озерной 17 июля и на реке Воровской 9 августа 1904 гг.). (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

КУЛЕШОВЫ

Эта фамилия рядового Камчатского гарнизонного батальона и его сына на Камчатке не сохранилась, но она нам послужит еще одной иллюстрацией того, что в военно-сиротском доме этого батальона воспитывались отнюдь не сироты:

Кулешов (Кулешев) Иван Елисеевич, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 36 лет. Жена Акалина Ильинична (29). Дети: Марья (9), Варвара (3). Воспитанница Евдокия (12).

Кулешев Ефим Иванович, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного

батальона, 8 лет. (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

КУРДЮМСКИЕ

Первое упоминание в документах: Курдюмский Василий, казачий сын, участник подавления Харчинского бунта в 1731 г. («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр. 64).

Но фамилия прижилась в с. Ключи, среди крестьян Курдюмских. Версий может быть три. Первая – казачий сын Курдюмский, проживавший в сожженном камчадалами Нижнекамчатске, где впоследствии крестьяне, прибывшие из Илимского края, основали селение Ключевское, не был поверстан «на убылое место» в казаки и приписан к ключевским крестьянам. Вторая версия – это самостоятельная старожильческая ветвь русских крестьян Курдюмских, переселенных из Сибири на Камчатку. И третья – это потомки рядового (может быть, в свою очередь, потомка казаков, по происхождению) Камчатского гарнизонного батальона Гавриила Ивановича Курдюмского, который после расформирования батальона принял решение остаться на Камчатке и поселился в Ключах (основания для этого были: вдовый отец – Курдюмский Иван Гаврилович, отставной подканцелярист, 45 лет, у которого две дочери на руках: Устиния, 15, Анна, 8). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Хотя эти три версии могут быть связаны и в одну цепочку – казаки Курдюмские, ставшие солдатами и записанные после расформирования Камчатского гарнизонного батальона в ключевские крестьяне.

В списках народных ополченцев, оборонявших Камчатку от японцев в 1904–1905 гг., мы находим Гавриила Курдюмского из Ключей. Вероятно, это сын Ивана Дементьевича Курдюмского, имя которого мы находим в Исповедальной росписи Ключевской церкви за 1893 г. Вообще, в 1893 г. в Ключах – всего три семьи Курдюмских. Одну мы уже назвали – Ивана

Дементьевича (54 года), и еще две семьи братьев Андрея (42 года, сыновья Александр, Максим, Николай) и Петра (39) Герасимовичей Курдюмских. Вполне возможно, что Курдюмские не так и давно обосновались в этом селении и потому не столь многочисленны, как, например, Ушаковы. Не проживали представители этой фамилии и в ключевских выселках – в Крестах, что также говорит о немногочисленности этого рода.

ЛАЗАРЕВЫ

Патриархом этого рода камчатских священнослужителей был иеромонах Иосиф Лазарев: «В июле 1716 г. для исполнения духовных треб в Якутск и камчатские остроги из тобольского Знаменского монастыря был послан иеромонах Иосиф Лазарев с сыном. Ему был положен очень значительный по тем временам оклад в 40 руб., 96 пудов хлеба и 5 пудов соли». Умер 8 мая 1736 г.

Лазарев Андрей Иосифович, сын иеромонаха Иосифа Лазарева. Убит в Нижнекамчатске в 1731 г. участниками Харчинского бунта. «И прибыв под острог ношным временем июля 20 дня, иеромонаха Иосифа двор зажгли таким умыслом: как де побегут служилые на пожар и тут и стрелять, и выбежал его иеромонахов сын Андрей Лазарев бить в набат и колокол, и тут его подстрелили». («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр. 64.) Одним из наиболее активных участников Харчинского бунта был крестник Лазарева – Нефед Лазарев, тойон (вождь) с реки Еловки Тавач Тенивин («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр. 56, 59, 61–67, 69, 71, 75, 98, 99, 106).

Лазарев Максим Андреевич, внук иеромонаха Иосифа, рукоположен в сан священника епископом Иркутским Софронием в 1758 г. Первый настоятель Ключевской Троицкой церкви, построенной в начале 1750-х гг. «Особые успехи начала деятельности проповеднической свиты связаны со священником Ключевской церкви Максимом Лазаревым (родился на Камчатке от Андрея, сына покойного иеромонаха Иосифа Лазарева). Он знал все туземные языки и наречия, в 1760 г. начал крес-

тить на р. Караге, прошел в Олюторские острожки, на Каргинский остров. А в 1764 г. “заронил искру от света Христова и на гряде островов Алеутских через окрещение завезенных на Камчатку промышленниками шестерых алеутов. Тойонам ближайших пяти Олюторских острожков – Кичигинского, Вышнеутского, Тиличинского, Ветвейского и Култушного – он оставил фамилию Лазарев, в память, что был восприемным отцом их”. В 1768 г. после эпидемии оспы на Камчатке осталось 4 658 христиан (по росписям 1765 г. было 10026). От нее же умерли два священника, камчатские уроженцы – Максим Лазарев и Иоанн Уваровский». (Громов П. В.). Но династия Лазаревых, к счастью, не прервалась – священник Георгий Лазарев служил в церкви Верхнекамчатского острога, а пономарем Богоявленской церкви был его сын Иоанн Георгиев Лазарев (Белашов А. И., «Очерк истории Петропавловской и Камчатской епархии», книга вторая, стр. 25). В 1812 г. при Нижнекамчатской церкви служит сторожем Лазарев Иван Дмитриевич (24 г.), а в 1852 г. – пономарем Георгий Иванович Лазарев (22 г.).

На Камчатке в это же время жили и казаки Лазаревы, которые также оставили заметный след в истории родной земли. Так Лазарев Яков, служилый человек, бит кнутом в Нижнекамчатске, как раз как один из виновников Харчинского бунта, погубившего сына и отца камчатских священнослужителей. Следующие сведения о них относятся к 1746 г. – уже корякскому восстанию, жертвою которого стал Яков Лазарев, убитый коряками, а служилый Матвей Лазарев участвовал в подавлении этого восстания.

Особо отмечены в истории России заслуги казака Максима Лазарева, сборщика ясака на Алеутских островах.

В июне 1753 г. купец Андрей Михайлович Серебренников и мореход Петр Башмаков двинулись с о. Беринга на восток и видели во время шторма пять островов; на берег шестого (вероятно, о. Адак) их шитик 2 сентября был выброшен волной, весь груз затонул. На острове они провели два года и за это время построили из обломков шитика судно, на котором летом 1755 г. без добычи вернулись на Камчатку. Летом 1757 г. П. Башмаков и купец Андрей Всевидов плавали у центральной Алеут-

ской группы, видели восемь островов, но приставали только к двум: на западе – к Кыске (из группы Крысьих), на востоке – к Танаге – и устроили там базу, откуда ходили на промыслы еще к двум островам – Канаге и Адаку. Зиму 1757/58 г. они провели на базе, а 26 августа 1758 г. вернулись на Камчатку с грузом пушнины. Во время зимовки сбежали 12 промышленников, в поисках которых казак-мореход Максим Лазарев открыл еще восемь островов из группы Крысьих.

«Андреян Толстых вышел 27 сентября 1760 г. г. из устья Камчатки на собственном судне “Андреян и Наталия”. С ним отправились казаки Петр Васютинский (“хорошо писавший”) и Максим Лазарев (“неграмотный, но смысленный”). Лазарев не был новичком в походах на восток, так как плавал уже с Башмаковым. ...28 августа судно принесло к о. Адах. Толстых зимовал в бухте на севере острова, которая с той поры получила название залив Андреяна. Толстых установил дружественные отношения с местным населением, чему немало способствовал и Лазарев, которого встретили на острове, как старого знакомого. Тойонов Толстых принимал “с великой честью”. Толстых, Лазарев и Васютинский, перебираясь с острова на остров, задались целью подробно исследовать их и добились в этом отношении весьма больших успехов. Андреяновские острова были не только открыты, но и описаны Толстых с товарищами. Екатерина наградила Толстых, а Васютинского и Лазарева произвела в “тамошние дворяне”». (Зубкова З. Н., «Алеутские острова», М, 1948 г., стр. 21, 30–31).

Потомок казаков Лазаревим – Ефим вместе с другим сыном казака Егором Черных стали первыми камчатскими агрономами (см. очерк «Земля камчатская»).

В 1812 г. мы находим еще следы казаков Лазаревых в Нижнекамчатске: Лазарев Дмитрий Иванович, казак Нижнекамчатской казачьей команды, 18 лет.

Лазарева Агафья Афанасьевна, вдова казака Нижнекамчатской казачьей команды, 48 лет. Дочь Параскева (8). Внучка Пелагея Матвеева (3) (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церковей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4).

Лазарев Яков Яковлевич, унтер-офицер Камчатского гарнизонного батальона, 34 года.

После 1812 г. эта фамилия среди камчатских казаков уже не встречается.

ЛАЗУКОВЫ

О камчюках (рожденных в результате смешанного брака камчадала и чукчанки) – братьях Алексее и Иване Лазукове – руководителях бунта 1746 г. рассказано в очерке «Толмач со «Святаго Петра».

Как толмач (переводчик) Алексей Лазуков принимал участие в крещении камчадалов и его фамилия по сей день сохраняется в северном корякском селе Воямполка. Хотя возможен и другой вариант – в свите архимандрита Камчатского Иоасафа Хотунцевского состоял солдат Лазуков, который по долгу службы обязан был участвовать в крещении камчадалов и коряков.

Лазуков Иван Павлович, староста сел. Воямполка, 1905 г. Участвовал в захвате японской шхуны на реке Воямполка в русско-японскую войну (7 июля 1905 г.). Награжден серебряной медалью: «За усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берегов» (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129). Принимал участие в обороне Камчатки и его земляк Гордей Лазуков.

Встретилось нам в архивах и такое написание фамилии: Глазуков, житель с. Воямполка, 1865 г. (ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1).

ЛАПИНЫ

Эта фамилия появляется в камчадальском селении Брюмка после крещения 1749 г. У нас существует пока только одна версия происхождения этой фамилии, связанной с именем одного из самых удачливых купцов-зверопромышленников XVIII века, осваивавших Русскую Америку, – Ивана Саввича Лапина из Соликамска (см. роман-исследование «Встречь солнцу»).

Фамилия камчадалов Лапиных не сохранилась.

А вот о продолжателях фамилии самого купца нам кое-что сообщили на форуме сайта «Камчадалы.ру»:

Свято-Троицкий летний собор занимает ведущее место в

центральной архитектурном ансамбле Соликамска. Был заложен в 1684 г. по благословению Вятского епископа Ионы, на средства соликамцев. Далее, по преданию, «как денежная казна истощилась, строители же других средств к окончанию предпринятой постройки храма не могли найти, то просили царей оказать денежное вспомоществование от казны». По указу соправителей Иоанна и Петра Алексеевичей и царевны Софьи Алексеевны в 1688 г. «из Новгородского приказа в Приказ большой казны велено: соликамскому земскому старосте Дмитрию Емельянову с товарищами и мирским людям дать великих государей жалованье на строение соборной церкви двести рублей из тамошних таможенных и кабацких доходов». По тем временам, когда изба стоила менее рубля, сумма была немалая, ее хватило на достройку храма и на его убранство. В память о царском жаловании в специальное углубление в южной стене Троицкого храма был вставлен круглый изразец с изображением государственного герба – двуглавого орла. А на западном фасаде выложили из кирпича рельефную корону. Корона эта на белом поле здания была неприметна, и в 1849 г. при поправке собора ее раскрасили, чтобы была виднее. В настоящее время можно увидеть только корону, изразец был уничтожен после февральской революции 1917 г. как символ царской власти. Престолов в Святотроицком соборе было три: главный – во имя Святой Троицы – освящен 28 июня 1697 г., южный – во имя Иоанна Предтечи – освящен в 1689 г., и западный – во имя святителя Николая – освящен 17 июля 1693 г.. Даты закладки собора и окончательного освящения были выбиты на каменной доске, вставленной снаружи в алтарную стену, до нашего времени не сохранившейся. Собор пятиглавый, имеет квадратную столпообразную форму с уступом на самом верху выше карнизов. Обведен с трех сторон галереей-трапезной, с четвертой – алтарными полукружиями, соединенными друг с другом. В среднем полукружии устроен алтарь главного храма, рядом с ним – алтари приделов, иконостасы которых выходят в галерею, соединенную с главным храмом входными дверьми и арками. Из главного храма древний иконостас перенесен был в начале XIX

века в Соликамский мужской монастырь. В соборе вместо него в 1824 г. был устроен новый на средства купчихи Прасковьи Ивановны Лапиной-Ентальцевой. По преданию, он представлял собой уменьшенную копию иконостаса Казанского собора в Петербурге. Иконостасы в приделах оставались без изменений, были двухъярусные с витыми колоннами. В том же 1929 г. в Соликамске обществом краеведов был создан музей и, по обращению его в райисполком, он получил Троицкий собор для размещения своих экспозиций. По воспоминаниям музейщиков того времени, в здании перед ними представили «выбитые стекла, ободранные стены, замусоренный пол с наметенным на него снегом. Здание требовало простейшего ремонта. В кратчайший срок окна застеклили, стены оштукатурили и побелили». Кроме того, сложили печи, так как храм, рассчитанный на летнее богослужение, отопления не имел. Перепланировки внутреннего пространства здания не делали, первоначально используя его естественное деление. Через год в бывшем соборе была открыта первая экспозиция, посвященная 500-летию Соликамска. В галерее-трапезной разместилась выставка по истории города из всех наличных на тот момент экспонатов, в главном кубе храма – выставка «За высокий урожай», по сути это была агитка об успехах использования в сельском хозяйстве калийных удобрений. Позднее, в 1932 г., выставка «За высокий урожай» была преобразована в «Калийный музей союзного значения». Художники-самоучки калийного комбината оформили стенды с фотографиями, диаграммами и схемами, сделали макеты оборудования. Для имитации шахты разобрали пол в углу трапезной и сделали спуск в подклет южного придела. При расширении пола подклета вскрыли свод склепа с захоронением купчихи П. И. Лапиной-Ентальцевой, из которого сделали экспонат, «для прекращения обывательских слухов о найденных нетленных мощах». За свою историю Крестовоздвиженский собор много страдал от наводнений, пожаров, ураганов. Каждый раз соликамцы восстанавливали его. В основном вклады делали наиболее богатые горожане. Так, после пожара 1743 г., когда сгорел иконостас, большая часть икон и грамота царя

Ивана Грозного о пожаловании Соликамску иконы святителя Николая, собор был обновлен солепромышленником Суровцевым. Позднее, в конце XVIII – начале XIX века, содержался на средства купцов Лапиных, Ивана Савича и его дочери Прасковьи Ивановны. Крестовоздвиженский собор закрыт с конца 1920-х гг. Был уничтожен иконостас, роспись стен частично соскоблена, частично забелена, разобрана глава. В здании разместились гараж, столярные мастерские, склады и ледники. В 1928 г. собору присвоена классификация памятника архитектуры всесоюзного значения, и он был передан музею. Но последний, не имея достаточных сил и средств на его содержание, сдал собор в аренду пищекомбинату. В 1939 г. возник вопрос об аренде храма учреждением системы ГУ-Лага «Усольягом» под амбулаторию и больницу. Планировалось сделать внутреннее перекрытие и пробить окна для второго этажа. Был отправлен запрос в Москву. Музейно-краеведческий отдел Наркомпроса не разрешил нарушений стен, и сделка не состоялась. «В Соликамске Николай Павлович Лапин, екатеринбургский купец», – черкнул С. Д. Нечаев в записной книжке. Речь не о екатеринбургском предпринимателе, а о соликамце, записанном в екатеринбургское купечество. Фамилия Лапиных известна в Соликамске с XVIII в., когда купец первой гильдии Иван Саввич Лапин занимался оптовой торговлей с Сибирью, владел морскими судами и был освобожден «от гражданских служб за усердие и ревность в сыскании за Камчаткою новых островов». Его потомки выше третьей гильдии уже не поднимались. К этой гильдии принадлежал и купец Н. П. Лапин-Ентальцев (р. 1798) – старший сын верхотурского купца Павла Петровича Ентальцева и Прасковьи Ивановны Лапиной, дочери И. С. Латина. До начала 1830-х гг. числился купеческим сыном и самостоятельно дел не вел. Позднее занимался мелочным торгом вплоть до конца 1850-х гг. Можно предположить, что Лапин заинтересовал Нечаева как возможный агент для сбора сведений о старообрядцах. Лапин Василий Герасимович (1731–1793). Городской голова в 1787–1790 гг. Василий Герасимович Лапин вошел в пермскую историю как третий по счету городской

голова и как первый председатель Общей городской думы. Лапин родился 1 января 1731 г. Он происходил из соликамских купцов и, как многие пермские обыватели, переселился в губернский город в 1781 г. По обывательскому списку 1787 г. значится В. Г. Лапин – купец 2-й гильдии, «имеет купеческий торг, ездит на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки, вступает в различные казенные подряды». В. Г. Лапин понимал необходимость развития Перми как торгового центра (не без личной выгоды) и выступал одним из инициаторов строительства в городе каменного гостиного двора. Лапины имели собственный дом по улице Покровской (Ленина) на углу с Оханским проулком (ул. Газеты «Звезда»). Дом не сохранился, но на этом месте стоит школа-гимназия № 17. Семья у Василия Герасимовича была большая: от первой жены Парасковьи, которая умерла в 1778 г., осталось четверо детей – Лев, Сергей, Анна и Евлампия; да вторая жена, Акулина Михайловна, родила ему еще четверых – Михаила, Ивана, Надежду и Александру. В 1784 г. Лапина выбирают одним из заседателей в Пермский губернский магистрат, где он и отслужил положенные ему 3 года. По окончании службы в магистрате в 1787 г. Василия Герасимовича избирают городским головой. С этого же времени начинает работу и Пермская городская дума. Как городской голова и председатель городской думы В. Г. Лапин запомнился пермякам в качестве борца за увеличение городского бюджета. В конце 1780-х гг. между Пермской городской думой и управой благочиния произошел конфликт по вопросу благоустройства города. Управа благочиния, ссылаясь на букву закона, совершенно справедливо требовала от городских властей устройства и содержания сторожевых будок, уличных фонарей, рогаток и пр., городские же власти, ссылаясь на отсутствие средств, пытались всячески это дело оттянуть. Пришлось вмешаться Пермскому наместническому правлению. Вопрос был улажен в законном порядке – городской думе пришлось изыскивать средства. Как уже отмечалось, городской бюджет был невелик. Объяснялось это тем, что поземельный налог собирался в небольших объемах, и многие повинности, такие, как несение караула или

содержание лошадей на случай пожара, горожане отбывали в порядке очередности. В 1790 г. городская дума решила обратить натуральные повинности в денежные. Отныне земельный налог увеличивался до 1 копейки за 1 кв. сажень домовой постройки (ранее 1 деньга). Средства, полученные от этих сборов, направлялись на устройство сторожевых будок, уличного освещения, а также на содержание караульщиков, полицейских чинов и пожарной команды. Василий Герасимович Лапин в период нахождения на посту городского головы занимался и благотворительной деятельностью. В частности, в 1787 г. на его деньги было начато строительство церкви во имя Владимирской Божьей Матери. Строительство велось напротив дома Лапиных, и Василий Герасимович следил за его ходом. Нижний придел церкви был освящен в 1788 г. Впоследствии церковь была переосвящена и получила новое имя – Рождество-Богородицкая. Правда, в это время В. Г. Лапина уже не было в живых, он умер в 1793 г. (<http://www.apostar-en-internet.com/?paged=20>; http://skm.solkam.ru/index.php?razdel=stat&text=stat7_11)

Здание фармакадемии скрывает старинные фрески. Второе каменное здание нашего города – Рождество-Богородицкая церковь. Своим появлением на свет она обязана купцу-путешественнику Василию Лапину, который и построил ее в честь своего чудесного спасения. Здание Пермской государственной фармацевтической академии на улице Ленина недавно вернулось к своему историческому владельцу – Пермской епархии. Теперь оно снова станет Рождество-Богородицкой церковью. История ее постройки связана с необычной историей. Соликамский купец Василий Лапин повторил судьбу Робинзона Крузо. Во время торговой поездки его корабль потерпел крушение в Тихом океане. Несколько лет Василий Герасимович провел в одиночестве на необитаемом острове. И он дал зарок: если вернется и спасется, то обязательно построит храм имени Божьей матери. Так и получилось, став пермским градоначальником, он вложил свои средства в эту церковь. В 1789 г. одноэтажная церковь была построена, правда, называлась она тог-

да Владимирской. Спустя 11 лет ее переименовали в Рождество-Богородицкую, в честь спасительницы Лопатина. Чуть позже достроили второй этаж с колокольней. Ее устремленный к облакам шпиль был длиной в 53 метра. В 1928 г. храм закрыли, убрали купол, разобрали колокольню. До войны здание занимали студенты-стоматологи, а после – здесь был главный корпус фармакадемии. В конце 1980-х гг. в здании шел ремонт. Под слоем облупившейся штукатурки рабочие обнаружили уникальные фрески XVIII века. Сначала их хотели уничтожить, но времена были уже не те, поэтому их просто замазали. Теперь шедевры церковной живописи будут восстановлены (<http://www.vetta.tv/news/city/3744/>).

Лапины-Ентальцевы. Прасковья Ивановна Лапина была замужем за Николаем Петровичем Ентальцевым, старшим сыном верхотурского (прежде великоустюжского) купца. Первые официальные сведения об открытии золота в Воскресенском руднике относятся к 1792 г., но, скорее всего, Походяшин вел там добычу золота намного раньше. По данным Е. С. Федорова и В. В. Никитина, «одна золотоносная жила направлена с северо-востока на юго-запад, другая с северо-запада на юго-восток». Их спутниками были медные руды. Открытие в 1792 г. попутного золота на Воскресенке не было случайным. Настойчивые поиски желтого металла вел в наших краях и основатель Петропавловского завода Максим Походяшин, умерший на 52-м году жизни, в 1782 г. По архивным документам известно, что в компании с рудоискателями Г. Постниковым и великоустюжским купцом Петром Ентальцевым Максим Походяшин нашел золото в бассейне реки Сосьвы и Шарпа и в 1773 г. попросил разрешение на постройку золотопромывательного завода на озерном истоке, впадающем в реку Шанталу (река Шегульта), а также «потребное число людей из ближайших жительств Верхотурского и Пелымского ведомств». Разрешение на строительство завода компаньоны не получили, хотя канцелярия Главного заводов правления дважды запрашивала об этом Берг-коллегию (последний раз в феврале 1778 г.). Горное ведомство стояло на страже казны. Может быть, потому, что по рапорту обергешворена Е. Князева (1773 г.) «каменья»,

привезенные из прииска у реки Шарп, золота якобы не содержали. Но просьба о приписке людей к рудникам была частично выполнена: унтершихмейстер Кузнецов «описал 930 душ в Верхотурском и 1 354 души в Пелымском уезде». После смерти М. Походяшина его сыновья интереса к золотодобыче не проявляли. Но поиски золота в округе не прекращались (<http://www.severouralsk.com/org/161-zoloto/558-2009-02-02-14-18-27.html>).

ЛАСТОЧКИНЫ

Духовным патриархом всекамчатского камчадало-корякского рода Ласточкиных был студент школы философии Московской Славяно-греко-латинской академии Алексей Ласточкин, определенный в проповедническую свиту архимандрита Камчатского Иоасафа Хотунцевского для обучения новокрещеных аборигенов катехизису.

География распространения этой фамилии довольно широкая – она встречается, как на западном, так и на восточном побережьях Камчатки.

Ласточкин Николай, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Морошечная дружина), с. Утхолок.

Ласточкин Александр Романович, 1884 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Хайрюзово; камчадал; образование: малограмотный; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Тигильский р-н, с. Утхолок. Арест: 26.07.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Ласточкин Василий Яковлевич, 1901 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Утхолок; камчадал; образование: неграмотный; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Утхолок. Арест: 25.07.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильско-

му делу»). Расстрелян. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Ласточкин Михаил Иванович, 1901 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Утхолок; камчадал; образование: малограмотный; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Утхолок. Арест: 08.07.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по т. н. «Тигильскому делу». Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован по этому делу определением Военного трибунала ДВО.

Ласточкины проживали также в селах Озерновское (восточное) и Ука.

ЛЕПИХИНЫ

Камчатские казаки. Эта фамилия не сохранилась. Но остались в истории полуострова, как два полных тезки: по приговору следственной комиссии были наказаны кнутами на площади Большерецкого острога Михаил Лепихин и Михаил Лепихин Меньшой.

ЛОГИНОВЫ – ЛОНГИНОВЫ – ПЕТРОЛОГИНОВЫ

Логинов Петр Михайлович.

«Священник Петр Логинов, сын священника Новгородского уезда Илаго погоста, Богородско-Казанской церкви Михаила Романова, бывшего потом в Иверском монастыре на Валдаях иеромонахом, под именем Мефодия. С 1735 г. находился Петр Логинов в Московской Славяно-греко-латинской академии. В 1742 г. из школы Синтоксимы поступил в камчатскую миссию архимандрита Иоасафа Хотунцевского. При выезде обратно миссии добровольно пожелал остаться в Камчатке. В 1761 г. в Иркутске от епископа Софрония принял священство и поступил к Большерецкой церкви на место выезжавшего отсюда священника Сивцова. Скончался в Большерецке 11-го апреля 1771 г., по утру, 54».

«В семейном предании Логиновых остается мысль, что смерть заболевшего священника Петра Логинова была ускорена Бениовским через дачу какого-то порошка. Она нужна была Бе-

ниовскому для того, чтобы иметь предлог вызвать в Большерецк для отпевания Логинова священника Устюжанинова» (ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 1, д. 19; «Труды Киевской духовной академии», Киев, 1861 г. Прокопий Громов. «Историко-статистическое описание камчатских церквей»).

Логинов Иван Петрович.

Сын Большерецкого священника Петра Михайловича Логинова, отец Ксении Ивановны Логиновой (Кохрен, Анжу) и Петропавловского священника, участника обороны Петропавловского порта от англо-французской эскадры в 1854 г. Георгия Ивановича Логинова. Священник, разжалованный в дьячки.

«Иркутские епархиальные ведомости», 1880 г., № 17. Александр Кириллов «Отношение начальников Камчатки Кошелева и Петровского к камчатскому духовенству (краткий исторический очерк), стр. 206: «Первый шаг к самовольным действиям, в которых выказывалось нарушение законов церковных и гражданских, Кошелев сделал в 1806 г. В декабре месяце сего года камчатское духовное правление, основываясь на резолюции преосв. Вениамина: “Неисповедовавшимися один или два года исповедаться в последующий пост с положением по сто поклонов в церкви при народе за каждый год”, прошло иркутскую консисторию наложить подобную эпитимию на всех не бывших у исповеди и св. Причастия. Кошелеву из переписки с духовным правлением по этому делу хорошо было известно, на каком основании оно так действовало. Но несмотря на это он приказал отменить эпитимию, назначенную епархиальной властью. Вместо этой эпитимии он силою своей власти на не бывших у исповеди и св. Причастия наложил денежный штраф в пользу устраивающейся в Малковском селении при горячих ключах больницы. Таким образом, распоряжение епархиальной власти Кошелев не только не считал имеющим законную силу, но и нашел возможным самолично отменить его. После этого он уже не стал стесняться законами церковными и дал место полному произволу в отношении своих к духовенству. Удобный случай для этого скоро представился. Открылось следствие по делу о заговоре на жизнь генерал-майора Кошелева. Выведенный из терпения упорным молчанием протоие-

рея Никифора Никифорова, который, по донесению следственной комиссии, не желал давать никаких показаний по этому делу без разрешения епархиальной власти, Кошелев 7-го января 1807 г. устранил его от должности присутствующего в духовном правлении, назначив на его место священника Верещагина, и запретил священнослужение. Для приема архива тотчас же назначена была особая комиссия, в состав которой вошли: заседатель 12 класса Ламакин, поручик Линденау 2-й и прапорщик Ленштет. Общим присутствием поручено было ей только принять архив от Никифорова, но Кошелев, узнав об этом, велел произвести ревизию его. “Всякую бумажку особенно рассмотреть”, – писал он по этому поводу общему присутствию, сверить с регистрами или журналом, так как им (членам комиссии) поручено обревизовать, а не сдать архив. Комиссия, как и следовало ожидать, при ревизии нашла дела в духовном правлении не в надлежащем порядке. Поэтому архив, по приказанию Кошелева, был опечатан и к нему был приставлен постоянный караул. Для ведения же дел в правлении, назначенному присутствующим Верещагину, выданы были новые книги за подписью и печатью генерал-майора Кошелева. Кроме ревизии архива комиссии поручено было вместе со священником Верещагиным освидетельствовать во всех камчатских церквях книги, утварь, церковные суммы и пр. При этом для руководства ей дана была особая инструкция, в 9 пункте которой, между прочим, изложено было следующее: “поставить себе за предмет, не имеет ли кто – священники, церковные служители и камчадалы – обид или чего другого, как-то: получают ли духовные свое довольствие и не отнимается ли от церквей их протопопом каких доходов, а последние не видят ли излишнего запрещения или вымогательства подарков и дачей может страха ради, или под видом какого благочиния, что с непросвещенным народом легко сделать можно; а при том как священники и протопоп Никифоров по уездам и селениям исправляют свой долг”. К чему клонился подобный пункт инструкции, это понятно. И действительно, Кошелев будто бы в видах и интересах удовлетворения казны и частных лиц, скоро нашел нужным наложить секвестр на имение протоиерея Никифорова и жены его. Вслед

за устранением от должности протоиерея, Кошелев запретил священнослужение нижекамчатской церкви Никифорову и стал преследовать священника Логинова. Причиной к устранению от должности первого и к запрещению священнослужения общее присутствие выставило прелюбодейство, участие в компании Козельского, допущение в дом к себе арестованных офицеров для составления жалоб на Кошелева и др. преступления. Следствие об этом производилось в общем присутствии 11 января 1807 года, а 3-го февраля по распоряжению Кошелева было секвестровано имение подсудимого диакона, и вместо свитского оклада ему назначат уменьшенный приходский. Что же касается враждебных отношений Кошелева к Логинову, то источником их была месть первого последнему за добрые отношения к преследуемым протоиерею и диакону Никифорову и вообще за ту свободу, с которой высказывался Логинов о независимости епархиальной власти от гражданской. Ближайшим же поводом к открытой вражде Кошелева к нему послужило след. обстоятельство; в праздник Пасхи 1807 года при богослужении Логинов уносил с амвону крест в алтарь для целования прежде других протоиерею и диакону Никифоровым, которых Кошелев считал не достойными не только этой чести, но и требовал, чтобы их совсем не впускали в алтарь! Конечно, Логинов в этом случае поступил на основании церковной практики, но для Кошелева, который не хотел знать и законов церковных, какое значение могла иметь церковная практика? В такой поступке Логинова он видел для себя кровную обиду и оскорбление своей власти. Поэтому ничего нет удивительного в том, что он завязал переписку с духовным правлением по этому предмету и требовал от Логинова объяснения: на каком основании он уносил с амвону крест для целования в алтаре протоиерею и диакону. “За это”, – писал он в одном отношении духовному правлению, – “следовало бы Логинова посадить на гауптвахту, в пример, но прошу правление наложить на него приличное по законам наказание”. После этого он стал мстить Логинову за свою обиду, и месть свою начал высказывать след. образом: Логинов по определению преосв. Вениамина Иркутского и Нерчинского, от Тигильской Христо-Рождественской церкви

был переведен в Нижнекамчатск в свиту, и с 1 июля 1806 г. ему следовало ролучать свитский оклад жалованья. Но целый год прошел в напрасных просьбах об этом пред Кошелевым, последний и знать ничего не хотел, кроме того, чтобы отрешить Логинова от церкви, каким предложением он каждый раз отвечал, когда духовное правление просило его об удовлетворении этого священника жалованьем. Причины он представлял всегда одни и те же: дурное поведение, нерадение и пьянство Логинова. При этом он указывал правлению на то, что в бытность Логинова при Тигильской церкви, в 1790 г., исправник Шмалев обрил ему бороду. Этот факт, свидетельствующий о самодурстве гражданских чиновников в Камчатке, случился в марте месяце 1790 г. Секунд-майор Шмалев вместе с сержантом Червениковым пригласили Логинова в гости в дом последнего и здесь обрили ему бороду. Брат Логинова, дьячок, видя эту сцену, заметил Шмалеву: “Не хорошо чинить такое ругательство над священником”, но за это получил от него пощечину и угрозу испытать удовольствие плетей, как недостойному, и ссылаясь на тот факт, что Логинов прежде исследования дела приобщил св. Таин камчадал Пирожниковского селения Кузнецова и жену его, которые выдавали себе: первый за Христа, а последняя за Богородицу, признав их сумасшедшими. Но факты эти взяты из прошлой жизни Логинова и не дурное поведение его служило действительно причиною нерасположения к нему Кошелева, но, как мы замечали, добрые отношения его к преследуемым протоиерею и диакону и вообще неспособность унижаться перед гражданской властью. На преследования и притеснения отдельных личностей из Камчатского духовенства не остановился. Сознавая незаконность своих действий и боясь ответственности за свои поступки, он стал обвинять теперь пред преосв. Вениакином и св. Синодом все камчатское духовенство в дурном поведении и в пренебрежении своих обязанностей. Не представляя никаких фактов, свидетельствующих о дурном поведении духовенства, он между прочим писал в своих доносах: “о развращенном поведении священников и начальников их, которые оставили и священные узаконения и долг своего пастырства,

уклонились только в постыдное и богопротивное пьянство, он, не будучи в силах вдруг отклонить такое найденное им во всех частях зло, относился несколько уже раз духовному правлению, дабы оно и по должности своей, что приносило государственным делам вред от священников, пресекло, оставляя впрочем исправление поведения и трезвой жизни совести самих начальников; но все это осталось в своей мере и не только происходит от священников явный соблазн и презрение святости, как-то: явно жили прелюбодеями и совершали священнодействие, не брегли о храмах и оставляли по прихотям своим в праздничные дни службу Божию в беспрепятственном пьянстве, обличались в различных предрозостях, но и сами начальники духовного правления тоже делали и сами тому всему были причиною”. Кроме того он обвинял духовенство еще “в величайших расхищениях церковных сумм”. “Разстроив управление и порядок во всех частях, Кошелев возбудил такое неудовольствие и ненависть во всех жителях Камчатки, что для собственной защиты потребовались одобрительные подписки последних. Акт отбирания этих подписок был последним актом той комедии, которую разыгрывало областное правление во все время управления Кошелева Камчаткою, постоянно чувствуя и действуя в унисон со своим начальником. Дело же велось так, что правление, собрав представителей всех сословий Камчатки и вообще кого можно было, одних упрашивало подписывать наперед заготовленные подписки, других принуждало силою, если не действовала просьба, подписываться за отсутствующих. При такой манере действий областного правления, как и следовало ожидать, все рекомендательные подписки представляли Кошелева образцовым и, пожалуй, беспримерным начальником Камчатки. По одному документу содержание их было следующим: «все единодушно говорили, что желают, чтобы Кошелев всегда был начальником Камчатки; готовы его отсюда не отпускать, готовы с ним умереть, потому что он начальник беспримерно справедливый, защитник невинности, возстановитель тишины и спокойствия, истребитель злоупотреблений, злоухищрений и варварства, и без него здесь были только безначалие и безбожие».

У Ивана Логинова был также сын Герасим, о судьбе которого нам ничего не известно.

Ксения Ивановна Логинова родилась в Большерецке в семье дьяка Ивана Петровича Логинова 24.01.1807 (ст. ст.). Ее дед Петр Михайлович Логинов прибыл на Камчатку в составе миссионерской экспедиции с целью обучать камчатских детей и проповедовать Божье слово. Он основал первую на Камчатке школу в Большерецке и стал основателем династии педагогов.

Известно, что в семье дьяка Ивана Петровича Логинова было пять дочерей, были и сыновья, среди них Георгий Иванович Логинов, так же как и дед, открывший первую школу, но уже в Петропавловске, и прославившийся, защищая Петропавловский порт от англо-французской эскадры в 1854 г.

Про сестер же известно, что старшая вышла замуж за комиссионера Американской компании, вторая за купца, третья за попа (из записей историка Э. И. Стогова).

Судьба же Ксении связана с двумя знаменитыми путешественниками.

Но начнем историю с ее детства.

Десятилетней девочкой Ксения в числе еще четырех дочек дьяков и мещан попала в дом начальника Камчатки Петра Ивановича Рикорда и его молодой жены Людмилы Ивановны. Людмила воспитывала девочек, обучала их хорошим манерам и танцам.

В этом доме в 1822 году Ксения и встретила своего первого мужа, английского путешественника, отважившегося пешком преодолеть всю Россию, Джона Дундаса Кокрейна. Джону Кокрейну было тогда около 36 лет. История их свадьбы описана в воспоминаниях Эразма Ивановича Стогова. С его слов пятнадцатилетняя девушка кричала, что не хочет замуж за Кокрейна, а хочет за Повалишина (Н. В. Повалишин, капитан 2-го ранга, командовал бригам «Дионисий»). Но обручение состоялась с соблюдением всех обычаев 08.01.1822 (ст. ст.). Ксения не сделала к церкви ни одного шага, ее, прекрасно убранную невесту, взяли под локотки и донесли до алтаря два шафера (лейтенант Саполович и Э. И. Стогов, историк и дед Анны Ахматовой).

История о необыкновенном путешествии Кокрейна изложена в его повести в 2-х томах «Путешествие по России и Сибирской Татарии». Первый том начинается портретом самого Джона Дундаса, а вот во втором томе приведен портрет юной Ксении, там же идет повествование об их совместном возвращении из Камчатки в Лондон.

В Лондоне Кокрейн определил Ксению в учебное заведение, сам же отправился в Южную Америку. И позже, немного устроив свои дела, привез Ксению в Колумбию (теперь Венесуэла).

Однако их совместная жизнь продлилась не долго. Уже в 1825 году Кокрейн умирает от лихорадки. 18-летняя вдова возвращается сначала в Лондон (возможно, к сестре Джона, Элизе), а затем в 1827 г. в Петербург, в дом семьи Рикордов. Петр Иванович в то время возглавляет Кронштадт.

В этом доме бывал капитан Анжу (1796 г. р.), уже совершивший исследовательскую экспедицию с целью описи северных берегов России и поиска земли Санникова, военно-научную экспедицию для исследования возможности соединения Каспийского и Аральского морей, участвовавший в Наваринском сражении с турками. Там он и встретил юную вдову Кокрейн и сделал ей предложение. Они обвенчались в Никольском Морском соборе в Кронштадте 24.10.1828 (ст.ст.).

В их семье родилось 8 детей: Петр (1832–1876), Людмила (1834–1897), Иван (1844–1890), Фёдор (1842–1858), Александра (1839–1888), Елизавета (1847–?), Екатерина (1841–?), Николай (1852–?).

Семья жила в доме на Васильевском острове. В 1837 г. в доме случился пожар, в котором погибли все записи об экспедициях и научные труды П. Ф. Анжу. К сожалению, Петр Федорович так и не смог их восстановить.

Когда Анжу в 1844 г., так же как и Рикорд, возглавил Кронштадт, семья поселилась в большом доме в г. Ораниенбауме, ул. Еленинская, 20. В 1861 г. семья переселилась в Питер и проживала по адресу ул. Фурштатская, д. 40.

Старший сын Петр, так же как и отец, избрал военно-морскую службу, стал известным гидрографом, капитаном I ранга,

совершил переход из Кронштадта к берегам Японии и Кореи на фрегате «Паллада», в том же плавании был впервые нанесен на карту и назван по фамилии Анжу мыс в Японском море. Его жену звали Александра, и у них был сын Петр.

Старшая дочь, Людмила, вышла замуж за Вячеслава Штейнгеля, сына известного политического деятеля, декабриста Владимира Штейнгеля. У них родилась дочь Мария, в замужестве Воеводская, и две внучки, Людмила и Мария, которые прожили недолго, были по очереди замужем за одним и тем же человеком, Николаем Ивановичем Черниловским-Соколом. Известно о двух его сыновьях: Сергей (1910–1920) от первого брака и Николай (1914–2005) от второго.

Средний сын, Иван, в 1865 г. окончил Александровский лицей (бывший Царскосельский лицей). У него было 2 сына: Владимир (1876–1921), так же как и отец, окончил Александровский лицей, капитан 1-го ранга Балтийского флота и Петр. У Владимира было три дочери: Наталья, Кира и Ольга, а у Петра дочь Ксения. Вероятно, потомки Натальи последние жили в родовом доме Анжу в Ораниенбауме. Примерно в 50-х годах прошлого века дом перешел во владение государства. Один из потомков этого рода – Кирилл Шалахин часто посещает дом в Ораниенбауме.

Сейчас в этом доме живет и работает семья художников Карлыхановых, которые кропотливым трудом восстановили дом и создали Дом творчества, его посещают художники и скульпторы из разных стран. В тоже время в доме сохранена память и традиции его предыдущих хозяев. Так каждый год 8 октября проводятся Наваринские встречи.

Фёдор прожил всего 16 лет, был кадетом военно-морского училища.

Про младших дочерей Елизавету и Екатерину, к сожалению, ничего не известно.

Младший сын Николай, так же как его брат Иван, окончил Александровский лицей.

Средняя дочь Александра вышла замуж за Владимира Васильевича Нотбека (1825–1894 гг.). Немецкий род Нотбеков исчисляется с 1534 г. Владимир Васильевич – генерал от инфан-

терии, директор Тульского оружейного завода, наладивший в России производство берданки, будучи полковником возглавлял Образцовый пехотный батальон, в котором проходил службу Великий Князь Александр (в будущем император Александр III). У Владимира и Александры было четверо детей. Младшие девочки: Елизавета, в замужестве Ольшанская, и Мария, в замужестве Милеант. Старший сын Петр был женат на внучатой племяннице Нахимова, Вере Павловне, в их семье родилось четыре девочки. Второй сын, Владимир, – русский военначальник, генерал-лейтенант, участник Белого движения, был женат на Александре Карловне Лерхе, внучке известного Питерского офтальмолога, основателя одной из первых глазных лечебниц в России, Василия Васильевича Лерхе. У них было девять детей: Александра, Ольга, Евгения, Вячеслав, Владимир, Михаил, Георгий, Татьяна, Екатерина. Дом, где жила семья, находился в самом центре Санкт-Петербурга на дворцовой площади между Зимним дворцом и Генеральным штабом. Их дочь Ольга – моя прабабушка. Трудные послереволюционные годы разбросали родственников и судьба братьев и сестер Ольги, к сожалению, неизвестна. Однако, благодаря Интернету, недавно удалось найти родственников в Бразилии и Испании, потомков эмигрировавших братьев Ольги.

Про свою прабабушку, правнучку Ксении Логиновой, с которой начинался этот рассказ, могу рассказать, что она знала несколько языков, занималась переводами и писала замечательные детские стихи. Она была чудесной мамой и бабушкой. Она вышла замуж за Льва Николаевича Черняка, военного, участника Русско-японской войны, изобретателя. В трудные послереволюционные годы Лев Николаевич подрабатывал, делая механические игрушки для детей. Он умер в 1933 г., и семья избежала репрессий, которые постигли бывших белых офицеров, в том числе и его брата. У Льва и Ольги было двое детей: сын Дмитрий и дочь Ирина.

Дмитрий Львович работал главным осветителем в Большом театре. В первые дни Великой Отечественной войны он ушел на фронт и пропал без вести в боях под Москвой.

Дочь Ирина вышла замуж за Кашеварова Юрия Борисови-

ча, кадрового офицера Советской Армии, кандидата технических наук, изобретателя (несколько десятков патентов). Юрий Борисович после окончания военной академии был распределен в Тянь-Шань для топосъемки горной местности. Это было накануне Великой Отечественной войны, и с началом войны он писал письма с просьбой направить его на фронт, но ему отвечали, что он нужнее там, так как для войны важно иметь карты.

У Юрия и Ирины было 9 детей: Сева, Наташа, Оля, Таня, Галя, Оксана, Марина, Ирина и Катя. И у каждого из их детей по одному, двое или трое своих детей. Я помню, как вся большая семья собиралась на день рождение деда. Мы, дети, обычно забирались в спальню и там играли.

Моя мама, Ольга Юрьевна, окончила Московский Авиационный Институт. В студенческие годы занималась в ДСАФ и выполнила 1-й разряд по парашютизму. Во время учебы ездила со стройотрядом на строительство Красноярской ГЭС и полюбила этот край. После окончания института по распределению уехала из Москвы в Красноярск, в конструкторское бюро Решетнева. Там мама встретила моего папу, Геннадия Борисовича. Папа окончил Томский Институт радиоэлектроники и электронной техники и также распределился в Красноярск. В молодом коллективе было весело и интересно работать. Мои родители ходили в походы, занимались скалолазанием на Красноярских столбах, сплавливались по рекам, ходили в горы. Спустя какое-то время мама с папой расписались и в 1973 г. появился мой брат, Олег, а спустя 7 лет – я. Когда я родилась, наша семья уже переехала в подмосковный Зеленоград.

Олег окончил Московский Институт Электронной Техники и уехал работать в Сингапур. Получив там опыт работы в микроэлектронике, вернулся в Россию и теперь работает в области IT-технологий. Много путешествует, занимается спортом, изучает иностранные языки.

Я окончила Московский Физико-Технический Институт, защитила кандидатскую диссертацию по биофизике. Так же как и родители, люблю ходить в походы. В одном из походов встретила своего мужа, Артема. Он окончил физфак МГУ и занимается оптоволоконной физикой. У нас растет дочурка, Варвара.

Я заканчиваю рассказ об одной из веточек в дереве Ксении Логиновой. Хочу верить, что где-то на Земле живут ее многочисленные потомки: дети братьев и сестер Ольги Владимировны Нотбек, дети Дмитрия Львовича Черняка, потомки рода Анжу, и, может, мне повезет еще с ними познакомиться.

Светлана, 25.08.2013

В написании этого текста использовались материалы, размещенные в Интернете, и семейные истории.

«Кокрейн женится» (из «Записок Эразма Стогова о Камчатке 20-х гг. XIX в.»)

<http://www.famhist.ru/famhist/stogov/00050c77.htm#0005e661.htm>

С. С. Татищев. «Детство и юность Великого Князя Александра Александровича»

<http://feb-web.ru/feb/rosarc/vka/vka-0052.htm>

Сергей Вахрин. «Потомки остроклювого бога (камчадалы)»

<http://npacific.kamchatka.ru/np/library/publikacii/potomki/prosvet.htm>

Материалы свободной энциклопедии Википедия («В Ораниенбауме отреставрировали усадьбу адмирала Анжу»)

<http://ru.wikipedia.org>

<http://www.tv100.ru/news/V-Oranienbaume-otrestavrirovali-usadbu-admirala-Anzhu/>

Логинов Георгий Иванович.

Материалы форума на сайте «Камчадалы.ру»: «В 1838 г. в преподавательском составе (Камчатского духовного училища. – С. В.) произошли изменения. 13 августа 1838 г. в Петропавловск прибыл новый учитель II класса и инспектор училища Г. И. Логинов...

Г. И. Логинов – бывший выпускник Камчатского приходского училища. В 1836 г. он окончил курс Иркутской Духовной семинарии, был награжден аттестатом второго разряда и определен учителем II класса Якутского духовного училища, а че-

рез 2 года отправлен учительствовать к себе на родину. Впоследствии именно ему в 1842 г. комиссия ввела в заслугу наведенный в училище порядок по учебной и нравственной части. О. Иннокентий, епископ Камчатский, Курильский и Алеутский, во время визита в Петропавловск также отмечал: «Камчатское приходское духовное училище по освидетельствованию оно оказалось по нравственной и учебной частям в должном порядке, в последней даже больше, чем надлежало, ибо ученики знают то, что не положено преподавать по уставу...»

В то же время, как показывают документы того времени, в хозяйственном отношении училище находилось в довольно плачевном состоянии. Требовало ремонта здание. Воспитанникам, находившимся на казенном содержании, не хватало хлеба и теплой одежды. Однако неверным было бы объяснять эти проблемы управленческими недоработками.

Сама Камчатка часто оказывалась в зависимости от поставок продовольствия. Осенью 1842 г. сложилась такая ситуация, когда в городе почти не оставалось запасов хлеба, а судно из Охотска задерживалось более чем на месяц.

О. Иннокентий описывал эти события следующим образом: «27 сентября в Петропавловске начался “общий котел”... Чтобы не остаться без хлеба совсем и, в то же время, не оставить без хлеба тех, кто более других требует его, начальник Камчатки вынужден был учредить общий обеденный стол в казарме для малолетних детей (ниже 7 лет) и женщин, имеющих грудных детей, без различия сословий. Подобного происшествия мне никогда не приходилось даже слышать, и потому оно приводило меня почти в отчаяние, тем более что этой же участи, т. е. лишению хлеба, подвергались и ученики нашего духовного училища... потому что не могли пользоваться общим столом, ибо все они выше 8 лет».

...14 июня 1845 г. Камчатское приходское духовное училище было ликвидировано и 20 учеников в тот же день переданы на судно «Байкал» для перевозки в Новоархангельск. Оставшиеся учащиеся были либо уволены, либо определены к должности по духовной части. Училищный дом после ремонта был передан местному духовенству.

...Инспектор училища Г. И. Логинов был уволен от должности 16 июля 1845 г., т. е. спустя 2 дня после закрытия училища. С 1839 г. он, наряду с исполнением обязанностей преподавателя, являлся священником Петропавловского собора, где и продолжил службу. М. Г. Коллегов выехал в Мильково, позже служил священником в Большерецкой церкви, но в 1850 г. вновь возвратился в Петропавловск (http://bankrabort.com/part2/work_22797.html).

Логинов Алексей Петрович, священник, 1812 г., 49 лет, Нижнекамчатск (РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4).

Логинов Алексей Петрович, крестьянин в Нижнекамчатске, 1812 г., 43 года. Дети: Василий (24), Иван (22). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Логинов Николай, большерецкий староста. В 1837 г. за недостойное поведение был смещен – избран Порфирий Черных (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, 103).

Логинов Николай (скорее всего, тезка, так как старостой Большерецка должен был быть крестьянин (!!!) Логинов) назначен в 1839 г. дьячком Тауйской Покровской церкви вместо отказавшегося по состоянию здоровья дьячка Якутской Богородской церкви Петра Винокурова. Затем оказался в причте церкви при Малкинской больнице на Камчатке, откуда переведен в 1844 г. во вновь построенную Ямскую Благовещенскую церковь, в 1847 г. его заменил в Ямске дьячок Иринарх Верещагин.

Логинов Александр, священник Петропавловского собора, 1854 г. Награжден бронзовым наперсным крестом за участие в обороне Петропавловского порта (Горчаков А. А., «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105).

«За то, что Георгий Логинов во время бомбардировки города все дни проводил на батареях, рядом с командиром, и, подвергая свою жизнь опасности, “был славным ему помощником в воодушевлении нижних чинов”, он был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. Остальные священнослужители были награждены бронзовыми наперсными крестами, скуфьями. Также все получили медали на Георгиевской ленте в

память о Крымской войне». («Творения Иннокентия, митрополита Московского», книга вторая, М, 1887 г. «Путешествие по Камчатке (с 19 августа 1842 г. по 9 февраля 1843 г., 174 дня)». Стр. 78–79).

«Духовное училище. Камчатское приходское духовное училище по освидетельствовании оногo оказалось 1) по нравственной и учебной частям в должном порядке, в последнем даже больше, чем надлежало, ибо ученики знают то, чего не положено преподавать по уставу; 2) по экономической части совершенный беспорядок: штатной суммы к октябрю вместо 1 500 р. или 1 200 рублей находится только 57 рублей; между тем нет ни хлеба, ни дров, ни теплой одежды ученикам. Дом училищный и здания разваливаются. Все это, т.е. как порядок, так и беспорядок произошло оттого, что училище вверено было хотя и доброму и усердному, но молодому и совершенно неопытному человеку, священнику Георгию Логинову, а иркутское семинарское правление, получив замечания ревизионного комитета касательно отчетов Камчатского училища за 1839 и 1840 гг., не приняло мер даже к освидетельствованию оногo, тогда как здесь находился человек, известный семинарскому правлению и неприкосновенный к училищу – кандидат богословия протоиерей Прокопий Громов». (Вениаминов сместил Логинова с заведывания, оставив в учителях, так как учитель он был хороший. Инспектором-смотрителем училища назначил Громова. Учителем определен также Михаил Коллегов, обучавшийся в семинарии до философского класса). Путевой журнал Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, веденный им во второе путешествие по Камчатке и Охотской области в 1846 и 1847 гг.

«Из священников особенной похвалы заслуживают: а) Камчатского собора священник Георгий Логинов, который по закрытии в Камчатке духовного училища, открыл у себя домашнее училище, которое ныне состоит у него из 11 человек разного звания, обучающихся кроме чтения и письма, русской грамматике, священной истории и катихизису. На бывшем при мне экзамене в присутствии начальника и других лиц, ученики по всем предметам отвечали весьма удовлетворительно; и так как священник Логинов обучает детей сих безмездно, то при-

казано ему взять в помощники дьякона или причетника. Он же, Логинов, продолжает ныне преподавать субботние уроки в церкви детям, чем до него занимался уволенный протоиерей Громов постоянно и с особенным умением, и чем он заслужил особенную любовь и память бывших его прихожан».

С 1853 г. и по настоящее время (1858 г.) настоятелем Петропавловского собора был Георгий Иванович Логинов, «туземец, окончивший курс учения в иркутской семинарии, столь доблестно неустрашимостью своею, при осаде в 1854 г. Петропавловского порта, ободривший камчатское воинство, Самовидцы, а главное командовавший портом адмирал Завойко (слышанное от самого Завойко), с удивлением смотрели на отца Георгия, под градом ядер, проносившихся над его головою, даже без изменения в лице продолжавшего совершать молебствие на возвышении Никольской горы, в виду неприятелей. За этот подвиг священник Георгий Логинов награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте».

«В семь с половиною часов утра на батарею № 1 был приглашен священник Георгий Логинов отслужить молебен о даровании Всемогущим Богом победы Государю Императору. Неприятель во время чтения Евангелия начал стрелять в батарею бомбами и ядрами. Со свистом и шепением пролетали смертоносные снаряды на головы молящихся. Падали ядра вблизи берега, падали вблизи самой батареи, но не причинили никому вреда. Несмотря на страшную опасность, молебствие продолжалось своим чередом. Не смутился пастырь православный, в своей светлой праздничной ризе служивший мишенью неприятельских орудий, не смутилась и маленькая группа молящихся. Горячо молилась эта маленькая горсточка героев, веруя своим великим русским сердцем в истину слова Божия; “На тя, Господи, уповаем, да не постыдимся вовеки”». (Сильницкий А. П. «Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 г., извлеченные из дел Владивостокского портового архива». «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009 г., стр. 41. Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Пет-

ропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105. «Труды Киевской духовной академии», Киев, 1861 г. Прокопий Громов. «Историко-статистическое описание камчатских церквей»).

Логинов Константин Петрович, псаломщик Большеерецкой Успенской церкви в 1893 г., 47 лет. Жена Любовь Ильинична (39). Дети: от первого брака Павел (18), Ульяна (27), Ольга (16); от второго брака Домника (11), Мария (1), Виринея (6), Николай (4), Петр (29). Жена Петра – Александра Александровна (25). Сын их Константин (3) (Исповедальная роспись Большеерецкой Успенской церкви за 1893 г., ГАКК).

Его старший сын: Логинов Александр Константинович, 24 года. Псаломщик (вместе с Николаем Алексеевичем Лонгиновым) Тигильской Христорождественской церкви в 1893 г. Жена – Домника Алексеевна. Сын Алексей (8 месяцев), дочь Ульяния (2). (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК.)

Павел и Петр Константиновичи Логиновы – участники обороны Камчатки в 1904–1905 гг. в составе Большеерецкой дружины.

Младший сын: Логинов Николай Константинович, родился в 1889 г., Камчатская обл., Усть-Большеерецкий р-н, с. Большеерецк; русский; грамотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником. Проживал: Камчатская обл., Усть-Большеерецкий р-н, с. Большеерецк. Первоначально лишен избирательных прав. Арестован 17 апреля 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: ВМН. Имущество (дом, скот, ездовые собаки) конфисковано. Расстрелян в январе 1934 г. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Логинов Дмитрий Павлович. Из рода камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых, историк (рукопись «Большеерецкий острог», хранящаяся в Камчатском областном краеведческом музее), писатель, автор книги «Большеерецкие беглецы». Письмо С. И. Вахрину. «Информация № 1. Обращаю внимание на труд Крашенинникова “Описание земли Камчатки” издания 1949 г. на стр. 373, где упомянуто: “В 1741 г. по

распоряжению капитана Беринга на Камчатке была открыта первая школа. Она находилась в Большерецке”. Нужно увязать факт пребывания Логинова Петра Михайловича с фактом пребывания Крашенинникова в одной и той же Московской академии, несмотря на то, что учились они, хотя и в близкое, но разное время. Будет лучше, если Логинова П. М. не будем отрывать от известного исследователя. О Логиновых и их деятельности Вам необходимо прочесть мою этнографическую работу, сданную в Петропавловский музей – “Большерецкий острог”, хотя бы: стр. 202 – Список владельцев усадеб. 208 – Численность населения по полу, образованию и последующей работе их детей по профессиям. 210 – Мои родители и их предки. О моем дедушке Константине Петровиче Логинове, его брате священнике Харлампии и Александре читайте на стр. 212. Петра указал там, вероятно, ошибочно. Спутал, наверное, с дедушкиным сыном, уехавшим на север Камчатки. О детях Константина читайте тоже на стр. 213, а о неупомянутом следует дополнить. Дочь Константина Ольга вышла замуж за Машихина в с. Елизово. Семья отличалась по тому времени высокой культурой. С одной из дочерей, кажется, Лизой, я был знаком. В 1927 г. она училась в совпартшколе г. Владивостока. Девушка была тогда весьма тучной. Вполне возможно, сейчас проживает в г. Елизово и имеет детей и внуков. Ее брат был там же и, кажется, промышлял торговлей. Кроме упомянутого, в моей работе о Логинове Николае Константиновиче следует дополнить. Были годы, когда в Большерецкой школе не оказывалось учителя. Тогда мой дядя был за учителя и обучал все четыре класса грамоте. С его детьми и внуками, догадываюсь, Вы уже познакомились. Был организатором и руководителем церковного хора. По его инициативе был приобретен для села породистый бык-производитель. Семья моего дедушки была большая, веселая, а дети – особенно девки – заглядение. Являлись законодателями мод, культурных мероприятий, умели делиться с односельчанами новыми начинаниями. Узнавали о новшествах из получаемого ежегодно журнала «Нива». В нем можно было узнать о моде, кройке и шитье, приготовлении разных блюд, медицине, огородничестве и мно-

гом другом. Дети были грамотны поголовно. Антонина Константиновна Коллегова, имея двух детей, скончалась во время эпидемии оспы еще во время моего детства. Ульяна и Елена были бездетными. У Домны был сын Алексей, который женился на поповой внучке по мужу Селиванова. Она, кажется, Александра, и жила в Усть-Большеречке. Там, вероятно, живут ее дети и внуки. Мария вышла за Ворошилова Александра. Ее дети так же, как и Логинова Николая, живут в г. Петропавловске. Об их адресе и месте жительства разузнаете у них. Веренея вышла замуж за ветеринарного фельдшера Фадея Петровича Федотьева в с. Усть-Большеречк. Фадей сопровождал в 1910 г. артель строителей первого телеграфа на Камчатке. Первым стал ездить на телеге с лошастью. Одна из дочерей, весьма привлекательной внешности, Ася, прежде жила в Петропавловске. /Обратитесь к Логиновым/. Вторая дочь – Евдокия, по мужу Лангбург (Лангбурд. – Ред.) живет в г. Белгороде. Она, кажется, окончила педагогический институт в Петропавловске. Преподавала английский язык. Журналист, член Союза журналистов. Ее дочь Наташа пошла по стопам матери. Защитила диссертацию. Сын Константин проживает в Вашем городе. /Узнайте у Логиновых/. О нашей семье. Мой отец Павел Константинович Логинов, действительно, состоял в дружине по изгнанию японцев с устьев рек. Награжден медалью, на одной стороне которой значилось: 1904–1905 г., на другой – «За веру, царя и отечество». В 1919 г. вместе со Сторожевским (наверное, Сторожевым. – Ред.) Павлом сопровождали проводниками шведскую ботаническую экспедицию. Обследовали местность, прилегавшую к Апальской сопке. Это путешествие запечатлено на имеющихся фотографиях. Моя мать – дочь казаков Кравченковых (Кравченко. – Ред.). Похожа была на курилов. Мой дедушка и отец были симпатичными метисами. Предки матери славились пышными чубами, что передалось и всем нам, кроме Михаила. Уточняю данные страницы № 210 этнографической работы. Отца и матери даты рождения предположительные. Даты рождения и год смерти: Логинов Павел Константинович, 1869, 1870–1923; Кравченко Неонила Ивановна, 1880–1934; Логинов Николай Павлович,

1904–1980; Логинов Дмитрий Павлович, 1910; Логинов Михаил Павлович, 1913; Логинов Павел Павлович, 1915–1981; Логинова Марфа Павловна, 1906–1985.

О Логинове Николае Павловиче. Женился на Бречаловой Марии. Детей было: Сергей, Антонина, Алефтина, Бронислава и Валентина. Сергей служил в пятигорской милиции. Умер давно. Остались дети. Переписки не имею. Антонина Позднякова имеет трех или двух детей. Работала техничкой в Петропавловске. Алефтина померла сразу же после замужества. Бронислава окончила педагогический институт, но по специальности не работала. Под какой фамилией дети, проживающие, кажется, в Петропавловске, не знаю. Валентина работала медицинской сестрой, померла давно в Пятигорске. Фамилию оставшихся детей не знаю. В старое время Николай получил незаконченное среднее образование в Петропавловске. При Советской власти работал сначала писарем сельсовета, потом в 1930 г. стал вместе с директором и агрономом в должности кладовщика организовали втроем Большерецкий совхоз. Продвигаясь по службе, дослужился до главного бухгалтера совхоза. Логинова Марфа Павловна. Образование четыре класса. Фамилии первых двух детей – Шмельковы, остальных трех – Осинцевы. Валентина Шмелькова. Образование 7 классов. Ее первый сын Анатолий – капитан траулера, проживает на Сахалине. Мария Шмелькова работает парикмахером в г. Комсомольске. О ее детях знаю мало. Лида Осинцева работала в геологической партии, а затем инспектором кадров на судостроительном заводе. Умерла. Ее сын Владислав Грейскоп служит в Советской армии летчиком. Лева Осинцев закончил техникум связи. Одно время был начальником Охотской орбиты телевидения, теперь трудится радистом на судах Охотского моря. Лилия Осинцева имеет законченное среднее образование. Начальник отдела кадров автотранспортного предприятия. О Логинове Дмитрие Павловиче. В Большерецке получил образование 4 класса. Будучи подростком подвозил на собаках зимой сено и дрова. Промышлял петлями зайцев, кулемками и капканами горностаев, стрелял уток. Летом со взрослыми заготавливал рыбу на кислую и юколу, помогал на сеноза-

готовках. Пришла Советская власть. Стал читать газеты. На какую сторону встать сомнения не было. При организации ячейки РЛКСМ избрали секретарем. В марте-апреле 1927 г. состоялась окружная комсомольская конференция в Петропавловске. Выступление мое можно прочесть в тогдашней газете «Полярная звезда». Занимались мы, комсомольцы, антирелигиозной пропагандой, разъясняли политику Советской власти, учили быть преданными новому строю. Любил слушать рассказы слепого Игнатия. Он был одиноким и самым бедным из беднейших жителей. Спорил со мной, что красные – большевики – большие болтуны, а я пытался это опровергать, говоря, что раньше, мол, жилось нам и другим плохо, а теперь всем будет лучше. Перепалка, правда, была незлобная. Желая доказать правоту, однажды организовал своих «хвастунишек» комсомольцев на подвозку Игнатию сушняка на дрова. Четверо ребят валили сухостой, трое подвозили, а девушки пилили и кололи их на поленницы. С этих пор слепой спорщик поверил в доброту и организованность комсомольцев и меньше сопротивлялся мне при «политической полемике». Вместе со взрослыми молодыми людьми мы, подростки-комсомольцы, при помощи учителя ставили спектакли. Я был бессменным суфлером. Старался правильно подать реплику, и выходило, что оставался волей-неволей как бы за режиссера. Осенью 1927 г. окружкомом комсомола был командирован во Владивостокский индустриальный рабфак. Окончил в 1931 г. Тоска по Большерецку овладела мной горемычным. Дальше учиться не стал. Вернулся на Камчатку и в том же 1932 г. поступил на работу в бухгалтерию Большерецкого совхоза. Так началась моя счетная карьера. В 1936 г. выехал в Москву. Там устроился на работу заместителем главного бухгалтера плодоовощного комбината. Женился в столице на старшем кассире Московской консерватории Евдокии Трошиной, которая впоследствии родила в 1943 г. дочь Людмилу. В 1937 г. завербовался на Камчатку старшим бухгалтером и вновь оказался в Большерецком совхозе. Служил в армии с сентября 1943 г. по январь 1944 г. Как нестроевой был демобилизован с передачей на работу в лесной промышленности в Хорский леспромхоз. Работал глав-

ным бухгалтером: ОРСа Хорского леспромхоза, жилищно-коммунальной конторы Стройтреста, 35, Камчатского монтажного управления треста «Дальтехмонтаж», строительного управления № 257, Хабаровского электромонтажного управления. Работал творчески сам и то же развивал у окружающих, тем более у подчиненных. Имеется большая переписка с газетой «Правда» и министерством финансов по поводу упразднения в отчетах копеек. Условный экономический эффект от моего мероприятия по стране составил бы около 33 миллионов рублей. Эту систему ввел у себя на работе и организациях, подчиненных тресту 35, а чинуши из министерства, отделившись обещаниями и отпиской, так и не реализовали мое предложение. Привожу копию их последнего письма. Министерство Финансов СССР, 11.03.1982, № 24–54. Логинову Д. П. «Управление бухгалтерского учета и отчетности получило Ваше письмо от 24 февраля 1982 г. По вопросу о сокращении числа цифр, применяемых в учетных операциях, путем округления сумм до целых чисел Вам направлен ответ 23.02.1982 г., № 24–54. В связи с тем, что вопрос о целесообразности округления сумм до целых чисел, где это возможно без ущерба для контроля, ПРИНЦИПИАЛЬНО РЕШЕН, Управление бухгалтерского учета и отчетности не видит необходимости в Вашем приезде. Начальник Управления бухгалтерского учета и отчетности П. С. Безруких». Вот как у нас все еще делается. Не хотят вводить новое. Держутся за старое, как черт за грешную душу, от чего и не надо моего присутствия в министерстве. Скажу по секрету, не хвастаясь: на работе меня уважали за знание своего дела, творческую работу, умение организовать труд и умение влиять на производственные дела с целью эффективности ведения хозяйства. Страшная тоска по родине, милом дорогом детстве вынудили меня взяться за перо. Так родилась этнографическая работа «Большеречский острог». Издатели, разумеется, печатать ее отказались. В ней ведь не найдется того, чего бы они желали – жителей Камчатки опаивали, купцы обирали их и мы прозябали в крошечной неграмотности и невежестве. Любовь к моей родине, отчаяние и великая грусть к земле моих предков, а также боязнь, что село

мое уйдет из истории, снова властно потребовали еще раз напомнить всем – не забывайте о моем селе, которое в истории Камчатки оставило огромной важности след. Так родилась повесть «Большереецкие беглецы». Это крик и отчаяние моей души. Своими статьями в газете «Камчатская правда» всеми силами старался привлечь внимание общественности к трехвековой почти давности истории Большереецка. Вырезку не получил. Поступил только перевод. Название статьи, наверное, – «Большереецкое судостроение» за 5 января 1985 г. Строили всей Камчаткой, 2 марта 1985 г. Весьма сожалею, что не прошла моя статья (вырезки и гонорара не получил) от 25 июня 1985 г. – «Здесь стояла крепость». Речь в ней идет о месте стоянки самой крепости Большереецкого острога. Вторая моя жена Тубалова Мария Антоновна. Живут отдельно от нас приемный сын Тубалов Павел Дмитриевич в Магадане. Дочь Логинова Людмила Дмитриевна. Сын работает заместителем начальника управления «Дальтехмонтаж». У него двое детей. Специальность дочери – главный бухгалтер. Ее сын Владимир Николаевич Логинов служит в армии – прапорщик. Сдается мне, что в Ваших жилах течет Логиновская кровь. Мое хобби, догадывюсь, такое же, как и Ваше. Люблю древность, историю, а особенно камчатских своих предков. Скучаю по ягоде шикше, шеломайниковым пучкам, отварным головам из свежей рыбы. Из книжки, написанной академиком Окладниковым и Василевским, издания 1976 г. «По Аляске и Алеутским островам» на стр. 55 узнал, что на Аляске в г. Анкордже проживает праправнучка Мориса Беньовского Антонина Федоровна Шалкоп. Три раза в разное время посылал туда письма, пытаюсь установить с ней связь, но все они возвращались американской почтой безответно. Хотел узнать точный адрес у Окладникова, но он, к сожалению, к тому времени скончался. Логинов Михаил Павлович. У него волосы были похожи по цвету вороньих перьев с плоскими крупными витками сказочной красоты. Был большим весельчаком. Участвовал с успехом в школьной самодеятельности в художественном кружке, музыкальном, танцевальном. Во время учебы на материке потерялся неизвестно куда. Логинов Павел Павлович. Образова-

ние неполное среднее. Главный бухгалтер райсобеса. Среди нас он был известен как многосемейный. Детей у него, наверное, человек семь, в том числе две женщины. О них Вам напишет его дочь Алла, так же как Федотьева и Арзамасцева. Ну, а на счет Абакумовой Ефросиньи, есть смысл Вам самим спиться или проехать в Малки, где она, очевидно, живет летом, а в Елизово, вероятно всего, зимой. Детей и внуков у нее много и жизнь каждого из них очень примечательная. Достоинно упоминания о моей тете по матери Марфе Ивановне Бречаловой. У нее в живых остались две дочери – Епраксия Александровна Абакумова и Зоя Александровна Арзамасцева. О них упомянуто выше. Сообщаю о проживающих в Петропавловске. 1. Дети Логинова Николая Павловича – Позднякова Антонина, а адрес Брониславы и ее фамилию забыл. 2. О внуках Логинова Николая Константиновича, догадываюсь, знаете, так же и их фамилии. 3. Селиванов Николай Николаевич – ул. Максutowa, 44/20, 4. Бречалова Елена Николаевна – Заводская, 6-ф, кв. 20, т. 4-53-13. 5. Дивеева Марина Андреевна – Владивостокская, 2, кв. 74, телефона я не знаю. Моя сверстница и землячка, дочь бывшего большевецкого учителя. ЖЕЛАЮ успеха и творческой удачи. 16 апреля 1985 г. в случае чего адресуйте: 680063, г. Хабаровск, ул. Гайдара, 6, кв. 141, Логиновой Людмиле Дмитриевне. Д. Логинов. Письмо Д. П. Логинова от 16 апреля 1985 г.

В 1878 г. в Большевецкой Успенской церкви служил священник Харлампий Петрологинов, и вот какой комментарий сделал человек, совершивший это открытие: «Автору вначале представилось, что ошибка в фамилии сделана при прочтении старинных рукописей докладчиком на Свято-Иннокентьевских чтениях. Но позже нашлись другие документы, где фигурирует эта необычная для камчатских священников фамилия. Деформация фамилии, думается, произошла значительно ранее по вине какого-то писца, записавшего отчество и фамилию одного из потомков Петра Логинова одним словом (Петрологинов вместо Петров Логинов)» (Артур Белашев, «Очерк истории Петропавловской и Камчатской епархии», книга вторая, 2006, стр. 163). Подробнее в очерке «Петрологиновы».

Информация с форума сайта «Камчадалы.ру»: «Коряк Александр Алексеевич Логинов призван в ряды Красной Армии в 1939 г. и служил в Харькове. В декабре 1941 г. за отвагу в боях под Москвой награжден медалью “За оборону Москвы”. В марте 1942 г. А. А. Логинов – секретарь комсомольской организации, агитатор. Любили бойцы скуластого, чернوبرового сержанта. 29 августа 1942 г. началась атака немцев. Отбиты, но снова фашисты пошли в атаку. С возгласом “За Родину, за партию – вперед!” бросился вожак комсомольцев на врага и был убит в бою». (<http://www.raipon.org/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/tabid/428/mid/1276/newsid1276/2849/---/Default.aspx>)

С форума сайта «Камчадалы.ру»: «Логинов Алексей Александрович. Родился и вырос в Тигиле, из династии камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых. Логиновы (Тигиль). Алексей Александрович Логинов и Александра Афанасьевна Логинова. Мать-героиня. Вырастила десять детей. Сами же родились и выросли в Тигиле. Дочери – Елена, Дия, Майя. Сыновья – Александр, Константин, Георгий».

Логинова Елена Алексеевна (см. очерк «Клехлавол – учитель»).

Воспоминания Е. А. Логиновой: «Мой отец, Алексей Александрович Логинов, прибыл в Тигиль из Большерецка. В 1932 г. я закончила Тигильскую школу колхозной молодежи (ШКМ). Направили в 1933 г. работать в Напану (20 км от Тигиля) – Ягановы. Арефьевы (оттуда Вячеслав – секретарь райкома партии), Наседкины. С 1934 по 1936 г. учеба в Ленинграде в техникуме и возвращение на Камчатку. Работала в Палане-Кочевой, Воямполке-Кочевой, в Пежинском районе – на Кульбазе (с. Каменское). С 1939 г. в Институте народов Севера на североазиатском семинаре, факультете языков и литературы. С началом войны возвращается на Камчатку. Добиралась год. В 1942 г. приступила к работе в Пенжинском районе – село Верхнее-Парень (до 1950 г.). С 1950 по 1973 г. работала в Тигиле. В 1960 г. присвоено звание “Заслуженный учитель РСФСР”. Учились с Н. И. Юшиным, Константином Лонгиновым, Алексеем Пенизиным, Косыгиным Федором Иннокентьевичем. Из Тигиля Миронова (Кожейкина) Мария, Анна Алек.

Каргопольцева (Толстихина по мужу). В Ленинграде в техникуме учились вместе: Ласточкин Павел (потом вместе работали в Воямполке), Черных Михаил, Кецай Кеккетын. Брат, Константин Алексеевич Логинов, закончил Военно-юридическую академию в Москве. Сначала учился в Институте народов Севера. Окончил Тигильскую семилетку в 1930 г. С 1915 г. (в документах записано с 1913 г.). Работал в райисполкоме. Был на третьем съезде Советов в 1931 г. – делегат первого окружного съезда. Секретарь райкома комсомола. В 1932 г. уехал в Ленинград. После Академии – на фронт, Балтийский флот. Капитан третьего ранга. Работал в Москве, был морским прокурором, затем военный прокурор в Петропавловске, на Сахалине, в Якутске. Сильно пил. Потом вернулся в Тигиль. Был награжден. Брат, Александр Алексеевич, закончил семилетку, работал учителем в Воямполке-Кочевой. Учился в Ленинграде. Служил в Каунасе, где и застала война за два месяца до окончания службы. В 1942 г. погиб на Калининском фронте, был радистом. Дочь живет в Москве. В с. Моргуевка Зубцевского района Калининской области он похоронен, но его фамилии на памятнике нет. Брат, Георгий Алексеевич, окончил семилетку, педучилище в Тигиле, работал в райфо бухгалтером, воевал в ВОВ – в Курильском десанте. Брат, Иван Иннокентьевич Миронов – отчим. Работал продавцом и охотоведом в заготпушнине. Участвовал в обороне Камчатки от японцев. Сестра Домна Алексеевна Глазунова (жила в Пограничном) окончила в Тигиле семилетку, педучилище, работала учителем в Воямполке-Оседлой, затем в РК КПСС (во время войны). Затем работала, как и сестра, в селении Верхнее-Парень бухгалтером. Муж у нее телеграфист. Сестра, Анна Алексеевна Петрова, окончила в Тигиле семилетку, педучилище, университет во Владивостоке – исторический факультет в 1949 г. Всю жизнь работала в школах, в педучилище, в Тигиле, Мильково, Лазо. Заслуженный учитель РСФСР, отличник народного просвещения. Сестра, Дия Алексеевна Кириенко, окончила Тигильскую семилетку, педучилище, учитель начальных классов в Палане (1942–1946 гг.), в г. Заозерном Красноярского края. Отличник народного просвещения. Сестра, Зоя

Алексеевна Черкашина – Тигильская семилетка, работала бухгалтером в райфо, в Хабаровске, в Тигиле. Сестра, Майя Алексеевна, в Тигиле окончила десятилетку, бухгалтер в райкоме партии с 1933 г. Муж Е. А. – Садченко Николай Захарович. Дочь, Елена (Антоненко) окончила КГПИ, работала в Петропавловске. Рано умерла (в 27 лет). Сын, Коля Садченко, окончил КГПИ, работал строителем. Зоя окончила Хабаровский пединститут, биолог, работала в Петропавловске. Алесандр Садченко в море работал радистом, в колхозе имени Ленина, окончил мореходное училище. Людмила Садченко умерла при родах. Дочь Дии – Галина – преподаватель музыки. Петр Лонгинов, племянник Пантелея Васильевича Лонгинова, погиб под Ленинградом. Корнелий Яганов погиб под Ленинградом. Была в блокадном Ленинграде Толстихина Зинаида Петровна (по мужу Егорова) – жила под Ленинградом. Она училась в Институте народов Севера, работала в Тигиле, на Чукотке. В Тигиле в 1920-х годах учитель тигильчанин Николай Александрович Миронов. Отец его (рыбак и охотник), Николай, окончил церковно-приходскую школу и в числе лучших был направлен в Петропавловскую духовную семинарию, после окончания – учитель в Тигиле. Руководил хором, ставил спектакли, заведовал школой. Играл на гитаре, пел русские народные песни. После установления Советской власти в Тигиле встал вопрос об открытии семилетки. Но не было помещения. Пятиклассники учились в подсобном помещении. Николай Миронов стал директором семилетки. Школа была в трех разных зданиях. В 1928 г. Миронов во Владивостоке закупил стройматериалы для новой школы и доставил их на пароходе в Тигиль. Перевозили ее из Усть-Тигиля в Тигиль на нартах. Сам Н. А. в детстве вывихнул ногу, ее не вправили и он всю жизнь ходил с костылем. Сын Георгий Николаевич (у него детей не было). Его ученики: Мария Миронова (Кожейкина), Вера Юшина (Ворсина), Дария Карпова (Сивакова), Нина Дюпина (Гальгинская). В 1828–1929 г. прислали в Тигиль студента из Института им. Герцена Григория Михайловича Корсакова – вел русский язык и литературу в семилетке. Первый создатель русско-корякского словаря. Учились в Ин-

ституте им. Герцена. М. Медведицын (Утхолок) – ительмен, но похож на русского. Отец из строителей телеграфной линии в 1910-м г. Отец не мог остаться в Утхолоке. Михаил мог петь по-японски. В Ленинграде заболел туберкулезом, умер молодым. Ласточкин Павел Гаврилович – учитель, педотделение в 1936 г. Работал в Воямполке, Сопочном. Первый отличник просвящения в Корякии. Ительмен из Утхолока. Дети в Хайрюзово: Заев Николай (Утхолок), Наянов Корнелий – погиб под Ленинградом. Слободчикова (Лукашкина) Татьяна Петровна. Наседкины – Никифор, Дмитрий, Евстроп».

В 2001 г. в издательстве «Северная Пацифика» была издана книга «Дорога в полтора века» Евдокии Ланбурд (Логиновой), в предисловии к своей книге она писала:

«Август 1995 г. был юбилейным в истории старинного рода камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых. На севере Камчатки, куда отселилась родовая ветвь Логиновых, по вине дьячка, записывающего новорожденных в церковные книги, была допущена ошибка. В фамилию Логиновых незаметно прокралась ещё одна буква “н”, и стали они Лонгиновыми. Родников признавали и уважали во всех уголках полуострова.

250-летний юбилей одного из старейших родов просветителей Камчатка отметила торжественно, как праздник родненных народов.

Камчатскому журналисту Сергею Вахрину удалось по архивным материалам установить родоначальника этой династии. Им является Петр Логинов, сын священника Михаила Романовича Логинова, погост Илаго Богородско-Казанской церкви близ Новгорода. Петр с отличием закончил начальную школу. Много читал, рвался учиться дальше.

Наконец такая возможность представилась. Его отправили в Москву, где он был зачислен в престижное по тем временам учебное заведение – Славяно-греко-латинскую академию. Он мечтал стать священником и учителем, как и его отец, чтобы “слово божье проповедовать, очищать души от скверны... Истину перед людьми открывать” (С. Вахрин, «Просветители»).

К выпускникам обратился архимандрит Иосиф Хотунцевский со страстным призывом идти за ним в Камчатку. И молодые люди откликнулись на этот страстный, может быть и не очень искренний, призыв и пошли нести знания и христианскую веру в далекие, необжитые земли, пошли с чистой душой, с открытым сердцем. Был среди них и Петр Логинов. Ему тогда исполнилось 23 года.

Точную дату прибытия Петра Логинова на Камчатку установить пока не удалось. Мы знаем его возраст в год окончания академии и год открытия первой камчатской школы в с. Большерецк, тогдашней столице Камчатки.

Можно предположить, что Петр Логинов прибыл на Камчатку со 2-й Камчатской экспедицией, в составе которой было много ученых, купцов, священников, студентов, промышленных людей, мореходов и других. Возглавлял эту экспедицию, как и 1-ю Камчатскую, известный мореплаватель Витус Беринг.

Пакетботы “Св. Петр” и “Св. Павел” прибыли в Авачинскую бухту осенью 1740 г. Зимовали там. В Большерецк Петр Логинов мог уехать на собаках с командой мичмана Елагина, который направлялся туда по приказу командора с особым заданием.

А мог приехать прямо в Большерецк морем из Охотска, как приехал туда в 1737 г. Степан Крашенинников, знаменитый исследователь Камчатки.

В общем, к сороковым годам XVIII столетия дорог в Большерецк было уже достаточно и можно было выбрать более безопасную или удобную. Во всяком случае, в начале 40-х годов Петр Логинов был уже в Большерецке, где начал изучать жизнь населения, крестить камчадалов – и детей, и взрослых. Особенно внимательно присматривался к детям. У него уже сложилось твердое решение: камчадалским детям нужна школа. Помочь в этом могла церковь. Особых трудностей не возникло, в те времена церковь считала это своей святой обязанностью. И в августе 1745 г. первая на Камчатке школа открылась.

Петр Логинов оказался отличным учителем, дети полюбили его и уроки посещали с удовольствием. А учителя радова-

ла сообразительность, старание, любознательность его учеников. Они работали, не думая и не догадываясь о том, что в этот момент они уже попали в историю.

Весть о школе и о русском учителе быстро разнеслась по всему полуострову. Ведь это было так необычно и ново для Камчатки. В стойбищах и острожках горячо обсуждалось это событие.

Можно представить эти разговоры, а их не могло не быть, больно новость была велика и взволновала родителей.

– Ой, паря, что я слышала! В Большерецке школу открыли! Русский учит. К добру ли это? Может, дети теперь и слушаться перестанут, – мать, у которой было семеро детей, с тревогой смотрит на соседку. А та ей в ответ:

– Ты чё, дева? И не думай перечить, отправляй детей! Хоть считать научат, тогда уж приказчик не обманет. И читать будут книжки, ума набираться.

В разговор вступает древний дед:

– Не будет добра от этого! Все старые обычаи забудут, старших уважать перестанут, в другие земли, за моря разбегутся, забудут родную землю. Не было у нас школы и не нужно: жить надо, как деды жили. Не верю я русским.

Но тут заговорил молодой парень:

– Вот я вырос, а читать и писать не умею, живу, как медведь в берлоге. А родич мой, Епифашка, уже азы, буки и веды складывает и задачки решает. И про Землю говорит, будто шар и вертится. Не знаю, может, соврал. Я тоже решил учиться, буду просить учителя.

– А мне из стойбища шаман сказал, что русские хотят забрать всю Камчатку, а камчадальское племя изжить напрочь. Для этого и церковь, и школа. Кому верить? – снова заговорила мать семерых детей.

Может, такие, а может, другие разговоры вокруг только что открытой школы, безусловно, велись. Были и противники, и защитники. Последние оказались сильнее, иначе школа перестала бы существовать. А она жила и работала.

В Петропавловске, нынешнем областном центре, первая школа открылась только спустя сто лет. И учителем там

был тоже Логинов, внук Петра – Георгий Логинов. И священником в Петропавловском соборе тоже был Логинов и тоже Георгий. У этого служителя церкви оказалась особая судьба: он был участником обороны Петропавловска от англо-французских интервентов в 1854 г. Он благословлял защитников на подвиг, обходил батареи, громыхающие выстрелами, помогал выносить раненых, принимал последние слова умирающих.

Так зародилась династия камчатских просветителей Логиновых, и жизнь её продолжается в нынешних поколениях.

В своей повести я рассказываю о большеерецких Логиновых – большой ветви камчатских Логиновых-Лонгиновых. По традиции в этих семьях многие становились учителями, священнослужителями, народными лекарями. Камчатка всегда славилась ловкими и умелыми охотниками и рыбаками. Для камчадалов Логиновых промысел был их жизнью, независимо от главного дела, которое они избрали.

В роду Логиновых многие обладали великолепным слухом и отличными голосами, в каждой семье были певцы и музыканты.

Люди с интеллектуальными наклонностями, врожденными, переходящими из поколения в поколение способностями, Логиновы никогда не чурались физического труда, среди них всегда находились мастера-умельцы. Охотники, как правило, были отличными лыжниками и меткими стрелками.

Во второй половине XX века в роду появились представители новых профессий – моряки, геологи, инженеры, экономисты, научные работники, военные. В последние годы возникли частные предприятия. Частные предприниматели – знамение времени.

О большой семье Константина Петровича Логинова, родившегося в первой половине XIX века, довольно подробно написал дальневосточный писатель Дмитрий Логинов. Я тоже из этой семьи, давно занимаюсь сбором исторических материалов и хотела бы кое-что уточнить и дополнить.

Старый Большеерецк. Малая Родина моих предков. Каким же ты был в годы твоего расцвета?

По рассказам моей мамы, Веринеи Константиновны Логиновой (Федотьевой), и её сестер, старый Большеерецк был большим и красивым селом с интересной историей и богатейшей,

не изуродованной еще в те времена природой. Как-то я сказала маме: “Не хочется верить, что это село бесследно исчезло с лица земли”.

– Почему же бесследно? – возразила мама. – Вот когда отправитесь в гавань, остановитесь перед рекой Гольцовкой. Поднимитесь на высокий увал, посмотрите вокруг – и вы увидите наш старый Большерецк.

– Но Большерецка же давно нет, – удивилась я.

– Смотри хорошенько и увидишь, – усмехнулась мама.

И вот уже позади Гольцовка с её перекатами, подъем на увал, поросший кедровым стлаником, опушка с тремя могучими каменными берегами. А с опушки перед нами открылась удивительная картина: среди светлой зелени четко вырисовывались темно-зеленые квадраты и прямоугольники. Они шли аккуратными рядами, образуя улицы и переулки. Мы насчитали их более 160.

Спустились вниз, походили по дворам. Они густо заросли могучей крапивой, раскормившейся на бывших подворьях. И стало как-то грустно от вида следов ушедшей отсюда жизни, бившей когда-то здесь горячим ключом.

Пройдут годы – исчезнут и эти последние следы. Как же сохранить образы дорогих и близких людей, пока ещё живущих в нашей памяти? Стараюсь вспомнить всё, что когда-то слышала, все, что узнала от родных и близких, что успела записать в разные годы. Теперь все это я решила собрать воедино, попытаться “одушевить” картины прошлой жизни, чтобы не исчезли они в будущем, не потерялись в грядущих веках. И пусть память о родниках будет долгой и благодарной».

ЛОНГИНОВЫ – ЛОГИНОВЫ

Лонгинов Алексей.

Священник Николаевской церкви (с. Палана). Родоначальник северной ветви династии камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых. Творения Иннокентия, митрополита Московского, книга вторая, М, 1887 г. «Путешествие по Камчатке (с 19 августа 1842 г. по 9 февраля 1843 г., 174 дня)», стр. 99: «3-го (января 1843 г. – Ред.) отправлял литургию и на одной

произведен во диаконы Большерецкий дьячек Логинов, в намерении рукоположить его во священника в Тигильской церкви, а Тигильского перевести в Ичинскую. Вновь произведенный священник Логинов, которому велено отныне прозываться Лонгиновым, бывший дьячком при Лесновской церкви, был добрым и усердным помощником священнику в построении и устройении церкви и вместе с ним благодушно терпел недостатки. Он учился только в Камчатском училище, но благодаря священникам, при коих он служил, знает очень хорошо устав и катихизис, характером кроток и добр, набожен, услужлив и деятелен, способностей очень хороших. Не имея никого из ученых, кем бы можно было заместить открывшееся священническое место, я принужденным нашелся рукоположить его, приняв во внимание его характер, деятельность и особенно набожность, в надежде на Пастыреначальника, что Он сам наставит и укрепит его... а бывшему его священнику Стефану Вениаминову, соседу его, поручено руководить его, и где нужно давать советы и наставления». Церковь в Палане освящена в 1845 г. Строил Стефан Вениаминов. Путевой журнал Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, веденный им во второе путешествие по Камчатке и Охотской области в 1846 и 1847 гг., стр. 212: «Священник, произведенный мною в 1843 г. из дьячков, несмотря на то, что он не обучался в семинарии, действует по своей обязанности весьма хорошо и благоразумно. Сколько по желанию его, столько и по обстоятельствам, он впоследствии переведен к Паланской церкви, на место священника Стефана Вениаминова, а к здешней Тигильской церкви определен новопроизведенный Ион Никифоров». Именно ему епископ Камчатский Иннокентий изменил фамилию на Лонгинов. Имел двух сыновей – Василия и Николая (который стал последним священником в Палане в годы Советской власти).

Лонгинов Николай Алексеевич, псаломщик Тигильской Христорождественской церкви в 1893 г., священник. Жена – Надежда Ивановна. Дети: Алексей (14), Агафья (12), Никифор (9), Анатолий (3), Нестор (1) (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г.).

Лонгинов Алексей, псаломщик Тигильской церкви.

Участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Тигильская дружина), с. Тигиль.

Лонгинов Алексей Васильевич, 1890 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана; камчадал; образование: 4 класса сельской школы; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана. Арест: 13.09.1937. Осужд. 17.02.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв.: без предъявления обвинения. Расстр. 20.03.1938. Реаб. 23.04.1958. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Воспоминания о династии Лонгиновых (из писем в редакцию на статьи по истории камчатских фамилий):

Мешалкина Римма Алексеевна.

«Мне, представителю рода Логиновых-Лонгиновых, хочется рассказать о той ветви этого рода, к которой принадлежу я, Лонгинова (Мешалкина) Римма Алексеевна. Я – внучка псаломщика Николаевской церкви (Палана) Василия Алексеевича и правнучка священника той же церкви Алексея Лонгинова. Это я узнала, переписываясь с Камчатским архивом, из выписки из метрической книги Камчатской Духовной Консистории притчу Паланской церкви за 1890 г., где имеется запись о рождении моего отца – Лонгинова Алексея Васильевича, в начале 20 века тоже ставшим псаломщиком в Палане, Кахтане (я думаю, что село Иосифовское, где он служил в церкви, было русское название, затем совершенно забылось это название), о его службе я узнала из выписки из метрической книги Тигильской церкви за 1915 г., где есть сведения о бракосочетании моих родителей. С 1915 по 1919 г. он с семьей жил в с. Тиличики, где был псаломщиком и учителем местной школы.

У моего прадеда Алексея было два сына: Василий и Николай (последний был последним священником в Палане). У деда Василия 6 сыновей и 3 дочери, в каждой семье были учителя. Сыновья: Петр, Иннокентий, Николай, Алексей, Иван, Пантелей. Дочери Мария (Савченко), Екатерина (Анищенко), Сусанна (Сновидова).

В семье Петра дочь Александра в 30-е годы специально изуча-

ет корякский (чувчувенский) язык, чтобы работать в кочевой школе. Она рассказывала, как из оленьих шкур шили чум-школу. Работала в школе Александра Петровна (Живодерова) до начала 50-х гг. (Палана), вела подготовительные классы на корякском языке. Ее брат Петр Петрович тоже закончил Тигильское педучилище, как отличника его послали в Ленинград для продолжения учебы, но война помешала. Он погиб под Ленинградом.

В семье Николая Васильевича Лонгинова учителем начальных классов была его дочь Домна Николаевна (Брек). Материалы о ней школьный музей Паланской школы передал в обл. музей. Она работала в Усть-Камчатском районе, с 1945 г. в Паланской школе. Награждена орденом “Знак Почета”, заслуженный учитель школ РСФСР. Была членом окрсвета. Умерла.

О семье Иннокентия Васильевича я не буду писать, так как вы много писали и прекрасно знаете эту семью, она живет в городе. Его сын Филарет Иннокентьевич был один из авторов рукописного корякского букваря. Об этом вы лучше узнаете от его жены, Марии Федоровны Лонгиновой, учительницы математики, пенсионерки (ул. Войцешека, 7-А, кв. 65), отличника народного образования РСФСР.

Об Иване Васильевиче вы писали, это первый в нашей семье заслуженный учитель РСФСР. Его сын Иван Иванович долгое время был учителем в Воямпольской Красной яранге.

У Пантелея Васильевича, он работал учителем до 1933 г., сын Валентин после окончания Тигильского педучилища работал немного учителем в Пенжинском районе.

В семье Марии Васильевны Лонгиновой-Савченко учителями были ее муж Федор Кириллович Савченко, первый советский учитель в Паланской школе, работал с 1909 г.

Его дочь Нина Федоровна Шишкина проработала учителем, а затем воспитателем детсада до пенсии. Умерла.

В народном образовании округа с начала 40-х г. до середины 70-х гг. работал Ростислав Федорович Савченко (Палана, Ленина, 3, кв. 7), отличник народного образования РСФСР. Его сын Эдуард Ростиславович – преподаватель в СПТУ-11 в п. Палана. Жена Р. Ф. Савченко – Анна Митрофановна работает в просвещении более 40 лет.

У Екатерины Васильевны Анищенко (Лонгиновой) старшая дочь Ольга Ивановна Куркан закончила Тигильское педучилище. Работала в Корякском округе, и с начала 50-х гг. в п. Моховая (ул. Бийская, 4, кв. 35). Сейчас Ольга Иванова на заслуженном отдыхе.

В семье Сусанны Васильевны Лонгиновой-Сновидовой сын Юрий закончил отделение народов Севера при Хабаровском пединституте, работал воспитателем в Паланской школе до 1964 г. Умер. Старший сын, Алексей Владимирович, электромонтер, участвовал в боях на Курилах, погиб там же.

В семье моего отца, Лонгинова Алексея Васильевича, только я получила педобразование. Закончила Хабаровский пединститут, литфак. Работаю с 1950 г. в основном в Паланской школе. Отличник народного образования РСФСР. Заслуженный учитель школ РСФСР. Награждена орденом Дружбы народов. У меня два сына, оба имеют педобразование. Старший сын Андрей закончил два института, но не работает по специальности. Был тренером в ДЮСШ п. Палана. Младший, Аркадий, работал в г. Бердск Новосибирской области. Он физик. Сейчас научный работник Новосибирского университета.

В семье второго сына священника Алексея, Лонгинова Николая Алексеевича, было три сына и две дочери: Алексей, Вячеслав, Нестор, Мария и Павла.

Внучки дяди Алексея, Раиса Пантелеевна, Анна Пантелеевна, Римма Пантелеевна Юшины – учителя. Раиса и Анна всю жизнь проработали в Карагинском районе, затем переехали в Елизово. Раиса Пантелеевна работала во вспомогательной школе, живет в Елизово. Римма Пантелеевна – учитель биологии, проработала в Липецкой области, умерла.

Дети Вячеслава Николаевича Лонгинова – Валентин и Серафима – учителя. Валентин Вячеславович работал после Тигильского педучилища где-то около Петропавловска. Серафима закончила Ленинградский пединститут, работала в Архангельской области.

У Нестора Николаевича две дочери имели педобразование, но в школе проработали недолго.

В семье Марии Николаевны Лонгиновой-Копыловой высшее педобразование получила ее дочь Варвара Артамоновна Синякова. Работала в Паланской школе, а с 1957 г. в г. Ленинграде. Преподавала русский язык для иностранцев. Работала два года в Финляндии, затем в Австрии, Индии. Сейчас на заслуженном отдыхе (195027, г. Санкт-Петербург, Красногвардейская пл., 4, кв. 15).

Сейчас в Паланской средней школе работает преподавателем физкультуры Лонгинов Андрей Сергеевич, прапраправнук Николая Васильевича. В детсаде музыкальным работником – Александра Николаевна Лонгинова, тоже прапраправнучка. Ее мать – преподаватель музыки в школе искусств п. Палана, Лонгинова Тамара Борисовна, жена праправнука Николая, заслуженный деятель культуры РСФСР.

Одним словом, Паланской школе в 1994 г. будет 100 лет. Нет ни одного десятилетия, чтобы в ней не работали учителями представители нашего рода. Хочется узнать, когда освещалась школа, кто был первым учителем?

В годы Советской власти над паланскими Лонгиновыми нависла угроза уничтожения. В 1932 г. был арестован Лонгинов Петр Васильевич, 10 лет пробыл в заключении, прибыл в Палану разбитый параличом. Реабилитирован в 1957 г.

Позже были арестованы Иннокентий Васильевич и Пантелей Васильевич. Довезли их до Хабаровска. Затем отпустили, не разрешая жить на Камчатке. И разрешили жить подалее от границы. Иннокентий Васильевич умер в г. Ташкенте. А Пантелей Васильевич, чубаровец, все же отсидел 10 лет как политзаключенный. Реабилитирован.

В 1934 г. был арестован мой отец, Алексей Васильевич, довели до г. Петропавловска, разобрались, отпустили. Он где пешком, где на собачках добрался до Паланы, благо, что, начиная с Большерецка, везде жили родственники.

В 1937 г. начались повальные аресты. Были арестованы все мужчины нашего рода старшего поколения.

Лонгинов Алексей Васильевич (было ему 47 л.), Николай Васильевич (далеко за 50), Алексей Николаевич (ровесник Николая Васильевича), Вячеслав Николаевич, Нестор Ни-

колаевич, племянники Африкан Петрович и его брат Константин Петрович Лонгиновы.

Расстреляны в 1938 г.:

1. Лонгинов Алексей Васильевич, 1890 г. р., уроженец с. Палана Камчатской обл., до ареста проживавший в Палане, 20 марта 1938 г. Место смерти не установлено.

2. Лонгинов Вячеслав Николаевич, 1894 г. р., уроженец с. Тигиль Камчатской обл., до ареста проживавший в с. Палана, 20 марта 1938 г. Место смерти не установлено.

3. Лонгинов Африкан Петрович, 1906 г. р., уроженец с. Палана, до ареста проживавший в с. Палана, 8 марта 1938 г. Место смерти не установлено. Вместе с ними расстрелян и их зять Копылов Артамон Александрович, 1894 г. р.

Остальные были высланы в неизвестные места без права переписки. Никто не вернулся.

Самое страшное то, что та же тройка, что судила их, в июне 1938 г. Лонгинова Алексея Васильевича “освобождает” из-под стражи за неимением состава преступления. Но никто никогда не сообщал об этом семье, которая была очень большая, самая младшая родилась через три месяца после ареста.

Но нас не сломали. Род был трудолюбивый, дружный, всегда стремились к знаниям. Наши матери постоянно напоминали нам, какими хотели видеть нас наши деды, наши отцы. И по тому, что я написала выше, вы можете судить, выполнили ли мы их завет, хотя бы частично. Всех посмертно реабилитировали...

Очень хотелось бы, чтобы помогли установить место расстрела и захоронения Лонгиновых.

С уважением к Вам, Мешалкина (Лонгинова) Римма Алексеевна».

«Я, по матери Лонгинова, по отцу Копылова, по мужу Снякова, Варвара Артамоновна, родилась в с. Палана Тигильского района Камчатской области. Мне 64 года, я на пенсии.

Мне представляется возможность познакомить Вас с учителями-просветителями моего деда Лонгинова Николая Алексеевича. В его семье было пятеро детей.

Его сын Алексей Николаевич Лонгинов был учителем (ве-

роятно, закончил приходскую школу, дед наш был священнослужителем) и работал в с. Тилички Олжоторского района.

У дочери Алексея Николаевича, Марии, дочери Раиса Пантелеевна и Анна Пантелеевна Юшины (нынешние фамилии мне неизвестны) продолжали дело своего деда – были учителями.

У Нестора Николаевича Лонгинова – дочь Евдокия Нестеровна, по мужу Какаулина, работала учительницей в Тигиле.

У Вячеслава Николаевича Лонгинова сын Валентин Вячеславович и дочь Серафима Вячеславовна (по мужу Данилова, адрес: 164630, г. Сура Пинежского района Архангельской области) работали учителями.

У дочери Павлы Николаевны Лонгиновой, муж Лонгинов Иван Васильевич и сын Иван Иванович Лонгинов были учителями.

И, наконец, у дочери Марии Николаевны Лонгиновой (по мужу Копылова), моей матери, было четверо детей.

Я, Варвара Артамоновна, закончила Корякское педагогическое училище в Тигиле. Это педучилище заложило всем моим родственникам – учителям основы педагогического мастерства, положило дорожку в будущее.

Потом был Хабаровский учительский институт, он давал неполное высшее образование, но позволял в послевоенное время готовить учительские кадры для районов Крайнего Севера.

Сначала я работала в Пенжинском районе (1947–1948 гг.), а потом учительницей русского языка и литературы (1951–1955) в Паланской средней школе.

В 1957 г. я с семьей переехала в г. Ленинград и уже высшее образование получила в педагогическом институте им. А. И. Герцена. Несколько лет я преподавала русский язык и литературу в 429 школе г. Ленинграда.

Около 20 лет я проработала в Ленинградском политехническом институте им. М. И. Калинина (ныне Технический университет) на кафедре русского языка для иностранных учащихся. За многие годы преподавания я занималась со студентами, аспирантами и стажерами из стран Европы, Азии, Африки и Америки.

И в школе, и в вузе я получала большую радость от общения со своими учениками.

Студенты-иностранцы продолжали пропагандировать русский язык у себя на родине. Дело в том, что они получали не только диплом инженера, но и сертификат с правом преподавания русского языка на начальном этапе обучения среди своих соотечественников.

Тяга к русскому языку во всех странах огромная. Мне приходилось работать и за границей по линии Министерства высшего образования: в Финляндии, в Австрии и в Индии.

Наряду с лекционными занятиями по русскому языку и литературе мне приходилось вести практические уроки по развитию русской речи, где я рассказывала о своем заповедном крае, о людях Камчатки. Сложились теплые дружеские отношения: многие студенты и преподаватели посетили Ленинград, восхищаясь его красотой, познакомились с моей семьей.

Выезжая за границу, я изучала строй, культуру, религию, традиции и, конечно, язык страны пребывания. Интересны люди! На первый взгляд, хмурые и холодные финны, высоко нравные австрийцы, любознательные и наивные индийцы, а оказывается, познакомившись поближе, они все одинаковы – добрые, отзывчивые, тянущиеся к знаниям. Я им отвечала тем же.

В жизни мне всегда везло на друзей и коллег, любящих свою профессию, внимательно относящихся друг к другу.

Не могу не написать о Римме Алексеевне Мешалкиной (Лонгиновой), мы с ней троюродные сестры, у нас был один прадед – Лонгинов Алексей Дмитриевич.

Я рано осталась без родителей: моя мама, Мария Николаевна Копылова (Лонгинова), умерла накануне войны, а отец Артамон Александрович Копылов, как и многие земляки-камчадалы, был арестован в сентябре 1937 г., расстрелян в марте 1938 г., реабилитирован после XX съезда партии, в 50-е гг. Детство мое было нелегким. Во время войны ушли служить в армию братья – Николай и Александр.

И вот Римма Алексеевна и ее добрая мама – Мария Лаврентьевна Лонгинова – помогали всем, чем могли, и морально, и материально, мне и моей сестренке Людмиле.

В годы войны, во время каникул, мы, девчонки, участвовали в сельскохозяйственных работах в колхозе “Пролетарий”.

Римма была нашим наставником, уже в детские годы в ней закладывались учительские навыки.

Прошло уже 50 лет, а к Римме Алексеевне тянутся ее друзья, она, как связующее звено, с ней переписываются, теперь уже пенсионеры, едут в Палану, через нее мы узнаем, как сложилась судьба сверстников детства.

В Римме Алексеевне заложены гены наших предков, она же Лонгинова.

Из более старшего поколения мне бы хотелось рассказать о Лукёвой (Лонгиновой) Александре Алексеевне, она с 1914 г., в апреле 1994 г. ей исполнится 80 лет, живет в Палане. Она по образованию агроном, отдала свои знания краю, где она родилась. Из старших: Александра Алексеевна осталась одна, это ее отец работал учителем (Алексей Николаевич) в с. Тиличихах еще в начале XX века.

В основном я повествовала о внуках Николая Алексеевича Лонгинова, Лонгиновых-учителях. Дело наших предков продолжают уже и правнуки, и праправнуки. Такова профессия учителя – учить и учиться самому.

Моя семья: Юрий Иванович Синяков, по образованию журналист, после окончания Ленинградского университета работал в Палане в газете “Корякский коммунист”. Сын Игорь и дочь Елена, двое внуков: Наташенька и Игореша, прелестные малыши, на следующий год пойдут в школу.

Чем увлекалась, увлекаюсь – люблю читать, работать со словарем, посещаем театры, у нас неплохая библиотека.

*С уважением, Варвара Артамоновна Лонгинова
(по деду, прадеду, прапрадеду).
27 октября 1993 года.*

г. Санкт-Петербург, Куркан (Юшина) Ольга Ивановна».

«Я родилась в 1927 г. в селе Тигиль Тигильского района Камчатской области.

В 1931 г. в июле был арестован мой отец Юшин Иван Николаевич.

Моя мама Екатерина Васильевна была из семьи Лонгиновых. Когда отца забрали, мама с нами (мной и братом) пере-

ехала в Палану к братьям, т. к. у нас все имущество было конфисковано, мы стали лишенцами, тогда такое слово было в обиходе.

В 1937 г. мамыны братья Петр Васильевич, Николай Васильевич, Алексей Васильевич, Иннокентий Васильевич, Пантелеймон Васильевич, сын Петра Васильевича Африкан Петрович были арестованы.

Выросла я в Палане. После окончания семилетки в 1941 г. поехала учиться в Корякское педучилище в с. Тигиль на три года. Закончить мне пришлось его в 1945 г., так как один учебный год (1943–1944) пришлось пропустить по нужде.

Пришлось работать в газете “Корякский большевик”, а теперь это газета “Народовластие”. В этом году мне пришлось обращаться в редакцию газеты за подтверждением, что я действительно там в 1943–1944 гг., но, увы, мне не везет, архива за годы войны не сохранилось.

Реабилитирован мой отец в 1959 г., но личное дело отца я читала лишь в январе 1993 г. Так и не узнала, где и когда закончилась его жизнь.

После окончания педучилища в 1945 г. (благодаря добрейшим людям) три года работала в Тигильской школе.

В 1948 г. переехала в город Петропавловск из-за состояния здоровья, где проработала в школе пос. Моховая тридцать один год. В 1979 г. ушла на пенсию.

Вырастили в семье троих детей.

Старший сын закончил Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева в 1970 г. Ему была присвоена квалификация физика-радиоэлектроника. Работает он в НИИ г. Томска, имеет звание кандидата технических наук.

Дочь моя инвалид 2-й группы. Младший сын работает оператором в гортеплосети.

Имею внучку и правнучку, еще есть четыре внука.

В Краснодарском крае Лабинском районе, п/о Соколихин проживает моя племянница Неженец Маргарита Владимировна. Она закончила Адыгейский педагогический институт, после окончания работала в школе. А вот в настоящее время о ее жизни я не знаю, давно не было переписки.

Вам уже известно, что мои дяди Иван Васильевич и Пантелеймон Васильевич были учителями. Римма Алексеевна описала и об остальных, повторяться не буду.

В с. Мильково живет и работает в библиотеке Михайлова Виктория Зиновьевна (см. очерк “Михайловы”), племянница Риммы Алексеевны Мешалкиной.

Вот и все.

*21 сентября 1993 г.
С уважением, Куркан О. И.».*

О Пантелее Васильевиче и Филарете Иннокентьевиче Лонгиновых см. очерки «Маршрут бессмертия» и «Северная песня».

Полный список династии Лонгиновых, подвергшейся политическим репрессиям:

Лонгинов Алексей Николаевич, 1879 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: церковно-приходская школа; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Тигильский р-н, с. Палана. Арест: 12.09.1937. Осужд. 01.02.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв.: без предъявления обвинения. Расстр. 08.03.1938. Реаб. 01.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Лонгинов Африкан Петрович, 1906 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана; камчадал; образование: 4 класса сельской школы; б/п; заведовал факторией АКОснабторга; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана. Арест: 12.09.1937. Осужд. 01.02.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв.: без предъявления обвинения. Расстр. 08.03.1938. Реаб. 23.04.1958. Реабилитирован постановлением президиума Камчатской облсуда.

Лонгинов Борис Иннокентьевич, 1915 г. р., камчадал, уроженец с. Палана Тигильского района Камчатской обл., из семьи рыбаков-охотников, образование низшее, б/п. Проживал в с. Тиличики Олюторского района, был инструктором по пушнине АКОснабторга.

Арестован 7 марта 1938 г. Обвинялся по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР. Постановлением прокурора Камчатской обл. от 1 де-

кабря 1939 г. на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден.

Реабилитирован прокуратурой Камчатской обл. 15 декабря 1989 г.

Лонгинов Вячеслав Николаевич, 1894 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; камчадал; образование: 5 классов сельской школы; б/п; был рыбаком-охотником; место проживания: Тигильский р-н, с. Палана. Арест: 13.09.1937. Осужд. 17.03.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв.: без предъявления обвинения. Расстр. 20.03.1938. Реаб. 24.06.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Лонгинов Николай Васильевич, 1886 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана; русский; образование: малограмотный; б/п; был рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана. Арест: 13.10.1937. Осужд. 17.02.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв.: без предъявления обвинения. Расстр. 20.03.1938. Реаб. 27.02.1958. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Лонгинов Константин Петрович, 1913 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана; камчадал; образование: 7 классов; б/п; был членом рыболовецкой артели; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана. Арест: 14.09.1937. Осужд. 17.03.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв.: без предъявления обвинения. Расстр. 20.05.1938. Реаб. 01.07.1958. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Лонгинов Нестор Николаевич, 1892 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана; русский; образование: низшее; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана. Арест: 21.07.1932. Осужд. 17.10.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 27.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Лонгинов Николай Васильевич, 1886 г. р., Камчатская губ.,

Тигильский р-н, с. Палана; русский; малограмотный; б/п; был рыбаком-охотником. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Палана. Арестован 13 октября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 17 февраля 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Имущество конфисковано. Расстрелян 20 марта 1938 г. Реабилитирован 27 февраля 1958 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Лонгинов Петр Васильевич, 1883 г. р, Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Палана; русский; малограмотный; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Палана. Арестован 21 июня 1932 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 17 октября 1932 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. В лагере за «хорошую работу» 8 августа 1936 г. срок был снижен до 5 лет. Реабилитирован 27 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

С форума сайта «Камчадалы.ру»:

НЕШКОЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЛОГИНОВЫ-ЛОНГИНОВЫ ДИНАСТИЯ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ НА КАМЧАТКЕ

Работа десятиклассницы Александры Аристовой из Петропавловска-Камчатского.

АВТОР: Александра Аристова, во время написания работы – ученица 10 класса школы № 10, г. Петропавловск-Камчатский.

Работа вышла в финал VI Всероссийского конкурса Международного Мемориала «Человек в истории. Россия – XX век».

Научный руководитель: Мосолова Татьяна Валерьевна.

Участвуя в мероприятиях, посвящённых Дням славянской письменности (в мае 2004 г.), я узнала о династии камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых. Меня очень заинтересовала жизнь этих людей, и я решила узнать о них побольше. Уникальность этой фамилии в том, что уже на протяжении стольких лет «потомки русского учителя сохраняют верность своему родовому предназначению – воспитанию камчатских детей» (С. И. Вахрин).

Целью моей работы является знакомство с жизнью и деятельностью некоторых представителей камчатской династии Логиновых-Лонгиновых, которой 24 августа 2005 года исполнится 260 лет.

Отдельных книжных публикаций о представителях данной династии нет. Мною были использованы материалы «Третьих Международных исторических и Свято-Иннокентьевских чтений, посвященных 300-летию присоединения Камчатки к России», в частности статья С. И. Вахрина «Камчатские просветители Логиновы-Лонгиновы», а также газетные вырезки, которые хранятся в семейном архиве Эльвиры Филаретовны Лонгиновой-Морозовой.

Личное знакомство с Эльвирой Филаретовной дало мне возможность собрать ценнейшую информацию не только о жизни и деятельности её близких и дальних родственников, но и как бы соприкоснуться с реалиями XVIII века, прочувствовать гнетущую атмосферу 30-х годов XX века.

Благодаря этой женщине, у которой для меня всегда было время и желание помочь, я впервые попала в Центр документации новейшей истории Камчатской области, где находятся следственные дела на тринадцать представителей данной династии, репрессированных с 1934 г. по 1938 г. К сожалению, непосредственно с Уголовными делами мне ознакомиться не разрешили (из-за несовершеннолетия), но на основании тех выписок, которые сделали для меня Эльвира Филаретовна и моя мама Аристова Оксана Викторовна, я постаралась составить основную часть своей работы.

Становление династии

Родоначальником этой династии стал сын священника из Новгородского уезда Михаила Романова Петр Михайлович Логинов, прибывший на Камчатку в августе 1745 г. Закончив с отличием начальную школу, он поступает в 1735 г. в Славяно-греко-латинскую академию, а после ее окончания попадает в состав миссионерской партии архимандрита Иоасафа Хотунцевского, призывавшего выпускников Академии ехать за ним на Камчатку, чтобы учить малолетних камчадалов алфавиту,

Часослову, Псалтыри, катехизису, букварю и скорописи, а также крестить «дикостью обуянное племя камчатское... слово Божие проповедовать».

Именно с такой целью и ехал дьяк Петр Михайлович в далекие, необжитые земли. Вскоре при Успенской Большерецкой церкви он открыл первую камчатскую школу, став и первым учителем в ней.

После того, как Хотунцевский уехал, проповедническую свиту возглавил иеромонах Пахомий, но в то же время, с 1745 г., командир Камчатки – Василий Чередов. Он разъезжал по полуострову, вымогая пушные подношения, наказывая тех, кто противился насилию. Пахомий как-то попытался остановить этот разгул, за что должен был зимой по приказу командира на большерецкой площади встать на колени прямо в снег и читать молебен на протяжении нескольких часов. Кто бы после такого согласился остаться в этом диком краю? Но когда приходит из Синода разрешение вернуться миссионерам домой, на материк, Петр Михайлович в раздумье. Он чувствует, что нужен здесь.

Статья С. И. Вахрина еще раз убедила меня в том, что первые священнослужители, ступившие на камчатскую землю, сразу выступили защитниками коренного населения.

Используя только Слово, они несли в души и сознание местного населения христианское учение, в условиях дикого произвола «местных управителей», жестокого насилия при объясачивании населения новых земель. Пройдут года, пока коренное население выделит и осмыслит созидательную, залечивающую их душевные раны деятельность служителей церкви на фоне беззакония представителей светской власти, которые нередко обрушивались и на священнослужителей.

Не избежал этой участи и Петр Михайлович Логинов, когда своими поучениями в церкви он пытался остановить разгул компании «горе-командира» Извекова. Кроме оскорблений и притеснений священника (в 1761 г. Петр Михайлович в Иркутске от епископа Софрония принял священство) Извеков издал приказ, чтобы «Логинова никто из жителей Большерецка не смел пускать к себе в дом., как вредного человека; а

другим приказом разрешил им не ходить в церковь и не держать постов». Казалось, грубая сила взяла верх над Словом, но именно его словам суждено будет стать просветительскими семенами в человеческих душах. Коренное население восстанет на открытое сопротивление и итогом Большерецкого бунта 1649 года станет арест Извекова и высылка его в Охотск, где он предстанет перед судом и будет разжалован в матросы.

Основные вехи жизни ярких представителей династии

После смерти Петра Михайловича Логинова в 1771 г. династия свое существование не прекратила.

Его сын Иоанн Петрович отплыл вместе с бунтарями на поиски острова чудес и социальной справедливости Тапробана, но он ненадолго пережил отца.

Бросив якорь у острова Формоза-Тайвань, чтобы пополнить запасы пресной воды, люди, сошедшие на берег, в числе которых находился Иоанн Петрович, были приняты туземцами за пиратов и засыпаны стрелами из засады.

Спустя сто лет со дня открытия школы в Большерецке, в Петропавловске внук Петра Михайловича и сын Иоанна Петровича Георгий Иоаннович откроет первую школу и станет там первым учителем.

Вот какую запись сделал в своём дневнике путешественник по Камчатке в 1846–1847 гг. епископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий Вениаминов: «Из священников особой похвалы заслуживают... Камчатского собора священник Георгий Логинов, который по закрытии в Камчатке духовного училища (последнего учебного заведения на полуострове в тот период. – С. И. Вахрин) открыл у себя домашнее училище которое ныне у него 11 человек разного звания, обучающихся, кроме чтения и письма, русской грамматике, священной истории и катехизису. На бывшем при мне экзамене ученики по всем предметам отвечали весьма удовлетворительно: и так как священник Логинов обучает детей сих безвозмездно, то приказано ему взять себе в помощники дьякона или причетника. Он же, Логинов, продолжает ныне преподавать субботние уроки в церкви детям...»

Особо хочется рассказать о Пантелее Васильевиче Лонги-

нове. Этот человек в 20-х гг., будучи членом партизанского отряда Санникова, устанавливал на Камчатке советскую власть.

А затем с отрядом Григория Чубарова напишет последнюю страницу в эпопею гражданской войны – примет участие в разгроме отрядов белогвардейского есаула Бочкарева в Гижиге. Позже Пантелей Васильевич еще раз пройдет чубаровским маршрутом, но уже с иной целью, – он придет в северные камчатские села учителем. И вместе с одной из первых выпускниц Тигильского педагогического училища, открытого в 1930 г., Еленой Алексеевной Лонгиновой, создаст первую школу-интернат в селе Лесная. А его брат, Иван Васильевич Лонгинов, станет первым из этой династии заслуженным учителем РСФСР.

Буква «н» в фамилии Логиновых появилась в 1843 г. Епископ Иннокентий Вениаминов, прослушав в Тигильской Христорождественской церкви литургию, которую давал дьячок Лесновской церкви, сын Петра Михайловича Алексей Петрович, произвел его в священники и с тех пор велел ему называться Лонгиновым, который впоследствии стал первым священником в Палане.

Таким образом, северная ветвь камчатских просветителей стала именоваться по-другому.

Именно с представительницей этой ветви мне и выдалась счастливая возможность встретиться и пообщаться. Это – Эльвира Филаретовна Лонгинова-Морозова. Эта замечательная женщина с удовольствием рассказала мне о своих «корнях», истории рода, семье. Ее слова были проникнуты такой теплотой и любовью, она с такой гордостью говорила о своих предках, что невольно проникаешься к ним таким же уважением и признательностью.

Репрессированные из династии Лонгиновых

На основании списка из 13 человек, составленного по данным картотеки Центра документации новейшей истории Камчатской области, можно представить масштабы тех потерь, которые понесла династия Логиновых-Лонгиновых в 30-е гг. XX века.

Практически все репрессированные данной династии обви-

нялись в одном и том же: как участники контрреволюционной организации «Автономная Камчатка», сопротивляющиеся установлению советской власти на полуострове и противники коллективизации.

Спустя два десятилетия будет доказано, что такой организации не существовало.

В начале 30-х гг. процесс коллективизации дошел и до Камчатки. Ее своеобразие заключалось в том, что сельскохозяйственных колхозов по обработке земли здесь объективно (по природно-климатическим условиям) быть не могло. Поэтому колхозы создавали, прежде всего, в рыбной отрасли. Но налог на вылов рыбы был так высок, а помощь государства в оснащении рыбаков настолько ничтожна, что рыбакам выгодней было сохранять индивидуальный промысел своими снастями, секреты которых передавались из поколения в поколение. Так большинство родственников Логиновых-Лонгиновых отказались вступать в рыболовецкую артель, продолжая вести хозяйство самостоятельно.

В деле у Африкана Петровича Лонгинова читаем, что стоило дважды обменять у японских торговцев соболей на спички, керосин, рис или сказать прилюдно, что «раньше жилось лучше», как ему будет сфабриковано дело по «организации боевой дружины под руководством ставленников японского империализма с целью автономизации Камчатки и присоединения ее к Японии».

Дела всегда были массовыми. Достаточно было в показаниях на допросе назвать, с кем ты ходил на охоту или на рыбалку, у кого был в гостях и т.п., как этот человек становился твоим соучастником «преступной деятельности». Так, если по делу Африкана Петровича проходит всего 7 человек, то уже по делу Лонгинова Вячеслава Николаевича – 70 человек. В толстых томах уголовных дел, где записаны их показания, на допросах прослеживается одна мысль: нежелание вступать в рыболовецкую артель из-за высоких налогов на вылов рыбы и нежелание создавать коллективные огороды. К противникам коллективизации подход известен – раскулачивание. И все имущество Вячеслава Николаевича до 1917 г. (как отмечено в

анкете) переходит создаваемому колхозу: 1 дом, 2 амбара, 2 лошади, 3 коровы, 10 собак. Если учесть, что почти все 70 человек, проходящих по этому делу, определены в анкетах в графе социальное положение, как «крестьяне-средняки», то невольно задаешься вопросом: «Сколько лет понадобилось бы государству вкладывать деньги в колхозное строительство, чтобы создать те материальные ценности, которые были изъяты при раскулачивании простых крестьян»?

Прочитав следующие строки из Постановления предъявления обвинения «...Лонгинов Вячеслав, который, кроме того, владея туземным языком и пользуясь, благодаря этому, авторитетом среди малокультурных бедняков-туземцев, сорвал ряд мероприятий, направленных в интересах последних», можно сделать вывод о том, что из крестьянской среды «вырывались» наиболее грамотные и авторитетные люди. Знание местного крякского языка могло усугубить положение обвиняемого, так как население верило и больше прислушивалось к мнению своих мудрых односельчан, а не к призывам советских агитаторов.

Апогеем безнаказанности и беззакония может служить дело Лонгинова Иннокентия Васильевича. После физических издевательств и угроз оружием Иннокентий Васильевич после очередного допроса в своих показаниях оговорит не только себя, но и назовет имя своего дяди, в гостях у которого он часто бывал: «По своей глупости и несознательности начал вести работу среди кочевников против русских или против советской власти, говоря им, что с русскими говорить нельзя, что раньше жили хорошо. Это все меня заставлял говорить Пантелей Васильевич в его квартире в селе Палана». Но и даже после этого побои и угрозы оружием не прекратятся. Более того, он узнает, что к делу привлечен и его дядя Пантелей Васильевич. Придя в камеру после очередного допроса, он решает покончить жизнь самоубийством, накинув на шею вдвое сложенный шпагат. Он уже висел в петле, когда случайно зашедший в камеру охранник предотвратил его смерть. И каким цинизмом надо было обладать работникам НКВД, чтобы в последующих документах причину попытки суицида объяснить подходящими медицинскими показаниями тюрем-

ного врача Мунина Н. И.: якобы Иннокентий Васильевич болен «психоневростенией» на почве наследственного сифилиса. И, несмотря на опровержение медосмотра в Хабаровске, несмотря на недоказанность их антисоветской деятельности, судебная тройка ОГПУ ДВК в феврале 1935 г. лишила Лонгинова Иннокентия Васильевича права проживания в 39 режимных местностях территории СССР.

Прочитав в «Заключении» следующие строки: «...аппарат корякского Окруправления НКВД проявил факты беззакония в отношении подследственных вследствие чего на сотрудников НКВД возбуждено уголовное дело», я, наверное, впервые осознала ставшие историко-литературным штампом слова «человек стал заложником системы».

Ведь наверняка этим сотрудникам НКВД нелегко было сфабриковать сотни «липовых» уголовных дел, и они явно видели, что осуждают невинных граждан, но не сделай они этого, сами могли за бездействие попасть в стан «врагов народа». Но время – лучший судья. Пройдут годы, и за свои поступки они рано или поздно понесут наказания.

Благодаря протестам и просьбам родственников Логиновых-Лонгиновых все репрессированные будут реабилитированы, но, к сожалению, большинство посмертно, чьи-то следы затеряются. А в селе Палана остался жить сын Иннокентия Васильевича Филарет. О его судьбе я и расскажу на основании бесед с его дочерью Эльвирой Филаретовной Лонгиновой-Морозовой и на основании некоторых документов из их семейного архива.

Родители Эльвиры Филаретовны.

Будучи подростком, Фитя (как называли его друзья-односельчане) особый интерес проявлял к знаниям. В школе он вступает в комсомол и всю свою последующую судьбу связывает с работой в комсомольской организации. Окончив школу, он поступает в Хабаровский педагогический техникум. Приезжая на летние каникулы в свое родное село Палана, Филарет не сидел без дела, а активно включался в работу местной комсомольской ячейки. Один из таких отзывов до сих пор хранится в семейном архиве Эльвиры Филаретовны: «Во время пребывания летних каникул Лонгинова Филарета Иннокентьевича:

1. Принимал активное участие во всех комсомольских работах;
2. Хорошо относился ко всякой работе;
3. На собрания являлся всегда и без опозданий. Задания исполнял аккуратно».

Мне сейчас трудно понять, что больше толкало молодежь в эту организацию: энтузиазм и вера в строительство светлого будущего своими руками или страх выделиться из общей массы, чтобы не попасть в число репрессированных?

В день выпуска в Педагогическом техникуме они с однокурсниками обменивались на память фотографиями. Рассматривая эту фотографию, я с разрешения Эльвиры Филаретовны прочитала текст пожелания на обратной стороне. Для меня стало открытием, что в обыденных условиях можно говорить и писать такими словами-лозунгами, которыми была насыщена духовная жизнь молодежи 30-х гг. Я увидела, насколько может быть сильна роль идеологических убеждений, насколько одержимы были люди идеей построения коммунизма, что даже на личной фотографии писали не искренние пожелания человеческого счастья, а слова-призывы агитационных плакатов того времени. Судите сами: «Другу Лонгинову Ф. И. – Я уверен, что ты стремишься участвовать в строительстве социалистического общества на северных окраинах в Советском Союзе. Если так, то вступай в Ленинский Боевой Авангард рабочей партии! Ибо из тебя выйдет действительный борец за дело рабочего класса! В знак дружбы прими сию карточку в день нашего выпуска. Вспоминай нашу учебу в стенах техникума, нашу работу в комсомоле, наши практики...»

И он действительно стал «активным строителем социализма» на Камчатке.

В 1934 г. Филарет Лонгинов возвращается в Тиличики как уполномоченный райкома комсомола для участия в коллективизации.

Север Камчатки имел свои хозяйственные особенности. Здесь ведущей отраслью было оленеводство. И казалось бы все очень просто – совместная работа лучше, чем в одиночку. Но коряки практически в одиночку оленей и не пасли. Свой десяток-другой животных загоняли в большое хозяйское ста-

до, и получалось что-то вроде содружества богача и батрака: один жирел от безделья, а другой работал день и ночь вроде бы на себя, а на самом деле – на хозяина. Но местное население цепко держалось за старое, которое было проверено веками, и потому казалось не только надежным, но и единственным правильным. Вот и приходилось Филарету Иннокентьевичу в который раз убеждать земляков в преимуществах товарищества: не сможет хозяин сам пасти свое большое стадо, вынужден будет продать вам или государству часть своих оленей. И продать он их сможет только по «твердым» государственным ценам. Приехали в тундру ветеринары, которые в первую очередь будут лечить от копытки и других инфекционных заболеваний животных товарищества, а не индивидуальных хозяйств. Как вода точит камень, так и слова Филарета Лонгинова постепенно убеждали коренное население создавать коллективные хозяйства.

1935 г. стал знаменательным для жителей Паланы, Тиличиков... Их округ праздновал свой первый пятилетний юбилей (Корякский автономный округ образован 10 декабря 1930 г.). Фотография, запечатлевшая этот исторический факт, передает всю важность и торжественность происходящего партийного собрания. С авансены в зал «смотрят» лидеры коммунистической партии, плакаты озвучивают основные идеологические постулаты того времени: «Каждая кухарка должна научиться управлять государством» или «Значение стахановского движения состоит в том, что подготавливает условия для перехода от социализма к коммунизму». От взглядов людей, сидящих в президиуме, абсолютно мне незнакомых, исходит какая-то сила, решительность, целеустремленность. Можно предположить, о чем говорит, стоя за трибуной, Филарет Иннокентьевич. Это отчет о достижениях первых колхозов, о преимуществах коллективного труда и призыв к выполнению и перевыполнению государственных планов и норм. Наверняка были и те, кто призвал к бдительности, так идеи «о происках внутреннего врага и международного империализма», в частности японского, были очень актуальны для того времени.

Кроме непосредственной работы Филарет Лонгинов нахо-

дил время и для общественной деятельности. В семейном архиве хранится справка о его участии в 240 км лыжной эстафете, командиром которой он был. Меня удивил тот факт, что участникам спортивных соревнований выдали не грамоты или дипломы, фиксирующие их достижение (был установлен рекорд в 33 ходовых часа, несмотря на пургу и сильный ветер), а справка, больше похожая на отчет по выполнению решений «ноябрьского пленума» районной комсомольской организации.

И в эти годы рядом с ним всегда была его жена Мария Федоровна Холостова. Мать Эльвиры Филаретовны попала на Камчатку по комсомольской путевке из Благовещенска. В Пенжинском районе в поселке Микино она стала первым учителем, приспособив для занятий с детьми одну из юрт, где окна сделали из оленьего мочевого пузыря, поставили железную печку и первые парты.

Мария Федоровна учила северян не только грамоте и счету, но и помогала справиться с цингой и с таким неотъемлемым бытовым явлением того времени, как вши. Ведь дети не знали даже, что такое мыло. Меняя одежду два раза в год, они вовсе не мылись, имея на коже прослойку жира в несколько миллиметров. Прививая им элементарные навыки гигиены, Мария Федоровна на своем собственном примере показывала ученицам, как нужно «принимать горячую ванну», применив для этого простую лохань, рассказывала о необходимости содержать тело в чистоте.

Меняя одежду два раза в год, они вовсе не мылись, имея на коже прослойку жира в несколько миллиметров. Прививая им элементарные навыки гигиены, Мария Федоровна на своем собственном примере показывала ученицам, как нужно «принимать горячую ванну», применив для этого простую лохань, рассказывала о необходимости содержать тело в чистоте, о пользе воды и мыла. Поначалу девочки боялись даже подойти к воде, но через некоторое время уже с удовольствием плескались в ней.

Она любила свою работу. Проработав в школе 39 лет, получила звание Отличника народного просвещения за творческое

отношение к педагогической деятельности» и уважение коллег, а также значок материнства и любовь своих детей.

В семейном архиве Эльвиры Филаретовны Лонгиновой-Морозовой я с особым интересом ознакомилась с хранящимися там двумя членскими билетами, которые мне более конкретно позволяют представить события эпохи 1930–1940-х годов XX века. Членский билет МОПР (Международной Организации Помощи Борцам Революции) показывает, какую роль в то время играло интернациональное воспитание трудящихся масс СССР. Действительно ли люди верили, что, заплатив 10 копеек в месяц (шефский гривенник) членских взносов, они оказывают «моральную, политическую, юридическую и материальную помощь жертвам революционно-классовой борьбы в странах капитала и национально-освободительного движения в странах Востока...»? (из Устава). Что символично изображено и на марках членских взносов: протянутая рука из-за тюремной решетки, которая находит поддержку рабочего СССР. На то, что это труженик СССР указывает в его руках неотъемлемый атрибут государственной символики – молот. На то, насколько была политизирована жизнь граждан Советского Союза того времени, указывают и цитаты из работ И. В. Сталина на каждой странице членского билета. А запись на последней странице билета: «Активное участие членов МОПР в социалистическом строительстве есть важнейшая обязанность каждого члена МОПР» объясняет мне, что значит разговорная фраза «добровольно-принудительное участие».

Членский билет ОСОАВИАХИМ (Общество Содействия Обороне и Авиационно-Химическому строительству СССР), которое, как я понимаю, стало прообразом ДОСААФ в послевоенное время, показывает, что массовые общественные организации того времени носили действительно всеохватывающий характер. А номер 1001587 указывает на высочайший уровень патриотизма советских граждан или на то, что унификация общественной жизни достигла своего апогея?

После бесед с Эльвирой Филаретовной я убедилась, что многие люди действительно свято верили, что для построения нового социалистического государства, необходимо иметь хорошо оснащенную армию с грамотными специалистами, подготовка кото-

рых требует определенных затрат, косвенно содействуя становлению в стране авиационной и химической промышленности.

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для всех трудящихся нашей Родины.

Полуостров Камчатка непосредственно не затронули военные действия, но люди этого края создавали тыл и внутренние резервы для Красной Армии.

Семья Филарета Иннокентьевича и Марии Федоровны также внесла свой посильный вклад в приближение Победы. Отец Эльвиры Филаретовны являлся членом Районной комиссии по сбору теплых вещей для Красной Армии, для чего он объездил все самые отдаленные районы Камчатской области.

В июле 1941 г. семья Лонгиновых сдала в фонд обороны государства облигаций-займов на сумму 14 200 рублей. По тем временам это довольно большая сумма денег. И уж это действие было вызвано не какой-то государственной обязанностью или идеологическим призывом, а «зовом сердца» – сделать все возможное для изгнания врага со своей родной земли.

Так делали сотни, тысячи советских граждан. В другой справке отмечено, что с Филарета Иннокентьевича «за время работы в Рыбкопе было удержано из зарплаты 2-х дневный заработок в фонд обороны за время с 1\IX. 41 по 25\IX. 42 1975 рублей», а также «подписка на Великий заем на сумму рублей 2100...».

В послевоенный период отец Эльвиры Филаретовны продолжал оставаться активным «строителем социалистического общества». В газете «Камчатская правда» за 1951 г. отражен факт важнейшей черты экономического развития СССР – социалистические соревнования, победа в которых означала и материальную, и моральную значимость для трудящихся. Для кого-то это была денежная премия, а для кого-то и престижное место на Доске почета. В статье «Передовые предприятия» читаем: «За перевыполнение апрельского плана переходящее Красное знамя присуждено коллективу горпромкомбината (директор тов. Лонгинов, секретарь парторганизации тов. Логинов, председатель месткома тов. Иванов)».

Жизненный путь семьи Лонгиновых

Несмотря на все трудности 30–40-х гг. XX века (периоды коллективизации и индустриализации, Великая Отечественная война) семья Лонгиновых была дружной и крепкой. Мария Федоровна воспитала четверых детей.

Старший из них – известный камчатский певец и врач Евгений Филаретович Лонгинов. Он врач по образованию, хирург по призванию, один из первых организаторов реанимационной службы в нашем крае. Врачуя людей и совершенствуя это свое умение, Евгений Филаретович стал в то же время и народным певцом Камчатки. Выступая почти на всех больших и малых сценах области, он представлял самодеятельное искусство Камчатки на зональных, республиканских и всесоюзных смотрах. Как участник камчатской художественной самодеятельности, Евгений Филаретович получал в свое время немало лестных предложений. Но ответ у него всегда был один: «И медицина, и музыка для меня – основное в жизни».

Когда задумываешься о том, как смог этот человек сделать свою жизнь такой целеустремленной и вдохновенной, отмечаешь одно: он истинный сын Камчатки. Здесь родился он сам, и родились его дети, здесь живет его вся большая родня, здесь трудятся во славу края его коллеги-врачи. Его дочь также пошла по медицинской стезе родителей. Елена Евгеньевна Лонгинова-Боженова – прекрасный психоаналитик.

С особой теплотой Эльвира Филаретовна рассказывала о своем втором брате Викторе Филаретовиче Лонгинове, которого они называют «душой своей компании». Он 20 лет проработал в Потрофлоте. Сейчас находится на заслуженном отдыхе, имеет медаль Ушакова и является Ветераном флота Камчатки. Его жена и дочь, следуя семейной традиции, выбрали профессию педагога. Младшая сестра Эльвиры Филаретовны Валентина так же, как и старший брат, стала врачом - она опытный отоларинголог.

О себе моя героиня рассказывала немного и очень скромничала. Пришлось задавать ей множество вопросов, чтобы узнать о ее жизненном пути. С особой трогательностью Эльвира Филаретовна вспоминает свои школьные годы, обучение в семи-

летней Паланской школе. В семейном архиве она бережно хранит («для внуков») «ведомости оценок знаний и поведения» за все годы обучения.

1950 г. стал очень тревожным для семьи Лонгиновых. И взрослые, и дети почувствовали, что за ними следят, возле дома часто появляются странные люди, которые, как вспоминает Эльвира Филаретовна, даже по вечерам, не таясь, заглядывали в окна. Началось давление со стороны руководства Корякского округа, так как Филарет Иннокентьевич, владея корякским языком, (он являлся также автором перевода корякского букваря) и, пользуясь неподдельным авторитетом у коренного населения, был реальной альтернативой действующему председателю облисполкома. Это стало причиной переезда всей семьи в город Петропавловск-Камчатский, где отец стал работать на Горпромкомбинате.

Город, расположенный у подножия вулканов, сразу покорило сердце юной Эльвиры Филаретовны. Здесь она поняла – лучше Родины, нет ничего на свете. Как и старший брат Евгений, она окончила Хабаровский медицинский институт.

В студенческие годы познакомилась со своим будущим мужем Валерием Морозовым, с которым вместе и вернулась на родную Камчатку.

Непосредственным проявлением любви к своему городу и людям, в нем живущих, стала работа этой женщины участковым врачом, а после курсов повышения квалификации Эльвира Филаретовна стала первым на Камчатке врачом-гематологом. Этой нелегкой профессии она посвятила 6 лет своей трудовой деятельности. После 15 лет работы в здравоохранении ее назначили инспектором по врачебно-трудовой экспертизе в отделе областного социального обеспечения. Организация курировала всю деятельность домов-интернатов. 21 год она отдала защите обездоленных детей. До 60 лет она делила любовь и заботу между своими и чужими детьми, оставшимися без родителей.

Ее муж Морозов Валерий был одним из первых технологов-техников на Камчатке. Работа рыбака всегда была нелегкой и опасной. Но об уловах того времени наши потомки будут только мечтать.

Заключение

Знакомство с жизнью и деятельностью представителей династии Логиновых-Лонгиновых значительно обогатило мой внутренний мир. Каждый из них может стать нашим идеалом при формировании мировоззрения, духовной системы ценностей.

Личное знакомство с Эльвирой Филаретовной стало важной страницей в моей жизни. Она является для нас образцом того, как «без громких фраз», без призывов к подвигу можно творить добро, помогать ближнему советом, делом, любовью. Для меня, приехжего на Камчатку человека, этот «холодный», суровый край стал ближе, «теплее», более понятным и доступным.

Также я соприкоснулась с некоторыми фактами из жизни нашего народа, которые не всегда ясно и понятно изложены во многих учебниках по истории Отечества. В жизни одной семьи преломились все основные события, проблемы, нравственные установки целого поколения советских граждан. Я убедилась, что каждая фотография, газетная вырезка, личная записка могут стать интереснейшим историческим документом.

Опубликовано 27 марта 2006 года.

(<http://www.stengazeta.net/article.for.printing.html?id=1249>).

А. П. Лельчук. Мой друг Евгений Лонгинов

Евгений Филаретович Лонгинов родился в 1934 г. в селе Тиличики Олюторского района Камчатской области. Его детство прошло в Корякском автономном округе. В 1945 г. семья переехала на постоянное жительство в Палану, а в 1950 г. Лонгиновы стали жителями Петропавловска-Камчатского.

Династия Логиновых-Лонгиновых известна на Камчатке как династия учительская. Мама Евгения Филаретовича, Мария Федоровна, работала учителем математики средней школы № 4 Петропавловска-Камчатского, ее опыт преподавания этого предмета в свое время широко распространялся. Отца, Филарета Иннокентьевича, я знал по совместной работе в горисполкоме, где в начале 1960-х он занимал должность заведующего горсобресом. Это была многодетная, очень дружная семья, они часто вечерами собирались вместе и пели. Отсюда – любовь к пению.

Евгений Филаретович учился в Хабаровском медицинском

институте, там женился, приехал с женой на Камчатку, где они врачевали до 1976 г. Его жена, Мария Борисовна, была главным врачом петропавловского городского роддома № 1. Сам он работал врачом в Камчатской областной больнице и долгое время был заведующим реанимационным отделением. Кстати, когда-то, в декабре 1973 г., я попал в автомобильную аварию, поломал много костей и оказался в его отделении, он меня тогда спас.

Он не только врачевал, но и пел. Был солистом хоровой капеллы, представлял Камчатку на всесоюзной арене, пел в Кремлевском Дворце на больших праздничных концертах, получил звание Заслуженного работника культуры Российской Федерации. Эта часть его жизни когда-то была широко представлена в краеведческом музее.

Прекрасно рисует, любит природу, охоту, рыбалку. Пишет стихи, песни. До самозабвения любит Камчатку. Но состояние здоровья заставило его сменить место жительства. В 1976 г. Евгений Филаретович переехал в Московскую область, в город Зеленоград. Здесь он стал опять заведующим реанимационным отделением городской больницы, продолжал активную сценическую деятельность, вскоре стал широко известен и как врач, и как певец.

В настоящее время – пенсионер. Один из учредителей и активных членов камчатского землячества «Гамулы».

*Л. П. Лельчук, председатель правления
камчатского землячества «Гамулы».
Октябрь 2007 г. Город Зеленоград*

В семье Николая Васильевича Лонгинова учителем начальных классов была его дочь Домна Николаевна (Брек). Материалы о ней школьный музей Паланской школы передал в областной музей. Она работала в Усть-Камчатском районе, с 1945 г. в Паланской школе. Награждена орденом «Знак Почета», заслуженный учитель школ РСФСР. Была членом окрсовета. Умерла.

Моя бабушка Домна Николаевна Лонгинова (по мужьям Мутовина, Брек). Родилась в Палане по паспорту в 1913 г.

(сама говорила, что 1911). Умерла в Палане в 1981 г. В 1933 закончила педагогическое училище в Петропавловске и до 1968 г. работала учителем начальных классов в поселках Нижнекамчатск, Камаки, Усть-Камчатск, Палана. Заслуженный учитель школы РСФСР (1960 г.), кавалер Ордена «Знак Почета». Дети: Мутовина (Морозова) Дина Георгиевна, 1935 г. р., живет в Петропавловске; Мутовин Валентин Георгиевич, 1938 г. р., жил в Палане, умер; Мутовина Нелли Георгиевна, 1940 г. р., живет в п. Пионерский (14 км); Лонгинов Вячеслав, 1943 г. р., жил в с. Мильково, умер; Брек Нина, 1952 г. р., живет в Палане. Первый муж – Мутовин Георгий Петрович – был репрессирован, если кто имеет о нем сведения, просьба сообщить.

«Всем привет! Я Логинов Дмитрий, правнук Логинова Дмитрия Павловича. Я, конечно, догадывался, прочитав газетную статью, что мой род не так уж и мал, но чтоб настолько...

И ещё, если кто-нибудь знает, как прадед связан с айнами, то, пожалуйста, напишите. Отец мне говорил, что, вроде, тот даже доказал родство».

ЛУКАШЕВСКИЕ

Вот самая ранняя информация об этой камчатской фамилии: в 1719 г. камчатский служилый Максим Лукашевский стал заказчиком Большерецкого острога. Новый приказчик Иван Харитонов прибыл на Камчатку 1 сентября 1719 г. морским путём, избрал местом своего пребывания Верхнекамчатск. При столкновении с восставшими паланцами он был убит в начале 1720 г. После смерти И. Харитонова управление в Большерецке взял на себя казак Лукашевский, и он же отправил казну в Охотск. В 1729 г. оставлены для сбора яска в Нижнем – Гавриил Чудинов, в Верхнем – Михаил Сапожников, в Большерецком – Степан Петров. В том же году в Камчатку на смену Петровых послан Иван Новгородов, который оставался приказчиком по 1 января 1731 г., и с ним писчик Мухоплёв, служилый Максим Лукашевский и монах Спиридон. Одновременно с Новгородовым, независимо от него, распоряжался делами управления Василий Шестаков.

(«Правители Камчатки», <http://www.kamlib.ru/resources/praviteli.htm>).

Но фамилию Лукашевых, скорее всего, оставил не он, а его однофамильцы или родственники (что, наверное, более соответствует истине, так как сбор ясака (пушнины) с инородцев чужим вряд ли доверили бы) Иван и Михаил Лукашевы, которые довольно активно проявили себя на попроще сборщиков ясака за что и поплатились – следственная комиссия признала их обоих виновными в произошедшем на Камчатке в 1731 г. бунте, и служилые были нещадно биты кнутами на площади Большерецкого острова.

Как известно, вотчиной большерецких казаков была не только Курильская земля – южная часть Камчатки от реки Большой и до мыса Лопатка, но и сами Курильские острова, жители которых – курильские камчадалы (айну) – особенно на ближних островах Шумшу и Парамушир, приняли православие и были крещены, получив в наследство фамилии своих крестных родителей. В числе крестных отцов их были и казаки Лукашевы.

А в 1878 г. жители этих островов, не желая быть подданными Японии, переселились на Камчатку в селения Явино и Гольгино, где уже и раньше жили их родники.

Но еще до этих событий, в середине XIX века в связи с нехваткой людей для поддержания каюрной гоньбы на перекрестке основных дорог, связывающих Большерецк, Нижнекамчатск и Петропавловский порт, по приказу администрации часть жителей Явино и Гольгино переселили в центральную Камчатку – Начики, Ганалы, Малку, где они и прижились.

«В 1841 г. приказом начальника Камчатки было предписано “исъ остроковъ съ Гольгинскаго и Явинскаго въ остроки въ Начику и в ганалы по три человекѣ для отбивания там каюрной Гоньбы,.. с Явиной в Начику 3 человека, а именно: василей дехтерев, Петръ Лукошевский и василей Лукошевский, съ Гольгинскаго селѣнья в Ганалы 3 человекѣ: Степан Заевъ, Проконей Марковъ, Илья Сторозевъ”. В 1843 г., как сообщил Апачинский удельный старшина, “съ Явино Камчадалы Петръ и Федоръ с синомъ Николаемъ Лукошевския

переведены въ Ганалы... на постоянное жительство". Несколько семей предписывалось переселить из Ичи в Апачинское селение. Е. В. Лукашевский, 98-летний уроженец Ганал, сообщил, что его мать была якуткой, рос он в "круглых широтах" и в жены взял "мэшнууйу туд жы в одном шылени". Уроженец с. Малки П. Е. Панов точно так же, как и Е. В. Лукашевский и др. большеерецкие камчадалы (речь которых специально изучалась), не может быть отнесен к камчатским русским. Большеерецкие камчадалы – это обрусевшие ительмены, которые в течение длительного времени смешивались с айнами, а также с русскими и частично с якутами. Иноязычное влияние на русские говоры здесь, несомненно, было иным, чем, например, в долине р. Камчатки. Большеерецкие камчадалы находились в более тесной связи с населением Петропавловска и особенно его пригорода, чем, например, отдаленные потомки русских крестьян долины р. Камчатки. Население Петропавловского пригорода пополнялось за счет большеерецких камчадалов. Жители с. Начики были переселенцами с западного берега полуострова. Довольно много большеерецких камчадалов проживало в 1962 г. в с. Северные Коряки (по течению р. Авачи), куда переселились они совсем недавно» (Браславец К. М., «Диалектологический очерк...»).

Среди участников обороны Камчатки в 1904–1905 гг. вместе со своими земляками, явинцами и голыгинцами, оборонял от японцев родные берега житель селения Ганалы Егор Лукашевский.

ЛЬВОВЫ

По данным Исповедальной росписи Петропавловского собора 1893 г. Львов Аполлон Ильич – служащий казачьего ведомства, брат Флорентия Степановича Львова (37 лет, не женат) и Параскевы Львовай, 31 год. Мать – Дарья Варфоломеевна Львова. Жена Агафья Ивановна. Дети – Дария (15), Параскева (14), Александра (10), Хиония (7), Стефан (3).

Среди народных ополченцев, защищавших Камчатку от японцев в 1904–1905 гг., в составе Петропавловской дружины

указаны Львов А. (Аполлон Ильич) и Львов П. (возможно, это все-таки был Флорентий Степанович).

О Львове, якутском дворянине, мы находим сведения у С. П. Крашенинникова (Крашенинников С. П., «Описание земли Камчатки», М-Л, 1949 г., стр. 98, 773, 775, 779–781, 794), но эти сведения связаны с картой, которую Львов передал руководству Второй Камчатской экспедиции.

Более интересна версия связи этой фамилии с матросом из ссыльных Львовым, который волею обстоятельств оказался в эпицентре большевещких событий 1771 г. (см. роман-исследование «Встречь солнцу»). Но доказательств этой связи у нас нет.

МАКСИМОВЫ

С этой фамилией мы встретились всего один раз, но она очень любопытна: Максимова Ксения Михайловна, с. Николаевское, вдова крестьянина, 59 лет. Дети ее Поротовы Георгий Иванович (34) и Василий Иванович (29). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

То есть мы обнаруживаем фамильную линию замечательно-го представителя русских старожилов-камчадалов Камчатки – Георгия Германовича Поротова.

МАЛАХОВЫ

Династия камчатских священников.

Вот первые сведения о патриархе этого рода: 1865 г., Петропавловский собор. Священники Михаил Коллегов и Симеон Никаноров Казанский, дьячок Иринарх Малахов (ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1), впоследствии священник в Богоявленской церкви с. Мильково.

Малахов Сергей Иринархович, священник Дранкинской Иннокентьевской церкви в 1893 г., 30 лет. Жена – Анисия Афиногеновна. Дети: Мария (10), Александра (8), Наталия (5), Афиноген (2), Елизавета (1) (Исповедальная роспись Дранкинской Иннокентьевской церкви за 1893 г., ГАКК).

Малахов Сергей, священник Ключевской Троицкой церкви, 1905 г.

А финал семьи священников обычный для Камчатки 1930-х гг.: Малахов Афиноген Сергеевич, 1883 г. р. Место рождения:

Камчатка; русский. Арест: 1936. Осужд. 01.03.1938, тройка при УНКВД по ДС. Обв.: контрреволюционная повстанческая организация. Расстр. 10.03.1938. Реаб. май 1989. Источник: Книга памяти Магаданской обл.

На дочери Иринарха Малахова был женат подпоручик Максим Иванович Сотников, заведующий обороной Западной Камчатки в 1904–1905 гг., у него был сын Иван и две дочери.

МАЛЬЦЕВЫ (МАЛЬЦОВЫ)

В Центральном государственном архиве Дальнего Востока мы в свое время обнаружили эту справку: в 1838 г. в Нижнекамчатске проживали крестьяне и мещане: Иван Абросимов, Кузнецов, Выходцев, Портнягин, Шевырин, Шишкин, Попов, Греченин, Мальцов, Никитин, Казаринов, Сновидов, Соснин.

Могло ли случиться так, чтобы нижнекамчатский крестьянин Мальцов оказался мельковским крестьянином Мальцевым? Такой случай, как нам известно, произошел с Корелиными.

Мальцев (Малцов) Федор Григорьевич, крестьянин в Нижнекамчатске, 23 года. Сестры: Матрена (17), Евдокия (13). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

В списках жителей села Мильково за 1832 г. мы не обнаруживаем этой фамилии. Она появляется позже.

Мальцев Гаврила Михайлович, Мильковского селения крестьянин, 27 лет (Выписка из исповедальной росписи Мильковской церкви за 1893 г., ГАКК). Дети: Мальцева Клавдия Гаврииловна. Дата рождения – 4 ноября 1892 г. Родители – Мильковского селения крестьянин Гавриил Михайлович Мальцев и законная жена его Евдокия Николаевна. Восприемники – жена личного почетного гражданина Егора Синаева Мария Михайловна. Таинство крещения совершал священник Иринарх Малахов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1892 год, ГАКК.)

Мальцева Паликсения Гаврииловна. Родилась 20 сентября 1896 г. Родители – крестьянин Мильковского селения Гавриил Михайлович Мальцев и жена его Евдокия Николаевна. Восприемники – жена личного почетного гражданина Георгия Санаева – Мария

Михайловна. Священник – Иринарх Малахов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1896 г., ГАКК.)

Мальцев Михаил Гаврилович, родился 18 декабря 1906 г. Родители – крестьянин Мильковского селения Гавриил Михайлович Мальцев и жена его Евдокия Николаевна. Восприемники – Петропавловский мещанин Александр Михайлович Ворошилов. Священник Иринарх Малахов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1906 г., ГАКК.)

В Мильково проживал также Мартиниан Мальцев, участник обороны Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. Его сын, Мальцев Александр Мартинианович, крестьянин Мильковского селения, женился 21 апреля 1913 г. на дочери камчадала Щапинского селения Исидора Георгиевича Беляева Соломонии.

МАНАКОВЫ (МОНАКОВЫ)

Камчатские казаки из Тигиля и Сероглазки.

Манаков Поликовт (?) Ильич. Отставной казак, 57 лет. Дети: Петр (23), Николай (16), Татьяна (20), Серафима (13), Дарья (12), Алексей (7). (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК.)

В 1882 г. Манаков (имя и отчество неизвестны) внесен в «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры». (Горчаков А. А., «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105).

Николай Манаков в составе дружины с. Сероглазка принимал участие в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. (в Сероглазке в 1893 г. служили два казака Монаковых – Илья Николаевич, 25 лет (жена Зиновия Николаевна и сын Николай одного года от роду), и Николай Фаватович (?) Монаков, тоже 25 лет, но холостой).

МАРКОВЫ

Марков, житель с. Гольгино 1865 г. (ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1).

Возможно, это был последний из гольгинских Марковых:

дело в том, что «в 1841 г. приказом начальника Камчатки было предписано “исъ остросковъ съ Голыгинскаго и Явинскаго въ остроски въ Начику и в ганалы по три человѣка для отбиванія там каюрной Гоньби..., с Явиной в Начику 3 человека, а именно: василей дехтерев, Петръ Лукошевский и василей Лукошевский, съ Голыгинскаго селѣнья в Ганалы 3 человѣка: Степан Заевъ, Проконей Марковъ, Илья Сторозевъ”».

Так что начикинские Марковы – это голыгинские Марковы, курильские камчадалы (потомки айну). А фамилию они получили при крещении, скорее всего, от большеерецких казаков, но пока это точно не установлено.

Марков Варфоломей Кузьмич, камчадал селения Начики, 42 года. Брат его Гавриил Марков. Жена Гавриила Мавра Александровна (23). Сын их Емельян (2). Племянник его Гурий Александрович Марков (12). Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.

Фамилия эта, согласно Исповедальной росписи Большеерецкой церкви за 1893 год, встречалась и в селении Коловском: Марков Григорий Виссарионович, камчадал селения Коловского, 36 лет. Жена Ирина Васильевна (19). Вдова Матрена Тимофеевна Маркова (47). Дети ее от Никиты Маркова: Гавриил (15), Василий (12), Анна (17).

Марков Евгений Ермолаевич, камчадал селения Коловского, 55 лет. Дети: Филарет (20), Марина (18), Евгений (24), Иона (27). Жена Евгения Екатерина Тарасовна (17). Жена Ионы Мария Ермиловна (26). Дети их: Екатерина (5), Петр (4).

Одна семья Марковых проживала и в селении Малка: Василий Тихонович Марков, камчадал, 31 год, жена – Мария Алексеевна (21), сын Климент (1 год).

Марковы также жили в селении Сопочная.

МАСЛЕННИКОВЫ

Несохранившаяся фамилия камчатских казаков.

Масленников Илья Николаевич, казак Нижнекамчатской казачьей команды, 41 год. Жена Мария Ивановна (39).

Обратим внимание, что в Камчатском гарнизонном батальоне в это же время служит рядовым Масленников Петр Николаевич,

31. Жена Агафья Михайловна. Дети: Иоанн (7), Анисья (6). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

А далее мы получаем прелюбопытную информацию, которая подтверждает нашу версию о том, что в составе военнослужащих Камчатского гарнизонного батальона были и дети камчатских казаков, которые после расформирования батальона вернулись в свое прежнее казачье сословие: Масленников Иван Петрович (то есть сын бывшего рядового Петра Николаевича, племянник нижнекамчатского казака Ильи Николаевича), отставной казак, 53 года. Внучка Варвара Петровна (19). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

МАСЛУЧЕВЫ

В 1749 г. эта фамилия при крещении была зафиксирована в селении Коль, но она не сохранилась.

МАШИХИНЫ

Первый обобщающий материал о династии Машихиных сделала краевед Нина Толман:

Машихины, петропавловские мещане. Ительмены Камчатского полуострова очень пострадали от прошедших эпидемий в XVIII веке. В отдельных острожках их численность уменьшилась в 10 раз. Все это произошло до переселения на Камчатку небольшой первой партии восточносибирских крестьян. Известный мореплаватель В. М. Головнин, путешествуя в 1809 г. по Камчатке, проезжал мимо того места, где сейчас находится Елизово. Однако в своем дневнике он не сообщает, было ли там селение, Старого острога там вообще не существовало, или к тому времени прежние обитатели (ительмены) его покинули, или это было небольшое селение типа сибирской заимки, но А. Бутаков, путешествовавший по тому же маршруту, в начале 40-х годов XIX века, в своих «Записках» отметил, что «роздых в Старом остроге был непродолжителен». Следовательно, тогда селение уже было. В нем проживала группа русских крестьян-переселенцев. Эти крестьяне, бросив занятие

хлебопашеством (потому что хотя «хлеп шейели, хлеп этот ни родилша»), как и другие русские, начали заниматься охотой и рыбной ловлей. Как пишет К. Дитмар, старик Машигин, избранный около 10 лет назад односельчанами в тойоны (старосты), Старого острога, будучи еще молодым человеком, вместе с женой бежал из своей родины, желая избавиться от податей и других повинностей, и жил в горах охотой и рыбной ловлей. Только один человек из родни Машигина знал место пребывания беглеца и за пушнину обеспечивал его необходимыми товарами. Старик Машигин рассказывал Дитмару и о страшном извержении Авачинского вулкана, которое произошло примерно лет 25 назад. Значит, первые русские поселенцы Старого острога пришли туда в первой четверти XIX века. Из рапорта о собранных за 1838 г. подушных деньгах «с крестьян и поселенцев, находящихся в окрестных порту селениях», видно, что Старый острог был очень маленьким селением. В нем находилось всего 7 плательщиков. В то время четыре дома этого селения были заняты почти исключительно именами семейства Машигина, потому что три его сына со своими семьями жили там же. В конце XIX века сообщает В. Н. Тюшов: «Большая часть домов принадлежит роду Машихиных – Григорию (отцу, С. П. Машихина: Ивану, Василию, Нестору, Александру, еще Нестору...» «Все жители этого острожка считаются петропавловскими мещанами (мещане – в российской империи 1775–1917 гг. сословие из посадских людей – ремесленников, местных торговцев и домовладельцев). Объединившись по месту жительства в общины, имели некоторые права самоуправления. До 1863 г. по закону могли подвергаться телесным наказаниям. В некоторых из них замечен инородческий тип, однако ни один не знает по-камчадалски ни слова». Кроме Машихиных В. Н. Тюшов называет фамилию старосты Заочного, живо помнящего знаменитого военного губернатора Камчатской области В. Н. Завойко, организатора обороны Петропавловска в 1854 г. По словам 87-летней А. Н. Шелковниковой, раньше, в годы ее молодости, в Старом остроге «шем було домикоф». Ее дед – Машихин – из сосланных на Камчатку. В селенье тогда, кроме трех братьев Машихиных, жили Заочный, Бибикив, Винокуров.

К 30-м годам XX века, когда «дети подрошли», «штало шымнадцать домикоф». Затем «перешиленчеф отनावижли», а многие местные разъехались, так что сейчас в Елизово «питначнет, навэрно, камчодал, ны большэ». С 1905 г., вспоминает 74-летний старожил Г. М. Бибииков, когда в село стали «прибыват большэ приежжыйе с материка, начали говорит лучшэ». Раньше «слова были искажонный». А «обычныйа в болшынсве сибирский». Бабушка М. Н. Машихина была буряткой, отец – «з Забайкалу». Оттуда «хресьяны приеззали». Были среди них и забайкальские казаки, например, «Капилови. Они пайок получали». С Восточной Сибири на Камчатку «писком» пришли предки елизовских старожиллов. Таким образом, носители Елизовского говора – камчатские русские, потомки сибирских крестьян.

Давайте начнем с самого начала – откуда могли взяться Машихины (Машигины) в Старом Остроге, да еще принадлежать к петропавловским мещанам? И были ли кроме Машихиных из Старого Острога другие Машихины на Камчатке, один из представителей рода которых совершил какое-то преступление, долго скрывался от наказания, наконец, сдался властям и был поселен впоследствии в «выселках» Петропавловского порта, на тракте, в местечке под названием Старый Острог для поддержания «каюрной гоньбы»?

Да, мы находим род Машихиных среди верхнекамчатских казаков, которые впоследствии были приписаны к крестьянскому сословию. Этот род сохранил боевой казачий дух и в 1904–1905 гг. верхнекамчатские дружинники Агей и Федор Машихины совместно с другими жителями полуострова обороняли Камчатку от японских «хищников».

Сохранились архивные сведения и о потомках верхнекамчатских дружинников – Агея и Федора Машихиных.

Машихина Дарья Федоровна. Дата рождения – 6 февраля 1918 г. Родители – гражданин Верхне-Камчатского селения Федор Николаевич Машихин и законная жена его Васса Стефановна.

Восприемники – жена гражданина Верхне-Камчатского селения Евдокия Николаевна Верещагина. Таинство крещения совершал священник Павел Ворошилов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1918 год, ГАКК.)

Машихина Анна Аггеевна. Дата рождения – 1 февраля 1914 г. Родители – крестьянин Верхне-Камчатского селения Аггей Георгиевич Машихин и законная жена его Агрипина Афанасьевна. Восприемники – жена крестьянина Верхне-Камчатского селения Парфения Афанасьевича Зимина – Александра Николаевна. Таинство крещения совершал священник Павел Ворошилов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1914 год, ГАКК.)

Участвовали, по всей видимости, казаки Машихины и в крещении камчадалов. По крайней мере, один такой след мы обнаруживаем (если это не следствие переселение одного из крестьян Машихиных из Верхне-Камчатска в Щапино): Машихин Калинин Арсентьевич. Родился в 1896 г., Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Щапино; камчадал; образование низшее; б/п; был служащим Козыревского леспромхоза. Проживал: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Щапино. Арестован 21 апреля 1932 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 4 августа 1932 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы условно. Реабилитирован 21 февраля 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

А среди староострожных Машихиных, наоборот, вновь проявился непокорный бунтарский дух. Машихины были людьми зажиточными и самостоятельными.

Более того, Машихины не боялись вступать в конфликт с местным населением. Самый серьезный из них – браконьерство в Кроноцком соболином заказнике, где втайне от других охотников промыслял Николай Егорович Машихин. С негласного разрешения начальника Петропавловского уезда Ошуркова местные охотники – петропавловский мещанин Петр Корякин, крестьянин Георгий Поротов, камчадал Иннокентий Слободчиков и казак Максим Киренский устроили засаду в заказнике, поймали браконьера, устроили самосуд и убили Машихина (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 104, л. 5 (об.)).

Мы говорим об этом вовсе не для того, чтобы принизить роль и значение староострожного рода Машихиных в истории и жизни Камчатки. Это была элита. Элита, с которой беспо-

щадно расправились в годы политических репрессий. Вот печальный список жертв:

Машихин Василий Нестерович. 1893 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово; камчадал; образование: неграмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово. Арест: 30.05.1933. Осужд. 01.09.1933, КОО ОГПУ. Обв.: статья обвинения в деле не указана. Приговор: дело прекращено на основании ст. 4. п. 1 УПК. Умер под стражей во время следствия 18.08.1933. Реаб. 25.04.1958. Реабилитирован постановлением УКГБ по Камчатской обл. Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.

Машихин Георгий Александрович. 1892 г. р. Место рождения: Камчатский окр., Петропавловский р-н, с. Елизово; русский; образование: среднее; б/п; работал в личном хозяйстве; место проживания: Камчатский окр., Петропавловский р-н, с. Елизово. Арест: 16.11.1930. Осужд. 28.06.1931, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Расстрелян. Реаб. 29.03.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл. Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.

Машихин Евгений Григорьевич. Родился в 1890 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово; русский; малограмотный; б/п; был рыбаком. Проживал: Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арестован 18 мая 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: 10 лет. Имущество (ружье) конфисковано. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Машихин Иннокентий Георгиевич. Родился в 1873 г., Камчатский окр., Петропавловский р-н, с. Елизово; русский; неграмотный; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Камчатский окр., Петропавловский р-н, с. Елизово. Арестован 16 ноября 1930 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 28 июня 1931 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: ВМН.

Реабилитирован 29 марта 1989 г. Реабилитирован заключением прокуратура Камчатской обл.

Машихин Константин Петрович. Родился в 1900 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово; камчадал; образование высшее начальное училище и педагогические курсы; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово. Арестован 8 октября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 1 февраля 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: к 10 годам лишения свободы. Умер в заключении 22 апреля 1943 г. (Магаданская обл.). Реабилитирован 2 июля 1957 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Машихин Семен Григорьевич. Родился в 1891 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово; русский; малограмотный; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово. Арестован 8 августа 1937 г. Приговорен: Камчатский облсуд 16 сентября 1937 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 6 лет. Досрочно освобожден из лагеря в 1943 г., вернулся на Камчатку, проживал в пос. Елизово. Реабилитирован 27 декабря 1989 г. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

Машихин Степан Григорьевич. Родился в 1895 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово; малограмотный; б/п; был рыбаком. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово. Арестован 2 мая 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: ВМН. Имущество (дом, скот, рыболовные снасти) конфискованы. Дата расстрела неизвестна. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Имена Машихиных-елизовчан, участников Великой Отечественной войны, отдавших свои жизни за Родину, выбиты на мемориальной стеле в городе Елизово. Среди 54 имен четыре принадлежат этой фамилии: Александр Константинович, Владимир Петрович, Георгий Степанович и Матвей Ильич. Лейтенант В. П. Машихин погиб в 1942 г. под Воронежем. Крас-

ноармеец Г. С. Машихин умер от ран в 1943 г. при освобождении Белоруссии. М. И. Машихин погиб в 1944 г. при освобождении Польши. В 1944 г. не стало и красноармейца А. К. Машихина.

7 ноября 1967 г. в статье «Верность Земле» газета «Камчатская правда» писала о кавалере ордена Трудового Красного Знамени (1966 г.) Николае Николаевиче Машихине и его родне: «...в 1930 г. Илья Николаевич Машихин, заводила, подбил семей десять организовать бедняцкое товарищество. Раскорчевали общее поле. А в 1931 г. организовали уже колхоз “Путь Ильича”. С того года и ведет счет своей трудовой биографии Николай Николаевич Машихин. В 19 лет стал трактористом. В Хуторе была МТС там и выучился. А через год повел в поле три “Катерпиллера” – трактора. Из первых трактористов и Заочный Авдей Данилович. А Николай Николаевич до сих пор бригадир тракторной бригады (в 1967 г. исполнилось 53 года со дня рождения). С 1966 г. – кавалер ордена Трудового Красного Знамени. В 23 года – председатель колхоза, вожак и организатор. В 1935 г. участвовал в перегоне тракторной колонны в Мильково».

А завершаем мы этот очерк письмом от тех, кто по крупицам собирает историю династии камчатских Машихиных (см. форум сайта «Камчадалы.ру»). Мы не вмешиваемся в авторскую трактовку исторических событий – пусть будет все так, как написано.

«Добрый день!

Я родилась на Камчатке, в Петропавловске. Мои воспоминания относятся к жизни моей мамы, которая является коренным жителем Камчатки, потомком Машихиных, живущих там с 1876. Надеюсь получить от Вас ответ, отзыв на данную работу. Если у Вас есть информация о других представителях нашего рода, буду рада получить известия.

*С уважением,
Валентина Белоусова».*

Мамины воспоминания о Камчатке 28 марта 2010 года

Я родилась на Камчатке, г. Елизово, село расположено в долине с севера граничит р. Авача, с трёх остальных сторон сопки. Сопки все покрыты ягодным кустарником (жимолость, красной рябины).

Наша семья состояла из 8 человек: отец, мать и 6 детей. Отец занимался извозом, а мама домом. Он часто ездил в Петропавловск-Камчатский. У нас в доме было 2 лошади (белая Буян, а бежевая Майка, было 2 коровы, куры). Дети: Наташа, Варвара, Борис, Александра, Анатолий, Анна, Роза (Татьяна), умерли в младенчестве Николай, Алексей. Мама была местная из рода Машихиных. Бабушку свою помню смутно, она жила недалеко от нас в своём доме. Дом был по тем временам богатый. Смутно помню высокое крыльцо, необычно устроенные в доме выключатели. Деда совершенно не помню, но дед был приезжий, по национальности русский. Легенда семьи помнит, что дед появился на Камчатском полуострове вместе с завоевателем Хабаровым, т. е. в составе его войск. В 1964 г. город Хабаровск отмечал 100-летие завоевания Камчатки. Значит, наш дед был на этой земле в 1864 г. Моя прабабушка по маме, 1876 г. р. (местная), была за мужем за Николаем Машихиным. Камчадалка (эскимосы, лауруветланы). Именно в это время там были отряды Хабарова. Они исследовали ископаемые полуострова, а в частности – золота. Отец по маме участвовал в этих экспедициях. Впоследствии за эти знания он был расстрелян. Реабилитирован в 1981 г. (не точно). Моя бабушка родилась в семье Н. Машихина, у них было в семье четверо детей: Всеволод, Николай, Мария и моя бабушка Антонина Новограбленовы.

Моя боль

С чего начну плакати об убиенных и развеянных? С чего начну свою думу, думу горькую. Век XX, распятая Россия. Для посвященных в нашу историю нет надобности для многословия. Но всё же...

Плывет пароход, плывёт своим медленным, тяжёлым ходом. Он плывёт по небольшой дальневосточной реке Зея (эвен-

кийский джез «Лезвие»). Он везёт свой тяжёлый груз, людей под названием «Враги народа» – 38 семей с детьми и со своими тяжёлыми воспоминаниями и тревогами. У кого забрали брата, у кого мать, а наши осиротели отцом. Шесть человек детей и больная, смертельно больная мать. В Петропавловске-Камчатском ей отказали в медицинской помощи «де родственникам врага народа...» Она приняла мученическую смерть. Здесь же, на этом пароходе, на глазах своих шестерых малолетних детей.

Повисла на стене, её задушил зоб. Старшая из детей, 16-летняя Верка, держала её за руку. Мама остыла и никак не могла отпустить от себя свою живую дочь. Родные мои, сироты, что ждёт вас впереди? Её похоронили в с. Тахта на пригорке.

Время неумолимо течёт, как и вода в реке, пароход плывет по назначению, на этом пароходе моя 9-летняя мама, она плывёт в свою взрослую жизнь из беззаботного детства.

Мамины воспоминания не очень богаты событиями, но, по её рассказам, она помнит, что моя бабушка любила петь. Сидя за швейной машинкой, она пела грустную песню «Как в саду при долине громко пел соловей». Слова этой песни заканчиваются просто пророческими для судьбы бабушки словами: «Как умру я, умру, похоронят меня, и никто не узнает, где могила моя». Всё же, как ни говори, а есть в человеке интуиция. Лучше не говорить о себе всяких предположений. Так и случилось, там, где была её могила, построили большое административное здание, и в этих кабинетах вершили судьбы других поколений, а можно ли жить на могилах? Как подумаешь – страшно, страшно поневоле. Но вернёмся к своему повествованию...

В семье Чернышева А. Я. было восемь человек детей, но на пароходе было шестеро. Старшая, Варвара, рождённая в 1917 г., затем Александра, 1919, Борис, 1920, Анна, 1922 (в детстве её звали Ала, это моя мама). Затем Анатолий, 1927, Таня (Роза), 1930. И вот все они остались совершенно одни в этом пылающем, огненном мире. Как выжить, что делать, но малыши об этом не думают. Они продолжают плыть так же, как и плыли.

Их везут на золотые прииски, добывать золото для молодого государства советов. Мама вспоминает, что в этот год они не учились. Мыли золотой песок, старшая сестра этот песок обменивала на продукты, но что могут намыть дети от 11 до 2 лет? Можно только себе представить, как жили эти забытые людьми и Богом малыши. Отец в тюрьме, мать в могиле, а они моют своими детскими, красными от холодной воды ручонками песок. Чтобы не умереть с голоду, старшая сестра Варвара устроилась работать на лесоповал, и это в 16 лет! Болели они, конечно, много, но то, что выжили, обязаны своей старшей сестре Варе. Спасибо Вам, Варвара Алексеевна, низкий поклон и теперь уже Царствия небесного. Думаю, что за этот подвиг Вы там. Благодаря ей и мы родились на этот свет. Вот так понимаешь это, когда сама прожила уже свой век.

А где же отец, Чернышев Алексей Яковлевич? Его увели из дома в 1931 г. Конфисковали имущество, а имущества-то было, две лошади, корова и очень небольшой домишко, и это на 10 человек семьи. Да, суровые ребята эти чекисты. В двадцатые годы Завойкинская волость (сегодняшнее Елизово) оказалась в эпицентре борьбы за власть советов. Это была настоящая арена борьбы, тем более что дед в это время был избран председателем волостного комитета. К 1918 г. население Камчатки составляло 35 тысяч человек. Борьба эта, как я думаю, подогревалась страстным желанием обогатиться местными ресурсами (золотом, пушниной, морскими животными). Сюда тянули руки не только новая власть, но и зарубежные страны, в частности – Япония, Америка, Шведские экспедиции. В 1921 г. Меркульевский десант занимает г. Петропавловск, а отряд Бочкарёва занимает Гижигу, Камчатский областной комитет уходит в сопки в село Мильково, и начинается партизанское движение в области. Осенью 1922 г. партизаны освобождают Камчатку, а в ноябре 1922 г. власть переходит к Читинскому Дальревкому. Вот такая весёлая жизнь. За этим сухим перечнем событий идёт своя мирная жизнь местного населения. Я прочла в документах, что одна пожилая женщина, по фамилии Машихина, сказала одному из партизан «... Чем бегать по сопкам с винтовками, лучше бы с девушками познакомились». А

врезалось мне это в память потому, что Машихины – это мои близкие родственники, родители моей бабушки, т. е. моя прабабушка. Мой дед, как вспоминает мама, занимался извозом и был совершенно безграмотным. Я думаю, что, по всей вероятности, он был очень умным человеком, т. к. при этом его избрали председателем волостного комитета. Возможно, мама по своему возрасту многого могла не знать.

Как явствует из документов, Чернышев А. Я. был обвинён по сфабрикованному делу «Автономия Камчатки», как бы он был не согласен с мнением Думы. Кроме него, были арестованы и другие, а в 1934 г. по этому же делу были арестованы еще 4 человека. Все они погибли в лагерях ГУЛага. Время, о котором я пишу, много времени будет интересовать русского человека, почему? Почему так случилось, что миллионы русских стали не нужны своему народу и были развеяны по миру. Какой такой проступок они совершили, что не нужны своему государству и народу? Даже сейчас, в XXI веке, очень мало работ творческих людей, изучающих вопрос камчатских проблем. Бедная моя Родина, всем нужна только для обогащения. Следы Чернышева А. Я. ищет его жена Антонина Николаевна, т. е. моя бабушка. После того как их выселили на материк, и бабушка попала в Хабаровск, она обращалась в органы. Ей ответили, что он на Соловках. Для многих русских, да и не только, Соловки ассоциируются со святостью монашества, но в XX веке это уже другие воспоминания. Это колючая проволока, Кемский пересыльный пункт. Республика Соловетская. Это ошалевшие от страха люди, где уничтожали нацию, лучших людей России. Для многих – дорога скорби. Эта участь не миновала и моего деда. До нас доходили сведения, что он работал и на Беломорско-Балтийском канале, а как повели на расстрел, снял с себя рубашку и передал сокамернику: «Передай моей старшей дочери Варке, если останешься жив». Так и узнали мы о его гибели. Алексей Яковлевич приехал на Камчатку из Орловской губернии, здесь нашёл свою любовь и здесь же нашёл смерть. Он устроился, как мы сейчас говорим, на работу, а тогда пошёл в батраки к местному капиталисту Машихину Николаю, т. е. моему прадеду. Я видела деда на ста-

ринной, очень хорошего качества фотографии. На ней он снят с моей молодой бабушкой. Молодой дедушка сидит, а рядом с ним стоит, с очень независимым видом, моя бабушка. Дед небольшого роста, худощавый. Круглолицый и круглоглазый, с бравыми усами и в хромовых сапогах. Хромовые сапоги – показатель достатка. Внешне довольно приятной наружности. Он женился на хозяйской младшей дочери Антонине. Бабушка, урождённая Машихина, была на семнадцать лет младше своего мужа (это моя бабушка).

Когда-то в юности, мне попадалась книга, где было написано, что Машихин Николай – учёный, первооткрыватель Камчатки. Возможно, отец Николая был капиталистом? Я читала в описании, или как там написано, согласно рапорту о собранных подушных деньгах, в 1838 г. в с. Старый Острог было 7 плательщиков (рапорт составил немецкий путешественник Карл фон Дитмар). Согласно этому рапорту, на реке Аваче – урочище Старый Острог – было 4 дома, среди них проживали и Машихины. У Машихина было три сына. Возможно, Николай был одним из них, в документах назван по имени только Павел, а два других сына не названы. Они переселились из Европейской России. А в 1897 г., в связи с 200-летием присоединения Камчатки к России, в честь организатора Петропавловской обороны генерал-губернатора Василия Степановича Завойко с. Старый Острог переименовали в с. Завойко. Это название сохранилось до 1924 г. Позже стало называться с. Елизово. Основателями этой земли считаются четыре рода: Машихины, Бибиковы, Винокуровы, Заочные. По переписи населения в 1876 г., в селе жило 84 человека. В 1905 – 95 человек. В 1924 – 226 человек (35 жилых домов). Занимались обработкой земли, рыбной ловлей, охотой, разведением скота. Народ в селе был трудолюбивым и зажиточным. Потому власть советов встретили недоброжелательно. Мне, конечно, хотелось бы узнать, какой наукой занимался мой прадед? Я могу только лишь предположить, что занимался он геологией. Косвенные доказательства тому есть. Когда деда допрашивали, то следователь просил его показать, где находится золото Машихиных, и «тогда де мы тебя отпустим». Кроме того, Машихины

жили в этом же Елизово, следовательно и сам мог об этом их спросить, но Машихины на свободе, а дед в тюрьме. Здесь я усматриваю некоторое противоречие. Возможно, в юности дед участвовал в геологических экспедициях Машихиных: молодой, деловитый, молчаливый – таким, по описанию моей мамы, был её отец. Такие надёжные люди всегда нужны в экспедициях. Моя мама вспоминает, что за дедом приходила американская канонерка (небольшой катер), предлагали уехать в Америку, но жена не дала согласие. Зачем это так понадобился мой дед? А затем же, что как и всем хищникам – золото! Из этого я могу предположить, что таки да, дед знал о нахождении золота. Значит, Машихин Николай занимался изучением недр Камчатки. Жаль, что Машихины не помогли деду, возможно, очень сильно боялись, а возможно, не считали его человеком своего круга. Варвара Алексеевна (моя тётка) вспоминает, что Машихины жили значительно лучше Чернышевых, и однажды при встрече с ними она пыталась восстановить справедливость. А другими словами, в общественном месте устроила разборку и скандал. Очень похоже на боевую мою тётку. Когда арестовали моего деда, Варвара, тогда ещё шестнадцатилетняя, в знак протеста подожгла правление и выпустила из загона всех сельских лошадей. Ей простили, по семейным обстоятельствам и по молодости лет, встречались и тогда милосердные. Мама моя не очень помнит те далёкие события, но помнит, что отец очень любил лошадей, и что однажды, во время паводка, Буян (так звали одну из лошадей деда) из последних своих лошадиных сил доплыл до берега и тем спас деда, а сам уже не смог выбраться, утонул. Кроме того, вторая лошадь деда, видимо, предчувствуя дальнейшие трагические события, незадолго до ареста деда ушла из дома и пропала. Звали её Майка. Вот такие чувствительные и благодарные животные эти лошади.

Ну а что же дети? Они на пароходе, едут вместе с другими, такими же, т. е. «врагами народа» мыть золото. Здесь они прожили меньше года. Мама вспоминает, что они в этот год не учились и очень много болели. Конечно, как же не болеть, ни тебе папы, ни тебе мамы, ни тебе молочка, удивительно другое, как они выжили? Лично мне страшно себе представить, как 2-х,

5-ти летние дети жили совершенно одни, моей маме, правда, было 9 лет, но по сегодняшним меркам это тоже маленький ребёнок (третьеклассник). Ближе к осени детей перевели в детскую трудовую колонию, где моя мама прожила 10 долгих лет. Колония находилась недалеко от г. Свободного в Юхте. Там была средняя школа и учили очень хорошие учителя, по всей вероятности, тоже ссыльные. Почему я так пишу, а потому, что впоследствии – это 1933 г. – их расстреляли. Мама вспоминает учителя истории Золотухина. Много разговоров было о космосе, о дальних странах. Даже я помню увлекательные рассказы моей мамы о звёздах. Помню самаркандские звёздные ночи, когда мама так увлекательно говорила о Большой медведице, о Млечном пути и всегда с большой благодарностью к своим школьным учителям. Мне тогда эти рассказы казались необыкновенно фантастичными, из какой-то другой жизни.

Мама рассказывала о своей жизни в детском доме довольно сдержанно. Рассказывала, что в детском доме она разводила цветы, и братья ей помогали строить для них скамейки. Вспоминала о том, что в детском доме было голодно, а иногда пищу бросали прямо в толпу детей, как собакам, и кто поймает, тот и съест. Случались случаи воровства. Однажды в детском доме пропал сахар, никто не сознавался, стали искать в спальне, под подушками и в одеялах. Вот дошли до маминой кровати, а под подушкой лежит злополучный кулек. Мама от такой подлости потеряла сознание и попала на полгода в больницу, кажется, с крапивницей. Кто-то подло её подставил. Целый год не училась и в 9 класс пошла 2-й раз.

О своих сёстрах и братьях почти ничего не рассказывала. Только о смерти своей сестры Шуры. Видимо, это было её первое сознательное потрясение. Смерть 19-летней сестры. У Шуры было большое желание учиться. Она из Юхты (где находился детский дом) ушла по рельсам в г. Благовещенск, не помню точно, но, по-моему, это километров 40. Ушла босиком и, чтобы иметь какие-то средства, сдала стакан крови. Организм был ослабленный, и она заболела туберкулёзом. Её отправили лечиться в Боровое, где она и умерла. Мама получила из больницы уведомление о её смерти.

Об этом мама рассказывала неоднократно. Рассказывала о своей старшей сестре Анастасии, которая приезжала за ними в колонию.

Она взяла с собой только мою маму и брата Бориса, который был старше мамы на два года, Борис с полдороги вернулся, он почему-то передумал. Возможно, из-за оставшихся в детском доме сестёр и брата Анатолия. Дальнейшая судьба её братьев и сестёр мне неизвестна. Знаю только по рассказам мамы, что старший брат Борис в 1942 г. работал на Сталинградском тракторном заводе, откуда прислал маме письмо. Варвара Алексеевна, старшая мамина сестра, искала своего брата, но ей ответили, «что мы дезертиров не ищем». По всей вероятности, Борис оставил армию, вместе со своим другом, они появились в г. Петропавловске-Камчатском, друг подходил к маме, а брат из осторожности – нет. Дальнейшие следы теряются вовсе. Правда, однажды мама слышала запрос по радиоволне. «Помогите найти сестёр, одну из них, кажется, зовут Ала» (мою маму в детстве звали Ала). По этим признакам, я думаю, что мамин брат Борис не пропал по тюрьмам, возможно, где-то у меня есть двоюродные братья и сёстры. Таким образом, все дети Чернышёва А. Я. были рассеяны по миру. Но однажды всё-таки Бог дал встретиться двум сёстрам, а потом и третьей. Было это так. Группа военных офицеров громко разговаривала, и в разговоре кто-то упомянул фамилию моего отца Белоусова И. Г, проходившая мимо Варвара Алексеевна спросила: «Не знают ли они, где проживает упомянутый ими офицер?» Ей дали адрес, и вот она у нас в Узбекистане, г. Ката-Курган. Да, папа тогда служил в Туркестанском военном округе. Затем, когда папа демобилизовался из армии, мы поехали жить в город, где жила мамина сестра. Это был г. Хабаровск на Амуре. Встреча со второй сестрой Розой произошла не менее фантастично. Тетя Варя вышла из кинотеатра и стояла на остановке. Подошла женщина, и что-то в её лице показалось ей знакомым. Тётя Варя спросила женщину: «Вас не Розой зовут?» «Да», – ответила ей женщина. Хотя с последней встречи прошло лет 35. Таким образом нашлись три сестры. Я помню эту встречу у нас, по улице Ленинградской г. Хабаровс-

ка. Они сидели на диване и плакали. Казалось, разговор не иссякнет. Благодаря этой встрече, у меня появились сёстры и братья. С одной из них – Ириной, я иногда переписываюсь. Но, к сожалению, сёстры после встречи не стали роднее. Взаимное непонимание, возможно, даже и зависть, и другие человеческие недостатки, вынудили нашу маму сменить место жительства. Мы переехали, вернее – мама с отцом и моими младшими сестрой и братом, переехали в г. Алма-Ату. Не смогли они ужиться. Это можно понять. Чтобы быть родными по духу, надо вместе «скушать много соли», иметь много терпения, милосердия, а главное – любви. Жизнь они прожили суровую, как прожили, нам неизвестно. Женщинам было всё же легче за мужьями, а мужчинам было невыносимо тяжело. На их долю, кроме мытарств личных, выпала война, да какая, самая кровавая за всю историю человечества. Но, как говорится, Бог им судья.

Сейчас от всей семьи А. Я Чернышёва в живых осталась только моя мама – Чернышёва Анна Алексеевна. Во всяком случае, так сказала перед своей кончиной Роза Чернышёва. Моя дорогая мамочка имеет твёрдый характер. Она волевая, целеустремлённая, любознательная, такая она и сейчас, в своём преклонном возрасте, не сдаётся. Ежедневно занимается физическими упражнениями, ходит по дворику по два часа, читает, интересуется политической жизнью страны и даже вяжет своим детям и правнукам. Что можно сказать, молодец Анна Алексеевна, так держать!!

Эссе – воспоминания, составлены внучкой А. Я Чернышёва, Белоусовой Валентиной Ильиничной, по воспоминаниям её мамы и других источников, сентябрь 2010 года.

Родина, какое это ёмкое слово. У меня это чувство пришло как-то довольно поздно. Мне хочется читать об этом, видеть, познавать. Мне всё интересно. Например, как устроены дома у коряков. Эти полуподвальные двухэтажные деревянные дома-юрты. На Камчатке есть такой посёлок Эссо, где находится музей. Довольно красиво и необычно смотрятся эти постройки. У эвенцев есть национальный ансамбль. Я слышала в их исполнении национальные песни, имитации диких зверей, про-

живающих на их территории (медведь, волк, ворона, чайка), сходство удивительное, не нужен переводчик, чтобы узнать о ком идёт речь. Я прочитала недавно, что якобы Долину гейзеров на Камчатке открыла в 1941 г. Т. И. Устинова. Мне моя мама рассказывала, что она в детстве ездила туда с отцом и что местные люди знали об этих местах всегда. Да, удивительное это место по красоте, по величию. Кажется, что ты не на земле, а где-то в другом месте. Например, на Юпитере или на Луне. Как будто фантастический сон. Дело в том, что на Камчатке очень много действующих и не действующих вулканов. Кто-то даже посчитал – 300, из них 20 действующих. Вулкан Толбачик действовал в 1975 г., а потому лес перед вулканом весь опалён. Он называется Мёртвый лес. Это типа Самаркандского саксаульного леса, только кругом застывшая лава, а на ней за эти годы выросла камчатская растительность (мох и другие местные растения). Говорят, что в этих местах испытывали луноход. Кругом разбросаны вулканические бомбы размером с кулак, конусы-горки. В кратерах до сих пор можно зажечь деревянную палку. Кругом поднимается пар-туман и сероводородный газ, или, как его тут называют, фумарол. Всё кругом шипит и булькает. Например, в Долинском вулкане температура воды достигает 98 градусов. На вулкане Мутновском извержение было в 1961 г. От Петропавловска он находится в трёх часах езды. Самая высокая сопка Камчатки – это Ключевская, пять тысяч метров над уровнем моря. Красавица, она так замечательно украшает местный пейзаж. Куда ни посмотришь, везде она, Ключевская, величавая, она всегда разная. В зависимости от погоды и освещения. Лучше, конечно, поехать и посмотреть.

А какой красоты камчатские каньоны, они в основном находятся на территории Кроноцкого биосферного заповедника. Освещение не земное. Борьба вулканов с вечным снегом. Даже трудно подобрать слова – как бы театральная декорация, нарисованная гением, а в данном случае – самой природой. Можно назвать каньон Опасный, это ледник. Ледник – это всегда опасно. Может быть, где-то в Гренландии есть нечто подобное, я видела на гравюрах Рокуэла Кента, но что гравюры по сравне-

нию с первоисточником. Да, это достопримечательность земли, причём достопримечательность не испорченная. А главное, эта земля меня родила. Здесь жили мои деды, мои прадеды, мои прапрадеды. Как жаль, что я далеко живу от их могил. Если когда-нибудь я ступлю ногой на эту землю, обязательно пойду и поклонюсь могилам моих предков. Шлю Вам низкий поклон, мои дорогие.

МЕЕР

И такая фамилия камчадалов когда-то присутствовала на Камчатке, а потом влилась в другие фамилии: Меер Гавриил Мартынович, камчадал Камаковского селения, 49 лет. Жена Матрена Никифоровна (37). Дети: Василий (13), Акилина (12), Наталия (10), Петр (5). Егор Гаврилович Меер (20), жена его Мария Герасимовна (19). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

МЕРЛИНЫ

Историю этой фамилии я довольно подробно описал в очерке «Из рода вождей». Поэтому здесь коснусь только некоторых подробностей.

Потомок вождя крупнейшего на Камчатке острога Кунутпочич Начики Машурина – Егора Мерлина в годы Советской власти был раскулачен. Мильковские краеведы из клуба «Камчадалы» опубликовали на форуме сайта «Камчадалы.ру» материалы о том времени, в том числе опись конфискованного имущества кулака Всеволода Васильевича Мерлина: начиная с рубашки мужской (старой) в количестве 1 штука, оцененной на 1 рубль 55 копеек, и так далее, на общую сумму семьсот пятьдесят девять рублей 78 копеек.

Мерлин Всеволод Васильевич, 1877 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Машура; русский; образование: неграмотный; б/п; был потомственным охотником-промысловиком; место проживания: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Машура. Арест: 03.05.1932. Осужд. 03.05.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-10 УК

РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 01.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской области.

На Камчатке камчадалы Мерлины проживали в селениях Машура, Гольгино, Шаромы, Щапино, Кирганик, Малка.

В 1904–1905 гг. участие в обороне Камчатки от японцев приняли Алексей, Егор, Павел, Иван и Николай Мерлины из с. Гольгино, а также Василий Мерлин (с. Щапино), Гурий Мерлин (с. Кирганик).

Кое о ком из них удалось собрать более полную информацию.

Алексей Мерлин. Мерлина Евдокия Аполлоновна, вдова камчадала селения Гольгинского Родиона Мерлина, 1893 г., 46 лет. Дети: Алексей (11), Пелагея (19), Мария (14), Екатерина (8), Евдокия (5).

Егор (Георгий) и Николай Мерлины. Мерлин Ульянов Васильевич, камчадал селения Гольгинского, 1893 г., 45 лет. Жена Екатерина Алексеевна (43). Дети: Николай (18), Устиния (16), Наталья (21), Мария (15), Александра (5), Георгий (23). Жена Георгия Ксения Маркеловна (21). Вдова Татьяна Афанасьевна Мерлина. Дети ее: Федор (21), Екатерина (27), Домника (16).

Павел и Иван Мерлины. Мерлина Феодосия Николаевна, вдова камчадала селения Гольгинского Маркела Мерлина, 1893 г., 47 лет. Дети: Иоанн (17), Павел (13), Петр (10), Марфа (19). (Исповедальная книга Большерецкой церкви, 1893 г., ГАКК.)

Камчадалы Мерлины были и участниками Второй мировой войны.

Сержант Михаил Сергеевич Мерлин, 1918 г. р., погиб вместе со многими своими сверстниками и земляками, штурмуя остров Шумшу, 18 августа 1945 г.

Участником Сталинградской, Курской, Корсунь-Шевченковской битв был земляк и друг камчатского поэта Георгия Порохова Анемподист Мерлин, которому Георгий Германович посвятил свое стихотворение «А. МЕРЛИНУ».

Гроза отмыла небеса.
Ядреный день. И воздух чист.

Пойдем в прибрежные леса,
Мой старый друг Анемподист.

Давно с тобою не бродил
Под шаловливый птичий свист.
Ты черный волос убелил,
Мой старый друг Анемподист.

Я помню: в гулкий день весны,
Когда тальник раскинул лист,
На костылях пришел с войны
Мой старый друг Анемподист.

И, заглушив назавтра боли,
На трактор сел артиллерист,
Пахал и ночевал на поле,
Мой старый друг Анемподист.

Пойдем по рощам молодым,
Там ручеек такой речист...
Болит нога? Ну, посидим,
Мой старый друг Анемподист.

А это материалы с форума сайта «Камчадалы.ру»:

Мерлин Василий Федорович, Якутского полка майор, затем подполковник, проводивший в Камчатке следствие по Харчинскому бунту 1731 г.

Мерлины – дворянский род, происходящий, по преданию, от крымского выходца мурзы Мерлы, выехавшего к великому князю Василию Васильевичу Темному и крестившегося с именем Тимофея. Его потомки служили по Мещере, Костроме и Арзамасу. Данило Афанасьевич Мерлин был депутатом от Петербурга в Екатерининской комиссии. Его сын, Яков, генерал-майор, с отличием служил в Отечественную войну 1812 г. Род Мерлиных внесен во II, III и IV части родословных книг Казанской, Курской, Московской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерний.

История сел Пензенской губернии – Голицыно

Село Голицыно (Архангельское)

Нижнеломовского района Пензенской области

В 1684 г. стольник князь Иван Иванович Голицын (1688) обратился с челобитной на имя царя Ивана Алексеевича о выделе участка около р. Мокша. В 1685 г. разрешение было получено, и Голицын вывез туда своих крепостных из Суздальского, Дедиловского и Переяславского уездов. Так возникло с. Голицыно (Архангельское). Второе, церковное, название села обусловлено престолом первого храма, возведенного в конце XVII в. тщанием Голицыных. В 1826 г. в селе построен новый каменный храм во имя св. арх. Михаила с приделами во имя св. Александра Невского и во имя св. Софии, Веры, Надежды и Любви. В приход храма входили: д. Вьюнки, Слобода Петрово (в 2-х верстах за Мокшей, здесь находилась суконная фабрика), Александровка, Поселки тож (в 6 верстах).

После смерти И. И. Голицына дача перешла его брату князю Андрею Ивановичу Голицыну (после 1706), служившему астраханским губернатором. А. И. Голицын, боярин двухцарственныхников (Иван Алексеевич и Петр Алексеевич), в 1690 г. был сослан, но в 1692 г. помилован с возвращением в прежнее достоинство.

В 1710 г. село было во владении его дочери, вдовы княжны Анны Андреевны Голицыной (1734). В тот момент в селе насчитывалось 61 двор и 289 крестьян. В 1717 г. в Голицыне показаны: двор помещичий, 3 двора задворных людей, 59 дворов крестьян и 338 человек, принадлежавшие Голицыну. К тому времени Анна Андреевна Голицына вышла замуж за Ивана Алексеевича Урусова, посланного в 1708 г. для науки в Голландию, затем находившегося в плавании на английском военном корабле до Португалии и Архангельска. По возвращении в 1716 г. в Россию был произведен в поручики, с 1721 г. капитан-лейтенант. В 1727 г. уволен по болезни с чином капитана 3-го ранга. В 1717 г. за И. А. Урусовым значилось приданое княжны Анны Голицыной: двор помещичий, 21 двор крестьян и 123 крепостных.

В 1760 г. камергер Александр Андреевич Ржевский обосновался в с. Архангельское-Голицыно, которое получил от тетки Степаниды Матвеевны Ржевской (1705–10.02.1762). Она была замужем за Александром Ивановичем Голицыным (1700–1728), это сын Ивана Андреевича и Прасковьи Борисовны Лихаревой (1742) и внук Андрея Ивановича Голицына. В собственности А. А. Ржевского числилось 60 ревизских душ. В 1766 г. Ржевский продал свою долю капитану Ивану Корнееву, а тот в 1773 г. перепродал генерал-поручику Даниле Афанасьевичу Мерлину (04.08.1783). После смерти последнего владение перешло его сыну генерал-майору и кавалеру Якову Даниловичу Мерлину (01.10.1753–21.11.1819).

Вместе с тем в конце XVIII в. часть голицынско-архангельского поместья оставалось в собственности обер-гофмаршала Николая Михайловича Голицына (08.01.1726–02.01.1787), за которым в 1785 г. числилось 4 371 ревизских душ в Каменке, Покровской Варезке, Голицыне и др. селах Н. Ломовского уезда. В его поместье существовали ковровая фабрика, стекольный и винокуренный заводы. С Голицыным связан тайный советник, гофмаршал двора цесаревича Константина Павловича генерал-лейтенант Борис Андреевич Голицын (15.05.1766–30.03.1822). В 1779 г. он начал военную службу сержантом Преображенского полка, в июле 1812 г. назначен командиром Владимирского ополчения. Был награжден орденами Александра Невского, Св. Анны 1-й ст., Св. Иоанна Иерусалимского, Св. Георгия 4-й ст. Затем Голицыно унаследовал его сын музыкант, поэт и переводчик Николай Борисович (8.12.1794–20.10.1866). В 1810 г. он поступил в лейб-гвардию Конную артиллерию, участвовал в Бородинском сражении, в 1854–1855 гг. был начальником дружины № 45 Курского ополчения. В конце XVIII в. доминирующее положение в поместной системе Голицына занимает генерал-майор, сослуживец А. В. Суворова Яков Данилович Мерлин (1.10.1753–21.11.1819). В 1792 г. он значился полковником Тобольского пехотного полка и был одним из распорядителей и поставщиков извести при строительстве крепостей на юге России. Его жена Анастасия Васильевна

(15.08.1848). В 1785 г. в собственности Якова Даниловича числилось 1 185 ревизских душ. От Я. Д. Мерлина голицынское поместье унаследовала дочь генерала Александра Яковлевна (01.08.1782–28.03.1863), которой в первой половине XIX в. принадлежали 2 250 крестьян, живших в 450 дворах. А. Я. Мерлина была замужем за тайным советником Федором Петровичем Лубяновским (09.08.1777–02.02.1869), служившим в 1819–1931 гг. пензенским губернатором. В Голицыне действовала большая суконная фабрика, на которой было занято свыше 800 крепостных, производивших до 16 000 аршин сукна. В 1858 г. фабрика располагалась в 9 больших одноэтажных корпусах и двухэтажных и 6 деревянных. Накануне реформы 1861 г. Лубяновские усовершенствовали технологический процесс, установив на фабрике европейский прядильные машины. Это привело к увеличению производства до 30 000 аршин сукна, или на 39 300 руб. в денежном выражении.

После смерти родителей фабрика перешла сыновьям генерал-лейтенанту Петру Федоровичу (1809–1874) и полковнику Николаю Федоровичу (1817–1889) Лубяновским, которые построили в Голицыне чугунолитейный завод. Здесь производилось оборудование для суконных фабрик, винокуренных, сахарных и маслобойных заводов. В 1877 г. в Голицыне проживали 2 361 человек, существовали 8 кожевенных, 2 поташных, 1 железоделательных заводов, 10 маслобоен, 16 лавок.

В 1885 г. Н. Ф. Лубяновский продал голицынское имение площадью 8 645 десятин за 500 тыс. руб. камергеру, статскому советнику князю Виктору Васильевичу Волконскому (1823–1884). В качестве приданого он подарил имение своей дочери Надежде Викторовне, вышедшей замуж за статского советника, камергера графа Сергея Михайловича Толстого (02.06.1853–06.02.1900). Он в 1873–1875 гг. воспитывался в Николаевском кавалерийском училище, с 1878 г. служил в лейб-гвардии конно-гренадерском полку, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. С 1883 г. состоял в Главном управлении государственного коннозаводства, с 7 сентября 1889 г. по 27 февраля 1895 г. был Н. Ломовским уездным предводителем дворянства. В 1890 г. избран почетным миро-

вым судьей по Н. Ломовскому уезду. Сергей Михайлович награжден орденами Св. Анны 4-й ст. (1878), Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1878), румынским железным крестом (1878). В Голицыне на свои средства он открыл школу и больницу. Ему Голицыно обязано обретением статуса одного из центров индустриального предпринимательства в Пензенской губернии. В 1889 г. он основал стекольный завод, который к началу XX в. по заказу государства выпускал около 700 000 бутылок. Выход продукции на сыроваренном заводе составлял от 500 до 800 пудов в год, на кирпичном заводе производилось до 500 000 шт. кирпича, на винокуренном заводе до 8 000 000 бутылок сорокаградусного спирта, на дегтярном заводе 1 000 пудов чистого дегтя из березовой коры. Высокая прибыльность столь сложного хозяйства позволила создать в Голицыне райский уголок для Толстых: двухэтажный дом в 100 комнат венчал высокий холм, окруженный рукотворным дендрарием экзотических растений.

В Голицыне были развиты следующие кустарные отрасли: в 95 дворах занимались бондарным делом, в 30 изготовлением телег и колес, в 27 выделкой соломки для спичек, в 11 изготовлением рукавиц.

В 1913 г. в Голицыне было: мелочных лавок 20, кирпичных сараев 22, кожевенных заведений 14, кузниц 14, пчельников 7, пекарен 5, маслобоек 4, просодранок 6, амбаров (склады для оптовой торговли) 4, тракторов 2, чайных 4, красилен 4, корьялок 1, каруселей 2.

В 1917 г. в Голицыне было: промышленных предприятий 42, торговых предприятий 23, кирпичных сараев 12, маслобоек 10, кожевенных заведений 7, пекарен 4, постоянных дворов 4, поташных заводов 2, кузниц 8.

В настоящее время в селе проживают около 1 100 человек, из которых 134 учащихся, 40 детей до 7 лет, около 400 пенсионеров. Большинство населения села занимаются своими личными подсобными хозяйствами. В селе расположены: сельский Дом культуры, библиотека, основная школа, больница, магазины, детский сад, почтовое отделение, филиал сберегательного банка. Село расположено в 90 км от Пензы.

История села Пачелмы XVII–XVIII века

XVII век. 1692 г. Основание села по Указу Великих государей царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей.

1693 г. Выделение земель, владений.

XVIII век. 1776 г. Построена и освещена церковь во имя святителя и чудотворца Николая.

1784 г. Генеральное межевание села.

В биографии района село Пачелма на особом счету. Именно оно является родительницей станции Пачелма, а затем и райцентра, имеющим одноименное с селом название...

За несколько минут домчит по чистой полосе асфальта нас машина от райцентра до старого села. Чуть задержишься на пригорке, и ты увидишь, как раскинулись справа и слева, словно крылья большой птицы, улицы родного села: по овражкам, солнечным пригоркам, с выходящими к ручьям садами и огородами. И вспомнишь названия улиц: Красная, Церковная, Солдатская, Мещера, Шалуновка, Барская. У каждой из них – своя история, своя судьба... Взгрустнется, что не прибавляются дома на родных улицах. Поредели дворы, все меньше свадеб играют пачелмцы и меньше веселой ребятни в сельской школе, не часто поют земляки раздольные русские песни. ...Но не будем о грустном...

Были у села за его три века и радостные, счастливые времена, и тревожные, горестные. Широко текла жизнь. Архивы – хранители.

Истории – так рассказывают о рождении села:

Основная часть.

В документах Государственного архива Пензенской области наиболее раннее упоминание о землях, та, которых сейчас располагается село Пачелма, относится к концу XVII века: датой основания названо 30 мая 1691 года... «Откуда есть, пошла земля Пачелмская?» От названия речки Пачелмы? Известный пензенский краевед М. С. Полубояров высказывает именно это предположение.

Что в этом имени, откуда оно? Происхождение названия Пачелма производит от болгаро-чувашского языческого личного мужского имени Патча и слова «лам», значающего на чуваш-

ском языке «влага, сырость, пойма, долина», переосмысленно затем мордвой как Патчам, Пачамляй, т. е. «речка Патчи».

В соответствии с указом царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 30 мая 1692 г., присланным из приказа Казанского дворца Керенскому, стольнику ж воеводе Павлу Яковлевичу Веселовскому «поверстана Москве в приказ Казанского дворца Данила Федоров... Фаюстов, а нашего Великих Государей жалованья учинен ему оклад поместного 350 четвертей, денег 20 рублей, и как тебе наша ...грамота придет ж ты б Данилу Фаюстова... в поместном и денежном окладе в Керенскую десятину и в служилой список велел написать».

Но более массовое заселение земель в районе речек Пачелмы, Вороны, Синдлея произошло год спустя. Документы так описывают это событие: «Лета 7200 /1692/ года мая в 4 день по Указу Великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича вся Великая, малая и белая России, самодержцев стольник и воевода Павел Яковлевич Веселовский велел дать с отказных денег владенную выпись на наместную землю, на сенные покосы и на всякие угодыя Выборного полку солдатом и керенцом новокрещеном... Власу Наумову с товарищи...»

В самих отказных книгах, в Керенской приказной избе за 1692 г. сделана запись, в которой сказано, что Влас Наумов сын Чернцов с подьячими Алексеем Архиповым Васькой Наумовым и пушкарем Борисом Коровиным съездили в степь за вал, на поросшую дикую землю к лесу от речки Синдлей до леса Синбура через дорогу Ломовскую, которая ведет на речку Ворону. А дальше – вниз по речке Вороне до речки Пачелмы да вверх по реке Пачелме до речки Вечамы. Земля эта была свободна – никому в оброк и в вотчину не отдана, не мордовских и татарских дач, не ясачных дач и спору из-за нее не с кем не будет. И по указу Великих государей землю описали, измерили в десятины, положили в четверти и отдали выборного полку солдатам. Однако жалованные за службу земли не всегда оставались в семейном владении. Зачастую они продавались, что способствовало концентрации земель в одном семействе.

В 1732 г., как свидетельствуют записи, часть жалованной

земли канцелярист Матвей Петров продал солдату лейбгвардии Семеновского полка Даниле Афанасьевичу Мерлину. В дальнейшем потомками Д. А. Мерлина, ставшего генерал-майором, членом главного Крите – комиссариата в Санкт-Петербурге, продолжалась скупка земли в округе села Пачелмы и близлежащих сел.

В 1776 г. керенским протопопом Ильею Львовым была построена и освящена церковь Николая чудотворца, с приделом Иоанна Воина. Отсюда второе название села – Никольское, которое дано селу, по обычаю того времени, по названию церкви.

В 1757 г. Мерлин скупает жалованную в 1692 г. землю у Никифора и Власа Дураковых. Бориса Ярцева и другие. В результате покупок земли Д. А. Мерлиным и его сыном генерал-майором Я. Д. Мерлиным, к началу XIX века во владении этого семейства в Пачелмской даче оказалось свыше тысячи десятин земли, перешедших затем по наследству в 1844 г. вдове генерал-майора – А. П. Эспехо, внучке Я. Д. Мерлина.

Другими помещиками, приобретавшими пачелмские земли, были князья Енгальчевы. Так, Е. Я. Енгальчевым в 1704–1706 гг. было приобретено 105 четвертей земли. Спустя 12 лет, в 1718 г. С. Я. Енгальчев покупает за 20 рублей еще 50 четвертей земли. Таким образом, во владении князей Енгальчевых в 1 четверти XVIII века концентрируется 155 четвертей земли.

Село Голицыно (Архангельское)

Мерлин Яков Данилович (род. в 1754 г.) – генерал-майор; в 1791–1792 гг. – полковник Тобольского пехотного полка.

Мерлин Даниил Александрович. Умер в 1783. Генерал-поручик. Был обер-штер-кригс-комиссаром. Сын Яков, 1753–1819.

Мерлин Павел Иванович, 1769–1841. Из дворян Шацкого уезда Тамбовской губернии. Генерал-майор. Участвовал во многих военных действиях, награжден. Участник войн со Швецией 1788–1790 и 1808–1809, кампании 1807, в 1812 г. командовал 2-й резервной артиллерийской бригадой. С 1835 в отставке.

Николаевская эпоха в истории пензенского губернаторства представлена двумя крайне противоречивыми именами Ф. П. Лубяновского и А. А. Панчулидзева.

Федор Петрович Лубяновский (1777–1869) – тайный советник (1829), назначен был пензенским губернатором 22 марта 1819 г. Окончил в 1796 г. Московский университет, находился на государственной службе у генерала и дипломата Николая Васильевича Репнина, а затем стал адъютантом всевластного графа Алексея Андреевича Аракчеева. Позже судьба сблизила Ф. П. Лубяновского с М. М. Сперанским, под началом которого он служил статс-секретарем в канцелярии Министерства внутренних дел. В их жизни было много общего: оба – сыновья сельских священников, оба прошли бурсу. Близость к царедворцам открывала перед Лубяновским заветные двери ко двору сначала Павла I, потом – Александра I и, наконец, – Николая I.

При очередном пребывании двора в Москве в 1818 г. Федор Петрович был представлен Его Величеству, который предложил ему место губернатора в Пензе. Рухнувшие в весеннюю распутицу дороги задержали в Пензе прежнего губернатора М. М. Сперанского, и встреча двух давних сослуживцев вызвала волнительные воспоминания о прошлом. Но она имела касательство и к будущему – сам Лубяновский впоследствии признавался: «нелегко быть губернатором после Сперанского; сам он знал это лучше всех и, любя меня, прощаясь, говорил и с дороги писал мне не брать его пример».

Пензенское общество как бы пребывало в некоем гипнозе от постоянно демонстрируемой университетской учености Лубяновского, прочность положения которого усиливала его женитьба на Анне Яковлевне Мерлиной (1782–1863) – дочери богатого пензенского помещика, генера-майора, сослуживца А. В. Суворова Якова Даниловича Мерлина (1753–1819), в собственности которого было свыше 1 800 ревизских душ в селах Лачинове Керенского уезда, Голицыне Нижнеломовского уезда, Глебовке и Пачелме Верхнеломовской округи. Общественный статус Ф. П. Лубяновского в Пензе повышал и брак его свояченицы Веры Яковлевны Мерлиной (1790–1856) с генерал-майором, командиром 1-й бригады Второй гусарской дивизии Христофором Федоровичем Сольдейном (? – 1829). Интересно отметить, что Ф. П. Лубяновский с женой и свояченицей входили в окружение А. С. Пушкина.

Серьезным испытанием в жизни Лубяновского стал прием в Пензе в августе 1824 г. Александра I. Лубяновский постарался достойно встретить императора и создать для него незабываемый пензенский рай. Проведя в Пензе 6 дней, Александр I при прощании с Федором Петровичем признался: «Околдовала меня эта губерния: места одно другого приятнее. Не воображал я, чтобы она была так хороша. Из всех губерний, где я был, разве одна, быть может, несколько лучше, Подольская!»

Усердия Лубяновского не были напрасны: в этом же году он был удостоен ордена Св. Владимира 2-й степени.

По воспоминаниям современников, Ф. П. Лубяновский был не чист на руку. Это его и погубило: более суровый, волевой и требовательный Николай I, законодательно борющийся против злоупотреблений, знал о слабостях пензенского губернатора и направил поэтому для ревизирования Пензенской губернии генерал-майора И. С. Горголи. Высокая комиссия, проведя «ночные обыски» в домах чиновничьих и поискав везде и всюду, выявила серьезные изъяны в административной деятельности Ф. П. Лубяновского. В октябре 1830 г. по совокупности выявленных фактов и денежной нечистоплотности Лубяновского отправили в отставку. Однако фортуна опять оказала ему свою благосклонность: из Пензы его отправили в некогда любимую Александром I Подольскую губернию на должность губернатора. В 1833 г. Федор Петрович переехал в Петербург, где стал сенатором.

При Федоре Петровиче «Пенза находилась между приятным воспоминанием о Сперанском и еще приятнейшими ожиданиями от Лубяновского». Позитивным результатом губернаторства Ф. П. Лубяновского было открытие в Пензе первого в России училища садоводства и строительство двух гостиных дворов.

Личность Лубяновского широко известна своей административной и литературной деятельностью. Дореволюционные историки Пензы отмечают: «Литература была любимым его занятием и в литературном мире, кроме изданных им “Путешествия по Саксонии, Австрии и Италии” он известен как переводчик с французского на русский... и с немецкого на русский».

Вице-губернатором при Ф. П. Лубяновском был статский советник Александр Карлович Арнольди (1781 – после 1836), служба которого началась в 1797 г. во 2-м кадетском корпусе. В 1803 г. он числился чиновником департамента уделов, в 1823–1827 гг. служил Тамбовским вице-губернатором, затем – пензенским. Административные заслуги А. К. Арнольди отмечены орденами Св. Владимира 4-й ст., Св. Анны 2-й ст.

Мерлин Яков Данилович. 1753–1819. Генерал-майор. Участвовал в войне 1812. Дочь Анна, 1782–1863. Муж Лубяновский Федор Петрович, 1777–1869.

Мерлин Павел Иванович (1769–1841) – генерал-майор русской армии, герой Отечественной войны 1812 г. Участник войн со Швецией 1788–1790 и 1808–1809 гг., кампании 1807 г., в 1812 г. командовал 2-й резервной артиллерийской бригадой. Награжден орденом св. Георгия 3-й степени за сражение 4–6 ноября под Красным. Из дворян Шацкого уезда Тамбовской губернии.

1769–1841 – генерал-майор, участник наполеон. войн, начал службу в 1779 г. сержантом во 2 канонир. п., в 1787 г. был произведен в аудиторы и принял участие в войне со Швецией 1788–1790 гг. В 1806 г. подполк. Мерлин зарекомендовал себя отличн. к.-арт. офицером. В бою под Черновом он оказал «мужественное сопротивление» при отбитии атак Даву (орден святого Георгия 4 степени) и доблестно сражался под Пултуском, Прейсиш-Эйлау, Гутштадтом, Гейльсбергом и Фридландом (чин полк. и зол. шпага). Раненный под Фридландом, Мерлин был взят в плен. В 1811 г. он был назначен командиром 2-й рез. артиллер. бригады и с ней во время Отечественной войны участвовал во всех крупных сражкниях (чин генерал-майора и ордена святого Георгия 3 степени и святого Владимира 3 степени). Будучи назначенным в 1813 г. начальником артиллерии Гренадерского корпуса, он с отличием участвовал в кампании 1813–1814 гг., затем командовал артиллерией V пехотного корпуса. В 1822 г. Мерлин был зачислен по артиллерии и в 1835 г. уволен от службы (Михайловский-Данилевский. «Военная галерея Зимнего дворца». Т. V; Воен. галерея 1812 г.; Потockий. Столетие кон. артиллерии).

Выборы в городское управление Санкт-Петербурга

25 мая 2004 г.

Весь город был разделен на пять частей, жители которых должны были избрать из своих рядов в общей сложности 105 избирателей. Те, в свою очередь, избирали из своей среды городского голову, депутата для участия в Уложенной комиссии (она должна была выработать новый свод законов Российской империи взамен «соборного уложения» 1649 г.) и еще пять лиц для составления наказа этому депутату.

В зале рассаживались без чинов, но соблюдая такой порядок: сначала женатые, имеющие детей, затем бездетные женатые, после них вдовы и в самом конце – холостые. Голосовали, опуская шары в специальные баллотировочные ящики, обитые красным сукном с галунами. Первым избранным оказался граф Алексей Орлов.

27 января 1767 г. избрали первого городского голову Санкт-Петербурга – им стал столичный обер-комендант Николай Зиновьев. В комиссию по составлению наказа вошли Григорий Иванов, Семен Галактионов, Иван Щукин, генерал-майор Данила Мерлин и сенатор Адам Олсуфьев.

Погост Введение, или Черная Грязь, известен с конца XVI в. Около 1673 г. на старом церковном месте была построена новая деревянная церковь. В 1737 г. во время грозы церковь сгорела, а через два года, по прошению майора Якова Андреевича Михнева, было возбуждено дело о строительстве новой деревянной церкви, которую и возвели в 1740-е гг. В 1842 г. была построена дошедшая до наших дней каменная церковь на средства прихожан, проживающих в окрестных деревнях – Жуковке, Очеве, Княжеве, Быкове, Никольском, Скубятине, Дятькове, Ореве, Петракове. В 1879 г. в приходе Введенской церкви было 242 двора и 1868 прихожан, к погосту Черная Грязь приписаны были кладбищенская церковь Покрова Пресвятой Богородицы в селе Скубятине и 4 деревянных часовни. Приделы нового храма освятили в честь Успения Пресвятой Богородицы и святой Анны пророчицы. В 1870 г. при храме было открыто начальное народное училище, попечителем ко-

того позднее был генерал-майор Николай Михайлович Бугайский. Он служил в корпусе инженеров путей сообщения, начав карьеру с низших чинов, дослужился до чина генерал-майора, пожалованного ему императором Николаем I в 1845 г. На церковном кладбище покоится прах еще одного достойного гражданина – генерал-майора, героя Отечественной войны 1812 г. Павла Ивановича Мерлина. Его имя числится в списках героев в Военной галерее Зимнего дворца в Санкт-Петербурге и на плитах в Храме Христа Спасителя, указывающих имена героев той войны. В советское время храм не закрывался. Рядом с ним селилось много верующих людей, которым приходилось скрываться от гонений в сельской глуши. Почти 41 год жил здесь бывший насельник Николо-Пешношского монастыря иеродиакон Александр (Желехов, 1878–1968). Скрывала его у себя монахиня Серафима (Калинина, 1898–1975). За несколько десятков километров приходили к батюшке за советом люди. И никто не уходил от него без теплых слов поддержки, укрепления в вере и утешения. Отец Александр и мать Серафима похоронены на церковном кладбище. Храм хорошо сохранился, действует благотворительная столовая. Богослужения совершаются регулярно во все праздники и каждые субботу и воскресенье. Настоятель – архимандрит Паисий (Столяров). Проезд из Москвы: с Савеловского вокзала до ст. «Дмитров», далее авт. № 25 до села Очево («Московские епархиальные ведомости», № 1–2, 2003 г.).

Мерлины – дворянский род, происходящий, по преданию, от крымского выходца мурзы Мерлы, выехавшего к великому князю Василию Васильевичу Темному и крестившегося с именем Тимофея. Его потомки служили по Мещере, Костроме и Арзамасу. Данило Афанасьевич Мерлин был депутатом от Петербурга в Екатерининской комиссии. Его сын, Яков, генерал-майор, с отличием служил в Отечественную войну 1812 г. Род Мерлиных внесен во II, III и IV части родословных книг Казанской, Курской, Московской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерний.

Василий II Васильевич Темный, великий князь Московский и Владимирский, сын великого князя Василия I Дмитрие-

вича. Родился в 1415 г., княжил с 1425 г. Ему было 10 лет, когда умер его отец. Его кандидатура на великокняжеский стол могла считаться и юридически не прочной: завещание Дмитрия Донского, его деда, заключало в себе слова, обосновавшие притязание дяди В., Юрия Дмитриевича, на великое княжение. Решение спора между дядей и племянником зависело на деле от великого князя литовского Витовта, опекуна семьи Василия I. Опираясь на него, митрополит Фотий склонил Юрия к мирному договору (1425), по которому тот обязался не добиваться великого княжения силой; только ханское пожалование признано было авторитетным на случай, если бы Юрий возобновил свои притязания. Зависимое от Витовта, московское правительство не протестовало против состоявшегося в 1425 г. назначения особого западнорусского митрополита. Не составило Витовту труда получить отречение (в 1428 г.) московского великого князя от самостоятельной политики в Великом Новгороде и Пскове. Юрию пришлось формально (Собрание Государственных Грамот и Договоров, т. I, № 43–44) ограничить свои владения Галичем и Вяткой, отказаться от притязаний на великое княжение, обязаться не принимать на свою службу московских отъездчиков и т. п. В 1430 г. умер Витовт; на Литовском великом княжении сел Свидригайло, и свойством связанный с ним Юрий не замедлил отказаться от договора 1428 г. В начале 1431 г. Юрий и Василий II были уже в Орде; тяжба затянулась там более чем на год и кончилась в пользу Василия II. По летописному рассказу, Юрий стоял на почве завещания Донского; московский боярин Иван Дмитриевич Всеволожский противопоставил завещанию суверенную волю хана, отрицая юридическую ценность «мертвых» грамот. Василий II был посажен на стол ордынским послом – впервые в Москве. Юрию ханом был дан город Дмитров, вскоре (1432) отнятый у него Василием. Данное В. в критический момент Всеволожскому обещание жениться на его дочери было нарушено, и в 1433 г. состоялся брак Василия II с дочерью удельного князя Ярослава Владимировича. Вдобавок на свадьбе великого князя мать его, Софья Витовтовна, грубо обошлась с сыном Юрия, Василием Косым. Обиженный Всеволожский

перешел на сторону Юрия; Василий Косой с братьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным уехал к отцу. В апреле 1433 г. в 20 верстах от Москвы Василий II потерпел поражение и укрылся в Кострому, где был взят в плен. Из всех владений за ним осталась одна Коломна. Но несогласия среди победителей заставили Юрия уступить Василию II великое княжение (Собрание Государственных Грамот и Договоров, т. I, № 49–50). Сыновья Юрия не сложили оружия; скоро с ними примирился и Юрий. Василий II терпел поражение за поражением. В 1434 г. ему пришлось укрываться в Новгороде; Москва была занята Юрием. Внезапная смерть Юрия вторично расколола противников Василия II; младшие братья не пристали к старшему, Василию Косому, объявившему себя великим князем; с их помощью Василий II вернул себе великое княжение. В 1435 г. Косой был разбит на реке Которосле и связан договором. Положение Василия II не было, однако, прочно. Усобица, несколько лет кряду нарушавшая экономическую жизнь московского центра, поколебала верность московских торгово-промышленных кругов, искавших мира. В Твери Шемяка стал склоняться на сторону Косого (и был по подозрению в этом заточен). Сам Косой в 1436 г. нарушил договор и выступил против Василия II. В открытом бою он был разбит; в плену его ослепили, Шемяку освободили и пожаловали вотчиною. До сих пор шел чисто династический спор; второй приступ усобицы происходил с обеих сторон под флагом национального принципа. Это способствовали два фактора. Флорентийская уния 1439 г. создала грань между униатской (на первых порах) и католической Литвой – и не изменившей православия Восточной Русью; в то же время усилилась агрессивная политика восточнотатарских орд, и татарский элемент стал проникать в правящие верхи московского общества. На первых же порах по замиренню усобицы московское правительство позволило себе смелую политику в отношении к Великому Новгороду; оно перестало признавать заключенный с ним в трудную минуту договор 1435 г., послало туда княжеского наместника, а в 1441 г. военной экспедицией заставило новгородцев купить за 8 000 рублей невыгодный для них мир и формально отказаться от

условий 1435 г. В 1442 г. было «взвергнуто нелюбие» и на Шемяку, которому при новых условиях некуда было укрыться и не на кого опереться; состоялось, однако, примирение при содействии троицкого игумена. В то же время не был принят заключивший Флорентийскую унию митрополит Исидор. Хан Улу-Махмет, выброшенный из Орды к русской границе, засел в 1438 г. в городе Белеве; осажденный там московскими войсками, он готов был идти на какие угодно условия, отдаваясь на полную волю Василию II. Но московские воеводы хотели боевой победы – и потерпели поражение, вследствие измены присланного им на помощь литовского воеводы. Улу-Махмет беспрепятственно прошел к Нижнему Новгороду, и в 1439 г. сделал разрушительный набег на Москву; великий князь успел бежать, каменный «город» уцелел, но посады и окрестности (до Коломны включительно) сильно пострадали. Нижний Новгород, у которого основалась Орда Улу-Махмета, находился в осаде. У Мурома и Владимира приходилось держать усиленные гарнизоны; между ними кочевала резиденция великого князя. В 1445 г. удалось отбить движение Махмета; полагая, что безопасность временно обеспечена, Василий II вернулся встретить Пасху в Москву. Пользуясь слабостью гарнизонов, Махмет неожиданно напал на Василия II у города Юрьева и взял его в плен. Условия освобождения – тяжелый выкуп (200 000 рублей) и притязательная свита татарской знати – создали почву, благоприятную для поднявшегося вновь Шемяки: опираясь на недовольство в разных слоях общества, он привлек на свою сторону тверского и можайского князей. В феврале 1446 г. Василий II был захвачен в Троицком монастыре князем можайским: Москва занята Шемякой. Сюда привезли Василия II и ослепили. Сторонники его нашли почетный прием в Литве. При посредничестве рязанского епископа Ионы, которому Шемяка обещал митрополию, новому правительству удалось обманом вызвать в Москву детей Василия II; вместе с отцом их заточили в Углич. Эта расправа не упрочила положения Шемяки; сосредоточение недовольных на литовской территории угрожало крупными осложнениями. На церковно-боярском совете в конце 1446 г. Шемяка, под влиянием особенно

скомпрометированного митрополита Ионы, согласился освободить слепого Василия II (1447). Вологда была дана ему в отчину и стала базой тотчас же начавшегося движения в его пользу. Центр его был перенесен в Тверь, когда игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон разрешил Василия II от крестоцелования Шемяке, а тверской князь Борис отстал от Шемяки, и состоялось обручение его дочери с сыном В., Иваном (будущий великий князь Иван III); в Тверь потянулись и сторонники Василия II из Литвы. Московская кафедра, всегда сторонница сильной великокняжеской власти, не упустила момента реабилитировать себя и стать на сторону сильнейшего; отъезд Шемяки из Москвы отдал в ее руки колеблющееся столичное население, в своих руководящих торговых кругах исключительно мирно настроенное. Небольшому отряду сторонников Василия II, тайком проникшему в Москву, ничего не стоило перехватать близких Шемяке людей и привести к присяге московскую массу (присяга Шемяке могла быть отменена только высшей местной, то есть митрополичьей, церковной властью). Положение Шемяки с этого момента быстро ухудшалось, и в 1448 г. он вынужден был отказаться от московского престола формально. Его союзник князь Можайский, а также князь рязанский, боровский и верейский были связаны подчиняющими договорами. Тогда же состоялось официальное посвящение Ионы в митрополиты собором церковным; в послании, извещавшем об этом, Иона заклинает всех, кто еще не перешел на сторону Василия II, бить челом восстановленному великому князю, под угрозой церковного отлучения («Акты Ист.», I, № 40). В 1449 г., когда Шемяка вновь выступил против Василия II, поход московских войск носил характер почти крестового: с великим князем шли митрополит и епископы. В 1450 г. Шемяка был окончательно обессилен под Галичем и бежал в Великий Новгород. Оттуда в 1452 г. он сделал вылазку, кончившуюся неудачно. В 1453 г. он внезапно скончался. Версия об отравлении его московскими стараниями, по некоторым признакам, может считаться правдоподобной. Можайский князь бежал в Литву, и Можайск присоединен к Москве в 1454 г. Спустя два года то же случилось с

боровским князем. Дошла очередь и до Великого Новгорода; новгородские войска потерпели поражение, Новгород был приведен к покорности великому князю на небывало тяжелых условиях: 10 000 контрибуция, отмена вечевых грамот («вечным грамотам не бытии»), замена новгородской печати печатью великого князя («Акты Арх. Эксп.», I, № 58, договор в Яжелбицах). Это было начало конца новгородской самостоятельности. О степени раздражения новгородцев можно судить по тому, что в один из приездов Василия Васильевича в Новгород (1460) на вече обсуждался вопрос об убиении великого князя («Полное Собрание Русских Летописей», т. VI, Соф. 2-я). В 1458 – Вятка, в усобице 30-х годов стоявшая на стороне Юрия и его сыновей, вынуждена была «добить челом на всей воле великого князя». В 50-х же годах рязанский князь поручил свое княжество и сына московской опеке, выразившейся в посылке туда наместников. Результаты княжения Василия II можно характеризовать как ряд крупных успехов: увеличение территории московского великого княжения, независимость и новая формулировка задач русской церкви, обновленная идея московского самодержавия и внутренне упроченная власть великого князя. В 1450 г. Иван, старший сын Василия II, был сделан его соправителем; его имя встречается на государственных грамотах. Все это ростки, пышным цветом распутившиеся в княжение Ивана III.

Василий Васильевич умер 27 марта 1462 г. от сухотной болезни. Женатый на княжне Марии Ярославне с 1433 г., он имел детей: Юрия (умер до 1462 г.), Ивана, Юрия, Андрея Большого, Семена, Бориса, Андрея Меньшого и дочь Анну, бывшую замужем за князем Рязанским Василием Ивановичем.

Генерал-квартирмейстер Иосиф Владимирович Мерлин. Окончил Академию Генерального штаба (1902). Генерал-майор (1916). Прибыл в войска адмирала Колчака из бывшего штаба войск Юго-Западного края (вооруженные силы Юга России). 11.07.1919 – зачислен в резерв офицеров Генерального штаба при Управлении 1-го генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего. В октябре 1919 г. помощник командующего войсками Приамурского военного ок-

руга. Комендант города и крепости Владивосток (01.06.1921–15.06.1922). Ввиду упразднения должности 15.06.1922 назначен в распоряжение командующего войсками и флотом Приморского Временного правительства. После отступления войск Земской рати на территорию Китая 23.10.1922 назначен комендантом этих частей. Эмигрант, жил в Белграде, председатель полкового объединения лейб-гвардии 3-го стрелкового полка.

Историк Константин Александрович Залесский, обладатель самого обширного архива генералов Великой войны и Гражданской, сообщил эти сведения. Дело в том, что и С. В. Волков, и сайт Нгопос черпают свои знания из его картотеки. Кстати, явная ошибка, когда Атаману Семенову приписывают вторую часть фамилии Иосифа Владимировича, причем эту ошибку растиражировал Центрполиграф в своем выпуске «Флот в Белой борьбе».

Вооруженное восстание, вследствие бездеятельности чиновников, все же разгорелось, правда, вдали от Ковно 15 марта 1863 г. В городе собирали деньги на восстание по 2,5 рубля с души. Гимназии были временно закрыты. Многие, вследствие волнений среди населения Ковно, бежали в леса. Женщины выходили на улицы только в траурных платьях, а те русские дамы, которые покидали свои дома без траура, подвергались злым насмешкам и жестоким оскорблениям.

Об ужасах братоубийственной войны ковенские жители были хорошо наслышаны. 16 апреля в местечке Вижуны Вилкомирского уезда был повешен пятисотский Филипп Лебедев, единственный сын 60-летней вдовы. Жизнь крестьянина, убитого по заказу, оценивалась всего в 2 рубля.

Предводители восстания, орудовавшие в Паневежском уезде, – Сераковский, бывший капитан генерального штаба русских войск по прозвищу Доленги, Кольшко, Станишевский, Лобановский и ксендз Мацкевич были разбиты майором Мерлином и генералом И. С. Гонецким 26 и 27 апреля в стычках при Шнуркишках, Гудышках и Медейках. После усмирения мятежа некоторых из вожаков судили и казнили в Ковно. Ковенская губерния успокоилась только в ноябре 1863 г.

Далее город жил своей обычной жизнью до 1-й мировой войны. В это время русские эвакуировались из Литвы на Восток и в период с 1914 по 1918 г. в Ковно находились немецкие войска, устанавливая здесь свои законы. Кардинально всё изменилось, когда Литва отделилась от России. С этих пор Ковно стал называться Каунасом. В то время, когда Вильнюс отошёл к Польше, Каунас в 1929 году стал столицей Литвы до прихода Советской власти. Не успел город забыть 1-ю мировую войну, как началась 2-я мировая. Теперь немецкие солдаты были фашистами по мировоззрению. Они терроризировали местное население, а 9-й Форт превратили в концлагерь. Там сейчас находится мрачный музей.

В 1739 г. майор Якутского полка Василий Мерлин вышел в другую часть Охотского побережья и основал еще один укрепленный пункт. Его назвали Ямским острогом. Побывавший там весной 1743 г. участник Второй Камчатской экспедиции Яков Линденау писал: «Укрепление последнего из штакетов на четырех углах к югу с двумя башнями, к северу – ворота с бойницей. Эти укрепления в окружности составляют 70 сажень. В этом остроге имеется часовня, ясажная изба и четыре государственных дома, в которых живут служивые».

Семенов-Мерлин Иосиф Владимирович, 22.07.1870–06.1942.

1-й кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889). Офицер л-гв. 4-го стр. полка. Окончил Академию Генерального штаба (1902). Генерал-майор (1916). В 02.1916 командир бригады 126-й пех. дивизии. За отличие в 134-м пех. Феодосийском полку награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (ВП 03.02.1916). Командовал л-гв. 3-м стр. полком. В 25.04–10.10.1917 командовал 154-й пех. дивизией. С 10.10.1917 командовал 125-й пех. дивизией. Прибыл в войска адмирала Колчака из бывшего штаба войск Юго-Западного края (вооруженные силы Юга России). 11.07.1919 – зачислен в резерв офицеров Генерального штаба при Управлении 1-го генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего. В октябре 1919 помощник командующего войсками Приамурского военного округа. Комендант города и крепости Владивос-

ток (01.06.1921–15.06.1922). Ввиду упразднения должности 15.06.1922 – назначен в распоряжение командующего войсками и флотом Приамурского Временного правительства. После отступления войск Земской рати на территорию Китая 23.10.1922 назначен комендантом этих частей. В эмиграции в Югославии, жил в Белграде. К 1931 г. председатель полкового объединения лейб-гвардии 3-го стрелкового полка. Умер в Белграде.

Семёнов-Мерлин Иосиф Владимирович. Родился 22.07.1870 г. 1-й кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889). Офицер л-гв. 4-го стр. полка. Окончил Академию Генерального штаба (1902). Генерал-майор (1916). В 02.1916 командир бригады 126-й пех. дивизии. За отличие в 134-м пех. Феодосийском полку награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. (ВП 03.02.1916). Командовал л-гв. 3-м стр. полком. В 25.04–10.10.1917 командовал 154-й пехотной дивизией. С 10.10.1917 командовал 125-й пехотной дивизией. Прибыл в войска адмирала Колчака из бывшего штаба войск Юго-Западного края (вооруженные силы Юга России). 11.07.1919 зачислен в резерв офицеров Генерального штаба при Управлении 1-го генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего. В октябре 1919 помощник командующего войсками Приамурского военного округа. Комендант города и крепости Владивосток (01.06.1921–15.06.1922). Ввиду упразднения должности 15.06.1922 назначен в распоряжение командующего войсками и флотом Приамурского Временного правительства. После отступления войск Земской рати на территорию Китая 23.10.1922 назначен комендантом этих частей. В эмиграции в Югославии, жил в Белграде. К 1931 г. председатель полкового объединения лейб-гвардии 3-го стрелкового полка. Умер в Белграде в июне 1942 г.

Семенов (Семенов-Мерлин) Григорий Михайлович, р. в 1890 г. Есаул Забайкальского казачьего войска, комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 19 ноября 1917 г.

в боях с большевиками в Верхнеудинске, начальник сформированного им в Маньчжурии Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 октября 1918 г. командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 декабря 1918 г. командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 18 июня по 3 августа 1919 г. командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 29 августа 1919 г. помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, с 12 ноября 1919 г. командующий войсками Читинского (с 5 декабря Забайкальского) военного округа, с 24 декабря 1919 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа, с 11 февраля 1920 г. главнокомандующий войсками Российской восточной окраины. Одновременно с 19 ноября 1918 г. походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апреля 1919 г. походный атаман Забайкальского и с 23 апреля 1919 г. Дальневосточных казачьих войск, с 13 июня 1919 г. войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апреля 1920 г. – походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 28 апреля 1921 г. походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае. Арестован 22 августа 1945 г. в своем доме в пос. Какахаша, под Дайренем. Расстрелян 30 августа 1946 г. в Москве.

Дальневосточный военный округ (создан приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России № 76 от 18 декабря 1918 г., приказом № 163 от 20 июня 1919 г. переименован в Приамурский) включал территорию Амурской, Приморской, Забайкальской областей и северной части острова Сахалин.

После признания атаманом Семеновым верховной власти адмирала Колчака приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России от 18 июля 1919 г. он был назначен помощником командующего войсками Приамурского военного округа и главного начальника Приамурского края.

В связи с переводом военного округа на военное положение помощнику командующего войсками Приамурского военного округа и главного начальника Приамурского края были предоставлены права военного генерал-губернатора Забайкальской области и прилегающей к ней части Амурской области. На основе штаба 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса был сформирован штаб помощника командующего войсками Приамурского военного округа в Забайкальской области (приказы Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 164 от 20 июля 1919 г. и командующего войсками Приамурского военного округа и главного начальника Приамурского края № 1 от 30 июля 1919 г.).

Штаб состоял из оперативной (оперативное, разведывательное, общее отделения), инспекторской (инспекторское, общее, мобилизационное отделения) частей и судного отделения. При нем состояли отдельный егерский батальон и нестроевая рота. Начальнику штаба подчинялось комендантское управление во главе с комендантом, в ведении которого находились комендантская команда, телеграфная рота, радиотелеграфная станция и конвойный полуэскадрон (полусотня) (приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра № 938 от 27 августа 1919 г.). При помощнике командующего войсками округа были созданы также санитарный отдел и военно-ветеринарное управление с аптечным складом, управление начальника автомобильной части (приказы войскам Приамурского военного округа № 509 от 30 августа 1919 г. и помощника командующего войсками Приамурского военного округа № 158 от 11 ноября 1919 г.).

В состав войск Забайкальской области входили 1-я и 2-я Забайкальские казачьи дивизии, Особая Маньчжурская дивизия имени атамана Семенова. Забайкальская отдельная казачья бригада и ряд отдельных воинских частей.

С образованием в ноябре 1919 г. Читинского военного округа и назначением генерал-майора Семенова Г. М. командующим его войсками штаб помощника командующего войсками Приамурского военного округа был использован для формирования штаба созданного округа.

Помощники командующего войсками округа: генерал-лейтенант В. В. Нотбек (15 июня – 18 июля 1919), генерал-майор Г. М. Семенов-Мерлин (18 июля – 11 ноября 1919).

Начальник штаба Генерального штаба полковник Зубковский (3 августа – 11 ноября 1919).

Место дислокации штаба: г. Чита.

МЕТЕВСКИЕ (МИТЕВСКИЕ, ХМЕТЕВСКИЕ)

В конце XX века эта фамилия была отмечена только в селении Толбачик, хотя в свое время она была распространена на полуострове довольно широко – эту фамилию давали камчадалам при крещении в честь (так как он вряд ли сам участвовал в миссионерской деятельности) морского офицера Василия Хметевского (история появления этой фамилии: 1748 г. – Машура, 1754 г. – Брюмка, Белоголовая, Морошечная, так что вполне возможно, что Метевские появились в с. Толбачик как переселенцы с Западной Камчатки или из соседнего селения Машура).

В 1904–1905 гг. уроженец с. Толбачик Иван Метевский (в списках Митевский) принимал участие в обороне Камчатки от японцев, дальнейшая линия рода, которого мы прослеживаем на основе архивных документов (Метрические книги Мильковской церкви за 1909, 1911 гг.): Метевский Никита Викторович. Дата рождения 14 мая 1911 г. Родители – камчадал Толбачинского селения Виктор Иванович Метевский и законная жена его Александра Иннокентьевна; Метевская Римма Григорьевна, родилась 1 января 1909 г. Родители – камчадал Толбачинского селения Григорий Иванович Метевский и жена его Ирина Иосифовна.

Метевские позже жили в Камаках – Никита Викторович был женат на Фене Кузнецовой (дети: Владимир Кузнецов, Виктор, Анатолий, Надежда и Вера Метевские), затем после закрытия Камак они перехали в старый Усть-Камчатск.

Хметевский Василий Андреевич, оставивший на Камчатке свою фамилию, как мы говорили выше, морской офицер. Хметевские – дворянский род, записанный в VI часть родословной книги Владимирской губернии и восходящий к первой половине XVI века. Иван и Владимир Хметевские были «испомеще-

ны в 1550 г. в московских местах в числе тысячи лучших боярских детей». Внуки Владимира, Осип Евстигнеев (Солтанов) и Петр Лукьянов, «за осадное московское сиденье» пожалованы в 1620 г. поместьями. Герб Хметевского внесен в V часть Гербовника. Василий Андреевич Хмитевский (Хметевский) (XVIII в.), капитан 3-го ранга (из штурманов), участник Второй Камчатской экспедиции Беринга – Чирикова, исследователь Камчатки и Охотского моря. В 1733 г. поступил во флот подштурманом, в 1738 г. произведен в штурманы. В 1739 г. перешел из Охотска в Большерецк (на юго-западном берегу Камчатки) на боте под командой И. Елагина; оттуда переехал в Нижне-Камчатск и в 1740 г. описал устье р. Камчатки. В 1743–1744 гг. в чине мичмана «описывал берега от Охотска до Камчатки и кругом оной», в том числе у северного берега Охотского моря полуостров, названный его именем. В 1753 г. лейтенантом, командуя пакетботом «Иоанн», при переходе из Охотска к восточному берегу Камчатки потерпел крушение у одного из Курильских островов. В 1771–1777 гг. в чине капитана 3-го ранга был начальником Камчатки, управлял краем из Охотского порта.

Участник Великой Северной экспедиции мичман Василий Андреевич Хметевский в 1743–1744 гг. выполнил первое детальное описание части северного берега Охотского моря. Вместе с помощником Андреем Шагановым он начал съемку 28 июня 1743 г. из Охотска. Почти за два месяца «без проронку», т. е. пропусков, они прошли на боте, следуя всем крупным изгибам до устья р. Туманы, впадающей в Гижигинскую губу (у 156° в. д.). 25 августа из-за противных ветров пришлось приостановить работы и бросить якорь, а на следующий день разразился шторм, нанесший значительные повреждения судну. Только 2 сентября удалось продолжить съемку до устья р. Вилиги (у 157° в. д.). Нехватка провианта и сильные ветры вынудили В. Хметевского закончить опись. Бот двинулся на юго-восток, пересек залив Шелихова и после четырехдневного перехода коснулся побережья полуострова Камчатка близ 59° с. ш. Но никто из мореходов не мог сказать, где они находятся. В. Хметевский двинулся вдоль берега на юго-запад и лишь

12 сентября, пройдя более 400 км до устья р. Морошечной, наконец, определился. Судно стало на зимовку немного севернее – в устье р. Хайрюзова (у 57° с. ш.). Зимой В. Хметевский составил карту заснятой части северного побережья (более 1 500 км). Летом 1744 г. он и геодезист Михаил Васильевич Неводчиков, участник плавания М. Шпанберга в Японию, присланный вместо умершего А. Шаганова, провели съемку побережья Камчатки от пункта зимовки до Большерецка (600 км). Завершить исследование оставшихся неописанными Гижигинской и Пенжинской губерний В. Хметевскому удалось лишь через 18 лет: осенью 1753 г., командуя пакетботом, он потерпел крушение у одного из Курильских островов и до 1761 г. находился под следствием. В два «приема» с отдыхом на р. Тигиль (17 марта – 5 апреля и 10 июня – 20 июля 1761 г.), на бригантине он и его помощник Иван Андреевич Балакирев засняли около 2 тыс. км побережья, общая протяженность съемки достигла 4,1 тыс. км. Составленная В. Хметевским карта, конечно, отличавшаяся от современных нам карт, все же довольно верно передавала конфигурацию северной, наиболее изрезанной, части Охотского моря – Гижигинской и Пенжинской губ. На ней выявлены относительно правильные контуры Тауйской губы, полуостровов Кони и Пьягина, а также Ямской губы. В январе 1721 г. семнадцатилетним юношей поступил в школу Дмитрий Леонтьевич Овцын. За два года он изучил арифметику, геометрию и тригонометрию и в конце 1722 г. был отправлен для продолжения учебы в Морскую академию, где 11 февраля 1723 г. «вступил в навигацию плоскую». Не был он ни знатен, ни богат, ибо начал службу в 1726 г. штурманским учеником, как и все выходцы из «простых пород». Вот, собственно, и все, что нам известно о пребывании этого отважного исследователя Севера и мореплавателя в Московской школе. В одно время с Д. Л. Овцыным поступил в школу Василий Андреевич Хметевский, но почти сразу же заболел. Однако в конце 1723 г. вместе со всеми его отправили в Морскую академию, взяв обязательство, что в один год он повторит геометрию и изучит тригонометрию. Отец Василия, вышедший в отставку по старости, владел в Суздальском уезде

Владимирской губернии помещьем, состоявшим из четырех сел и деревни. Здесь, в Остафьево, и родился будущий исследователь Охотского моря и Камчатки. Расставшись в юности с отчим домом на реке Вязме, Василий так никогда больше и не побывал в родных краях. Метевский, будучи мичманом, описал во время Великой Сибирской экспедиции берег Охотского моря от Охотска к востоку, до р. Вилеги, и западный берег Камчатки от р. Хахтаны до Большерецка. Уже будучи капитаном, в 1761–1762 гг., через 20 лет, он вновь дал описание вместе со штурманом Балакиревым Гижигинской и Пенжинской губ (См.: М. Е. Жданко. «Сообщение в Обществе изучения Амурского края, сделанное 31 марта 1907 г.» – «Записки Общества изучения Амурского края». Владивосток, 1907, т. X, с. 52–53). Хметевский (или Хметовский) сыграл печальную роль в истории с академиком Стеллером. Оба они жаловались друг на друга начальству, посылая доносы, по современным воззрениям. Одно из таких донесений Хметевского о том, что Стеллер самовольно отпустил из Большерецкого острога камчадалов, считавшихся зачинщиками бунта против русских, вызвало указ Сената, приведший к аресту и высылке Стеллера. Как указано ниже, среди этой передраги Стеллер по дороге и умер. Стеллер упрекал в донесениях Сенату Хметевского в притеснениях туземцев вопреки указам Сената. Хметевский Василий Андреевич (1698 – после 1777), мореплаватель, капитан 2-го ранга, исследователь Камчатки и Охотского моря. Родился в Костромской губернии, окончил Навигацкую школу. На флот поступил подштурманом в 1733 г., в следующем году был определен во Вторую Камчатскую экспедицию. На боте «Святой Гавриил» под командованием И. Елагина в 1739 г. перешел из Охотска в Большерецк (юго-западное побережье Камчатки). С целью выбора места под строительство гавани исследовал устье Камчатки, а также Авачинскую губу. Участвовал в основании Петропавловска. Под руководством М. Шпанберга в 1742 г. плывал к Японским островам, исследовал остров Хоккайдо. На дубель-шлюпке в 1743–1744 гг. выполнил первую съемку северного берега Охотского моря – более 1 500 километров – от Охотска до устья Вилеги (Гижигинская губа), а затем

описал часть (600 километров, до Большерецка) западного взморья полуострова Камчатка. В 1753 г. пакетбот под командой Хметевского потерпел крушение у Курильских островов, и до 1761 г. мореплаватель был отстранен от самостоятельных работ, находясь под следствием. Завершить картирование Гижигинской и Пенжинской губ ему удалось лишь через 18 лет – в 1761 и 1762 гг. Общая длина отснятой им приморской полосы – 3 500 километров. В 1771–1773 гг. Хметевский управлял (из Охотска) Камчатским краем. Со службы уволен в 1777 гг.; дальнейшая судьба его неизвестна.

Летом 1744 г. он и геодезист Михаил Васильевич Неводчиков, участник плавания М. Шпанберга в Японию, присланный вместо умершего А. Шаганова, провели съемку побережья Камчатки от пункта зимовки до Большерецка (600 км). Завершить исследование оставшихся неописанными Гижигинской и Пенжинской губ В. Хметевскому удалось лишь через 18 лет: осенью 1753 г., командуя пакетботом, он потерпел крушение у одного из Курильских островов и до 1761 г. находился под следствием. В два «приема» с отдыхом на р. Тигиль (17 марта – 5 апреля и 10 июня – 20 июля 1761 г.), на бригантине он и его помощник Иван Андреевич Балакирев засняли около 2 тыс. км побережья, общая протяженность съемки достигла 4,1 тыс. км. Составленная В. Хметевским карта, конечно, отличавшаяся от современных нам карт, все же довольно верно передавала конфигурацию северной, наиболее изрезанной, части Охотского моря – Гижигинской и Пенжинской губ. На ней выявлены относительно правильные контуры Тауйской губы, полуостровов Кони и Пьягина, а также Ямской губы. Хметевский был повинен в смерти Г. Стеллера: «Замечательно, говорит один из его биографов, что из предписания С. большерецкой приказной избе 27 июля 1743 года видно, что по его распоряжению, с 1742 г. был определен “обретающийся здесь при казачьей службе Иван Попов” при Большерецке обучать казачьих и иноземческих новокрещенных детей русской грамоте». 3 августа 1744 г. Стеллер отправился с Камчатки в Охотск, а оттуда – в Якутск, куда и прибыл 21 октября. Между тем в 1744 г. в сенат поступил на

Стеллера донос от находившегося в неприязненных отношениях с ним мичмана Хметевского. Во время пребывания в Камчатке Стеллер писал сенату, что Хметевский не исполняет правительственных распоряжений и притесняет туземцев, и вот в отместку за это Хметевский послал донос в сенат, что Стеллер самовольно, никого не спросив, отпустил камчадалов, главных зачинщиков бунта против русских. Сенат приказал иркутской провинциальной канцелярии строго допросить Стеллера. Прибыв в Иркутск, Стеллер поэтому был призван в канцелярию, но после его объяснений иркутская провинциальная канцелярия нашла, что «винности Стеллеровой не признается», о чем 30 января 1746 г. и послала донесение сенату. Стеллер же отправился в дальнейший путь. 15 января 1746 г. он был уже в Красноярске, в марте – в Тобольске и Тюмени, а в апреле того же года – в Соликамске, где был вынужден оставить в саду Демидова часть редких растений, так как при дальнейшей их перевозке они неминуемо погибли бы. Все лето 1746 г. он провел за исследованием Пермского края «в трояком царстве природы». «Сей труд, – пишет он в своем донесении академии, – есть наиболее полезный для меня. Мои за десять лет пред сим на догадках основанные положения, касающиеся до растительности и до разных мест плант, теперь сделались более верными и неопровержимыми, ибо около половины сибирских и камчатских плант на таких же местах в Пермии паки нашлись». В августе того же года Стеллер вернулся в Соликамск, здесь его настиг 10 августа сенатский курьер, прибывший по распоряжению Сената, с тем, чтобы отвезти его обратно в Иркутск для производства над ним следствия. Оказалось, что Сенат получил известие из сибирского приказа, что Стеллер 25 марта 1746 г. проехал через Верхотурье по дороге в Петербург, тогда как донесение иркутской провинциальной канцелярии, от 30 января 1746 г., о невинности Стеллера дойти до Сената еще не успело. Получено оно было только в августе 1746 г., после чего Сенат 20 августа отправил нового курьера с приказанием освободить Стеллера из-под караула. В Таре догнал его другой курьер, и Стеллер снова отправился по дороге к Петербургу, куда доехать ему,

однако, не суждено было: достигши Тюмени, он там внезапно скончался, 12 ноября 1746 г. О причине его смерти существуют различные мнения. Паллас в своих «Zuverlässige Nachrichten...» говорит, что «Стеллер при своих почти нечеловеческих трудах, в особенности на Беринговом острове, привык пить и предавался этому уже слишком». Еще в Тобольске у него обнаружили признаки горячки, но, несмотря на все советы, он продолжал свое путешествие. Бюшинг же рассказывает, что, доехав до Тюмени, «Стеллер лег как-то в сани нетрезвый и заснул, а ямщик и провожатый, по случаю необычайно сильной стужи, отправились на постоялый двор. Когда они вернулись к саням, то нашли Стеллера уже окоченевшим от холода»

(http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=121176). Большое внимание Соймонов уделял исследовательским работам. По его распоряжению лейтенант Хметевский в 1761–1762 гг. совместно со штурманом И. А. Балакиревым произвел на бригантине «Елизавета» детальную съемку Пенжинской и Гижигинской губ и благополучно возвратился в Охотск.

МЕШКОВЫ

В долине реки Камчатки новокрещенные камчадалы с такой фамилией уже встречаются в 1731 г.: Мешков Федор, толмач, участник подавления Харчинского бунта («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр.64).

Позже мы встречаем камчадалов Мешковых в Щекинском острожке:

Мешков Петр Семенович. Камчадал Щековского селения, 1812 г., 20 лет. Жена Евдокия Григорьевна (18). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Но из жителей этого поселения практически никто не остался в живых, и фамилия не сохранилась: в исповедальных росписях Нижнекамчатской Успенской церкви за 1812 г. в Щековском острожке значатся «камчадалы и домашние их» – 15 душ обоего пола, в том числе всего шесть мужчин. Вновь кре-

щенные ительмены носили фамилии Мешковых, Готовых, Кре-
ницыных, Поповых. Но уже в середине XIX в. К. Дитмар,
дважды проезжавший здесь, записал: «На северном берегу на-
ходятся остатки Щековского острога, теперь совершенно ос-
тавленного, но в пору процветания Нижнекамчатска он пред-
ставлял богатое и очень людное место»

(<http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/historykam/istkam2-3.htm>)

Судя по набору фамилий, крестными родителями щекинцев
были мореплаватели и мореходы. В таком случае мы вспоми-
наем знаменитого камчатского морехода Кондрата Федорови-
ча Мошкова. И обратимся к материалам, опубликованным на
форуме сайта «Камчадалы.ру»:

Мошков Кондратий Федорович (вторая половина XVII –
первая половина XVIII), мореход, исследователь северной ча-
сти Тихого океана.

Из коренных архангельских поморов, прославился как опыт-
ный кормчий, специалист по вождению судов. По распоряже-
нию Петра I с группой мореходов в 1714 г. был переведен в
Охотский острог. Под командой К. Соколова в 1716 г. открыл
морской путь на Камчатку и осмотрел несколько участков за-
падной береговой полосы полуострова. В составе правитель-
ственной экспедиции 1718–1719 гг. плывал в западной части
Охотского моря, доходил до Шантарских островов.

*В 1720–1721 гг. участвовал в качестве кормчего в экспеди-
ции И. Евреинова – Ф. Лужина к Курильским островам. Без-
успешно пытался получить разрешение на повторный поход
к Курилам, считая первый неудачным. Под началом В. Бер-
ринга в 1728–1729 гг. ходил матросом по Берингову и Чукот-
скому морям в составе Первой Камчатской экспедиции. Два
года (1730–1731) плывал в Охотском море; в конце лета 1732 г.
достиг на боте (командир М. Гвоздев) побережья Северной
Америки в район мыса Принца Уэльского и вернулся в Охотск.*

Дальнейшая судьба К. Мошкова неизвестна (<http://www.kamchatsky-krai.ru/lichnosti/biografii/moshkov.htm>).

Кондратий Мошков (Машков), р. в XVII в., архангельский помор, мореход, исследователь Охотского и Берингова морей. В 1713 г., по распоряжению Петра I, послан из Архангельска вместе с другими мореходами в Охотский острог. В 1718–1719 гг., участвуя в правительственной экспедиции (так называемый Большой Камчатский наряд), плавал в Охотском море, в том числе на Шантарские острова. В 1720–1721 гг. участвовал в качестве кормщика в секретной экспедиции Евреинова – Лужина к Курильским островам. Вернувшись в Охотск в 1721 г., безрезультатно ходатайствовал о разрешении ему вторично плавания к Курильским островам, так как первое плавание считал неудачным. В 1728–1729 гг. участвовал в Первой Камчатской экспедиции и плавал вместе с В. И. Берингом и А. И. Чириковым на боте «Св. Гавриил». На том же боте в 1730–1731 гг. плавал в Охотском море, а в 1732 г. вместе с И. Федоровым и М. С. Гвоздевым достиг северо-западного мыса Америки.

(http://shiphistory.ru/index.php?option=com_alphacontent&section=12&cat=22&task)

Открытие морского пути из Охотска на Камчатку

Одновременно с тем, что казаки и промышленники прочно обосновывались на берегах Охотского моря и распространяли свое влияние на юг до реки Уды и на восток до Тауйской губы, землепроходцы самого крайнего северо-востока Азии морем и сушей прокладывали пути на Чукотку, на реку Анадырь и оттуда на Камчатку. Из Анадырского острога, основанного Семеном Дежневым, они неуклонно и настойчиво шли на юг и сравнительно скоро достигли Камчатки. В настоящее время известно, что самые ранние походы русских на Камчатку относятся к 1686–1688 гг. Это походы Ивана Голыгина, Василия Кузнецова, Луки Морозко и других (1).

Исторический поход Владимира Васильевича Атласова позволил считать Камчатку окончательно присоединенной к владениям России. В этом великая заслуга Атласова и его товарищей. Во время похода Атласов основал Верхне-Камчатское зимовье. В 1700 г. приказчиком Кобелевым, посланным из Якутска на Камчатку, был основан Большерецкий острог.

Походы русских людей из Якутска на Камчатку стали со времени Атласова обычным делом. Но все они проходили сухим путем, вдоль берега Охотского моря, в обход Пенжинского залива, требовали много времени (примерно полгода от Якутска до Анадырского острога) и, кроме того, были чрезвычайно трудны как для самих путешественников, так и для местных жителей, которым приходилось обеспечивать приезжающих всем необходимым. С 1703 по 1716 г. на пути из Анадырска на Камчатку погибло около 200 человек. Поэтому возник вопрос об отыскании морского пути на Камчатку. Выгоды такого пути были очевидны.

В 1710 г. сибирский губернатор В. И. Гагарин в инструкции от 17 марта предписывал якутскому воеводе Д. А. Траурнихту: «С Ламы проведывать чрез море путь на Камчатку» (2). Во исполнение этого приказа Траурнихт в наказе от 9 сентября 1710 г. якутскому казачьему десятнику Василию Севастьянову, посылаемому на Камчатку, предписал наряду с другими заданиями «проведывать пути к Тауйскому и Ламскому острогам через Ламское море русскими людьми и ясачными иноземцы, как мочно» (3), то есть морской путь из Камчатки на северо-западное побережье Охотского моря, минуя Пенжинский залив.

Вслед за этим Траурнихт в 1711 г. послал охотского приказчика Петра Гуторова, который, добравшись до Тауйского острога, сделал попытку достичь оттуда Камчатки морем. Подготовка к этому походу была тщательная, но из-за отсутствия опыта в мореходном деле у самого Гуторова, отсутствия мореходов, мореходных инструментов, в частности компаса, поход этот не дал желаемых результатов. Гуторову на ботах-однодеревках – судах, совершенно не приспособленных к дальним морским плаваниям и малонадежных, с большим трудом удалось добраться до устья реки Иглиган (ныне река Сиглан); здесь он закончил свое плавание, хотя из его донесения, написанного на березовой коре, видно, что он собирался проникнуть в Пенжинскую губу (4).

Но на этом не были прекращены попытки отыскать морской путь на Камчатку. Вопрос этот становился жизненно необхо-

димым и требовал скорейшего разрешения. Дело дошло до правительства, и в 1713 г. последовал указ Петра I об отыскании морского пути на Камчатку. Исполняя этот приказ, сибирский губернатор Гагарин предписал якутскому воеводе Ельчину «послать из Якутска в Камчатку сына боярского с 12 казаками через Ламу. С Ламы ему идти с людьми в Камчатку морем». Дополнительно от себя Гагарин приписал посылать не охотников, а по очереди, «ибо дело нужное, и по возвращении пожалованы будут чинами и богатством».

Выбор руководителя похода был весьма неудачен. Сын боярский Иван Сорокоумов, нерадиво отнесшийся перед этим (1709–1710 гг.) к выполнению приказа об осмотре Шантарских островов, и сейчас совершил свой поход в Охотск без всякой пользы. Подойдя к острогу, он без видимой причины взял его боем, а вслед за тем, вместо принятия мер к выполнению приказа, предался пьянству и грабежам.

Получив сведения о бездеятельности Сорокоумова. Гагарин принялся за организацию новой экспедиции по отысканию морского пути на Камчатку. Благодаря помощи правительства экспедиции придавался широкий размах. Петр I приказал послать из Петербурга в Охотск опытных мореходов – выходцев из Архангельска. Это было необходимо, так как все прежние попытки достичь Камчатки морем, помимо всего прочего, были обречены на неудачу из-за отсутствия опытных мореходов и кораблестроителей. В Сибирь, по распоряжению губернатора, были посланы мореходы Кондратий Мошков, Никифор Треска Иван Бутин, Яков Невейцын, плотники-кораблестроители Кирилл Плоских, Варфоломей Федоров, Иван Каргопол и голландский матрос Андрей Буш (5). Начальником новой экспедиции был поставлен якутский казак Козьма Соколов, к которому и обращена наказная память. По организации подготовки видно было, что она рассчитана не только на одну экспедицию, а на то, чтобы наладить регулярную связь морем Охотского острога с Камчаткой.

В Охотск были отправлены нужные материалы для строительства судна: три железных якоря, 600 аршин парусного холста, различные тросы, боевые запасы (порох и свинец), плот-

нищие инструменты и материалы. В наказной памяти Козьме Соколову предписывалось, не теряя времени, «у Ламского моря... построить теми присланными плотники морские суда... с теми мореходцы и с плотники и с служилыми людьми итти через Ламское море на Камчатский Нос без всякого одержания». Участникам экспедиции обещались после выполнения наказа всевозможные награды; но, «а буде вы в том пути учнете нерадение и мешкоту чинить для каких своих прихотей, или, не хотя великому государю служить, в тот путь вскоре не пойдете, или, не быв на Камчатке и не взяв на Камчатке от государевых людей ведения, возвратитесь, и за то вам, по указу великого государя, быть в смертной казни без всякого милосердия и пощады».

Мореходы прибыли в Якутск 23 мая 1714 г., а 3 июля уже вся экспедиция во главе с Соколовым отправилась из Якутска в Охотский острог. По прибытии туда Соколов прежде всего отправил в Якутск продолжавшего бездействовать Ивана Сорокоумова (6) вместе с его командой, а сам энергично принялся за организацию похода. Было приступлено к закладке судна типа северных мореходных лодий. Для этого выбрали место в 75 верстах вверх по течению реки Кухтуй. Там образовалось плотбище, получившее название Соколовского. Постройкой судна руководил Кирилл Плоских с помощниками Иваном Каргополем и Варфоломеем Федоровым.

Весь 1715 г. прошел в усиленных сборах к экспедиции и в постройке лодьи. На следующий год работу закончили, и в мае 1716 г. лодью спустили на воду. Она была сделана «наподобие русских лодий, на которых прежде сего из Архангельского города ходили в Мезень, в Пустозерский острог и на Новую Землю» (7). Судно было прочным, хорошо держалось на волне и слушалось руля. Длина его составляла 8 1/2 сажень, ширина – 3 сажени. Осадка в полном грузу 3 1/2 фута. Получилось настоящее морское судно с учетом современных требований. Оно было во многих отношениях лучше, мореходнее, чем строившиеся здесь до того кочи и боты-однодеревки. Это было первое морское судно, созданное русскими мастерами на берегах Тихого океана. Охотский острог стал родиной отечественного судостроения на Дальнем Востоке.

Лодья получила название «Восток», что вполне соответствовало ее назначению (8). К июню 1716 г. экспедиция была готова к отправлению в далекий поход. Мореходом экспедиции, или, говоря современным языком, штурманом, был поставлен Никифор Моисеев Треска. В состав команды входили мореходы Яков Власов Невейцын и Андрей Буш, плотник Варфоломей Федоров и 21 человек служилых во главе с Михаилом Кривоносовым.

В июне 1716 г. «Восток» вышел из первого русского тихоокеанского порта Охотска в первый поход по Охотскому морю на Камчатку.

Несмотря на компас, имевшийся на лодье, мореплаватели плыли в видимости берега, который все время смотрел на них своими угрюмыми высокими скалами, редко перемежающимися небольшими песчаными пляжами и речными долинами. Одно неосторожное движение в управлении судном – и можно было оказаться в опасном соседстве с каменистым берегом. Особую осторожность надо было соблюдать и потому, что никаких мореходных карт Охотского моря не было. Приходилось больше доверяться собственному «морскому чутью» и рассказам служилых, уже бывавших в этих местах. В таких условиях самой ответственной была роль мореходов во главе с Никифором Треской.

Мореплаватели благополучно прошли до Тауйской губы, правя все время на северо-восток. Так добрались до реки Олы. Выйдя оттуда за полуостров, называемый теперь Кони, решили по-прежнему править на северо-восток, но тут судно попало в полосу свежего ветра, дувшего по направлению к Камчатке, и, подхваченное им, вскоре оказалось неподалеку от устья реки Тигиль, на виду мыса Утколокского (или, может быть, Омгона). Берег оказался крутым и каменистым, жителей не было видно, и потому подходить к берегу не решились.

Но не так скоро удалось попасть на землю. Охотское море оправдало свою славу бурного, изменчивого моря. Ветер переменялся, задул с большей силой и отнес путешественников снова к противоположному – охотскому – берегу, почти туда, откуда они пришли. Чтобы не выбросило на берег, пришлось отдавать якорь и отстаиваться в ожидании прекращения шторма.

Когда погода наконец улучшилась, судно снялось с якоря,

добралось до устья реки Тигиль и встало там на якорь. Несколько казаков пошли к видневшимся вдалеке юртам. Но, очевидно напуганные видом приближающегося к берегу судна, жители разбежались. В юртах никого не было, и казаки возвратились. Судно снова снялось с якоря и через день подошло к устью реки Хариузовки. Здесь подойти к берегу не удалось, и, проведя всю ночь в море, судно на следующий день прибыло к реке Ича. И тут также не оказалось ни одной живой души. Даже юрт здесь не увидели.

Тронулись в дальнейший путь вдоль берега. У реки Крутогоровой казаки встретили «камчадалскую девку, которая на поле собирала коренья на пищу». С ее помощью разыскали камчадалские юрты, в которых оказались и казаки, собиравшие ясак. Некоторые из них служили проводниками при вводе судна в устье реки Компаковой. О возвращении обратно в Охотск в этом году не могло быть и речи. Решили остаться на зимовку. За это время можно было основательно подготовиться к переходу в обратный путь, учтя опыт прошедшего похода. Но уже теперь можно было сказать, что первое мореходное судно выдержало испытание.

Во время пребывания на Камчатке Соколову вместе с его казаками пришлось помочь местным казакам сменить управителя Камчатки Александра Петриловского, занимавшегося вымогательством и грабежом не только местных жителей, но и своих казаков. Управитель не гнушался ничем. В ход шли кандалы, кнуты, батоги, а иногда и пытки. При аресте у Петриловского было отобрано огромное количество ценной пушнины, из которой 5 669 шкурок одних только соболей.

Возвратившись из Нижне-Камчатска, куда он ездил зимой, Соколов начал готовить судно к выходу в моря. Все наказания, данные в «Памяти», были выполнены, можно было отправляться обратно.

После тщательных приготовлений в мае 1717 г. Соколов вывел судно из устья реки Компаковой, и мореход Треска взял курс к Тауйской губе. Но на море еще была много льда, и на четвёртый день плавания судно оказалось окруженным им со всех сторон. Наступили тяжелые дни, недели ледяного плена.

Можно было предусмотреть что угодно, но не это. Стало совсем тепло, а льды не таяли и таскали с собой затертое судно. Кончились все съестные припасы. Питались только нерпой.

Пять с половиной недель продолжалось вынужденное скитание со льдом по морю. Наконец льды расступились и судно смогло продолжать путь к Тауйской губе. Когда подошли к берегу между рекой Олой и Тауйским острогом, пришлось встать на якорь для кратковременного отдыха, настолько команда была измучена борьбой со льдами. После нескольких дней стоянки двинулись в путь вдоль берега. 8 июля судно прибыло в Охотск. Морской путь на Камчатку был открыт. Значение этого открытия трудно преувеличить. После похода экспедиции Соколова и Трески началось регулярное сообщение Охотска с раз личными местами Камчатки, чаще всего с Большерецком.

Если раньше для местных нужд, на побережье Охотского моря строились кочи и шитики и строились так хорошо, что Филиппову, Стадухину и многим другим удалось совершить на них морские походы вдоль всего северного и западного побережий Охотского моря, то теперь Охотск фактически становился не острогом, а подлинным портом России на Тихом океане. Отсюда отправлялись суда, сюда они приходили из плаваний по морю, на охотских верфях они и строились. Тихоокеанский морской флот начинал получать права гражданства.

Мореход Никифор Моисеев Треска, еще долгие годы проплававший в Охотском море, несомненно, играл огромную роль во время самого похода как моряк, отлично знающий свое дело. Через много лет В. Беринг писал своему помощнику по Камчатской экспедиции М. Шпанбергу, набиравшему людей для похода в Японию: «...обрстающейя де ныне при экспедиции мореход Никифор Треска бывал немалое время здесь мореплаванием до Камчатки и даже до осмаго на десять японского острова, и между островов глубокия места, тако ж берега и земли, губы и гавани, лежащий при море около Камчатки, может де быть не безъизвестен, а в случившуюся до на море великую погоду рулем править умеет и в таковых местах потребен он быть у вас необходимо вожем» (9).

Треска принадлежит к тем людям, которые должны по праву стоять в одном ряду с Москвитиным, Поярковым, Стадухиным, Хабаровым, Дежневым. На протяжении свыше двух десятков лет он каждую навигацию уходил в море, участвовал во многих, если не сказать во всех, экспедициях того времени, выходящих из Охотска. В Охотске у него был собственный дом на южной части Охотской кошки, выходящей к морю, здесь он и жил все время, пока бывал на берегу. Надо полагать, что была и семья.

Из именного списка морских чинов, находившихся па ноябрь 1739 г. в составе экспедиции Шпанберга, видно, что мореход Никифор Треска был в ней. По возвращении в 1739 г. из плавания к берегам Японии он оставался при Охотском портовом правлении. Так, про него, про попа Анисима Аврамова и кузнеца Максима Коновалова сказано, что они «оставлены при Охоцку того для что они охоцкие жители» (10). К сожалению, проследить его жизнь после участия в экспедиции Беринга пока не представилось возможным.

Треска управлял судном совместно с Я. Невейцыным и А. Бушем. Оба они, так же, как и Треска, участвовали во многих плаваниях по Охотскому морю. Невейцын был участником Большого Камчатского наряда, а Буш плавал с Евреиновым и Лужиным. 7 августа 1735 г. Буш просил уволить его за старостью. Отставка ему была дана, и известно, что в 1736 г. его видели в Якутске, ходившим по миру (11). Так часто кончалась жизнь людей, которые своими подвигами вписывали новые страницы в летопись славных дел России.

Но все это, конечно, не значит, что Треске и его помощникам следует отдавать всю честь первооткрывателей морского пути на Камчатку. Казак Соколов также разбирался в морском деле. После него осталась карта похода, к сожалению, до сих пор не найденная. Но главная заслуга Соколова – в организации самого похода и доведении его до конца, что было делом нелегким. По окончании экспедиции Козьма Соколов сдал судно охотскому приказчику, а сам отправился в Якутск, где вскоре, в сентябре 1717 г., умер.

Эту экспедицию, имевшую большое значение в развитии мореходства на Тихом океане и в географических знаниях, следует

называть экспедицией Соколова – Трески, по именам главных организаторов и руководителей и замечательных мореходов, впервые проплывших в Камчатку и показавших путь другим.

Великий русский поэт А. С. Пушкин писал об экспедиции Соколова – Трески: «Открытие пути через Пенжинское море имело важное следствие для Камчатки. Суда с казаками приходили ежегодно: экспедиции следовали одна за другою» (12). Еще большее значение эта экспедиция имела для Охотска.

(1) «Летопись Севера», т. 2, М., 1957, стр. 99–100. Статья М. И. Белова «Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку».

(2) «Памятники Сибирской истории», т. II, док. 121, стр. 522.

(3) Там же, т. I, док. 99.

(4) Летопись занятий в Археологической комиссии, в. I, 1862 стр. 12–14.

(5) Матрос Андрей (Генрик) Буш – голландец. Служил несколько лет в разных государствах матросом. Был в Швеции рейтаром и попал в плен под Выборгом в 1706 г. В Сибири остался добровольно по договору. (Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие, апрельский номер, Спб., 1758, стр. 317.)

(6) Сорокоумов по прибытии в Якутск был заключен в острог, где умер в 1718 г. Команда его послана в Анадырский острог.

(7) Г.-Ф. Миллер. «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морям, с Российской стороны учиненных». Спб, 1758, стр. 318.

(8) Н. Н. Зубов в книге «Отечественные мореплаватели-исследователи морей и океанов», Географиздат, 1954, стр. 54, приводит название «Охота». Мы сообщаем название из записок капитана Тимофея Шмалева, ЦГАДА, портф. Миллера, 539, ч. I, д. 12, л. 1.

(9) Экспедиция Беринга. Сб. документов под ред. Покровского, 1941, стр. 217. Письмо Беринга Шпанбергу от 15 апреля 1738 г.

(10) ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 43, лл. 179, 185.

(11) ЦГА ВМФ, ф. 216, д. 14. лл. 232, 236.

(12) А. С. Пушкин. Соч., т. V, 1938, стр. 444.

МИНЮХИНЫ (МИНИХИНЫ)

Камчатские казаки.

Камчатская экипажная рота, 1847 г.: Минюхин – «из камчатских солдатских детей» (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 299).

Но с этим можно поспорить, так как солдаты Минюхины были, в свою очередь, казачьими детьми и после расформирования батальона вернулись (конечно, не все, кто-то остался и на действительной службе) к прежней службе своих отцов-казаков. А казаки Минюхины ведут свой род от служилого человека Семена Минюхин, который по итогам расследования был признан одним из виновных в Харчинском бунте камчадалов и бит кнутами в Нижнекамчатске. А в 1746 г. его крестник, тоже Семен Минюхин, – коряк Керуга проходил по следственному делу как участник нового бунта, и, вполне возможно, принимал участие в убийстве своего крестного отца казака Семена («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр.100).

В 1812 г. в Нижнекамчатске, судя по всему, служат в разных командах два родных брата:

Минюхин Яков Степанович, казак Нижнекамчатской казачьей команды, 27 лет.

Минюхин Степан Степанович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 33 года. (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церковей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Почему мы так думаем? Ведь возможно и простое совпадение фамилий.

Возможно. Но в Камчатском гарнизонном батальоне в этом же 1812 г. был воспитанником военно-сиротского дома десятилетний Афанасий Иванович Минюхин. А через сорок лет этот Минюхин Афанасий Иванович – отставной казак в с. Усть-Приморском. (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.) Как это понимать? Очень просто – из казаков пришел в солдаты (воспитанники) и в казаки же воротился. Поэтому вполне могли быть родными братьями казак Яков Степанович и солдат Степан Степанович Минюхины.

В 1882 г. казак Матвей Миниохин (точнее – Минюхин Мат-

вей Яковлевич, казак, принимавший участие в обороне Петропавловского порта в 1854 г., «из казачьих детей» – вероятно, сын Якова Степановича (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 2, д. 128) внесен в «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 г. при нападении англо-французской эскадры» (Горчаков А. А., «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105). В 1893 г. в возрасте 65 лет Матвей Яковлевич, отставной казак, жил в Халактырке. Там же проживал, тоже будучи в отставке, его родной брат, казак Фирс Яковлевич Минюхин, 59 лет.

А вот и следы третьего, наверное, правильное говорить первого, то есть старшего брата: в 1852 г. Минюхин Александр Яковлевич – казачий урядник в с. Усть-Приморском. (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

В 1893 г. Минюхин Александр (1852 г. р., скорее всего, сын Александра Яковлевича) – тоже урядник казаков Усть-Приморского поселения (Усть-Камчатск).

То есть казаки Минюхины были и оставались камчатскими казаками на протяжении всей истории Камчатки 18–19-го столетий.

МИРАМЫГИНЫ

В 1754 г. эта фамилия появляется в селении Воровском при крещении местных жителей. Но она не сохранилась. Крестным же был казак Мирамыгин, фамилия которого сохранилась в связи с событиями Харчинского бунта 1731 г.

МИРОНОВЫ

Фамилия камчатских казаков. Самым известным из них был камчатский приказчик Осип Миронов-Липин, который был убит казаками во время бунта 1711 г. вместе с приказчиками Владимиром Атласовым и Петром Чириковым.

Подробности об этом убийстве мы можем прочитать в полном собрании сочинений Александра Сергеевича Пушкина:

§ 33. Якутская канцелярия (?) между тем, получая еще с

дороги посланные челобитные, отправила обо всем донесение в Москву; а на место Атласова послала в Камчатку приказчиком сына боярского Петра Чирикова с пятьюдесятью человеками рядовых при пятидесятнике и с четырьмя десятниками. Снаряду дано ему две пушки медные, сто ядер, пять пуд свинцу, восемь пуд пороху. Между тем в январе 1709-го г. в канцелярии получено известие о самовольном отрешении Атласова от начальства. Из Якутска, вслед за Чириковым, отправлена указная память, чтоб он по делу сему учинил следствие и прислал оное на рассмотрение в Якутск с выборным Семеном Ломаевым; также и сборную казну за 1707, 1708 и 1709 год.

§ 34. Оная указная память в Анадырске Чирикова уже не застала и за малолюдством к нему оттуда не отправлена.

§ 35. Дорога была небезопасна. По Олюторскому и Пенжинскому морю пути были заняты. 20-го июля 1709 г. олюторы дерзнули днем напасть на Чирикова; убили десять человек служивых и бывшего при казне сына боярского Ивана Панютина, казну и военные запасы разграбили, а остальных держали три дня в осаде на пустом месте. Наконец, 24-го июля, Чириков пробился и рассеял дикарей, потеряв двух человек.

§ 36. Чириков, прибыв на Камчатку, принял начальство; он отрядил на Большую реку пятидесятника Ивана Харитонову с сорока казаками для усмирения дикарей. Но оные собрались в великом множестве, напали на казаков, восемь человек убили, почти всех остальных переранили, четыре недели держали их в осаде, от которой спаслись они бегством.

§ 37. Чириков сам с 50 казаками ходил по Бобровому морю, к Японской Бусе (?). Японцы полонены были мирными камчадалами, жившими близ той Бусы. Дикари, увидев казаков, разбежались по лесу, оставя японцев, которые им и выручены. В том походе усмирил он дикарей от Жупановой реки до Островной и наложил снова на них ясак.

§ 38. В августе (?) прибыл на смену Чирикова пятидесятник Осип Миронов, отправленный по выбору из Якутска в 40 человеках. Таким образом, собрались на Камчатке три приказчика: Атласов, законно не отрешенный, Чириков и Миронов (он же и Липин).

§ 39. Чириков сдал Миронову Верхний Камчатский Острог, а сам в октябре поплыл в Нижний Камчатский – батами со своими служивыми. Он намеревался там перезимовать и оттоле отправиться с казною Пенжинским морем. Миронов 6-го декабря отправился из Верхнего Острога в Нижний для наряду казаков к судовому строению и препровождению ясачной казны.

§ 40. Исправя свое дело, Миронов обратно ехал в Верхний Острог вместе с Чириковым. 23-го января 1711-го году на дороге был зарезан от казаков. Злодеи думали убить и Чирикова, но по просьбе его дали ему время покаяться, а сами, в числе 31 человека, поехали обратно в Нижний Камчатский Острог, дабы убить Атласова. Не доехав за полверсты, отправили они трех казаков к нему с письмом, предписав им убить его, когда станет он его читать. Но они застали его спящим и зарезали. Так погиб камчатский Ермак!

§ 41. Бунтовщики вступили в острог и, разделясь натрое, стали на три двора, по десяти человек вместе. Главные из них были: Данило Анцыфоров да Иван Козыревский. Бунтовщики расхитили пожитки убитых приказчиков, завели круги, стали выносить знамя, умножились до семидесяти пяти человек, выбрали атаманом Анцыфорова, Козыревского – есаулом; с Тигиля привезли пожитки Атласова, им отправленные туда, дабы везти их Пенжинским морем, расхитили съестные припасы, парусы и снасти, заготовленные для морского пути от Миронова, и уехали в Верхний Острог, и Чирикова бросили скованного в пролуб марта 20-го 1711 года.

§ 42. 17-го апреля 1711 году подали они в Верхнем Остроге для отсылки во Якутск повинную челобитню, в которой об Атласове умолчено, а Чириков и Миронов обвинены обыкновенным образом (см. IV, 207). Бунтовщики извинялись дальним расстоянием и что-де приказчики не допустили бы челобитчиков до Якутска. Опись взятого добра на артель представили тут же с большою невинностию.

§ 43. *Между тем думали они заслужить свои вины. Весною отправились они из Верхнего Острога на Большую реку. В начале апреля они взяли Камчатский острожек, между ре-*

ками Быстрою и Гольцовкою (где ныне Русский Большерецкий Острог). Они там и засели, и жили до конца мая. (<http://www.rvb.ru/pushkin/01text/08history/02articles/1144.htm>.)

Но широкое распространение на Камчатке эта фамилия получила не только в связи с казаками, а в большей части в связи с миссионерской деятельностью Иоанна Миронова, камчатского священника. В 1777 г. протоиерей Степан Никифоров направил его на Карагинский остров для крещения коряков (были крещены почти все жители – более 150 человек). Отсюда и пошла гулять эта фамилия в прибрежной Корякии в связи с последующими переселениями и расселениями коряков.

Казаки Мироновы жили в Тигиле, Петропавловске и Усть-Камчатске, то есть жили там, где были казачьи команды, где была казачья служба.

Казачка Екатерина Миронова была матерью Александра Александровича Полякова, отца моего родного дяди – Петра Григорьевича, поэтому мне интересная эта фамилия еще и с этой стороны. Но сведений очень мало – в нашей семье вообще на эту тему никто никогда не заговаривал (что-то там у моей бабушки не сложилось с Александром Александровичем), и я обо всем узнал совершенно случайно из воспоминаний людей, которые оказались (к моему полному удивлению) нашими родственниками. Но это так, небольшое отступление.

Многие из казаков и кантонистов (обученных, но не призванных на службу казаков) приняли участие в боевых действиях на Камчатке с японцами в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Среди них тигильчане – кантонист Александр Михайлович Миронов, казак Афанасий Иванович Миронов, трое Василиев Мироновых (Усть-Камчатск, Тигиль, Петропавловск). В Петропавловской дружине состоял также Иван Миронов, в Тигильской – кантонисты Митрофан, Павел и Михаил Мироновы.

А потом в семьях казаков Мироновых повторилось все то же, что случилось и во многих других семьях героев обороны Камчатки в русско-японской войне: отцов-защитников и их

сыновей объявили японскими шпионами и врагами собственного народа.

Мионов Василий Афанасьевич, 1886 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: церковно-приходская школа; б/п; работал в личном хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 08.07.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Но мы знаем, что у него остался сын: Миронов Гавриил Васильевич. Дата рождения – 29 ноября 1915 г. Родители – чиновник Тигильской почтово-телеграфной конторы Василий Афанасьевич Миронов и законная жена его Александра Николаевна. Восприемники – петропавловский мещанин Василий Васильевич Косыгин и жена кантониста Тигильского казачьего отряда Николая Крыжановского – Агрипина Иннокентьевна. Таинство крещения совершал приходский священник Николай Мирошкин. (Выписка из метрической книги Тигильской церкви за 1915 год, ГАКК.)

Миронов Иннокентий Митрофанович, 1903 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль; русский; образование: 6 классов, бухгалтерские курсы; член ВКП(б); был служащим отделения кооператива «Интегралсоюз»; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Тигиль. Арест: 02.07.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован по этому делу определением Военного трибунала ДВО.

МИХАЙЛОВЫ

Виктория Зиновьевна Михайлова – руководитель краеведческого клуба «Камчадалы» в селе Мильково, лауреат общественной краеведческой премии имени Степана Петровича Крашенинникова и эколога-краеведческой премии имени камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых (2013 г.), является

представителем сразу двух старейших русских родовых ветвей на Камчатке – она прямой потомок камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых и мать потомков мильковских крестьян Михайловых, пришедших на Камчатку обживать и обустроить эту землю сразу вслед за казаками.

В архиве мы обнаружили список крестьян, проживавших в 1832 г. в селении Мильково, и, действительно, крестьяне Михайловы также в этом списке старейших мильковских родов. (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 12.)

Однажды мне удалось побывать на вечере мильковских старожил, которые регулярно проводят члены краеведческого клуба. В тот раз этот вечер был посвящен Михайловым. И оказалось, что они выращивали не только сельскохозяйственные культуры на камчатских полях, но вырастили и собственного адмирала – вице-адмирала, большого патриота российского флота – заместителя председателя Правления Общероссийского общественного движения поддержки Флота Ю. Г. Михайлова.

Эта, очень распространенная в России, фамилия появляется и на Камчатке, в том числе и среди коренного ее населения, очень рано. По крайней мере, из архивных документов 40-х годов XVIII века мы узнаем, что крещеный камчадал – тойон одного из двух крупнейших в бассейне реки Камчатки острога Капичурер, расположенного в устье реки Хапицы, – Лемшинка получил фамилию Михайлов.

По данным 1893 г. эту фамилию носили камчадалы Михайловы из селения Белоголовая.

Сохранилась и казачья фамилия Михайловых в селении Верхнекамчатском (когда-то первом русском поселении на полуострове, где, собственно, и разгорелся казачий бунт), жители которого были позже переведены в крестьянское сословие. В метрических книгах Мильковской церкви за 1913 г. имеется следующая запись: «Михайлова Елизавета Ильинична. Род. 1 мая 1913 г. Родители – крестьянин Верхне-Камчатского селения Илья Петрович Михайлов и законная жена его Анна Арсеньевна. Восприемники – жена крестьянина Верхне-Камчатского селения Иннокентия Ивановича Верещагина Ирина Стефановна. Свящ. Павел Ворошилов».

Существовали две самостоятельные линии Михайловых и в крестьянских селах Мильково и Ключи. В Ключах служил псаломщиком Ксенофонт Иванович Михайлов, участник обороны Камчатки от японцев в 1904–1905 гг., сын его был священником Ключевской Троицкой церкви:

Михайлов Иван Ксенофонтович. Родился в 1887 г. Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; камчадал; образование низшее; был священником. Проживал: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арестован 25 марта 1932 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 19 мая 1932 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 3 года к ссылке в Западную Сибирь. Реабилитирован 19 февраля 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

По делу о политических репрессиях проходит еще один ключевской Михайлов: Михайлов Даниил Владимирович. Родился в 1899 г., Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; русский; малограмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником. Проживал: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арестован 5 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 10 августа 1938 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: ВМН. Расстрелян 22 августа 1938 г. Реабилитирован 1 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Потомки ключевских Михайловых (по линии священников) оставили свои воспоминания:

Михайлова (Дубровина) Полина Ксенофонтова.

Из ключевского рода Михайловых-Юрьевых.

Мой отец – Михайлов Ксенофонт Ксенофонтович – приехал из России. Мать – Юрьева Александра Павловна, 1873 г. р. – местная. У Юрьевых было четыре брата. Мать В. П. Бобрякова – родная сестра моего отца. Помню бабушку, она спала на сундуке с узорами. Я родилась в Ключах в 1917 г., в феврале. У меня были братья и сестры: Клавдия, Варвара, Иов, Ксенофонт. Всего в семье было шестеро детей. Мать с 1923 г. осталась одна. Ехали святить воду в Духов день, после Троицы, паромы, баты разошлись и утонули девять человек.

Это случилось 15 мая 1923 г. Черных был женат на сестре

моей матери, у них был сын Александр. Здесь, в Ключах, жила Евстолия Дмитриевна, она умерла в 1983 г. Брата Ксенофонта убили в 1937 г., 4 декабря. Двоюродный брат Черных Павел в него сзади из винтовки выстрелил. Тот приподнялся с колена, и Павел ему в голову попал. Павел получил за неосторожность три года тюрьмы. А потом кирпич с завода взял, его поймали и – на фронт, на передовую отправили, где он и погиб. В девять лет я пошла в школу, семь классов окончила, жили мы на улице Кирова. В доме были спальня и комната. Мы держали корову и лошадку. Еще у нас были собаки и нарты. В Ключах жили Каргопольцевы, у них было девять детей. Двое из них сейчас живут в Петропавловске: Аня и Клава. Учителями в школе были: Собачкин, Куксенко. Кияниченко преподавал метеорологию. В классе было пятнадцать-двадцать человек, у нас здесь и устькамчатские, и нижнекамчатские, и козыревские учились. В школе раз в день давали пирожки и чай. После школы я пошла работать на почту, полгода работала почтальоном, а потом кассиром. Замуж вышла в 1935 г., в восемнадцать лет. Муж работал завклубом, киномехаником. Он приехал раньше по вербовке комсомола. Его в 1941 г. призвали в армию, служил под Горбушей в Усть-Камчатске. Его убили на Курильских островах в 1945 г., когда он стоял на посту. Убил его японский снайпер. Церковь в Ключах ломал брат Ирины Измаиловны Брагиной со Столяровым. Церковь в 1929 г. закрыли, там сделали школу. Креститься негде было, а у моего отца был брат, Иван Ксенофонович Михайлов. Ему отвели маленькую-маленькую хатенку. Ходить никуда не разрешали, а потом арестовали где-то в 1930–1931 гг. и увезли в Сибирь. Он только одно письмо написал. Я была девчонка, ходила в каталажку, он мне все свои копейки отдал: «На, – говорит, – все равно отберут».

Второй мой муж – Дубровин Алексей Поликарпович – сибиряк. Ему мой племянник Михайлов Павел Ксенофонович в 1985 г. посвятил такие стихи.

Послание А. П. Дубровину

Алексей Поликарпович, здравствуй!
Сядь к окну, эти строки прочти.
Я хотел бы по плотному насту
В этот день к твоей юрте прийти.
Это там, у истоков Маимли,
Где Шивелуч седой задремал,
Где не гордый олень часом зимним,
А отец мой от пули упал.

Онеметь бы от чистого неба,
От камчатских красот опьянеть.
И у старой раскидистой вербы
На хребты и на сопки смотреть.

Да не слышать бы рокот моторов.
Тишины бы послушаться всласть.
И от чувства любимых просторов
На родимую землю упасть.

И обнять бы ее, целовать бы.
Окропить бы счастливой слезой...
Но не видеть мне сказочной лавы.
Не напиться воды ключевой.

С Дубровиным я прожила двадцать шесть лет. У него была упряжка собак, рыбы вешал по семьсот штук, иногда коптил. Мы ходили копали сарану, а потом кушали ее. Сарану сушили на противне, в печке, получалось очень вкусно. Кипрей мы ели, палочки. Распускали пополам и ели сердцевину. С матерью ездили в нижнекамчатскую церковь. Церковь была красивая, красивей нашей. Нижнекамчатск был маленький поселок. Там жил племянник, Валька Петров. На Долгом вешали рыбу, были балаганы. Люди говорили, что на Казачьем острове живут куклы-приведения какие-то у одной пожилой женщины. Раньше приезжали сюда американцы, японцы. Японцы лечили хорошо. У меня есть внучка в Ключах, у нее трое ребятишек. Денег не хватает, хлеб пеку сама, молоко им покупаю. Внучка

голодает, берет у меня деньги, они нередко сидят без хлеба. Помню, снимали кино «Девушка с Камчатки». Киногруппа сюда приезжала, эту девушку я знаю, знаю и тех, кто снимал. Я купила у них стол, за которым мы сейчас сидим. Киногруппа жила на улице Кирова, этот дом уже разрушается. Они долго здесь жили, фильм сняли немой, но хороший. Я слышала, что здесь мельница была. Раньше климат был другой, и кукуруза росла, рожь, конопля. Мать из конопли сучила нитки, конопля высокая была, на Долгом коноплю сажали. А сейчас стало холоднее, ветер («Воспоминания старожилов долины реки Камчатки», Пнтропавловск-Камчатский, 2001 г. стр. 20–23).

А Михайлов-мильковчанин был увековечен в стихах своего земляка и друга Георгия Германовича Поротова.

Целую родную землю

*Памяти мильковчанина Виктора Михайлова,
дошедшего с боями до Берлина*

По чистому дворику
Тихо ступая,
Ходила в тревоге
Старушка слепая.
Достала одежду
Она поновей –
Камчатка встречала
С войны сыновей.
Распахнуты двери
Для жданных гостей,
Родные объятья
До хруста костей.
И слышит старушка,
Сынка ожидая,
Там где-то смеются,
Там где-то рыдают...

Во дворик вошел
Торопливо мужчина:
– Родимая, здравствуй!
Иду из Берлина!
Закончились, мама,
Отмщенья пути!
Старушка прижалась
К солдатской груди.
И тихо спросила
Родимого сына:
– А где же подруга,
Твоя Катерина?
– Катюша далеко.
Осталась подружка...
– Чего ж не привез! –
Осерчала старушка.
– Ты, мама, прости,
Перепутала малость:
То наше оружие
Так называлось.
– А я-то все думала,
Это невеста
И с фронта ко мне
Вы приедете вместе...
Вдруг сын отступил,
На колени упал.
Встревожилась мать:
– Ой, куда ж ты пропал!
– Я, мама,
Целую святую землю
За тех, кто не сможет
Домой возвратиться.

МУТОВИНЫ

Старинная камчатская казачья фамилия. Сегодня ее представляет Герой России, летчик-испытатель Олег Евгеньевич

Мутовин (его мать Нелли Георгиевна из рода камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых).

Родился 4 октября 1965 г. в Петропавловске-Камчатском. В Вооруженных силах с 1982 г. В 1986 г. окончил Качинское высшее военное авиационное училище летчиков. Проходил службу на должностях летчика, старшего летчика, командира звена, заместителя командира авиационной эскадрильи – штурмана в истребительном полку авиации ПВО. В 1994 г. был переведен в Дальневосточное объединение ВВС и ПВО командиром авиационного звена, а в 1995 г. был назначен заместителем командира авиационной истребительной эскадрильи. С этой должности в 1995 г. поступил в Военно-воздушную инженерную академию им. профессора Н. Е. Жуковского, на отделение подготовки летчиков-инженеров-исследователей. Будучи на 2-м курсе академии, по собственной инициативе и без отрыва от учебы, он успешно сдал вступительные экзамены в Центр подготовки летчиков-испытателей. В 1998 г. экстерном и с отличием закончил Военно-воздушную инженерную академию им. профессора Н. Е. Жуковского, а в 1999 г. – Центр подготовки летчиков-испытателей Государственного летно-испытательного центра им. В. П. Чкалова. После окончания Центра подготовки летчиков-испытателей проходил службу на должностях старшего летчика-испытателя, заместителя командира авиационной эскадрильи – старшего летчика-испытателя службы летных испытаний Летно-испытательного центра ГЛИЦ. Внес большой вклад в развитие современных авиационных комплексов, являясь ведущим специалистом в области летной оценки систем управления самолетов, боевого применения средств поражения, аэродинамических свойств самолетов, эргономики, индикации и логики работы бортового радиоэлектронного оборудования и систем управления вооружением. Освоив практически все виды летной подготовки, он был допущен к испытательным полетам всех степеней сложности. Под его руководством и при непосредственном участии проведены летно-испытательные работы на опытных и модифицированных авиационных комплексах семейства «Су» и «МиГ». О. Мутовин первым из военных летчиков России выполнил полет на опытном

корабельном самолете «Су-27» с палубы тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов». В период подготовки крейсера «Адмирал Кузнецов» к походу полковник Олег Мутовин провел испытания аэрофинишеров корабля, а затем оказал помощь в восстановлении полетов с палубы летчиков руководящего состава полка палубной авиации. За время летной работы О. Мутовин освоил более 30 типов самолетов «Су» и «МиГ» и их модификаций. Указом Президента Российской Федерации в мае 2008 г. О. Мутовину за мужество и героизм, проявленные при испытании новой авиационной техники, присвоено звание Героя Российской Федерации. В настоящее время Герой России О. Мутовин является одним из ведущих летчиков-испытателей Министерства обороны России, выполняющим испытательные полеты с палубы авианесущего корабля.

О первых оседлых верхнекамчатских казаках Мутовиных писал С. П. Крашенинников («Описание земли Камчатки», М-Л, 1949 г., стр. 748, 760). Были у казаков и свои крестники среди камчадалов, по крайней мере, мы знаем об одном: Мутовин Григорий Семенович, Верхнего острога камчадал, 1773 г., член промысловой экспедиции на боте «Святой Евпл», отправившегося в Русскую Америку, но среди аборигенов эта фамилия не прижилась.

Известно также то, что Алексей Мутовин был в 1739 г. толмачом (а это мог быть и камчадал, мог быть и казачий сын) на судне, которым командовал М. П. Шпанберг, отправлявшемся к берегам Японии. И, видимо, уже с той поры военная судьба казаков Мутовиных пошла по нескольким направлениям (о современной линии летчиков-испытателей мы уже знаем): в 1812 г. воспитанником отделения императорского военно-сиротского дома был девятилетний Василий Гаврилович Мутовин. В списке Камчатской экипажной роты за 1847 г. мы находим братьев Мутовиных: Василий Гаврилович Мутовин, Иван Гаврилович Мутовин – из казачьих детей (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 299), которые служили матросами.

В 1893 г. в Исповедальной росписи Петропавловского собора мы находим потомков как казаков, так и матросов Мутовиных:

Мутовин Николай (почему-то без отчества. – С. В.), кантонист морского ведомства, 1893 г., 27 лет. Жена его – Александра Матвеевна Дети – Пелагея (3), Елена (1). Брат его Мутовин Владимир (тоже без отчества. – С.В.), кантонист морского ведомства, 1893 г., 24 года. Жена – Мария Федоровна. Дети – Петр (4), Павел (2).

Далее мы будем рассказывать об известном камчатском капитане Иннокентии Николаевиче Мутовине и находим в материалах архива упоминания о двух Николаях Мутовиных, которые могли бы быть его отцом – кантонисте морского ведомства (см. выше) и сыне вдовы Петропавловского мещанина Евдокии Киприяновне Мутовиной (38), дети: Еввод (20), Ольга (16), Анна (13), Николай (11), Мария (6), Агриппина (2). Золовка ее Пелагея Николаевна Мутовина (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК). Отчество последнего Николая (мещанина) мы все-таки нашли в одной из метрических выписок: Мутовин Александр Николаевич. Дата рождения – 29 июля 1911 г. Дата крещения – 4 августа 1911 г. Родители – мещанин города Петропавловска Николай Николаевич Мутовин и законная жена его Евдокия Николаевна. Восприемники – мещанин города Петропавловска Иоанн Яковлевич Иванов и жена Петропавловского мещанина Иоанна Алексеевича Шмелькова – Мария Даниловна. Таинство крещения совершал священник собора Иоанн Пось (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви на 1911 год. ГАКК).

Возможно, сын Еввода Николаевича, известный нам под инициалами М. Е. Мутовин – один из авторов изданной в 1940 г. в Шанхае работы «Камчатка 1740–1940. Юбилейный сборник в память двухсотлетия основания гор. Петропавловска-на-Камчатке». Авторами статьи «Богатства Камчатской области и их эксплуатация» являются М. Е. Мутовин и А. А. Пурин, покинувшие Петропавловск и отправившиеся в эмиграцию в самом конце гражданского противостояния между «белыми» и «красными». М. Е. Мутовин, уроженец полуострова, в 1910 – начале 1920-х гг. – делопроизводитель областного отдела народного просвещения... Оба автора были членами Камчатского юби-

лейного комитета по празднованию двухсотлетия со дня основания Петропавловска, действовавшего в Шанхае и объединявшего людей, живших в 1910 – начале 1920-х гг. на Камчатке («Вопросы истории Камчатки»).

В составе Петропавловской дружины, оборонявшей Камчатку от японцев в 1904–1905 гг., мы находим еще одного из потомков казаков Мутовиных – Ивана, но не нашли о нем никаких дополнительных данных (возможно, Иван – это просто искаженное Еввод, и в обороне Камчатки принимал участие Еввод Николаевич).

Что же касается сыновей кантониста морского ведомства Владимира – Петра и Павла, то мы впоследствии находим их следы в Нижнекамчатске и Усть-Камчатске. Вернемся к воспоминаниям Валерия Ивановича Гарднера (см. очерк «Гарднеры»):

«Мой отец Мутовин Иван Петрович родился в Усть-Камчатске в многодетной бедной семье. И его усыновили Гарднер Иннокентий Контантинович и Агния Васильевна. Оттуда он и стал Гарднер Иван Иннокентьевичем. Про Гарднер Иннокентия вы знаете. А вот Мутовиных у отца сестёр и братьев очень много. В конце 50-х гг. отец ездил на Камчатку и встречался с братьями и сестрами Мутовиными.

Потом отец как-то растерял связь с братьями и сестрами. В Хабаровск ко мне приезжал какой-то брат отца, но меня не было дома. По мутовинской линии у меня очень много двоюродных братьев и сестёр. Я нашёл одну только в Палане и в Усть-Камчатске двух двоюродных сестёр и брата, про остальных ничего не знаю».

Теперь становится понятным, почему Гарднеры выбрали для усыновления именно Мутовина – они тоже выходцы из Петропавловска и, вполне возможно, были близкими или дальними (а это без сомнения!) родственниками: Петр Владимирович был женат на Марии Антиповне Савинской. Дети – Владимир, Георгий, Агриппина, Мария и Николай. От второго брака – Виктор, Татьяна, Галина, Николай, Алевтина. Ивана Петровича в этом списке уже нет – он теперь Гарднер Иван Иннокентьевич.

НАКАМУРА

Накамура Асира (Алексей Владимирович). Потомок камчатских курильцев (курилов, курильских камчадалов, айну). Предки рода Накамура по линии отца, Кэйдзо Накамура, происходят от древнейшего рода айнов, проживающих на острове Хоккайдо и ассимилированного японцами. В далёком прошлом у простого населения Японских островов, у простых ремесленников и крестьян, фамилий не было вообще. Наличие фамилии у японцев указывало на то, что он принадлежит к привилегированному классу, обычно они были у самураев не взирая на степень и значимость фамилии, у военных начальников всех рангов и у управляющих землями и людьми. Каждая такая фамилия в переводе с японского языка на русский язык в своём наименовании указывает на ту сферу ведения общественной деятельности, которую ведёт или выполняет служебные обязанности носитель фамилии. Фамилия Накамура переводится на русский язык как деревня или провинция, обычно такие фамилии носили старосты или управляющие деревней или несколькими деревнями одной провинции. Одним из предков с такой фамилией был прапрапрадед Кэйдзо Накамура, который был направлен примерно в 1780 гг. в так называемые земли Эдзо (северные территории) на службу управляющим острова Кунасири (Кунашир). На острове предок рода Накамура женился на местной жительнице острова айнке по фамилии Комясаин, дочери старосты поселения айнов, живших на этом острове. В 1789 г., не выдержав гнёта власти правительства японского клана Мацумаэ, на острове Кунашир и в восточной провинции Мэнаси на острове Хоккайдо вспыхнуло восстание. На острове Кунашир восстание совместно со старостой поселения айнов возглавил предок рода Накамура. Восстание было жестоко подавлено войсками. Тридцать восемь айнов были признаны зачинщиками этого бунта и казнены. Предку рода Накамура вместе со своей семьёй и несколькими другими семьями айнов на байдарках удалось покинуть остров. В последующем японцы преследовали беглецов, ушедших на север Курильских островов, на протяжении нескольких лет, пока те (беглецы) не добрались до

юга Камчатского полуострова и не обосновались там. Где-то с начала 1790 гг. род Накамура проживал на юге Камчатского полуострова в районе Курильского озера. Занимался охотой на мор зверя, рыбным ловом, собирательством, охотой на лесного зверя и прочими видами ведения традиционного хозяйства коренных малочисленных народов Камчатки. Проживание в районе Курильского озера имело сезонный характер. Зимой семья проживала на берегу самого Курильского озера в тёплых зимних полуземлянках, а на лето переезжала на западное побережье Охотского моря для сезонной морской охоты на мор зверя и рыбалки, где члены рода проживали на берегу во временных летних жилищах. Члены семьи постоянно общались с айнами, или, как их называли на Камчатке, камчадалскими курильцами, или курилами, проживавшими в поселении Явино, Голыгино, Камбальное и Опала. В эти поселения, женившись или выйдя замуж за местных жителей, ушли на постоянное поселение несколько членов рода Накамура. Одна из ветвей рода Накамура обосновалась на юго-востоке Камчатки в национальном поселении курильцев (айнов) Сиамо. Поселение находилось в устье реки Асача. 1926 г. оказался роковым для коренного населения центральной и южной части Камчатки. Было принято Постановление революционного губернского комитета об укрупнении туземных поселений и упразднении мелких селений как мало значительных и подлежащих закрытию. Это мотивировалось тем, что так легче управлять коренным населением Камчатки, остро ощущалась нехватка революционных управляющих кадров. Где-то в 1928–1929 гг. отцу Кэйдзо Накамура, Акира Накамура, представителями Советской власти было предложено, в ультимативной форме, поселиться оседло с семьёй в поселении Явино. Акира Накамура категорически отказался от переселения с берега Курильского озера в посёлок. В связи с этим была предпринята попытка насильственного переселения с помощью отряда милиции. Имела место оружейная перестрелка. Акире Накамура вместе с двумя женами и восьмью детьми удалось уйти на байдарках через границу на остров Парамушир, принадлежавший в те года японскому государству. На

острове Парамушир Акира Накамура вместе с семьёй поселился в небольшом поселении айнов на юго-западе острова, на берегу небольшой речки под названием Петпу, вытекающей из островного озера. Вскоре в связи с тем, что Акира Накамура был грамотным и мог говорить на языке айну, говорил и писал на русском языке, знал в совершенстве японский, он был назначен японским губернатором острова, старостой айнов не только на острове Парамушир, но и на всех северных островах вплоть до острова Итуруп. В полном составе семья Накамура проживала на острове Парамушир вплоть до 1942 г. В 1942 г. по приказу военного коменданта Курильского укрепленного района и командира Курильской дивизии, члена императорской фамилии полковника Уэдо всё коренное население в добровольном или в принудительном порядке было вывезено на остров Хоккайдо в построенные специально для этого японцами четыре резервации. Кто отказывался или оказывал сопротивление переселению, расстреливался на месте. Не избежала участи переселения и семья Накамура. Были вывезены на Хоккайдо две жены Акиры Накамура и семь малолетних детей. На острове был оставлен сам Акира Накамура, 1897 г. р., два его сына Такэси Накамура, 1925 г. р., и Кэйдзо Накамура, 1927 г. р. Акира Накамура был призван в японскую армию, получил чин офицера и был назначен помощником военного коменданта острова Парамушир. Сыновья Акиры Накамура, Такэси и Кэйдзо Накамура, были задействованы на работах по укреплению острова и возведению оборонительных сооружений. Осенью 1945 г. при проведении освободительной Курильской десантной операции во время боя на острове Парамушир помощник коменданта острова Акира Накамура сдался в плен, сын Акира Накамура, Такэси, был убит. Второй сын, Кэйдзо Накамура, сбежал вглубь острова и спрятался там. Впоследствии, по истечению двух месяцев, при зачистке острова войсками НКВД Кэйдзо Накамура был найден и отправлен на остров Сахалин в город Томари в фильтрационный лагерь для военнопленных. В связи с тем, что Кэйдзо Накамура не принимал участия в боях и не был военнослужащим японской армии, знал и умел писать по-русски, говорил на языке айну, знал

разговорный японский язык, писал на канатака, читал и писал иероглифы, он по личному желанию отказался от депортации в Японию. Добровольно остался на территории Советского Союза работать в фильтрационном лагере для военнопленных переводчиком. Впоследствии Кэйдзо Накамура поступил в Холмское Высшее мореходное училище на факультет эксплуатация береговых портовых сооружений. Работал в Корсаковском торговом порту докером, десятником, бригадиром докеров, мастером участка выгрузки. 1963 г. Кэйдзо Накамура женился на жительнице острова Сахалин Пыхтеевой Тамаре Тимофеевне, взявшей фамилию мужа, Накамура. В 1964 г. у него родился сын, названный Асира, по-русски именуемый Алексей, по фамилии отца Накамура. В 1967 г. в Корсаковском торговом порту при выгрузке иностранного теплохода произошла авария с человеческими жертвами. Следствие велось органами КГБ. Виновным в аварии по сфабрикованному приговору был признан Кэйдзо Накамура. Суда фактически не было, особым совещанием Кэйдзо Накамура был признан виновным и получил в наказание в виде 15 лет исправительных работ на добыче урана в Магаданской области. По истечению срока наказания Кэйдзо Накамура был депортирован в Японию, где проживали остатки семьи. В настоящее время проживает в Японии на острове Хоккайдо в национальном поселении айнов Нибутани вблизи города Биратори. Родословная по материнской линии. Род Пыхтеевых проживает на острове Сахалин примерно с 1760 гг., первый представитель этой фамилии прибыл по этапу как каторжанин примерно в конце 1760 г. из Вятской губернии Российской империи. В последующем представители фамилии Пыхтеев(ы) остались на острове на постоянное жительство и смешались с местным населением. Так в роду Пыхтеевых были представители коренных народов острова Сахалин, Приморского и Хабаровского краев, это нивхи, орочи, нанайцы, айны. Тамара Тимофеевна Накамура, в девичестве Пыхтеева, после осуждения мужа Кэйдзо Накамура и отправкой его в Магаданскую область для отбытия срока, пыталась оспорить сфабрикованное обвинение мужа. Писала жалобы и прошения

о пересмотре дела во все инстанции. Это же, конечно, не по-
правились советскому руководству, особенно органам КГБ.
Началось давление со стороны представителей органов вла-
сти, были прямые предложения прекратить искать правду, ведь
тогда никого просто так не сажали, тем более по указке ор-
ганов КГБ. В 1968 г. ей было в добровольно-принудительном
порядке предложено вместе с сыном выехать на поселение на
Камчатку, в Пенжинский район, в поселение Усть-Пенжино.
Где она проживала с 1968 по 1969 г. В 1969 г. поселение Усть-
Пенжино было закрыто, и Тамара Тимофеевна Накамура вме-
сте с сыном Накамура (Асира) Алексеем переехали в село
Манилы Пенжинского района. Тамара Тимофеевна и Алексей
(Асира) проживали без права на выезд из места проживания,
Тамара Тимофеевна не имела паспорта, а Алексей (Асира) не
имел свидетельства о рождении. Только в 1972 г. при обмене
старых паспортов на новые советские паспорта Тамара Ти-
мофеевна получила паспорт. Алексею (Асира) при получении
паспорта записали в паспортных данных не отчество его отца
Кэйдзо, а русское отчество Владимирович, к которому он ни-
какого отношения ни имеет. Место рождения указано со-
всем не то, где он родился на самом деле, – остров Сахалин,
город Томари, а город Реж Свердловской области. Это было
сделано по указке начальника районного отдела КГБ. Секре-
тарю Сельского совета было рекомендовано написать какое-
нибудь другое место, например, то место, где она сама роди-
лась и откуда приехала на Камчатку, но только не то, где на
самом деле родился Асира Накамура. Так в паспортных дан-
ных место рождения у Алексея Владимировича прописано, что
он уроженец города Реж Свердловской области, где он никог-
да не был и точно в этой жизни уже ни будет. В настоящее
время семья Накамура (Асира) Алексея Владимировича с 1996 г.
проживает в городе Петропавловске-Камчатском. (Написа-
но лично Асира (Алексеем Владимировичем) Накамура для
сайта «Камчадалы.ру»).

НАСЕДКИНЫ

Это фамилия камчатских служилых, один из которых – Лука Наседкин – «посылался в Камчадалский острог из Анадырского с прикащиком Михаилом Многогрешным в 1702 г. для ясачного сбора. Из Камчатки он, между прочим, посылался прикащиком Василием Колесовым в Курильскую землю». Курильская земля, по тем временам, – это Камчатка южнее реки Большой. Одним из первых русских землепроходцев достиг Лука Наседкин самой южной оконечности полуострова – мыса Лопатка – и сообщил в Якутск о близости одного из Курильских островов, якутский воевода в ответ на послание повелел камчатским служилым идти открывать неизвестные острова, что явилось причиной одного из камчатских бунтов и гибели трех приказчиков, одним из которых был камчатский Ермак (определение А. С. Пушкина) – Владимир Атласов (см. очерк «Иван Козыревский»). По другой версии: это был не Лука, а Михаил Насеткин (Наседкин): «Между 1702–1710 гг. плывал в Восточно-Сибирском море между Индигиркой и Колымой и побывал на Камчатке, причем доходил до м. Лопатка. Ему приписывают первые сообщения о том, что он видел острова против устья Колымы (Медвежьи) и против “Камчатского Носа” (Курильские), но не добрался до них» («Знаменитые российские мореплаватели»).

Якутские казаки были и славными мореходами, кочи которых достигали берегов Русской Америки. Другой Лука Наседкин, участник Второй Камчатской экспедиции, принял участие в первой промысловой экспедиции Емельяна Басова, открывшей русским промышленникам путь в Русскую Америку (см. очерк «Емельян Басов»).

Но казачья фамилия сохранилась только у их крестников – камчадалов селений Напана и Колпаково (в 1749 г. зафиксирована также при крещении в селах Ича и Хайрюзово).

Мы видим эти фамилии в списках участников обороны Камчатки в русско-японскую войну 1904–1905 гг.: Григорий Наседкин из Колпаково (участие в отражении японцев на р. Ича и Колпаковой 8 июня и 27 июля 1904 г. ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129), а также Дмитрий и Никифор Наседкины из Напаны.

Мы нашли и некоторые подробности из семейной истории героев обороны Камчатки:

Наседкин Гавриил Васильевич, камчадал с. Напанского, 42 года. Дети: Никанор (16, вероятно, он и дан в списках как Никифор), Дмитрий (9). (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК.)

Наседкин Григорий Иванович, камчадал с. Колпаково, 24 года. Жена Параскева Афанасьевна (18), дочь Татьяна (1). (Исповедальная роспись Облуковинской церкви, 1893 г., ГАКК.)

В Книге памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны, мы находим имя сержанта Георгия Алексеевича Наседкина, 1913 г. р., призванного Мильковским РВК. Он погиб 21 января 1943 г. Думаю, что и следующая фамилия в этом списке – Насейкин Александр Иванович, скорее всего, Наседкин, призванный Усть-Большерецким РВК и погибший на одном из фронтов, может быть, при штурме все того же острова Шумшу, впервые увиденные его однофамильцем, за возвращение которого России сложили голову многие из его ровесников – земляков-камчатцев.

НАУМОВЫ

Сохранилась информация о камчатском служилом Алексее Наумове. В 1754 г. эта фамилия зафиксирована при крещении аборигенов в селении Кихчик. Появилась она примерно в это же время и на севере Камчатки: коряка Эаткаманов Наяхала после крещения звали Наумов Никита.

Фамилия не сохранилась.

НАЯНОВЫ

Эта фамилия сохранилась и среди потомков казаков и среди потомков их крестников.

Наянов Порфирий, с. Авача, морского ведомства кантонист, 1893 г., 24 года. Мать его – девка Дарья Кузьминична Наянова (44 года). Дети ее незаконнорожденные: Фекла (22), Наталия (20), Кирик (16), Макрина (11) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

В 1904 г. авачинские Наяновы уже записаны в крестьяне: Наянов Арсений Порфирьевич. Родился 26 февраля 1904 г.

Родители – крестьянин Авачинского селения Порфирий Косминович Наянов и жена его Ксения Андреевна. Восприемники – крестьянин Авачинского селения Иоанн Николаевич Пономарев и жена потомственного почетного гражданина Сергея Петровича Донского – Мария Алексеевна. Священник Иоанн Гуляев. (Выписка из метрической киги Петропавловского собора за 1904 г., ГАКК.)

А это информация из базы данных о жертвах политических репрессий на Камчатке:

Наянов Арсений Порфирьевич. Родился в 1904 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Авача; русский; малограмотный; б/п; был рыбаком. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Авача. Арестован 8 апреля 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: 5 лет. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

В 1747 г. эта фамилия зафиксирована при крещении камчадалов в селениях Напана и Тигиль. Сохранилась она в селениях Лесная, Кинкиль, Аmaniно.

Камчадалы и коряки Наяновы принимали активное участие в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг.:

Андрей, Василий, Леонтий – с. Кинкиль.

Валерьян – с. Аmaniно.

Эта фамилия аборигенов есть и в базе данных о жертвах политических репрессий:

Наянов Поликарп Гаврилович. Родился в 1881 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Кинкиль; коряк; неграмотный; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Кинкиль. Арестован 15 сентября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 26 марта 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Расстрелян 25 мая 1938 г. Реабилитирован 29 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Наянов Федор Васильевич. Родился в 1905 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; малограмотный; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская губ., Ти-

гильский р-н, с. Лесная. Арестован 20 июля 1938 г. Приговорен: Облпрокурор 1 декабря 1939 г., обв.: по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-6 УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 19 декабря 1989 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Корнилий Афанасьевич Наянов, 1921 г. р., погиб в 1941 г., защищая Ленинград.

НЕВОДЧИКОВЫ

В 1745 г. эта фамилия зафиксирована при крещении камчадалов в селении Харчино (долина реки Камчатки) и еще в одном документе: Хотомначика – новокрещеный Невотчиков Иван («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр. 96–98).

Есть две версии происхождения этой фамилии, каждая из которых имеет свои исторические параллели в камчатской действительности той давней эпохи.

Первая – в составе проповеднической миссии архимандрита Камчатского Иоасафа Хотунцевского был дьячок Степан Неводчиков, который участвовал в крещении и камчадалов, и курильцев. Вступил в миссию в 1745 г. в Тобольске и летом этого же года прибыл вместе с ней на Камчатку.

Но возможна и вторая версия – крестным отцом у харчинских камчадалов мог быть нижекамчатский мореход Михаил Васильевич Неводчиков (см. очерк «Михаил Неводчиков»).

Подштурман, исследователь Алеутских островов. Родом из тобольских крестьян. В 1740–1742 работал геодезистом во 2-й Камчатской экспедиции. В 1743 на боте описал часть западного побережья Камчатки. Осенью 1745 с промысловой артелью на шитике перешел из Нижнекамчатска к островам Атту и Агату. До осени 1746 промыслял на острове Атту. На обратном пути судно разбило о скалы острова Карагинского, команда спаслась и осталась на зимовку, во время которой часть людей умерла от голода и цинги. Летом следующего года Неводчиков с уцелевшими людьми вернулся на байдарках в Нижнекамчатск. Позднее, по обвинению в убийстве алеутов на Ближних

островах, вместе с несколькими другими промышленниками предан суду, но оправдан. В материалах следствия впервые встречается название «Алеутские острова». В 1751 составил карту Ближних островов и вместе с донесением о плавании представил в Большерецкую канцелярию. В 1752 «за обыскание неизвестных вновь островов и народов» по указу Сибирского приказа назначен унтер-офицером в команду охотского порта. Через год после «экзаменации» Неводчикову присвоили звание штурманского ученика. В 1760 за безупречную службу произведен в подштурманы. Активно участвовал в экспедиции П. К. Креницына и в обработке материалов экспедиции И. Синдта (1764–1768). В 1769–1771 гг. плавал на галиоте «Святой Павел» между Охотском и Камчаткой. Затем в Охотске обучал школьников основам картографии и рисованию, участвовал в описи реки Улья. Именем Неводчикова названа бухта на Алеутских островах и мыс на полуострове Камчатка.

19 сентября 1745 г. мореход, геодезист М. В. Неводчиков вышел во главе промысловой артели на шитике из Нижнекамчатска в море и направился па юго-восток. (Шитик – парусное судно длиной до 10 м при ширине до 4,3 м с днищем, выдолбленным из ствола одного дерева; ивовыми прутьями к нему нашивались (отсюда – шитик) боковые доски; паруса и снасти в основном из оленьих кож.) Перед ним стояли также географическая и политическая задачи искать новые острова и приводить в русское подданство «неясашных иноземцев». «Внезапным случаем» судно достигло неизвестных островов Агату, Атту и Семичи (группа Ближних Алеутских о-вов), где русские промышляли до осени 1746 г. На обратном пути шитик более полутора месяцев носило по морю, и 30 октября он разбился у берега Камчатки о скалу о. Карагинского. Люди спаслись и зимовали у местных жителей на острове; часть их умерла от голода и цинги. Летом 1747 г. уцелевшие промышленники вернулись в Нижнекамчатск на байдарках. Несмотря на крушение, М. Неводчиков привез с собой более 1 300 шкур каланов и карту посещенных островов. Позднее по обвинению в убийствах алеутов («неизвестного тамошнего вновь обысканного народа без всякой от него противности») на Ближних о-

вах он вместе с несколькими другими промышленниками был предан суду, но оправдан. В материалах следствия по этому делу впервые встречается название «Алеутские острова».

Устюжанин Михаил Неводчиков. В 1742 г. Михаила Неводчикова приняли на казенную службу и определили к Мартыну Шпанбергу, заменившему В. Беринга после его смерти, «для рисования морских карт и всему виду берегов». В этой должности он и проявил изрядное умение: в 1743 г. описал западное побережье Камчатки к северу от Большерецка, а позднее составил и ее карту. Михаил Неводчиков первым из воложан отправился в плавание к Алеутским островам мореходом на шитике «Евдокия». Среди тех, кто строил это судно, были лальский купец Афанасий Чебаевский и устюжанин Яков Чупров, назначенный передовщиком. 19 сентября 1745 г. из устья реки Камчатки судно вышло в море и через шесть дней плавания прибыло к Алеутским островам. На зимовку остановились на острове Атту и начали промысел. Но нормальных отношений с местным населением не сложилось. Передовщик Яков Чупров игнорировал указания Большерецкой канцелярии «ласково обходиться с островитянами» и вел себя с ними жестоко. Произошла несколько вооруженных столкновений, в которых участвовало до 100 местных жителей. 15 из них были убиты. Экспедиция закончилась трагически. В обратный путь отправились 14 сентября 1746 г. Полтора месяца носило «Евдокию» по бурному Тихому океану, и, наконец, у скал Карагинского острова близ берегов Камчатки шитик разбился. 12 человек из участников экспедиции погибли. Оставшимся в живых угрожала голодная смерть. Спасли местные жители – коряки. На острове участники экспедиции зазимовали, а летом 1747 г. на двух кожаных байдарках вернулись в Нижнекамчатск. Главный итог этой экспедиции состоял в том, что она первой проложила морской маршрут к Ближним Алеутским островам. Михаил Неводчиков открыл, обследовал, описал и впервые нанес на карту острова Атту, Агатту, Симичи. Карта с донесением морехода была представлена в Большерецкую канцелярию, а 4 мая 1751 г. отправлена в Петербург и поступила в Сенат. В 1755 г. указом Екатерины II Михаилу Неводчикову было присвоено

звание штурманского ученика. В 1751 –1753 гг. М. Неводчиков – в новом плавании. Он – мореход на судне «Борис и Глеб». По возвращении на Камчатку он продолжает казенную службу, а в 1768–1769 гг. участвует в правительственной экспедиции капитана П. К. Креницына к североамериканским берегам. Это было последнее плавание морехода. С тех пор прошло более двухсот лет. Но память о мореходе жива. Его именем названы: бухта на одном из открытых им Ближних островов и полуостров на описанной им Камчатке. 11 августа 1948 г. решением Великоустюгского горисполкома улица Новая в городе переименована в улицу Неводчикова.

«Соликамский купец Иван Савич Лапин был лично знаком с Неводчиковым, рассказывал мне (В. Н. Берху. – С. В.), что он служил у капитан-командора Беринга во время плавания его к берегам Америки (1741). Неводчиков был серебряник из Устюга, и пошел искать фортуны в Сибирь; не встречая ее нигде, пришел он в Камчатку, и здесь, как беспашпортный, взят был в казенную службу. Г. Лапин показывал мне серебряную табакерку работы Неводчикова» («Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки». В. Н. Берх, «Хронология...» <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/historykam/istkam2-2.htm>; Зубкова З. Н. «Алеутские острова», М., 1948 г., стр. 16).

НЕВОРОТОВЫ

Фамилия камчатских казаков.

Первое упоминание относится к 1730-м гг. – служилый Петр Неворотов («Колониальная политика царизма...», стр. 43). В 1812 г.: Неворотов Дмитрий Петрович, казак Нижнекамчатской казачьей команды, 16 лет (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4).

А это, похоже, его сын:

Неворотов Иннокентий Дмитриевич, отставной казак в Сероглазке, 1893 г., 56 лет. Жена Ирина Евстафиевна (55) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

Неворотов Иннокентий Дмитриевич. Отставной казак, 70 лет, «участвовал в сражении, был командирован губернатором Завойко в селение Начики для вызова волонтеров». «Так в именной “Список ветеранов Петропавловского боя, происшедшего 17–24 августа 1854 г.”, составленный в 1902 г., было внесено 9 человек, которым назначена ежемесячная пожизненная пенсия» (Горчаков А. А., «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 106).

НЕРАТОВЫ (НЕРОТОВЫ)

Эта фамилия встречалась на Камчатке, по крайней мере, еще в 1910 г.: Нератова Ольга. Рождена вне брака. Дата рождения – 17 июня 1910 г. Родители – вдова Озерновского селения Агриппина Герасимовна Нератова. Таинство крещения совершал священник собора Иоанид Пось. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1910 год, ГАКК.)

Озерновское селение – это Паратунский куст, где расселялись не только крестьяне-переселенцы, но и петропавловские мещане. А Нератовы, судя по всему, и должны быть из мещан.

Пришла эта фамилия на Камчатку, по всей видимости, вместе с приказчиком тотемских купцов Пановых Степаном Федоровичем Нератовым – организатором промысловых экспедиций в Русскую Америку. На форуме сайта «Камчадалы.ру» опубликованы некоторые подробности об этой фамилии.

Рассказывая о купеческой династии Нератовых, прежде всего, следует отметить, что это наиболее многочисленная династия. Родословная купцов династии Нератовых имела три ответвления. Первое: Федор, Стефан Федорович, Михаил Стефанович, его сын Александр Михайлович, его жена Елизавета Александровна и их сын Михаил Александрович. Второе идет от Василия Александровича Нератова (одного из родственников первой ветви), его сыновья Иван Васильевич (большой), его сын Иван Иванович, Иван Васильевич (меньший) и Лев Васильевич Нератовы. И третье идет от Андрея (вероятно, это младший брат Михаила Стефановича), его жена Аграфена и сыновья – Иван Андреевич и Платон

Андреевич Нератовы. Родоначальник первой ветви династии Федов Нератов родился в 1700 г. и приехал из Тотмы на постоянное место жительства в посад Верховажье. Его сын Стефан многие годы работал приказчиком в Сибири у тотемских купцов Пановых. Там он приобрел капитал, вернулся в посад Верховажье и стал торговать. Сын Стефана, Михаил, торговал в посаде во второй половине XVIII века, его сын Александр Михайлович и его жена Елизавета Александровна торговали в первой и начале второй половины XIX века. Продолжил торговые традиции династии последний представитель этой ветви Михаил Александрович Нератов. Из членов династии особенно выделялся в организации торговли купец 3-й гильдии Александр Михайлович Нератов. Капитал купец приобрел по наследству. Ему принадлежало 2 скипидарнолаковаренных завода и 2 сажкопильных завода. После октябрьской революции купец, опасаясь, что лишится своего благополучия, отправил из дома жену, а затем распродал все принадлежащее ему имущество и уехал из посада в неизвестном направлении. Родоначальник второй ветви династии, Василий Александрович Нератов, также занимался торговлей, его сын, купец третьей гильдии Иван Васильевич (большой), торговал в конце XVIII века. Его сын, купец 3-й гильдии Иван Иванович, имел смолокуренные заводы и торговал в посаде и на других местных рынках продукцией лесохимического производства, хлебом и другими товарами. Вторым сыном Василия Александровича – Иван Васильевич (младший), был мещанином, не раз выдвигался в конце XVIII века кандидатом на выборы ротмана в Верховажскую ратушу, но не прошел по числу голосов. Купцы третьей ветви династии Нератовых – Иван Андреевич и Платон Андреевич приобрели капитал по наследству и торговали вместе в первой и в начале второй половины XIX века. Имели общий капитал, две торговые лавки в посаде, заводов не имели. Оба брата в 1862 г. получили паспорта «на отлучку» и, вероятно, уехали из посада на новое место жительства. Таким образом, фамилию Нератовых в посаде имело несколько поколений и семей купцов и мещан, которые вели торговлю в XVIII–XIX и в начале XX века (http://revolution.allbest.ru/moscow/00047153_0.html).

Вполне возможно, что от этой же ветви Нератовых происходит и фамилия петропавловских мещан Неротовых:

Неротов Николай Петрович, Петропавловский мещанин, 1893 г., 30 лет. Жена Агриппина Герасимовна (25). Дети: Александра (3).

Неротов Егор Степанович, Петропавловский мещанин, 1893 г., 33. (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

НЕСТЕРОВЫ

Фамилия коряков (в 1893 г. еще камчадалов Нестеровых) из села Лесная.

В нашей картотеке они наиболее активно проходят по двум спискам – участников обороны Камчатки и жертв политических репрессий (в основном по «Тигильскому делу»).

Народными ополченцами в войне с японцами были Иван и Елесе́й Нестеровы.

«Японскими шпионами» и врагами народа были объявлены:

Нестеров Никифор Иванович. Родился в 1903 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; неграмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Лесная. Арестован 24 сентября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 17 марта 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Имущество конфисковано. Расстрелян 25 мая 1938 г. Реабилитирован 22 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Нестеров Иван Никифорович. Родился в 1903 г., Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; образование 4 класса сельской школы; б/п; являлся председателем рыболовецкой артели. Проживал: Камчатская губ., Тигильский р-н, с. Лесная. Арестован 1 октября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 19 апреля 1938 г., обв.: по ст. 58-7 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Реабилитирован 15 мая 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

НЕЧАЕВЫ

Крестьяне селения Верхнекамчатск, вероятно, выходцы из

казаков, переведенных в крестьянское сословие в связи с упразднением Верхнекамчатской казачьей команды.

Нечаев Василий Иванович. Крестьянин Верхнекамчатского селения, 21 год, сочетался браком 12 апреля 1898 г. Невеста – дочь камчадала Кирганского селения Афанасия Чуркина девица Екатерина, 18 лет. Поручители: по жениху – крестьяне: Мильковский Николай Феодоров Бобряков и Верхнекамчатский Парфений Афанасьев Зимин; по невесте – камчадал Кириак Павлов Чуркин и мещанин Иоанн Васильев Толман. Св. Иринарх Малахов с псаломщиками Павлом Ворошиловым и Николаем Малаховым. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1898 год, ГАКК.)

Из рода верхнекамчатских Нечаевых вышла Конкордия Кириковна Крупенина, удостоенная звания Героя Социалистического Труда за работу в совхозе «Мильковский».

НИЗОВЦОВЫ (НИЗОВЦЕВЫ)

Фамилия камчатских казаков. Но сведений о ней удалось собрать немного.

Низовцев – казак, передовщик на судне Н. Трапезникова «Св. Павел», 1766 г. (командир и штурманский ученик Василий Софьин).

Последнее упоминание:

Низовцов Василий, пятидесятник Нижнекамчатской казачьей команды, 51 год. Дочь Евдокия (16). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церковей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

НИКИТИНЫ

По списку 1838 г. в Нижнекамчатске проживали крестьяне и мещане: Иван Абросимов, Кузнецов, Выходцев, Портнягин, Шевырин, Шишкин, Попов, Греченин, Мальцов, Никитин, Казаринов, Сновидов, Соснин.

В основном это были потомки русских промышленников и торговых людей (их приказчиков), прижившихся на камчатской земле.

В 1852 г. в Нижнекамчатске доживал свой век только Никитин Егор Егорович, государственный крестьянин, 64 года. Жена Любовь

Васильевна (39). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Но в Петропавловском порту в 1887 г. мы встречаем Никитина Тимофея Никитича, отставного матроса 27 флотского экипажа (то есть Амурского, бывшего Камчатского) из числа уроженцев полуострова, вернувшихся на родину после выхода в отставку. Вполне возможно, что эти Никитины тоже родом из Нижнекамчатска.

НИКИФОРОВЫ

Большой очерк об этой фамилии в сборнике историко-краеведческих статей «Пойдем ныне по своему отечеству» написал В. И. Борисов, в частности, он пишет: «Известный писатель, посвятивший многие свои работы истории Камчатки, – Леонид Пасенюк в своем рассказе “Часы Джеймса Кука” пишет, что камчатский протоиерей П. Громов в 1835 г. посетил глубокого старца протоиерея Никифорова, у которого находились большие часы, “прикрепленные к стенке на безыскусственном из лиственничного дерева пьедестале”... Впоследствии П. Громов приобрел часы у племянника протоиерея за 300 рублей.

Кто же такие Никифоровы, и чем известна эта фамилия на Камчатке?

П. Громов упоминает об уроженце Камчатки Никифоре Стефановиче Никифорове.

Н. С. Никифоров родился в 1745 г., его отец, Стефан Никифоров, сын священника Московской губернии Дмитровского уезда с. Семеркина – Никифора Иванова. После окончания Греко-Латинской академии Стефан входит в состав Камчатской Духовной миссии.

Особое место в колонизации Камчатки принадлежит православной церкви. В 1705 г. Филарет Лещинский послал на Камчатку архиепископа Мартиниана для миссионерской деятельности среди аборигенов Камчатки.

В 1745 г. на Камчатку была направлена специальная миссия во главе с архимандритом Хотунцевским. Миссия выехала из Якутска на 11 подводах, «с малым числом священно- и церковнослужителей, студентов и солдат». Своей деятельностью

миссия оставила значительный след в истории Камчатки. Стефан Никифоров был священником в Нижне-Камчатске, Петропавловском соборе, проводил большую миссионерскую работу, а 17 апреля 1761 г. святейший Синод принял решение: «Священнику Стефану Никифорову быть управителем камчатского духовенства, с производством его в протопопа». Жалования ему было положено 400 рублей и хлебная дача.

Стефан Никифоров был женат на дочери известного на Севере и Камчатке священника Ермолая Иванова – Ирине. Умер в возрасте 83 лет, похоронен в Нижнекамчатске, в то время – духовном центре полуострова.

Никифор Никифоров тоже прожил долгую жизнь, в возрасте 83 лет был выведен за штат, умер в возрасте 92 лет, похоронен рядом со своим родителем.

Другой сын Стефана – Михаил, 1757 г. р., служил дьячком в Нижне-Камчатской церкви. У Михаила и его жены Матрены Кузьминичны были дети: Андриан, Капитон, Платон и Ермолай, дочери Евдокия и Анна.

Впоследствии Андриан (1778 г. р.) становится священником и безвестно погибает в камчатских снегах. Особенностью службы священников были долгие разъезды по всему полуострову.

Племянник Никифора Иона Петров Никифоров, 1806 г. р., свою жизнь тоже посвятил церкви, был священником в камчатских церквях, после вывода за штат жил в Нижнекамчатске, умер в конце 90-х гг. прошлого века. У него были дети – Петр Ионов, 1854 г. р., и Глафира, 1852 г. р. Его сын Петр Ионов был псаломщиком, а затем священником в Нижнекамчатской церкви. Сын Петра Ионовича – Петр Петрович Никифоров, 1891 г. р., служил дьячком в Нижнекамчатской церкви.

У Глафиры Ионовны в 1886 г. родился сын Лев Петрович, у которого в 1915 г. родился сын Яков. У Якова Львовича и его жены Валентины Степановны Колесниковой было 9 детей, наших современников – Галина, Фаина, Светлана, Альбина, Лидия, Ольга, Александр, Владимир, Геннадий» (<http://ustkamchatsk.ru/content/view/196/131/>).

В течение долгого времени (с 1848 по 1882 г.) служил в Гижигинской церкви, а затем в Корякской миссии Никифор Петрович Никифоров, крестивший многих оседлых и кочевых коряков в районе Пенжинской губы.

Никифоровы в Нижнекамчатске, духовном центре полуострова в XVIII – начале XIX веков, занимали практически все должности при церкви. Смотрим данные за 1812 г.

Заказчиком камчатских церквей был протоиерей Никифор Степанович Никифоров. Священниками двух нижнекамчатских церквей – Успения Пресвятой Богородицы и Святителя Николая были священники Иоанн Верещагин, Фирс Зырянов и Алексей Петрович Логинов.

Дьяконы – Михаил Степанович Никифоров, Петр Михайлович Никифоров.

Дьячок – Степан Михайлович Никифоров.

Пономарь – Андреан Михайлович Никифоров (будущий священник Дранкинской Иннокентьевской церкви).

И у каждого была семья, дети... И многие из Никифоровых служили в других камчатских церквях. Когда же места для потомков церковно- и священнослужителей Никифоровых не оказывалось (а семьи, как правило, были многодетными) Никифоровых записывали в другие сословия:

В Нижнекамчатске жили, например, крестьяне Никифоровы:

Никифоров Иван Капитонович.

Государственный крестьянин в с. Нижнекамчатск, 21 год.

Жена Агафья Леонтьевна (27).

(Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Никифоров Михаил Капитонович.

Государственный крестьянин в с. Нижнекамчатск, 16 лет.

Никифоров Михаил Иванович.

Государственный крестьянин в с. Нижнекамчатск, 21 год.

В Нижнекамчатске жили и мещане Никифоровы, которые, как правило, занимались мелкой торговлей, ремесленничеством или были домовладельцами:

Никифоров Максим Николаевич.

Мещанин в Нижнекамчатске, 1812 г., 27 лет.

Что удивительно, мы встречаем Никифоров (не пришлых, а уроженцев Камчатки и в составе Камчатской экипажной роты (будущего знаменитого 47 флотского экипажа): Никифоров Яков Федорович.

Камчатская экипажная рота.

1847 г. – барабанщик (уроженец Камчатской области) (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 1, д. 299).

Объяснение появления весьма распространенной среди коренных жителей Камчатки фамилии Никифоровых самое простое – священники Никифоровы начали крестить камчадалов и коряков при архимандрите Камчатском Иоасафе Хотунцевском в 1745 г. и закончили свою миссионерскую деятельность только после установления Советской власти на Камчатке.

Вот одна из последних, предреволюционных метрических записей:

Никифорова Глафира Львовна. Род. 28 ноября 1916 г. Родители – Нижнекамчатского селения духовного звания Лев Петрович Никифоров и законная жена его Харитина Андреевна.

Восприемники – Нижнекамчатской Успенской церкви и. д. псаломщика Николай Георгиевич Сновидов, дочь крестьянина Якова Ивановича Портнягина девица Анна Яковлевна. Свящ. Гер. Коллегов (Выписка из метрической книги Нижнекамчатской церкви за 1916 год, ГАКК).

На севере Камчатки фамилия Никифоровых была распространена в с. Карага и Кичига.

Участником обороны Камчатки в русско-японскую войну 1904–1905 гг. был Антон Никифоров из села Палана (возможно, потомок священнослужителей Никифоровых).

НИКОЛАЕВЫ

Фамилия камчадалов-аборигенов из западнокамчатского селения Утка. Николаев Антон принимал участие в народном ополчении Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Происхождение фамилии пока не ясно.

НИФАНТЬЕВЫ

Фамилия русских старожилов (купцов, мещан) из села (некогда города) Гижига. Прежде Нифантьевы были камчатскими казаками – по крайней мере, мы знаем об одном из них, о Борисе Нифантьеве, который погиб при штурме захваченного в 1731 г. в период Харчинского бунта Нижнекамчатского острога («Вопросы истории Камчатки», 2007 г.).

Нифантьев Трифон Федорович – 1893 г. р. Жена Дарья Ивановна – 1895 г. р. Дети: Александр – 1919, Петр – 1923, Клавдия – 1930, Виктория – 1925, Николай – 1920, Людмила – 1934 гг. (сообщение родственников на форуме сайта «Камчадалы.ру»).

НОВГОРОДОВЫ

В истории Камчатки одна из самых зловещих фигур – вернее, их было две – камчатского приказчика Ивана и ясачного сборщика Матвея Новгородовых, ближайших родственников, родных братьев – кто же чужому доверит сбор ясака и «чащин» (пушных подношений, «подарков»)?

Камчатский приказчик Иван Новгородов за все свои злодеяния, вызвавшие Харчинский бунт, был приговорен к казни через повешение. В приговоре следственной комиссии мы читаем: «Бывшего камчадалских острогов комиссара Ивана Новгородова казнить смертью для того – будучи он в камчадалских острогах при зборе ясаку чинил ясашным иноземцам всякие обиды и разорения, а имянно: посылал от себя на разные реки за ясашным збором подъячего Екима Мухоплева да брата своего Матвея Новгородова и служилых людей, которым приказывал брать от ясашных иноземцов лихоимством своим себе сверх ясаку в чащины по три и по четыре места с каждого человека собольми и лисицами, а у которых иноземцов в соболей и лисиц нет, у тех брать жен и детей, и последние их парки и куклянки, и из тех чащин бить батожем и на правеже...» Приговор был приведен в исполнение в Нижнекамчатском остроге. Здесь же была проведена экзекуция и над его «подельником» Матвеем Новгородовым – тот был порот кнутами.

Но казачий род Новгородовых оказался живуч – и не его

ли след обнаруживается среди жителей села Авача, где перемешались вольные и ссыльные, казаки и мещане, русские старожилы и коренные камчадалы.

Новгородов Павел Николаевич, с. Авача, племянник крестьян Кирилла и Федора Даниловых, 1893, 17 лет, и Новгородова Харитина Николаевна, с. Николаевское, внучка Пелагеи Кузьминичны Дымовой (79), племянница Исидора Васильевича Дымова, 13 лет. Видимо, это родные брат и сестра, оставшиеся без родителей и взятые на воспитание родственниками, как это часто было в камчатских родственных семьях.

Новгородов Николай Павлович. Родился 5 мая 1901 г. Родители – крестьянин Авачинского селения Павел Николаевич Новгородов и жена его Мария Стефановна. Восприемники – крестьянин Авачинского селения Петр Алексеевич Занин и мещанская вдова Антонина Иннокентьевна Донская. Священник Николай Коршунов. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1901 г., ГАКК.)

Других сведений у нас пока нет.

НОВИКОВЫ

Эта фамилия в 1812 г. встречается в селении Камаки, но потом исчезает. Происхождение ее пока не ясно.

НОВОГРАБЛЕННЫЕ (НОВОГРАБЛЕНОВЫ)

Конечно, звездой первой величины этой фамилии был боярский сын Матвей Новограбленный, сборщик ясака в Курильской землице и на Курильских островах, прославившейся своей жестокостью, но и оставивший свое имя в мировой истории. На форуме сайта «Камчадалы.ру» есть сообщение и о другом Новограбленном, который также оставил свой след в истории полуострова: «Новограбленный Василий, ясачный сборщик, сын боярский из Иркутска. Осенью 1733 года на Камчатку прибыла из Якутска “походная розыскная канцелярия” майора Василия Мерлина. По указу императрицы Анны Иоанновны канцелярия повела лютое следствие и расправу с ительменами, восставшими под предводительством тойона Федора Харчина – “камчатского Степана Разина”, как назвал его А. С. Пуш-

кин. Беззакония, кражи и “великие разорения”, творимые местной администрацией и казаками, оказались столь великими, что “походной канцелярии” пришлось для острастки подвергнуть наказаниям еще и 65 человек русских служивых. В числе их был бит батошьем и ясачный сборщик Василий (действительно был такой казак в Верхнекамчатском остроге. – С. В.) Новограбленный. Он во время экзекуции умер».

О Матвее Новограбленном сообщает академик Степан Крашенинников, работавший на полуострове в 1735–1741 годах. Он пишет: «...В остроге Большерецком подарил мне обретающийся здесь иркутский сын боярский Матвей Новограбленной книжку на четверте листа неизвестным языком написанную, которая состоит из листов 73. Она книжка местами по краям изъедена, а взята она на японской же бусе». Это японское судно («буса») потерпело крушение у мыса Лопатка. Казацкий пятидесятник Штинников, проходя на байдарах, случайно наткнулся на него. Команда японцев, кроме двух человек, была казаками перебита, а судно сожжено. Пленных японцев привезли в Большерецк и впоследствии переправили в Петербург. Один из них, крещеный под именем Косьмы, преподавал «неизвестный» японский язык в школе, учрежденной ранее Петром Первым. Служивые «сыны боярские из Иркутска», ясачные сборщики на Курильских островах, совершенно очевидно, и являются основателями рода камчатских казаков (позже военнослужащих и петропавловских мещан) Новограбленовых (<http://vsam1.jino.ru/semenov/content/view/203/48>).

Но на Камчатке больше помнят потомка казаков Новограбленных, отец которого в свое время изменил родовую фамилию на Новограбленов (см. материалы форума «Камчадалы.ру»):

Новограбленов Прокопий Трифионович (14.08.1892–01.01.1934), педагог, один из первых камчатских краеведов.

Родился в Петропавловске. В 1907–1910 гг. работал матросом на шхуне «Котик» Камчатского торгово-промышленного общества. Окончил учительские курсы при Петропавловском городском училище (1913) и Томский учительский институт (1918). Был первым коренным жителем, получившим диплом о высшем образовании.

С 1918 по 1933 г. работал педагогом в Петропавловском высшем начальном училище, а затем в школе. Преподавал естествознание и английский язык. В 1919–1922 гг. принимал активное участие в политической жизни Камчатки. Избирался в Петропавловскую городскую думу. С 1918 по 1932 г. на общественных началах руководил краеведческим музеем. Интересовался ботаникой, геологией, зоологией, археологией, пчеловодством. Много путешествовал по Камчатке, изучал вулканы и горячие источники.

Автор около 100 научных статей и научных сообщений и таких известных публикаций, как «Каталог вулканов Камчатки», «Горячие ключи Камчатки».

5 апреля 1933 г. был арестован по сфабрикованному делу «Автономная Камчатка» и в 1934 г. расстрелян. Реабилитирован в 1957 г. (http://www.kamchatsky-krai.ru/lichnosti/kraevedy/novograblenov_main.htm).

(Дневники вулканолога Бориса Пийпа. М.: ЛОГАТА, 2006, 160 с., илл.)

«20 июня 1931 г. После обеда у нас опять была небольшая геологическая экскурсия. Сегодня с нами в компании был Прокопий Трофимович Новограбленов – уроженец Камчатки и страстный патриот своей родины. Он окончил Томский Университет, здесь собирает различные растительные редкости и проводит исследования. По образованию он ботаник. Александр Николаевич (А. Н. Заварицкий, профессор ЦНИГРИ. – В. С.) еще в Ленинграде предполагал привлечь его к нам в партию, особенно интересуясь его знанием здешних термоминеральных источников. По характеру это юркий и подвижный человек, его глаза чуть-чуть скошены, что выдает примесь в нем туземной крови. Очень вежлив и разговорчив. Сегодня продолжали вчерашнюю экскурсию вдоль залива к деревне Сероглазка» («Экспедиция с А. Н. Заварицким на Авачинский вулкан», 1931 г.).

«25 июля 1931 г. Погода в Петропавловске премерзкая. Накрапывает мелкий дождь и беспросветно пасмурно. Сегодня с Новограбленовым выезжаем в Елизово, где встречаемся с мужчиной, который будет у нас проводником» («Экспедиция с А. Н. Заварицким на Авачинский вулкан», 1931 г.)

«4 августа 1931 г. Четыре дня работали на ключевой площади, ездили на соленые ключи, нашли еще один выход горячей воды, смотрели геологию окружающих сопок. Завтра выезжаем обратно. Новограбленов отказался ехать к седловине между Корякской и Авачинской сопками. Поэтому едем опять через Пиначев перевал, чтобы скорее попасть в город» («Экспедиция с А. Н. Заварицким на Авачинский вулкан», 1931 г.)

«21 июля 1933 г. Случайно встретил знакомого. Обрадовались оба. Разговорились, и тут я узнал об одной ошеломляющей новости. Оказывается, все те, которых я знал лично или по фамилиям, уже давно арестованы. Среди них Новограбленов, Огородников, Комаров, Дягилев и другие. Какое обвинение, никто не знает. Арестовали их всех в апреле и увезли в Хабаровск. Дальнейшей их судьбы никто не знает» («Экспедиция в кальдере Узон», 1933 г.).

ТРЕТИЙ ЗВОНК НАТУРАЛИСТА

Он называл себя полузабытым ныне словом «натуралист» – исследователь природы, естествоиспытатель. Что выражало это самоназвание – скромность или гордыню? Ведь натуралистом в те времена именовали великого Чарльза Дарвина. А мог ли претендовать на это звание рядовой учитель из заштатного Петропавловска? Но знаменитый исследователь Дальнего Востока Владимир Клавдиевич Арсеньев поддерживал с ним научную связь с первого посещения Камчатки в 1918 г. до самой своей смерти в 1930-м, вместе с ним раскапывал древнее ительменское стойбище за Култучным озером, заглядывал в кратер Авачинского вулкана. Его высоко ценил академик В. Л. Комаров, обладавший всеми существовавшими в нашей стране научными титулами. На него ссылались Б. И. Пийп, основатель института вулканологии, и автор «Плутонии» и «Земли Санникова», крупнейший геолог, академик В. А. Обручев. И, наконец, не довольствуясь его подлинными заслугами, специалисты палаческого ремесла из ОГПУ приписывали ему роль организатора и главаря обширной шпионско-террористически-контрреволюционной банды под названием «Автономная Камчатка»...

Так кто же он на самом деле – Прокопий Трифионович Новограбленов?

Я перечитываю статью его единственного биографа – А. Харитановского, опубликованную почти 30 лет назад, немногочисленные отчеты Камчатского краеведческого общества, работы самого Новограбленова, перелистываю страницы необъятного «дела» «Автономной Камчатки»... Вглядываюсь в фотопортрет: нет, конечно, какая там гордыня... На меня сквозь стекла чеховского пенсне спокойно и прямо смотрит молодой человек, красивый тем особенным благородством своего облика, какое свойственно людям целеустремленным и глубоко нравственным. Его род давно закрепился на Камчатке. Матвей Новограбленный, служивый «сын боярский из Иркутска», упоминается еще Степаном Крашенинниковым. Иван и Иннокентий Новограбленные участвовали в Петропавловской обороне 1854 г. Справедливости ради следует сказать, что в 1733 г. ясачный сборщик Василий Новограбленный был бит батожем за лихоимство, которое довело ительменов до бунта, да и умер под батогами...

Подписываться «Новограбленов» первым стал отец Прокопия, петропавловский мещанин Трифон Иннокентьевич. У него с Калиссой Васильевной, урожденной Коршуновой, было 15 детей (эти невинные биографические подробности были взяты на заметку «лепилами» из ОГПУ: вместе с Прокопием под расстрел были подведены его братья: старший – Иван, и младшие – Василий и Иннокентий, да еще 10 лет «влепили» не то однофамильцу, не то родственнику Трифону Николаевичу, а Михаила Коршунова, по-видимому, двоюродного брата, определили в ближайшие «соратники» «главарю» Прокопию и, естественно, тоже расстреляли).

Прокопий родился 14 августа 1892 г. После окончания школы успел поработать матросом на пароходе «Котик», а затем поступил на только что открывшиеся в Петропавловске учительские курсы. Общение в те годы с такими неординарными людьми, составлявшими гордость отечественной науки, как ботаник Владимир Комаров, зоолог Петр Шмидт, геолог и геодезист Николай Келль, предопределило жизненный путь будущего натуралиста.

В бурном 1918 г. Прокопий, после окончания Томского учительского института, возвращается домой как первый камчадал, получивший высшее образование, и начинает преподавать в школе естествознание и английский язык, которым он владел в совершенстве, так же, как и латынью. Он мог объяснить по-немецки и по-японски – ценное в глазах гепеушников обстоятельство, позволявшее им зачислить Новограбленова в японские шпионы. А с какой радостью они взяли на заметку тот факт, что в 1920–1922 гг. Новограбленов участвовал в поездках по югу Камчатки вместе со шведской научной экспедицией, исследовавшей здешние вулканы!

Он начинает изучение горячих источников полуострова, оборудует в школе естественно-исторический кабинет, вскоре преобразованный в областной музей, организует кружок краеведения, председательствует на заседании по «инородческому вопросу», на котором выступил с докладом сам Арсеньев, – словом, с головой погружается в научную и общественную жизнь немногочленного тогда Петропавловска. И неудивительно, что его, восторженно принявшего февральскую революцию, при меркуловских властях выбирают гласным городской думы. Уже в 1923 г. он принужден к раскаянию: «...Лишь теперь я вижу и понимаю, в каком ужасном преступлении невольно участвовал». Прозвенел первый звонок, обошлось: Новограбленов без вины осужден на два с половиной года условно... И с 1924 г. по день своего ареста находился «под контролем» органов ОГПУ, но все это время характеризовался как отошедший от политической деятельности.

И вправду – до того ли человеку, увлеченному познанием своего родного края, стремлением полнее раскрыть его богатство и красоту, поставить их на пользу людям? 1923 г. Изучает заболевание лососевых. Выпускает книжечку с мудреным названием: «Саранная рыба. Микроспориридоз камчатских лососей. Краткий очерк наблюдений». Составляет описание цунами, смывшего все постройки на косе в Усть-Камчатске – единственное научное свидетельство этого страшного бедствия.

1924 г. Совершает восхождение на Корякский вулкан, первым обследует вулканы Жупановский, Ааг и Арик.

1925 г. Выходит работа «Ганальская ботаническая экспедиция». Принят в члены Русского ботанического общества. Вместе с пчеловодом И. Пименовым собрал и определил 18 медоносов, показал, что пчеловодство возможно в Елизово и Коряках. Возглавляет библиотечно-музейную секцию кружка по изучению Камчатки. Совершает восхождение на вершину Авачинского вулкана, проводит исследования на южном склоне Корякского вулкана.

1926 г. Летнее путешествие по долинам рек Авача и Жупанова, открывает новые вулканы и минеральные источники. Детально и ярко описывает извержение Авачинской сопки, обследует свежий магматический поток. Кружок краеведов реорганизован в Камчатское краеведческое общество, Новограбленов избран в нем заместителем председателя.

Эти и все последующие годы – деятельность просветителя и педагога. Конкретность, жизненность материала, активно-трудолюбивый исследовательский подход к его проработке, развитие у учащихся способности наблюдать и классифицировать, ставить задачи и искать пути их разрешения – так сформулировал сам Новограбленов свои педагогические принципы.

По заслугам Камчатский окрисполком в своем постановлении в 1929 г. отметил «долголетнюю общественно полезную работу» Прокопия Трифионовича. В мае 1932 г. подписана к печати в солидном академическом издании любовно выпестованная работа «Путешествие к вулкану Анаун в Среднем Камчатском хребте в 1929 году». Это уже большая наука. Безукоризненный стиль. Прекрасные фотографии. Но – стоп! – второй звонок. «Привлекался по статье 58-10» («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти...») – это тот же 1932 г.

1933 г. Русское географическое общество издает «Каталог вулканов Камчатки», составленный П. Т. Новограбленовым. 5 апреля 1933 г. – арест. Дальше – восемь месяцев кошмара. Из обвинительного заключения: «Руководил всеми областями контрреволюционной, шпионской, диверсионной, повстанческой, вредительской организации “Автономная Камчатка”, ставившей себе целью путем вооруженного восстания и при помощи японских войск свержение на Камчатке Советской власти. В

преступлениях, предусмотренных статьями 58-2-6-7-8-9-11 УК РСФСР, – виновным себя признал полностью, за исключением руководства диверсионной деятельностью организации».

Статья 58-2 – вооруженное восстание. Мера наказания – расстрел.

Статья 58-6 – шпионаж. Мера наказания – расстрел.

Статья 58-7 – подрыв государственной промышленности в контрреволюционных целях. Мера наказания – расстрел.

Статья 58-8 – совершение террористических актов. Мера наказания – расстрел.

Статья 58-9 – взрыв или поджог путей сообщения, водопровода, складов... Мера наказания – расстрел.

Статья 58-11 – организация контрреволюционных действий. Мера наказания – расстрел.

Шесть раз подлежал расстрелу Прокопий Новограбленов, натуралист.

Почему – Новограбленов? Дело-то было затеяно куда как большое: «К моменту ликвидации организации она насчитывала членов боевых повстанческих дружин 820 и пассивных, но готовых примкнуть к восстанию 2 280 человек». А для придания правдоподобия этой грандиозной «липе» наиболее подходила фигура ученого и общественного деятеля, пользовавшегося среди камчадалов большим авторитетом.

Как получали признания? «В результате применения мер физического воздействия», «извращенных методов допроса», «грубейшего нарушения процессуальных норм со стороны следствия» – сказано в материалах по пересмотру дела. Так называемый «конвейер» был обычным методом следствия. Один из чудом выживших «подследственных» показал, что «следователи» допрашивали его в течение восьми суток, во время которых он непрерывно находился в кабинете следователя без сна. А ведь Новограбленов был, в сущности, больным человеком. Его племянница Лидия вспоминала: «Прокопий Трифонович писал отчеты всю зиму, даже мне доставалось, так как диктовал он иногда лежа на спине – у него что-то было с венами». О других пытках, которым, по собственному признанию бывше-

го сотрудника ОГПУ, подвергались подследственные, человеку с нормальной психикой писать просто невозможно. В новогодний праздник, 1 января 1934 г., тройка полномочного представительства ОГПУ по ДВК осудила к ВМН – высшей мере наказания – Новограбленова Прокофия (так записано его имя в материалах ОГПУ) Трифоновича, русского, б/п, образование – высшее, заведующего музеем, и с ним еще 94-х человек.

В 1957 г., после проверки, в результате которой обвинение объективно ничем не подтвердилось и было полностью опровергнуто, П. Т. Новограбленов, как и другие осужденные по делу «Автономная Камчатка», был реабилитирован. Правда, потом еще 33 года скрывали, что реабилитированные – расстреляны...

И не то чтоб позабыт теперь безвинно убиенный натуралист Прокопий Новограбленов, а как-то толком не помянут. Назвали было его именем сопку на Карагинском острове да закрепили ли надлежащим образом это название – Бог весть. Даже улицы его имени в Петропавловске нет. Имени «нашего» шпиона Абеля, никогда, по-видимому, на Камчатке не бывавшего, – есть, а имени человека, отдавшего ей свою недолгую жизнь, – нет. А разве имя бывшего матроса парохода «Котик» менее достойно быть названием современного торгового судна, чем неизвестно что означающий «Котласлес»?

Камчатский отдел Географического общества в 1965 г. принял прекрасное решение – учредил премию имени П. Т. Новограбленова для поощрения работ по географии и краеведению Камчатской области. Каждый год в октябре предусматривалось определять лауреата и вручать ему диплом и сто рублей. Где они, лауреаты?..

*Владимир Вейхман, председатель правления
Камчатского общества «Мемориал».
Газета «Вести» (Петропавловск-Камчатский),
7 августа 1992 г.*

ВЫДАЮЩИЙСЯ НАТУРАЛИСТ КАМЧАТКИ

Передо мной «Дерсу Узала» первого издания. На обложке из грубой желтой бумаги рукой В. К. Арсеньева: «Дорогому Проко-

пию Трифоновичу от автора». А вот книги ботаника Д. И. Литвинова, дальневосточного геолога профессора П. И. Полевого, зоолога К. М. Шишова – все с теплыми дарственными надписями опять же ему – Прокопию Трифоновичу Новограбленову.

Кто же он?.. Откроем один из томов выдающегося ученого, президента Академии наук СССР В. Л. Комарова и прочтем: «Наконец, на самой Камчатке появился талантливый и знающий коллекционер и наблюдатель в лице уроженца Петропавловска и преподавателя местного училища П. Т. Новограбленова... В 1925 г. П. Т. Новограбленов основал в Петропавловске Общество изучения Камчатки и тем положил начало более интенсивному ее исследованию».

Этот ответ окончательно определил мое желание познакомиться ближе с незаурядным камчатским исследователем.

Пётр I заложил основы государственной науки. В речи по поводу своего избрания членом Парижской Академии наук он писал: «Мы ничего больше не желаем, как чтоб через прилежность, которую мы прилагать будем, науки в лучший цвет привести». И в созданной им Академии условия для работы приглашаемых учёных были очень неплохие: контракт заключался на пять лет, жалованье составляло 600 рублей, жилье и дрова предоставлялись бесплатно за счёт Академии. Обязанности академиков были несложные: четыре часа в неделю читать публичные лекции, представлять свои рассуждения для членов Академии и дважды в неделю присутствовать на академических собраниях. Кроме того, выполнять поручения связанные с той отраслью науки, которая являлось предметом работы профессора. После пяти лет в случае продления контракта можно надеяться на прибавку жалования до 800 рублей. Во время экспедиции жалование удваивалось. Надо сказать, что первый русский адъютант физического класса – М. В. Ломоносов получал только 360 рублей.

1. Ясачные сборщики и... герои Петропавловской обороны

Осенью 1733 г. на Камчатку прибыла из Якутска «походная розыскная канцелярия» майора Василия Мерлина. По указу императрицы Анны Иоанновны канцелярия повела лютые след-

ствие и расправу с ительменами, восставшими под предводительством тойона Федора Харчина – «камчатского Степана Разина», как назвал его А. С. Пушкин.

Беззакония, кражи и «великие разорения», творимые местной администрацией и казаками, оказались столь великими, что «походной канцелярии» пришлось для острастки подвергнуть наказаниям еще и 65 человек русских служивых. В числе их был бит батожем и ясачный сборщик Василий Новограбленый. Он во время экзекуции умер. Таково первое упоминание о Новограбленовых на Камчатке, которое мне удалось найти.

О другом Новограбленове – Матвее – сообщает академик Степан Крашенинников, работавший на полуострове в 1735–1741 гг.. Он пишет: «...В остроге Большерецком подарил мне обретающийся здесь иркутский сын боярский Матвей Новограбленой книжку на четверте листа неизвестным языком написанную, которая состоит из листов 73. Она книжка местами по краям изъедена, а взята она на японской же бусе».

Это японское судно («буса») потерпело крушение у мыса Лопатка. Казацкий пятидесятник Штинников, проходя на байдарках, случайно наткнулся на него. Команда японцев, кроме двух человек, была казаками перебита, а судно сожжено. Пленных японцев привезли в Большерецк и впоследствии переправили в Петербург. Один из них, крещенный под именем Косьмы, преподавал «неизвестный» японский язык в школе, учрежденной ранее Петром Первым.

Служивые «сыны боярские из Иркутска», совершенно очевидно, и являются основателями рода камчатских Новограбленовы.

С Новограбленовыми мы снова встретимся, если внимательно изучим документы, относящиеся ко времени героической Петропавловской обороны 1854 г. Тогда небольшой и слабо вооруженный гарнизон Петропавловска разбил и опрокинул в море десант англо-французской эскадры, пытавшейся захватить город. Камчатский военный губернатор адмирал В. С. Завойко сообщал генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву: «25-го в пять часов пополудня появился во входе в губу бот наш № 1, под командой боцмана Новограбле-

нова и был уже на виду эскадры, но предупрежденный людьми с Дальнего маяка, ушел в море и передал известие о неприятельской эскадре, встретившейся с ним около Старочкова острова шхуне “Восток”, шедшей в Петропавловский порт с депешами Вашего превосходительства и с почтою. Шхуна ушла в Большерецк, а бот № 1, перескочив через риф, скрылся в Жировой бухте».

Благодаря предупреждению шхуна была спасена, а вместе с ней и важная государственная почта, от захвата вражеской эскадрой.

Читаем список «нижних чинов 47-го флотского экипажа и других команд, бывших в сражении противу англо-французской эскадры» и находим – «Новограбленный Иван». И еще: «Матрос второй статьи Иннокентий Новограбленный, умер от ран, женат на Анне Осиповой. Имеет дочь Авдотью по второму году, которая состоит при 47-м экипаже на довольствии».

Обнаружены мною и другие архивные и прочие сведения о первых Новограбленных на Камчатке, из которых следует, что эта фамилия прижилась на полуострове.

* * *

Прокопий Трифонович Новограбленов родился 14 августа 1892 г. Отец Прокопия – Трифон Иннокентьевич – значился петропавловским мещанином. Занимался он, как и большинство постоянных жителей Петропавловска, охотой и рыбным промыслом. Трифон Иннокентьевич слыл умным и изрядно грамотным человеком. При возникновении сложных споров его горожане обычно избирали в посредники. Он-то и стал первым подписываться не Новограбленный, а Новограбленов, что звучало, казалось ему, несколько благозвучнее.

Трифон Иннокентьевич сумел дать детям возможное в условиях Петропавловска образование. Всех детей было пятнадцать. Прокопий, по возрасту средний, пошел в школу в 1901 г. Городское училище представляло собой – четыре стены с крышей. Не было даже прихожей. По рассказам однокашников, Прокопий учился очень хорошо и отличался удивительной любознательностью. Успевал он и охотиться – сопки-то ря-

дом, сразу за городом. На охоту ходил с отцом, а чаще с дядьями по матери – Коршуновыми.

Заведующий училищем Аполлос Лаврентьевич Соболев, выпускник Санкт-Петербургского учительского института, который окончил с отличием, очень много сделал для развития просвещения на Камчатке. Он несколько лет переписывался с министерством о преобразовании училища в трех- и четырехклассное, выпросил разрешение на совместное обучение мальчиков и девочек и, наконец, предпринял ловкий демарш – предложил построить новое здание школы в честь... 200-летия владения России Камчаткой (1696–1896 гг.). Ассигнования были выделены и здание построено. Характерно и то, что учеников в этой школе линейкой не наказывали.

Прокопий закончил училище в 1907 г. Он писал: «Яркий солнечный день; школьники, весело шумя, расходились по домам. В руках аттестаты... Ну хорошо, я теперь окончил школу. А что буду делать? Учиться дальше негде. Ехать на материк – нужны средства... Приходилось возвращаться в первобытное состояние, ловить рыбу, ездить каюром, охотиться... Поступить на службу можно лишь приказчиком в “компанию” – Камчатское торгово-промышленное общество, или писцом в полицейское уездное управление, или матросом...» Прокопий избрал последний род занятий: нанялся матросом на пароход компании – «Котик».

В 1910 г. при школе открылись учительские курсы. Прокопий сразу же поступил на них. Училище к тому времени стало уже четырехклассным. Благодаря участникам экспедиции русского географического общества в 1908–1911 гг. – В. Л. Комарову, С. А. Конради, П. Ю. Шмидту, Н. Г. Келлю и др. в училище оборудовали физический кабинет, собрали большую библиотеку. Для практического ознакомления детей с огородничеством создали пришкольный огород, было организовано ремесленное отделение. Ученики из отдаленных мест области жили в интернате. Училище стало подлинным центром просветительной работы на полуострове. Все эти мероприятия проводились с большим трудом, в настоящей борьбе с администрацией. Порой борьба обходилась очень дорого. Одна молоденькая учительница (А. К. Шпакова) даже заболела психи-

ческим расстройством и скончалась в сумасшедшем доме. Были и стойкие, такие, как Антон Никитович Яременко и Николай Иванович Оселедько. Эти прогрессивно настроенные, прекрасно образованные педагоги много времени отдавали учительским курсам и, как сообщает П. Т. Новограбленов, «знакомили курсантов с выдающимися произведениями русской и иностранной литературы, прививая критическое отношение к окружающей среде». В 1915 г. их обоих, по распоряжению губернатора Мономахова, выслали с Камчатки. А. Н. Яременко в годы борьбы с иностранными интервентами являлся активным революционным деятелем Приморья, занимался переброской оружия боевым партизанским группам.

Большое влияние оказал на молодого Новограбленова магистр ветеринарии Сергей Александрович Грюнер. Он прибыл на Камчатку для изучения оленеводческого хозяйства округа. Человек глубоко преданный науке, Грюнер знал и любил северные окраины. Он владел многими языками, мог свободно объясниться с коряками, якутами, тунгусами. Ученый мечтал о постановке на полуострове лучшего в мире оленеводческого хозяйства. С этой целью три года изучал оленеводство на Аляске, в скандинавских странах. Он работал также в Якутии, объездил Охотское побережье.

С. А. Грюнер был хорошим знакомым Новограбленовых и часто заходил в их просторный дом, построенный братьями на склоне Петровской сопки. Три брата уже жили своими семьями, а одиннадцать детей все еще находились при матери – Калиссе Васильевне (отец умер). Грюнер-то и был из тех, кто посоветовал Прокопию после окончания в 1913 г. учительских-курсов ехать продолжать образование в Томск. Такое же пожелание горячо высказал учитель Григорий Емельянович Рыжук. Ему нравился способный юноша-камчадал. «Прокопий при мне рос, учился, – пишет Г. Е. Рыжук. – По вечерам он изучал иностранные языки, летом проводил время над гербариями, собирал коллекции».

Старший брат Иван, работавший счетоводом в камчатском отделении фирмы «Чурин и К°», поддержал совет и обещал помогать.

Летом этого же года Прокопий направился пароходом во Владивосток, а оттуда в Томск. Экзамены в Учительский институт он сдал успешно. Судя по письмам к родственникам, учеба в институте у него шла хорошо. Уже с первого курса Прокопий начал даже подрабатывать домашними уроками и переводами.

На Камчатку П. Т. Новограбленов вернулся в 1918 г., добившись первым среди коренных жителей полуострова диплома о высшем образовании. Поступил работать в свою же школу преподавателем естествознания.

2. Вулканы. Горячие ключи

В списке больших и малых работ П. Т. Новограбленова, которые мне удалось собрать, насчитывается пятьдесят статей и почти столько же разного рода научных информации, сообщений, касающихся ботаники, зоологии, археологии и проч. Четырнадцать работ напечатано в изданиях Академии наук СССР и Русского географического общества. Имеются еще и рукописи. В науку имя Новограбленова вошло, прежде всего, как автора первого «Каталога вулканов Камчатки» и работы «Горячие ключи Камчатки». Базой для научной деятельности являлось все то же городское училище с его физическим кабинетом, единственным на всем северо-востоке страны. В кабинете – три микроскопа, фотоаппарат, более трехсот приборов для изучения свойств тел, газов, теплоты, электричества, магнетизма и т. д. Имелась и хорошо подобранная библиотека в четыре тысячи томов.

В 1920 г. П. Т. Новограбленов организует в городе кружок по изучению Камчатской области. В него записались учителя, врачи, некоторые служащие, ученики старших классов. Краеведы принялись активно собирать коллекции по животному и растительному миру, этнографии. Все это сортировалось, оформлялось и хранилось в школе. По настоянию Новограбленова школе передали и геологические образцы, которые скопились при канцелярии областного управления. Так, кроме физического, появился еще естественно-исторический кабинет, а в нем – минералогический, ботанический и зоологический отделы.

Камчатский губревком подарил краеведам экспонаты, собранные на севере Камчатки и на Чукотке. Экспонаты предназначались для Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве, но из-за бездорожья не были своевременно доставлены. Они существенно пополнили коллекции. Вскоре естественно-исторический кабинет переселился – для него выделили этаж в бывшем губернаторском доме – и стал именоваться уже «Камчатским областным музеем». Заведование музеем взял на себя П. Т. Новограбленов.

8 октября 1926 г. кружок краеведов реорганизуется в Общество изучения Камчатки, которое приняло устав Русского географического общества. Председателем избрали П. Т. Новограбленова.

Особое внимание Прокопия Трифионовича привлекают вулканы. Им посвящена почти половина его статей. Действующие вулканы – это замечательная особенность полуострова, но литература о них, как и вообще о геологии Камчатки, в то время была скудна: книга чиновника особых поручений по горной части. К. Дитмара, труды экспедиции горного инженера К. Богдановича и сотрудников геологического отдела экспедиции Рябушинского. В 1920–1922 гг. некоторые исследования провела Шведская научная экспедиция, которая изучала южную и центральную часть полуострова. В отдельных поездках участвовал вместе со шведами и Новограбленов. Он организует восхождения на Вилючинский и Корякский вулканы, несколько раз поднимается на Авачинскую сопку.

С Авачей у П. Т. Новограбленова, так сказать, близкое знакомство – в 1923 г. он вместе с замечательным дальневосточным следопытом В. К. Арсеньевым побывал в ее кратере.

Владимир Клавдиевич Арсеньев встретился с молодым камчатским натуралистом еще в 1918 г., в свой первый приезд на полуостров. Владимир Клавдиевич руководил отрядом экспедиции Переселенческого управления, на которую было возложено «обследование Камчатки в научно-колониационном отношении». Он тогда выступил в Петропавловске на специальном заседании с докладом по инородческому вопросу, нарисовал тяжелую картину состояния коренных народностей

Севера. На этом заседании председательствовал учитель П. Т. Новограбленов.

В. К. Арсеньев побывал в Усть-Камчатске, на восточном побережье полуострова, а оттуда поднялся на вельботе до верховьев реки Камчатки, по пути обследуя ее долину. Затем он перевалил Ганальский хребет и, спустившись в долину реки Авачи, вернулся в Петропавловск.

Поездка 1923 г. началась у В. К. Арсеньева с Гижиги. Он в течение четырех месяцев изучает гижигинский промысловый район, а с открытием навигации спешит на Командорские острова, которые интересуют его как заповедник ценнейших пушных зверей – котиков и каланов. По пути на пароходе «Томск» заезжает в Петропавловск. Здесь в течение трех недель Владимир Клавдиевич много и дружно работает вместе с П. Т. Новограбленовым. Они занимаются в музее, производят раскопки древнего ительменского стойбища за Култучным озером.

4-го августа было решено совершить восхождение на Авачинский вулкан. В план похода включили новое – попытаться спуститься в кратер. Путь Новограбленову хорошо знаком, поэтому поднялись без особых приключений. Но как спуститься в кратер, который жил своей особой таинственной жизнью? Из откосов, раскрашенных налетами всех цветов радуги, из трещин выделялись струи газов и пара. Дно загромождено глыбами. Стенки кратера отвесные, глубина более ста метров. На южной части выпирают лавовые глыбы. Присмотревшись, решили попытаться спуститься по этим «ступеням». Связались веревкой и, шаг за шагом, цепляясь за малейшие неровности, пошли вниз. Шум, какое-то сопение, удушливый жар – вот оно дыхание Авачи! Исследователи, осторожно ступая, обходили раскаленные камни, из-под которых били фонтаны кипятка. Кое-где на какой-то миг появлялись бегающие огоньки.

Но вот клубы пара и газа закружились, их зеленовато-желтые шлейфы стали расти, раздуваться, душить. Прошло уже час сорок минут, как люди находились в кратере. Вероятно, деятельность вулкана, его режим несколько изменились, и не к лучшему. Решили не рисковать, немедленно выбираться. Наверху, когда оставались последние шаги, сильный вихрь чуть

не опрокинул путешественников обратно в воронку. Оказалось, за эти часы испортилась погода. Спускаться с вулкана пришлось при дожде. Но все обошлось благополучно.

В. К. Арсеньев в статье «Восхождение на Авачинский вулкан» подробно и красочно рассказывает о путешествии с П. Т. Новограбленовым на этот один из самых активных вулканов полуострова. И, конечно, для такого путешествия требовались не только большая любознательность, но и немалое мужество. Это было первое исследование кратера Авачи и повторено оно лишь через тридцать три года группой камчатских альпинистов, а еще несколько позже – вулканологами во главе с молодым ученым Генрихом Штейнбергом.

К исследованию Авачи П. Т. Новограбленов вернется не раз.

* * *

1923 г. был характерен усилением проявления вулканических явлений и связанных с ними сейсмических. В начале февраля начала вдруг извергаться или, как говорят здесь, «гореть» Желтовская сопка, считавшаяся потухшей. Активнее действовала Ключевская сопка, «ожили» Карымский вулкан, Дзензурский, Кроноцкий, Казимен. Участились землетрясения. В статье «Февральское землетрясение» Новограбленов писал: «Потрясенная область имеет в длину 550 километров, а в ширину – 220 километров, то есть захватила почти одну четверть полуострова. Направление волнообразных колебаний шло от Кронок... По всем признакам, февральское землетрясение вулканическое, большое и сложное».

Оно оказалось действительно большим, сложным и продолжительным: наблюдалось и в марте. А 14 апреля в третьем часу ночи в селе Усть-Камчатск разразилась катастрофа. Началась она сильным толчком. «Спустя 15 минут, – пишет Новограбленов, – с моря послышался сильный шум, казалось, что море устремилось на сушу... На рассвете в дымке синеватого тумана изумленному взору предстала ужасная картина: коса оказалась совершенно чистой от построек, которые были, очевидно, смыты и снесены гигантской волной».

Появление разрушительных волн – цунами – Новограбле-

нов в своих статьях связывает с вулканическими землетрясениями. Так, он отмечает, что во время первых колебаний февральских землетрясений на море образовалось три волны. «Наступательное их движение на сушу было на протяжении приблизительно 450 верст... Высота этих волн достигала трех саженей».

Описание цунами 1923 г., проделанное П. Т. Новограбленовым, не только ярко, правдоподобно, в нем – попытка анализа причин его возникновения. Это, по существу, единственный и, вообще второй после Крашенинникова, подробный рассказ о цунами на Камчатке. «Следуя сообщениям этого автора, мы имеем возможность воспроизвести во всех деталях события, сопровождавшие интересное сейсмическое явление», – пишет доктор геолого-минералогических наук А. А. Меняйлов в статье «Цунами в Усть-Камчатском районе» (Бюллетень вулканологической станции, № 12. 1946 г.). Такой же вывод напрашивается, когда знакомишься с работой А. Е. Святловского «Цунами», издания АН СССР, 1957 г.

Как известно, 1923 г. остался особенно памятным для Японии: ее постигло небывалое землетрясение. 2-го сентября за какие-то 10–15 секунд были разрушены Иокогама, Нагоя и часть Токио. Пострадали триста тысяч человек. В Петропавловске состоялось общее собрание жителей, на котором постановили создать фонд помощи трудовому народу Японии, в связи с постигшим бедствием. В фонд решили отчислить двухдневный заработок.

Японское землетрясение взволновало население Камчатки. Ожидали если не повторения, то какого-либо отражения катастрофы. По такому поводу Новограбленов выступает со статьей «Деятельность наших вулканов». В ней он анализирует состояние действующих вулканов Камчатки и делает вывод: «На вопрос, усилилась ли вулканическая деятельность на полуострове, можно ответить отрицательно». Это, пожалуй, одна из первых, если не первая, попытка дать прогноз сейсмических явлений на Камчатке. Любопытно, что наступивший 1924 г. оказался исключительно «тихим» для камчатских вулканов: не было зарегистрировано ни одного извержения.

П. Т. Новограбленов по-прежнему много путешествует. Он взбирается на Корякский вулкан, обследует Жупановский, описывает вулканы Аак и Арик. В 1926 г. весной Авачинская сопка, «молчавшая» более двух десятков лет, внезапно начала извергаться. С 28 марта по 7 апреля произошло семь магматических взрывов. Новограбленов сразу же организует туда поездку. Обследует еще свежий магматический поток, высчитывает его протяженность, вес и массу. В работе «Извержение Авачинского вулкана в 1926 году» он детально описывает опасное и величественное явление. И делает это, как обычно, весьма ярко: «Вновь гигантский взрыв в кратере. В атмосферу взвился черный столб дыма. Вид столба – как цветная капуста среди белоснежных облаков. Солнце не могло пробиться сквозь него, освещало только бока... Вдруг из жерла взвился фонтан красно-синего пламени... Из него вылетали во все стороны искры – фейерверки. Вслед за фонтаном пламени полилась сплошным морем лава, морем огня. Дойдя до середины конуса, сплошная огненная шапка лавы стала разрываться по краям и скатываться вниз красными глыбами... В кратере бушевали огненные вихри, гигантские всплески жидкой магмы».

Общество изучения Камчатки издает для населения специальную инструкцию «О наблюдении за землетрясениями и вулканами», сообщает в ней, что задача общества – «поставить широко дело наблюдений и описаний деятельности вулканов и землетрясений. Ведущий автор инструкции – Новограбленов. В 1927 г. в Петропавловске члены Общества восстановили и пустили после десятилетнего бездействия сейсмическую станцию.

П. Т. Новограбленову большую помощь в изучении вулканов оказывают местные жители – ительмены, коряки, эвены. Ему – камчадалу – они охотнее рассказывают о тайнах огнедышащих гор, о запретных для посещения местах. В 1929 г., например, он совершал путешествие с проводниками-коряками к вулкану Анаун, расположенному в Срединном Камчатском хребте. Коряки говорили, что нога человека не ступала на вершину этого вулкана, по их повериям, священного. «Среди коряк сохранилось предание, гласящее, что давно был потоп, – рассказывает Новограбленов, – вода покрыла все долины,

все тундры, все горы. Коряки построили лиственничные плоты и сели на них. Буря погнала их в разные стороны. Один из плотов пристал к склонам Анауна, и, таким образом, коряки спаслись. Когда потоп прекратился, они сошли на тундру. Старики, старики стариков, деды и деды дедов говорили, что этот лиственничный плот до сих пор находится на Анауне. Никто не дерзал вступать на его вершину».

И вот, Новограбленов «дерзнул». Он взял с собой обычное снаряжение – буссоль, бинокль, анероид, ботанический пресс, фляжку воды, захватил палку и отправился на сопку. В этот же день он на вершине поставил флаг, видный из лагеря. Высота Анауна оказалась 1 860 метров (сейчас считают – 1 829 м).

Вернувшись, Новограбленов за чаем стал проводникам рассказывать про восхождение. Когда сказал, что плота на вершине нет, старик Кава задумчиво покачал головой:

«Ты был наверху, – заметил он. – Ты сказал, что там большие камни. Плот завалило камнями, ты прошел мимо и не заметил его. Он, конечно, там». Доверие к легенде не было поколеблено.

Постоянно во внимании П. Т. Новограбленова Ключевская сопка – величайший действующий вулкан Евразии (по высоте – четыре Везувия). Но от Петропавловска до нее далеко. По просьбе Прокопия Трифоновича, за Ключевской вел наблюдения грамотный житель села Ключи М. З. Чудинов. Все любопытное он записывал в особую тетрадь. В июле 1927 г. П. Т. Новограбленов прибыл в это село с целью совершить путешествие вокруг Ключевской сопки.

По краям Ключевского дола возвышается целая группа других громадных вулканов – Камень, Плоская, Большой Толбачик, Зиминая, Безымянный и другие. Новограбленов провел полмесяца среди них. Сопровождаемый двумя старыми охотниками, он пересек лавовые поля, ледники, речки, перевалы и снова вышел в долину реки Камчатки.

В работе «Среди гигантов» исследователь подробно рассказал об интересном путешествии: «С грустью я расставался с любопытной группой вулканов Камчатки... Необходимо побывать среди гигантов Ключевского дола, пожить среди них долъ-

ше, чем смог я», – пишет в заключение Новограбленов. Впрочем, он будет еще у Ключевской – в 1929 г. попутно, а в 1932 – специально, для обследования паразитных кратеров, возникших на ее северо-восточном склоне. Кратеры, названные Пацан и Фаина, родились на высоте 550 метров. Новограбленов первым из исследователей побывал на них. Пацан, появившийся 25 января 1932 г., действовал до конца мая. Лавовый поток Пацана достигал пяти километров. Когда П. Т. Новограбленов работал на потоке, то тот еще медленно двигался, плыл. Об этом можно было судить по шевелящимся глыбам...

29 июня на ровном лугу появился новый паразитный кратер – Фаина. Гром, с которым летели вверх продукты извержения, слышали за пятьдесят километров, из жерла поднялся сноп пламени.

1-го июля П. Т. Новограбленов уже подъезжал к Фаине. Он сам и дал название кратеру.

Взрывы, фейерверк красных бомб, дождь из пепла и шлака – ничто не остановило исследователя. Он измерил высоту купола паразита, диаметр кратера, взял образцы изверженных пород. И хотя проводник отказался сопровождать его, Новограбленов, лавируя среди падающих бомб, сумел довести работу до конца.

В статье «Извержение Пацана и Фаины на Камчатке», он приходит к выводу, что в 1930–1932 гг. вулканы полуострова проявили повышенную деятельность. Далее, рассматривая состояние вулканов в Андах, на Японских островах, в восточной Индии, на Аляске и т. д., пишет: «Японо-Курильская дуга... вибрировала особенно интенсивно в 1931 году... Вторая вулканическая дуга, подходящая к Камчатской дуге, Алеутская, проявила себя в 1930–32 годах бурным пробуждением многих вулканов». И, как вывод, заключает: «Извержения Пацана и Фаины в 1932 году не были чисто местными явлениями, а являлись отражением вибрации магмы Тихоокеанского вулканического кольца».

Эту статью, изданную в Известиях Русского географического общества, заметил академик В. А. Обручев, который резюмировал: Новограбленов «описал два новых паразитных

кратера (Пацан и Фаина), возникших в 1932 году на склоне Ключевской сопки... Автор пришел к выводу, что извержения не были местным явлением, а являлись отражением вибрации магмы Тихоокеанского вулканического кольца» (Обручев В. А. «История геологического исследования Сибири»).

Как итог непрерывной 14-летней научной работы П. Т. Новограбленова появляется его «Каталог вулканов Камчатки», изданный в 1933 г. опять же Русским географическим обществом. Новограбленов насчитал на полуострове 127 вулканических конусов, куполов, кальдер. Из них 19 вулканов – действующих, все они расположены на восточной стороне полуострова, лишь один – Ичинский – в Срединном Камчатском хребте.

Любопытно, по поводу этого единственного действующего вулкана велся долгий спор. Большинство его считали потухшим. На такой точке зрения, например, стоял академик А. Н. Заварицкий. В 1956 г. камчатские альпинисты, группу которых возглавил А. Яцковский, совершили первовосхождение на Ичинскую сопку. На высоте 2 950 метров, на северо-восточном склоне, как и утверждал П. Т. Новограбленов, альпинисты обнаружили воронку, из которой выделялись пар и газы. В следующем году сотрудник Камчатской геолого-геофизической обсерватории Н. В. Огородов совершил новое восхождение и открыл на Ичинской еще одну fumarolu. Теперь уже на северном склоне и на высоте 2 800 метров. Так спор был решен в пользу первого каталога вулканов.

В каталоге П. Т. Новограбленов дает общий обзор Камчатской вулканической дуги, которая «является непосредственным продолжением Курильской вулканической дуги». Затем он переходит к рассмотрению вулканов, группирует их: 1. Вулканы западного побережья. 2. Вулканы Срединного Камчатского хребта. 3. Вулканы восточной части Камчатки. В каталоге сообщается расположение каждого вулкана, высота, строение, даты извержения и даже все известные названия. Некоторые вулканы Новограбленов наименовал сам. Это вулканы Эрмана, Слюнина, Маргаритова – в честь камчатских исследователей, вулкан Игоревский – по имени своего сына-первенца. Первые три названия до сего дня на картах.

Сводная работа, в которой описаны все известные вулканы Камчатки, привлекла внимание советских вулканологов. Ее выход отметили академики В. А. Обручев и А. Н. Заварицкий. А. Н. Заварицкий, правда, предположил, что в каталоге число вулканов «как действующих, так и потухших... несколько преувеличено» («Северная группа вулканов Камчатки», изд. АН СССР, 1935 г.). Однако подсчеты Новограбленова довольно верны. Новые исследования изменили их даже в большую сторону, что закономерно. В настоящее время на полуострове к действующим относят уже 29 вулканов, всех же насчитывают – 130.

Первый каталог вулканов и в настоящее время представляет серьезный интерес для вдумчивого исследователя. На восточном побережье Камчатки, в пятидесяти километрах от поселка Жупаново, вздымается темный конус Карымской сопки. Начиная с весны 1960 г., этот вулкан ведет себя очень беспокойно, извергая газы, пепел, а осенью минувшего года – и лаву. Новограбленов изучал этот горный район в августе 1926 г. В своем описании Карымского вулкана он сообщает, что вулкан «стоит в огромной кальдере». На эту важную особенность строения Карымской сопки ранее ни один из исследователей не обратил внимания.

Известный вулканолог, председатель Международной секции вулканологии Г. С. Горшков в статье «Заметки об извержении Карымского вулкана в 1960 г.» (Бюллетень вулканологической станции, № 32. Москва, 1962 г.), отмечает, что «первое высказывание П. Т. Новограбленова о том, что Карымский вулкан расположен в кальдере, подтвердилось». Г. С. Горшков сообщает: «Диаметр кальдеры достигает 5 километров... Гребень кальдеры сохранился со всех сторон, кроме южной». Автор здесь же подчеркивает, что каталог Новограбленова «является очень важным вкладом в познание камчатских вулканов».

* * *

Одновременно и в тесной связи с изучением вулканических явлений П. Т. Новограбленов занимается горячими источниками полуострова. Тема была актуальной. Руководитель «Дальгеолкома» профессор П. И. Полевой, автор карты полезных

ископаемых Камчатки, отмечал в статье «Полезные ископаемые Камчатской области» (Владивосток, 1923 г.): «Прежде всего приходится отметить полную несостоятельность списка минеральных источников полуострова, так как литературные указания оказались весьма устарелыми и частью неверными. Учителем Петропавловского начального училища П. Т. Новограбленовым составлен новый список и тщательно записываются все сведения об источниках. В этом списке намечен сорок один источник».

Новограбленов, начиная с 1920 г., систематически публикует материалы о горячих ключах полуострова. Каждому описанию предшествовали полевые работы и возможные в условиях Петропавловска исследования их минералогического состава. Он следит за режимом Паратунских источников, которые расположены в шестидесяти километрах от города, прочит им большую будущность. На базе их ныне работает крупный курорт. Камчатское геолого-разведочное управление пробурило там несколько скважин. Одна из них питает теплицу; составляется проект строительства тепличного комбината. В настоящее время эти источники исследуются еще и с целью теплофикации Петропавловска природными горячими водами. Несколько групп горячих источников – Краеведческие, Переваловские, Когенские и другие открыты Новограбленовым в его экспедиционных поездках, «Краеведческие» названы им в честь Камчатского краеведческого общества.

В 1931 г. П. Т. Новограбленов публикует сводную работу – «Горячие ключи Камчатки». Это первый специальный труд по минеральным источникам полуострова.

Директор Института вулканологии член-корреспондент Академии наук СССР Борис Иванович Пийп писал в те годы: Новограбленов «дал описание многих неизвестных или мало известных горячих источников полуострова. Кроме материалов собственных наблюдений, он собрал много сведений у местного населения, в результате чего и изучения литературы им составлен полный список горячих источников Камчатки» («Термальные ключи Камчатки». Москва, 1937 г.).

К настоящему времени число обнаруженных на Камчатке

источников перевалило уже за сто, устарела и классификация Новограбленова, тем не менее, работа остается ценным вспомогательным материалом. Во время же ее выхода она была уникальна.

Выдающийся советский геолог академик Владимир Афанасьевич Обручев в своей капитальной «Истории геологического исследования Сибири» сообщал: «Новограбленов П. Т. дал список и краткие сведения о горячих ключах Камчатки. Он насчитал 63 группы сернистых, сернисто-водородных и железисто-известковых источников на полуострове и шесть вне полуострова, разбивая их на 8 отделов».

Кстати сказать, Владимир Афанасьевич в этом труде упоминает о работах камчатского натуралиста Новограбленова более десяти раз.

3. Натуралист. Педагог

В конце июля 1952 г. в адрес Камчатского краеведческого музея пришло письмо: «Музей земледения, создаваемый в новом здании Московского университета имени Ломоносова, имеет сведения о том, что вы располагаете гербарным материалом (сборы В. Л. Комарова, П. Т. Новограбленова), которые Вы могли бы передать.

В связи с тем, что указанные материалы могут быть использованы для показа в музее земледения, просим Вас не отказать в передаче их музею... Директор музея земледения МГУ профессор Н. Е. Ермаков».

Как сообщили автору старожилы, в Камчатском областном музее хранился большой фонд гербарного материала, собранный в основном П. Т. Новограбленовым. Передал музею часть своих материалов и академик В. Л. Комаров. Просьбу университета удовлетворили: гербарий был отослан в Москву.

Ботаника – это то, с чего начал П. Т. Новограбленов деятельность натуралиста, исследователя Камчатки. Сбором гербария, описанием растений Новограбленов занимался почти в каждой своей поездке. Любовь к растительному миру у него проявилась рано. Его мать – Калисса Васильевна славилась в Петропавловске своим огородом и ягодниками. У нее возле

дома был разбит и большой цветник, в котором пестрели гладиолусы, астры, ромашки и даже чайная роза – совершеннейшая редкость для Камчатки. В саду росли крыжовник, малина, красная и черная смородина, посаженные правильными рядами.

В семье Новограбленовых, все от мала до велика, работали на огороде, в саду и в цветнике. А позже Прокопий Трифонович привлекает своих сестер к научным ботаническим занятиям. Особенно охотно помогали ему самая младшая сестра-школьница Татьяна и любимица семьи – Ирина. Ирина в 1921 г. приехала с Командор, где учительствовала на острове Медном. Это была способная жизнерадостная девушка, активистка. В 1923 г. она в числе первых вступила в комсомол. Музей для нее стал вторым домом. «Прокопий Трифонович писал отчеты всю зиму, даже мне доставалось, так как диктовал он иногда лежа на спине – у него что-то было с венами», – рассказывает племянница Прокопия Трифоновича геолог Лидия Ивановна Новограбленова.

Труд В. Л. Комарова «Флора полуострова Камчатки» – настольная книга Новограбленова. Он питал исключительное уважение к Владимиру Леонтьевичу не только потому, что тот был ученым с мировым именем, но и потому, что в своих работах Комаров отзывался очень тепло о коренных жителях Камчатки, не проявляя к ним никакого высокомерия. Это не могло не импонировать камчадалам.

Учитель Петропавловского высшего начального училища Григорий Емельянович Рыжук. Начало XX века

«Я учительствовал в селе Мильково, – пишет старейший учитель-пенсионер Г. Е. Рыжук, – встречался там с покойным Комаровым... Владимир Леонтьевич танцевал на вечеринках местные танцы – чижика и восьмерку, ему нравился первобытный честный камчадал. Запомнились его слова: «Кто побудет на Камчатке – полюбит ее и никогда не забудет».

Пожалуй, не найдешь более проникновенных слов, чем те, которыми заключил В. Л. Комаров свой капитальный труд «Путешествие по Камчатке»: «Для меня воспоминание о Кам-

чатке навсегда связано мягким гармоничным пейзажем начала лета, с величественной картиной вулканических конусов,.. наконец, с большой симпатией к независимым, смелым и умным жителям этой страны... Не могу придумать лучшего конца для этой книги, как высказав пожелание, чтобы их участь изменилась к лучшему».

П. Т. Новограбленов до последних дней находился в переписке с Владимиром Леонтьевичем, просил его в содействии в устройстве экспедиций, либо просто обращался за советом. В библиотеке Новограбленова бережно хранилась книга Комарова «Очерк растительности Якутии» с надписью – «Прокопию Трифоновичу от автора». Этот академик отличался горьковским, если так можно выразиться, вниманием к молодежи и умел замечать у нее даже небольшой успех. Он постоянно следил за работой Общества изучения Камчатки, присылал оборудование, книги.

В 1925 г., после выхода работы «Ганальская ботаническая экспедиция», П. Т. Новограбленова принимают в члены Русского ботанического общества. Исследуя высокогорный район Ганальского хребта и окружающих его тундр, лесов, Новограбленов отмечает удивительную жизненную устойчивость растений полуострова «Мне пришлось наблюдать, – пишет он, – действие инея на шеломайник, высота которого достигала чуть не двух метров. Листья и стебель его промерзли насквозь, стали хрупкими, однако растение не погибло, лишь его листья по краям почернели. Приходится констатировать факт, что все лесные травы, перенесшие в это лето иней несколько раз, не погибли, даже существенно не пострадали».

В 1930 г. в «Трудах Тихоокеанского комитета», которые редактировал В. Л. Комаров, публикуется большой научный очерк Новограбленова «Путешествие к вулкану Анаун в Среднем Камчатском хребте», появляются и другие его ботанические работы. В. Л. Комаров по этому поводу писал: «Среди сборов Новограбленова оказалась коммелина (сорняк, распространенный в Сибири и на Дальнем Востоке. – А. Х.), то есть представитель нового для Камчатки 70-го семейства... Всего им доставлено в 1928 г. 94 листа гербария. Наиболее интерес-

ным, по-видимому, был Пиначево-Налычевский перевал. Летом 1929 г. П. Т. Новограбленов сделал новое пересечение главного хребта Камчатки вблизи истоков реки Тигиль, а летом 1930 г. совершил еще путешествие на север полуострова, откуда можно ожидать много нового, между тем гербарий его еще не получен и придется изучать его и публиковать особо» (В. Л. Комаров «Избранные сочинения», т. VII. Изд. АН СССР. Москва, 1957 г.).

Экспедиция 1930 г., о которой упоминает В. Л. Комаров, была организована с помощью Академии. О ее результатах П. Т. Новограбленов в предварительном кратком отчете сообщает так: «Ботаническая экспедиция Академии наук и Камчатского краеведческого общества работала прошлым летом в узкой части полуострова Камчатки, примыкающей к Азии. Изучая растительный покров и леса, дважды пересекла полуостров и работала на Охотском побережье и вдоль пролива Литке... Вопреки ожиданиям, Срединный Камчатский хребет мощной цепью проходит посреди перешейка. Горы вулканического происхождения и трудно проходимы. Действующих вулканов в северной Камчатке нет. Один из потухших вулканов назван Темплум, известен среди коряков под названием «Дом бога». Экспедиция описала Большие Паланские горячие ключи с температурой 92,4 °С и открыла по реке Корковаям новые источники, названные Когенскими.

Из обследованных долин некоторые имеют колонизационное значение. Долина р. Лесной с лугами, лесами, долина р. Караги пригодны для ведения сельского хозяйства. На Палане возможно разведение рогатого скота в большом размере. Климатические условия северной Камчатки не так уж суровы, как их рисуют. Собранная лесная и луговая растительность неоспоримо доказывает возможность ведения огородничества и скотоводства... Собраны образцы горных пород и полезных ископаемых».

Характерна эта черта Новограбленова – исследовательскую работу сблизить с практическими задачами жизни. Понятно, почему он, например, избирается членом Совета сельскохозяйственной фермы Петропавловска. Этой фермой руководил

агроном Иван Федорович Голованов. И. Ф. Голованов, бывший член социал-демократической фракции 2-й Государственной думы, после разгона думы царем был осужден вместе с другими членами фракции и отбывал четыре года каторги на Акауте, классическом царском застенке, а после еще и ссылку. На Камчатку он прибыл в 1916 г. из Читы, что являлось по существу продолжением ссылки, и определился заведующим Петропавловской сельскохозяйственной фермы. И. Ф. Голованов много сделал для распространения огородничества на Камчатке. В частности, он, на основе удачных опытов, предложил внедрить подзимний сев корнеплодов, в особенности моркови, разработал для местных условий методику обработки земли под такой сев. Ферма практически была опытным хозяйством на полуострове.

В 1929 г. обсуждался вопрос о строительстве на Камчатке первого совхоза. Местная газета «Полярная звезда» по этому поводу писала: «Желательно иметь мнение П. Т. Новограбленова в отношении ботаническом и, по возможности, почвенном». Новограбленов тогда высказался, что лучшей базой для организации такого совхоза будет Петропавловская сельскохозяйственная ферма.

П. Т. Новограбленов в своих ботанических делах всегда советовался с агрономом И. Ф. Головановым, который был членом правления Общества изучения Камчатки и участвовал в краеведческой работе до конца своих дней. Но подробный рассказ о И. Ф. Голованове – в другом очерке.

Попался мне любопытный документ, в котором пчеловод дальневосточник И. Пименов сообщает, что П. Т. Новограбленов в 1925 г. собрал и определил вместе с ним 18 медоносов на Камчатке. Пименов далее пишет: «Новограбленов указывает, что пчеловодство возможно в селе Елизово и в Коряках».

Известно, что пчелы, при соответствующем уходе, выживали на Камчатке и давали сборы. Их улья содержали в селе Ключи, позже на Петропавловской сельскохозяйственной ферме, а в 1957 г. – в Коряках. Кстати, северному пчеловодству уделял внимание и В. Л. Комаров. Еще в 1909 г. велась переписка Приамурского генерал-губернатора П. О. Унтербергера

с приват-доцентом Санкт-Петербургского университета В. Л. Комаровым по поводу разведения пчел на Камчатке.

П. Т. Новограбленов посвящает небольшой, но весьма деловой очерк кормовой базе оленеводства – «Пастбища северного оленя на Камчатке». «По заданию Акционерного Камчатского Общества – АКО, – пишет он, – я вел наблюдения над флористическим составом тундр и их пригодностью в качестве пастбищ для северного оленя. Гербарий кормовых ягелей, собранный во время путешествия в количестве 91 листа, отправлен в Ботанический сад для определения. Общая площадь, занятая тундрами приморскими и высокогорными, по моему подсчету, 52 000 квадратных километров». И далее: «При рациональном ведении хозяйства территория тундр, занимаемая под зимние пастбища, должна быть разделена на участки по естественным границам».

В 1931 г. П. Т. Новограбленов обратился в Академию наук с предложением организовать ботаническую экскурсию в центральную часть полуострова, между долиной реки Камчатки и Охотским морем. В ее плане – комплекс исследований производительных сил. Он послал письмо и академику В. Л. Комарову, в котором просил поддержать идею. В свою очередь, Камчатский окрисполком направил в Академию телеграмму: «Окрисполком ходатайствует об ускорении перевода денег экспедиции Новограбленова в Ичинский район. Окрисполком заинтересован в посылке экспедиции в район ламутов для познания территории и естественных ресурсов. Председатель Камчатского окрисполкома Коренев».

* * *

«Губернское выставочное бюро просит граждан рыбаков сообщать сведения о саранной рыбе и присылать такую большую рыбу П. Т. Новограбленову для обработки и приготовления препаратов.

Вопрос о заболевании саранной рыбы очень важный, и его изучение необходимо в интересах трудящихся».

Такое объявление, появившееся в Петропавловске в 1923 г., сразу же привлекло внимание. Вопрос действительно важный,

так как существовало мнение, что с появлением саранной рыбы связано заболевание проказой.

В теле лосося среди мышечной ткани иногда попадаются беловатые шарики. Они по внешнему сходству очень напоминают дольки клубня растения сараны. Поэтому камчадалы и болезнь назвали «саранной». Доктор Н. В. Слюнин, участник известной экспедиции К. Богдановича, считал, что на Камчатке заражение проказой связано с употреблением в пищу саранной рыбы. Он утверждал: «Прокаженные наблюдаются только в районах тех рек, где встречается саранная рыба». (Н. В. Слюнин. «Охотско-Камчатский край», С-П, 1900). Естественно, такое утверждение, распространившееся весьма широко, не могло не тревожить.

В конце 1923 г. из типографии Камчатского губревкома вышла небольшая книжка Новограбленова – «Саранная рыба». Во введении сообщается, что «автору, заинтересованному еще в 1920 г. саранной рыбой, пришлось познакомиться с саранным кижучем и наблюдать под микроскопом возбудителя этой болезни... В настоящем очерке приводятся главным образом личные наблюдения и эксперименты автора и затем свидетельства рыболовов-местных жителей. Литературные указания очень немногочисленны».

Новограбленов на основе своих опытов, которые перечисляются, делает вывод, что саранная болезнь у лососевых вызывается заражением рыбы паразитами из простейших – споровиков (микроспоридий) и не разделяет мнение доктора Слюнина о связи саранной рыбы с проказой. В книжке подробно описывается паразит – возбудитель саранной болезни – и сообщается степень ее распространения на Камчатке у разных пород лососей. Точка зрения Новограбленова в 1928 г. была подтверждена проф. С. А. Грюнером, а затем и дальнейшими исследованиями паразитологов.

Из оригинальных зоологических работ Новограбленова, кроме «Саранной рыбы», можно указать также на статью «Белка на полуострове Камчатка».

Появление белки на Камчатке явилось неожиданностью. В некоторых местах охотники ее принимали даже за особый цен-

ный вид соболя. Первых белок увидели на севере полуострова в 1920 г., затем в Тигильском районе, в долине реки Камчатки, а в 1930 г. – уже в окрестностях Петропавловска. «Таким образом, – делает вывод Новограбленов, – за последнее десятилетие на полуострове распространился новый вид промыслового животного. Белка, вероятно, иммигрировала на Камчатку из Гижиги и Пенжины... Обилие орехов кедровника, почек различных ив, ягод, позволяет надеяться, что белка будет успешно развиваться в новом отечестве и промысел на нее в ближайшем будущем будет иметь немаловажное практическое значение». Это оказалось действительно так. В настоящее время белка – один из промысловых пушных зверей на полуострове.

К Новограбленову часто обращаются с материка. Приведу несколько отрывков из писем. «Вы устроитель на Камчатке музея и согласились бы помочь зоологическому музею в его желании планомерно пополнять свои коллекции из Камчатки», – пишет директор зоологического музея АН СССР профессор А. А. Билмицкий-Бируля. Ученый А. Мордвилко просит прислать «все, что можно, о тлях и вредителях лесов – насекомых».

«Многоуважаемый Прокопий Трифонович! – пишет из Омска профессор П. Л. Драверт, – Разрабатывая тему о сибирском речном жемчуге и зная о существовании его на Камчатке, я позволяю себе, по совету профессора С. А. Грюнера, обратиться к Вам с просьбой не отказать мне в ответе по некоторым вопросам». Новограбленов дает подробный ответ ученому.

Заведующий отделением зоологического музея Академии наук А. Н. Кириченко просит «заняться изучением фауны полужесткокрылых насекомых». «...Две последние экспедиции на Камчатку – Рябушинского и Шведская, – пишет Кириченко, – выдвинули ряд проблем, решение которых крайне желательно». «Весьма признателен Вам за Ваше любезное сообщение о Камчатском хариусе», – пишет сотрудник Тихоокеанской научно-исследовательской станции Георгий Устинович Линдберг.

Не забывает о камчатском натуралисте и Владимир Клавдиевич Арсеньев, который в это время занимает пост директо-

ра Хабаровского краеведческого музея. «Стала сильно распространяться малярия», – пишет он и просит Новограбленова подробней сообщить о камчатских комарах. Когда М. Горький обратился к Арсеньеву с предложением «создать сборник по достижениям Уссурийского края и организовать еще два-три сборника по областям Дальнего Востока», то Владимир Клавдиевич немедленно в начале 1930 г. шлет с первым пароходом письмо на Камчатку.

«Глубокоуважаемый Прокопий Трифионович! Прилагая при этом в копиях два письма А. М. Пешкова (Горького), настоящим обращаюсь к Вам с предложением принять участие в составлении сборника по Дальнему Востоку популярно-научного содержания. С искренним уважением к Вам, В. Арсеньев».

Это письмо было последним из их переписки. Через три месяца Арсеньева не стало. П. Т. Новограбленов пронес через всю жизнь чувство большого уважения к своему старшему другу.

Прокопий Трифионович бесценно руководил Камчатским музеем и Краеведческим обществом изучения Камчатки. В обществе уже состояло более ста членов. Среди них были Е. П. Орлова, ныне известная ученая-этнограф, сотрудница Сибирского отделения Академии наук СССР, профессор С. А. Грюнер, который позже отбыл на преподавательскую работу в Омский ветеринарный институт. Одной из секций общества руководил первый председатель Камчатского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Иван Емельянович Ларин. Вопросами местных северных народностей занимался в обществе однокашник П. Т. Новограбленова по учительским курсам – Ф. Л. Слободчиков, в настоящее время старейший деятельный краевед Камчатки. Общество стремится охватить широкий круг тем. Музей постепенно пополняется разнообразными экспонатами, которые присылаются не только с полуострова, но и с Чукотки, Командорских островов. В музее же концентрируются все сведения о находках полезных ископаемых. Общество даже заключило договор с «Дальзолотом» о предоставлении последнему таких сведений. В Трудах первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока («Книжное дело», Хабаровск, 1927 г.) сообщается, что П. Т. Новограбленов передал геологу

П. И. Полевому собранные у местных жителей сведения о выходах нефти на Камчатке. В 1928 г. обществом была составлена полная сводка известных полезных ископаемых полуострова.

* * *

П. Т. Новограбленов по-прежнему работает в школе, преподает естествознание и английский язык, которым владеет в совершенстве. (Он знал еще хорошо латинский и несколько хуже немецкий и японский.)

Опыт, экскурсия – таков его основной метод обучения ребят естествознанию. И многие из учеников Прокопия Трифоновича сохранили влюбленность в природу и особенно – в природу Камчатки. Не случайно стал ученым-географом, скажем, Валентин Иванович Ларин. Недавно мне довелось встретиться с ним в Москве.

«Я занимался у Прокопия Трифоновича, он преподавал нам естествознание и географию, – вспоминал В. И. Ларин, – вел школьный краеведческий кружок. Школа наша была единственной средней во всей Камчатской губернии и развивалась она благодаря энтузиазму учителей и особенно Прокопия Трифоновича. С ним мы часто бывали в разного рода походах, экскурсиях, занимались исследованиями. Он стремился дать нам как можно больше практических знаний. Даже уроки вел по-особенному: мы сидели не за партами, а за общим громадным столом».

В своей рукописной «Истории камчатской школы» П. Т. Новограбленов так сформулировал собственное педагогическое кредо: «Школа требует конкретности, жизненности материала, активно-трудоового исследовательского подхода к его проработке, развития у учащихся способности наблюдать и классифицировать, ставить задачи и искать пути и способы их разрешения».

В этой же работе Новограбленов справедливо отмечает исключительную важность просветительной работы учителей на Севере.

П. Т. Новограбленов ненавидел царскую действительность, мракобесие, тупость чиновников, попов, но в своих обществен-

но-политических взглядах, к сожалению, не был последователем и глубок. Он восторженно принял февральскую революцию, свергнувшую царизм, но не сразу понял Великую Октябрьскую. Влияли на это, конечно, и сложность обстановки и отдаленность края от революционных центров. Неустойчивостью Новограбленова умело воспользовались враги Советов – его выдвинули в члены Петропавловской городской думы. В 1922 г. этот орган так называемого «городского самоуправления» поддерживал контрреволюционное Владивостокское «правительство» братьев купцов Меркуловых и их представителя «правителя Камчатки» – рыбопромышленника Бирича. Позже, в 1923 г., Новограбленов напишет: «Увидав воочию реальных белых и прожив под их гнетом целый год в Петропавловске, я духовно отшатнулся от их ненародной деятельности... Лишь теперь я вижу и понимаю, в каком ужасном преступлении невольно участвовал».

П. Т. Новограбленов последующей педагогической и научной деятельностью снискал большое уважение. Его имя стало известным в научных кругах страны и за рубежами – в Швеции, в Германии, в США. Камчатский окружной исполнительный комитет в 1929 г. в своем постановлении отметил «долглетнюю общественно полезную» работу Прокопия Трифоновича. Экспедиция Тихоокеанской научно-промысловой станции, прибывшая на Камчатку для гидробиологических работ, увековечила имя камчатского исследователя на карте.

«На Карагинском острове имеется сопка П. Т. Новограбленова, – пишет в отчете руководитель экспедиции В. И. Разумовский. – Она стоит первой в небольшом хребте. С нее видать на восток долину реки Унуннуаэм... От подножья сопки начинается лес, простирающийся до самого западного берега».

Умер Новограбленов рано, в возрасте сорока двух лет. Осужденный по несправедливому обвинению, он в 1957 г. по-смертно полностью реабилитирован.

Изредка в статьях по вулканологии, ботанике Камчатки в списке авторов использованных работ мелькнет фамилия Новограбленова. Но о самом исследователе, считай, ничего не известно. Цель настоящей работы – устранить в какой-то мере

этот пробел. Настала пора свести в едином сборнике и переиздать лучшие произведения Новограбленова. Они будут хорошим подспорьем особенно для молодых естествоиспытателей.

В справочнике, изданном в тридцатых годах Академией наук СССР, Новограбленов значится «научным работником», сам же он себя называл проще и, по-моему, точнее – «натуралист», так всюду и подписывался Общество изучения Камчатки – детище этого неукротимого исследователя, стало началом создания на далеком полуострове научной базы. Сегодня здесь комплекс научно-исследовательских учреждений – Институт вулканологии Сибирского отделения Академии наук СССР с сетью сейсмических станций и стационаров, отделение Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, морская гидрометеорологическая обсерватория, педагогический институт, станция службы цунами, опытная сельскохозяйственная станция, почти десяток техникумов и специальных училищ. И это там, где всего тридцать с небольшим лет назад была одна средняя школа.

На Камчатке около сорока научных работников имеют ученые степени различных отраслей науки и техники. В числе их член-корреспондент Академии наук СССР Борис Иванович Пийп, доктор биологических наук Фаина Владимировна Крогиус, доктор географических наук Евгений Михайлович Крохин. Они прибыли на Камчатку в начале 30-х гг. и выросли тут в крупных ученых. Рядом со старшими товарищами трудится большой отряд научной молодежи.

Такое развитие науки вызвано потребностями развивающегося хозяйства и культуры области. Ученые оказывают большую помощь в изучении и освоении производительных сил, природных богатств полуострова. И, несомненно, имена тех, кто прокладывал по тундрам и хребтам первые исследовательские тропы, будут сохранены для потомков. Имя Прокопия Трифоновича Новограбленова, которого мне хочется назвать «камчатским Арсеньевым», – среди них.

Публикуется по сборнику «Вопросы географии Камчатки», № 1, 1963.

Нам остается добавить к написанному совсем немного. Ка-

заки Новограбленные несли свою службу на Камчатке до последнего и в составе Камчатского флотского экипажа покинули Камчатку в 1855 г.

Вот один из последних военнослужащих Новограбленных: Новограбленный Харитон Иванович, боцман, «...27 августа вечером неприятельская эскадра, не предпринимая больше попыток к наступлению, ушла из Авачинской бухты. Потери союзников составили свыше 350 человек убитыми и около 80 ранеными. Интересный случай произошел на подступах к Авачинской бухте. 26 августа 1854 г. бот № 1 под командованием боцмана Харитона Ивановича Новограбленного, шедший с полным грузом леса из Нижнекамчатска и ничего не знавший о событиях в Петропавловске, “пришел на вид Дальнего маячного мыса, но за туманной погодой самого маяка видеть не мог; придержавшись немного к северу, рассмотрел на мысу людей, стрелявших в море из ружей и увидевши в то же время сильную эскадру, стоявшую на якоре во внутренности губы, понял, что этой пальбой предупреждают его о неприятеле. Несмотря на очевидную опасность, боцман Новограбленный, зная, что за ним идет шхуна “Анадырь” также с грузом леса из Нижнекамчатска, не теряя присутствия духа всю ночь крейсировал перед входом в губу и хотя не нашел того судна, которого желал предупредить о неприятеле, но оказал услугу не менее важнейшую, встретив и уведомив о блокаде порта винтовую шхуну “Восток”, командир которой лейтенант Римский-Корсаков, передав на борт бумагу для доставления в порт, немедленно поворотил в море и отправился в Большерецк. После этого, несмотря на чрезвычайно сильные ветры, форсируя парусами, боцман Новограбленный все еще продолжал крейсировать перед входом, надеясь дожждаться “Анадырь”; утром 27-го не видя его и заметив, что неприятель снимается с якоря, решил сам искать спасения в Вилючинской бухте, куда и укрылся» (ЦГА ДВ, ф. 1055, оп. 1, д. 97, лл. 70–71). Насколько значителен был подвиг Новограбленного, можно представить, исходя хотя бы из того, что у Римского-Корсакова были весьма важные бумаги от Н. Н. Муравьева к В. С. Завойко, а шхуна не была вооружена. В свою очередь, и шхуна «Восток»

встретила шедший в Петропавловск с продовольственными запасами транспорт «Байкал» под командой Никиты Ильича Шарыпова. «Байкал» также ушел в Большерецк. Таким образом, благодаря боцману Новограбленному двум русским кораблям удалось избежать неожиданной встречи с неприятелем. Сам же Новограбленный с места своей стоянки послал сухопутным путем к Завойко известие о шхуне «Восток» и передал ему письма от Римского-Корсакова. 1 сентября, после ухода англо-французской эскадры, Новограбленный благополучно привел свой бот в Петропавловск. ...Х. И. Новограбленный родился в солдатской семье на Камчатке в 1817 г. В 1834 г. он поступил матросом 2-й статьи на службу, а в 1849 г. стал боцманом. Плавал на многих судах Охотской флотилии, был смотрителем маяков Авачинской губы и лоцманом. В 1851 г. – командир бота № 1. За находчивость и мужество при защите Петропавловска был 15 декабря 1854 г. произведен в прапорщики. Участвовал на том же боте в переходе в залив Де-Кастри и в устье Амура. 17 апреля 1862 г. произведен в подпоручики и «находился при берегу в портовой комиссии и смотрителем такелажного и парусного мастерства». Последние сведения о нем относятся к 1865 г. Вполне возможно, что последние годы жизни он провел на Камчатке – своей родине (Алексеев А. И. «Сыны отважные России», Магадан, 1970 г., стр. 253–254).

И мы думаем, что последние годы своей жизни, как и многие другие камчадалы-отставники, он провел на Камчатке, вернувшись из Николаевска-на-Амуре, из 27-го Амурского флотского экипажа. Но доказательств этого у нас нет.

Есть сведения о матросских вдовах: Новограбленная Евдокия Ивановна, умершего в Усть-Приморском матроса Сергея Новограбленного вдова, 40 лет (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4), и Новограбленная Анисия Осиповна, 1891 г., Петропавловск, матросская вдова (ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 10; Исторические тетради Ирины Васильевны Витер).

И есть сведения о других Новограбленных – матросах 47 флотского экипажа, участниках обороны Петропавловска в 1854 г. – Иване и Иннокентии Новограбленных: «Матрос второй статьи

Иннокентий Новограбленный, умер от ран, женат на Анне Осиповой. Имеет дочь Авдотью по второму году, которая состоит при 47-м экипаже на довольствии» (<http://vsam1.jino.ru/semenov/content/view/203/48/>).

Возможно, Анна Осиповна – это Анисия Осиповна, которая была еще жива в 1891 г. И не ее ли дети – последующее поколение Новограбленных, записанных в мещане? По крайней мере, мы обнаружили один весьма любопытный документ, датированный 1885 г.: Сметанин Петр Михайлович, петропавловский мещанин, 24 года, 1 апреля 1885 г. сочетался первым браком. Невеста – дочь крестьянина Озерновского селения Ивана Савватеевича Тюменцева девица Александра, 19 лет. Поручители: по жениху – Петропавловский мещанин Косма Михайлович Сметанин и контанист Трифон Иннокентьевич Новограбленов; по невесте – Петропавловский мещанин Афанасий Давидович Варрень и казак Камчатской команды Дмитрий Иванович Юшин (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1885 год, ГАКК). Да, в Петропавловске в 1893 г. проживал Новограбленов Трофим Иннокентьевич (31) с женой Феодосией Прокопьевной (24). У них было трое сыновей: Иннокентий (5), Иван (4), Прокопий (1). Эти Новограбленновы были уже петропавловскими мещанами. Петропавловскими мещанами были и начикинские Новограбленные – Новограбленный Николай Иннокентьевич, мещанин в селении Начики, 1893 г., 25 лет. Жена Аника Прокопьевна (23). Дети: Павел (4), Прокопий (2) (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК). Судя по возрасту, это родные братья. В 1895 г., 3 ноября, у Николая Иннокентьевича родился третий сын – Новограбленный Михаил Николаевич (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1895 г., ГАКК). Был и четвертый сын, уже Новограбленов: Новограбленов Трифон Николаевич. Родился в 1899 г. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: высшее начальное училище, педагогические курсы; б/п; работал в личном хозяйстве; место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 16.04.1933. Осужд. 01.01.1934, тройка при ПП ОГПУ

ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: 10 лет. Имущество (дом, скот, ездовые собаки, оружие) конфисковано. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Новограбленнов Василий Трифонович. Родился в 1906 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: малограмотный; б/п; был рыбаком; место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 05.04.1933. Осужд. 01.01.1934, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Расстрелян. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Новограбленнов Иван Трифонович. Камчадал, участник Всероссийского Поместного Собора в августе 1917 г. в Москве, служащий частной торговой фирмы, окончил городское училище. Член Собора по особому постановлению Собора как мирянин от Камчатского викариатства. 1889 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: среднее; б/п; был бухгалтером (место работы не указано); место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 09.05.1933. Осужд. 01.01.1934, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Расстрелян. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО (http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?5).

Казачи Новограбленные не могли не участвовать в крещении камчадалов и курильцев, о чем имеются и свидетельства: в 1749 г. фамилия зафиксирована в селении Коль, в 1754 г. – в Ковране. Мы отыскиали аборигенов Новограбленных только в селении Коловском: Новограбленный Алексей Николаевич, камчадал селения Коловское, 1893 г., 50 лет. Жена Анна Ильинична (43). Дети: Дормидонт (15), Семен (23). Жена Семёна Ульяния Николаевна (22). (Исповедальная книга Больше-рецкой церкви, 1893 г., ГАКК.) А это, наверное, сведения о судьбе «поскребыша» в семье Алексея Николаевича: Новограбленов Гавриил Алексеевич. Родился в 1907 г. Место рожде-

ния: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Привольное; русский; б/п; был членом колхоза им. «3-го Съезда Советов»; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Кихчик. Арест: 23.10.1938. Осужд. 21.12.1938, выездная сессия Камчатского облсуда. Обв. по ст. 58-10 ч.1. 58-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет с поражением в правах на 5 лет. Постановлением Усть-Большерецкого РО НКВД от 4 июня 1940 г. на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 17.10.1966. Реабилитирован постановлением УКГБ по Камчатской обл.

НОВОЖИЛОВЫ

Фамилия встречалась в с. Начики: Новожилов, камчадал селения Начики, 1893 г., 55 лет. Жена Екатерина Васильевна (57). Дочь Александра (14). (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.)

И в с. Коряки: Новожилов Диомид Федорович, сын (1 г.) от первого брака Хиотии Владимировны Пшенниковой (муж – кантонист Роман Иванович, сын отставного казака Ивана Григорьевича Пшенникова), 1893 г.

Других сведений пока нет.

ОБУХОВЫ

Фамилия камчатских казаков. Один из них был казаком-мореходом, сборщиком ясака на Алеутских островах: «Андрей Толстых, вернувшись на “Иоанне” в 1752 г. с богатой добычей, разбогател и купил у Санникова паев на сумму 3/7 стоимости судна. В отсутствие Санникова он, как хозяин, отправил “Иоанн” в 1753 г. в плаванье. Мореходом был назначен казак Венедикт Обухов, а Толстых обязался в отсутствие Обухова исполнять за него военную службу, стоять на карауле и т. п. Обухов, однако, оказался неспособным мореходом, и в пути его заменил передовщик Федор Жуков, не раз до этого плававший. Зимовали на Атту, возвратились в 1755 г.» (Зубкова З. Н. «Алеутские острова», М., 1948 г., стр. 20).

Другой казак Обухов – Дмитрий – убит восставшими коряками в 1746 г. («Колониальная политика царизма на Камчатке

и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр.100). Обуховы были оседлыми нижнекамчатскими казаками, сохранился с той поры даже топоним: Обухово, Обухово жилище – в Щеках – «от Щек до Обухово жилища 17 верст, от Обухова жилища до Нижнее-Камчатска 7 верст». («Описание земли Камчатки», С. П. Крашенинников, М-Л, 1949 г., стр. 189, 665). Фамилия сохранилась только среди аборигенов на восточном побережье Камчатки: Обухов Георгий Михайлович, камчадал с. Карагинского, 53 года (Исповедальная роспись Дранкинской Иннокентьевской церкви за 1893 г., ГАКК).

ОГЛОБЛИН (ОГЛОБЛИНОВ)

Фамилия жителей г. Петропавловска: Оглоблин Кондрат Николаевич, петропавловский мещанин, 1893 г., 32 года. Жена Агриппина Яковлевна. Воспитанник Егор Кириллович Порохов. Сестра его Александра Николаевна Оглоблина (40) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК). Других сведений пока нет.

ОНОХОВЫ

Камчатские казаки.

Самый юный из известных нам камчатских служилых: Онохов Дементий Петрович, казак Нижнекамчатской казачьей команды, 9 лет (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4).

Поначалу я думал, что это ошибка, но, судя по новым документам, он был еще моложе: Онохов Дементий Петрович, отставной казак в с. Усть-Приморском, 45 лет. (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Немногим старше Дементия был его брат, тоже служащий: Онохов Полуэкт Петрович, казак Нижнекамчатской казачьей команды, 12 лет.

Не знаю, с чем это было связано, но только у малолетних казачат не было в Нижнекамчатске родителей-казаков. Мы обнаружили только мещанскую вдову Онохову Марию Федо-

ровну и допускаем, что это и есть мать Дементия и Полуэкта Оноховых – сирот, взятых на казачье довольствие.

Более раннего упоминания о казаках Оноховых мы не встречали.

В 1852 г. в Усть-Приморском служит двадцатитрехлетний казак Иван Полуэктович Онохов. В 1893 г. мы также встречаем двадцатитрехлетнего Ивана Онохова, который в 1904–1905 гг. в составе Усть-Камчатской дружины вместе с Петром Оноховым будет защищать восточный берег Камчатки.

ОРДИНЫ

Казачья фамилия.

Ордин Влас Иванович, казак. В 1882 г. внесен в «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 года при нападении англо-французской эскадры». В 1893 г. – 53 года, отставной казак. Жена – Ия Николаевна. Дети – Ирина (18), Надежда (14), Евдокия (11), Даниил (8), Екатерина (5), Татьяна (2) (Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105; Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893).

Родоначальником этой камчатской фамилии, возможно, был Ордин Петр Ильич, отставной подканцелярист (44) из Нижнекамчатска, дети которого (если они были?) могли быть записаны в казаки. Жена Анна Васильевна (30). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

ОСЬМИНИНЫ (ОСМИНИНЫ)

Фамилия нам встречалась только среди жителей селения Коряки. Происхождение пока не ясно.

Осмнин (Осьминин) Павел Филиппович. Камчадал селения Коряки, 1893 г., 56 лет. Жена Ольга Ивановна. Дети: Филипп (23), Алексей (20), Георгий (17), Иван (13). Жена Филиппа Мария Ивановна (22). Сын их Яков (2 года). Георгия жена Екатерина Александровна (19). Племянница Алек-

сандра Ивановна Осминина. (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.)

Осьминин Иван, камчадал, житель с. Коряки, участник обороны Западной Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Награжден Георгиевским крестом 4-й ст. за участие в боевых действиях в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Камчадал с. Коряки Иван Осьминин – «Участвовал при отражении японцев против с. Явино 6 июня, на реке Апале 10 июля 1905 г. и вел себя мужественно». (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 11.)

Осьминин Филипп Павлович, староста с. Коряки. Награжден серебряной медалью за участие в боевых действиях в период русско-японской войны 1904–1905 гг.: «За усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берегов» (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

Осьминин Яков Филиппович. Житель с. Коряки, 30 лет. Зарегистрировал свой брак 4 мая 1923 г. с Любовью Сергеевной Донской (15 лет 11 мес.), дочерью камчатского священника, внучкой настоятеля Петропавловского собора.

Красноармеец **Василий Павлович Осьминин**, 1918 г. р., был призван Петропавловским ГВК. Погиб 18 августа 1945 г., как и многие камчатцы, штурмуя остров Шумшу.

ОЩЕПКОВЫ

В последний раз нам встретилась фамилия нижекамчатских казаков Ощепковых в документах, датированных 1806 г.

Но фамилия их крестников сохранилась в селениях коряков и камчадалов.

Ощепков Иван Осипович, камчадал в селении Камаковском, 55 лет. Василий Иванович Ощепков (27), жена его Марфа Анисимовна (21). Варфоломей Иванович Ощепков (18), сестра его Ольга (20). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Ощепков Николай Никанорович, камчадал, 1893 г., с. Ивашка, 40 лет.

Ощепков Харитон Николаевич, камчадал, 1893 г., с. Дранка, 45 лет.

Ощепков Илья, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Усть-Камчатская дружина), с. Ушки. Его семья, по данным Исповедальной росписи Ключеваской церкви за 1893 год: Ощепков Иона Захарович (34). Жена его Мавра Ермолаевна. Дети: Илья (12), Константин (3), Григорий (2), Гликерия (9), Васса (6).

Ощепков Тимофей Васильевич. Родился в 1895 г., Камчатская губ., Карагинский р-н, с. Дранка; камчадал; малограмотный; б/п; Работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская губ., Карагинский р-н, с. Дранка. Арестован 10 мая 1934 г. Приговорен: особое совещание при НКВД СССР 28 января 1935 г., обв.: по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 19 февраля 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Ощепков Софрон Конович, с. Ушки, колхоз «Заветы Ильича», колхозник, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». «Колхозник с 1932 г. Несмотря на свой преклонный возраст, 52 года, и болезнь, принимает активное участие в работе колхоза, является примерным по дисциплине, на сенокосе принимает каждый год участие косцом. Хороший охотник. Нормы выработки выполняет на 120–140 %». (ГАКК, ф. 129, оп. 1, д. 21, л. 60.)

ПАВЛОВЫ

Эта фамилия до революции встречалась на Камчатке в двух местах – в селе Белоголовая (среди камчадалов) и в Петропавловске (среди казаков).

Фамилия эта появляется на полуострове в XVIII веке – по крайней мере, мы обнаружили первые упоминания ее в 1747 г. в связи с событиями на Чукотке – известен Анадырский сотник Степан Павлов и толмач (переводчик) Иван Павлов (который мог быть как казаком, так и крещеным «инородцем»).

В 1812 г. в городе Нижнекамчатске служит Павлов Иван Степанович, подканцелярист, 36 лет (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церковей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4).

Но сомнительна связь этой чиновничьей ветви с камчатским казачеством (хотя случаи такие и были). Вероятнее другое –

возвращение на юг полуострова ее северной ветви в составе Гижигинской сотни, переведенной в Петропавловский порт в 1853 г.

1893 г. **Павлов Алексей Феофилактович**. Урядник Казачьего ведомства в 1893 г. (45 лет)

Жена – Ирина Игнатьевна. Теща – вдова баталера Дарья Николаевна Евлокова (70) Воспитанник, внук ее – Василий Николаевич Пинижин (12).

Павлов Иван Феофилактович. Отставной казак, 1893 г., 46 лет. Жена – Вера Павловна (39). Дети – Елизавета (12), Феодосий (2) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

Судя по отчеству, это родные братья.

ПАВЛУЦКИЕ (ПАВЛУДСКИЕ)

Это имя камчадалы получили в память о капитане (позже майоре и подполковнике) Дмитрие Ивановиче Павлуцком, который вместе с Василием Федоровичем Мерлиным вел расследование причин Харчинского бунта («...в 1731 г. вспыхнул бунт камчадалов, начавшийся в Нижнекамчатске, ими сожженом. Главной причиной бунта было грубое обращение с ними казаков и непомерные поборы и грабежи приказчиков. Следствие по этому делу поручено было произвести по указу 21 мая 1733 г. Павлуцкому (уже майору) и Мерлину, которые и прожили в Камчатке до августа 1739 г., восстанавливая порядок и отстраивая Нижнекамчатск. К этому же времени относятся первые опыты хлебопашества (как говорят, неудачные по негодности семян), сделанные в Камчатке переселенцами с берегов Лены, а также скотоводства, причем есть сведения, что Павлуцкий подарил камчадалам первую пару рогатого скота».

На форуме сайта «Камчадалы.ру» есть много сообщений о Дмитрие Ивановиче Павлуцком, его дальнейшей судьбе, который вошел в историю России под именем «Конкистадор Чукотки».

Вот только одно из них.

ОБРАТНЫЙ ГЛАЗ НОВОЛУНИЯ

(<http://rogday-rosomaha.livejournal.com/281.html>)

МАЙОР ПАВЛУЦКИЙ

Часть 1.

Мы, самарцы, немножко знаем о Якове Степановиче Павлуцком. Самарский отряд секунд-майора Языкова нанёс решающий удар башкирам Миндигула Юлаева (Карасакала), чем и принёс Павлуцкому победу у озера Чебаркуль 22 мая 1740 г. Но у Якова был двоюродный брат, сызмальства живший с ним в Тобольске – Дмитрий Иванович Павлуцкий...

Скажите, уважаемый читатель, а вы слышали о Столетней войне? А о Тридцатилетней?

Странный вопрос, скажете? Конечно, все мы грамотные люди. Сразу и битву при Креси вспомним, и у Виттштока, там и незабвенные Жанна д'Арк, и Арман Ришельё.

Что уж там! Мы знаем даже, что капитан Блад воевал в Голландии, а доктор Ливси получил ранение при Фонтенуа. *Messieurs les Anglais, tirez les premiers!*

Но несколько не сомневаюсь, что Вы будете удивлены, если я скажу, что у России была своя Стотридцатилетняя война. Причём Россия эту войну по всем параметрам проиграла и проиграла позорно.

Тем более что наша страна не выступила в роли агрессора, а сама подверглась нападению!

Про 50 лет Кавказских войн мы наслышаны, казалось бы, куда уж дольше-то воевать, а вот поди ж ты...

Годы? 1641–1771. Ровно сто тридцать. Догадались? Это долгая, изнурительная, переменчивая и жестокая, но непрерывная, непрекращающаяся Русско-чукотская война.

В 1641 г. на Колыме, на территории юкагиров, входившей в состав России, представители русской администрации во главе с казаком Фёдором Чукичёвым подверглись нападению со стороны Чукотки. Вторжение, разумеется, происходило без объявления войны. В ходе «съёмного», т. е. ру-

копашного боя, нападение удалось отразить. Война началась.

В 1771 г. после вывода войск и гражданского населения укрепления непрерывно осаждаемого Анадырьского острога были разрушены. Анадырьская партия (предприятие, колония) перестала существовать. Война проиграна, русские ушли с Чукотки.

Я понимаю вашу усмешку, дорогой читатель. Ну, да – стараниями нескольких поколений остряков слово «чукча» вызывает в памяти лишь пару-тройку среднезабавных анекдотов.

Но также и надеюсь, что многие уже ознакомились с историей вхождения Чукотки в состав России и о военном деле ораветлан (луораветлан, лыгоравэтльэт – это самоназвание чукчей, с вашего позволения далее я буду называть их именно так – во избежание произвольных улыбочек).

Благо, что старательное замалчивание во имя культивации искусственной дружбы народов теперь отходит в прошлое. В электронной сети, да и на страницах печатных изданий появляются данные об истинном ходе войны русских и ораветлан. Ещё не читали? Пожалуй, будете удивлены, услышав эпитеты: «викинги востока», «полярные рыцари», «северные самураи», «кошмар своих соседей» – это всё они: ораветланы, чукчи.

И не нужно представлять русских эдакими конкистадорами, сметающими залповым огнём несчастных звероподобных туземцев. Ораветланы весьма скоро овладели огнестрельным оружием и прекрасно научились с ним управляться. Кроме того, на их стороне отравленные стрелы и копья, численное преимущество, прекрасное знание местности и местных климатических особенностей. Ну, и полное превосходство в мобильности, способности собрать войска где нужно и когда нужно: собачьи и олени упряжки – это стремительный и маневренный транспорт крайнего севера.

Поэтому обо всём этом долгом военном противостоянии с вашего позволения я писать не буду. Большие сражения чередовались с партизанскими засадами во льдах, в снегу, во тьме полярной ночи, в студёном море – куда там нежному Дикому Западу.

Ограничусь лишь рассказом о герое наиболее яркой его стра-

ницы – майоре Дмитрие Ивановиче Павлуцком. Тем, кто читал «Земной круг» С. Н. Маркова или «Военное дело чукчей» А. К. Нефёдкина, имя этого человека должно было запомниться.

Внесём немного интриги.

Напомните, кому после жестокого боя враги-инородцы отрезали голову? Печенеги – князю Святославу? Верно, в X веке это произошло. Давно. А в просвещённом XVIII то же самое случилось с «начальником Чукотки» Дмитрием Ивановичем Павлуцким.

Кто геройски отбивался от несметного множества врагов? Спартак, Евпатий Коловрат, Фёдор Звенигородский... Ну, Илья Муромец, конечно. И ещё – майор Павлуцкий. С саблей в одной руке и винтовкой в другой, причём приклад разбил вдребезги о доспехи и головы врагов.

Кто снарядил экспедицию, открывшую западное побережье Америки? Ту самую, под началом поручика геодезии Михаила Гвоздёва на боте «Святой Гавриил», которая нанесла на карту 300 км побережья Аляски и открыла несколько островов? Кто здесь заменил патронессу Колумба королеву Изабеллу Кастильскую? Ну да, всё он же – майор Д. И. Павлуцкий.

А кто там конфликтовал со Святейшим Синодом? Совет Народных комиссаров? Конфликтовал – слабо сказано. Но ещё раньше был он – майор Павлуцкий. Возможно, стараниями обер-прокурора и был повторно назначен командующим в «горячую точку».

Русские осваивали Чукотку. Поморы шли, служивые, казаки. Камчадалы ещё сбоку припёку. Но Дмитрий Павлуцкий не русский, не помор, не казак. Белорус он. Кто таков был Павлуцек, родоначальник фамилии (уменьшительное от «Павел»), я не в курсе, но его потомок отпрыск Ян Павлуцкий поступил на русскую службу в начале XVII века. В 1622 г. Яна направили в Сибирь. Иноземец он, конечно: Речь Посполитая будет существовать и дразнить Россию ещё без малого два века. Историк Пётр Словцов под 1625 г. величает иноземцем даже и его потомка (сына, возможно) Якова. Вполне по-русски – «ты какой страны, да какой литвы?»

А кто же вот этот кошмарный монстр – весь железный, с круглыми ледяными глазами, огненным луком и топором, разрубающий, а то и разрывающий людей надвое, истребивший всех до самого края моря? Кто этот безжалостный холодный зверь? Чудовище Франкенштейна? Фантомас? Молох? Нет, в эпосе ораветлан это всё он же – Дмитрий Иванович Павлуцкий.

Вот он – с горжетом и шарфом штабс-офицера... в кольчуге и шлеме, мохнatom тулупе с воротом до самого темечка. Позвольте, но со времён Ермака уж скоро двести лет часики отсчитают! Какие кольчуги?! Матушка Елизавета Петровна, балы-маскарады, ассамблеи, парики и фавориты! Нет, дорогой читатель, это там, почти что на Луне, придворных дам презабавно бреют наголо. А здесь, в лютой полярной ночи, вы каждую минуту рискуете получить в лицо если не отравленную стрелу, то горячую свинцовую пулю...

И кольчуги у первопроходцев были. Их находят по амбрамам наши современники. Проваренные внахлест, квадратного сечения перевитые кольца – зубило не берёт.

Пожалуй, довольно выхватывать слова из песни, пора бы и по порядку.

Кем же был наш герой, что за человек? Попробуем разобраться.

Известно немного. Родился в 1692 г., жил в Тобольске с отцом по месту службы, так сказать, в «военном городке». Сын своего отца, племянник своего дяди, полковника Степана Павлуцкого, служившего в Якутске и на Уктусском заводе. О другой родне мне не ведомо, разве что могу назвать троих его двоюродных братьев-Степановичей: старший – Иван, младший – Андрей и средний – вышеупомянутый победитель Карасакала – Яков.

Физически Дмитрий был сильным, крупным, так сказать, богатырского телосложения. Позже, на Чукотке в его сани запрягали четырёх оленей, тогда как обычно хватало одного-двух.

Очень деятельный, брался за любую работу, за самые опасные и сложные предприятия. Стремился к знаниям и не полагался на удачу, на войне ли, в дипломатии, в науке ли предпочитая точный расчёт.

Грамотен, даже можно сказать, что хорошо образован. Да вся семья была образованной: в предках был даже тобольский боярский сын, по должности писец Карп Павлуцкий, запись о котором сохранилась под 1625 г.

Разбирался в людях, где нужно помочь – помогал, где нужно ударить – бил. Далек не каждый мог стать крёстным отцом камчадальских тойонов (вождей), а Дмитрий Павлуцкий сделал именно это – убедил их креститься в православие и сам пошёл в крёстные.

Хороший хозяйственник. Например, его с полным правом можно назвать основателем крупного рогатого скотоводства на Камчатке. Именно он подарил (уважаемый читатель, вы можете себе представить, что английский, голландский, американский предприниматель не продал втридорога, а – подарил?) – подарил камчадалам первую пару коров.

Вместе с тем это человек прямой, резкий, неуступчивый, чувствительный к любой несправедливости. Его знаменитый конфликт с недалёковидным начальником Чукотской экспедиции Афанасием Шестаковым указывает как раз на это, а также на то, что общее дело он ставил выше собственной карьеры.

Вообще с властями он всегда конфликтовал, причём напрямую критиковал власть самую высшую – и всегда по делу. Так известно, что на свадьбе племянницы он непочтительно, даже дерзко отзывался о Святейшем Синоде, а это в те времена могло привести к очень серьёзным последствиям.

Выступал он и против самой императрицы Анны Иоанновны, известны его высказывания, что при её дворе сплошное засилье немев, ведущих свою политику, не считаясь с интересами русского народа.

Сызмальства решил делать военную карьеру; мало кто из детей военных, да ещё на востоке, помышлял тогда об ином. Где учился, при каких воинских частях поначалу состоял, не могу сказать. Известно только, что он был драгуном Сибирского полка, кавалеристом. Сибирский гарнизонный драгунский полк был сформирован в 1711 г., это было первое регулярное воинское формирование Азиатской части России. По

штату 1720 г. в полку числилось 1 077 драгун с 1 030 строевыми лошадьми. Гарнизонных драгун в Сибири до 1711 не было, конную службу несли казаки. Очевидно, там Митя Павлуцкий и проходил азы воинской науки. На тот момент ему было 19 лет, и наверняка он уже успел послужить в других воинских частях.

В реальных боевых условиях Заполярья навыки конного боя могли пригодиться весьма слабо. Впрочем, драгуны (от французского dragon – «дракон», как реальная боевая сила они впервые проявили себя как раз во времена помянутой нами Тридцатилетней войны) – это всадники, умеющие дать бой и в пешем строю. Хотя в последнем своём бою Павлуцкий действовал именно оружием кавалериста-драгуна – саблей и винтовкой. Значит, владел ими отменно и не менял привычек на протяжении всей своей долгой военной карьеры. Груды убитых ораветланских воинов на Майорской сопке – лучшее тому подтверждение.

История вписала в свои анналы его имя, когда он стал капитаном. Это довольно высокое звание, хотя на тот момент Дмитрию Ивановичу исполнилось уже 35 лет.

Итак, 23 марта 1727 г. именным указом Её Императорского Величества царицы Екатерины I Сибирскому губернатору вышло предписание по его усмотрению снарядить «для изыскания новых земель и призыву иноземцев» из обер-офицеров «искусного человека». Представляете, из всех сибирских военных офицеров (а там и не военные все обращались с оружием превосходно) был выбран именно он – человек «крепкой воли», капитан Сибирского драгунского полка Дмитрий Иванович Павлуцкий.

В каких сражениях, при каких обстоятельствах он проявил эту «волю» и «искусность» настолько, что она крепко впечатлила самого губернатора – нам неизвестно. До чего же досадно: о том, как в те же дни Алексашка Меншиков императорскими ручками присваивал себе чин генералиссимуса, мы знаем во всех подробностях. А вот как воевали, побеждали и гибли настоящие герои и сыны Отечества – никого не интересует.

В подчинение Павлуцкому было передано четыреста чело-

век казаков – это довольно серьёзные по тем временам силы. Кроме того, всё тем же императорским указом в его подчинение переходила и Чукотская экспедиция вместе с Афанасием Федотовичем Шестаковым.

Но наглец Шестаков по выходе из Тобольска сразу заявил, что, как глава экспедиции, он имеет больше полномочий, чем Павлуцкий, и что все решения должен принимать он самолично.

Возможно, раньше казачьему голове такие проделки и сходили с рук, тем более что и отряд Павлуцкого был весь укомплектован из казаков. Не на того напал. На каждую жалобу Шестакова Павлуцкий отвечал письменно – и Сибирскому губернатору, и в Сенат.

Шестакову не удалось добиться своего. Летом 1729 г. войско разделилось на два отряда.

А в апреле 1730-го Павлуцкий занял опорную базу на Чукотке – Нижнеколымский острог.

Вскоре сама природа вещей всё расставила по своим местам. Неграмотный и недалёковидный Шестаков тупо ринулся прямо в логово белого медведя. Может, и не лучшее сравнение, но лично мне это очень напоминает печальной памяти «новогодний штурм Грозного».

Считая, что пороховой дым – лучшее средство от врагов, он даже не пытался создать хотя бы видимость разведки или дипломатических переговоров. Как будто война с ораветланями не шла уже без малого 90 лет, как будто он не знал, чего стоит этот противник. Впрочем, может, действительно не знал? Тогда стоит задать вопрос – чей же добрый гений подсказал императрице назначить такого, извините, олуха начальником экспедиции?

Обнаружив стойбище, этот горе-полководец приказывал обкладывать яранги горючим и поджигать их. Ограниченность казачьего головы доходила до того, что Шестаков требовал уплаты дани... пушшиной: соболями, песцами, лисицами. Люди сгорали заживо, их соплеменники ожесточались, вооружались и сплачивались только потому, что Афонька не соизволил задуматься над простой истиной – охотники на морского зверя и оленеводы не добывали пушнину!

Итог закономерный, скорая развязка. Метафорическая площадь «Минутка» поджидала Грачё... Шестакова 14 марта на реке Пенжина. Около Тауйска его судно потерпело крушение, Афоня в первом же настоящем сражении был стремительно разгромлен и со всем отрядом погиб. Убит отравленной стрелой в горло. Ораветланы захватили двенадцать винтовок, три кремнёвых ружья, с полным боекомплектом, весь обоз и воинскую гордость – знамя.

Павлуцкий нисколько не растерялся, видимо, был готов к именно такому повороту событий. Волевым решением он принял командование всеми вооружёнными силами на себя и немедленно направил депеши в Якутск, Охотск и Тауйск с указанием всем войскам сосредоточиться в Анадырьском остроге.

По выполнении этих распоряжений он прибывает в Анадырьск сам. Проводит смотр войск, укрепляет фортификационные сооружения, выступает в поход на «немирных чюкоч», постоянно тревожащих границу своими набегами. Все чертежи и схемы, собранные на тот момент, были им тщательно изучены и по возможности проверены.

Поход на Чукотку начался в марте уже следующего, 1731 г. В составе отряда капитана Павлуцкого были 215 солдат и казаков, 160 моряков, 60 юкагиров – всего 435 человек. Ораветланы выставили армию в три тысячи воинов. Ограничивая свободу манёвра большой армии противника, Павлуцкий наступал прямо к Чукотскому Носу.

Враги встретились лицом к лицу. В трёх ожесточённых сражениях Павлуцкий разбил десятикратно превосходящего, отлично вооружённого и организованного противника. Многие десятилетия спустя в тундре в вечной мерзлоте можно было видеть целые поля, усеянные костяными доспехами, щитами и белыми костями некогда грозных воинов, наводивших трепет на оба океанских побережья. Подобных поражений ораветланы не знали за всю свою историю. Уцелевшим пришлось рассеяться и затаиться.

Историк Сибири Пётр Слоцов проводит резкую грань между Павлуцким с одной стороны и Шестаковым да Хабаровым – с другой. Вдумчивый, дальновидный и – справедливый. Да,

Павлуцкий тоже громил яранги, но только те, из которых стреляли. Да, он тоже убивал, но только тех, кто нападал с оружием в руках.

В том походе Павлуцкий взял множество пленных. Свои пленные – русские и коряки – были освобождены. Собрав с побеждённых дань-ясак, Павлуцкий вернулся в Анадырьск. Думал ли тогда Дмитрий Иванович, что война окончена?

Мне кажется, осторожно на это надеялся. С одной стороны – победа, какой Россия здесь ещё не знала, и дань, собранная с покорённых. С другой – война длится уже девяносто лет, и не все, ох, не все покорились. Да и те, подчинённые военной силой, посматривали с коварным азиатским прищуром. Нет, так просто и так быстро подобные дела не делаются...

Он был реалистом, Дмитрий Иванович Павлуцкий. И в итоговом донесении в Тобольскую губернскую канцелярию от 1 февраля 1732 г. писал: «Привести чукок в подданство невозможно». Это означает, что чуть ослабнет бдительность имперской администрации или сама имперская власть – жди новых сражений и новой крови.

Тем не менее, боевые действия против ораветлан были прекращены, российских подданных никто не тревожил. Полярная ночь 1731–1732 гг. прошла спокойно.

В феврале-марте 1732-го Павлуцкий воюет с восставшими коряками на реке Гижига и у Пареньского острога.

Одновременно Дмитрий Иванович проводит ещё одно большое дело, к которому давно стремился и тщательно готовился. На восток к предполагаемой Большой земле для разведки «незнакомых землиц» им снаряжается бот «Святой Гавриил» с геодезистом Михаилом Гвоздёвым, подштурманом Иваном Фёдоровым и кормщиком Кондратием Мошковым. Они впервые определили с запада местонахождение неизвестной земли – Америки.

Вина ли Павлуцкого в том, что его журналы и карты, с огромным трудом и тщанием бережно составленные для потомков были впоследствии бездарно утрачены в бездонном чреве чиновничьего равнодушия? Вот уж нет! Нет, и ещё раз нет!

Сам факт того, что были у нас такие люди, до самого гроба терпящие лишения, чтобы вырвать у рока для нас, своих по-

томков, крохи лучшей жизни – осознание этого для меня дороже любых бумажек, сколь бы драгоценными свойствами те ни обладали.

Сенат уже готовил новую экспедицию Витуса Беринга, а экспедиция Павлуцкого в том же 1732 г. была свёрнута и прекратила своё существование. Её достижения с поразительным равнодушием были забыты и похоронены в могиле российского бюрократизма.

Указом от 21 мая 1733 г. Д. И. Павлуцкий был направлен на Камчатку для расследования обстоятельств так называемого Харчинского бунта (по имени вождя Харуча, в крещении – Фёдора Харчина). В 1731 г. произошёл бунт камчадалов, был сожжён Нижнекамчатский острог.

Вот здесь Павлуцкий сполна проявил себя как созидатель.

Во-первых, конечно, было проведено расследование. Вместе с Дмитрием Ивановичем работал следователь – майор Василий Мерлин. С этим человеком Павлуцкий сработался, вместе они организовали мирную жизнь на Камчатке и проживали там в течение нескольких последующих лет. Главной причиной бунта было грубое обращение с ними казаков, непомерные поборы и грабежи приказчиков. Так что совершенно несправедливы те, кто видит в Павлуцком этакое идейное истребителя аборигенов – виной тому всего лишь обстоятельства его гибели.

А сделано было немало. О налаживании дипломатических связей и распространении христианства я уже говорил. Впрочем, здесь Павлуцкий не придумал ничего нового со времён Заратустры, т. е. пошёл прямо к правителю Шкенюге да его семье и все усилия приложил по обращению в свою веру именно их, справедливо полагая, что равнение будет на властьимущих.

Строительство для Дмитрия Ивановича тоже не было внове – после гибели Шестакова им был перестроен Анадырский острог – в условиях вечной мерзлоты и серьёзного дефицита древесины. Нижнекамчатский острог, правда, пришлось вообще выстраивать заново – на пепелище. И ничего – справился.

Основоположником земледелия на Камчатке тоже смело можно назвать Павлуцкого. Его усилиями был устроен быт

переселенцев с берегов Лены и возделаны первые пашни. Правда, дело продвигалось медленно из-за низкого качества привезённых семян. Могут сказать, что при освоении новых земель любой первопроходец был «на все руки мастер», дескать, другие люди и не шли на столь опасные мероприятия. С этим я готов согласиться лишь отчасти – любой был, да не у каждого получалось так, как у Дмитрия Павлущкого.

Его успехи были замечены и Алексеем Плещёвым, новым Сибирским губернатором, и в Сенате. В августе 1739-го Павлущкий покидает Камчатку и назначается воеводой в самый Якутск.

Но подобные успехи и независимый нрав всегда вызывают тайную зависть и недовольство. Ещё проживая на Камчатке, Павлущкий выдал племянницу (семья по большей части жила уже с ним) замуж за известного учёного-географа Степана Крашенинникова и на пиру резко высказывался против Святейшего Синода. Возможно, у Дмитрия Ивановича плохо складывались отношения с двоюродным братом: Иван Степанович, будучи младше его на шесть лет, достигнув совершеннолетия, тайно ушёл из родительского дома в Кондинский монастырь. В 1719 г. он принял постриг под именем Иоанникий, служил экономом Тобольского архиерейского дома, позже занимал видные церковные посты. Я вполне допускаю, что потомственный воин не мог понять такого поведения, считал его изменой делу семьи – так было, к примеру, с Феодосием Печёрским.

Скандал получил широкую огласку. Масла в огонь подливало и его недовольство политикой правительства и лично императрицы Анны Иоанновны. Вполне справедливое, как я уже успел заметить ранее, но, тем не менее, сеть интриги вокруг Дмитрия Ивановича уже плетётся. Церковная братия, обер-прокурор, кто-то из местных завистников – не всё ли равно? Нет, конечно, служба есть служба – куда прикажут, туда и поедешь. Но, с другой стороны, человеку уже 50 лет, его организаторские способности и реальные дела очевидны, а «война – дело молодых».

Часть 2.

Сенатским указом от 1-го июня 1742 г. повышенный до звания майора Д. И. Павлуцкий вновь послан в Анадырский острог.

За десять лет ораветланы оправились от разгрома и вновь начали нападать на сопредельные российские территории. Иначе говоря, в отсутствие Дмитрия Ивановича все дела в крае были пущены на самотёк, а когда полыхнуло... Знакомо, не правда ли, дорогой читатель? Как будто и не прошли с тех пор полтора столетия. Коряки, как всегда, не смогли оказать захватчикам никакого сопротивления – 12 человек убито, остальные разбежались, бросив 400 голов скота.

Узнав о войне, Сенат в 1742 г. издаёт указ: «На оных немирных чюкч военною оружейною рукою наступить, искоренить вовсе», сдавшихся в плен «из их жилищ вывести и... распределить в Якуцком ведомстве по разным острогам и местам». Можно только представить, как тоскливо поморщился Дмитрий Иванович над писаниной этих грамотеев, не только не имеющих самого отдалённого представления о реальности, но и уже делящих шкуру неубитого медведя.

Приказ есть приказ. Из Селенгинска и Иркутска было вызвано 400 человек казаков, якутский воевода передал свои полномочия и, скрепя сердце, выступил в поход.

При военной экспедиции состояли картограф Линденау и геодезист Перевалов, чьи научные изыскания заложили основу научного исследования Чукотского полуострова и стали базой для новых поколений исследователей. В марте 1745 г. шведский инженер и Сибирский вице-губернатор Лаврентий Ланг докладывал Сенату, что Анадырский майор Дмитрий Павлуцкий прислал «при рапорте чертёж» не только собственно Чукотки, но и местоположение сопредельных островов. Лоренц Ланг отправил чертёж в Сенат. Но вновь чертёж этот пропал бесследно, как до этого многие прочие сведения, добытые экспедицией. Цитирую – «пожалуй, в истории России не найдётся такой экспедиции, результаты которой (посланные отчёты, карты и т. п.) исчезали бы в таком количестве, как в экспедиции... Павлуцкого». За всю российскую историю. Вот так: ра-

ботаешь ты, работаешь, жизнью рискуешь – и для чего? Всё летит в трубу...

На сей раз снабжение экспедиции было организовано из рук вон плохо. Сам Павлуцкий, привыкший к лишениям и трудностям походной жизни, видимо, исчерпал все средства. В своём рапорте в Иркутск этот давно привыкший рассчитывать на собственные силы человек докладывал: «Пришли в пропитании в великую нужду и голод, отчего уже и видеть жалосно».

Да и сам характер войны с начала 30-х гг. поменялся коренным образом. Отличные воины, ораветланы стали избегать больших сражений «строй-на-строй» и перешли к партизанской тактике засад и стремительных нападений. Русские части и гарнизоны по сути оказались отрезанными в своих крепостях и укреплениях-«блокпостах». Постоянных баз и поселений у кочевников-оленеводов тоже не было, и удары по их «болевым точкам» стоили немалых трудов.

Тем не менее, Павлуцкий вновь действует удачно. Он уже и сам хорошо знает местность и знакомит с ней своих командиров, что для ораветлан, видимо, оказывается совершенно неожиданным. И сам меняет тактику – единую армию разделяет на несколько более мелких, но достаточно сильных отрядов, наступающих широким фронтом. Впрочем, фронт в маневренной войне понятие условное, в любой момент он может стать и флангом, и тылом, а то и разверзнуться вдруг со всех сторон.

И вновь Павлуцкий, несмотря ни на что, совершает два успешных похода, хоть и не с прежними сокрушительными потерями, но разбивает ораветлан.

И только в третьем походе... Да, собственно, и походом-то его назвать нельзя – так, небольшой рейд с небольшим отрядом.

14 марта 1747 г. он получает известия о нападении на коряков, разогнав которых, ораветланы выступили на сам Анадырьск.

Чтобы было с чем сравнить. В похожей ситуации оказался в день своей гибели и Василий Чапаев: развернув войска широким фронтом, при штабе дивизии он оставил лишь небольшую группу прикрытия; внезапный глубокий рейд белоказаков стал для него последним.

Конечно, у Павлуцкого была несколько иная ситуация. Трагически не хватало бойцов и продовольствия, не говоря уж об оружии и тыловом обеспечении. Такое впечатление, что властные структуры просто обрекли его отряд на гибель, а он вот уже пять лет всё сражается. Собственно, можно было принять бой за крепостными стенами. Взять его не возьмут, а там и подкрепление подоспеет. Но это означает – потерять инициативу, от которой и так осталась бледная тень со времён ухода командира на Камчатку. И с небольшим авангардным отрядом численностью в 80 человек майор Павлуцкий решается нанести встречный удар.

Это была засада.

Не сомневаюсь, что Дмитрий Иванович вполне рассчитывал на возможность такого расклада. Подобные действия противника были им оценены в полной мере ещё во времена гибели отряда Шестакова. А уж пять лет войны с вездесущими партизанскими группами, непредсказуемыми, словно призраки, и вовсе внесли противодействие им в привычку.

Павлуцкий наверняка ставил своему отряду задачей связать противника авангардным боем, лишить подвижности до подхода основных сил. Почему сам пошёл в бой? А кто ещё, если не он!

21 марта на реке Орловая противники встретились.

Ослепительный, лишь едва-едва тронутый весенним теплом снег. Ораветланы все в громоздких латах, похожие на потусторонних чудовищ. Стой монстров при полном молчании изгибается, навстречу русским тучей летят стрелы, отравленные корнем полярного лютика. Гремят выстрелы, во многих местах строй окутан облачками едкого порохового дыма. Далековато ещё, но русские то там, то тут падают, перестраиваются в шеренгу.

И сразу – атака. Под рёв и ритмичный перестук бубнов, обтянутых человеческой кожей, ораветланы бросаются в стремительную атаку. Многие сбрасывают громоздкие доспехи. Отравленные копыя уже скользят, вспарывая воздух на уровне вражеской груди.

Русские бьют залпом. В плотных построениях ораветлан появляются бреши, но атакующий порыв не сбит – всё это продумано и обговорено заранее. Главное – стремительным

ударом достичь русских рядов, пока там не успели перезарядить свои ружья.

И действительно, расчёт верен – произвести второй выстрел не успевают. Так и есть. Русские хватаются за сабли и топоры, но разве это оружие против вон тех длиннющих копий, стремительно летящих прямо тебе в лицо с ужасающей неотвратимостью?..

Эх, обещал я вроде не писать лишнего про чукотские войны, но о военном характере ораветлан всё же нужно хоть немного рассказать.

С теорией пассионарности Льва Гумилёва знакомы многие, поэтому объясню так – на границе Чукотки столкнулись интересы двух пассионарных этносов. С русскими вроде бы всё понятно даже тем, кто в школе с трудом пролистал учебник истории. Про ораветлан чуть подробнее: в XVII веке у этих полярных охотников за морским зверем началась смена жизненного уклада. Наблюдая жизнь соседей-скотоводов, они постепенно и сами стали усваивать их методы ведения хозяйства. Но скот ведь не берётся из ниоткуда, значит, его нужно отобрать. С пастбищами и прочими угодьями – то же самое. Начинается экспансия, наступление ораветлан с побережья во внутренние районы материка.

Стреляют и бьют копьём-гарпуном все охотники отменно, иначе им здесь не выжить. Оленеводы и рыболовы – похуже, да и нет у них того наступательного порыва. Методы и приёмы боевых действий ораветланы веками отработали в противостоянии с эскимосами, где также чаще всего оказывались победителями. Даже будучи поддерживаемыми русскими отрядами, корякские воины численностью в 50 человек не решались оказать сопротивление чукчам, если в их отряде было 20 бойцов!

Главным оружием ораветлан был лук, составной, клеёный из берёзы и лиственницы, высотой в человеческий рост, как у англичан времён той Столетней войны. Копья, топоры, ножи, дубины также имелись в изобилии и выбирались каждым по руке.

Так, главный противник Павлуцкого по имени Кивающий Головой предпочитал в рукопашной нож, а его жена (да, у чукчей сражались и женщины, так сказать, самые северные

поляницы-амазонки!) – топором. Кстати, Кивающий получил прозвище за то, что подавал сигнал к атаке кивком головы. Подобная практика могла появиться только в условиях партизанской войны, когда атака должна сохранять внезапность как можно дольше. Тишина. Враг ещё дремлет, часовые не слышат и шороха, а ты уже летишь в стремительном броске, не оставляющем времени на раздумья.

Значит, Кивающий – это военачальник и воин, стоящий у самых истоков партизанской тактики ораветлан. Значит, это вдумчивый теоретик и коварный противник, способный принимать нестандартные решения, обладающий прекрасными организационными способностями, готовый на всё ради достижения цели.

Далее. От головы и до пят ораветланы были защищены лёгкими и очень крепкими панцирями из кости, металла и моржовой кожи. Такие доспехи назывались «мэргэв» и вряд ли кто-то сумеет доказать, что они были хуже японских, монгольских, европейских – каких угодно. В дополнение к мэргэву за спиной ораветланы носили большой щит, закрывавший затылок и плечи. Нечто отдалённо похожее на него было только у причерноморских скифов. Это, опять же, продукт партизанской войны, когда воин в любой момент может получить в ухо или в затылок отравленную стрелу, пущенную из засады. Кожаные шлемы с наушниками укреплялись рядами костяных, роговых и металлических пластин. Такой доспех пробыёт не каждая пуля.

Ораветланы умели делать и гуляй-поле (или вагенсбург, как вам, читатель, привычнее). Вместо повозок использовали нарты, расставляли их вертикально по кругу, связывая между собой накрепко ремнями. Сверху на них набрасывали моржовые кожи, заливая скаты водой, быстро превращающейся в сверкающий скользкий лёд. И такая импровизированная крепость была почти неприступной. Её и не подождёшь, как тот Искоростень, или как обычные яранги.

На воде дела обстояли не хуже. Большие кожаные байдары защищались щитами и были рассчитаны на дальние плавания. Пересечь Берингов пролив и пропустить вдоль борта Аляску им ничего не стоило. Иначе и быть не могло – попробуй удер-

жать гарпун с морским зверем, с китом на крюке, управляя углым судёнышком! Несомненно, кое в чём эти суда превосходили и дракары, например, не зависели от направления ветра. Существуют их изображения и реконструкции – зрелище внушительное.

Ну, и огнестрельным оружием ораветланы за сто лет войны овладели в совершенстве. Его, конечно, не хватало, как и русским, но... имелось уже немало трофейного, а английские и американские предприниматели старались не упустить своей выгоды. Бизнес и ничего личного.

Всем, однако, известно, что оружие есть ничто без воина. Пожалуйста, читатель, вот он – ораветланский военный характер. «Эти мужчины... меньше боятся смерти, чем трусости», – пишет о нём исследователь Камчатки Карл-Генрих Мерк. «Смерть они часто предпочитали потере свободы», – это уже знаменитый шведский путешественник Адольф-Эрик Норденшельд говорит через сто тридцать лет после гибели Павлуцкого.

Побеждённый в поединке не просил пощады, а просил добить его. Выработалась даже словесная формула равнодушно-го обращения к противнику с просьбой о смерти. Могли, конечно, убить и сразу, но если в руки попадал военачальник или знаменитый воин, его перед смертью подвергали мучительной пытке. Афоня Шестаков, увидав торчащее под кадыком древко стрелы, пожалуй, и не понял, как несказанно ему на сей раз повезло.

Чукотские женщины всегда при себе носили нож, которым в случае победы врага убивали своих детей, а потом и себя, предпочитая смерть плену.

Воспитывалась молниеносная реакция. Добивались того, чтобы ребёнок, будущий воин, от малейшего прикосновения отскакивал в сторону, избегая поражения копьём и даже стрелой.

Остаётся только удивляться, как Павлуцкий раз за разом бил такого сильного и подготовленного противника.

Так что же происходило там, близ устья Орловой, где нашего командира уже атакуют стремительные копьеносцы?

Многokrратно уступающие врагу по численности, русские были окружены. Началась беспощадная съёмная схватка.

Шансов выстоять не было никаких – слишком неравны были силы, как по численности, так и по вооружению. Сорок казаков и одиннадцать коряков погибли на месте.

Остальным удалось прорвать ораветланский строй – около тридцати человек сумели вырваться из смертоносного кольца.

Увы, командира экспедиции майора Павлуцкого среди них не было. Возможно, что он, обладая огромной физической силой и отменно владея оружием, прикрывал отход. А, возможно, считал для себя позорным отступать и предпочёл погибнуть, как знаменитый на востоке Ваньянь Ченхошан. И такой поступок тоже был в гордом характере Дмитрия Ивановича. Ликуй, Кивающий; радуйся, Синод; ехидствуй, чиновная бра́тия – герой обречён.

В пользу последней версии говорит и то, что 55-летний военачальник и не думал пробиваться к своим, а, наоборот, раз за разом наступал, яростно набрасываясь на сломанный вражеский строй, с двух рук обрушивая на смешавшихся бойцов всю мощь отточенной драгунской сабли и тяжёлого винтовочного приклада.

Читатель, вы когда-нибудь видели бой ротвейлеров с медведем? Жестокое зрелище, но всё же посмотрите: мне этот последний бой Павлуцкого представляется именно так.

Огромного роста, неуязвимый в железном шлеме и кольчуге, неестественно быстрый – приводил он в панику видавших виды воинов. Трижды отступали панцирные копейщики, трижды били отравленные стрелы, и трижды железный богатырь яростно атаковал вновь.

И лишь когда он, теряя силы, бросился в атаку в четвёртый раз, какой-то удачливый враг сумел набросить ему на плечи аркан. Тут же полетели новые ремни – ещё и ещё.

Дмитрий Иванович упал на снег, но ещё не был обездвижен, возможно, ему удалось рассечь некоторые путы. Во всяком случае, получилось сорвать стальной нагрудник, видимо, горжет...

Опрокинутый навзничь великан с разбитым вдребезги оружием, пожилой и обессиленный был ещё опасен. И ораветланы не стали рисковать, опасаясь стремительного удара сияющей стальной полосы. Издалека ударили копьём в грудь.

Да, и сам Кивающий не решился собственноручно расправиться с ужасающим Якунином (так называли они Павлуцко-го), – как мы помним, ораветланский вождь предпочитал в бою орудовать ножом. Его ли, или чей-то другой нож пригодился, когда мёртвому майору отрезали голову? Может, и не его, ведь сделать это было уже не так страшно...

Вырвавшиеся из окружения казаки вскоре достигли основного отряда, но полярная ночь в марте наступает очень быстро. Наутро на месте сражения ораветлан уже не было. В трёх местах истоптанный снег был завален вражескими трупами, а на четвёртой груде тел остался и сам их погубитель. Нет, не грозный генералиссимус Алексашка Меншиков, а всего лишь какой-то майор.

Мёртвые ораветланам были ни к чему, но вот голову легендарного врага, знамя, ездовых оленей, ружья, и даже не слишком нужную пушку они увезли с собой.

И это поражение стало переломным моментом в войне. Дальше русские только отступали – в Гижигинск, в Нижнеколымск... Сенат был ошеломлён этим поражением, но задуматься о причинах вновь не соизволил. Проще закидать шапками – и полетели распоряжения о переброске в Анадырьск новых войск. А через пятнадцать лет его комендант и вовсе предложил отказаться от колонизации Чукотки, расписавшись в собственном бессилии.

В Сенате посчитали, прикинули, и решили, что война обходится слишком дорого. А, значит, исходя из коммерческих интересов... В 1765 г. из острога начался вывод войск и гражданского населения, а в 1771 г. – разрушены крепостные укрепления. Стотридцатилетняя Русско-чукотская война окончилась унижительным поражением.

Что ж, скажете вы, вон и Тамерлан не смог одолеть курдов, были же и Астурия, и Черногория... Всё так, только героические повстанцы или уходили со своих территорий, или худо-бедно поддерживались какими-то силами извне. А ораветланы оставались на своей земле, и никто им не помогал, разве что изредка и ненадолго ощущалась слабая поддержка эскимосов.

А после ухода русских они перешли в наступление и неплохо увеличили свои пастбища за счёт территории России.

Печенеги долго хранили у себя голову князя Святослава, как самый драгоценный трофей. Она служила им для ритуалов, гордые кочевники мечтали, чтобы их дети были похожими на грозного русского воителя. Ораветланы долго хранили у себя голову майора Павлуцкого, как самый драгоценный трофей. Она служила им для ритуалов, гордые кочевники мечтали, чтобы их дети были похожими на грозного русского воителя.

Кольчуга Павлуцкого от Кивающего Головой перешла по наследству к его правнуку – Амвраоргину. Тогда-то её и преподнесли в качестве бесценного дара колымскому исправнику (начальнику полиции) Гергарду Майделю. Учёный немец прекрасно сознавал ценность приобретения и передал кольчугу в дар Иркутскому музею.

Вы помните, дорогой читатель, как пропадали все документы – письма, карты, атласы – экспедиции Павлуцкого? Его легендарная кольчуга тоже пропала во время одного из пожаров. Вот это, пожалуй, по-нашему. А ещё говорят, что кольчуги не горят...

Обезглавленное тело Дмитрия Ивановича через пять дней после сражения было доставлено в Анадырьск. Здесь его обернули бумагой, залили воском, положили в листовничный гроб. С марта по ноябрь мёртвый Павлуцкий лежал в погребке под амбаром. И только в ноябре, когда наступили холода, его увезли в Якутск.

Лишь спустя год, в марте 1748 г. прах майора обрёл пристанище: его похоронили под церковью Якутского Спасского монастыря.

Место, где Дмитрий Иванович принял смерть, было названо Майорской сопкой.

Вот, пожалуй, и всё. На нескольких страничках уместились мои знания о том, про кого следовало бы писать героические романы и повести, снимать кинофильмы с лихо закрученным сюжетом.

Спасибо, хоть чукчи помнят о нём, да только они фильмов не снимают...

Рогдай Росомаха

Источники:

Марков С. Н. «Земной круг». Нефёдкин А. К. «Военное дело чукчей». Шпаковский В. О. «Рыцари востока». Салин Ю. С. «Иная цивилизация». Хорев В. Н. «Реконструкция старинного оружия».

В родстве с якутскими Павлуцкими был и Серго Орджоникидзе, женатый в 1917 г. на дочери священника, учительнице Зинаиде Гавриловне Павлуцкой.

На Камчатке фамилию Павлуцкого получали «лутшие» – тойоны (вожди).

С. П. Крашенинников, который позже женится на племяннице Дмитрия Ивановича и продолжит с ней род Крашенинниковых-Павлуцких, писал об одном из этих тойонов из Крутогоровского острожка: «новокрещенной Иван Павлуцкой, иноземческим именем Шкенюга».

А вот и более поздняя история продвижения этой фамилии, когда Д. И. Павлуцкого уже не было в живых: 1747 г. – Сопочная, 1748 г. – Морошечная, 1749 г. – Крутогорово.

Фамилия камчатских Павлуцких до последнего времени сохранялась в селении Сопочном, пока это село не закрылось.

Оборонял Камчатку от японцев в 1904–1905 гг. Григорий Павлуцкий.

Оставил поэтические воспоминания о родном селе Михаил Алексеевич Павлуцкий:

Я родился в Сопочном в 1954 г. Дедушка: Павлуцкий Иов Егорович, а бабушка родилась в Хайрюзово, Красноярова Евдокия Егоровна. Конечно же, она потом Павлуцкой была. Мама Павлуцкая Матрена Иовна родилась в Сопочном в 1916 г. Сестра моя Суздалова Нелля, ее все знают – поэтесса, брат Павел. Я работал в колхозе «Красный Октябрь» до армии. Потом на Чукотке служил в радиотехнических войсках. И снова в колхозе работал, пять лет в связи. Стишки я еще в интернате начал сочинять. А песню поют мою здесь, по-моему, нравится ковраннам. Спою я ее тебе. «Гуси Севера» она называется:

Гуси с севера снова на юг улетают,
Оставляя гнездовья свои и покой.
Гуси с севера снова на юг улетают:
Крик печальный несется над тундрой седой.
Где-то там, далеко, на далекой чужбине
Обретут до весны тишину и покой.
Но настанет весна и опять эти птицы
Понесутся на крыльях к отчизне родной.
Листья желтые в воздухе долго кружатся.
Ветер северный дует стужей тугой.

Гуси с севера снова на юг улетают –
Крик печальный несется над тундрой седой.
Гуси с севера снова на юг улетают.
Оставляя гнездовья свои и покой.
Гуси с севера снова на юг улетают –
Крик печальный несется над тундрой седой.

(Запись 13 сентября 1995 г. Н. П. Толман)

Известна эта фамилия была и в селе Ича.

По материалам Исповедальной росписи Облуковинской церкви 1893 г., мы обнаружили семью Иннокентия Васильевича Павлудского (41), у которого были сыновья Иоанн (11) и Венедикт (8). Рядом жил его младший брат Александр Васильевич Павлудский (26). В списках жителей села мы встречаем Георгия Васильевича Павлудского (30 лет, у него трехлетний сын Потапий), вероятно, еще одного брата, который живет в семье Иоанна Семеновича Павлудского (44 года).

В Иче жил также Андрей Прокопьевич Павлудский (56) с сыновьями Георгием (27) и Григорием (22). Отдельно проживал еще один сын – Самсон Андреевич с женой и сыном Леонтием (2).

И встречаем мы вдовца Кания (?) Федоровича Павлудского (41), у которого были сыновья Федор (11) и Антоний (7).

Сведения об одном из ичинских Павлуцких мы находим в базе данных о жертвах политических репрессий.

Павлуцкий Венедикт Иннокентьевич. Родился в 1878 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Ича; камчадал; неграмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником. Проживал: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Ича. Арестован 9 августа 1931 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 7 сентября 1932 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: на срок предварительного заключения. Арестован повторно 25.06.1934 г. Спецколлегией Дальневосточного краевого суда по Камчатской области, 21 декабря 1935 г. по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР приговорен к 10 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реабилитирован заключением помощника Генпрокурора РФ от 22 декабря 1993 г. Реабилитирован 3 августа 1959 г. Реабилитирован по этому делу определением Военного трибунала ДВО.

ПАДЕРИНЫ

Камчатская казачья фамилия.

Но самые первые сведения связаны с промышленником-землепроходцем Никитой Падерой: «Вместе с промышленным человеком Никитой Падерой хаживал Камчатой на соболиный промысел. Однажды побывали они на притоках Индигирки, которые стали с тех пор называться Падерихой и Камчаткой» (Кусков В. «Камчатские были», Петропавловск-Камчатский, 1970 г., стр. 6).

Возможно, вы обратили внимание на преемственность имен сыновей в камчатских родовых фамилиях – их чередования из поколения в поколение – так, например, родовым именем камчатских казаков Усовых было Василий, и это имя передавалось из поколения в поколение.

Мы вспомнили об этом, когда изучали прошлое фамилии Падериных. В базе данных о жертвах политических репрессий мы нашли следующую информацию:

Падерин Григорий Дейча. Родился в 1881 г., Камчатская обл., Гижигинский (Пенжинский) р-н, с. Гижига; русский; образование сельская школа; б/п. Работал в своем хозяйстве. Проживал: нац. окр., Анадырский р-н, с. Усть-Белая. Арестован 21 сентября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 28 ноября 1937 г.; обв.: без предъявления обвинения.

Приговор: ВМН. Имущество конфисковано. Расстрелян 22 декабря 1937 г. Реабилитирован 20 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Конечно же, вы обратили внимание на необычное отчество Григория Падерина.

И вот что еще мы находим в старых документах: Падерин Дей Андреевич, писарь, 1812, 30 лет, Нижнекамчатск (РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4).

И становится понятным, что только имя Дей могло образовать такое необычное отчество – Дейча.

Позже Падерины были казаками камчатского Севера.

Стефан Георгиевич (Григорьевич) Падерин был в начале XX столетия управляющим Гижигинской казачьей командой, а И. Г. Падерин – гижигинским казачьим пятидесятником.

Любопытны материалы с форума сайта «Камчадалы.ру»: «Я, Алла Ивановна (по отцу Падерина), мне 60 лет. По просьбе моей внучки я пишу историю семьи. Но вот по линии отца у меня совсем нет данных о родне. Его звали Падерин Иван Иванович. Год рождения примерно 1900–1915. В 1946–1949 г. был на Украине, Кривой Рог. Единственное, что еще мне помнится – улыбка. На Камчатке у него было 20 пар ездовых собак. Так как многие боятся просьб о помощи, то сразу оговорюсь, что мне ничего и ни от кого не нужно. Я вполне себе живу хорошо.

Заранее благодарна за внимание».

Ответ: «В 1907 г. в Гижиге служили Степан Григорьевич Падерин, управляющий Гижигинской казачьей командой, хорунжий, и И. Г. Падерин, вероятно, брат, казачий пятидесятник (возможно, Иван Григорьевич, отец Ивана Ивановича Падерина, которого разыскивает его дочь Алла Ивановна)».

ПАНКАРИНЫ (ПАНКАРИНОВЫ)

Северная камчатская фамилия. Происхождение ее нам пока не известно, хотя на Камчатке есть река с очень характерным именем – Панкара, название которой, как и название рек Падера и Камчатка, может быть связано с неизвестным нам именем ее первооткрывателя.

Участниками обороны Камчатки в русско-японскую войну

1904–1905 гг. были представители этой фамилии из села Воймполка – Иннокентий и Георгий Панкарины.

В селении Аманино проживал в 1893 г. шестидесятилетний Захар Андреевич Панкарин.

А на восточном побережье Камчатки нам встречаются уже Панкариновы: Панкаринов Исидор, староста с. Ивашка, 1903 г. (ЦГА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 8).

Панкаринов Сергей Сидорович. Родился в 1895 г., Камчатская губ., Карагинский р-н, с. Ивашка; коряк; образование самоучка; б/п; был потомственным рыбаком-охотником. Проживал: Камчатская губ., Карагинский р-н, с. Ивашка. Арестован 6 мая 1934 г. Приговорен: Особое совещание при НКВД СССР 28 января 1935 г., обв.: по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 21 февраля 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

ПАНОВЫ

Камчадалы Пановы в начале XX века проживали в селениях Апача, Шаромы, Шапино, Гольгино, Малка. История появления фамилии: 1745 г. – Машура, 1747 г. – Кроноки, Семлячик, 1748 г. – зап. поб. Камчатки, Тигиль (р. Пирожникова), долина реки Камчатки – Машура...

По нашей версии – фамилия Панов первоначально принадлежала камчатским казакам (мы знаем о камчатском слуге Федоре Панове), а потом в результате крещения распространилась по всей Камчатке.

Один из этих казаков бесследно пропал на Аляске после высадки отряда исследователей: Панов Иван, толмач Нижнекамчатского острога, участник 2-й Камчатской экспедиции Беринга – Чирикова (пакетбот «Св. Павел»).

Алексеев А. И. «Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки», М. 1982 г., стр. 93 «А. И. Чириков на пакетботе “Св. Павел” после разлуки с Берингом пошел самостоятельно не на юг, а на восток, а затем на восток – северо-восток. 15 июля [1741 г.] моряки увидели землю. В журнале Чирикова написано: “В 2 часа пополудни впереди себя увидели землю, на которой горы высокие, а тогда еще не

очень было светло, того ради легли в дрейф; в 3-м часу стало быть землю свободнее видеть”. Это была Америка. Пакетбот находился вблизи мыса Аддингтон о-ва Бейкер на широте 55 градусов 20 минут. Чириков 17-го послал к берегам шлюпку со штурманом Авраамом Михайловичем Дементьевым, матросами 1-й статьи Петром Татиловым, Григорием Zubовым, Иваном Ощмаринным и солдатами Яковом Асамаловым, Никифором Пановым, Григорием Култышевым, Иваном Глатким, Михайлом Ложниковым Меньшим, а также толмачами Камчатского острога Дмитрием Шараховым и Иваном Пановым. В течение недели ждали ее возвращения, а затем послали на берег небольшую шлюпку, чтобы выяснить, что же случилось с первой. В ней отправились боцман Сидор Савельев, матрос Дмитрий Фадеев, плотник Федор Полковников и конопатчик Елистрат Горин. Но бесследно исчезла на американском берегу и она. Гибель посланных так и осталась загадкой. Чириков еще долго оставался у берегов Америки, но продовольствие кончалось, и 6 августа пакетбот пошел к Камчатке».

«Плавание служащих Шелехова в 1788 г., когда они с острова Кыхтахка направились на галиоте к материке Америки. 9 мая галиот вошел в гавань, лежащую между островом Хликахлит и материком. В заливе Якутат служащие нашли жителей материка – коложей, имеющих “повелителем» тойона Ильхьяка”. Когда тойон Ильхьяк прибыл к галиоту Шолохова на байдарках со свитой в 170 человек, то русские были поражены, увидев в свите тойона много “белолицых и русоволосых”. Оказывается, в 1788 г., учреждая поселение на американском материке, промышленники Шелехова уже встретили там русских. Шелехов решил, что это потомки штурмана Дементьева и 12 матросов, которые в 1741 г. были посланы на шлюпке Чириковым и не вернулись, пропали без вести. Возможно, что вывод Шелехова правилен, но, как мы увидим из следующих глав, русские могли попасть в Америку не в 1741 г., а много раньше» (Ефимов А. В. «Из истории великих географических открытий»; Алексеев А. И. «Судьба Русской Америки», Магадан, 1975 г.).

Позже участие в освоении Аляски в числе зверопромышленников приняли и камчадалы – крестные дети казаков Пано-

вых: Панов Игнатей, камчадал, участник зверобойного промысла на Алеутских островах. На судне промышленника Коровина (с ним также были на этом судне камчадалы Федор Зеленовский и Василий Шипунов) был участником событий на о. Уналашка 1765 г., когда в результате восстания алеутов из 170 промышленников с четырех судов в живых осталось 13 человек – семь русских и шесть камчадалов (см. роман-исследование «Встречь солнцу»).

Любопытна история еще одного Панова, толмача: в 1745 г. на Камчатку сборщиками ясака М. Новограбленным и Ф. Слободчиковым был доставлен японец Ихэй, который принял православную веру и стал Василием Пановым, затем он был отправлен в Иркутск вместе с другими японцами: Кютаро (Петром Черным), Сёэмон (Григорием Свиным) преподавать японский язык.

Вполне допустима и вторая версия происхождения этой камчатской фамилии – получение камчадалами фамилии Пановых также при крещении, но от представителей камчатского купечества – от тотемских купцов Пановых или в их честь, что так же было возможным, так как приказчики купцов Пановых набирали дешевую рабочую силу для своих промысловых экспедиций именно из числа камчадалов, способных выдерживать тяготы тех многолетних «вояжей».

Наиболее известными купцами-компанейщиками были братья Григорий и Петр Пановы, снарядившие 11 экспедиций в Тихий океан. На музейном стенде – копии с портретов потомков Пановых. Подлинники хранятся в Костромском художественном музее: за заслуги перед Отечеством купцам Пановым был предоставлен ряд льгот и подарено имение в Солигаличском уезде Костромской губернии, куда они уехали жить в 90-е годы XVIII века. Память о Пановых – дом на центральной (Торговой) площади Тотьмы и Входаиерусалимский храм, где располагается музей.

Панов Пётр Алексеевич (1719–1786) – тотемский купец, в 1758 г. вместе с братом Григорием и компаньонами исследовал Алеутские острова. В 1762 за предпринятую экспедицию на дальние Алеутские острова на судне «Св. Иулиан» для «сыс-

кания новых земель и для приводу тамошнего... народа в (российское) подданство» награждён медалью «За полезные обществу труды». Вёл большую торговлю с Китаем и стал основателем огромной пушной империи Пановых.

На Камчатке в начале XX века Пановы – это родовая фамилия, прежде всего, камчадалов из села Апача.

Панов Евстигней (в документах Евстрат) был награжден за участие в отражении японских шхун на реках Озерная, Опала, Воровская в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129). Участвовали в боях и его земляки, и родственники Гавриил, Власий, Иван и Яков Пановы.

Вот некоторые сведения об этих людях, их родственниках и наследниках, по материалам Исповедальной росписи Больше-репечкой церкви за 1893 год и другим документам:

Панов Прокопий Яковлевич (54), дети: Марфа (15), Евстигней (30). Жена Евстигнея Анна Михайловна, и дети: Мария (5), Григорий (2), Харитинина (1).

Панов Григорий Евстигнеевич. Родился в 1891 г., Камчатская обл., Усть-Большерепечкий р-н, с. Апача; русский; образование 5 классов высшего начального городского училища; б/п; был охранником рыбоконсервного завода. Проживал: Усть-Камчатский р-н, с. Усть-Камчатск. Арестован 14 июля 1938 г. Приговорен: Камчатский облсуд 17 мая 1939 г., обв.: по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет с поражением в правах на 5 лет. Имущество конфисковано. Постановлением КОУ НКВД от 30 мая 1942 г. на основании ст. 204-6 УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 27 сентября 1988 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Панов Иван Яковлевич (65), сын Илья (45). Жена Ильи Васса Гавриловна (39), дети: Дамиан (20), Иван (14), Власий (12), Гавриил (11), Константин (6), Николай (2), Ульяния (9), Елена (23).

Вдова камчадала Венедикта Панова Татьяна Федоровна (54), дети: Онисим (22), Вера, Надежда, Иван (30). Жена Ивана Любовь Александровна, дети: Венедикт (3), Андрей (2). С ними живет Панов Петр Алексеевич (36). Жена Ирина Михайловна (31), дети Даниил (18), Ульяния (15), Феодосия (14).

Панов Яков Гаврилович, Апачинского селения камчадал и законная жена его Анна Александровна. Имя родившейся – Агриппина. Дата рождения – 20 июля 1907 г. Дата крещения – 10 сентября 1907 г. Таинство крещения совершал священник Григорий Коллегов. (Выписка из метрической книги Больше-рецкой церкви за 1907 год, ГАКК.) Панов Иннокентий Иванович, житель с. Апача, награжден серебрянной медалью «за заботы об Апачинской школе и за прекрасное ее состояние» (1905 г.) (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

Панова Анна Михайловна, камчадалка, с. Апача, учительствовала в местной школе с 1897 по 1900 г. Потом с детьми работал К. Ф. Панов.

В 1904–1905 гг. Василий Панов из с. Шаромы принимал участие в обороне Камчатки от японцев.

А это, вероятно, его наследник: Панов Пимен Васильевич. Род. 14 сентября 1901 г. Родители – камчадал Шаромского селения Василий Васильевич Панов и жена его Евдокия Николаевна. Восприемники – Петропавловский мещанин Арсений Михайлович Коршунов. Свящ. Иринарх Малахов. (Метрическая книга Мильковской церкви за 1901 г., ГАКК.)

По церковным книгам 1892 г. есть упоминание о Панове Иване Романовиче – камчадале Шапинского селения.

По данным 1893 г. камчадалы Пановы жили также в с. Малка (Малкинском) и Голыгино.

ПАНЬКОВЫ

Сначала материал с форума сайта «Камчадалы.ру»: *«Паньков Антон Гаврилович приехал с Алеут во Владивосток и поступил в мореходное училище. Закончил его и работал на китобойных судах. Последнее судно, на котором он плавал, называлось “Большой Шантар”. В рейсе он выкинул за борт старую фотографию кого-то из руководителей партии, на него написали донос (1936–1937 гг.) и посадили. Срок отбывал в Магадане. О нем в семье никогда не говорили потому, что был репрессированным. Семья изменила фамилию, т. к. боялась за отца. Переехали из Владивостока в Находку. Дат*

рождения и т. д. нет, т. к. не у кого больше узнать. Сын Антона Гавриловича – Неурал Аркадий Антонович. Внук – Неурал Антон Аркадьевич, работает в Приморском Морском Пароходстве, в Находке. Имеет дочь Неурал Екатерину Антоновну и внука Неурал Леонида Алексеевича. Информацию любезно предоставил Неурал Антон Аркадьевич».

Паньков Антон Гаврилович. Родился в 1900 г., Камчатская обл., о. Беринга; алеут; образование среднее и спецкурсы штурманского дела; б/п; являлся ст. помощником капитана китобоя «Блюхер». Проживал: г. Владивосток. Арестован 18 октября 1937 г. Приговорен: спецколлегия Дальневосточного крайсуда по Камчатской обл. 15 ноября 1937 г., обв.: по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР.

И снова материал с форума: *На разных языках можно найти мыс и скалу Панькова (Pankof Cape, Pankov Breaker 54° 42' с. ш. 163° 00' з. д.), которые описаны адмиралом Г. А. Сарычевым в 1791 г. Названы они в честь Алеутского старшины Сергея Панькова, пожалованного норковой паркой и золотым медальоном за заслуги перед отечеством самой Императрицей Екатериной. Мне удалось найти информацию о массовом «нашествии» на Алеуты курян (жителей г. Курска и губернии), встревоженных рассказами Шелехова. Уроженец г. Рыльска Курской губернии Григорий Шелехов, вернувшись из первой экспедиции на Алеутские острова, рассказывал всем, что в этом далеком краю можно легко и быстро обогатиться. Отсюда вполне очевидна связь появления фамилии Паньков на Алеутах с Курской губернией, где в Золотухинском районе находится прародина большинства Паньковых. Вместе с тем, в одном исследовании упоминалось о некоем «новокрещенном Панькове». То есть, возможно, что фамилия могла быть также «подарена» принявшим новую веру аборигенам. Кто же он, Алеутский старшина Сергей Паньков, заслуживший высочайшую награду за труды на благо России и забытый историей? Кто из Паньковых отважился на дальний поход вслед за Шелеховым? На сайте я попытаюсь собрать вместе фрагменты этой страницы российской истории и очень надеюсь на вашу помощь и поддержку.*

Курские штаты... Из полусотни территориально-административных единиц США (штатов) двум из них основание положили курыне: экономически богатейшему, благодатному по климату и густонаселенному – Калифорнии, а также самому суровому и малолюдному, но с неисчерпаемыми природными ресурсами – Аляске. Газета «Курская правда» № 46 (23800), 25 февраля 2005 г. В 1758 г. русский навигатор Паньков высадился на Лисьих островах (Fox Islands). С 1778 г. алеутский старшина острова Тигалла (Ivan Pan'kov, Aleut Chief of Tigalla Island) впервые ввел письменность на Алеутском языке и, совместно с Отцом Вениаминовым (Father John Veniaminov, St. Innocent) перевел часть Библии на унганский язык.

В начале XX века на Командорских островах проживали креолы (потомки русских старожилов) и алеуты (кресники креолов) Паньковы.

ПАРАНЧИНЫ

Некогда очень известная фамилия большеецких казаков – одна из протоков реки Большой называлась Паранчиной.

Известны и их крестники – камчадалы Алексей и Лукерья Паранчины, муж с женой, насильственно вывезенные с Камчатки А. М. Бенъевским и брошенные на 17-м Курильском острове, откуда впоследствии супруги вернулись на Камчатку (см. роман-исследование «Встречь солнцу»).

Последнее упоминание этой камчатской фамилии относится ко времени обороны Петропавловского порта, когда Камчатский флотский экипаж, в котором в основном служили уроженцы Камчатки, был вывезен в Николаевск-на-Амуре.

Паранчин Иван Михайлович, 1844 г. писарь 1 класса. Из солдатских детей, уроженец Камчатки (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 268).

И, действительно, в составе Камчатского гарнизонного батальона в 1812 г. в Нижнекамчатске мы находим двух Паранчиных:

Паранчин Иван Михайлович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 19 лет.

Паранчин Петр Ильич, барабанщик Камчатского гарнизонного батальона, 22 года.

Но если мы найдем послужные списки солдат Паранчиных, то, вполне возможно, в них будет запись «из казачьих детей».

Одним из приказчиков Камчатки был Федор Паранчин (Крашенинников С. П. «Описание земли Камчатки», М-Л, 1949 г., стр. 32, 564). Другой Федор Паранчин, камчатский служилый, был участником знаменитого плавания на боте «Святой Гавриил» в 1732 г. (экспедиция Гвоздева), когда была открыта будущая Русская Америка (Алексеев А. И. «Сыны отважные России», Магадан, 1970 г.).

ПЕРЕВАЛОВЫ

В 1754 г. при крещении камчадалов эта фамилия зафиксирована в селении Сопочная. Скорее всего, эта фамилия происходит от фамилии большерецких казаков Переваловых. Последнее упоминание о ней на Камчатке относится к 1771 г., когда Перевалов Михаил, Большерецкой команды капрал, примкнул к участникам Большереццкого бунта 1771 г. и бежал с Камчатки. Умер в Макао 22 октября 1771 г. (см. роман-исследование «Встречь солнцу»).

ПЕРМЯКОВЫ

Фамилия камчатских казаков, которые впоследствии после устранения Верхнекамчатской казачьей команды записаны в крестьянское сословие. Казаки Пермяковы известны и как талантливые мореходы: *«Устьянский казак Яков Пермяков в самом начале XVIII века совершил плавание из устья Лены в Колыму, причем видел против Святого Носа остров (Большой Ляховский). Для проведения этого острова в 1712 году якутским воеводой Д. А. Траурнихтом была отправлена экспедиция во главе с казаком Меркурием Вагиным, которая зимой перебралась по льду со Святого Носа на остров Большой Ляховский. В этой экспедиции участвовал в качестве вожа и Яков Пермяков. При повторной попытке Вагина посетить Новосибирские острова, намечавшейся на 1713 г., Вагин, его сын, Яков Пермяков, и еще один человек были убиты взбунтовавшимися казаками отряда».*

Камчатский служилый Ефим Пермяков был участником плавания на боте «Святой Гавриил» в 1732 г., завершившегося

открытием будущей Русской Америки (Алексеев А. И. «Сыны отважные России», Магадан, 1970 г.; «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр. 61, 88, 89). Казачья фамилия не сохранилась, хотя еще в 1812 г. в Нижнекамчатске Пермяковы служили в Камчатском гарнизонном батальоне: рядовой Пермяков Иван Степанович (РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4).

Фамилия сохранилась у их крестников – камчадалов. По данным церковных архивов, она зафиксирована при массовом крещении аборигенов в 1748 г. в Машуринском острожке, но распространилась значительно шире.

Пермяков Михайло Егорович, камчадал из Начикинского острога. Есть сведения, что он был представлен к серебряной медали на Георгиевской ленте за участие в обороне Петропавловского порта в 1854 г.

В 1904–1905 гг. Камчатку защищали духовные потомки камчатских казаков Пермяковых – камчадалы Арсений, Василий и Николай Пермяковы.

Мы нашли некоторые подробности об этих людях.

Пермякова Надежда Арсеньевна. Дата рождения – 8 сентября 1918 г. Родители – гражданин Машурского селения Арсений Герасимович Пермяков и законная жена его Мелания Андриановна. Восприемники – гражданка Машурского селения Александра Прокопьевна Красильникова. Таинство крещения совершал священник Павел Ворошилов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1918 год, ГАКК.) Дмитрий Антонович Пермяков, камчадал Кирганского селения – 66 лет. Сын его Семен – 42 года. Жена Семена Параскева Димитриевна – 41 год. Сын их Василий – 18 лет. Жена его Александра Ивановна – 18 лет. (Выписка из исповедальной росписи Мильковской церкви за 1893 год, ГАКК.)

Пермяков Николай из с. Малка (Исповедальная роспись Большеерецкой церкви за 1893 г.):

Пермяков Мирон Степанович (41), жена Мария Васильевна, дети: Николай (12), Иван (8), Федор (6), Алексей (2).

Жили также камчадалы Пермяковы и в селении Пушино:

Пермякова Феоктиста Иоанновна. Родилась 5 ноября 1913 г.

Родители – камчадал Пущинского селения Иоанн Спиридонович Пермяков и жена его Акилина Филипповна. Восприемники – дочь камчадала Пущинского селения Якинфа Яковлевича Подкорытова – Александра Якинфовна. Иванова Людмила Дмитриевна (Выписка из метрической книги Мильковской церкви церкви за 1913 г., ГАКК).

Жили камчадалы Пермяковы и в селении Щапино:

Пермякова Ефросинья Алексеевна. Род. 22 сентября 1910 г. Родители – камчадал Щапинского селения Алексей Иосифович Пермяков и законная жена его Екатерина Феофилактовна. Восприемники – жена камчадала Щапинского селения Петра Мерлина Ирина Васильевна. Свящ. Павел Ворошилов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1910 год, ГАКК.)

В книге памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны, мы находим многих из потомков камчадалов Пермяковых:

Пермяков Александр Алексеевич, рядовой, 1920 г. р., призван Мильковским РВК. Погиб в 1945 г.

Пермяков Василий Васильевич. 1922 г. р. Умер от ран в госпитале в Варшаве.

Пермяков Дмитрий Уварович, гв. Красноармеец. 1924 г. р. Призван Мильковским РВК. Погиб 06.06.43 г.

Пермяков Иосиф Алексеевич, мл. лейтенант. 1912 г. р. Призван Мильковским РВК. Погиб в 1945 г.

Пермяков Михаил Иванович. Погиб.

Пермяков Николай Александрович, рядовой. 1914 г. р. Призван Олюторским РВК. Погиб.

Пермяков Павел Григорьевич, красноармеец. 1908 г. р. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК, 373 стрелковый полк. Погиб 18 августа 1945 г. при штурме острова Шумшу.

Пермяков Павел Павлович. 1926 г. р. Призван Мильковским РВК в 1944 г. Погиб на войне с Японией.

Пермяков Степан Михеевич. 1910 г. р. Призван Усть-Камчатским РВК. Погиб.

Пермяков Филипп Алексеевич. 1916 г. р. Призван Усть-Камчатским РВК. Погиб в 1944 г.

Их дела на земле с честью продолжили потомки: такие, как

Пермяков Владлен Иннокентьевич, из рода камчадалов Пермяковых. Родился в 1931 г. Назвали в честь Владимира Ленина. Был председателем базового комитета профсоюзов Базы Тралового Флота ПО «Камчатрыбпром». Прошел путь от студента рыбопромышленного техникума до капитан-директора плавбазы «Ламут» и «Новая Каховка». Орденосец («Рыбак Камчатки», 6 октября 1982 г.).

ПЕТРОВЫ

Фамилия очень распространенная, в том силе и на Камчатке. Поэтому мы начнем свой рассказ об этой камчатской фамилии с воспоминаний самих Петровых.

Петров Валентин Захарович. (Записано В. И. Борисовым 8 декабря 1993 г., г. Ключи)

«Воспоминания камчадалов и старожиллов Камчатки. Век двадцатый», Петропавловск-Камчатский, 2007 г.)

Фамилия матери – Черных. Отец матери жил в Нижне-Камчатке. Я родился в Нижне-Камчатке в 1933, а уехал оттуда в 1947 г. Школа стояла рядом с церковью, было в ней четыре класса. После школы я поехал в Петропавловск, в ремесленное училище, там учился до восьмого класса. У меня учителем в Нижне-Камчатке был Конкин, а мать учил Кияниченко.

Нижнекамчатцы охотились на реке Радуге и Азабачьем. Там, на Азабачьем озере, хотели строить нефтебазу. Как заезжаешь в протоку, с левой стороны будет сопочка, там под сопочкой сделаны такие арыки, так и называют это место – «Нефтебаза».

У нас были собаки и бат. Собаки таскали баты по берегу. В детстве мы работали на капусте и табаке. Табак сдавали в усть-камчатский рыбокооп. Дом, который сохранился в Нижне-Камчатке, – это моего дяди, Петрова Степана.

Зимой мы учились, старики охотились. Отца задавило: весной был снежный обвал. Он работал на водомерном посту, который находился под горой Климовкой.

Нижне-Камчатск был поселок небольшой. Дома стояли вдоль реки Радуги и на берегу озера Красниковского. Почти у всех дома были небольшие, состояли они из одной комнаты и кух-

ни. Почти все держали ездовых собак. Рыбачили на батах, потом стали появляться лодки.

Дорога была от воинской части на Хваленку, где была переправа, и дальше, до Усть-Камчатска. Камчадалы ездили за гарнизон за сеном. Специальный был рубщик, рубил просеку для коней. Новиково, потом озеро Низовцево идет. Низовцево – это значит, что оно расположено внизу.

У нас раньше не было разделения ни на русских, ни на камчадалов. Были и корейцы, и китайцы, и цыгане, и удмурты в Нижнем. Цыгане стояли на берегу, домик стоял и вокруг – палатки. А еще раньше были китайцы, их вывезли перед войной. Была Катя-корейка, пекла она хорошо.

Торбаса шили, бродни шили из кожи, подметки – из медведя. Швы у них не промокали и ноги не мерзли.

В Пекалке делали кирпичи и сами в печи обжигали. На Яру брали глину, синеватую, как пластилин. Белой глиной белили печки. Раньше за белой глиной ездили в Крестовское озеро, в самом култуке, там дикий лук рвали, в месте, где ключи бьют.

Когда я в школе учился, на Заимке сажали капусту. Находили монеты, пуговицы, угли. Потом там сделали балаган для собак. Был магазин, он стоял, где Богдановский берег, там, вроде, Сновидов жил.

Раньше было много экспедиций, дед был у них проводником. В основном шли вверх по Радуге, по Бушуйке. Она страшная речка, шли на батах, на шестах, на лошадях. На Горбушу ходили возле гидрометеостанции.

На Токинец ходили в поход, там стояла деревянная пирамида, мы на ней чертили, и этот знак стоял, не гнил и не падал.

Климовка (гора) – кто-то говорил, что там у подножья жил Клим. Так и назвали. У Третьего – там три ключа вытекает. Ламутка – здесь ламут с семьей жил. На Асхаве тоже какой-то беглый жил, какое-то плем.

Дома-то мы по-камчадальски говорим. Ужинать – паужинать, онучки, чижы, портянки, торбаса. Мурки – приезжают с материка, это не очень хорошее слово.

Были у нас детские игры – лапта, чижик, жмурки, чикорда, черный кол. Чижик – берется квадрат, два конца наискось

заточено, написаны цифры «1, 2, 3, 4». Лопаткой ты должен ударить по кончику, чей дальше улетит, тот и выигрывает. Чижи деревянные, и надо бить по ним специально сделанной лопаткой. Делали все сами. Проигравший катал всех по очереди на спине.

Черный кол – если водишь, завязывают глаза, забивают в землю кол, сколько человек, каждый должен по одному удару ударить, а ведущий стоит, смотрит. Потом завязывают ему глаза, и мы разбегаемся по сторонам. А он глаза развяжет и должен нас искать. Кто прибежит, ударит, а он не заметит, значит, тот выиграл, а он должен еще водить, вот так набираются очки. Играют, кто на щелбан, кто катает на спине. Другой раз все встанут и одного везут по кругу, а бывает один всех. Играли недалеко от церкви, где Савинские жили, в сторону реки Камчатки.

На Радуге сделали прорву, где гарнизон стоял. Солдаты вручную рыли, прорва была чуть повыше Крестовского озера, туда заходили «танкисты».

С 1953 года я служил в армии – в Китае, на Сахалине, в Приморье, на Хасане и на Камчатке. Был механиком-водителем танка. Демобилизовался в 1956 г. Работал в порту, там дали квартиру, потом тридцать пять лет трудился в Ключах на пристани усть-камчатского порта.

О первых Петровых и их нравах сохранились записи А. С. Пушкина: «§ 56. Енисейский весной 1714 г. отправился вместе с Колесовым на судах по Олюторскому морю. Оба везли свой ясак. В августе дошли они до реки Олюторской благополучно. Там встретили они дворянина Афанасия Петрова, который разбил олюторов и, разоря их острог *Большой Посад*, строил Олюторский Острог. При нем было много анадырских казаков и юкагирей. Здесь они осеневали, и зимним путем все три дворяне отправились вместе в Якутск».

«§ 57. Юкагиры, бывшие при Афанасии Петрове, сильно на него негодовали за обиды и притеснения. Он их не отпускал на их промыслы, брал их в подводы под камчатскую казну, хотя по указу должен был брать коряцкие подводы, и проч. Декабря 2-го, не доходя до Акланского Острога, они его уби-

ли на Таловской вершине и казну разграбили. Колесов и Енисейский спаслись в Акланский Острог с 16 человеками. Но юкагиры их осадили и угрозами принудили коряков их умертвить. Казна досталась не токмо дикарям, но и нашим казакам, ибо юкагиры торговали с ними, меняя соболей и лисиц на китайский табак. Таким образом пятидесятник Алексей Петриловский наменял, между прочим, 20 сороков соболей (которые с него в казну и отправлены, когда стали доискивать разграбленный яsak)» (Пушкин А. С. «Материалы для заметок о книге С. П. Крашенинникова “Описание земли Камчатки”»).

Причина появления на Камчатке фамилии Петровых самая простая – они в свое время «высадились» семейным «десантом»:

Петров Михаил, приказчик Камчатки, сын боярский, бит кнутом в Нижнекамчатске как один из виновников Харчинского бунта.

«Тарабукин прибыл на Камчатку только в 1727 г., прождав в Охотске прихода судна больше года. Принял Нижнекамчатск (40 дворов), Верхнекамчатск (17 дворов). На смену ему в 1728 г. прибыл сын боярский Михайло Петров со служилым Петром Петровым и писарем Суховым. Вместе с ним прибыл сын боярский Степан Петров для заведения соляных заводов. Михаил Петров остался в Нижнем остроге, Пётр Петров – в Верхнем, Шапошников – в Большерецком («Правители Камчатки». <http://www.kamlib.ru/resources/praviteli.htm>).

Фамилию камчадалам Петровым оставил также и матрос Лаврентий Петров (см. очерк «Забывтая экспедиция»). География распространения этой камчатской фамилии довольно обширная.

В 1812 г. нижнекамчатские Петровы служили в Камчатском гарнизонном батальоне: Петров Алексей Дмитриевич, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 32 года (РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4). Здесь же, в Нижнекамчатске, служили и казаки Петровы: Петров Иван Егорович (22 года) и Петров Иван Иванович (12 лет). Здесь же в это же время проживали и мещане Петровы: Петров Иван Михайлович, 28 лет, жена Мария Зиновьевна (25), сын Василий (4). (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4). И государ-

ственные крестьяне Петровы: Петров Михаил Иванович государственный крестьянин в с. Нижнекамчатске, 22 года. Брат Андриан (14). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

В 1893 г. в Усть-Приморском (Усть-Камчатск) служил потомок одного из нижнекамчатских казаков Дормидонт Иванович Петров, 1862 г. р., жена Мавра Фотиевна (27), дети: Николай (3), Евдокия (1) (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4). Позже мы видим это же имя – Дормидонт Петров – в списках участников обороны Камчатки (Усть-Камчатская дружина).

В 1836 г. фамилия Петров была зафиксирована у крестьян в с. Мильково (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 27), в 1865 г. среди камчадалов в с. Облуковино (ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1).

В 1904–1905 гг. мильковчанин Афанасий Петров принимал участие в обороне Камчатки от японцев. Вместе с ним участвовал в боях Клим Петров из селения Облуковино, Василий Петров из селения Ича и два Петра Петровых – из Облуковино и Нижне-Камчатска.

ПЕТРОЛОГИНОВЫ

Открытие этой камчатской фамилии принадлежит не мне. Накануне сдачи рукописи этой книги в печать Артур Изосимович Белашов подарил мне свой давно уже обещанный, но в силу разных обстоятельств до сего не полученный и потому не прочитанный, сборник книг «Очерк истории Петропавловской и Камчатской епархии». Почему я долго ждал этого подарка? Потому что в этих книгах, как сообщил мне сам автор, много ссылок на мои статьи и книги. И вот долгожданный подарок у меня в руках: «Сергею Вахрину – историку, земляку, другу народов Севера с глубоким уважением и благодарностью за тепло в отношениях. А. И. Белашов». Только еще перелистав эту книгу, я понял, что «Тайны камчатских имен» будут наполняться все новыми и новыми именами. Именами не только Героев, но и именами Авторов.

И открытие фамилии Петрологиновы целиком и полностью принадлежит Артуру Изосимовичу Белашову.

«Фамилию Петрологинов носил священник Приамурского края о. Симеон. Читаем из некролога на смерть священника С. Петрологонова в газете “Приамурские ведомости” от 05.03.1895 г.:

“На истекшей неделе 27 февраля скончался один из старейших обывателей здешнего края священник о. Симеон Петрологинов. Несколько строк, посвященных прошлому покойного, прочтутся, конечно, с интересом всеми близко знавшими эту симпатичную личность.

О. Симеон – сын священника, уроженец Камчатки, воспитывался и обучался в духовной семинарии в Ново-Архангельске... откуда в начале шестидесятых годов (XIX в. – А. Б.) приехал на Амур; здесь безвыездно (30 лет) служил священником, частью на Уссури, частью на Амуре (ниже Хабаровска)... около 10 лет о. Симеон провел среди полудиких гольдов, преподавая им свет христианского учения...

Во внимание ли к заслугам... или личного к нему расположения – неизвестно, но бывший епископ Камчатский, впоследствии митрополит Московский Иннокентий, избрал о. Симеона своим духовным отцом и всегда у него исповедывался.

На похоронах и отпевании присутствовал главный начальник края (генерал-губернатор Приамурского края С. М. Духовской. – А. Б.), его помощник и масса публики”.

Вот такой духовной силы и авторитета был уроженец Камчатки – потомок династии Логиновых. С большой долей уверенности мы можем утверждать, что в Ново-Архангельскую духовную семинарию Симеон – ученик Камчатского духовного училища – был отвезен лично епископом Иннокентием (Вениаминовым) в 1844 г. при закрытии училища. Владыка заметил способного семинариста, и при переносе своей кафедры в Якутск, а затем на берега Амура, взял его с собой и, мало того, будущий святитель выбрал Симеона Петрологонова в качестве своего духовного отца» (Белашов А. «Очерк истории Петропавловской и Камчатской епархии», книга вторая, 2006, стр. 164).

Вполне вероятно, что Харламий Петрологинов, служивший в Большерецкой церкви в 1878 г., был продолжателем именно этой ветви большой династии Логиновых – Лонгиновых – Петрологиновых.

ПЕТУХОВЫ

По данным Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 год, эта фамилия принадлежит крестьянам из села Авача: Петухов Абрамий Михеевич, Авача, крестьянин, 29 лет. Жена Евдокия Романовна (27 лет); Петухова Евдокия Андреевна, Авача, вдова крестьянина, 49 лет, дети ее: Тимофей (14), Антоний (7).

В 1812 г. эта фамилия зафиксирована в Нижнекамчатске: Петухов Козма Михайлович, блюдитель отделения императорского военно-сиротского дома, 34 года, и Петухов Илья Иванович, унтер-офицер Камчатского гарнизонного батальона, 32 г. (РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4).

Возможна ли связь между этими фамилиями?

Мы пока этого не знаем. Но отставники Камчатского гарнизонного батальона, оставаясь на Камчатке, могли быть записаны в крестьяне или мещане. Возможно, это как раз тот случай.

ПИНЕЗИНЫ (ПИНИЗИНЫ, ПИНИЖИНЫ)

В списке Петропавловской дружины в 1904–1905 гг. есть двое Пинезиных – В. и Н. (без расшифровки).

В. Пинезин – это, скорее всего, судя по другим документам, Пинижин Василий Николаевич, Петропавловск, 12 лет. Воспитанник, внук Евловой Дарии Николаевны, живущей с зятем (дядей В. Н.) казачьим урядником Павловым Алексеем Феофилактовичем (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК). Вероятно, он же – Пинизин Василий, казак, награжденный Георгиевским крестом 4-й степени за боевые действия в период русско-японской войны – под огнем японцев вместе с казаком Коневым вынесли из Петропавловского управления казенную пушнину (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

А Н. Пинезин – это, вероятно, и Пинизин (Пинижин, Пенизин) Николай Николаевич, казак Камчатской команды (Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1898 г., ГАКК). Награжден Георгиевским крестом 4 ст. за охрану бобровых лежбищ на мысе Лопатка в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Урядник Камчатской казачьей команды

Петр Толстихин, казаки Павел Крупенин, Николай Селиванов, Николай Пинизин, Николай Волынкин, Чудинов, Помазкин – отразили попытки высадки японцев на бобровые лежбища м. Лопатка (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 101): «4 июля охрана бобровых лежбищ на Лопатке (официально действующая с 1892 г.) увидела шхуну, которая шла на север, а потом с нее к берегу пошли две шлюпки. Но к берегу в тот день не подошли. На следующий день японцы высадились. Когда казаки к ним подошли, они вывесили какую-то белую тряпку, стали махать руками и звать к себе. Н. Селиванов пошел к ним с двумя охранниками, а остальные остались в засаде. Охранники сказали японцам, что промышлять здесь нельзя. Японцы в ответ – у нас шхуну разбило. Потом японцы стали складывать из юрточки свой багаж обратно, но очень лениво, выходили по два-три человека из жилья, видимо, опасаясь, что по ним будут стрелять. Казаки – Пинизин и Чудинов – подошли во второй раз и сказали, чтобы уходили немедленно. А потом расстреляли 18 человек. И наблюдали с берега, когда за ними придет шхуна» (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

В списках Тигильской дружины мы находим имена четырех кантонистов Пинизиных – Епифания, Ивана, Николая и Трофима.

Иван – Пинизин Иван Николаевич, кантонист, 37 лет (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК).

Епифаний и Николай – вероятно, племянники Ивана Николаевича и (возможно) Николая Николаевича, сыновья Пинизина Алексея Николаевича, отставного казака, 43 лет, у которого, кроме двенадцатилетнего Епифания и шестнадцатилетнего Николая, в 1893 г. были еще дети: Елена (8), Анна (6), Артемий (? – 1) (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК).

Нашли мы в Исповедальной росписи информацию и о Трофиме Пинизине – почему-то среди «вдовствующих»: кантонист Егор Николаевич Пинизин (23) и брат его Трофим (19).

ПИНИГИНЫ

В 1832 г. эта фамилия зафиксирована в списке русских старожилов – крестьян, проживающих в с. Мильково (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, 12), что позволяет предполагать о появлении этой фамилии на Камчатке в числе первых крестьян-переселенцев в первой половине 18-го столетия. Но, при всем при этом, материалов о Пинигиных в нашей картотеке очень мало.

Пинигин Сильвестр Иннокентьевич, родился 2 января 1893 г. Родители – Мильковского селения крестьянин Иннокентий Гаврилович Пинигин и жена его Вера Васильевна. Восприемники – Мильковский крестьянин Семен Васильевич Плотников. Священник Иринарх Малахов (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1893 г., ГАКК).

Пинигин Константин Васильевич, родился в 1904 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково; русский; образование низшее; б/п; был председателем церковного совета. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково. Арестован 24 августа 1931 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 14 января 1932 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: дело прекращено, из-под стражи освобожден (юридические основания не указаны). Реабилитирован 15 июля 1964 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Пинигин Максим Максимович, 1924 г. р., Призван Усть-Камчатским РВК в 1942 г. Погиб.

ПИРОЖНИКОВЫ

Эта камчатская казачья фамилия в 1749 г. зафиксирована среди новокрещеных камчадалов селения Колпаково. Но еще раньше она стала названием реки в районе Тигильской крепости – вероятно, там было «Пирожниково жилище» тигильского казака.

В 1812 г. эта фамилия еще отмечалась в Щеговском острожке в долине реки Камчатки, но потом она исчезла.

ПЛОТНИКОВЫ

1832 г. – крестьяне, проживающие в с. Мильково: Коксаров, Бобряков, Соснин Михайлов, Подкорытов, Потапов,

Попов, Пинигин, Краснояров, Петров, Плотников. (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, 12.) Это, вероятно, и есть тот костяк первопоселенцев, которые основали село еще в 1730-х гг., совершив невероятной сложности и трудности путешествие из Усть-Илимского края через Якутск и Охотск на Камчатку.

Но с фамилией Плотниковых не все так просто на полуострове. Помимо села Мильково она встречалась еще в двух поселениях Камчатки, которые изначально населяли аборигены – природные камчадалы (ительмены) – Машура и Кинкиль. Если происхождение машуриных Плотниковых мы можем каким-то образом связать с мильковскими крестьянами Плотниковыми, которых переселили в Машуру и записали камчадалами, то переселения из Мильково в Кинкиль вряд ли было возможным и разумным по меркам того времени.

Следовательно, история происхождения фамилии кинкильских Плотниковых несколько иная и пока мы можем только догадываться, предполагая, что среди камчатских казаков, промышленников, матросов, священников был человек с этой фамилией, которую он оставил на Камчатке при крещении инородцев. Но фактов таких у нас нет.

Мы больше знаем о мильковских Плотниковых. Мы знаем, например, что представители рода Плотниковых, как один, встали на защиту Отечества, когда началась русско-японская война 1904–1905 гг.

В составе Ичинской дружины народного ополчения состояли мильковчане, представляющие род Плотниковых: Поликарп, Григорий, Иван, Александр, Алексей, Павел, Евстигней, Андрей.

Это были герои. А потом наступила время «врагов народа», когда камчадалов-героев и их потомков – отцов, сыновей и внуков – объявили японскими шпионами или их пособниками.

Плотников Андрей Николаевич. Родился в 1882 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково; русский; грамотный; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково. Арестован 3 мая 1932 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ ДВК 26 августа 1932 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: 5 лет. Арестован повторно в заключении 1 декабря 1933 г. Привле-

кался по т. н. делу «Автономная Камчатка». Тройкой ПП ОГПУ ДВК 01.01.1934 г. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР приговорен к ВМН. Расстрелян в январе 1934 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО от 27 апреля 1957 г. Реабилитирован 20 мая 1989 г. Реабилитирован по этому делу заключением прокурора Камчатской обл.

Плотников Павел Андреевич. Родился в 1905 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково; русский; образование сельская школа; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково. Арестован 3 мая 1932 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 22 августа 1932 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: 5 лет. Реабилитирован 20 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Плотников Георгий Поликарпович. Родился в 1891 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково; русский; грамотный; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково. Арестован 19 февраля 1930 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 10 июля 1930 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: 5 лет. Реабилитирован 20 июля 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Плотников Феофан Поликарпович. Родился в 1881 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково; русский; малограмотный; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково. Арестован 19 февраля 1930 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 10 июля 1930 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 20 июля 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Плотников Аркадий Феофанович. Родился в 1906 г., Камчатская обл., с. Мильково; русский; образование низшее; б/п; был секретарем сельсовета. Проживал: Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арестован 6 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 10 августа 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: 10 лет. Реабилитирован 8 мая 1961 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Плотников Михаил Феофанович. Родился в 1902 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково; русский; образование сельская школа; б/п; был рыбаком-охотником. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково. Арестован 24 августа 1931 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 14 января 1932 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Реабилитирован 15 июля 1964 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Плотников Петр Георгиевич. Родился в 1911 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково; русский; образование начальная и стационарная школы; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково. Арестован 3 мая 1932 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 25 августа 1932 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 20 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

А потом снова наступило время героев. Сведения о нем мы взяли из Книги памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны. Посмотрите, сколько в этом времени снова выпало на долю Плотниковых:

Плотников Аркадий Феофанович, рядовой. 1906 г. р. Призван Мильковским РВК. Погиб 18 августа 1945 г. при штурме острова Шумшу. Плотников Афанасий Семенович, гв. красноармеец, 1902 г. р. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК, 113 стрелковый полк, 38 стрелковая дивизия. Убит 10.09. 44. Захоронен в д. Ромбеж Содзавимского уезда Варшавской губернии, Польша.

Плотников Василий Кондратьевич, красноармеец. 1917 г. р. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК, 69 стрелковый полк, 976 стрелковая дивизия. Погиб 15.08.44 г., захоронен в д. Пустопеле Шакского района Каунасской области, Литва.

Плотников Гавриил Иванович. Призван Мильковским РВК. Погиб.

Плотников Георгий Клеоникович. 1920 г. р. Призван Усть-Камчатским РВК. Погиб на Курской дуге и похоронен в братской могиле в д. Прохоровке.

Плотников Иван Иннокентьевич, красноармеец. 1912 г. р. Призван Мильковским РВК, 73 морская стрелковая дивизия. Погиб 19.08.43 г. Захоронен: д. Арбузово Ленинградской области.

Плотников Иннокентий Евгеньевич, рядовой. 1924 г. р. Призван Мильковским РВК. Погиб на Курской дуге. Погребен в братской могиле в д. Михайловка Белгородской области.

Плотников Кузьма Андреевич, красноармеец. 1924 г. р. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК. Погиб 24.05.43 г.

Плотников Кузьма Калинович. 1914 г. р. Призван Усть-Камчатским РВК. Погиб.

Плотников Николай Гермагенович. 1924 г. р. Призван Усть-Камчатским РВК. Погиб при освобождении Белоруссии.

Плотников Петр Федорович, рядовой. 1905 г. р. Призван Мильковским РВК, 150 армейская штрафная рота. Погиб 21.11.43 г.

Плотников Федор Васильевич, красноармеец. 1918 г. р. Призван Усть-Камчатским РВК. Погиб в 1942 г.

Памяти гвардии сержанта Иннокентия Плотникова, уроженца села Мильково, посвятил свое стихотворение «Жил веселый парнишка в долине» известный камчатский поэт мильковчанин Георгий Германович Поротов.

Жил веселый парнишка в долине,
Он играл на своей мандолине.
На околице под тополями
Его голос гулял вечерами:
– Ой вы, звезды, манящие звезды,
Поднимусь я к вам рано иль поздно.
Распроведаю даль голубую
Да спою про девчонку чудную...
В сорок первом бои загремели,
И ребята надели шинели.
Обнял парень девчонку неловко,
Мандолину сменил на винтовку.
Огневые дороги солдата...
В ярых битвах мужали ребята.
Там, у Курска, в неистовой схватке
Пал веселый гвардеец с Камчатки.

Над землей промелькнула комета,
Но осталась тропинка из света,
И тревожит мне душу поныне
Тополиная песня в долине:
– Ой вы, звезды, манящие звезды,
Поднимусь я к вам рано иль поздно.
Распроведаю даль голубую
Да спою про девчонку чудную...

ПОДКОРЫТОВЫ

В 1832 г. мы встречаем эту фамилию в списке крестьян-старожилов, проживавших в с. Мильково: Коксаров, Бобряков, Соснин, Михайлов, Подкорытов, Потапов, Попов, Пинигин, Краснояров, Петров, Плотников (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 12), которые, вероятно, и основали село в середине XVIII века, переселившись с реки Лены.

Но в документах мы встречаем упоминание и о пушинских камчадалах Подкорытовых: Селиванов Павел, кантонист Камчатской казачьей команды, женился в 1916 г. на дочери камчадала Пушинского селения Иоакинфа Яковлевича Подкорытова Александре.

Скорее всего, мы вновь встречаемся с камчатским феноменом перехода одной национальности (русских) в другую (камчадалы), который был осуществлен администрацией Камчатки в долине реки Камчатки в XIX веке, когда русские крестьяне из сел Мильково и Ключи переселялись в села, где традиционно жили аборигены и записывались в камчадалы.

Мильковчанин Дмитрий Подкорытов в составе Мильковской дружины защищал западное побережье Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

ПОДПРУГИНЫ

Первые сведения об этой камчатской фамилии в нашей картотеке: Подпругин, житель с. Николаевка, 1865 г. (ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1).

Интересные подробности о Подпругиных мы находим в книге В. Л. Комарова «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.»:

«Г. Т. Подпругин – одна из достопримечательностей Петропавловска и Камчатки вообще. Он переселился сюда при Завойко, около 1850 г., был участником обороны Петропавловска в 1854 г., основал значительное торговое дело и славился долгое время как выдающийся охотник на медведей. Мне говорили, что он первый пустил в ход магазинные карабины Винчестера. У него полное хозяйство в Паратунских ключах и торговый склад в гавани; каждую зиму Подпругин совершает торговое путешествие вглубь страны ради скупки мехов. Об его оборотистости и умении зашибить деньги ходят в Петропавловске многочисленные анекдоты».

В 1893 г. по материалам Исповедальной росписи Петропавловского собора мы обнаруживаем в селении на Паратунских ключах две семьи крестьян Подпругиных.

Подпругин Гавриил Тимофеевич, крестьянин, 46 лет. Жена Дарья Степановна (35). Дети: Дарья (14), Иван (9), Гавриил (4), Ксения (8 м.). Дети его от 1-го брака: Василий (24), Тимофей (22). Василия жена М(акрина). Степановна (22). Дочь Христина.

Из этого рода герои обороны Камчатки в русско-японскую войну:

Подпругин Гавриил Тимофеевич: «За участие в боевых действиях в период русско-японской войны на Камчатке» награжден серебряной медалью. Подпругин Иван Гаврилович: «За участие в боевых действиях в период русско-японской войны на Камчатке» награжден Георгиевским крестом 4-й степени (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

Из этого же рода один из Подпругиных проходит по делу «Автономная Камчатка»:

Подпругин Павел Васильевич. Родился 13 января 1907 г. Родители – крестьянин Паратунского селения Василий Гаврилович Подпругин и законная жена его Макрина Стефановна. Восприемники – крестьянин того же селения Гавриил Гаврилович Подпругин и жена крестьянина того же селения Василия Тюменцева – Татьяна Арсеньевна. Свящ. Иоанн Гуляев (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1907 год, ГАКК).

Подпругин Павел Васильевич. Родился в 1907 г., Камчатс-

кая обл., Петропавловский р-н, с. Паратунка; камчадал; образование сельская школа; б/п; был членом рыболовецкого колхоза «Красная Звезда». Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Паратунка. Арестован 19 апреля 1935 г. Приговорен: Особое совещание при НКВД СССР, 21 декабря 1935 г., обв.: по ст. 58-7-10 УК РСФСР. Приговор: к году гласного контроля по месту жительства. Реабилитирован 21 февраля 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Вторая семья Подпругиных на Паратунских ключах была не столь многочисленной:

Подпругина Анна Киприяновна, вдова крестьянина селения на Паратунских ключах Степана Подпругина, 50 лет. Дети: Степан (30), Павел (21). Жена Степана Александра Ивановна (27). Дети: Надежда (3), Иннокентий (8 м.). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Подпругин Степан Степанович, староста с. Паратунка: «За участие в боевых действиях в период русско-японской войны на Камчатке награжден серебряной медалью» (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

Имя **Николая Степановича Подпругина** мы находим в Книге памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны: младший сержант, 1895 г. р., призван Петропавловск-Камчатским ГВК, служил в 215 стрелковом полку 179 стрелкой дивизии. Убит 15 августа 1943 г. Захоронен восточнее 100 м д. Иваново Пречистинского района Смоленской области, 300 м севернее от дороги Иваново – Бол. Толкачи.

ПОЛЯКОВЫ

Фамилия нижекамчатских и устькамчатских казаков. Из этого рода происходит старший брат моего отца – Петр. Его отец – казак Александр Александрович Поляков, бабушка – дочь казака Евдокия Сафоновна Миронова, мать (моя родная бабушка) – Ульяна Демьяновна Хомченко, из староверов (видимо, поэтому ребенок появился вне брака).

Поляковы – старинный казачий камчатский род. Во времена С. П. Крашенинникова они жили в Верхнекамчатском остро-

ге: вот, что сообщается в описании пути от Верхнего до Нижнего Камчатских острогов (на пути от Кирганика): «Козткрог острожек, на правом берегу Камчатки, от Чачагычя в одной версте, строения в нем одна юрта, 5 балаганов, да один балаган служивого Полякова. Ясашных иноземцов 6 человек, в том числе 4 собольника, тойон Халечь».

Мы не знаем, где жил другой камчатский служилый, Лаврентий Поляков, но, будучи участником плавания на боте «Святой Гавриил» в 1732 г., открывшей западное побережье Северной Америки, он был, скорее всего, нижнекамчатским казаком (Алексеев А. И. «Сыны отважные России», Магадан, 1970 г.; «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр. 77, 78, 81).

В 1853 г. в Усть-Приморском (Усть-Камчатске) служит казак Семен Евсеевич Поляков, 38 лет. Жена Устиния Андреевна (24). Сын Иннокентий (8), Афанасий (3). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Это прадед моего дяди Петра. А вот сведения о его бабушке и тете от первого брака: Полякова Августа Александровна. Дата рождения – 29 мая 1888 г. Родители – казак Усть-Приморского селения Александр Семенович Поляков и законная жена его Анисия Васильевна. Восприемники – кантонист того же селения Иван Тимофеевич Попов и жена казака Елизвоя Попова Александра Ивановна Попова. Таинство крещения совершал священник Геронтий Коллегов. (Выписка из метрической книги Нижнекамчатской церкви за 1888 год, ГАКК.)

А это сведения о его бабушке, бабушке и тете Марии (о которых, он, может быть, сам и не знал, по крайней мере, в нашей семье об этом не знал никто, кроме, разве что, самой Ульяны Демьяновны): Полякова Мария Александровна. Род. 29 июня 1904 г. Родители – Усть-Камчатского селения отставной казак Александр Семенович Поляков и законная жена его Евдокия Софоновна. Восприемники – сын заштатного псаломщика Георгия Сновидова Иона Георгиевич Сновидов и крестьянская вдова Нижнекамчатского села Анна Петровна Портнягина. Свящ. Гер. Коллегов (Выписка из метрической

книги Нижнекамчатской церкви за 1904 год, ГАКК). Кроме Марии и Александра в этом браке родились еще Екатерина, Иван и Тимофей Поляковы.

Исследуя материалы Исповедальной росписи Петропавловского собора за 1893 г., мы находим Поляковых и в Петропавловске, судя по отчеству – все они родные братья.

Поляков Петр Семенович, служащий казачьего ведомства, 28 лет. Жена его – Дарья Дмитриевна. Дети – Устиния (4), Екатерина (1).

Поляков Андрей Семенович, льготный казак, 24 года.

Поляков Афанасий Семенович, служащий казачьего ведомства, 22 года.

Петропавловские Поляковы, конечно же, были выходцами из Усть-Приморского, именно поэтому в списках участников обороны Камчатки в русско-японскую войну мы находим эту фамилию только в Усть-Камчатской дружине: Петр и Дмитрий Поляковы.

В период Второй мировой войны Петропавловск-Камчатским ГВК был призван на службу Федор Сергеевич Поляков, 1926 г. р. Он служил в 150 отдельной роте управления комендатуры. Умер от ран 12.05.46 г. и захоронен в г. Уссурийске Приморского края.

Сын Александра Александровича Полякова – Петр Григорьевич Вахрин, проживал в г. Юрга Кемеровской области, у него было двое детей – дочь Вера и сын Евгений. К сожалению, связь после смерти наших родителей прервалась, и нам так не удалось отыскать их следы.

ПОМАСКИНЫ (ПОМАЗКИНЫ)

В 1847 г. в списках Камчатской экипажной роты матрос Помаскин значится выходцем «из камчатских солдатских детей» (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 299), то есть его отец служил в Камчатском гарнизонном батальоне. (Возможно, это был матрос Семен Помаскин, умерший в Усть-Приморском, вдова которого – Ксения Гавриловна (53 года) отмечена в Исповедальной росписи Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Или, может быть, это был Помаскин Петр Осипович, отставной унтер-офицер, которому в 1852 г. было 78 лет. Жена Агриппина Алексеевна (54). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год.)

Вот еще один вариант – Помаскин Киприян Осипович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 35 лет. Дочь Матрена (13).

Но точно, что это не его брат, Помаскин Иван Осипович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 32 года. Жена Домна Осиповна (28), сын Василий (3). В 1852 г. – Помаскин Василий Иванович был записан государственным крестьянином в с. Нижнекамчатске, 43 года. Жена Акилина Ивановна (38). Дети: Афанасий (16), Михаил (13), Николай (10), Порфирий (4), Константин (2), как и его сын – Помаскин Иван Васильевич, государственный крестьянин в с. Нижнекамчатске, 21 год. Жена Дарья Егоровна (20). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Но есть еще варианты – братья Помаскины: Михаил Петрович (17 лет) и Григорий Петрович (16 лет), воспитанники отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона.

То есть все известные нам Помаскины были по происхождению «солдатскими» детьми и внуками.

И даже обнаруженный нами «казачий» вариант этой фамилии не меняет «закономерности»: в 1852 г. в Усть-Приморском (Усть-Камчатске) служит казак Евдоким Семенович Помаскин – 32 года, жена Ирина Капитоновна (27), дети: Петр (9), Сусанна (10). Его происхождение тоже «солдатское»: в 1812 г. в Нижнекамчатске служит Помаскин Семен Иванович, рядовой Камчатского гарнизонного батальона, 21 г. – возможно, это как раз и есть умерший до 1852 г. матрос Семен Помаскин из Усть-Приморска.

Конечно, эти версии требуют дополнительной работы. Но они отвечают на главный вопрос – все Помаскины действительно из «солдатских детей». А «солдатские дети» на Камчатке, в свою очередь, отлично получались от «казачьих детей» и наоборот.

А вот и продолжение их воинской биографии:

Помазкин Николай, казак. Награжден Георгиевским крестом 4 ст. за охрану бобровых лежбищ на мысе Лопатка в период русско-японской войны 1904–1905 г. Урядник Камчатской казачьей команды Петр Толстихин, казаки – Павел Крупенин, Николай Селиванов, Николай Пинизин, Николай Волынкин, Чудинов, Помазкин – отразили попытки высадки японцев на бобровые лежбища м. Лопатка. (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Помимо Николая участие в обороне Камчатки принимали также уроженец Нижнекамчатска Андриан Помаскин и устькамчатцы – казак Константин и кантонист Егор Помаскины.

ПОНОМАРЕВЫ

Фамилия камчатских казаков. Особенно прославился казак-мореход Савин Трофимович Пономарев, который 1 августа 1759 г. вместе с промышленником Степаном Гавриловичем Готовым (см. очерк «Степан Готов») «вышли на боте на восток и через месяц достигли о. Умнака. Промышляя там до конца мая 1762 г., они открыли к северо-востоку о. Уналашка и привели в русское подданство его жителей. На восточных островах было много лисиц, и их стали называть Лисьими. Пономарев и Готов составили описание посещенных ими земель. В августе 1763 г., обогнув с юга полуостров Аляска, Готов продвинулся на северо-восток и 5 сентября 1763 г. впервые достиг Кадьяка, крупнейшего острова в заливе Аляска (9 515 кв. км). Он промышлял на Лисьих о-вах до июля 1766 г., а 13 августа вернулся на Камчатку».

При крещении эта фамилия осталась среди аборигенов и в 1893 г. отмечалась в селении Седанка. При массовом крещении была также в 1750 г. зафиксирована в Горбуновском острожке (долина реки Камчатки). В 1904–1905 гг. в составе участников обороны Камчатки от японцев был Павел Пономарев из Седанки.

Но фамилия Пономаревых была и у крестьян села Авача:

Пономарев Николай Иванович, Авача, крестьянин, 1893 г., 36 лет. Жена Анисия Павловна (30). Дети: Николай (11), Иван (9), Александр (6), Соломония (3), Иннокентий (8 м.) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

В Аваче жило смешанное население – казаки, крестьяне, мещане. Вполне возможно, что камчатские крестьяне Пономаревы были выходцами из казачьего или военного сословия, тем более что в 1812 г. в Нижнекамчатске по документам проходят рядовой Камчатского гарнизонного батальона Осип Кондратьевич Пономарев (34 года) и Феофан Дмитриевич Пономарев, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 13 лет. (РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4.)

В Книге памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны, есть сведения о двух Пономаревых, призванных Петропавловск-Камчатским ГВК:

Пономарев Илья Степанович, рядовой, 1905 г. р., погиб в 1941 г.

Пономарев Михаил Александрович, красноармеец, 1912 г. р., служил в 373 стрелковом полку. Погиб 18 августа 1945 г. при штурме острова Шумшу, где и захоронен.

ПОПОВЫ

Одна из самых распространенных камчатских фамилий, относящихся ко всем сословиям.

Вот вопрос на форуме сайта «Камчадалы.ру»: Хочу найти свои фамильные истоки.

Попов Евгений Юрьевич, 1981 г. р. (р. в п. Усть-Камчатске).

Отец – Попов Юрий Вениаминович, 1960 г. р. (р. в п. Усть-Камчатске).

Дед – Попов Вениамин Максимович. 1930–1932 г. р. (р. в п. Козыревске).

Прадед – Попов Максим Павлович. Жена – Евдокия Ильинична.

Но для того, чтобы отыскать корни своей камчатской фамилии, необходимо, кроме года рождения своих предков, обязательно знать и место их рождения до 1917 г., по которому сразу можно определить национальность и сословную принадлежность своих прадедов. Почему до 1917 г.? Потому что в 1918 г. в метрических записях эта информация уже отсутствует – все стали просто гражданами.

Мы не обнаружили фамилии Поповых в дореволюционном Козыревске. А других мест появления на свет Поповых было более чем достаточно.

Начнем с того, что эта фамилия появляется на Камчатке вместе с казаками Поповыми: служилые Андрей, Григорий, Никита, Павел, Петр Поповы упоминаются в документах «Колониальной политики царизма...», казак Афанасий Попов был бит кнутом в Большерецком остроге, как один из виновников Харчинского бунта 1731 г. Казак Михаил Попов отмечился даже как камчатский приказчик: «В июне 1742 г. прибыл в Камчатку, на смену Колесову, сын боярский Пётр Борисов. Но управлял он недолго, ему на смену прислали писаря Михаила Попова, который и управлял Камчаткою с июня 1743 г. по день своей смерти 5 февраля 1744 г.» («Правители Камчатки», <http://www.kamlib.ru/resources/praviteli.htm>). Казаки Поповы, в свою очередь, оставили здесь своих столь же многочисленных крестников: в 1747 г. в селении Напана, в 1748 г. – в Машуре, в 1750 г. – в Толбачике.

В 1742 г. в Нижнекамчатске принимает участие в первой «складственной» промышленной компании Емельяна Басова некий промышленник Попов, таким образом вошедший в историю освоения Русской Америки.

А в 1770-х гг. свою фамилию в северной Камчатке оставляет священник-миссионер Петр Попов. В 1779 г. священник Тигильской церкви Попов крестил кочующих коряков в районе рек Подкагерной и Пустой.

В 1812 г. эту фамилию мы обнаруживаем в Нижнекамчатске среди военных, служащих в Камчатском гарнизонном батальоне: Попов Никита Степанович, рядовой, 22 года; Попов Аким Степанович воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома, 19 лет (РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4). Там же в 1812 г. проживают и крестьяне Поповы: двадцатипятилетние братья Андрей Семенович и Алексей Семенович (Камчатские росписи 1812 года Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4) – холостые, возможно, тоже недавние солдаты гарнизонного батальона.

Были среди Поповых и представители морского ведомства: Александр Игнатъевич Попов, кантонист морского ведомства,

19 лет (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

По данным Исповедальных росписей камчатских церквей за 1893 г., фамилия Поповых встречается, помимо Петропавловска и Сероглазки, как в других русских старожильческих селах, где проживали потомки казаков, крестьян и мещан Поповых (Нижнекамчатск, Усть-Камчатск, Мильково, Ключи, Тигиль), так и в селениях аборигенов (Апача, Крутогорovo, Еловка, Машура, Напана).

В материалах политических репрессий 1930-х гг. тоже хорошо просматривается география распространения этой камчатской (или лучше сказать дальневосточной) фамилии.

Попов Гавриил Григорьевич. 1862 г. р. Место рождения: ДВК; камчадал. Арест: 1937. Осужд. 07.04.1938, тройка при УНКВД по ДС. Обв. антисоветская агитация. Расстр. 11.04.1938. Реаб. 12.05.1989.

Источник: Книга памяти Магаданской обл.

Попов Григорий Гаврилович. 1884 г. р. Место рождения: ДВК; камчадал. Арест: 1937. Осужд. 07.04.1938, тройка при УНКВД по ДС. Обв.: антисоветская агитация. Расстр. 11.04.1938. Реаб. 12.05.1989

Источник: Книга памяти Магаданской обл.

Попов Егор Иванович. 1883 г. р. Место рождения: Охотско-Колымский р-н, с. Гижига, ДВК; камчадал; каюр и переводчик; место проживания: с. Каменское ДВК. Арест: 25.07.1933. Арест. Охотско-Колымским ПО ОГПУ ДВК. Осужд. 05.12.1933, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: дело прекращено за отсутствием состава преступления, реабилитирован.

Источник: Книга памяти Хабаровского края

Попов Егор Измайлович. 1878 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи; русский; образование: малограмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Ключи. Арест: 11.06.1938. Осужд. 30.12.1940. Особое совещание при НКВД СССР. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: 8 лет. Сведений о дальнейшей судьбе

нет. Реаб. 27.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.

Попов Иван Степанович. 1891 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка; русский; образование: малограмотный; б/п; был старшиной катера АКО; место проживания: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Сероглазка. Арест: 09.03.1933. Осужд. 01.01.1934, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Расстрелян. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.

Попов Игнатий Александрович. 1900 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; камчадал; образование: 4 класса; б/п; был членом рыболовецкого колхоза; место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 26.05.1934. Осужд. 29.11.1934. Особое совещание при НКВД СССР. Обв. по обвинению в «участии в контрреволюционной шпионской организации» (без ссылки на закон). Приговор: 3 года к ссылке в Казахстан. Реаб. 27.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.

Попов Ион Тихонович. 1870 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-на-Камчатке; русский; образование: малограмотный; б/п; сторож рыбокомбината; место проживания: Тернейский р-н, с. Кузнецово. Арест: 26.11.1937. Осужд. 05.03.1938, тройка при НКВД. Обв. в антисоветской агитации. Расстр. 07.05.1938. Место расстрела: г. Владивосток. Реаб. 14.12.1989 на основании Указа ПВС СССР, основание: реабилитирован

Источник: База данных о жертвах репрессий Приморского края.

Попов Марк Николаевич. 1906 г. р. Место рождения: Охотск; камчадал. Арест: 1937. Осужд. 11.05.1938, тройка при УНКВД по ДС. Обв. покушение на шпионаж. Расстр. 05.06.1938. Реаб. июнь 1989.

Источник: Книга памяти Магаданской обл.

Попов Феодосий Сергеевич. Родился в 1875 г., Камчатс-

кая обл., Усть-Камчатский р-н, с. Нижнекамчатск; русский; неграмотный; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Нижнекамчатск. Арестован 12 сентября 1937 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 28 ноября 1937 г., обв.: по обвинению в «проведении контрреволюционной агитации» (без ссылки на закон). Приговор: ВМН. Имущество конфисковано. Расстрелян 22 декабря 1937 г. Реабилитирован 20 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.

Не менее полно географию распространения камчатской фамилии Поповых представляют списки дружинников, участвовавших в обороне Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.:

Попов Алексей (Тигильская дружина), с. Тигиль.

Попов Василий (Петропавловская дружина).

Попов Василий (Тигильская дружина), с. Тигиль.

Попов Виктор (Тигильская дружина), с. Тигиль.

Попов Данило (Большереецкая дружина), с. Апача.

Попов Дмитрий, кантонист (Усть-Камчатская дружина).

Попов Евграф (Большереецкая дружина), с. Крутогорово.

Попов Егор (Усть-Камчатская дружина), с. Ключи.

Попов Ерминингельд, казак (Усть-Камчатская дружина).

Попов Ефим (Ичинская дружина), с. Мильково.

Попов Иннокентий (Петропавловская дружина).

Попов Лазарь, кантонист (Тигильская дружина), с. Тигиль.

Попов Михаил, кантонист (Усть-Камчатская дружина).

Попов Никандр, кантонист (Тигильская дружина), с. Тигиль.

Попов Николай, кантонист (Усть-Камчатская дружина).

Попов Петр, кантонист (Тигильская дружина), с. Тигиль.

Попов Степан (дружина с. Сероглазка).

Попов Федор, кантонист (Усть-Камчатская дружина), с. Усть-Камчатск.

Попов Феодосий (Усть-Камчатская дружина), с. Нижнекамчатск.

Попов Флор, кантонист (Тигильская дружина), с. Тигиль.

Попов Николай Федорович, староста с. Сероглазка. «За уча-

стие в боевых действиях в период русско-японской войны на Камчатке награжден серебряной медалью» (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

Большой список представителей этой фамилии мы находим и в Книге памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны:

Попов Александр Яковлевич, красноармеец. Призван Усть-Большерецким РВК. Погиб.

Попов Алексей Иванович, мл. лейтенант. Призван Усть-Камчатским РВК. Погиб 15.01.45 г.

Попов Анатолий Петрович, лейтенант. 1921 г. р. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК, служил в 243 стрелковом полку 84 гвардейской дивизии. Погиб 14.12.43. Захоронен: д. Мыльти Меховского района Витебской области, Белоруссия.

Попов Борис Федорович, красноармеец, 1919 г. р. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК. Погиб 23.11.44 г.

Попов Василий Иванович, красноармеец. 1913 г. р. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК. Служил в 230 стрелковой дивизии. Погиб 29.01.45 г. Захоронен: г. Вольденберг, Германия.

Попов Владимир Петрович, сержант. 1924 г. р. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК. Погиб 27.01.45 г. Захоронен: сев. окраина с. Барачки, Венгрия.

Попов Георгий Константинович, рядовой. 1919 г. р. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК. Погиб 08.42 г.

Попов Иннокентий Николаевич, мл. сержант. 1924 г. р. Призван Пенжинским РВК, служил в 1095 стрелковом полку 324 стрелковой дивизии. Погиб 09.09.43 г. Захоронен: д. Дубровка Кировского района Калужской области.

Попов Михаил Георгиевич, рядовой. 1906 г. р. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК. Убит 15.10.43 г. Захоронен: д. Деражичи Бывальковского с/с.

Попов Михаил Иванович, красноармеец. 1920 г. р. Призван Петропавловск-Камчатским ГВК. Служил в 69 стрелковом полку 97 стрелковой дивизии. Погиб 15.08.44 г. Захоронен: д. Пустопеле Шакского района Каунасской области, Литва.

Попов Михаил Никифорович, красноармеец. 1926 г. р. При-

зван Петропавловск-Камчатским ГВК. Погиб 18 августа 1945 г. при штурме острова Шумшу, где и захоронен.

Попов Михаил Степанович, рядовой. Призван Усть-Камчатским РВК. Погиб 09.43 г.

Попов Николай Михайлович, мл. сержант. Призван Усть-Камчатским РВК. Убит 05.45 г.

Попов Николай Павлович, мл. сержант. 1916 г. р. Призван Мильковским РВК. Погиб 18 августа 1945 г. при штурме острова Шумшу, где и был захоронен.

Попов Петр Власович, красноармеец. Призван Усть-Большерецким РВК. Служил в 647 артиллерийском полку. Погиб 08.08.43 г. в районе Сталинграда.

Попов Петр Федорович, рядовой. Призван Усть-Камчатским РВК. Погиб 09.44 г.

ПОРОТОВЫ

Об этой камчатской фамилии писал в свое время А. С. Пушкин: «В 1718 г. из Якутска прибыли три приказчика: Иван Уваровский (в Нижний), Иван Поротов (в Верхний) и Василий Кочанов (в Большерецкий острог). Сей последний свержен был казаками и на полгода посажен в тюрьму. Он бежал. Мятужники взяты в Тобольск и наказаны». (Пушкин А. С. Материалы для заметок о книге С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки»).

Позже в списках камчатских служилых мы видим другое написание этой фамилии – Поротой Алексей («Колониальная политика царизма...», стр. 155).

Но в 1893 г., по Исповедальным росписям камчатских церквей, мы обнаруживаем фамилию Поротов только в с. Николаевка среди крестьян. Судя по возрасту старших представителей этой фамилии, крестьяне Поротовы прибыли на Камчатку недавно, возможно, при губернаторе В. С. Завойко.

Поротова Параскева Порфирьевна, с. Николаевское, вдова крестьянина Николая (вероятно, Ивановича) Поротова, 33 года. Дети: Николай (4), Кирилл (1).

Без родителей росли и дети Кирилла (наверное, тоже Ивановича) Поротова: Поротов Георгий (Егор) Кириллович, вос-

питанник (10 лет) Петропавловского мещанина Кондрата Николаевича Оглоблина, Поротов Иван Кириллович, с. Николаевское, пасынок (16 лет) второй жены николаевского крестьянина Михаила Васильевича Атласова.

Поротов Георгий Иванович, с. Николаевское, крестьянин, 1983 г., 34 г. Жена Аглая Васильевна (31). Дочь Мария (10).

Поротов Василий Иванович, с. Николаевское, крестьянин, 1893 г., 29 лет. Жена Елена Митрофановна (23). Сын Петр (2). Сын Георгий Васильевич от первого брака (4 года).

Поротов Георгий Васильевич, с. Николаевское, сын крестьянина Василия Ивановича Поротова от первого брака, 1893 г., 4 года. Бабушка по отцу – вдова крестьянина Ксения Михайловна Максимова (59). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

В истории Камчатки крестьянин Георгий Поротов известен тем, что принимал участие в убийстве Николая Егоровича Машихина (см. очерк «Корякины»), браконьерствовавшего в Кроноцком соболином заповеднике, вместе с петропавловским мещанином Петром Корякиным, камчадалом Иннокентием Слободчиковым и казаком Максимом Киренским (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 104, л. 5, об.).

Но по-настоящему прославил фамилию Поротовых потомок николаевских крестьян Поротовых и мельковских крестьян Бобряковых камчатский писатель, поэт, драматург, музыкант Георгий Германович Поротов (см. очерк «Истоки»).

Поротов Георгий Германович (3 мая 1929 – 1 июля 1985).

Член Союза писателей СССР. Георгий Германович Поротов родился 3 мая 1929 г. в городе Елизово Камчатского края. Детство и юность прошли в селе Мильково. После окончания в 1957 г. Хабаровской краевой культпросветшколы, жизнь Георгия Германовича была связана с работой в учреждениях культуры: заведующий клубом, художественный руководитель и директор районного Дома культуры (село Мильково), руководитель Корякского окружного Дома народного творчества в Палане, заведующий отделом культуры Мильковского района. Литературный стаж Георгия Поротова исчислялся

с 1957 г., когда он написал стихотворение «Друзья, на фестиваль!» Через десять лет, в 1967 г., вышел его первый поэтический сборник «Ое». В 1975 г. было опубликовано первое произведение Поротова в прозе – «Песни страны Уйкоаль». Часть произведений была издана уже после смерти Георгия Германовича в 1985 г. С творчеством Поротова связано создание национальных ансамблей «Эльвель», «Мэнго», «Нургэнэк». За вклад в развитие народного искусства Поротов был награжден в 1967 г. орденом Трудового Красного Знамени. В 1993 г. Георгий Поротов стал почетным гражданином города Петропавловска-Камчатского. После окончания школы работал в мельковском колхозе «Безбожник» (Мильковский район), позднее был направлен в Хабаровское культурпросветучилище. Затем в Мильково, заведовал клубом, работал художественным руководителем и директором районного Дома культуры, завотделом культуры райисполкома. После переезда в Палану (Корякия) был директором Корякского окружного Дома народного творчества. Назначен старшим инструктором-методистом Камчатского отделения Всесоюзного общества любителей книги, депутатом Мильковского сельсовета и Паланского поссовета. Кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Член Союза писателей СССР. Издал множество сборников стихов, в числе которых – «Песни страны Уйкоаль», «Камчатский мотив», «Камчадалы» и двухтомный роман «На околице Руси». В память о Георгии Поротове в Елизовском районе Камчатской области на знаменитой Фестивальной поляне на берегу реки Микижи проводится фестиваль авторской песни. (1929 – 1 июля 1985).

ПОРТНЯГИНЫ

Мы знаем, что изучению истории этой нижекамчатской фамилии много времени посвятил краевед В. И. Борисов, поэтому сначала познакомимся с его материалами о происхождении этой фамилии, опубликованными в сборнике историко-краеведческих статей «Пойдем ныне по своему Отечеству»:

«В июне 1741 г. из Авачинской губы к берегам Америки вышли пакетботы “Святой Павел” и “Святой Петр”. В число

экипажа “Святого Петра”, кроме офицеров, матросов, канониров, входили и камчатские служилые: Никита Харитонов, Петр Верхотуров и Иван Портнягин.

В 1765 г. в Нижнекамчатском остроге родился Иван Иванович Портнягин. У нас сегодня нет документального подтверждения, что мещанин Иван Портнягин – сын или внук участника Второй Камчатской экспедиции. Но вероятность такого события очень высокая, одни факты говорят “за”, другие “против”. Сегодня мы приведем их.

Во-первых, русское население на Камчатке было очень малочисленным, и пребывание двух семей Портнягиных с одинаковым отчеством было маловероятным.

Если в период “морского вояжа” Ивану Портнягину было 20, то во время рождения Ивана Ивановича отцу было 44, что вполне реально.

Факт проживания Портнягиных в Нижнекамчатске в конце 30-х гг. подтверждает С. П. Крашенинников, он указывает на наличие у Портнягиных заимки, расположенной ниже острога, напротив современного урочища Хваленка. Здесь семья Портнягиных жила летом и заготовливала рыбу на зиму.

Второй факт, который обращает на себя внимание: в метрической книге Успенской церкви за 1812 г., И. И. Портнягин записан мещанином. К этому времени Нижнекамчатск возведен в статус города и все его жители записаны мещанами. Но уже в конце XIX в., когда статус города для Нижнекамчатска был отменен, его жители стали именоваться крестьянами.

Точнее, уже по документам 1852 г. потомки мещанина Ивана Ивановича Портнягина значатся государственными крестьянами – линия Максима Ивановича Портнягина и его потомков.

Но в документах того времени значится еще один любопытный факт: по данным Исповедальной росписи Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год (РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4), за Нижнекамчатском значатся не только государственные крестьяне Портнягины, но и мещанин Василий Иванович Портнягин (43 лет, то есть 1809 г. р., которого почему-то нет в списке детей Ивана Ивановича за 1812 г.), но он, как сообщается в росписи, «отбыл в Петропавловский порт».

То есть возможна и вторая линия фамилии камчатских Портнягиных, о которой нам мало что известно. Но кое-что интересное все-таки имеется.

Вот какую историю сообщила нам на форуме сайта «Камчадалы.ру» историк из Иркутска Марина Василенко:

«В 1760-х гг. в Большерецком остроге служил канцеляристом Семен Портнягин. Каким-то образом он оказался замешан в истории с отстранением от должности Камчатского командира капитана Извекова. Если не ошибаюсь, Сгибнев говорит об активном участии Портнягина в творимых Извековым беззакониях. Состоял под следствием комиссии Зубрицкого. И даже пожитки его были описаны в казну. Правда, потом возвращены владельцу. И более того – получив подорожную, денежное и хлебное жалованье, Портнягин был отпущен в Иркутск. Непонятно, с какой целью... Спустя какое-то время на иркутских документах появляется подпись канцеляриста Портнягина. Однако утверждать, что это тот самый человек, мы не вполне можем. По результатам же следствия полковника Зубрицкого Портнягин был приговорен к лишению чинов и наказанию кнутом с оставлением на службе в Камчатке...»

Эта таинственная личность засветилась также в следственном деле об убийстве на Камчатке в 1768 г. тотемского купца Федора Холодилова, промышленники которого спустя три года стали участниками Большерецкого восстания. К сожалению, в Иркутском архиве сохранилась только опись этого дела...»

В. И. Борисов подробно исследовал линию потомков Максима Ивановича Портнягина, и выяснилась интересная для меня подробность, которая открыла глаза на судьбу моих собственных родных по линии старшего сына моей бабушки Ульяны Демьяновны Хомченко – Петра и Екатерины Константиновны Радионовой (в девичестве Портнягиной): правнуком Максима Ивановича Портнягина был Константин Епифанович Портнягин, женатый на дочери усть-камчатского казака Александра Семеновича Полякова – Августе, дочерью которых и была Екатерина Константиновна, она же была, оказывается, и племянницей Александра Александровича Полякова, двоюродной сестрой моего дяди Пети. Позже она сама расскажет об этом в своих воспоминаниях (но в

нашей семье почему-то на эту тему никогда не разговаривали, и тетю Катю Радионову я всегда воспринимал только как подругу бабушки Ульяны, а после ее смерти – как подругу моей матери, Александры Ивановны, но оказалось, что все было совсем не так – и родственные наши отношения ни одна из сторон почему-то не раскрывала). Вот, что сообщила Екатерина Константиновна в своих воспоминаниях: «Александр Александрович был женат на Ульяне Демьяновне Хомченко (в тексте – Демченко). Он был охотником, часто играл в карты, одно время жил в Нижнекамчатске. У них был сын Петр, 1923 или 1924 г. р.

Потом они разошлись. Ульяна вышла замуж за контрабандиста, его звали Иваном (его, по-моему, посадили). Последний муж у нее был Григорий Вахрин, каппелевец, его тоже арестовали и расстреляли».

Константин Епифанович принимал участие в обороне Камчатки в 1904–1905 гг. С ним в Усть-Камчатской дружине состоял и Иннокентий Портнягин.

В Книге памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны, также встречается эта фамилия: Портнягин Егор Платонович, рядовой. Призван Усть-Камчатским РВК. Погиб 01.42 г.

В. И. Борисов называет в своем очерке «Портнягины» еще и Германа Константиновича Портнягина, 1919 г. р., который воевал танкистом и пропал без вести во время Великой Отечественной войны.

То есть, нужно признать, что на протяжении всей своей камчатской истории нижнекамчатские Портнягины с честью служили Родине.

ПОТАПОВЫ

Русская старожильческая фамилия, принадлежавшая мельковским крестьянам (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 12), возможно, первооснователям села вместе с Коксаровыми (Кошкаревыми), Бобряковыми, Сосниными, Михайловыми, Подкорытовыми, Поповыми, Пинигиными, Краснояровыми, Петровыми, Плотниковыми.

Но Потаповы были и камчатскими казаками (об Иване Потапове упоминается в «Колониальной политике царизма...», стр.

87–90), которые могли оставить свою фамилию при крещении машуринским камчадалам Потаповым, если только эти камчадалы не были на самом деле такими же выходцами из мильковских крестьян, как, например, камчадалы Краснояровы.

Возможный след казаков Потаповых обнаруживается в Нижнекамчатске в 1812 г., где в Камчатском гарнизонном батальоне нес службу рядовой Потапов Аксентий Кузьмич (38 лет). Но эта линия фамилии Потаповых не имела своего продолжения.

В период русско-японской войны в состав Мильковской дружины народного ополчения вошли мильковчане Полиевкт и Иллариий (Феофанович, псаломщик) Потаповы, а также житель селения Машура Иннокентий Потапов.

В Книге памяти камчатцев, погибших в период Второй мировой войны, мы находим трех представителей этой фамилии:

Потапов Анатолий Гаврилович, красноармеец. 1927 г. р, Призван Петропавловск-Камчатским ГВК. Служил в 138 стрелковом полку. Погиб 18 августа 1945 г. при штурме острова Шумшу, где и захоронен.

Потапов Владимир Михайлович, рядовой. Призван Усть-Камчатским РВК. Погиб 12.42 г.

Потапов Павел Петрович. 1920 г. р. Призван Усть-Камчатским РВК. Погиб.

ПРАВОВЕРОВЫ

Эту фамилию оставил на Камчатке священник Игнатий Правоверов.

Вот что мы о нем знаем: 1 мая 1834 г. выехал из Иркутска на Камчатку протоиерей Прокопий Громов. С ним в строящуюся Дранкинскую церковь вызвался поехать священник из-за Байкала Игнатий Правоверов, который оставил о себе на Камчатке недобрую память:

«В то время, когда Голенищев хотел приступить к постройке новых церквей, камчадальские тойоны укинского берега, боясь близкого с ними соседства духовенства, распустили между своими родичами слухи, что с постройкою церквей, священники будут заставляя их, после венчания, при себе же исполнять супружеские обязанности. Слухи эти взволновали укин-

кое население, и оно обнаружило сопротивление постройке дранкинской церкви. Голенищев, разобрав дело, сменил несколько тойонов, а дранкинского, как главного виновника, вытребовал в Петропавловскую гавань, где и заключил в тюрьму» (Сгибнев А. С., стр. 59–60).

«О несоответствии священника Правовеорова своему званию. 1834 г. Квартировал у дьякона Ивана Черных, напился, полез в драку, ударил Черных в грудь. Его хотели привести к настоятелю, но Правовеоров заявил: “Ночью нет законов. Я спать хочу”».

«5 апреля 1844 г. Правительствующий Синод издал Указ № 2664 о строительстве церкви в Ямске и переводе туда причта Малкинской больницы из Камчатки. Согласно указу Новоархангельского духовного правления от 3 ноября 1844 г. первым священником Ямской церкви стал Игнатий Правовеоров, а дьячком – Николай Логинов. Согласно церковным документам И. Правовеоров отличался сварливым, неуживчивым характером. Поэтому вскоре его сменил священник Михаил Тимофеевич Масюков, а Николая Логинова – дьячок Иринарх Верещагин» (Громов Прокопий, «Домашняя беседа», 1869, вып. 27, стр. 1 165; ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 1, д. 109; <http://www.kolyuma.ru/magadan/history/yamsk.shtml>).

Вот, собственно, и все, что мы о нем знаем.

А фамилия его крестников, коряков Правовеоровых, живет до сих пор на восточном побережье Камчатки.

ПРИВАЛИХИНЫ

В 1893 г. фамилия зафиксирована в селении Харчино: Привалихина Параскева Прокопьевна. Родилась 10 октября 1893 г. Родители – отец камчадал Харчинского селения Прокопий Петрович Привалихин и жена его Анна Епифановна. Восприемники – камчадал того же селения Иоанн Семионович Ключев и жена камчадала того же селения Василия Петровича Коллегова – Александра Фирсовна. (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1893 г., ГАКК.)

Происхождение фамилии пока не ясно.

ПРИТЧИНЫ

Очень распространенная на Камчатке фамилия, что объясняется просто: Иеродиакон, казначей Якутского Спасского монастыря Гавриил Притчин прибыл в Большерецкий острог в 1740 г. и привез для камчатских церквей антиминсы, иконы, утварь, ризницу, книги и колокола. В зиму 1740/1741 гг. окрестил вместе с иеромонахом Феофилактом (из экспедиции В. Беринга) 1 417 человек.

«Успенская двупрестольная (церковь. – Ред.) освящена в 1741 г. единственным на Камчатке священником Ермолаем Ивановым при сослужении иеродиакона Гавриила Притчина, который привез все для церквей этих потребности. “...иеродиакон Притчин в ожидании прибытия из Нижнего острога в Большерецк священника Ермолая для освящения здесь церкви объехал западный берег полуострова и при помощи дряхлого (вероятно) привезенного с собою иеромонаха Феофилакта, в значительном количестве призвал ко крещению камчадалов, населяющих этот берег”».

Стр. 353 (о Притчине): «...в три месяца едва ли не все неверные от устья Большой реки до реки Тигиля, на расстоянии 600 верст, крестились». («Иркутские епархиальные ведомости», 1868, № 47, стр. 532–533).

Так и осталась эта фамилия по всему западному побережью Камчатки. Пока не ясно, как фамилия попала в Кичигу (на восточное побережье), но в село Коряки она могла попасть из Явино или Гольгино, откуда переселялись камчадалы для поддержки «каюрной гоньбы» в селах Начики и Ганалы.

Многие Притчины защищали свою родину во время русско-японской войны 1904–1905 гг., но многие из них подверглись и сталинским репрессиям в 1930-х гг.

Так Александр Притчин из с. Ковран был дружинником, а умер Александр Никитич в 1932 г. под пытками по так называемому «Тигильскому делу».

Дружинниками были Андрей и Степан Притчины (с. Ковран), Петр (с. Гольгино).

Попали в «сталинские жернова»:

Притчина Агафья Никифоровна. 1880 г. р. Место рожде-

ния: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Ковран; камчадалка; образование: малограмотная; б/п; была домохозяйкой; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Ковран. Арест: 01.04.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирована определением Военного трибунала ДВО.

Притчин Николай Вуколович. 1898 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большеречский р-н, с. Гольгино; русский; образование: низшее; б/п; работал в личном хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большеречский р-н, с. Гольгино. Арест: 07.01.1936. Осужд. 16.04.1936, спецколлегия Дальневосточного крайсуда по Камчатской обл. Обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 5 лет с поражением в правах на 3 года. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 07.03.1990. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР.

ПРОЙДОШИНЫ (ПРОЙДОШЕВЫ)

Казак Иван Пройдошин служил на Камчатке в 1745 г. в Акланском остроге («Колониальная политика царизма...», стр. 87), ему и обязаны своей фамилией коренные жители полуострова. В 1748 г. эта фамилия появляется в селении Седанка (в 1773 г. камчадал Иван Пройдошев из Седанки входил в промысловую артель, которая на боте «Святой Евпл» отправлялась в Русскую Америку), а потом в селении Аманино: Пройдошин Петр, камчадал с. Аманинского, 38 лет (Исповедальная роспись Тигильской Христорожественской церкви за 1893 г., ГАКК).

ПРОКОПЬЕВЫ

Камчадалы Прокопьевы зафиксированы в Исповедальной росписи Облуковинской церкви за 1893 г. В 1748 г. при крещении ее отмечают и в селении Воямполка, но там она не сохранилась.

Вероятно, первоначальным носителем этой фамилии был казак Прокопьев, возможный след которого мы находим в 1812 г. в Нижнекамчатске: Прокопьев Григорий Андреевич, унтер-

офицер Камчатского гарнизонного батальона, 33 года. (Камчатские росписи 1812 г. Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Других упоминаний об этой фамилии на Камчатке пока не обнаружено.

ПРОТОПОПОВЫ

Первое упоминание об этой фамилии мы встречаем в книге С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (М-Л, 1949 г., стр. 477, 478): «В 1704 г. под осень приехал из Якутска на место Михаила Зиновьева казачей пятидесятник Василий Колесов, которой сидел на приказе по апрель месяц 1706 году, для того что отправленные на смену ему якутской сын боярской Василей Протопопов в 1704, да служивой Василей Шелковников в 1705 г. убиты на дороге от олюторов, а с ними по десяти человек служивых».

Позже эта фамилия проходит по Нижнекамчатску по документам, датированным 1806 г. и связанным со следственным делом о готовящемся покушении на начальника Камчатки генерал-майора Кошелева (см. роман-исследование «Встречь солнцу»). Более поздних упоминаний о камчатских Протопоповых нами не обнаружено.

ПРОТУНЦЕВСКИЕ

Потомки камчадала – восприемника из купели Иоасафа Хотунцевского, архимандрита Камчатского, главы камчатских миссионеров.

Протунцевские проживали в селении Напана. Один из них – Николай Протунцевский – был в числе ополченцев, защищавших Камчатку в русско-японской войне 1904–1905 гг.

Духовным братом напанских Пртунцевских был Иоганн Мальцган, швед, судовой мастер, участник Второй Камчатской экспедиции и один из организаторов первой «складственной» компании Емельяна Басова, открывшей для русских дорогу в Русскую Америку (Зубкова З. Н. «Алеутские острова», М., 1948 г., стр. 14) – «Бывший Иоганн Мальцган, Курлянд, крещенный 16 февраля 1746 г. в Нижнекамчатской Успенской

церкви», который теперь стал называться Иоанном Иоасафовичем Хотунцевским.

В Напане же, по данным Исповедальной росписи Тигильской Христорожественской церкви, проживали и камчадалы Хотунцевские (см. очерк «Хотунцевские»).

ПУТИЛОВЫ

В 1748 г. эта фамилия была зафиксирована при крещении в селении Крутогурово. Нам известно о казаке, сборщике ясака Семене Путилове, который по итогам работы следственной комиссии, изучающей причины Харчинского бунта 1731 г., был порот кнутами в Большерецком остроге.

Других упоминаний об этой камчатской фамилии нами пока не обнаружено.

ПУШКАРЕВЫ

Гавриил Пушкарев, камчатский служилый, был участником двух великих морских экспедиций – Второй Камчатской Витуса Беринга и промысловой экспедиции, собственно и открывшей нам Русскую Америку: «...летом 1760 г. промышленник и мореход Гавриил Пушкарев ступил на эту землю, которую он принял за остров, назвав его в своем донесении “Алякса”. Он перезимовал на юго-западном берегу и стал первым русским поселенцем на американской Аляске» (см. очерк «Степан Глотов»). На Камчатке эта фамилия не сохранилась. Но на форуме сайта «Камчадалы.ру» опубликован интересный материал о родственниках Гавриила Пушкарева.

Афанасий Васильевич (?) Пушкарёв (ок. 1712), казак, мог служить в Туринске, где начинали потом служить его дети Семён и Василий. Родня: Пётр Пушкарёв, его сыновья Данила, Фёдор и Федот в 1780–1804 служили офицерами в Тобольской области. Или NN Пушкарёв(?), аудитор, в 1760 служил в Тобольске под началом губернатора Ф. И. Саймонова, упоминался в деле Феофилакты-Мелеса. Последний в 1749 был пострижен в иноки, два года учился в Московской академии, стал иеромонахом и был направлен в немецкий город Киль в королевский Голштинский дворец служить в православном храме. Через

три года Мелес сам себя низложил из монашесствующего в мирянина и просил коллегия иностранных дел о переводе в Россию. Монаха-расстригу доставили в Петербург, а в 1755 закованного в кандалы под караулом отправили по этапу в Тобольскую губернию в Успенский Далматов монастырь. Оказавшись в Далматовом монастыре, Фёдор Мелес выказал полное неповиновение монастырским властям, отказавшись от работы. Дело Мелеса дошло до императрицы Елизаветы Петровны, которая распорядилась перевести его подальше на север в Кондинский Свято-Троицкий монастырь «яко беспокойного». По пути в Кондинский Свято-Троицкий монастырь Фёдор Мелес прибыл в Тобольск и был помещён в архиерейский дом. В июле 1760 он бежал из-под караула, но был постигнут. Тогда же Мелес через некоего Пушкарёва просил передать Тобольскому губернатору Ф. И. Саймонову, что может «в самую подлинность практикою показать пред его превосходительством своё искусство», с помощью которого «по своим философическим наукам, а не по чьему либо науцению, искусство как может человек совершенно по подобию птиц летать по воздуху куда похочет». Иван Пушкарёв, его сын Данила в 1785–1796 служил в Кургане. Данила Пушкарёв, казак (?), его сын Николай в 1785–1792 служил в Охотске. Гаврила Пушкарёв, казак, потом квартирмейстер, в 1741–1742 вместе с Витусом Берингом плывал к берегам Америки, зимовал на острове Беринга, в 1760 командовал судном «Святой Гавриил», на котором ходил на промысел к Алеутским островам, первым из великороссов достиг Аляски, зимовал на ней, он же первым и назвал её Аляской. Степан Герасимович Пушкарёв (1728–1774), происходил из солдатских детей, на военную службу записан в 1738, в поручики произведён в 1754, в капитаны – в 1764. Служил в Оренбургском гарнизоне (основан в 1743), 13 января 1774 погиб под Бердской слободой в бою против пугачёвцев. Пётр, Иван и Данила Пушкарёвы могли быть очень близкими родственниками. Во-первых, их связывает имя Данила, который мог быть их общим предком. Во-вторых, почти все они служили в суде. Известно, что сибирские дворяне домогались признания их русскими дворянами, но их хо-

датайство не было уважено. Историк князь Щербатов объяснял им, что сибирский дворянин – это не звание, а чин низших служилых людей, подобно боярским детям и казакам. Все вместе они образовывали в Сибири иррегулярные войска, и различия между ними почти не было. Сибирские казаки и дети боярские охраняли рубежи России от набегов монголов, китайцев, киргизов и казахов. При этом дети боярские получали денежное жалование 10 рублей, а казаки – 6,5 рубля. Кроме того, с 1773 они получали по шесть десятин (8,7 га) земли на душу. Поэтому служивым было выгодно иметь большие семьи. Степан Герасимович Пушкарёв (1728–1774), происходил из солдатских детей, на военную службу записан в 1738, в поручики произведён в 1754, в капитаны – в 1764. Служил в Оренбургском гарнизоне (основан в 1743), 13 января 1774 погиб под Бердской слободой в бою против пугачёвцев (http://zhurnal.lib.ru/p/popow_b_i/ktomy1glava6.shtml).

ПУШКАРЁВЫ, СИБИРЬ И КУРСКАЯ ЗЕМЛЯ

Попов Борис Иванович. История рода Поповых, который относится к роду строителей храмов и воинов, служителей истины и церкви, а также купеческих родов Веденисовых, Калининых и Насоновых, которые относились к родам предпринимателей, но тоже вели своё происхождение от служителей церкви, раскрыла перед нами некий философский смысл жизни в недавнем прошлом православной России и Византии, диалектическое противоборство пера и плуга, меча и креста. А вот история следующего рода позволит нам поближе познакомиться с дворянством России, с историей его происхождения, с его ценностями и проложить узенькую тропинку к властителям мира сего. Сделать это мы сможем лишь в том случае, если опять же будем идти осторожно от одного человека к другому всё дальше и дальше вглубь веков, поэтому впереди у нас очень долгий путь. Мы можем, не мешкая, продолжить знакомство с новыми персонажами. В нашем случае все они относятся к роду Пушкарёвых, который, хотя и не стал знаменитым, но, согласно Общему Гербовнику Российской империи, начавшему издаваться ещё в XVIII веке, считается древним

дворянским родом. Первым персонажем, с которого мы начинаем знакомство, в нём является:

Варвара Сергеевна Пушкина (р. 06.10.1858), бабушка Валентины Павловны Веденисовой. Родилась она в Петербурге. Крестили её 2 ноября 1858 в церкви Преображения господня. Восприемниками при крещении были Логин Христианов, коллежский асессор, служащий Петербургского Опекунского совета, и Елизавета Алексеевна Васильева, дочь священника Алексея Васильевича Васильева.

Варвара Сергеевна была потомственной дворянкой, к ней обращались со словами: «Ваше высочество». Училась она в Парижском институте. Обучение в нём закончила перед 1878. Во время учёбы, вероятно, встречалась с И. С. Тургеневым, так как тот в это время тоже проживал в Париже и был знаком с её матерью. В институте Варвара Сергеевна изучала иностранные языки. Знала она английский, немецкий, французский, итальянский и русский. По-русски говорила с некоторым акцентом, так как её мать была родом из семьи, где отцом был потомок австрийца, а мать — дочь шотландца.

Вскоре после окончания института, то есть в 1878, когда ей было двадцать лет, Варвара Сергеевна вместе с матерью приехала в Италию, в город Милан. Там они познакомились с Александром Веденисовым, российским консулом. К тому времени его первая жена была тяжело больна и лежала в постели парализованная. Детей же в семье было очень много и надо было заниматься с ними разными науками. Поэтому Варваре Сергеевне, как выпускнице Парижского института, было предложено участвовать в этом. Так она стала домашним учителем. Со временем отношения Варвары Сергеевны и Александра Петровича стали более близкими, и они начали жить гражданским браком. Вместе они прожили в Милане двадцать два г. и назвали много детей. Впоследствии все они были узаконены с согласия императора. В 1899 Варвара Сергеевна вернулась вместе с мужем и детьми в Россию в Петербург. Через три г. её супруг умер, и она осталась одна вместе со своими младшими детьми. Среди них был и сын Павел, будущий отец Валентины Павловны Веденисовой. Вначале вся семья жила на Ва-

сильевском острове. С 1908 Варвара Сергеевна стала жить на Петроградской стороне на Малом проспекте, в доме 48, а с 1916 – по 3-ей Рождественской улице в доме 12. Без мужа Варвара Сергеевна пережила революцию 1905, Первую Мировую войну, Февральскую и Октябрьскую революции, Гражданскую войну, НЭП, первые пятилетки и умерла в 1936. Похоронена она на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге. Варвара Сергеевна утверждала, что была знакома с Леонидом Витальевичем Собиновым. Дружила она с некоей Вельдой Джонсон и Юлией Андреевной Раздольевой, вдовой статского советника.

Во время Гражданской войны она ездила в Одессу к сыну Николаю, но его там не застала. В Одессе у нее отобрали все фамильные драгоценности, и она оказалась в безвыходном положении, поэтому ей пришлось писать оттуда письма детям с просьбой помочь ей вернуться в Петроград. После Гражданской войны Варвара Сергеевна жила в Ленинграде с дочерью Евгенией, которая не выходила замуж. В те годы она ежемесячно приезжала к сыну Павлу, единственному из оставшихся в Ленинграде сыновей, за деньгами. Во время посещений она читала своим внукам Вале и Люсе наизусть басни Крылова. Её дети: Николай, Сергей, Иван, Павел, Александра, Ольга, Варвара, Евгения, Екатерина, Любовь, Вера, Кира и другие. Все они учились в гимназии, а старшие дети успели до революции закончить обучение в высших учебных заведениях. Братьев и сестёр у Варвары Сергеевны не было. Отец Варвары Сергеевны:

Сергей Егорович Пушкарёв (ок. 1820), потомственный дворянин, свою дворянскую службу начинал в Санкт-Петербурге в Аудит-департаменте Военного министерства, потом перешёл в Комиссариатский департамент того же министерства. Здесь же служили его брат Василий Егорович и их отец – Егор Васильевич Пушкарёв. 24 июля 1854, когда Сергей Егорович был губернским секретарём и исполнял обязанности помощника контролёра, приказом № 40 по комиссариатскому ведомству ему был пожалован чин коллежского секретаря со старшинством с 21 апреля 1854. В 1857 он женился на Ольге Александровне Берс, отец которой тоже служил в Военном мини-

стерстве. В 1858 у них родилась дочь Варвара. Служба в Комиссариатском департаменте тогда ещё продолжалась. Затем из-за болезни Сергею Егоровичу пришлось выйти в отставку. Далее сведения о его судьбе обрываются, хотя известно, что в 1867 он жил в Санкт-Петербурге на Васильевском острове по Карташихинской улице в доме номер 36. Вероятно, вскоре после 1867 он скончался. Тело его, возможно, захоронено в Елизаветино под Санкт-Петербургом.

Брат: Василий Егорович Пушкарёв (1822–1892), согласно архивным документам Сената, был сыном потомственного дворянина, родился в Тобольской губернии. Вероятно, его брат Сергей Егорович родился там же. Впоследствии Василий Егорович обучался во Второй Санкт-Петербургской гимназии, но не закончил её и был уволен из третьего класса. Службу начал 21 января 1843 писарем Петербургской комиссариатской комиссии военного министерства, где служил Егор Васильевич Пушкарёв, его отец, который к тому времени уже стал коллежским ассессором, кавалером ордена святой Анны и заслужил потомственное дворянство. Затем Василий Егорович был переведён в Первый Департамент Управы Благочиния, а 11 октября 1844 – канцелярским служащим в Казённую палату. 9 сентября 1845 он был назначен помощником столоначальника. Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству 29 ноября 1849 Василий Егорович был произведен в коллежские регистраторы со старшинством с 21 апреля 1847. Таким же приказом по военному ведомству 12 февраля 1850 перемещен в бывший Комиссариатский департамент Военного министерства помощником контролера. За отлично-усердную службу 8 апреля 1851 пожалован денежным награждением в сумме 50 рублей. 12 августа 1851 за выслугу лет произведён в губернские секретари. 30 марта 1852 и 19 апреля 1853 вновь получал денежную премию в сумме 30 рублей. 1 августа 1854, то есть на полгода позже брата Сергея, за отличие по службе произведён в коллежские секретари. 29 марта 1855 получил премию в сумме 70 рублей, а 15 апреля 1856 – 100 рублей серебром. 26 августа 1856 награждён бронзовой медалью на Андреевской ленте в память войны 1853-1856. 17 апреля 1857 получил пре-

мию в сумме 35 рублей. Высочайшим приказом по военному ведомству 21 июля 1857 за выслугу лет произведен в титулярные советники. 17 апреля 1858 получил премию 60 рублей, а 17 апреля 1859 – 75 рублей. 12 июня 1859 назначен столоначальником в бывший комиссариатский департамент. Высочайшим приказом по военному ведомству 17 июля 1860 за выслугу лет произведён в коллежские асессоры со старшинством с 21 апреля 1860. 19 апреля 1862 за отличную усердную службу пожалован орденом Святой Анны 3 степени. 17 апреля получил премию 186 рублей. 19 апреля 1864 за отлично-усердную службу пожалован орденом Святого Станислава 2 степени. 3 мая 1864 за выслугу лет произведён в надворные советники со старшинством с 21 апреля 1864. 6 августа 1864 Комиссариатский и Провиантский департаменты соединились в одно Главное Интендантское управление Военного Министерства, а 1 ноября 1864 контрольная часть этого управления была передана в Государственный контроль. В октябре 1865 Василий Егорович ездил в отпуск на четырнадцать дней в Рязань и Зарайск. 11 января 1866 ему было назначено жалование 1080 рублей в год. В июле 1866 он ездил в отпуск на двадцать восемь дней в город Скопин Рязанской области. 26 ноября 1868 произведён за выслугу лет в коллежские советники со старшинством с 21 апреля 1868. 18 апреля получил премию в сумме 125 рублей. В октябре 1869 был в отпуске на двенадцать дней в Риге. В январе 1870 Контрольный департамент Военного министерства был преобразован во Временную контрольную экспедицию Государственного контроля. Тогда же Василий Егорович был премирован деньгами в сумме 285 рублей. Через г. получил премию в сумме 536 рублей, ещё через год 550 рублей, а в 1873 – 400 рублей. До мая 1873 избирался в присяжные заседатели Петербургского Окружного суда. 4 октября 1873 Указом правительствующего сената за выслугу лет произведён в статские советники со старшинством с 24 августа 1873. В 1874 ездил на лечение печени и желудка в Санкт-Петербургскую губернию. Тогда же получал пособие в сумме 175 рублей. 13 апреля 1875 за отлично-усердную службу награждён орденом Святой Анны 2 степени. 29 октября 1875 назначен старшим контролером

экспедиции. 1 января 1876 Временная Контрольная экспедиция была упразднена. Что было позднее, пока неизвестно, но в отставку Василий Егорович вышел в звании действительного статского советника. Его жена – Мария Васильевна Колпакова (р. 1823), дочь коллежского асессора. Венчание с ней состоялось 8 сентября 1850. Свидетелями были надворный советник Степан Иванович Савич-Канивецкий, титулярный советник Иван Игнатьевич Павловский, служащий Матфей Васильевич Рукавишников, поручик Павел Францевич Вагнер. Священником был Стефан Славинский. Их дети: Надежда (р. 1863–1884), Мария (р. 1867), Вера (р. 1869). Из них Мария родилась в Павловске, остальные в Петербурге. Надежда училась в Смольненском институте. При крещении Надежды восприемниками были действительный статский советник, граф Иван Александрович Рибантер, генерал-майор Виктор Семёнович Семёнов, жена действительного статского советника Татьяна Борисовна Потёмкина и дочь коллежского асессора Анисия Васильевна Колпакова. При крещении Марии и Веры восприемниками были все те же генерал-майор В. С. Семенов и А. В. Колпакова. Похоронен Василий Егорович на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге вместе с женой Марией Васильевной (ум. 1906), дочерью Надеждой (ум. 1884), Верой Васильевной Дазер (1839–1868), которая, вероятно, была сестрой жены, и Виктором Семёновичем Семёновым (1809–1872), тайным советником и генерал-майором.

Егор или Григорий Васильевич Пушкарёв (р. 1793), родился в пригороде Беярска Чистопольского уезда Казанской губернии. Вероятно, это была родина его матери, так как сами Пушкарёвы там никогда не жили. По Зюрейской дороге вокруг Беярска в 1771–1773 поместьями владели дворяне Озеровы, в том числе у полковника Семёна Петровича Озерова поместье было в селе Большая Елань, а у его сына, отставного подпоручика Ивана Семёновича Озерова, – в селе Берёзовка. Пригород Беярска находился на дороге как раз посередине между Большой Еланью и Берёзовкой, причём все эти селения располагались далеко в стороне от Зюрейской дороги. Отсюда можно заключить, что мать Егора Васильевича Пушкарё-

ва, скорее всего, была дочь Ивана Семёновича Озерова. Другие Озеровы, а именно: Николай и Евграф, тоже имели поместья по этой же дороге, но значительно дальше от Белярска и поэтому вряд ли кто из них мог быть дедом Егора Васильевича по материнской линии. Егор Васильевич начал свою службу 18 июля 1812 в восемнадцатилетнем возрасте рядовым 4-го, вновь сформированного, Костромского пехотного полка, 23 ноября того же г. он был переведён в Сибирский пехотный полк, а 15 марта 1813 стал там батальонным писарем. 1 августа 1813 Егор Васильевич в составе русских войск под командованием фельдмаршала М. И. Кутузова переправлялся через Неман и принимал участие в сражениях с французами в пределах бывшего герцогства Варшавского, затем участвовал в блокаде и взятии крепости Модлин. 1 апреля 1815 находился в походе против французских войск через царство Польское, Пруссию, Королевство Саксонское, Баварию, Веймарское владение, княжество Франкфурт, великое герцогство Баденское, впоследствии переправлялся через Рейн во Францию и 12 сентября 1815 дошёл до города Вертю. Потом ему пришлось совершить обратный поход. 16 октября 1816 был назначен дивизионным писарем в штаб 10-й пехотной дивизии, где прослужил десять лет. 1 мая 1826 был переведён в сводную дивизию 5-го пехотного корпуса, а 23 сентября 1829 был назначен корпусным писарем в штаб этого корпуса. 12 июня 1831 Егор Васильевич в составе русских войск участвовал в походе против польских мятежных войск, под предводительством Гелгута и Дембинского вторгнувшихся из Польши в Виленскую губернию. С 19 сентября по 8 октября находился в походе в Польшу до города Ломзы. Итого Егор Васильевич прослужил в звании унтер-офицера с 1812 до 1833, то есть двадцать один год. В течение этой службы 4 мая 1825 приказом главнокомандующего 1-й армии за номером 57 за беспорочную службу в унтер-офицерском звании двенадцать лет ему был установлен двойной оклад жалования. За двадцатилетнюю службу он получил три нашивки на рукаве. По окончании службы в унтер-офицерском звании в 1833 был произведён в 14 класс чиновничества с определением в провиантский штат Военного министерства. Рапорт об этом на имя государя 31 марта 1833 писал ко-

мандир 4-го пехотного корпуса, который тогда располагался в Киеве, генерал-лейтенант Савоини. Гражданская служба Егора Васильевича в Военном министерстве также продолжалась успешно. В 1835 он стал чиновником 9 класса в 7 отделении комиссариатского департамента, в 1840 – коллежским асессором и кавалером ордена Святой Анны 3 степени, затем контролёром 9 класса контрольного отделения там же, в 1844 – надворным советником, в 1854 – статским советником (полковником) и начальником 6 отделения того же департамента. Начальник отделения получал тогда 163 рублей 45 копеек жалования, плюс 70 рублей 5 копеек столовых, плюс 81 рубль 66 копеек прибавки. Одним из сослуживцев Егора Васильевича в министерстве был Александр Густав Берс, его сват. В отставку Егор Васильевич вышел 26 июня 1855 по состоянию здоровья с правом ношения мундира. В Санкт-Петербурге он проживал в Литейном заводе, 4 часть, 1 квартал, Малая Мастерская 1, потом в Нарвской части, 1 квартале, 12 роты Измайловского полка в доме Климовских. Похоронен, вероятно, в Елизаветино на даче. От первой жены были дети: Василий и Сергей. Дети от Анисии Гавриловны, второй жены, неизвестны. Учитывая, что его сын Василий родился в 1823 в Тобольске, то можно предположить, что Егор Васильевич в то время со своей 10-й пехотной дивизией и Сибирским пехотным полком тоже находился в Тобольске.

Вот такой вот дворянин. Двадцать один г. прослужил в солдатах, потом ещё двадцать два г. в Военном министерстве и дослужился всё-таки до полковника. Нелёгкая доля для дворянина XIX века. Такой ли мы представляли её себе ранее? Следующие ступени подтвердят, что подобная судьба дворянина – это не исключение.

Кто был отцом Егора Васильевича Пушкарёва, нам точно неизвестно, но, судя по месту рождения Егора Васильевича и месту рождения его сына Василия, а также по тому, что Егор Васильевич был рождён в семье солдата, можно предположить, что это был тот самый Василий Пушкарёв, который служил в Тобольской губернии и в момент рождения Егора Васильевича ещё не был офицером.

6. Василий Афанасьевич Пушкарёв (ок. 1750). Службу свою

начал в 1767 секретарём воеводы в Туринске Енисейской провинции Сибирской губернии. В 1773 служил секретарём комиссара в Пельме (место ссылки Бирона и Миниха), в 1775 – секретарём при воеводе в Кузнецке. В 1780 получил чин губернского секретаря. В 1785 был назначен ассессором гражданского суда правления Кольванского наместничества на Алтае, в 1790 получил чин прапорщика и начал служить заседателем в нижнем земском суде в Каинске Тобольского наместничества. В 1795 получил звание титулярного советника (поручика). Каинск – город в 287 км от Омска, в то время имел 106 домов, три магазина, семь торговых лавок и амбаров, одну церковь, 4 священника, всего 658 человек: крестьяне, ссыльные, купцы, мещане. Гостиных дворов, укреплений, училищ, воспитательных домов, больниц, богаделен не было, садов тоже. Вокруг было 175 селений, в них проживало 10 720 мужчин, 8 949 женщин, в том числе крестьян – 1 083, ссыльных – 10 258. В селениях было 26 мельниц. Таким образом, вся служба Василия Афанасьевича в течение сорока двух с лишним лет прошла в Сибирском захолустье. Тем самым, он полностью выполнил свой гражданский долг перед отечеством. Как сложилась его дальнейшая судьба, неизвестно. В 1809 в Санкт-Петербурге появляется некий поручик Василий Пушкарёв, который проживал в собственном доме по адресу: Выборгская часть, квартал 2, Вторая Госпитальная 144. Возможно, это был Василий Афанасьевич. Если учесть, что его сын Егор родился в пригороде Белярска, то, скорее всего, женой Василия Афанасьевича была Мария Ивановна Озерова, дочь подпоручика, о чём мы уже говорили выше. Благодаря её родственным связям он и перебрался на жительство в Санкт-Петербург.

Брат (?): Семён Пушкарёв (р. 1738), из казачьих детей, службу начал копиистом в 1751 в Туринской воеводской канцелярии, то есть там же, где и Василий Афанасьевич. С 1754 служил в Сибирском соляном комиссарстве, с 1757 – в Кузнецке. В феврале 1757 в Сибирской губернской канцелярии «за ложное показание государева дела по второму пункту Сибирского соляного комиссарства на присутствующего господина коллежского советника Семёна Кублицкого и камисара Семёна Фефилова наказан плетью»; в 1758 «детей мужеска пола нет».

Родня: Данила Петрович Пушкарёв, в 1780 секунд-майор, батальонный командир военного департамента Тобольской губернской канцелярии Сибирской губернии.

Фёдор Петрович (?) Пушкарёв, в 1793–1794 капитан, прокурор в верхнем надворном суде в Тобольской области Тобольского наместничества.

Федот Петрович Пушкарёв, в 1795 капитан, ассессор в верхнем надворном суде Тобольской области Тобольского наместничества после Фёдора Пушкарёва, в 1802–1804 надворный советник, заседатель в уездном суде в Ялуторовске Тобольской губернии.

Или Федот Пушкарёв (р. 1737), офицер Тобольского гарнизона, поручик, в начале 1774 во время восстания Емельяна Пугачёва с ротой рекрутов и командой артиллеристов прибыл из Тобольска в Челябинск, чтобы следовать оттуда к Оренбургу. 5 января началось восстание исетских казаков во главе с хорунжим Н. Я. Невзоровым. Федот Пушкарёв поднял по тревоге свою роту и нанёс удар по восставшим, отбил захваченные ими пушки, освободил из-под ареста воеводу А. П. Верёвкина и чиновников Челябинской провинциальной канцелярии, а также схватил до 60 мятежников. Вскоре он со своими подчинёнными вступил в корпус генерала И. А. Деколонга, который с боем прорвался в Челябинск, заблокированный отрядами пугачёвского полковника И. Н. Грязнова. Исчерпав все возможности обороны, Деколонг 8 февраля оставил Челябинск, повёл свой корпус на восток, в Зауралье в Шадринск. Туда же пришли пушкарёвцы. 6 марта 1774 в бою у Пуховой слободы (на берегу Тобола) они разгромили отряд атамана И. И. Ковалевского. В боях 19–21 марта у Иковской слободы под Курганом Федот Пушкарёв также отличился. Сибирский губернатор Д. И. Чичерин дважды обращался в Военную коллегия с ходатайством о досрочном его производстве в следующий чин. Указом от 9 апреля 1774 Военная коллегия произвела офицера Федота Пушкарёва из поручиков в капитаны.

Николай Данилович Пушкарёв, в 1785–1792 коллежский ассессор, стряпчий казённых дел в верхней расправе Охотской области Иркутского наместничества.

Алексей Данилович (?) Пушкарёв, «прапорщик геодезии», служащий Охотской морской команды, в 1769–1771 совершил трёхкратный секретный вояж из Нижнеколымска на Медвежьих острова для определения их точного местоположения и поисков к северу от них Земли Андреева, в 1773 подготовил первую относительно достоверную карту Байкала в масштабе 10 вёрст в дюйме с показанием впадающих рек и речек, а также выпадающей из него Ангары.

Данила Иванович Пушкарёв, в 1785–1794 артиллерии поручик, казначей уездного казначейства в Кургане Тобольского наместничества, в 1795–1796 коллежский ассессор там же.

NN Пушкарёв, казак, в 1788 в 15 верстах от Красногорьковской крепости был захвачен в плен киргизами. Вместе с ним в плен попали жена «малолетка» редута Песчанного Трофима Балыкова и дворовый человек прапорщика Персиянова. Через несколько вёрст полумёртвую женщину бросили, а Пушкарёва и дворового увезли далее. Вместе с ними угнали и лошадей крестьянина Лушниковова деревни Лопаток. Тобольское наместническое правление немедленно запросило командующего Сибирским корпусом генерал-поручика Огарёва постараться через доброжелательных российской стороне киргизских старшин выкупить казака, вернуть пленённых и лошадей. Распоряжение было сделано.

Афанасий Васильевич (?) Пушкарёв (ок. 1712), казак, мог служить в Туринске, где начинали потом служить его дети Семён и Василий.

Родня: Пётр Пушкарёв, его сыновья Данила, Фёдор и Федот в 1780–1804 служили офицерами в Тобольской области.

Или NN Пушкарёв (?), аудитор, в 1760 служил в Тобольске под началом губернатора Ф. И. Саймонова, упоминался в деле Феофилакты-Мелеса. Последний в 1749 был пострижен в иноки, два года учился в Московской академии, стал иеромонахом и был направлен в немецкий город Киль в королевский Голштинский дворец служить в православном храме. Через три года Мелес сам себя низложил из монашества в мирянина и просил коллегия иностранных дел о переводе в Россию. Монаха-расстригу доставили в Петербург, а в 1755 закованно-

го в кандалы под караулом отправили по этапу в Тобольскую губернию в Успенский Далматов монастырь. Оказавшись в Далматовом монастыре, Фёдор Мелес выказал полное неповиновение монастырским властям, отказавшись от работы. Дело Мелеса дошло до императрицы Елизаветы Петровны, которая распорядилась перевести его подальше на север в Кондинский Свято-Троицкий монастырь «яко беспокойного». По пути в Кондинский Свято-Троицкий монастырь Фёдор Мелес прибыл в Тобольск и был помещён в архиерейский дом. В июле 1760 он бежал из-под караула, но был настигнут. Тогда же Мелес через некоего Пушкарёва просил передать Тобольскому губернатору Ф. И. Саймонову, что может «в самую подлинность практикою показать пред его превосходительством своё искусство», с помощью которого «по своим философическим наукам, а не по чьему либо наущению, искусство как может человек совершенно по подобию птиц летать по воздуху куда похочет».

Иван Пушкарёв, его сын Данила в 1785–1796 служил в Кургане.

Данила Пушкарёв, казак (?), его сын Николай в 1785–1792 служил в Охотске.

Гаврила Пушкарёв, казак, потом квартирмейстер, в 1741–1742 вместе с Витусом Берингом плывал к берегам Америки, зимовал на острове Беринга, в 1760 командовал судном «Святой Гавриил», на котором ходил на промысел к Алеутским островам, первым из великороссов достиг Аляски, зимовал на ней, он же первым и назвал её Аляской.

Степан Герасимович Пушкарёв (1728–1774), происходил из солдатских детей, на военную службу записан в 1738, в поручики произведён в 1754, в капитаны – в 1764. Служил в Оренбургском гарнизоне (основан в 1743), 13 января 1774 погиб под Бердской слободой в бою против пугачёвцев.

Пётр, Иван и Данила Пушкарёвы могли быть очень близкими родственниками. Во-первых, их связывает имя Данила, который мог быть их общим предком. Во-вторых, почти все они служили в суде. Известно, что сибирские дворяне домогались признания их русскими дворянами, но их ходатайство не

было уважено. Историк князь Щербатов объяснял им, что сибирский дворянин – это не звание, а чин низших служилых людей, подобно боярским детям и казакам. Все вместе они образовывали в Сибири иррегулярные войска, и различия между ними почти не было. Сибирские казаки и дети боярские охраняли рубежи России от набегов монголов, китайцев, киргизов и казахов. При этом дети боярские получали денежное жалование 10 рублей, а казаки – 6,5 рубля. Кроме того, с 1773 они получали по шесть десятин (8,7 га) земли на душу. Поэтому служивым было выгодно иметь большие семьи.

Степан Герасимович Пушкарёв (1728–1774), происходил из солдатских детей, на военную службу записан в 1738, в поручики произведён в 1754, в капитаны – в 1764. Служил в Оренбургском гарнизоне (основан в 1743), 13 января 1774 погиб под Бердской слободой в бою против пугачёвцев.

Василий Алексеевич (?) Пушкарев (ок. 1685), подканцелярист в Канцелярии главного заводов правления на Урале в Екатеринбурге, где в те годы располагалась главная горная администрации Российской империи. По штату 1737 г. в Канцелярии должно было «быть секретарю, протоколисту и регистратору, да подьячим двум повытьям, в коих также для протокола, регистратуры и архива двум канцеляристам, пяти подканцеляристам и двенадцати человекам копиистам...» Подканцеляристы ведали приходом и расходом денег и канцелярских припасов. Город Екатеринбург, где служил Василий Пушкарёв, был основан в 1722 как горный завод, укреплённый для защиты от башкир. Основал его по поручению императора Петра I известный историк Василий Никитич Татищев, посланный «в Сибирской губернии на Кунгуре и в прочих местах, где обшцутся удобные места, построить заводы и из руд серебро и медь плавить». Он исполнял обязанности Главного горного командира в 1720–1722 и 1734–1737. После него Главными горными командирами были: в 1722–1734 Виллим Иванович Геннин (Георг Виллем); в 1737–1744 Леонтий Дмитриевич Угримов; в 1744–1758 Никифор Фёдорович Клеопин. В июле 1738 во время башкирского восстания подканцелярист Василий Пушкарёв находился в лагере у подполковника Глеба Ивановича

Немцова, руководителя обороны, и участвовал в допросах пленных башкир. Внуком Василия Пушкарёва-подканцеляриста мог быть Василий Пушкарёв младший, секретарь воеводы в Туринске.

Родня: Данила (?) Петрович (?) Пушкарёв, его дети: Пётр, Иван, Данила. Их сыновья в 1780–1806 служили государеву службу в Кургане, Тобольске и Охотске.

Андрей Пушкарёв, служил в Сибирском приказе в Тобольске. Этот приказ существовал в Русском государстве с 1637. После смерти Петра Первого Приказ был ликвидирован, а в 1730 восстановлен вновь и просуществовал до 1755. Казённые поручения в нём исполняли головы и целовальники. В 1737 решением кабинет-министров Андрей Пушкарёв был назначен целовальником при китайском караване. В то время, начиная с 1728, казённые торговые караваны ходили в Китай каждые три года. Так продолжалось до 1755, когда казённая караванная торговля была отменена. Вместе с Андреем целовальниками в том же караване были: Василий Глазунов, Семён Мартемьянов и Иван Осколков. Комиссаром каравана являлся Иван Молоков. Во время долгого путешествия в Пекин Андрей Пушкарёв умер.

Иван Пушкарёв, купец казённой караванной торговли в Тобольске, после 1737 обращался с ходатайством в Сенат о получении жалования за умершего брата. Он же ходатайствовал и о получении оставшегося в Сибирском приказе имущества своего брата для уплаты его долгов. Потомком Ивана Пушкарёва мог быть М. Пушкарев, который в 1772 подряжался поставить в течение трёх лет для войсковых частей, располагавшихся в Кузнецке и Бийской крепости, 20 тысяч четвертей муки, 7 тысяч четвертей овса и 500 четвертей крупы. Общая стоимость этого контракта превышала 57 тыс. руб.

Герасим Пушкарёв, солдат, его сын Степан служил капитаном в Оренбурге.

Алексей (?) Пушкарёв (ок. 1660), пеший казак на Урале в Верхотурье, расположенном в трёхстах километрах к северу от Екатеринбурга, упоминался в 1703 в письме Алексея Калинина, стольника, воеводы Кунгура, а потом Верхотурья: «Гос-

подам князю Михайлу Яковлевичю, князю Алексею Михаловичю Алексей Калитин челом бѣт. В нынѣшнем, господа, 1703 годе, мая в 29 день, в грамоте великого государя из Сибирского приказа, за подписью дьяка Ивана Чепелева, писано ко мне на Верхотурье: в нынѣшнем-де 1703 годе, апреле в 12 день, указал великий государь Верхотурские железные заводы на Невье реке, по прежнему своему великого государя указу и грамотам, заводить не мешкав, безо всякой остановки. А для всякой работы к тем новым заводам приписать к Верхотурью, Тоболского уезду, Мурзинскую слободу со всеми крестьяны и с землями; а вместо того, которые слободы Верхотурского уезду в близости от Каменских железных заводов, и те Верхотурского уезду слободы и деревни дворами то ж число, или менши, по рассмотрению, господа, вашему, приписать к Тоболску, к Каменским железным заводам, и всякое вспоможение к строению тех новых Верхотурских заводов мастерами и всякими потребами вам, господа, чинить; и о том к вам, господа, в Тоболск великого государя грамота послана. А ныне, по указу великого государя и по тем грамотам, в Верхотурском уезде на речке Алапаихе строятся новые железные заводы, и в строению, господа, тех новых заводов лесовые всякие припасы на плотину и на молотовые амбары в готовности; а плотинного, господа, мастера на те новые заводы ни откуд не прислано. А о присылке, господа, мастеровых людей, которые мастера к тем заводам понадобятся, велено мне к вам, господа, писать в Тобольск. И о вышеписанных Мурзинской и Верхотурской слободах, и с присылке с Каменских железных заводов плотинного мастера на Алапаевские новые заводы для строения плотины, по указу великого государя и по грамоте, что вы, господа, укажете. А сею отпискою послал я к вам, господа, в Тоболск нарочного посыльца верхотурского пешего казака Алексея Пушкарёва и велел ему отписку подать вам, господа, в приказной палате».

Женой Алексея Пушкарёва вероятно была Окулина Пушкарёва, казачка. В 1710 на её подворье в Верхотурье жил Иван Фролов 47 лет, может быть, её брат или отец. Потомками казака Алексея Пушкарёва могли быть более молодые сибирские казаки, в том числе Афанасий Пушкарёв в Туринске,

Алексей Пушкарёв младший, «прапорщик геодезии», и Гавриил Пушкарёв, участвовавший во второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга.

Брат: Фадей Пушкарёв, пеший казак в Верхотурье, в 1702 нанял верхотурского плотника срубить лавку за 4 рубля, вперёд дал 2 рубля. Его потомками могли быть купцы Андрей и Иван Пушкарёвы.

Родня: Пётр Пушкарёв, писчей дьячок, упоминался в 1710, когда ему было сорок лет, имел свой двор в слободе Царёво городище (Кургане) в четырёхстах километрах от Екатеринбурга. У него на подворье жил Василей Могильников с женой и детьми. Слобода Царёво городище была основана в 1679. Строилась она отрядом беломестных казаков под руководством Тимофея Онисимова (Невежина). Вместе с ним прибыли кузнец-бронник Ивашко Половников и семеро беломестных казаков: Онтонко Фёдоров сын, Андрюшка Баскаков, Мишка Хромой, Ганка Кайгородов, Микишка Седов, Гришка Борболин и Васька Черепанов. Пушкарёвых среди основателей слободы не было. В 1710 в слободе было 72 двора, в которых проживало 260 мужчин и 279 женщин. Один двор принадлежал капитану Ивану Филипповичу Обольянинову. Он состоял на службе в драгунском полку у полковника Леонтия Парфеньева. Его жена и дети проживали в Мехонской слободе, расположенной в трёхстах километрах от Екатеринбурга. В той же Мехонской слободе могла жить и семья Петра Пушкарёва. Свои дворы в Царёвом городище также имели: престарелый поп Михайло Васильев, церковный дьячок Иван Антонов, пономарь Парфён Пирошков и трапезник Пётр Леонтьев. Из числа остальных дворов 43 двора было драгунских, 1 казачий, 17 крестьянских, 5 бобыльских. Когда пограничная линия отодвинулась, то количество дворов и населения в слободе уменьшилось. «Когда ещё пограничная линия шла по Тоболу и Коркиной, стоял здесь сильный гарнизон, и сперва была здесь также и главная квартира...» Согласно преданиям, в слободе и принадлежавших ей селах и деревнях были набожность, строгость в исполнении церковных обязанностей и необыкновенное хлебосоличество. Единственным каменным зданием слободы была трёх-

престольная Троицкая церковь. В 1782 слобода получила статус города и наименование «Курган». Потомками Петра-дьячка могли быть Иван Пушкарёв, сын которого тоже служил в Кургане, и младший Пётр Пушкарёв, сыновья которого служили по-соседству с Курганом в Тобольской области.

NN Пушкарёв (ок. 1640), мог служить казаком или стрельцом, его сын Алексей, казак.

Или NN Пушкарёв (?), упоминался 7 января 1686 в сказках бобылей деревни Жилино Кунгурского уезда Пермского края, поданных писцу стольнику Григорию Ивановичу Анненкову. Вместе с ним в той же деревне упоминались стрельцы: Симанов, Коркодинов; и бобыли: Жаравлев, Безсонов, Пихтовников, Космаков, Федулов, Притчин, Теплоухов, Карповы, Маслеников, Пухирев, Норов, Корелины, Тохтуев, Новоселов, Антухов, Сажин, Старков и Диев.

Или Василий Пушкарёв (?), стрелец, в 1686–1689 в отставке, жил в Мосальске Калужской области. Возможно, находился в родстве с Поповыми, так как спорил с драгуном Степаном Поповым о каком-то приданом.

Родня: Любим Иванович Пушкарёв, сын боярский в Курском крае. Его сын Иван.

Ефим Иванович Пушкарёв, не служащий дворянин. Взял крепостного Луку Волкова с женой и детьми в 1697 у тестя. Его жена Никольникова. Их сын Лаврентий.

Александр Иванович Пушкарёв, помещик Новгорода-Северского, в 1687 был записан вместо отца на службу в полк, в 1721 числился при Ингермландском драгунском полку. Этот полк был сформирован в 1704 в Москве боярином Стрешневым. Александр Иванович служил также в военном комиссарстве. Его дети: Сидор, Лев.

Семён Иванович Пушкарёв, помещик в Рыльске, упоминался в 1692–1693 вместе с Александром Ивановичем Пушкарёвым.

Кондрат Фёдорович Пушкарёв, сын боярский в Рыльске Курского уезда. Его сын Иван.

Фёдор Никитич Пушкарёв, сын боярский, жил в Курском крае, в 1687 ему был установлен поместный оклад в 350 чети и денег 11 рублей.

Иван Васильевич Пушкарёв (ок. 1615), сын боярский, городской дворянин Рыльской десяти по Новгороду-Северскому при князе Василии Григорьевиче Ромодановском, получал государево жалованье, в 1632 нёс службу в Новгороде-Северском Рыльском уезда как новик, имел поместье в Омонском стане. Его сыном мог быть Василий Пушкарёв-стрелец.

Родня: Иван Михайлович Пушкарёв, сын боярский, городской дворянин Рыльской десяти по Новгороду-Северскому, в 1665–1666 получил придачу к поместному окладу и денежному жалованию за службу, черкасские походы и Конотопский бой, за полное терпение и за выход Новгородка-Северского.

Степан Никитич Пушкарёв, городской дворянин Рыльской десяти по Новгороду-Северскому, получал государево жалованье в 1632 как недоросль. Жил в отцовском поместье в Свапском стане. Впервые упоминался в 1628, когда жил вместе с овдовевшей матерью и бабушкой.

Григорий Тимофеевич Пушкарёв, в 1632 нёс военную службу в Новгороде-Северском Рыльского уезда. В 1633 был страшный урон поместьям от поляков. Григорий мог быть убит в те годы, так как сведения о нём после 1632 отсутствуют.

Иван Тимофеевич Пушкарёв, сын боярский в Новгороде-Северском Рыльского уезда Курского края, упоминался в 1675–1691, писал челобитную вместе с Лукьяном и Фёдором Пушкарёвыми на драгуна Петра Некрасова о завладении их поместьями. 17 декабря 1683 был послухом в Москве рядом с князем Борисом Андреевичем при составлении документа, который писал подьячий Ивановской площади. В 1685 рыляне служили в Севском полку, воевали с Польшей и Литвой. В 1686 Иван Тимофеевич «за полковую службу и участие в боевых действиях против крымского хана и турецкого султана, за полное терпение и увечья был пожалован на поместья» грамотой государями Иоаном и Петром Алексеевичами. Копия этой грамоты хранится сегодня в здании Сената в Санкт-Петербурге. Согласно этой грамоте, Иван Тимофеевич имел поместье 1 000 чети, в том числе вотчину 200 чети. 21 декабря 1687 от полковой службы он был отставлен. Тогда же было велено написать в полковую службу его сына Александра, «который оную про-

должал и был при военном комиссарстве». Дети Ивана Тимофеевича: Любим, Ефим, Александр, Семён.

Фёдор Тимофеевич Пушкарёв, сын боярский и помещик в Новгороде-Северском, упоминался в 1673–1700, в 1679 был площадным подьячим в Рыльске. Его сын Кондрат.

Лукьян Тимофеевич Пушкарёв, сын боярский и помещик в Новгороде-Северском, упоминался в 1675–1691.

Ефрем Пушкарёв, посадский в Костромитине Воронежского уезда, упоминался в 1672.

Василий Ильич Пушкарёв (ок. 1590), городской дворянин, служил в детях боярских с поместным окладом, в 1613 получал грамоту о переделе поместья в Новгородке-Северском вместе с Михаилом и Микитой Пушкарёвыми. В 1628 его поместье располагалось в Омонском стане Новгородка-Северского. В 1632 нёс военную службу. Его сын Иван.

Братья: Михаил Пушкарёв, в 1613 получал грамоту о переделе поместья вместе с Василием и Микитой Пушкарёвыми. Его сын Иван.

Микита Ильич Пушкарёв, городской дворянин, служил в детях боярских с поместным окладом в Свапском стане Новгорода-Северского Рыльского уезда Курского края. В 1613 получал грамоту о переделе поместья вместе с Михаилом и Василием Пушкарёвыми. До 1628 жил в отцовском поместье. В 1628–1629 писец Петр Иванович Мусоргский и подьячий Гаврила Федоров внесли в писцовую книгу Пелагею Григорьевну, его жену, как вдову, и сына Степана.

Родня: Тимофей Жаденович Пушкарёв, сын боярский в Курском крае, городской дворянин. В 1624 по грамоте государя Московского и Всея Руси Михаила Фёдоровича получил вотчину в Рыльском уезде Курского края. Копия грамоты хранится в здании Сената в Санкт-Петербурге. В 1628–1629 писец Пётр Иванович Мусоргский и подьячий Гаврила Федоров внесли его в писцовую книгу как владельца поместий в Омонском и Свапском станах Новгорода-Северского Рыльского уезда Курского края и дружинника при атаманах Василии Булатове, Ярофее Попове со товарищи 26 человек и атамане белопоместных казаков Кондратии Титове со товарищи 44 человека. Он единствен-

ный среди тамошних Пушкарёвых владел поместьями в двух разных станах. В 1632 он был внесён в Рыльскую десятню в дружину князя Василия Григорьевича Ромодановского в Новгороде-Северском с государевым жалованием. В дружине было 178 человек. Вместе с ним в ней служил его сын Григорий. Среди других сыновей известны: Иван, Лукьян, Фёдор.

Документы Тимофея в 1793 при императрице Екатерине II были использованы дворянским собранием Курской губернии для внесения всего рода Тимофея в число древнего дворянства.

Герб рода Тимофея Пушкарёва внесён в Общий гербовник Российского дворянства (том IX, № 53) и представляет собой следующее: «щит разделен на четыре части, из коих в первой, в золотом поле изображена выходящая с левой стороны из облака рука с поднятою саблей, во втором в красном поле пушка, поставленная на золотом лафете, в третьей части в голубом поле находится воин, имеющий в правой руке пику, в четвёртой части в золотом поле красное сердце с пламенем. Щит увенчан дворянским шлемом и короною, на поверхности которой крестообразно поставлены два знамени голубое и красное. Наметь на щите золотый и голубый, подложенный красным и золотым. Щит держат два льва с обёрнутыми в сторону головами».

Илья Пушкарёв (ок. 1560), сын боярский в Новгороде-Северском. Согласно акту Московского государства за 1605, получил жалование от государя Бориса Годунова за осадное сидение против войск Григория Отрепьева. Его дети Василий, Микита и Михаил (?).

Родня: Гриша Пушкарёв, сын боярский в Новгороде-Северском, упоминался в 1605, когда служил и получал жалование государя Бориса Годунова за осадное сидение против войск Григория Отрепьева.

Иван Пушкарёв, казак в Кромах недалеко от Новгорода-Северского. Упоминался в 1605, когда вместе с Гришей и Ильёй Пушкарёвыми, детьми боярскими, получал жалование государя Бориса Годунова за осадное сидение против войск Григория Отрепьева. Его потомки могли быть казаками.

На этом история наших Пушкарёвых пока заканчивается. Чтобы её продолжить, надо перейти к следующей главе. Здесь

же мы можем сказать в заключение лишь самое важное: представители рода Пушкарёвых служили разные службы при освоении природных богатств Урала, Сибири, Дальнего Востока и даже Аляски. Некоторые из них могли быть родом из детей боярских Курской земли (http://samlib.ru/p/popow_b_i/ktomy1glava6.shtml).

ПШЕННИКОВЫ

Камчатские казаки.

Патриарх этого рода – вероятно, Пшенников Дмитрий Федорович, сотник Нижнекамчатской казачьей команды, 52 года. Жена Агриппина Федоровна. Воспитанница их Параскева (9). (Камчатские росписи 1812 г. Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.) Дети в Росписи не названы, так как, судя по возрасту Дмитрия Федоровича, они сами уже были взрослыми и вели самостоятельную жизнь.

Но впоследствии мы обнаруживаем только одну камчатскую ветвь казаков Пшенниковых: Пшенников Иван Григорьевич, участник обороны Петропавловского порта в 1854 г., фамилия которого в 1882 г. внесена в «Список отставным нижним чинам, участвовавшим в обороне Петропавловска 24 августа 1854 г. при нападении англо-французской эскадры» (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 2, д. 128; Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 105).

В 1893 г. отставной казак Иван Григорьевич Пшенников (58 лет) проживал в селении Коряки. С ним жили: жена Анна Осиповна (67), сын Григорий (35). Жена Григория Пелагея Никаноровна. Дети их: Иосиф (7), Анна (9 мес.). Еще дети Ивана Григорьевича: кантонисты Роман (25) и Семен (21). Романа жена Хиотия Владимировна (20). Дети: сын ее от первого брака Диомид Федорович Новожилов (1). Проживает с ними Осип Игнатьевич Чудинов (15) (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК).

Еще один сын Ивана Григорьевича Пшенников – Николай Иванович, льготный казак, 27 лет, жил отдельно в Петропавловске. Жена его – Марфа Семеновна Дети – Екатерина (5), Анна (2). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.) Он был участником обороны Камчатки в русско-японскую войну 1904–1905 гг. в составе Петропавловской дружины.

Внук Ивана Григорьевича Пшенников Иосиф Григорьевич был урядником (начальником) Камчатской казачьей команды (данные за 1911 г.).

РАГОЗИНЫ

Мы имеем только одно упоминание об этой фамилии: Рагозин Ив., участник обороны Камчатки в 1904–1905 гг., Петропавловская дружина.

РАКИТИНЫ

В 1748 г. эта фамилия во время крещения была зафиксирована в селении Машура. Других сведений о ней пока нет.

РАСТОРГУЕВЫ

Эта фамилия на Камчатке очень четко разделена на линию служивых людей (впоследствии казаков, матросов и мещан) и камчадалов.

Первые проживали в Нижнекамчатске, Усть-Камчатске и Петропавловске. Вторые – постоянные жители древнего камчадальского селения Камаки (первоначально Пеучева острожка, или Шванолом, названного по имени тойона Камака, после крещения – Степана Алексеевича Кузнецова). Кузнецовы и Расторгуевы – две основные фамилии, которые существовали в Камаках в начале XX века.

Расторгуевы – служивые.

Впервые эта фамилия появляется на Камчатке вместе с нижнекамчатским приказчиком Осипом Расторгуевым, который находился в тесном сотрудничестве с миссионерской группой архимандрита Камчатского Иоасафа Хотунцевского, и камчадалы Расторгуевы получили свою фамилию в его честь.

История этой казачьей династии и впоследствии была очень

тесно связана с историей Нижнекамчатска, как военного поста и тихоокеанского морского порта. Соответственно, казаки Расторгуевы были не только служилыми людьми, но и мореходами – так, например, нижнекамчатский казак Андрей Расторгуев в 1773 г. участвовал в одной из промысловых экспедиций, снаряженной группой купцов, для сбора ясака на Алеутских островах и Аляске.

Казаки Расторгуевы унаследовали достаточно большие (по меркам того времени) чины в военной иерархии и мы видим одного из них в начале XIX века подпоручиком штатной городской команды. Но и веяния той эпохи, когда на Камчатке «и до царя и до Бога было далеко», также коснулось этой фамилии. Генерал-майор Павел Иванович Кошелев в 1806 г. давал шестидесятилетнему подпоручику Якову Алексеичу Расторгуеву весьма нелицеприятную характеристику: «низкого состояния, пьяница, льстец, ханжа развратного поведения, “питает всегда тайную злобу”, бывший уже под следствием» (см. роман-исследование «Встречь солнцу»).

По архивным данным в 1812 г. в Нижнекамчатске проживали следующие Расторгуевы – сотник Нижнекамчатской казачьей команды Павел Андреевич Расторгуев (26 лет, сыновья: Михаил – 5 лет и Андрей – 2 года), казаки Прокопий Зиновьевич (37), Иван Григорьевич (29), Иван Иванович (18), Анисим Афанасьевич (17), Степан Афанасьевич (16); числившийся за почтовой экспедицией Василий Михайлович (36 лет, сыновья: Михаил – 5 лет и Филипп – 2 года); рядовые Камчатского гарнизонного батальона Михаил Иванович (33 года) и Сергей Яковлевич (29), воспитанники отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона Самуил Григорьевич (17) и Иван Афанасьевич (15 лет), а также писарь Иван Иванович (20 лет) Расторгуевы. То есть контингент этой нижнекамчатской фамилии был самый разный и трудно разобраться, кто есть кто – однофамилец или родственник. Опыт подсказывает – родственники!

Но нас, прежде всего, будут интересовать потомки Василия Расторгуева, так как с упразднением Камчатского гарнизонного батальона и переносом морского порта и военного поста в

Петропавловск и Усть-Приморский (Усть-Камчатск) нижнекамчатцы Расторгуевы разъехались по разным местам, переместились на новые места жительства, и у нас, как выяснилось, в настоящее время есть сведения только о Васильевичах.

Например, Михаила Васильевича Расторгуева мы находим в списках Камчатской экипажной роты за 1847 г., в Петропавловском порту, где он служит марсовым. Как пишется в документе: происходит «из казачьих детей. С 1834 г. на бриге “Камчатка”». (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 1, д. 299.)

В 1852 г. казаки Расторгуевы служили в Усть-Приморском (Усть-Камчатске), куда была переведена казачья команда из Нижнекамчатска: казаки Василий Васильевич (23) и Януарий Васильевич (37) Расторгуевы (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4).

А еще одного представителя этой старинной камчатской фамилии мы находим в Якутске (материал с форума сайта «Камчадалы.ру»:

Расторгуев Степан Иннокентьевич (1864 – после 1904).

Унтер-офицер Якутского казачьего полка, участник РПЭ.

Родился и вырос в Якутии в семье бывшего камчатского казака. Рано осиротев, Расторгуев детские и юношеские годы провел у родственников в селе Марха под Якутском, был вынужден добывать себе средства для жизни, работая по найму. Он оставался неграмотным, но, живя среди якутов, в совершенстве овладел якутским языком. В двадцать лет Расторгуев поступил на службу в якутский казачий полк. Служба его была связана с многочисленными поездками, в результате которых он исколесил всю Якутию и прилегающие к ней регионы. Цели поездок были самые разнообразные. Он развозил почту в самые удаленные уголки края, в 1887 г. участвовал в поисках не вернувшегося на базу во Владивосток минного заградителя «Алеут», за что был произведен в унтер-офицеры, входил в состав различных научно-исследовательских экспедиций. Так, в 1890 г. он сопровождал энтомолога Герца на Камчатку, в 1892 – И. Д. Черского в его последней экспедиции по Колыме, в 1893 – вместе с Э. В. Толлем устраивал продовольственный

склад для экспедиции Ф. Нансена, в 1895 – сопровождал инженера П. Сикорского из Якутска в Аян и далее к Охотскому побережью. В 1896 г. Расторгуев отвозил в Киев душевнобольного ссыльного. На обратном пути ему удалось побывать в Москве и Нижнем Новгороде.

Поездки Расторгуева, в которых он проявил себя великолепным каюром, надежным, приспособленным к суровой, полной опасностей жизни в тайге и тундре человеком, снискали ему широкую известность среди географов и путешественников. В 1900 г. Толль через якутского губернатора предложил Расторгуеву приобрести ездовых собак для экспедиции. В помощники Расторгуеву в качестве второго каюра и переводчика вызвался П. И. Стрижев, уроженец и коренной житель села Казачьего в низовьях Яны.

Расторгуев и Стрижев закупили на Яне 20 лучших ездовых собак, на оленях и лошадях доставили их в Иркутск, а оттуда поездом в Александровск-на-Мурмане, куда подошло из Петербурга судно экспедиции «Заря». Оба каюра были зачислены в штат экспедиции. Они быстро освоились на корабле, научились стоять матросские вахты, выполнять необходимую повседневную судовую работу. Но главным их делом было обслуживание и подготовка нескольких десятков собак и, конечно, участие в многочисленных санных походах во время зимовки у берегов Таймыра.

В начале 1901 г. Расторгуев вместе с лейтенантом Н. Н. Коломейцевым покинул экспедицию. После двух неудачных попыток добраться до Хатанги они пошли на запад по побережью до устья Енисея и далее в Гольчиху и Дудинку.

В 1902 г. по указанию начальства Расторгуев сопровождал очередную научно-исследовательскую экспедицию, на этот раз французскую, на Чукотку.

В 1903 г. он возвратился к делам РПЭ, приняв активное участие в поисковой экспедиции, затем разоружении «Зари». За участие в РПЭ Расторгуев был награжден памятной Золотой медалью.

Дальнейшая судьба Расторгуева не известна. Можно только отметить, что в составе команды судна «Аякс» Сибирской

флотилии, погибшего в 1923 г. на переходе Шанхай-Манила, был механик Степан Расторгуев.

Его именем назван остров в группе о-вов Каменных в шхерах Минина. Описан и назван в 1901 г. участниками РПЭ под руководством Э. В. Толля.

Остров в Таймырском заливе Карского моря. Назван Н. Н. Коломейцевым в 1901 г. именем А. В. Колчака и значился под этим именем до 1937 г. Переименован в о. Расторгуева. В 2005 г. возвращено первоначальное название.

Пролив в Таймырском заливе. Назван Э. В. Толлем в 1901 г. (<http://www.gpavet.narod.ru/rastorguev.htm>).

В 1893 г. в Петропавловске продолжали службу представители рода Расторгуевых, проходящих по морскому ведомству: Расторгуев Аполос Михайлович, кантонист морского ведомства, 1893 г., 20 лет.

Здесь же в этот период проживали и петропавловские мещане Расторгуевы – например, Расторгуев Алексей Михайлович, 29 лет. Жена Анна Алексеевна. Дети: Михаил (2), Петр (15 дн.) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

В начале XX века образовалась еще одна сословная развилка в генеалогическом древе этого старинного рода русских военных – в 1911 г. в Большерецкой церкви Успения Пресвятой Богородицы псаломщиком служит Михаил Расторгуев (ГАКО, ф. 220, оп. 1, д. 52, л. 13).

Но в начале XX века камчадалы Расторгуевы, безвыездно проживавшие в Камаках два столетия, могли бы дать фору Расторгуевым – служивым людям. В 1904–1905 годах в Усть-Камчатскую дружину по защите Камчатки от японских «хищников» вступили сразу пятеро Расторгуевых – Петр, Алексей, Игнатий, Семен и Петр. Все они были из Камак.

Алексей Расторгуев был награжден Георгиевским крестом 4-й степени за участие в боевых действиях в 1905 г. на реке Русаковой. Мы восстановили отчество героя: Расторгуев Василий Игнатьевич. 30 декабря 1905 г. у камчадала Камаковского

селения Игнатия Владимировича Расторгуева и его законной жены Елены Георгиевны родился сын Василий, которого восприняли из купели камчадал того же селения Алексей Стефанович Расторгуев и камчадалская жена того же селения Мария Евдокимовна Расторгуева. (Выписка из метрической книги Нижнекамчатской церкви за 1906 год, ГАКК.)

Но ребенку, родившемуся в годы первых революционных потрясений в России, уготована была трагическая судьба, как и многим из его земляков.

Расторгуев Василий Игнатьевич. Родился в 1905 г., Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Камаки; русский; неграмотный; б/п; был членом рыболовецкого колхоза. Проживал: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Камаки. Арестован 18 апреля 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 10 августа 1938 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Реабилитирован 22 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.

В Книге памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны, мы находим следующую информацию о представителях этой камчатской фамилии:

Расторгуев Александр Яковлевич, красноармеец. 1916 г. р. Призван Усть-Камчатским РВК. Служил в 3-й отдельной штрафроте 48 армии. Погиб 06.11.43 г. Захоронен: г. Элавинг, Восточная Пруссия.

Расторгуев Николай Александрович, красноармеец. 1921 г. р. Призван Петропавловским ГВК. Погиб 10.42 г.

На форуме сайта «Камчадалы.ру» Расторгуевы ищут свои корни:

«Я родилась в Ключах, а бабушка с дедом переехали в Ключи из Камаков. Кроме них, я ничего не знаю о прадедах. Когда жила в Ключах, обращались в архив г. Петропавловска, нам ответили, что данные утеряны. Подскажите, куда еще можно обратиться по этому вопросу. Заранее благодарю и желаю вам всего доброго.

Я знаю только о своей бабушке, Расторгуевой Екатерине Петровне, 1906 г. р. Ее родители – Расторгуев Петр Василье-

вич и мать Ираида Маркеловна. И еще знаю о родном брате бабушки – Расторгуев Захар Петрович. Я была еще маленькой, когда он уехал в Приморье. Сестра – Расторгуева Феня жила всегда в Усть-Камчатске, ее сын Юрий жил в Ключах, его помню, умер, когда я еще жила в Ключах. Помню еще двоюродного брата бабушки – Расторгуева Василия (отчества не помню), и его жена во втором браке – т. Феня. Они жили в Ключах по Колхозной улице».

Возможно, кто-то знает ответы на эти вопросы.

РЕБРОВЫ

В 1745 г. при крещении камчадалов эта фамилия зафиксирована в селении Харчино.

Возможно, ее оставили камчатские казаки Ребровы, но таких сведений у нас нет. Есть, правда, материал на форуме сайта «Камчадалы.ру» об одном из возможных родственников якутских казаков Ребровых (откуда родом представители большинства казачьих камчатских фамилий):

«Робров Иван Иванов (Ребров). Казак Иван Робров был в 1631 г. послан из Тобольска в Мангазею, а оттуда на Лену, где взял с якутов ясак. В 1633 г. Робров спустился вниз по Лене, вышел в “Святое море” и открыл устье Яны. В этом плавании принимал участие енисейский казак, Илья Перфирьев. “И пришед на Янгу реку, – говорит Робров в челобитной, – собрал ясаку 20 соболей и черную лисицу”. В устье Яны Робров поставил зимовье. Вскоре затем Робров вышел из Яны в море и отправился “по морю на новую стороннюю на Индигирку реку, а Собачья тож”, для “прииску новых земель”. На Индигирке Робров поставил два острога и оставался здесь до 1640 года, когда он вернулся в Якутск, совершив путь до Лены морем. Робров был первым русским, побывавшим на Яне и Индигирке. “Преж меня на тех тяжелых службах, на Янге и на Собачьей, не бывал никто, проведаль я те дальние службы”, говорится в челобитной Роброва. В 1642 г. Робров снова отправился в устье Лены, откуда морем перешел в устье Оленека, где оставался до 1647 г. На Оленеке Робров поставил зимовье и занимался сбором ясака. В 1652 г. Робров был послан

морем в Колыму, причем на пути должен был разведать земли, лежащие к северу от устья Яны. На Новосибирских островах Робров, по-видимому, не побывал, а проехал прямо в Колыму. Известно, что в 1653 г. Робров находился в Нижнеколымске, где занимал должность казачьего пятидесятника, как это усматривается из челобитной юкагир (опубликована в сборнике “Колониальная политика Московского государства в Якутии XVI века”). Таким образом, предположение М. М. Ермолаева, что старинное зимовье, найденное Геденштромом на острове Котельном, поставлено Робровым, лишено оснований. Во время сбора ясака Робров нередко встречал сопротивление. Происходили кровавые стычки, во время которых он был 7 раз ранен. У Роброва была “рана стрельная в голову” и “кость спинная перерублена”».

РЕШЕТНИКОВЫ

Происхождение этой камчатской фамилии напрямую связано с деятельностью купца Колесова (см. очерк «Колесовы»).

Интересные сведения об этой фамилии приводит в своих воспоминаниях Феодосий Македонович Бобряков («Воспоминания камчадалов и старожилов Камчатки», Петропавловск-Камчатский, 2007 г.):

«Купец Колесов приехал примерно в 1873 г. из Якутии, у него детей не было. Он привез работника Решетникова и усыновил его детей Иннокентия и Матвея. Фамилию Колесова носили Никита, Константин, который болел лепрой. Он хорошо пел, девки часто ходили его слушать. Иннокентий учился в Иркутске, а Матвей в Японии 2 года, вернулся в 1920-х гг. У Иннокентия первый сын работал зав. клубом. Потом уехал в Петропавловск-Камчатский. Служил в армии, был полковником, командиром дивизии».

То, что Решетниковы из якутов, подтверждают и документы: Решетникова Варвара Иннокентьевна. Родилась 6 декабря 1894 г. Родители – якут Иннокентий Константинович Решетников и законная жена его Екатерина Антиповна, оба православного исповедания. Восприемники – жена якута Константина Решетникова Дарья Никитична Решетникова (то есть ба-

бушка. – С. В.) (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1894 г., ГАКК).

Константин Матвеевич Решетников, как установили краеведы мильковского клуба «Камчадалы», основоположник камчатской династии Решетниковых, родился в 1841 г., а в начале XX века его сын Константин Константинович Решетников (1885 г. р.) был участником обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Он состоял в Ичинской дружине, в которой охраняли западное побережье Камчатки от японцев многие его земляки-мильковчане.

Трагична судьба другого сына Константина Матвеевича – Никиты Константиновича Решетникова. Родился в 1878 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково; русский; б/п; был потомственным рыбаком-охотником. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Мильково. Арестован 3 мая 1932 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 26 августа 1932 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: 5 лет. Реабилитирован 20 июня 1989 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

На форуме сайта «Камчадалы.ру» опубликованы воспоминания его внучки Зибиревой Веры Афанасьевны о том трагическом для Никиты Константиновича и его детей и внуков времени – «дедушку увезли неизвестно куда и где он умер тоже неизвестно, имущество конфисковали, семью выселили из родного дома...»

РУСАНОВЫ

На Камчатке проживало несколько представителей этой фамилии, которые, скорее всего, не были в родственных отношениях.

Например, в селении Апача в 1893 г. в семье отставного казака Ефима Трифоновича Черных жила вдова Фекла Артемьевна Русанова (68 лет), вероятно, мать жены казака – Марии Ильиничны.

В Петропавловске в это же время проживал Русанов Константин Павлович, петропавловский купец 2-й гильдии, 57 лет. Умер 11 декабря 1901 г. Жена – Александра Павловна (33). Сведений о детях нет (Исповедальная роспись Петропавловс-

кого собора за 1893 г. ГАКК; ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 10; Исторические тетради Ирины Васильевны Витер).

В начале XX века мы находим сведения еще об одних петропавловских Русановых – о будущей жене Владимира Николаевича Тюшова, окружного врача, надворного советника, известного исследователя Камчатки: Русанова Ольга Иннокентьевна (1885 г. р.), отец – иркутский мещанин Иннокентий Павлович Русанов. Бракосочетание состоялось в 1906 г. Свидетели: гражданин САСШ Адон Петрович Кантор и кандидат коммерческих наук Юлий Густав Мартинсон. (ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 10; Исторические тетради Ирины Васильевны Витер.)

РЫКОВЫ

Именно с помощью этой фамилии нами был найден «ключик» к решению проблемы двойных фамилий камчадалов и русских старожилов в долине реки Камчатка – в Козыревске, Ушках, Машуре, Щапино, Толбачике. «Шкатулка» с помощью найденного ключа открывалась, действительно, просто. Судите сами: в 1884 г. Василий Софронович Рыков с женою Марией и дочерью Соломонией (указ № 3076) «исключен из наличных душ Козыревского селения», так как таковой не был записан в прошлой 12-й ревизии камчадалом Козыревского селения, «а значится крестьянином Ключевского селения» (см. ЦГА ДВ, ф. 87, оп. 1, д. 155). Последняя запись на самом деле ключевая – она объясняет, почему в долине реки Камчатки так много дублирующих фамилий среди русского старожильческого населения и той части населения, которая официально значится в числе аборигенов-камчадалов: Рыковы, Докучаевы, Краснояровы, Подкоротовы и др. Поэтому, когда мы нашли в документах запись о том, что в 1880 г. Гавриил Никонович Рыков с семейством указом № 2698 переселен из Козыревска в селение Ушковское и записан «камчадалом», то это вовсе уже не значило для нас, что он перестал оставаться русским крестьянином и не мог быть возвращен на свою малую родину – в селения Ключевское или Крестовское – под новой записью о своем этническом «происхождении».

Среди участников обороны Камчатки в 1904–1905 гг. мы

встречаем нескольких Рыковых: Рыков Лукиан (Усть-Камчатская дружина), с. Кресты.

Вот некоторые подробности о нем: крестьянин селения Крестовского, 33 года, женат 16.08.1913 г. вторым браком на Акилине Спиридовне Чуркиной (умершего камчадала селения Козыревского Георгия Иаковлева Чуркина вдове, 26 лет). Поручители: по жениху – крестьяне селения Ключевского Алексей Николаев Ушаков и Василий Григорьев Тюменцев; по невесте – почетный гражданин Иннокентий Иоаннов Ушаков и камчадал селения Козыревского Гордей Иоаннов Черных. Свящ. Михаил Ерохин с псаломщиками Ксенофонтом Михайловым и Григорием Губа (Метрическая книга Ключевской церкви за 1913 год, ГАКК).

Рыков Александр (Усть-Камчатская дружина), с. Козыревск. Рыков Александр Львович – камчадал селения Козыревского, 24 г., сочетался браком 11 июня 1907 г.

Невеста – дочь умершего крестьянина селения Крестовского Аксентия Сергеевича Ушакова девица Елена, 17 лет. Поручители: по жениху – крестьяне селения Ключевского Николай Емельянович Ушаков и Петр Васильевич Ушаков; по невесте – крестьяне селения Ключевского Никандр Маркелович Бобряков и Яков Васильевич Ушаков (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1907 г., ГАКК).

Дочь крестьянина Крестовского селения Василия Софроновича Рыкова Феодосия была первой женой Бушуева Степана Анисифоровича, камчадала Толбачинского селения, ставшего жертвой политических репрессий (см. очерк «Бушуевы»).

РЮМИНЫ (РУМИНЫ)

Мы не знаем, сохранилась ли еще эта фамилия на Камчатке, но документ, на который мы ссылаемся, вселяет надежду, что остались потомки носителей этой фамилии:

Румин (Руман, Рюмин) Афанасий Пантелеймонович. Камчадал Машурского селения. Сочетался браком 18 сентября 1895 г. в возрасте 22 лет с дочерью камчадала Машурского селения Георгия Красноярова (в другом месте документа – Красильниковой) девицей Параскевой Георгиевной (19 лет). Поручители: по жениху – Верхнекамчатский крестьянин Александр

Михайлович Ворошилов, по невесте – Мильковские крестьяне Гавриил Михайлович Мальцев и Андрей Николаевич Плотников. Священник Иринарх Малахов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1895 ., ГАКК.) Умер до 1898 г. Возможно, оставил наследников. Запрос в архив был направлен Попович Валентиной Ванифатьевной – вероятно, представителем этого рода.

Свою фамилию машуриные камчадалы получили от казаков Рюминых (в 1747 г. зафиксирована при крещении камчадалов в селении Кроноки). Первым из этих казаков в камчатской истории прописан Андреян Рюмин – служилый человек, сборщик ясака, бит кнутом в Верхнекамчатском остроге как один из виновников Харчинского бунта (Крашенинников С. П. «Описание земли Камчатки», М-Л, 1949 г., стр. 498, 622, 625, 633).

Но более известен в истории Иван Рюмин – «шельмованный казак», разжалованный из канцеляристов, первый из уроженцев Сибири, писатель и поэт, автор «Записок» и поэмы о путешествии участников Большерецкого бунта 1771 г. из Большерецкого острога вдоль Японских островов и острова Формоза (Тайвань) в Китай и Францию и последующем возвращении части большерецких беглецов обратно в Россию. Вместе с мужем перенесла все тяготы этого «путешествия» и его жена Любовь Саввична («коряжской породы»). По возвращении в Россию Рюмины выбрали для постоянного места жительства Тобольск, куда и были высланы 5 октября 1773 г. Здесь и была написана поэма. А «Записки» были написаны раньше. Вот их полное название: «Описание о разбитии российского города, состоящего в Камчатской земле, называемого Большерецк, и об убитии тамошнего Камчатского главного командира и о взятии находящейся тамо канцелярии и в ней государственной и ясашной казны, мягкой рухляди, также артиллерии с ее припасы, пороху, пушек и прочих воинских снарядов и других материалов; и о забрании в полон несколько разных чинов людей и о взятии казенного морского судна, и о отправлении ж на том со всеми людьми в море, и по выходе в море, о бытии на разных островах и в разных городах и Европе. Соч. с собств.

записок Ивана Рюмина в 773 г. февр. 14 дня», которые долгое время не были опубликованы. Впервые «Записки» его были помещены сначала в «Сыне Отечества» за 1821 г., ч. XXVII и XXVIII, затем В. Н. Берхом в опровержении мемуаров Бениовского – в «Северном Архиве», 1822 г. (№ 5, стр. 376; № 6, стр. 477; за апрель, стр. 3) – и отдельно – «Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским», изд. В. Берх, СПб., Тип. Греча, 1822 (подробнее в романе-исследовании «Встречь солнцу»).

Поэма в рукописном виде хранится в Государственной библиотеке России.

РЯЗАНЦЕВЫ

Крестьяне из села Авача. Происхождение фамилии пока не ясно.

Патриарх этого рода, по всей видимости, Рязанцев Иннокентий Матвеевич: Авача, крестьянин, 1893 г., 51 год. Жена Анна Петровна (39). Дети: Николай (18), Евдокия (15), Евдокия (10), Степан (7), Елена (4), Иван (8 м.) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК). Его старший сын: Рязанцев Николай Иннокентьевич, дореволюционный староста села Авача, основал в с. Авача школу («Вопросы истории Камчатки», вып. 3, 2007 г., стр. 319).

А вот, как «оценили» эти заслуги: Рязанцев Николай Иннокентьевич. Родился в 1875 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Авача; русский; неграмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Авача. Арестован 4 июля 1931 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 10 октября 1931 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: лишен права проживания в 100 км погранзоны. Срок запрета не указан. Реабилитирован 19 февраля 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчаткой обл.

Не обошла стороной судьба и младшего Ивана: Рязанцев Иван Иннокентьевич. Родился в 1892 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Авача; камчадал; малограмотный; б/п; был потомственным рыбаком-охотником. Проживал: Камчатская обл.,

Петропавловский р-н, с. Авача. Арестован 6 мая 1932 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 4 августа 1932 г., обв.: по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Арестован повторно 9 июня 1938 г. Военным трибуналом КПВВ ДВО по Камчатской обл. 7–16 апреля 1939 г., по ст. 58-2 УК РСФСР приговорен к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. Имущество конфисковано. Постановлением КОУ УНКВД от 20 июня 1940 г. на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Арестован в третий раз 27 июля 1941 г. Камчатским облсудом 14 октября 1941 г. по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР приговорен к ВМН. Расстрелян 22 ноября 1941 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл. от 19 декабря 1989 г. Реабилитирован 19 февраля 1990 г. Реабилитирован по этому делу заключением прокурора Камчаткой обл.

Не обошла эта горькая судьба и внуков: Рязанцев Захар Николаевич. Родился в 1900 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Авача; русский; малограмотный; б/п; был членом рыболовецкого колхоза «Красная связь». Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Авача. Арестован 30 марта 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: ВМН. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военным трибуналом ДВО.

Рязанцев Николай Николаевич. Родился в 1903 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Авача; русский; малограмотный; б/п; был членом рыболовецкого колхоза «Красная связь». Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Авача. Арестован 7 апреля 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: ВМН. Имущество (дом, скот, ездовые собаки, оружие) конфисковано. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военным трибуналом ДВО

Рязанцев Виктор Николаевич. Родился в 1910 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Авача; камчадал; образова-

ние 3 класса; был членом рыболовецкого колхоза «Красная связь». Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Авача. Арестован 15 мая 1934 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 29 июня 1934 г., обв.: по ст. 58-2 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 19 февраля 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Но и на этом не закончились все испытания, выпавшие на долю этой камчатской семьи: 13 декабря 1942 г. погиб красноармеец из 48-й мотострелковой бригады Григорий Захарович Рязанцев, 1920 г. р., призванный на фронт Петропавловским ГВК. Похоронен боец в д. Мозури Смоленской области.

САВИНСКИЕ (САВВИНСКИЕ)

В основе происхождения этой фамилии лежит христианское имя Савва. Что же касается камчатской истории казаков Савинских, то первое упоминание относится к 1711 г., когда Лука Савинский принимал участие в преодолении Курильских переливов в составе отряда Ивана Козыревского и покорял коренных жителей островов Шумшу и Парамушир – айну, или курильских камчадалов.

Вполне возможно, что на этом ветвь казаков Савинских (от Луки!) прервалась.

Второе пришествие Савинских на Камчатку связано с формированием в Иркутске Сомовского полка (впоследствии Камчатского гарнизонного батальона), который был размещен в Верхне- и Нижнекамчатске, а также в Петропавловской Гавани.

В 1812 г. в Нижнекамчатске служили следующие Савинские: Савинский Петр Иванович, прапорщик, аудитор Камчатского гарнизонного батальона, 40 лет. Дети его: Иосиф (9), Александр (7), Константин (3), Ольга (6), Павел (2).

Савинский Федор Иванович, унтер-офицер Камчатского гарнизонного батальона, 34 года. Жена Агафья Семеновна (20). Дочь Параскева.

Савинский Алексей Иванович, прапорщик Камчатского гарнизонного батальона, 31 год. Жена Анна Терентьевна (30). Дети: Елена (7), Анна (4). Его сын – Савинский Афанасий

Алексеевич, воспитанник отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, 10 лет. (Камчатские росписи 1812 г. Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Судя по возрасту, Петр, Федор и Алексей Ивановичи Савинские – родные братья. Аудитор Петр Иванович Савинский проходил по материалам следствия о заговоре и попытке покушения на командира Камчатки генерал-майора Кошелева (см. роман-исследование «Встречь солнцу»).

Вот что пишет по поводу нижнекамчатских Савинских краевед В. И. Борисов (очерк «Савинские», «Пойдем ныне по своему Отечеству», Сборник историко-краеведческих статей, выпуск № 3, г. Петропавловск-Камчатский, 2005 г.):

«Первые упоминания о появлении Савинских в нижнем течении р. Камчатки относятся к началу XIX в. Известно, что Петр Савинский в самом начале XIX в. из Нижнекамчатска писал приказчику Российско-Американской компании Т. Хлебникову и поздравлял его с днем ангела. В Усть-Камчатске упоминание фамилии относится к 70-м гг. XIX в. В метрических книгах Нижнекамчатской Успенской церкви в 1873 г. упоминается: Семен Петрович Савинский, 1842 г. р. (видимо, сын упомянутого Петра. (Вряд ли, сын – Петру Ивановичу в год рождения Семена Петровича было бы уже 69 лет. – С. В.) Казак проживал в 1873 г. в Усть-Камчатске, был женат на Ульяне Ивановне, 1849 г. р., у них незаконнорожденный сын Петр. В метрической книге Нижнекамчатской церкви за 1876 г. упоминается Викентий Дмитриевич Савинский, казак, он тоже проживал в Усть-Камчатске, был женат на Наталье Алексеевне, у них были дети Николай, 1876 г. р., и Анна, 1881 г. р. (Метрическая книга за 1881 г.). Александр Дмитриевич Савинский женат на Агафье Ивановне, в 1881 г. имел дочь Матрену, 9 октября 1881 г. р.

11 июля 1896 г. родилась Ефимия. Родители – отставной казак Усть-Камчатского отряда Антип Дмитриев Савинский и законная жена Вера Захаровна.

Антип Дмитриевич Савинский, его жена Вера Захаровна Попова, у них были дети – Мария, Шура, Наталья, Валенти-

на, Петр, Анфиса, Анисья, Ефимья, Ольга. (Устное сообщение Ольги Антиповны Савинской (Юрьевой), г. Ключи, сентябрь 1991 г.) Екатерина Константиновна Портнягина (Родионова) в сентябре 2003 г. рассказывала: “Анисья вышла замуж за Сновидова Семена. Детей не было, ее лечил японский врач, затем вышла замуж за Шурыгина Тараса”. Ефимья вышла замуж за жителя Ключей Василия Флавиановича Коллегова. (Устное сообщение О. А. Юрьевой.) Мария вышла замуж за Петра Мutowина, Наталья – за Василия Егоровича Сновидова. (Устное сообщение Е. К. Родионовой, октябрь 2003 г.)

Не избежали Савинские репрессий. 20 марта 1932 г. был арестован и 19 мая 1932 г. осужден Алексей Викентьевич Савинский, 1883 г. р.

(1883 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Усть-Камчатск; русский; образование: малограмотный; был псаломщиком церкви.; место проживания: Камчатская обл., Усть-Камчатский р-н, с. Усть-Камчатск. Арест.: 20.03.1932. Осужд. 19.05.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: 3 года к ссылке в Западную Сибирь. Реаб. 21.02.1990. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.)

Алексей Викентьевич был женат на Марии Александровне Поляковой, 1901 г. р., дочери казака из Усть-Камчатска. У них были дети: Наталья, Дарья, Алексей, 4 мая 1923 г. у них родился сын Николай – погиб во время Великой Отечественной войны. (Устное сообщение Е. К. Радионовой, июль 2002 г.)».

Вполне возможно, что нижнекамчатская ветвь Савинских разошлась на северную (гижигинскую – линию Федора) и южную (усть-камчатскую – линия Петра и Дмитрия).

То, что гижигинские Савинские имеют прямое отношение к офицерам Савинским, отмечено в их формулярах:

Из «Формулярного списка бывшего начальника камчатской казачьей команды сотника Давида Федоровича Савинского», датированного 13 мая 1892 г.: «Давид Федоров сын Савинский – бывший начальник камчатской казачьей команды... Вероисповедание православное. От роду 65 лет. Имеет на Георгиевс-

кой ленте бронзовую медаль за участие в войне 1853 и 1856 годах, золотую медаль с надписью “За усердие для ношения на шее на Станиславской ленте, орден Св. Станислава”. Получал в год жалования 468 руб., столовых 366 руб. Давид Федорович был «из дворян, росту 2 аршина, 71/2 вершков... грамоту знает, в 1854 г. был в действительном сражении противу англо-французской эскадры, бомбардировавшей Петропавловский порт с 18-го по 28 августа 1854 года, а также находился при блокаде в оном же порте в 1855 г., время это зачислено службы вдвое». (Сохранен стиль документа.)

Давид Федорович Савинский родился в 1829 г., умер 29 июля 1893 г. (от паралича сердца. – С. В.). Он имел четырех сыновей, в 1893 г. Федору был 31 год, Андрею – 28 лет, Ивану – 26, Давиду – 21, и дочерям – Елене – 33 года, Ольге – 17 лет, Екатерине – 13 лет.

В Петропавловске кроме семьи Д. Ф. Савинского проживал Иннокентий Федорович Савинский, 1844 г. р. (видимо, родной брат Д. Ф. Савинского), а также его дети: Анна Иннокентьевна, 1875 г. р.; Александра Иннокентьевна, 1884 г. р.; Александр Иннокентьевич, 1861 г. р.

Старший сын Федор Давидович родился в 1862 г. Умер 3 февраля 1916 г. «Формулярный список о службе казачьих чинов камчатской казачьей команды, Усть-Камчатского казачьего отряда: Зауряд-хорунжий. Федор Давидович из офицерских казачьих детей, уроженец Камчатской области, города Петропавловска. На службу поступил в Петропавловскую казачью команду, казаком в 1881 г. Приказом Г. Военного губернатора Приморской области, от 3 января за № 1, был произведен в пятидесятники. Имеет: на Аннинской ленте серебряную медаль с надписью “за усердие” для ношения на шее. На ленте из Государственных цветов, за труд по первой всеобщей переписи населения в 1897 г., темно-бронзовую медаль для ношения на груди. В 1893 г. исполнял обязанности начальника Камчатской казачьей команды. После службы в Петропавловске был переведен частным командиром в Усть-Камчатский казачий пост. Ф. Д. Савинской был женат на Анне Егоровне (Георгиевне) Сновидовой, у них были дети:

Давид Федорович (2) (1903–1972) , Екатерина Федоровна (1907–1999), Иннокентий» (В. И. Борисов).

Казаки Савинские приняли самое активное участие в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. Усть-Камчатскую дружину возглавил Усть-Камчатский частный командир Федор Давидович Савинский. В состав этой дружины вошли также казаки Николай и Иван Викентьевичи и Александр Дмитриевич (?) Савинские, кантонист Алексей Викентьевич Савинский (который впоследствии стал «врагом народа»).

Ядром Петропавловской дружины были потомки героя Крымской кампании (обороны Петропавловского порта) – Андрей Давидович, Давид Давидович и Иван Давидович Савинские.

Выше мы писали уже, что Федор Давидович Савинский породнился с нижнекамчатскими Сновидовыми, а его сын, Савинский Давид Федорович, продолжил эту традицию и *«был женат на Евдокии Хрисановне (Кирсановне) Петровой (первым браком). У Давида Федоровича дети – Федор, 1933 г. р., Лидия, 1935 г. р., Линина, 1937 г. р., Алла, 1942 г. р.»*.

12 августа 1939 г. «Камчатская правда» сообщала: «Нижнекамчатский колхоз “Путь Ленина” своим делегатом на выставку посылает председателя колхоза Савинского Давида Федоровича. С 1931 г. т. Савинский работает в колхозе. Прошел большую колхозную школу. По 1935 г. т. Савинский на колхозной рыбалке. В 1935 г. выдвинут колхозным счетоводом, где он проявил себя как хороший, способный, талантливый руководитель и хозяйственник. В этом году, как хорошему работнику, колхозники оказали большое доверие, избрав председателем колхоза. Вместе с собой тов. Савинский везет письмо колхозников великому вождю нашей партии Иосифу Виссарионовичу Сталину, единодушно принятое на колхозном собрании и подписанное колхозниками, в котором колхозники благодарят тов. Сталина и правительство за радостную колхозную жизнь».

Екатерина Федоровна вышла замуж за Афиногена Васильевича Греченина. у них дети: *«Зоя, 1927 г. р., Геннадий, 1928 г. р., Федор, 1930 г. р., Леонид (Леонард), 1932 г. р., Алевтина, 1934 г. р., Валерий, 1939 г. р., Людмила, 1942 г. р., Ленина. 1945 г. р.»*

В начале 1918 г. в большинстве селений Камчатки были образованы Советы. Казачьи команды распущены, встал вопрос об организации вооруженной охраны – милиции. Первым начальником милиции Усть-Камчатской волости избран И. А. Савинский, с марта 1918 г. начальником милиции избирается Д. А. Савинский. Используются документы: РГИАДВ. Ф. 1381. Оп. 1. Д. 6. Л. 24. РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2519. Л. 57. ГАКО Ф. 220. Оп. 1. Д. 53. Л. 332. ГАКО Ф. 185. Оп. 5. Д. 1. Л. 118, 119об. ЦГАДВ. Ф. 1009. Оп. 2. Д. 140. Л. 36об. ЦГАДВ. (В. И. Борисов).

Один из потомков казаков Савинских – красноармеец Александр Дмитриевич Савинский освобождал от японцев покоренные некогда его предком Лукой Савинским Курильские острова и навсегда остался лежать в братской могиле на острове Кунашир (погиб 10 ноября 1945 г.).

СВЯТО ЧТИМ ПАМЯТЬ ДЕДА

Одна из наиболее ярких страниц прошлого Камчатки – героическая битва Петропавловского гарнизона с англо-французской эскадрой в 1854 г. В сентябре Россия отмечает 150-летие со дня этой победы. Естественно, первыми не только по времени, но и по праву победителей отметят дату жители Камчатки. С начала 2004 г. идет работа по подготовке юбилейных торжеств, и ученые, историки, краеведы по крупицам собирают сведения об этой битве. Не остаются в стороне и средства массовой информации – журналисты различных изданий тоже заняты поиском. И самым большим подарком, как для них, так и для краеведов, можно назвать письма от родственников участников героической обороны Петропавловска. Наша редакция совсем недавно получила именно такой бесценный подарок: почтальон принес нам письмо от Зои Афиногеновны Соболевой, которая проживает в г. Ангарске, Иркутской области.

«Вся наша семья (теперь разбросанная по России) свято чтит память о нашем прадеде Давиде Федоровиче Савинском и гордится им. Данные, которые я приведу, взяты из семейного архива, жаль только что сохранилась очень плохая фотография его, которую трудно воспроизвести. Я надеюсь, что эта историческая (и как теперь говорят, судьбоносная) дата

будет достойно отмечена в городе, где бы очень хотелось побывать, но на пенсию этого, увы, не сделаешь. Я родилась в 1927 г. в селе Нижнекамчатске, бывшем Нижнекамчатском остроге, где Беринг строил свои корабли для Второй камчатской экспедиции. Моя мать Греченина (урожденная Савинская) Екатерина Федоровна была внучкой Д. Ф. Савинского – одной из примечательных личностей в былой истории Петропавловска. Д. Ф. Савинский родился в 1829 г. Молодым пятидесятником пришел он в 1852 г. из Гижигинской запасной сотни в Петропавловскую казачью команду и прослужил в ней до самой своей смерти. Камчатка тогда оказывалась в тяжелейшем положении. Не хватало людей, не было хорошего стрелкового оружия, почти не было артиллерии, ядер, пороха, медикаментов. Не было ни одного боевого корабля. Очень малы были и запасы продовольствия. Еще в 1849 г. губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев доносил в Петербург, что Камчатка должна иметь военные средства. Но ни денег, ни пушек, ни кораблей Петропавловску не отпустили. К моменту обороны гарнизон города насчитывал всего 230 человек, вооруженных кремниевыми гладкоствольными ружьями. В порту имелось лишь шесть 36-футовых пушек и два бомбических орудия. Был только один фрегат “Аврора”, который пришел после полукругосветного плавания с большими цингой моряками, и транспорт “Двина”. Военный губернатор В. С. Завойко призвал все население полуострова приступить к организации обороны. Изодня в день от зари до сумерек люди работали не за страх, а за совесть. В короткий срок было сделано, казалось бы, невозможное. Как писали тогда американские газеты: “Горстка людей создала твердыню в таком ничтожном месте, как Петропавловск, где англичане съели такой гриб, который останется позорным пятном в истории просвещенных мореплавателей, и который не смоют волны всех пяти океанов”. 1 сентября 1854 г. состоялся десятичасовой бой. Горстка защитников города, включая стариков и детей, плохо вооруженная, ограниченная в боеприпасах, движимая беззаветной любовью к Отчизне, сумела дать сокрушительный отпор захватчикам. Врагу не помогли подавляющее численное превосходство в кораблях, людях,

артиллерии, большое преимущество в качестве оружия. Произошло одно из самых отчаянных сражений, где русские вместе с местным населением показали величайшее хладнокровие и храбрость. В списке казаков, оборонявших город, значилась и фамилия моего прадеда – Давида Федоровича Савинского. В послужном списке его было записано: “участвовал в боевых действиях 1854–1855 гг.”. Он был награжден бронзовой медалью с надписью “В память войны 1853–1856 годов” на георгиевской ленте. С лентой ордена Георгия медаль предусматривалась только для непосредственно участвовавших в боях. 5 декабря 1862 г. прадед стал управляющим казачьей команды в Петропавловске и занимал эту должность до конца своих дней. 24 января 1874 г. его произвели в первый казачий офицерский чин. Он стал хорунжим XIV класса. Через 12 лет Савинский получил следующий чин – сотник XII класса. В 1889 г. во время празднования 35-летия победы в бою, в Петропавловске проживало лишь три ветерана. Празднование в тот год получилось необыкновенно торжественным. Незадолго до 24 августа в порт зашел клипер “Разбойник”, который принял участие в торжествах. Моряки занялись приведением в порядок братских могил. В городе тогда проживало немногим более 400 человек. С клипера дали пушечный салют. Отслужили панихиду, и состоялся крестный ход. Казаки были в мундирах с красными клапанами и кривой полусаблей на широкой портупее. Прошла неофициальная часть на Никольской сопке. В центре внимания во время парадного обеда были три участника славного боя – Савинский, давно уже слывший живой летописью города, и два отставных унтер-офицера. Спустя некоторое время Д. Ф. Савинский за долголетнюю службу был награжден орденом Станислава третьей степени. Награждался он еще золотой медалью на станиславской ленте с надписью “За усердие”. С 1852 г. Савинский ни разу не покидал Камчатку. В течение 40 лет он был свидетелем и участником всех событий на далекой окраине России. Умер он 17 (29) июля 1893 г. в 64-летнем возрасте. Его портрет находился в музее Русской славы в Петропавловске. Один из его сыновей, Федор Давидович, также имел награды за труды и усердие, служа частным коман-

диром казачьей команды в Усть-Камчатске. Он обручился со Сновидовой Анной Егоровной – дочерью пономаря. У них было пятеро детей, в том числе и моя мать. Потомки Д. Ф. Савинского живут на Камчатке (мои братья – Греченины Леонард и Федор) и в других уголках России. Я очень люблю свою Камчатку, горжусь ее славным историческим прошлым и своим прадедом – Давидом Федоровичем Савинским».

Газета «Вести», 2004 г.

САДИЛОВЫ

Есть только одно информационное сообщение об этой фамилии:

Садилова Ульяна Степановна, вдова мещанина в Нижнекамчатске, 1812 г., 39 лет. Дети: Петр (18), Висарьон (15), Акилина (12), Минодора (10). (Камчатские росписи 1812 г. Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

САДОВНИКОВЫ

На Камчатке, по всей видимости, существовали три ветви фамилии Садовниковых.

Первая – по линии казаков Садовниковых.

Вторая – по линии камчадалов Садовниковых, которые получили свое крестное имя от казаков Садовниковых.

И третья ветвь – по линии мильковских крестьян.

Казачья ветвь угасла еще в 18-м столетии. О мильковских крестьянах Садовниковых информации в нашей картотеке очень мало, разве что: Садовников Иван Федорович, крестьянин селения Мильковского женился 1 апреля 1912 г. на дочери крестьянина Ключевского селения Ильи Федотовича Ушакова Марии.

Есть еще интересная информация в книге В. Л. Комарова «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг.»: «...старое коренное население Щапиной вообще вымерло, кроме одного только, теперь уже сильно больного старика Попова. Остальные щапинцы – новоселы; два дома Краснояровых переселены из

Мильково, два дома Беляевых – из Верхнекамчатска, Мерлин – из Машуры, Садовников – из Толбачика; вот и все семь домов Щапиной».

Но, как известно, в села аборигенов центральной Камчатки переселяли не только местных крестьян, но и камчадалов с западного побережья полуострова – поэтому щапинские Садовниковы, переселенные из Толбачика, могли принадлежать к западнокамчатским камчадалам. И мы нашли очень интересный материал у Карла фон Дитмара в книге «Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг.»: «Нигде в Камчатке мне так не бросилось в глаза, насколько мало население Толбачи (17 мужчин и 16 женщин) переняло русские нравы, обычаи и язык. Из женщин, вероятно, ни одна не говорила по-русски, из мужчин говорила только самая малая часть. Русское влияние сказывалось только во внешнем виде деревни – в постройке домов, в огородах при них, обещавших теперь хороший урожай, и в содержании домашних животных (12 голов рогатого скота и 5 лошадей); весь остальной склад жизни остался чисто камчадалским. ...Тойон, уже довольно пожилой человек, лет двадцать тому назад был насильственно переселен сюда вместе со своими родителями с западного берега и до сих пор еще с удовольствием вспоминал о старой родине – Морошечной».

Фамилия камчадалов Садовниковых, полученная ими в 1749–1750 гг. при крещении именно в селении Морошечном, сохранялась, по крайней мере, до начала XX столетия, а потомки Садовниковых благополучно проживают на Камчатке и по сей день – это известные соболевские Лобачевы (Гоняевы, Михневы). Вот какие подробности мы знаем о них:

Ревизская сказка о 13-й народной переписи камчадалов Морошечного селения Петропавловского округа Приморской области марта 2-го дня 1890 г. (ГА ДВ, ф. 87, оп. 5, д. 144).

Федор Львович Садовников – 45 лет.

Его сыновья: Егор – 23 года, Андриян – 19 лет, Никифор – 9 лет, Гавриил – 1 год.

Егора сын Даниил – 3 года.

Жена Федора Агафья Ефимовна – 38 лет. Дочери его: Мария, Евдокия. Падчерица его же Анна Кирилловна Черных.

Его же двоюродная сестра Мария Степановна Садовникова. Жена Егора Анна Иосифона.

Лобачевы (по данным самих потомков):

Прадед: Садовников Трофим (1884(?)-1919, с. Морошечное). Бабушка: Садовникова Пелагея Трофимовна (1885-1959, с. Морошечное), Садовников Гавриил (?), второй муж Тескин

Мать и отец: Лобачева Марина Гавриловна, 1916-2001 (сс. Морошечное, Облуковина, Ича), Лобачев Павел Георгиевич, 1914-1997.

Дети:

1. Василий (1936-1971);
2. Надежда (1937-1937);
3. Володя (1939);
4. Петр (1941);
5. Георгий (1943-2008);
6. Виктор (1940);
7. Зинаида (1948);
8. Ольга (1951);
9. Галина (1953);
10. Нина (1956).

1.1. Василий, жена Рита (дочь Наталья и внебрачный сын Сергей) (во втором браке сын Андрей).

1.2. Надежда.

1.3. Владимир, жена Валентина (дочь Елена, муж Владимир Тарпунов, дочь Дарья, сыновья Сергей и Андрей, сын Валерий, жена Ирина, сын Андрей, дочь Наталья, муж Сергей, сын Павел, сын Алексей).

1.4. Георгий, жена Алла, сын Костя и дочь Анжела; вторая жена Людмила, сын Алексей.

1.5. Петр, жена Людмила, сын Александр (у него тоже сын), дочь Наталья, муж Александр, дочери Маша, Катя, Ксения.

1.6. Виктор, жена Нина, сыновья Алексей (женат, дочь) и Руслан.

1.7. Зина, муж Иван Вельмискин, дочь Марина, муж Виталий Попов (дочь Анна).

1.8. Ольга, муж Александр Гоняев, сын Андрей, дочь Татьяна (муж Сергей, сын Данила), дочь Саша.

1.9. Галина, Александр Тешов, сын Василий (жена Наталья, дочь Анна), сын Николай (жена Анна, сын Саша).

1.10. Нина, муж Александр Михнев, дочь Ольга (муж Денис Рыбчак, сын Гена), сын Иван, сын Павел.

Воспоминания соболевского краеведа Ольги Гоняевой о своих родителях.

Родители моей матери – Садовниковы Пелагея Трофимовна и Гаврила (отчество бабушки на данный момент неизвестно) – жили в с. Морошечное в Тигильском районе. Они были чистокровными ительменами. Судя по воспоминаниям, это были очень добрые люди. Дедушка умер совсем молодым, ему не было и 30 лет. В с. Облуковино строилась церковь, работа была тяжелая, бревна носили вручную. Надорвавшись, дед умер. Моей маме на тот момент было три года, но она помнила своего веселого, работающего и доброго отца. Она вспоминала похороны, как плакала мама, и она не понимала, куда же несут отца. Бабушка Пелагея (мы называли ее бабушка Поля), была очень интересным, неординарным человеком. Помимо веселого нрава природа наделила ее знахарским, я бы даже сказала, экстрасенсорным даром: собираясь на охоту, мужчины поселка заходили к бабушке за советом – стоит идти или нет. Если бабушка говорила, что охоты не будет – то можно было смело оставаться дома. Она знала очень много лекарственных растений и трав и как их использовать. Часто лечила она не только травами, но и руками: однажды зимним вечером к нам пришел мужчина, у которого был открыт рот. Мы, ребяташки, были тогда маленькие и очень испугались, побежали к маме. Мужчина показал, чтобы подали карандаш и бумагу – он написал на листе, что он зевнул и не смог закрыть рот. Бабушка дотронулась до его челюсти рукой и за одну секунду вправила челюсть на место. Было много случаев на моей памяти, что приходили люди – лечить голову. Бабушка брала полоску белой хлопчатобумажной ткани и древесный уголь, обхватывала одной рукой этой полоской голову больного человека от лба до затылка, а другой ставила углем метку в области переносицы, висков и затылка. Затем она снимала эту полоску с головы, складывала ее пополам и смотрела на соотноше-

ние сторон. На ту сторону, которая была больше, бабушка воздействовала руками. Руки у нее были нежные, мягкие, чуткие, пластичные, за два-три приема боль у людей проходила. Так же бабушка ставила на место позвонки, ребра и ребенка в животе у беременных женщин, принимала роды, заговаривала чирьи и ячмени (что передалось моей маме и сестре Галине). В какой-то степени она была доброй колдуньей – в её власти были привороты: она приворожила моему старшему брату Василию его будущую жену, которая не хотела быть с ним. Но бабушка предупредила брата, что приворот будет действовать до тех пор, пока она жива. Так и случилось. В лесу на большом расстоянии бабушка чувствовала зверя. При этом бабушка хорошо пела и танцевала, знала много сказок, которые мы с интересом слушали.

Из рассказов моей мамы, Лобачевой Марии Гавриловны.

Село Морошечное – это сказочная страна изумрудного цвета, потому что село было окружено сопками, сплошь покрытыми кедровым стлаником. Они ходили в сопки, собирали кедряч, на море собирали чаячьи яйца в турсуки (плетенные из травы корзина с ляжками), складывали их в земляном подполе. Из земли вырывали клубни сараны, кимчиги, овсянки и ели ее как картошку. Сельчане заготавливали много черемши – ее сушили и солили. Собирали много ягоды. Сахар был редкостью, поэтому голубицу и жимолость пересыпали сверху толстым слоем шикши, чтобы избежать сильного брожения. Также ягоду сушили на печке, потом ели, как изюм. Жители села Морошечное занимались рыболовством: ставили запоры (ловушки для рыбы), сети плели из крапивы.

Рыбу на зиму сушили (юкола), для чего из тальника строили летние балаганы, и солили в бочках. Заготавливали для собак рыбу в земляных ямах, называемых ительменами «шайбы», а «блюдо» это именовали «кисла». Икру не солили, а сушили на заборах и балаганах. Недалеко от посёлка кочевые коряки пасли оленей, у них местные жители меняли рыбу, ягоду, черемшу на оленину. А в зимнее время в меню ительменов появлялся ещё один пункт, называемый «мозгованием»: из мозговой кости оленя добывали замороженную жидкость и

лакомились. Также наши предки ели медвежье, нерпичье мясо. Шкуркой нерпы подшивали лыжи. В лесах водилось много дичи: гуси, глухари, куропатки, утки. Главным показателем благосостояния местных жителей была сытость. Поэтому работающий хозяин жил хорошо.

Передвижение осуществлялось на собачьих упряжках. У каждого дома было не менее десяти-четырнадцати собак. Конечно, такое количество «лошадиных сил» требовало большого количества рыбы. Вот для этого и использовались «кисла» и юкола. Когда зимой открывали «шайбы» и кормили собак, вокруг стояла невыносимая вонь.

Возле дома моей мамы рос старый тополь (по её воспоминаниям ему было не менее ста лет!). Когда ей было лет шесть – семь родители построили ей в дупле этого дерева домик. Внутри этого дома было достаточно уютно для «летней квартиры». Маленькая хозяйка даже солила там рыбу в деревянном бочонке по примеру взрослых и играла куклами, сшитыми собственными руками. Очень важными навыками, которыми наделила её бабушка Поля были любовь к рукоделию и усидчивость: они сами выделывали шкуры, шили из них вещи и украшали их вышивкой из бисера и бус с различными аппликациями. Нити изготавливали из жил оленя.

В 1934 г. в село Морощечное приехал молодой учитель Лобачев Павел Георгиевич, которому на ту пору было 18 лет. Он увидел шестнадцатилетнюю красавицу-ительменку. Молодые люди полюбили друг друга. Интересной была их первая встреча. Отец увидел маму и стал смотреть на неё, не отводя глаз. Мама закрыла лицо руками и стала кричать «Ой, не смотри на меня!» Такой она была стеснительной... Эту любовь они пронесли через всю жизнь. Вместе мои родители прожили 63 года, и, как говорится, только смерть смогла их разлучить. Вскоре после знакомства они поженились. В семье родилось десять детей: пять девочек и пять мальчиков. Но второй ребёнок (девочка Надя) прожила недолго – не больше двух недель.

В 1948 г. мои родители переехали в посёлок Ича Соболевского района, где мой отец был также назначен учителем, а

затем заготовителем пушнины. 24 декабря этого же г. случилось страшное событие: на посёлок обрушилось цунами.

Ничто не предвещало беды. Отец мой в этот день должен был ехать в город, чтобы отвезти на собачьей упряжке управляющего. По счастливой случайности он остался дома. Вечером уже стало ясно, что происходит что-то страшное: море ушло, а затем с обрушающей силой обрушилось на посёлок. Солёная, ледяная морская вода вперемежку с шугой и огромными глыбами льда сметали всё на своём пути. Стихия не жалела ничего и никого: собак, сидящих возле домов, зазевавшихся людей, жилища... Мои родители, бабушка и пятеро детей оказались в ледяном плену: льдины врывались в дом, срывая двери с петель. Отец перенёс семейство в близстоящую баню и обложил всех шкурами, чтобы не замёрзли. А сам всю ночь выгребал шугу вокруг бани, чтобы она не развалилась. К утру пришла помощь с посёлка. Всех перевели в центр рыбокомбината Ича. Мужчины остались откапывать жилища и уцелевшее имущество. На память об этом страшном дне осталась супница с отколотым краем. Она сейчас хранится как семейная реликвия у моей старшей сестры Зинаиды, которая родилась через четыре дня после этого происшествия.

После цунами семья переехала в село Облуковино, где родилась и я. В 1951 г. наша семья переехала в село Соболево. Переезд был очень тяжелым: в апреле ехали на собаках, гнали коров. Отец стал работать также заготовителем пушнины. В Соболево мы жили в однокомнатном доме, разделённом занавесками. Сейчас на месте нашего дома построено здание госбанка. Мне было три месяца, когда мы переехали, а воспоминания, связанные с селом, начались у меня в три года. Первое, что я помню, – это известие о смерти Сталина: на побеленной стене висит большая черная тарелка-радио, рядом стоят мои родители и дети, на их лицах растерянность и горе. Не стало вождя...

САЛАМАТОВЫ

Эта фамилия в 1745 г. появляется в камчадальском селении Камаки. Первоначально она принадлежала камчатскому казаку Никифору Саламатову, о дальнейшей судьбе которого нам

ничего неизвестно (Крашенинников С. П. «Описание земли Камчатки», М-Л, 1949 г., стр. 556, 593, 598, 611).

Последние камаковские Саламатовы известны нам под 1852 г.: Герасим Григорьевич, камчадал Камаковского селения, 1812 г., 16 лет (Камчатские росписи 1812 г. Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4) и его сын Андрей Герасимович, камчадал в селении Камаковском, 26 лет (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4).

СЕНОПАЛЬНИКОВЫ (САНАПАЛЬНИКОВЫ)

У нас пока есть только два упоминания об этой фамилии: Санапальников Прокопий, кантонист. Участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Тигильская дружина), с. Тигиль.

Скорее всего, это сын Сенопальникова Прокопия Самойловича, отставного казака из Тигиля, которому в 1893 г. было 54, он имел двух сыновей – Василия Прокопьевича Сенопальникова, кантониста, 29 лет, и Прокопия, 6 лет, а также дочерей Матрену (3) и Минадору (2) (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК).

САНДАЛИНЫ

Сандалин Эдмунд Туров. Купец 2-й гильдии в 1893 г., 74 года, лютеранин. Умер в Петропавловске 3 ноября 1896 г. Жена Ирина Васильевна (правосл., 40), ее незаконнорожденный сын – Степан (11) (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 10; Исторические тетради Ирины Васильевны Витер). Дальнейшая судьба фамилии неизвестна.

САННИКОВЫ

Это очень известная камчатская казачья фамилия. А прославил ее казак, мореход Евтихий Санников – *«Санников Евтихий, зверопромышленник. Служивый из Нижнекамчатска – участник первой “складственной” компании Е. Басова, мореход на шитике “Петр”. Впоследствии вышел из компании и*

продал свои два пая селенгинскому купцу Андреяну Толстых. В 1747–1752 гг. мореход на “Иоанне” Андреяна Толстых (который был передовщиком). На “Иоанне” были завезены на Атту голубые песцы с Командорского острова (в 1759 г. уже добыто там около тысячи). С. 1745 г. началась тяга промышленников в “Восточный океан” на поиски “неизвестных островов”, усмотренных В. Берингом и А. Чириковым в 1741 г. Толчком к этому движению был исключительный успех сержанта Емельяна Софроновича Басова и промышленника Евтихия Санникова: они зимовали на о. Беринга в 1743/44 г. и вернулись 13 августа 1744 г. на Камчатку с богатейшим грузом ценных мехов (более 5 тыс. шкур котиков и морских бобров). Летом 1745 г. они снова занимались там промыслом, причем 30 июля впервые высадились на о. Медном, закончив, таким образом, открытие Командорской группы. После зимовки летом 1746 г. они плыли дальше на восток и видели Ближние Алеутские о-ва, но не могли пристать к ним. Вновь побывав на о. Медном (7 июня – 25 июля), Басов описал его. На Камчатку промышленники вернулись 31 июля с огромной добычей – около 8 тыс. шкур котиков, морских бобров и голубых песцов». (Зубкова З. Н. «Алеутские острова», М., 1948 г., стр. 13). Более подробно об этом см. в цикле очерков «Покорители Великого океана».

В Нижнекамчатске эта фамилия упоминается в последний раз в 1812 г.: Санников Василий Киприянович, Почтовой экспедиции почтальон, 27 лет, и вдова рядового (возможно, происхождением из казаков) Камчатского гарнизонного батальона Екатерина Егоровна Санникова.

В 1750 г. эта фамилия появляется и у новокрещеных камчадалов Горбуновского острожка, расположенного в долине реки Камчатка, недалеко от Нижнекамчатского острога, но и исчезновением самого острога исчезает и фамилия.

САХАРОВЫ

Наиболее ранние сведения о Сахаровых относятся к 1840-м гг., когда один из купцов Сахаровых был старостой Петропавловска.

Следующие сведения об этой фамилии на Камчатке связа-

ны с Петропавловской обороной: «Жители города составляли отряд из 18 волонтеров. Как отмечалось в воспоминаниях участников последнего боя, 16 камчадалов-охотников, расположившись на гребне Никольской сопки, метко поражали своими выстрелами отступавшего противника. Известно, что в бою погибли купец Калмаков, сын купца Сахарова, камчадал Дурьнин».

Сахаровы впоследствии были петропавловскими мещанами, многие из которых проживали на «выселках» – в Халактырке и Хуторе.

Есть интересные сведения за 1878 г.

Сахаров Иван, мещанин г. Петропавловска, 1878 г.: «В донесении Петропавловского окружного исправника главному командиру портов Восточного океана от 8 июля 1878 г. говорилось о найденных 4 июля мещанином Иваном Сахаровым под водой недалеко от берега Авачинской бухты двух медных пушек. Расследование показало, что обильно украшенные резьбой медные пушки были зарыты в песок в период Крымской войны, а место сокрытия впоследствии было забыто. И хотя изрядно поржавевшие орудия оказались не годными к использованию, начальство подало ходатайство о вознаграждении Сахарова» (Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 104).

Сахаров Алексей Григорьевич. Родился в 1902 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Халактырка; русский; малограмотный; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Халактырка. Арестован 29 марта 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: 10 лет. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО. Источник: База данных о жертвах репрессий Камчатской обл.

Красноармеец Сахаров Леонид Васильевич (1922 г. р.) участвовал в Курильском десанте, погиб 18 августа 1945 г. и захоронен на месте боев на о. Шумшу.

СЕВАСТЬЯНОВЫ (САВАСТЬЯНОВЫ)

Эта казачья фамилия появилась на Камчатке в начале XVIII века, но постепенно угасла. Первое упоминание – Севастьянов (Щепеткой) Василий, казачий десятник, приказчик Камчатки («Колониальная политика...», стр. 35, 36, 41, 43). Последнее упоминание: Савасьянов (Севастьянов) Григорий Иванович, казак Нижнекамчатской казачьей команды, 34 года. Жена Мария Петровна (23). Дочь Параскева (1). (Камчатские росписи 1812 г. Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

СЕКЕРИНЫ (СИКЕРИНЫ, СЕКИРИНЫ, ПУШКИНЫ)

Гурьев Семен Селиверстович, сосланный в 1762 г. на Камчатку вместе с Петром Хрущовым, в 1771 г. не примкнул к Большерецкому бунту (см. роман исследование «Встречь солнцу»), так как за период ссылки он женился на дочери большерецкого «сотника *Ивана Секирина (Секерина)*, *рожденно-го от сосланного Козьмы Секирина*». В 1771 г. у Семена Селиверстовича родилась на Камчатке дочь, и, видимо, именно это явилось главной причиной отказа Гурьева присоединиться к бунтовщикам. Императрица Екатерина частично простила Гурьева и возвратила его из ссылки на родину – в Серпуховской уезд, где он вскоре и умер, оставив жену и двух дочерей (вторая родилась уже в Серпухове) на попечении родственников.

И прошло еще более двадцати лет, прежде чем императрица окончательно простила грехи отца двум дочерям Семена Селиверстовича – 2 сентября 1793 г. *«в уважение службы генерал-майора князя Сергея Волконского, которую он заплатил кровью, лишаась жизни при штурме Очакова, снизошла императрица Екатерина и к просьбе родной сестры его жены Матрены Гурьевой Пушкиной Наталье – (не путать с женой Александра Сергеевича Пушкина, которая жила в другое время) и жалует дочерей сей Варваре и Екатерине дворянство и разрешает именоваться фамилией Пушкиных.* (ЦГАДА, фонд 6, ед. хр. 396.)

Последние сведения о камчатских Секериных относятся к 1843 г.: «Матрос-рулевой Роман Лукич Слободчиков – из кам-

чатских казаков. В 1836 г. служил на военном боте “Алеут”, ходил на нем в Охотск, Нижнекамчатск, Тигиль. С 1844 г. – на боте “Камчадал”. В 1843 г. за дерзкие слова, сказанные командиру бота “Алеут” прапорщику Секерину, разжалован из квартирмейстеров в матросы».

Впоследствии вместе с Камчатской экипажной ротой Секерины, видимо, переведены в Николаевск-на-Амуре.

И еще одна историческая подробность, связанная с этой фамилией, которая больше говорит не об истории фамилии, а о нравах того времени: «Козлов-Угренин по определении его туда предпринял – по мнимому долгу начальника – объехать всю Камчатку. Для сего предварительно заставлены были камчадалы расчищать дороги и вырубать лес. Вместо того, что там всегда употребляются для проездов обыкновенные нарты, в которых нельзя более поместиться, как одному пассажиру и другому ямщику – Козлов-Угренин имел превеликий возок, в который камчадалы должны были запрягать от 50-ти до 60-ти, да под прочих великую Свиту его составлявших от 200 до 250-ти собак. Для сего числа собак камчадалы не могли иметь достаточного корму – и потому все почти они подошли. Летом ехал Козлов-Угренин вверх по реке Камчатке в нарочно построенном судне, которое камчадалы тащили от зори до зори по пушечному выстрелу с того судна».

Представьте себе коротышку «с большими выкатившимися глазами, на коих коварство и злоба положили печать свою, с язвительною улыбкою на лице, скороговорящего, вспылчивого, часто пьяного, дерзкого до безумия, следовательно, и высокомерного до нестерпимости» – это и есть Козлов-Угренин.

22 января 1787 г. возок полковника, в котором была устроена железная печка для обогрева начальника и его любовницы – жены унтер-офицера Секерина, двинулся из Гижиги на Камчатку. Его сопровождал конвой из пятидесяти казаков и десяти человек прислуги – это и была свита, которую везли 250 собак. Впереди этого каравана ехали городничий и исправник Гижигинского округа и выгоняли жителей окрестных мест на вырубку ольховника и кедрача, мешавшему проезду угренинского каравана. В каждом селении, где останавливался началь-

ник, ему подносили чашины – подарки – по шкурке соболя или лисицы с каждого инородца. Свита в это время вела оживленную торговлю – не смея перечить большим начальникам, коряки и камчадалы отдавали драгоценные меха за пушье безделицы».

«Угренин же в это время продолжал свое путешествие по реке Камчатке. Орленков собрал камчадалов со всех окрестных острожков, чтобы они, как бурлаки на Волге, тянули в верховья против течения это “нарочно построенное судно” – большой плот, который был установлен на нескольких батах – тополевых долбленых лодках. На плоту было две рубки. Одна с двумя каютами – для Угренина с Секериной, а другая для кухни. Впереди стояла пушка, а над рубкой был поднят флаг. Еще два таких же плота были построены для секретаря Козлова-Угренина, Воронова и прислуги. За плотами двигался речной караван из пятидесяти батов с конвоем, продовольствием и различным походным инвентарем...»

“Во всех селениях, – читаем мы у А. С. Сгибнева, – встречали Угренина по распоряжению исправника с хлебом-солью и соболями”.

СЕЛИВАНОВЫ (СИЛИВАНОВЫ)

Первое слово об истории этой фамилии мы предоставим самим Селивановым:

СЕЛИВАНОВЫ – ОДНА ИЗ ДИНАСТИЙ КАМЧАТКИ

О. Н. Селиванова. Не могу сказать, что наша семья входит в плеяду «северных династий» в полном смысле слова. Мои родители приехали на Камчатку сравнительно недавно, ровно 50 лет назад, в 1952 г. Здесь и родились мы с братом. Брат после окончания школы поступил в Новосибирский электротехнический институт, а, окончив его, уже более четверти века трудится в Институте ядерной физики Сибирского отделения Российской академии наук. Фактически он вернулся на родину нашей мамы – в Сибирь. А вот я, получив образование в Московском государственном университете, вернулась на свою родину, и уже около 20 лет работаю в Камчатском институте

экологии и природопользования Дальневосточного отделения Российской академии наук. Так что мы оба оказались преданными своей профессии, науке и малой родине, своей и своих предков.

И все-таки, я думаю, что мы связаны давними, хотя, возможно, и очень дальними узами со старинными камчатскими династиями и довольно многочисленными однофамильцами. Дело в том, что в большой семье наших уральских предков (а наш отец – Селиванов Николай Константинович, родом с Урала, из Челябинской области) были и большие путешественники. Примерно в середине XIX века в составе Уральского казачьего войска на освоение далеких восточных зауральских земель отправился наш пра-пра-...дядя – Егор Селиванов (отчество, к сожалению, семейное предание не сохранило). По рассказам моих старших родственников, он дошел до Камчатки, где и «сгинул», т. е. попросту не вернулся назад, на Урал. Но ведь, как известно, невозвращение домой не всегда означает гибель путешественника. Вполне возможно, ему просто понравились новые края, и он остался здесь до конца своих дней. Полагаю, что Егор мог обзавестись семьей, детьми и внуками. Но крайней мере, наша фамилия получила широкое распространение среди потомков, родившихся в смешанных браках русских и коренных жителей Камчатки. Так что многочисленные местные Селивановы вполне могут быть нашими кузенами, двоюродными или троюродными.

Зная семейное предание о том, что один из наших предков осваивал далекую Камчатку, мой отец, после окончания сельскохозяйственного института, попросил распределить его сюда. Это вызвало недоумение у многих его знакомых, говорили о том, что это земля вечной мерзлоты, что здесь ничего не растет, и агроному здесь делать нечего. Но мой отец, видимо, унаследовал такие черты своих предков, как любовь к дальним путешествиям и бесстрашие перед неизведанным. По крайней мере, он отважился на многодневную поездку сначала поездом, а потом пароходом со своей женой (нашей мамой), которая была на седьмом месяце беременности. Мой брат родился уже на Камчатке. Здесь и вправду, в то время почти не

выращивали овощей, за исключением, возможно, картофеля. Даже лук завозили с материка в сушеном виде. Зато было изобилие рыбы и дикоросов. К тому же, Камчатка тогда снабжалась по особому режиму. После голодной послевоенной Сибири, по рассказам моей мамы, мои родители были поражены богатым выбором продуктов в магазинах Петропавловска, можно было свободно, без карточек, купить сливочное масло нескольких сортов, разнообразные консервы и кондитерские изделия. В общем, Камчатка оказалась щедрой и доброй землей. А мой отец стал одним из первых агрономов, который начал внедрять овощные культуры, ранее практически не выращиваемые здесь в хозяйствах (морковь, свеклу, капусту, редис, лук, петрушку и прочую зелень). Для этого пришлось применять разные агротехнические приемы: посев семян в компостные горшочки задолго до начала фактической посевной страды, затем высаживание рассады из горшочков в парники, досвечивание и пр. Но дело пошло, и не в последнюю очередь благодаря трудолюбивым колхозницам, большинство из которых были переселенцами из Белоруссии, приехавшими на Камчатку в начале войны, примерно за десять лет до приезда моих родителей. Папа часто восхищался необычайным трудолюбием и энтузиазмом этих женщин. Он также пользовался уважением и авторитетом среди сельчан.

Но квартирный вопрос и в те времена стоял остро. Хотя мой отец приехал на Камчатку по распределению, как молодой специалист, квартиру колхоз предоставить ему не смог. Молодую семью определили на жительство в дом камчадальской семьи Осьминых, и как оказалось, они состояли в родстве с Селивановым Константином Ивановичем, который проживал, кажется, в Большерецке и был полным тезкой моего деда. А так как по возрасту, мой отец вполне мог быть сыном этого родственника Осьминых, хозяин на расспросы односельчан о постояльцах отвечал, что это семья его племянника («Племяш приехал», – говорил он). Отец мой был темноволосым человеком, а, пребывая на солнце большую часть трудового дня, имел сильно потемневшую от загара кожу, так что вполне мог и внешне походить на камчадала. Поэтому версия о «племяше»

не вызывала ни у кого сомнения, и долгие годы своей жизни на Камчатке мой отец считался «своим» среди местного населения, и это часто помогало ему в работе, когда он стал руководителем. Одним из первых в области он получил звание «заслуженного агронома РСФСР» и стал одним из самых молодых директоров совхоза, когда колхозы были расформированы. Он возглавил самый большой тогда Октябрьский совхоз, включавший 4 отделения: Елизово, Пограничный, Николаевку и Паратунку. Затем был совхоз «Термальный», и работа в областном управлении сельского хозяйства, а также в отделе народного контроля. В общем, за исключением 2-х лет (с 1956 по 1958), которые мой отец, как неисправимый романтик провел на целине, едва только был брошен клич о ее освоении, всю свою трудовую жизнь он посвятил сельскому хозяйству Камчатки. Вернувшись сюда снова после целинной эпопеи с пополнившейся семьей (на целине, под Семипалатинском, родилась моя младшая сестра Надежда, которой, к несчастью, уже нет в живых, она умерла в прошлом году), отец занялся научными проблемами сельского хозяйства в Камчатской областной сельскохозяйственной станции в поселке Сосновка. Но чистая наука не очень увлекала его деятельную натуру, и он снова вернулся к производственной деятельности. Мне кажется, что из двух моих родителей (оба были агрономами), именно у мамы были задатки научного работника: необыкновенная тщательность в опытах, четкость ведения дневников наблюдений, терпение и усидчивость. Имея троих малолетних детей, она не могла вести самостоятельную тему, но была великолепной помощницей отцу в его работе. Возможно, эти ее качества и передались нам с братом и определили нашу научную ориентацию при выборе профессии.

А отец сумел использовать свой агрономический дар и стремление осваивать новые направления для расширения ассортимента овощных культур, выращиваемых на Камчатке, работая директором совхоза «Термальный». Там на огромной по тем меркам площади теплиц, отапливаемых подземными термальными водами, выращивались ставшие теперь обычными, а тогда экзотические культуры: огурцы, помидоры, перцы, различ-

ная зелень, а также теплолюбивые цветы, которые не росли в открытом грунте. Это был совершенно новый опыт, требовавший иных подходов в работе, даже в организации труда. Ведь в летний полдень температура в теплицах нередко превышала сорок градусов при высокой влажности, работать было очень трудно. Поэтому летом рабочий день начинался около 6 часов утра, продолжался до 10, а затем делался длительный перерыв на период жары, к работе приступали вновь уже в предвечерние часы и работали до 10–11 вечера. Необходимо было также подобрать самоопыляемые сорта овощей, так как пчелы – главные опылители иных сортов, тоже не выдерживали условий теплиц и часто погибали. Большую трудность представляла борьба с многочисленными вредителями растений, особенно, паутинным клещиком, наносившим большой урон урожаю овощей.

Этот опыт пригодился отцу в преклонные годы. Выйдя на пенсию, он продолжал выращивать в домашней теплице роскошные георгины, гладиолусы, хризантемы, пионы, такой насыщенной цветовой гаммы, каких я более не видела на Камчатке, ни в те времена, ни теперь, при всем нынешнем цветочном изобилии. Мой отец умер на семьдесят втором году жизни в 1993 г. после долгой болезни. Эту заметку я посвящаю его памяти, 1 мая 2002 г. ему бы исполнилось 80 лет.

Первым из представителей этой камчатской фамилии в документах начала 18-го столетия назван служилый (казак) Агафон Селиванов и гренадер Стефан Силиванов (умерший от ран, полученных при штурме Нижнекамчатска, захваченного камчадалами в период Харчинского бунта в 1731 г.). Потом следы этой фамилии теряются (мы не видим этой фамилии и у «новокрещеных» камчадалов). Но после она появляется на севере Камчатки – в 1842 г. частный командир, зауряд-хорунжий, казак Селиванов служит в Тигиле (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 255). Секрет прост – Агафон Селиванов, нижеколымского зимовья служилый, в 1747 г. отбывал свою службу тоже не на Камчатке, а на Чукотке («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в 18 в.», Л. 1935 г., стр. 171). Там, на Чукотке, ветвь казаков Селивановых сохранялась вплоть до

XX века: Селиванов Николай Васильевич, родился 25 июля 1913 г. Родители – казак Василий Максимович Селиванов и жена его Виринея Павловна. Восприемники – помощник начальника Анадырского уезда коллежский асессор Владимир Степанович Дидюкко и Анадырского мирового судьи Михаила Гаряинова жена Валентина Алексеевна Гаряинова. Священник Агафопод Шипицын (Выписка из метрической книги Анадырской церкви за 1913 г., ГАКК). У Николая Васильевич был сын – Селиванов Жорж Николаевич.

В 1854 г. казаки Селивановы участвовали в обороне Петропавловского порта, один из них (имя нам пока неизвестно) погиб (ЦГА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 128, л. 1–2).

Отставные казаки Селивановы почему-то избрали местом своего жительства Большерецк: в 1893 г. в Большерецке проживало несколько семей Селивановых (или, как в документах, Силивановых):

Силиванов (Селиванов) Николай Ильич. Отставной казак в сел. Большерецком, 42 года. Жена 21 год. Брат его Александр. Сестра Неонила. Силиванов (Селиванов) Павел Максимович. Отставной казак в с. Большерецком, 41 год. Жена Дарья Фавстовна (33). Братья его: Василий (19). Иоанн (30). Жена Иоанна Александра Петровна (23). Дети Иоанна: Анна (5), Николай (3), Иоанн (1). Мать их, вдова Екатерина Павловна Силиванова. (Исповедальная роспись Большерецкой Успенской церкви за 1893 г., ГАКК.)

Здесь, в Большерецке, казаки Селивановы и снискали славу своей камчатской фамилии:

Селиванов Николай, казак. Награжден Георгиевским крестом 4 ст. за охрану бобровых лежбищ на мысе Лопатка в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129). Но есть еще и такая архивная запись о Николае Селиванове, казачьем пятидесятнике: «В связи с 200-летием присоединения Камчатки к России вручена в 1897 г. медаль “За усердие”» (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129).

Особо проявили себя в боях отставной казак **Александр**

Максимович и его сын **Александр Александрович Селивановы**.

Александр Максимович был награжден Георгиевским крестом 3-й степени (подробнее в очерке «Хроника забытой войны»).

В обороне Камчатки в период русско-японской войны участвовали также: Селиванов Иван (Большерецкая дружина) с. Большерецк и Селиванов Иван (Петропавловская дружина).

Но и политическое лихолетье не обошло стороной эту династию, проредив казачьи ряды: редкий случай – удар пришелся сразу по трем полным тезкам – Селивановым Николаям Николаевичам.

Селиванов Николай Николаевич. 1876 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; камчадал; образование: малограмотный; б/п; был рыбаком-охотником; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Колпаково. Арест: 31.10.1934. Осужд. 22.11.1935. Особое совещание при НКВД СССР. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: к 1 году гласного контроля по месту жительства. Реаб. 19.02.1990. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Селиванов Николай Николаевич. 1904 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Усть-Большерецк; русский; образование: низшее; б/п; был счетоводом колхоза «Пионер Запада»; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Крутогорово. Арест: 21.03.1938. Осужд. 10.08.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв.: без предъявления обвинения. Приговор: 10 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 25.12.1958. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Селиванов Николай Николаевич. 1914 г. р. Место рождения: г. Петропавловск-Камчатский; русский; образование: среднее педагогическое; б/п; заведовал начальной школой; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Крутогорово. Арест: 07.04.1938. Осужд. 30.09.1939, КОУ НКВД. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. На момент реабилитации проживал в г. Петропавловске-Камчатском. Реаб. 16.01.1989. Реабилитирован на основании ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР.

Но этими тремя именами из династии камчатских казаков Селиванов список жертв политического террора на Камчатке не исчерпывается:

Селиванов Василий Максимович. 1874 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Большерецк; русский; образование: малограмотный; б/п; был рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Большерецк. Арест: 13.04.1933. Осужд. 01.01.1934, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Расстрелян. Реаб. 27.04.1957. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Селиванов Георгий Николаевич. 1909 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Большерецк; русский; б/п; был ответисполнителем АКО; место проживания: г. Петропавловск-Камчатский. Арест: 04.07.1938. Осужд. 13.02.1940, Усть-Большерецкого РО НКВД. Обв. по ст. 58-2-8-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-6 УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 28.11.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Селиванов Иннокентий Николаевич. 1901 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Кавалерское; камчадал; образование: незаконченное среднее; член ВКП(б); был рыбаком-охотником; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Кавалерское. Арест: 23.06.1934. Осужд. 04.09.1935. Особое совещание при НКВД СССР. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: 5 лет. Умер в заключении 22 декабря 1938 г. (Севвостлаг). Реаб. 06.01.1959. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Казаки Селивановы жили не только в Большерецке, но и в Петропавловске и в выселках города – Сероглазке и Халактырке (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК): Селиванов Михаил Кузьмич, Халактырка, отставной урядник казачьего ведомства, 54 года. Жена Феодосия Иоакимовна (54). Дети: Иоаким (17), Иван (15), Анисия (8).

Селиванов Иван Ильич, Петропавловск, служащий казачьего ведомства, 36 лет, жена – Пелагея Павловна, дети – Александр (3), Павел (2).

Селиванов Иван Ильич 2-й, Сероглазка, кантонист, 20 лет. (Вероятно, это он состоял в Петропавловской дружине и участвовал в экспедициях Н. Горбунова по восточному побережью Камчатки, хотя это мог быть и Иван Михайлович Селиванов, сын Михаила Кузьмича.) (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1044, оп. 1, д. 129.)

Селиванов Григорий Ильич, Петропавловск, отставной казак, 1893 г., 46 лет, жена – Ольга Васильевна (38). Дети: Вириanea (20), Вера (16), Александр (14), Александра (10), Василий (6), Сергей (3).

Вероятно, все Ильичи (и петропавловские, и большеерецкие, и первые, и вторые), а, может быть, и все Максимовичи – родные братья: случались в семьях и одинаковые имена у детей и разница в возрасте чуть ли не в тридцать лет.

Следы еще одного из казаков Селивановых мы обнаруживаем в Исповедальной росписи Преображенской церкви на острове Медном за 1893 г.: пятидесятник Николай Максимович Селиванов, служащий казачьего ведомства (42 года), сыновья Афанасий (13) и Николай (11 лет).

О Сергее Афанасьевиче Селиванове см. очерк «Потомок землепроходцев».

В годы Великой Отечественной войны с камчатской земли был призван в армию Усть-Камчатским райвоенкоматом рядовой Селиванов Василий Васильевич 1921 г. р. Он погиб в марте 1943 г.

В мирное время с успехом представляли эту фамилию известный камчатский педагог Николай Николаевич Селиванов и его дочь, член Союза писателей России, Селиванова Наталья Николаевна.

СЕРЕБРЕННИКОВЫ

Это поздняя камчатская фамилия, которая появляется на полуострове в связи с прибытием к месту службы в селение Облуковинское священника Серебренникова.

Первое упоминание о священнике Облуковинской церкви Андрее Владимировиче Серебренникове относится к 1885 г. – по крайней мере, в этот год отец Андрей уже служил здесь. Но

в Исповедальной росписи Паланской церкви мы находим сведения о священнике Серебренникове, который, вероятно, является отцом Андрея Владимировича: священник Паланской Николаевской церкви Серебренников Владимир Иоаннов – 64 года. Жена Ираида Андреева – 40 лет.

В 1893 г. в Исповедальной росписи мы находим уже целый список представителей династии Серебренниковых: Андрей Владимирович – 39 лет. Жена его – Ирина Георгиевна (запись очень неразборчивая, может быть прочитано неправильно) – 43 года. Детей нет.

Псаломщик – Алексей Владимирович Серебренников – 36 лет.

Жена его Матрона Прокофьевна – 23 года. Дети – Георгий – 11, Владимир – 8, Винидикт – 2, Мария – младенец.

А теперь подробности о семье Алексея Владимировича Серебренникова – патриарха облуквинской династии Серебренниковых:

Серебренников Алексей Владимирович. Облуквинской Вознесенской церкви псаломщик, 33 г. сочетался 31 января 1890 г. вторым браком. Невеста – Апачинского селения камчадала Прокопия Яковлевича Панова девица Матрена, 20 лет. Поручители: по жениху – отставной казак Павел Максимович Силиванов и Апачинского селения камчадал Евстегней Прокопьевич Панов; по невесте – Апачинского селения камчадал Гавриил Иоанович Панов и Петропавловский мещанин Александр Павлович Ворошилов. (Выписка из метрической книги Большерецкой церкви за 1890 г., ГАКК.)

Серебренников Дмитрий Алексеевич. Дата рождения – 26 октября 1907 г. Дата крещения – 26 января 1908 г. Родители – псаломщик Облуквинской церкви Алексей Владимирович Серебренников и законная жена его Матрена Прокофьевна. Восприемники – камчадал села Облуквинского Петр Евтропович Климовский. Таинство крещения совершал священник Иоанн Пось. (Выписка из метрической книги Облуквинской церкви за 1916 год. ГАКК.)

Серебренников Дмитрий Алексеевич. Родился в 1907 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуквино; русский; образование низшее; б/п; был членом рыболовецкого

колхоза им. «17-й Партконференции». Проживал: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино. Арестован 1 февраля 1940 г. Приговорен: военный прокурор войск НКВД по Камчатской обл. 4 октября 1941 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 2 января 1990 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Серебренников Владимир Алексеевич. Личный почетный гражданин, 28 лет, сочетался 26 января 1914 г. первым браком. Невеста – дочь камчадала Крутогоровского селения Ивана Корниловича Колтакина девица Александра Ивановна, 19 лет. Поручители: по жениху – гражданин Венедикт Алексеевич Серебренников и Петропавловский мещанин Мартиниан Константинович Ворошилов; по невесте – камчадал Крутогоровского селения Иосиф Корнилович Колтакин, Облуковинского селения Стефан Никифорович Петров. (Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1914 г., ГАКК.)

Серебренникова Домника Владимировна. Дата рождения – 7 января 1915 г. Дата крещения – 17 января 1915 г. Родители – сын псаломщика Облуковинской Вознесенской церкви Владивостокской епархии Владимир Алексеевич Серебренников и законная жена его Александра Ивановна. Восприемники – камчадал Облуковинского селения Леонтий Стефанович Климовский, дочь псаломщика Облуковинской церкви Ираида Алексеевна Серебренникова. Таинство крещения совершал священник Николай Корякин. (Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1915 год, ГАКК.)

Серебренников Венедикт Алексеевич. Родился в 1891 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино; русский; образование низшее; б/п; был продавцом АКОторга. Проживал: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино. Арестован 1 февраля 1940 г. Приговорен: военный прокурор войск НКВД по Камчатской обл. 4 октября 1941 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 2 января 1990 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

И вот еще одна запись:

Серебренников Александр. Псаломщик Облуковинской церкви в 1914 г. (Выписка из метрической книги Облуковинской церкви за 1914 г., ГАКК). Других сведений о нем пока нет.

В 1756 г. на промысловом судне «Иоанн» (принадлежащем купцу Никифору Трапезникову) был переводчик – коряк Серебренников, уже ранее побывавший на Алеутских островах. Скорее всего, в данном случае крестным этого коряка был московский купец Андрей Серебренников, который был в числе первопроходцев: *«Толчком к промышленному освоению Алеутских о-вов послужила Вторая Камчатская экспедиция. Возвращение её участников с большим грузом пушینی, вызвало у местных купцов, промышленников и казаков большой интерес ко вновь открытым землям»*. Фамилии многих из тех, кто прокладывал путь в Русскую Америку, остались навсегда на Камчатке в именах новокрещеных аборигенов, которых нанимали в промысловые артели и вывозили на Алеутские острова и Аляску – Басовых, Санниковых, Трапезниковых, Серебренниковых, Пановых, Красильниковых и других.

Первым компаньоном Емельяна Басова называют московского купца Евгения Серебренникова, который вместе с посадскими людьми Паншиным и Даниилом Сосниным, крестьянами Поповым и Холщевниковым снарядили в промысловый вояж шитик «Святой Петр».

Но был еще и Андрей Михайлович Серебренников, тоже московский купец (может быть, брат Евгения, а может быть, историки говорят под разными именами об одном и том же человеке), приказчик купца Рыбинского на Камчатке.

«Первыми предприняли конкретные шаги по освоению нового источника богатств сержант команды Охотского порта Емельян Басов и московский купец А. Серебренников. Их шитик “Св. Пётр” в августе 1743 г. отправились к о-ву Беринга. Путь к острову должны были показать П. Верхотуров и Л. Наседкин – участники Второй Камчатской экспедиции. В 1744 г. “Св. Пётр” возвратился на Камчатку с богатой добычей – 1 200 шкурками каланов (морских выдр) и 4 тыс. шкурками песка. (Одна шкурка калана стоила на Кам-

чатке 30 руб., на китайской границе цене выростала до 60–80 руб., а в начале 1770-х гг. до 100–140 руб.)

Удача экспедиции Е. Басова стимулировала массовую активность камчатских купцов. В течение 40-х гг. основываются несколько промысловых компаний, основной задачей которых была добыча калана».

В июне 1753 г. купец Андрей Михайлович Серебренников и мореход Петр Башмаков двинулись с о. Беринга на восток и видели во время шторма пять островов; на берег шестого (вероятно, о. Адак) их шитик 2 сентября был выброшен волной, весь груз затонул. На острове они провели два года и за это время построили из обломков шитика судно, на котором летом 1755 г. без добычи вернулись на Камчатку.

В 1759–1762 гг. успешно промышленляли команды судов «Св. Пётр и Павел» компании И. Рыбинского и А. Серебренникова и «Св. Захарий и Елизавета» компании Кульковых.

В 1770 г. в районе Андреяновских о-вов промышленляют суда «Св. Александр Невский» компании В. Серебренникова и «Св. Пётр и Св. Павел» купцов Пановых. Истощённость ресурсов приводит к стычкам между промышленниками из-за промысловых угодий. И потому Серебренниковы постепенно уходят из этого рискованного бизнеса, который в дальнейшем монополизирует Григорий Иванович Шелихов.

СИВЦЕВЫ (СИВЦОВЫ)

В 1754 г. эта фамилия появляется в селении Коловском при крещении местных камчадалов. Крестил аборигенов больше-рецкий священник Михаил Сивцов.

Вот что мы знаем об этом священнослужителе: Сивцов Михаил, камчатский священник. Послан на Камчатку иркутским епископом Иннокентием в 1743 г. Определен в Большерецкую Успенскую церковь. Выехал вместе с миссией в 1762 г. Его сменил священник Петр Логинов. «Чтобы сменить престарелого Ермолая иркутский епископ Иннокентий “в среде Экспедиции (Беринга. – Ред.) обратил внимание на возвращавшихся из Камчатки церковников, двух родных братьев Филиппа и Михаила Волковых, и первого рукоположил в священники к Богородско-Рож-

дественской церкви, устроенной Экспедициею близ Авачинской губы, а последнего определил к нему дьячком; для Большерецкой же церкви произвел из казачьего звания Михаила Сивцова, и все они трое тогда же были отправлены в Камчатку»» (Иркутские епархиальные ведомости, 1868, № 47, стр. 533).

СИЛИНЫ

Сведений об этой фамилии совсем немного: Силин Николай Дмитриевич, Сероглазка, мещанин, 1893 г., 28 лет. Жена Параскева Васильевна (30), дети: Василий (6), Екатерина (4), Екатерина (1) – так в тексте (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

СИНАЕВЫ

Синаев Семен, псаломщик Ключевской Троицкой церкви в 1887 г.

Синаева Александра Георгиевна. Дата рождения – 4 мая 1895 г. Родители – личный почетный гражданин Георгий Семенович Синаев и законная жена его Мария Михайловна. Восприемники – жена умершего мещанина Михаила Ворошилова вдова Анна Александровна Ворошилова. Свящ. Иринарх Малахов (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1895 год, ГАКК).

В 1914 г. дочь умершего почетного гражданина Мильковского селения Георгия Семеновича Синаева Александра вышла замуж за Михайлова Виктора Онисимовича, мильковского крестьянина.

Когда Синаевы прибыли на Камчатку и как они очутились в Мильково, пока неизвестно.

СКРЕБЫКИНЫ

Скребыкин Петр Саввич, казак Нижнекамчатской казачьей команды, 36 лет. Жена Ирина Кузьминична (36). Дети: Василий (4), Савва (2). (Камчатские росписи 1812 г. Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.)

Скребыкин Савва Петрович, казак в с. Усть-Приморском,

43 года. Жена Ирина Петровна (29). Дети: Василий (7), Иван (3), Хиония (4) (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4).

Пока это вся информация о фамилии, которой мы обладаем.

СЛОБОДЧИКОВЫ

Не будем нарушать сложившуюся уже традицию и начнем разговор об этой фамилии с рассказа о ней представителей самого рода Слободчиковых. На этот раз мы публикуем школьное сочинение:

Традиции моей семьи

Работу выполнил Чухманов Тимофей, ученик 10 «А» класса МОУ «Корякская средняя общеобразовательная школа».

Педагог-организатор: Чухманова Светлана Валентиновна.

Руководитель: учитель русского языка и литературы Зеленкова Н. Н. (представитель рода камчадалов Аббакумовых из с. Малка. – С. В.), с. Коряки. 2009.

Да будет так во веки веков...

Появляется на свет человек, живет, формируя определенный уклад, передает этот образ жизни как эстафету идущим за ним...

Пока от поколения к поколению передаются традиции, обычаи, установившийся порядок в поведении, в быту, не прервется связывающая нить... Продолжается жизнь...

Моя семья берет свои истоки от старого камчадальского рода Слободчиковых – папа, мама, я, моя старшая сестра, тётки, двоюродные сестры, бабушка, прабабушка и, конечно же, многочисленные родственники.

И в нашей семье есть свои традиции. Самая важная – гостеприимство и уважение к людям. Вспоминается, как описывал свою встречу с камчадалами Карл фон Дитмар в книге «Поездки и пребывание в Камчатке»: «Нас встретил очень радушный прием. Дом тойона был чист и содержался в порядке. К чаю нам подали самовар и богатый красивый сервиз. Камчадалы большие любители чая. а так как эта драгоценная

трава не всегда у них бывает, то они более чем охотно присоединяются к приезжающим, заваривающим свой собственный чай. По прочно установившейся традиции все обитатели острога допускаются в таком случае к угощению». Слова эти взяты из книги, написанной 100 лет назад. А как знакома и близка мне эта обстановка.

И сейчас гостей мы всегда встречаем с радостью и угощениями. Уж стакан чая мы всегда предложим. Отпустить гостя без угощения мы не можем. Так заведено издавна. Со своими соседями мы живем дружно, часто собираемся па совместный ужин или чаепитие. Любим угощать друг друга кулинарными изысками.

Особо почиталась в нашей семье природа, бережно относились к ней все – от мала до велика. Мой прадед Василий Полуэктович и прапрадед Полуэкт Васильевич Слободчиковы были профессиональными охотниками и рыбаками. Но от природы брали ровно столько, сколько нужно было для пропитания. Возвращаясь из леса, с рыбалки, старые люди учили пас, детей, благодарить природу: «Спасибо, земля!», «Спасибо, вода!», «Спасибо тебе, лес!» По рассказам тёти, прадедушка Вася умел лучше всех выделывать шкуры и заготавливать рыбу и икру так, что они могли храниться целый год.

Жимолость складывали в бочки, заливали холодной водой, и она в погребе хорошо сохранялась зимой. Использовали многое от природы. Заготавливали с осени осоку и делали из нее нити. Их делали также и из сухожилий животных. Обувь, торбаза шили такими нитками из кожи домашних животных или оленей.

Походы в лес для нас – настоящий праздник, неотъемлемая традиция нашей семьи. Мы очень любим активный отдых! Как же замечательно прохладным августовским утром надеть куртку, сапоги, взять в руки ведро и нож и отправиться за грибами! Много удивительного таит лес. Никогда не знаешь, что ждет тебя за тем пеньком – толстый боровик, яркий мухомор, семейство опят или лесная зверушка! Не мыслит местный человек своей жизни без леса! Лес и кормилец, и душу питает, лечит! Потом собираемся все вместе у машины, делимся своими находками и рассказываем о таинственных обитателях леса.

Летом мы любим ходить в туристические походы, чтобы изучить историю и географию своего края, играем в подвижные игры, сидим у костра. В лесу родители приучили нас оставлять чистоту, чтобы наши потомки тоже могли пользоваться дарами природы. Природа – матушка наша, учились с детства мы ее беречь.

Не менее важной традицией в нашей семье считается любовь к детям и помощь тому, кто в ней нуждается. Семьи моих предков были многодетными. В семье дедушки Валентина было четыре сестры и три брата. Если считать от бабушки и дедушки моей мамы, то сейчас всех детей, внуков и правнуков больше тридцати человек. С раннего детства детей приучали к труду, рукоделию, обустройству домашнего быта.

Моя двоюродная бабушка вспоминала, что у детей были свои, четко определенные старшими обязанности: прополка, уборка репы, моркови, картофеля. А в нашей семье сложилась такая традиция: с ранней весны до поздней осени мы помогаем родителям в выращивании овощей, чтобы зимой было чем семью кормить и угощать гостей.

Может кому-то покажется смешным, но проводить уборку и в квартире по субботам – тоже наша традиция. Каждый занят работой – мама моет пол, мы с сестрой вытираем пыль, складываем вещи, пылесосим, и делаем все дружно, получая от работы огромное удовольствие. Местные жители – чистоплотный народ. И душу свою, и дом в чистоте содержали.

Вечером мы любим собраться, поговорить о событиях дня. Мама рассказывает истории своего детства, много удивительных присказок, песен, легенд знает она. Мы сидим, слушаем ее тихий душевный рассказ, часто смеемся. Тепло, уютно в доме.

Мой дедушка шутник большой был, балагур, придумывал всякие смешные, безобидные обзывалки детишкам, над собой пошутить любил, все примечал, ничего не пропускал. Все ему интересно было. Жизнь очень любил!

Мои предки не стали великими и знаменитыми людьми. Они просто жили, растили детей, добросовестно работали. Но я горжусь своим родом, семьей, свято почитающей традиции своих предков.

Да, пусть у нас нет родословной «до пятнадцатого колена», семейного герба и гимна, зато у нас есть свои собственные традиции. И они мне дороже всех титулов и родовых поместий!

Нужно сказать, что фамилия эта не простая: фамилии образованы от слова слобода – свобода, свободный, слободчик – вольный человек, а также староста слободы, и в тверск. сборщик податей. (Даль) Очевидно прозвище свободного, не крепостного человека. А так же от названия географических объектов.

Слободчик стар. – вольный, не приписанный к земле человек.

Слободчик – основатель и первое административное лицо слободы; в обязанности слободчика входило привлечение крестьян на новое поселение, обязательное возведение острога, отвод участков под пахоту огороды и покосы, исполнение судебных обязанностей.

Слободчиков – одна из самых распространенных фамилий на Камчатке. Секрет же прост – активное участие в миссионерской деятельности принимал участие староста Большерецкой Успенской церкви, отставной казак Федор Слободчиков.

С. П. Крашенинников сообщает о церковном старосте, отставном большерецком казаке Федоре Слободчикове, раненом в столкновениях с «немирными» авачинскими камчадалами в 1724–1725 гг., родоначальнике камчатских казаков Слободчиковых, оставивших свой фамильный след во многих населенных пунктах аборигенов (история появления фамилии: 1745 г. – Облуковина, Сопочная, Белоголовая, Ковран. 1747 г. – Хайрюзово; 1748 г. – Оглукомина, Морошечная, Хайрюзово, Нижний острог; 1749 г. – Крутогородо, Сопочная, Белоголовая, Хайрюзово; 1754 г. – Воровская – практически все северо-западное побережье Камчатки).

Федор Слободчиков был достаточно известный и авторитетный человек на полуострове из числа первопроходцев Камчатки. Сохранился документ: *1727 г. сентября 13. – Ответствие А. Еремеева В.-Й. Берингу о возможных способах и времени передвижения от р. Большой до р. Камчатки*

№ 383

Благородному господину, г-ну морского флота капитану

Ивану Ивановичю Берингу против присланного письма от вашего благородия ответствие:

Из Большерецкого устья до Лопатки пешему ходу 5 дней землею и земля мягкая, а байдарами грести столько ж, а от Лопатки до Авачи реки байдарами грести 10 дней, а пешего ходу нет, для того что залегли губы и щерлопы, и утесы великие, а со Авачи до Кроноцкого Носу пешего ходу 10 дней, а от того Носу до камчатского устья ходу 5 дней летним и зимним временем, а из Большерецкого астрогу до Верхнего Камчатдальского астрогу пешему ходу с ношами две недели.

Прежде бывшей прикащик Иван Харитонов шел по Быстрой батами до Гоналы 8 дней, а зимним временем собаками езды две недели, а на санки кладетца по 5 пуд, а весною на лодке езды 3 дни, а в баты кладем по 10 пуд и больше и каков бат, а байдарами по Быстрой ходу нет, для того что она мелка.

А по книгам – ясашных иноземцов 147 человек.

А по Быстрой бывал батами служилой человек Дмитрий Горлов, а до Лопатки бывал служилой человек Андрей Тарамыгин, а по другому морю бывали байдарами до Авачи служилые люди Андрей Воронин, Петр Горнастаев, а с Авачи до Кроноцкого Носу бывал служилой человек Федор Слободчиков, а от Кроноцкого Носу до камчатского устья бывал служилой человек Григорей Кударинской, а у нас в Большерецком к зимнему пути соберетца у служилых людей 60 нарт и с собаками.

На подлинном ответствии вместо сына боярского, подчиненного камисару, Алексея Еремеева велением его сын боярской Иван Климовской руку приложил.

(ЦГАВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 87, л. 204 об.-205.

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XVIII/1700-1720/Issl_russ_tich_ok...)

Кстати, Федор Слободчиков с другим большерецким казаком, сыном боярским Матвеем Новограбленным оказались косвенно причастными к очень интересной истории.

«В ноябре 1744 г. это судно («Тага-мару». – С. В.) с 17 моряками вышло из порта и направилось в Эдо (ныне Токио). Вскоре оно попало в жестокий шторм, который поломал мач-

ту и руль. В результате “Тага-мару” унесло в открытое море. Только в мае следующего г. судно было выброшено на побережье северокурильского острова Оннекотан. Во время дрейфа умерли семеро человек команды; на острове Оннекотан скончался судовладелец “Тага-мару” Такэути Токубэй. Спустя два дня после высадки на берег японцы были найдены сборщиками ясака Матвеем Новограбленным и Федором Слободчиковым. 10 человек, оставшиеся в живых, были вывезены в Большерецк на Камчатке, где все они приняли крещение. Один японец заболел и из-за болезни остался в Большерецке, остальные 9 человек были через Охотск направлены в Якутск.

До сих пор не найдено документов, подтверждающих дату их прибытия в Якутск. По предположениям, они должны были доехать до Якутска не позднее конца ноября 1747 г., так как хорошо известно, что они выехали из Охотска 14 сентября того же года.

Здесь по указанию Сената японцы были разделены на две группы.

Пятеро – Кютаро (русское имя – Петр Черный), Сёэмон (Григорий Свињин), Ихэй (Василий Панов), Хатибэй (Андрей Решетников) и Исодзи (Фома Лебедев) – должны были отправиться в Петербург и стать преподавателями в школе японского языка в этом городе.

Четверо – Рихатино (Матвей Попов), Санносукэ (Иван Таринов), Чосукэ (Филипп Трапезников) и Кюсукэ (Иван Семенов) “оставались в Якутске для того, чтобы открыть в этом городе школу японского языка и также стать в ней преподавателями.

Когда открылась эта школа? Я пытаюсь найти свидетельства в Национальном архиве Республики Саха (Якутия), но мне пока не удалось этого сделать. Могу, однако, предположить, что школа открылась на следующий год после прибытия японских преподавателей, то есть в 1748 г.

Еще в 1720 г. казачий голова Афанасий Шестаков предлагал создать в Якутске школу для обучения казачьих детей. В 1735 г. была открыта церковная школа низшей ступени при Якутском Спасском монастыре, в первом учебном г. туда

поступили 10 детей в возрасте с 7 до 15 лет, 6 из них были якутами. В 1741 г. открылась Якутская навигацкая школа, которую начали посещать 25 детей в возрасте от 6 до 15 лет. Однако из-за финансовых трудностей первая из упомянутых школ была закрыта в 1747 г., а вторая была вынуждена закрыться на время в 1744 г. (в 1765 г. она открылась снова). Вторая навигацкая школа была создана и содержалась на средства Второй Камчатской экспедиции Академии наук (экспедиция Беринга, 1733–1743), и потому само ее существование находилось под вопросом с первых дней работы.

Таким образом, на момент прибытия в Якутск экипажа “Тагмару” в городе не было ни одной школы. Однако, судя по вышеупомянутым фактам, можно предположить, что в городе были и дети, стремившиеся к учебе, и родители, лелеявшие надежду на то, что их дети получат образование.

К тому же Российское правительство, которое в этот период, можно сказать, стремилось вернуться к эпохе Петра I, считало исследования вод Охотского моря и северной части Тихого океана, а также разведку надежного морского пути в Японию и осуществление торговли с Японией компонентами единой задачи. В этих условиях весьма вероятно, что Якутская школа японского языка была открыта в помещении бывшей навигацкой школы.

Четверо японцев в Якутске прилежно несли свою службу в качестве преподавателей, ведя обеспеченную жизнь в окружении гостеприимных якутов и казаков. Сенат своим Указом от 28 декабря 1753 г. предписал Иркутской канцелярии присвоить способным преподавателям чин “коллежского переводчика”, который по “Табели о рангах” 1722 г. соответствовал чину поручика. Хидэо Кацуки, член правления Общества “Япония – страны Евразии”, почетный профессор Якутского государственного университета» (<http://ilin-yakutsk.narod.ru/2003-34/52.htm>).

Так что знал Федор Слободчиков о начальной истории русской Камчатки очень много и потому так негодовал студент Крашенинников, долгое время не имея возможности пообщаться с большерецким церковным старостой: «На поданное в Боль-

шерецкую приказную избу требование 1737 г. декабря 31 дня, по многократном словесном требовании о присылке ответствия, апреля 6 дня вторичное послал во оную приказную избу требозание, чтоб бывалые на авачинских изменников в походах в 1724 и 1725 годах к 10 или 11 числу сего месяца ко мне присланы были, также чтоб из бывших на озере в осаде у курильских мужиков два или три человека, у которых надлежит о обстоятельствах той осады и освобождения выспросить, а понеже слышал я, что между прочими был там и церковной староста Федор Слободчиков, которой в той осаде от них курильских изменников и ранен, и чтоб Большерецкая приказная изба вышеозначенных бывалых в походах людей и старосту Слободчикова с бывшими в осаде служивыми к вышеозначенному 10 или 11 числу без отлагательства и отговорок ко мне прислала, ибо хотя оной Слободчиков назначен от Большерецкой приказной избы для меры верст в Курильскую землицу, то однакож сия вещь нужнейшая есть, и вместо его, ежели он к поездке от меня не отправится, может послан быть иной человек жалованной, а оной Слободчиков жалованья не получает, и по силе ее императорского величества указов велено таким питаться своим промыслом, а на службы их без нужды наряжать не велено, ибо будучи в такой службе могут и без корму быть, а хотя б таким равно с жалованными служить велено было, то однакож для вышеозначенного дела его Слободчикова с товарищи надлежит ко мне прислать, понеже мне о всем надлежит при первом случае репортовать вашему благородию. А за неприсылкою вышетребованных людей история о Камчатской землице к отосланию при репорте может не готова быть.

На сие требование и по сие время еще ответствия не получил и людей требуемых от меня ко мне не прислано, и за тем историю о завоевании Камчатки, о бывших в разные времена изменах и походах и о бунтах служивых людей, которая написана только по 1724 год, окончить невозможно было» (http://az.lib.ru/k/krashennikov_s_p/text_0090.shtml).

Род казаков Слободчиковых угас на Камчатке после оборо-

ны Петропавловского порта, когда военный гарнизон, в том числе и 47-й Камчатский флотский экипаж (до этого Камчатская экипажная рота), был переведен в Николаевск-на-Амуре.

Слободчиков Роман Лукич. Камчатская экипажная рота. В 1847 г. матрос. Из камчатских казаков, с 1836 г. на военном боте «Алеут», ходил на нем в Нижнекамчатск, Тигиль, Охотск. С 1844 г. на боте «Камчадал». «В 1843 г. за дерзкие слова, сказанные командиру бота “Алеут” прапорщику Секерину разжалован из квартирмейстеров в матросы». (Центральный Государственный архив Дальнего Востока, ф. 1007, оп. 1, д. 299.)

После вывода войск Камчатку защищали уже сами камчадалы, как это произошло в русско-японскую войну 1904–1905 гг., в том числе и аборигены Слободчиковы – Александр и Егор (с. Толбачик), Василий (Колпаково), Иван (Утхолок), Ипполит (Белоголовое), Павел (Сопочное), Руфь (Ковран).

Мы начали поиск родственников героев обороны Камчатки. Кое-какая информация появилась об Александре Слободчикове из Толбачика:

Слободчиков Александр Федорович. Камчадал селения Толбачинского, 27 лет. Брак 11 июня 1907 г. Невеста – дочь камчадала селения Ушковского Макария Захаровича Варганова девица Устиния, 19 лет Поручители: по жениху – крестьянин селения Ключевского Петр Васильевич Ушаков и Николай Николаевич Брагин. По невесте – крестьянин селения Ключевского Петр Ефремович Ушаков и Яков Васильевич Ушаков. (Выписка из метрической книги Ключевской церкви за 1907 г., ГАКК.)

Слободчиков Ирнарх Александрович. Дата рождения 19 апреля 1908 г. Родители – камчадал Толбачинского селения Александр Федорович Слободчиков и законная жена его Иустиния Макаровна. Восприемники – крестьянин Ключевской Троицкой церкви Василий Андрианович Ушаков. Свящ. И. Малахов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1908 год, ГАКК.)

Дочь – Слободчикова Мария Александровна. Дата рождения 1 апреля 1918 г. (св. Мария Египетская). Родители – гражданин Толбачинского селения Александр Федорович Слобод-

чиков и законная жена его Иустиния Макаровна. Восприемники – гражданка Толбачинского селения Ольга Михайловна Метевская. Таинство крещения совершал священник-учитель Толбачинской церкви-школы Иоанн Монаев. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1918 год, ГАКК.)

А это, вероятно, его брат – Слободчиков Логгин Федорович. Род. 15 октября 1888 г. Родители – Толбачинского селения камчадал Федор Николаевич Слободчиков и законная жена его Ирина Евстафьевна. Восприемники – Машурского селения камчадал Стефан Михайлович Мерлин и жена камчадала Николая Пермякова – Анна Прокопьевна. Свящ. И. Малахов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1888 год, ГАКК.)

На самую многочисленную фамилию Камчатки обрушились и самые, наверное, многочисленные политические репрессии:

Слободчиков Евгений Иннокентьевич. 1886 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Коряки; камчадал; образование: низшее; б/п; был секретарем конторы рыболовецкой артели; место проживания: Карагинский р-н, с. Дранка. Арест: 01.05.1933. Осужд. 16.03.1935. Военный трибунал ОКДВА. Обв. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Реаб. 03.12.1991. Реабилитирован постановлением прокурора Управления по надзору за исполнением законов о госбезопасности, межнациональным и международно-правовым вопросам Прокуратуры СССР.

Слободчиков Никифор Степанович. 1893 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Сопочное; ительмен; образование: неграмотный; б/п; был членом рыболовецкого колхоза «Ленинский путь»; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Ича. Арест: 02.06.1941. Осужд. 23.07.1941, КОУ НКВД. Обв. по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 02.01.1990. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Слободчиков Петр Васильевич. Петр Васильевич 1885 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Сопочное; ительмен; б/п; работал в своем хозяйстве; место прожи-

вания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Сопочное. Арест: 17.07.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу») Приговор: на срок предварительного заключения. Реаб. 03.08.1957. Реабилитирован по этому делу определением Военного трибунала ДВО

Слободчиков Петр Полуэктович. 1903 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Коряки; русский; образование: низшее; был рабочим стройки № 3 леспромхоза; место проживания: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Коряки. Арест: 16.05.1937. Осужд. 15.10.1937, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Расстр. 09.11.1937. Реаб. 07.04.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Слободчиков Полуэкт Васильевич. 1878 г. р. Место рождения: Камчатской окр., Петропавловский р-н, с. Коряки; ительмен (русский); образование: низшее; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатской окр., Петропавловский р-н, с. Коряки. Арест: 06.05.1929. Осужд. 16.08.1929. Особое совещание судебной Коллегии ОГПУ. Обв. по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 4 годам лишения свободы. Реаб. 13.09.1990. Реабилитирован по этому делу заключением прокурора Камчатской обл.

Слободчиков Степан Иннокентьевич. 1887 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Коряки; русский; образование: малограмотный; был рабочим дорожно-строительного подразделения АКО; место проживания: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Коряки. Арест: 08.10.1937. Осужд. 17.02.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 20.03.1938. Реаб. 20.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Слободчиков Степан Тимофеевич. 1901 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Кихчик; русский; образование: низшее; б/п; был членом колхоза им. «3-го Съезда Советов»; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Привольное. Арест: 23.10.1938. Осужд. 21.12.1938, выездная сессия Камчатского облсуда. Обв. по ст. 58-10 ч. 1, ст. 58-

11 УК РСФСР. Приговор: 8 лет. Постановлением Усть-Большерецкого РО НКВД от 4 июня 1940 г. на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 17.10.1966. Реабилитирован постановлением УКГБ по Камчатской обл.

Слободчиков Федор Лукич. Родился в 1897 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Коряки; русский; образование незаконченное среднее; член ВКП(б); являлся техническим секретарем председателя Облисполкома. Проживал: г. Петропавловск-Камчатский. Арестован 24 февраля 1942 г. Приговорен: КОУ НКВД 23 мая 1942 г., обв.: по ст. 58-1а-2-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 30 января 1990 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Помимо вышеназванных населенных пунктов Камчатки Слободчиковы по данным 1893 г. проживали также в селениях Апачинском и Еловском (в последнем, вероятно, в связи с переселением западнокамчатских камчадалов в центральную часть полуострова, обезлюдившую после «оспенных поветрий»).

В селении Коряки Слободчиковы, видимо, тоже оказались по переселению, прибыв сюда с западного побережья Камчатки, так как корякская паства находилось в ведении Петропавловского собора, а не Большерецкой церкви Успения Пресвятой Богородицы.

Одним из самых известных людей Камчатки из рода Слободчиковых был первый архивариус Камчатки Федор Лукич Слободчиков. Памяти о нем посвящен специальный очерк А. Е. Сеицкой «Организация архивного дела на Камчатке и первые сотрудники областного архива»: *«В августе 1927 г. на должность заведующего окружным архивом назначается В. Д. Кузьмин (образование – техническое училище и два курса технического института), но ввиду сокращения штатов, в мае 1928 г. он был уволен, и архив до сентября 1929 г. оставался без работника. Разумеется, это повлекло за собой прекращение работы по приведению в порядок и систематизации имеющихся архивных документов и прекращение обработки документов,*

поступающих в архив с мест. В 1929 г. в штатах окрисполкома была установлена одна должность архивариуса, который и занимался разбором и обработкой документов. Но еще до 1934 г. архив оставался без заведующего. Должность заведующего была выделена в 1934 г. На нее был назначен Федор Лукич Слободчиков, приступивший к своим обязанностям с 28 мая 1934 г. Федор Лукич родился на Камчатке, в с. Коряки, в 1897 г., окончил сельскую церковно-приходскую школу, Петропавловское высшее начальное училище (в 1916 г.) и двухгодичные педагогические курсы (в 1918 г.). Ф. Л. Слободчиков действительно работал в разное время учителем начальной школы в с. Коряки, но непосредственно до того, как стать заведующим областным архивом, занимал должность ответственного секретаря в Петропавловском горсовете. В первый же день своей работы он направляет в Краевое архивное управление при Дальневосточном краевом исполнительном комитете, находившееся в г. Хабаровске, письмо, в котором говорится: “Камчатский архив в течение ряда лет находился в запущенном состоянии: все разработанные фонды за 1930–1931 гг. перемешались, архив несколько раз перевозился с места на место и в настоящее время все свалено в одну кучу в маленькой комнате, что совершенно не позволяет пользоваться каким-либо материалом из архива. Не было и работников в архиве в течение ряда лет”. Тем не менее, в соответствии с инструкциями и рекомендациями, полученными от Краевого архивного управления, Слободчиков постепенно начинает работу по организации архивного дела на Камчатке. В районные исполнительные комитеты, а также в отдельные организации и учреждения были направлены письма с указаниями о необходимости приступить к упорядочению документов, сдать материалы ранее 1922 г. в областной архив (так как срок хранения документов в архивах учреждений составлял не более 10 лет), организовать работу архивов в соответствии с “Правилами постановления архивной части в учреждениях Союза ССР, организациях и предприятиях общесоюзного значения” (изданных Центрархивом РСФСР в 1931 г.). “Правила” также были разосланы на места. Однако, забегая вперед, заметим, что сеть

районных архивов начинает складываться в области лишь в 40-е гг. XX в. В то же время Слободчиков получает указание из Краевого архивного управления выявить материалы по истории Октябрьской революции и Гражданской войны для подготовки издания “История СССР”. 2 августа 1942 г. Слободчиков пишет в Краевое архивное управление: “Ваше письмо по вопросу подготовки материалов к изданию “Истории СССР” мною получено. Через Культпротрп ОК ВКП(б) и Камчатский облисполком на места даны указания о концентрации архивов за 1917–1922 гг. и отправке их в Петропавловск и Облархив. Имеющийся материал в облархиве за период 1917–1922 гг. подлежит большой технической обработке и систематизации, так как до последнего времени работника не было и архив был свален в одну большую кучу, все дела и связки перемешались и поэтому пользование им [и] только возможно через некоторое время. В архиве в настоящее время работаю я один, технических работников нет, по бюджету предусмотрена была одна единица. Мои требования об увеличении штата на одну единицу ОИК не удовлетворяет из-за отсутствия средств. Это в сильной степени тормозит развертывание какой-либо научной обработки архивных материалов и сбора их по Вашему заданию”. Заметим, что в августе 1934 г. Ф. Л. Слободчиков был назначен одновременно и на должность заведующего музеем. Несмотря на сложности, уже 14 ноября 1934 г. Ф. Л. Слободчиков сообщает Краевому архивному управлению о проделанной им работе: “За этот период мною сделано следующее: выделены архивные фонды за царский период, гражданской войны (1917–1922 гг.) и период советский власти. Выделена и сдана на уничтожение макулатура в количестве примерно до 3-х тонн, состоящая главным образом из различных изданий царского и советск[ого] периода, не относящаяся к хранению в архиве, значит[ельное] количество религиозной литературы и т. п. [...] К технической обработке выделенных фондов не приступил да и не в состоянии был приступить, т. к. технических работников в архиве нет, лично сам помимо работы в архиве работаю в Музее в качестве заведующего и истпартуполномоченного. <...> В начале ноября по распоряжению пред-

[седателя] ОИК архив переведен в др[угое] помещение, которое совершенно не пригодно для работы: маленькое, тесное и холодное. Архив снова свален в кучу, вся сделанная подготов[ительная] работа пропала и в дальнейшем без соответствующего помещения совершенно невозможно производить какую-либо работу”. Несмотря на все трудности Ф. Л. Слободчиков находил время и для научной работы: разработал хронику революционных событий на Камчатке, опубликовал в печати “небольшую сводку о рев[олюционной] борьбе за Советскую Камчатку”, к выставке, посвященной Октябрьской революции, подобрал документы, фотографии и “разн[ые] реликвии”. Выставка, как отмечает сам Слободчиков, “имела большой интерес у общественности»”.

Учитывая грамотность, инициативность Ф. Л. Слободчикова, его неподдельный интерес к истории Камчатки (впоследствии он опубликовал немало очерков и статей, а также выступал с лекциями), его дальнейшая работа в должности заведующего архивом принесла бы немало пользы не только данному учреждению, но и развитию всего архивного дела на Камчатке. Однако в июне 1935 г. Ф. Л. Слободчиков был переведен на работу инструктором в ОК ВКП(б). Вплоть за 1936 г. архивом никто не интересовался. Наконец 26 января 1936 г. Президиум Камчатского облисполкома принял постановление “О мероприятиях по упорядочению Архивного дела в области”. Данным постановлением был утвержден новый заведующий областным архивом – К. В. Прусаков (по совместительству секретарь облисполкома), которого облисполком обязал “в месячный срок провести первоначальную разборку архива и приступить к систематической разработке материалов”. Также в постановлении отмечалась необходимость организации районных архивов, приведения в порядок архивов учреждений, обеспечение их необходимым оборудованием и помещениями для хранения документов. Но на деле реальных мер принято не было». (Сесицкая А. С. «Организация архивного дела на Камчатке и первые сотрудники областного архива». http://www.kamlib.ru/resou_rses/sesickaya_26.htm).

Род Слободчиковых из с. Коряки называет себя Лукичами в память о патриархе этого рода:

Патриарх рода: Слободчиков Лука Петрович. Камчадал селения Коряки, 1893 г., 42 года. Жена Анна Ивановна (19). Сын их Евгений (2). Дети его от 1-го брака: Иван (23), Петр (20), Алексей (18), Сергей (15), Агриппина (12). Ивана жена Пелагея Дмитриевна (22). Дети их: Иннокентия (1 1/2 г.), Дарья (п/мес.) (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК).

Слободчиков Федор Лукич. Родился в 1897 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Коряки; русский; образование незаконченное среднее; член ВКП(б); являлся техническим секретарем председателя Облисполкома. Проживал: г. Петропавловск-Камчатский. Арестован 24 февраля 1942 г. Приговорен: КОУ НКВД 23 мая 1942 г., обв.: по ст. 58-1а-2-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 30 января 1990 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Слободчикова Дарья Ивановна. Родилась 12 марта 1893 г. Родители – отец камчадал Корякского селения Иван Лукич Слободчиков и жена его Пелагия Ивановна. Восприемники – жена кантониста казачьего ведомства Федора Трифоновича Черных Домника Трифоновна. Священник Павел Донской. (Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Слободчиков Феоктист Иванович. Дата рождения – 2 января 1896 г. Родители – Корякского селения камчадал Иван Лукич Слободчиков и законная жена его Пелагея Дмитриевна. Восприемники – Камчатского Петропавловского собора псаломщик Никита Петрович Бобряков и камчадал Корякского селения Алексей Лукич Слободчиков. Таинство крещения совершал протоиерей Петр Донской с псаломщиком Никитой Бобряковым. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1896 год, ГАКК.)

Слободчикова Иулиания Иоанновна. Родился. 4 марта 1898 г. Родители – Корякского селения камчадал Иоанн Лукич Сло-

бодчиков и жена его Пелагея Дмитриевна. Восприемники – Камчатского Петропавловского собора священник Павел Донской, казак Камчатской команды Николай Николаевич Пинжин и Корякского селения камчадалская девица Агриппина Лукинична Слободчикова. Свящ. Павел Донской. (Выписка из метрической книги Петропавловского собора за 1898 г., ГАКК.)

Слободчикова Зинаида Николаевна. Родился. 8 марта 1918 г. Родители – гражданин села Коряки Николай Лукинович Слободчиков и законная жена его Мария Филипповна. Восприемники – граждане: Павел Иванович Селиванов и Анастасия Казимировна Погодаева. Свящ. Михаил Ерохин. (Метрическая книга Петропавловской церкви за 1918 год, ГАКК.)

Но была еще одна корякская ветвь – Иннокентия Осиповича Слободчикова, к которой принадлежит Тимофей Чухманов.

Слободчиков Иннокентий Осипович. Камчадал селения Коряки, 1893 г., 48 лет. Жена Вера Ерастовна. Сын их Константин (1). Дети его от 1-го брака: Степан (21), Анисия (17), Параскева (10), Евгений (8). Дети ее от предыдущего брака: Ксения (8) и Евдокия Семеновны Марковы. Брат его Василий Слободчиков (45). Жена его Евдокия Петровна (32). Дети их: Полуэкт (13), Александр (11), Иван (9). (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.)

Это, вероятно, его брат, проживавший в с. Начики:

Слободчиков Евгений Осипович. Камчадал селения Начики, 1893 г., 53 года. Жена Екатерина Никифоровна. (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.)

Судьба сына:

Слободчиков Евгений Иннокентьевич. Тиличики, псаломщик, 32 года. Лишен избирательных прав (Глинчикова Е. В. «Православие и Советское государство на Камчатке», «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр.197).

Слободчиков Евгений Иннокентьевич. 1886 г.р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Коряки; камчадал; образование: низшее; б/п; был секретарем конторы рыболовецкой артели; место проживания: Карагинский р-н, с. Дранка. Арест: 01.05.1933. Осужд. 16.03.1935. Военный трибунал

ОКДВА. Обв. по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР. Приговор: 10 лет. Реаб. 03.12.1991. Реабилитирован постановлением прокурора Управления по надзору за исполнением законов о госбезопасности, межнациональным и международно-правовым вопросам Прокуратуры СССР.

А это, вероятно, сын Иннокентия Осиповича Слободчикова (Коряки – Начики):

Слободчиков Степан Иннокентьевич. 1887 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Коряки; русский; образование: малограмотный; был рабочим дорожно-строительного подразделения АКО; место проживания: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Коряки. Арест: 08.10.1937. Осужд. 17.02.1938, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения Расстр. 20.03.1938. Реаб. 20.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Толбачинская линия Слободчиковых – Андрияновичей.

Слободчиков Андреян Андреянович. 1928 г. р., колхоз «17 партсъезд». Вступил в 1945 г.

Жена Слободчикова Лариса Владимировна – 1929 г. р. Сын Толман Леонид Андреянович – 1947 г. р. Сын Слободчиков Владимир Андреянович. (ГАКК, ф. 560, оп. 1, д. 11, л. 12.)

Слободчиков Андриан Иннокентьевич. Дата рождения – 26 августа 1889 г. Родители – Толбачинского селения камчадал Иннокентий Семенович Слободчиков и законная жена его Дария Егоровна. Восприемники – Толбачинского селения камчадал Семен Николаевич Слободчиков Таинство крещения совершал священник Иринах Малахов. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1889 год, ГАКК.)

Слободчиков Логгин Федорович. Родился. 15 октября 1888 г. Родители – Толбачинского селения камчадал Федор Николаевич Слободчиков и законная жена его Ирина Евстафьевна. Восприемники – Машурского селения камчадал Стефан Михайлович Мерлин и жена камчадала Николая Пермякова – Анна Прокопьевна. Свящ. И. Малахов (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1888 год, ГАК).

Линия Слободчиковых из Кихчика:

Слободчиков Тимофей Абрамович. Камчадал с. Кихчик, 1893 г.,

45 лет. Жена Мария Федоровна (41). Дети: Тимофей (13), Елена (15), Стефанида (3) (Исповедальная книга Больше-рецейской церкви, 1893 г., ГАКК).

Слободчиков Степан Тимофеевич. 1901 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Больше-рецейский р-н, с. Кихчик; русский; образование: низшее; б/п; был членом колхоза им. «3-го Съезда Советов»; место проживания: Усть-Больше-рецейский р-н, с. Привольное. Арест: 23.10.1938. Осужд. 21.12.1938, выездная сессия Камчатского облсуда. Обв. по ст. 58-10 ч. 1, ст. 58-11 УК РСФСР. Приговор: 8 лет. Постановлением Усть-Больше-рецейского РО НКВД от 4 июня 1940 г. на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 17.10.1966. Реабилитирован постановлением УКГБ по Камчатской обл.

В годы Великой Отечественной войны на разных фронтах погибли: Слободчиков (к сожалению, без имени-отчества) (1926 г. р.), лейтенант Слободчиков Борис Федорович (1919 г. р.), гвардии красноармеец Слободчиков Виктор Степанович (1926 г. р.), рядовой Слободчиков Иннокентий Андриянович (1912 г. р., вероятно, уроженец с. Толбачик, погибший в феврале 1941 г.), красноармеец Слободчиков Петр Николаевич (1920 г. р.), погибший 18 августа 1945 г. при высадке Курильского десанта на остров Шумшу.

СМЕТАНИНЫ

Начиная сбор материалов о происхождении камчатских фамилий, я был уверен, что Сметанины – это потомки крестников матроса Лаврентия Сметанина, который принимал участие в крещении камчадалов камчатского побережья (в 1748 г. эта фамилия появляется в селении Морощечная) и на Курильских островах. Но, как оказалось, на Камчатке проживают по сей день и потомки самого матроса Сметанина (очерк о нем см. в главе «Покорители Великого океана»). Вот, что пишут о нем в Арктической энциклопедии: «Сметанин Лаврентий (год рожд. и смерти неизв.), матрос, участник 4 походов в дальневосточных морях. Под руководством А. Ф. Шестакова ходил осенью 1729 в Пенжинскую губу Охотского м. Летом 1732 был чл. эксп. М. С. Гвоздева к берегам Северо-Зап. Америки. Побывал у побережья о-вов Хонсю и Хоккайдо (1739). Летом 1741 во время

плавания в составе команды «Св. Петра» (капитан В. Беринг) единств. из россиян дважды видел амер. континент. После трагич. зимовки на о-ве Беринга, окончившейся смертью командора, участвовал с оставшейся командой в стр-ве гукора, осенью 1742 вернулся на Камчатку».

Кстати, мореходом-промышленником стал и один из крестников матроса Сметанина: харчинский камчадал Василий Лаврентьевич Сметанин, который в 1773 г. в составе экипажа промышленного судна «Св. Евпл» отправился в Русскую Америку, открытую его крестным отцом в составе экипажа знаменитого бота «Святой Гавриил».

Отслужив свое и выйдя в отставку, оставаясь жить на Камчатке, службу за отца и деда Сметанина по наследству, по правилам того времени, несли его дети.

И, действительно, мы находим в архиве подтверждение этому факту: Сметанин, квартирмейстер 27 флотского экипажа, 1865 г. (ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1).

А те из потомков, кому не хватало места в морском или казачьем ведомствах, переводились в мещанское сословие по городу Петропавловску и его выселкам.

И мещан Сметаниных, как оказывается, было много. И все они, как нам думается, из Лаврентьевского гнезда.

Документы свидетельствуют:

Сметанин Василий Петрович, проживающий в с. Хутор, отставной матрос морского ведомства, 58 лет, 1893 г. Вдова мещанина Михаила Сметанина Евдокия Спиридоновна Сметанина (66). Дети ее, мещане: Петр (33), Иннокентий (28). Жена Петра Александра Ивановна (28). Дети их: Иван (7), Мария (6), Стефанида (4), Евдокия (2). (Исповедальная роспись Петропавловского собора, 1893 г., ГАКК.)

Правда, есть версия и о том, что камчатские Сметанины – это потомки оставшегося на Камчатке рядового Камчатского гарнизонного батальона Сметанина Филиппа Яковлевича, 50 лет. Жена Параскева Ивановна. Дети: Семен (7), Иван (6), Пелагея (1). (Камчатские росписи 1812 г. Успенской и Николаевской церквей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.) Вполне возможно. Только вполне возможно, и

другое – что рядовой Сметанин происходит из рода матроса Сметанина, призванного на службу в Камчатский гарнизонный батальон, потомки которого впоследствии снова вернулись на морскую службу.

Из многочисленных петропавловских мещан Сметаниных только один – Амвросий (Амбросий) Кузьмич – принял участие в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. в Петропавловской дружине. Мы нашли сведения о его семье: Сметанин Косма Михайлович, петропавловский мещанин, 1893 г., 36 лет. Дети: Амвросий (8), Александра (4). Жена не указана. (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК.)

Потом он переехал на западное побережье Камчатки, женился на камчадалке, в годы Советской власти был репрессирован:

Сметанин Амбросий Кузьмич. Родился в 1882 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Халактырка; русский; малограмотный; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Соболево. Арестован 26 февраля 1932 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 8 июля 1932 г., обв.: по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 21 февраля 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Дочь его оставила свои воспоминания.

(«Воспоминания камчадалов и старожилов Камчатки», Петропавловск-Камчатский, 2007 стр. 231–235.)

Сметанина Зинаида Амвросиевна.

Записано В. И. Борисовым 17 февраля 2002 года, г. Петропавловск-Камчатский:

Отец Сметанин Амвросий Кузьмич родился в 1882 г. в селении Халатырка, около Петропавловска. Он был купцом 1 гильдии, я сама видела его документы. Отец занимался сначала торговлей, потом был рыбаком-охотником.

Отца забрали и посадили 1932 г. За антисоветскую агитацию на 3 года.

Меня вызывали в КГБ, я сама читала дело отца.

Мама Екатерина Михайловна Колтакина родилась 16 октября 1895 г. в Крутогорово. Родители мамы – камчадал Крутогоровского селения Михаил Корнилович Колтакин и его жена Агриппина Самсоновна,

Я родилась в Соболеве 12 февраля 1928 г.

Жили мы хорошо, поэтому его и забрали. После освобождения он жил в поселке Ольга Приморского края, мы уже в 1938 г. собирались поехать к нему, но пришла телеграмма, что он умер.

Он нам высылал посылки. Там он работал икрянщиком и завмагом.

У нас собаки славились, большие были, как волки.

У отца было двое детей от первого брака, когда он овдовел, приехал в Крутогорово торговать, остановился в доме у дедушки, там и встретил мою маму. Они познакомились. Сосватили, раньше не спрашивали, хочешь ты или не хочешь.

Отец переехал из Халактырки в Крутогорово, там родилось четверо детей, сын Валентин, Борис и Шура. Потом они переехали жить в Соболево.

В Соболеве родились Арина, я и Коля.

Сейчас я осталась одна.

Дом у нас был большой рубленый, было три или четыре комнаты. Столовая. Было хозяйство – две или три коровы, бык.

Отец зимой охотился, летом рыбачил. Работящий был, и у нас все было, а те, которые на него наговорили, они так и умерли лодырями.

Мама занималась домашним хозяйством, она потом работала в колхозе.

Сначала ее не принимали, а потом приняли. Она работала на полях.

Когда отца забрали, в чем мы были, в том нас и выгнали на улицу. В наш дом колхоз поселил большую семью Поповых, а мы жили в палатках. В доме что-то искали, разрезали ножами всю перину, по дому пух летал.

Потом отец вернулся на несколько дней, он сделал пристройку и покрыл железом, и стояли столбы без стен.

Но потом пришли и разобрали крышу.

Потом нам разрешили построить дом, братья ходили на море ловили доски, бревна, и те сначала отбирали.

Был такой Шаромов, он этим занимался.

В семь лет я пошла в школу, она была семь классов. Надбавки нам стали платить только в 60-х гг. Одежда у нас была обычная, мама сама шила. Меха у коряков брали, мы, дети, их очень боялись, они иногда пьяные были. К школе подъедут, мы их далеко обходили.

Потом брат стал председателем сельсовета, и у них тоже стал председателем сельсовета Метте, он одевался уже в костюм, он приходил к нам.

Мы дома все работали, у нас был большой огород, заросший мокрецом, мама уходит на работу, колышек поставит, дает норму сколько сделать.

«Чтобы я пришла с полей, вечером, чтобы все было чисто». Мы до последней травинки все выщиплем.

Назавтра она опять отмеряет.

Картошку хранили в погребе на улице и под домом. У нас было два балагана, коптили рыбу, юкола, балык, солили брюшки бочками.

В лесу собирали ягоду, бруснику, жимолость. Собирали всей гурьбой. Клюкву, бруснику в бочках хранили.

У нас отец из Петропавловска привозил яблоки в мешках, урюк, без косточек.

Ешь сколько хочешь. Конфеты-леденцы, сахар был кусками.

Мы туда залезем, в карманы натолкаем.

Мясо заготовливали, быка.

Была кладовка чистая, там клеенкой застелено, и мясо лежало. Крыс тогда у нас не было, я только в Петропавловске крысу увидела.

Был большой амбар, как сарай рубленый, внизу яма. Стоят бочки с рыбой, мясом медвежьим, с нерпичьим.

Был большой противень, мясо кусками наложат с картошкой – объедение.

Я в 12 лет уже доила корову. У нас была лошадь.

В селе было стадо коров, и был пастух. Потом появились куры. Свины были с черными пятнами. Отец привозил из города.

Была сначала баня по-черному, а потом отец сделал обычную, она стояла возле речки. Ведрами пошла, набрала. Воду грели в чугуне в печке.

Потом в бане стирали белье.

Камчадалы и сейчас живут в старых развалюхах, а те, кто приехал с материка, живут в хороших квартирах.

У нас там бабка жила, говорили, что она куклы какие-то выкидывала. Ее дочь хотела, чтобы мой племянник на ней женился, а он намного ее моложе, и она к нему кукол засылала.

Они за ним бежали. Это было.

Ко многим коряки домой заезжали, жили у них.

К нам подъедут к забору, поговорят и уедут. Мы боялись, сразу домой забегали.

Потом я их встречала у наших родственников, они приедут, сядут на полу, пьют.

А камчадалы кто как пили, одни пили, другие нет.

Был один коряк – он шаманил.

Учительница в школе у нас была Екатерина Сысоевна Ворошилова, Юлия Аркадьевна Калашникова, Иван Васильевич Лонгинов.

После школы я пошла работать в райфо секретарем. Потом в райисполком пошла работать секретарем-делопроизводителем.

Председателем райисполкома был Андрей Ильич Крупна, очень хороший человек.

Он нам помогал. Нас на работу не брали, сестре пришлось уехать.

Карлссон Александр был хороший человек, его тоже долго не брали на работу. Потом его взяли на работу в связь.

Начались гонения, старшие братья стали говорить, нас гоняют, как детей кулака, да и ты еще живешь с Карлссоном. Самый старший сын Северина Карлссона был Константин.

Я в Петропавловск уехала в 1950-м г. Потому что здесь нас никто не знал, что отец репрессирован. Соболево было небольшое, но длинное село. Люди нас жалели. Сомборко был женат на маминой сестре, они нам помогали. Сначала его забрали, потом нашего отца. Многих тогда забрали.

Потом я работала в редакции в Соболеве корректором, здесь был редактор «Камчатской правды» Балакин. Он меня знал, часто приезжал в командировку к нам, взял меня работать в корректорскую группу. А потом ушла в санэпидемстанцию и 35 лет отработала там.

В то время работать было интересно, но у нас был ответственным секретарем редакции Бондарев А. Н., он меня донимал, что я кулацкая рожа.

Он несколько раз выступал, чтобы меня из редакции выгнали.

А потом редактором у нас был Южанин Николай Александрович. Очень хороший человек, он меня не выгонял.

Второй раз я замуж вышла в 1952 г. за моряка.

Мать больше замуж не выходила. Потом началась война, брата Бориса забрали в армию. А старший Валентин остался с нами, а потом переехал в Елизово. Он сначала работал в колхозе, а потом его выгнали, как сына кулака.

Он пришел с фронта раненый, был первый фронтовик из Соболева, он написал книгу во Владивостоке, воспоминание о Бресте. Он там застал первые дни войны. Он был писарем в штабе, у него был очень красивый почерк, образование у него четыре класса. Брат рассказывал, когда началась война, в первый день, утром солдаты бежали, кто в чем, в нижнем белье, все в белом.

У Бориса здесь дочь Людмила. Он написал книгу.

Брата на войне ранило, он попал в госпиталь. Он пришел из армии. его встречали с почетом, потом он много лет был председателем сельсовета. Мне заплатили компенсацию за отцовское хозяйство.

В последнее время в Соболеве из Карлссонов остались Александр, Валентин и Таисия.

Валентина Александровича призвали в армию. Потом он учился в училище на трубопроводчика. Потом он уехал – не знаю куда.

Дом у Карлссонов был самый большой в Соболева. Потом, когда Соболевский район образовали, тогда его разделили пополам, в одной половине жил первый секретарь райкома партии, в другой председатель райисполкома.

У Александра Севериновича Карлссона было пятеро детей,

он был женат на Евдокии, старшая Соня, 1919 г. рождения, Таисия, наверно, 1922 года. Татьяна с 1924 г., Александр с 1925 г., Валентине 1935 г.

Соня уезжала во Владивосток, потом она вернулась обратно в Соболево.

Все дети болели туберкулезом, умерли.

У Таисии муж Филиппов, погиб на фронте во время Великой Отечественной войны, было двое детей – Юрий и Рината.

Юру призвали в армию, и его судьбу проследить было трудно, говорили, что он жил в Новосибирске.

У нас с Александром Александровичем Карлссоном был гражданский брак, у нас дочь Нина, потом он женился на Поповой Вере, у них был сын. Когда Александр умер, в 1950 г., Вера вышла замуж.

Дочь Таисии Ринатка. племянница Валентина училась в медицинском училище, Валентин ее взял к себе, изнасиловал и стал с ней жить, у них был ребенок. Поехали они в Новосибирск к родственникам, но во Владивостоке он ее бросил.

Оставил ей 200 рублей, и все.

Она писала мне письма, я ей деньги высылала. Потом во Владивостоке она вышла замуж, и связь с ней мы потеряли.

Николая, старшего брата Александра, я помню плохо. Он был женат на Марии Глущенко, у них была дочь, сыновья Октябрь и Коминтерн, они жили в Новосибирске. Октября звали Отька, а Коминтерна- Комка.

Я еще в детстве помню, что Николай буянил, пил водку.

Николай был агрессивный, часто дрался. Еще была дочь старшая Лариса Николаевна, у нее, по-моему, было двое детей, мальчики, она была замужем за Гребенчиковым. Николай Карлссон работал на катере.

Они жили где-то в Крутогорово, потом она их бросила.

Мария Севериновна в Соболево не жила, она вышла замуж за Панчу. У ее дочери Людья сын Петр Панчу.

Людмила Панчу мне рассказывала, что Мария Севериновна жила в Японии. Она фотографии показывала.

Вера Карлссон, по-моему, Марии Глущенко дочь. У нее был сын, но как звать – я не помню.

Валентин Северинович был, наверно, 1917 г. рождения, он утонул, работал на катере.

Веры Кузовкиной отец.

У Валентина жена была Самборко Александра, она приезжая, она моя тетка родная. Савва Макарович Самборко был приезжий.

Деда Северина я помню плохо, у них был магазин в Соболево, мы в магазин бегали, он был высокий дядька.

На месте магазина хотели построить строения, но не могли его сломать, так хорошо построили, несколько раз взрывали.

В Соболево была часовня, она долго в бездействии стояла. В лапту часто играли, это была любимая игра Во время войны играли в военные игры.

После войны в Кировске видела пленных японцев в 1945 г., их строем водили.

Раньше через речку было село, называлось Воровское.

В Соболево был Янсон, возможно был учителем. Когда на папу наговорили, что он с японцами связан, Янсон за папу заступался.

Свои воспоминания оставил и его сын – Борис Амвросиевич.

Жители Соболево в конце двадцатых годов занимались зимней охотой, летом и весной рыбалкой. Все прочнее становилась в здешних местах Советская власть, оживленная жизнь. Из райцентра (до 1946 г. это был Усть-Большерецк) чаще стали приезжать уполномоченные. Они рассказывали о проходящей на материке коллективизации, о ТОЗах – товариществах общественного земледелия, о других новостях. Хотя и с большим опозданием, но регулярно поступала к нам областная газета «Полярная звезда». В Соболево ТОЗ было организовано летом 1929 г. Его председателем был Савва Макарович Самборко. Члены товарищества, которое просуществовало два года, сами учились и учили других обрабатывать землю.

В 1930 г. создается первым на западном побережье колхоз «Пионер Запада». Событию этому предшествовали большие дебаты и споры: что лучше – колхоз или ТОЗ?

Жизнь в селе преображалась буквально на глазах. В клубе организовали драмкружок. Связист В. И. Пронин, местные

парни Александр Васильевич Спешнев, Михаил Васильевич Спешнев, Виктор Михайлович Бенкис, Николай Северинович Карлсон и другие ставили на сельской сцене пьески-спектакли, организовали музыкальный инструментальный ансамбль. По-новому жить начинали...

И как снег в летний солнечный день свалилась на сельчан горькая весть- начались аресты. Летом 1931 г. первым был арестован С. М. Самборко. Затем пришел черед Калиновского, Храмова... Словно тень нависла над каждым домом в разных селах.

За что?

Почему?

В чем виноват?

Кто следующий?

Всех арестованных вывезли пароходом в Петропавловск.

Новая волна арестов нахлынула с началом 1932 г. Она захлестнула все побережье. Партии арестованных формировались из русских, коряков, ительменов с Паланы, Тигиля... Причем делалось это все рассчитано: как только подходил очередной этап с севера до Крутогороро начинались аресты в Соболево для того, чтобы пополнить колонну новыми «врагами». Так попали под конвой Н. А. Ворошилов, У. М. Самборко – брат уже арестованного С. М. Самборко.

13 февраля 1932 г. арестовали моего отца Амвросия Кузьмича Сметанина. Что мы пережили тогда? Горечь, отчаяние... И сейчас об этих днях вспоминать больно. А тогда...

Маленький лучик надежды блеснул летом того же 1932 г. – пешком из Петропавловска вернулся освобожденный У. М. Самборко, в конце года из Владивостока добрался до родины его брат С. М. Самборко. В Облуковино вернулся кто-то из Косыгиных, в Соболево – Н. А. Ворошилов. Думалось, может и мой отец арестован по ошибке, что эту ошибку исправили, и он тоже добирается домой, где на попутках, где пешком.

Пришло очередное лето. И с ним очередные аресты. В 1933 г. вновь арестовывают С. М. Самборко и Н. А. Ворошилова. Кого-то взяли на рыбокомбинате... Вновь всех вывезли. Проходит еще один год, проходят еще аресты.

Как передать те чувства, нас тогда охватывавшие, когда не-

известна сегодня судьба вчерашнего соседа, когда неизвестна твоя собственная судьба завтра? Весточек с этапов не приходило, а ненадолго вернувшиеся были неразговорчивы... В число «врагов» попали молодой бухгалтер колхоза «Пионер Запада» Н. Н. Селиванов и колхозники П. В. Спешнев первый (был еще П. В. Спешнев второй), А. С. Карлсон. Инициативным (по арестам) был председатель Крутогоровского сельсовета Г. С. Борисов. Инициативным до ареста... К сожалению, не могу назвать всех земляков, кого арестовали в Руси, Колпаково, Крутогорово, Облуковино. Многих я либо плохо знал – фамилии их в памяти не сохранились, либо не знал вовсе. Последний этап Соболевских я встретил в Большерецке, где был на курсах счетоводов. Из всех мною упомянутых арестованных, кроме У. М. Самборко (он умер в Соболево), вывезенных на Колыму, никто не вернулся и дальнейшая их судьба мне неизвестна.

Первую весточку от отца мы получили из Нагаево – охотморского порта Колымы. Он писал, что осенью 1933 г. в Хабаровской тюрьме им объявили приговор. В камеру вошли трое. Одного из них отец узнал – это был судья Кроцкий (как-то зимой он проезжал по западному побережью, разбирал судебные дела. Гостиниц, понятное дело, не было в Соболево, он останавливался у нас в доме). В камере всем приказали встать. Кроцкий называл фамилии и объявлял срок. Меньше десяти лет никому не давали. Оказывается, это был суд «тройки». Как писал отец, никаких обвинений не предъявляли, объявляли только срок. И все. Заключение в камере было больше 10 человек. Назвали всех кроме отца. Когда «тройка» собралась уже выходить, отец обратился к судье по имени-отчеству и спросил: «А сколько же дали мне?» Кроцкий посмотрел на меня и крикнул: «Тебе три года». Отец спросил: «За что?» Судья не ответил, махнул рукой и вышел.

После объявления срока заключенных вывезли в Нагаево. Там разъединили по разным этапам и лагерям. Дальнейшую судьбу друг друга никто не знал.

Три года – срок небольшой, и уже в конце 1936 г. отца должны были освободить. Но при таинственных обстоятельствах его «умерли». В письме из Дальстроя, из Владивостока,

*которое мы получили в 1939 г., нам сообщили, что надо при-
быть за вещами отца. Почему во Владивосток, если отец
отбывал срок на Кольме? Почему в 1939-м, если срок закан-
чивался в 1936-м? И какие вещи могут быть у арестанта?
Ответа на эти вопросы мы, конечно, не получили.*

*Однажды мне представилась возможность побывать в этом
самом Дальстрое. Меня привезли на склад. Он был из ме-
талла длиной 40–50 метров и шириной 15–20 метров. Поло-
вина склада была завалена сверху донизу мешками, одеялами,
тряпьем, перевязанным шпагатом. И на каждом тряпичном
свертке были бирки с фамилиями и инициалами погибших
«врагов» народа. Тогда, словно наяву, я увидел те тысячи и
тысячи людей, кому принадлежали эти «вещи». И я с отвра-
щением покинул этот склад.*

Из всех арестованных соболевчан, насколько я знаю, по-
смертно был реабилитирован только один – Савва Макарович
Самборко. Судьба остальных осталась неизвестна. Знаю толь-
ко, что у многих остались дети, у которых выросли свои дети,
может, уже и внуки. И им, наверное, небезразлична судьба
отцов и дедов, родственников близких и дальних, чьи имена
незаслуженно вычеркнуты из истории.

Газета «Рассвет» от 28 января 1989 г.

Односельчане гордятся своим земляком – сыном Амвросия
Кузьмича Борисом Амвросиевичем Сметаниным:

«Сметанин Борис Амвросьевич – уроженец п. Крутогорово
Соболевского района. Родился в 1919 г. Накануне войны прохо-
дил срочную службу в стрелковом полку в Амурской области.
Вместе с ним служили земляки из с. Русь М. Пермяков, И. Ска-
лин, И. Агапов, А. Глызин, А. Климовский. В апреле 1941 г. их
воинскую часть передислоцировали на запад, в г. Брест. С пер-
вых дней войны Б. Сметанин стал участником боевых действий.
Рано утром 22 июня 1941 г. немцы прямой наводкой со стороны
реки Буг расстреляли казармы в городке неподалеку от Брестс-
кой крепости, где базировалась 22-я танковая моторизованная
дивизия. Под разрывами первых снарядов погиб Михаил Пер-

мяков. Борису Сметанину чудом удалось выжить. С боями часть, где он воевал, отступала из Бреста. Трижды попадали в окружение, к своим регулярным частям пробивались с тяжелыми боями. В одном из окружений Борису удалось связкой гранат подорвать фашистский танк. Были кровопролитные бои под Рудней на реке Сож. В одном из боев наш односельчанин из станкового пулемета уничтожил вражеского снайпера. В августе 1941 г. он был контужен, тяжело ранен и попал в госпиталь, затем эвакуирован в тыл. После длительного лечения его комиссовали по ранению. В 1942 г. солдат вернулся домой. В январе 1944 г. Сметанина Б. А. назначили председателем Соболевского сельсовета. В ведении Соболевского сельсовета тогда входил и рыбокомбинат им. С. М. Кирова с пятью населенными пунктами и с. Русь. Находясь в глубоком тылу, фронтовик продолжал трудиться во имя Победы, мобилизуя население на обработку рыбы. Передовая для него переместилась в рыбные цеха. Рабочих рук постоянно не хватало, а планы по сдаче рыбной продукции для фронта были большие.

Борис Амвросьевич награжден медалью “За боевые заслуги”, “За победу над Германией”.

После войны Сметанин Б. А. более тридцати лет, до выхода на пенсию, жил в Соболево. Был председателем Соболевского сельского Совета, заведующим райгосархивом, трудился в Соболевском аэропорту. Умер в 1994 г. в г. Владивостоке.

В настоящее время в Соболево проживает дочь Бориса Амвросьевича – Иванова Людмила Борисовна».

Материал подготовлен Еловской О. Н (Соболевская библиотека), по материалам газет Соболевского района – «Камчатский рыбак», «Рассвет».

Примерно в одно время с Амвросием Кузьмичом были арестованы Сметанины (выходцы из матросов), проживавшие в Хуторе:

Сметанин Владимир Иванович. Родился в 1915 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово; камчадал; образование низшее; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Елизово. Арестован 28 мая 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 5 августа

1933 г., обв.: по ст. 58-10 и ст.74 ч. 2 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы. Реабилитирован 19 февраля 1990 г. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

И его отец – Сметанин Иван Петрович. Родился в 1885 г., Камчатская обл., Петропавловский р-н, с. Хутор.; камчадал; неграмотный; б/п; был рыбаком-охотником. Проживал: с. Елизово. Арестован 15 сентября 1933 г. Приговорен: тройка при ПП ОГПУ Двк 17 апреля 1934 г., обв.: по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Приговор: к 3 годам лишения свободы условно. Арестован повторно 21 мая 1937 г. Камчатским облсудом 5 мая 1939 г. по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР приговорен к 7 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реабилитирован постановлением Президиума ВС РСФСР от 6 июня 1990 г. Реабилитирован 19 февраля 1990 г. Реабилитирован по этому делу заключением прокурора Камчатской обл.

В годы Великой Отечественной войны Петропавловским военкоматом был призван красноармеец Сметанин Иван Федорович (1912 г. р.), который погиб при освобождении Белоруссии 11 марта 1944 г. и захоронен в 150 м севернее д. Бикитуны Витебского района Витебской области, на гражданском кладбище, могила № 100.

СНОВИДОВЫ

Родоначалнику этой камчатской фамилии ссыльному Ивану Кириаковичу Сновидову мы посвятили отдельную главу в романе-исследовании «Встречь солнцу» – это особая фигура не только в истории Камчатки, но и в истории Российской империи.

А вот что касается дальнейшего генеалогического древа, идущего от корней ссыльного Ивана Кириаковича Сновидова, то мы видим три основных направления – два материальных (физических) и один духовный.

Материальны его потомки, которые выбрали себе разную жизненную стезю. Один из сыновей, Захар, пошел по промышленной части: в 1773 г. в числе «компанейщиков» – организаторов промыслового вояжа бота «Св. Евпл» – был и камчатский купец Захар Иванов Снофидов (за него работником

послан Двуроточного острожка Никифор Гаврилович Чюбаевский), оставшийся в Нижнекамчатске, куда был сослан его отец Иван Сновидов. А другой, старший «вскормленник» (то есть воспитанник, пасынок) Сновидова – Иоанн Иоаннович – стал настоятелем Ичинской церкви и носителями этой фамилии после крещения их отцом Иоанном стали и духовные его дети – камчадалы Сновидовы, Снафидовы, Снафидины.

А сейчас мы предоставляем слово Диане Сновидовой-Григорьевой:

«И род сей не преидет...»
(02.02.2006, газета «Вести»)

Многие ли из нас могут похвастаться тем, что знают свою родословную «до седьмого колена»! Большинству из нас разве что известны имя и фамилия прадеда. А так, чтобы знать своих «родников» на пару столетий вглубь, – вряд ли. А вот жительнице г. Елизово Диане Викторовне Григорьевой удалось составить свое генеалогическое древо аж до 1742 г. Оно получилось у нее довольно ветвистым, с пышной кроной и разлапистыми ветками, насчитывает около сотни человек, и известны имя, отчество, год рождения каждого из них и также некоторые подробности биографии. Родословная составлена на основании архивных документов и записей в церковно-приходских книгах, серьезных исторических источниках, которые невозможно опровергнуть самому дотошному архивариусу, потому что факты, подтвержденные историческими документами на гербовой бумаге, – вещь серьезная.

Диана – урожденная Сновидова.

Она – ительменка, красивая, стройная, по натуре добрая, подвижная, энергичная. Одним словом – само обаяние. Диана с восхищением относится к самому обычному делу, мимо которого иной из нас пройдет, не обратив внимания. Она поет в хоре, регулярно сотрудничает с газетой «Абориген Камчатки» – пишет статьи, составляет кроссворды, на общественных началах преподает детям из общины «Пимчак», что в селе Сосновка, ительменский язык, помогает проводить праздники, соревнования и при этом заряжает своих подопечных

неуемной энергией, которая так и плещет из ее души через край. Она не лишена бесстрашия и отваги и еще недавно регулярно выходила на охрану ительменского стойбища – музея под открытым небом, что в поселке Сосновка. Ее волнует многое – родная природа, экология, народные праздники и национальные ремесла. Она с интересом изучает «Живую этику», эзотерику. Но больше всего интересуется историей и своими знаменитыми предками. О них она готова рассказывать часами. Они были достойными сынами и дочерьми своего Отечества, разделившими с ним его непростую судьбу. Среди ее предков были купцы, крестьяне, служивые люди, торговцы и целая плеяда священников камчатских церквей. И все они принадлежали к известному камчатскому роду Сновидовых, родоначальником которого был сержант лейб-гвардии Измайловского полка Иван Сновидов. Он служил в Санкт-Петербурге, но волею судеб в середине XVIII века оказался в одном из камчатских острогов.

От тюрьмы да от сумы не зарекайся

В 1742 г. на российский престол была возведена внебрачная дочь Петра I Елизавета Петровна. Опальные князья и простолюдины негодовали по поводу того, что на российский трон снова «села баба», тем более безродная, между тем как в Государстве Российском было много других, более достойных и родовитых претендентов, чьи послужные списки велись «из колен Рюриковых». Слухи и пересуды распространились по всему Петербургу. В один из вечеров трое подвыпивших людей – прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка крестник Петра Великого Петр Ивашкин, камер-лакей бывшей царицы Анны Леопольдовны Александр Турчанинов и юный сержант Иван Сновидов – сидели в кабаке и вели крамольные речи о «бабьем царстве» в России. По доносу все трое были арестованы, им приказано было учинить публичное наказание кнутами, вырвать ноздри, а у Турчанинова – отрезать язык и «сослать всех на край земли, в Камчатку, в вечную ссылку». Так вот и оказались Иван Кириакович Сновидов, Петр Матвеевич Ивашкин, Александр Дмитриевич Турчанинов в камчатских острогах.

Дальнейшая судьба ссыльных

Как свидетельствуют документы, поначалу один из них, Петр Ивашкин, был оставлен в Якутске. Там познакомился с будущим начальником Камчатки Василием Чередовым и в 1754 г. прибыл на полуостров. Имея могущественного покровителя в лице столь важного чиновника, ссыльный Ивашкин ездил со своим хозяином по всему полуострову, торговал табаком, пьянствовал, драг три шкуры с местных жителей и купцов, порол непокорных кнутами, ссылал их в дальние остроги. По жалобе главы камчатских миссионеров отца Пахомия о бесчинствах начальника Камчатки и его прихвостней Чередов был отозван в Якутск. Заступничество за обиженных и униженных камчадалов не сошло с рук святому отцу: до своего отбытия бывший начальник Камчатки успел поизмываться над батюшкой. По его приказу отец Пахомий стоял на коленях в снегу и отмаливал грехи начальника-сатрапа. Петр Ивашкин был сослан в Верхнекамчатский острог, где его следы надолго затерялись. Он пробыл в ссылке 63 года. Когда в Петропавловскую гавань зашли фрегаты Лаперуза, французы встретились с царским изгнанником. Вот как писал о ссыльном Ивашкине переводчик экспедиции Лаперуза Лессепс: «Необходимость промышлять все надобное для себя принудила его привыкнуть к жизни камчадалов, он так же одевался, как они, бывал с ними на звериной и рыбной ловле, сими средствами промышлял свои потребности». У опального Петра Ивашкина появилась возможность вернуться на родину после восшествия на престол императора Павла I на корабле Крузенштерна, но, будучи уже глубоким стариком, он отказался от поездки, решив провести остаток дней на Камчатке.

«А в России начальники!..»

Что касается судьбы его собрата по несчастью Александра Турчанинова, ссыльный камер-лакей устроился на далеком полуострове довольно неплохо. Не слишком обремененный муками совести, он то и дело находил себе приют под крыльшками начальников-сатрапов, был им верным слугой и вместе с ними творил на вверенной им территории всяческие беззакония и произвол. («Времена Чередова, Кошкарева и Не-

дозрелова, – писал историк А. С. Сгибнев, – назвали тремя смертными грехами, и предание о их злодействах сохранились на Камчатке и поныне»). Иван Извеков – новый главный командир Камчатки, капитан-лейтенант, морской офицер, балтиец, выпускник морской академии, присланный на полуостров в октябре 1764 г., превосходил своей жестокостью всех троих, вместе взятых. «Три смертных греха вмиг померкли перед этим новым исчадием ада». (Вахрин С. «Встречь солнцу»).

«Набрав шайку пьяниц, во главе которых стоял ссыльный Турчанинов, Извеков с этой компанией ходил ночью по семейным домам, отнимал жен и дочерей и сопротивлявшихся заковывал в кандалы... Малейшее невнимание к его личности или просто невеселый вид приводили его в бешенство, и тогда, не разбирая ни пола, ни возраста, он бросался на свою жертву и чем попало бил ее до изнеможения...» Вот уж верно сказано: «А в России начальники единое только имеют право делать людям несчастье. Народ российский терпит единое тиранство» (из воспоминаний ссыльного, депутата от дворянства И. С. Степанова. Из док. ЦГАДА. Фонд 6, опись 1, ед. хранения 409).

Династия Сновидовых

Проследив судьбы товарищей по несчастью царского ссыльного Ивана Сновидова, вернемся к главному герою нашего повествования. Сержант лейб-гвардии был сослан в Нижнекамчатский острог, где обосновался весьма неплохо, потому как примкнул к известному камчатскому миссионеру архимандриту Хотунцевскому. Сей святой отец был известен бурной деятельностью в деле просвещения жителей Камчатского полуострова. (За семнадцать лет его миссионерской деятельности на полуострове были возведены четыре новые церкви, крещено в Православии более 4 000 коренных жителей.) Иван Сновидов основал в устье реки Камчатки солеваренный завод (надо заметить, что соль на полуострове в те времена была в большой цене), снабжал солью промышленников, отправлявшихся на Алеутские острова, и содержал всю церковную братию архимандрита. Потеряв всякую надежду на возвращение на большую землю, женился. Его сын Иоанн в 1765 г. был зачислен в клир, а второй сын, Захар, пошел по купеческой линии.

Первые священники Сновидовы

Близость к архимандриту благотворно отразилась на судьбе потомков ссыльного сержанта. Надо сказать, что еще в 1749 г. Иоасаф Хотунцевский обратился в святейший Синод с «Доношением» «Об умножении Камчатского духовенства и клире», в котором просил соизволения «определять в пономари и дьячки из обучавшихся... детей русских и камчадалов», на что и получил высочайшее благословение. В 1776 г. Иоанн Сновидов был рукоположен в священнический сан и служил в Ичинском приходе, в Вознесенской церкви. Оба его сына – Петр и Александр – тоже стали священниками Ичинской церкви, в которой служили по 1843 г. Последний, Александр, по всем данным, не совсем соответствовал занимаемому сану, за что и был примерно наказан. История донесла до нас один документ, подписанный епископом Камчатским, Курильским и Алеутским Иннокентием, в котором Его Преосвященство дает распоряжение в отношении отца Александра: «Сновидова от должности отрешить и впредь до исправления и искреннего раскаяния в приход не определять... Как неисправного по совершению треб и немиролюбивого и склонного к раздорам и бывшего причиною неустройства в приходе... из Ичинского прихода удалить в Большерецк под надзор тамошнего священника и без особого моего позволения в Ичинский приход ему не выезжать». Следует сказать, что наказание епископа было справедливым: отец Александр, человек властный и своевольный, злоупотреблял своею властью над прихожанами и, вопреки церковному уставу, отказывал в исповеди тем, кто не желал ему подчиняться. А некоторые из непокорных по его доносу были выселены из родных мест.

Род Сновидовых в XX веке

После описанных выше событий следы потомков Ивана Сновидова теряются. После долгих поисков Диане Викторовне Сновидовой удастся восстановить прервавшуюся было цепь событий: в 1904 г. из Санкт-Петербурга в Палану приезжает священник Василий Иоаннович Сновидов, родной дед Дианы. Через

три года он женится на дочери казака Иосифа Юшина. В областном архиве удается отыскать «Метрическую книгу Паланской Свято-Николаевской церкви» за 1908 г., в которой указана дата рождения и крещения Виктора Сновидова, отца Дианы. Интересно отметить такой немаловажный факт: в документе написано: «Таинство совершал Священник Лонгинов». Логиновы-Лонгиновы – представители еще одной из камчатских фамилий.

В начале XX века род Сновидовых продолжил Нестор Ионович, ставший родоначальником большого семейства. В 20-е гг. прошлого столетия среди руководителей Усть-Камчатского района встречаем уроженца Нижнекамчатска Ивана Сновидова, в должности комсомольского вожака в Палане – потомка одного из камчатских священников учителя Владимира Сновидова. Пышное генеалогическое древо коренных камчадалов Сновидовых пустило молодые отростки и в XXI веке. Некоторые из них живут в Палане. Сегодня их имена можно встретить среди участников знаменитой «Берингии». Это каюры Андрей Гридяев и Александр Скрягин. Оба из рода Сновидовых. Они работают с собачками, занимаются каратэ. Александр в соревнованиях прошлого года стал вторым призером.

Послесловие

Вот такая история одной из известных камчатских фамилий, которую поведала мне Диана Викторовна Григорьева (урожд. Сновидова). «Для чего я копалась в архивах и потратила на это несколько лет? – говорит она, улыбаясь. – Хотела узнать о корнях своих. А без корней своих мы превращаемся в “Иванов, не помнящих родства”».

И с ней нельзя не согласиться.

И в завершение своего повествования хочется вспомнить слова В. Г. Белинского: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило бы нам наше настоящее и намекнуло бы о нашем будущем». Публикуя данный материал, автор надеется, что представители и других камчатский династий захотят связаться с редакцией газеты и рассказать о своих родословных.

Людмила САВИНА

*Из рода Сновидовых и Солейчук Людмила Ивановна.
(«Воспоминания камчадалов и старожилов Камчатки.
Век двадцатый», Петропавловск-Камчатский, 2007
г. Записано В. И. Борисовым 1 ноября 2002 г.,
г. Петропавловск-Камчатский).*

Отец мой Сновидов Иван Федорович родился 20 октября 1900 г. в Нижнекамчатске.

У нас в родне были священники, а отец был партийным человеком, поэтому он о своих родственниках почти не рассказывал.

После того как отец женился на маме, он переехал в Нижнекамчатск, там родились Володя и Полина. Потом они переехали в Усть-Камчатск.

Отец учился в церковно-приходской школе, у него были братья Иона, Семен, Петр и Константин. У Семена две дочери – Анна и Ася (Августа).

После окончания школы священник Геронтий отправил отца учиться во Владивосток. В это время началась революция, он не доучился и вернулся на Камчатку. Потом отец писал книгу о своей жизни, но рукопись где-то пропала.

Пропали много фотографий, где были запечатлены участники конференций, пленумов 30–40-х гг.

Отец принимал участие в установлении Советской власти на Камчатке.

Потом, уже в Советское время, он опять ездит во Владивосток, учится на рабфаке. Рабфак находился в 3-этажном здании из красного кирпича.

В 1920-х гг. отец работал в редакции газеты в Усть-Камчатске вместе с Владимиром Семеновым, там же работал и Афиноген Греченин, и Пугачев.

После окончания рабфака его направляют на работу в Нижне-Улуский край.

Видимо, он там был женат, и был у него сын Владимир.

Когда Иону Федоровича расстреляли, он до этого, по-моему, работал председателем райисполкома, отец сразу приехал на Камчатку. Чтобы воспитывать дочерей Ионы Федоровича.

Потом отец женился, они какое-то время жили в Нижнекамчатске, потом в 1936 г. переехали в Усть-Камчатск, где он работал в райфинотделе.

Отец гордился, что был камчадалом.

Когда началась война, чтобы сохранить отца, как специалиста, его отправили в Харчино и сказали, что надо было родить четвертого ребенка.

После войны мы переехали в Ключи, отец работал в лесхозе, а потом в поссовете, откуда он ушел на пенсию. Отец рисовал картины, он очень любил пейзажи, потом он комбинировал: брал фрагменты известных художников и собирал их вместе.

У нас дома было много открыток с репродукциями. Рисовал он и камчатские пейзажи.

Отец умер 3 марта 1968 г.

Отец с матерью мало нам рассказывали о жизни.

Мать Евдокия Корякина родилась 9 ноября 1898 г., крещена 13 ноября 1898 г. Ее родители – петропавловские мещане Владимир Петрович Корякин, Евдокия Николаевна. Восприемниками были тоже петропавловские мещане Николай Владимирович Григорьев и Мария Константиновна Варрен.

Мать первый раз вышла замуж за Егора Бушуева и жила в Толбачике.

Моя бабушка в девичестве – Гарднер Евдокия Николаевна.

У деда Гарднера были друзья – Толман, Кандер и Варрен.

Фирма Гарднер до сих пор существует, и Андрей матери на 65-летие купил столовый сервиз фирмы Гарднер и сказал: «Гарднеровские еще живы!»

У мамы с отцом были дети – Владимир, 1933 г. р., Полина, 1935 г. р., Борис, 1936 г. р., и я, 1943 г. р.

Отец с матерью встретились на «вечерке». Мать раньше жила в Толбачике и оттуда убежала от мужа Бушуева. Он ее сильно избивал. Она была на 20 лет его младше. У них были дети – Екатерина, она потом вышла замуж за Атласова, они жили в Мильковском районе. Дети ее живут в Начиках.

Елизавета жила в Долиновке, Вера вышла замуж и уехала на Сахалин. Ася вышла замуж за Сновидова Алексея, они жили в Средне-Камчатске, на Базе, потом в Макарке, Соня вышла

замуж за Ключева Василий, жила в Харчино, потом переехали в Ключи, одно время жили в Макарке. Валентина вышла замуж за Ивана Джулая.

После того как мать убежала, все дети остались у Бушуева, он потом женился на удмуртке.

Потом дети приезжали к матери в гости, они поддерживали отношения, мама сама ездила к Вере на Сахалин.

Мать участвовала в строительстве лесокомбината, она и печки делала, и стекла стеклила. Принимала участие в строительстве электростанции.

Когда отец с мамой познакомились, он вскоре сделал ей предложение, она сомневалась и сказала, что у нее в Толбачике есть дети.

Он ей говорит; смотри, чтобы потом не пожалела.

Мать жила в Ключах и умерла в июне 1985 г.

Когда мать жила в Толбачике, у нее была очень злая свекровь Софья, мать Бушуева Егора. Как-то к ним приехал каюр, тогда было такое правило, накормить, дать кров, накормить собак и потом поесть самому.

Приехал этот человек, переключал и оставил им посылку от кого-то. Егор положил на вешалку. Когда каюр уехал, у них началась ломота, зевота, всех, кто был в доме, начало корезить, а потом свекровь и говорит, что этот мужик, наверно, что-то сделал.

– Ну-ка, Егор, брось-ка посылку в печку. Не обеднеем.

Когда кинули, загудело все в доме, завывало, затрещало. Они выскочили на улицу и увидели, что из трубы выбивается пламя в форме зверей – с воплями, рычаниями.

После этого все успокоилось.

Я помню Егора Бушуева. В 1953 г. мы приезжали на Камчатскую Базу, где жила Ася, за переулком жил этот дед.

Он был в годах, здоровый мужичище, ходил в распущенных штанах, босиком, лохматый, борода была седоватая. Рубаха с выпуском наверх и повязана веревкой.

Когда он и потом гонялся за матерью с дрыном, я пряталась в картофельную ботву. Но третью свою жену он не бил.

Я училась в Ключах во 2-й начальной школе, потом на этом

месте поставили вторую школу, восьмилетнюю, и сейчас там изотерику – профтехучилище. Я помню здание церкви. Когда привезли корейцев в конце 40-х гг., они жили в здании церкви.

Они работали на деревообрабатывающем комбинате. Корейцы разжигали костры, варили пищу себе в таганках и съели всех собак в округе. Работали они хорошо, но чаще женщины у них не работали. Моя учительница была Галина Дмитриевна Садкова.

Мы жили бедно, у отца зарплата была маленькая, чуть больше 80 рублей, надбавок местным не платили. Его пенсию начислили 83 рубля. Еды постоянно не хватало, отец сам не рыбачил. В огороде выращивали свеклу, репу, картошку, турнепс.

Люди приезжие держали много домашних животных. А местным коммунистам не разрешалось держать крупный рогатый скот. Кроме кур и уток, нам не разрешали никого держать.

Нам рыбу помогал солить Василий Ключев, правда, он ловил чиручем на проточке Уке. Рыбу в Харчино зарабатывали летом, делали столы, на них разделявали рыбу и солили.

В Харчино в церкви была школа, в ней было два ряда парт; заходишь – сразу кладовка, а где алтарь, там жила учительница. Одну учительницу я помню – это Валентина Игнатьевна Неведомская.

Дома стояли на берегу. Магазин, рядом жил продавец Благадаев, недалеко Ключены, Лифановы, Столбовы.

В Ключах был колхоз «Вперед», у них был рогатый скот, овцы, телят выращивали. На его месте потом стал совхоз «Ключевской».

Климат был другой, лето было жаркое, а зимой сильные морозы. А когда были пурги, то дома заносило с крышами. Мы детьми прямо с самого конька дома съезжали вниз. Около Ключей река Камчатка не замерзала.

Возле насосной станции был бугорок, там люди находили камчадалские предметы, домашнюю утварь и даже попадались закопченные котелки.

Виктор Смолин рассказывал, что возле Хапицы тоже был какой-то острог.

В Ключах было ФЗУ, здесь учились мой брат Владимир и сестра Полина.

Потом Владимир строил лодки и кунгасы в ДОКе.

На Камчатке все старые жители, у которых корни уходят в XIX век, между собой родственники.

Снимок, который опубликован на странице 141 в книге Эстер Бленда Нордстрем «Деревня в тени вулкана», сделан с Набережной улицы, здесь раньше Брюхановы жили, Демидовы, потом Смирновы, сейчас здесь живут Горченины. Возможно, что этот снимок сделал Валерий Смирнов.

Видны лесхоз, его конюшня, вид на улицу Кирова, виден дом Петра Васильевича Коллегова.

А это письмо от **Зои Афиногеновны Соболевой (Гречениной)**.

«Я, мои братья, сестры, наши родители, деды и прадеды – уроженцы Камчатки. Наш род ведет начало от Сновидовых и Савинских. Сержант лейб-гвардии Измайловского полка Иван Сновидов за неодобрительные речи по поводу восшествия на престол Елизаветы Петровны в 1740 г. был жестоко наказан и сослан на Камчатку. Мой прадед Давид Федорович Савинский участвовал в обороне Петропавловска в 1854 г., а с 1862 г. до своей смерти в 1893 г. был управляющим Петропавловской казачьей командой. Я и двое из моих братьев родились в Нижнекамчатске. Мои родители и сейчас живут на Камчатке – Греченин Афиноген Васильевич и Греченина (Савинская) Екатерина Федоровна. Живут здесь же и двое из моих братьев, родившихся в Нижнекамчатске – Греченин Леонард Афиногенович и Греченин Федор Афиногенович».

Письмо написано 12 июля 1993 г. – к этому времени Зоя Афиногеновна проработала более 30 лет на ПО «Ангарскнефтеоргсинтез» в г. Анга.

Но вернемся к самым первым Сновидовым – детям Ивана Кириаковича. В 1812 г. мы находим следующее сообщение о Захаре Ивановиче: Снафидов Захар Иванович, счетчик, 64 года. Жена Пелагея Романовна. Дочери: Ксения (15), Параскева (13). (Камчатские росписи 1812 г. Успенской и Николаевской церковей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009,

оп. 2, д. 4.) По крайней мере, теперь известен год рождения Захара – 1748 г. Сыновья его, если они были, жили, вероятно, уже самостоятельно, своими семьями. По крайней мере, мы знаем, что нижнекамчатская ветвь Снафидовых была самостоятельной: Снафидова Анна Петровна, г. Ключи, 1993 г.

«Мой отец – сибиряк, его отец на Камчатку приехал, об этом мне старший брат рассказывал. Я 1920 года рождения, а самый старший из нас – 1907 года рождения. Отец на маме женился в Ключах, и у него уже были дети, у него был не первый брак. Были дочь и сын. Сестру мою звали Прасковья, а брата – Ксенофонт, они от первой жены. Вторая семья – три брата и две сестры. Отец – Голых Петр Васильевич. Мать – вроде, Григорьева, она младше отца. Он был пожилой. Он жил в Камаках, раньше назывались “Гоновская барабора”. Там жили Голых, Расторгуевы, Сидоровы, Сапрыгины, Томиловы. Мама потом вышла замуж за Сновидова Семена Федоровича, у него были братья – Иван, Иона, Константин и сестра Анисья. Он тоже был в возрасте, за сорок лет. Есть бабка Юрьева Александра, она много знает. У сына я сделала фамилию Снафидов. ...Потом я вышла за Снафидова Кирилла Федосеевича (он был инвалид, без ноги)... Снафидовы жили в Крестах, вроде, у мужа дядя был – Снафидов Иона» («Воспоминания старожилов долины реки Камчатки», Петропавловск-Камчатский, 2001 г., стр.114–116).

Вот еще интересная запись: **Снафидова Мария Семеновна**, вдова крестьянина в Нижнекамчатске, 1812, 31 год. Дети: Анна (14), Иван (8), Константин (5), Ефим (3). (Камчатские росписи 1812 г. Успенской и Николаевской церковей города Нижнекамчатска, РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.) Вероятно, это и есть одна из ветвей по линии Захара Ивановича Снафидова (возраст жены и детей позволяет нам сделать это предположение).

Эту фамилию мы встречаем и в селении Облуковино – Снафидов Михаил, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Облуковинская дружина). Но это, вероятно, уже один из потомков крестников Иоанна Иоанновича.

Но параллельно со Снафидовыми в Нижнекамчатске существовала фамилия Сновидовы, то есть в селе различали две фамилии, точнее два варианта одной и той же фамилии, но почему это произошло и почему именно Захар Иванович, родной сын Ивана Кириаковича, стал писаться Снафидовым, нам пока неизвестно. Возможно, это связано с разделением рода на священнослужителей и «иных сословий». Вот, что мы видим в истории Нижнекамчатска (данные за 1852 г.):

Сновидова Ирина Виссарионовна, вдова государственного крестьянина в с. Нижнекамчатске, 33 года. Сын Михаил (7).

Сновидов Иван Петрович, государственный крестьянин в с. Нижнекамчатске, 47 лет. Жена Татьяна Степановна (36). Дети: Степан (7), Анна (16), Мария (12), Наталья (8), Евдокия (3), Марфа (2). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год. РГИА ДВ, ф. 1009, оп. 2, д. 4.) Вероятно, это гражданская ветвь потомков Петра Иоанновича Сновидова, будущего священника Ичинской церкви, сына Иоанна Иоанновича, который первое время, до рукоположения в священники, мог быть церковнослужителем Успенской или Николаевской церквей Нижнекамчатска.

И, действительно, мы находим подтверждение о том, что в Нижнекамчатске в это же время существовала линия церковнослужителей Сновидовых: Сновидов Семен Петрович, пономарь, 41 год. Жена Евфрония Петровна (25). Дети: Владимир (14), Василий (13), Глеб (10), Георгий (7), Александра (9), Пелагея (2). (Исповедальная роспись Нижнекамчатской Успенской церкви за 1852 год.)

Священнослужители Сновидовы перемещались по всему Охотско-Камчатскому краю, поэтому не стоит удивляться, что представители их рода могли исполнять свои службы в разных населенных пунктах Камчатки: в 1847 г. начал службу дьячком в Гижигинской церкви Иоанн Андреевич Сновидов, в 1864 г. он стал священником и оставался на этом посту до 1893 г.; Сновидов Николай Иванович был псаломщик Гижигинской корякской походной миссионерской церкви в 1893 г. (Исповедальная роспись Дранкинской Иннокентьевской церкви за 1893 г., ГАКК.) Далее – Сновидов Николай Иванович, с. Колпаково, 58 лет,

священник, жена его – Евдокия Васильевна, 56 лет. Лишены избирательных прав в 1926 г. (Глинчикова Е. В. «Православие и Советское государство на Камчатке». «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр. 197). А в 1904 г. Сновидов Николай исполняет дела псаломщика Нижнекамчатской Успенской церкви.

Или вот еще пример: Сновидов Алексей Иоанович. Род. 11 февраля 1908 г. Родители – сын заштатного псаломщика Георгия Сновидова Иоана Георгиевич Сновидов и законная жена его Марфа Иннокентьевна. Восприемники – Нижнекамчатской Успенской церкви и. д. псаломщика Николай Георгиевич Сновидов и дочь священника Геронтия Коллегова девица Екатерина Геронтиевна Коллегова. Свящ. Геронтий Коллегов (Выписка из метрической книги Нижнекамчатской церкви за 1908 год, ГАКК).

Поэтому не случайно направляет нижнекамчатский священник Геронтий Коллегов учиться во Владивосток Ивана Федоровича Сновидова, зная о его династических корнях камчатского священнослужителя. Но Иван Федорович, как требовало новое время, стал советским партийным работником.

В 1904–1905 гг. в период русско-японской войны участниками обороны Камчатки в составе Усть-Камчатской дружины были два жителя Нижнекамчатска – Александр и Иона Сновидовы. В этой же дружине был и их однофамилец – Иван Сновидов из с. Харчино (восприемник одного из священнослужителей Сновидовых).

Что же касается фамилии ичинских (позже облуквинских) священнослужителей Сновидовых, то этот род прослеживается до наших дней, сохраняя свою династическую фамилию в полном соответствии с оригиналом.

Патриарх рода: «Священник Иоанн Сновидов, питомец лейб-гвардии Измайловского порта сержанта Ивана Кириакова Сновидова, по приговору тайной канцелярии посланного в Камчатку. Об этом сержанте архимандрит Хотунцевский с особенною хвалою отзывался пред святейшим Синодом, как единственно своими услугами чрез выварку соли и другими подерживавшем продовольствие миссии в Камчатке; а вскорм-

ленника его Иоанна, обучавшегося в нижнекамчатской школе, зачислил в клир в 1765 г. протоиерей Стефан, и чрез 10 лет послал в Иркутск к рукоположению. Он посвящен в священники 24 ноября 1776 г. к ичинской церкви, где со смерти Уваровского место было праздное. Дети Иоанна Сновидова Петр и Александр священствовали также при сей церкви – по 1843 г.» («Труды Киевской духовной академии», Киев, 1861 г. Прокопий Громов. Историко-статистическое описание камчатских церквей).

Вполне возможно, что в 1765 г. и произошло разделение фамилии на церковнослужителей Сновидовых (линия Иоанна Иоанновича, «питомца, вскормленника» Ивана Кириаковича) и мирских Снафидовых (линия Захара Иоанновича, родного сына Ивана Кириаковича).

Сновидов Александр Иванович, священник Ичинской церкви, сын «питомца, вскормленника» Ивана Кириаковича Сновидова – Иоанна, первого священника из рода Сновидовых. В 1843 г. епископ Камчатский отрешил Александра Сновидова от священства и выселил из Ичи («Творения Иннокентия, митрополита Московского», книга вторая, М, 1887 г. «Путешествие по Камчатке» (с 19 августа 1842 г. по 9 февраля 1843 г., 174 дня). Стр. 101).

«Бывший священник, здешний уроженец и воспитанник Камчатки, способностей очень хороших, но употребил их не на пользу своих собратий. Будучи давно уже болен ногами, он скрывал свою болезнь от вельможи начальства, потому, как он сам признался, чтобы не потерять места; и это заставляло его многим отказывать от исповеди и святого причастия; он столько не миролюбив и даже жесток, что по проискам его переселены или, все равно сосланы 33 души камчадалов и один престарелый ныне слепой дьячок. Все его поступки весьма видны, но следствием, производившимся духовными и гражданскими лицами не доказаны так, как требует закон; и хотя я нахожу много причин, заставляющих сделать следствие снова, но сделать сего я никакой возможности не имею. А потому и, основываясь на жалобах, лично до меня дошедших, и в которых отчасти признался и сам священник, и принимая в уважение

сие его собственное, хотя позднее и не совсем искреннее, но все-таки признание, решил дело сие так: 1) Священника Александра Сновидова... от должности отрешить и впредь до исправления и искреннего раскаяния в приход не определять. 2) Как неисправного по совершению треб и немирлолюбивого и склонного к раздорам и бывшего причиною неустройства в приходе... из Ичинского прихода удалить в Большерецк под надзор тамошнего священника и без особенного моего позволения в Ичинский приход ему не выезжать» («Труды Киевской духовной академии», Киев, 1861 г. Прокопий Громов. «Историко-статистическое описание камчатских церквей»).

Потомки священнослужителей Сновидовых:

Сновидов Иоанн Андревич, священник. В 1847 г. начал службу дьячком, в 1864 г. стал священником Гижигинской Спасской церкви и оставался на этом посту до 1893 г. (http://www.kolyma.ru/magadan/history/ortodox_h.shtml). Вполне возможно, что именно о нем и его потомках запрашивал нас один из участников форума на сайте «Камчадалы.ру» – отклик – из северного: «Я бы сама хотела узнать, что-нибудь о них. Отец у нас утонул, меня ещё на свете не было. Про дедушку я знаю, что его звали Трофимом, и всё. И ещё мне говорили, что они пришлые казаки» (село Каменское Пенжинского района Камчатского края, Александра Сновидова-Филонова).

Сновидов Михаил, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг., с. Облуковино. Вероятно, он же – Сновидов Михаил Афанасьевич, 1878 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино; камчадал; образование: неграмотный; б/п; был каюром; место проживания: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино. Арест: 28.11.1938. Осужд. 15.08.1939. Военный трибунал войск НКВД по Камчатской обл. Обв. по ст. 58-1а УК РСФСР. Приговор: 15 лет с поражением в правах на 5 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 18.02.1993. Реабилитирован заключением Военной прокуратуры ДВО.

Сновидов Гавриил Васильевич, с. Ича, «духовный служитель». Лишен избирательных прав (Глинчикова Е. В. «Православие и Советское государство на Камчатке». «Вопросы истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009, стр. 197).

Сновидов Василий Гаврилович. Репрессирован по «Тигильскому делу», 1902 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облуковино; камчадал; образование: 2 класса; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Усть-Большерецкий р-н, с. Ича. Арест: 15.08.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Приговор: к 3 годам лишения свободы. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Сновидов Андрей, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Морощечная дружина), с. Ича.

Сновидов Василий – северная ветвь Сновидовых (жил на месте современного Усть-Хайрюзово). Дочери: Евдокия, вышла замуж за Петра Данилова (внук – Данилов Михаил Сергеевич). Их дети – Александр, старший, Петр, Иван, Анна, Сергей. Вторая дочь Сновидова вышла замуж за Шемаева (Шемаиха). Третья – Толман. Четвертая, младшая, Рейман (краевед Н. Толман).

Сновидов Виктор Васильевич, 1908 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Палана; русский; из семьи служителя культа, образование: низшее; б/п; был бухгалтером фактории АКОснабторга; место проживания: Тигильский р-н, с. Хайрюзово. Арест: 24.08.1938. Осужд. 01.12.1939, облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Потомки духовных детей священнослужителей Сновидовых:

Сновидов Николай Федорович. Дата рождения – 23 апреля 1889 г. Дата крещения – 26 июня 1889 г. Родители – Коловского селения камчадал Федор Аполлонович Сновидов и законная жена его Гликерия Николаевна. Тайнство крещения

совершал священник Григорий Коллегов (Выписка из метрической книги Большеерецкой церкви за 1889 год, ГАКК). Сновидов Федор Аполлонович. Камчадал селения Коловское, 1893 г., 36 лет. Жена Гликерия Николаевна (27). Дети: Алексей (6), Николай (5), Анна (2). Брат его Николай (41). Жена Ульяна Ивановна (21). Сын Николай (1893 г. р.). Брат Аполлон (27). Жена Марина Михайловна (37). Их сыновья Павел (2), Михаил (1893 г. р.). Дочь ее от 1-го брака Матрена (11). (Исповедальная книга Большеерецкой церкви, 1893 г., ГАКК.)

И последняя деталь, известно, что в Малках при больнице в 1824–1834 гг. работал старший лекарский ученик Сновидов. (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1.) А это, вероятно, совершенно новая, неизвестная нам ветвь...

В годы Великой Отечественной войны, как и в период обороны Камчатки от японцев в 1904–1905 гг., под ружье встали представители всех ветвей династии Сновидовых: рядовой Павел Федорович Сновидов (1904 г. р.) призван Усть-Большеерецким райвоенкоматом. Погиб 18 февраля 1944 г. Захоронен в д. Погары Калининской области. Рядовой Алексей Владимирович Сновидов (1926 г. р.), призванный Корякским военкоматом, погиб 18 августа 1945 г. при штурме острова Шумшу и захоронен на этом острове в братской могиле. Погиб на фронте и призванный Усть-Камчатским райвоенкоматом рядовой Петр Иванович Сновидов.

СОБОЛЕВЫ

Камчадал Галактион Соболев принимал участие в отражении японцев на р. Ича и Колпаковой 8 июня и 27 июля 1904 г. (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 129), его сын, Анатолий Галактионович Соболев, призванный Усть-Большеерецким военкоматом, погиб, освобождая от японцев Курильские острова.

Оборонял Камчатку в годы русско-японской войны и земляк Галактиона – житель селения Облуковинского Никандр Соболев.

Фамилию Соболев оставил на Камчатке служилый человек, есаул Федор Соболев.

В свое время она отмечалась и в селении Камаки (долина реки Камчатки), но это, возможно, было связано с переселением за-

паднокамчатских камчадалов в долину реки Камчатки после опустошительных эпидемий в середине и в конце XX века (Соболев, житель с. Камаки, 1865 г. ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1).

Вот некоторые сведения об облукловинских Соболевых:

Соболев Эмануил Ильич. Родился в 1902 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облукловино; камчадал; образование низшее; б/п; работал в своем хозяйстве. Проживал: Тигильский р-н, с. Хайрюзово. Арестован 15 февраля 1940 г. Приговорен: военный прокурор войск НКВД по Камчатской обл. 4 октября 1941 г., обв.: по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 2 января 1990 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Соболев Марк Ильич. Родился в 1899 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Облукловино; русский; малограмотный; б/п; был членом рыболовецкого колхоза «Ударник». Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Крутогорово. Арестован 18 января 1940 г. Приговорен: военный прокурор войск НКВД по Камчатской обл. 4 октября 1941 г., обв.: по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реабилитирован 2 января 1990 г. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Соболев Марк Ильич. Родился 28 марта 1899 г. Родители – камчадал Облукловинского селения Илья Антонович Соболев и законная жена его Матрона Васильевна. Восприемники – Петропавловский мещанин Мануил Николаевич Косыгин и псаломщическая жена Надежда Иннокентьевна Верещагина. Свящ. Марк Попов. (Метрическая книга Облукловинской церкви за 1899 год, ГАКК.)

Соболев Илья Антонович, камчадал Облукловинского села и законная жена его Матрена Васильевна. Имя родившейся – Домника. Дата рождения – 8 января 1887 г. Дата крещения – 11 января 1887 г. Восприемники – священника Андрея Серебренникова жена Ираида Георгиевна Серебренникова. Таинство крещения совершал священник Андрей Серебренников. (Выписка из метрической книги Облукловинской церкви за 1887 год, ГАКК.)

СОЛЕНОВЫ (СОЛЕННЫЕ)

Впервые мы встречаем эту фамилию в Нижнекамчатске, в 1812 г., в списках воспитанников отделения императорского военно-сиротского дома Камчатского гарнизонного батальона, в котором учились дети камчатских военных – Соленый (Соленой) Иван Кирикович, 18 лет.

Судя по возрасту, Иван Кириакович был камчатского происхождения.

Дальнейшие сведения об этой фамилии относятся уже к периоду обороны Петропавловского порта.

Соленый Александр, квартирмейстер 47-го флотского экипажа. «Квартирмейстер Александр Соленый находился командиром орудия на левом фланге батареи № 7-й. Когда неприятельский пароход подошел на пушечный выстрел, то Соленый первый открыл и своими меткими выстрелами заставил пароход отойти. Когда орудие, которым командовал Соленый, было подбито, то он отошел к другому орудию и во время жаркаго боя служил при нем прислугою, с полной неустрашимостью и хладнокровием» (Сильницкий А. П. «Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлеченные из дел Владивостокского портового архива». «Вопрос истории Камчатки», вып. 4, Петропавловск-Камчатский, 2009 г.).

Позже следы обрываются, вероятно, это связано с тем, что из Петропавловского порта в Николаевске-на-Амуре были выведены все войска, в том числе и 47-й флотский экипаж вместе с членами семьи.

СОЛОВЬЕВЫ

Старинный камчатский казачий род. Патриархом этого рода был, вероятно, Соловьев Осип, служилый человек, битый кнутом в Большерецком остроге как один из виновников Харчинского бунта (1731 г.).

В мировую историю вошло имя казака Ивана Соловьева, участника промысловых экспедиций в Русскую Америку: *«В 1758 г. сразу четыре компании послали на промысел свои суда. Одно из них – бот “Св. Иулиан” компании купцов Н. Тра-*

пезникова и И. Никифорова под начальством морехода и передовщика Степана Глотова (помощником был Иван Соловьев) – после зимовки на о-ве Медный достигло о-ва Умнак из группы Лисьих о-вов Алеутской гряды. Три года провели промышленники на Умнаке и соседнем большом острове – Уналашке, занимаясь промыслом и торговлей с местными жителями. Сначала алеуты неприязненно встретили русских, напав на экипаж “Св. Иулиана”. При этом Готов и сопровождавший его в плавании для сбора ясака казак С. Пономарев были ранены, один камчадал из команды убит, а байдара с “компанейским имуществом” была захвачена. Русские, однако, не стали за это мстить, и между ними и алеутами установились вскоре дружественные отношения, торговля, обмен подарками; алеуты вернули байдару со всеми вещами. Они (конечно, чисто формально) стали подданными Российской империи и уплатили ясак. Безусловно, в своих отчетах Готов и Пономарев, как и предыдущие мореходы, старались выдать желаемое за действительное: алеуты совершенно не представляли себе политико-правового понятия “подданство”, абсолютно ничего не знали о Российской империи и вовсе не собирались регулярно платить ясак. Да и последний давали весьма немногие туземцы (очень незначительный процент от общего народонаселения), обычно те, чьи дети содержались в аманатах (заложниках). Кроме того, за сданную в казну пушнину они получали от промышленников мелкие подарки, то есть в глазах алеутов сбор ясака представлял собой некий товарообмен. Всего на Умнаке насчитывалось, по подсчетам Глотова и Пономарева, 400 взрослых мужчин, возглавляемых двумя вождями (тоенами), а на соседней Уналашке, куда была послана на промысел артель И. Соловьева, – 300 мужчин. От алеутов русские впервые узнали о большой земле на востоке, где растет лес и водятся разные звери, – Аляске (местные жители называли ее “Алакшан”), а также о крупном о-ве Кадьяк и заливе Принс-Уильям, по берегам которого обитали эскимосы-чугачи (алеуты их называли “шутачтаны”), имевшие, по словам туземцев, зеркала и чернильницы. Прощаясь, алеуты просили русских приходить к ним опять для торгов-

ли, в которой были заинтересованы не меньше промышленников. В августе 1762 г. “Св. Иулиан” прибыл в Нижнекамчатск с промыслом, состоявшим из 1 389 каланов, 1 500 лис и других мехов, а также было доставлено более 22 пудов морской кости – всего на сумму 130 450 руб. Кроме того, в казну поступил ясак в виде пушینیны на 256 руб. 56 коп».

В 1904–1905 гг. в Петропавловской дружине среди других ополченцев, вставших на защиту Камчатки от японцев, был Никифор Соловьев (неизвестно был он казаком или мещанином, но казаки Соловьевы жил в Петропавловске в 1865 г. ЦГА ДВ, ф. 1011, оп. 4, д. 1).

Есть упоминание и о камчадальской фамилии Соловьевы, полученной при крещении от казаков: Соловьева Евлампия Никифоровна, Халактырка, камчадалка, девка, 1893 г., 51 год. Незаконнорожденный сын Федор (10). (Исповедальная роспись Петропавловского собора за 1893 г., ГАКК).

СОЛОДНИКОВЫ

Мы встречали только одно упоминание об этой фамилии за 1893 г.: Солодниковы, камчадалы, с. Белоголовое. Версий о происхождении этой фамилии пока нет.

СОРГУЧЕВЫ (СУРГУЧЕВЫ, СУРГУТСКИЕ, СУРГУЦКИЕ)

Очень многие старинные камчатские фамилии упоминаются по итогам расследования причин Харчинского бунта (1731 г.) в приговоре о наказании. Например, в Большерецком остроге в знак наказания били кнутом Семена, а в Нижнекамчатском – Петра Сургуцких.

В 1741 г. сержант Сургуцкий с командой (десять человек, в составе которых был и большерецкий казак Усов) направлен в Петропавловский порт для охраны имущества Второй Камчатской экспедиции. Эти казаки и стали первыми постоянными жителями будущего города Петропавловска-Камчатского.

В 1779 г. сержант Сургуцкий, как главное должностное лицо в Петропавловске, встречал экспедицию Джеймса Кука – капитана Ч. Кларка.

Вот некоторые подробности:

29 апреля 1779 г. «Резолюшн» и «Дискавери» бросили якорь на рейде в Авачинской губе и пробыли в Петропавловской гавани до 12 июня. Главной целью пребывания англичан на Камчатке являлось пополнение запасов продовольствия и такелажа, а также отдых экипажа перед арктическим плаванием. Они были первыми иностранцами, посетившими Камчатку. А их свидетельства о Петропавловске являются фактически единственными за тридцать шесть лет, прошедших после окончания Второй Камчатской экспедиции.

В Петропавловске англичане застали небольшой гарнизон из сорока человек под командой сержанта Сургуцкого и шестьдесят матросов и промышленников с зимовавшего здесь судна купца Панова под командой Дмитрия Полутова «Св. Николай», направлявшегося на промысел на остров Кадьяк. Больше всего англичан поразили зимний пейзаж в преддверии мая. Ч. Кларк пишет, что в заливе сохранился «твердый и плотный ледяной припай у берегов; кое-где лед, однако, вдавался в воды залива на одну или полторы мили. Земля везде по берегам залива высокая и густо поросшая лесом, но сейчас она была покрыта обильными снегами».

Лейтенант Кинг, посланный Кларком на берег с письмом Измайлова для представления русским, был также поражен увиденным: «Вся страна покрыта снегом, и трудно себе вообразить более мрачную картину. На NNO мы заметили несколько бревенчатых домов и конусовидные хижины на столбах, но их жалкий вид и малочисленность не позволяли нам допустить, что это и есть селение Св. Петра и Св. Павла... Мы осмотрели все берега залива, но не увидели больше хижин или лодок, нигде не было видно ни одной живой души, только небольшие стаи уток нарушали это торжественное и необъятное безмолвие... Сама мысль о вынужденной зимовке здесь вызывала у нас содрогание». Позднее Кинг даст Камчатке еще более жесткую оценку: «Самая дикая и тоскливая страна земного шара».

Но, снова оказавшись в Петропавловске четыре месяца спустя, 24 августа 1779 г., англичане в корне изменили свое мнение о Камчатке. Лейтенант Джеймс Барни напишет: «Мест-

ность теперь выглядела очаровательнейшим образом; право же, кажется, что летняя и зимняя Камчатка – это две разные страны». А хирург Д. Самвелл, будучи еще и поэтом, нашел более выразительные слова: «Нас больше всего поразило сейчас контраст между нынешним видом местности и тем, который нам открылся, когда мы сюда пришли в мае, когда все было в снегу. Теперь холмы и долины были покрыты зеленью, и такой роскошной картины мы никак не ожидали встретить в подобной стране... И нигде еще я не встречал такого прекрасного вида – вершина далекой горы, убеленная снегами, вздымалась над ближними холмами, а долина была сплошь покрыта зеленью, так что одновременно страна являла величественным и впечатляющим образом картины зимы и лета».

Тот же Самвелл дает наиболее полное описание Петропавловска того времени и его окрестностей, а также жителей: «Страна вокруг залива (Авачинской губы. – В. А.) скалистая и гористая, но, кроме горных вершин, она вся покрыта лесом, преимущественно березовым, и лес этот идет и на постройки, и на топливо. Селение, или острог Св. Петра и Св. Павла стоит на узкой песчаной косе, которая образует гавань и отделяет ее от залива Авача, и в эту гавань ведет узкий проход между скалами. Селение состоит из пяти или шести русских бревенчатых домов и примерно пятнадцати балаганов и трех или четырех юрт. Балаганы имеют форму конуса на широком основании и поддерживаются столбами высотой около четырех ярдов. В них поднимаются по лестницам из толстых брусьев, в которых врезаны ступеньки. Юрты частично углублены в землю и покрыты землей. Раньше в них входили сверху, но с тех пор, как здесь поселились русские, в юртах сбоку делаются двери. В этом селении юрты совсем заброшены, и камчадалы живут в балаганах. Перед балаганами устроены помосты, на которых сушат много рыбы для собак, а под балаганами висит и сушится рыба для собственного употребления.

В селении масса собак, и везде (в частности, и в самих домах) сильно воняет рыбой. В верхнем конце гавани Петра и Павла находится барак для солдат и склад, и это самые большие здешние здания. В селении около сорока солдат и шесть-

десять матросов со стоящего здесь шлюпа. Русские женятся на камчадалках, и многие из русских живут в балаганах. Большинство русских – подряженные люди, и им платят по тринадцать рублей в год (англичане платили по сорок рублей за голову рогатого скота и два рубля двадцать копеек за пуд, то есть за 16,4 кг, муки. – В. А.). Эти люди в летнее время питаются икряным хлебом и рыбой, в их рацион входят ягоды. Большинство из них – казаки. Многие одеты в собачьи шкуры подобно камчадалам, и все ходят в сапогах».

Русские поначалу отнеслись к гостям настороженно. Это объясняется тем, что после «Большерецкого бунта» 1771 г. и побега во Францию М. Беневского власти ожидали нападения на Камчатку французской эскадры. На Камчатке только что сменилась власть. Премьер-майор Магнус Бем, бывший главным командиром Камчатки с 1773 г., в марте 1779 г. передал полномочия новому командиру – капитану Василию Ивановичу Шмалеву. Но в общении с англичанами главную роль играл М. Бем, видимо, как старший по званию. Бем находился в Большерецке в ожидании судна для отплытия с Камчатки. Бем и Шмалев, получив сообщение сержанта Сургуцкого и рапорт Г. Г. Измайлова, поначалу распорядились усилить Петропавловский гарнизон, приказав командиру Нижнекамчатского острога прапорщику Брокману направить в Петропавловскую гавань двадцать солдат и казаков. Но, убедившись в мирных намерениях англичан, русские оказали им радушный прием и всемерную помощь. («Камчатка и русские глазами спутников Джеймса Кука». <http://npacific.kamchatka.ru/np/library/publikacii/questhist/istor-71.htm>).

Вполне вероятно, что фамилия казаков Сургуцких могла измениться в Соргучевых (кстати, название одной из протоков в бассейне реки Камчатки – Сергучихи в 10 километрах выше устья р. Камчатки – подтверждает, что такой переход возможен, если предположить, что название Сергучихи происходит от фамилии усть-камчатских казаков Соргучевых – Сергучевых – Сургучевых – Сургуцких).

В 1893 г. в Усть-Камчатке проживала семья казаков Сор-

гучевых: отставной казак Максим Михайлович (65 лет) с женой Ульяной Кузьминичной (70 лет). Казак Даниил Максимович Соргучев (24 года), жена Параскева Федоровна (23). Дети: Ксения (4), Наталья (2).

А в 1812 г. в Нижнекамчатске нес службу Соргучев Михаил Александрович, казак Нижнекамчатской казачьей команды, 46 лет. Жена Татьяна Герасимовна (37). Дети: Максим (17), Екатерина (16).

СОСНИНЫ

1 августа 1743 г. из Нижнекамчатска вышла первая промышленная экспедиция, снаряженная на средства московского купца Е. Санникова, посадских людей Паншина и Даниила Соснина, крестьян Попова и Холщевникова. Результаты плавания промышленников Емельяна Басова и купца Никифора Трапезникова послужили толчком для новых экспедиций на «неизвестные острова», вначале Командорские, а затем Алеутские и Курильские для добычи на них пушнины.

Наблюдается две, а может быть, и более ветвей Сосниных.

Мильковская: 1832 г. – крестьяне, проживающие в с. Мильково: Коксаров, Бобряков, Соснин, Михайлов, Подкорытов, Потапов, Попов, Пинигин, Краснояров, Петров, Плотников. (ЦГА ДВ, ф. 1007, оп. 1, 12.)

Нижнекамчатская: в 1838 г. в Нижнекамчатске проживали крестьяне и мещане: Иван Абросимов, Кузнецов, Выходцев, Портнягин, Шевырин, Шишкин, Попов, Греченин, Мальцов, Никитин, Казаринов, Сновидов, Соснин.

Купеческая (возможно, это нижнекамчатская и есть) ветвь: «К концу 1745 г. коряцкий бунт принял уже серьезный оборот, потому что к нему были привлечены и камчадалы. В марте 1746 г. почти все туземное население полуострова возстало. Все пути в Камчатку были заперты: с колымской стороны юкагирами; с охотской тайгинскими коряками; на Пенжине акланскими и оленными коряками; а по олюторскому берегу олюторцами, которые в марте 1746 г. разорили Олюторский острог, а команду убили. К корякам пристали сперва укинские и паланские камчадалы, которые убили одного солдата и 12 че-

лов. ясашных сборщиков, посланных из Нижнекамчатска. Потом разорили Столбовский острожек, а часть его гарнизона, состоящего из 36 человек, побили, а остальных взяли в плен. В 1746 г. коряки Жирового острога убили купца Соснина и разграбили все его товары».

В 1812 г. в Нижнекамчатске проживал мещанин Иван Семенович Соснин, 11 лет (вероятно, сирота).

Была еще и камчадалская аборигенная линия: в 1747 г. крещеный камчадал Соснин жил в Тигиле (вероятно, Тигиль входил в сферу интересов торговцев Сосниных).

Возможно, мельковские крестьяне Соснины, Мальцевы, Шишкины являются выходцами из Нижнекамчатска, как в свое время крестьянином Ключевского селения стал промышленник Алексей Удачин? Возможно, но никаких подтверждений этому мы пока не имеем. Возможно, это просто совпадения. Возможно, версия...

СОСУНОВЫ

В настоящее время мы обладаем только одним фактом существования этой фамилии:

Пономарев Николай Иннокентьевич. Дата рождения 5 марта 1917 г. Родители – крестьянин селения Авачи Иннокентий Николаевич Пономарев и законная жена его Мария Федоровна. Восприемник – крестьянин Федор Иванович Сосунов. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1917 год, ГАКК.)

СОТНИКОВЫ

Родоначальник этой камчатской фамилии – Сотников Максим Иванович (1873–1906).

«Старший унтер-офицер 2-й роты 1-го Восточно-Сибирского линейного батальона. Срок действительной службы заканчивался 1 января 1899 г. (служили пять лет). 10 октября 1897 г. из г. Петропавловска Приморской области (куда был откомандирован в мае 1897 г. из г. Хабаровска для обучения казаков строю, обращению с винтовками “Бердана”, стрельбе из них и наблюдением за исправностью склада оружия в Петропавловс-

ке) обратился по инстанции за разрешением продлить срок службы на один г. для продолжения обучения стрельбе казаков Камчатской казачьей команды и был оставлен на сверхсрочную службу, но в 1899 г. командующий войсками Приамурского военного округа не согласился оставить М. Сотникова еще на один год сверхсрочной службы и приказал ему прибыть к месту службы в г. Хабаровск. 18 ноября 1899 г. М. Сотников уволен в запас и по ходатайству начальника Петропавловского округа принимается на службу по гражданскому ведомству Приморской области, зачисляется в штат Петропавловского окружного полицейского управления – канцелярским служащим 3-го разряда. В 1902 г. женился на дочери мильковского священника Иринарха Сергеевича Малахова – Александре. С 1903 г. – надзиратель за рыбными промыслами на Камчатке. 22 апреля 1904 г. в связи с началом русско-японской войны был снова призван на действительную службу. В 1904–1905 гг. руководил обороной западного побережья Камчатки от японского военного десанта и браконьеров. Участвовал в ряде боевых операций. 28 июня 1904 г. на реке Опале “имел дело с японской шхуной, которую сжег, команда, оказавшая сопротивление, уничтожена в числе 20 человек; 15 июля взял в плен организатора захвата Камчатки Японского Лейтенанта Гундзю и доктора Ода-Наотаро, высадившихся с вооруженною командою на реке Озерной, 17 июля сделал наступление на передний табор Гундзи, где уничтожил 17 японцев; 9-го августа на реке Воровской имел дело с Японской шхуной, шхуну и команду уничтожил; 13 августа захватил в море трех японцев, шедших на остров Шумиу в шлюпке, шлюпку и команду японцев уничтожил. В течение лета 1904 г. на протяжении от р. Озерной до р. Сопочной в районе его заведения обороной уничтожено всего 11-ть шхун. ...Приказом Начальника Обороны Камчатки от 20 апреля сего 1905 г. за № 1 назначен начальником Большерецкой дружины. 6 июня с. г. против селения Явино на Охотском море имел дело с японской шхуной, которую уничтожил, а также и большую часть команды с нее. 10 июля с. г. имел дело с десантом японцев, высадившихся на реку Опалу в числе 40 человек, из которых только 7 человек бежали ранеными в шлюпке в море. Начальник уезда Лех”.

В отставку ушел в чине поручика. Погиб в 1906 г. в схватке с японскими браконьерами на реке Унушка. Там был и похоронен. В момент гибели М. И. Сотникова на руках Александры Иринарховны был двухлетний сын Иван, годовалая дочь Мария и она ждала третьего ребенка» (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 11).

«...во время 4-х месячной поездки по западному берегу Камчатки, в течение лета сего, лишь нам, т. е. мною, Ал. Мак. Селивановым и Нагорным лично замечено, что в Охотском море у наших берегов крейсировало до 30 японских хищнических шхун, одна 3-х мачтовая американская шхуна, которая стояла против устья р. Апалы, милях в пятнадцати от берега, занималась тресковым промыслом. Почти все японские шхуны, которые мы видели, показывались, шли с юга на север. Я и Ал. Селиванов находясь около Явиной, с 17-го июня по 23 июля видели несколько японских шхун, заходившие на Озерную; при чем оказалось, что шхуны заходили на Озерную, получая там дальнейшие указания от квартировавшего на Озерной главаря японских хищников Гундзи с вооруженной командой. Исходя из всего этого... видно, что Гундзи, расположившись на Озерной, с вооруженной командой, вытеснил местных жителей сел. Явина, угоняя их ружейными выстрелами... сделал бы солидный запас в наших камчатских реках рыбы, не спорю о том, быть может, и зазимовал бы в некоторых селениях западного берега с командой хищников, тем более в Явиной для приготовления рыбных запасов к ранней весне будущего 1905 года, и уже ныне, в начале хода рыбы многие устья рек заняты были хищниками и загорожены громадными их неводами...» (10 августа 1904 г.). (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 11.)

Заведующему обороной Камчатки от начальника Большерецкой дружины Сотникова 6 июня 1905 г., с. Явино: «...вблизи Явиной и Озерной с 26 мая крейсируют три японские шхуны, до сего числа, кроме одной о которой я уже имел честь донести... шхуны крейсировали очень мористо, а 5 сего июня одна из них 2-х мачтовая, окрашенная в белую краску подошла к р. Озерной, бросив якорь, и остановилась не дальше 2-х верст от устья и спустила шлюпку, постояла около часа, видимо делая свои наблюдения, и затем, подняв якорь, и поставила паруса, слабым SSW

ветром пошла возле берега к Явиной. Я в 9 час. 30 мин. Вечера взял с собой двух камчадалов: Осьминина и Евд. Ятского и казака Нагорного, отправился с ними в разведку; на половине от Явиной к Озерной, т. е. в 6 верстах встретил шхуну, которая продолжала свой тихий ход возле берега вперед к Явиной. Я Осьминина и Ятского послал в Явино с приказанием Явинскому старосте Игнатьеву, чтобы все оставленные мною в охране Явино люди, всего 10 ч., немедленно оделись и с оружием в руках к свету были на берегу моря против Явина, назначив Игнатьеву место куда притти, а сам остался для наблюдения за шхуною; на рассвете шхуна поравнялась с Явиной бросив якорь, опустила паруса и остановилась на 900 шаг., приблизительно, от берега с опущенными на воду шлюпками, предполагаю, с намерением выпустить людей на берег, а остальные две шхуны стоят в море. Имея в виду, что шхуны сегодня же при благоприятной погоде могут соединиться и впустить неравный мне десант, и, по примеру прошлого г. пойдут в Явино грабить местных жителей, а нет еще хуже, что могут наделать, определив расстояние, тотчас же был открыт огонь по шхуне, с первых выстрелов японцы подняли парус и отрезали канат якорной веревки отстреливаясь по нашему отряду, но пули их не долетали, японцы видя свое положение, усиливаясь отойти дальше от берега, но огонь из-за закрытого берега был усилен учащенным и японцы бросив шхуну, высадились в шлюпки под прикрытием той же шхуны, оставили шхуну с поднятым якорем и парусами – сами удалились к другим шхунам в море. Пользуясь хорошей погодой, слабым В.З.В. ветром и отчасти туманом на море, взяли с собою того же Нагорного и 4-х камчадал (Вас. Бутина, Мих. Бутина, Вас. Дектярева, Ив. Осьминина. – С. В.)... В 9 час. утра отправился с ними в маленькой шлюпке с готовым оружием взять шхуну приступом...» (японцев в шхуне не было, ее пригнали к берегу, чтобы уничтожить, если не разобьет волна. – С. В.). Участники: П. Логинов, Ал. Селиванов, С. Черных, Ал. Сторожев, Ал. Мерлин, Вас. Антонов, Ник. Уваровский, Ев. Ятский. (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 11.)

Центральный государственный архив Дальнего Востока.
Фонд 1044, оп. 1, д. 11.

Сотников Иван Максимович. Родился 22 октября 1903 г.

Отец – канцелярский служитель Максим Иванович Сотников. Мать – Ирина Иринарховна (Малахова). Восприемник – помощник Петропавловского уездного начальника штабс-капитан Вячеслав Ростиславович Викентьев. (ГАКК, ф. 220, оп. 1, д. 10; Исторические тетради Ирины Васильевны Витер.)

СОФРЫГИНЫ (СОФРИГИНЫ, САФРЫКИНЫ, САФРЫНИНЫ)

Софригин Дмитрий Васильевич. Род. 12 октября 1888 г. Родители – Шаромского селения камчадал Василий Гаврилович Софригин и законная жена его Евдокия Косьминовна. Восприемники – камчадал того же селения Василий Николаевич Мерлин и жена камчадала Дмитрия Панова – Марина Порфирьевна. Св. Иринарх Малахов. (Метрическая книга Мильковской церкви за 1888 год, ГАКК.)

Эта фамилия напоминает нам о миссионерской деятельности отца Стефана Софрыгина: в 1745 г. определен архимандритом Хотунцевским пономарем Большерецкой церкви, «вскормленник находившейся на устье р. Камчатки заимки Якутского Спасского монастыря». В 1756 г. рукоположен епископом Софронием Кристалевским в сан священника и направлен служить в Тигильскую церковь, построенную в начале 1750-х гг.

СПЕШНЕВЫ

Фамилия эта появляется на Камчатке в селении Воровском в период деятельности миссионерской партии архимандрита Камчатского – Иоасафа Хотунцевского, в 1754 г., когда первоначального носителя этой фамилии – ботового подмастерья Ивана Спешнева – на Камчатке уже не было. О его деятельности на полуострове мы расскажем в отдельном очерке «Забывтая экспедиция», так как камчатская биография Ивана Спешнева приходится на самый драматичный период в истории полуострова – Харчинский бунт, подавлять который было поручено именно ему, как соправителю (вместе с М. Гвоздевым) Камчатки в тот период.

Так случилось, что фамилия камчадалов Спешневых прижилась только в одном камчатском селении – Воровском (Мономахово, Соболево). Был период, когда эта фамилия была

единственной в селе, а тойон Спешнев был верховным тойном всей Западной Камчатки.

Спешневы перероднились со всей Камчаткой. Прадед и моей жены Татьяны Петровны – Петропавловского порта сын баталера 27 флотского экипажа Василий Васильевич Усов – третьего февраля 1891 г. женился на дочери умершего камчадала Спешнева Иоанна Александровича Агриппине. Поручителями со стороны жениха выступал Анкидин Михайлович (дядя) Спешнев, со стороны невесты – Прокопий Иоаннович (брат) и Стефан Михайлович (еще один дядя) Спешневы. Поэтому для нашей семьи эта камчатская фамилия, как и фамилии Усовых, Поляковых и Мироновых, имеют особый смысл.

В 1982 г. Георгий Германович Поротов, известный камчатский писатель, Владимир Иванович Семенов, турист, член Географического общества СССР, и я, корреспондент газеты «Камчатский комсомолец», приехали в Соболево искать могилу Максима Ивановича Сотникова – руководителя обороны Западной Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Нашим проводником была Елизавета Федоровна Радькова (в девичестве Спешнева). Могилу мы не нашли – ее смыла река Унушка, в устье которой в 1906 г. погибли первый рыбинспектор Камчатки Максим Иванович Сотников и жители села Воровского.

Позже мне удалось отыскать в архиве этот документ:

**«25 августа 1906 г. Военному губернатору
г. Петропавловска Приморской области**

18 июля с. г. в 11\2 верстах от устья реки Воровской убиты японцами с хищнических рыболовных шхун, стоявших в реке Воровской, командированные... для наблюдения за рыбными промыслами подпоручик запаса Сотников и с ним петропавловский мещанин Македон Александрович Ворошилов; крестьянин Приморской области Южно-Уссурийского уезда Борисовской волости Никита Максимович Нечепурной и камчадалы селения Воровского: Александр Григорьевич Спешнев, Анкудин Михайлович Спешнев, Феофан Степанович Спешнев, Сергей Степанович Спешнев, Иван Васильевич Спеш-

нев, Гавриил Степанович Спешнев, а также, спасаясь от преследования японцев, утонули в реке Воровской камчадалы Василий Петрович Спешнев и Гаврило Прокопьевич Спешнев. Ранены и спаслись камчадалы того же селения Каллист Иннокентьевич Трапезников и Степан Николаевич Спешнев. Оба находятся на излечении в Петропавловске.

...16 июля с. г. Сотников прибыл к амбару Камчатского торгово-промышленного общества, расположенного на левом берегу р. Воровской, в расстоянии 1 1\2 версты от устья реки и в самой реке застал японские хищнические рыболовные шхуны, а именно: “Футами-мару”, “Тендомин-мару”, “Хоси-мару”, четвертую, название которой следствием не установлено, и пятую “Хигаси-мару”, стоявшую в море.

Шхуны, стоявшие в реке, ловили неводом рыбу.

Японцы расположились лагерем на другом берегу реки, на косе, примыкающей к морю, выстроили там для себя сараи, а также сложили соль, муку и засоленную японским способом рыбу, примерно около 16 000 штук, пойманную в р. Воровской.

Ввиду того, что лов рыбы производился японцами без разрешения и хищническим способом... Сотников, руководствуясь параграфом 30 Временных правил для производства морского рыбного промысла в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства, конфисковал у японцев с 16 по 18 июля с. г. два невода, шлюпочный парус, 150 кулей муки, 10 кулей рису и кроме того требовал представления 1 000 руб. штрафа в пользу казны за незаконный лов рыбы. Это требование было предъявлено японцам гласно в присутствии Воровского сельского старосты Бориса Спешнева и германского подданного Владимира Стюас.

18 июля означенные деньги были переданы Сотникову с условием разрешения шхунам выйти из реки в море, но несмотря на это Сотников не только не дал разрешения на выход шхун (чувствуете, как следователь – коллежский асессор Садовников – пытается оправдать японцев! – С. В.), но узнав, что на косе у японцев осталось еще 13 мешков рису (то есть поняв, что японцы его, мягко говоря, надувают и намереваются вернуться назад, как только Сотников отправится дальше.

– С. В.), отправил за ними к японцам на двух батах Воровского селения старосту Бориса Спешнева с камчадалами Степаном, Александром, Анкудином, Гавриилом, Феофаном Спешневыми и Каллистом Трапезниковым, а сам с прочими остался у амбара. Было около 3-х часов пополудни. На том берегу, что находился Сотников, собрались человек 12 японцев, среди которых находился японский врач Саки, участвовавший в минувшую войну и бывший в плену во Владивостоке. Саки хорошо говорил по-русски. Подойдя к Сотникову и обращаясь к нему, Саки сказал: “Ну что же, Ваше Высокоблагородие, выпустите Вы наши шхуны?” – и, получив ответ, что они, может быть, будут еще арестованы, Саки выхватил из бывшей у него в руках камышовой трости кинжал и насквозь проткнул им Сотникова...

Одновременно с этим по сигналу Саки на другом берегу реки и на косе, где были камчадалы, поехавшие за рисом, началось избиение камчадал... веслами были убиты находившиеся в батах люди за исключением сельского старосты Бориса Спешнева, отделавшегося ушибами, Каллиста Трапезникова и Степана Спешнева, притворившихся мертвыми. Недалеко от Сотникова были убиты Ворошилов и Нечепурной. Последний был убит кинжалом того же доктора Саки... Ворошилов выстрелами из винчестера убил двух японцев...»

В числе погибших был и Анкудин Михайлович Спешнев – свидетель со стороны жениха на свадьбе Василия Усова, и, возможно, сыновья двух других свидетелей – Степана Михайловича и Прокопия Ивановича Спешневых.

Среди участников обороны Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. было много Спешневых (к сожалению, в документах не указывались отчества, и очень легко запутаться, кто же в действительности из Спешневых были героями тех судьбоносных для Камчатки и России событий). Александр (вероятно, Александр Григорьевич, погибший вместе с М. И. Сотниковым в устье реки Унушки), Иван (всадник конной дружины, вероятно, Иван Васильевич, также погибший в 1906 г.), Николай, Феофан (вероятно, это Феофан Степанович, погибший в

1906 г.), Степан (это Спешнев Степан Николаевич, в 1904–1905 гг. он принимал участие в боевых действиях на реках Воровская и Колпаково, в 1906 г. был ранен в схватке с японскими браконьерами на реке Унушка).

В 1893 г. в селении Воровском проживали следующие семьи Спешневых:

Герасим Иванович Спешнев (41 год).

Николай Степанович Спешнев (48), сыновья (Сосиан ?, 27 лет), Степан (10), Кириак (7), Николай (2).

Феофан Федорович Спешнев (38).

Николай Филиппович Спешнев (37).

Степан Николаевич Спешнев (38), сыновья Гавриил (5), Кирилл (2).

Степан Александрович Спешнев (65), сыновья Борис Степанович (будущий староста, 27), Антипий Степанович (18), Александр Степанович (36) – внуки Степан (7), Александр (4).

В одном доме жили отдельными семьями:

Александр Степанович Спешнев (39).

Илья Романович Спешнев (46).

Григорий Петрович Спешнев (39), сын Александр (7).

Жили в одном доме: Прокопий Иванович Спешнев (брат Агрипины Ивановны, 48 лет), жена Варвара Петровна, сыновья Гавриил (21), Прокопий (4) и Акиндин Михайлович Спешнев (40), жена Еверкия Иоанновна (Черных (?), 19), сын Николай (1).

Рядом жил Степан Михайлович Спешнев (брат Анкидина Михайловича ?) (39), сыновья Феофан (16), Поликарп (12), Владимир (3). С ним жил отдельной семьей Федор Степанович Спешнев (28).

Сыновья вдовы Елены Васильевны Спешневой – Януарий (19), Иоанн (15), Николай (12).

Сын вдовы Веры Петровны Спешневой Василий (возможно, Федорович, 29 лет).

Василий Петрович Спешнев, сирота, 26 лет.

Василий Ильич Спешнев, сирота, 15 лет.

Петр Спешнев, сын вдовы, 16 лет (жили в Крутогорово).

Не нашли мы среди жителей села, отмеченных в Исповедальном списке, только Ивана Васильевича и Сергея Степано-

вича Спешневых. Но основная часть героев обороны Камчатки от японцев, погибших в 1906 г. и похороненных в устье реки Унушки, установлена, как и их семьи.

В годы политических репрессий беда не обошла и эту фамилию, вполне возможно, что это были братья Федора Васильевича Спешнева, о котором мы еще будем рассказывать, впрочем, как я уже говорил, все Спешневы были близкими или далекими родственниками со всеми коренными и местными жителями Камчатки:

Спешнев Михаил Васильевич. Родился в 1906 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Соболево; камчадал; образование низшее; б/п; работал в личном хозяйстве. Проживал: Усть-Большерецкий р-н, с. Воровское. Арестован 8 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 10 августа 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: 10 лет. Реабилитирован 25 декабря 1958 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда.

Спешнев Петр Васильевич. Родился в 1898 г., Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Соболево; камчадал; малограмотный; б/п; был членом рыболовецкого колхоза. Проживал: Камчатская обл., Усть-Большерецкий р-н, с. Соболево. Арестован 8 марта 1938 г. Приговорен: тройка при УНКВД по ДВК 10 августа 1938 г., обв.: без предъявления обвинения. Приговор: ВМН. Имущество конфисковано. Расстрелян 22 августа 1938 г. Реабилитирован 25 декабря 1958 г. Реабилитирован постановлением президиума Камчатского облсуда

Первым орденосцем при Советской власти из коренных камчадалов также стал представитель семьи Спешневых – младший командир Александр Спешнев.

В Москву – за орденами

Камчатский пограничный отряд был образован в 1926 г., а через 10 лет, в феврале 1936 г., он был награжден орденом Ленина. Высоких правительственных наград удостоились тогда и наши пограничники: полковник М. Шишкарёв, майор А. Мейя, редактор отрядной газеты «Камчатский пограничник» Н. Водопьянов и младший командир А. Спешнев. Все они в декабре

1936 г. выехали из Петропавловска в Москву для получения орденов. Командир отделения Александр Спешнев добирался до столицы самостоятельно и раньше товарищей. Он был камчадалом, до этого никогда не покидал Камчатку. Для него все было внове. Из Владивостока Спешнев ехал поездом. Его соседом по купе оказался колхозник из села Казакевичево, что под Хабаровском, Тимофей Шевченко. «Мы ехали мимо городов, заводов, колхозов, совхозов, – рассказывал позже Спешнев в газете «Камчатская правда». – Все было крайне интересно, ведь я раньше никогда с Камчатки не выезжал. И мой товарищ также ничего, кроме своего села, не видел. Перед нами открылась вся наша великая страна. Мы воочию убеждались в ее мощи, росте и расцвете. Мы видели стройки, новые заводы, новые паровозы. В наше купе заходили жизнерадостные люди. Они рассказывали о строительстве, о социалистическом соревновании, о светлой и радостной жизни. Они охотно с нами говорили, потому что мы были дальневосточниками, а я – пограничником. Из разговоров я убедился в той великой любви, которую питают советские люди к своей Родине. Я на деле почувствовал уважение к пограничникам. Я ехал в Москву, в Кремль, ехал за орденом с далекой Камчатки». «Чем ближе мы подъезжали к Москве, тем больше захватывало нас ощущение, что приближаемся к центру, к сосредоточию всего лучшего, что есть в нашей великой стране, – делился впечатлениями в той же газете полковник М. Шишкарев. – Нас поражали огромные масштабы строительства, колоссальные перемены, произошедшие за время нашего пребывания на Камчатке, перемены во всем: во внешнем виде населения, в порядке на площадях и вокзалах, размахе в торговле». Они ехали вместе: Шишкарев, Мейя и Водопьянов. И каждый потом расскажет о поездке в газете. Начальник погранкомендатуры майор Адольф Мейя: «В Москве мне приходилось бывать много раз – и во время империалистической войны, и в годы разрухи, и в период восстановления. Этой зимой мне снова пришлось поехать туда за получением ордена, данного мне правительством. Не рассказать, не описать тех потрясающих перемен, которые произошли в нашей столице за последние годы. Трудно пове-

рить, что этот богатый, счастливый, благоустроенный, красивый город – та же Москва, которую я видел в 1919 г. пустынной, голодной, темной, ободранной. Толпы народа на залитых светом улицах, на каждом шагу – прекрасные магазины с полками, гнущимися под товаром, масса автомобилей, трамваев, троллейбусов, новые огромные здания, поражающие глаз новизной и красотой конструкций. Повсюду радостные, улыбающиеся, счастливые, довольные лица. Прекрасный город Москва!»

При подъезде к Москве пограничник Александр Спешнев разволновался. Столько слышать о великолепии столицы и вот, наконец, подъезжает к ней!.. К вокзалу поезд подошел ночью. Они с колхозником Шевченко оделись, взяли свои чемоданы и вышли на перрон. Спешнев ждал чего-то особенного, чудесного. Они буквально поплыли по перрону в огромной толпе пассажиров и встречающих. «Я никогда в жизни не видел такого скопления людей, – признавался молодой пограничник-камчадал. – Мне казалось, что в этой бушующей толпе идти труднее, чем плыть по Охотскому морю. Но я пограничник, мне нигде нельзя растеряться. И я быстро начал ориентироваться в обстановке. Разыскал дежурного по вокзалу сержанта и рассказал ему, что приехал в Москву за получением ордена Красной Звезды. Он меня встретил очень приветливо, позвонил по телефону дежурному по Главному управлению погранохраны и дал указания, как мне доехать туда. Мы с Шевченко вышли на площадь. Горело бесчисленное множество огней, словно звезды в небе. Площадь шумела. Гудели автомашины, звенели трамваи. В центре площади я увидел мигающую букву “М”. Я догадался, что это станция метро. Направились туда. Вошли в ярко освещенный зал, купили билеты. Было светло, чисто и красиво. Все блестело. Подошли к поезду. Смотрю: на дверях нет ручек. Как, думаю, зайдём? Вдруг двери сами открылись. Вошел в вагон, где было все необычайно красиво. Доехали до площади Дзержинского. Тут движение еще больше. Ну, прямо растерялся. Главное, не знаю куда идти. Подошел к дежурному милиционеру, тот любезно отдал мне честь. Я спросил, как мне пройти в Главное управление пограничной охраны

СССР. Он указал мне куда идти, сказал улицу и номер дома. Мы без труда нашли то, что искали. В Главном управлении пограничной охраны нас уже ждали. Дежурный отвел нас в комнату для ночлега».

Похоже, колхозник Шевченко из амурского села Казакевичево прибыл в столицу также за получением награды Родины. Иначе, почему же он вместе с пограничником Спешневым приехал в Главное управление погранохраны страны? 3 дня, с 16 по 19 января 1937 г., Александр Спешнев провел в Москве, поджидая своих товарищей. Все эти дни он ходил по городу, наслаждаясь столичной жизнью. Рассказанные им впечатления об этом наивны и чисты. «Я быстро освоился в Москве. Много ходил по улицам, площадям, посещал кино, театры, изучал все достопримечательности. Был в Третьяковской галерее, в Пограничном музее, в Историческом музее, зоопарке, цирке. Однажды, гуляя по городу, я вышел на Красную площадь. У мавзолея Ленина была длинная очередь людей. Она медленно-медленно двигалась. Скоро я вошел в двери мавзолея. Я увидел облик великого Ленина. Мне никогда не забыть этих милых черт...» Товарищи Александра Спешнева приехали в Москву 19 января. Полковник М. Шишкарев рассказывал: «Нас встретили. Расселили по разным местам. Я поселился в гостинице. Сразу же были приняты начальником политотдела ВО корпусным комиссаром тов. Рошаль. Прежде всего он спросил: – Что вы хотите видеть в Москве? – Нас интересует все, – ответили мы. – Все к вашим услугам. Можете ходить во все музеи, осматривать заводы, достопримечательности. Билеты вам будут доставлять каждый день. Действительно, каждый день нам доставлялись билеты в лучшие театры, предлагали посещение музеев, фабрик и заводов. Будучи сильно загруженным, я ходил только в театр, но остальные предавались всем удовольствиям». «Мы повсюду встречали внимание и заботу, – в свою очередь делился впечатлениями майор А. Мейя. – Я чувствовал себя членом большой семьи, раскиданной по необозримым пространствам нашего Союза...» Наши герои празднично проводили время вплоть до 27 января. Именно в этот день их пригласили в Кремль, на заседание ЦИК СССР. У входа в

Спасские ворота камчатские пограничники получили пропуска и вошли на территорию Кремля. «Я шел, охваченный каким-то необъяснимым подъемом, – продолжал рассказ командир отделения А. Спешнев. – Я думал так: «Вот, камчадал Александр Спешнев, куда ты пришел – в Кремль, где живет и работает великий вождь человечества товарищ Сталин! Перед тобой открылись дворцы. Разве думали когда-либо камчадалы, что их представитель войдет в такое заветное место?!» В тот день высокие ордена вручали большой группе военнослужащих. Все они ждали начала заседания в большом зале, сидя за огромным столом с фруктами и безалкогольными напитками. Наконец, всех пригласили в зал заседаний. На трибуну поднялся «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин. Его тотчас узнали и устроили дружную овацию. Калинин предложил первым вопросом поставить вручение наград, чтобы военные не томились долгим ожиданием. Члены ЦИК его поддержали. Полковник М. Шишкарёв рассказывал: «В середине церемонии тов. Акулов прочел: “Орденом Ленина награждается Камчатский морской пограничный отряд”. В зале поднялась буря аплодисментов. Мы четверо выстроились лицом к залу, и Михаил Иванович вручил нам орден. Я попросил слово. – Мы, пограничники Камчатки, – сказал я, – благодарим партию, правительство и любимого товарища Сталина за внимание и заботу, проявленные в этой высокой награде. Далее я сказал, что подлая банда троцкистских наемников фашистов, диверсантов, шпионов и убийц затеяла торговать оптом и в розницу нашей Родиной. Врагам народа не удастся воплотить их подлые замыслы. Мы, пограничники, еще более усилим свою бдительность, повысим боевую подготовку и никому не позволим коснуться нашей священной родной земли. Меня прервали аплодисменты, когда я упомянул имена товарищей Ворошилова и Ежова. Закончил я заверением, что высокую награду – орден – мы оправдаем с честью, и крикнул: “Ура великому Сталину!”, подхваченное всеми присутствующими». Рассказ добавляет пограничник А. Спешнев: «Затем орден получил майор Мейя, за ним – я, потом полковник Шишкарёв и Водопьянов. Я никогда не забуду приветливых глаз Михаила Ивановича и его рукопожатия! После вручения орденов Михаил Иванович поздравил

нас с получением высокой награды и сказал, чтобы мы эту награду оправдали. Ярчайшим событием в моей жизни в Москве был также прием наркомом внутренних дел СССР, генеральным комиссаром государственной безопасности Н. Ежовым... Он с нами запросто, по-товарищески поздоровался. Сели за стол и началась беседа...» Редактор газеты «Камчатский пограничник» Н. Водопьянов: «Нас наперебой приглашали в редакции газет, интересовались нашей жизнью, бытом, учебой, всем решительно. Только теперь я понял и ощутил, как близка наша Камчатка сердцам всех трудящихся Союза. Когда на заседании ЦИК тов. Акулов прочел о награждении орденом Ленина Камчатского пограничного отряда, нам устроили бурную овацию. Потом нас всюду спрашивали, как попасть на Камчатку...» Нарком Ежов премировал камчатцев ценными подарками. Водопьянову подарил фотоаппарат «Лейка», Шишкареву и Мейя – новейшие к тому времени радиоприемники, Спешневу – виктролу с набором пластинок. «Я снова на Камчатке, – говорит Александр Спешнев. – На моей груди – орден Красной Звезды. Я никогда не забуду того, как партия и правительство заботятся о людях...» Остается лишь добавить, что и поныне день 15 февраля, когда вышел указ о награждении Камчатского погранотряда орденом Ленина, является днем части, то есть днем Виленского, Курильского пограничного отряда, как полно и правильно называется Камчатский погранотряд. Вообще же отряд образован 27 апреля 1926 года (<http://www.kamkrai.com/index.php?newsid=2722>).

А это, наверное, самый молодой из Спешневых, который награжден в соответствии с Указом Верховного Совета СССР.

В 1946 г. в группе камчатцев, награжденных медалью «За доблестный труд в годы Великой отечественной войны», был ученик пятого класса Соболевской средней школы Вена Спешнев.

Пелагея Гавриловна, мать Вениамина Михайловича, оказалась женщиной на редкость гостеприимной, впрочем, как и другие жители Соболева. Она достала пожелтевшую фотокарточку, с которой смотрел смуглолицый мальчишка лет двенадцати.

– Остались без отца, – рассказывает Пелагея Гавриловна. –

Сама дояркой в колхозе работала. Трудодень в то время был очень мал. А у меня детвора... Старшим в школе – нет ни книг, ни тетрадей. Помню, Вениамин весь год ходил с одной тетрадью... из пергамента, что закладывается в бочки перед тарировкой рыбы. Писал карандашом или углем. Испшет тетрадь, постираем, прогладим утюгом и снова в расход. А учился неплохо.

Много забот легло в те трудные годы на ребячьи плечи. Наравне со взрослыми работали и в поле, и на ферме, и на обработке рыбы.

Вена на конюшне был своим человеком. И откуда бралась сила у мальчишки? Стоило взять ему за поводок любую из самых норовистых лошадей, как та становилась ручной. Видно, знали животные своего маленького хозяина. Ведь это он вместе с друзьями пас их холодными камчатскими ночами где-нибудь на выгоне, километрах в двадцати от родного Соболево. Это он, десятилетний мальчуган, брал косу, рукоятка которой была ему в рост. С упрямым упорством косил траву, чтобы запасти на зиму для своих питомцев лишнюю копну сена. У бессменного «конюха», как называли Вену Спешнева взрослые, были и свои слабости. И самая большая – любимчик – гнедой скакун Орлик. Даже в самые трудные дни находилась у Вены для него корка хлеба или еще какая-нибудь снедь. Часто он вместе с Орликом коротал долгие часы на дорогах.

Случалось и так. Умается за день мальчишка, прильнет вечером к подушке и уснет. Не хочется матери будить сына, а пришедший просит:

– Разбуди, Пелагея, груз-то срочный. Ну, как не привезем сегодня, а лиман вскроется...

И мать наклонялась к сыну:

– Вставай, Вениамин, к тебе пришли.

Разговор недолог, и вот уже Вена готов в путь. Шагает в ночи мальчишка, десятки километров делает по тундре, не одну речку минует. А мать ждет сына, не смыкая глаз, и заснет лишь под утро, когда дрогнут у крыльца половицы. А утром в школу бежит мальчишка со сшитым матерью брезентовым ранцем за плечами.

Работать на косовице для школьников было дело привычным. Да разве убрать луга одним взрослым в несколько погожих дней, когда угрожает людям камчатское лето. Снуют в траве косы, блестят на солнце серпы, заливаются луга разноголосьем. В крупные бурты ложится зеленая масса.

А солнце! Ослепительное, оно захлестывает луг, загаром покрывает плечи ребят. И кажется, что нет на свете ничего страшного и там, далеко на западе, не грохочет война.

Усталость дает себя знать только вечером, когда ломит все тело, а от ссадин и порезов распухают руки и лицо. Материнские примочки кажутся тогда лучшим в мире лекарством, с ним приходит сон, глубокий и безмятежный.

...Новости в селе не залеживаются, Еще с вечера по селу прошли слухи, что председатель колхоза получил какие-то медали, что ими будут награждать лучших. Женщины принарядились к собранию. Замелькали по селу разноцветные платки, яркие ситцевые платья. Соболевских мальчишек эти слухи совершенно сбили с толку. Срочно нужно было выбрать точку, чтобы, оставаясь незамеченными, видеть все, что делается в сельсовете. И когда все было готово, мальчишки, уставив глаза в щели забора, жадно следили за происходящим.

Вениамин видел, как прикололи на грудь медаль его матери, как все захлопали в ладоши, а она заплакала. «И чего она плачет, радоваться надо, – досадовал он. – Вот если бы мне вручили, я бы...» И вдруг.

– Спешневу Вениамину Михайловичу, ученику пятого класса, – как-то особенно громко сказал председатель. Вена вздрогнул.

– И надо же так показаться, – оглядываясь на мальчишек, подумал Вена. Он боялся, что друзья вдруг разгадают его мысли и будут смеяться. Но друзья вели себя как-то странно. Они уставились все на него, словно видели впервые, а потом, вдруг забыв о бдительности, с криком «ура» оторвали Вену от земли и стали подбрасывать его на руках. Через минуту мальчишки уже забыли о своем укрытии и важно сопровождали своего друга к столу председателя, где Вениамину вручили награду.

– Вспоминаю этот день и очень волнуюсь, – рассказывает Вениамин Михайлович. На лице его появляется улыбка.

– Детство оставляет в памяти самое яркое, самое светлое. И даже самые трудные годы войны оставили светлые воспоминания о дружбе, рожденной в общих делах и в общих заботах, добрую память о мальчишеской преданности друг другу, о старших товарищах, добрых наших наставниках. Мы, ребяташки, всегда чувствовали их мужественное плечо, их заботу.

...Много лет прошло с тех пор. Передо мной сидит не мальчик, а человек, умудренный опытом, коммунист, руководитель большого трудового коллектива охотников-промысловиков. Говорит о своих заботах, скорее не о своих, а о заботах своего коллектива. Предприятие только рождается. Многого пока не хватает. А хочется, чтобы молодежь полюбила древнюю профессию своих отцов и дедов. И не только полюбила, поставила работу охотника-промысловика на научную основу. Нужно многое строить заново, многое перекраивать: и в быту, и в жизни, и в привычках людей.

Вениамин Михайлович говорит увлеченно, уверенно. И только едва уловимые лучики, что загораются в его глазах, в нем снова выдают мальчишку военных лет, озорного и счастливого.

А. Байдан, с. Соболево.

(Материал подготовлен Соболевской библиотекой)

В «Книге памяти камчатцев, погибших в годы Второй мировой войны» мы находим имена Спешневых – детей и внуков героев обороны Камчатки:

Спешнев (думаем, что это тоже Спешнев) Владимир Калистратович (1924 г. р.), красноармеец, воевал в 26-й гвардейской Севской механизированной бригаде, погиб после окончания войны 24 августа 1945 г. в Польше. Погиб на полях сражений Владимир Алистархович Спешнев.

Спешнев Александр Январович (1923 г. р.), красноармеец, погиб 18 августа 1945 г. при штурме острова Шумшу, где и захоронен. Вместе с ним захоронен на этом острове его земляк – красноармеец Николай Николаевич Спешнев (1923 г. р.).

А сейчас мы передадим слово семье соболевских краеведов Спешневых, отцу и дочери Елизаветы Федоровны Радьковой

(Спешневой) – деду и внучке, Федору Васильевичу Спешневу и Надежде Леонидовне Лысогор.

Архивная справка

Сообщаем, что в фонде Камчатского облисполкома отдела ЗАГСов хранятся метрические книги Облуковинской церкви. В книге за 1898 г. имеются сведения о рождении Федор Васильевич Спешнев.

Дата рождения – 20 марта 1898.

Дата крещения – 17 ноября т. г.

Родители – камчадал Воровского селения Василий Федорович Спешнев и законная жена его Надежда Михайловна, оба православного вероисповедания.

Восприемники (крестные): сын камчадала Воровского селения Александр Григорьевич Спешнев. Таинство крещения совершали священник Марк Попов с псаломщиком Алексеем Серебренниковым.

Основание: ГАКО, ф. 220, оп. 1, д. 27, л. 91.

Директор архива Т. М. Соленова.

Архивист Н. В. Веремчук

Автобиография

Я, Спешнев Федор Васильевич, родился в 1898 г. в бывшем селении Воровском – теперь Соболево – Камч. области. Окончил трехклассную церковно-приходскую школу в 1912 г. После этого помогал своим родителям, занимавшимся тогда крестьянством – сельским хозяйством. В 1914 г., по решению общего сельского собрания, меня зачислили на выполнение сельских общественных работ, которых выполнял натурой, а со времен революции меня избирали на собраниях в сельревком, в волостной комитет, в крестком (КОВ), в кооператив, в сельсовет, с 1930–1940 гг. летом участвовал на путинах, зимой на пушных охотах, на лесозаготовках. После этого я работал у разных предприятиях рабочим по настоящее время.

Подпись (Ф. В. Спешнев),

28 января 1958 г. Соболево

Места работы Ф. В. Спешнева:

1912–1914 гг. Начал заниматься охотой и рыболовством.

1914–1917 гг. Выполнял сельские обществ. работы.

1917–1918 гг. Был продавцом общества потребителей.

1918–1921 гг. Секретарь Волостного Революционного Комитета.

1921–1924 гг. Секретарь Сельревкома.

1924–1925 гг. Председатель и продавец кооператива.

1925–1927 гг. Секретарь местной секции с/с и член комиссии по постройке новой школы и член сельсовета.

1927–1929 гг. Член и секретарь счетовод в кресткоме.

1930–1939 гг. Зимой на пушной охоте, летом на путине и на других работ. от с/с.

1940–1944 гг. В рыбкоопе рабочим.

1944–1949 гг. На путине по мобилизации.

1950 г. Каюр-рабочий в РК ВЛКСМ.

1951–1952 гг. В совхозе рабочим.

1952–1954 гг. Рабочим на почте.

1955 г. В лесничестве лесничим (лесником – исправила Е. Ф. Радькова).

1955–1957 гг. Рабочим на метеостанции.

1958 гг. – Сторожем-истопником в школе.

Выписка из протокола № 4, состоявшегося общего колхозного собрания членов колхоза «Пионер Запада» от 26 августа 1950 г.

Присутствовало 58 человек.

От Райисполкома тов. Круппа А. И.

От Райкома ВКП(б) тов. Никифоров Е. С.

Председатель общего собрания Щербаков.

При секретаре С... (неразборчиво, похоже, на Симашко).

Член президиума Спешнева В.

Слушали: по второму вопросу о исключении из членов колхоза Спешнева Федора Васильевича, согласно подавшего заявления, который охарактеризовал в заявлении, что он работал в колхозе с момента войны, как обманным путем запутал меня бывший предколхоза тов. Сыриков через военную комиссию, а в данный момент, меня держат как собаку на цепи да еще высказывают злостным нарушителем на меня и на мою жену, что мы будто укрываемся в колхозе.

Постановили: Общее колхозное собрание постановили: Исключить из членов колхоза «Пионер Запада» Спешнева Федора Васильевича за систематический не выход на работу и не выполнение рыболовецкого Устава. И утвердить решения правления колхоза от 25 августа об исключении из членов колхоза Спешнева Федора Васильевича.

Изъять усадебный участок Спешнева Ф. В. и запретить выпас скота на колхозной земле и заготовку сена, а также исключить из членов его жену Спешневу Александру Николаевну за систематические невыполнения выработанных т/дней.

Копия верна. Секретарь к-за (подпись Сим...)
15 сентября 1950 г.

Приложение № 1
*Тов. прокурору Соболевского Района Камч. обл.
от Спешнева Федора Вас.
граж. сел. Соболева*

ЗАЯВЛЕНИЕ

В последних числах августа и первых числах сентября с. г. на заседании райисполкома, на заседании правления к-за <колхоза> «П. З.» <Пионер Запада> и на собрании колхоза, как и председатель колхоза Крупа, так и председатель колхоза «П. З.» Иванченко обвиняли меня в том, что будто бы я скрывался в колхозе от войны, что будто бы я нигде не хотел работать, что я одеваюсь в готовую советскую одежду и обувь, что я очень хитрый, что мои дети ходят в готовую школу учиться, что мы и мои дети ходим в готовое кино, что я строю будто бы второй дом, что я делаю много батов (лодок), что я ем готовый советский хлеб...

Я отвечаю на эти обвинения: я не скрывался в колхозе во время войны, но тогда был такой военный период и забронированный я работал в колхозе, но так как председатели колхоза часто менялись, что не хотели со мной считаться об увольнении меня из колхоза, что и вылилось сейчас большой скандал.

Работал я до этого в рыбкоопе и союзпушнине, как охотник. Работал ежемесячно, сколько хватало сил, за что и должен был одеваться в готовую одежду и обувь, но нагим ходить я не должен, т. к. считаюсь гражданином СССР. Хитростью я никогда

не думал заниматься. Это те хитрецы, которые вступают в колхоз и ни одного дня не работают в колхозе, и так уходят из колхоза без шума и скандала и наравне с другими пользуются приусадебными участками и выпасом скота в колхозе. Школа, которая стоит в Соболево сейчас – я участник постройки этой школы: лесу строительного я сам заготавливал и возил на своих собачках, а летом сплавливал по реке батом (на лодке) и был членом строительной комиссии по постройке этой школы. Здесь труда я положил немало.

Второго дома я не строю и не думаю строить, а только хочу отремонтировать старый домик, для чего потребовалось сделать новое основание до окон. Также бат (лодку) сделал только лишь один для своего употребления по речке. Весь вышеуказанный лес на постройки себе я выкупал в лесничестве и имею на это лесорубочные билеты.

Кино и хлебом пользуемся постольку, поскольку я с самого начала революции и по настоящее время трудился на благо родины и ежегодно отдавал деньги на подписку государственных займов на развитие нашего государства и укрепление мощи от внешних врагов.

Все вышеизложенные выпады на меня я принимаю за оскорбление меня от предрайисполкома Крупа и предколхоза Иванченко. В чем я прошу т. Прокурор принять к разбору моей жалобы.

Ф. В. Спешнев (подпись),
4-го сентября 1950 г., с. Соболево

Приложение № 2
Тов. Прокурору Соболев. района Камч. обл.
от Спешнева Федора Вас.
граж. сел. Соболева

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, Спешнев Федор Васильевич, 1898 г. рождения, даю пояснения о том, что я членом в колхозе «П. З.» <Пионер Запада> не был. Детей у меня 8 чел. Из них один в армии, трое на службе по учреждениям, двое ходят в школу, один глухонемой. До войны работал в рыбкоопе и в союзпушнине по заго-

товкам пушнины. А во время войны проходила мобилизация в колхоз под личную роспись. В том числе был я и моя старшая дочь, бывшая студенткой педучилища г. Петропавловска <Е. Ф. Радькова> После первой мобилизации я снова возвратился на прежнюю работу, т. е. в рыбокооп. И в 1943 г. был вторично мобилизован в колхоз и проработал до февраля 1950 г. В первые годы приходилось работать ловцом, не имея спецовки, в американских ботинках и с тех пор страдаю ногами: ревматизмом и судорогами на ногах. За этот период я несколько раз пытался уйти на прежнюю работу, т.к. не являлся членом колхоза, хотел оформить документами, писал заявление (председателю Панову). Но получал отказ. Просил отпуск на 20 дней на ремонт дома, но мое заявление не разбиралось и правление даже не знало об этом. В июне 49 года у меня случилось несчастье: пала корова дойная. Так как без своей коровы с детьми было жить тяжело, мы решили попросить в колхозе взаимобразно деньги на покупку коровы. Но в этой просьбе тоже отказали. В то время другие колхозники часто получали взаимную и безвозвратную помощь денежную. А во время войны материал (одежда) распределялся по организациям, и здесь при выделении ордеров мне все доставалось хуже, а иногда и вовсе забывали включать в список. А я в ловецкой бригаде, как опытный ловец, и выполнял на море и на реке ответственные и порой опасные для жизни поручения. Но у нас в колхозе считались лучшими только те, кто больше о себе говорит сам, но это не в моем характере. Находясь на положении пасынка в колхозе, я, учитывая свои годы и здоровье, решил уйти из колхоза, и считал находиться в таком положении унижительным и оскорбительным. Я подал заявление в правление об уходе из колхоза. Правда я написал заявление грубо и считаю себя виновным. Но правление вместо того, чтобы удовлетворить мою просьбу об уходе из колхоза, они стали создавать дело вплоть до изъятия всего приусадебного участка с отобратием огорода с картофелем, оставив мне самую незначительную долю с картофелем, не считаясь с моими детьми и даже с Конституцией СССР. Я присутствовал на заседании Райисполкома, на заседании правления в колхозе и на общем собрании колхоза, где стоял

вопрос обо мне в последних числах августа и первых числах сентября. Но я не выступал, так как не умею высказываться на собраниях. Я излагаю свои мысли письменно.

Ф. В. Спешнев.
4-го сентября 1950 г.
с. Соболево

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ

Отрывки из рукописи камчадала Ф. В. Спешнева

Что я видел и что было за всю жизнь

Я родился в 1897-м г. 20-го марта (по старому стилю) в бывшем селении Воровском (теперь Соболево). Люди тогда в селе были только лишь камчадалы – местные. До Японской войны (1904 г.) я ничего не помню. Но во время Японской войны я короткими моментами кое-что помню. Помню, как нас целыми семействами повезли на батах из нашей деревни Воровской вверх по реке ради безопасности от японского нападения и поселили на одном глухом тальнике, в котором бежала маленькая речка. Вместе с нами еще жила семья кочующего, и сам он был тут же, по имени Елқун.

...Наше селение, да и вообще другие села были небольшие: 12–15 домиков. Улицы летом обрастали густой зеленью. Тогда были только одни топоры, пил поперечных и продольных тогда не было.

Все работы выполнялись только топором, ножом и стружом.

...В старину крыши на избах, стайках и прочих постройках делались из травы. Сперва, под низ на жерди настилалось корье (ветловая кора), и в зимнее время на вышке (на чердаке) бывало тепло. На ноги надевали все от малого до взрослого торбаза из оленьих кож, подошвы подшивали из медвежьих и коровьих кож. Для того чтобы летом они не промокали насквозь, жирили медвежьим жиром. Сначала кожу выделявали, мяли, дубили. Стекла ломаные на улице и по дворам не валялись, так как бутылки и оконное стекло не завозились. А

если когда и увидят, где-нибудь валяются обломки стекла, их сразу убирали, чтобы бегающие босиком мальчишки и девочки, скот не порезали бы ноги.

...Учителей тогда со специальным образованием не было. Их ставили из местных жителей, кто был грамотным. Учили тогда не по-русски, а церковно-славянской грамоте: а – аз; б – буки; в – веди; г – глагол и т. д. Недаром ребята, которые были старше меня, когда говорили по какому-нибудь секрету, то говорили по-славянски – мы ничего не понимали.

Магазинов тогда тоже не было. Ездили торговать все в «гавань», или в Петропавловск, зимой на собаках. Туда возили пушнину. А «прикащики» (торговцы) ездили на собаках из «гаваня» по Камчатке с разными товарами. Пароходы сюда не приходили. Приходили только из Владивостока в «гавань» (Петропавловск).

...Начальство камчатское находилось только в Петропавловске. Начальство: окружной исправник или управляющий камчатский – ездило по Камчатке только зимой, да и то едут день и ночь в специальных своих нартах-повозках. Повозка, обтянутая мехом, плотно закрывается, позади маленькое окошечко. На эту нарту запрягают самых хороших собак и ставят хороших каюров в каждом селении. Я тогда был парнишкой и видел только, что он или они зайдут в постоянный двор, там с час времени пробудут, и как новые каюры со своими собаками уже готовы, которые уже ждут у «повозки» некоторое время: скоро ли начальство соизволит ехать.

Еще сопровождалась из «гаваня» на север и из севера в «гавань» почта, состоявшая из больших сумов, на которых были заделаны толстые цепи для запираения сумы и опечатывались сургучной печатью. Сумы были очень тяжелые: вдвоем кое-как положат на нарту. А что было в этих сумах?

Кое-кто говорили, что в них лежит мясо: везут с севера в «гавань» (Петропавловск). Почта эта занимала от 5 до 10 нарт. Везли день и ночь. Сопровождал специально почтальон – казак.

Еще провозили из «гаваня» по Камчатке пакет – «полетучий». Он опечатывался пятью сургучными печатями, а если посредине закреплялось сургучной печатью утиное перо – это

указывало, что его надо как можно быстрее везти дальше, не задерживать. Одни «полетучие», видимо, раскрывались по всем селениям: делались объявления, что поедет по округу начальство, что дороги должны быть исправны, и все должно быть наготове. Вот тут-то сельский староста начинает нажимать на «есаула» (исполнитель), чтобы дороги были в надлежащем порядке и пр. Действительно, дороги трактовые были очень исправными. По чистым местам стояли вешки, по тальникам были затесы.

Раскаты по дорогам сглаживались, чтобы нарта не могла удариться в сторону, и чтобы не получилось поломки или повреждения во время проезда начальства.

...Мой отец был сельским старостой, и для исполнения приказов от старосты на сельском собрании (сходка) выбирались есаул старший и есаул, помощник младший.

...Рыбы раньше до 1930 г. заходило в реки на нерест очень много. Реки и речки просто кишат рыбой. Больше всех заходила горбуша. Заходила также много кета и красная. Когда начнут нереститься, то вода в реке делается мутная. На дне реки, речек понаделают ямки, возле которых образуются бугорки из этой же гальки. Во время этого нереста, если в каком-нибудь ключе караулишь медведя, то всю ночь слышишь шум рыбы на воде. Иногда, кажется, как будто ходит по воде медведь.

Раньше, когда в апреле месяце начинают проходить реки, то есть открываются ото льда, сперва ловят гольца. Голец зимовал тогда в реке и очень много. Его ловили, кому сколько надо было. К маю месяцу он сплывал в море. В мае месяце начинала заходить с моря в реку чавыча – крупная рыба, самая вкусная. В июне месяце она заходила с моря и шла вверх до сопки на нерест тоже много. Ее ловили специальными «запорами», сделанными из дерева. Из нее заготавливали юколу сушеную, засаливали на зиму.

В июне вслед за чавычей шла каюрка. Это небольшая рыбка величиной с горбушки. Она была в малом количестве.

Вместе с чавычей шла еще первая красная.

В июле месяце начинала заходить кета (по-камчадалски – «хайко»).

С 12–15 июля начинается заходить горбуша, голец, кунжа, красная, кета. Кунжа шла в малом количестве. А голец начал заходить в реку с чавычей.

В конце августа начинал появляться кижуч, но самый ход бывает в сентябре.

В конце сентября и в октябре заходит в реку семга на зимовку. Она зимует в небольших тундровых речках. К сопкам она не проходит. В конце мая и в начале июня она нерестится и в июне сплывает в море. Сколько лет живут гольцы и семга, я не знаю.

Еще заходит с моря в конце сентября и в октябре какая-то маленькая рыбка, похожая на кижуча.

Она меньше величиной против горбуши наполовину, и названия ее мы не знаем.

Еще в реках вверху у сопок есть микижа. Как видно, она живет постоянно в реке, потому что микижу никогда не видно бывает, чтобы она шла с моря. Нерестится она весной в мае месяце. Я несколько лет ловил рыбу в море морским неводом – ставным, но микижи там я не видел. И в лимане тоже ее не видел. А в реке, чем выше, тем чаще она попадается. У сопок ее уже много. Величиной там она доходит (бывает некоторые) почти с кижуча. Видимо, они там плодятся, там и растут и живут.

В октябре опять начнется лов гольца: на зиму запасали для себя и собакам.

Вассатинец – тоже голец с красными пятнами на коже и перья красноватые чуть-чуть, кожа черноватая. Начинает в октябре и ноябре нереститься по ключам.

...Воровства, кражи раньше не было. Где что положишь, там и лежит, пока его не возьмешь сам.

Замков к дверям не имели. Если из дому все уходят, на дверь поставят палку: значит, дома никого нет.

В балаганах и амбарах, в которых хранились запасенные продукты, двери закреплялись только палками поперек хорошенько, чтобы собаки не могли зайти. Без спроса ничего не брали друг у друга.

Часто летом наши ездили на батах в устье реки, впадающее в море, там убьют несколько штук нерпей. Берут домой жиру, мясо, шкуры, да еще в августе собирают там на тундре морозку (морошку).

Все это погрузят зараз в бат, так что бат затонет глубоко в воду. Борта сидят низко над водой, так что чуть волна, и бат начинает заливаться. Пока стоит погода тихая, батовщики в это время стараются удрать с устья в реку. «Душа» в этот момент бывает шибко беспокойна: только бы ветер не подул: по лиману сделается волнение, и дальше не уедешь. Дойдя до реки, «душа», сердце успокоятся – все осталось позади. Но в реке течение быстрое и с большим грузом на бату «пихаться» (то есть толкаться шестом. – Ред.) вверх против течения тяжело. Кое-как дойдут до Тхишкья (устье речки) или же до Колтона (от лимана километров пять будет). Здесь оставляют половину груза («делают оставку»).

Иногда «оставка» лежит долго. Кто-нибудь придет снизу на бату, хозяин спрашивает, видел ли он его «оставку». Тот отвечает: «Видел, лежит тут хорошо, закрыто все хорошо». Насобирают там (на морском берегу по отливу. – Ред.) доски, веревки, рогожки японские, тоже везли домой.

...Основной транспорт летом по реке был только бат. А зимой – собаки с нартами (сани). Имели лошадей, но на них ездили только верхом, да и то редко. Телег не было: никто не знал, как запрягать в телегу, в сани.

...Купаться не умели. Если приходилось тонуть и не успеет пойматься за бат, то обязательно уйдет ко дну, «как топор». Зато знали большое мастерство плавать на бату по реке сверху вниз с большим грузом без аварий – тогда держат по течению большую сноровку, особенно там, где сидят «кокоры» (коряги, хламники). Перед всяким серьезным делом просили у Бога благословения и помощи.

Записал 25 сентября 1962 г.

...В октябре месяце всегда ездили на лошадях «на тундру» на охоту за медведями и дикими оленями.

Берут с собой охотничьих собак. Мясо добытых медведей и

олений складывали в специальные шайбы, срубленные из толстых плахов. В них мясо, жиры лежат до зимы, а зимой на собаках привозили домой.

Летом заготавливали сарану на зиму. Кислицу (щавель) варили и в посудах хранили на зиму. Кипрей наделают нетолстыми пластинками, сушат и коптят. А зимой из них готовили обед. Эх, сейчас бы покушать! Добро... Еще летом заготавливали из горячих пучек «катхи» – их тоже сушили. Зимой кушали их – вкусные. Еще в октябре-месяце со дна речки выдергивали коренья (водяное растение).

Их тоже готовили к обеду с жиром – вкусные.

Заготавливали из рыбы сушеную юколу: чавычья, красная, хайковая (кетовая), горбушья, кижучья.

А в зимнее время эту юколу с медвежьим и с нерпичьим жиром с большим аппетитом уплетаешь, да еще с репой и с соленой рыбой – просто объедение! После этого приятно бывает чаевать... Летом из рыбьих голов делали «кислоголов», то есть квасили в икре – кушали, что называется!

Иногда наш отец привозил из тальника, а иногда из березника расколенные на несколько частей нетолстые пластины (лучины) с корой и занесет домой. Причем наружную часть коры обстругает ножом, а нижнюю, которая прилегает к дереву, соскабливает или стругает аккуратненько, и во время еды мы ели эту кору или, как его называли, «дуб» с жиром с сухой икрой – тоже было вкусно.

...В старину водились на Камчатке волки. В зимнее время были голодные. Они забегали в селения, хватали собак. Иногда едет запоздавший каюр в дороге из одного селения (острожек) в другой, за ним погонятся волки по дороге. Тогда каюр распускает по дороге длинный ремень, и волки уже бежать не могут: ремень мешает им, и они отстанут. Иногда волк, зачуй человека, начинает выть (воить), будто бы своим воем созывает других волков.

...В старину с коряками старались иметь тесную дружбу. Тогда спирту не было: ни водки, ни браги – коряки были всегда трезвыми. Угощали их всегда чаем-хлебом. Как наступала зима, просили зашить новую кагаглю взрослому или маленькому:

А то, надевать нечего на морозные дни. Еще просили зашить чужи теплые, рукавицы камасные, а также оленьи жилы и готовые нитки жилые.

Жилы и нитки они всегда, каждый раз приносили на гостинец, в подарок. А с нашей стороны им тоже отдавали юбку и кофту, платок или шаль подержанный. Для мужика дадут галанку – верхнюю рубаху, штаны; дадут чашку с блюдцем, чаек на заварку, немножко хлеба.

В зимнее время наши всегда надевали кагагли, парки. Парка старая, шерсть уже повывлезла, осталась одна кожа, но в ней ходить тепло было на морозе. Я тоже носил парку. Без оленьих шкур мы тогда не могли обходиться. Из оленьих кож шили переобувки. Сначала кожу выделывают, чернят в черниле, сошьют торбаза праздничные.

Некоторые коряки с некоторыми камчадалами держали тесную дружбу. Наши договаривались со своими «приятелями», чтобы тот приятель убил ему одного или двух оленей для пищи, дает ему пистоны, порох. А так как они друзья, тот приятель обещает убить оленей.

Когда у нас наступает большой праздник, коряки обязательно приезжали к нам на праздник.

Гостят ко многим нашим, и везде их угощали юколом, соленой рыбой и чаем. А наши, когда уедут к ним, угощают юколом и чаем. Затем наварят оленье мясо и кормят. Когда они приезжали к нам, то обязательно привезут кусок мяса оленьего на гостинец.

В 1908 или 1909 г. летом прошла телеграфная экспедиция из Петропавловска на север. В ней было всего два начальника, остальные были рабочие, они измеряли расстояние. Они жили у нас в Воровском несколько дней близко около нашей избышки... Зимой жители по западному берегу Камчатки, которые отбывали общественные наряды, вывозили на собаках телеграфные столбы к месту на телеграфную линию и клали, где стояли вешки для столбов. В 1911 г. их ставили. А затем натягивали провод в один ряд. Начали разговаривать по телефону. Нам интересно было: как получался слышимый разговор по проволоке?

Тогда как-то раз пришел к моему отцу служащий телеграфной канцелярии, он рассказывал, что телефон, как следует, не усовершенствован: сейчас ты только можешь поразговаривать лишь и все. А вот в будущем через несколько лет ученые предполагают его усовершенствовать, так, что ты будешь не только говорить по телефону, но в тот час будешь видеть того же человека, с кем будешь говорить.

Тогда был 1911 г., а теперь 1962 г., и с тех пор наука намного шагнула вперед. И изображения передаются не только по телеграфу, но и по радио – по воздуху на расстоянии. Я видел сам лично в телевизоре на 64 году своей жизни.

Записал 8 марта 1966 г.

...В 1911 г. 5 мая я окончил трехклассную школу. Я получил похвальный лист с отличными отметками, то есть оценками, и свидетельство об окончании трехклассной школы в селекции Воровском Петропавловского уезда Камчатской области.

Оценки:

По закону Божьему – 5.

По славянской грамоте – 4.

По русскому языку: устные – 4; письменные – 5.

По чистописанию – 5.

По арифметике – 4.

И «при отличном поведении» наградили похвальным листом.

После окончания школы стал помогать родителям по хозяйству: ходил, то есть ездил, на бату с отцом на охоту, а зимой на собаках. Летом охота была открыта на медведя, на выдру и на нерпу; а зимой – на соболя, лисицу, горностаю, зайца и на уток.

...До этого газет здесь не было, да и прочей литературы было тоже мало. В одно время мне попались в библиотеке книжки по астрономии, и меня это очень заинтересовало, а также о существовании нашей планеты Земля. Читал книгу «Вокруг Света», часть 2-ая «по Европе». Что я прочитал в этих книгах, я рассказывал другим местным людям, больше всего в лесу. Они выслушивали с большим интересом мои рассказы. Тогда местные камчадалы были неграмотными и малограмотными, и они ничего не знали о приро-

де и о жизни в других странах. Мне хотелось, чтобы и у нас в селении было организовано Общество Потребителей помимо купцов, как это организовали впервые рабочие в Англии. Я объяснял, как наша Земля вертится вокруг своей оси и летает вокруг солнца, также и луна. Один из местных говорит мне:

– *Почему же, кажется, что звезды, солнце и луна каждые сутки летают вокруг земли?*

Другой говорит:

– *Уже много лет прошло, и я смотрю камни все такие же – ничего не растут?*

Как на первый, так и на второй я давал им разъяснения, что в природе существуют две силы: созидающая и разрушающая.

Ф. В. Спешнев

От редакции

Рукопись Ф. В. Спешнева «Что я видел и что было за всю жизнь» является замечательным историческим, этнографическим и литературным памятником, написанным талантливым и мудрым человеком. Рукопись состоит из записей разных лет. Для этой публикации мы выбрали воспоминания, относящиеся к описанию традиционного быта камчадалов, совпадающие с периодом детства автора.

Ф. В. Спешнев всю жизнь прожил в селе Соболево, вырастил 8 детей, работал рыбаком в рыболовецких бригадах, охотником в союзушнине, в 1950 г. подал заявление о выходе из колхоза, за что подвергался гонениям.

Рукопись Ф. В. Спешнева предоставила в редакцию нашего журнала его внучка Надежда Лысогор.

Альманах «Живая Арктика», 2008

Я родился в 1897-м году 20-го марта ст. в бывшем селении Воровском (теперь Соболево). Люди тогда были только лишь камчадалы – местные. Мой дед, Спешнев Ф. В., был молчаливым, спокойным человеком. Ходил в библиотеку, постоянно выписывал журналы «Огонек», «Советский Союз», «Советс-

кое фото» и размышлял: «Человек живет один раз и бывает на земле как гость из тьмы небытия: родится, живет, умирает; после его смерти остается одна память».

Родители – камчадал Воровского селения Василий Федорович Спешнев и законная жена его Надежда Михайловна, оба православного вероисповедания.

Федор Васильевич вспоминает в своих дневниках:

«Мой отец был сельским старостой, и для исполнения приказов от старосты на сельском собрании (сходка) выбирались есаул старший (Степан Николаевич Спешнев в то время. – Н. Л.) и есаул, помощник младший».

Я помню крохотный аккуратный домик моих прадедов, стоящий почти на берегу реки Воровской. Иногда моя мама и бабушка Шура водили меня в гости к моей прабабушке Надежде, то есть маме Федора. Как уж они умудрились вырастить столько сыновей в этом домике – для меня загадка!

Хорошо помню его маму, Надежду Михайловну Спешневу (дев. Кильтякину). Очень спокойная, мудрая моя прабабушка. А Володя Самборко нашел ее маму, то есть прапрабабушку Агрипину Семеновну (1848 г. р.) и прапрадеда Михаила Корниловича (1856 г. р.) Кильтякиных и документально подтверждает наше с ним родство по женской линии:

«Наши с тобой бабушки Анна (по мужу Самборко. – Н. Л.) и Надежда (прабабушка мне. – Н. Л.) произошли от Кильтякиных (впоследствии Колтакины) Михаила Корниловича и Агрипины Семеновны, согласно архивной выписки из метрической книги Облуковинской церкви за 1888 г. от 16.08.98 № Р-8. Михаил и Агрипина родили еще Федота, Лидию, и Ираиду».

А ведь дед действительно в своих тетрадках-воспоминаниях несколько раз упоминает своего дядю С. М. Самборко: «Савва Макарович (он женился на нашей тетке Анне Михайловне) частенько по летам обучал физкультуре молодежь, которых он знал в то время». «Мой дядя Савва Макарович Самборко шибко советовал жениться на ней мне. Но мне было тогда шибко стыдно жениться на русскую. Я и так вообще не хотел жениться, а тут еще на русскую. Стыд такой, тем более я еще к тому

же камчадал, неразвитый, ничего не видел, кроме Мономаховского житья».

В другом месте нахожу, что его дядя Савва Макарович оставил ему книгу Льва Николаевича Толстого, и дед читал ее вслух охотникам...

А было их, сыновей, у Спешневых Василия Федоровича и Надежды Михайловны немало. Хорошо помню братьев моего деда: Харлампия и Петра. Они жили недалеко от нас на улице Советской. У меня хранится фото Спешнева Ивана Васильевича от 1940 г. Полагаю, он – их же брат, вылитая копия!

Володя Самборко пишет еще об одном их брате Михаиле. На сайте «Камчадалы.ру» нашла информацию о Спешневе Михаиле Васильевиче 1906 г. р., соболевчанине. 8 марта 1938 г. он был арестован и приговорен тройкой при УНКВД по ДВК 10 августа 1938 г. на 10 лет без предъявления обвинения. Его внучка Спешнева Нина Вениаминовна, 1959 г. р., учительница Елизовской средней школы № 7, подтвердила, что ее дед Спешнев М. В. стал жертвой жутких репрессий. Я хорошо помню его жену, тетю Полю. Это была красивая, жизнерадостная женщина, которая пекла вкуснейшие пироги!

А вот дед Федор вспоминает и не раз еще об одном брате – Алексее: «У нас в Воровском приехал медицинский работник – сестра милосердия. Она была первая. Приемная амбулатория была в частном доме. Она была и в нашем доме тогда. Мой брат Алексей поступил к ней в санитары, что ли: готовил лекарства и пр. Специальной больницы не было. В 1915–1916 гг. начали готовить строительный лес и начали строить больницу».

А вот еще воспоминание о своем любимом брате:

«Мой брат Алексей тогда учился в городе Петропавловске. Он присылал мне разные книги. Среди них была одна книга “История и теория русской словесности”, составленная Семеновым в Петрограде 1917 г. В ней объяснялось, как в России начали появляться ораторские речи и так до 1917 г. Дальше объяснялось, как надо писать сочинения, как надо писать стихи. Все было написано ясно, понятно. Да к этому еще и печать подобрана очень интересная, что и читать было любопытно, заразительно. Да... книга была очень замечательная, но сохранить я ее не сумел».

«С 1916 г. я начал уже рисовать, а в последующие годы стал рисовать охотников в сопках и т. д. Рисовал я все пером-чернилом и карандашом. Отправлял их моему брату Алексею (в Петропавловске он учился). В 1917 г. сделал описание одной поездки на охоту в сопки с ноября по декабрь месяцы и отправил тоже брату Алексею».

К сожалению, нет данных на любимую заботливую его бабушку Веру (по линии отца), а уж ее-то Федор Спешнев вспоминает много раз: «Хлеба и сахару кушали совсем понемногу. Наша бабушка Вера: всегда у ней оставались кусочек хлеба и кусочек сахара от чая. Она всегда клала их на печурку, которая была сделана на печке сзади, для просушки, а потом убирала в мешочек. Но потом мы повадились “воровать” эти кусочки. После бабушка начнет искать их и нас начнет спрашивать, мы отпираемся, что я не брал. Брат мой Алексей был меньше меня, тоже “не знал и не брал”. Вот беда: какие-то воры появились!»

А вот так бабушка Вера провожает своих внуков в школу: «1-го сентября я со своим братом Алексеем начинаем уходить из дома, бабушка Вера благословит нас крестообразно: – Но... с Богом, ребята, идите в школу, да счастливо бы вам учиться! Да не деритесь там, не балуйте, слушайте учителя».

Кстати, по Воспоминаниям деда школа работала и до постройки самого здания в селе, то есть до 1910 г.: «Учителей тогда со специальным образованием не было. Их ставили из местных жителей, кто был грамотным. Учили тогда не по-русски, а церковно-славянской грамоте: а – аз; б – буки; в – веди; г – глагол и т. д. Недаром ребята, которые были старше меня, когда говорили по какому-нибудь секрету, то говорили по-славянски – мы ничего не понимали...»

«К 1908 (исправлено на “1910”. Н. Л.) г. закончили постройку школы. Но официальных учителей тогда еще не было. Но для того, чтобы обучать ребят грамоте, туда пустили Савву Макаровича Самборко – у него квартиры как раз не было, он был малограмотным. Летом привезли русские буквари, тетрадки, карандаши, ручки, дело оставалось за настоящим учителем... В эту зиму отец мой меня в школу не отдал учиться: оставил меня дома помогать по хозяйству отцу и матери – и

должен был остаться неграмотным на всю жизнь. Пошел в школу мой брат Алексей, младший второй после меня. Но летом 1910 (исправлено на “1909”. Н. Л.) приехали на Камчатку из Владивостока (с материка) учителя. Они были не во всех селениях, например, были учителя в сел. Большерецке, Кихчике, Воровском (Соболево), Облуковино и т. д. Учителя были образованные. У нас был учитель Михаил Иванович Попов. Перед началом учебного занятия созвали общее сельское собрание, на котором решили, чтобы все дети школьного возраста шли в школу учиться, в том числе и меня туда записали».

В 1911 г. 5 мая дед закончил трехклассную церковно-приходскую школу.

«После окончания школы стал помогать родителям по хозяйству: ходил, то есть ездил на бату с отцом на охоту, а зимой на собаках. Летом охота была открыта на медведя, на выдру и на нерпу; а зимой – на соболя, лисицу, горноста, зайца и на уток... В октябре месяце всегда ездили на лошадях “на тундру” на охоту за медведями и дикими оленями. Брели с собой охотничьих собак. Мясо добытых медведей и оленей складывали в специальные шайбы, срубленные из толстых плах. В них мясо, жиры лежат до зимы, а зимой на собаках привозили домой». Соболевчане «...знали большое мастерство плавать на бату по реке сверху вниз с большим грузом без аварий – тогда держат по течению большую шнорковку, особенно там, где сидят “кокоры” (коряги, хламники). Перед всяким серьезным делом просили у Бога благословения и помощи...»

Наверное, есть еще камчадалы, которым приятно будет вспомнить, что они любили есть много-много лет назад. А для этого мы опять вернемся к воспоминаниям деда: «Летом заготавливали сарану на зиму. Кислицу (щавель) варили и в посуде хранили на зиму. Кипрей наделают нетолстыми пластинками, сушат и коптят. А зимой из них готовили обед. Эх, сейчас бы покушать! Добро... Еще летом заготавливали из горячих пучек “катхи” – их тоже сушили. Зимой кушали их – вкусные. Еще в октябре-месяце со дна речки выдергивали коренья (водяное растение). Их тоже готовили к обеду с жиром – вкусные. Заготавливали из рыбы сушеную юколу: чавычья, красная,

хайковая (кетовая), горбушья, кижучья. А в зимнее время эту юколу с медвежьим и с нерпичьим жиром с большим аппетитом уплетаешь, да еще с репой и с соленой рыбой – просто объедение! После этого приятно бывает чаевать... Летом из рыбьих голов делали “кислоголов”, то есть квасили в икре – кушали, что называется!»

Великую Октябрьскую социалистическую революцию 1917 г. дед встретил, судя по его дневникам, с одобрением: «Я тогда знал немного, что в некоторых странах управляют парламенты и президенты. А о большевиках – коммунистах и о Ленине – мы ничего не знали. И мы думали, что государственный переворот на этом и закончится. Но ход первого государственного переворота, дело революции и время в дальнейшем показали другое. Появилось слово “свобода”; стали называться “гражданами”; “все граждане получили свободу слова, свободу печати, свободу выборов лицомитеты; равное, тайное и открытое голосование». С 1918 г. «со времен революции меня избирали на собраниях в сельревком, в волостной комитет, в крестком (КОВ), в кооператив, в сельсовет... я смастерил кое-как коротенький стишок:

Да здравствует Первое мая, всеми желанная...
да здравствует Свобода, всеми долгожданная и т. д.

Дальше я позабыл текст этого стишка. И отправил с письмом в сел. Крутогорово дяде, а через полмесяца получил письмо от дяди с выговором, что не мне заниматься такими сочинениями, а то, как бы с тобой потом плохо не было... со стороны...»

С 1930-х гг., по-видимому, происходит какое-то переосмысление ситуации, и Спешнев Федор отстраняется от общественных работ: «с 1930–1940 гг. летом участвовал на путинах, зимой на пушных охотах, на лесозаготовках. После этого я работал в разных предприятиях рабочим...»

В годы Великой Отечественной войны Спешнев Федор Васильевич был мобилизован в колхоз, так же как и его старшая дочь Лиза (замуж. Радькова). И началась тяжелая полоса в

жизни семьи. После Великой Отечественной войны дед Федор «несколько раз пытался уйти на прежнюю работу, т. к. не являлся членом колхоза, хотел оформить документами, писал заявление (председателю Панову). Но получал отказ».

И вот дед пишет письма прокурору с. Соболева в ответ на необоснованные обвинения: «Работал я до этого в рыбкоопе и союзпушнине охотником. Работал ежемесячно, сколько хватало сил, за что и должен был одеваться в готовую одежду и обувь, но нагим ходить я не должен, т. к. считаюсь гражданином СССР. Хитростью я никогда не думал заниматься. Это те хитрецы, которые вступают в колхоз и ни одного дня не работают в колхозе, и так уходят из колхоза без шума и скандала и наравне с другими пользуются приусадебными участками и выпасом скота в колхозе».

Школа, которая стоит в Соболево сейчас – я участник постройки этой школы: лесу строительного я сам заготавливал и возил на своих собачках, а летом сплавливал по реке ботом (на лодке) и был членом строительной комиссии по постройке этой школы. Здесь труда я положил немало».

И далее в своем заявлении прокурору он пишет: «Второго дома я не строю и не думаю строить, а только хочу отремонтировать старый домик, для чего потребовалось сделать новое основание до окон. Также бат (лодку) сделал только лишь один для своего употребления по речке. Весь вышеуказанный лес на постройки себе я выкупал в лесничестве и имею на это лесорубочные билеты. Кино и хлебом пользуемся постольку, поскольку я с самого начала революции и по настоящее время трудился на благо родины и ежегодно отдавал деньги на подписку государственных займов на развитие нашего государства и укрепление мощи от внешних врагов. Все вышеизложенные выпады на меня я принимаю за оскорбление меня от предрайисполкома Крупша и предколхоза Иванченко. В чем я прошу т. прокурор принять к разбору моей жалобы».

Колхоз «Пионер Запада» долго не отпускал Федора Васильевича из своих дружных рядов («меня держат как собаку на цепи»), подвергал гонениям, и, в конце концов, правление кол-

хоза удовлетворило многочисленные просьбы Спешнева Ф. В. об исключении его из колхоза с такой формулировкой: «Изъять усадебный участок Спешнева Ф. В. и запретить выпас скота на колхозной земле и заготовку сена...»

Мама моя говорила, что очень долго боялась: не забрали ли ее папу ночью? Но, как говорится, бог миловал. А уж как они выжили...

А теперь о личной жизни Федора Васильевича Спешнева. «Все чаще становится на меня нажим от других женщин: “Федор, пора надо жениться. Видишь, твоему матери трудно стать». Раз как-то заговорили об этом у нас дома. Я начал отпираться, говорю, что я не буду жениться, лучше пойду в солдаты. А тут был дядя Савва Макарович, он говорит: “Ну, парень, если вдруг война откроется, там тебя совсем молодого могут убить”. Как не хотелось мне жениться».

Кстати, «во время войны 1914–1916 гг. некоторые камчадалы хотели попасть на военную службу добровольцами на фронт, но русское военное командование не допускало камчадалов на войну...»

Женился-таки в конце концов Федор Васильевич на Александре Николаевне Ворошиловой, на камчадалке! Сказать, что они были счастливы в браке, наверное, нельзя. Слишком уж они были разные люди. Насколько нетороплив, неразговорчив был дед, настолько весела, жизнерадостна, энергична была бабуля моя. Она всегда готова была спеть, помню ее «Ой, туманы мои растуманы», «Летят гуси...» Я всегда думала, что любимая наша песня «Как на желтенький песочек» – камчадалская. Ан нет! Русская народная. А если мы, ее внуки, начинали танцевать то ли чарльстон, то ли твист, бабуля тут же подключалась с корякским танцем. Дед вспоминает о старине: «Пели наши “проголосные”. Песни были очень интересные. И откуда они знали такие песни? Ведь народ тогда был совсем неграмотный, а песни были все под рифму. Песни пелись о любви и кончались каким-нибудь несчастным случаем».

А как-то бабуля спокойно села ко мне на руль велосипеда, благо была маленькая, и поехали мы на пикник в сторону Ки-

ровска в День рыбака. Мы очень любили приходить в дом деда-бабы. Чердак был любимым местом для нас. Туда мы лазили воровать юколу, балык и лоскутки... А их, лоскутков, было много: бабушка обшивала людей, чтоб хоть как-то сводить концы с концами. Ее пенсия от колхоза была, насколько я помню, 8 рублей.

Еще мы, внуки, очень любили таскать пироги-крендели из большого таза, который часто стоял под кроватью. Иногда бабушка угощала нас такими блюдами, как толкуша, суп с сараной, рыбой с нерпичьим жиром... Но что-то в восторг мы, ее внуки, не приходили от этих блюд. Но пномон, чарчихан, фаршированный голец, пироги рыбные, чай с толокном – это да! Очень любили весной есть молодой кипрей, пучку холодную да и горячую тоже и, конечно же, черемшу! Нас, внуков, собирали, и мы большой толпой шли на пикник. Ходили с бабулей, с мамой, с тетями-дядями на заготовки черемши, сараны, дикого лука... А уж сбор ягод – это святое дело! Возвращались с ягод всегда в темноте с лукошками, полными ягод. Помню бочонки небольшие с брусникой, клюквой, рябиной, жимолостью, морошкой...

Кстати, была у наших бабушек такая милая привычка называть друг друга за глаза по кличкам, образованных по именам-фамилиям их мужей: Катя Борисевича, Самборчиха, Федчиха (моя бабуля), Петрущиха, Харлущиха, Лонгиха, Январчиха...

От деда с бабой осталась хорошая привычка поддерживать отношения с многочисленными родственниками, хотя далеко не всегда нам это удается... Скорее просто не можем подняться над бытом, ежедневной суетой. А вот как вспоминает дед Спешнев Ф. В.: «По зимам ездили (тогда) в гости к своим родникам в другие селения. Там поживут-нагостятся как следует. Особенно ездили на Масленице. Последний день Масленицы назывался Прощеным днем. К вечеру катались на собаках на могилу, то есть на кладбище: молились и просили прощение у покойных. Потом приезжали к старшим, к старичкам, к родным попросить прощения. Хозяева угощают блинами с маслом и чаем, после этого просят друг у друга

прощения, при этом кто моложе, тот должен встать на колени перед старшим. Редко, но кому-нибудь иногда в этот прощенный вечер доставалось здорово брани, выговоров от стариков».

И хотя не очень-то гладкими были взаимоотношения деда с бабой, детей они вырастили очень дружными, жизнерадостными, всегда готовыми помочь другу. А было их 8 человек.

1. Елизавета (1921–1999), муж Радьков Леонид Яковлевич (1923–2004).

2. Наталья (1924–1997), муж Коноваленко Анатолий Александрович (1928–20xx).

3. Ливерий (1927–2009), жена Антонина Тимофеевна (1937 г. р.) (дев. Першина).

4. Анатолий (1929–1986), жена Галина Михайловна Зубцова (1935 г. р.).

5. Нина (1932–1964), муж Добриев Базик Магометович.

6. Николай (1935 г. р.), жена Мария Ильинична (1940 г. р.) (дев. Пуцло).

7. Ольга (1938–1996), муж Малашин Владимир Михайлович (1926–2006).

8. Геннадий (1940 г. р.), разведен.

Воспоминание Коноплевой (дев. Вагиной) Тани: «Надя! С удовольствием читаю материал о твоём дедушке. Я его очень хорошо помню. Наш батя очень его уважал. Помню уютный домик бабушки: в нём всегда было чисто и были пироги пышные с жимолостью. А бабушка поила нас с Татьяной чаем с толокном, и в комнате было много солнца. Была красивая веранда. Если бы камчадалы меньше пили, то у многих были бы ухоженные дворы, как у деда. Он умел работать, а не прогибаться. ВОТ!!!»

Память о Спешневце Федоре Васильевиче – это его дети, внуки, правнуки, праправнуки и его Воспоминания в 13 школьных тоненьких тетрадках. Первая презентация его дневников состоялась на Второй международной полевой экспедиции «Хранители родовых очагов» в 1995 г. на базе Пихлач. Я очень благодарна Дэвиду Коэстеру (Columbia University, NY,

the USA) и Виктории Петрашевой (Камчатский институт экологии и природопользования ДВО РАН), которые очень бережно отнеслись к бабулям, дедулям, молодежи, многих из которых впервые в жизни вывезли с севера Камчатки в Елизовский район Камчатской области. Как бы хотелось, чтобы эти экспедиции стали традицией!

ЗЕМЛЯ ОТЦОВ – МОЯ ЗЕМЛЯ

Тетя Лиза, почему у вас, в Соболево, так странно называют женщин.

– Как?

– Мария Харлушиха.

– Это потому, что ее мужа зовут Харлампием.

Как же это я сама не догадалась?! Все ранее услышанное на этот счет обрело сразу стройную систему: Мария Никольчиха, Екатерина Петрушиха...

И только тридцать лет спустя за этим же фактом я неожиданно поняла одну очень простую истину: большинство семей в Соболево носило фамилию Спешневых и для удобства (попробуй разберись, о ком идет речь!), женщин называли вот таким образом. Мужчин в Соболево величали всегда очень уважительно – по имени-отчеству, но и тут были свои сюрпризы: в одно время в Соболево жили Петр первый и Петр второй. Ни тот, ни другой не принадлежали и отдаленно к царской династии. Просто совпадение имен и отчеств вынуждало односельчан именовать их так для различия.

О самом Соболево местные остряки в давние времена шутили: «Кусты, мосты – и Соболево». И не случайно. О хороших дорогах в ту пору и не слыхивали: в зимнее время ездили на собаках, летом надежнее всего была узкая тропочка. Вилась она от одного села к другому, мелькали на пути мостки из легких жердочек, да густые заросли шеломайника.

«Наше селение, да и вообще другие села, небольшое: всего 12–15 домиков. Улицы летом зарастают травой», – писал местный летописец Федор Васильевич Спешнев (светлая память этому человеку, оставившему после себя бесценные записи). Это воспоминания относятся к 1900 г.

Соболево в прошлом и сегодня, Неузнаваемо оно изменилось за годы Советской власти, Общеобразовательная и музыкальная школы, районная больница, в центре села Дом культуры, библиотека, магазины, сберкасса, Дом быта в котором расположены мастерская по ремонту бытовой техники, фотография, парикмахерская, сапожная мастерская, ателье... Не перечислишь всего, что появилось в Соболево за последние годы.

Все эти перемены неразрывно связаны с судьбой династии Спешневых. Вот один из них – рабочий Соболевского госпромхоза Василий Январьевич Спешнев. Не у каждого такая богатая биография: почти полвека трудового стажа. В прошлом – один из первых секретарей комсомольской организации, лучший охотник района. Видимо само время, в которое прошла его юность, шлифовало его характер таким: неугомонным, жадным к работе. Обладает он еще одной очень приятательной чертой: завидным умением радоваться на первый взгляд не заслуживающего внимания событиям.

– Ты знаешь, что наши мужики придумали! – оживленно говорит он при очередной встрече. – Баню поехали строить в угодня...

Баня в охотничьих угодьях. Эта новость пустяк для того, кто не знает, в каких условиях охотились промысловики в давние времена, когда охота и охота составляли основное занятие местного населения. Каждый охотился сам по себе. Пушкину продавал купцам. Долгую камчатскую зиму жили охотники в лесу в палатках, отапливались камином. Нелегким были и сборы. Снаряжая мужчин на охоту, женщины шили торбаза, чижи, рукавицы, камлеи, кухлянки, палатки, спальные мешки, выпекали впрок хлеб, а потом пересушивали на сухари...

Наступал день отъезда. Все село оглашалось звонким собачьим лаем, лихо мчалась по селу застоявшееся за лето собачья упряжка, легким облачком из-под остола снежная пыль – и долгое время от охотников не было никаких вестей.

Сейчас госпромхоз Соболевский – он создан в 1965 г. – располагает вездеходом, тракторами, мотонартами. В охот-

ничьих угодьях построено около 100 домиков, перевалочная база. В период охоты работники госпромхоза регулярно объезжают охотничьи угодья, собирая пушнину. Охотники имеют возможность послушать последние новости – у каждого прихвачена с собой спидола.

В своих воспоминаниях Ф. В. Спешнев писал: «В эту зиму отец меня в школу не отдал учиться, оставил дома помогать по хозяйству». Из записей видно, что первая школа в Соболево была построена в 1908 г., однако и в этот год в школе оказалось учителя со специальным образованием.

Школа в Соболево сегодня. Ее здание одно из лучших в районном центре. 17 просторных светлых кабинетов, 12 из них – специализированных: географии, химии, английского языка, домоводства.... В них занимается 430 учеников. Работают столярная и слесарная мастерские. Есть спортивный зал. В штате школы 34 учителя с высшим и средним специальным образованием.

В записях Ф. В. Спешнева есть такие строки: «Приемная амбулатория была в частном доме...»

Как поставлено медицинское обслуживание населения в Соболево в наши дни? На этот вопрос секретарь партийной организации районной больницы Лариса Александровна Епифанцева отвечает: «В районной больнице работает 19 врачей и 46 медицинских работников со средним специальным образованием. В 1978 к 85 койкам прибавится еще 10, планируется реконструкция и расширение поликлиники, родильного отделения, открытие детского

Самой юной из Спешневых Машеньке – ее папа работает бригадиром животноводства в совхозе «Соболевский – не более трех месяцев. Она появилась на свет под наблюдением врача и акушерки, сейчас находится под опекой педиатра и патронажной сестры, которые регулярно ее посещают на дому.

И как не вспомнить слова матери Василия Январевича Спешнева, ныне покойной Ульяны Афанасьевны, которая с грустью говорила: «Всю жизнь я проходила со вздернутым подолом». 16 детей было у этой женщины, в живых осталось только шестеро. Она и мечтать не могла о медицинском уходе за ними.

Тяжкой была жизнь женщины до революции. Хозяйство натуральное. Приходилось возделывать шкуры, шить одежду и обувь, заготавливать впрок продукты питания, ухаживать за скотом. Но, пожалуй, самым тяжким было то, что, подчас, вымирали целыми семьями от туберкулеза и других болезней.

По-иному сложилась жизнь в годы Советской власти. Ярким свидетельством тому – биография Марии Антоновны Спешневой. Вот уже 40 лет она работает младшей медицинской сестрой в центральной районной больнице, воспитывает двоих детей, имеет внука и ждет правнука. Люди благодарны этой женщине за ее нелегкий труд.

– Что вам теперь не жить?! – часто говорила мне мать. – Столько кругом работы – только не ленись. Не трудно понять ее: в свое время ей, молодой вдове с пятью ребятишками, «общество» – так называли в старину жителей села – предоставило возможность работать уборщицей в школе. В то время это была единственная должность для женщин в селе.

Сейчас династия Спешневых насчитывает десяток профессий. Я знаю Спешневых моряков и обработчиков рыбы, строителей и механизаторов, животноводов и полеводов, мастеров по пошиву одежды и связистов. Раньше об этих специальностях в Соболево и не знали, а сейчас – выбирай любую, какая по душе.

Трудом славен человек. В честь 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции почетной грамотой РК КПСС и райисполкома награжден ветеран труда Василий Январевич Спешнев. Он по праву может сказать: «Земля моих отцов – моя земля», потому что самоотверженным трудом украшает эту землю.

А. Соколова

Газета «Камчатский рыбак», ноябрь 1977 г.

Эти записки дополняет соболевский краевед Владимир Иванович Самборко, родственник Спешневых по линии Колтакиных.

Ушел из жизни один из представителей большого рода Спеш-

невых-Колтакиных, сын Михаила Васильевича Спешнева, внук Надежды Михайловны Спешневой (Колтакиной), замечательный человек, наш земляк Вениамин Михайлович Спешнев. Детство и юность Вениамина Михайловича пришлись на трудные военные и послевоенные годы. В то время большинство мужчин были на фронте, и совсем неокрепший мальчишка встал на трудовую вахту тыла. Он трудился на полях, в рыболовецких бригадах. Зимой доставлял грузы и почту на собачьих упряжках. Так формировался его характер. В 50-х годах инициативного и ответственного Вениамина Михайловича назначают бригадиром, затем заместителем председателя колхоза, председателем. В 60-х годах он переехал жить и работать в Елизово, но никогда не переставал интересоваться делами родного села. Был почетным гостем по случаю 60-летнего юбилея Соболевского района. Вениамин Михайлович был очень увлеченным и интересным человеком, с большим чувством юмора. Таким он запомнится нам. Светлая ему память.

Газета «Соболевские Вести», март, 2010 г.

Женделегатка – необычно сейчас звучит это слово, а в 20-х, 30-х годах они выполняли большую общественную работу в селе. Многие из старожиллов помнят имена первых общественниц: Анна Самборко, Александра Спешнева, Екатерина Спешнева, Елизавета Спешнева. Скромны были их труд, но так нужен в те дни. Они вели большую работу по наведению по наведению санитарного порядка в домах, устраивали соревнования на лучшую квартиру, проводили вечера отдыха (или как тогда говорили – вечерки). Но самое главное – впервые стали коллективно шить одежду, хлеб печь для охотников, уезжавших в зимний сезон на промысел пушного зверя, а летом – на добычу рыбы. И по сей день не угас у них интерес к общественным делам. На проводившемся недавно вечере, организованном женсоветом с. Соболево, Елизавета Николаевна Спешнева получила приз за вкусный пирог собственной выпечки.

СПИРИДОНОВЫ

У нас имеется немного информации:

Спиридонова Понфила Александровна – жена крестьянина селения Крестовского, 1904 г.

Спиридонов Федот – служилый человек, бит кнутом в Нижнекамчатске как один из виновников Харчинского бунта.

Выводы пока делать рано, но то, что казаки и представители других сословий могли на Камчатке записываться в крестьяне, это факт исторический.

СПЫЛИХИНЫ

В отличие от Усовых, Новограбленных, Краснояровых, Дурьнинных, Карандашевых и других уроженцев Камчатки, участвовавших в обороне Петропавловского порта в 1854 г. и оставивших о себе не только память об этих событиях всемирной истории, но и новые поколения новых защитников Камчатки, Степан Васильевич Спылихин не был уроженцем Камчатки, детей у него не было, но если бы даже и были, то они были бы вывезены в 1855 г. в Николаевск-на-Амуре и вряд ли вернулись бы назад на Камчатку, на свою малую родину, как Усовы или Новограбленные. Но так же, как и они, герои Крымской кампании, он навсегда остался в памяти всех камчатцев как герой.

Вот его послужной список.

Спылихин Степан Васильевич (также Спелихин; Шеполихин) – участник обороны Петропавловского порта, фельдфебель; боцман; старожил Камчатки; был в стрелковом отряде № 3.

Степан Васильевич Спылихин, из мещан Казанской губернии, 43 года. Лицом бел, глаза серые, волосы русые. Грамотен. Женат на Ирине Петровой, детей нет.

1 ноября 1829 г. – рекрут.

29 апреля 1830 г. – 22 флотский экипаж, матрос 2-й статьи.

12 октября 1839 г. – Гвардейский экипаж.

21 февраля 1841 г. – Камчатская экипажная рота, лоцман Тигильской крепости.

23 ноября 1843 г. – лоцман в Нижнекамчатске.

5 декабря 1846 г. – квартирмейстер.

29 августа 1850 г. – боцманмат.

1 января 1851 г. – боцман.

14 марта 1851 г. – 46 (что ныне 47) флотский экипаж (*Послужной список Степана Васильевича Спылихина на 4 сентября 1854 года. ЦГАВМФ, ф. 283, оп. 2, д. 4592, л. 11 об.*).

«№, № знаков отличия – 102497.

Звание, имя, фамилия и время награждения знаками, каких полков и команд – боцман Степан Спылихин.

За что пожалованы и с каких сведений внесены – за отличие, оказанное в 1854 г. при отражении англо-французской эскадры от Петропавловского порта. Внес, с отн. Инсп. Д-та Морского Мин-ства от 19-го февраля 1860 г. № 2596 журн. 23 августа 1860 года.

Возвращение знаков и замечания – (не заполнена)».

(*Список нижних чинов, имеющих знаки отличия военного ордена. Часть 22, №№ 100 000–102 999. ЦГИА, ф. 496, оп. 3, д. 760, л. 250 об.*)

А это документальный рассказ, давно уже ставший библиографической редкостью, об отважном боцмане известного камчатского историка Вячеслава Кускова.

Возвратившись домой после работ, Степан Васильевич сидел с женой своей Ириной Петровной за ужином.

За окнами уже стемнело. Короток зимний день, а намаешься, как говорится, до немоготы. Хотя, если по календарю смотреть, то зиме, можно сказать, конец. Вот-вот и лето. Летом же не миновать снова супостата. Отбились в прошлом году, слава богу, что в пятьдесят пятом будет?

Немолод уже боцман. Хотя и не то, что старик, а косточки побаливают. А куда денешься? Годы. Двадцать пять из них на воинской службе. Уже чуть ли не полгода лишних служит. Быть бы уже в отставке, кабы не война. Уволился бы и зажил спокойно в своем доме. Прокормить себя и жену есть еще сила-возможность. Да и обещал его превосходительство господин генерал-майор Василий Степанович Завойко, что выхлопочет ему с отставкой и пенсию. Хорошо бы...

Вспоминается прибытие Завойко в Петропавловский порт.

Прямо перед фронтом разнес он тогда капитан-лейтенанта Стиценкова. Вы, говорит, кого мне построили, кого намерены представить? Толпу нищих или военных матросов? И верно, только по ружьям можно было догадаться, что воинские чины собраны. А так – голодранцы, хуже некуда. На другой же день всех обули-одели. Он, Завойко-то, еще в Аяне про камчатские дела слышал. Не с пустыми руками Аянский порт оставил – привез на тысячу с лишним человек и мундиров, и сапог. Да и сбитень тогда же велел варить по утрам.

К примеру, опять, китобои. Никакого ведь спасу не было. Спылихина тогда еще малость гарпуном поранили. Сказывали, тот же Станицков Василию Степановичу докладывал, что-де ничего поделать невозможно. Каждое лето китобои дебоширят, девок портят, баб насилуют. Их же капитаны жалуются: вышли, мол, команды из повиновения, вы бы их как-нибудь сами на берегу усмирили. По правде-то, потакали им капитаны. Разве им, иностранцам, наши порядки русские охота блюсти. Вот Завойко и распорядился: «...снарядить два взвода по 60 человек под командами боцманов, зарядить ружья и беглым шагом следовать к месту происшествия, и выгнать разбойников с берега, а если они будут вооружены гарпунами, вздумают сопротивляться, то в драку с ними не вступать, а стрелять по ногам их; и тех, у которых отнимут женщин, арестовать и отправить на гауптвахту». («Начало Амурского дела и воспоминания о событиях на Амуре и Камчатке во время Восточной войны (1853–1855 гг.)»). (ЦГАВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 1680, лл. 25–25 об.)

Китобоев тогда оказалось без малого пара сотен. Конечно, с гарпунами. Само собой, не подчинились. Турнули их, однако, крепко. Правда, шестьдесят из них, самых дерзких, похватили и – на гауптвахту. Как только ухитрились затолкать туда такую прорву?

На суда переводчика послали. Извольте, дескать, господа капитаны, утречком пожаловать к гауптвахте, да чтобы не забыли с собой кошки (плетка) взять. Мы свои кошки о ваших китобойцев трепать не намерены. Явились. Василий Степанович сразу к делу. Вывели первого с гауптвахты. Чей? Ах, ваш... Очень хорошо! Берите-ка себе в помощники любого из моих унтер-

офицеров, и дать ему, мерзавцу, за оскорбление русской женщины шестьдесят кошек по заднице. Унтер, известно, постарался, а капитан так, одну видимость обозначил. Завойко это дело остановил. Вы, говорит, господин капитан, из благородного звания или в простом сословии состоите? Ах, вот как! Так вы уж старайтесь, а то и вам можно десяток-другой всыпать. Не сомневайтесь, по нашим законам сие дозволено. Мигом капитан вошел в правильное понятие. А тем, что Спылихина и четырех матросиков гарпунами поранили, по сто двадцать дали. Тогда-то и заметил меня Василий Степанович и перед другими отличил: произвел в боцманматы.

С утра до ночи обстраивались, чтоб жить не хуже, чем в прочих местах. Всякого строительного припаса потребовалась уйма. Спылихина в Тарью «определили с командой – кирпичи делать. Очень доволен был Василий Степанович. И полгода не дал ходить в боцманматах, произвел на новый год в боцманское звание. Нечего, оказал, пять лет ждать, ты, Степан Спылихин, и сейчас к повышению весьма достоин».

Малое время спустя Завойко распорядился: «...На ново-строящийся катер для меня назначить боцмана Спылихина и двенадцать человек гребцов. Людей этих по спуске катера никуда на работу не назначать без особого моего на то приказа, и только, с предварительного мне доклада, шесть человек из них послать для встречи судов с переводчиком...» (Приказ Камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта № 142 от 17 мая 1852 года. ЦГАВМФ, ф. 906, оп. 1, д. 16-а, лл. 59, об. 60).

Когда же в 1854 г. начали готовиться к обороне от англо-французов, катер тот отдали в команду сынишке губернаторскому, а гребцами кантонистов посадили. Спылихину – новое повышение. Назначили ротным фельдфебелем к рекрутам из сибирских батальонов.

– Что-то ты, Васильич, задумался? – прервала воспоминания Ирина Петровна. – Уж спать пора.

– Пожалуй, пора, Петровна, – согласился боцман. Кряхтя и покашливая, он принялся стаскивать обувь.

Заскрипела дверь в сенях. Не иначе, от ветра. Пойти зак-

рыть, а то наметет за ночь снегу... Но вслед за скрипом послышался другой шум: кто-то искал в темноте вход в избу.

– Петровна, открой. Кого это принесло на ночь глядя?

В открытую дверь повалил пар, и появилась фигура, закутанного в кухлянку матроса.

– Ты чего? – спросил Спылихин.

– Господин боцман, губернатор кличет!

– Губернатор... Не «губернатор», а «его превосходительство господин губернатор», – ворчливо поправил боцман, принимаясь заново обуваться. – Учишь, учишь, а все никак не поймете...

Быстро одевшись, он направился к двери.

– Тебя ждать или как? – спросила жена.

– Не жди, откуда мне знать, за каким делом я понадобился.

Может быть, на всю ночь. Спи.

Завойко встретил Спылихина приветливо.

– Входи, боцман, входи! Вот, смотри: прибыл к нам экстренный курьер. Есаул Мартынов Николай Алексеевич.

Завойко указал рукой на молодого офицера, сидящего в кресле возле печки. Тот приподнялся. Завойко слегка нажал ему на плечо, усаживая обратно в кресло.

– А это, господин есаул, мой лучший боцман. Степан Спылихин. У него и будете пока квартировать. Само собою, вы – мой гость, но, к сожалению моему, никак не могу оставить вас у себя. Тесно, изволите видеть, и шумно.

Как бы в подтверждение его слав за стеной послышался плач ребенка. Слышно было, как мать принялась его успокаивать.

Мартынов встал и почтительно склонил голову:

– Покорнейше благодарю за заботы, ваше превосходительство! – Повернулся к Спылихину: – Здорово, боцман!

– Здравия желаю, вашбродие!

– Тебе все понятно? – опросил боцмана Завойко.

– Понятно, вашдество!

Чего там не понять! У губернатора десять детей, младшему и года нет. Для такой оравы надо бы хоромы иметь побольше губернаторского домика. Камчатка. Здесь и губернатор немногим лучше боцмана живет.

Мартынов натянул на себя шубу.

«Возвращаясь однажды от заутрени, до меня дошел слух, что от г. губернатора приехал курьером адъютант его Мартынов. И действительно, проходя мимо дома боцмана Спылихина, увидели мы две нарты собак, по-видимому, приехавшие из дальней дороги. Легко представить себе нашу радость и ожидания. Многие из наших офицеров пошли тотчас к Мартынову». (Г. Н. Токарев. «Описание плавания фрегата “Аврора” в 1853, 54, 55, 56 и 57 гг.». «Кронштадтский вестник», № 114, 1914).

Офицеры, бесцеремонно ввалившиеся в дом к боцману, увидели там его жену, хлопотавшую возле печки.

– Ш-ш-ш... – прошептала она. – Не разбудите его благородия. Спит он с дороги. Вон ведь какой конец отмахал!

Офицеры, несколько смущенные, слегка попятились.

– Ладно, боцманша, – также шепотом ответил один из них, – скажи-ка, где твой-то?

– Должно, вот-вот от заутрени подойдет.

– А-а-а... А что за гость к вам прибыл?

– Здравия желаю, вашискобродия! – почтительно подал знак о себе незаметно подошедший Спылихин.

Боцмана стали расспрашивать. Он отвечал сдержанно и уклончиво. Одно, мол, известно ему – по важному делу приехал генерал-губернаторский адъютант, а по какому именно – не могу знать. В важности доставленных распоряжений никто и не сомневался. Не пошлют же в такую пору из Иркутска экстренного гонца по неважному делу. Чувствуя себя несколько обманутыми, офицеры вышли.

Подались они было к губернатору, но у дверей их встретил ординарец и передал распоряжение Завойко: никому, ни по какому делу его превосходительство не беспокоить. Оставалось только строить предположения и ждать пробуждения Мартынова.

Завойко почти всю ночь просидел за привезенной Мартыновым почтой. Прилег под самое утро, но с рассветом был уже на ногах. Он решил, чтобы назавтра, в воскресенье, закончить с торжественной частью полученных распоряжений – раздать награды, а уж с понедельника приняться за глав-

ное, ради чего и прислали курьера. Прохаживаясь из угла в угол, он заглядывал в свои черновые записки и диктовал писарю:

– Следующий приказ. Какой номер. Девяносто шестой... Смотри, не перепутай... «Я покорнейше прошу гг. командующего 47-м экипажем, командира фрегата “Аврора” и медицинского инспектора Петропавловского морского госпиталя явиться ко мне завтра в 8 1/2 часов утра для принятия от меня орденов для возложения на гг. офицеров, показанных у сего в списке, а гражданским чиновникам явиться ко мне гг. Лохвицкому и Горемыкину. (Следует список)». (Приказ Камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта № 96 от 5 марта 1855 года. ЦГАВМФ, ф. 906, оп. 1, д. 32, лл. 48 об. – 50 об.).

Писарь не успевал. Завойко, однако, не раздражала его медлительность. Ожидая, пока писарь напишет очередную фразу, губернатор украдкой оглядывал самого себя. Он впервые надел контр-адмиральские эполеты, знаки ордена Станислава 1 степени, а самое главное – беленький Георгиевский крест 2 степени. Сразу три награды! Правда, Станислава и контр-адмирала могли бы и пораньше дать, когда утвердили в должности губернатора. Тогда Завойко, хотя и не показал виду, но в душе обиделся, что его произвели не в адмиралы, а в генерал-майоры. Хотел даже выбросить давно приготовленные контр-адмиральские, с орлами, эполеты. Все же не выбросил. Правильно сделал. Где бы сейчас их можно было найти? С невольной улыбкой Завойко еще раз покосился на звезду и крест Станислава, на эполеты.

Увидеть нашейный крест Георгия мешал подбородок. Завойко опустил голову на грудь. Холодная эмаль креста коснулась кожи. Губернатор спохватился – не замечает ли писарь его мальчишества? Нет, не заметил. Итак, шесть крестов молодым мичманам, недавним гардемаринам и юнкерам. Повезло, очень повезло молодым людям! Приди вовремя приказ об их производстве в мичмана, и не видать бы им солдатской награды. Владимира и Анну они в свое время получают, никуда они от них не уйдут. Теперь нижние чины. Восемнадцать крестов. Маловато... «Из присланных 18-ти знаков св. Георгия по разделу на команду

фрегата приходится шесть, на команду 47-го флотского экипажа, писарей всех управлений, козаков и волонтеров – двенадцать крестов, и из двенадцати достаются пять, соответственно статута ордена, для отличившихся в моих глазах, а именно...

...Я прошу г. экипажного командира приказать ротным командирам сделать опрос товарищам вышепоименованных людей и засвидетельствовать как ротным командирам, так и батарейным или партионным офицерам, соответственно статуту, могут ли вышеозначенные нижние чины поддерживать честь ордена и не заметили ли оне в них каких-нибудь особенных проступков до принятия ими участия в деле. Также в то же самое время доставить ко мне списки с отметками отличия избранных как командира фрегата, так и экипажного командира, также доставить мне список для раздачи денежной особой награды охотникам 17-ти человекам, которые так бойко выбежали вперед при моем вызове, чем и были отличены мною от остальных, думавших о них как о новичках!» (Приказ Камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта № 97 от 5 марта 1855 года. ЦГАВМФ, ф. 906, оп. 1, д. 32, лл. 50 об.– 52 об.).

– Ну, вот, как будто подходим к концу. Пиши следующий номер. Да, маловато. Уже названо пять человек. Осталось семь. А ведь каждый батарейный командир, каждый ротный, каждый партионный офицер назовет по два-три человека. Придется по каждому кресту решать, кому из пяти-шести человек дать его. Впрочем, в приказе ясно сказано. И командир фрегата, и командир экипажа должны дать списки на указанное им число крестов. И не больше! Больше все равно не будет. «Поручаю г. командующему 47 флотским экипажем завтрашняго числа после обедни собрать всех команд нижних чинов при господах штаб-и обер-офицерах на площади в полной парадной форме в ружьями, принести на древке крепостной флаг и кормовой флаг с фрегата, я буду иметь счастье сам лично явиться к фронту поздравить товарищей с монаршею милостями к нам и, соответственно статута кавалеров Георгия, роздать знаки ордена счастливым нижним чинам, которые будут избраны» (Приказ Камчатского военного губернатора и командира Петропавловского

порта № 98 от 5 марта 1855 года. ЦГАВМФ, ф. 906, оп. 1, д. 32, лл. 53–53 об.). Продиктован, наконец, последний приказ, объявляющий о производстве офицеров порта, фрегата в следующие чины.

– Теперь живо послать за писарями на фрегат и в экипаж. Чтоб немедля переписали себе и тут же доложили командирам своим.

Явившиеся утром командиры фрегата и экипажа в ожидании губернатора спешно договаривались между собой.

– Я, – говорил командир фрегата Изыльметьев, – готов представить его превосходительству список на шесть человек. Но список сей составлен с некоторою поспешностью, а потому в безошибочности внесения нижних чинов в оный не могу быть вполне уверен.

– В том-то и суть дела! Когда бы я успел опросить всех офицеров, а равно и унтер-офицеров, коих это касается?

– Я готов высказать его превосходительству мнение, что усматривается некоторая поспешность в предложенном им на сегодня возложении знаков отличия на нижних чинов и особой надобности в которой не нахожу.

Вошел Завойко. Все встали. Поздоровавшись, губернатор пригласил присутствующих садиться и сразу приступил к делу.

– С приказами моими, я полагаю, вы уже изволили ознакомиться. Приступим к исполнению. Прошу получить от меня кресты для господ офицеров и чиновников Прошу.

Губернатор быстро раздал заранее приготовленные знаки орденов и ленты.

– До обедни возложить сии знаки, согласно списка, изложенного в моем приказе. Теперь прошу дать мне описки избранных вами героев нижних чинов.

– Список вот он, ваше превосходительство. Позвольте, однако, изложить свои соображения на сей предмет, – первым ответил командир экипажа.

– Излагайте.

Выслушав обоснование для отсрочки вручения крестов унтер-офицерам и матросам, Завойко задумался ненадолго.

– Нет, нет. Хотя вы и правы отчасти, но отсрочка никак не

может быть допущена. А что думаете вы? – обратился он к командиру фрегата.

Изыльметьев выразил свое согласие с предложением командира экипажа. Завойко недоволено морщился. Мысль об отсрочке явно не нравилась ему. Но за сравнительно короткое время знакомства с Изыльметьевым он не раз имел случай убедиться в разумности его советов. Если Изыльметьев говорил, что вот это-де дурно, так оно и оказывалось. От командира экипажа можно и отмахнуться, а к Изыльметьеву следовало прислушаться. И все же отсрочка крайне нежелательна. Он повернулся к правителю канцелярии. Лохвицкий только и ждал этого.

– Ко мне этот вопрос прямого отношения не имеет, но если хорошенько его сообразить, то надобно бы согласиться с командующим экипажем. Сами извольте видеть, что, возможно, не во всех подробностях восстановлены обстоятельства прошедших событий...

– Я вижу, что вы уже сговорились меж собой, – прервал Завойко. – Извольте, я соглашусь. Что тогда?

– Тогда во всех отношениях польза, – ответил Изыльметьев. – Мы более точно изберем достойных, что самое главное. Кроме того, не столь уж весело наши дни здесь проходят. Сегодня день особенный – господа офицеры получают награды. Пусть же и следующее воскресенье будет таковым. Проведем церемониал вручения с наибольшим торжеством. Нельзя пренебречь возможностью доставить всем впечатлительный день. Короче говоря, мною не усматривается никаких причин для поспешности.

Все закивали головами, подтверждая свое согласие со словами Изыльметьева, один Завойко недоволено хмурил брови. Немного помолчав, он махнул рукой.

– Согласен. Убедили. Сегодня мой приказ в исполнение не приводить. Относительно же поспешности вы не правы. Нужна поспешность. Более того – крайняя поспешность. Намеревался я уведомить вас позже, после всех торжеств, но объявлю сейчас. Господин есаул Мартынов, адъютант генерал-губернатора, не одни награды привез. Вернее сказать, их он привез попутно. Главное же в привезенной им почте – повеление безотлагатель-

но грузить все портовое имущество до последнего гвоздя на суда, и, как только возможность допустит, порт перевезти во вновь предназначенное место.

Губернатор замолчал. Молчали и присутствующие, не решаясь задать сам собою разумеющийся вопрос о пункте нового предназначения.

– Вы хотите знать куда? Сие будет объявлено лишь с выходом в море. Ранее кому бы то ни было говорить не приказано. Засим, завтра с утра за работу. От зари до зари! Офицерам от своих мест не отходить! Предстоит нам почти годичную работу выполнить за один месяц. Исключительная требуется поспешность!

На утро следующего дня в порту закипели работы. «В воскресенье, на 4-й неделе, первое по приезде Мартынова, утром до обедни, офицеры наши собрались у капитана, который роздал присланные кресты. После обедни был завтрак у губернатора. В следующее воскресенье происходила раздача георгиевских крестов. После обедни все пошли на площадь против казарм. «47-й (теперь 27-й) экипаж, команда фрегата были построены здесь под ружьем в каре, лицом в середину. Сперва отслужили молебен с водосвятием, освятили кресты, вызвали кавалеров на середину, и началась раздача. Принесли кормовые флаги с фрегата и корвета и еще два знамя с казачьих полков, бывших некогда в Петропавловске, которые преклонялись над головою каждого, на которого сам губернатор надевал крест при команде “на караул” и музыке. После нас, 6 офицеров, украсилось 18 человек нижних чинов. Поздравления сыпались со всех сторон и было с чем» (Токарев Г. Н. «Описание плавания фрегата “Аврора” в 1853, 54, 55, 56 и 57 гг.». «Кронштадтский вестник», № 116, 1914).

После офицеров начали вызывать унтер-офицеров и матросов. Спылихин стоял, ожидая своей очереди. В мыслях вставляли картины боев прошлого года...

«...вероятно, вы из газет знаете, что в Петр-порт приходила англо-французская эскадра из шести судов, имевшая 240 пушек и люди и до 3-х тысяч. А нас-то горсточка всего с ребятишками контанистами и всеми чиновниками и купечеством, которые стали все» под ружье и по силам своим действовали, было до 900 душ

и всего по батареям и на одном фрегате всего 48 пушек. Неприятель осаждал с 18 числа августа по 25 всеми своими силами. Наконец, 24 августа решительный приступ сделал, высадил вторично десант и всеми судами сбивал в то же время батареи и бомбандировал город. Я за расходом по батареям и другим расходам военным имел 230 оборванных измученных, как и я сам от бдения, день боремся, а ночью подчинять батареи и караулить. Явилось противу нас до 1/т. чистеньких сшегольеки одетых англичан и французов и с гордостью на сердце мечтали нас живьем взять (не преберу ума для чего они кандалы привозили с собою). Но нет, обманулись – мы стали выдерживать страшный огонь, градом пули посыпались, казалось дни наши сочитаны...» (Завойко В. С. «Письмо Н. Е. Лажечникову». «Щукинский сборник», вып. IX. М., 1910, стр. 332–333).

В день решающего штурма Завойко расположился возле порохового погреба. Вместе с ним находились и ближайшие его помощники. Несколько поодаль расположились назначенные ординарцами гардемарины и унтер-офицеры. Здесь же ожидал своей очереди и личный резерв губернатора – десятка два гребцов губернаторского катера и рекрутов, а также единственная полевая пушка. Вначале здесь царило спокойствие, лишь со стороны города и из-за Никольской сопки доносились звуки пушечных выстрелов.

Закурив трубку, Спылихин подошел к пушке, чтобы переброситься парой слов с командиром расчета пятидесятником Карандашевым. Карандашев, обладатель редкой силы, демонстрировал свои способности подчиненным. А разных штук у него в запасе было не перечесть... На этот раз он ограничивался забиванием гвоздей кулаком, что тоже приводило зрителей в восторг.

– Опять, Алексей, ты народ потешаешь?

– А! Здорово, Степан! А что? Разве плохо?

– Плохо, не плохо, а все-таки сражение идет. Не Время, небось, потехой заниматься.

– Брось, Васильч! Пушка у нас заряжена, рысаки наготове. Только нам скомандуй – мы тут же в нужное место поспешим. А

пока здесь без нас обходятся, можно и какую ни есть забаву придумать. А то ведь ждать-то больно тошно. Где-то там стреляют, а тут слышишь пальбу и думаешь: кто кого?

– А тебе об том думать нечего, – не согласился Спылихин, – ты знай свое дело. А для больших дум есть большие начальники.

– И то верно. – Карандашев и не собирался спорить.

На вершине сопки послышались громкие торжествующие крики. Мелькнуло знамя или флаг. Вокруг зашлепали пули. Опылихин поспешил к своим.

– Конец нам, поди, пришел, Степан Васильич! – почти выкрикнул ему старый сослуживец. – Глянь, англичанин на гору вышел. Теперь ему никакой оста-ковки нет... Пропадем!

– Дура! – степенно ответил Спылихин. – Двадцать с хвостом лет в морской службе, а в настоящее матросское понятие так и не вошел. «Про-па-дем...» Тьфу! Мыслимое ли это дело? Сейчас его превосходительство дадут распоряжение... Видишь?

Завойко нервно выкрикивал ординарцам:

– Самым наипоспешнейшим образом! На словах – все пропало! Всех посылать в стрелки!

Боцман Шестаков, гардемарин Колокольцев и другие побежали передавать приказание губернатора. Опылихин забеспокоился, что-то ему не понравилось в тоне приказаний Завойко. Но, не показывая виду, он успокаивающе продолжал внушать товарищу:

– Сейчас вот прибегут с Кошки и с фрегата люди, навалимся разом и сомнем англичанина и француза. На своей, чай, земле стоим.

Он успокаивал, а сам думал, что, пока ординарцы добегут до Кошки, пока прибегут оттуда стрелки, неприятели десять раз успеют опуститься с горы и передавить их тут, – как котят. А вот если бы...

– Ладно, кончай болтать! Меня, кажись, его превосходительство к себе требуют. Надо бежать, а то прогневаются...

Опылихин резвой трусцой метнулся к Завойко. Завойко никого не собирался звать. Это боцман придумал сам себе в оправдание своей, как он считал, дерзости. Слыханное ли дело: боцман лезет с советом к губернатору!

– Изволили звать, вашдиетво?

– Да? Что? Тебе чего, Спылихин?

«...боцман Опылихин – он первый вызвал в охотники 17-ти человек броситься в центр неприятеля, растянувшегося по горе...» (Приказ Камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта № 97 от 5 марта 1855 года. ЦГАВМФ, ф. 906, оп. 1, д. 32, л. 51).

Немного поколебавшись, Завойко решил:

– Иди! Да не мешкай!

– Ребята! – заорал Опылихин. – Гребцы и кто моей роты! За мной! Не выдадим!

Спылихин бежал к кустам у подножия горы. За ним дружно двинулись губернаторские гребцы. Немного суетясь, их догнали с полдюжины молодых матросов. Перед тем, как исчезнуть в кустах, Спылихин приостановился и коротко разъяснил:

– Лезь на самый верх! Которые вниз навстречу идут – пропускай мимо! Прячься в кусты! Не отставай! Наверху всем быть в единое время! Пошли!

Последние слова слышались уже из кустов. Не щадя сил своих, ни ветхого казенного мундира, боцман упрямо лез вверх. Судя по слышавшемуся с обеих сторон треску и тяжелому дыханию, так же решительно стремились к гребню и остальные. Впереди послышались непонятные голоса. Опылихин стал выбирать кусты погуще, стараясь в то же время поменьше шуметь. Впрочем, с бесшумностью ничего не получалось. Выручало то, что вражеские солдаты шумели ничуть не меньше. Возможно, что они слышали шум от движения группы Спылихина, но не обращали внимания.

Вот и вершина. Спылихин остановился, перевел дух, прислушался, а затем осторожно вышел на поляну.

– Эй, кто здесь есть? – тихонько окликнул он.

– Здесь мы, здесь, – ответили несколько голосов.

– Подходи ко мне! – распорядился боцман.

Смельчакам повезло. Они попали в просвет между двумя волнами десантников. Передовые группы, перевалив гребень, уже начали спускаться к городу, а следующие подразделения только еще подходили к гребню.

Англичане и французы, не торопясь, вышагивали по узкой

тропинке. Они не видели перед собой никакой опасности. Ведь впереди шли их соратники, и от них не было ничего тревожного. Да и о чем тревожиться, если победа казалась уже одержанной? Куда больше их беспокоили высокий крутой обрыв слева да тяжелый подъем к гребню. Для удобства многие закинули ружья на ремень.

Но что это за оборванцы вдруг появились между кустов? Откуда они взялись? Что им здесь надо? И почему у них ружья? Это русские солдаты?

– Целься! – прокричал команду Спылихин. Матросы вскинули свои кремневки.

– Пли!

Прогремел залп. Вряд ли хоть одна пуля попала в цель. Что можно было требовать от старых кремневок? Что можно было требовать от людей, только что вскарабкавшихся с огромным напряжением сил на высокую гору? Не только руки, все тело дрожало от усталости. Где уж тут попасть? Слава богу, ни у одного осечки не было...

– Ура, братцы! В штыки! Ура-а-а...

– Ура-а-а-а-а...

Удивленные неожиданным появлением, ошарашенные залпом в упор, перепуганные бегущими со штыками наперевес русскими матросами, первые ряды попятились назад. На тропе возникло замешательство. Сзади напирали, один толкал другого. Вот уже раздался крик морского пехотинца, беспомощно балансирующего на краю обрыва. Он бросил ружье и попытался хватиться за ближайшего солдата, чтобы не упасть в бездну на острые полуприкрытые водой камни. Тот тоже бросил ружье, ударил по протянутым к нему рукам и отскочил подальше от обрыва. С душераздирающим воплем пехотинец полетел вниз. Остальные дружно повернули назад.

Несмотря на призрак суда и неизбежных после него трупов, развешенных на реях, ужас погнал матросов и солдат обратно. Теперь они уже разглядели, что перед ними нет и двух десятков бойцов. Появился стыд за минутную растерянность. Вперед, парни! Сейчас мы сотрем с лица земли эту жалкую кучку невзрачных людишек!

Спылихин и его товарищи стояли молча. Все силы исчерпаны. Оставалось только упасть на свою землю, глядя в лицо врагу. Единственная удача, на которую можно рассчитывать, падая, увлечь за собой и врага. Авось, получится... Эх, не сумели мы свое дело исполнить, как следовало...

Еще несколько секунд – и оборвутся жизни собранных с разных сторон России мужиков... Красно-синяя шеренга уже подняла штуцеры к груди.

Вдруг в кустах у правого фланга шеренги послышался нестройный шум. Его перекрыли звуки русского рожка, трубившего атаку. Дула штуцеров заколебались, головы неуверенно поворачивались вправо... Боже! К русским подошло подкрепление!

– Успели, сукины дети! – радостно выкрикнул Спылихин. – Наша берет! Ура-а!

Из кустов появился мичман Фесун с саблей в руке, за ним горнист, затем один за другим посыпались матросы-авроровцы. Выстрелив в толпу красных и синих мундиров, они бросались на них, выставив вперед штыки. Бросились вперед и спылихинцы.

Англичане и французы тоже стремились вперед. В первую очередь они хотели оторваться подальше от обрыва, чтобы почувствовать себя поспокойнее. Где-то позади также послышались крики. Еще одна партия с «Авроры» вступила в схватку. Хотя в общей сложности на сопке набралось лишь немногим более полусотни петропавловцев, но, растянувшись по гребню, они производили впечатление нескончаемого потока. Подоспели несколько камчадалов. Эти не стали ввязываться в свалку. Они аккуратно располагались за камнями, и, тщательно убедившись в своей безопасности от выстрелов, начинали спокойно выцеливать очередного. Приученные с детства беречь каждую крупинку пороха, каждый кусочек свинца, они били без единого промаха.

Несколько минут трудно было сказать, кто кого. Но, вот один солдат бросает ружье и бежит назад. Его примеру следуют еще один, второй, третий... Наконец, вся колонна в панике бежит к шлюпкам.

«...и так, можно сказать, неприятель потерял сознание, был прижат на выдающемся в море мысе узкую площадку, откуда вследствие натиска наших штыков, спихивал своих товарищей с высоты 80 фут в морскую пучину, прикрывающую острые каменья у подножия утеса, и разбивались насмерть.

Тут, можно выразить, текла кровь ручьями с горы, так как ни один человек неприятельского десанта не сошел с горы живой, все были перебиты и сброшены с высоты утеса, а катера неприятельские отошли от берега пустые, только по причине того, что недостало у нас зарядов». («Начало Амурского дела и воспоминания о событиях на Амуре и Камчатке во время Восточной войны (1853–1855 гг.)», ЦГАВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 1680, лл. 69–69 об.).

– 47 экипажа боцман Степан Спылихин! На середину!

Спылихин вышел на середину.

– Боцман Спылихин с семнадцатью охотниками забежал под горой навстречу неприятелю и, смело бросившись на него в штыки, наделал переполоху ему, тем самым задержав движение десанта, пока наши остальные партии подходили. Молодец, боцман Спылихин!

Завойко приколол на грудь Спылихину беленький серебряный крест на черно-оранжевой ленте. Унтер-офицеры наклонили над ним флаги. Заиграла музыка. По команде взлетели на караул ружья.

Как в полусне, возвратился Спылихин на свое место. Раздача крестов продолжалась. Вызвали Карандашева.

– Пятидесятник Карандашев был в сражении командиром при полевом орудии. Он, тяжело раненный в руку, один вытащил наверх пушку, свалившуюся в ров, и выпалил по неприятелю. Выстрел был настолько удачным, что рассеял весь первый взвод колонны, атакующей батарею. Засим неприятель отступил и на этом участке. Молодец, пятидесятник Карандашев!

Да, не подкачал и пятидесятник! Потом вызывали матроса Сунцова из роты Спылихина, его земляка Абубакирова. Всех их Спылихин хорошо знал.

По окончании вручения крестов Завойко произнес краткую речь.

– Достойнейшие из нижних чинов удостоены почетнейшей

для русского воина награды – знака отличия военного ордена. Сия высокая награда дает им особенные льготы и преимущества. Со дня совершения подвига своего назначается им прибавка к жалованью в размере одной трети от такового, получаемого на день свершения подвига. При увольнении в отставку – надбавка сия обращается в пенсию, получаемую пожизненно. Награжденные освобождаются от телесных наказаний. При вступлении по увольнении в отставку в податное сословие от податей они освобождаются и прочее, о чем вы можете прочесть в розданных кавалерам книжках со статутом ордена. Но, даря вам такую награду, высшее начальство ждет от вас и в дальнейшем столь же ревностной и постоянно усердной службы, ждет образцового примера для всех прочих нижних чинов. Впереди нас ждут новые дела. Каждый имеет случай отличиться и, подобно избранным ныне героям, также украсить крестом. Ура кавалерам!

– Ура-а-а!..

– А теперь – обедать! После чего – гулять, петь песни, веселиться! Назавтра же, с зарей за работу!

Фронт распался. Матросы разбежались ставить ружья на места. Потом все вместе собрались за длинными столами. Небogatое было угощение: к обычной порции добавлено по фунту пирога, четверти фунта мяса да чарка водки. Но и этого было достаточно, чтобы все закипело весельем.

Солнце спускалось все ниже. Вот-вот оно коснется вершин гор и скроется за ними. Спылихин и Карандашев брели по подтаявшему снегу на берегу губы. Им вдруг захотелось пойти на те места, где в прошлом, 1854 году громили захватчиков. С ними увязался и матрос Сунцов. Карандашев немного отстал. Спылихин и Сунцов остановились, поджидая его.

– Вот ведь какое дело, дяденька Спылихин, – сказал задумчиво Сунцов, – на самом ведь конце матушки-России мы грудью стояли. А?

– Я тебе что скажу, – неторопливо ответил Спылихин, попыхивая трубкой. – Ты говоришь – конец. России здесь? Ан нет! Нет России конца и быть его не может! Не конец тут России, а самое начало. Только что с другой стороны. Ты сам прикинь,

как оно выходит. Посылают, к примеру, из Кронштадта шлюп. Идет он мимо всяких разных чужих земель... Франция, скажем, попалась или там Англия... И все это земля чужая, а народ в ней не русский. Значит, идет шлюп мимо чужих земель и вдруг – на тебе – Камчатка! Опять Россия началась! А ты «конец». Неправильное это у тебя понятие, совсем неправильное...

Карандашев, наконец, подошел к товарищам.

– Пошли, однако, обратно, а то скоро уж стемнеет...

Служивые, торопясь, побрели обратно.

СТОРОЖЕВСКИЕ

Это фамилия камчатских церковнослужителей:

Сторожевский Иосиф Алексеевич, псаломщик Большеерецкой церкви в 1893 г., 56 лет. Жена – Мария Косьмина, дети их Елена – 21 г., Анна – 10, Стефанида – 10, Павла – 8, Алексей – 25. Жена его Стефанида Прокопьевна – 20, сын Павел (1893 г. р.) (Исповедальная книга Большеерецкой церкви, 1893 г., ГАКК).

Сторожевский Петр Александрович. Родился в 1896 г., Камчатская обл., Усть-Большеерецкий р-н, с. Усть-Большеерецк; русский; грамотный; б/п; был служащим отделения Госбанка. Проживал: Камчатская обл., Усть-Большеерецкий р-н, с. Усть-Большеерецк. Арестован 12 апреля 1933 г. Приговорен: тройка при ПШ ОГПУ Двк 1 января 1934 г., обв.: по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР (по т. н. делу «Автономная Камчатка»). Приговор: ВМН. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

СТОРОЖЕВЫ

Эти строки, касающиеся интересующей нас фамилии, мы находим в комментариях к «Описанию земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, и они очень даже любопытны: «Распространение грамотности среди камчадалов в XVIII веке подтверждается находением в одном из портфелей Миллера письма камчадальского тойона Ивана Сторожева, написанное им собственноручно, по-русски. Оно было адресовано капитану Шмалеву и датировано 16 июня 1774 г. » (ЦГАДА, портф. Миллера 528–I, тетр. 19, л. 46).

Фамилия Сторожевых в 40–50-х гг. 18-го столетия была довольно широко распространена по западному побережью Камчатки и Курильским островам – вероятно, в Большерецком остроге в то время проживали казаки Сторожевы, но сведений о них не сохранилось (но примерно в это же время на Камчатке, а потом и на Чукотке был Николай Сторожев – целовальник Охотского порта, затем сержант Анадырской команды, возможно, что его имя было использовано при крещении).

Сторожевы с Курильских островов – Шумшу и Парамушира – в 1878 г. переселились на Камчатку вместе с другими курильскими «мужиками» (айну) в села Явино и Голыгино.

Сторожев Семен Яковлевич, камчадал селения Голыгинского, 1893 г., 42 года. Жена Дарья Никифоровна (40). Дочь Мария (18). Сын ее Владимир (1).

Сторожева Агафья Афанасьевна. Вдова камчадала селения Голыгинского Феоктиста Сторожева, 1893 г., 52 года. Дети: Ульяния (15), Анна (11), Елена (8), Мирон (27). Жена Мирона Агриппина Тарасовна (26). Дети их: Ирина (6), Анна (5). (Исповедальная книга Большерецкой церкви, 1893 г., ГАКК.)

Камчадалы Сторожевы принимали участие в обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. (кстати, и главный удар японцев был направлен на захват курильских «деревень», населенных «подданными» микадо).

В одном из боев отличился Сторожев Ал. Вот документ того времени (ЦГА ДВ, ф. 1044, оп. 1, д. 11): «Заведующему оборонной Камчатки от начальника Большерецкой дружины Сотникова 6 июня 1905 г. с. Явино ...вблизи Явиной и Озерной с 26 мая крейсируют три японские шхуны, до сего числа, кроме одной о которой я уже имел честь донести..., шхуны крейсировали очень мористо, а 5 сего июня одна из них 2-х мачтовая, окрашенная в белую краску подошла к р. Озерной, бросив якорь, и остановилась не дальше 2-х верст от устья и спустила шлюпку, постояла около часа, видимо делая свои наблюдения, и затем подняв якорь и поставила паруса, слабым SSW ветром пошла возле берега к Явиной. Я в 9 час. 30 мин. Вечера взял с собой двух камчадалов: Осьминина и Евд. Ятского и казака Нагорного, отправился с ними в разведку; на половине от Явиной к Озерной, т. е. в

6 верстах встретил шхуну, которая продолжала свой тихий ход возле берега вперед к Явиной. Я Осьминина и Ятского послал в Явино с приказанием Явинскому старосте Игнатьеву, чтобы все оставленные мною в охране Явино люди, всего 10 ч., немедленно оделись и с оружием в руках к свету были на берегу моря против Явина, назначив Игнатьеву место куда притти, а сам остался для наблюдения за шхуною; на рассвете шхуна поравнялась с Явиной, бросив якорь, опустила паруса и остановилась на 900 шаг., приблизительно, от берега с опущенными на воду шлюпками, предполагаю, с намерением выпустить людей на берег, а остальные две шхуны стоят в море. Имея в виду, что шхуны сегодня же при благоприятной погоде могут соединиться и впустить неравный мне десант, и, по примеру прошлого года пойдут в Явино грабить местных жителей, а нет еще хуже, что могут наделать, определив расстояние, тотчас же был открыт огонь по шхуне, с первых выстрелов японцы подняли парус и отрезали канат якорной веревки отстреливаясь по нашему отряду, но пули их не долетали, японцы видя свое положение, усиливаясь отойти дальше от берега, но огонь из-за закрытого берега был усилен учащенным и японцы бросив шхуну, высадились в шлюпки под прикрытием той же шхуны, оставили шхуну с поднятым якорем и парусами – сами удалились к другим шхунам в море. Пользуясь хорошей погодой, слабым В.З.В. ветром и отчасти туманом на море, взяли с собою того же Нагорного и 4-х камчадал (Вас. Бутина, Мих. Бутина, Вас. Дектярева, Ив. Осьминина. – С. В.)... в 9 час. утра отправился с ними в маленькой шлюпке с готовым оружием взять шхуну приступом...» (японцев в шхуне не было, ее пригнали к берегу, чтобы уничтожить, если не разобьет волна. – С. В.) (Участники: П. Логинов, Ал. Селиванов, С. Черных, Ал. Сторожев, Ал. Мерлин, Вас. Антонов, Ник. Уваровский, Ев. Ятский).

К сожалению, нам не удалось пока найти расшифровки этой части имени – Ал. (оно не встречается ни в одной семье Сторожевых, которые были зафиксированы в Исповедальных росписях 1893 г. в сс. Гольгино, Крутогурово и Утка).

В списках дружинников есть Сторожев Иван, участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

(Большерецкая дружина), с. Утка. Вероятно, это Сторожев Иоанн Федорович, камчадал селения Уткинского, 1893 г., 30 лет. В Утке также жила семья Сторожева Иакинфа Васильевича, камчадал селения Уткинского, 1893, 39 лет. Дети: Лев (6), Екатерина (10). Сестра Дарья (28). (Исповедальная книга Большерецкой церкви, 1893 г., ГАКК.)

В 1893 г. в селении Крутогорово проживало еще одно семейство Сторожевых: отец – Евдоким Петрович Сторожев (45), и его дети: – Никифор (25), Дмитрий (23).

СТРАННОЛЮБСКИЕ

Страннолюбский Андрей Андрианович, камчадал Толбачинского селения, 1911 г. (Выписка из метрической книги Мильковской церкви за 1911 год, ГАКК).

Появление этой фамилии на Камчатке вряд ли относится к периоду ранней христианизации на полуострове в 40–50-х годах XVIII века, так как фамилия Страннолюбского появляется на полуострове только через 100 лет. Возможно, причина появления такой фамилии лежит в рассказе протоиерея Прокопия Громова «Историко-статистическое описание камчатских церквей», Спб, 1857, стр. 84–85: *«К концу 1840 г. прибыл в Камчатку начальником капитан 1-го ранга Николай Васильевич Страннолюбский. Он первый из начальствующих обратил внимание на то, что уже давно лежало на душе соборного духовенства. В Камчатке кроме духовного училища, в которое принимались 25 воспитанников духовных и 10 камчадалских, да разве еще два, три ученика из чиновнического и купеческого сословия по просьбе родителей, никакого учебного заведения не было. Дети матросов, казаков, разночинцев ничем не занятые, с утра до вечера заполняли не многие улицы Петропавловского порта, оглашая их шумными играми, своеволием и суесловием. По предложению Страннолюбского протоиерей вызвался быть наставником сих жалких детей в законе Божиим; морские офицеры приняли на себя обучение их чтению, письму, грамматике и арифметике. Изложен домашний устав заведения, распределены часы уроков; учреждены надзиратели; родители их радовались и благодарили начальство за доброе дело. К*

этому же времени подошло распоряжения правительства об учреждении сельских училищ, и священники камчатских приходов, хотя не все с одинаковым успехом, начали содействовать распространению грамотности между сельскими обывателями и камчадалами».

Любопытно, что все то, что делал на Камчатке Страннолюбский, как начальник края, он делал и в своей собственной семье как отец, воспитав одного из выдающихся российских педагогов, который, кстати, родился на Камчатке.

Страннолюбский Александр Николаевич (1839–1903). Известный математик, педагог, родился на Камчатке. Первые годы детства провел в Камчатке, где отец его был начальником области; образование получил в Морском корпусе и офицерских его классах (ныне Николаевская морская академия). С 1867 до 1894 г. состоял в Морском училище преподавателем математических наук. Преподавал и продолжает преподавать и в других, преимущественно женских учебных заведениях, между прочим, на женских педагогических курсах. В 1860-х гг. Страннолюбский принял деятельное участие в Василеостровской бесплатной школе, главным руководителем которой был Ф. Ф. Резнер. Василеостровская школа положила в основу своей деятельности принцип полнейшей непринудительности учения, совершенное отсутствие наказаний, наград, баллов, экзаменов, ввела обучение ремеслам, прогулки, экскурсии для ознакомления детей с различными производствами, музеями и т. п. и основала преподавание исключительно на возбуждении в детях интереса к чтению. Школа, по основным своим принципам, вполне сходилась с педагогическими воззрениями графа Л. Н. Толстого, которые он применял в своей Яснополянской школе и в своем педагогическом журнале «Ясная Поляна». С конца 60-х гг. Страннолюбский примыкает к движению, направленному к улучшению женского образования: участвует в организации плана первых женских гимназий, читает лекции в многочисленных женских кружках, образовавшихся для доставления женщинам возможности подготовиться к высшему общему и специально-медицинскому образованию, читает лекции на так называемых Аларчинских курсах. При возникновении проекта учреждения в Санкт-

Петербурге высших женских курсов Страннолюбский участвовал в разработке их организации, а когда в 1878 г. основалось особое общество для поддержания этих курсов, был одним из его учредителей, затем секретарем его в течение 12 лет, в самый трудный период жизни курсов. Составленный Страннолюбским в защиту курсов доклад «Санкт-Петербургские высшие женские курсы» напечатан отдельной книжкой, а также при «Отчете общества для доставления средств высшим женским курсам за 1885–1886 годы». В последнее десятилетие (1890–1900) Страннолюбский принимает большое участие в трудах Императорского русского технического общества, где состоит товарищем председателя Постоянной комиссии по техническому образованию. Страннолюбский участвовал также в работах первых съездов русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в Санкт-Петербурге (1889–1890) и в Москве (1895–1896), на которые им представлены обширные доклады о женских профессиональных школах. Одним из результатов первого из этих докладов была выработка плана коммерческих курсов для женщин, окончивших общее гимназическое образование. Первые в России курсы этого рода были учреждены в Санкт-Петербурге П. О. Ивашинцовой; Страннолюбский стоит во главе учебной части этих курсов. Кроме указанных трудов, Страннолюбский напечатал: «Современное состояние некоторых вопросов, относящихся к вооружению (оснастке) и парусности броненосных судов» («Морской Сборник», 1867, № 10 и 11), «Организация высшего морского образования в России» (Санкт-Петербург, 1878), «Обзор систем морского образования в иностранных государствах» («Морской Сборник», 1882 и 1883), «Курс алгебры, основанный на постепенном обобщении арифметических задач. Дидактические указания для преподавателя начальной алгебры» (Санкт-Петербург, 1868) и ряд статей по вопросам образования, особенно женского. Умер в 1903 г.

А это информация о человеке, который оставил на Камчатке свою фамилию, став крестным одному из камчадалов, – командир Камчатки Николай Васильевич Страннолюбский,

который 7 октября 1840 г. вступил в управление Камчаткой. Капитан 2-го ранга. Из дворян, православный. В 1816 г. – поступил в Морской кадетский корпус. Июль 1816 г. произведен в гардемарины. 1817–1818 гг. крейсировал между Санкт-Петербургом и Кронштадтом. В 1819 произведен в мичманы, в крейсерстве от Кронштадта до Дагерода, от Ревеля до Свеаборга участвовал в перевозке десантных войск. В 1826 г. – произведен в лейтенанты, крейсерство в Немецком море и до английского порта Грезвен, служил на фрегате «Елена», корабле «Царь Константин». В 1828 г. на корабле «Пимен» был в действии против крепости Варна, в десанте и рекогносцировке на южном берегу Варны, в крейсерстве у турецких берегов и Босфорского залива, участвовал во взятии крепости у острова Св. Анастасии. В 1829 г. участвовал в десанте при взятии крепости Сизополь, Мессешории, в блокаде Мидии. По окончании военных действий прибыл в Севастополь. В 1830 г. сухопутно выступил в Санкт-Петербург. В 1829 г. награжден орденом Св. Анны 3 ст. за усердную службу, в 1830 г. – серебряной медалью «За турецкую войну 1828–1829 гг.». В 1831 г. командирован в действующую армию против польских мятежников. Во все годы службы от командиров аттестован в поведении и должности хорошо. В 1832 г. получил знак отличия военного достоинства 4 ст., в 1836 г. – Св. Станислава 3 ст., в 1838 г. – королем Шведским награжден орденом меча 2 ст. В 1837, 1838, 1839 – служил в Кронштадте, Стокгольме, СПб. Приказом по флоту 11 октября 1839 г. назначен начальником Камчатки в состоянии по флоту. Награжден за выслугу в офицерском чине 25 лет орденом Св. Георгия 4 кл. В 1845 г. произведен в капитаны 1-го ранга в состоянии по флоту. Женат на дочери коллежского асессора Александре Семеновой, имеет трех сыновей – Николай, Александр, Василий. Скончался 16 июня 1846 г. (Ф. 406, оп. 3, д. 242, л. 1294–1304 об.)

СТРЕЛКОВЫ (СТАРКОВЫ)

В обороне Камчатки от японцев в 1904–1905 гг. участвовало двое ополченцев Стрелковых – Василий (из Большерецкой дружины) и Влас (из Ичинской).

Мы полагали, что это просто однофамильцы, но, оказа-

лось, – прямые родственники: Стрелков Василий Власьевич, род. 9 апреля 1907 г. Родители – Владивостокский мещанин Влас Васильевич Стрелков и законная жена его Евдокия Александровна. Восприемники – Петропавловский мещанин Иван Григорьевич Быков и жена казака Николая Конева – Агапия Александровна. Свящ. Иван Гуляев. (Выписка из метрической книги Петропавловской церкви за 1907 год, ГАКК.) То есть в камчатских событиях русско-японской войны участвовали отец и сын Стрелковы, проживавшие в разных камчатских селах на западном побережье, но фактически живущие оба в Петропавловске, как владивостокские мещане, где и появился на свет новый житель Петропавловска – внук и сын Василий Власьевич Стрелков.

Мы обнаружили также похожую фамилию (написано очень неразборчиво) и среди камчадалов сс. Ковран и Хайрюзово. Возможно, что читать нужно Старков (так писалась фамилия одного из камчатских служилых людей – Андрея Старкова в первой половине XVIII века, когда шло массовое крещение камчадалов).

Стрелков (?) Захар Дмитриевич, камчадал, с. Ковран, 31. Дети: Максим (8), Ксения (5), Мария (3). (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК.)

Стрелков (?) Федор Петрович, камчадал с. Харюзовского, 61 г. Дети: Лев (18), Анна (15), Феоктиста (10), Поликарп (7). (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК.)

СТРЕЛЬНИКОВЫ

Вот какую интересную информацию мы нашли в «Вопросах истории Камчатки»:

Стрельников Семен Васильевич проживал в Петропавловске в 1906–1908 гг. Оренбургский казак, переселившийся в 1896 г. в Южно-Уссурийский край, участник обороны Порт-Артура, на Камчатке жил второй год, женился и не собирался отсюда уезжать. («Вопросы истории Камчатки», выпуск 3, 2007 г, стр. 441–442).

Мы не знаем о дальнейшей истории этой фамилии, но, воз-

можно, она тоже стала Камчатской и отметила 100-летие своего пребывания на полуострове, как отметили этот юбилей уже многие поколения русских переселенцев, которые в 1908–1912 гг. избрали Камчатку своей новой малой Родиной, как и мои собственные предки – русские староверы Хомченко, которые переселились на Камчатку (не знаю, добровольно ли?) в 1908 г. и образовали село Николаевка в шести верстах от Усть-Камчатска. В этот же год староверы-переселенцы (возможно, они были из одной партии с николаевскими) поселились в Старой Тарье, но на их долю выпали такие испытания голодом и холодом, которые выдержали немногие (из старотарьинцев известен Василий Терентьевич Медведев, о котором мы писали, рассказывая о фамилии камчадалов Кузнецовых из древнего села Камаки).

СТРЕЛЬЦОВЫ

Стрельцов Василий Яковлевич, крестьянин из ссыльных. Работал поденщиком у петропавловского городского старосты Петра Михайловича Карякина в 1903 г. (ЦГА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 8).

Мы не знаем, остался ли он на Камчатке после Октябрьской революции 1917 г.

Но мы знаем о нем другое: когда началась русско-японская война, Василий Яковлевич вступил в народное ополчение и отражал врага в составе Петропавловской дружины.

СТУДЕНЦОВЫ

Был такой казачий род, который растворился в семье народов Камчатки. Но мы не можем не напомнить о его существовании, потому что его представители оставили свой след в истории: Студенцов Игнатий, казак, мореход на шитике «Капитон», построенном в 1749 г. из остатков пакетбота «Святой Петр» на острове Беринга. Отправился в плавание в 1758 г., потерпел кораблекрушение на острове Кыска, 17 человек экипажа погибли от голода и воинственно настроенных алеутов. Из выкинутого леса построили новый шитик и добрались до Ближних островов, где встретились с экипажем судна «Петр и Павел». Вернулись на Камчатку только в 1761 г. Из 39 человек вернулось лишь 13.

СУВОРОВЫ

Мы знаем только об одном из них – Егоре Суворове, народном ополченце, участнике обороны Камчатки в русско-японскую войну 1904–1905 гг. в составе Петропавловской дружины.

СУЗДАЛОВЫ

По своему происхождению – казачья фамилия. Казаки Суздаловы жили в Нижнекамчатске еще в начале XIX века. Сохранилась она только у «крестников» – в селах Лесная и Утхолок.

Но камчадалы и коряки Суздаловы, когда это у них потребовалось, столь же бесстрашно встали на защиту своей земли, как это сделали и потомки камчатских казаков-первопроходцев. Правда, Родина расплатилась с некоторыми из них совсем не по заслугам:

Суздалов Прокопий. Участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Морошечная дружина), с. Утхолок.

Суздалов Прокопий Егорович. 1889 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Утхолок; камчадал; образование: малограмотный; б/п; являлся председателем охото-рыболовецкого колхоза; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Утхолок. Арест: 24.04.1931. Осужд. 07.09.1932, тройка при ПП ОГПУ ДВК. Обв. по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР (по т. н. «Тигильскому делу»). Расстрелян. Реаб. 03.08.1959. Реабилитирован определением Военного трибунала ДВО.

Суздалов Дмитрий Прокопьевич. 1917 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Утхолок; ительмен; образование: 6 групп средней школы; б/п; заведовал избой-читальней; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Утхолок. Арест: 13.09.1937. Осужд. 03.12.1937, тройка при УНКВД по ДВК. Обв. без предъявления обвинения. Расстр. 28.01.1938. Реаб. 22.06.1989. Реабилитирован заключением прокурора Камчатской обл.

Суздалов Кондрат. Участник обороны Камчатки в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (Паланская дружина), с. Лесная.

Суздалов Кондратий Михайлович. 1886 г. р. Место рожде-

ния: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; образование: неграмотный; б/п; работал в своем хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 11.03.1938. Осужд. 01.12.1939. Облпрокурор. Обв. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

Суздалов Алексей Михайлович. 1894 г. р. Место рождения: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная; коряк; образование: неграмотный; б/п; работал в личном хозяйстве; место проживания: Камчатская обл., Тигильский р-н, с. Лесная. Арест: 20.07.1938. Осужд. 01.12.1939, облпрокурор Камчатской обл. Обв. Статья обвинения в деле не указана. Приговор: на основании ст. 204-б УПК дело прекращено, из-под стражи освобожден. Реаб. 19.12.1989. Реабилитирован постановлением прокурора Камчатской обл.

В 1893 г. фамилия Суздаловых отмечена и на восточном побережье Камчатки в селении Кичига: Суздалов Степан Захарович, камчадал селения Кичигинского, 47 лет.

Одна из известных носительниц этой камчатской фамилии, поэтесса Суздалова Нэля Дмитриевна. Вот некоторые подробности.

Сказочник Иов Егорович Павлуцкий – охотник, кавалер многих трудовых наград. В 1925 г. получил медаль Совета Народных Комиссаров «Охотнику – ударнику комзага». В 1939, 1945 и 1948 гг. – медали «За трудовое отличие», «За доблестный труд в ВОВ», значок «Отличник охотничьего промысла». Его отец – Егор Васильевич, вынужден был уйти от хозяина из села в тундру. Детство прошло в охоте и заработке – сдавали пушнину в Тигиле. В один год умерли отец и мать. Пришел в Сопочное. В числе первых вступил в колхоз «Ительмен», возглавил бригаду охотников. Затем переехал в Ковран в колхоз «Красный Октябрь». Дочь – Анастасия Иовна – была зам. председателя сельсовета. Дети – рыбаки Степан и Дмитрий. Внучка – Нэля Дмитриевна Суздалова. («Камчатская правда», 21 июня 1965 г.).

А это о ней самой:

Из Арктической энциклопедии: «Суздалова Нэля Дмитриевна (р. 1937), ительменская писательница и поэтесса. Пишет на

рус. яз. Родилась в с. Верхнее Хайрюзово на Камчатке. Окончила Биробиджанское культпросветучилище и Ин-т культуры в Улан-Удэ. Работала библиотекарем, руководила Домом культуры и Красной ярангой. Организатор семейного фольклорного ансамбля “Пимчач” (“Огонек”). Глубоко изучает устное нар. творчество, знает множество нац. сказок, преданий, обрядов. Историей родного края навеяна и первая кн. “Те собачьи упряжки умчались” (1993)».

В ее сердце – камчатская тундра, крики чаек, оленеводы, охотники, рыбаки, запах толкуши и юколы. В ее песнях давние напевы, живущие на Камчатке с древнейших времен. Любовь к тундре и культуре родного ительменского народа, камчатская писательница, поэтесса Нэля СУЗДАЛОВА пронесла через всю жизнь, рассказывая о Камчатке, родном селе, своем народе в стихах, рассказах, сказках.

Будущая поэтесса родилась на севере Камчатки, в Тигильском районе, закончила 7 классов в ительменском селе Сопочное, которое сейчас уже перестало существовать. Творческие способности проявились у девочки очень рано. «Когда я пошла в школу, – рассказывает Нэля Дмитриевна, – мой дед, Иов Егорович, охотник, уезжая на промысел, оставлял мне задания. Я должна была прочитать несколько сказок, а потом пересказать их ему, когда он вернется. Но я ленилась и не успевала всего прочесть. Тогда, когда дедушка возвращался домой, я начинала сама выдумывать сказки и рассказывать их на ходу. Дедушка меня очень хвалил».

Все детство будущей писательницы прошло среди ительменов. Она жила в месте, напоенном их культурой, традиционными песнями, танцами. Ложась спать и просытаясь на летнем балагане или в юрте, она слышала голоса взрослых, говорящих по-ительменски. Этот язык и ей стал родным. Это место оставило в воспоминаниях писательницы много светлых воспоминаний – две речки Сузваль (Сопочное) и Хиккиль (Росошено), вулкан Бабушка вспоминаются ею с теплотой.

После школы Нэля Дмитриевна уехала в Биробиджан, где закончила культпросвет училище, чтобы потом вновь вернуться

на Камчатку. Важный этап ее жизни – работа в «Красной яранге», передвижном клубе, периодически навещающем кочующих по тундре оленеводов. Хрупкая молодая девушка наравне с мужчинами ездила на лыжах зимой, а летом – на лошадях от одной оленеводческой бригады к другой, борясь с метелями, холодом, преодолевая немалые расстояния. Кем только ни пришлось быть Нэле Дмитриевне для оленеводов – киномехаником, лектором, почтальоном, библиотекарем, фельдшером, швейей! Встречи с оленеводами в тундре сыграли огромную роль в ее творчестве, остались в памяти и вылились на бумагу в виде коротких рассказов-зарисовок, дневниковых записей заведующей «Красной ярангой».

Эти и другие рассказы, сказки и стихи вошли в три сборника писательницы – «Те собачьи упряжки умчались», «Встречи в тундре», «Огненная шаманка». Сюжеты сказок Суздаловой и реальны, и выдуманы. Некоторые случаи, например, сюжет «Сузваль», одной из самых известных сказок писательницы, ее «визитной карточки», рассказал ей дед.

Нэля Дмитриевна является создателем и главным вдохновителем национального семейного ительменского ансамбля «Пимчах» («Огонек»), в котором, кроме нее, пели и танцевали ее дочь Вероника, внучки Анастасия, Дарья и внук Иван. Ансамбль был постоянным участником всех праздников и торжеств Камчатской области, выступал у оленеводов Быстринского района, в Анавгае, Эссо, Милькове. «Пимчах» знали и в Москве и за рубежом – на Украине и в Японии, где он участвовал в фестивалях и являлся их лауреатом. Сейчас семейный ансамбль распался, внуки Нэли Дмитриевны выросли, двое из уже них получили высшее образование, а младшая внучка Дарья сейчас готовится к поступлению в университет. Однако любовь к ительменской культуре, музыке осталась в их сердцах и сердцах жителей Камчатки навсегда.

Сегодня Нэля Дмитриевна является лауреатом литературной премии им. Георгия Поротова, лауреатом и участником многих конкурсов и фестивалей. В этом году, в День России, она была награждена памятной медалью «Патриот России» за большой вклад в патриотическое воспитание молодежи.

Сегодня Нэля Дмитриевна часто встречается с дошкольниками, школьниками, студентами. Проводит игры, конкурсы, беседы, импровизированные концерты, воспитывающие любовь к родному краю, артистичность. «Я так счастлива, что дети и молодежь меня понимают! – говорит Нэля Дмитриевна. – Во время каждой встречи я вижу по глазам ребят, что не зря все это затеяла!» У писательницы дома хранится множество альбомов, в которые вложены записки с пожеланиями от ее слушателей. «Спасибо за то, что делаете. Ваши стихи лечат душу», – написано в одном из многих посланий от камчатской молодежи.

Нэля Дмитриевна почти все свои стихи перекладывает на музыку и поет. И не удивительно – ее стихи очень музыкальны, особенно те, что написаны на ительменском языке. Этот язык отличается чрезвычайной мелодичностью. «Говорить на нем очень сложно, а петь нет, – отмечает Нэля Дмитриевна. – Ительмены вообще очень музыкальный народ, почти у всех от рождения великолепный голос и слух. Приезжие русские ученые удивлялись тому, как у людей, живущих вне цивилизации, могут рождаться такие мелодии. Древние ительменские песни очень красивы, и музыкальные инструменты этого народа очень разнообразны – среди них есть и такой, что по своему звучанию очень напоминает скрипку. Музыкальная культура ительменов уникальна – они слышали музыку ветра, чаек, гусей, моря. Это необходимо сохранить».

Несмотря на то, что в этом году Нэля Дмитриевна отпраздновала 40-летний творческий юбилей, творческий путь камчатской писательницы делает новый поворот. В начале 2000-х годов Нэля Дмитриевна стала истовой православной христианкой. По словам поэтессы, духовная жизнь очень важна для человека, и не прав тот, кто закрывает на это глаза. После прихода Суздальной в храм ее стихотворения и песни наполнились христианскими мотивами, ее вдохновляют труды отцов церкви – Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова. Но неизбывными остаются и старые мотивы – Север с детства глубоко вошел в душу Нэли Дмитриевны и пропитал всю ее жизнь и творчество запахом тундры.

Он наделил ее особыми качествами северного человека, о которых однажды рассуждал Ваччако, один из героев рассказов камчатской писательницы: *«Наш народ такой – он как бы восполняет недостатки тундры. Она сурова, люди – добры».*

Анастасия Ерохина, «Камчатский край»

СУШКОВЫ

Сушков Иов, алеут. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени за отличие и заслуги по обороне Командорских островов в русско-японскую войну 1904–1905 гг.

Сушков Стефан, креол, временно исполняющий делами псаломщика на о. Медном в 1899–1903 гг.

СЫСОЕВЫ

Камчатские казаки. Старинный род. О служилом человеке Ефиме Сысоеве упоминается в «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, а так как это упоминание приоткрывает в некотором роде и картину местных нравов, то приведем его полностью: *«...требовал, чтоб служивой Иван Паламошной, которой, как выше писано, в воровстве приличился, переменой был. По которому требованию каюры отправлены мне генваря 8 дня, и на перемену служивого Паламошнова прислан служивой Ефим Сысоев».*

После закрытия Нижнекамчатска, как краевой столицы, казаки Сысоевы частью были переведены на службу в село Усть-Приморск (Усть-Камчатск), частью – в Тигиль.

Но странным было бы, если бы этот старинный род камчатских казаков не нашел бы свое отражение в фамилиях камчадалов – своих крестников. Так оно и есть – фамилии Сысоевых мы находим в 1893 г. в селениях Озерновском (восточном) и Козыревске.

Географию распространения этой фамилии мы можем представить себе и по списку участников обороны Камчатки в русско-японскую войну 1904–1905 гг.

Сысоев Григорий. Кантонист (Тигильская дружина), с. Тигиль. Подробнее: Сысоев Григорий Михайлович, кантонист, 21

год. Братья – Федор (19), Флегонт (16) (Исповедальная роспись Тигильской Христорождественской церкви за 1893 г., ГАКК).

Сысоев Леонтий. Кантонист (Тигильская дружина), с. Тигиль.

Сысоев Федор (Усть-Камчатская дружина), с. Козыревск. В 1812 г. камчадалы Сысоевы были отмечены в селении Камаковском, и появление Сысоевых в Козыревске не является ли следствием возрождения этого селения после того, как прежнее его население практически полностью вымерло в результате «сомовского поветрия», и почему мы видим в Козыревске в 1893 г. в основном только те фамилии, которые исторически связаны с другими населенными пунктами Камчатки – Черных, Чуркины, Кречетовы, Рыковы?

Казак Сысоев Николай Петрович, отставной пятидесятник, 69 лет (1833 г. р.), находился при уборке Петропавловского порта в зиму 1854 и 1855 г. «Так в именной «Список ветеранов Петропавловского боя, происходившего 17–24 августа 1854 г., составленный в 1902 г., было внесено 9 человек, которым назначена ежемесячная пожизненная пенсия». (Горчаков А. А. «Из истории обороны Петропавловского порта в 1854 г.», 27-е Крашенинниковские чтения, Петропавловск-Камчатский, 2010, стр. 106).

Мы нашли сведения о человеке, который по всем параметрам мог бы быть его отцом: Сысоев Петр Павлович, казак Нижнекамчатской казачьей команды, 1812 г., 25 лет (РГИА ДВ, ф. 109, оп. 2, д. 4). А также сведения о Сысоеве Анафиме Петровиче (позднем брате?), 49 лет, который жил в 1893 г. в Тигиле в семье казака Манилова и кантониста Чертовского, будучи, надо полагать, с ними обоими в родстве.

СЫЧЕВЫ

Это совершенно новая линия в истории камчатских фамилий – фамилия переселенцев из центральной России, Сибири и Дальнего Востока, которые появляются на Камчатке в самом начале XX века. Мы их выделили отдельной строкой в этой книге потому, что был в свое время написан очерк «Сычевы» в книге «Потомки острожлового бога (Камчадалы)» в связи с интереснейшими биографиями братьев Сычевых.

Но, тем не менее, это совершенно отдельный пласт, который мной не разрабатывался и к которому я прикасаюсь отчасти, только в связи с тем, что представители той или иной фамилии переселенцев соприкасаются (то есть роднятся) со старинными камчатскими династиями: тогда мы говорим о Самборко (см. оч. «Келтякины»), о Хомченко (см. оч. «Поляковы»), Медведевых (см. оч. «Кузнецовы»), Копьевы (см. оч. «Усовы», «Спешневы»), Костенко (см. оч. «Коллеговы»).

В то же время мы практически не касаемся огромного пласта новой истории камчатских фамилий за период столыпинских переселенческих реформ 1908–1912 гг., когда на полуострове появляются новые русские поселки: Тарья, Русь, Запорожье, Николаевка (Усть-Камчатский район), Черный Яр, Березовый Яр и на Камчатке закрепляются фамилии будущих ее старожилов, уже отметивших в наше время столетний юбилей пребывания на своей малой Родине: Хомяковы, Селедковы, Добровольские, Гранины, Потужные и многие, многие другие. Но эти фамилии пока еще ждут своего исследователя.

